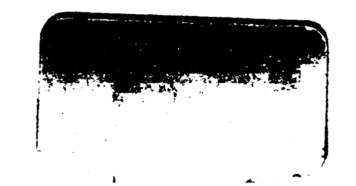
VE
RI
TAS



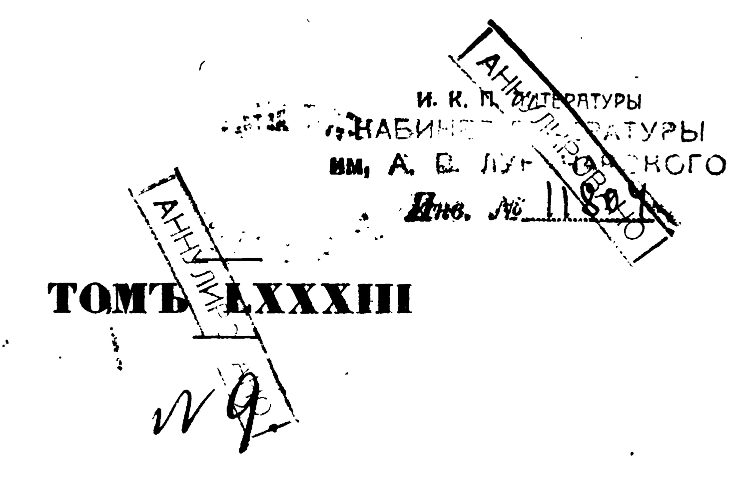
СОВРЕМЕННИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И (СЪ 1859 ГОДА) ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ИЗДАВАЕМЫЙ СЪ 1847 ГОДА

И. ПАНАЕВЫМЪ и Н. НЕКРАСОВЫМЪ



ТОМЪ LXXXIII

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
ВЪ ТИПОГРАФІИ КАРЛА ВУЛЬФА

1860.

26-1

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, августа 31 дня 1860 года.

Цензоръ *Ѳ. Рахманиновъ.*

СТАРЫЙ ДРУГЪ ЛУЧШЕ НОВЫХЪ ДВУХЪ.

КАРТИНЫ ИЗЪ МОСКОВСКОЙ ЖИЗНИ,

въ трехъ дѣйствіяхъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Татьяна Никоновна, мѣщанка, хозяйка небольшаго деревяннаго дома.
Олинька, ея дочь, портниха, 20 лѣтъ.
Пульхерія Андреевна Гущина, жена чиновника.
Прохоръ Гаврилычъ Васютинъ, титулярный совѣтникъ.

(Небольшая комната; направо окно на улицу, подлѣ окна столъ, на которомъ лежатъ разныя принадлежности шитья; прямо дверь; налѣво за перегородкой кровать.)

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ОЛИНЬКА (*сидитъ у стола, шьетъ и поетъ вполголоса:*)

Я тиха, скромна, уединенна,
Цѣлый день сижу одна,
И сижу обнакновенно
Близь камина у огня.

Ахъ, житье, житье! (*Вздыхаетъ*). Надо опять къ Ивану Яковличу сходить, погадать про судьбу свою. Прошлый разъ онъ мнѣ хорошо сказалъ. По его словамъ выходитъ, что чуть ли мнѣ не быть барыней. А вѣдь что жь мудренаго? нешто не бываетъ? На грѣхъ мастера нѣтъ. Прохоръ Гаврилычъ вѣдь обѣщалъ жениться, такъ можетъ и сдержитъ свое обѣщаніе. Хорошо бы было; доходы онъ получаетъ — большіе; можно бы тону задать. Вотъ только развѣ — семья-то у него, а то бы онъ женился, онъ на это простъ. Да вѣдь и всѣ они судейскіе-то такіе. Я прежде сама дивилась, какъ это они, при своихъ чинахъ, да на нашей сестрѣ женятся; а теперь, какъ поглядѣла на нихъ, такъ ничего нѣтъ удивительнаго. Тяжелые все, да лѣнивые, компанію такую водятъ, что имъ хорошихъ барышенъ видѣть негдѣ: ну, да и по жизни по своей они въ хорошемъ обществѣ быть не могутъ, — ему тяжело, онъ долженъ тамъ тяготиться. Ну, а съ нами-то ему ловко, за нимъ ухаживаютъ, а онъ и радъ. Ему безъ няньки одного дня не прожить, — ему и платокъ-то носовой въ карманъ положь, а то онъ забудетъ. Ходитъ только въ свой судъ, да денегъ носитъ, а ужь другимъ чѣмъ заняться ему лѣнь. Пристану-ко я къ Прохору Гаврилычу: «что жь, молъ, ты жениться обѣщалъ», разные ему резонты подведу, авось у насъ дѣло-то какъ нибудь и сладится. Ужь какъ я тогда одѣнусь! Вкусу-то мнѣ не занимать стать, — сама портниха. (*Поетъ:*)

Я тиха, скромна, уединенна,
Цѣлый день сижу одна, и т. д.

(*Татьяна Никоновна входитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Олинька и Татьяна Никоновна.

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Знаешь что, Олинька, я хочу тутъ къ окну-то занавѣску повѣсить. Оно конечно красота небольшая, а все какъ будто лучше.

ОЛИНЬКА.

А я такъ думаю, что не къ чему.

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

А къ тому, что прохожіе все заглядываютъ.

ОЛИНЬКА.

Что жь, вы боитесь, что сглазятъ насъ съ вами?

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Сглазить-то не сглазятъ, да ты-то все у меня повѣсничаешь.

ОЛИНЬКА.

Вотъ что! Скажите, пожалуйста.

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Да, толкуй тутъ себѣ, а я все вижу.

ОЛИНЬКА.

Что же такое вы видите? Скажите, очень интересно будетъ послушать.

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

А ты бы вотъ меньше тарантила! А то не дашь матери рта разинуть, на каждое слово десять резонтовъ найдешь. Ты только знай, что отъ меня ничего не скроется.

ОЛИНЬКА.

Тѣмъ для васъ больше чести: означаетъ, что вы проницательная женщина.

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Да ужь конечно.

ОЛИНЬКА.

А коли вы проницательны, такъ, значитъ, вы знаете моихъ обожателевъ.

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Разумѣется, знаю.

ОЛИНЬКА.

А вотъ ошиблись; у меня ихъ нѣтъ!

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Ты мнѣ зубы-то не заговаривай.

ОЛИНЬКА.

Ну скажите, коли знаете!

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Екзаментъ, что ли, ты мнѣ хочешь дѣлать? Сказано, что знаю, вотъ ты и мотай себѣ теперь на усъ. Ты думаешь обмануть мать,— нѣтъ, шалишь: будь ты вдесятеро умнѣй, и то не обманешь.

ОЛИНЬКА.

Коли вы чувствуете себя, что вы такъ длинновидны, пускай это при васъ и останется.

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Да–съ, длинновидны–съ; потому что вамъ довѣрія сдѣлать нельзя-съ.

ОЛИНЬКА.

Отчего вы такъ воображаете обо мнѣ, что мнѣ нельзя сдѣлать довѣрія?

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Потому что всѣ вы баловницы, вотъ почему; а особенно которыя изъ магазина. Вотъ ты долго ли въ магазинѣ–то пожила, а прыти–то въ тебѣ сколько прибыло!

ОЛИНЬКА.

Когда вы такъ гнушаетесь магазиномъ, отдали бы меня въ пансіонъ.

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Въ какой это пансіонъ? Изъ какихъ это доходовъ? Да я такъ думаю, что тебѣ это и не къ лицу, носъ коротокъ! Пожалуй, сказали бы: залетѣла ворона въ высоки хоромы.

ОЛИНЬКА.

Не хуже бы другихъ были, не безпокойтесь. Ну да ужь теперь тосковать объ этомъ поздно.

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Да, вотъ, сударыня, я было и забыла! Позвольте-ка васъ спросить: какого вы это чиновника пріучили мимо оконъ шляться?

ОЛИНЬКА.

Никого я не пріучала, а и запретить, чтобы по нашей улицѣ не ходили, тоже никому нельзя. Никто нашего запрету не послушаетъ.

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Что ты мнѣ толкуешь! И безъ тебя я знаю, что запретить никому нельзя. Жильцы–то вонъ что говорятъ: что, какъ онъ пройдетъ, ты накинешь что нибудь на плечи да и потреплешься за нимъ.

ОЛИНЬКА.

Кому это нужно за мной наблюдать, я удивляюсь.

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

А ты думала перехитрить всѣхъ? Нѣтъ ужь нынче никого не обманешь. Скажи ты мнѣ, сударыня, съ чего это ты выдумала шашни-то заводить?

ОЛИНЬКА.

Какія шашни?

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Да такія же. Ты у меня смотри, я вѣдь гляжу, гляжу, да примусь по своему.

ОЛИНЬКА.

Что же вы со мной сдѣлаете?

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Убью до смерти.

ОЛИНЬКА.

Ужь будто и убьете?

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Убью, своими руками убью. Лучше ты не живи на свѣтѣ, чѣмъ срамить меня на старости лѣтъ.

ОЛИНЬКА.

Не убьете, пожалѣете.

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Нѣтъ, ужь пощады не жди. Да я и не знаю, что съ тобой сдѣлаю, такъ, кажется, пополамъ и разорву.

ОЛИНЬКА.

Вотъ страсти какія!

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Ты меня не серди, я съ тобой не шутя говорю.

ОЛИНЬКА.

А я думала, что вы шутите.

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Нисколько-таки не шучу, и не думала шутить.

ОЛИНЬКА.

Такъ неужели же въ самомъ дѣлѣ вы вѣрите нашимъ жильцамъ?

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Какъ не вѣрить-то, когда всѣ говорятъ?

ОЛИНЬКА.

Вотъ прекрасно! Какъ же вы обо мнѣ понимаете, послѣ этого? Что же я такое по вашему? Всякій меня можетъ поманить съ улицы, а я такъ и пойду?

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Нешто я тебѣ такими словами говорила?

ОЛИНЬКА.

Нѣтъ, позвольте! Коли вы считаете, что я такого неоснователънаго поведенія, зачѣмъ же вы живете со мной вмѣстѣ? Для чего вамъ себя срамить? Я себѣ вездѣ мѣсто найду, меня во всякій магазинъ съ радостью возьмутъ.

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Что ты еще выдумываешь-то! Пущу я тебя въ магазинъ, какъ же!

ОЛИНЬКА.

Однако вы мнѣ столько обиднаго наговорили, что ни одна дѣвушка не можетъ перенесть этого.

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Ты, видно, не любишь, когда тебѣ дѣло-то говорятъ.

ОЛИНЬКА.

Какое дѣло? Нешто вы сами видѣли? Когда сами увидите, тогда и говорите; а до тѣхъ поръ нечего вамъ толковать, да казни разныя придумывать.

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

То-то ужь я и вижу, что ты губы надула. Ну извините-съ *(присѣдаетъ)*, что объ такой особѣ да смѣли подумать. Извините-съ! Пардонъ, мадмуазель!

ОЛИНЬКА.

Нечего извиняться-то! Вы всегда сначала обидите, а потомъ и извиняетесь.

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Больно ужь ты что-то обидчива стала! Ну да хорошо, изволь, больше не буду объ этомъ говорить. Теперь довольны вы?

ОЛИНЬКА.

Даже очень довольна-съ.

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Только все-таки помни ты, что ежели я замѣчу...

ОЛИНЬКА.

Такъ убьете. Я ужь слышала.

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Да, и убью.

ОЛИНЬКА.

Ну хорошо, такъ и будемъ ожидать. *(Взглянувъ въ окно)* Ну, радуйтесь! теперь вамъ новостей на недѣлю будетъ.

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

А что?

ОЛИНЬКА.

Пульхерія Андревна идетъ.

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Это нашъ телеграфъ; намъ газетъ не нужно получать. А вѣдь и достается ей бѣдной за сплетни; ну да благо невзыскательна; поругаютъ, прогонятъ, она опять придетъ, какъ ни въ чемъ не бывала. Ужь я сколько разъ гоняла, а вотъ все идетъ.

(Пульхерія Андревна входитъ.)

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Тѣ же и Пульхерія Андревна.

ПУЛЬХЕРІЯ АНДРЕВНА.

Здравствуйте, здравствуйте! Сейчасъ нашу трактирщицу встрѣтила, идетъ такая разряженная, платье новое. Я-таки довольно долго ей въ слѣдъ посмотрѣла. Къ чему, думаю, къ чему!... Мужъ-то, вонъ, ужь задолжалъ много, говорятъ. Ну, какъ поживаете? Иду мимо, думаю: какъ не зайти? ну и зашла.

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Садитесь! Что новенькаго?

ПУЛЬХЕРІЯ АНДРЕВНА.

Какія у насъ новости, въ нашей глуши! Съ тоски пропадешь; словечка перемолвить не съ кѣмъ.

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Ужь вамъ еще новостей не знать, такъ кому же! Знакомство у васъ большое.

ПУЛЬХЕРІЯ АНДРЕВНА.

Да помилуйте, какое знакомство? Народъ все грубый, обращенія никакого не знаетъ; не то, чтобы что нибудь любопытное сказать, а наровятъ все, какъ тебя обидѣть, особенно купечество. Я даже со многими перессорилась теперь за ихъ обращеніе. Вотъ хотя бы сейчасъ; зашла я къ сосѣдямъ, они приданое шьютъ, старшую дочь выдаютъ. Отдаютъ-то за лавочника, а приданое сдѣлали графское, ну смѣхъ да и только. Вотъ, говорю: «не родись уменъ, не родись пригожъ, а родись счастливъ; съ нечесаной-то бородой да какое приданое возьметъ». Такъ кабы вы посмотрѣли, какъ онѣ всѣ накинулись на меня, а особенно старуха,—она у нихъ пренасмѣшница и preругательница,

да еще какую-то злобу къ нашему благородному сословію имѣетъ. Ужь чего-чего она не прибрала! Да все въ насмѣшку, словами непристойными, да все съ риѳмой. Я просто со стыда сгорѣла, насилу выкатилась. Знаете сами, я не люблю, когда со мной дурно обращаются; я хочу себя поддержать, какъ прилично благородной дамѣ. А если мнѣ позволить всякому наступить мнѣ на ногу, я должна буду тогда свое званіе уронить.

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Ну, конечно, что за аказія ронять себя!

ПУЛЬХЕРІЯ АНДРЕВНА.

Я вамъ скажу, что во мнѣ гордости даже очень много. Я и въ порокъ этого себѣ не ставлю, потому что моя гордость благородная. Противъ себѣ равныхъ у меня нѣтъ гордости, а противъ такихъ людей, которые, при всемъ ихъ необразованіи, превозносятся своимъ богатствомъ, я всегда стараюсь показать, что я много выше ихъ.

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Супругъ вашъ здоровъ ли?

ПУЛЬХЕРІЯ АНДРЕВНА.

Ахъ, помилуйте, что ему дѣлается! Деревянный человѣкъ, сами знаете, чувствъ не имѣетъ; значитъ, что же его можетъ тревожить въ жизни? Только толстѣетъ. Наградилъ Богъ муженькомъ, ужь нечего сказать!

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Ну, вамъ грѣхъ на мужа жаловаться, онъ у васъ добышникъ хорошій.

ПУЛЬХЕРІЯ АНДРЕВНА.

Оно такъ, Татьяна Никоновна, только онъ по характеру мнѣ совсѣмъ не пара; у меня характеръ легкій, увлекательный, а онъ сидитъ, точно бирюкъ, ни до чего ему дѣла нѣтъ. А все-таки мы живемъ не хуже людей. Возьмемте хоть сосѣдей: у Крутолобыхъ черезъ день драка. У Кумашниковыхъ въ недѣлю разъ, ужь это положеное.

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Сохрани Господи!

ПУЛЬХЕРІЯ АНДРЕВНА.

У насъ хоть, по крайней мѣрѣ, этого нѣтъ. А у Чепчуговыхъ вчера исторія-то вышла, мнѣ кухарка ихъ сегодня на рынкѣ сказывала, — вотъ такъ ужь комедія!

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Что же такое?

ПУЛЬХЕРІЯ АНДРЕВНА.

Сила-то, что ли, у ней не беретъ, такъ она каку же штуку придумала: взяла, да мужу вареньемъ и лицо и бороду и вымазала. Насилу отмыли. Ну, скажите, на что это похоже!

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Хорошаго немного.

ПУЛЬХЕРІЯ АНДРЕВНА.

Вотъ такъ-то нынче жены-то съ мужьями живутъ, Татьяна Никоновна, а все люди женятся. Да еще на комъ женятся-то! наровятъ все выше себя взять. Вотъ сейчасъ была я у Васютиныхъ. *(Олинька прислушивается.)*

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

У какихъ это Васютиныхъ?

ПУЛЬХЕРІЯ АНДРЕВНА.

Какъ это вы не знаете! Да вотъ Ольга Ивановна его знаетъ.

ОЛИНЬКА.

А мнѣ по чемъ знать?

ПУЛЬХЕРІЯ АНДРЕВНА.

Полноте, полноте! еще вы были въ магазинѣ, такъ онъ къ вашей хозяйкѣ ходилъ.

ОЛИНЬКА.

Это бѣлокурый такой, что ли?

ПУЛЬХЕРІЯ АНДРЕВНА.

Да, да! Я очень хорошо знаю, что вы его знаете.

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА *(взглянувъ на дочь)*.

Такъ что же такое у Васютиныхъ-то? Разскажите.

ПУЛЬХЕРІЯ АНДРЕВНА.

Нѣтъ, я къ тому говорю, Татьяна Никоновна, какъ люди возмечтать-то вдругъ могутъ о себѣ! Ну, положимъ, что имъ счастье, да что же ужь такъ возноситься-то! Къ чему это?

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Да какое же имъ счастье-то?

ПУЛЬХЕРІЯ АНДРЕВНА.

Да такое же и счастье, что сыну невѣсту нашли, и съ крестьянами, видите ли, и образованную; а и крестьянъ-то всего тринадцать душъ. Вотъ я и говорю, Татьяна Никоновна, какъ люди-то не умѣютъ себя вести. Вы бы посмотрѣли только, что

съ старухой-то дѣлается. Такъ носъ подняла, что и глядѣть ни на кого не хочетъ. Я тоже не захотѣла себя передъ ней унизить. Мы съ ней въ одинаковомъ чинѣ; съ чего же она взяла важничать передо мной? Ну, я и ограничила ее, сколько могла. Такъ это, изволите ли видѣть, ей не понравилось; такую подняла исторію, что я даже думаю совсѣмъ оставить это знакомство. Хоть мнѣ и не хотѣлось съ ней ссориться, ну да что дѣлать: языкъ мой — врагъ мой. *(Олинька, видимо встревоженная, надѣваетъ шляпку и мантилью.)*

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Куда ты?

ОЛИНЬКА.

Я, маменька, сейчасъ приду; мнѣ нужно. *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Пульхерія Андревна и Татьяна Никоновна.

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Что это съ ней сдѣлалось? Она какъ будто плачетъ.

ПУЛЬХЕРІЯ АНДРЕВНА.

Знаю я, все знаю; мнѣ только при ней говорить-то не хотѣлось. А вы вотъ ничего не знаете, а еще мать! А я думала, что вамъ все извѣстно, а то бы давно сказала.

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Какъ же, узнаешь отъ нея что нибудь, — она такъ дѣло обдѣлаетъ, что концовъ не найдешь.

ПУЛЬХЕРІЯ АНДРЕВНА.

Нѣтъ, Татьяна Никоновна, какъ ни остерегайся, а всякое дѣло современемъ все ужь откроется. Вотъ у богатыхъ да у знатныхъ такіе-то пасажи бываютъ, такъ ужь какъ стараются скрыть! а глядишь, послѣ черезъ людей или черезъ кого нибудь и выдетъ наружу. Ну, а ужь въ нашей сторонѣ, кажется, муха не пролетитъ, чтобы этого не знали.

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Да послушайте, Пульхерія Андревна, неужели жь вы что серьёзное про Олиньку знаете?

ПУЛЬХЕРІЯ АНДРЕВНА.

Серьезное не серьёзное, тамъ какъ разсудите. Конечно для дѣвушки мараль. Только вы не подумайте, чтобы я кому нибудь

кромѣ васъ сказывала. Сохрани меня Господи! Ну, разумѣется, Васютинъ обольстилъ ее тѣмъ, что жениться на ней обѣщалъ; мнѣ ея товарка сказывала.

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Ахъ-ахъ-ахъ-ахъ-ахъ-ахъ! Да когда же матушка, когда? (*Плачетъ.*)

ПУЛЬХЕРІЯ АНДРЕВНА.

А когда она жила у хозяйки. Они и теперь видятся, и я знаю даже, гдѣ.

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Ну, ужь погоди же, теперь вернись только домой, я тебѣ задамъ! Эко наказанье съ дочерьми! (*Утираетъ слезы.*)

ПУЛЬХЕРІЯ АНДРЕВНА.

Ужь теперь ни бранью, ни слезами дѣла не поправите, а вы лучше смотрите за ней хорошенько.

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Ужь я ее теперь съ глазъ не спущу.

ПУЛЬХЕРІЯ АНДРЕВНА.

Однако, прощайте! Заболталась я съ вами, а мнѣ еще надобно кой-куда зайти. Прощайте! (*Целуются. Уходитъ и сейчасъ же возвращается.*) А вѣдь Илья-то Ильичъ вчера опять пьяный домой пріѣхалъ. Скажите, пожалуйста, я васъ спрашиваю, когда это кончится? Вѣдь ты женатый человѣкъ, вѣдь ты обязанъ семействомъ! Коли нѣтъ въ тебѣ стыда передъ людьми-то, ты хоть бы стѣнъ посовѣстился! Сколько у него дѣтей-то? Знаете? Вѣдь пятеро. Каково же это! Прощайте! Некогда, право некогда. (*Уходитъ и опять возвращается.*) А я и забыла вамъ сказать. Вѣдь я въ горѣ.

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Что за горе у васъ? Можетъ такъ, шутите?

ПУЛЬХЕРІЯ АНДРЕВНА.

Какія шутки! Этакого варварства.... Этакого тиранства.... Нѣтъ, этого нигдѣ не бываетъ. Развѣ только ужь въ самомъ низкомъ классѣ.

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Съ мужемъ опять что нибудь?

ПУЛЬХЕРІЯ АНДРЕВНА.

Вѣдь ужь всѣ нынче носятъ бурнусы, ужь всѣ; кто же нынче не носитъ бурнусовъ?

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Ну такъ что же?

ПУЛЬХЕРІЯ АНДРЕВНА.

Ну вотъ одна знакомая и продаетъ бурнусъ, совсѣмъ новенькій. Я въ надеждѣ-то на своего дурака и говорю ей: «вы, моя милая, не безпокойте себя, не носите ни къ кому, а приносите прямо ко мнѣ, мы его у васъ купимъ». Ну вотъ она его и приноситъ. Думаю: что дѣлать? И себя-то поддержать передъ ней хочется, да и мужа-то боюсь; ну, какъ онъ при постороннемъ человѣкѣ исторію заведетъ! Подымаюсь я на хитрости. Надѣваю бурнусъ, беру на себя равнодушный тонъ и говорю ему: «поздравь меня, мой другъ, съ обновкой!» Я думала, что хоть послѣ онъ и побранитъ меня, ужь такъ и быть, а все-таки при чужомъ человѣкѣ не захочетъ уронить меня и себя.

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

А что же онъ?

ПУЛЬХЕРІЯ АНДРЕВНА.

Что онъ? Обыкновенно что. Для него первое удовольствіе жену унизить; и наровитъ все при постороннихъ людяхъ. И шутки у него, знаете, самыя неприличныя. «Вы, говоритъ, ее не слушайте; это она къ зубамъ грезитъ; съ ней, говоритъ, это бываетъ».—«Но за что же однако, позвольте васъ спросить, такое тиранство?» говорю я ему. А онъ мнѣ все-таки на это ни одного слова не отвѣтилъ, а продолжаетъ говорить той дамѣ: «она бы, говоритъ, всего накупила, да купило-то у ней притупилось; а я ей на глупости денегъ не даю». Пошелъ, да и сѣлъ за свои бумаги и двери затворилъ. Острамилъ меня, рѣшительно острамилъ.

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Да что вы, молоденькая, что ли, рядиться-то?

ПУЛЬХЕРІЯ АНДРЕВНА.

Это, Татьяна Никоновна, не отъ лѣтъ,—это бываетъ врожденный вкусъ въ человѣкѣ; и отъ воспитанія тоже много зависитъ.

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Вотъ и съ воспитаніемъ-то бѣда: затѣй-то много, а денегъ нѣтъ.

ПУЛЬХЕРІЯ АНДРЕВНА.

Кабы вы понимали, что значитъ благородная дама, вы бы такъ не разсуждали; а то вы сами изъ простаго званія, такъ вы и судите.

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Я сужу, какъ умѣю; а званіемъ своимъ вамъ передо мной нечего гордиться, не много вы отъ меня ушли.

ПУЛЬХЕРІЯ АНДРЕВНА.

Далеко вамъ до меня; я изъ вашего-то званія себѣ прислугу нанимаю.

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

А коли такъ, я и не знаю, что вамъ за охота съ простыми людьми знакомство имѣть!—знались бы только съ благородными.

ПУЛЬХЕРІЯ АНДРЕВНА.

Да ужь конечно у благородныхъ людей совсѣмъ другія понятія, чѣмъ у васъ.

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Ну, и ступайте къ нимъ, а объ насъ ужь вы не безпокойтесь; мы объ васъ плакать не будемъ.

ПУЛЬХЕРІЯ АНДРЕВНА.

Да-съ, прощайте! Много я отъ васъ обиды видѣла, все переносила; а ужь этого не перенесу; послѣ этихъ словъ я у васъ оставаться не могу.

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Вотъ и прекрасно, такъ и запишемъ. Прощайте! И впередъ просимъ не жаловать.

ПУЛЬХЕРІЯ АНДРЕВНА.

Я еще съ ума не сошла, чтобы съ вами знакомство водить послѣ этого.

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

И очень рады будемъ.

ПУЛЬХЕРІЯ АНДРЕВНА (*подходя къ двери*).

За дочерью-то бы лучше смотрѣли!

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Не ваша печаль чужихъ дѣтей качать.

ПУЛЬХЕРІЯ АНДРЕВНА.

Ужь теперь ни ногой.

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Скажите, какая жалость! (*Пульхерія Андревна уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Татьяна Никоновна и потомъ Олинька.

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Какая ехидная бабенка, просто средствъ нѣтъ! А что жь это у меня Ольга-то дѣлаетъ! Убить ее мало за эти дѣла. Что она нейдетъ-то? Благо, у меня сердце-то не прошло. Бѣда мнѣ съ моимъ характеромъ: расходится сердце, ничѣмъ не удержишь. (*Олинька входитъ, раздѣвается и, плача, садится на свое мѣсто.*) Ты что же это, сударыня, дѣлаешь? Что ты объ своей головѣ думаешь? Гдѣ была, говори сейчасъ?

ОЛИНЬКА.

Ахъ, маменька, оставьте! Мнѣ и безъ васъ тошно.

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

А! теперь тошно; а то такъ матери не слушаться! Вотъ ты и знай! Да ты еще погоди у меня!

ОЛИНЬКА (*встаетъ и одѣвается*).

Ахъ, Боже мой!

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Что ты еще выдумала? Куда это ты?

ОЛИНЬКА.

Пойду, куда глаза глядятъ. Что мнѣ за охота брань-то слушать!

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Что жь, мнѣ тебя хвалить, что ли, за твои дѣла?

ОЛИНЬКА.

Да вѣдь и бранью-то ничего не поможете. Не маленькая ужь я, мнѣ не десять лѣтъ.

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Такъ что жь мнѣ дѣлать-то по твоему?

ОЛИНЬКА (*садясь къ столу и закрывая лицо руками*).

Пожалѣть меня бѣдную.

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА (*нѣсколько сконфуженная*).

Да.... ну что жь.... ну.... (*Молчитъ нѣсколько времени, потомъ подходитъ къ дочери, гладитъ ее по головѣ и садится подлѣ нея.*) Ну что жь такъ такое у тебя случилось?

ОЛИНЬКА (*плача*).

Да женится.

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Да кто женится-то?

ОЛИНЬКА.

Прохоръ Гаврилычъ.

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Это Васютинъ-то?

ОЛИНЬКА.

Ну да.

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Вотъ видишь ты, вотъ видишь ты, до чего васъ своя-то воля доводитъ, что значитъ безъ присмотру-то жить!

ОЛИНЬКА.

Опять вы за свое.

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Ну хорошо, ну не буду.

ОЛИНЬКА.

Вѣдь какъ божился-то! Какъ клялся-то!

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Божился? А! скажите, пожалуйста! (*Качаетъ головой.*)

ОЛИНЬКА.

Какъ же мнѣ было не повѣрить ему? Развѣ я тогда понимала людей?

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Гдѣ понимать еще! Какіе года!

ОЛИНЬКА (*прилегая къ матери*).

Зачѣмъ же онъ обманулъ меня?

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

А ты думаешь, это ему такъ и пройдетъ? Ему самому Богъ счастья не дастъ за это. Вотъ посмотри, что ему это даромъ не-пройдетъ.

ОЛИНЬКА (*взглянувъ въ окно*).

Ахъ, бестыжіе глаза! Да онъ еще сюда идетъ,—хватило у него совѣсти-то! Маменька, пускай онъ къ намъ взойдетъ; не идти же мнѣ къ нему на улицу со слезами-то!

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Ну что жь, пускай войдетъ.

ВАСЮТИНЪ (*въ окно*).

Ольга Петровна, можно войти?

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Пожалуйте, пожалуйте!

ОЛИНЬКА (*умоляющимъ голосомъ*).

Маменька!

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Что тебѣ еще?

ОЛИНЬКА (*плача*).

Маменька, мнѣ стыдно! Уйдите! Какъ я стану при васъ съ нимъ говорить!

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА (*грозя пальцемъ*).

То-то вотъ ты! Охъ ты мнѣ!

ОЛИНЬКА.

Маменька!

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Ну, ужь право.... ужь! Такъ вотъ только браниться-то не хочется. (*Уходитъ за перегородку*).

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Олинька и Прохоръ Гаврилычъ.

ПРОХОРЪ ГАВРИЛЫЧЪ (*въ дверяхъ*).

Ты, Вавила Осипычъ, подожди! Я сейчасъ! (*Входитъ*).

ОЛИНЬКА.

Садиться милости просимъ.

ПРОХОРЪ ГАВРИЛЫЧЪ.

Нѣтъ, я вѣдь такъ — на минуточку.

ОЛИНЬКА.

Все-таки присядьте, коли вамъ у насъ непротивно. Или вы, можетъ быть, ужь теперь насъ гнушаетесь.

ПРОХОРЪ ГАВРИЛЫЧЪ (*садясь*).

Да нѣтъ. Вотъ какого роду дѣло..., Вотъ видишь ты, я самъ ей-Богу бы никогда, да маменька...

ОЛИНЬКА.

Что же маменька?

ПРОХОРЪ ГАВРИЛЫЧЪ.

Все меня бранитъ за мою жизнь. Говоритъ, что я неприлично себя веду, что совсѣмъ дома не живу.

ОЛИНЬКА (*чертитъ ножницами по столу*).

Да-съ. Вамъ неприлично себя такъ вести, вы благородный, служащій...

ПРОХОРЪ ГАВРИЛЫЧЪ.

Ну вотъ все и пристаетъ ко мнѣ, чтобы я женился, чтобы я жилъ семейно, какъ порядочному человѣку слѣдуетъ. Ну, понимаешь, все-таки мать...

ОЛИНЬКА.

Понимаю-съ, какъ не понять! Такъ вы хотите маменькино желанье исполнить? Что жь, это очень благородно съ вашей стороны, потому что старшихъ всегда надобно уважать. Вы же такъ свою маменьку любите и во всемъ ея слушаетесь... Ну, такъ что же-съ?

ПРОХОРЪ ГАВРИЛЫЧЪ.

Ну вотъ я...

ОЛИНЬКА.

И женитесь?

ПРОХОРЪ ГАВРИЛЫЧЪ.

И женюсь.

ОЛИНЬКА.

Честь имѣю васъ поздравить! Что же, вы съ большимъ состояніемъ берете?

ПРОХОРЪ ГАВРИЛЫЧЪ.

Ну нѣтъ, не очень.

ОЛИНЬКА.

Отчего же такъ? Вы, въ надеждѣ на вашу красоту, могли бы за миліонщицу посвататься. Или вы, можетъ быть, хотите облагодѣтельствовать собой какую нибудь бѣдную барышню? Это доказываетъ, что у васъ доброе сердце.

ПРОХОРЪ ГАВРИЛЫЧЪ.

Какое же тутъ сердце! Я для маменьки дѣлаю. Конечно, намъ съ маменькой пріятно, что она въ пансіонѣ воспитывалась, по-французски говоритъ.

ОЛИНЬКА.

Ну да какъ же вамъ, съ вашимъ умомъ и образованіемъ, да жениться на невоспитанной! Это для васъ очень низко! Вотъ женитесь, будете съ своей супругой по-французски и на разныхъ языкахъ говорить.

ПРОХОРЪ ГАВРИЛЫЧЪ.

Да я не умѣю.

ОЛИНЬКА.

Вы притворяетесь, что не умѣете. Вы не хотите только передъ нами, простыми людьми, своего образованія показывать, а передъ барышней вы себя покажете.

ПРОХОРЪ ГАВРИЛЫЧЪ.

Такъ вотъ я и пришелъ къ тебѣ...

ОЛИНЬКА.

Напрасно себя безпокоили.

ПРОХОРЪ ГАВРИЛЫЧЪ.

Надо же было сказать...

ОЛИНЬКА.

Стоитъ ли вамъ объ насъ думать!

ПРОХОРЪ ГАВРИЛЫЧЪ.

Какъ же не думать! Кабы я тебя не любилъ; а то вѣдь я люблю тебя.

ОЛИНЬКА.

Очень вамъ благодарна за вашу любовь!

ПРОХОРЪ ГАВРИЛЫЧЪ.

Ты на меня, Олинька, не сердись: я самъ вижу, что поступаю противъ тебя дурно, даже можно сказать — подло.

ОЛИНЬКА.

Коли вы такъ понимаете объ себѣ, пускай это при васъ и останется.

ПРОХОРЪ ГАВРИЛЫЧЪ.

Нѣтъ, право, Олинька, я вѣдь не то, что другіе: бросилъ да и знать не хочетъ.

ОЛИНЬКА.

А вы что же?

ПРОХОРЪ ГАВРИЛЫЧЪ.

Да я все, что тебѣ угодно. Ты мнѣ скажи, что тебѣ нужно.

ОЛИНЬКА.

Ничего мнѣ отъ васъ не нужно! Вы меня обижать такъ не смѣете. Что же, я васъ изъ-за денегъ любила? Я, кажется, этого виду не показывала. Я васъ любила, потому что всегда знала, что вы на мнѣ женитесь, а иначе я бы ни за что на свѣтѣ....

ПРОХОРЪ ГАВРИЛЫЧЪ.

Да мнѣ что! Развѣ я бы не женился, да вотъ семья-то.

ОЛИНЬКА.

Вы должны были это знать.

ПРОХОРЪ ГАВРИЛЫЧЪ.

Какъ же мнѣ съ тобой быть,—я, право, ужь и не знаю.

ОЛИНЬКА.

Это довольно странно для меня. Вы свое дѣло сдѣлали: обманули, насмѣялись,—чего вамъ еще нужно? Остается поклонъ,

да и вонъ. Объ чемъ вамъ еще безпокоиться! Чтобы я жаловаться не пошла кому нибудь? Такъ я за это не возьму милліона отъ одного только отъ стыда.

ПРОХОРЪ ГАВРИЛЫЧЪ.

Я не объ себѣ безпокоюсь, а о тебѣ.

ОЛИНЬКА.

А обо мнѣ—что вамъ безпокоиться! Да и кто вамъ повѣритъ, что вы обо мнѣ думаете сколько нибудь!

ПРОХОРЪ ГАВРИЛЫЧЪ.

Нѣтъ, Олинька, ты мнѣ этого не говори! Мнѣ, право, совѣстно. Я вѣдь человѣкъ простой, откровенный....

ОЛИНЬКА.

Тѣмъ лучше для васъ.

ПРОХОРЪ ГАВРИЛЫЧЪ.

Только характеръ у меня такой, путаный. Вѣдь вотъ я теперь буду мучиться объ тебѣ.

ОЛИНЬКА.

Скажите!

ПРОХОРЪ ГАВРИЛЫЧЪ.

Мнѣ до смерти жаль тебя... Да ты мнѣ позволь какъ нибудь заходить къ тебѣ хоть на минуту.

ОЛИНЬКА.

Нѣтъ, ужь увольте! Вамъ нужно, чтобы вездѣ слава пошла. Я хочу замужъ идти.

ПРОХОРЪ ГАВРИЛЫЧЪ.

Такъ ужь никогда и не видаться?

ОЛИНЬКА.

Разумѣется, никогда. Вѣдь, кромѣ страму, отъ васъ прибыли-то никакой нѣтъ.

ПРОХОРЪ ГАВРИЛЫЧЪ.

Ну, такъ простимся безъ сердца по крайней мѣрѣ.

ОЛИНЬКА.

Прощайте! (*Васютинъ хочетъ поцаловаться*) Не для чего!

ПРОХОРЪ ГАВРИЛЫЧЪ (*послѣ непродолжительнаго молчанья*).

Какъ же это, право... Подло, ужь самъ вижу, что подло! А какъ поправить, не знаю.

ОЛИНЬКА.

Мнѣ даже смѣшно слушать! Ступайте! Васъ товарищъ дожидается.

ПРОХОРЪ ГАВРИЛЫЧЪ.

Какой это товарищъ! Это купецъ, кутило. Вотъ ты какая! Тебѣ ничего, а я ночи не сплю. Право.

ОЛИНЬКА.

Смотрите, не захворайте!

ПРОХОРЪ ГАВРИЛЫЧЪ.

Нѣтъ, пожалуйста, коли тебѣ что понадобится: деньги или что другое, ты сдѣлай милость — пришли! Для меня даже это будетъ пріятно.

ОЛИНЬКА.

Нѣтъ, ужь я лучше съ голоду умру. За кого вы меня принимаете?

ПРОХОРЪ ГАВРИЛЫЧЪ.

Мнѣ, право, такъ жалко тебя; я хоть заплакать готовъ.

ОЛИНЬКА.

Это будетъ очень интересно!

ПРОХОРЪ ГАВРИЛЫЧЪ.

Позволь нынче вечеркомъ заѣхать.

ОЛИНЬКА.

Съ чего это вы выдумали!

ПРОХОРЪ ГАВРИЛЫЧЪ.

Ну, прощай! Богъ съ тобой! (*Уходя*) Ты, ради Бога, не сердись! А то все и будешь думать объ тебѣ.

ОЛИНЬКА.

Прощайте! Прощайте! (*Васютинъ уходитъ; входитъ Татьяна Никоновна*).

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Олинька и Татьяна Никоновна.

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Ну что? Ушелъ?

ОЛИНЬКА.

Ушелъ. (*Садится къ столу и плачетъ, закрывшись платкомъ*). Какъ я выдержала, это только одинъ Богъ знаетъ.

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Поплачь, поплачь, легче будетъ. Да и совсѣмъ его изъ головы надо выкинуть,—чтобъ пусто ему было! (*Взглянувъ въ окно*) Ну , опять Андревна мимо идетъ.

ОЛИНЬКА.

Маменька, покличьте ее.

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Да вѣдь я съ ней побранилась.

ОЛИНЬКА.

Помиритесь! Мнѣ нужно, нужно!

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Помириться долго ли! (*Въ окно*) Пульхерія Андревна! Пульхерія Андревна! (*Дочери*) Идетъ. Благо, еще не спѣсива, хоть то хорошо. Только зачѣмъ она тебѣ понадобилась, я ужь этого не придумаю.

ОЛИНЬКА.

А вотъ увидите. (*Пульхерія Андревна входитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Олинька, Татьяна Никоновна и Пульхерія Андревна.

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Вы меня, пожалуйста, извините, Пульхерія Андревна; я давеча по своему глупому характеру погорячилась.

ПУЛЬХЕРІЯ АНДРЕВНА.

Коли вы, Татьяна Никоновна, говорите это отъ раскаянія, такъ я на васъ ни въ какомъ случаѣ сердиться не могу. Я очень снисходительна къ людямъ,—даже больше, чѣмъ слѣдуетъ.

ОЛИНЬКА.

Вы, Пульхерія Андревна, знаете, на комъ Васютинъ женится?

ПУЛЬХЕРІЯ АНДРЕВНА.

Еще бы мнѣ не знать!

ОЛИНЬКА.

Вы знакомы съ ними?

ПУЛЬХЕРІЯ АНДРЕВНА.

Нѣтъ, не знакома. Да развѣ долго познакомиться!

ОЛИНЬКА.

Сдѣлайте милость, Пульхерія Андревна, разузнайте хорошенько.

ПУЛЬХЕРІЯ АНДРЕВНА.

Что разузнать-то?

ОЛИНЬКА (*плача*).

Хороша ли его невѣста? Любитъ ли онъ ее? Любитъ ли она его?

ПУЛЬХЕРІЯ АНДРЕВНА.

Только?

ОЛИНЬКА.

Только! (*Садится къ столу и закрываетъ лицо руками*).

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Ну, оставьте ее. Богъ съ ней! (*Уходятъ*).

(*Конецъ перваго дѣйствія*).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Гаврила Прохорычъ Васютинъ, старикъ, отставной чиновникъ.
Анфиса Карповна, жена его.
Прохоръ Гаврилычъ Васютинъ, сынъ ихъ.
Вавило Осиповичъ Густомѣсовъ, купецъ лѣтъ 35, одѣтъ по-русски.
Орестъ, лакей, лѣтъ 50, важный, неповоротливый, въ засаленомъ сюртукѣ, часто вынимаетъ табакерку съ генераломъ.

Гостиная въ домѣ Васютиныхъ; налѣво дверь въ кабинетъ Прохора Гаврилыча, прямо выходная дверь, направо во внутреннія комнаты. Налѣво отъ зрителей диванъ, направо столъ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ОРЕСТЪ (*проводитъ просителя въ кабинетъ*).

Пожалуйте! Пожалуйте! Мы ваше дѣло знаемъ; ваше дѣло правое. (*Проситель уходитъ*) Правда, пословица-то говорится: «у всякаго плута свой разсчетъ»! Вотъ хоть бы нашего барина взять! Ума у него нѣтъ. Съ судейскими со своими или и съ нашимъ братомъ хорошаго разговору отъ него нѣтъ, умнаго (*нюхаетъ табакъ*), чтобы стоило вниманія. Лепечетъ много языкомъ-то, а ничего не складно, безо всякаго разсудка, что къ мѣсту, что не къ мѣсту—такъ, какъ шелапутъ какой. А вотъ съ просителями такъ онъ свое дѣло знаетъ,—такой тонъ держитъ, что любо на него смотрѣть. Строгость на себя напуститъ, точно въ меланхоліи въ какой сдѣлается и языкъ-то у него не ворочается; такъ проситель-то вздыхаетъ, вздыхаетъ, потъ его прошибетъ; выйдетъ

изъ кабинета-то, точно изъ бани; и шинель-то станетъ надѣвать — вздыхаетъ, и по двору-то идетъ—все вздыхаетъ да оглядывается. А съ кѣмъ такъ и лаской—и по плечу треплетъ и по животу гладитъ. Вотъ эту-то политику онъ знаетъ! Нужды нѣтъ, что не уменъ, а на эти дѣла тонокъ. Ну и живетъ себѣ, какъ сыръ въ маслѣ катается. Такъ-то вотъ и нашъ братъ,—всякій долженъ себя понимать! Кто что умѣетъ, то и дѣлай, а не за свое дѣло не берись! Я теперь... я все могу, а въ хорошій домъ я служить не пойду. Потому, во первыхъ—лѣта, во вторыхъ—болѣзнь во мнѣ: въ ногахъ ломъ стоитъ; опять же по временамъ слабость у меня къ этой дряни (*плюетъ*), къ этому проклятому вину. Въ хорошемъ домѣ ума не нужно, тамъ ловкость, и чтобы въ струнѣ человѣкъ былъ; потому завсегда ты на виду. А мнѣ теперь нуженъ покой! Мнѣ, по моему характеру, только и жить у подъячихъ! Ни одежи отъ тебя не требуется, ни чистоты,—знай только обращеніе съ просителями. А коли я умѣю обойтись съ человѣкомъ, такъ мнѣ и жаловаться не нужно. У барина свой доходъ, а у меня свой; потому въ моей власти допустить къ барину и не допустить. И ежели бы я не былъ подверженъ, по своей слабости, этой временной болѣзни дня на три и на четыре въ мѣсяцъ, большіе бы у меня капиталы были; по здѣшнему дому оно конечно сокращать себя не стоитъ,—удовольствія этого лишать; да только вотъ что: какъ наберешься этого угару, такъ много у тебя зря денегъ выходитъ.

(*Входитъ Анфиса Карповна*).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Орестъ и Анфиса Карповна.

АНФИСА КАРПОВНА.

Есть кто нибудь у барина?

ОРЕСТЪ.

Проситель сидитъ.

АНФИСА КАРПОВНА.

Купецъ или благородный?

ОРЕСТЪ.

По-нѣмецки, а должно быть купецъ.

АНФИСА КАРПОВНА.

Я тебѣ, Орестъ, давно говорила, чтобы ты съ купцовъ денегъ не просилъ, а ты все-таки своей привычки не оставляешь. Я вѣдь все вижу. Въ передней помѣшаютъ тебѣ, такъ ты за ворота выскочишь да тамъ пристаешь, словно нищій.

ОРЕСТЪ.

Эхъ, сударыня!

АНФИСА КАРПОВНА.

Что: эхъ, сударыня? И для насъ это срамъ; подумаютъ, что вы у насъ нужду терпите.

ОРЕСТЪ.

Эхъ, барыня! Изъ чего служить-то?

АНФИСА КАРПОВНА.

Ты жалованье получаешь.

ОРЕСТЪ.

Какое жалованье, сударыня! Стоитъ ли оно вниманія!

АНФИСА КАРПОВНА.

Такъ зачѣмъ же ты живешь, коли ты недоволенъ жалованьемъ?

ОРЕСТЪ.

Эхъ, сударыня! Затѣмъ и живу, что доходъ есть. Ужъ это отъ начала вселенной заведено, что у служащаго человѣка камердинеръ свой доходъ имѣетъ. Ну, а которые изъ просителей этого обыкновенія не имѣютъ, тѣмъ и напомнишь.

АНФИСА КАРПОВНА.

Да все таки это мараль.

ОРЕСТЪ.

Никакой, сударыня, марали нѣтъ.

АНФИСА КАРПОВНА.

А я вотъ Прошенькѣ скажу, чтобъ онъ тебѣ запретилъ.

ОРЕСТЪ.

Никогда они мнѣ не запретятъ, по тому самому, что они тоже доходомъ живутъ, жалованье тоже небольшое получаютъ. Они могутъ разсуждать правильно, сообразно съ разсудкомъ.

АНФИСА КАРПОВНА.

А я, по твоему, неправильно разсуждаю, несообразно съ разсудкомъ? Какъ ты смѣешь такъ говорить со мной?

ОРЕСТЪ.

Вотъ что, сударыня, извините вы меня: всякій свое дѣло знаетъ. Одно дѣло вы можете разсудить, а другое дѣло муж-

скаго разсудка требуетъ. Какъ же вы говорите, чтобы не брать! Господи Боже мой! Да съ чѣмъ это сообразно! Ну, положимъ, не я у васъ буду служить, другой будетъ; такъ нешто онъ не станетъ брать? тоже станетъ; женщину заставьте служить, и та станетъ брать. Коли есть такое положеніе, чтобы брать деньги съ просителей, какъ же вы мнѣ приказываете не брать? Для чего же мнѣ отъ своего счастья отказываться? Это даже смѣшно слушать!

АНФИСА КАРПОВНА.

Ты такой грубіянъ, такой грубіянъ сталъ, что просто терпѣнья нѣтъ съ тобой! Я непремѣнно на тебя сыну пожалуюсь.

ОРЕСТЪ.

Эхъ, сударыня! Какой же я грубіянъ! А что, конечно, которое дѣло до васъ не касающее, такъ скажешь...

АНФИСА КАРПОВНА.

Какъ не касающее? Все, что до сына касается, и до меня касается, потому что я всячески стараюсь его хоть немножко облагородить.

ОРЕСТЪ.

Все это я, сударыня, понимаю-съ, только никакъ нельзя.

АНФИСА КАРПОВНА.

Отчего же нельзя? Вотъ онъ теперь женится на барышнѣ образованной, такъ совсѣмъ другой порядокъ въ домѣ пойдетъ.

ОРЕСТЪ.

Никакъ этого нельзя-съ.

АНФИСА КАРПОВНА.

Какъ нельзя? Вотъ ты увидишь, что очень можно.

ОРЕСТЪ.

Развѣ службу оставятъ.

АНФИСА КАРПОВНА.

И службу оставлять не станетъ, только деликатнѣе вести себя будетъ, ужъ и людей такихъ держать будетъ...

ОРЕСТЪ.

Какихъ хотите, сударыня, держите, все это одно. Хоть теперь баринъ и женится, да ежели не оставитъ службу, такъ кругъ знакомства у нихъ все тотъ же будетъ, все тѣ же служащіе да купечество, таже самая канитель, что и теперь; такъ и люди, глядя на господъ, себя въ строгости содержать не будутъ. И брать деньги тоже будутъ, потому что купцы даже любятъ, ко-

гда съ нихъ деньги берутъ. Если съ него не взять, такъ онъ опасается,—ужь у него такой развязности въ разговорѣ нѣтъ, точно онъ чего боится. Съ купечествомъ тоже надо умѣть обойтись! А что насчетъ благородства, такъ этакъ всякій бы, пожалуй, захотѣлъ...

АНФИСА КАРПОВНА.

Ну ужь молчи, пожалуйста, когда тебя не спрашиваютъ.

ОРЕСТЪ.

Я замолчу; только ужь видно, сударыня, выше лба глаза не ростутъ.

АНФИСА КАРПОВНА.

Гдѣ твое мѣсто? Твое мѣсто въ передней! Что же ты здѣсь толчешься! Въ комнаты ты долженъ войти, когда тебя позовутъ...

ОРЕСТЪ.

Извѣстно, въ передней; потому хамъ. А тоже и господа господамъ рознь, и потому только одно это названіе, что онъ господинъ, а по дѣлу совсѣмъ напротивъ выходитъ. Хоть бы теперь баринъ жениться хочетъ...

АНФИСА КАРПОВНА.

Я тебѣ сказала, чтобъ ты шелъ въ переднюю.

ОРЕСТЪ.

Я пойду. Эхъ, сударыня! Говорить-то только не приходится, а то бы я сказалъ. Тоже смыслимъ кой что.—Надо жену-то по себѣ брать. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Анфиса Карповна и потомъ Гаврило Прохорычъ.

АНФИСА КАРПОВНА.

Какое наказаніе съ этимъ народомъ! Сколько ужь у насъ людей перебывало, всѣ такіе же. Сначала недѣли двѣ поживетъ ничего, а потомъ и начнетъ грубить, либо пить. Конечно, всякій домъ хозяевами держится. А у насъ какіе хозяева-то! Только сердце болитъ, на нихъ глядя. Съ сыномъ вотъ никакъ не сообразку; молодой еще человѣкъ, а какъ себя неприлично держитъ. Знакомства-то, что-ли, у него нѣтъ, заняться-то ему не у кого? Или ужь въ отца, что-ли, уродился? тоже, знать, пути не будетъ! Хоть бы мнѣ ужь женить-то его поскорѣе! Отецъ отъ безобраз-

ной жизни ужь совсѣмъ разсудокъ потерялъ. Ну вотъ люди-то, глядя на нихъ, и меня не уважаютъ. Всю жизнь я съ мужемъ-то маялась, авось хоть сынъ порадуетъ чѣмъ нибудь! Хоть бы мѣсяцъ пожить, какъ слѣдуетъ; кажется, для меня это дороже бы всего на свѣтѣ. А и мнѣ еще люди завидуютъ, что сынъ много денегъ достаетъ. Богъ съ ними и съ деньгами, только бъ жилъ-то поскромнѣе. Есть же такія счастливыя, что живутъ да только радуются на дѣтей-то, а я вотъ... (*Входитъ Гаврило Прохорычъ.*) Вотъ еще давно не видались. Зачѣмъ это? Не слыхать-ли?

ГАВРИЛО ПРОХОРЫЧЪ (*присѣдаетъ, какъ барышня—и шопотомъ*):

За газетами-съ. (*Беретъ со стола газеты*).

АНФИСА КАРПОВНА.

Сидѣли бы наверху у себя. Кому нужно на васъ глядѣть-то! Тутъ, чай, люди ходятъ. Сына-то только стыдите!

ГАВРИЛО ПРОХОРЫЧЪ.

Сына стыдите! У! у! (*Дѣлаетъ гримасы.*)

АНФИСА КАРПОВНА.

Ну, пожалуйста, не паясничайте, я не люблю этого.

ГАВРИЛО ПРОХОРЫЧЪ (*злобно*).

Кого я могу стыдить! Я титулярный совѣтникъ.

АНФИСА КАРПОВНА.

Важное кушанье!

ГАВРИЛО ПРОХОРЫЧЪ.

Да-съ! Дослужитесь, подите! Что такое титулярный совѣтникъ? Капитанъ-съ! А! Какова штука-то! Вотъ и думайте, какъ знаете!

АНФИСА КАРПОВНА.

Что думать-то! Думать-то нечего! Много вашего брата по кабакамъ-то шляется. Знаю я одно, что тридцать лѣтъ съ вами маялась, да и теперь маюсь.

ГАВРИЛО ПРОХОРЫЧЪ.

Ну, не очень гнѣвайтесь, уйду-съ. А то сына стыдить! Самъ онъ меня стыдитъ. (*Уходитъ, потомъ возвращается и плачетъ.*)

АНФИСА КАРПОВНА.

Это что еще?

ГАВРИЛО ПРОХОРЫЧЪ.

Прошенька скоро женится.

АНФИСА КАРПОВНА.

Ну такъ что же?

ГАВРИЛО ПРОХОРЫЧЪ.

Жалко Прошеньку.

АНФИСА КАРПОВНА.

Вѣдь это не вы плачете; это вино въ васъ плачетъ. Плачутъ-то, когда дочерей отдаютъ, а когда сыновей женятъ, такъ радуются. Вы забыли.

ГАВРИЛО ПРОХОРЫЧЪ.

Нѣтъ, такъ что-то чувствительно стало; а то я ничего, — я радуюсь. Онъ ко мнѣ почтителенъ; онъ меня, старика, уважаетъ, къ слабостямъ моимъ нисходитъ.

АНФИСА КАРПОВНА.

Вы и его-то этимъ слабостямъ выучили. А вы бы вотъ одѣлись, да нынче съ сыномъ къ невѣстѣ съѣздили,—благо, вы въ своемъ видѣ, а то вѣдь не скоро этого дождешься.

ГАВРИЛО ПРОХОРЫЧЪ.

Хорошо, я пойду одѣнусь.

АНФИСА КАРПОВНА.

Да ведите-то себя приличнѣй.

ГАВРИЛО ПРОХОРЫЧЪ.

Что вы меня учите! Я знаю, какъ себя вести. Какъ ведутъ себя благородные люди, такъ и я себя стану вести. (*Уходитъ.*)

АНФИСА КАРПОВНА.

Какъ же! Похоже на то, что ты будешь вести себя, какъ благородные люди ведутъ! Ну, да съ старика-то не взыщутъ. (*Входитъ купецъ съ кулькомъ въ рукахъ.*)

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Анфиса Карповна и Купецъ.

АНФИСА КАРПОВНА.

А, Вавило Осипычъ!—Вы къ Прошенькѣ?

КУПЕЦЪ.

Точно такъ-съ.

АНФИСА КАРПОВНА.

Онъ занятъ теперь.

КУПЕЦЪ.

Подождемъ-съ.

АНФИСА КАРПОВНА.

Садитесь, пожалуйста!

КУПЕЦЪ.

Покорнѣйше благодаримъ-съ. Не извольте безпокоиться-съ. (*Садится.*)

АНФИСА КАРПОВНА.

Что это такое у васъ? Вино, должно быть?

КУПЕЦЪ.

Оно самое-съ.

АНФИСА КАРПОВНА.

Что это вы все вино носите?

КУПЕЦЪ.

Потому завсегда требуется-съ.

АНФИСА КАРПОВНА.

Да ужь часто вы его носите-то, да и помногу.

КУПЕЦЪ.

Изойдетъ-съ. Для дому вещь необходимая-съ.

АНФИСА КАРПОВНА.

Что ваше дѣло?

КУПЕЦЪ.

Прикончено-съ.

АНФИСА КАРПОВНА.

Что жь, вы довольны?

КУПЕЦЪ.

Не то что довольны, а такъ надобно сказать, что должны вѣкъ Бога молить за Прохора Гаврилыча. За это дѣло я теперича, кажись, по гробъ моей жизни все, что только имъ угодно. Скажи они мнѣ: Вавила Осипычъ!.. меня, сударыня, Вавила Осипычъ зовутъ... достань птичьяго молока! Всю вселенную пѣшкомъ обойду, а ужь достану.

АНФИСА КАРПОВНА.

Да, ему многіе благодарны.

КУПЕЦЪ.

Отмѣнный человѣкъ-съ.

АНФИСА КАРПОВНА.

Его купечество очень любитъ.

КУПЕЦЪ.

Нельзя не любить-съ; потому, первое дѣло, человѣкъ дѣловой-съ, всякому нужный; а второе дѣло, невзыскательны-съ. Съ нашимъ братомъ компанію водитъ, все равно что съ равнымъ, безобразія нашего не гнушается; даже я такъ замѣчаю, что имъ очень нравится. Ну и выпить ежели, такъ какъ у насъ этотъ по-

рядокъ заведенъ,—я вамъ доложу, сударыня, мы временемъ бываемъ довольно безобразны, такъ намъ для этого нужна компанія,—такъ они никогда отъ этого не прочь, а завсегда съ нами по душѣ. И не то, чтобъ отставать или компанію ломать, а могутъ посидѣть вплотную и со всѣми равняются. Да другой и изъ нашихъ противъ нихъ не выстоитъ. Ну и значитъ, человѣкъ стоитъ уваженія. Вѣдь и у насъ тоже не всякаго полюбятъ, а съ разборомъ-съ, кто чего стоитъ.

АНФИСА КАРПОВНА.

Только ужь онъ много пьетъ-то съ вами.

КУПЕЦЪ.

Нѣтъ, что за много-съ! Соразмѣрно пьютъ.

АНФИСА КАРПОВНА.

Нѣтъ, ужь не очень соразмѣрно.

КУПЕЦЪ.

Оно точно, кто рѣдко, такъ, можетъ быть, и много покажется-съ; а ежели пить постепенно, вотъ какъ мы-съ, такъ оно ничего.—На все привычка-съ.

АНФИСА КАРПОВНА.

Знаете ли, Вавила Осипычъ, я его женить собираюсь.

КУПЕЦЪ.

Оченно прекрасно-съ.

АНФИСА КАРПОВНА.

Онъ теперь въ такихъ лѣтахъ.

КУПЕЦЪ.

Въ самомъ разѣ-съ.

АНФИСА КАРПОВНА.

Ну, а я стара стала; вѣдь не знаешь, когда Богъ по душу пошлетъ, такъ хочется его устроить при жизни. Познакомилась я недавно съ одной барыней, у ней дочка только что изъ пансіона вышла; поразговорились мы съ ней, я ей сына отрекомендовала; такъ у насъ дѣло и пошло. Я ей какъ-то и намекнула, что вотъ бы, молъ, хорошо породниться! «Я, говоритъ, не прочь! Какъ дочери понравится!» Ну, ужь это, значитъ, почти кончено дѣло. Долго ли дѣвушкѣ понравиться? Она еще и людей-то не видала. А съ состояніемъ, и деньги есть и имѣніе.

КУПЕЦЪ.

Самое настоящее дѣло-съ.

АНФИСА КАРПОВНА.

Я вамъ скажу, Вавила Осипычъ, я никакъ не думала, что онъ такой дѣльный будетъ. Ученье ему не давалось,—понятія ни къ чему не было, такъ что черезъ великую силу мы его грамотѣ выучили, — большихъ хлопотъ намъ это стоило. Ну, а ужь въ гимназіи и совсѣмъ ничего не могъ понять; такъ изъ втораго класса и взяли. Къ этому же времени отецъ-то его совсѣмъ ослабъ. Столько я горя перенесла тогда, просто выразить вамъ не могу! Опредѣлила я его въ судъ, тутъ у него вдругъ понятіе и открылось. Что дальше, то все лучше; да вотъ теперь всю семью и кормитъ. Да еще что̀ говоритъ! Я, говоритъ, маменька, службой не дорожу; я и безъ службы, только частными дѣлами, состояніе себѣ составлю. Вотъ какое понятіе ему вдругъ открылось!

КУПЕЦЪ.

И теперича ихъ работа самая дорогая и самая тяжелая; потому что все надо мозгами шевелить. Безъ мозговъ, я такъ полагаю, ничего не сдѣлаешь. (*Входятъ изъ кабинета: Прохоръ Гаврилычъ и проситель. Купецъ встаетъ.*)

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Тѣ же и Прохоръ Гаврилычъ и Проситель.

ПРОХОРЪ ГАВРИЛЫЧЪ (*провожая просителя до двери*).

Я вамъ сказалъ, что хлопотать буду; ну, а тамъ, что Богъ дастъ.

ПРОСИТЕЛЬ.

Сдѣлайте милость, Прохоръ Гаврилычъ! (*Уходитъ въ дверь.*)

ПРОХОРЪ ГАВРИЛЫЧЪ (*въ дверь*).

Хлопотать я буду, ужь я вамъ сказалъ; а тамъ, какъ взглянутъ.

ПРОСИТЕЛЬ (*изъ передней*).

Ужь похлопочите, Прохоръ Гаврилычъ. Прощенья просимъ!

ПРОХОРЪ ГАВРИЛЫЧЪ.

Прощайте! (*Къ купцу*) А, другъ! Что это ты, вина принесъ?

КУПЕЦЪ.

Особеннаго.

ПРОХОРЪ ГАВРИЛЫЧЪ.

Ну вотъ спасибо! Такъ попробовать надо. Орестъ! (*Входитъ Орестъ*) Откупори, да подай рюмокъ! (*Орестъ беретъ кулекъ.*)

*

КУПЕЦЪ.

Ты двухъ сортовъ откупори. А тѣ, что съ долгимъ горлышкомъ-то, для другаго разу оставь. Да постой, я покажу тебѣ. (*Купецъ и Орестъ уходятъ.*)

АНФИСА КАРПОВНА.

Ты вѣдь къ невѣстѣ хотѣлъ ѣхать.

ПРОХОРЪ ГАВРИЛЫЧЪ.

Я и поѣду.

АНФИСА КАРПОВНА.

А зачѣмъ же вино-то пить?

ПРОХОРЪ ГАВРИЛЫЧЪ.

Такъ, маменька, что-то я нынче въ расположеніи. Все сидѣлъ за дѣломъ, такъ хочется голову освѣжить, чтобы фантазія была. (*Входятъ купецъ и Орестъ съ бутылками и рюмками на подносѣ и ставятъ его на столъ*).

КУПЕЦЪ (*Оресту*).

А ты, братецъ, поглядывай! Коли видишь, что которая опросталась, ты и перемѣни, свѣженькую подставь. Не все же тебя кликать. (*Орестъ уходитъ.*)

ПРОХОРЪ ГАВРИЛЫЧЪ (*садится*).

Ну вотъ теперь сядемъ да потолкуемъ.

КУПЕЦЪ.

Сейчасъ-съ! (*Наливаетъ вино въ рюмки и подноситъ Прохору Гаврилычу.*) Пожалуйте-съ! (*Прохоръ Гаврилычъ беретъ и пьетъ.*) Васъ, сударыня, прикажете просить?

АНФИСА КАРПОВНА.

Я его и видѣть-то не могу.

КУПЕЦЪ.

Какъ будетъ угодно; неволить не смѣю-съ. Вотъ теперь самъ выпью-съ. (*Наливаетъ себѣ*) Желаю вамъ быть здоровымъ, сударыня!

АНФИСА КАРПОВНА.

Покорно благодарю! Кушайте на здоровье.

КУПЕЦЪ (*пьетъ*).

Теперь развѣ вдругъ по другой? А то съ одной-то не разберешь.

ПРОХОРЪ ГАВРИЛЫЧЪ.

Наливай! (*Купецъ наливаетъ.*)

АНФИСА КАРПОВНА.

Будетъ вамъ!

ПРОХОРЪ ГАВРИЛЫЧЪ.

Полноте, маменька! Что мы, дѣти, что ли! Я себя знаю.

КУПЕЦЪ (*подавая рюмки*).

Пожалуйте-съ! Честь имѣю поздравить! (*Пьетъ самъ*).

ПРОХОРЪ ГАВРИЛЫЧЪ.

Съ чѣмъ?

КУПЕЦЪ.

Какъ съ чѣмъ! Да нынче что?

ПРОХОРЪ ГАВРИЛЫЧЪ.

А что?

КУПЕЦЪ.

Первая пятница на этой недѣлѣ. Ну вотъ и честь имѣемъ поздравить.

ПРОХОРЪ ГАВРИЛЫЧЪ.

Ахъ ты, голова! Маменька, каковъ молодецъ!

АНФИСА КАРПОВНА.

Поѣзжай ты поскорѣе!

ПРОХОРЪ ГАВРИЛЫЧЪ.

Маменька, я понимаю. Вотъ сейчасъ и поѣдемъ.

КУПЕЦЪ.

Прикажете?

ПРОХОРЪ ГАВРИЛЫЧЪ.

Наливай!

АНФИСА КАРПОВНА.

Этому конца не будетъ!

(*Прохоръ Гаврилычъ и купецъ пьютъ.*)

ПРОХОРЪ ГАВРИЛЫЧЪ (*встаетъ и подходитъ къ матери; въ это время купецъ еще наливаетъ по рюмкѣ*).

Маменька, я вижу, что вы обо мнѣ заботитесь и чувствую это. Пожалуйте ручку! (*Цалуетъ руку*) Я грязную жизнь веду,— я это понимаю; какой же матери это пріятно! Ну, я и оставлю. Женюсь и оставлю. Вамъ не угодно, чтобы я такую жизнь велъ, ну я и оставлю. (*Опять цалуетъ руку.*) Я для васъ все, что вамъ угодно.

АНФИСА КАРПОВНА.

Дай-то Богъ!

ПРОХОРЪ ГАВРИЛЫЧЪ (*подходитъ къ столу и пьетъ*).

Я ужь сказалъ, маменька! У меня сказано — сдѣлано.

КУПЕЦЪ.

А я тебя, баринъ, вчера долго ждалъ. Я съ вашимъ сынкомъ теперь, сударыня, все равно, что неизмѣнное копье: куда онъ,

туда и я. Вотъ ужь другую недѣлю съ нимъ путаемся, разстаться не могу, все и ѣздимъ вмѣстѣ. Коли онъ по дѣлу куда зайдетъ, я на дрожкахъ подожду, либо въ трактирѣ посижу. А глядишь, къ вечеру-то кулечекъ захватимъ, да и за городъ махнемъ, на травкѣ полежать. Подъ кустикомъ-то оно пріятно.

ПРОХОРЪ ГАВРИЛЫЧЪ.

Мы и нынче съ тобой вмѣстѣ поѣдемъ.

АНФИСА КАРПОВНА.

Ты съ отцемъ поѣдешь.

ПРОХОРЪ ГАВРИЛЫЧЪ.

Ну, чтожь! Онъ за нами поѣдетъ. Ты подожди въ трактирѣ! Я оттуда скоро. Что тамъ долго-то дѣлать? Посидимъ, поговоримъ, да и кончено дѣло. Тамъ вѣдь сухо; кромѣ чаю, ничѣмъ не поподчуютъ. Да и разговаривать-то съ ними, изъ пустаго-то въ порожнее пересыпать, тоже скука возьметъ.

КУПЕЦЪ.

Канитель.... (*Наливаетъ себѣ и Прохору Гаврилычу.*)

ПРОХОРЪ ГАВРИЛЫЧЪ (*пьетъ*).

Ужь именно, братъ, канитель.

АНФИСА КАРПОВНА (*умоляющимъ голосомъ*).

Проша!

ПРОХОРЪ ГАВРИЛЫЧЪ.

Маменька, я чувствую. Что у меня — каменное, что ли, сердце-то! Я вѣдь понимаю, что вамъ эта жизнь не нравится, — и мнѣ она не нравится. Вы находите, что грязно, — и я вижу, что грязно. Вижу, вижу, маменька. Вамъ не нравится, ну я и оставлю: я для васъ это удовольствіе сдѣлаю.

АНФИСА КАРПОВНА.

Что же не оставляешь?

ПРОХОРЪ ГАВРИЛЫЧЪ.

Маменька, оставлю. Ужь будьте покойны, оставлю, и въ ротъ не буду брать.

КУПЕЦЪ (*наливая*).

Зачѣмъ совсѣмъ оставлять!

ПРОХОРЪ ГАВРИЛЫЧЪ (*беретъ и пьетъ*).

Нѣтъ, я, братъ, совсѣмъ оставлю. Только, маменька, нельзя же вдругъ.

КУПЕЦЪ.

Даже вредъ можетъ быть отъ этого.

АНФИСА КАРПОВНА.

Какъ же ты къ невѣстѣ-то поѣдешь?

ПРОХОРЪ ГАВРИЛЫЧЪ.

Маменька, я себя знаю. Надобно такъ къ невѣстѣ ѣхать, — не то, чтобы пьянъ, это ужь скверно; а чтобы фантазія въ головѣ была. Что я безъ фантазіи буду съ ними, маменька, разговаривать? Объ чемъ? Кабы я зналъ что нибудь, или читалъ книги какія, тогда бы другое дѣло. Значитъ, мнѣ фантазія и нужна.

КУПЕЦЪ.

Съ фантазіей лучше.

ПРОХОРЪ ГАВРИЛЫЧЪ.

Я безъ фантазіи съ женщинами никогда и не разговариваю; мнѣ какъ-то робко подойти. А какъ есть маленькая фантазія, такъ откуда смѣлость возьмется! (*Входитъ Орестъ, ставитъ бутылку на столъ, а пустую уноситъ.*)

АНФИСА КАРПОВНА.

Сходи на верхъ, скажи барину, что пора ѣхать.

ОРЕСТЪ.

Они не могутъ.

АНФИСА КАРПОВНА.

Отчего?

ОРЕСТЪ.

Я изъ передней-то отлучился не на долго, а они унесли бутылку, да, должно быть, ее и кончили.

АНФИСА КАРПОВНА.

Тиранитъ онъ меня! Хоть вы-то поѣзжайте.

ПРОХОРЪ ГАВРИЛЫЧЪ.

Мы, маменька, сейчасъ. Ну-ка, на дорожку. Орестъ, вели лошадь подавать! (*Орестъ уходитъ.*)

КУПЕЦЪ.

И по закону слѣдуетъ. (*Наливаетъ.*)

ПРОХОРЪ ГАВРИЛЫЧЪ.

А гдѣ такой законъ? Гдѣ онъ написанъ? (*Пьетъ.*)

КУПЕЦЪ.

Да хоть онъ и не написанъ, а всякій его исполняетъ.

ПРОХОРЪ ГАВРИЛЫЧЪ.

Ну, какіе же у тебя планы? Куда мы съ тобой нынче вечеромъ?

КУПЕЦЪ.

А какіе планы? Планы у меня вотъ какіе: перво-на-перво въ Марьину рощу съѣздить за-свѣтло; а оттуда по дорогѣ въ Ельдораду.

ПРОХОРЪ ГАВРИЛЫЧЪ.

Ну, хорошо. Я недолго пробуду, часу до девятаго, не больше.

АНФИСА КАРПОВНА.

Да поѣзжайте! Лошадь дожидается.

ПРОХОРЪ ГАВРИЛЫЧЪ.

Сейчасъ, маменька. Надобно же столковаться-то; а то такъ разсуждай послѣ, куда ѣхать, а время-то идетъ.

КУПЕЦЪ.

Это настоящее дѣло-съ.

ПРОХОРЪ ГАВРИЛЫЧЪ (*встаетъ*).

Ну, поѣдемъ! Прощайте, маменька! (*Цалуетъ руку.*) Видите, маменька, я ѣду. Я для васъ все... Что прикажете, то я и сдѣлаю. Вотъ теперь я себя чувствую, что я могу разговаривать. Я теперь объ чемъ хотите.... А безъ фантазіи просто смерть, ротъ боишься разинуть. (*Нагибается къ матери.*) А вы, маменька, не безпокойтесь насчетъ того; тамъ все кончено. Ну, то есть насчетъ Олиньки.... Вамъ Пульхерія Андреевна насплетничала, вы огорчились этимъ; я сейчасъ же понялъ, что вамъ это непріятно, ну, и кончилъ все. Я изъ вашего лица замѣтилъ, что вамъ непріятно, ну, я и кончилъ.

АНФИСА КАРПОВНА.

Ну, и хорошо.

ПРОХОРЪ ГАВРИЛЫЧЪ.

Кончилъ, кончилъ. Прощайте! (*Цалуетъ руку.*)

КУПЕЦЪ.

А посошокъ на дорогу. (*Наливаетъ.*)

АНФИСА КАРПОВНА.

Какой еще посошокъ?

КУПЕЦЪ.

Ужь безъ этого нельзя-съ. (*Пьютъ*).

ПРОХОРЪ ГАВРИЛЫЧЪ (*взявъ шляпу*).

Маменька, прощайте!

КУПЕЦЪ.

Прощенія просимъ, сударыня! Вы насъ извините; потому, какъ собственно, мы изъ расположенія, а не съ тѣмъ, чтобы что нибудь дурное. (*Кланяется*).

ПРОХОРЪ ГАВРИЛЫЧЪ (*уходя*).

А вы, маменька, насчетъ того не безпокойтесь. Я вамъ сказалъ,—такъ оно и есть. Кончилъ я все, — кончилъ. (*Уходятъ*).

АНФИСА КАРПОВНА.

Ну, слава Богу, уѣхали! Ну вотъ надо бы прогнать этого купца, а какъ его прогонишь? нужный человѣкъ! Что дѣлать, должность такая. Она бы служба-то и нетрудна, да вотъ этимъ-то ужь очень тяжела, — знакомствомъ-то. Тяжелая служба! Ты его стараешься, какъ на путь наставить; а по службѣ-то онъ долженъ вотъ этакую компанію водить. Не водить компанію, не имѣть доходу; а водиться съ ними, такъ сопьешься съ кругу. Вотъ тутъ, какъ хочешь, и раскидывай умомъ. А матери-то и то больно, и другое не сладко. Деньги-то, знать, никому даромъ не достаются. (*Входитъ Пульхерія Андревна*). Это еще какими судьбами!

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Анфиса Карповна и Пульхерія Андревна.

ПУЛЬХЕРІЯ АНДРЕВНА.

Вы не удивляйтесь! Хоть мы съ вами и поссорились, но я все-таки всегда желала вамъ добра, и никогда васъ не могу промѣнять на мѣщанку какую нибудь. А теперь выходитъ такое дѣло, что я должна васъ предупредить; потому я и думаю, что лучше мнѣ позабыть все, что между нами было. По крайней мѣрѣ вы изъ словъ моихъ увидите, сколько во мнѣ благородства противъ васъ.

АНФИСА КАРПОВНА.

Покорно васъ благодарю.

ПУЛЬХЕРІЯ АНДРЕВНА.

Потому что, какъ бы мы съ вами ни ссорились, а вы всегда дороже для меня, по своему званію, какой нибудь мѣщанки.

АНФИСА КАРПОВНА.

Въ чемъ дѣло-то? Я васъ не пойму.

ПУЛЬХЕРІЯ АНДРЕВНА.

Дѣло въ томъ, Анфиса Карповна, что есть люди, которые, при всемъ своемъ ничтожествѣ, много объ себѣ думаютъ и много себѣ позволяютъ. Но по глупости своей, которая въ ихъ кругѣ врожденная, не могутъ никакъ скрыть своихъ хитростей.

АНФИСА КАРПОВНА.

Вы ужь очень мудрено говорите.

ПУЛЬХЕРІЯ АНДРЕВНА.

Кажется, вамъ бы можно понять; теперь же у васъ такое дѣло, которое требуетъ съ вашей стороны осторожности и оглядки.

АНФИСА КАРПОВНА.

Что же такое за дѣло? Что я хочу сына женить, такъ это дѣло очень обыкновенное.

ПУЛЬХЕРІЯ АНДРЕВНА.

А ежели есть люди, которымъ это очень не нравится?

АНФИСА КАРПОВНА.

А мнѣ-то что за дѣло!

ПУЛЬХЕРІЯ АНДРЕВНА.

Ежели бы не было дѣла, развѣ бы я къ вамъ пришла?

АНФИСА КАРПОВНА.

Пустяки какіе нибудь.

ПУЛЬХЕРІЯ АНДРЕВНА.

Хотя ваши слова для меня и обидны, но я вамъ скажу, что не пустяки. Еслибъ пустяки, я бы къ вамъ не пошла. Я должна была переломить себя, чтобы идти къ вамъ; а ежели бы были пустяки, для чего бы мнѣ переламывать себя и идти къ вамъ?

АНФИСА КАРПОВНА.

Ну такъ скажите, коли знаете что.

ПУЛЬХЕРІЯ АНДРЕВНА.

Разумѣется, знаю.

АНФИСА КАРПОВНА.

Что же такое?

ПУЛЬХЕРІЯ АНДРЕВНА.

Я вамъ говорила про одну дѣвушку.

АНФИСА КАРПОВНА.

Помню, помню.

ПУЛЬХЕРІЯ АНДРЕВНА.

Ну такъ онѣ хотятъ помѣшать вашему намѣренію. Я у нихъ нынче была, онѣ мнѣ объ этомъ говорили. Я притворилась, что ихъ слушаю; но, вы сами можете понять, могу ли я стерпѣть, чтобы какая нибудь мѣщанка сдѣлала такую непріятность благородной дамѣ? Онѣ воображаютъ, что я могу быть съ ними заодно; но онѣ очень ошибаются.

АНФИСА КАРПОВНА.

Да чѣмъ же онѣ могутъ помѣшать?

ПУЛЬХЕРІЯ АНДРЕВНА.

Ахъ, Боже мой! Точно вы не понимаете! Пойдутъ къ невѣстѣ въ домъ, ну и разскажутъ все.

АНФИСА КАРПОВНА.

Да что же все-то?

ПУЛЬХЕРІЯ АНДРЕВНА.

Какого Прохоръ Гаврилычъ поведенія, и разные другіе поступки.

АНФИСА КАРПОВНА.

Да кто же имъ повѣритъ?

ПУЛЬХЕРІЯ АНДРЕВНА.

Отчего же не повѣрить?

АНФИСА КАРПОВНА.

Да стоитъ только взглянуть на моего сына, чтобъ не повѣрить никакимъ сплетнямъ. А они его часто видятъ; вотъ онъ и теперь къ нимъ поѣхалъ.

ПУЛЬХЕРІЯ АНДРЕВНА.

Что же ужь вы такъ очень высокаго мнѣнія объ вашемъ сынѣ?

АНФИСА КАРПОВНА.

Да если онъ этого стоитъ.

ПУЛЬХЕРІЯ АНДРЕВНА.

Ну, а насчетъ крѣпкихъ напитковъ-то, что вы скажете?

АНФИСА КАРПОВНА.

Кто же его видѣлъ пьянымъ?

ПУЛЬХЕРІЯ АНДРЕВНА.

Вотъ прекрасно! Да я думаю, всѣ видали. Трезвымъ-то рѣдко видятъ, а пьянымъ-то чуть не каждый день.

АНФИСА КАРПОВНА.

Такъ затѣмъ-то вы пришли, чтобъ моего сына мнѣ въ глаза позорить?

ПУЛЬХЕРІЯ АНДРЕВНА.

Хотя и не затѣмъ; но что же дѣлать, когда вы такъ ослѣплены? Должна же я вамъ выразить то, что всѣ объ немъ знаютъ.

АНФИСА КАРПОВНА.

Вы можете это про себя знать, а я впередъ этого слушать не желаю и покорнѣйшее васъ прошу....

ПУЛЬХЕРІЯ АНДРЕВНА (*встаетъ*).

Не безпокойтесь, не безпокойтесь! Я ужь давно сама себя внутренно проклинаю, что мнѣ пришло въ мысль зайти къ вамъ. Я хотѣла для вашей пользы...

АНФИСА КАРПОВНА.

Да сдѣлайте одолженіе, не нужно...

ПУЛЬХЕРІЯ АНДРЕВНА.

И если же послѣ этого, когда нибудь нога моя....

АНФИСА КАРПОВНА.

Очень, очень будемъ рады.

ПУЛЬХЕРІЯ АНДРЕВНА (*уходя*).

Не пришлось бы и мнѣ к ланяться

АНФИСА КАРПОВНА (*провожая ее*).

Не дай-то, Господи!

ПУЛЬХЕРІЯ АНДРЕВНА (*изъ двери*).

Осыпь меня, кажется, золотомъ, такъ ужь я къ вамъ никогда! (*Скрывается*).

АНФИСА КАРПОВНА (*въ дверяхъ*).

Я молебенъ отслужу.

Конецъ 2-го дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Татьяна Никоновна.
Олинька.
Пульхерія Андревна.
Прохоръ Гаврилычъ.
Вавила Осипычъ.

Декорація 1-го дѣйствія.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Татьяна Никоновна и Олинька (сидятъ за столомъ и шьютъ).

ОЛИНЬКА.

Нейдетъ что-то наша Пульхерія Андревна.

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Мало ли у ней дѣла-то! У ней вѣдь опека большая, не однѣ мы съ тобой. Развѣ скоро всю нашу Полестину-то обходишь! А

она ужь какъ вышла изъ дому, такъ всѣхъ знакомыхъ навѣститъ.

ОЛИНЬКА.

Ужь она, чай, все разнюхала; хоть бы разсказала пришла.

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Что-то ты ужь очень слободно разговариваешь! А у самой, чай, кошки на сердцѣ скребутъ....

ОЛИНЬКА.

Ровнехонько таки ничего.

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА *(взглянувъ въ лицо Олиньки)*.

Повѣрю я тебѣ, какъ же! Такъ только куражишь себя.

ОЛИНЬКА.

Да, пожалуй, не вѣрьте; мнѣ-то какая надобность! Вы, можетъ быть, потому такъ заключаете, что я вчера плакала?

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

А хоть бы и потому.

ОЛИНЬКА.

Такъ это только одна глупость была съ моей стороны. Не стоитъ вниманія жалѣть-то его. Вообразила я себѣ съ дуру-то, что онъ на мнѣ женится; оттого и обидно стало. А такъ-то невелика находка! Хуже-то мудрено найти, а лучше-то хоть сейчасъ.

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Ты что еще придумываешь? Смотри у меня!

ОЛИНЬКА.

Ничего. Не безпокойтесь!

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

То-то ничего! Я тебя замужъ выдамъ и таки скорёхонько.

ОЛИНЬКА.

За кого это, позвольте спросить? За мастероваго за какого нибудь?

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

А хоть бы и за мастероваго.

ОЛИНЬКА.

Нѣтъ, ужь увольте, сдѣлайте милость. Идти ли, нѣтъ ли — за благороднаго; а то такъ и не надо.

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Мало бы ты чего захотѣла! А коли благородныхъ-то не припасено для тебя...

ОЛИНЬКА.

Не припасено, такъ и не надо. Проживу и такъ.

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Да я-то не хочу, чтобъ ты такъ жила да вѣтреничала.

ОЛИНЬКА.

Все будетъ по вашему, только не горячитесь, пожалуйста! Нарисуйте мнѣ рисунокъ, какъ жить; такъ точно я и буду.

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Рисовать нечего. Потому что узоры не мудреные. (*Входитъ Пульхерія Андревна и садится*).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Тѣ же и Пульхерія Андревна.

ПУЛЬХЕРІЯ АНДРЕВНА.

Ну, можете себѣ представить, какъ я узнала...

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Здравствуйте!

ОЛИНЬКА.

Какъ дѣла?

ПУЛЬХЕРІЯ АНДРЕВНА.

А вотъ сейчасъ разскажу все по порядку. Ну, вотъ-съ: вѣдь была я тамъ, у невѣсты-то...

ОЛИНЬКА.

Были?

ПУЛЬХЕРІЯ АНДРЕВНА.

Была. Даже только сейчасъ отъ нихъ.

ОЛИНЬКА.

Какимъ же это манеромъ?

ПУЛЬХЕРІЯ АНДРЕВНА.

А вотъ какимъ: у сосѣдки нашей продается шаль, презентъ, — понимаете ли. Такъ какъ много ей этихъ презентовъ дѣлаютъ, такъ она половину продаетъ. Ну вотъ подхватила я эту шаль въ оханку, да и маршъ къ Шишанчиковымъ. Шишанчиковы имъ фамилія-то. Направляю это туда стопы свои да и думаю: приду будто продавать, а тамъ расплету разговоръ, не выгонятъ же. Мнѣ только бы въ домъ взойдти! Такъ точно и случилось! Прихожу, докладываютъ; выходитъ ко мнѣ сама старуха, женщина солидная, обстоятельная... Начинаю разговоръ: я, говорю, сама

благородная дама, наслышана объ васъ, что вы дочку отдаете, такъ пріятно будетъ для меня услужить вамъ. Повѣрьте, говорю, что я не изъ интересу, а собственно для васъ; ну и пошла дальше да больше, ужь я за словомъ въ карманъ не полѣзу. Просятъ меня кофеемъ, я располагаюсь, какъ дома. Только мнѣ старуха-то и говоритъ: «это точно, я было, говоритъ, дочь просватала, да теперь у насъ, кажется, это дѣло должно разойтись».

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА и ОЛИНЬКА.

Какъ такъ? Что вы говорите?

ПУЛЬХЕРІЯ АНДРЕВНА.

А вотъ слушайте! «Вчерашній, говоритъ, день насъ женихъ въ большое сомнѣніе ввелъ». А онъ, знаете ли, какую штуку откололъ! Поѣхалъ изъ дому-то ужь выпивши, съ пріятелемъ со своимъ, съ подрядчикомъ, да видно имъ мало показалось, такъ они еще по разнымъ мѣстамъ заѣзжали. Гдѣ ужь они тамъ плутали, это неизвѣстно; только къ невѣстѣ-то онъ явился ужь часу въ одинадцатомъ и все съ этимъ съ Вавилой Осипычемъ. Ну, можете себѣ представить, каковы соколы налетѣли! Старуха-то мнѣ и говоритъ: «поглядимъ на нихъ съ дочерью, поглядимъ, да выдемъ, говоритъ, въ другую комнату, потолкуемъ, потолкуемъ; да опять придемъ, поглядимъ; да опять выдемъ потолкуемъ. Нѣтъ, видимъ, дѣло не годится, такъ и ушли къ себѣ и легли спать; какъ ужь они уѣхали, и не знаемъ». Ну ужь, Татьяна Никоновна, и напѣла же я имъ! Я, говорю, ваши рѣчи слушала, теперь послушайте моихъ! Да ужь и отчитала его, друга милаго! Дивлюсь, откуда только у меня слова брались! Такія слова, самыя поразительныя! Онѣ тутъ же при мнѣ написали записку съ отказомъ и послали ему съ человѣкомъ. Сегодня суббота, онъ въ присутствіе не ходитъ, такъ ужь теперь онъ ее и получилъ давно; я таки у нихъ еще съ полчаса послѣ этого посидѣла.

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Теперь вѣдь гляди, сюда придетъ.

ОЛИНЬКА.

Сегодня же придетъ, ужь я его знаю. (*Задумывается*).

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Что ты задумалась?

ОЛИНЬКА.

Да надобно язвительныхъ словъ побольше придумать.

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Придумывай, придумывай! И я послѣ подбавлю. Что, дурочка, рада, небось?

ОЛИНЬКА.

Да разумѣется, рада; только погодите, маменька, не мѣшайте! Слова-то въ головѣ, одно за другимъ, такъ и вьются клубкомъ, только бы не забыть.

ПУЛЬХЕРІЯ АНДРЕВНА.

А ужь какъ я довольна, Татьяна Никоновна, что имъ форсъ-то сбили! А то бы съ ними и не сговорилъ. Теперь спѣси-то у нихъ поубудетъ вершка на два.

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА (*взглянувъ въ окно*).

Никакъ, ѣдетъ? Онъ! Онъ! Да и съ купцомъ.

ПУЛЬХЕРІЯ АНДРЕВНА.

Вы меня спрячьте куда нибудь! Не хотѣлось бы мнѣ, чтобъ онъ меня здѣсь видѣлъ.

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

А вотъ пожалуйте за перегородку! (*Пульхерія Андрьевна уходитъ*) Ну, Олинька, теперь поругать его хорошенько да и прогнать. Поставить на порогъ, да въ три шеи до воротъ.

ОЛИНЬКА.

Прогнать-то не хитро! Прогнать-то всегда успѣемъ.

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

А что же?

ОЛИНЬКА.

А надобно его жениться заставить, вотъ что!

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Ужь ты, дѣвка, больно ловка хочешь быть!

ОЛИНЬКА.

Чего жь зѣвать-то! Дураковъ-то ужъ нынче, говорятъ, меньше стало; еще жди, скоро-ли другой-то набѣжитъ. (*Васютинъ входитъ и останавливается въ дверяхъ*).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Татьяна Никоновна, Олинька и Прохоръ Гаврилычъ.

ПРОХОРЪ ГАВРИЛЫЧЪ (*въ дверяхъ*).

Смотри же, Вавило Осипычъ, ты подожди!

ОЛИНЬКА.

Я даже, маменька, не могу понять, какъ это могутъ люди не имѣть совсѣмъ совѣсти! Надѣлаютъ въ жизни столько гадостей, и нестыдно имъ людямъ въ глаза смотрѣть!

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Разные люди-то бываютъ. У иного стыдъ есть, а другому хоть ты колъ на головѣ теши, такъ ему все равно.

ПРОХОРЪ ГАВРИЛЫЧЪ (*садится*).

Ну да что вы толкуете! Вы знаете ли, зачѣмъ я къ вамъ пришелъ-то?

ОЛИНЬКА.

Намъ и знать-то не нужно. Мы и думать-то про васъ забыли.

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Непрошеный гость хуже татарина.

ПРОХОРЪ ГАВРИЛЫЧЪ.

А вѣдь я жениться-то раздумалъ.

ОЛИНЬКА.

Какое же намъ до этого дѣло! Женитесь вы или не женитесь, намъ рѣшительно все равно.

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Да полно, сами ли раздумали?

ОЛИНЬКА.

Не карету ли подали?

ПРОХОРЪ ГАВРИЛЫЧЪ.

Кому это карету? Мнѣ-то? Посмотрѣлъ бы я! Я самъ не захотѣлъ. Что, думаю, связывать-то себя! Жениться-то я еще всегда успѣю. Невѣстъ, что ли, мало въ Москвѣ-то!

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Да-съ, да-съ! Что вамъ за охота себя связывать! (*Обѣ хохочутъ.*)

ПРОХОРЪ ГАВРИЛЫЧЪ.

Да вы что смѣетесь-то! Вы, значитъ, человѣка цѣнить не умѣете. Почемъ вы знаете, можетъ быть я изъ любви къ ней (*показываетъ на Олиньку*) не женился?

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Не захотѣли дѣвушку обидѣть. Это очень хорошо съ вашей стороны. (*Хохочутъ.*)

ПРОХОРЪ ГАВРИЛЫЧЪ.

Ну, да! Что жь такое! Оттого и не женился. Тебя не захотѣлъ обидѣть, оттого и не женился. Вотъ я каковъ! Захо-

тѣлъ тебѣ доказать, что люблю тебя, и доказалъ. Ужь какая была невѣста, — прелесть! Не хочу, говорю; да и все тутъ. Олинька, говорю, дороже для меня всего на свѣтѣ.

ОЛИНЬКА.

Очень много вамъ за это благодарна!

ПРОХОРЪ ГАВРИЛЫЧЪ.

Такъ маменькѣ и говорю: «невѣста влюблена въ меня; ну и пускай она страдаетъ! А я Олиньку ни на кого не промѣняю».

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Такъ вы мою дочку очень любите?

ПРОХОРЪ ГАВРИЛЫЧЪ.

Да нельзя ее и не любить, Татьяна Никоновна! Я вамъ вотъ что скажу: никого я такъ не любилъ, да никогда и любить не буду. Ее озолотить надо, вотъ какая она дѣвушка!

ОЛИНЬКА.

Какія вы жестокости говорите.

ПРОХОРЪ ГАВРИЛЫЧЪ.

Что за жестокости! У меня ужь такой характеръ. Коли я кого полюбилъ, я ужь ничего не пожалѣю. Что только душѣ угодно, я сейчасъ. Деньги я считаю ни за что.

ОЛИНЬКА.

Нѣтъ, ужь это очень жестоко для моего сердца! Я даже и не знаю, что вамъ отвѣчать на такія нѣжности. Помилуйте, стою ли я такой любви отъ васъ?

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Чего добраго, ты, смотри, къ нему на шею не кинься за такія благодѣянья!

ОЛИНЬКА.

Да ужь и то, маменька, на силу могу совладать съ своими чувствами! (*Хохочетъ*). Вотъ какъ насъ любятъ, маменька!

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Очень вамъ, батюшка, благодарны. (*Кланяется.*)

ОЛИНЬКА.

Вы всю свою любовь выразили, или еще что нибудь осталось?

ПРОХОРЪ ГАВРИЛЫЧЪ.

Я могу и на дѣлѣ доказать.

ОЛИНЬКА.

Очень сожалѣемъ, что ваша любовь пришла не ко времени.

ПРОХОРЪ ГАВРИЛЫЧЪ.

Отчего же не ко времени?

ОЛИНЬКА.

Немного поздно вы хватились. Я выхожу замужъ.

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Да, батюшка, я ей жениха нашла.

ПРОХОРЪ ГАВРИЛЫЧЪ.

Какъ замужъ? За кого?

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Ужь это, батюшка, наше дѣло.

ПРОХОРЪ ГАВРИЛЫЧЪ.

Не можетъ быть! Вы, должно быть, нарочно.

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Хотите вѣрьте, хотите нѣтъ, — это дѣло ваше. Только, батюшка, вотъ что: вы ужь не безпокойте себя, не ходите къ намъ.

ОЛИНЬКА.

Да, ужь сдѣлайте такую милость, я васъ прошу.

ПРОХОРЪ ГАВРИЛЫЧЪ.

Да когда жь это вы успѣли?

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Долго ли, батюшка! Олинька, тебѣ одѣться надо!

ОЛИНЬКА.

Да, маменька. Я думаю, скоро женихъ придетъ.

ПРОХОРЪ ГАВРИЛЫЧЪ.

Такъ у васъ, значитъ, кончено?

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Кончено, батюшка, кончено. Да и въ комнатѣ-то нужно прибрать.

ПРОХОРЪ ГАВРИЛЫЧЪ.

Нѣтъ, какъ хотите, а я не пойду отсюда.

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Такъ благородные люди не дѣлаютъ. Пришли, неизвѣстно зачѣмъ, усѣлись, какъ дома, и выгнать васъ нельзя.

ПРОХОРЪ ГАВРИЛЫЧЪ.

Что хотите, требуйте отъ меня; берите съ меня, что хотите, только не выходи замужъ. Я ни за чѣмъ не постою. Ты знаешь, какъ я привыкъ къ тебѣ; я безъ тебя съ ума сойду.

ОЛИНЬКА.

Я бы не пошла ни за кого; но маменька этого хочетъ.

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Отчего бы ты не пошла?

ОЛИНЬКА.

Вы сами знаете.

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Знаю, знаю. Противъ тебя подлости дѣлаютъ, а ты все готова простить, потому что у тебя сердце доброе. Ты плачешь да убиваешься объ немъ, а онъ и взгляду-то твоего не стоитъ. Прощайте, батюшка!

ПРОХОРЪ ГАВРИЛЫЧЪ.

Нѣтъ, постойте! Развѣ она плачетъ обо мнѣ?

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Разумѣется, плачетъ. Это она при васъ нарочно виду не подаетъ, веселой прикидывается; а безъ васъ, посмотрите-ко, что дѣлаетъ.... Да вы насъ когда же въ покоѣ-то оставите?

ПРОХОРЪ ГАВРИЛЫЧЪ.

Сейчасъ, сейчасъ! Такъ, значитъ, ты меня любишь? Да это я всегда зналъ.

ОЛИНЬКА.

Конечно люблю; но маменька, узнавши все это, непремѣнно хочетъ, чтобы я шла замужъ. Я изъ воли маменькиной не выйду; я и такъ чувствую себя, что я противъ нея много виновата.

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Да, ужь я теперь ее ни на шагъ не отпущу отъ себя, пока за мужъ не выдамъ.

ОЛИНЬКА.

Само собою, что я по своей любви къ тебѣ не могу тебя равнодушно оставить; кажется бы вѣкъ не разсталась...

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

На то я и мать, чтобы смотрѣть за тобой! Да что жь вы нейдете! Будетъ ли этому конецъ?

ПРОХОРЪ ГАВРИЛЫЧЪ.

Не пойду я отъ васъ, и свадьбы вашей не бывать; я самъ женюсь на ней.

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

А когда это случится? Послѣ дождичка въ четвергъ?

ПРОХОРЪ ГАВРИЛЫЧЪ.

Ну, черезъ мѣсяцъ.

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Долго ждать, батюшка! Въ мѣсяцъ много воды утечетъ.

ПРОХОРЪ ГАВРИЛЫЧЪ.

Ну, да ужь вы повѣрьте мнѣ.

ОЛИНЬКА.

Повѣрить-то нельзя.

ПРОХОРЪ ГАВРИЛЫЧЪ.

Отчего же?

ОЛИНЬКА.

Оттого, что ты все врешь. Вѣдь ты намъ тутъ что наговорилъ; а мы все знаемъ. Знаемъ, какъ ты вчера къ невѣстѣ пьяный пріѣзжалъ, какъ тебѣ нынче поутру записку прислали.

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Вотъ, значитъ, вамъ вѣрить-то и нельзя.

ПРОХОРЪ ГАВРИЛЫЧЪ.

Ну да вотъ что: съ отцомъ мнѣ нечего много толковать, мнѣ только маменьку уговорить. Значитъ, я вамъ черезъ полчаса дамъ отвѣтъ. Коли маменька согласна, такъ хоть завтра же свадьба.

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Черезъ полчаса—ужь очень скоро; зачѣмъ такъ торопиться? А вотъ если къ вечеру вы намъ не дадите отвѣту, такъ мы ее вечеромъ образомъ благословимъ.

ПРОХОРЪ ГАВРИЛЫЧЪ.

Ну, такъ до свиданья! Прощай, Олинька! (*Цалуетъ ее.*)

ОЛИНЬКА (*провожая его*).

Ты только никуда съ купцомъ-то не заѣзжай?

ПРОХОРЪ ГАВРИЛЫЧЪ.

Нѣтъ, я прямо домой. (*Уходитъ.*)

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Ужь теперь, должно быть, не сорвется.

ОЛИНЬКА.

Да, похоже на то. А вѣдь я, маменька, буду барыня хоть куда!

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Еще бы! Только, охъ — какъ пустъ малый-то!

ОЛИНЬКА.

Все-таки лучше мастероваго.

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Что говорить!

ОЛИНЬКА.

А вотъ я его послѣ свадьбы-то къ рукамъ приберу. (*Входитъ Пульхерія Андревна.*)

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тѣ же и Пульхерія Андревна.

ПУЛЬХЕРІЯ АНДРЕВНА.

Ну что, прогнали?

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Зачѣмъ гнать! Добрыхъ людей не гоняютъ.

ПУЛЬХЕРІЯ АНДРЕВНА.

Давно ли это онъ сталъ для васъ добрый человѣкъ?

ОЛИНЬКА.

Онъ всегда былъ добрый человѣкъ, только онъ немножко разсѣянъ.

ПУЛЬХЕРІЯ АНДРЕВНА.

Изъ вашихъ словъ я замѣчаю, что вы съ нимъ помирились. Это для меня очень странно! Послѣ всего того, что онъ противъ васъ сдѣлалъ, я бы на вашемъ мѣстѣ его и на глаза къ себѣ не пустила.

ОЛИНЬКА.

Ужь повѣрьте, что я бы тоже сдѣлала. Но онъ показалъ себя очень съ благородной стороны противъ меня. Даже въ нынѣшнемъ свѣтѣ очень не много такихъ людей.

ПУЛЬХЕРІЯ АНДРЕВНА.

Я ужь не пойму этого, извините меня.

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Что жь тутъ не понять-то! Очень просто. Онъ женится на Олинькѣ.

ПУЛЬХЕРІЯ АНДРЕВНА.

Онъ! На Олинькѣ! Вы шутите, или смѣетесь надо мной?

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Нисколько не думаемъ. Да и что же это для васъ такъ удивительно! Что вы тутъ такого страннаго находите, хотѣла бы я знать?

ПУЛЬХЕРІЯ АНДРЕВНА.

Да что же онъ, помѣшался, что ли, отъ пьянства-то?

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Изъ чего это вы заключаете, что онъ помѣшался?

ПУЛЬХЕРІЯ АНДРЕВНА.

Да изо всего.

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Нѣтъ, однако?

ПУЛЬХЕРІЯ АНДРЕВНА.

Да развѣ въ здравомъ умѣ можно такія дѣла сдѣлать?

ОЛИНЬКА.

Хотѣлъ же онъ жениться на другой; отчего жь ему на мнѣ не жениться? Я себя нисколько не считаю хуже другихъ.

ПУЛЬХЕРІЯ АНДРЕВНА.

Все-таки онъ не долженъ марать своего званія.

ОЛИНЬКА.

Да чѣмъ же это марать-то?

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Да васъ-то мужъ взялъ, развѣ вы лучше были Олиньки?

ПУЛЬХЕРІЯ АНДРЕВНА.

Тогда были совсѣмъ другія понятія объ жизни, чѣмъ теперь.

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Значитъ, вамъ ненравится, что Васютинъ женится на моей дочери?

ПУЛЬХЕРІЯ АНДРЕВНА.

Разумѣется, она ему не пара.

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Ну извините, что, не спросясь васъ, дѣло сдѣлали! Впередъ будемъ спрашиваться. Какъ это мы оплошали, я ужь и не знаю! Съ такой умной дамой да не посовѣтовались! Да и онъ-то какъ осмѣлился безъ вашего позволенія, для меня удивительно! Ему бы къ вамъ придти, да спросить: что, молъ, мнѣ, Пульхерія Андревна, жениться на Олинькѣ или нѣтъ?

ПУЛЬХЕРІЯ АНДРЕВНА.

Вы мнѣ колкостей не говорите! Я отъ васъ ихъ слушать не желаю.

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

А мы-то, вы думаете, желаемъ васъ слушать? Да съ чего вы взяли намъ свою важность-то показывать! Кому она нужна! Что вы величаетесь-то передъ нами!

ОЛИНЬКА.

Оставьте, маменька! Пущай говорятъ, что хотятъ.

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Нѣтъ, погоди! Я тебя въ обиду никому не дамъ. Это ужь и на свѣтѣ жить не надо, коли у себя въ домѣ да надъ собой же ругаться позволить.

ПУЛЬХЕРІЯ АНДРЕВНА (*встаетъ*).

Вы по своему необразованію можете ругаться; а я никогда себѣ этого не позволю, потому что считаю за невѣжество. А я все-таки вамъ скажу и всегда буду говорить, что ваша дочь никакимъ образомъ не пара Васютину.

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Говорить вамъ никто не запрещаетъ. Говорите, что хотите, только гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ, а не у насъ.

ПУЛЬХЕРІЯ АНДРЕВНА.

Вамъ только такихъ дураковъ и опутывать, какъ Васютинъ.

ОЛИНЬКА.

Вы очень умны; да жаль, что некстати.

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Экъ, вамъ чужое-то счастье поперекъ горла становится. Да еще погодите, мы вамъ то ли покажемъ! Вотъ мы съ дочерью-то разодѣнемся, да будемъ въ коляскѣ на своихъ лошадяхъ разъѣзжать. Что-то вы тогда скажете?

ПУЛЬХЕРІЯ АНДРЕВНА.

Вы и сидѣть-то въ коляскѣ не умѣете.

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Къ вамъ учиться не пойдемъ, не безпокойтесь!

ПУЛЬХЕРІЯ АНДРЕВНА.

Не объ чемъ мнѣ безпокоиться; я очень покойна.

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

А покойны, такъ и прекрасно. Вы бы и насъ-то тоже въ покоѣ оставили!

ПУЛЬХЕРІЯ АНДРЕВНА.

И оставлю. Я секунды не могу остаться послѣ такихъ оскорбительныхъ для меня словъ.

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Да ужь и напредки-то....

ПУЛЬХЕРІЯ АНДРЕВНА.

Само собою (*Подходя къ двери*) Нѣтъ, какова нынче благодарность! Вѣдь это если людямъ сказать, такъ не повѣрятъ. По чьей милости Васютину-то отказали?

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Небось, по вашей? Да если бы и по вашей, такъ все-таки вы не для насъ дѣлали; да никто васъ объ этомъ и не просилъ, а такъ, свое сердце тѣшили. Развѣ вы можете жить безъ кляузовъ?

ПУЛЬХЕРІЯ АНДРЕВНА.

Что же я, аспидъ, по вашему? Покорно васъ благодарю за такое мнѣніе.

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Не стоитъ благодарности. Чего другаго, а за этимъ у меня дѣло не станетъ.

ПУЛЬХЕРІЯ АНДРЕВНА.

Нѣтъ, ужь это нестерпимо даже, какъ вы себѣ много воли даете!

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Да кого жь мнѣ въ своемъ домѣ бояться! Кто чего стоитъ, такъ я и цѣню.

ПУЛЬХЕРІЯ АНДРЕВНА.

Я всегда дороже васъ была и буду.

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Для кого это вы дороги-то? Ну, да ваше счастье! Вы туда бы и ходили, гдѣ васъ высоко-то цѣнятъ! А мы народъ неблагодарный, вашихъ благодѣяніевъ не чувствуемъ, благородствомъ вашимъ не нуждаемся,—такъ что вамъ за охота съ нами знакомство водить!

ПУЛЬХЕРІЯ АНДРЕВНА.

Ну, ужь теперь кончено! Теперь я васъ очень хорошо поняла.

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

И слава Богу!

ПУЛЬХЕРІЯ АНДРЕВНА.

Такъ поняла, что даже считаю ваше знакомство низкимъ для себя!

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Ну, а низко, такъ и танцуйте отъ насъ!

ПУЛЬХЕРІЯ АНДРЕВНА.

Вотъ воспитаніе!

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Извините! Въ другой разъ придете, такъ поучтивѣе прогонимъ.

ПУЛЬХЕРІЯ АНДРЕВНА.

До чего я себя довела! Гдѣ я? Боже мой! Сколько еще въ нашей сторонѣ невѣжества, такъ это и описать нельзя! И съ такими-то понятіями люди, да еще находятъ жениховъ изъ благороднаго званія! Должно быть, конецъ свѣта скоро будетъ. (*Въ дверяхъ*) Хотя я себя никакъ съ вами не равняю, но все-таки я вашей обиды не забуду. (*Уходитъ.*)

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА (*подойдя къ двери*).

Танцуйте, танцуйте! (*Дочери*) Ну, ужь теперь долго не придетъ. Отчитала я ее, будетъ помнить!

ОЛИНЬКА.

Сами безъ нея соскучитесь. (*Глядитъ въ окно.*)

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Ну, нѣтъ, не скоро. Грѣшная я, точно поболтать люблю, посудачить, и очень рада, когда мнѣ есть съ кѣмъ разговоры развести; да ужь ехидствомъ-то своимъ она меня доѣхала. Съ ней часто говорить нельзя, много крови портится. Кого ты глядишь?

ОЛИНЬКА.

Такъ, смотрю.

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Что скрывать-то! Друга милаго поджидаешь. А онъ, гляди, кантуетъ теперь гдѣ нибудь съ купцомъ съ этимъ, и думать о тебѣ забылъ.

ОЛИНЬКА.

А вотъ ошиблись. Идетъ.

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Ужь-ли идетъ?

ОЛИНЬКА.

Право!

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Ну, что-то Богъ дастъ! У меня, дѣвушка, сердце такъ и застучало.

ОЛИНЬКА.

И у меня тоже, маменька.

(*Васютинъ входитъ. Обѣ молча глядятъ на него.*)

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Тѣ же и Прохоръ Гаврилычъ.

ПРОХОРЪ ГАВРИЛЫЧЪ.

Что вы на меня такъ смотрите?

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Ждемъ, что скажешь. Развѣ не видишь, у насъ духъ захватило?

ПРОХОРЪ ГАВРИЛЫЧЪ.

Что говорить-то! Теперь ужь вашъ, хоть въ телегу запрягайте! (*Олинька бросается къ нему на шею.*)

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Поцалуй ужь и меня, старуху. (*Цалуетъ его.*) Ну, вотъ и ладно! Нынче же мы васъ и благословимъ; а черезъ недѣльку и свадьбу сыграемъ.

ПРОХОРЪ ГАВРИЛЫЧЪ.

Какъ хотите. Чѣмъ скорѣй, тѣмъ для меня лучше. Обвѣнчался да и къ сторонѣ, чтобъ меньше разговору было.

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Ужь само собой. Ну что, какъ дома-то уладилъ?

ПРОХОРЪ ГАВРИЛЫЧЪ.

Насилу маменьку уговорилъ. Ужь чего-чего я не прибиралъ! Да послѣ вчерашняго-то голова болитъ, такъ мыслей никакъ не

соберу; а то бы я ей не то наговорилъ. «Вы, говорю, хотите, маменька, чтобы я въ тоску впалъ. Знаете, говорю, что̀ отъ тоски человѣкъ дѣлаетъ, къ чему его тянетъ?» Ну, и испугалась; согласилась, только чтобы врозь жить.

ОЛИНЬКА.

Да это еще лучше.

ПРОХОРЪ ГАВРИЛЫЧЪ.

Да и для меня свободнѣе. Ну, потомъ разсмѣшилъ ее, ручки у ней расцаловалъ. Благословила она меня, я къ вамъ и пошелъ.

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Ахъ, голубчикъ мой! Ну, ужь я за тобой теперь стану ухаживать что твоя родная мать.

ОЛИНЬКА.

Надо бъ тебя поругать, надо бы; ну, да ужь Богъ съ тобой!

ПРОХОРЪ ГАВРИЛЫЧЪ.

А за что это?

ОЛИНЬКА.

А за то, что ты мнѣ измѣнить хотѣлъ. Вѣдь что ты выдумалъ-то! На образованной барышнѣ жениться! Во-первыхъ, ты всю мою душу истерзалъ, а во-вторыхъ, глупость-то какая съ твоей стороны! Маменька, ужь какъ мнѣ обидно было, что онъ меня обманываетъ, какъ досадно, что онъ дурака изъ себя разыгрываетъ. Нѣтъ, погоди, я тебѣ еще это вымещу. Вѣдь куда и лѣзть-то! Ну, пара ли она тебѣ?

ПРОХОРЪ ГАВРИЛЫЧЪ.

Что жь такое! Я самъ...

ОЛИНЬКА.

Что ты самъ? Ничего. Ей нужно жениха барина; а какой ты баринъ? Съ которой стороны? Только денегъ-то награбили, да ужь и думаете объ себѣ, что вамъ всѣ покоряться должны.

ПРОХОРЪ ГАВРИЛЫЧЪ.

Коли ты такъ обо мнѣ думаешь, какая же можетъ быть у тебя любовь ко мнѣ! Да и мнѣ что жь за охота...

ОЛИНЬКА.

Погоди, не перебивай! Дай ты мнѣ высказать-то все, сердце свое облегчить, чтобы зла не оставалось; а потомъ ужь всѣ цаловаться будемъ.

ПРОХОРЪ ГАВРИЛЫЧЪ.

Ну, болтай, пожалуй, коли языкъ чешется!

ОЛИНЬКА.

Ну, положимъ, что ты женился бъ на ней; что жь бы вышло изъ этого хорошаго? Если у ней вольный духъ, такъ она смѣялась бы надъ тобой да любовника завела; а если смирная, такъ изсохла бы, глядя на тебя. А вѣдь ужь я-то тебя знаю; жизнью своей безобразной ты меня не удивишь! Я тебя и остановить умѣю, и гостей твоихъ знаю, какъ принимать, да еще и вкусу тебя научу, какъ одѣваться и какъ вести себя благороднѣй. А ты, было, меня совсѣмъ бросить хотѣлъ! Ну, какой же ты человѣкъ послѣ этого! (*Плачетъ.*)

ПРОХОРЪ ГАВРИЛЫЧЪ.

Прости! Вѣдь по нашей жизни замотаешься; а тутъ еще маменька пристаетъ.

ОЛИНЬКА.

Ну, Богъ съ тобой! Разстроила только я себя. Давай, помиримся. (*Цалуются.*)

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Вотъ такъ-то лучше! Дай вамъ Богъ совѣтъ да любовь!

ПРОХОРЪ ГАВРИЛЫЧЪ.

Что это, Вавило Осипычъ нейдетъ? (*Вавила Осипычъ входитъ съ кулькомъ вина.*)

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тѣ же и Вавила Осипычъ.

КУПЕЦЪ.

А вотъ и я здѣсь! Хозяюшкѣ наше почтеніе! Барышня, желаю здравствовать. (*Кланяется.*)

ПРОХОРЪ ГАВРИЛЫЧЪ.

Что ты замѣшкался?

КУПЕЦЪ.

А я забѣжалъ, кулечикъ винца захватилъ. Хозяюшка, нѣтъ ли какой посудины? Коли бокальчиковъ нѣтъ, такъ изъ чайной чашки можно; намъ случалось не разъ, мы народъ бывалый.

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Какъ бокальчиковъ не быть! (*Уходитъ за перегородку.*)

КУПЕЦЪ.

А ужь штопоръ, барышня, я завсегда съ собой ношу. У меня складной, съ ножичкомъ, да теперь его и не требуется. Только ножичекъ нужно. Я, баринъ, велѣлъ и смолку сбить и прово-

локу отвернуть; только веревочки подрѣзать—и конецъ. (*Вынимаетъ изъ кармана штопоръ.*)

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА (*приноситъ стаканы на подносѣ*).

Вотъ, батюшко, стаканчики!

КУПЕЦЪ.

Стаканчикомъ-то оно еще способнѣе! (*Откупориваетъ, наливаетъ и подноситъ Татьянѣ Никоновнѣ.*) Честь имѣемъ поздравить! Пожалуйте, хозяюшка!

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Охъ, много!

КУПЕЦЪ.

Пожалуйте, безъ церемоніи-съ!

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА (*беретъ стаканъ*).

Ну дай вамъ Богъ всякой радости. (*Цалуется съ Васютинымъ и дочерью, отпиваетъ немного.*)

КУПЕЦЪ (*не принимая стакана*).

Просимъ обо всей-съ!

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Тяжело, батюшка!

КУПЕЦЪ.

Ничего-съ. Не хмѣльное, пройдетъ. (*Татьяна Никоновна допиваетъ и отдаетъ стаканъ. Онъ наливаетъ и подноситъ Олинькѣ.*) Пожалуйте-съ.

ОЛИНЬКА.

Я не пью.

КУПЕЦЪ.

Нельзя-съ!

ОЛИНЬКА.

Право, не могу.

КУПЕЦЪ.

Никакъ невозможно-съ.

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Выпей немножко! (*Олинька цалуется съ Васютинымъ и отпиваетъ немного.*)

КУПЕЦЪ.

Этого нельзя-съ. Зла не оставляйте-съ!

ОЛИНЬКА.

Я васъ увѣряю, что не могу.

КУПЕЦЪ.

Пожалуйте! Не задерживайте-съ.

ПРОХОРЪ ГАВРИЛЫЧЪ.

Выпей, поневолься! (*Олинька допиваетъ.*)

КУПЕЦЪ (*наливаетъ и подноситъ Васютину*).

Пожалуйте-съ.

ПРОХОРЪ ГАВРИЛЫЧЪ.

Маменька, за ваше здоровье! Олинька, за твое здоровье! (*Цалуется и пьетъ.*)

КУПЕЦЪ (*наливаетъ*).

Вотъ теперь я самъ выпью-съ! Честь имѣемъ, на многія лѣта! Чтобы вамъ богатѣть, а намъ на васъ радоваться, да завсегда компанію водить! (*Пьетъ и цѣлуется со всѣми.*) Оченно пріятно-съ! Ужь мы теперь, хозяюшка, къ вамъ каждый вечеръ.

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Милости просимъ, батюшко!

ПРОХОРЪ ГАВРИЛЫЧЪ.

Мы, маменька, теперь ужь ваши гости.

КУПЕЦЪ.

Мы здѣсь гнѣздушко совьемъ! Только вы, хозяюшка, на счетъ провіанту не безпокойтесь на будущее время,—это ужь моя забота. Я къ вамъ завтрашняго числа заразъ побольше привезу, чтобъ нàдолго хватило. (*Откупориваетъ еще бутылку и наливаетъ.*)

ПРОХОРЪ ГАВРИЛЫЧЪ.

Опять тѣмъ же порядкомъ!

КУПЕЦЪ.

Какъ водится. Сначала дамамъ.

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Батюшко, увольте!

КУПЕЦЪ.

Ужь это, Прохоръ Гаврилычъ, такъ чинъ чиномъ по порядку у насъ линія и пойдетъ. (*Подноситъ Татьянѣ Никоновнѣ.*)

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.

Да ты дай хоть вздохнуть-то немножко!

КУПЕЦЪ.

Не задерживайте-съ!

17 апрѣля, 1860 г.

А. ОСТРОВСКІЙ.

ПѢСНЯ О РУБАШКѢ.

(ИЗЪ ТОМАСА ГУДА) (*).

Затекшіе пальцы болятъ,
И вѣки болятъ на опухшихъ глазахъ....
Швея въ своемъ жалкомъ отрепьѣ сидитъ
Съ шитьемъ и иголкой въ рукахъ.
Шьетъ — шьетъ — шьетъ,
Въ грязи, въ нищетѣ, голодна,
И жалобно горькую пѣсню поетъ —
Поетъ о рубашкѣ она.

(*) Въ этомъ опытѣ перевода знаменитой пѣсни англійскаго поэта встрѣчаются нѣкоторые не совсѣмъ правильные стихи, какъ и въ самомъ подлинникѣ. Переводчику ничего не стоило сгладить всѣ неровности, перериемовать всю пьесу и вообще сдѣлать ее вполнѣ согласною съ правилами строгой версификаціи; но едва ли въ такомъ видѣ она сохранила бы то безпорядочное и страстное движеніе, которое составляетъ ея существенный характеръ. На сколько можно при несходствѣ языковъ, переводчикъ старался сберечь не только внутренній строй, но и внѣшніе оттѣнки выраженія оригинала. «Пѣсня о рубашкѣ» пользуется такою громкою извѣстностью, что допускать въ ней передѣлки, смягченія, и проч. (которыя вдобавокъ обыкновенно кажутся желаніемъ исправлять подлинникъ) было бы непростительно. — Память о Томасѣ Гудѣ недавно возобновлена въ Англіи изданіемъ записокъ о его жизни. Мы воспользуемся ими, какъ скоро онѣ будутъ получены въ Петербургѣ, а также и прежними біографіями, чтобы представить читателямъ «Современника» характеристику Гуда, какъ поэта и какъ человѣка.

«Работай! работай! работай,
Едва пѣтухи прокричатъ!
Работай! работай! работай,
Хоть звѣзды сквозь кровлю глядятъ!
Ахъ, лучше бы мнѣ пропадать
Въ неволѣ у злыхъ басурманъ!
Тамъ нечего женщинѣ душу спасать,
Какъ надо у насъ христіанъ.

«Работай! работай! работай,
Пока не сожметъ головы какъ въ тискахъ!
Работай! работай! работай,
Пока не померкнетъ въ глазахъ!
Строчку — ластовку — вóротъ —
Вòротъ — ластовку — строчку....
Повàлитъ ли сонъ надъ шитьемъ — и во снѣ
Строчишь все да рубишь сорочку.

«О, братья любимыхъ сестеръ!
Опора любимыхъ супругъ, матерей!
Не холстъ на рубашкахъ вы носите; нѣтъ!
А жизнь безотрадную швей,
Шей — шей — шей!...
Въ грязи, въ нищетѣ, голодна,
Рубашку и саванъ одною иглой
Я шью изъ того жь полотна.

«Но чтò мнѣ до смерти? Ея не боюсь,
И сердце не дрогнетъ мое,
Хоть тотчасъ костлявая гостья приди....
Я стала похожа сама на нее.
Похожа отъ голоду я на нее;
Здоровье не явится вновь.
О, Боже! зачѣмъ это дорогъ такъ хлѣбъ,
Такъ дешевы тѣло и кровь?

«Работай! работай! работай!
Мой трудъ безконечный жестокъ.
А плата? Отрепье, солома въ углу,
Да черстваго хлѣба кусокъ.

Скамейка да столъ — голый полъ —
Убогая кровля сквозится....
И то любо мнѣ, какъ на сѣрой стѣнѣ
Порой моя тѣнь отразится.

«Работай! работай! работай
Отъ боя до боя часовъ!
Работай! работай! работай,
Какъ каторжникъ въ тьмѣ рудниковъ!
Строчка — ластовка — воротъ —
Воротъ — строчка — рубецъ....
Застелетъ глаза, онѣмѣетъ рука,
И сердце замретъ подъ конецъ.

«Работай! работай! работай,
Когда леденѣетъ въ окошкѣ стекло!
Работай! работай! работай,
Когда и свѣтло и тепло —
И ласточки, къ выступамъ кровли лѣпясь,
Щебечутъ въ сіяніи дня,
И кажутъ мнѣ яркія спинки свои,
И дразнятъ весною меня.

«О! только бы разъ подышать
Дыханьемъ луговъ, полевыми цвѣтами
Вверху только небо одно,
Трава и цвѣты подъ ногами.
О! только бы часъ лишь пожить
Блаженствомъ младенческихъ лѣтъ,
Когда я не знала, что буду цѣнить
Дороже прогулки обѣдъ!

«О! только бы часъ лишь одинъ!
Лишь мигъ!... чтобъ душа ожила....
Любовь и надежда, и мига вамъ нѣтъ;
Все время печаль отняла.
Поплакать бы — легче бы сердцу отъ слезъ....
Нѣтъ, слезы мои! не теките!
Иголкѣ моей не мѣшайте вы шить!
Шитья моего не мочите!»

Затекшіе пальцы болятъ,
И вѣки болятъ на опухшихъ глазахъ....
Швея въ своемъ жалкомъ отрепьѣ сидитъ
Съ шитьемъ и иголкой въ рукахъ.
Шьетъ — шьетъ — шьетъ,
Въ грязи, въ нищетѣ, голодна,
И жалобно горькую пѣсню поетъ....
Иль пѣсня та къ вамъ, богачи, не дойдетъ?...
Поетъ о рубашкѣ она.

МИХ. МИХАЙЛОВЪ.

ОЧЕРКЪ ДОМАШНЕЙ ЖИЗНИ И НРАВОВЪ

ВЕЛИКОРУССКАГО НАРОДА

ВЪ XVI И XVII СТОЛѢТІЯХЪ.

XV.

ВЫѢЗДЪ ИЗЪ ДОМА И ПУТЕШЕСТВІЕ.

По старинным понятіямъ русскихъ, ходить пѣшкомъ для важнаго человѣка считалось предосудительнымъ и неприличнымъ, и хотя бы нужно было сдѣлать нѣсколько шаговъ отъ двора по улицѣ, бояринъ или значительный дворянинъ почиталъ необходимымъ для поддержанія своего достоинства ѣхать, а не идти. Мужчины по городу ѣздили, лѣтомъ, верхомъ; зимою, въ саняхъ. Русскія сѣдла дѣлались изъ дерева и сухихъ жилъ; они были низкія, плоскія, стремена короткія; сѣдло клалось на чепракъ, который накладывался на попону и покровецъ. Края попоны или покровца выказывались изъ подъ чепрака и поэтому красиво убирались; чепракъ украшался различно, смотря по достатку и по случаю выѣзда. Сѣдла чаще всего были обиты сафьяномъ съ золотыми узорами, иногда же бархатомъ; луки позолачивали. Чепракъ покрывался всегда другою матеріею. Узды дѣлались съ серебряными ухватами и съ серебряными оковами на мордѣ лошади и, сверхъ того, снабжались серебряными, иногда позолочеными цѣпочками, издававшими звуки при каждомъ

движенія лошади. Подъ морду лошади подвѣшивались ожерелья, составленныя изъ ремней, унизанныхъ серебряными, у богатыхъ даже золотыми бляхами: ближе къ головѣ лошади эти ожерелья были уже, а къ концу расширялись до двухъ пальцевъ шириною; на ногахъ, сверхъ копытъ, у верховой лошади привѣшивали маленькіе колокольчики, а сзади у сѣдла прикрѣпляли небольшія литавры, мѣдныя или серебряныя: всадникъ ударялъ въ нихъ бичемъ для возбужденія охоты въ лошади и для того, чтобъ проходящіе давали дорогу. Бичи дѣлались изъ татарской жимолости (привозимой съ береговъ Волги); ручка ихъ обдѣлывалась мѣдью или моржевою костью. Молодцы, сидя верхомъ, гарцовали и красовались тѣмъ, что, ударяя въ литавры, заставляли лошадь дѣлать внезапный прыжокъ, и при этомъ кольца, цѣпочки и колокольчики на ногахъ лошади издавали звуки.

Зимнія мужскія сани обыкновенно запрягались въ одну лошадь и покрывались медвѣжьею шкурою, называемою медвѣдно, а сверху закрывались полстью. Эта полсть была часто изъ простаго войлока, а иногда суконная съ образцами или нашивками изъ бархата и другой какой нибудь дорогой матеріи; къ краямъ полсти привѣшивались ремни или снурки другаго цвѣта, чѣмъ самая полсть, и обыкновенно одинакаго съ образцами. У знатныхъ самыя сани обивались атласомъ или адамашкою. На спинку саней, вообще не очень высокую, клали персидскій или турецкій коверъ; края его свѣшивались назадъ: въ этомъ поставляли щегольство. Вообще, русскія сани были невелики, дѣлались для одного только человѣка, рѣдко для двухъ, но не болѣе; онѣ имѣли часто форму лодки съ краями, загнутыми и спереди и сзади. Кучеръ — обыкновенно, молодой парень — сидѣлъ верхомъ на той же лошади, которая везла сани, опираясь на дугу, не высокую и наклоненную назадъ. Голова лошади убиралась цѣпочками, колечками, разноцвѣтными перьями и звѣриными хвостами — лисьими, волчьими или собольими. Когда господинъ усаживался въ сани, то у ногъ его становились на тѣхъ же саняхъ два холопа; нѣсколько холоповъ шло по бокамъ, а сзади бѣжалъ мальчикъ — козакъ. Царь Алексѣй Михайловичъ ѣздилъ парадно къ обѣднѣ въ саняхъ, представлявшихъ видъ длиннаго ящика, который съуживался къ ногамъ, а въ задней части сдѣланы были уступы, какъ полки въ банѣ; сани были запряжены въ одну лошадь, украшенную разными побрякушками и перьями. Два ближніе боярина стояли на запяткахъ, а два стольника по обѣимъ сторонамъ царя, у его ногъ, на полозьяхъ и поддерживали полсть. По сторонамъ шла толпа придворныхъ и стрѣльцовъ съ ружьями. Всѣ были безъ шапокъ, и только ближніе бояре держали ихъ въ рукахъ. (Mejerb. 101, 198. — Барбер. 37.

51. — Olear. 48. 205. — Carlis. 337. — Jenkins. Hacl. 351. — Врем. XIII, 9. — А. И. II, 72. — Кильбург. 32).

Кромѣ обыкновеннаго стариннаго способа ѣздить въ саняхъ на одной лошади, въ XVII вѣкѣ начали ѣздить въ нѣсколько лошадей въ каретахъ и зимою и лѣтомъ. Въ 1681 году было указано, что только бояре могутъ ѣздить на двухъ лошадяхъ, а въ праздники на четырехъ, во время же свадебъ и сговоровъ на шести. Всѣ прочіе, не исключая и стольниковъ, должны ѣздить лѣтомъ непремѣнно верхомъ, а зимою въ саняхъ на одной лошади (С. Г. Гр. III. 394). Вообще, ѣзда въ саняхъ считалась почетнѣйшею ѣзды на колесахъ; въ торжественныхъ случаяхъ сани употреблялись и лѣтомъ, особливо духовными лицами. Такъ, патріархъ іерусалимскій, пріѣзжавшій въ Москву для посвященія въ патріархи Филарета, ѣхалъ въ Успенскій соборъ въ саняхъ, хотя это было 24 іюня. Архіереи обыкновенно ѣзжали къ обѣднѣ въ саняхъ и лѣтомъ, какъ и зимою: спереди служка несъ посохъ; позади шли служки (Доп. II, 215).

Жены и особы женскаго пола семействъ боярскихъ и дворянскихъ ѣздили въ закрытыхъ экипажахъ и лѣтомъ, и зимою. Лѣтніе назывались колымаги, зимніе каптаны. Колымаги дѣлались на высокихъ осяхъ, иногда съ лѣстницами, иногда же вовсе безъ ступеней, какъ лѣтнія, такъ и зимнія. Внутри онѣ обивались краснымъ сукномъ или червчатымъ бархатомъ и закрывались по бокамъ суконными или шелковыми занавѣсами, иногда съ дверцами въ нихъ; въ эти дверцы вставлялись маленькія слюдяныя окна, задернутыя занавѣсками. Боковые занавѣсы пристегивались плотно къ краямъ экипажа такъ, чтобъ вѣтеръ никакимъ образомъ не могъ распахнуть ихъ. У нѣкоторыхъ знатныхъ особъ такіе экипажи были чрезвычайно богаты; напримѣръ, у боярина Морозова была карета, ограбленная народомъ во время бунта, снаружи она была обложена золотомъ, обита внутри соболями высокаго достоинства съ окованными серебромъ колесами. (Olear. 255. — Коших. 14. — Das Gr. Reich v. Mosc. 208.)

Закрытая отовсюду, знатная госпожа сидѣла въ своей колымагѣ или каптанѣ на подушкѣ; у ногъ ея сидѣли рабыни. Такую колымагу или каптану везла обыкновенно одна лошадь; но случалось, что знатныя лица ѣздили и на нѣсколькихъ: тогда лошади припрягались одна къ другой не рядомъ, какъ дѣлается теперь, а гуськомъ, одна спереди другой; постромки между послѣднею и предпослѣднею на краю поѣзда были вдвое длиннѣе, чѣмъ между предшествовавшими. Лошади обвѣшивались еще нарядаѣе, чѣмъ въ мужскихъ поѣздахъ, волчьими, лисьими, собольими хвостами, кольцами, цѣпочками и круглыми шариками, въ видѣ львиной головки, и покрывались попо-

нами изъ бархата, или объяри, обложенными золотою и серебряною бахрамою съ кистями по угламъ. Кучеръ или сидѣлъ верхомъ на одной изъ лошадей, или шелъ пѣшкомъ; возжей у него чаще всего не было вовсе, а иногда они привѣшивались; идя возлѣ лошадей, кучеръ помахивалъ арапникомъ изъ заячьей кожи съ набалдашникомъ изъ сайгачьяго рога. По бокамъ шли тридцать или сорокъ холоповъ, называемыхъ скороходами. Въ числѣ ихъ нерѣдко находились и такіе, которымъ, по приказанію господина, поручалась обязанность быть аргусами госпожи, и смотрѣть, чтобъ какъ нибудь ея взоры чрезъ приподнятую занавѣску не встрѣтились со взорами молодыхъ людей, способныхъ, при случаѣ, на всякую наглость. Если, такимъ образомъ, проѣзжалась сама царица, то экипажъ ея везли двѣнадцать лошадей бѣлой масти; съ нею сидѣли боярыни; сзади провожали ее придворныя рабочія — женщины и прислужницы (мастерицы и постельницы), сидя на лошадяхъ верхомъ по-мужски. Обычай женщинъ садиться верхомъ на лошадь по-мужски былъ въ старину въ среднемъ классѣ народа, но сталъ выходить въ XVII вѣкѣ (Барбер. 50.—Olear. 215. 217. 255. — Petr. 307.—Коших. 26.— Кильбург. 13. — Доп. IV, 103).

Лошади въ Москвѣ были въ употребленіи татарскія, пригоняемыя во множествѣ изъ Астрахани и ея окрестностей каждогодно. Онѣ не отличались ни красотой, ни статностію, напротивъ были даже дурны собою, узкобрюхія съ тяжелой головой, съ короткой шеею; за то очень крѣпкія, бѣжали скоро, и сносили всякій трудъ. Но такъ какъ эти достоинства годились не столько для городской ѣзды, сколько для дорожной, то у богатыхъ были лошади персидскія и арабскія, очень красивыя, хотя, по замѣчанію иностранцевъ, дурно выѣзженныя. Русскіе щеголяли особенно бѣлыми лошадьми. У зажиточныхъ хозяевъ во дворахъ было всегда много лошадей разныхъ разрядовъ: однѣ были исключительно верховыя; другія запрягались въ сани и назывались санники; третьи носили имя колымажныхъ, потому что закладывались только въ лѣтніе экипажи; четвертыя служили для посылокъ и разъѣздовъ (Коших. 65.—Olear. 28.— Mejerb. 101).

Въ дорогу отправлялись зимою въ саняхъ: женщины въ закрытыхъ каптанахъ; обыкновенно сани везли двѣ лошади. Протяженія измѣрялись верстами: въ верстѣ считалось тысяча саженъ; но въ XVII вѣкѣ возникла новая верста въ 700 саженъ; кромѣ того, существовала приблизительная мѣра днищами, употребительная въ малонаселенныхъ краяхъ Россіи. Русскія дорожныя сани были четвероугольной формы, напоминавшія собою гробъ, назади шире, напереди уже. Ихъ дѣлали по большей части изъ древесной коры или

зубья и предпочитали деревянными по легкости. Собственно мужскія сани были не широки и очень длинны, такъ что можно было лечь въ нихъ свободно человѣку, а иногда и двумъ рядомъ. Сзади ихъ обивали рогожею, на бокахъ кожами и закрывали сверху мѣхами. Отправляясь въ дорогу, русскій одѣвался какъ можно теплѣе и сверху набрасывалъ епанчу, въ предохраненіе отъ снѣга и дождя; на головѣ у него была шапка, покрытая и подбитая мѣхомъ, на рукахъ теплыя рукавицы, на ногахъ мѣховыя ногавицы, а за пазухой на цѣпочкѣ или на ремнѣ скляница съ виномъ; сверху онъ укрывался медвѣднемъ или медвѣжьею шкурою. Путешественникъ вылѣзалъ изъ своей берлоги одинъ разъ въ сутки поѣсть. Запасы хранились въ тебенькахъ. Женскія дорожныя сани были такой же формы, снабжались по сторонамъ жердями, поставленными перпендикулярно со всѣхъ сторонъ по краямъ; на нихъ навѣшивалось сукно; сани закрывались имъ сверху и съ боковъ и только на одной сторонѣ оставалась для выхода задернутая узкая пола. Сани женскія дѣлались гораздо шире мужскихъ, такъ что въ нихъ можно было сидѣть и лежать двумъ или тремъ женщинамъ вмѣстѣ, потому что госпожа не ѣздила безъ прислужницъ.

Зимній путь считался удобнѣе и легче лѣтняго, и всѣ иностранцы отдавали честь скорой ѣздѣ зимою. Только съ начала зимы встрѣчались неудобства, когда прокладывались вновь зимнія дороги; разъ проложенная тропа оставалась въ первоначальномъ видѣ на всю зиму. Если мужику случалось проѣхать въ началѣ зимы и онъ выбиралъ непрямую дорогу—колея эта не измѣнялась, потому что искать новыхъ путей по сугробамъ было опасно. При ѣздѣ на ямскихъ, упряжки были очень велики: напримѣръ, шестьдесятъ, семьдесятъ верстъ и болѣе; однако русскіе ямщики бѣжали безъ отдыха, особенно когда возили царскихъ гонцовъ. Чтобъ частному человѣку ѣхать на ямскихъ, нужно было взять подорожную: и его везли скоро и дешево, потому что подорожныя въ старину наводили страхъ. Когда ямщики везли по подорожной, то кричали и свистали въ дудочки, давая этимъ знать, чтобъ всѣ встрѣчные сворачивали съ дороги, а опоздавшимъ отвѣшивали по спинамъ удары кнутомъ. Проѣхавши каждую версту, ямщикъ давалъ объ этомъ знать пронзительнымъ крикомъ: верста! Подъѣзжая къ яму, начиналъ ямщикъ свистать сквозь зубы и этимъ подавалъ знакъ; услыша сигналъ, въ яму начиналась бѣготня: одни выводили лошадей, другіе несли упряжь. Вообще по подорожной ямщики брали до двухъ рублей за 350 верстъ. Что касается до частныхъ лицъ, если они не имѣли протекціи для того, чтобъ пріобрѣсть подорожную, то должны были нанимать частныхъ ямщиковъ, которыхъ вездѣ было много; но тогда ѣзда обходилась дороже.

Лѣтомъ ѣзда была несравненно хуже, ибо русскія дороги представляли во все лѣто не только неудобства, но и опасность для жизни, не говоря уже о веснѣ, во время водоразлитія, когда цѣлыя села казались плавающими. Починка дорогъ возлагалась на жителей по сошному дѣленію, подъ надзоромъ руководителей, называемыхъ вожами, при выборныхъ цаловальникахъ,—они обязаны были мостить мосты и гати, заравнивать овраги; но повинности эти исправлялись очень небрежно и дороги были до крайности дурны. Проѣзжіе лѣтомъ старались избѣгать сухопутныхъ поѣздокъ и чрезвычайно мало ѣздили, особенно съ женщинами; самые ямщики лѣтомъ пренебрегали своими обязанностями, и проѣзжій, достигавшій яма, могъ дожидаться нѣсколько часовъ, пока соберутъ ямщиковъ и приведутъ лошадей изъ табуна или съ полевыхъ работъ. У кого не было своего лѣтняго экипажа, тому давался возъ, покрытый рогожею; коверъ и подушку проѣзжающій долженъ былъ возить съ собою. По причинѣ всѣхъ этихъ неудобствъ, охотнѣе и чаще ѣздили по рѣкамъ на судахъ, которыя можно было найти съ гребцами вездѣ, гдѣ дорога прилегала къ рѣкѣ; съ казенною подорожною можно было пользоваться казенными стругами и гребцами, точно также, какъ ямщиками и ихъ лошадьми. Величина струговъ и количество гребцовъ на нихъ соразмѣрялись съ шириною рѣки и протяженіемъ пути отъ одной пристани до другой. Струги, на которыхъ усаживалось много пассажировъ, напр. человѣкъ пятьдесятъ или шестьдесятъ, дѣлались широкіе, съ одной мачтой и обыкновенно съ шестнадцатью веслами; подъ палубой устроивались клѣтки и перегородки для пассажировъ и ихъ багажа. Къ мачтѣ привязывался огромный холщевой парусъ, распускаемый во время попутнаго вѣтра. Вмѣсто руля употреблялся длинный и широкій шестъ, опущенный въ воду; другой его конецъ прикрѣплялся къ шесту, который утверждался неподвижно на стругѣ. Рулевой шестъ имѣлъ при своемъ окончаніи двѣ рукояти; когда нужно было поворотить стругъ, кормщикъ дѣйствовалъ посредствомъ веревокъ, которыя обвязывались около этихъ рукоятокъ (de Bruins, 76). На волокахъ, то есть на переѣздахъ отъ одной рѣки до другой, стояли на-готовѣ ямщики, для найма проѣзжающимъ и для возки тяжестей.

Величайшее неудобство русскихъ дорогъ, какъ зимнихъ, такъ и лѣтнихъ, было отсутствіе гостинницъ и всякаго рода пристанищъ для путешественниковъ. Правда, кое-гдѣ при монастыряхъ существовали гостинницы, служившія иногда облегченіемъ для путешественника, но не могли входить въ условія повсемѣстныхъ дорожныхъ удобствъ. Зимою останавливались въ крестьянскихъ избахъ, бо̀льшею частію курныхъ, гдѣ нестерпимый жаръ и вонь приводили

въ трепетъ иностранцевъ, но мало безпокоили русскую натуру. Лѣтомъ не заходили въ строенія вовсе, и готовили себѣ пищу на воздухѣ. Какъ зимою, такъ и лѣтомъ, проѣзжій бралъ съ собою большой запасъ хлѣба, сушенаго мяса, рыбы, сала, меду; а другіе припасы набиралъ отъ города до города (А. И. II. 25. III. 107. 211. IV. 366. — А. А. Э. I. 481. — Доп. III. 90. 103. IV. 13. — С. Г. Гр. I. 61.—Врем. XIII. — Русск. Вѣстн. 1851. IX. 606. — Барбер. 38. — Petr. 283. 312. 319. — Olear. 152. — Borrow. 309. — Crull. 154. — de Bruins, 19).

XVI.

ПРІЕМЪ ГОСТЕЙ. — ОБРАЩЕНІЕ.

Въ пріемѣ гостей русскіе наблюдали тонкія различія сословныхъ отношеній. Лица высшаго званія подъѣзжали прямо къ крыльцу дома, другіе въѣзжали на дворъ, но останавливались на нѣкоторомъ разстояніи отъ крыльца и шли къ нему пѣшкомъ; тѣ, которые почитали себя гораздо низшими предъ хозяиномъ, привязывали лошадь у воротъ и пѣшкомъ проходили весь дворъ — одни изъ нихъ въ шапкахъ, а другіе, считавшіеся по достоинству ниже первыхъ, съ открытой головою. Въ отношеніи царскаго этикета были подобныя же различія: одни имѣли право только въѣзжать въ Кремль, другіе останавливались у воротъ царскаго двора, и никто, подъ опасеніемъ кнута, не смѣлъ провести черезъ царскій дворъ лошади. Со стороны хозяина, встрѣча гостя также соразмѣрялась съ его сословнымъ достоинствомъ. Важныхъ гостей сами хозяева встрѣчали у крыльца, другихъ въ сѣняхъ, третьихъ въ комнатѣ. Существовалъ обычай дѣлать нѣсколько встрѣчъ прибываемымъ гостямъ. Такимъ образомъ у воротъ гостя встрѣчаетъ лицо низшаго званія въ домѣ; въ другомъ мѣстѣ, напр. у крыльца, другое лицо, выше перваго; въ третьемъ—еще высшее, или самъ хозяинъ. На этомъ обычаѣ устроивали при дворѣ почетныя встрѣчи: въ одномъ мѣстѣ встрѣчалъ гостя стольникъ, въ другомъ сокольничій, въ третьемъ бояринъ. Когда отецъ Михаила Ѳеодоровича, Филаретъ Никитичъ, возвратился изъ плѣна, то ему устроено было три встрѣчи на дорогѣ: первая въ Можайскѣ, вторая въ Вязьмѣ, третья въ Звенигородѣ, гдѣ уже встрѣчалъ его самъ царь. Также точно и по пріѣздѣ его въ Москву къ церкви, у саней встрѣтили его архіепископъ съ двумя архимандритами, у дверей митрополитъ съ архимандритами и двумя игу-

местами, а въ церкви митрополитъ по степени достоинства выше предъидущаго (Доп. И. 215. — С. Г. Гр. III. 184).

Въ отношеніи права входить во дворецъ—одни, ближайшіе люди, пользовались правомъ входить въ комнату государя; другіе, ниже первыхъ, только въ переднюю; третьи ожидали царскаго выхода на крыльцѣ; а люди меньшихъ чиновъ не смѣли взойти и на крыльцо.

Подобные оттѣнки различія въ пріемѣ гостей наблюдались у частныхъ лицъ. Вообще старшіе не ѣздили въ гости къ младшимъ; на этомъ основаніи и царь никогда не посѣщалъ подданнаго. Но если къ хозяину пріѣзжалъ гость, котораго хозяинъ особенно чествовалъ, и который по служебнымъ, семейнымъ или общественнымъ условіямъ требовалъ уваженія, хозяинъ разставлялъ слугъ встрѣчать гостя: напримѣръ, у воротъ его встрѣчалъ дворецкій, у крыльца сынъ или родственникъ хозяина, а потомъ въ сѣняхъ или передней хозяинъ въ шапкѣ или съ открытой головою, смотря по достоинству гостя. Другихъ же гостей не встрѣчали; напротивъ, сами гости ожидали выхода хозяина въ передней. Вѣжливость требовала, чтобъ гость оставилъ въ сѣняхъ свою палку, и вообще говорить, держа въ рукѣ палку, а тѣмъ болѣе опершись на нее, считалось невѣжествомъ. Снявъ шапку, гость держалъ ее въ рукѣ съ платкомъ въ ней. Вошедши въ комнату, гость долженъ былъ прежде всего креститься, взирая на иконы, и положить три поясныхъ поклона, касаясь пальцами до земли, потомъ уже кланяться хозяину; въ поклонахъ ему соблюдалась также степень уваженія къ его достоинству. Такимъ образомъ, предъ одними только наклоняли голову, другимъ наклонялись въ поясъ, предъ третьими вытягивали руки и касались пальцами до земли; тѣ же, которые сознавали свое ничтожество предъ хозяиномъ или зависимость отъ него, становились на колѣни и касались лбомъ земли: отсюда выраженіе «бить челомъ». Равные и пріятели привѣтствовали другъ друга подачею правой руки, поцалуемъ и объятіями, такъ что одинъ другаго цаловали въ голову и прижимали къ груди. Хозяинъ приглашалъ гостя садиться или говорилъ съ нимъ стоя, также соразмѣряя степень его достоинства: на этомъ основаніи, не приглашая гостя садиться, и самъ или стоялъ, или сидѣлъ. Самое почетное мѣсто для гостя было подъ образами; самъ хозяинъ сидѣлъ по правую сторону отъ него. Гость изъ сохраненія приличія воздерживался, чтобъ не кашлять и не сморкаться. Въ разговорѣ наблюдалось тоже отношеніе достоинствъ гостя и хозяина; такъ, привѣтствуя свѣтскихъ особъ, спрашивали о здоровьѣ, а монаховъ о спасеніи; однимъ говорили *вы*, а себя въ отношеніи высшихъ лицъ называли *мы*; произносили разные записные комплименты, величая того, къ кому обращались, а себя унижая, въ родѣ слѣдующихъ: «благодѣте-

лю моему и кормилицу рабски челомъ бью; кланяюсь стопамъ твоимъ, государя моего; прости моему окаянству; дозволь моей худости.» Въ обращеніи съ духовными въ особенности изливалось тогдашнее риторство: говорившіи съ какимъ нибудь архіереемъ или игуменомъ, расточали себѣ названія грѣшнаго, нищаго, окаяннаго, а его величали православнымъ учителемъ, великаго свѣта смотрителемъ, и проч. (Доп. I, 27, 31). Вообще, желая оказать уваженіе, называли лицо, съ которымъ говорили, по отчеству, а себя уменьшительнымъ полуименемъ. Было въ обычаѣ гостю предлагать что нибудь съѣстное во всякое время, а особенно водку и какія нибудь лакомства, какъ напримѣръ орѣхи, фиги, финики, и проч. Прощаясь, гость обращался прежде всего къ образамъ, полагалъ на себѣ троекратно крестное знаменіе съ поклонами, потомъ цаловался съ хозяиномъ, какъ и при входѣ въ домъ, если хозяинъ его удостоивалъ этимъ по достоинству, и, наконецъ, уходя, опять знаменовалъ себя крестомъ и кланялся образамъ. По мѣрѣ достоинства, хозяинъ провожалъ его ближе или далѣе порога.

Въ обращеніи съ низшими себя, по большей части русскій былъ высокомѣренъ, и часто тотъ, кто унижался и сгибался до земли передъ старшимъ, вдругъ дѣлался надмѣненъ, когда богатство или важная должность отдавали ему въ зависимость другихъ. Въ русскомъ характерѣ было мало искренности; дружба цѣнилась по выгодамъ; задушевные друзья расходились, коль скоро не связывала ихъ взаимная польза, и часто задняя мысль таилась за изліяніями дружественнаго расположенія и радушнымъ гостепріимствомъ. Довольно было любимцу государя пріобрѣсть царскую немилость, чтобъ всѣ друзья и пріятели, прежде низко кланявшіеся ему, не только прекратили съ нимъ знакомство, но не хотѣли съ нимъ говорить и даже причиняли ему оскорбленія. Такъ, заточенную въ монастырь великую княгиню Соломониду оскорбляли не только словами, но и побоями (Olear. 189. 205. — Mejerb. 75. — Herberst. 19. — Tuberv. 435. — Барбер. 33).

Въ русскомъ обращеніи была смѣсь византійской напыщенности и церемонности съ грубостію татарскою. Въ разговорѣ наблюдались церемоніи и крайняя осторожность; нерѣдко случалось, что невинное слово принималось другими на свой счетъ: отсюда возникали тяжбы, которыхъ смыслъ состоялъ только въ томъ, что одинъ про другаго говорилъ дурно (Mejerb. 66.—Ворон. Акты. 1. 158.—Оп. Шуи. 345); съ другой стороны при малѣйшей ссорѣ не было удержу въ самыхъ грубыхъ изліяніяхъ негодованія. Обыкновенно, первое проявленіе ссоръ состояло въ неприличной брани, которая до сихъ поръ, къ сожалѣнію, составляетъ дурную сторону нашихъ нравовъ; эта брань

до того была обыкновенна, что позволяли ее себѣ духовныя лица, даже монахи и притомъ въ самой церкви (Ворон. Акты I. 158. — А. И. III. 319. — Стогл. в. 29). Самыя женщины и дѣвицы слѣдовали общему обыкновенію (Москвит. 1843. I. 238), и даже дѣти—говоритъ Олеарій — разсердившись на родителей, повторяли слышанное ими отъ взрослыхъ, а родители не только не останавливали ихъ, а еще и сами бранили ихъ такъ же. Церковь преслѣдовала это обыкновеніе и духовные поучали, чтобъ люди другъ друга не лаяли позорною бранью, отца и матерь блуднымъ позоромъ, и всякою безстыдною, самою позорною нечистотою языки свои и души не сквернили (А. А. Э. III. 404). Неоднократно цари хотѣли вывести русскую брань кнутомъ и батогами. При Алексѣѣ Михайловичѣ ходили въ толпахъ народа переодѣтые стрѣльцы и замѣчая, кто бранился позорною бранью, тотчасъ того наказывали (Olear. 195.—Crull. 141). Разумѣется, эти средства были недѣйствительны, потому что сами стрѣльцы въ свою очередь не могли удержаться отъ крѣпкаго словца. Впрочемъ, очень часто вспыхнувшая ссора тѣмъ и ограничивалась, что обѣ стороны поминали своихъ родительницъ, и не доходили до драки; а потому брань сама по себѣ не вмѣнялась и въ брань: «красна брань дракою»—говоритъ пословица. Если же доходило дѣло до драки, тутъ русскіе старались прежде всего вцѣпиться одинъ другому въ бороду, а женщины хватать одна другую за волосы. Поединки на сабляхъ и пистолетахъ, обычные на западѣ, у русскихъ были совершенно неизвѣстны. У насъ были своего рода дуэли: поссорившись между собою, люди садились на лошадей, нападали другъ на друга и хлестали одинъ другаго бичами. Другіе бились палками и часто другъ друга убивали до смерти; но самая обыкновенная русская драка была кулачная: противники старались всегда нанести одинъ другому удары или прямо въ лицо, или въ дѣтородныя части (Crull. 141 —Olear. 190. — Strauss. 127). Смертные случаи были нерѣдки, но уменьшались съ тѣхъ поръ, какъ прекратились судебные поединки на палкахъ и дубинахъ. За то въ XVII вѣкѣ развилось другаго рода мщеніе — доносы, средство часто очень удачное. Стоило подать на недруга ябеду, чтобы втянуть его въ раззорительную тяжбу; хотя и самому приходилось терпѣть, но за то такая тяжба имѣла нѣкоторымъ образомъ характеръ поединка. Иногда изъ злобы подкладывали къ недругу вещь, потомъ подавали челобитную о пропажѣ этой вещи и изъявляли подозрѣніе, что она у того-то; производился обыскъ и вещь находилась: тутъ начинался длинный процессъ тяжбы, сопровождаемый пытками (Olear. 187). Во всѣхъ классахъ народа было множество ябедниковъ и доносчиковъ. Одни изъ нихъ промышляли собственно для себя. Такимъ образомъ посвя-

щали себя этому занятію служащіе люди и дѣти боярскіе: они разъѣзжали по посадамъ и селеніямъ, заѣзжали къ богатымъ жителямъ, заводили ссоры, потомъ составляли челобитныя о бояхъ, грабежахъ и обидахъ и, запугавъ крестьянъ, брали съ нихъ отступное во избѣжаніе проволочекъ и наѣздовъ приставовъ и разсыльщиковъ (Доп. I. 349). Другіе, напротивъ, работали для другихъ и, точно какъ италіанскіе bravi кинжаломъ, служили своимъ искусствомъ тѣмъ, которые у нихъ его покупали. Хотя ихъ и преслѣдовали и клеймили позоромъ, но правительство вмѣстѣ съ тѣмъ покровительствовало само доносамъ, когда они касались его интересовъ. Такимъ образомъ служилый человѣкъ, помѣщикъ или вотчинникъ, если открывалъ за своимъ товарищемъ какія нибудь уклоненія отъ обязанностей службы, влекущія потерю помѣстья, то вознаграждался именно тѣмъ самымъ помѣстьемъ, которое отнималось у того, кого онъ уличалъ. Оттого между служилыми людьми не было товарищества; всѣ другъ другу старались повредить, чтобъ выиграть самимъ. Но всего дѣйствительнѣе для ябедника, всего опаснѣе для соперника, было объявленіе слова и дѣла государева, то есть обвиненіе въ нерасположеніи къ царю. Обвиненнаго подвергали пыткамъ, и когда онъ въ бреду страданія наговаривалъ на себя, то казнили, — что нужды, что онъ могъ быть невиненъ? Дѣло, касавшееся высокой особы, было столь важно, что невелика бѣда, если за него пострадаютъ и невинные. Нигдѣ не было откровенности; всѣ боялись другъ друга; негодяй готовъ былъ донести на другаго; — всегда въ такомъ случаѣ можно было скорѣе выиграть, чѣмъ проиграть; отъ этого въ рѣчахъ господствовала крайняя осторожность и сдержанность. Шпіоновъ было чрезвычайное множество: въ ряды ихъ вступали тѣ бѣдные дворяне и дѣти боярскіе, которые, за уклоненіе отъ службы, тоже по доносу другихъ, лишились своихъ помѣстьевъ; они вторгались всюду: на свадьбы, на похороны и на пиры — иногда въ видѣ богомольцевъ и нищей братіи. И царь, такимъ образомъ, многое зналъ, что говорилось про него подданными.

XVII.

ПИРШЕСТВА. — ПЬЯНСТВО.

Все, что въ настоящее время выражается вечерами, театрами, пикниками и проч., въ старину выражалось пирами. Пиры были обыкновенною формою общественнаго сближенія людей. Праздновала ли церковь свое торжество, радовалась ли семья или провожала изъ зем-

наго міра своего сочлена, или же Русь раздѣляла царское веселіе и славу побѣдъ—пиръ былъ выраженіемъ веселости. Пиромъ тѣшились цари; пиромъ веселились и крестьяне. Желаніе поддержать о себѣ доброе мнѣніе у людей побуждало каждаго порядочнаго хозяина сдѣлать пиръ и созвать къ себѣ добрыхъ знакомыхъ.

Какъ все въ русской жизни, при рѣзкой противоположности знатности и простонародности, богатства и бѣдности, носило одинакія основанія, русскіе пиры у всѣхъ сословій сопровождались одинакими чертами, пріемами и обрядами. Русскія пиршества были двухъ родовъ: собственно пиры и братчины; первые давало одно лицо, вторыя были складчины многихъ хозяевъ и преимущественно существовали между поселянами. Пиры частныхъ лицъ давались въ дни пасхи, Рождества Христова, Троицы, Николина дня, Петра и Павла и масляницы, при торжественныхъ семейныхъ случаяхъ—бракахъ, рожденіи и крещеніи дѣтей, при погребеніи, поминовеніи усопшихъ, въ день именинъ, по случаю новоселья и при вступленіи служащаго лица въ должность. Царскіе пиры, кромѣ семейныхъ случаевъ и церковныхъ торжествъ, давались по поводу коронаціи, посвященія митрополитовъ и патріарховъ, при объявленіи царевича народу и по случаю пріема иностранныхъ пословъ.

Когда домовитый хозяинъ учреждалъ пиръ и приглашалъ гостей, то звать однихъ посылалъ слугъ, а къ другимъ ѣздилъ самъ, различая тѣхъ, кому онъ дѣлаетъ честь приглашеньемъ, отъ тѣхъ, у которыхъ онъ долженъ искать чести пріѣзда въ его домъ. При семейныхъ и пріятельскихъ пиршествахъ приглашались и жены гостей, но не къ мужскому столу, а къ особенному женскому, который жена хозяина учреждала въ тоже время гостямъ своего пола.

Комната, назначенная для пира, заранѣе убиралась, устилалась коврами; на окнахъ висѣли занавѣсы, на карнизахъ клали наоконники, постилали на столы и лавки нарядныя скатерти и полавочники, заправляли свѣчи въ паникадилы и уставляли поставецъ посудою. Для пира избиралась обыкновенно столовая, а иногда назначали для него сѣни, которыя были просторнѣе всѣхъ покоевъ. Столы устанавливались вдоль стѣны передъ лавками, а если было много гостей, то и рядами; мѣсто подъ образами въ углу было для хозяина, дававшаго пиръ.

Каждый изъ приглашенныхъ гостей садился въ шапкѣ на мѣсто, сообразное своему званію и достоинству. Мѣсто по правую руку отъ хозяина считалось самымъ почетнымъ. За нимъ другія мѣста нисходили по степенямъ, такъ что одно было ниже другаго и, такимъ образомъ, существовало три разряда мѣстъ: высшій, средній и низшій, какъ это выражается въ поэмѣ XVII вѣка «Горе-Злочастіе»:

«А идетъ онъ въ мѣсто середнее,
Гдѣ сидятъ дѣти гостинные!»

Сѣсть выше другаго, считавшаго себя выше достоинствомъ, значило нанести ему оскорбленіе; на частныхъ пирахъ наблюдался, какъ въ царскихъ пиршествахъ и въ боярской думѣ, обычай мѣстничества. Скромный и благочестивый человѣкъ, исполняя буквально евангельскія слова, садился нарочно на мѣсто ниже того, какое ему слѣдовало, чтобъ хозяинъ свелъ его оттуда и перевелъ на высшее. Напротивъ, заносчивые люди, встрѣтясь съ соперниками, съ которыми у нихъ давно не ладилось, пользовались случаемъ, чтобъ насолить имъ и садились выше ихъ, заводили споры, поставляли хозяина въ затрудненіе, и нерѣдко доходило до дракъ.

Предъ началомъ пира выходила жена хозяина и била челомъ гостямъ малымъ обычаемъ, то есть кланялась въ поясъ, потомъ становилась у дверей. Господинъ кланялся имъ до земли и просилъ цаловать жену. Въ отвѣтъ на это, каждый гость также кланялся до земли и цаловался съ хозяйкой, а отошедши отъ нея, опять дѣлалъ поклонъ. Хозяйка подносила каждому гостю, по очереди, чарку вина. Первый гость получалъ чарку и отдавалъ ее хозяину, прося выпить прежде. Хозяинъ приказывалъ прежде начать женѣ. Та отвѣдывала и отдавала мужу. Мужъ выпивалъ. Тогда уже начинали пить гости, одинъ за другимъ, и всякій разъ, какъ только гость пилъ, хозяинъ кланялся ему до земли. Окончивъ эти церемоніи, жена уходила въ свое женское общество. Гости усаживались за столомъ. Тогда хозяинъ разрѣзывалъ хлѣбъ на кусочки и изъ собственныхъ рукъ подавалъ гостямъ, одному за другимъ, вмѣстѣ съ солью. Этотъ обрядъ символически означалъ радушіе и гостепріимство. Существовало повѣрье, что хлѣбъ-соль прогоняетъ вредное вліяніе злыхъ духовъ. За обѣдомъ получать хлѣбъ-соль отъ хозяина—значило пользоваться его дружелюбіемъ; ѣсть вмѣстѣ хлѣбъ-соль—вообще означало согласіе и любовь. Послѣ раздачи хлѣба-соли, носили кушанье обычнымъ порядкомъ.

Гости ѣли обыкновенно по два человѣка съ одного блюда; хотя передъ ними и становились тарелки, но онѣ не перемѣнялись, какъ уже было сказано. Предъ почетнѣйшими гостями становили опричныя блюда, т. е. особыя. Хозяину всегда подавали опричное блюдо; онъ раздавалъ съ него куски гостямъ, сидѣвшимъ близко него, а тѣмъ, которымъ не могъ подать, отсылалъ на тарелкахъ съ слугами. Эти куски означали расположеніе. Въ то же время самъ хозяинъ накладывалъ кушанья въ блюда и тарелки и отсылалъ отсутствующимъ, которые почему-нибудь не могли прибыть. Слуга, под-

нося подачу отъ хозяина, говорилъ: «чтобъ тебѣ, государь, кушать на здоровье!» Отвергнуть подачу считалось оскорбленіемъ.

Когда былъ пиръ во полупирѣ, какъ выражаются пѣсни, и приносили круглые пироги,—кушанье, составлявшее необходимую принадлежность пира,—тогда двери изъ внутреннихъ покоевъ растворялись; изъ нихъ выходили жены сыновьевъ хозяина, братьевъ, племянниковъ и вообще родственниковъ, жившихъ съ нимъ не въ раздѣлѣ, съ виномъ и чарками. Мужья этихъ женщинъ вставали изъ-за стола, становились у дверей и, кланяясь, просили гостей цаловать ихъ женъ. Гости принимали отъ женщинъ чарки съ виномъ, и цаловались съ каждой, съ поклонами, какъ прежде съ хозяйкой. У нѣкоторыхъ этотъ обрядъ исполнялся иначе. Жена хозяина не являлась предъ началомъ пира, а приходила теперь, въ сопровожденіи женскихъ особъ семейства и прислужницъ, несшихъ вино и сосуды. Хозяйка подносила почетнѣйшему гостю вино и немедленно удалялась, потомъ приходила снова въ другомъ уже платьѣ и угощала другаго гостя, опять уходила и снова являлась переряженная въ иное платье и потчивала третьяго гостя; тоже дѣлалось въ отношеніи всѣхъ гостей по одиночкѣ, и каждый разъ хозяйка являлась въ новомъ нарядѣ. Эти переряживанья служили для показанія роскоши и богатства хозяина. Обнесши такимъ образомъ всѣхъ гостей, хозяйка становилась у стѣны, при краѣ стола, опустивши голову. Гости подходили къ ней и цаловались; иногда, послѣ поцалуевъ, она дарила гостей ширинками, вышитыми золотомъ и серебромъ. Этотъ обычай цалованья съ хозяйскими женами очень древній; еще въ XII вѣкѣ не одобрялъ его Іоаннъ Пророкъ (Русск. Достоп. I. 98); онъ удержался, какъ памятникъ древней славянской свободы женскаго пола, несмотря на то, что вліяніе Византіи и татаръ измѣнило убѣжденіе русскаго народа въ этомъ отношеніи.

Отличительная черта русскаго пиршества была — чрезвычайное множество кушаньевъ и обиліе въ напиткахъ. Хозяинъ величался тѣмъ, что у него всего много на пиру — гостьба толсто-трапезна! Онъ старался напоить гостей, если возможно, до того, чтобъ ихъ отвести безъ памяти во-свояси; а кто мало пилъ, тотъ огорчалъ хозяина. «Онъ не пьетъ, не ѣстъ—говорили о такихъ—онъ не хочетъ насъ одолжать!» Пить слѣдовало полнымъ горломъ, а не прихлебывать, какъ дѣлаютъ куры. Кто пилъ съ охотою, тотъ показывалъ, что любитъ хозяина. Женщины, въ тоже время пировавшія съ хозяйкой, также должны были уступать угощеніямъ хозяйки до того, что ихъ отвозили домой безъ сознанія. На другой день хозяйка посылала узнать о здоровьѣ гостьи.—«Благодарю за угощеніе, отвѣчала въ такомъ случаѣ гостья:—мнѣ вчера было такъ весело, что я не

знаю, какъ и домой добрела!» Но съ другой стороны, считалось постыднымъ сдѣлаться скоро пьянымъ. Пиръ былъ въ нѣкоторомъ родѣ война хозяина съ гостями. Хозяинъ хотѣлъ во что бы то ни стало напоить гостя до-пьяна; гости не поддавались и только изъ вѣжливости должны были признать себя побѣжденными послѣ упорной защиты. Нѣкоторые, не желая пить, изъ угожденія хозяину притворялись пьяными къ концу обѣда, чтобъ ихъ болѣе не принуждали, дабы такимъ образомъ въ самомъ дѣлѣ не опьянѣть. Иногда же случалось на разгульныхъ пирахъ, что заставляли пить насильно, даже побоями.

Пиршества были длинны и тянулись съ полудня до вечера, и позже. По окончаніи стола, еще продолжалась попойка. Всѣ сидѣли на прежнихъ мѣстахъ. Хозяинъ наливалъ въ чашу вина, становился посрединѣ съ открытой головою и, поднявъ вверхъ чашу, говорилъ напыщенное предисловіе, а потомъ пилъ за чье нибудь здоровье: начинали съ царя, потомъ пили за членовъ царскаго семейства, за бояръ, властей, и за разныхъ лицъ, смотря по цѣли, съ которою давали пиръ. Выпивъ, хозяинъ оборачивалъ чашу вверхъ дномъ надъ головой, чтобъ всѣ видѣли, что въ ней нѣтъ ни капли, и какъ онъ усердно желаетъ добра и здоровья тому, за кого пьетъ. Послѣ того, хозяинъ возвращался на свое мѣсто и подавалъ каждому изъ гостей, по очереди, чашу съ виномъ; каждый гость долженъ былъ выходить изъ-за стола, становиться посрединѣ, пить за здоровье того, за кого предлагалось пить; потомъ всѣ садились на свои мѣста. При этихъ заздравныхъ тостахъ, пѣли многая лѣта тому, за чье здоровье пили. Можно представить, какъ долго тянулась эта церемонія, когда, напримѣръ, пивши за государя, слѣдовало приговаривать его полный титулъ.

Во время пировъ кормили и слугъ, пріѣхавшихъ съ гостями, и одинъ довѣренный слуга долженъ былъ наблюдать, чтобъ эти низшаго достоинства гости не передрались между собою и не надѣлали чего нибудь вреднаго хозяину.

Въ обычаѣ было послѣ пира подносить хозяину подарки. Нерѣдко русскій дѣлалъ пиръ и щедро поилъ и кормилъ гостей для того, чтобъ потомъ получить отъ нихъ подарковъ гораздо на большую сумму, чѣмъ какой стоило ему угощеніе. Такъ поступали въ городахъ воеводы: они учреждали пиры и зазывали къ себѣ гостей для того, чтобъ выманить подарки. Случалось, что гости, не желая, по неволѣ, въ угожденіе сильному человѣку, являлись на пиршество. Впрочемъ, существовалъ обычай и хозяину дарить гостей. Воеводы обратили и такой обычай въ свою пользу. Чтобъ болѣе обязать своихъ гостей, воевода созывалъ къ себѣ на пиръ богатыхъ посадскихъ,

самъ дѣлалъ имъ подарки, а тѣ должны были отдавать за нихъ вчетверо. Если же бы кто нибудь былъ невнимателенъ и оставилъ безъ подарка начальственное лицо, учреждавшее пиръ, то у него безъ церемоній вымогали и насильно, потому что требовать подарковъ не считалось предосудительнымъ. Поднося подарокъ, говорилось: «чтобъ тебѣ, государь, здравствовать!» Обычай дарить соблюдался и въ царскихъ пирахъ; приглашенные на пиръ во время царскихъ свадебъ или по поводу коронаціи должны были подносить царю дары, а на праздничныхъ царскихъ столахъ, духовные, приглашенные къ обѣду, получали отъ царя подарки.

Праздничныя и семейныя пиршества у степенныхъ и набожныхъ особъ отличались характеромъ благочестія. Обыкновенно послѣ литургіи духовенство приносило въ домъ крестъ, иконы, частицы св. мощей, святили воду, мазали ею въ домѣ всѣ иконы, кропили во всѣхъ покояхъ, окуривали весь домъ ладономъ, иногда же приносили святую воду изъ церкви и кропили ею домъ. По окончаніи молитвословія начиналась трапеза. Духовныя лица занимали почетнѣйшія мѣста между гостями. Въ одномъ старинномъ поученіи говорится: «посади ихъ и постави имъ трапезу, якоже самому Христу; самъ же имъ буди во службѣ, и жена твоя и дѣти твои, аще ли нужа будетъ ти сѣсти, то на нижнемъ мѣстѣ сяди, и твори имъ имя твоя знаемо, да у олтаря Божія молитва за тя, яко темьянъ возносится» (Погод. Сборн. № 1024). На столѣ, на возвышенномъ мѣстѣ, ставили просфору Пресвятыя Богородицы, какъ это дѣлается въ монастыряхъ. Трапеза начиналась молитвою: «Достойно есть...» При поставкѣ на столѣ перваго кушанья, хозяинъ приглашалъ гостей ласковымъ и благочестивымъ словомъ. Во время всего пира дьячки пѣли духовныя пѣсни, приличныя празднику или событію, по поводу котораго учреждалась трапеза. Въ сѣняхъ и на дворѣ кормили нищихъ. Пируя съ духовенствомъ и гостями, хозяинъ высылалъ своихъ сыновей и родныхъ угощать эту меньшую братію. Нѣкоторые очень благочестивые люди даже сажали нищихъ за одинъ столъ съ собою и съ гостьми. По окончаніи обѣда, возносилась чаша Пресвятыя Богородицы; всѣ пили во славу Божіей Матери, потомъ пили за здоровье царя, бояръ, за воинство, за хозяина и гостей съ пѣніемъ всѣмъ многолѣтія, а также и за упокой усопшихъ, если это согласовалось съ цѣлію пиршества или съ значеніемъ праздника, когда пиршество отправлялось. Послѣ стола хозяинъ раздавалъ нищимъ, у него обѣдавшимъ, милостыню.

Не таковъ былъ характеръ пиршествъ у разгульныхъ людей. На этихъ пирахъ иногда не удаляли и женскій полъ; мужчины и женщины подавали другъ другу питье и цаловались, брались за руки и

играли между собою. Хозяинъ приглашалъ гусляровъ и скомороховъ: тутъ-то пѣлись старинныя геройскія пѣсни; потомъ, когда хмѣль далеко заходилъ въ голову, начинали пѣть пѣсни удалыя, срамныя; скоморохи тѣшили компанію непристойными фарсами; часто забавлялись соблазнительными анекдотами, шумѣли, свистали, плескали одинъ въ другаго виномъ, а иногда и дрались; и часто хозяинъ вмѣстѣ съ слугой выталкивалъ ихъ, облитыхъ кровью. Случались и убійства, особенно изъ-за мѣстъ. Вначалѣ, когда сходятся на пиръ, говорятъ одно старое обличительное слово: каждому хочется сѣсть на высшее мѣсто, но надобно же кому нибудь сидѣть и на низшемъ; огорченный не хочетъ и скрываетъ гнѣвъ въ сердцѣ, пока трезвъ; когда же напьется, то въ изступленіи ума начинаетъ словами задирать того, на кого сердится; если тотъ еще не напился, то промолчитъ; — забіяка отпуститъ ему еще что нибудь похуже и доведетъ до того, что тотъ выйдетъ изъ себя, начнется брань и одинъ другаго шпырнетъ ножемъ. Гдѣ бо слышано инако ножеваго убійства, токмо въ пьянственныхъ бесѣдахъ и играхъ, паче же о праздницѣхъ, — говоритъ это обличительное слово (Арх. Калач. Пиры и братч. 49).

Крестьянскія пирушки, даваемыя по поводу семейныхъ и праздничныхъ торжествъ хозяевами, назывались *особымъ пивцомъ*, потому что тогда дозволялось имъ варить пиво, брагу и медъ для домашняго питья. Обыкновенно это позволеніе дѣлалось четыре раза въ годъ: на Великій день, Дмитріевскую субботу, на масляницу и на Рождество Христово или въ другой день, вмѣсто какого нибудь изъ этихъ праздниковъ. Право это крестьянинъ имѣлъ на три дни, иногда же и на недѣлю; сверхъ того, такое же разрѣшеніе давалось по поводу крестинъ и свадебъ. Крестьянинъ долженъ былъ каждый разъ испрашивать дозволенія начальства, и это дозволеніе давалось съ разборомъ — только лучшимъ людямъ. По окончаніи льготнаго времени, кабацкій голова печаталъ оставшееся питье до другаго праздника.

Братчины носили названіе ссыпныхъ братчинъ или ссыпчинъ и участники въ братчинѣ назывались ссыпцами, вѣроятно оттого, что встарину каждый жертвовалъ на вареніе пива и браги зерномъ. Такъ какъ ссыпцевъ могло быть много, то для распоряженія и соблюденія порядка выбирался староста. На братчинахъ происходили разныя происшествія и споры, а потому братчинамъ издавна давали право самосуда. Такъ въ псковской судной грамотѣ говорилось: «и братчины судить, какъ судили». Это право предоставлялось братчинамъ и до конца XVII вѣка. Однако въ послѣднее время уголовныя дѣла не подлежали ихъ домашнему разбирательству. Братчины собирались

по бóльшей части въ праздники и потому назывались именами праздниковъ, какъ-то: братчина Никольщина, братчина Покровщина, братчина Рождественская; на Пасху было въ обыкновеніи по селамъ учреждать большую братчину въ понедѣльникъ. Въ этихъ сельскихъ братчинахъ участвовали не только крестьяне, но и владѣльцы вмѣстѣ съ ними за урядъ. Братчины еще чаще, чѣмъ частные пиры, сопровождались безчинствами и на нихъ нерѣдко происходили драки и убійства, а потому благочестивые люди не совѣтовали участвовать въ этихъ складчинахъ. (А. И. IV, 340. 539. — А. А. Э. I, 80. — III, № 39. — Древн. Русск. Вивл. VI. — Доп. I, 195, VI, 99. — Пск. Суд. Гр. 17. — Olear. 193, 205, 260. — Mejerb. 63, 137. — Коших. 49, 119. — А. г. Шуи. 119. — Das Gr. Reich v. Mosc. 196—203. — Carlisle. 148).

Русскій народъ издавна славился любовью къ попойкамъ. Еще Владиміръ сказалъ многознаменательное выраженіе: «Руси веселіе пити: не можемъ безъ того быти!» Русскіе придавали пьянству какое-то героическое значеніе. Въ старинныхъ пѣсняхъ доблесть богатыря измѣрялась способностію перепить другихъ и выпить невѣроятное количество вина. Радость, любовь, благосклонность находили себѣ выраженіе въ винѣ. Если высшій хотѣлъ показать свою благосклонность къ низшему, онъ поилъ его, и тотъ не смѣлъ отказываться: были случаи, что знатный человѣкъ, ради забавы, поилъ простаго, и тотъ, не смѣя отказываться пилъ до того, что падалъ безъ чувствъ и даже умиралъ. Знатные бояре не считали предосудительнымъ напиваться до потери сознанія — и съ опасностію потерять жизнь. Царскіе послы, ѣздившіе за границу, изумляли иностранцевъ своею неумѣренностію. Одинъ русскій посолъ въ Швеціи, въ 1606, въ глазахъ чужестранцевъ обезсмертилъ себя тѣмъ, что напился крѣпкаго вина и умеръ отъ этого. Какъ вообще русскій народъ былъ жаденъ къ вину, можетъ служить доказательствомъ слѣдующее историческое событіе: во время бунта въ Москвѣ, когда были убиты Плещеевъ, Чистовъ и Траханіотовъ, сдѣлался пожаръ. Очень скоро дошелъ онъ до главнаго кабака.... народъ бросился туда толпою; всѣ спѣшили черпать вино шапками, сапогами; всѣмъ хотѣлось напиться дароваго вина; забыли и мятежъ; забыли и тушить пожаръ; народъ валялся пьяный мертвецки и такимъ образомъ мятежъ прекратился, и большая часть столицы превратилась въ пепелъ. До того времени, какъ Борисъ введеніемъ кабаковъ сдѣлалъ пьянство статьею государственнаго дохода, охота пить въ русскомъ народѣ не дошла еще до такого поразительнаго объема, какъ впослѣдствіи. Простой народъ пилъ рѣдко: ему дозволяли сварить пива, браги и меда и погулять только въ праздники; но когда вино

начало продаваться отъ казны, когда къ слову «кабакъ» приложился эпитетъ царевъ, пьянство стало всеобщимъ качествомъ. Размножились жалкіе пьяницы, которые пропивались до ниточки. Очевидецъ разсказываетъ, какъ вошелъ въ кабакъ пьяница и пропилъ кафтанъ, вышелъ въ рубашкѣ и, встрѣтивъ пріятеля, воротился снова, пропилъ бѣлье и вышелъ изъ царева кабака совершенно голый, но веселый, некручинный, распѣвая пѣсни и отпуская крѣпкое словцо цѣмдамъ, которые вздумали было сдѣлать ему замѣчаніе. Эти случаи были часты и въ Москвѣ, и въ городахъ, и въ деревняхъ — вездѣ можно было видѣть людей, лежащихъ безъ чувствъ, въ грязи или на снѣгу. Воры и мошенники обирали ихъ и часто послѣ того зимою они замерзали. Въ Москвѣ, на масляницѣ и на святкахъ, въ земскій приказъ каждое утро привозили десятками замерзшихъ пьяницъ.

Распространенію пьянства въ народѣ способствовали кабачные головы и цаловальники, которые прибѣгали ко всевозможнѣйшимъ мѣрамъ, чтобъ избавиться отъ наказанія за недоборы въ царской казнѣ, если они держали кабаки на вѣру, или чтобъ воротить заплаченное въ казну, если брали вино на откупъ. Они давали пьяницамъ въ долгъ, какъ можно поболѣе, а между тѣмъ прибавляли счетъ, пользуясь тѣмъ состояніемъ, когда пьяные не въ силахъ уже были ни размышлять, ни считать; потомъ, когда искушенные такимъ легкимъ средствомъ получать хмѣльное даже и безъ наличныхъ денегъ, пьяницы порядочно запутаются въ разставленной на нихъ сѣти, кабацкіе головы объявляютъ, что пора платить; оказывается, что платить нечѣмъ; тогда забирали имущество должниковъ, втрое дешевле настоящей его цѣны; при этомъ страдали и невинные, жившіе не въ раздѣлѣ съ должниками.

Случалось, что люди порядочнаго происхожденія, то есть дворяне и дѣти боярскіе, запивались до того, что спускали свои помѣстья и пропивались до-нага. Изъ такихъ-то молодцевъ образовался особый классъ пьяницъ, называемый кабацкіе ярыги. У этихъ удальцовъ не было ни кола, ни двора. Они жили во всеобщемъ презрѣніи и таскались по міру, прося милостыни; они толпились почти всегда около кабаковъ и въ кабакахъ, униженно вымаливая у приходящихъ чарочку винца Христа-ради. Готовые на всякое злодѣяніе, они составляли при случаѣ шайку воровъ и разбойниковъ. Въ народныхъ пѣсняхъ и разсказахъ они представляются искусителями молодыхъ неопытныхъ людей. Нѣкоторые пьяницы оправдывали себя тѣмъ, что они, напившись, ведутъ себя смирно: «то есть не пьяница,—говорили они,—иже упився ляжетъ спати, то есть пьяница, иже упився толчетъ, біетъ, сварится». На это про-

поведники церкви отвѣчали имъ: «и кроткій упився согрѣшаетъ, аще и спати ляжетъ: кроткій убо пьяница, аки болванъ, аки мертвецъ валяется, многажды бо осквернився и домочився смердитъ, егда убо кроткій пьяница въ святый праздникъ лежитъ не могій двигнутися аки мертвъ, разслабивъ свое тѣло, мокръ, нальявся яко мѣхъ до горла; богобоязливымъ же, наслаждающимъ сердца въ церквахъ пѣнія и чтенія, аки на небеси мнятся стояще; а пьяница не могій главы своея возвести, смрадомъ отрыгая отъ многа питья, чимъ есть рознь поганыхъ» (Здат. мат. рук. л. 341. Сл. о постѣ). Церковные наставники объясняли, что отъ пьянаго человѣка удаляется ангелъ хранитель, и приступаютъ къ нему бѣсы (Румянц. сборн. № 359); пьянство есть жертва дьяволу, и отецъ лжи и зла говоритъ, что ему эта жертва милѣе, чѣмъ жертва идолопоклонниковъ:—«николи же тако возвеселихся о жертвѣ поганыхъ человѣкъ, яко отъ пьяныхъ крестьянъ: въ пьяницахъ бо вся дѣлеса моего хотѣнья; лучше ми отъ поганыхъ крестьянъ и запоецъ, нежели отъ поганыхъ идоломолецъ, яко и поганыхъ Богъ соблюдаетъ, а пьяницъ ненавидитъ и гнушается ихъ; азъ же радуюся о нихъ, яко мои суть пьяни» (Румян. сб. 186).

Духовенство не только не отличалось трезвостію, но еще перещеголяло другія сословія въ расположеніи къ вину. На свадьбахъ священнослужители до того напивались, что надобно было ихъ поддерживать.

Чтобъ положить границы неистовому пьянству въ кабакахъ, правительство, вмѣсто ихъ, завело кружечные дворы, гдѣ продавали вино пропорціями не менѣе кружекъ, но это не помогло. Пьяницы сходились въ кружечные дворы толпою и пили тамъ по цѣлымъ днямъ. Другіе охотники до питья покупали не только кружками, но ведрами, и продавали тайно у себя въ корчмахъ.

Болѣе всего пристанищемъ самыхъ отъявленныхъ негодяевъ были тайныя корчмы или ропаты. Подъ этимъ названіемъ разумѣлись еще въ XV и XVI вѣкахъ притоны пьянства, разврата и всякаго безчинства. Содержатели и содержательницы такихъ заведеній получали вино въ казенныхъ заведеніяхъ или курили тайно у себя и продавали тайно. Вмѣстѣ съ виномъ въ корчмахъ были игры, продажныя женщины и табакъ. Какъ ни строго преслѣдовалось содержаніе корчемъ, но оно было до того выгодно, что многіе рѣшались на него, говоря: барыши, полученные отъ этого, до того велики, что вознаграждаютъ и за кнутъ, котораго можно было всегда ожидать, коль скоро начальство узнаетъ о существованіи корчмы. (Врем. IV. См. 58. V.—Лѣт. Норманск. 4. — Доп. 55. — А. г. Шуя. 197.—

Маржер. 16.—Olear. 194. 195. 258.—Petr. 309.—Fletch. 44.—Crull. 145.—Mejerb. 139.—Straus. 196. 214).

XVIII.

УВЕСЕЛЕНІЯ.—ИГРЫ.—ЗАБАВЫ.

У высшихъ классовъ порывы всякой веселости были подчинены правиламъ церковнаго порядка. У тѣхъ, которые хотѣли быть и казаться благочестивыми, церковное пѣніе было единственнымъ развлеченіемъ. Въ старину существовали для него школы: мальчики учились у церковныхъ дьячковъ и составляли пѣвческіе хоры. Нищіе, прося милостыню, и колодники, которыхъ выводили изъ тюрьмы собирать подаяніе, съ жалобными причетами пѣли пѣсни нравственнаго и религіознаго содержанія и приводили въ чувство тогдашнюю публику. Музыка преслѣдовалась церковью положительно. Самыя народныя пѣсни считались бѣсовскимъ потѣшеніемъ. Православная набожность хотѣла всю Русь обратить въ большой монастырь. Однако русскій народъ постоянно соблазнялся запрещеннымъ плодомъ; даромъ что инструментальная музыка возбранялась не только церковью, но даже и свѣтскою властію, славянская натура вырывалась изъ византійской рамки, въ которую ее старались заключить. Въ поученіи Ефрема Сирина, передѣланномъ на русскій ладъ, говорится, что Христосъ посредствомъ пророковъ и апостоловъ призываетъ насъ, «а дьяволъ зоветъ гусльми и плесцѣ и пѣньми непріязненными и свирѣльми». Богъ вѣщаетъ: пріидите ко мнѣ вси, и никто не двинется; а дьяволъ устроитъ сборище (заречетъ сборъ) и много набирается охотниковъ. Заповѣдай постъ и бдѣнье — всѣ ужаснутся и убѣгутъ, а скажи «пирове ли, вечеря ли, пѣсни пріязны, то всѣ готовы будутъ и потекутъ, аки крылаты» (Рум. муз. рук. 186). У русскихъ были свои національные инструменты: гусли, гудки (ящики со струнами), сопѣли, дудки, сурьмы (трубы), домры, накры (родъ литавръ), волынки, ленки, мѣдные рога и барабаны (Рум. муз. рукоп. №374). Всѣмъ этимъ тѣшили православный людъ скоморохи, составлявшіе у насъ въ нѣкоторомъ смыслѣ особенный ремесленный цехъ, постоянно преслѣдуемый ревнителями благочестія. Иногда они образовывали вольную труппу изъ гуляющихъ людей всякаго происхожденія, иногда же принадлежали къ дворнѣ какого нибудь знатнаго господина. Они были не только музыканты, но соединяли въ себѣ разные способы развлекать скуку толпы: одни играли на гудкѣ, другіе били въ бубны, домры и накры, третьи плясали, чет-

вертые показывали народу выученныхъ собакъ и медвѣдей. Между ними были глумцы и стихотворцы-потѣшники, умѣвшіе веселить народъ прибаутками, складными разсказами и краснымъ словцомъ. Другіе носили на головѣ доску съ движущимися куклами, поставленными всегда въ смѣшныхъ и часто въ соблазнительныхъ положеніяхъ; но болѣе всего они отличались и забавляли народъ позорами или дѣйствами, т. е. сценическими представленіями. Они разыгрывали роли, наряжались въ странное (скоморошное) платье и надѣвали на себя маски, называемыя личинами и харями. Обычай этотъ, любимый народомъ, былъ очень древенъ, и еще въ XIII вѣкѣ митрополитъ Кириллъ осуждалъ позоры нѣкаки бѣсовскіе со свистаніемъ, и кличемъ, и воплемъ. Въ числѣ такихъ позоровъ было, между прочимъ, вожденіе кобылки, какое-то языческое торжество, называемое благочестивыми лицами бѣсовскимъ. Безъ сомнѣнія, всѣ эти позоры заключали въ своихъ основаніяхъ остатки древней славянской миѳологіи, сильно искаженные въ продолженіе многихъ вѣковъ. Скоморохи ходили большими компаніями, человѣкъ въ пятьдесятъ и болѣе, изъ посада въ посадъ, изъ села въ село и представляли свои позоры преимущественно въ праздники; «лѣнивые, безумные невѣгласы дожидаются недѣли (воскреснаго дня), чтобъ собираться на улицахъ и на игрищахъ, — говорится въ предисловіи къ слову о недѣли св. Евсевія (Румянц. Муз. № 182. Злат. мат. 210), — и тутъ обрящеши ина гудяща, ина плещуща, ина поюща нустошная, пляшуща, ови борющася и помизающа другъ друга на зло». Въ самый праздничный день гульба начиналась съ самаго утра, народъ отвлекался отъ богослуженія и такъ веселье шло цѣлый день и вечеръ за полночь; мѣстами представленій были улицы и рынки; отъ этого самое слово «улица» иногда означало веселое игрище; и старые и малые глазѣли на нихъ и давали имъ — кто денегъ, кто вина, и пищи (Слово о Христ. Ж. М. Н. Просв. 1854 г. октябрь). Скоморохи возбуждали охоту въ зрителяхъ, и послѣдніе сами принимались пѣть, играть, плясать и веселиться. Зимою разгулье скомороховъ было преимущественно на святкахъ и на масляницѣ; тутъ они ходили изъ дома въ домъ, гдѣ были попойки, и представляли свои потѣхи; нѣкоторые, несовсѣмъ разборчивые въ средствахъ возбудить веселіе гостей, приглашали ихъ на свадьбы; когда ѣхали къ вѣнцу, впереди бѣжали смѣхотворцы и глумцы, кричали и кривлялись, а на свадебномъ пиру гудочники и гусельники сопровождали звуками инструментовъ своихъ свадебныя пѣсни. Вообще же пѣсни ихъ были большею частію содержанія, оскорбляющаго стыдливость; ихъ танцы были непристойны; наконецъ ихъ позоры также имѣли предметомъ большею частію что нибудь соблазнительное и тривіальное, какъ это

можно видѣть изъ сохраненныхъ Олеаріемъ изображеній скомороха, сидящаго верхомъ на другомъ скоморохѣ и представляющаго, какъ видно, половое совокупленіе животныхъ, и другаго скомороха въ самомъ отвратительномъ и непристойномъ образѣ. Веселость неразвитаго человѣка всегда ищетъ потѣшнаго въ томъ, что образованное чувство находитъ только пошлымъ.

Правительство, слѣдуя внушеніямъ церкви, не разъ приказывало воеводамъ ломать и жечь ихъ инструменты и хари, и бить батогами тѣхъ, кто созывалъ къ себѣ пѣсенниковъ и глумцевъ. При Михаилѣ Θеодоровичѣ однажды въ Москвѣ не только у скомороховъ, но и вообще въ домахъ музыкальные инструменты сожигали; такимъ образомъ ихъ было истреблено пять возовъ. Лишенные всякаго покровительства власти, скоморохи нерѣдко терпѣли и отъ частныхъ лицъ: ихъ зазывали въ дома и, вмѣсто того, чтобъ давать имъ, отнимали у нихъ, что они получали, ходя по міру, да въ добавокъ еще колотили. Эти случаи побуждали ихъ также прибѣгать къ насильственнымъ поступкамъ: принужденные для своей безопасности ходить большими ватагами, они также иногда нападали на проходящихъ и проѣзжихъ, грабили и убивали ихъ. Было повѣрье, что подъ видомъ такихъ весельчаковъ ходили бѣсы: «умысли сатана, како отвратити людей отъ церкви, и собравъ бѣси, преобрази въ человѣки и идяше въ сборѣ велицѣ упестренѣ въ градъ и вси біяху въ бубны, друзіи въ козицы и въ свирѣли и иніи, возложьше на яскураты, идяху на злоумысленіе къ человѣкомъ; мнози же оставивши церковь и на позоры бѣсовъ течаху». Прозорливые мнихи видѣли, какъ лукавые бѣсы невидимо били христіанъ желѣзными палицами, отгоняя ихъ отъ Божьяго храма къ игрищамъ и «удами за сердце почепивше и влечаху» (Погод. Сборн. № 1288.—Оп. арх. Ив. 296. 298.—Стогл., вопр. 16. 18.—Русск. Достоп. I. 114.—А. И. IV. 125. 355.—Ѳи. Шуи, 452.—Москв. 1843. 238.—Herberst. 42.—Olear. 93. 302.—Carlis. 206.)

Въ праздничные дни народъ собирался на кулачные и палочные бои. Эти примѣрныя битвы происходили обыкновенно при жилыхъ мѣстахъ, зимою чаще всего на льду. Охотники собирались въ партіи и такимъ образомъ составлялись двѣ враждебныя стороны. По данному знаку свисткомъ, обѣ бросались одна на другую съ криками; для возбужденія охоты, тутъ же били въ накры и въ бубны; бойцы поражали другъ друга въ грудь, въ лицо, въ животъ — бились неистово и жестоко, и очень часто многіе выходили оттуда калѣками, а другихъ выносили мертвыми. Палочные бои имѣли подобіе турнировъ и сопровождались убійствами еще чаще кулачныхъ боевъ. За то на нихъ-то въ особенности русскіе пріучались къ ударамъ и

побоямъ, которые вообще были неразлучны со всѣмъ теченіемъ руской жизни и дѣлали русскихъ неустрашимыми и храбрыми на войнѣ. Сверхъ того, молодые люди собирались въ праздники—боролись, бѣгали въ запуски, скакали на лошадяхъ въ перегонки, метали копьемъ въ кольцо, положенное на землѣ, стрѣляли изъ луковъ въ войлочныя цѣли и въ поставленныя шапки. Въ этихъ играхъ побѣдители получали награды и выигрывали заклады. Вѣроятно, въ старину существовалъ обычай увѣнчивать удалыхъ и ловкихъ, какъ это показываетъ старинная поговорка: «безъ борца нѣтъ вѣнца». Церковь карала отлученіемъ предающихся такимъ забавамъ; въ правилѣ митрополита Кирилла, вошедшемъ въ Кормчую и такимъ образомъ постоянно служившемъ церковнымъ закономъ, участники такихъ забавъ изгонялись изъ церквей (да изгнани будутъ отъ сыновъ божьихъ церквей); а убитые въ примѣрныхъ схваткахъ, кулачныхъ и палочныхъ бояхъ и вообще заплатившіе нечаянно жизнію за удовольствіе потѣшиться на этихъ турнирахъ «да будутъ, — сказано въ томъ же правилѣ Кормчей, — прокляти и въ сей вѣкъ и въ будущій; аще ли нашему законоположенію кто противится, ни приношенія изъ нихъ принимати, рекше просфуры и кутіи, свѣчи; аще же умретъ таковъ, къ симъ іерей не ходитъ и службы за нихъ не творитъ» (Публ. Библ. рукоп. № 49). Также, конечно, по церковному взгляду предосудительны были и всѣ игрища.

Женщины и дѣвицы, лѣтомъ, въ праздники водили хороводы и собирались для этого обыкновенно на лугахъ близь селеній. Русскія пляски были однообразны: онѣ состояли въ томъ, что дѣвицы, стоя на одномъ мѣстѣ, притопывали, вертѣлись, расходились и сходились, хлопали въ ладоши, выворачивали спину, подпирались руками въ бока, махали вокругъ головы вышитымъ золотомъ платкомъ, двигали въ разныя стороны головою, подмигивали бровями, — всѣ эти движенія дѣлались подъ звуки инструмента какого нибудь скомороха. Въ высшемъ обществѣ пляска вообще считалась неприличною; но господа и госпожи по праздникамъ иногда заставляли предъ собою плясать своихъ рабовъ, особенно литовскихъ и татарскихъ плѣнниковъ. По церковному воззрѣнію, пляска, особенно женская, почиталась душегубительнымъ грѣхомъ: «о, злое проклятое плясаніе! (говоритъ одинъ моралистъ) о, лукавыя жены многовертимое плясаніе! плящущи бо жена любодѣйца діаволя, супруга адова, невѣста сатанина; вси бо любящія плясаніе безчестіе Іоанну Предтечѣ творятъ — со Иродьею неугасимый огнь и неусыпаяй червь осудитъ» (Злат. Мат. рук. Публ. Библ., стр. 341). Даже смотрѣть на пляски считалось предосудительнымъ: «не зрите плясанія и иныя бѣсовскихъ всякихъ игоръ злыхъ прелестныхъ, да не прельщены будете, зрящіи

слушающе игоръ всякихъ бѣсовскихъ; таковыя суть нарекутся сатанины любовницы» (Публ. Библ. рукоп. № 1. 64). Любимое препровожденіе женскаго пола во всѣхъ классахъ были качели и доски. Качели устраивались двумя способами; перваго рода качели дѣлались очень просто: прикрѣплялась къ веревкѣ доска, на нее садились, а другіе веревками качали; другаго рода качели строились сложнѣе. какъ и въ настоящее время дѣлаются въ городахъ.

Въ праздникъ пасхи нѣкоторые составляли себѣ изъ этого прибыточный промыселъ: устраивали качели, пускали качаться за деньги и за каждый разъ брали по серебряной деньгѣ съ лица. Женщины простаго званія, посадскія и крестьянки — качались на улицахъ, а принадлежащія къ зажиточнымъ и знатнымъ семействамъ у себя въ дворахъ и садахъ. Качанье на доскахъ происходило такъ: на бревнѣ клали доску, двѣ женщины становились по краямъ ея и, подпрыгивая, подкачивали одна другую, такъ-что когда одна подымалась, то другая опускалась. Сверхъ того, женщины качались какъ-то на колесѣ.

Зимнее увеселеніе мужчинъ и женщинъ было кататься на конькахъ по льду: дѣлали деревянныя подковы съ узкими желѣзными полосами, которыя напереди загибались вверхъ, такъ что желѣзо удобно рѣзало ледъ. Русскіе катались на конькахъ съ удивительною легкостію и проворствомъ, Также зимою катались на салазкахъ. Зимніе праздничные вечера проводились въ домашнемъ кругу и съ пріятелями: пѣлись пѣсни, бахары (разказсчики) разсказывали сказки, собесѣдники загадывали загадки, наряжались, смѣшили другъ друга, дѣвушки гадали. Вообще и на эти увеселенія церковь смотрѣла неблагосклонно: «не есть законъ христіанину всякому баснословити, ибо рече Христосъ во Евангеліи: о всякомъ глаголѣ праздпѣ воздадятъ слово человѣци въ день единый» (Пог. сборн. Публ. Библ. № 1321). Цари запрещали народу всякую веселость; но въ тоже время и царскія семейства забавлялись пѣснями, которыя пѣли имъ потѣшники, сказками, смотрѣніемъ на пляску и даже разными дѣйствами или сценическими представленіями. Во дворцѣ были веселые гусельники, скрипичники, домрачеи, цымбальники, органисты; штатъ двора составляли, между прочими, дураки-шуты и дурки-шутихи, карлы и карлицы, потѣшавшіе высокихъ особъ своими шалостями. Это дѣлалось даже и при благочестивомъ Өеодорѣ Іоанновичѣ, несмотря на всю монашескую обстановку двора; точно также и у знатныхъ господъ былъ свой подобный придворный штатъ шутовъ, шутихъ, сказочниковъ, пѣсельниковъ, скомороховъ, не знавшихъ никакой другой обязанности, кромѣ той, чтобы въ часы досуга потѣшать господъ и гостей. Изъ такихъ потѣшниковъ были такіе, ко-

торыхъ обязанность состояла въ томъ, чтобъ напиваться до-пьяна и дѣлать всякаго рода дурачества въ пьяномъ состояніи (de Bruins, 12). Строгій и набожный царь Алексѣй Михайловичъ, при всемъ своемъ аскетическомъ благочестіи, въ дни рожденія и крещенія дѣтей своихъ, устраивалъ на дворѣ музыку изъ инструментовъ того времени, не смотря на то, что духовные называли такіе инструменты бѣсовскими сосудами; а подъ конецъ своего царствованія этотъ государь до того подчинился иноземному вліянію, что допустилъ у себя театръ; сначала играли предметы изъ священной исторіи, а далѣе, узнавши, что другіе монархи увеселяются танцами, царь отважился смотрѣть на балетъ «Орфей.»

Игры, имѣвшія цѣлію выигрышъ, были въ употребленіи въ Россіи: зернь, карты, шахматы, и тавлеи или шашки. Зернь — были небольшія косточки съ бѣлою и черною стороною. Выигрышъ опредѣлялся тѣмъ, какою стороною упадутъ онѣ, если будутъ брошены; искусники умѣли всегда бросать ихъ такъ, что они падали тою стороною, какою хотѣлось. Эта игра, какъ и карты, считалась самымъ предосудительнымъ препровожденіемъ времени, и въ каждомъ наказѣ воеводамъ предписывалось наказывать тѣхъ, кто будетъ ею заниматься. При Алексѣѣ Михайловичѣ, однажды, жадность къ деньгамъ пересилила эту нравственную боязнь власти; въ Сибири, въ 1667 г., зернь и карты отданы были на откупъ, но въ слѣдующемъ году правительство устыдилось такого поступка, и опять уничтожило откупъ и подвергло ихъ преслѣдованію. Игры эти тѣмъ менѣе казалось возможнымъ допустить, что онѣ были любимымъ занятіемъ лѣнтяевъ, гулякъ, негодяевъ, развратныхъ людей; пристанище ихъ было въ корчмахъ или въ кабакахъ, гдѣ имъ для игры отводили тайныя кабацкія бани. Какъ бываетъ всегда со всѣмъ запрещеннымъ, по мѣрѣ большихъ преслѣдованій, зернь и карты болѣе привлекали къ себѣ охотниковъ. Игры эти были повсемѣстны, особенно между служащими людьми. Русскіе распространили употребленіе ихъ между инородцами Сибири: остяками, татарами и другими, и такъ какъ русскіе играли лучше инородцевъ, то оставались всегда въ выигрышѣ и пріобрѣтали отъ нихъ дорогіе мѣха. Карты были въ меньшемъ употребленіи, но, какъ забава, была допущена даже при дворѣ; такъ, при Михаилѣ Ѳедоровичѣ для забавы малолѣтному Алексѣю Михайловичу съ своими сверстниками куплены были карты. Что касается до шахматовъ, эта игра была любимымъ препровожденіемъ времени царей и бояръ, да и вообще русскіе очень любили ихъ въ старину, какъ и тавлеи или шашки. Однако благочестіе и эти игры причисляло къ такой же бѣсовщинѣ, какъ зернь, карты, музыку.

На ряду съ зернью и картами, считали непозволительнымъ удовольствіемъ табакъ; но какъ ни строго преслѣдовали это бѣсовское зелье, однако въ XVII вѣкѣ онъ былъ всенародно распространенъ на Руси. Русскіе получали его отчасти отъ европейскихъ торговцевъ, отчасти съ Востока отъ грековъ, армянъ, персіянъ, турокъ,— отчасти отъ малороссіянъ. Были такіе охотники до табаку, что готовы были отдать за него послѣднюю деньгу и всегда почти платили за него вдвое и втрое противъ настоящей цѣны, потому что онъ былъ запрещенъ. Табакомъ по Россіи торговали удалые головы, готовые рисковать и познакомиться съ тюрьмою и съ кнутомъ, лишь бы копѣйку зашибить. При продажѣ табаку его называли не настоящимъ именемъ, а какимъ нибудь условнымъ названіемъ, напримѣръ: свекольный листъ, толченый яблочный листъ. Табакъ курился не изъ чубука, а изъ коровьяго рога, посрединѣ котораго вливалась вода и вставлялась трубка съ табакомъ большой величины. Дымъ проходилъ чрезъ воду. Курильщики затягивались до того, что въ два или три пріема оканчивали большую трубку, и нерѣдко ослабѣвали и падали безъ чувствъ. Нѣсколько такихъ молодцевъ сходились «попить заповѣднаго зелья табаку» и передавали другъ другу трубку: «Ахъ, какое чудесное зелье табакъ! Нѣтъ ничего лучше въ свѣтѣ табаку; онъ мозгъ прочищаетъ!» говорили они, очнувшись отъ одурѣнія, сопровождавшаго излишнее куреніе слишкомъ крѣпкаго табаку. Люди благочестивые и степенные, напротивъ, остерегали, что если «который человѣкъ начнетъ дерзати сію бѣсовскую и богоненавистную и святыми отреченными табаку, то въ того человѣка мозгъ усхрутитъ и вмѣсто того мозга впадетъ въ главу его тая смердящая воня, изгубитъ въ немъ весь мозгъ его, начнетъ тако смердящая тая воня пребывати во главѣ его и неточію во единой главѣ его, но и во всѣхъ костяхъ его тая смердящая воня вселится вмѣсто мозговъ. И аще ли кій человѣкъ которымъ ухищреніемъ начнетъ творити таковое дѣло бѣсовское, таковому бо человѣку не подобаетъ въ церковь божію входити, и креста и евангелья цаловати, и причастія отнюдь не давати, свѣщи или просфоры или ефимяну и всякаго приношенія, и съ людьми ему не мытися и не ясти, дондеже престанетъ отъ таковыя дерзости» (Рум. муз. рукоп. № 374). Въ одной старинной легендѣ разсказывается, что бѣсъ досталъ сѣмена табачныя изъ глубины ада и посѣялъ ихъ на могилѣ блудницы. Воспитанныя разложившимися ея тѣломъ, адскія сѣмена произвели траву, а бѣсъ научилъ употребленію ея людей, которые, сами того не зная, отдаются въ державу дьявола.

Какъ зернь и карты, табакъ при Алексѣѣ Михайловичѣ однажды нѣсколько времени служилъ корыстолюбію правительства, и въ Си-

бири былъ отданъ на продажу отъ казны, но вскорѣ опять подвергся запрещенію, по убѣжденію духовенства.

Самою достойнѣйшею высшаго класса забавою считалась охота, хотя благочестивые ригористы и на нее смотрѣли неблагосклонно. У насъ она не была принадлежностію только высшихъ классовъ, какъ на западѣ, потому что звѣрей было слишкомъ много; но простолюдины занимались ею для выгодъ и какъ повинностью. Въ XVI вѣкѣ тяглые люди обязаны были ходить на волчьи, лисьи и медвѣжьи поля, что на тогдашнемъ языкѣ значило гоняться за звѣремъ. Въ XVI и XVII вѣкахъ не разъ государи выѣзжали изъ Москвы охотиться около Можайска, гдѣ было множество зайцевъ и около Переяславля. Въ разныхъ мѣстахъ устроены были дворы для содержанія собакъ и пойманныхъ звѣрей, приготовленныхъ для примѣрной травли. Владѣльцы имѣній сбирали сосѣдей, устраивали поля и приготовляли все необходимое для стола. Государь выѣзжалъ въ поле съ большою свитою князей и бояръ, самъ одѣтый въ золотомъ терликѣ или чугѣ, съ двумя продолговатыми ножами и кинжаломъ за поясомъ и съ кистенемъ за спиною; въ рукахъ у него былъ хлыстъ, длиною въ локоть, съ мѣднымъ гвоздемъ на концѣ; ближніе люди около него держали сѣкиры и шестоперы. Половина охотниковъ были одѣты въ черномъ, другая половина въ желтомъ платьѣ. Окруживъ рощу, всѣ разомъ вскрикивали и пускали гончихъ собакъ; тѣ выгоняли зайцевъ, а тутъ спускали другихъ собакъ, называемыхъ курцы (борзые), съ пушистыми хвостами. Когда собаки ловили зайцевъ, охотники кричали: уй! уй! Такимъ образомъ затравляли до трехъ сотъ зайцевъ заразъ. Послѣ того всѣ отправлялись къ деревянной банѣ, около которой были раскинуты шатры; шатеръ государя отличался, какъ и слѣдовало, особымъ великолѣпіемъ. Всѣ входили въ свои шатры. Государь перемѣнялъ платье и приглашалъ гостей; подавали закуску, преимущественно изъ лакомствъ; придворные подносили государю кушанье съ подобострастіемъ на колѣняхъ; по обычному столовому этикету, государь подавалъ и посылалъ отъ себя подачи; между закусками подавали напитки. Такъ описывается охота Василія Іоанновича (Herberst. 87). Это описаніе можетъ подать вообще понятіе о ходѣ охоты и у частныхъ лицъ вообще. Было въ обычаѣ ловить медвѣдей и волковъ живыхъ тенетами, чтобъ потомъ устроивать зрѣлища ихъ травли. Какъ государи, такъ и знатные господа любили эту забаву. По современнымъ извѣстіямъ, такія забавы владѣльцевъ были нерѣдко очень тяжелы для крестьянъ и людей ихъ. Насильно ихъ сгоняли, «неволею было сбираемо людское множество», держали по нѣскольку дней, отбивая отъ земледѣльческихъ работъ; приставники, т. е. холопы близкіе къ

господину, брали съ нихъ посулы, чтобъ не гонять. И гоняли тѣхъ, кто не могъ или не хотѣлъ дать; во время охоты, придираясь къ чему нибудь, били и истязали ихъ; да въ добавокъ нерѣдко такія увеселенія оканчивались «многообразнымъ человѣковъ губительствомъ на различныхъ игрищахъ и въ ловитвахъ (Рук. Рум. муз., № 380); въ лѣсахъ и въ болотахъ снѣгомъ и студеніемъ номерзаеми, вождемы же бурею пореваеми, всяческимъ же гладомъ изнуряеми, и мнози человѣци многими виды живота лишаеми, отъ звѣрей уязвляеми и умерщвляеми, и ины многи напасти содѣвахуся имъ таковыми въ ловитвахъ злыми стремленіи; ихъ же въ грѣсѣхъ неищеваху, о семъ же и вины на ся не полагаху, но паче радовахуся, во утѣшеніе вмѣняху себѣ и глаголаху: вельми утѣшихомся; еще же и покаянія о сихъ не поминаху». Охотники, доставлявшіе живыхъ мѣдвѣдей, всегда получали награжденія кубками и одеждами. Пойманныхъ звѣрей содержали въ клѣткахъ, пока господину не вздумается посмотрѣть на травлю. Заставляли медвѣдей сражаться съ собаками и съ людьми. Въ послѣднемъ случаѣ устроивалась арена, обнесенная стѣною, надъ которою дѣлались мѣста для зрителей. На эту арену входили охотники, потомъ впускали медвѣда и запирали арену. Звѣрь становился на заднія лапы и ревѣлъ; искусство бойца состояло въ томъ, чтобъ не допустить его броситься на себя: предупреждая нападеніе, онъ самъ бросался на него, поражалъ между переднихъ лапъ рогаткою и упирался въ нее ногою; такимъ образомъ случалось, что медвѣдь погибалъ съ перваго удара. Побѣдителя призывали передъ господъ и давали ему выпить, а потомъ жаловали матеріями или сукномъ. (Fletch. 203. — Strauss. 185. — Herberst. 88. — Доп. 1. 199, 288). Благочестивые пастыри тщетно вопили противъ такихъ увеселеній и забавъ и грозили эпитиміею не только тѣмъ, которые ихъ устраивали, но и тѣмъ, которые смотрѣли на нихъ: «аще кто медвѣдя или иная животная различная игралища прехищряя, и глумы бья, и на позоры человѣки собирайй, и ловитвамъ прилѣжаяй, и ристанія творяйи на коняхъ и колесницахъ, и самоборства, и прочая боренія и всякія скоморошества—и не токмо самъ кто сія творяй, но и слушая, и то сихъ въ слабость едино запрещеніе имать, еже сихъ съ епитиміею каятися и престати отъ таковыхъ» (Рум. муз. № 380).

Соколиная и кречетная охота издавна считалась благородною забавою князей и царей. Птицы ловились въ Сибири и на берегахъ Печоры посредствомъ сѣтей, къ которымъ привязывали для приманки голубей. Кречеты цѣнились въ особенности; этотъ родъ соколовъ былъ огромнаго роста — до двухъ футовъ, съ необыкновенною легкостію въ полетѣ, цвѣтовъ: бураго, пестраго, сѣраго, красноватаго и бѣлаго; бѣлые кречеты цѣнились выше всѣхъ по достоин-

ству. Птицъ этихъ слѣдовало пріучать и сдѣлать рунными, то есть, чтобъ они, по желанію охотника, слетали съ его руки, хватали на лету добычу и возвращались къ нему съ нею. Чтобъ довести ихъ до такого состоянія, нѣсколько сутокъ (трое или четверо) не давали имъ спать; для этого надѣвали имъ на ноги путы и сажали на кольцо, повѣшенное на веревку. Какъ только птица начинала засыпать, сокольникъ потрясалъ кольцо; отъ этого безпокойства она забывала прежнюю свободу и впадала въ безпамятство. Однако, послѣ нѣкотораго времени, птица опять дичала и снова надобно было ее пріучать. У царей этимъ занимались сокольники, составлявшіе особый отдѣлъ въ числѣ царской дворни. Званіе это существовало въ старину при князьяхъ. Еще въ XIV вѣкѣ великіе московскіе князья по договорамъ съ Великимъ Новгородомъ посылали въ Двинскую землю своихъ сокольниковъ на промыселъ за птицами. Василій Іоанновичъ, любитель охоты, бралъ вмѣстѣ съ собаками на охоту и кречетовъ. При Іоаннѣ Васильевичѣ сокольники получили правильную организацію; учреждено было званіе сокольничаго, начальника сокольниковъ. Изъ сѣверовосточной Руси привозили царю каждогодно кречетовъ въ большихъ коробахъ, обитыхъ въ срединѣ овчинами. При царѣ Борисѣ охота съ кречетами и соколами составляла обычную царскую потѣху. Но никогда соколиная охота не была въ такой чести, какъ при Алексѣѣ Михайловичѣ. Этотъ царь любилъ ее до страсти. Сокольники поставлены были по достоинству выше стольниковъ, а сокольничій былъ царскъ любимецъ. У него былъ помощникъ, называемый подсокольничимъ и начальные сокольники; въ вѣдѣніи каждаго изъ нихъ были рядовые сокольники, а при нихъ состояли поддатни или ученики; царь облекалъ возведеніе ихъ въ должности византійскою обрядностію. Каждый изъ царскихъ кречетовъ носилъ особое названіе; изъ такихъ названій нѣкоторыя были и не русскія (Гамаюнъ, Малецъ, Бѣлай, Смѣлай, Уморъ, Ширяй, Промышляй, Мастеръ, Арбачь, Буянъ, Армачъ, Ардачь, Казакъ, Алай, Адаръ, Бумаръ, Амиръ, Любава, Людава). Любимое поле охоты у царя Алексѣя было въ Коломенскомъ селѣ; но иногда царь ѣздилъ съ сокольниками по болѣе отдаленнымъ краямъ, напримѣръ, около Твери и Владиміра. Охотились за всѣми птицами; но преимущественнѣе царь любилъ охоту за такими, съ которыми дѣло необходилось безъ боя, и гдѣ его любимые соколы и кречеты одерживали побѣды. Каждая такая стычка называлась ставкою; царь особенно любилъ ставки съ коршунами. Кречеты дѣлали разные маневры: враги то расходились, то сходились; иногда воздушное поле битвы простиралось версты на три, и на этомъ пространствѣ происходило до семидесяти ставокъ въ одну добычь. Случалось, что кречетъ залеталъ

далеко и пропадалъ: тутъ наступало время досады и гнѣва; но за то наступало время радости, когда бѣглецъ возвращался. Царь записывалъ время знатныхъ побѣдъ, одержанныхъ кречетами, челигами и соколами, ихъ полеты къ верху и къ низу. Иногда царь посылалъ своихъ птицъ въ подарокъ посторроннимъ государямъ, особенно въ Персію, потому что шахъ персидскій ихъ любилъ. Русскія птицы цѣнились до 1,000 руб. за штуку.

XIX.

ПРАЗДНИКИ.

Праздники были временемъ отклоненія отъ обычнаго порядка по ежедневной жизни и сопровождались разными обычаями, укоренившимися въ домашней жизни. Благочестивые люди вообще почитали приличнымъ ознаменовать праздничное время дѣлами благочестія и христіанскаго благотворенія. Ходить въ церковь къ установленному богослуженію была первая потребность; кромѣ того, хозяева приглашали къ себѣ духовенство и служили въ домѣ молебны и считали долгомъ кормить нищихъ и подавать милостыню. Такимъ образомъ цари учреждали трапезы на нищихъ въ собственныхъ своихъ хоромахъ и, покормивши ихъ, изъ собственныхъ рукъ раздавали деньги, отправлялись въ богадѣльни, посѣщали тюрьмы и давали милостыню заключеннымъ. Такія благотворительныя путешествія происходили особенно предъ большими праздниками: предъ Пасхою и Рождествомъ Христовымъ, также на масляницѣ; но совершались и въ другіе господскіе и богородичные праздники. Обычай этотъ наблюдался повсемѣстно знатными господами и вообще зажиточными людьми. Алчныхъ кормить, жадныхъ поить, нагихъ одѣвать, больныхъ посѣщать, въ темницы приходить и ноги умывать — по выраженію времени, составляло самое богоугодное препровожденіе праздничныхъ и воскресныхъ дней. Были примѣры, что за такіе благотворительные поступки цари повышали въ чины, какъ за службу. Дни праздничные считались приличнѣйшимъ временемъ для пировъ, какъ уже было сказано выше. Законодательство русское помогало церкви, возбранявшей отправлять житейскіе труды въ праздничное время (Уложеніе X, § 25); запрещало судить и сидѣть въ приказахъ въ большіе праздники и воскресные дни, кромѣ, впрочемъ, важныхъ нужныхъ государственныхъ дѣлъ; торговые люди должны были прекращать свои занятія наканунѣ воскреснаго и праздничнаго дня за три часа до вечера; и даже въ будни,

по случаю храмовыхъ праздниковъ и крестныхъ ходовъ, запрещалось работать и торговать до окончанія богослуженія; но эти правила исполнялись плохо, и несмотря на строгую подчиненность церковнымъ формамъ въ жизни, несмотря на то, что русскіе даже время считали не иначе, какъ праздниками, къ изумленію иностранцевъ, они торговали и работали и по воскресеньямъ и по господскимъ праздникамъ. За то простой народъ находилъ, что ничѣмъ такъ нельзя почитать праздника, какъ пьянствомъ; чѣмъ больше былъ праздникъ, тѣмъ ниже былъ разгулъ, тѣмъ болѣе выбиралось въ казну дохода въ кабакахъ и кружечныхъ дворахъ, — даже во время богослуженія пьяницы уже толпились около питейныхъ домовъ: «кто празднику радъ, тотъ до свѣту пьянъ», говорилъ и говоритъ народъ великорусскій.

Въ XVI и XVII вѣкахъ новый годъ праздновался 1 сентября. Этотъ праздникъ назывался днемъ лѣтопровожденія. Въ Москвѣ все духовенство собиралось въ Кремле, тысячи народа толпились на площади. Патріархъ съ клиромъ и духовенствомъ выходилъ на красную площадь; выходилъ царь въ сопровожденіи множества бояръ и ближнихъ людей, въ великолѣпныхъ нарядахъ. Патріархъ цаловался съ царемъ въ церкви, осѣнялъ его благословеніемъ, потомъ осѣнялъ весь народъ на всѣ стороны, призывая благословеніе на предъидущій годъ. Такое же благословеніе торжественно давали и епископы. День этотъ проводился весело рускимъ народомъ.

Въ недѣлю предъ Рождествомъ Христовымъ толпы привлекались на зрѣлище пещнаго дѣйствія, которое отправлялось во многихъ мѣстахъ и долѣе сохранялось въ Новгородѣ. Что оно нѣкогда было и въ Москвѣ, указываетъ существованіе «халдеевъ», которые, по извѣстію Олеарія, дурачились по улицамъ во время святокъ. Зрѣлище происходило въ церкви (*). Особенностію празднества Рождества Христова бы-

(*) Этотъ оригинальный обрядъ совершался въ воскресенье предъ праздникомъ Рождества Христова. Если праздникъ приходился въ понедѣльникъ или во вторникъ, тогда пещное дѣйствіе совершалось въ недѣлю св. праотецъ, а если праздникъ былъ въ одинъ изъ прочихъ пяти дней, то въ недѣлю св. отецъ. Приготовленія къ нему начинались еще за нѣсколько дней, напримѣръ, въ среду. Тогда въ церкви разбирали паникадило надъ амвономъ и приготовляли подобіе печи. Въ субботу, послѣ обѣдни, пономари по приказанію ключаря принимали амвонъ; на его мѣсто ставили пещь и около нея большіе желѣзные *шандалы* съ витыми свѣчами. Начиналась вечерня; благовѣстъ къ ней, ради торжественности, длился цѣлый часъ. Тутъ въ первый разъ появлялись люди, которые должны были представлять дѣйство чуда надъ отроками. Это были: отроческій учитель съ тремя отроками и халдеи. Отроки одѣты были въ стихари съ вѣнцами на головахъ, халдеи въ странномъ одѣяніи, называемомъ халдейскимъ платьемъ, въ шлемахъ, съ трубками, въ которыхъ была вложена пловучая трава, съ свѣчами и съ

ла славить Христа. Священники ходили изъ дома въ домъ. Въ самый день Рождества было въ обычаѣ печь крупичатые калачи или перепечи и посылать пріятелямъ въ дома. Вечера святокъ, какъ и теперь, были временемъ гаданій и дѣвичьихъ забавъ. Въ простонародьи сохра-

пальмами. Когда святитель входилъ въ храмъ, впереди его шествовали отроки съ зажженными свѣчами; одинъ халдей шелъ по правую руку, другой по лѣвую. Во время входа въ алтарь святителя, халдеи оставались въ трапезѣ, — отроки входили въ алтарь сѣверными дверьми и пѣли вмѣстѣ съ поддьяками. Въ заутреню, за 6 часовъ до разсвѣта, происходило предотавленіе Святитель входилъ въ храмъ также съ отроками и халдеями въ томъ же порядкѣ, какъ и наканунѣ, въ вечернѣ; отправлялась заутреня; отроки все это время находились въ алтарѣ. Но когда оканчивали седьмую пѣснь канона, посвященную, какъ извѣстно, воспоминанію событія трехъ отроковъ, тогда начинали пѣть особый канонъ въ честь ихъ, гдѣ ирмосы и припѣвы были составлены примѣнительно къ повѣствованію пророка Даніила объ отрокахъ. На седьмой пѣснѣ этого канона отроческій учитель творилъ по три поклона предъ образами и, поклонившись святителю, говорилъ: «благослови, владыко, отроковъ на уреченное мѣсто ставити!» Святитель благословлялъ его по главѣ, говоря: «благословенъ Господь Богъ нашъ, изволивый тако!» Тогда учитель отходилъ, обвязывалъ отроковъ по шеямъ убрусами и, по знаку святителя, отдавалъ халдеямъ; халдеи, держась за концы убрусовъ, шли: одинъ впереди, другой позади отроковъ; отроки держались другъ друга руками. Дошедши до приготовленной пещи, одинъ изъ халдеевъ, указывая на пещь пальцемъ, говорилъ: «дѣти царевы! видите ли пещь сію, очень горящу и весьма распаляему!» Другой добавлялъ: «сія пещь уготована вамъ на мученіе.» Одинъ изъ отроковъ, представлявшій лицо Ананіи, говорилъ: «видимъ мы пещь сію и неужасаемся ея; есть бо Богъ нашъ на небесѣхъ, ему же мы служимъ,—той силенъ изъяти насъ отъ пещи сея!» Представляющій лицо Азаріи продолжалъ: «и отъ рукъ вашихъ избавитъ насъ»; а Мисаилъ доканчивалъ: «и сія пещь будетъ не намъ на мученіе, а вамъ на обличеніе.» Потомъ протодіаконъ зажигалъ свѣчи отроческія и стоялъ на царскихъ дверяхъ, а отроки пѣли: «и потщимся на помощь», какъ бы приготовляясь къ мученію. По окончаніи пѣнія, протодіаконъ, стоявшій со свѣчами, вручалъ ихъ святителю; отроки подходили къ нему и каждый получалъ отъ него свѣчу, цѣлуя руку святителя. Учитель развязывалъ каждаго отрока предъ полученіемъ святительскаго благословенія. Послѣ того начинался такой діалогъ между халдеями: «Товарищъ!» — Чево? — «Это дѣти царевы?» Царевы. — «Нашего царя не слушаютъ?»—Не слушаютъ. — «И златому тѣлу не поклоняются? — Не поклоняются. — «И мы вкинемъ ихъ въ печь?» — И начнемъ ихъ жечь. — Тогда брали подъ руки Ананію и вкидали въ пещь, потомъ говорили Азаріи: — «А ты, Азарія, чево сталъ? И тебѣ у насъ тоже будетъ». Тоже брали Азарію и вели въ пещь. Наконецъ, такимъ же образомъ поступали и съ Мисаиломъ. Очередной звонарь являлся съ горномъ, наполненнымъ угольями и ставилъ подъ пещь. Протодіаконъ возглашалъ: «Благословенъ Господи Боже отецъ нашихъ! Хвально и прославлено имя твое во вѣки!» Отроки повторяли этотъ стихъ, а халдеи ходили около пещи съ трубкою, со свѣчами и съ пальмами, метали изъ трубокъ плавучую траву, примѣриваясь пальмами, какъ будто раздувая огонь. Протодіаконъ читалъ пѣснь отроковъ: «прави пути твои и судьбы истинны сотворилъ еси.» За нимъ пѣли дьяки; когда же протодіаконъ возглашалъ: «и распаляшеся пламень подъ пещію», — отроки пѣли: «яже обрѣсте о пещи халдейстѣй». Тогда ключарь при-

нились въ эти дни завѣтные обряды язычества. Въ навечеріе рождества Христова бѣгали по городу или по селу и кликали коледу и усень или таусень; въ навечеріе Богоявленія кликали пугу. Эти обычаи наблюдались не только по разнымъ глухимъ мѣстамъ Руси, но и въ столицѣ, у подножія Кремля. Вообще время отъ дня Рождества Христова до Богоявленія проводилось разгульно; пьянство доходило до безчинства, тутъ-то чаще происходили кулачные бои; по улицамъ ходили толпы пѣсельниковъ, а халдеи, отправлявшіе предъ праздникомъ дѣйство чуда надъ отроками, бѣгали въ своихъ нарядахъ по городу и обжигали встрѣчнымъ бороды. На праздникъ Богоявленія нѣкоторые купались въ рѣкѣ, послѣ окончанія водоосвященія; въ особенности подвергали себя такой пыткѣ тѣ, которые во время святокъ позволяли себѣ разныя увеселенія и переряживанья.

нималъ отъ священника благословеніе *ангела спущати въ пещь*. Діаконы брали у халдеевъ трубки съ пловучей травою и огнемъ; протодіаконъ громко возглашалъ: «Ангелъ же Господенъ купно со Азаріиною чадію въ пещь», и когда доходилъ до стиха: «яко духъ хладенъ и шумящъ», тогда являлся ангелъ, держа свѣчу и спускаясь съ верху съ громомъ въ пещь; халдеи, державшіе въ это время свои пальмы высоко, падали, а дьяконы опаляли ихъ свѣчами. Отроцы зажигали въ вѣнцы свои три свѣчи ангела. Халдеи между собою вступали въ такой разговоръ: «Товарищъ!» — Чево? — «Видишь ли?» — Вижу. — «Было три, а стало четыре». — Грозенъ и страшенъ зѣло, образомъ уподобися сыну Божію. — Отроки въ пещи держали ангела — два за крылья, а одинъ за лѣвую ногу. Потомъ ангелъ подымался и бросалъ отроковъ сверху. Протодіяконъ читалъ пѣснь отроковъ; отроки пѣли ее въ пещи, а вслѣдъ за ними повторяли ее дьяки праваго, потомъ лѣваго клироса; халдеи зажигали вновь потухшія свѣчи и стояли съ поникшими головами; когда же пѣснь доходила до мѣста: «благословите тріе отроцы», ангелъ снова спускался съ громомъ и трясеніемъ въ пещь, а халдеи отъ страха падали на колѣни. По окончаніи всей пѣсни, ангелъ поднимался вверхъ; халдеи подходили къ пещи, отворяли двери пещи, стояли безъ шлемовъ или туриковъ (которые спадали у нихъ при первомъ появленіи ангела) и вели между собою слѣдующій разговоръ: «Ананія! гряди вонъ изъ пещи!» — «Чего сталъ? Поворачивайся, — неимѣетъ васъ огонь, ни солома, ни смола, ни сѣра; мы чаяли — васъ сожгли, а мы сами сгорѣли!» — Послѣ того халдеи выводили за руки отроковъ изъ пещи, одного послѣ другаго, сами надѣвали на себя турики, брали въ руки свои трубы съ пловучею травою и огнемъ и становились по обѣ стороны отроковъ. Обрядъ оканчивался многолѣтіемъ царю и всѣмъ властямъ. Заутреня продолжалась обычнымъ порядкомъ. Послѣ славословія, протопопъ съ отроками входилъ въ пещь и читалъ тамъ Евангеліе. По окончаніи заутрени, пещь принималась и ставился снова амвонъ на прежнее мѣсто (Древ. Русск. Вивліоѳ. VI, 377). Новгородская халдейская пещь до нашего времени сохранялась въ главѣ собора св. Софіи и въ настоящемъ году перевезена въ Императорскую Академію Художествъ. Это, такъ сказать, полукруглый шкафъ безъ крышки, съ боковымъ входомъ, на подмосткѣ. Стѣны ея раздѣлены на части продольными колонками, очень искусно украшенными рѣзьбою. По стѣнкамъ находились нѣкогда изображенія, теперь несуществующія. Рѣзьба была позолочена.

На масляницѣ безчинства было еще болѣе; тогда ночью по Москвѣ опасно было пройти чрезъ улицу; пьяницы приходили въ неистовство, и каждое утро подбираемы были трупы опившихся и убитыхъ. Въ воскресенье, предъ постомъ, родные и знакомые посѣщали одинъ другаго и прощались. Равнымъ образомъ и встрѣтясь на улицахъ, говорили другъ другу: «прости меня, пожалуй!»—Отвѣтъ былъ: «Богъ проститъ тебя!»—Тогда, послѣ обѣдни, вспоминая родителей, ѣздили по церквамъ и монастырямъ и прощались съ гробами усопшихъ. Съ наступленіемъ великаго поста начинались дни воздержанія; тѣ самые, которые въ мясоѣдъ и на масляницѣ позволяли себѣ неумѣренность въ пищѣ и питьѣ, теперь питались однимъ кусочкомъ хлѣба съ водою въ день; мужья убѣгали женъ; встрѣчаясь другъ съ другомъ, знакомые напоминали одинъ другому о христіанскомъ житьѣ и постѣ, въ ожиданіи свѣтлаго праздника. Въ старину, какъ принадлежность поста, существовалъ обычай посылать другъ другу такъ-называемые укрухи съ разными фруктовыми лакомствами и виномъ. Это дѣлалось, какъ видно, по праздникамъ и субботамъ, когда церковь ослабляетъ строгость великаго поста. День вербнаго воскресенья привлекалъ зрителей на оригинальную церемонію веденія осла, принадлежащую къ сферѣ церковныхъ обрядовъ. Пасха праздновалась, какъ и теперь, всю недѣлю и крашеныя яйца, какъ и теперь, составляли особенность праздника. Всю страстную недѣлю повсюду толпились продавцы красныхъ яицъ; другіе расписывали ихъ золотомъ; нѣкоторыя яйца были гусиныя или куриныя, вареныя, а иныя деревянныя; при христосованіи считали необходимымъ дать яйцо, а если христосовались люди неравнаго достоинства, то яйцо давалъ высшій низшему. Въ этотъ праздникъ существовалъ обычай, по которому бояре, а за ними и другія сословія, являлись къ царю и подносили подарки; точно также подносили дары крестьяне господамъ. Эти подарки назывались великоденскими припасами; съ своей стороны и господа ихъ дарили, когда цаловали (de Bruyns, 33). На святой недѣлѣ по улицамъ городовъ и посадовъ господствовала крайняя пестрота одеждъ и всеобщее удовольствіе; всю недѣлю звонили въ колокола, вѣруя, что этотъ звонъ утѣшаетъ на томъ свѣтѣ усопшихъ. Русскіе, встрѣчаясь между собою, цаловались: никто не могъ отказаться отъ пасхальнаго поцалуя; однако высшіе не всегда дозволяли это низшимъ себя; такъ, царь не христосовался ни съ кѣмъ, исключая патріарха, а давалъ цаловать свою руку. Въ старину существовалъ обычай христосоваться съ мертвыми, теперь почти уже вышедшій изъ употребленія. Въ день пасхи, послѣ заутрени, ходили на могилы родителей и родственниковъ и восклицали: Христосъ воскресе! и бросали яйцо на могилу. Такъ точно и царь христосовался

съ усопшими предками въ Архангельскомъ и Вознесенскомъ монастыряхъ. Благочестивые люди старались святые дни воскреснаго праздника провести въ дѣлахъ милосердія и въ эти дни особенно кормили нищихъ, раздавали милостыню, посылали пособіе заключеннымъ. Но въ массѣ простаго народа духовное торжество воскресенія Христова уступало мѣсто матеріальной радости: толпы наполняли кабаки, на улицахъ шатались пьяные и также какъ на масляницѣ по ночамъ случались убійства.

Изъ церковныхъ праздниковъ въ простомъ народѣ суббота предъ Троицынымъ днемъ и день рождества Іоанна Предтечи сопровождались полуязыческими обрядами. Троицкая суббота, день всеобщаго поминовенія усопшихъ, была вмѣстѣ съ тѣмъ днемъ забавъ и веселищей. Народъ собирался на кладбищахъ (по жальникомъ): сначала плакали, голосили, причитывали по роднымъ, потомъ появлялись скоморохи и гудцы и причудницы: плачь и сѣтованіе измѣнялись въ веселіе; пѣли пѣсни и плясали (Стогл. вопр. 27). Въ праздникъ купала во многихъ мѣстахъ народъ безсознательно праздновалъ языческую ночь, проводя ее въ забавахъ. Мы имѣемъ любопытное описаніе такого народнаго праздника въ Псковѣ, въ 1505 году. Когда наступалъ вечеръ 23 іюня, весь городъ поднимался; мужчины, женщины, молодые и старые, наряжались, и собирались на игрище. Тутъ являлись неизбѣжные скоморохи и гудцы съ бубнами, сопѣлями, дудками и струнными гудками: начиналось, по выраженію современника, *ногамъ скаканіе, хребтамъ вихляніе*. Женщины и дѣвицы плясали, прихлопывая въ ладоши, и пѣли пѣсни, принадлежащія этому празднику. По извѣстію монаха, который считалъ эти забавы угожденіемъ бѣсамъ, въ эту ночь происходило много соблазнительнаго, по поводу сближенія молодыхъ людей обоихъ половъ.

Н. КОСТОМАРОВЪ.

ПРОБЛЕСКИ СЧАСТЬЯ.

ПОВѢСТЬ.

Часть вторая.

I.

Супружеская жизнь Надежды Александровны потянулась для нея унылымъ чередомъ. Хотя она и не была надѣлена отъ природы тѣмъ поэтическимъ настроеніемъ, которое заставляетъ иную замужнюю женщину, безъ всякой существенной причины, только подъ вліяніемъ несбывшихся мечтаній, грустить и томиться среди дѣйствительной жизни, лишенной въ ея глазахъ той прелести и того обаянія, которыя она себѣ представляла прежде, — тѣмъ не менѣе и Надежда Александровна каждый оканчивавшійся день провожала тяжелымъ раздумьемъ. Въ особенности въ деревнѣ, въ лѣтнюю пору, она съ неодолимымъ томленіемъ смотрѣла, какъ постепенно темнѣли верхушки лѣса, освѣщенные розовымъ закатомъ, какъ угасалъ на озерѣ послѣдній отблескъ вечерней зари и какъ поднимались надъ нимъ бѣлые клубы тумана. Конецъ тихаго и душнаго деревенскаго дня наводилъ Надежду Александровну, противъ ея воли, на грустныя думы: ей тогда приходило на мысль, что и въ ея жизни угасъ еще одинъ такой же день и что въ этой жизни, какъ будто ужь законченной союзомъ съ человѣкомъ, къ которому она

не чувствовала никакого сердечнаго влеченія, много еще повторится такихъ однообразныхъ, изнурительныхъ дней.

Съ тоскою посматривала въ это время Надежда Александровна на свою усадьбу; ей все казалось здѣсь и тѣсно и мелочно, и вотъ какъ будто какой-то таинственный голосъ шепталъ ей, что за этой деревенской тишью есть еще другая жизнь и что хотя на долю женщины выдѣлена тамъ маленькая частичка, но все же, по крайней мѣрѣ, она можетъ тамъ, окруженная другими людьми и иными условіями быта, сочувствовать многимъ общественнымъ стремленіямъ. Она понимала, что женщина можетъ тамъ поддержать своимъ словомъ и своимъ привѣтомъ того, кто хочетъ жить и дѣйствовать для пользы общей, не ограничиваясь только ежедневною обиходною жизнью. Деревенская глушь становилась для Надежды Александровны тягостною, когда она начинала думать о положеніи женщины, болѣе высокомъ, болѣе святомъ, нежели то томительное сожительство, которымъ она искупала свою робость и покорность передъ родительскимъ самовластіемъ въ рѣшительную минуту своей жизни; когда она, неразвитая умственно дѣвушка, такъ уступчиво, такъ безмолвно склонилась передъ этимъ самовластіемъ.

Думая объ этомъ, Надежда Александровна мысленно переходила къ личности своего мужа — и какъ пуста, какъ ничтожна являлась ей эта личность! Какъ она ни старалась быть снисходительною къ Андрею Николаевичу, но не могла однако не сознаться въ душѣ, что онъ постоянно разсчитывалъ на одни только мелкія удобства своей собственной жизни и что онъ готовъ былъ изъ-за матеріальныхъ выгодъ отказаться отъ своихъ самыхъ задушевныхъ убѣжденій, если бы только онъ могъ когда нибудь имѣть ихъ. Надежда Александровна не могла не видѣть, что мужъ ея, строптивый и высокомѣрный съ каждымъ, кто былъ ниже его по положенію въ обществѣ и бѣднѣе по карману, въ то же время преклонялся и унижался передъ тѣми, отъ которыхъ зависѣло его вещественное довольство, или которые могли своей лаской и своимъ вниманіемъ польстить его пустому, почти ребяческому тщеславію. Изъ многихъ поступковъ Андрея Николаевича, а также и изъ его рѣчей, въ которыхъ высказывались его воззрѣнія, какъ на собственное достоинство, такъ и на достоинство чужихъ личностей, Надежда Александровна ясно видѣла и понимала, что Андрей Николаевичъ изъ эгоизма презираетъ и дружбой, и любовью, и преданностію. Съ глубокою

тоскою сознавала она, что такого человѣка нельзя любить не только съ увлеченіемъ, но и съ холоднымъ расчетомъ, и что уважать его не было никакой возможности.

Мелкая изворотливость Андрея Николаевича, его неблагородная жадность къ деньгамъ, для пріобрѣтенія которыхъ онъ не разбиралъ средствъ и которыя между тѣмъ сорилъ безъ расчета для собственныхъ своихъ прихотей, и его умѣнье поддѣлываться къ тѣмъ, отъ кого онъ чаялъ какихъ нибудь вещественныхъ благъ, совершенно унижали его въ глазахъ Надежды Александровны. Тщетно пыталась она порою разбудить въ своемъ мужѣ, дружескими рѣчами, хотя малѣйшее чувство самостоятельности и показать ему неумѣстность многихъ его поступковъ. Слова Надежды Александровны шли отъ сердца; они были проникнуты тѣмъ женственнымъ участіемъ, которое такъ обаятельно дѣйствуетъ на мужчину; но Андрей Николаевичъ не хотѣлъ слушать своей жены; онъ сердито откашливался, дѣлалъ гримасы, насвистывалъ, какъ будто не обращая вниманія на то, что она говоритъ, и наконецъ твердымъ голосомъ объявлялъ женѣ, что она не имѣетъ никакого права мѣшаться въ его дѣла и что онъ самъ лучше ея знаетъ, какъ слѣдуетъ ему жить и поступать.

Узнавъ вполнѣ характеръ своего мужа, Надежда Александровна видѣла, что для нея все кончено. Тупо, вяло и безотчетно хотѣла она дотянуть какъ нибудь свою неудавшуюся жизнь; но вдругъ иныя думы ободряли ее среди этой безнадежности. Она была матерью, у нея были обязанности, и не исполнить ихъ Надежда Александровна считала преступленіемъ. Молодая женщина ободрялась; она видѣла новую цѣль въ своей жизни. Впрочемъ, не возвеличиваніе ребенка заботило Надежду Александровну; она не мечтала также и о томъ, какъ сынъ ея будетъ современемъ красоваться на конѣ передъ ратнымъ строемъ, въ полномъ блескѣ, но за то и въ полной безопасности, или какъ онъ будетъ важно выступать въ мундирѣ, расшитомъ золотомъ, возбуждая всеобщее удивленіе и зависть. Нѣтъ; — другія, честныя думы плѣняли Надежду Александровну, когда она начинала думать о будущности своихъ маленькихъ сыновей.

Она мечтала о томъ, какъ станетъ воспитывать ихъ въ благородныхъ чувствахъ и въ независимыхъ убѣжденіяхъ, какъ она вселитъ въ нихъ любовь и уваженіе къ тѣмъ стремленіямъ, которыя, очень часто лишая мужчину многихъ внѣшнихъ отличій и

вещественныхъ удобствъ, возводятъ его на высокую степень въ общественномъ мнѣніи людей честныхъ и образованныхъ. Съ позволительною гордостью, хотя, правда, и не безъ трепета въ нѣжномъ материнскомъ сердцѣ, представляла она себѣ своего сына даже жертвою его общественныхъ стремленій. Выросши сама подъ гнетомъ патріархальной власти и подчинившись ей еще болѣе, вслѣдствіе брачнаго союза, Надежда Александровна хотѣла, чтобъ дѣти ея не испытали этого гнета и не томили бы потомъ тѣхъ, кто отъ нихъ будетъ зависѣть. Само собою разумѣется, что эти мечтанія двадцатишести-лѣтней женщины были далеки отъ своего осуществленія, и притомъ на первой порѣ она встрѣчала сильное противодѣйствіе въ этомъ отношеніи со стороны мужа, который за каждую безделицу, за каждый дѣтскій порывъ надѣлялъ своихъ сыновей и побранками и трепкою за вихоръ, и хотѣлъ уничтожить въ нихъ всякое чувство, въ которомъ проглядывала бы самостоятельность и позволительное самолюбіе дитяти.

Между тѣмъ Надежда Александровна подъ вліяніемъ своихъ думъ росла и крѣпла духомъ.

Нерѣдко, задумавшись надъ своею судьбою, она жестоко упрекала себя не столько за минутное увлеченіе къ Андрею Николаевичу, сколько за свое прежнее безсиліе и за свою робость, подъ тяжестію которыхъ она не высказала ни отцу, ни матери своего нерасположенія къ Андрею Николаевичу, и въ особенности за то, что она такъ покорно пошла подъ вѣнецъ съ нелюбимымъ ею человѣкомъ. Тогда въ памяти Надежды Александровны оживала та минута, когда она въ ярко-освѣщенной церкви, окруженная любопытною, колыхавшеюся около нея толпою, вымолвила, на вопросъ священника, нерѣшительнымъ голосомъ свое роковое «да». Ей живо представлялось также и то мгновеніе, когда она подала жениху свою дрожавшую руку, между тѣмъ какъ сердце ея, правда, еще неотданное никому, было однако далеко отъ того, съ кѣмъ она соединяла свою жизнь до самаго гроба.

При этихъ воспоминаніяхъ Надежда Александровна чувствовала болѣзненный трепетъ; робкая совѣсть нашептывала ей, что она виновата передъ своимъ мужемъ, что она сама ввела его въ заблужденіе своимъ притворствомъ, что, быть можетъ, если бы она высказала ему свои чувства съ полною откровенностію, онъ отказался бы отъ ея руки и былъ бы теперь счастливъ съ

другою женщиной, которая могла бы искренно любить его. Припоминая, однако, всѣ свои отношенія къ Андрею Николаевичу до свадьбы, Надежда Александровна могла съ покойною совѣстью сказать, что она ни однимъ словомъ, ни однимъ поступкомъ не выразила ему, не только своей любви, но и своего расположенія; она во все время его сватовства была съ женихомъ привѣтлива и обходительна точно такъ же, какъ и съ другими гостями, посѣщавшими домъ ея отца; нисколько не болѣе. Между ею и Андреемъ Николаевичемъ не было никакихъ обѣтовъ, никакихъ клятвъ, никакихъ одинокихъ задушевныхъ бесѣдъ, постепенно сближающихъ будущихъ супруговъ. Всѣ ихъ отношенія были холодны и равнодушны. . . . .

Не щадя себя нисколько передъ строгимъ судомъ своей совѣсти, Надежда Александровна могла, однако, признать себя виновной только въ томъ, что она слѣпо исполнила долгъ дочери, покорной родительской волѣ. Хотя, впрочемъ, она очень хорошо знала, что всякое противорѣчіе этой волѣ было бы безполезно, но все же теперь она никакъ не могла простить себѣ, зачѣмъ не сдѣлала тогда попытки противостать отцовскому самовластію. Надежда Александровна представляла себѣ, какъ она должна была говорить съ Александромъ Никитичемъ; но въ то же время она припоминала холодный, упертый въ нее родительскій взоръ, и по прошествіи семи лѣтъ еще чувствовала, какъ передъ этимъ взоромъ должны были замереть ея откровенныя, смѣлыя рѣчи. . . . .

Одно обстоятельство открыло Надеждѣ Александровнѣ вполнѣ убѣжденія ея мужа. Вскорѣ послѣ свадьбы онъ попросилъ ее разобрать ворохъ его бумагъ, чтобъ пріискать въ нихъ какую-то нужную для него замѣтку объ одномъ тяжебномъ дѣлѣ. Перебирая бумаги мужа, Надежда Александровна встрѣтила письмо, написанное его рукою и не безъ волненія увидѣла, что въ письмѣ этомъ идетъ рѣчь и о ней. Очень понятное и очень простительное любопытство заставило Надежду Александровну пробѣжать близкія къ ней строки. Она поблѣднѣла, у ней замерло дыханіе, когда въ дружеской перепискѣ Андрея Николаевича съ его старымъ товарищемъ Волынинымъ увидѣла, какъ самъ Андрей Николаевичъ смотрѣлъ на свой брачный союзъ съ нею.

«Да, я женился, мой любезнѣйшій другъ, на Надеждѣ Александровнѣ, но, признаюсь тебѣ, безъ всякихъ романическихъ за-

тѣй и сердечныхъ увлеченій. Правда, что жену мою всѣ называютъ хорошенькой; но собственно мнѣ она нравится потому только, что похожа нѣсколько на мою Лизу. Повѣришь ли мнѣ, что я очень часто жалѣю о томъ, что былъ принужденъ оставить эту женщину; но что же было дѣлать? Женитьба на Надинькѣ была для меня очень выгодна; вѣдь надобно сознаться, что на такую богатую партію и на такого дурака-тестя, какого отыскалъ я, не скоро наткнешься. Было бы крайне глупо съ моей стороны не воспользоваться всѣмъ этимъ».

При первой вспышкѣ негодованія, Надежда Александровна рванулась было съ письмомъ въ рукахъ къ мужу. Конечно здѣсь послѣдовали бы объясненія, слезы, упреки, рыданія и обморокъ; но Надежду Александровну мгновенно остановила та мысль, что оскорбившее ее письмо было только справедливымъ возмездіемъ за ея собственную неискренность.

— А я? подумала Надежда Александровна: — развѣ я пошла замужъ по сердечному влеченію? Онъ, какъ мужчина, былъ разсчетливъ; я, какъ женщина, была робка, — мы оба обманули другъ друга.

Случай этотъ показалъ, однако, Надеждѣ Александровнѣ, что у ней было болѣе твердости воли, нежели она сама предполагала. Сдержавъ свои слезы и подавивъ свое волненіе, она положила письмо на прежнее мѣсто, отыскала для Андрея Николаевича нужную ему бумагу и, войдя въ ту комнату, гдѣ онъ былъ, подала ему безъ замѣтнаго смущенія.

На другой день, когда Надежда Александровна сидѣла за утреннимъ чаемъ, Андрей Николаевичъ вошелъ съ запечатаннымъ письмомъ въ рукахъ и приказалъ позвать къ себѣ Кирилла, который долженъ былъ отправиться въ городъ, чтобъ отвезти это письмо на почту.

Надежда Александровна промолчала, скрѣпивъ сердце.

Въ продолженіе слишкомъ семи лѣтъ супружества, то есть до того времени, когда наконецъ Надежда Александровна такъ рѣшительно отвѣчала своему отцу противъ его словъ насчетъ справедливости замѣчаній, сдѣланныхъ въ письмѣ ея мужемъ, — жизнь для Надежды Александровны была и грустна и томительна. Каждую минуту она должна была подавлять искренность своихъ чувствъ и лицемѣрить передъ человѣкомъ, котораго она и не любила и не уважала. Молодая женщина въ постоянной и упорной борьбѣ съ самой собою увидѣла настоящее

значенія тѣхъ патріархальныхъ внушеній, которыя съ такою легкостью преподаются спокон вѣку, о безропотномъ исполненіи женою ея супружескаго долга во имя освященнаго союза. Она убѣдилась, что никакъ нельзя приневолить сердце и что иногда женщинѣ приходится страдать нравственно всю жизнь, не только за мгновенное увлеченіе пылкою любовью, или за слѣпую, скоро проходящую страсть, но и за то покорное безмолвіе, къ которому пріучило ее данное ей воспитаніе.

Притомъ, нелюбовь Надежды Александровны къ мужу не была вовсе тѣмъ охлажденіемъ, какимъ такъ часто, по исходѣ немногихъ лѣтъ, сопровождается супружество, основанное прежде на самыхъ пламенныхъ и на самыхъ искреннихъ обѣтахъ вѣчной любви и неизмѣнной дружбы. Въ этихъ случаяхъ взаимные вкусы супруговъ притупляются; мужъ смотритъ на жену съ мыслью, что на свѣтѣ есть много женщинъ несравненно красивѣе избранной имъ подруги; жена, смотря на мужа, думаетъ тоже въ отношеніи къ мужчинамъ. Такимъ образомъ, горѣвшая взаимною любовью чета охлаждается постепенно.

Надежда же Александровна не была влюбчива отъ природы; кромѣ того ей, при ея уединенномъ образѣ жизни, не привелось ни разу встрѣтить такого мужчину, который, по ея собственному сознанію, былъ бы изъ себя и красивѣе и молодцоватѣе Андрея Николаевича, и только овладѣвавшая имъ злоба придавала его чертамъ непріятное выраженіе. Совсѣмъ другаго рода чувства отдаляли, а порою просто отталкивали Надежду Александровну отъ ея мужа. Его нравственные недостатки, прикрытые для людей постороннихъ приличіемъ и проявлявшіеся между тѣмъ передъ Надеждой Александровной въ своемъ полномъ развитіи, истребили въ ней всѣ чувства привязанности къ этому человѣку. Могла ли она быть съ нимъ искренна, когда она знала, что онъ на ея искренность отвѣтитъ ложью и притворствомъ? могла ли она передать ему свои заботы и свое горе, если онъ оказывалъ совершенное невниманіе къ ея личности и думалъ исключительно о себѣ самомъ? могла ли она дружески попросить его о чемъ нибудь, зная напередъ, что онъ сдѣлаетъ ей все наперекоръ, такъ какъ главнымъ его желаніемъ было — обратить жену въ робкое, безмолвное существо, которое не должно ни говорить, ни думать, ни чувствовать противъ мужниной воли? При такихъ условіяхъ Надеждѣ Александровнѣ приходилось ужь отстаивать свою личную свободу, и безъ того ужь стѣснен-

ную множествомъ искуственныхъ условій и нелѣпыхъ предразсудковъ. Кромѣ того, она, какъ мы видѣли, была даже лишена возможности передавать свои мысли и свои чувства отцу и матери; потому что Александръ Никитичъ всегда съ жаромъ бралъ сторону своего любимаго зятя, винилъ свою дочь въ домашнихъ раздорахъ и дѣлалъ ей оскорбительные намеки, между тѣмъ какъ Наталья Ивановна во всѣхъ этихъ нападкахъ безсознательно вторила своему мужу, журя Наденьку и съ своей еще стороны.

Безъ слезъ, безъ упрековъ, безъ шума и безъ трагическихъ сценъ думала Надежда Александровна разстаться съ своимъ мужемъ, зная очень хорошо, что она только стѣсняетъ его собою и что онъ всегда ищетъ случая быть порознь съ нею, чтобы кутить въ кругу своихъ пріятелей или искать любовныхъ похожденій. Надежда Александровна вполнѣ убѣдилась, что она совершенно лишнее существо въ жизни Андрея Николаевича, что ни сходство характера, ни одинаковость понятій и стремленій не связываютъ ихъ, и что поэтому миролюбивая разлука будетъ самымъ лучшимъ исходомъ ихъ вѣчнаго союза.

Чистая совѣстью, Надежда Александровна не думала вовсе о томъ, къ какимъ злымъ пересудамъ подастъ она поводъ своимъ разлученіемъ съ мужемъ; она не хотѣла обратить вниманія на то, что̀ заговорятъ о ней богобоязненныя барыни, такъ часто нарушающія основу супружескаго быта, но не осмѣливающіяся оскорблять его внѣшнія формы. Надежда Александровна не боялась ни говора, ни злословія. Она хотѣла только выговорить для себя и для дѣтей самыя скромныя средства, предоставивъ все свое состояніе въ распоряженіе Андрея Николаевича, хотя она и предвидѣла, что все это будетъ промотано въ самое непродолжительное время. Она понимала, что жертвуетъ собственностью дѣтей; но что же ей оставалось дѣлать? Потеря состоянія была неизбѣжна и въ томъ случаѣ, если бы Надежда Александровна продолжала жить съ мужемъ, потому что она не имѣла надъ нимъ никакого вліянія.

Надобно впрочемъ замѣтить, что дѣйствительная жизнь со всѣми ея мелочами была еще мало знакома Надеждѣ Александровнѣ, да притомъ дѣйствительная жизнь дѣлится у насъ на такое множество разрядовъ, что ее невозможно изучить со всѣми ея оттѣнками и изгибами. Надежда Александровна знала безъ всякихъ призрачныхъ обстановокъ дѣйствительную жизнь губернскихъ барынь и барышень, домосѣдокъ-хозяекъ, знала не-

тяжелую жизнь рабочаго крестьянина и его горемычной подруги, и кромѣ того, черезъ Сашеньку и Петра Ивановича, она имѣла нѣкоторое понятіе о жизни бѣдныхъ семейныхъ чиновниковъ.

Сашенька годами восемью была помоложе Надежды Александровны. Отецъ Сашеньки еще въ первый годъ супружества Надежды Александровны принесъ къ Андрею Николаевичу бумаги, которыя были даны ему для переписки набѣло. Отправляясь къ Границынымъ, онъ взялъ съ собою Сашеньку для прогулки, но, не смѣя ввести ее въ ихъ домъ, оставилъ Сашеньку у воротъ дома. Надежда Александровна случайно увидѣла дѣвушку, робко поджидавшую своего отца и велѣла попросить Сашеньку въ комнаты. Привѣтливое личико ребенка еще болѣе расположило молодую женщину въ пользу новой знакомки. Надежда Александровна приласкала ее, разговорилась съ нею и узнавъ впослѣдствіи о стѣсненномъ положеніи честнаго Игольникова, и о томъ, что дочь его ходитъ учиться въ пансіонъ на счетъ постороннихъ людей, взялась воспитывать Сашеньку на свой счетъ. Девяти-лѣтняя Сашенька скоро отъ всей души полюбила Надежду Александровну, которая въ свою очередь привязалась къ Сашенькѣ, какъ къ родной сестрѣ.

Отношенія Надежды Александровны къ Игольниковымъ не имѣли вовсе тѣхъ, очень часто оскорбительныхъ проявленій, которыми отличаются подобныя отношенія, когда благодѣтельствуютъ свысока, съ показаніемъ огромной разницы между дающими и принимающими. Безъ пустыхъ соболѣзнованій, безъ вздоховъ, безъ вмѣшательства во всѣ мелочи быта Игольниковыхъ, Надежда Александровна, въ лицѣ Сашеньки, благодѣтельствовала этой семьѣ. Въ этой подмогѣ Игольниковымъ Надежда Александровна находила для себя какое-то особенное удовольствіе.

О нуждѣ и бѣдности, поставленныхъ въ борьбу съ честностью, Надежда Александровна не имѣла никакого понятія до своего знакомства съ Игольниковыми. Для нея въ домашней жизни послѣднихъ открылся какой-то новый, дотолѣ невѣдомый ей міръ, гдѣ усидчивымъ трудомъ нужно было заработывать каждую копѣйку, гдѣ было столько тревогъ и столько опасеній не за удобства и не за роскошь жизни, но за насущный кусокъ хлѣба, гдѣ встрѣчалось такъ мало радостей и утѣхъ, но гдѣ было столько горя и лишеній.

Такая обстановка Сашеньки, ронявшая бѣдную дѣвушку въ глазахъ другихъ губернскихъ аристократокъ, дѣйствовала совершенно противуположно на Надежду Александровну; она очень хорошо понимала, что этой умненькой и хорошенькой дѣвушкѣ недоставало только состоянія, и она жалѣла, что бѣдность Сани и ея беззащитность готовятъ ей впослѣдствіи, быть можетъ, самую горькую долю.

Въ настоящее же время Надежду Александровну огорчало то, что Сашенька безъ всякой причины сдѣлалась предметомъ особенной ненависти и безжалостнаго гоненія со стороны Андрея Николаевича. Надежда Александровна, уступая своему мужу даже и въ такихъ случаяхъ, гдѣ, по ея убѣжденію, справедливость была на ея сторонѣ, рѣшилась однако употребить всѣ свои душевныя силы для того, чтобъ вступить съ мужемъ въ борьбу за дорогую для нея Сашеньку.

II.

Пріѣздъ Платона Васильевича въ Затворскъ открылъ ему такой новый общественный бытъ и такія новыя личности, о существованіи которыхъ онъ и не подозрѣвалъ прежде, во все время своего безвыѣзднаго пребыванія въ Петербургѣ. Онъ увидѣлъ здѣсь, что удачное рѣшеніе многихъ общественныхъ вопросовъ не лежитъ безусловно въ департаментскихъ столахъ и министерскихъ кабинетахъ, но что въ большей части случаевъ рѣшенія такого рода должны истекать изъ близкаго знакомства съ той огромной массой, которая такъ легко выговаривается въ одномъ собирательномъ имени — Россія.

Съ особеннымъ любопытствомъ сталъ Полосовъ присматриваться къ этому быту и къ прозябающимъ въ немъ личностямъ. Первый—онъ нашелъ и однообразнымъ и тяжелымъ; послѣднія показались ему то покоющимися въ какомъ-то усыпленіи, то бессознательными даже въ минуты своего краткаго пробужденія. Вглядѣвшись однако ближе, Полосовъ увидѣлъ, что и въ этомъ, повидимому, дремлющемъ уголкѣ есть еще много нетронутыхъ силъ, которыя могутъ встрепенуться, если ихъ съ умѣніемъ направить на жизненные, близкіе къ нимъ по чему либо вопросы.

Чиновничій кругъ губернскаго города былъ тотъ первый слой мѣстнаго общества, съ которымъ прежде всего познакомился Платонъ Васильевичъ.

Какая-то безотвѣтная забитость и какая-то постоянная, безотчетная пугливость были главными чертами въ низшей сферѣ этого круга; и наоборотъ, какая-то смѣлая безоглядность въ дѣйствіяхъ и величавое спокойствіе во всѣхъ пріемахъ отличали его высшую сферу. Разладъ въ совокупной дѣятельности былъ поразительный для непривычнаго взгляда — одни только приказывали, другіе только исполняли приказанія; нигдѣ не было ни разумнаго обмѣна мыслей, ни той разносторонней совѣщательности, которая вырабатываетъ совокупность мнѣній и твердость воззрѣній на вещи. Каждый предсѣдательствовавшій рѣшалъ по своему собственному усмотрѣнію тѣ дѣла, которыя почему-либо интересовали его самого. Въ замѣнъ же этого, онъ предоставлялъ завѣдывавшимъ подъ нимъ разными отдѣленіями, второстепеннымъ лицамъ распоряжаться такъ, какъ имъ было угодно, съ тѣмъ только, чтобъ ихъ распоряженія не задѣвали его личнаго самолюбія и не противодѣйствовали бы его личнымъ разсчетамъ и соображеніямъ. Эти завѣдывавшія лица, въ свою очередь, опять передавали врученную имъ власть на тѣхъ же самыхъ условіяхъ другимъ ближайшимъ къ нимъ лицамъ, и такъ далѣе; такъ что во всемъ проявлялось или единовластіе, или жалкое раздробленіе власти, — и все это связывалось какой-то общей круговой порукой, основанной съ одной стороны на повелительности, а съ другой на робости и смиреніи.

Никто въ этомъ водоворотѣ дѣлъ, рѣшеній, постановленій, предписаній и опредѣленій, не отстаивалъ своего законнаго права на голосъ; повидимому, всѣ равные мирно ладили между собою посредствомъ взаимныхъ уступокъ и дружелюбныхъ отношеній. Только порою происходило глухое сѣтованіе и слышался невнятный ропотъ среди тѣхъ, которымъ приходилось исполнять дѣло безъ всякихъ добавочныхъ выгодъ и личнаго пристрастія, единственно по обязанностямъ службы. Впрочемъ, такія сѣтованія и такой ропотъ скоро прекращались или вслѣдствіе грубаго распеканія, или угрозы — лишить должности, или даже только вслѣдствіе косыхъ взглядовъ, бросаемыхъ старшимъ на младшаго.

Правда, что иногда и въ высшей сферѣ мѣстнаго чиновничества, казалось, возникали горячіе и ожесточенные споры по

дѣламъ, касавшимся или обереженія казенныхъ интересовъ, или соблюденія правосудія; но здѣсь въ сущности предметами спора были не административные и юридическіе вопросы,—здѣсь проявлялись личныя столкновенія, которыя улаживались или вмѣшательствомъ начальника губерніи, а иногда и другихъ властей повыше его, или же просто-на-просто они прекращались разведеніемъ враждующихъ по разнымъ губерніямъ, или переводомъ одного изъ нихъ въ другую мѣстность то въ видахъ повышенія, то въ видахъ взысканія. Подобнаго рода распри, доходившія нерѣдко до громкаго соблазна, прекращались такими мѣрами, оставляя иногда за собою въ дѣлахъ разныхъ присутственныхъ мѣстъ или долгій хвостъ ожесточенныхъ доносовъ, или слѣды колкостей въ оффиціальной перепискѣ.

Платонъ Васильевичъ ясно понялъ, что ему не легко будетъ ужиться въ этой средѣ, къ которой онъ былъ привязанъ только силою обстоятельствъ, и къ которой онъ не чувствовалъ ни малѣйшаго влеченія и въ бытность свою въ Петербургѣ, гдѣ еще такъ много характеристическихъ особенностей чиновничьяго міра было сокрыто отъ него, вслѣдствіе его уединеннаго образа жизни и скромнаго служебнаго положенія. Однако онъ встрѣтилъ на новомъ мѣстѣ нѣсколько такихъ личностей, которыя привлекли къ себѣ его сердечное расположеніе. Познакомившись поближе съ Петромъ Ивановичемъ Игольниковымъ, онъ увидѣлъ въ этомъ тихомъ созданіи избытокъ гражданской честности, основанной не только на слѣпомъ, боязливомъ уваженіи къ властямъ и законамъ, но и на тепломъ участіи къ тѣмъ мелочамъ въ жизни ближняго, которыя, при очень частой беззащитности правъ истца и просителя, передаютъ порою ходъ всего дѣла въ руки самаго незначительнаго чиновника. Поставляемый иногда въ такое выгодное положеніе, Игольниковъ не только не наживалъ людей, имѣвшихъ до него дѣла, но, напротивъ, старался самъ помочь каждому на столько, сколько это зависѣло отъ него. Впрочемъ, какъ врожденная робость Игольникова, такъ и въ особенности робость, привитая къ нему всѣмъ ходомъ его смиренной жизни, представляли добраго и услужливаго Игольникова въ глазахъ людей, мало его знавшихъ, какимъ-то безотвѣтнымъ трусомъ, какимъ-то страдательнымъ существомъ; а между тѣмъ у этого человѣка были свои честныя убѣжденія, за которыя онъ, въ случаѣ надобности, готовъ былъ стоять до послѣдней крайности.

Желчный Калина Михайловичъ производилъ на Полосова весьма пріятное впечатлѣніе. Полосовъ увидѣлъ, что болѣзненная желчь Рыхлова въ откровенномъ разговорѣ не ограничивалась только извѣстной, уже притоптанной долей человѣчества, но что порою онъ очень мѣтко и очень справедливо задѣвалъ своею рѣчью и такія верхушки, на которыя прочая его братія взирала съ безграничнымъ подобострастіемъ. Калина Михайловичъ былъ въ своемъ родѣ усерднымъ, хотя, правда, вмѣстѣ съ тѣмъ и какимъ-то неуклюжимъ пропагандистомъ тѣхъ идей, которыя невольно наводятъ сметливаго человѣка на многія зрѣлыя мысли.

Среди служащей молодежи, Полосовъ встрѣтилъ въ Затворскѣ или такихъ юношей, которые числились на службѣ, ничего не дѣлая и только выжидая какихъ нибудь почетныхъ должностей по запаснымъ магазинамъ, по благотворительнымъ учрежденіямъ и по училищамъ, или же такихъ, которые съ университетскимъ образованіемъ работали изъ-за куска насущнаго хлѣба надъ перепискою бумагъ по разнымъ присутственнымъ мѣстамъ и втягивались постепенно въ эту работу, иногда даже безъ всякой надежды на что нибудь лучшее въ своей будущности. Наконецъ остальная молодежь, ограничившая съ перваго же вступленія въ жизнь и свои потребности и свою дѣятельность только бытомъ въ Затворскѣ, или думала о томъ, какъ бы получше жениться, или какъ бы поскорѣе получить лучшую должность, а затѣмъ безсознательно, послѣ окончанія присутствій, шлялась по бульвару или ходила въ гости по знакомымъ домамъ. Самая же дѣятельная ея часть щелкала до поздней ночи на бильярдахъ въ двухъ трактирахъ, изъ которыхъ одинъ служилъ сборищемъ для болѣе зажиточныхъ чиновниковъ, а другой для имѣющихъ менѣе достатка. Первый былъ почище, второй погрязнѣе.

Между тѣмъ, по своему древнему дворянскому происхожденію, еще и донынѣ довольно высоко цѣнимому въ такъ называемомъ лучшемъ или высшемъ губернскомъ обществѣ, Полосовъ, какъ молодой человѣкъ «изъ хорошей фамиліи», примкнулъ также и къ этому обществу. Здѣсь тоже его поразила на первый разъ дикая разладица во мнѣніяхъ, мелочность интересовъ и ложная щекотливость самолюбій, ставившія нерѣдко въ непріязненное отношеніе между собою и такихъ людей, которые были одарены отъ природы здравымъ разсудкомъ и которые сходились иногда между собою въ основныхъ мысляхъ не только о

мѣстныхъ, но даже и общественныхъ вопросахъ. Въ этой средѣ, то какъ будто энергически дѣйствующей, по крайней мѣрѣ на словахъ, то безмолвствующей вовсе или отдѣлывающейся очень часто въ самыхъ важныхъ случаяхъ однѣми пустыми, напыщенными фразами, Платонъ Васильевичъ встрѣчалъ, однако, иногда проявленіе такихъ мыслей, изъ которыхъ, какъ ему казалось, ретивымъ и вліятельнымъ дѣятелямъ можно было приготовить для общества лучшую долю. Правда впрочемъ, что проявленіе этихъ свѣтлыхъ мыслей было бо̀льшею частію подавлено тяжелымъ грузомъ старыхъ предразсудковъ, робостью предъ каждою новизною и всего болѣе личными разсчетами. Все же порою проблескъ разумныхъ идей мелькалъ, какъ зарница безъ гула, то здѣсь, то тамъ, надъ этимъ обществомъ, посвящавшимъ преимущественно всю свою жизнь обѣдамъ, клубу, картамъ, баламъ и вздорнымъ пересудамъ о предметахъ, не стоившихъ вниманія; между тѣмъ какъ болѣе важные вопросы общественныхъ задачъ были совершенно забыты. Главнымъ недостаткомъ этой среды провинціальнаго общества было мелочное честолюбіе и вмѣстѣ съ этимъ проявлялась тамъ своего рода запуганность, даже въ такихъ лицахъ, которымъ, повидимому, сама судьба дала всѣ средства для того, чтобъ они могли жить и дѣйствовать во многихъ случаяхъ и независимо и самостоятельно.

По пріѣздѣ въ Затворскъ, Платонъ Васильевичъ поселился въ домѣ одного изъ самыхъ зажиточныхъ купцовъ этого города. Никаноръ Савичъ, хозяинъ Полосова, занимался, какъ онъ выражался самъ, по скотской части, т. е. торговалъ скотомъ. Прикащики его закупали въ разныхъ мѣстахъ на югѣ воловъ и гоняли ихъ въ Москву, между тѣмъ какъ онъ самъ проводилъ время въ какой-то тяжелой лѣни. Правда, что онъ и лѣтомъ и зимою вставалъ всегда на разсвѣтѣ; но вставши и помолившись Богу съ воздыханіями и съ земными поклонами, онъ пилъ утренній чай, питіе котораго продолжалось слишкомъ два часа. Послѣ этого Никаноръ Савичъ бралъ часословъ или евангеліе и прочитывалъ изъ нихъ нѣсколько страницъ съ большими запинками, не задумываясь однако вовсе надъ тѣмъ, что̀ онъ читалъ, и очень часто не понимая не только смысла, но даже и содержанія прочитаннаго. Въ полдень Никаноръ Савичъ обѣдалъ, а потомъ заваливался спать часа на четыре; проснувшись же, онъ принимался за вечерній чай, питіе котораго продолжалось

столько же времени, сколько и питіе утренняго чая. Послѣ этого онъ слонялся изъ комнаты въ комнату, сидѣлъ молча съ женою и вообще тяготился своею бездѣятельностію, не постигая однако самъ, откуда происходила эта тягота. Въ лѣтнюю пору, послѣ вечерняго чая Никаноръ Савичъ выходилъ на галлерею, стоялъ облокотившись на перилы и плевалъ сверху внизъ, слѣдя за своими плевками, или безсознательно посматривалъ то на небо, то на дворъ, на которомъ все было ему знакомо — и колодезь, и собачья канура, и сарай, и тощая рябина.

Домашняя дѣятельность Никанора Савича дополнялась повременамъ безсознательнымъ глядѣніемъ въ окно на пустую широкую улицу, считаніемъ ударовъ благовѣста или вторенiемъ, на голосъ, трезвону, зѣваніемъ во всякое время дня, поливаніемъ цвѣтовъ, поправленіемъ лампадки, постоянно теплившейся передъ образомъ, провѣтриваніемъ своихъ чуекъ, сибирокъ и другихъ принадлежностей наряда, щелканьемъ орѣховъ и кормленіемъ дворовой собаки. Изрѣдка навѣщалъ его, на короткое время, какой нибудь знакомый купчина, съ которымъ онъ толковалъ за вечернимъ чаемъ о коммерческихъ дѣлахъ. Привычная лѣнь и незнаніе, куда дѣть время, видимо одолѣвали эту богатырскую натуру, полную физическихъ силъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и подавленную духовнымъ усыпленіемъ. Нужно ли было Никанору Савичу записать что нибудь въ его кассовую книгу, принести ли какую нибудь вещь изъ одной комнаты въ другую или даже спуститься съ лѣстницы, — онъ все это дѣлалъ нарочно какъ можно медленнѣе, желая этой медленностью убить тяготившее его время.

Полосовъ познакомился и потомъ даже близко сошелся со своимъ хозяиномъ, который оказался человѣкомъ весьма смышленнымъ отъ природы и очень свѣдущимъ по своей торговой части. Полосовъ нерѣдко бесѣдовалъ съ нимъ, разспрашивалъ его, наводилъ на разныя мысли; но Никаноръ Савичъ проявлялъ во всѣхъ случаяхъ какое-то отупѣніе; въ немъ не было замѣтно никакихъ порывовъ къ напряженной дѣятельности, которая могла бы измѣнять хоть сколько нибудь обычное теченіе его жизни; въ немъ не было никакого любопытства къ предметамъ, переходившимъ за предѣлы его обыденной жизни, а между тѣмъ этотъ, повидимому, очень бездѣятельный человѣкъ ворочалъ въ мѣстномъ торговомъ мірѣ слишкомъ тремя сотнями тысячъ ежегодно, а порою и побольше.

Полосовъ затрогивалъ-было Никанора Савича съ разныхъ сторонъ доступной для него общественной дѣятельности; пытался заговаривать съ нимъ о городскихъ выборахъ, о положеніи торговаго сословія вообще и о другихъ предметахъ, которые повидимому такъ были близки къ Никанору Савичу.

— А кто ихъ тамъ знаетъ, отвѣчалъ здоровенный купчина, поглаживая свою густую бороду, чернаго цвѣта, съ рѣдкою просѣдью: — стало быть такъ приказано, добавлялъ онъ равнодушнымъ голосомъ.

Въ иныхъ случаяхъ отвѣты Никанора Савича на вопросы по дѣламъ общественнымъ заключались въ словахъ: «не могу вамъ доложить,—это не по нашей части». Между тѣмъ предметъ разговора прямо затрогивалъ Никанора Савича въ его общественномъ положеніи, какъ члена купеческаго сословія.

Поживши нѣкоторое время въ Затворскѣ и ознакомившись нѣсколько съ односословниками своего домохозяина, Платонъ Васильевичъ могъ вскорѣ убѣдиться, что общій настрой мыслей у нихъ у всѣхъ одинаковъ. Правда, что и среди нихъ проявлялись порою своего рода похвальные порывы; но взгляды ихъ на многіе вопросы были заслонены мелочами ихъ обыденнаго быта, а умственная вялость, вслѣдствіе обычнаго духовнаго усыпленія, уничтожала въ нихъ всякое стремленіе къ болѣе широкой, къ болѣе разносторонней дѣятельности. А между тѣмъ эти люди, добывшіе себѣ во многихъ отношеніяхъ самые практическіе взгляды и снабженные такимъ сильнымъ, движущимъ общественную жизнь орудіемъ, каковы капиталы, сосредоточенные въ немногихъ рукахъ, могли бы служить общественнымъ цѣлямъ въ широкихъ размѣрахъ.

Такимъ образомъ Платонъ Васильевичъ вскорѣ изучилъ затворское общество въ главномъ его составѣ; кромѣ того, Полосову, хотя и проведшему дѣтство въ деревнѣ, но потомъ среди петербургской жизни утратившему свои дѣтскія впечатлѣнія, привелось заглянуть теперь и въ деревню. Съ большимъ сочувствіемъ слѣдилъ онъ за каждымъ какъ хорошимъ, такъ и дурнымъ проявленіемъ народной русской жизни. Русскіе мужички съ ихъ смѣтливымъ взглядомъ и съ ихъ умственныхъ проворствомъ съ перваго же разу показались Полосову такими людьми, изъ которыхъ можно, правда, съ немалымъ трудомъ, выработать улучшенную отрасль человѣческаго рода и въ умственномъ и въ нравственномъ отношеніяхъ, сравнительно съ тѣмъ положеніемъ,

въ которомъ она находилась. Къ сожалѣнію, Полосовъ ясно видѣлъ, что невѣжество, лѣнь, не имѣющая очень часто никакихъ побужденій для того, чтобы переродиться въ дѣятельность, и безпечность, порождаемая многими обстоятельствами и усиливаемая всего болѣе кабаками — выбирали изъ этой главной, жизненной массы всѣ ея лучшіе соки.

Наконецъ, разныя служебныя отношенія и встрѣчи ознакомили Полосова и съ главными до сихъ поръ у насъ двигателями народныхъ умственныхъ силъ—съ наставниками по училищамъ и духовными лицами разныхъ степеней. Здѣсь тоже, рядомъ съ самыми благими порывами и помыслами, Платонъ Васильевичъ встрѣчалъ иногда или совершенный застой, или проявленіе дѣятельности на старый покрой, отжившій свое время.

Знакомство съ новымъ краемъ, который составляетъ по своему народонаселенію около сороковой доли всей Россіи и въ который переселился теперь Полосовъ, навело его на многія думы, вовсе не посѣщавшія его прежде. Платонъ Васильевичъ задумался и задумался глубоко надъ бытомъ своей родины; онъ видѣлъ, что ей нужны дѣятели не по одной формѣ, но по собственному влеченію, и онъ прежде всего хотѣлъ сдѣлаться однимъ изъ нихъ.

При этомъ стремленіи онъ чувствовалъ себя какъ-то неловко, и невольно нападалъ на ветхую мысль, что у него, какъ у чиновника, долженъ быть только одинъ кругъ заранѣе опредѣленныхъ обязанностей, и что, принимая на себя новую какую либо общественную дѣятельность, онъ не только нарушитъ старинныя преданія чиновничьяго міра, но, быть можетъ, и оскорбитъ своимъ своеволіемъ существующій на службѣ порядокъ.

Платонъ Васильевичъ скоро, однако, одолѣлъ эту робость и, подобно тому, какъ въ Петербургѣ, сталъ порываться, чтобъ приспособить себя къ какой нибудь другой дѣятельности, кромѣ канцелярской. Повидимому у него открывалось теперь довольно широкое поприще: онъ, при содѣйствіи и покровительствѣ Вьюгина, оказавшаго ему полное довѣріе, могъ принять участіе въ распространеніи грамотности въ народѣ, и у него мелькала мысль объ открытіи безплатныхъ и воскресныхъ школъ; онъ могъ также содѣйствовать къ учрежденію обществъ трезвости, бороться съ откупщиками и въ то же время, путемъ литературы, проводить свои мысли какъ объ этихъ благихъ начинаніяхъ, такъ и о многихъ другихъ вопросахъ современнаго нашего быта, которые

прежде совершенно ускользали у него изъ виду среди петербургской жизни, отдѣлявшей его отъ сближенія съ другимъ обществомъ, кромѣ общества сослуживцевъ и маленькаго кружка жильцовъ, большею частью иностранцевъ, проживавшихъ вмѣстѣ съ нимъ на квартирѣ у Амаліи Францовны. Надежда на общественную дѣятельность, хоть и въ весьма скромныхъ размѣрахъ, порадовала Платона Васильевича и онъ мысленно благодарилъ тотъ счастливый случай, который свелъ его съ Вьюгинымъ, и доставилъ ему теперь возможность приняться за какое нибудь существенно-полезное дѣло.

Лучшей поддержкою своихъ благородныхъ стремленій Полосовъ считалъ Вьюгина. Ознакомившись съ провинціальнымъ русскимъ бытомъ и съ широкою административною дѣятельностью лицъ, поставленныхъ на такой постъ, на какомъ стоялъ Вьюгинъ, Платонъ Васильевичъ видѣлъ, что лица эти во многихъ случаяхъ могутъ дѣйствовать гораздо смѣлѣе и пространнѣе, нежели иные нѣмецкіе владѣтели.

По своимъ же личнымъ качествамъ, едва ли кто нибудь другой, какъ казалось Полосову, могъ лучше, хотя, правду сказать, порою и безсознательно, служить идеѣ добра, какъ могъ служить ей Александръ Петровичъ. Онъ былъ человѣкъ чрезвычайно мягкій въ обращеніи, сострадательный и правдивый; онъ толковалъ такъ искренно о тѣхъ началахъ, на которыхъ должна созидаться общественная жизнь, и основываться право каждаго гражданина, живущаго подъ сѣнью законовъ. Въ добавокъ къ этому, у него проскользнуло въ головѣ нѣсколько выработанныхъ въ нашемъ общественномъ мнѣніи политико-экономическихъ и юридическихъ вопросовъ, къ которымъ онъ успѣлъ прислушаться въ разное время и которые онъ усвоилъ себѣ, если не въ ихъ сущности, то, по крайней мѣрѣ, въ ихъ краснорѣчивой оболочкѣ. Кромѣ того, привлекательная обходительность, откровенная и добрая наружность и наконецъ симпатическій голосъ сближали съ Александромъ Петровичемъ тѣхъ, кто имѣлъ случай однажды познакомиться съ нимъ.

III.

Настоящую главу нашего разсказа намъ приходится начать такъ, какъ начинается большая часть повѣстей и романовъ, — а

именно, что въ одной изъ петербургскихъ улицъ находится домъ, въ которомъ, въ хорошо-убранной комнатѣ, сидѣли однажды, около двухъ часовъ по полудни, Андрей Николаевичъ и Шарлота Карловна.

Видно было впрочемъ, что Андрей Николаевичъ только-что пріѣхалъ съ дороги и явился прямо къ Шарлотѣ Карловнѣ. Объ этомъ обстоятельствѣ свидѣтельствовалъ какъ стоявшій въ передней чемоданъ его, такъ и брошенный въ гостиной у двери его сакъ-вояжъ. Кромѣ того, раскинутые въ гостиной на коврѣ теплые сапоги Андрея Николаевича и кинутыя тамъ же на диванъ кашне и шуба показывали въ свою очередь, что пріѣхавшій Андрей Николаевичъ, не сбросивъ даже съ себя въ передней дорожной одежды, торопливо вбѣжалъ въ гостиную, желая поскорѣе увидѣться съ ожидавшей его Шарлотой Карловной.

Послѣ первыхъ цалованій и обычныхъ распросовъ о здоровьѣ, съ добавкою къ нимъ, съ одной изъ встрѣтившихся сторонъ—вопроса о благополучно-совершенномъ пути, Шарлота Карловна приказала подать чай для Андрея Николаевича. Онъ расположился на диванѣ, она сѣла рядомъ съ нимъ. Андрей Николаевичъ держалъ въ св ей рукѣ руку Шарлоты Карловны, время отъ времени страстно взглядывалъ на сидѣвшую возлѣ него красивую хозяйку и крѣпко пожималъ ей руку, какъ будто не находя на словахъ никакихъ выраженій для изъявленія своего восторга.

Что же касается Шарлоты Карловны, то она въ своемъ огромнѣйшемъ кринолинѣ и изящно-отдѣланномъ платьѣ сидѣла на диванѣ, сохраняя, повидимому, совершенное равнодушіе къ Андрею Николаевичу. Казалось, молодая женщина не обращала никакого вниманія на изъявленія ея сосѣдомъ нѣжныхъ чувствъ, потому что она въ это время или очень хладнокровно расправляла, по объемистому кринолину, складки своего платья, или отодвигала далѣе отъ кисти по своей полной и бѣлой рукѣ нѣсколько золотыхъ браслетовъ, надѣтыхъ одинъ подлѣ другаго. Порою, Шарлота Карловна взглядывала мелькомъ въ зеркало и поглаживала свои темные волосы или поправляла свой воротничокъ.

Андрей Николаевичъ продолжалъ бросать на нее взгляды, полные чувственной любви, а Шарлота Карловна въ это время быстро ударяла бѣлыми ладонями по своимъ пышнымъ, широко-раскинутымъ юбкамъ, желая осадить ихъ книзу и въ то же время выставляла изъ-подъ юбки, на показъ Андрею Ни-

колаевичу, кончикъ прекрасно-обутой ноги, проворно взглядывала на нее и затѣмъ прятала атласный башмачокъ подъ шелкъ своего платья. Изрѣдка она, немного прищурясь, какъ-то соблазнительно поглядывала на Андрея Николаевича и медленно потягивалась по мягкой спинкѣ дивана съ такимъ напряженіемъ, что у ней слегка трещалъ лифъ ея платья и легонько скрыпѣли шнурки ея корсета; а ея роскошный бюстъ, во время этихъ напряженныхъ движеній, обрисовывался еще привлекательнѣе.

По всему было видно, что Шарлота Карловна не только охорашивалась передъ Андреемъ Николаевичемъ, но и прибѣгала къ тѣмъ мелочнымъ кокетливымъ уловкамъ, которыя имѣютъ большую долю вліянія на иныхъ мужчинъ.

Вообще, постороннему зрителю легко можно было замѣтить, что невниманіе Шарлоты Карловны къ Андрею Николаевичу было притворно и что она, на самомъ дѣлѣ, какъ можно болѣе старалась понравиться ему и пріятно раздражить его своимъ кокетствомъ. Впрочемъ Андрей Николаевичъ не могъ самъ замѣтить этого, и ему было обидно и досадно, что Шарлота Карловна, послѣ долгой съ нимъ разлуки, оставалась такъ равнодушна, такъ холодна къ нему. Если же онъ и могъ замѣтить въ ней что нибудь особенное, такъ это только то, что она слишкомъ много занималась своимъ туалетомъ. Андрея Николаевича внутренно бѣсило это, а между тѣмъ онъ безсознательно поддавался кокетливому обаянію Шарлоты Карловны.

Если бы рядомъ съ этой женщиной посадить Надежду Александровну, ея ровесницу по годамъ, то каждый чувственный поклонникъ женской красоты, безъ малѣйшаго колебанія, отдалъ бы предпочтеніе Шарлотѣ Карловнѣ, въ наружности которой было столько огня и столько кипучей силы, и въ движеніяхъ которой, говоря нѣсколько поэтически, пробивалась такая нѣга. Въ глазахъ такого мужчины Надежда Александровна, томная и блѣдная, показалась бы какимъ-то страждущимъ существомъ, требующимъ только участія и состраданія, а не пыла и восторговъ любви; между тѣмъ какъ роскошна, какъ обольстительна была въ глазахъ знатока женскихъ прелестей Шарлота Карловна, полная здоровья и разгара жизни!

Шарлота Карловна очень хорошо знала свое превосходство въ этомъ отношеніи передъ Надеждой Александровной въ глазахъ ея мужа, доводившаго любовь къ женщинамъ до прихотливаго лакомства. Сознавая это превосходство, Шарлота Карло-

ша, при своихъ грѣшныхъ отношеніяхъ ... письма, чу, не боялась соперничества съ Надеждой Але... ...ой; она была увѣрена, что всегда останется побѣдительницею въ этомъ соперничествѣ; но за то ее сильно тревожило пребываніе Сашеньки въ домѣ Границыныхъ. Сашенька была игрива какъ рыбка, свѣжа какъ пучокъ только-что сорванныхъ махровыхъ розъ; кромѣ того, она была и бѣдна и неопытна. Смѣтливая Шарлота Карловна, зная наклонности своего друга къ хорошенькимъ женщинамъ, опасалась, что ему, при всѣхъ этихъ условіяхъ, легко и самому увлечься молоденькой дѣвушкой, и съ успѣхомъ поддѣлаться къ ней. Вслѣдствіе этого, Шарлота Карловна, еще живя у Границыныхъ въ качествѣ гувернантки, настоятельно требовала отъ Андрея Николаевича, чтобы онъ, какими ему угодно способами, разорвалъ пріязнь своей жены съ Сашенькой. Шарлота Карловна понимала, что при близкихъ отношеніяхъ Сашеньки къ Надеждѣ Александровнѣ, первая была постоянно въ домѣ Границыныхъ, и поэтому Андрей Николаевичъ, уже и такъ одинъ разъ похвалившій Сашеньку при Шарлотѣ Карловнѣ съ какимъ-то худо-сдержаннымъ восторгомъ, могъ видѣться съ нею очень часто и, пожалуй, чего добраго, влюбиться въ нее и при этомъ забыть свою прежнюю привязанность. Однако обаяніе Шарлоты Карловны надъ Андреемъ Николаевичемъ было такъ велико, что она исподволь успѣла поселить въ немъ нерасположеніе къ молодой дѣвушкѣ, хотя миловидность послѣдней нерѣдко и брала у Андрея Николаевича верхъ надъ внушеніями ея непріятельницы.

— А какъ поживаетъ жена? спросила отрывисто Шарлота Карловна у Андрея Николаевича, подавая ему стаканъ съ чаемъ и пристально взглядывая на него.

— Я не видалъ ея передъ отъѣздомъ; она уѣхала въ деревню, а я съ своей стороны не счелъ нужнымъ заѣзжать туда, отвѣчалъ съ нахмуреннымъ лицомъ Андрей Николаевичъ.

— Гм!... проговорила Шарлота Карловна, и затѣмъ они оба замолчали на нѣкоторое время.

— Ну, а какъ та? спросила Шарлота Карловна, взглядывая теперь на Андрея Николаевича пристальнѣе прежняго. — Я думаю, все поджигаетъ и мутитъ вашъ домъ попрежнему?

Андрей Николаевичъ догадался, о комъ идетъ рѣчь и, вспомнивъ отпоръ, сдѣланный ему за Сашеньку его женою, смѣшался немного при этомъ воспоминаніи, не желая выказать передъ

[illegible]чу, кончикъ [illegible]бего безсилія надъ женою въ этомъ случа[illegible]

— Ея пріятельница.... полу-утвердительно и полу-вопросительно сказалъ Андрей Николаевичъ: — да что ей дѣлается! Должно быть, уѣхала вмѣстѣ съ нею въ деревню.

Снова, какъ говорится, воцарилось молчаніе.

— А ты зачѣмъ сюда пріѣхалъ? спросила вдругъ рѣзкимъ голосомъ Шарлота Карловна, взглянувъ еще пытливѣе на Андрея Николаевича.

—Какъ будто ты, мой другъ, не знаешь, для чего я пріѣхалъ въ Петербургъ? замѣтилъ умиленнымъ голосомъ Границынъ, подвигаясь на диванѣ поближе къ Шарлотѣ Карловнѣ и слегка обхватывая ея талью.

Шарлота Карловна сильнымъ движеніемъ локтя безцеремонно оттолкнула отъ себя Андрея Николаевича.

— Пожалуйста, нельзя ли обойтись безъ этихъ нѣжностей; я вовсе не охотница до любовныхъ объясненій, — они для меня отвратительны! сурово и съ разстановкой проговорила Шарлота Карловна.—Да ты и лжешь! вдругъ громко вскрикнула она, и съ этими словами быстро приподнялась съ дивана. .

Отступивъ нѣсколько шаговъ отъ своего мѣста, она стала въ грозную позу и съ гнѣвнымъ выраженіемъ лица уставила на Андрея Николаевича свои большіе, черные глаза.

Андрей Николаевичъ, который всегда такъ круто и такъ безпощадно обращался съ кроткой Надеждой Александровной, показался теперь совсѣмъ инымъ человѣкомъ. Онъ какъ-то сжался на диванѣ, опустилъ внизъ голову и быстро заморгалъ глазами. Дорого бы далъ онъ, чтобъ не быть въ это время лицомъ къ лицу съ вспылившей противъ него Шарлотой Карловной.

— И ты думаешь, что я не знаю всѣхъ твоихъ мерзкихъ продѣлокъ? заговорила Шарлота Карловна и, стиснувъ свои бѣлые зубы, слегка заскрежетала ими, а вмѣстѣ съ тѣмъ сильно рванула Андрея Николаевича за воротникъ его сюртука.

Багровая краска облила лицо Андрея Николаевича, онъ тяжело пыхтѣлъ и не смѣлъ взглянуть на свою подругу.

—Въ Москвѣ ты познакомился въ прошломъ году съ молодой вдовой; мужъ ея служилъ майоромъ, мать ея живетъ въ Пензѣ... Ты думаешь, я ничего и не знаю, и что меня легко провести!.. Слушай же, добавила твердымъ голосомъ Шарлота Карловна.— Майоршѣ нужны были деньги; у тебя ихъ не было, и ты просто-

на-просто священничалъ при выдачѣ заемнаго письма, чтобъ получить ихъ; а теперь пріѣхалъ сюда, чтобъ замять это гадкое дѣло.

Андрей Николаевичъ попытался было забормотать что-то.

— Т-съ!.. т-съ!.. быстро заговорила Шарлота Карловна, закрывая ему издали ротъ своею ладонью.—Я знаю, что ты съумѣешь налгать и отвертѣться; ты пользуешься тѣмъ, продолжала она съ жолчною усмѣшкою: — что я не слабонервная женщина, или лучше сказать тѣмъ, что я не притворщица, что я никогда не плачу, не хныкаю, не падаю въ обморокъ и не страдаю истерикой, какъ другія.

Съ этими словами, гордо смѣривъ глазами Андрея Николаевича съ головы до ногъ, она тяжело и протяжно вздохнула. Во вздохѣ этомъ, смѣшанномъ съ какимъ-то неопредѣленнымъ звукомъ, слышались и гнѣвъ и презрѣніе. Глаза Шарлоты Карловны заискрились, лицо ея горѣло, грудь высоко поднималась. Надобно сказать правду, что порывъ гнѣва придавалъ ея величавой наружности особенную прелесть.

Андрей Николаевичъ совершенно растерялся; онъ боялся поднять свои глаза и взялся было за фуражку. Шарлота Карловна быстро кинулась къ нему и, вырвавъ изъ рукъ его фуражку, бросила ее со всего размаха на полъ.

— Нѣтъ, любезнѣйшій Андрей Николаевичъ, заговорила она иронически:—вы отсюда такъ скоро не уйдете!

Она подошла къ двери, не спѣша заперла ее на ключъ, и, насмѣшливо улыбаясь въ лицо Андрею Николаевичу, положила ключъ въ карманъ своего платья.

Передъ этой смѣлой женщиной, рѣшавшейся на самыя разнообразныя выходки, Границынъ казался смиреннымъ, запуганнымъ бараномъ. Онъ нерѣшительно всталъ съ дивана, сдѣлалъ на цыпочкахъ нѣсколько шаговъ впередъ и поднялъ съ пола фуражку, которую гнѣвная Шарлота Карловна успѣла оттолкнуть своей ножкой къ самымъ дверямъ. Андрей Николаевичъ тщательно опахнулъ фуражку рукавомъ своего пиджака и сталъ бережно укладывать свою шубу на одномъ изъ стульевъ, стараясь показать тѣмъ Шарлотѣ Карловнѣ, что онъ не помышляетъ болѣе о бѣгствѣ изъ ея квартиры. Андрей Николаевичъ былъ въ это время и смѣшонъ, и жалокъ. Смотря на эту обыкновенно спѣсивую фигуру, полную физической силы, а теперь оторопѣ-

лую и безсильную, Шарлота Карловна не могла удержаться отъ улыбки.

Правда, впрочемъ, что въ головѣ Андрея Николаевича промелькнула было теперь мысль о томъ, почему же однако онъ такъ легко поддается этой женщинѣ, неимѣющей никакого права располагать ни его особой, ни его имуществомъ, ни его временемъ; но мысль эта тотчасъ же исчезла, когда онъ увидѣлъ передъ собою Шарлоту Карловну, бойко смотрѣвшую на него. Замѣтно было, что она не сдѣлаетъ Андрею Николаевичу ни малѣйшей уступки.

— Скажи мнѣ, куда ты изволилъ дѣвать тѣ деньги, которыя ты долженъ былъ заплатить за своего тестя? вѣдь съ него ихъ теперь взыскиваютъ, а съ тебя требуютъ объясненія. Вѣдь ты пропалъ!.. сказала Шарлота Карловна, становясь бодро передъ Андреемъ Николаевичемъ.

Онъ молчалъ. Она близко подошла къ нему, наклонилась немного впередъ лицомъ, сжимая свою стройную талью обѣими руками и гнѣвно покачивая головою.

Андрей Николаевичъ оторопѣлъ окончательно; онъ сидѣлъ, повѣся голову и вертя въ рукахъ свой платокъ.

— Правда, мой другъ, забормоталъ онъ наконецъ тихимъ и покорнымъ голосомъ:—по тому дѣлу, о которомъ ты хочешь теперь поговорить со мною, вышли, къ моему несчастью, большія недоразумѣнія, и конечно меня могутъ даже обвинить въ подлогѣ; я могу быть въ страшной отвѣтственности; кромѣ того, дѣло это можетъ сильно разстроить состояніе Александра Никитича; но...

— Пожалуйста, безъ этихъ *но*... перебила рѣзко Шарлота Карловна.—Скажи лучше прямо, куда ты спустилъ эти деньги?

Андрей Николаевичъ замялся, придумывая объясненіе на заданный ему вопросъ.

— Эти деньги, пробормоталъ онъ невнятно, послѣ нѣкотораго молчанія:—были нужны мнѣ для удовлетворенія кое-какихъ расходовъ моей жены, а также на надобности моего семейства...

— Охъ, охъ, охъ! заговорила Шарлота Карловна, захохотавъ отъ души до слезъ:—а какъ давно вы, Андрей Николаевичъ, сдѣлались такимъ заботливымъ супругомъ и такимъ попечительнымъ семьяниномъ?.. Негодный! вдругъ вскрикнула она какимъ-то болѣзненнымъ голосомъ: — ты думаешь о женѣ, а не хочешь подумать о женщинѣ, которая гораздо ближе къ тебѣ по

сердцу; потому что она не притворщица и любитъ тебя больше всего на свѣтѣ!

Съ этими словами она опустилась на стулъ и закрыла платкомъ свои глаза. Андрей Николаевичъ, пользуясь минутнымъ ослабленіемъ энергіи въ Шарлотѣ Карловнѣ, быстро вскочилъ съ дивана и, подойдя къ ней, съ большимъ усиліемъ взялъ и поцаловалъ ея руку, которую она не хотѣла отнять отъ своего лица.

—Послушай, мой другъ, начала неожиданно Шарлота Карловна съ такимъ кроткимъ, проникающимъ въ душу укоромъ, который былъ такъ изумительно-противуположенъ бурѣ, недавно только-что разразившейся надъ Андреемъ Николаевичемъ:—тебѣ грѣшно меня обманывать!... И она такъ ласково, такъ привѣтливо взглянула на Андрея Николаевича своими черными глазами. Гнѣвъ въ нихъ погасъ; въ нихъ выражалось снисхожденіе и участіе.

Андрей Николаевичъ, смущенный такимъ крутымъ переходомъ отъ гнѣва къ ласкѣ, сталъ на колѣни подлѣ креселъ, на которыхъ въ какомъ-то ослабленіи сидѣла Шарлота Карловна. Границынъ былъ взволнованъ; онъ съ трудомъ переводилъ дыханіе, онъ хваталъ ея руки, цаловалъ то одну, то другую, потомъ клалъ свою голову на колѣни огорченной подруги и тревожно слѣдилъ за каждымъ ея движеніемъ.

— Я сознаюсь, что я кругомъ виноватъ. Успокойся, я все разскажу тебѣ, какъ было, по чистой правдѣ, говорилъ убѣждающимъ голосомъ Андрей Николаевичъ Шарлотѣ Карловнѣ; а между тѣмъ онъ обдумывалъ, какъ бы половчѣе отвертѣться отъ упрековъ и замѣчаній со стороны разгнѣванной женщины, а главное, какъ бы представить ей въ менѣе раздражительномъ видѣ свои сердечныя похожденія съ молодой вдовушкой, которая, надобно сказать кстати, тоже должна была пріѣхать въ Петербургъ въ самомъ непродолжительномъ времени.

— Прости, мой дружочекъ, началъ жалобнымъ голосомъ Границынъ, видя, что на прежнія слова его Шарлота Карловна не обращала никакого вниманія:—я вынужденъ былъ заплатить нѣсколько старыхъ моихъ долговъ по картамъ; кромѣ того, я игралъ въ Москвѣ чрезвычайно несчастливо,—спроси у Сергѣя Ильича, когда ты его увидишь.

— Вотъ еще новость! смѣясь, сказала Шарлота Карловна:—ты у меня просишь прощенія за то, что тратишь свои же собст-

венныя деньги! Здѣсь дѣло вовсе не въ томъ, добавила она ласковымъ голосомъ.—Я не могу запретить тебѣ проживать твое состоянiе; располагай имъ, какъ твоей душѣ угодно, бросай деньги во всѣ стороны; но зачѣмъ же ты такъ жестоко обманываешь меня? Я очень хорошо знаю, продолжала Шарлота Карловна, что ты не имѣешь вовсе привычки платить своихъ долговъ, и если тебѣ иногда предстоитъ необходимость что сдѣлать, ты пускаешься на разныя надувательства и на всевозможныя увертки. Помнишь ли, какъ грязно поступилъ ты съ купцомъ Смычковымъ, начавши оспаривать свое заемное письмо?... Знаешь ли ты, заключила гнѣвно Шарлота Карловна, я презирала бы тебя за эту гнусную продѣлку, если бы не любила такъ сильно!... Послѣднiя слова были сказаны съ большимъ чувствомъ.

Андрей Николаевичъ былъ подавленъ этой рѣчью; онъ фыркалъ и моргалъ глазами. Вставши съ колѣнъ, онъ подошелъ къ окну и началъ смотрѣть на улицу, стоя спиной къ Шарлотѣ Карловнѣ.

— Ты слушай, когда тебѣ говорятъ правду! сказала строго Шарлота Карловна, возвысивъ еще болѣе и безъ того звонкiй голосъ. — Жена твоя не любитъ тебя — она не заботится вовсе о тебѣ....

При воспоминанiи о Надеждѣ Александровнѣ, Границыну представилась эта до сихъ поръ кроткая и уступчивая женщина, съ которою онъ распоряжался такъ самовластно потому только, что считалъ ее робкой, а слѣдовательно неспособной дать отпоръ его произволу.

Шарлота же Карловна въ это время продолжала такъ:

—Между ею и мною большая разница. Она можетъ вовсе не думать о тебѣ; положенiе ее навсегда упрочено, она твоя законная жена и знаетъ очень хорошо, что ты не можешь оставить ее и во всякомъ случаѣ обязанъ заботиться о ней. Со мной же ты позволяешь себѣ поступать какъ тебѣ угодно; тебѣ извѣстно, что я не имѣю никакого права требовать что нибудь отъ тебя. Это безчестно съ твоей стороны!.. громко крикнула Шарлота Карловна.

— Какъ же ты однако недогадлива! думалъ про себя Андрей Николаевичъ во время этого монолога, произнесеннаго Шарлотой Карловной съ особеннымъ жаромъ: — потому и не забочусь о своей женѣ, что обязанъ это дѣлать по моимъ къ ней отношенiямъ. Она обязана переносить все отъ меня. Ты —

другое дѣло, продолжалъ думать Андрей Николаевичъ: — ты вольная птичка; захотѣлось тебѣ на свободу, ты и выпорхнула изъ моихъ рукъ; потомъ жалѣй о тебѣ.

Эти быстро-мелькнувшія мысли въ головѣ Андрея Николаевича были прерваны вопросомъ Шарлоты Карловны.

— Что же ты молчишь! Развѣ не хочешь ничего отвѣчать? Вѣрно, думаешь о майоршѣ!... сказала насмѣшливо Шарлота Карловна, почти задыхаясь отъ гнѣва.

Андрей Николаевичъ невольно при этихъ словахъ обратился лицомъ къ Шарлотѣ Карловнѣ и здѣсь былъ встрѣченъ новою собравшейся надъ нимъ грозою.

Шарлота Карловна въ запальчивыхъ и рѣзкихъ выраженіяхъ укоряла Андрея Николаевича въ томъ, что для него она разошлась съ человѣкомъ, который любилъ ее и хотѣлъ жениться на ней, обезпечивъ такимъ образомъ ея будущность и своимъ извѣстнымъ именемъ, и своимъ значительнымъ состояніемъ. Въ упрекѣ этомъ Шарлота Карловна не была однако права; но самолюбивая мысль Андрея Николаевича, что для него была принесена такая большая жертва, а также и незнаніе имъ всѣхъ подробностей въ жизни его подруги, представляли ему это обстоятельство въ такомъ видѣ, въ какомъ желала представить его сама Шарлота Карловна. Далѣе, она укоряла Границына въ томъ, что она сдѣлалась черезъ него страшной грѣшницей, поселивъ раздоръ въ его семействѣ единственно только изъ привязанности къ нему, что Богъ накажетъ ее за это. Упреки эти не мягкому сердцу Границына, но его религіознымъ воззрѣніямъ казались довольно основательными. Наконецъ Шарлота Карловна упрекала его и въ томъ, что тратитъ для него свои лучшіе годы въ позорѣ и въ неволѣ, сама не зная изъ-за чего, и что такая жизнь съ каждымъ днемъ становится ей невыносимѣе. Упреки свои Шарлота Карловна заключала замѣчаніемъ, что она какъ нельзя болѣе доказала Андрею Николаевичу свою искреннюю любовь, сблизившись съ нимъ, человѣкомъ женатымъ, и слѣдовательно не имѣя никакой надежды на замужество.

Обременивъ такими упреками безмолвнаго Андрея Николаевича, Шарлота Карловна перешла собственно къ нему и безпощадно, въ самыхъ язвительныхъ выраженіяхъ, напомнила Границыну длинный рядъ его гнусныхъ поступковъ, въ которыхъ надувательство, безчестность и низость рисовались такъ ярко, такъ широко и такъ отвратительно.

Андрей Николаевичъ былъ униженъ, подавленъ, оцѣненъ; онъ чувствовалъ себя безсильнымъ для того, чтобъ отразить рѣзкія нападки этой женщины на его нравственное достоинство и, сознавая это безсиліе, а въ то же время боясь и разлуки, которою угрожала ему Шарлота Карловна, онъ смирялся передъ нею до-нельзя и поддавался ей съ каждымъ разомъ все болѣе и болѣе.

Шарлота Карловна очень хорошо знала, что ея схватки съ Андреемъ Николаевичемъ кончались всегда въ ея пользу; она видѣла, что послѣ каждой побѣды, одержанной ею надъ нимъ, онъ подчинялся все безропотнѣе и безропотнѣе ея неотразимому вліянію. Дѣло дошло наконецъ до того, что Шарлота Карловна удивлялась мысленно, почему такая умная женщина, какою была Надежда Александровна, не съумѣла справиться съ своимъ мужемъ, который въ сущности былъ такимъ небойкимъ, а только задорнымъ человѣкомъ.

Какъ смѣтливая женщина, вполнѣ изучившая характеръ Андрея Николаевича во всѣхъ его мелочахъ, и вертѣвшая въ минуты своей запальчивости этимъ человѣкомъ безъ малѣйшаго состраданія, Шарлота Карловна въ тоже время умѣла очень ловко втирать, порою, нѣсколько такихъ фразъ, которыя намекали, а иногда и очень ясно высказывали ему, что все безпокойство любимой имъ Шарлоты, вся ея раздражительность и тревоги происходятъ будто бы оттого, что она ревнуетъ своего друга къ его женѣ. Шарлота Карловна давала понять Андрею Николаевичу, что Надежда Александровна единственная преграда ихъ вѣчному счастью и что непремѣнно, рано или поздно, но она своими супружескими правами вызоветъ ихъ разлученіе. Шарлота Карловна понимала, что при тщеславномъ самолюбіи Андрея Николаевича, указывая ему на то вліяніе и на тѣ права, которыя можетъ имѣть на него Надежда Александровна, какъ его жена, она лила, какъ говорится, масло на огонь и поселяла въ немъ постоянно усиливавшуюся нелюбовь къ Надеждѣ Александровнѣ.

Само собою разумѣется, что при всѣхъ этихъ упрекахъ, намекахъ и угрозахъ разлукою не бывала забыта и Сашенька, которая являлась грознымъ призракомъ въ глазахъ Шарлоты Карловны и на которую она, вслѣдствіе этого, указывала Андрею Николаевичу, то косвенно, то прямо, какъ на свою непріятельницу, возбуждавшую противъ нея Надежду Александровну. Загово-

ривши иногда о Сашенькѣ, Шарлота Карловна настойчиво требовала, чтобъ Андрей Николаевичъ не пускалъ ее къ себѣ въ домъ. Вслѣдствіе этихъ ревнивыхъ требованій, Границынъ и преслѣдовалъ ни въ чемъ невиноватую предъ нимъ Сашеньку и укорялъ свою жену за дружбу съ нею.

IV.

Несмотря на ту крутость расправы съ Андреемъ Николаевичемъ, къ которой нерѣдко прибѣгала Шарлота Карловна, она любила этого человѣка по своему и, можно сказать, любила его горячо. Очень часто, высказывая Андрею Николаевичу самыя горькія истины насчетъ его нравственной негодности, она притворялась, что принимаетъ къ сердцу такіе недостатки своего любовника. Напротивъ въ глазахъ такой женщины, какою была Шарлота Карловна, многіе нравственные недостатки Границына должны были казаться хорошими качествами.

Проявленія въ Андреѣ Николаевичѣ спѣсивости и высокомѣрія, если только проявленія эти не прилагались лично къ Шарлотѣ Карловнѣ, были, по ея мнѣнію, не послѣдними достоинствами въ мужчинѣ.

— Такой и долженъ быть мужчина, чтобъ не уступалъ никому, думала Шарлота Карловна, смотря на Границына, когда онъ, переходя съ нею черезъ улицу, грозно махалъ палкой наѣзжавшему на него кучеру или извощику, крича на нихъ своимъ густымъ голосомъ, или когда онъ сильнымъ упоромъ плеча сдвигивалъ съ тротуара не посторонившагося передъ нимъ скромнаго прохожаго.

Не безъ внутренняго самодовольствія двигалась Шарлота Карловна за молодцоватымъ, съ военной осанкой, Андреемъ Николаевичемъ, когда онъ гдѣ нибудь на гуляньѣ, смотру, парадѣ или въ дебаркадерѣ протискивался съ нею сквозь плотную толпу, невѣжливо раздвигая ее своими здоровыми локтями.

Шарлота Карловна считала Андрея Николаевича представителемъ чистокровнаго барства, когда онъ оглушительно прикрикивалъ на прислугу, когда онъ, имѣя наготовѣ деньги, бойко и даже дерзко толковалъ со своими кредиторами, заявляя имъ, что онъ нисколько не боится ихъ и что они поступаютъ неблагородно, требуя отъ него уплаты такъ неотвязчиво, какъ будто они

боятся, что за нимъ пропадутъ ихъ деньги. Вообще заносчивость и уступчивость Андрея Николаевича очень нравились Шарлотѣ Карловнѣ. По счастливому стеченію обстоятельствъ для Андрея Николаевича, ей не представлялся какъ-то ни разу случай посмотрѣть, какъ онъ робѣетъ и спадаетъ съ голосу передъ тѣми, кто поступаетъ съ нимъ смѣло и рѣшительно. Поэтому, она считала Андрея Николаевича такимъ удальцомъ, для котораго не существуетъ даже понятія о страхѣ или робости; а отвага и бойкость въ мужчинѣ, какъ извѣстно, нравятся не слишкомъ развитымъ умственно женщинамъ. Самолюбію Шарлоты Карловны очень льстило то, что такой, по ея понятію, неподатливый человѣкъ, какимъ она почитала Границына, былъ чрезвычайно уступчивъ предъ нею.

Нечестныя продѣлки Андрея Николаевича, за которыя Шарлота Карловна такъ рѣзко упрекала его въ минуты своей запальчивости, въ сущности не роняли его передъ нею въ нравственномъ отношеніи. Она совершенно практически смотрѣла на человѣческую жизнь, и считала съ своей стороны вполнѣ позволительнымъ употреблять всѣ средства для того, чтобъ сдѣлать эту жизнь какъ можно удобнѣе и веселѣе. Она корила Андрея Николаевича его нравственными недостатками по тому только, не совсѣмъ впрочемъ ясному для нея чутью, что женщина, отстаивающая передъ мужчиной общіе нравственные принципы, сама кажется нравственнѣе въ его глазахъ и слѣдовательно, въ какихъ бы она ни была къ нему отношеніяхъ, все-таки этимъ способомъ возвышаетъ себя въ его мнѣніи.

Ознакомившись хоть нѣсколько съ характеромъ и воззрѣніями Шарлоты Карловны, можно было замѣтить, что она слишкомъ рѣзко разнилась во всѣхъ отношеніяхъ отъ Надежды Александровны, которая болѣе чувствовала, нежели говорила, и у которой каждый, самый легкій укоръ, дѣлаемый ею иногда невольно мужу, мучительно отзывался въ ея сердцѣ; не разъ ей приходилось выстрадать каждое горькое слово, сказанное ею Андрею Николаевичу съ полнымъ желаніемъ ему и добра и спокойствія.

Что же касается Шарлоты Карловны, то она поступала съ Андреемъ Николаевичемъ совершенно наоборотъ; она была женщина бойкая, заносчивая, своенравная и вовсе не внимательная къ человѣческимъ впечатлѣніямъ. При малѣйшей вспышкѣ гнѣва, она готова была безъ разбора осыпать каждаго оскорбительною рѣчью, нисколько не думая о томъ, какое непріятное впечатлѣ-

ніе произведетъ подобная рѣчь на того, къ кому будетъ относиться.

Считая Андрея Николаевича, по нѣкоторымъ проявленіямъ его характера, человѣкомъ непокорнымъ, неуступчивымъ, тѣмъ болѣе что онъ и самъ не разъ очень правдоподобно разсказывалъ ей о своей удали и о своей стойкости, Шарлота Карловна на первыхъ же порахъ своего съ нимъ знакомства рѣшилась осадить его прыть и взять его въ свои руки. Убѣдившись вполнѣ, что онъ страстно влюбился въ нее, она воспользовалась этимъ для того, чтобъ соображаясь съ обстоятельствами, то увѣрять его въ своей любви, то мучить его своею холодностью и угрожать ему немедленной и вѣчной разлукой, на которую, по ея словамъ, у нея достало бы твердости, несмотря на всю ея безконечную привязанность къ Андрею Николаевичу, если бы только она увидѣла когда нибудь, что онъ сталъ любить ее меньше прежняго. Шарлота Карловна въ первое время своего сближенія съ Границынымъ, нерѣдко употребляла избытокъ своего преобладанія надъ нимъ, выдѣлывая передъ его глазами самыя рѣзкія сцены и доводя его своею запальчивостію до совершенной покорности. Сознавши же впослѣдствіи всю громадную силу своего господства надъ податливымъ любовникомъ и предугадывая, что однообразіемъ своихъ выходокъ скоро можно притупить въ немъ ощущеніе къ ея упрекамъ и язвительному тону, Шарлота Карловна измѣнила нѣсколько свое обращеніе съ Границынымъ. Обыкновенно, послѣ сильной вспышки, она вдругъ дѣлалась ласковой и тихой, и начинала дѣйствовать на Андрея Николаевича нѣжными укорами, которые своей противоположностью съ прежнимъ гнѣвомъ и раздраженіемъ производили на разстроеннаго Андрея Николаевича самое сильное, самое обаятельное впечатлѣніе.

Мало по малу Шарлота Карловна убѣдилась, какъ нельзя болѣе, что Андрей Николаевичъ находится въ полной ея власти, а убѣдившись въ этомъ, она положила удерживать за собою пріобрѣтенную власть отчасти изъ привязанности къ Границыну, а отчасти и изъ собственныхъ выгодъ. Шарлота Карловна понимала очень хорошо ту силу, которую имѣютъ надъ мужчиной внѣшнія прелести молодой женщины, если только онъ безсознательно поддастся ихъ обаянію. Вообще же она, какъ по своей величаво-прекрасной внѣшности, такъ и по складу своего стойкаго характера, была, казалось, рождена для того, чтобы само-

властно господствовать надъ тѣми мужчинами, которые однажды увлеклись бы ею и попались въ ея сѣти. Только недостатокъ свѣтскаго образованія, скудость внѣшней обстановки въ первое время свободной жизни и особенно незнаніе свѣта и дѣйствующихъ въ немъ, иногда очень таинственныхъ пружинъ—препятствовали Шарлотѣ Карловнѣ распространить кругъ своей дѣятельности и повести свою жизнь нѣсколько иначе. Между тѣмъ, при своей привлекательной наружности и бойкости, она легко могла упрочить свое обладаніе надъ какимъ нибудь вліятельнымъ лицомъ, слабымъ передъ женскою прелестью, и, утвердивъ надъ нимъ свою власть, господствовать посредствомъ его и въ такой сферѣ общественной дѣятельности, которая, повидимому, совершенно чужда женщинѣ, но доля въ которой нерѣдко достается ей косвенно черезъ грѣшныя ея сношенія съ людьми значительными.

Шарлота Карловна была дочь учителя нѣмецкаго языка, служившаго въ одномъ изъ губернскихъ городовъ внутренней Россіи и тамъ женившагося на русской дѣвушкѣ, дочери бѣднаго чиновника. Отецъ матери Шарлоты Карловны, коренной русскій, потребовалъ, чтобъ новорожденную его внучку назвали непремѣнно въ честь ея бабушки Авдотьей; съ своей же стороны, неуступчивый нѣмецъ хотѣлъ дать дочери какое нибудь поэтическое имя и только послѣ долгаго упорства согласился на домогательство своего тестя. Но, окрестивъ свою дочь Авдотьей, онъ самъ называлъ ее въ честь своей бабушки, нѣмки, не иначе, какъ Шарлотой. Подроставшей дѣвочкѣ нравилось это нѣсколько-поэтическое имя гораздо болѣе, нежели простонародное имя Авдотьи, и она удержала за собой имя Шарлоты.

Карлъ Ѳедоровичъ Штейнеръ, отецъ Авдотьи или Шарлоты Карловны, умеръ не слишкомъ въ старыхъ годахъ, оставивъ свою жену и дочь съ небольшой пенсіей. Мать Шарлоты Карловны посылала свою дочь учиться въ пансіонъ, гдѣ она научилась кое-какъ болтать по-французски общія фразы и играть довольно бѣгло на фортепьянахъ, къ чему впрочемъ она имѣла врожденную способность; нѣмецкому же языку она выучилась еще въ домѣ своего отца. Этотъ небольшой запасъ образованія открылъ впослѣдствіи Шарлотѣ Карловнѣ домъ Границыныхъ, въ качествѣ воспитательницы ихъ дѣтей; между тѣмъ какъ начало ея жизни не предвѣщало ей вовсе поприща наставницы.

Послѣ смерти своего мужа, вдова Штейнеръ поѣхала въ Петербургъ, надѣясь тамъ устроить какъ нибудь свою тринадцатилѣтнюю дочь при помощи мужнинаго брата, богатаго аптекаря; но дядя Шарлоты Карловны, приласкавшій свою племянницу, вскорѣ умеръ отъ апоплексіи. Имѣніе его, доставшееся его малолѣтнимъ дѣтямъ, перешло въ опекунское управленіе, которое, какъ это впрочемъ и очень понятно, не считало вовсе для себя обязательнымъ заботиться о дѣвушкѣ, пріютившейся въ домѣ покойнаго аптекаря, но чуждой тому состоянію, которое поступило теперь, послѣ смерти ея дяди, въ опекунское управленіе.

Между тѣмъ мать Шарлоты, сдавъ свою дочь на руки ея дяди, уѣхала снова на родину и, казалось, совсѣмъ забыла о своей дочери, оставивъ ее въ Петербургѣ на произволъ судьбы. Отчужденная отъ матери, молодая дѣвушка начала вести тамъ тяжелую жизнь приживалки въ разныхъ чужихъ домахъ, болѣе или менѣе радушно принимавшихъ ее подъ свою кровлю. Шарлота росла и хорошѣла, а между тѣмъ искушенія все ближе и ближе толпились около нея.

Она никогда никому не разсказывала о своей былой жизни, хотя и часто приходилъ ей на память тотъ день, когда одна знакомая ей старушка подвезла ее къ какому-то большому каменному дому, какъ у ней билось сердце и замирало дыханіе, когда она проходила по длинному ряду слабо-освѣщенныхъ, но роскошно убранныхъ комнатъ, какъ встрѣтилъ ее тамъ съ привѣтливой улыбкой маленькій и старый владѣлецъ этихъ палатъ. Не забывала Шарлота и пролитыя въ тотъ вечеръ слезы, а также испытанные ею страхъ и раскаяніе; но все это на дѣлѣ прошло быстро; остались одни воспоминанія....

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого, Шарлота сама пользовалась тою роскошью, которую она увидѣла впервые въ памятный ей вечеръ. Щегольской ея экипажъ быстро носился по петербургскимъ улицамъ отъ одного магазина къ другому; изъ нихъ все лучшее приходилось на ея долю. Въ богато-убранной квартирѣ ожидали ее дорогіе подарки, а также и тотъ маленькій старичокъ, на счетъ котораго получались эти подарки. Послѣдній становился ей съ каждымъ днемъ все несноснѣе. Шарлота стала думать, что есть мужчины, безконечно лучшіе его во всѣхъ отношеніяхъ, и вскорѣ убѣдилась въ этомъ.

Потомъ, изъ ея жизни ей былъ особенно памятенъ зимній вечеръ, когда, спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ бурной ссоры съ

старикомъ, она сидѣла въ маленькой комнатѣ; ей было холодно, и она закутывалась въ богатую шаль — остатокъ быстро исчезнувшей роскоши.

Вскорѣ, однако, молодость и красота поправили жребій Шарлоты.

Послѣ этого Шарлота начала жить независимо, часто мѣняя по прихоти предметы своей скоро-охлаждавшейся привязанности; вслѣдствіе этого, она не всегда пользовалась одинаковыми средствами для своего существованія. Мотовство же Шарлоты, въ первое время ея грѣшной жизни, очень часто ставило ее въ крайнее затрудненіе; въ одинъ изъ такихъ трудныхъ дней нечаянный случай познакомилъ ее съ Андреемъ Николаевичемъ на одномъ изъ загородныхъ петербургскихъ гуляній. Онъ приглянулся ей, она понравилась ему и понравилась даже слишкомъ крѣпко съ первой же встрѣчи. Прельщенный новой знакомкой, Андрей Николаевичъ, подъ предлогомъ веденія своихъ дѣлъ, остался въ Петербургѣ сверхъ предположеннаго прежде времени, и все болѣе и болѣе увлекался ею; а между тѣмъ ему нужно было ѣхать домой. Притомъ и денежныя средства его, среди той разгульной жизни, которую онъ велъ въ Петербургѣ, истощились совершенно, несмотря на множество новыхъ займовъ, сдѣлокъ и запродажъ. Въ добавокъ ко всему этому, онъ боялся своимъ продолжительнымъ отсутствіемъ раздражить Александра Никитича, который своими письмами торопилъ его вернуться поскорѣе назадъ, скучая безъ своего любимаго зятя и сѣтуя на то, что дѣла его по хозяйству, безъ надзора со стороны Андрея Николаевича, очень легко могутъ придти въ совершенный упадокъ. По всѣмъ этимъ обстоятельствамъ, Андрею Николаевичу необходимо было выѣхать изъ Петербурга какъ можно поскорѣе, но ему однако тяжело было разстаться съ очаровавшей его Шарлотой. Границыну казалось, что она была первая женщина, которую онъ полюбилъ отъ всего сердца. Не имѣя твердости одолѣть свою страсть, Андрей Николаевичъ рѣшился предложить Шарлотѣ Карловнѣ ѣхать къ нему въ домъ, въ качествѣ гувернантки, условившись, что онъ сдѣлаетъ черезъ газеты приглашеніе, на которое и отзовется она въ Затворскъ письменно. Такимъ образомъ дѣло было улажено, и Шарлота, спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ возврата Андрея Николаевича въ его семью, свидѣлась съ нимъ снова и пріютилась въ домѣ Границыныхъ.

Несмотря на чрезвычайно-красивую наружность гувернантки и на странность тѣхъ отношеній, которыя иногда проглядывали между ею и Андреемъ Николаевичемъ, Надежда Александровна была сперва далека отъ подозрѣній. Хотя она и знала, что мужъ не былъ ей вѣренъ, однако не допускала возможности, чтобъ онъ дошелъ до такой степени пренебреженія ея домашнихъ правъ. Впослѣдствіи же Надежда Александровна должна была вполнѣ убѣдиться, что Андрей Николаевичъ промѣнялъ ее, въ ея же домѣ, на Шарлоту Карловну. Ревновать и дѣлать изъ ревности сцены, Надежда Александровна считала совершенно напраснымъ; она рѣшилась до-нельзя владѣть собою и скрывала въ душѣ нанесенное ей оскорбленіе. Тѣмъ не менѣе самолюбіе ея страдало каждую минуту, и она, притворяясь въ этихъ случаяхъ равнодушной, чувствовала не только тягость, но и всю униженность подобнаго притворства.

Смѣлые взгляды, бросаемые Шарлотой Карловной на Гравицыну, небрежное обращеніе ея съ нею невольно тревожили и огорчали Надежду Александровну, несмотря на врожденную ея кротость и на привычную ея сдержанность. Нерѣдко случалось, что болтливыя дѣти, въ присутствіи матери, проговаривались о томъ, какъ папаша пришелъ утромъ въ ихъ комнату, засталъ ихъ за урокомъ, и какъ урокъ тотчасъ прекратился, потому что онъ сталъ разговаривать и шутить съ Шарлотой Карловной, и какъ они оба долго чему-то смѣялись. Надежда Александровна видѣла всю ложность своего положенія у себя въ домѣ; она хотѣла было высказать прямо Андрею Николаевичу все то, что накопилось у нея на душѣ; но встрѣчая постоянно его холодный, непривѣтливый взглядъ, видѣла всю неумѣстность подобной откровенности, и предчувствовала, что каждое ея объясненіе съ Андреемъ Николаевичемъ насчетъ Шарлоты Карловны поведетъ только къ худшему, такъ какъ она не услышитъ отъ мужа ничего, кромѣ лживыхъ увертокъ и суровыхъ, доходящихъ до грубости внушеній и выговоровъ.

Отъѣздъ Андрея Николаевича безъ прощанья съ женою и съ дѣтьми еще болѣе оскорбилъ несчастную женщину; она догадалась, что мужъ ея отправился въ Петербургъ не одинъ, и что взятые у нея брильянты употребятся на любовное мотовство.

Догадки Надежды Александровны сбылись совершенно.

Между тѣмъ петербургская жизнь Андрея Николаевича тянулась однообразно, какъ обыкновенно тянется жизнь мужчины въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ слишкомъ подчиняется женскому произволу. Подъ надзоромъ ревнивой и суровой любовницы, Границынъ былъ совершенно неволенъ распологать своимъ временемъ и своими дѣйствіями; во всемъ онъ долженъ былъ отдавать подробный отчетъ Шарлотѣ Карловнѣ, послѣдовательно разсказывая ей, гдѣ онъ былъ, что онъ дѣлалъ и кого онъ видѣлъ. При малѣйшемъ сомнѣніи въ истинности разсказа, Шарлота Карловна подвергала его такимъ сбивчивымъ и разностороннимъ вопросамъ, что онъ тотчасъ запутывался и не зналъ какъ ему отвертѣться. Получивъ надъ Андреемъ Николаевичемъ безграничное вліяніе, Шарлота Карловна держала его какъ будто на привязи, и Границынъ чувствовалъ, какъ онъ робѣлъ и терялся при одномъ гнѣвномъ взглядѣ этой женщины, особенно если взглядъ этотъ былъ подкрѣпляемъ угрозою разлуки.

Дѣла Границына, между тѣмъ какъ онъ жилъ въ Петербургѣ, запутывались все болѣе и болѣе; въ тоже положеніе приходили и дѣла Александра Никитича, прежде всегда примѣрно-аккуратнаго. На имѣніе послѣдняго наложили запрещеніе, потому что Андрей Николаевичъ, пользовавшійся его полною довѣренностію по этому имѣнію, натворилъ на счетъ его незаконныхъ, или вѣрнѣе сказать, плутовскихъ сдѣлокъ, въ которыхъ между прочимъ было выдано имъ и заемное письмо отъ лица, никогда непричастнаго дѣлу и теперь заводившаго за это искъ съ плутоватымъ Границынымъ. Александръ Никитичъ ужаснулся, когда увидѣлъ, что дѣламъ его грозитъ страшное разстройство, что имя его пойдетъ по судамъ и палатамъ и даже еще выше, среди обстоятельствъ, сопровождавшихся подлогомъ и обманомъ, и что, въ добавокъ ко всему этому, страшный позоръ и неминуемое наказаніе постигнутъ его любимаго зятя. Долго, впрочемъ, сомнѣвался Александръ Никитичъ въ томъ, чтобъ такой, съ виду гордый и благородный человѣкъ, и на словахъ такой щекотливый къ своей чести, какъ Границынъ, могъ когда нибудь рѣшиться на подобный поступокъ; но по наведеннымъ Евграфомъ Матвѣевымъ справкамъ, офиціальный ходъ дѣла, начавшагося въ Петербургѣ, еще до перехода этого дѣла въ Затворскъ, убѣдилъ Александра Никитича въ негодныхъ продѣлкахъ Андрея Николаевича. Не оставалось никакого сомнѣнія, что онъ вино-

вать кругомъ и притомъ виноватъ умышленно; нужно было какъ нибудь поскорѣе замять разгоравшееся дѣло.

Послѣ долгихъ колебаній, Александръ Никитичъ рѣшился наконецъ написать письмо Андрею Николаевичу, прося его прибыть безъ замедленія въ Затворскъ, для того, чтобъ имъ объясниться между собою по извѣстному дѣлу и принять дѣятельныя мѣры для отвращенія тѣхъ печальныхъ послѣдствій, которыя непремѣнно должны быть его исходомъ, если только оно пойдетъ въ дальнѣйшій ходъ, не потушенное миролюбивою сдѣлкою съ истцами и незамятое послабленіемъ мѣстныхъ властей.

Письмо тестя было получено Границынымъ въ то время, когда онъ собрался выходить со двора, а Шарлота Карловна провожала его до передней. Андрей Николаевичъ съ совершеннымъ спокойствіемъ принялъ письмо, поданное ему почтальономъ; но пробѣгая его, онъ поблѣднѣлъ и растерялся, губы его затряслись и онъ тревожно посмотрѣлъ на Шарлоту.

— Что дѣлать? спросилъ онъ ее, передавая ей письмо своего тестя.

— А что? я говорила правду! съ укоромъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ какъ будто и съ торжествомъ возразила Шарлота Карловна.

Андрей Николаевичъ сбросилъ въ передней шубу; оба они вошли въ гостиную, откуда перешли въ сосѣднюю комнату и тамъ долго шептались.

Послѣ этихъ совѣщаній, Андрей Николаевичъ приказалъ поскорѣе уложить свои вещи и отправился торопливо на желѣзную дорогу.

Разстроенная Шарлота Карловна провожала его.

— Когда же увидимся? сказала она унылымъ голосомъ, пожимая крѣпко руку Границына и смотря на него печально своими черными глазами, на которые набѣгали слезы непритворныя.

— Богъ знаетъ, мой другъ, когда это будетъ! нетвердо отвѣчалъ Андрей Николаевичъ. Но тебѣ никто и ничто не помѣшаетъ пріѣхать ко мнѣ. Я это устрою. Неужели же ты оставишь меня въ моей бѣдѣ? грустно добавилъ Границынъ.

Шарлота Карловна молчала, но по выраженію ея лица можно было замѣтить, что она обдумывала что-то очень заботливо.

Въ это время раздался второй звонокъ. Границынъ долженъ былъ сѣсть въ вагонъ. Шарлота Карловна, въ ожиданіи, когда тронется поѣздъ, быстро мѣняла у перилъ нѣсколько разъ мѣсто для того, чтобы лучше видѣть Андрея Николаевича, который,

сидя въ вагонѣ, въ свою очередь, то опускалъ, то поднималъ голову, чтобъ не терять изъ виду смотрѣвшую на него Шарлоту.

Поѣздъ тронулся. Шарлота Карловна шла изъ дебаркадера чрезвычайно разстроенная, опустивъ свои глаза; а Андрей Николаевичъ несся въ Москву, огорченный разлукой съ женщиной, въ которую онъ былъ влюбленъ теперь безъ ума, и забылъ вовсе о молоденькой майоршѣ, которая спѣшила теперь въ Петербургъ, чтобъ тамъ съ нимъ повидаться.

V.

— Извольте-съ, Платонъ Васильевичъ, билетикъ; безъ васъ былъ здѣсь какой-то баринъ и оставилъ его; приказалъ васъ просить, не пожалуете ли завтра къ нимъ откушать въ четыре часа, говорилъ лакей Полосова своему господину, возвратившемуся вечеромъ домой.

Платонъ Васильевичъ взглянулъ на визитную карточку, — она была отъ Границына.

По пріѣздѣ своемъ въ Затворскъ, Полосовъ, какъ это водится въ провинціи, объѣздилъ, по указанію одного молодаго человѣка, за нѣсколько времени ранѣе его пріѣхавшаго туда, нѣкоторыхъ изъ тамошнихъ обывателей и, въ числѣ ихъ, былъ съ визитомъ и у Границыныхъ. Спѣсивый Андрей Николаевичъ, нежелавшій вообще знакомиться съ мѣстнымъ чиновничествомъ, поспѣшилъ, однако, противъ своего обыкновенія, отдать Полосову визитъ поскорѣе, узнавши, что онъ находится въ очень близкихъ отношеніяхъ съ Вьюгинымъ, и слѣдовательно можетъ какъ нибудь пригодиться ему, имѣвшему разныя дѣла по присутственнымъ мѣстамъ. При встрѣчахъ новые знакомые держали себя, однако, далеко одинъ отъ другаго, и Полосовъ съ своей стороны не заискивалъ близкаго знакомства съ Границынымъ. Надежды Александровны не привелось ему видѣть ни разу, такъ какъ она въ это время была въ деревнѣ, и потому Евграфъ Матвѣевъ, совѣтуя своему барину повести дѣло черезъ Полосова, обманывалъ, говоря что Надежда Александровна знакома съ Платономъ Васильевичемъ.

Не зная еще лично Границыной, Полосовъ однако много слышалъ о ней отъ Петра Ивановича. Простодушные разсказы Игольникова, полные какого-то увлеченія, невольно возбуждали

въ молодомъ человѣкѣ сочувствіе и уваженіе къ незнакомой ему еще женщинѣ. Кромѣ того, вообще по всему городу въ мужскомъ кругу ходила очень выгодная молва о Надеждѣ Александровнѣ, хотя впрочемъ большинство женскаго пола и оговаривало очень часто Надежду Александровну, виня ее въ высокомѣріи, причудливости и въ неумѣніи ладить съ такимъ красивымъ и еще, кромѣ того, съ такимъ добрымъ мужемъ, какимъ многія женщины считали Границына. Такое раздѣленіе мнѣній насчетъ Надежды Александровны какъ нельзя болѣе говорило въ ея пользу, такъ какъ нельзя было не замѣтить, что невыгодными о ней сужденіями со стороны женскаго пола руководили болѣе всего зависть и отчужденность отъ общества Границыной, нежелавшей никогда вмѣшиваться въ провинціальные дрязги. Говоря правду, въ Полосовѣ было возбуждено сильное любопытство городскими толками о Надеждѣ Александровнѣ, и ему хотѣлось познакомиться съ этой женщиной, заинтересовавшей его собою уже заочно.

Платонъ Васильевичъ между тѣмъ зналъ и по разсказамъ, и по многимъ пріемамъ Андрея Николаевича въ губернскомъ обществѣ, что онъ не слишкомъ любитъ удостоивать своимъ близкимъ знакомствомъ людей, стоящихъ на такомъ скромномъ общественномъ уровнѣ, на которомъ находился Полосовъ, обязанный самъ работать для своего, вовсе не барскаго существованія. А потому особенное вниманіе богатаго губернскаго барина къ Полосову легко навело послѣдняго на мысль, что, вѣроятно, Андрей Николаевичъ знакомится съ нимъ изъ какихъ нибудь личныхъ разсчетовъ. Полосовъ хотѣлъ уклониться отъ такого разсчетливаго знакомства, но постоянная любезность Андрея Николаевича заставила наконецъ молодаго человѣка перемѣнить свои отношенія къ новому знакомому. Присмотрѣвшись нѣсколько къ провинціальному быту, Платонъ Васильевичъ понималъ, что совращеніе чиновниковъ съ пути ихъ служебнаго долга начинается очень часто искушеніемъ ихъ желудка. Сперва попросятъ на обѣдъ нужнаго человѣка, радушно примутъ его, за обѣдомъ потолкуютъ о разныхъ разностяхъ, незамѣтно поддѣлываясь подъ его рѣчь, послѣ обѣда предложатъ карты, а тамъ, въ удобный промежутокъ времени, при помощи кого нибудь изъ смѣтливыхъ гостей, заведутъ рѣчь о дѣлѣ, вовлекутъ въ этотъ разговоръ нужнаго человѣка и попросятъ его кстати выслушать ходъ всего дѣла не по однѣмъ только бумагамъ, въ которыхъ истина со-

крыта, и въ которыхъ дано всему ложное направленіе и невѣрное истолкованіе. Пользуясь этимъ, они перетолкуютъ дѣло, и иного, совершенно неопытнаго въ житейскихъ продѣлкахъ чиновника предрасположатъ этимъ въ пользу извѣстной стороны. Потомъ участники этой стороны начнутъ являться къ должностному лицу, уже какъ къ знакомому человѣку, начнутъ оказывать ему особенное вниманіе и тѣ мелкія одолженія, которыя такъ легко ставятъ людей совѣстливыхъ въ обязательныя отношенія и отъ которыхъ, между прочимъ, они не могутъ отказаться, боясь обидѣть тѣхъ, кто навязывается на подобныя, повидимому самыя ничтожныя одолженія. Сблизившись такимъ образомъ, въ качествѣ знакомыхъ, съ нужнымъ человѣкомъ, участники зависящаго отъ него дѣла толкуютъ съ нимъ о трудностяхъ жизни, косвенно испытывая его намеками на то, что трудности эти можно облегчить, конечно не взятками, но какимъ нибудь займомъ на условіяхъ, выгодныхъ для кредитора и не тяжелыхъ для должника. Съ этою цѣлью они рекомендуютъ совершенно посторонняго, но на дѣлѣ только подставнаго человѣка, который можетъ устроить подобное дѣло, и такимъ образомъ мало по малу, и притомъ незамѣтно, благовидно забираютъ подъ свое вліяніе нужное имъ лицо.

Платонъ Васильевичъ смекалъ это; но онъ не выходилъ изъ себя, какъ это дѣлаетъ какой нибудь театральный боецъ противъ взяточничества. Онъ не вопилъ и не горячился при мысли, что Андрей Николаевичъ, приглашая его къ себѣ обѣдать, замышляетъ, статься можетъ, коварно посягнуть на его чиновническую честь, что у него въ виду единственно долгъ службы и что затѣмъ всякія сношенія съ такимъ человѣкомъ, который можетъ имѣть какое нибудь судебное дѣло, должно быть чуждо истинному ревнителю законовъ. Полосовъ поступилъ, напротивъ, безъ всякихъ созерцаній и разсужденій; онъ считалъ за лучшее быть въ этомъ случаѣ вѣжливымъ съ Андреемъ Николаевичемъ, отдѣляя совершенно условія общественной жизни отъ своей чиновнической дѣятельности. Лишнимъ было бы прибавлять, что кромѣ того и возможность увидѣть Надежду Александровну побуждала Полосова воспользоваться представившимся ему случаемъ побывать въ домѣ Границына.

Между тѣмъ Андрей Николаевичъ, возвратившись домой, принялся ретиво хлопотать о томъ, чтобъ погасить разгоравшееся дѣло. Смиривъ свою барскую спѣсь, онъ кидался теперь къ

разнымъ крючкамъ и сутягамъ, прося ихъ совѣта и содѣйствія. Эти знатоки гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ, припоминая примѣры прошлыхъ лѣтъ, единогласно говорили Андрею Николаевичу, что дѣло его, несмотря на всю его важность, еще можно кое-какъ уладить при переходѣ въ Затворскъ, если только лица, имѣющія къ нему по этому дѣлу претензіи, прекратятъ свой искъ; но что въ настоящее время вести такимъ образомъ дѣло неблагонадежно, потому что вся губернія въ натугѣ, такъ какъ всѣ боятся новаго, строгаго порядка, заведеннаго Вьюгинымъ. Къ этому приказные дѣльцы прибавляли, что, чего добраго, если дѣло Андрея Николаевича и прекратится какъ нибудь въ присутственныхъ мѣстахъ Затворска, да о немъ дойдутъ слухи до генерала, то онъ не удовольствуется этимъ и безъ сомнѣнія, какъ это ужь было въ другихъ случаяхъ, назначитъ для разъясненія всѣхъ обстоятельствъ ревизоромъ или слѣдователемъ Полосова, какъ самое близкое къ нему лицо; а что между тѣмъ Полосовъ— человѣкъ въ губернской службѣ еще свѣжій, да притомъ человѣкъ молодаго поколѣнія, такъ онъ, пожалуй, подниметъ такую кутерьму, что и всѣмъ послѣ достанется.

Такимъ образомъ, хлопотавшій безъ устали Андрей Николаевичъ на всѣхъ своихъ консультаціяхъ встрѣчалъ по своему дѣлу въ сущности почти тотъ же самый отвѣтъ, который получилъ прежде и Александръ Никитичъ, черезъ своего управляющаго, совѣщавшагося, по этому предмету, съ разными секретарями и дѣлопроизводителями.

Послѣ всего этого очевидно было и Андрею Николаевичу и Александру Никитичу, что прежде перевода дѣла изъ Петербурга въ Затворскъ, необходимо склонить на свою сторону Полосова; оба они, въ отношеніи къ нему, считали лучшимъ для этого средствомъ не взяточные посулы, отъ которыхъ, какъ было замѣтно, Полосовъ держалъ себя такъ далеко, а домашнее съ нимъ сближеніе и короткое знакомство,—при которомъ не бойкому человѣку такъ трудно бываетъ отказать просьбѣ людей, ставшихъ уже съ нимъ на дружескую ногу. Съ своей же стороны Андрей Николаевичъ не упустилъ также изъ виду и того, какое вліяніе можетъ имѣть въ этомъ случаѣ на безкорыстнаго Полосова и такая молодая, миловидная женщина, какой была Надежда Александровна. Короче, Андрей Николаевичъ готовъ былъ разставить Полосову въ своемъ домѣ и сердечныя сѣти,

для того только, чтобъ какъ нибудь, при его помощи, выбраться изъ той бѣды, въ которую онъ попался.

— Сегодня будетъ у насъ обѣдать одинъ молодой человѣкъ, сказалъ Андрей Николаевичъ своей женѣ, входя въ ея уборную.— Я забылъ его фамилію, добавилъ онъ, стараясь показать тѣмъ Надеждѣ Александровнѣ, что не слишкомъ интересуется приглашеннымъ гостемъ.

— Кто жъ такой? спросила Надежда Александровна.

— Да тотъ, который служитъ при генералѣ, отвѣчалъ съ замѣтнымъ пренебреженіемъ Границынъ. — Ты, впрочемъ, будь съ нимъ обходительна; онъ, какъ я слышалъ, изъ хорошей фамиліи. Полосовъ, кажется; отецъ его служилъ когда-то въ гвардіи, продолжалъ Андрей Николаевичъ, желая этими замѣчаніями о породѣ Полосова оправдать нѣкоторымъ образомъ свое исключительное вниманіе къ небольшому чиновнику.

Надежда Александровна поняла это и слегка улыбнулась.

— Что же тебѣ вдругъ вздумалось пригласить его къ себѣ? спросила она мужа.

— Да такъ,—встрѣтился съ нимъ у генерала и зашелъ такой разговоръ, что мнѣ неловко было не позвать его. Что жь за бѣда, пусть поѣстъ у насъ, проговорилъ ненаходчивый на этотъ разъ Андрей Николаевичъ, стараясь замять разговоръ. — Впрочемъ тебѣ это все равно, добавилъ онъ: — ты только позови обѣдать Александру Петровну, а то съ человѣкомъ, мало знакомымъ, съ которымъ нѣтъ ничего общаго, отсидѣть нѣсколько часовъ сряду бываетъ и тяжело и непріятно.

Надежда Александровна не догадалась, почему со стороны Андрея Николаевича явилась вдругъ нѣкоторая благосклонность къ Сашенькѣ, которую онъ вообще, послѣ своего пріѣзда изъ Петербурга, сталъ преслѣдовать гораздо менѣе прежняго. Между тѣмъ самъ Андрей Николаевичъ, зазывая хорошенькую и разговорчивую Сашеньку, разсчитывалъ на впечатлительность Полосова, на котораго, какъ казалось Границыну, препровожденіе времени съ двумя красивыми и молодыми женщинами произведетъ болѣе пріятное впечатлѣніе, нежели угощеніе хотя бы самымъ сытнымъ и самымъ изысканнымъ обѣдомъ.

Во время этого разговора вошелъ въ комнату Александръ Никитичъ. По лицу его легко можно было замѣтить, что сильная печаль и забота томила его. Онъ со сдержаннымъ вздохомъ поцаловалъ Надежду Александровну въ голову, холодно подалъ

руку своему зятю, почти отворачиваясь отъ него, надулся и сѣлъ на диванъ, мурлыкая что-то себѣ подъ носъ.

— Вы, папаша, вѣрно сегодня не въ духѣ? спросила съ участіемъ Надежда Александровна.

— Такъ себѣ, отвѣчалъ, сильно пропыхтѣвъ, Александръ Никитичъ.

Въ голосѣ его слышалась подавленная досада, и сердитый взглядъ, брошенный въ это время на зятя, обнаруживалъ, кто былъ виновникомъ этой досады.

Въ комнатѣ наступило молчаніе. Надежда Александровна, стоя у окна, машинально обрывала съ мирта его поблекшіе листочки. Андрей Николаевичъ вынулъ изъ кармана портъ-сигаръ, приготовляясь закурить папироску.

— А что, Андрей Николаевичъ, ты былъ вчера у Полосова, какъ располагалъ это сдѣлать, и попросилъ его къ намъ сегодня обѣдать? спросилъ у зятя Александръ Никитичъ не слишкомъ привѣтливымъ голосомъ, уставивъ на него свой пристальный взглядъ въ ожиданіи отвѣта. — Вѣдь смотри, добавилъ зловѣще Александръ Никитичъ: — время уходитъ, тебѣ будетъ плохо; бѣда тебѣ, братъ, грозитъ страшная....

При этихъ словахъ Надежда Александровна быстро обернулась и вопросительно посмотрѣла сперва на отца, а потомъ на мужа. Недобрыя слова Александра Никитича привели въ сильный трепетъ ея сердце, и мысль, что Андрею Николаевичу грозитъ какая-то страшная бѣда, заставила Надежду Александровну пожалѣть о мужѣ. Она почувствовала въ это время, что несмотря на свой разладъ съ нимъ въ супружеской жизни и на всѣ огорченія, которыя онъ дѣлалъ ей, онъ все-таки еще близокъ ея сердцу. Сдерживая стѣснившееся въ груди дыханіе, Надежда Александровна въ сильномъ волненіи ожидала, чтò будетъ отвѣчать Андрей Николаевичъ на угрозу, сдѣланную ему Александромъ Никитичемъ, а между тѣмъ не сводила глазъ съ своего мужа.

Она видѣла, какъ лицо его сдѣлалось блѣдно и какъ губы его тряслись судорожно; онъ подергивалъ книзу свои усы и, совершенно разстроенный, не зналъ, что отвѣчать. Первый разъ въ жизни пришлось Надеждѣ Александровнѣ видѣть своего мужа въ такомъ мучительномъ положеніи; онъ ей въ это время сдѣлался жалокъ, не въ оскорбительномъ смыслѣ этого слова, и она созналась въ душѣ, что въ минуты бѣдствія и горя она не имѣла

бы силы оставить его, какъ бы дурно и жестоко онъ ни поступалъ съ нею. Она подошла къ Андрею Николаевичу, положила руку на его плечо и сдѣлала движеніе, чтобъ поцаловать его въ щеку; но онъ сильно оттолкнулъ ее отъ себя плечомъ и въ то же время сдѣлалъ Александру Никитичу знакъ глазами, чтобъ онъ прекратилъ начатый разговоръ.

— Вы, батюшка, любите иногда пошутить, сказалъ Андрей Николаевичъ своему тестю съ принужденной улыбкой: — какая же бѣда можетъ случиться со мной?

Надежда Александровна стояла, задумавшись, посреди комнаты. Не только сожалѣніе о мужѣ, но и непріязнь его къ ней въ минуту ея искренняго сердечнаго порыва сильно огорчили молодую женщину. Александръ Никитичъ, взглянувъ на свою разстроенную дочь, догадался, что слова его слишкомъ впечатлительно подѣйствовали на Надежду Александровну, и потому поспѣшилъ воспользоваться притворной фразой Андрея Николаевича для того, чтобъ обратить въ шутку свою угрозу.

— Да, да, пріятель, попался въ просакъ! сказалъ онъ, слегка похлопывая въ ладоши; но эта принужденная веселость тотчасъ же исчезла. — Безъ шутокъ, сказалъ онъ серьезно Андрею Николаевичу: — у тебя будетъ сегодня обѣдать Полосовъ? Вѣдь ты, конечно, былъ у него самъ?

— Будетъ, отвѣчалъ отрывисто Андрей Николаевичъ.

— Да ты мнѣ скажи, сдѣлалъ ли ты ему ту вѣжливость, — былъ у него вчера самъ, какъ обѣщалъ мнѣ? настойчиво допытывался Александръ Никитичъ.

Андрей Николаевичъ замялся; за нѣсколько минутъ передъ этимъ онъ говорилъ женѣ о приглашеніи Полосова иначе.

— Я былъ.... я встрѣтилъ его.... бормоталъ Андрей Николаевичъ.

Мелочная ложь мужа, его увертки, какъ попавшагося въ шалости ребенка, непріятно подѣйствовали на Надежду Александровну; но на этотъ разъ у нея нашлись силы скрыть свои чувства.

Александръ Никитичъ, крякнувъ отъ досады, поднялся съ своего мѣста и вышелъ изъ комнаты; слѣдомъ за нимъ пошелъ и Андрей Николаевичъ, бросивъ на жену недружелюбный взглядъ, такъ какъ онъ по своему пониманію считалъ, что она была виною его замѣшательства, при вопросѣ тестя о Полосовѣ.

«Не будь ея, думалъ Андрей Николаевичъ, я отвѣтилъ бы Александру Никитичу такъ, какъ слѣдовало; и не попался бы ему въ такой глупой мелочи.»

«Къ чему же всѣ эти выдумки? думала про себя, въ свою очередь, Надежда Александровна, по уходѣ изъ ея комнаты отца и мужа, и грустная улыбка пробѣжала по ея губамъ.—Развѣ Андрей Николаевичъ потерялъ бы что нибудь въ моемъ мнѣніи, если бы онъ прямо сказалъ мнѣ, что ему хочется, или что ему нужно видѣть Полосова въ нашемъ домѣ и что онъ поэтому сдѣлалъ ему вѣжливость, которая бываетъ такъ тяжела для его ложнаго самолюбія. Да притомъ, развѣ онъ дорожитъ моимъ мнѣніемъ хоть сколько нибудь? спрашивала мысленно сама себя Надежда Александровна. Боже мой! Боже мой! съ отчаяніемъ проговорила она:—если этотъ человѣкъ въ такихъ ничтожныхъ мелочахъ поступаетъ такъ лживо, такъ непрямодушно, на что же не рѣшится онъ въ важныхъ для него случаяхъ?...»

И вотъ снова Андрей Николаевичъ явился въ глазахъ своей жены со всей его мелкой безнравственностью, и съ горестью сознавалась она, что не можетъ лежать ея сердце къ такому человѣку. Въ памяти ея опять невольно ожилъ цѣлый рядъ безчестныхъ продѣлокъ Андрея Николаевича и обрисовались его спѣсивость и высокомѣріе тамъ, гдѣ и то, и другое были не-умѣстны, а рядомъ съ этимъ и его угодливость и его податливость тамъ, гдѣ изъявленія той или другой служили, по его мнѣнію, въ его пользу.

Между тѣмъ опасеніе насчетъ бѣды, угрожавшей Андрею Николаевичу, начало мало по малу разсѣиваться въ мысляхъ Надежды Александровны. Переходъ въ шутку угрозы, сдѣланной Александромъ Никитичемъ, правда, въ шутку натянутую, но натянутость которой не была однако замѣтна для разстроенной въ то время Надежды Александровны,—успокоилъ ее. Она думала, что здѣсь шло дѣло только о долгахъ ея мужа, которые были для нея вовсе не новостью. Вообще, Надежду Александровну не пугала бѣдность, которая, какъ она предвидѣла, рано или поздно должна была непремѣнно постичь ихъ домъ, какъ неизбѣжное слѣдствіе мотовства ея мужа. Въ тѣ минуты, когда ей приходили на мысль ожидающія ея лишенія, она не горевала о себѣ самой, но заботилась только о дѣтяхъ; и въ это время она, какъ женщина съ правильнымъ взглядомъ на жизнь, вполнѣ оправдывала себя, если поспѣшитъ оградить хоть

сколько нибудь будущность своихъ дѣтей въ матеріальномъ отношеніи, — и только ложное чувство стыдливости заговорить съ мужемъ и съ отцомъ о деньгахъ удерживало еще Надежду Александровну отъ готовности потребовать у Андрея Николаевича и у Александра Никитича, чтобъ они обезпечили по крайней мѣрѣ воспитаніе ея дѣтей, одинъ — какъ ихъ отецъ, другой — какъ ихъ дѣдъ.

Нерѣдко подавленная горемъ, Надежда Александровна доходила даже до того, что сама желала скораго перелома въ домашнихъ дѣлахъ, утѣшаясь тѣмъ, что, быть можетъ, рѣзкая перемѣна въ жизни образумитъ наконецъ ея мужа, привяжетъ его къ разоренному имъ семейству и покажетъ ему, что въ несчастную для него пору онъ можетъ имѣть въ своей женѣ искренняго друга, если только онъ самъ захочетъ отвѣчать ей хотя маленькой пріязнью и откровенностью. Надеждѣ Александровнѣ казалось, что она имѣла твердость оставить Андрея Николаевича только въ то время, когда онъ былъ бодръ и жилъ въ довольствѣ и радости, и когда она видѣла, что разлука съ нею нисколько не огорчитъ его. Надежда Александровна готова была на разлуку съ Андреемъ Николаевичемъ при этихъ условіяхъ, и по тому еще сознанію, что она сама станетъ нравственнѣе, избавившись наконецъ отъ того тяжелаго притворства и отъ того труднаго для нея лицемѣрія, въ которыя безпрерывно поставляли ее обстоятельства.

Въ назначенный день, къ четыремъ часамъ, Полосовъ былъ въ домѣ Границыныхъ; Александръ Никитичъ принялъ его чрезвычайно любезно, Андрей Николаевичъ сдѣлалъ съ своей стороны тоже самое. Впрочемъ человѣку опытному во всѣхъ подобныхъ проявленіяхъ любезности легко можно было замѣтить скорѣе заискиваніе въ гостѣ, нежели искреннее къ нему радушіе. Самъ Полосовъ чувствовалъ, что личный разсчетъ заставлялъ Андрея Николаевича, противъ его обычая, быть черезчуръ внимательнымъ; но неподдѣльная обходительность Надежды Александровны и веселая рѣчь развязной Сашеньки заставляли его забывать и Андрея Николаевича и его тестя, такъ что вообще то время, которое провелъ Полосовъ въ домѣ Границыныхъ, оставило въ немъ самое пріятное впечатлѣніе. Скажемъ однако, что это пріятное впечатлѣніе было произведено на Полосова, который былъ плохой гастрономъ, вовсе не изысканной кухней Андрея Николаевича, но присутствіемъ Надежды Алек-

сандровны и Сашеньки. Долго, послѣ этого дня, въ воображеніи молодаго человѣка то рисовалось блѣдное личико хозяйки съ ея скромнымъ взглядомъ, то являлись румяныя щечки Сашеньки и ея густая, русая коса, а также слышался ея звонкій голосокъ.

VI.

Въ извѣстномъ кругѣ нашего общества женскій полъ составилъ издавна для себя типическія понятія о нѣкоторыхъ личностяхъ и придалъ имъ такія свойства и такія неотъемлемыя принадлежности, безъ которыхъ личности эти не могутъ быть представляемы въ воображеніи прекраснаго пола. Такъ, дамамъ и барышнямъ при мысли, напримѣръ, о кавалеристѣ непремѣнно мечтается и трескъ сабли, и брячанье шпоръ; при мысли о гвардейскомъ пѣхотинцѣ имъ мерещатся красные лацканы, звуки военныхъ трубъ и даже, быть можетъ, грохотъ турецкаго барабана. Правда, что все это является какъ-то смѣшанно и слитно одно съ другимъ, но все это электризируетъ какъ-то особенно молодое женское и даже среднихъ лѣтъ воображеніе, въ которомъ съ саблей, съ красными лацканами, шпорами, волосянымъ султаномъ, аксельбантами и такъ далѣе, соединяется мысль объ отвагѣ, если не о геройствѣ, о стройности и о мужественной красотѣ, и т. д.

Изъ лицъ, непричастныхъ воинственной обстановкѣ, дипломатическіе чиновники имѣютъ тоже въ нѣкоторыхъ женскихъ головкахъ нѣсколько своихъ исключительныхъ и выгодныхъ для нихъ принадлежностей. Чиновники эти, по мнѣнію такихъ головокъ, владѣютъ судьбами міра, они хранятъ важнѣйшія государственныя тайны, посредствомъ которыхъ ворочаютъ народами и о которыхъ, однако, наши мечтательницы не имѣютъ сами никакого понятія. Лица эти обыкновенно холодны, неприступны и вообще представляютъ что-то загадочное, слѣдовательно болѣе или менѣе плѣнительное для женщины. Наружность ихъ, по понятіямъ нѣкоторой части женскаго пола, подводится подъ общій типъ: у нихъ высокіе лбы, сжатыя губы съ насмѣшливой улыбкой и гордое держаніе верхъ головы, соединенное съ важной походкой. Они совершенно отличны отъ прочихъ чиновниковъ и появленіе ихъ въ провинціи, смотря по тому, въ какой

мѣрѣ они удовлетворяютъ общему, составленному тамъ о нихъ понятію, производитъ въ женскомъ полѣ своего рода особенное ощущеніе.

Писатели тоже подводятся въ женскомъ воображеніи подъ общій, свойственный имъ типъ. Ихъ представляютъ обыкновенно молчаливыми, смотрящими на все свысока, съ какой-то злобной насмѣшкой, болѣе или менѣе растрепанными и нечесанными, а также небрежными въ ихъ нарядѣ. Ученые, по смѣшенію нашими дамами и дѣвицами литературы съ ученостью, подводятся подъ общій типъ, составленный собственно для писателей, только съ тою разницей, что ученые не имѣютъ никакого вліянія на женское вниманіе въ провинціи, тогда какъ иной стихотворецъ или сочинитель, при нѣкоторой удачѣ, можетъ удостоиться тамъ особаго вниманія.

Наконецъ, въ нашемъ общественномъ, какъ и въ нашемъ гражданскомъ быту, есть еще своего рода разночинцы, которые безъ опредѣленныхъ занятій вертятся въ обществѣ, имѣя или родовыя или благопріобрѣтенныя средства для того, чтобъ жить хорошо и быть, вслѣдствіе этого, предметомъ общаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ и женскаго вниманія. Личности эти, по прихоти женскаго воображенія, рисуются въ немъ въ разныхъ, болѣе или менѣе привлекательныхъ типахъ; преимущественно же они представляются тамъ мужчинами статными, высокаго роста, отставными изъ гусаръ, то съ усами, то съ бородками, съ волосами то завитыми, то гладко-остриженными, съ щемилками на носу или со стеклышкомъ въ одномъ глазѣ.

Наконецъ надобно замѣтить, что и чиновничество имѣетъ своихъ типическихъ представителей у женскаго пола; впрочемъ оно пользуется этимъ правомъ весьма ограниченно и притомъ только въ провинціяхъ, такъ какъ въ Петербургѣ все юное поколѣніе чиновниковъ, посѣщающихъ общества самыхъ разнородныхъ степеней, сливается вообще въ одинъ типъ молодыхъ людей, болѣе или менѣе щегольски одѣтыхъ, такъ что по внѣшности ихъ никакъ нельзя принять за чиновниковъ, т. е. за лицъ, живущихъ только на иждивеніи казны. Въ Петербургѣ рѣдко освѣдомляются о службѣ, и потому здѣсь чиновникъ не въ вицмундирѣ сливается, какъ мы сказали, въ одинъ общій типъ мѣстной молодежи.

«Что же касается провинцій, то тамъ существуютъ въ женскомъ воображеніи два типа молодыхъ чиновниковъ. Чиновникъ,

о которомъ тамъ думаютъ, порою, барыня или барышня, непремѣнно или свѣжій, розовый блондинъ, или блѣдный, интересный брюнетъ, обыкновенно поступившіе на службу изъ Петербурга и по какимъ нибудь связямъ или отношеніямъ попавшіе въ лучшій кругъ провинціальнаго общества. Впрочемъ, чтобы типы эти имѣли право грезиться въ женскомъ воображеніи, воплощенные ихъ представители должны болтать по-французски, хотя бы и подготовлялись для этого время-отъ-времени по французскимъ комедіямъ и по французскимъ повѣстямъ, и должны имѣть въ своей внѣшности признаки танцовальныхъ способностей.

Затѣмъ барыни и барышни такъ-называемаго высшаго провинціальнаго круга не думаютъ вовсе о мѣстномъ чиновничествѣ и если когда нибудь воображеніе ихъ случайно попадетъ на этотъ предметъ, то онъ сливается у нихъ въ какую-то общую массу, мрачную, неопрятную и жадную къ деньгамъ.

Что же касается Надежды Александровны, то она вообще не имѣла ни о комъ никакихъ идеаловъ. Съ молодыми же чиновниками, преимущественно пріѣзжавшими въ Затворскъ изъ Петербурга на короткое время, она, при своихъ нечастыхъ выѣздахъ въ собраніе и на балы, встрѣчалась очень рѣдко. Впрочемъ она иногда танцовала съ ними; но ей и въ голову не приходило, чтобы эти люди составляли какую-то особенную касту,—такъ что о молодомъ губернскомъ чиновникѣ, во всей полнотѣ этого слова, Границына не имѣла еще никакого понятія.

Впрочемъ, однажды, у Петра Ивановича она имѣла случай встрѣтиться съ Калиной Михайловичемъ Рыхловымъ.

Разъ какъ-то, въ день рожденія Аграфены Сергѣевны, Игольниковъ запросилъ къ себѣ вечеромъ на чай Надежду Александровну. Излишне было бы разсказывать, какъ старался и какъ хлопоталъ радушный хозяинъ о томъ, чтобы желанная его гостья осталась вполнѣ довольна его угощеніемъ. Радость Петра Ивановича и его сожительницы, при той обходительности со стороны Надежды Александровны, которая не давала добрымъ хозяевамъ чувствовать ни малѣйшей разницы въ общественномъ положеніи бѣдныхъ Игольниковыхъ и богатыхъ Границыныхъ,—достигла полнаго разгара, когда вдругъ кто-то постучался въ двери.

Петръ Ивановичъ оторопѣлъ при мысли, что къ нему, пожалуй, ввалится теперь такой гость, появленіе котораго будетъ непріятно Надеждѣ Александровнѣ. Не отворяя дверей, онъ объ-

жалъ кругомъ кухню и, войдя въ сѣни, къ крайнему замѣшательству, увидѣлъ тамъ Калину Михайловича. Игольниковъ очень любилъ его; несмотря на то, что еще недавно былъ знакомъ съ нимъ, онъ во всякое время радъ былъ приходу такого гостя; но теперь онъ замялся, боясь впустить къ себѣ жолчнаго Калину Михайловича, который, чего добраго, можетъ насказать грубостей и Надеждѣ Александровнѣ. Съ другой стороны, мысль отказать знакомому отъ своего дома потому только, что тамъ ужь есть гостья, обдало жаромъ совѣстливаго Игольникова, и Петръ Ивановичъ стоялъ теперь передъ долговязымъ Рыхловымъ въ положеніи робкаго просителя, не знающаго, какъ заговорить съ важнымъ сановникомъ.

— Вѣдь вишь, ужь какъ стоитъ около вашего крыльца карета на лежачихъ рессорахъ, такъ нашего брата и пускать къ себѣ не хотите! сказалъ чувствительно Рыхловъ, который, провѣдавъ о томъ, что у Игольникова въ гостяхъ такая большая губернская барыня, какъ Границына, нарочно пришелъ къ нему въ это время, очень хорошо зная, въ какое затрудненіе поставитъ своимъ приходомъ ненаходчиваго Петра Ивановича.

— Не то... какъ бы это вамъ сказать... бормоталъ растерянный хозяинъ, хлопая глазами; а между тѣмъ сильная краска обдавала его добродушное лицо.

— Ну, чортъ съ вами! сказалъ сердито Рыхловъ и, согнувшись вполовину подъ косякомъ низкой двери, сталъ выбираться изъ сѣней; но сильный, захватывавшій его кашель замедлялъ выходъ Калины Михайловича.

Между тѣмъ Надежда Александровна слышала стукъ въ дверь, а также и слѣдовавшій потомъ говоръ въ сѣняхъ.

— Къ вамъ кто-то пришелъ, сказала она Аграфенѣ Сергѣевнѣ.

— Да, матушка Надежда Александровна, вѣрно къ мужу; да теперь не время, вы изволите здѣсь быть, отвѣчала спроста Аграфена Сергѣевна.

Сашеньки въ это время не было въ комнатѣ; по приказанію матери, она хлопотала на кухнѣ около самовара, чашекъ и крендельковъ.

— Право, я не желаю никого стѣснять собою; пожалуйста, попросите вашего гостя войти сюда, сказала Надежда Александровна.

Аграфена Сергѣевна какъ-то недовѣрчиво взглянула на Границыну; но она такъ ласково, такъ привѣтливо смотрѣла на недоумѣвавшую хозяйку, что та невольно пошла къ двери, чтобъ исполнить желаніе своей гостьи.

— Боюсь, матушка, впустить-то его, сказала Аграфена Сергѣевна, догадавшись по кашлю, что въ сѣняхъ былъ Рыхловъ, и сбираясь, однако, откинуть крючекъ отъ двери: человѣкъ-то онъ, правда, куда какой добрый; послѣдки каждому отдастъ, душу за друга положитъ; да только ужь бранчивъ, никому спуску не даетъ, ворчитъ на цѣлый свѣтъ...

— Ничего, ничего, перебила, улыбнувшись, Надежда Александровна.

Аграфена Сергѣевна кинулась теперь въ сѣни и стала запрашивать Рыхлова, показывая своему мужу знаками, что Надежда Александровна не противъ этого приглашенія; но за то Калина Михайловичъ уперся, въ свою очередь, и не сдавался на зовъ Игольниковыхъ.

Петръ Ивановичъ кинулся за нимъ вслѣдъ и насильно тащилъ его за руку.

— Вѣдь вишь какъ зазнались! сказалъ Рыхловъ, уступивъ наконецъ просьбамъ Игольниковыхъ.—Велика важность, что богатую барыню къ себѣ въ гости заманили!.. Ну ее...

Пора стояла лѣтняя; на дворѣ была совершенная тишина, и когда Рыхловъ говорилъ эти слова, то онъ проходилъ мимо отвореннаго окна; Петръ Ивановичъ невыразимо страдалъ при мысли, что рѣчь Калины Михайловича можетъ дойти до слуха Надежды Александровны.

— И ее-то, мою голубушку, онъ такъ честитъ въ моемъ домѣ! думалъ про себя Игольниковъ; но съ одной стороны сознавая, что онъ самъ поступилъ нечестно съ своимъ добрымъ знакомымъ, а съ другой, зная очень хорошо, что если начать унимать въ подобныхъ случаяхъ Рыхлова, то онъ расходится еще болѣе, — Игольниковъ не рѣшался проговорить противъ Калины Михайловича ни слова, и шелъ за нимъ печально, повѣся голову.

Въ свою очередь, Рыхловъ радовался внутренно, что онъ встрѣтится хоть разъ въ жизни съ такой барыней, съ которой другой разъ еще быть можетъ не приведется не только поговорить, но даже и видѣться. У него ужь издавна накипѣла сильная желчь противъ такихъ особъ, какою онъ, между прочимъ, ошибочно считалъ и Границыну по ея внѣшней обстановкѣ, не зная

сердца этой женщины. Вообще, Калина Михайловичъ какъ нельзя болѣе былъ доволенъ настоящей встрѣчей.

— Постой, наскажу же я ей! думалъ про себя Рыхловъ.

— Наше-съ почтеніе! сказалъ онъ Надеждѣ Александровнѣ, входя въ комнату и слегка кивнувъ головою; затѣмъ, опустившись на диванъ, онъ принялся болѣзненно кашлять.

Петръ Ивановичъ и Аграфена Сергѣевна стояли около дивана, съ участіемъ посматривая на мучившагося Рыхлова и въ тоже время съ боязнью ожидая его дальнѣйшихъ рѣчей.

Слѣдовало минутное молчаніе.

— Вы, кажется, несовсѣмъ здоровы, сказала съ замѣтнымъ состраданіемъ Надежда Александровна, обращаясь къ Рыхлову.

— Кой чортъ, будешь здоровъ въ нашей кожѣ! Хорошо жить вамъ, отвѣчалъ рѣзко Калина Михайловичъ:—а нашъ братъ дохнетъ какъ собака! И въ голосѣ Рыхлова слышалось что-то отчаянное; между тѣмъ грубость его отвѣта смягчалась справедливой причиной ропота. Нужно было только взглянуть на страдальческое лицо Рыхлова и на тѣ усилія, которыя онъ, какъ казалось, долженъ былъ дѣлать для того, чтобы иногда пережить какую нибудь лишнюю, никуда негодную минуту въ своей тяжелой жизни, и тотчасъ можно было убѣдиться, какъ было томительно для него его земное существованіе, которое готово было порваться каждое мгновенье. Надежда Александровна почувствовала глубокое состраданіе къ этому бѣдняку.

— И вы давно больны? спросила она кротко, не оскорбившись грубостью раздраженнаго Рыхлова.

Рыхловъ хотѣлъ снова сказать Границыной такую же желчную рѣзкость, но въ это время онъ взглянулъ на нее. Сѣро-голубые глаза Надежды Александровны съ непритворнымъ участіемъ смотрѣли на него, и ему показалось, что только первый разъ въ жизни онъ встрѣтилъ, наконецъ, искреннюю къ себѣ привѣтливость и притомъ съ такой стороны, съ которой онъ никакъ не могъ ожидать ни малѣйшаго сочувствія къ своей скорбной долѣ. Это сильно подѣйствовало на него.

— Ахъ, матушка, матушка, заговорилъ печально Рыхловъ:— гдѣ вамъ знать все то, что намъ приходится терпѣть! Поневолѣ на весь свѣтъ будешь злиться!.. добавилъ съ грустью Калина Михайловичъ, стараясь этимъ замѣчаніемъ извинить передъ Надеждой Александровной рѣзкость своего прежняго отвѣта.

Затѣмъ Рыхловъ въ простыхъ, но мѣткихъ словахъ, доходившихъ иногда до ожесточенія, сталъ разсказывать Надеждѣ Александровнѣ всю свою недолю, захватывая въ своемъ печальномъ разсказѣ всѣ горькія стороны чиновничьяго быта и съ безцеремонной простотой перенося ѣдкость своихъ укоровъ и на такіе предметы, которые повидимому были очень далеки отъ сущности начатаго разговора. Робкому Петру Ивановичу казалось, что съ улицы могутъ подслушать рѣчи Калины Михайловича; онъ сперва поторопился запереть окно, а потомъ вышелъ въ сѣни посмотрѣть, нѣтъ ли кого-нибудь тамъ. Между тѣмъ Калина Михайловичъ, не обращая никакого вниманія на безпокойство Петра Ивановича, съ перемежающимся кашлемъ продолжалъ свой разсказъ. Изнеможенный Рыхловъ казался воодушевленнымъ въ это время: его впалыя щеки горѣли чахоточнымъ румянцемъ, а въ глазахъ сверкалъ лихорадочный блескъ.

Молодой женщиной овладѣло любопытство; она услышала новый складъ непритворныхъ рѣчей отъ человѣка, подавляемаго жизнью, а у ней самой было столько горя въ ея жизни, повидимому такъ беззаботной, такъ счастливой. Притомъ, разсказъ Рыхлова знакомилъ ее съ такими печальными сторонами человѣческаго быта, которыя были заслонены до сихъ поръ отъ Границыной ея матеріальнымъ достаткомъ и ея общественнымъ положеніемъ. Порою, въ сужденіяхъ Рыхлова подвертывались разныя общественныя и житейскія статьи, на которыя онъ напиралъ такъ безпощадно и такъ отважно, что Петръ Ивановичъ въ ужасѣ качалъ головою, и какъ бы умолялъ своего гостя взглядомъ, прекратить его недобрую рѣчь; а Аграфена Сергѣевна только тревожно чмокала губами да морщилась, какъ будто ѣла самое кислое яблоко.

— Что тутъ мудренаго, матушка, что иногда и совѣсть свою продашь за мѣдный грошъ! — ангелы мы небесные, что ли? говорилъ Рыхловъ. — Вѣдь и преподобные пустынники поддавались искушенію, а нашъ-то братъ что? Живетъ въ мірѣ, все видитъ, всего хочется. Вотъ, что вы думаете, теперь служитъ у насъ въ губерніи предобрѣйшій человѣкъ Платонъ Васильевичъ; а посмотримъ, надолго ли хватитъ въ немъ честности? Тоже собьется съ дороги; знаемъ мы и ихъ! Да пожалуй онъ и теперь ужь кривитъ душою, — кто его знаетъ! заключилъ Рыхловъ, и съ этими словами онъ закашлялся и замахалъ руками.

Страдальческій видъ Рыхлова, правдивость его грустной рѣчи и его откровенность, хотя и проникнутая грубостью выраженій, произвели на Надежду Александровну тяжелое впечатлѣніе. Она увидѣла теперь, что въ человѣческомъ родѣ находится много еще такихъ отдѣльныхъ кружковъ, о которыхъ она не имѣла прежде никакого понятія. Чиновничій бытъ, очерченный ей Рыхловымъ рисовался передъ ней въ печальной картинѣ, и ея свѣтлой душѣ казался чѣмъ-то невозможнымъ тотъ нравственный омутъ, который раскрывалъ передъ ней Рыхловъ. Въ то же время мысль о нравственномъ паденіи Полосова, съ которымъ она успѣла уже въ эту пору познакомиться поближе и къ которому она почувствовала расположеніе, — проскользнула въ головѣ Надежды Александровны.

VII.

Послѣ того, какъ Полосовъ отобѣдалъ первый разъ у Границына, Андрей Николаевичъ началъ стараться сблизиться съ нимъ какъ можно болѣе. Онъ очень часто заѣзжалъ по утрамъ къ Полосову, звалъ его обѣдать, просилъ бывать по вечерамъ и приглашалъ его погостить къ себѣ въ деревню, въ лѣтнюю пору. Андрей Николаевичъ соображалъ, что Платонъ Васильевичъ, неподатливый искушенію деньгами, легко можетъ оказаться человѣкомъ уступчивымъ, въ иномъ отношеніи, если только затронуть другія стороны его характера. Между тѣмъ, поддѣлываясь къ Полосову, Андрей Николаевичъ разсчитывалъ въ особенности на то, какое впечатлѣніе произведетъ на него неожиданная просьба Надежды Александровны. Дѣло Границына, затянутое на время въ своемъ движеніи въ одномъ изъ уѣздныхъ присутственныхъ мѣстъ, посредствомъ забора какихъ то справокъ, должно было однако въ скоромъ времени двинуться впередъ и перейти въ Затворскъ; потому Андрей Николаевичъ сбирался открыть Надеждѣ Александровнѣ свое ужасное положеніе, съ тѣмъ, чтобы она попросила Полосова своимъ участіемъ по этому дѣлу занять его какъ нибудь.

Между тѣмъ, всякій разъ, когда Полосовъ пріѣзжалъ къ Границыну, Андрей Николаевичъ твердилъ женѣ, чтобы она какъ можно любезнѣе была съ его гостемъ. Такія внушенія казались ей и странными и докучливыми; притомъ они были совершенно

направлены, потому что она вовсе не думала, вслѣдствіе ихъ, дѣлаться съ Полосовымъ любезнѣе, чѣмъ была съ прочими своими гостями. Андрей Николаевичъ, увѣренный въ послушаніи своей жены, не считалъ нужнымъ объяснять ей причины такого предпочтительнаго вниманія къ молодому человѣку; но Надежда Александровна, зная очень хорошо характеръ своего мужа, видѣла, что онъ заискиваетъ что-то въ своемъ новомъ знакомомъ. Это обстоятельство ставило ее въ сильную нравственную борьбу каждый разъ при встрѣчѣ съ Полосовымъ. Надежда Александровна предчувствовала, что она дѣлается въ этомъ случаѣ орудіемъ какого-то нечестнаго замысла со стороны своего мужа, и рѣшилась по совѣсти противостоять этому замыслу до тѣхъ поръ, пока дѣло не объяснится. Спрашивать же прямо Андрея Николаевича объ его отношеніяхъ къ Полосову было съ ея стороны совершенно безполезно; она предвидѣла, что отвѣтомъ на это будетъ ложь и гнѣвная вспышка.

Что же касается Александра Никитича, то онъ съ каждымъ днемъ сушился все болѣе и болѣе, и въ немъ, вмѣсто прежняго его расположенія къ зятю, проявлялась натянутость и холодность.

Посѣщенія Платона Васильевича становились все чаще и чаще. Какъ будто забывая Андрея Николаевича, который рѣдко бывалъ дома, онъ чувствовалъ, что ему пріятно бывать въ домѣ Границыныхъ, и внутренно сознавался, что Надежда Александровна влекла его къ себѣ какимъ-то обаяніемъ. Нерѣдко приходилось Полосову вести съ ней, по вечерамъ, съ глазу на глазъ продолжительную бесѣду. Отъ обыденныхъ разговоровъ она переходила очень часто къ тѣмъ предметамъ, о которыхъ обыкновенно такъ рѣдко приходится говорить молодому мужчинѣ съ молодой женщиной. Вслѣдствіе этихъ разговоровъ, между головой Платона Васильевича и сердцемъ Надежды Александровны открывалось то сочувствіе въ возрѣніяхъ, которое сближаетъ взаимно мужчину и женщину безъ всякихъ, впрочемъ, романическихъ затѣй.

Стремленіе Надежды Александровны къ разумной свободѣ, а не къ той, которая даетъ женщинамъ права на куреніе папиросъ, на ѣзду верхомъ, на безцеремонное обращеніе съ мужчинами и на разныя сердечныя похожденія; стремленіе къ дѣятельности болѣе живой и болѣе широкой, нежели та, на которую обречена у насъ женщина; вѣрный взглядъ Надежды Александ-

дровны на множество ветхихъ предразсудковъ и вообще на темную сторону человѣческой жизни во всѣхъ ея сферахъ и оттѣнкахъ, — все это мало по малу привязывало Полосова къ Надеждѣ Александровнѣ той почтительной любовью, которая никогда не оскорбитъ самую нравственную женщину. Онъ видѣлъ въ Надеждѣ Александровнѣ одну изъ тѣхъ рѣдкихъ женскихъ личностей, о которыхъ давно грезилось ему въ его воображеніи и которыя скрываютъ подъ робкою женственною наружностью такой твердый закалъ характера, какому можетъ позавидовать иной, самый рѣшительный мужчина.

Полосовъ, смотря на Надежду Александровну и прислушиваясь къ рѣчамъ ея, въ которыхъ звучало столько правды и столько задушевныхъ убѣжденій, думалъ о томъ, какъ бы успѣшно могла такая женщина служить распространенію какой-нибудь честной и разумной идеи. Ему казалось, что около подобной женщины всегда можетъ собраться кругъ избранниковъ, готовыхъ далеко нести слово правды, и что примѣръ этой женщины, стряхнувшей съ себя, въ борьбѣ съ неудавшейся жизнью, грузъ обветшалыхъ предразсудковъ, но оставшейся твердою въ нравственной основѣ, долженъ непремѣнно ободрять тѣхъ, у кого примѣръ этотъ будетъ передъ глазами.

Порою, впрочемъ, Полосовъ останавливался вдругъ среди своихъ увлеченій обаятельною для него личностью Надежды Александровны. Онъ думалъ, что, смотря на нее, онъ сочиняетъ въ своей головѣ какой-то нравственный романъ, что онъ напрасно воображаетъ какою-то героиней такую женщину, которая собственно не заявила ничѣмъ своихъ исключительныхъ воззрѣній на условія жизни, и не показала твердости въ своихъ убѣжденіяхъ. Тогда Полосовъ обращался къ самому себѣ и видѣлъ, что и собственная его жизнь, полная самыхъ лучшихъ стремленій, не представляла однако въ дѣйствительности ничего, кромѣ несбывшихся думъ и безплодныхъ попытокъ. Что же, спрашивалъ онъ, могла сдѣлать особеннаго или исключительнаго въ своемъ, еще болѣе тѣсномъ кругу молодая женщина, если даже тѣ, кому дано болѣе средствъ и простора, не могли заявить обществу своего существованія ничѣмъ, кромѣ внутренней борьбы, очень часто или вовсе неизвѣстной, или даже совершенно непонятной для окружающей ихъ среды.

Думая такимъ образомъ о Надеждѣ Александровнѣ, Полосовъ вспоминалъ все то, что пришлось ему слышать о ней отъ

Петра Ивановича, которому зоркая и понятливая Сашенька передавала иногда тягость домашней жизни Надежды Александровны и иногія ея задушевныя мысли, вырывавшіяся порою противъ воли молодой женщины въ ея откровенныхъ бесѣдахъ съ любимой подругой. Вслѣдствіе этого, Платонъ Васильевичъ черезъ простодушнаго Петра Ивановича зналъ о сердечной жизни Границыной гораздо болѣе, нежели сколько можетъ узнать объ этомъ мужчина безъ романическаго сближенія съ занимающею его женщиной. Платонъ Васильевичъ видѣлъ, что Надежда Александровна выработала много похвальныхъ своеобразныхъ началъ для своего домашняго быта, особенно если сообразить то воспитаніе, которымъ она была подготовлена къ жизни, и если взять во вниманіе тѣ домашнія и свѣтскія стѣсненія, среди которыхъ часто бываетъ поставлена женщина, какъ въ общественной, такъ и въ семейной жизни. Къ этому нужно прибавить и произволъ супружеской власти, а иногда и особенную ея подмогу — патріархальное родительское вліяніе, которое Надеждѣ Александровнѣ пришлось испытывать всю жизнь.

Нерадостное положеніе Надежды Александровны въ ея домѣ, оскорбительныя для нея отношенія Андрея Николаевича къ Шарлотѣ Карловнѣ, мало-по-малу, посредствомъ городской болтовни, переставали быть домашней тайной Границыныхъ и молва обо всемъ этомъ становилась все громче и громче. Всѣмъ былъ извѣстенъ тяжелый характеръ Андрея Николаевича, а также всѣ знали и то, что съ нимъ невозможно было ужиться тѣмъ, кто отъ него зависѣлъ, и что онъ былъ сносенъ кое-какъ только для тѣхъ, въ комъ онъ самъ почему-либо нуждался. Говорили также громко и о томъ, что онъ опуталъ Александра Никитича своимъ хитрымъ лицемѣріемъ, и что, пользуясь слабостію своего тестя, онъ проживаетъ состояніе его дочери и его внуковъ, только для своего собственнаго удовольствія. Между тѣмъ, несмотря на весь этотъ говоръ, никто никогда не слышалъ отъ Надежды Александровны ни жалобъ, ни сѣтованій на мужа и только порою вырывалось у ней грустное слово о ея жизни въ откровенной бесѣдѣ съ Сашенькой.

Нерѣдко также говорили въ Затворскѣ о томъ, какъ Надежда Александровна изъ собственныхъ своихъ средствъ уплачивала такія денежныя и притомъ значительныя претензіи на Андрея Николаевича, которыя онъ хотѣлъ было съ своей стороны оспаривать подъ какими нибудь нечестными придирками. Мно-

гіе знали, что вслѣдствіе этого Надежда Александровна жертвовала своимъ матеріальнымъ довольствомъ и въ настоящемъ и въ будущемъ, для того только, чтобъ къ дурной славѣ близкаго ей человѣка не прибавить еще новыхъ укоровъ.

Всѣ эти слухи ходили по городу и сливались въ одну общую молву, изъ которой не трудно было заключить, что въ обыденномъ женскомъ быту Надежда Александровна представляла собою свѣтлую личность.

Наконецъ, во всѣхъ мелочахъ домашней жизни, ускользающихъ отъ большинства, но такъ легко уловимыхъ для наблюдательнаго человѣка, проявлялась въ Надеждѣ Александровнѣ та разумная кротость, которая придаетъ столько нравственной красоты женскому характеру. Въ обращеніи со всей прислугой вообще и съ каждымъ, кто только по какому либо случаю приходилъ къ Надеждѣ Александровнѣ, проглядывала ея забота о томъ, чтобъ не оскорбить кого нибудь своимъ непривѣтливымъ взглядомъ или словомъ. Начинались ли при ней въ разговорѣ прямыя или косвенныя нападки на кого нибудь, Надежда Александровна тотчасъ пыталась прекратить злоязычную болтовню обращеніемъ разговора на другой предметъ. Въ случаѣ же упорства лицъ, принявшихся отчитывать кого нибудь заочно, она начинала съ горячностью оправдывать тѣхъ, на кого въ ихъ отсутствіе сыпались обвиненія. Всѣ обстоятельства, которыя хоть сколько нибудь могли облегчить ясно выразившійся непохвальный поступокъ, Надежда Александровна старалась привести въ защиту обвиняемыхъ, хотя собственно самъ поступокъ и былъ отвратителенъ ея нравственному чувству. Въ этихъ случаяхъ рѣчь ея была проникнута теплымъ участіемъ и безконечною снисходительностію къ каждому грѣшному созданію. Но съ особенною живостью бралась Надежда Александровна отстаивать осуждаемыхъ общественною болтовнею тамъ, гдѣ на нихъ, какъ ей казалось, взводили напраслину. Тогда Надежда Александровна, обыкновенно равнодушная тамъ, гдѣ затрогивалось ея собственное самолюбіе, выказывала всю свою энергію и всю свою стойкость. Обычная кротость оставляла ее; нервическая раздражительность, блескъ ея взгляда и громкій голосъ показывали, сколько неподдѣльнаго участія было съ ея стороны въ этомъ безкорыстномъ адвокатствѣ за своего ближняго. Казалось, что она чужую обиду принимала къ своему сердцу гораздо ближе, нежели собственную. Чтобъ понять всю важность, которую

имѣетъ для женщины подобное заступничество, надобно замѣтить, что обыкновенно каждому заступающемуся за обвиняемаго, безъ очевидныхъ побужденій къ такому заступничеству, приписываютъ, если не на словахъ, то мысленно, тѣ же самые пороки или наклонности, за которые осуждаютъ подпавшаго общественнымъ пересудамъ. Слѣдовательно, Надежда Александровна, заступаясь съ такою горячностью за тѣхъ, на чей счетъ дѣлались при ней дурные отзывы, могла подать поводъ своимъ собесѣдницамъ думать, что и она сама не безъ слабостей, и что только, какъ не глупая женщина, она умѣетъ хорошо скрывать ихъ. Надежда Александровна понимала это; тѣмъ не менѣе однако, изъ собственной своей щекотливости, не отступала отъ своихъ убѣжденій, какъ это дѣлаетъ большинство людей, боясь быть прикосновенными къ тому, что̀ осуждается иногда безъ всякаго разумнаго основанія, а такъ себѣ, по стародавней привычкѣ.

Вдобавокъ ко всему, Полосовъ никогда не слыхалъ отъ Надежды Александровны никакой насмѣшки, никакихъ пересудовъ насчетъ чужихъ недостатковъ, а между тѣмъ объ общихъ печальныхъ явленіяхъ нравственной жизни она умѣла судить съ справедливою безпощадностью — и здѣсь являлось ея отреченіе отъ тѣхъ навязанныхъ идей, за предѣлы которыхъ рѣдко отваживается перейти робкій умъ женщины.

Собирая всѣ эти качества въ одинъ общій характеръ, Полосовъ видѣлъ, что женщина при такомъ сердечномъ настроеніи и при такомъ умственномъ направленіи была бы недремлющей личностью, если бъ ей предоставить какую нибудь частицу въ общественной дѣятельности.

Съ большимъ удовольствіемъ видѣлъ Полосовъ, что Надежда Александровна была очень далека отъ того свѣтскаго ханжества, которое очень часто усвоивается нашими богатыми барынями; а нѣсколько основныхъ религіозныхъ убѣжденій, случайно высказанныхъ Надеждой Александровной, которымъ, какъ онъ могъ убѣдиться, она оставалась всегда вѣрна и на дѣлѣ, — показали Полосову, что молодая женщина не оставила безъ пытливыхъ вопросовъ самыхъ глубокихъ думъ и самыхъ сокровенныхъ сердечныхъ вѣрованій. Порадовало также Полосова и то, что Границына, при всемъ своемъ состраданіи къ бѣднымъ и безпомощнымъ и при благотвореніи этимъ людямъ безъ огласки, чуждалась той натянутой благотворительности, которая среди

свѣтскихъ дамъ выражается ихъ участіемъ въ спектакляхъ, концертахъ, живыхъ картинахъ, лоттереяхъ и прочихъ общественныхъ развлеченіяхъ, а также въ безплодныхъ оханьяхъ и опошлившихся соболѣзнованіяхъ. Надежда Александровна не примыкала никогда къ кругу офиціальныхъ губернскихъ благодѣтельницъ, гдѣ обыкновенно, дается помощь бѣднымъ только при извѣстной обстановкѣ; гдѣ очень часто только на словахъ является приторное сочувствіе къ страждущей братіи; но гдѣ между тѣмъ на дѣлѣ отвергается загнанное существо, если оно требуетъ себѣ помощи.

Однажды вечеромъ, когда Платону Васильевичу привелось остаться вдвоемъ съ Надеждой Александровной, у нихъ зашелъ разговоръ о женщинахъ вообще, и такъ какъ и онъ, и она не были романически настроены, то рѣчь шла не о сердечныхъ порывахъ женщины, а объ ея семейномъ положеніи и объ ея участіи въ общественной жизни.

Въ разговорѣ этомъ были вызваны женщины разныхъ странъ и вѣковъ, завѣщавшія свои имена просвѣщенному міру болѣе или менѣе замѣчательными подвигами на пользу общую. Избѣгая всякаго педантизма, Платонъ Васильевичъ не обращался къ сѣдой классической древности, но заговорилъ съ Надеждой Александровной о первыхъ вѣкахъ христіанства, какъ о порѣ, совершенно доступной женскому пониманію. Съ большимъ одушевленіемъ, отрѣшаясь впрочемъ отъ всякихъ догматическихъ вопросовъ, говорила Надежда Александровна о мученицахъ, умиравшихъ съ такою твердостью за свои убѣжденія. Она какъ будто завидовала имъ и, казалось, сама была бы рада, если бы что нибудь подобное выпало на ея долю; но за то со всей силой своей безъискусственной рѣчи она возставала противъ поборницъ одной только религіозной обрядности.

Изъ героинь, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, ни одна, начиная отъ знаменитой дѣвственницы Іоанны д'Аркъ и до нашей дѣвицы-кавалериста, не возбуждала сочувствія Надежды Александровны; но женщины-писательницы вообще, особенно же успѣвшія передать въ понятныхъ и затрогивающихъ душу строкахъ важные вопросы общественной жизни, стояли въ понятіяхъ Надежды Александровны гораздо выше всѣхъ героинь, разъѣзжавшихъ на коняхъ передъ бранными строемъ. Надежда Александровна откровенно сознавалась, что она завидовала многимъ изъ тѣхъ женщинъ, которыя подѣй-

ствовали перомъ на современное имъ общество, а быть можетъ и на грядущія за ними поколѣнія. Наконецъ глубоко задумалась она, когда рѣчь коснулась римлянокъ 1849 года. Онѣ, какъ извѣстно, были примѣромъ мужественнаго самоотверженія и образцомъ женскаго состраданія, потому что, помогая въ битвахъ мужьямъ, отцамъ и братьямъ, и безропотно умирая подлѣ нихъ отъ непріятельскихъ пуль и ядеръ, онѣ, въ минуты краткаго отдыха, кидались въ госпитали и тамъ были ангелами-утѣшителями для страдавшихъ и умиравшихъ за независимость своей родины.

Отъ этихъ исключительныхъ и рѣдкихъ событій, гдѣ дѣятельность женщинъ достигала особеннаго развитія, собесѣдники переходили къ нѣкоторымъ вопросамъ своей собственной жизни, и Надежда Александровна дѣлала очень вѣрную оцѣнку тѣхъ обстоятельствъ, въ которыя поставлена современная женщина, высказывала много такихъ мыслей, осуществленіе которыхъ могло бы дать женщинамъ и болѣе самостоятельности и болѣе благотворнаго вліянія на общественную дѣятельность мужчины.

Разговоры такого рода, конечно не въ формѣ ученыхъ разсужденій, но въ бѣглыхъ и очень часто отрывочныхъ замѣчаніяхъ, которыя такъ свойственны женской рѣчи, — повторялись довольно часто между Платономъ Васильевичемъ и Надеждой Александровной. Сашенькѣ приходилось, порою, слушать эти разговоры и она успѣвала иногда ввернуть въ нихъ свое меткое, живое слово; а въ ея головѣ между тѣмъ роились разныя мысли, далеко уходившія за предѣлы ея дѣйствительной жизни.

VIII.

Природа, какъ было видно, хотѣла создать Сашеньку хорошенькой и умненькой дѣвушкой; но обстоятельства, среди которыхъ она явилась на свѣтъ, казалось, собирались дѣйствовать наперекоръ благоволившей къ ней природѣ. Лишенія, бѣдность, какъ извѣстно, не позволяютъ ни внѣшней красотѣ, ни умственнымъ способностямъ достигать полнаго развитія: и то, и другое увядаетъ и глохнетъ, оставаясь въ постоянномъ загонѣ. Сашенькѣ грозила таже невеселая участь, которую обыкновенно испытываютъ въ своей жизни дѣвушки, поставленныя рожденіемъ въ семейный бытъ, подобный семейному быту

Игольниковыхъ. Стряпня на кухнѣ въ помощь работницѣ и въ замѣнъ старѣющейся матери, долгая стоянка при этомъ у жаркой плиты или печки, порою стирка и глаженье бѣлья,—всѣ эти занятія, очень обыкновенныя въ быту дочерей такихъ бѣдныхъ чиновниковъ, какимъ былъ Игольниковъ, и соединенныя съ напряженіемъ и усталостью, отнимаютъ у дѣвической молодости главныя условія женской красоты или даже миловидности—нѣжность и стройность. Подъ вліяніемъ подобныхъ домашнихъ работъ, дѣвушка грубѣетъ физически и обращается въ неуклюжее созданіе, утратившее ту пышную свѣжесть и ту грацію движеній, которыя поддерживаются довольствомъ и легкими занятіями, соединенными съ пріятными развлеченіями, и наоборотъ, уничтожаются постояннымъ усиленнымъ трудомъ. Всѣ эти условія домашней жизни выпали бы и на долю Сашеньки, еслибъ, какъ мы видѣли, счастливый случай не познакомилъ ее съ Границыной.

У Надежды Александровны не было дочерей, и она пристрастилась къ маленькой Сашенькѣ съ той мелочной заботливостію, въ которой такъ замѣтно выражается самое нѣжное попеченіе матери, особенно молодой, о ея малюткѣ-дочери. Надеждѣ Александровнѣ доставляло удовольствіе, когда она дѣлала Сашенькѣ новое платьице, когда покупала ей хорошенькую шляпку, или когда пришпиливала ей бантикъ, подбирала ленточку или надѣвала косынку, такъ чтобы ей это шло къ лицу. Надежда Александровна любовалась Сашенькой и сама радовалась рѣзвой веселости, которой предавалась Сашенька изъ какихъ нибудь мелочей. Молодой женщинѣ была понятна душевная жизнь ребенка, отъ котораго нельзя и требовать, чтобы его не прельщали разныя бездѣлушки, обыкновенно столь привлекательныя для дѣтскаго возраста.

Впрочемъ такая слабость, или, пожалуй, такое баловство, излишекъ котораго сознавала порою и сама Границына, не готовило въ Сашенькѣ охотницу до нарядовъ. Надобно замѣтить, что Сашенька отъ природы была впечатлительна, пытлива и наблюдательна,—и противоположность въ обстановкѣ, которую она видѣла съ одной стороны въ родительскомъ домѣ, а съ другой встрѣчала въ домѣ Границыныхъ, навела ее невольно на мысль, что она безъ чужаго участія не могла бы пользоваться тѣмъ, чѣмъ пользовалась теперь, обязанная этимъ единственно добротѣ Надежды Александровны.

Въ свою очередь Петръ Ивановичъ и Аграфена Сергѣевна, оказывая сами всевозможными способами свою благодарность Границыной, не внушали однако своей дочери той раболѣпной признательности, которую обыкновенно вбиваютъ безъ толку бѣдные родители своимъ дѣтямъ, облагодѣтельствованнымъ чужими людьми, заставляя ихъ цаловать ручки у своихъ покровителей и повторять послѣднимъ льстивыя и униженныя фразы, и давая даже своимъ ребятамъ, въ виду ихъ милостивцевъ, пинки и толчки, если только они неудачно выполняютъ то, къ чему были приготовлены родителями. Честные Игольниковы очень просто и понятно твердили Сашенькѣ, что сами они, при всемъ своемъ желаніи, ничего не могли бы для нея сдѣлать, что она всѣмъ обязана одной только Надеждѣ Александровнѣ и что безъ нея она росла бы такъ, какъ растетъ безъ всякаго ухода полевая травка, которую то изсушиваетъ продолжительный зной, то захватываютъ ранніе морозы. Выражать же свои чувства Границыной они предоставляли самой Сашенькѣ, зная, что она у нихъ умница и что она сама найдетъ, какъ ей говорить и что̀ ей сдѣлать.

Тѣ недостатки и тѣ лишенія, которые постоянно замѣчала подроставшая Сашенька въ отцовскомъ домѣ, не только не отчуждали ее отъ отца и матери, но напротивъ привязывали ее къ нимъ, какъ нельзя болѣе. Каждый разъ, при переходѣ изъ богато-убранныхъ комнатъ Границыной въ убогія горенки роднаго дома, Сашенькой овладѣвало грустное чувство. Ея воспріимчивому сердцу дѣлалось тяжело при мысли, что она въ то время, когда ея отецъ и мать живутъ такъ бѣдно, пользуется сама столькими удобствами въ чужомъ домѣ, и какъ будто оставляетъ тѣхъ, кто къ ней ближе всѣхъ, потому только, что они испытываютъ нужду. Сашенькѣ какъ будто становилось при этомъ совѣстно и ей хотѣлось навсегда остаться съ отцомъ и съ матерью, если бы только они сами безпрестанно не радовались тому, что Надежда Александровна такъ заботится объ ихъ Сашенькѣ, и не хотѣли бы сами, чтобы ихъ дочь оставалась какъ можно долѣе у своей покровительницы.

Конечно, въ годы нѣжнаго дѣтства, впечатлѣнія, производимыя на Сашеньку роскошью Границыныхъ и бѣдностью ея родителей, были безсознательны. Подъ вліяніемъ ихъ она жалѣла только о томъ, что отецъ и мать ея не имѣютъ того избытка, какимъ пользуются другіе. Съ лѣтами однако, Сашенька стала

сознательно задумываться надъ тѣмъ, что̀ бросалось ей въ глаза. Она мало-по-малу начала понимать разницу между тѣми ощущеніями, которыя доставляются необходимой ходьбой въ дождь и слякоть, а также тѣсной и угарной комнатой, и тѣми, которыя доставляются поѣздкой въ спокойной каретѣ и беззаботнымъ препровожденіемъ времени въ изящно-убранномъ будуарѣ Надежды Александровны. Между тѣмъ она знала и то, что отецъ и мать ея испытываютъ одни только неудобства жизни, не вѣдая вовсе ея пріятныхъ сторонъ. Часто приходилось Сашенькѣ слышать невольныя ихъ сѣтованія на нужду, постоянно ютившуюся въ ихъ домѣ. Нерѣдко Аграфена Сергѣевна въ простотѣ сердца высказывала, что люди богатые бываютъ людьми самыми счастливыми на свѣтѣ и что такимъ людямъ желать ничего болѣе не надо. Добродушный Петръ Ивановичъ вторилъ въ этихъ случаяхъ своей женѣ, отчасти не желая раздражать ее своимъ противорѣчіемъ, а отчасти и потому, что и самъ почти безусловно вѣрилъ въ истину, высказываемую Аграфеной Сергѣевной. Дѣйствительно, при чистой совѣсти супруговъ, безъ всякихъ для нихъ укоровъ въ прошедшемъ, и среди ненарушимаго домашняго согласія Игольниковыхъ, по ихъ понятіямъ, имъ недоставало только деньжонокъ. Скорбь объ этомъ проглядывала въ ихъ дружескихъ бесѣдахъ, и едва Сашенька начинала понимать себя, какъ ей уже пришлось слышать вседневныя заботы своихъ родителей и узнать ихъ борьбу съ безъисходною нуждою. Правда впрочемъ, что впослѣдствіи, когда для Сашеньки открылся домъ Границыныхъ, удобства жизни не возбуждали въ ней ни малѣйшей зависти къ тѣмъ, кто пользовался ими; но все же переходы молодой дѣвушки отъ бѣдности къ довольству показывали ей рѣзкую разницу между этими положеніями, и она должна была сознаться, что первое далеко лучше послѣдняго.

Когда же минуло Сашенькѣ осьмнадцать лѣтъ, то ей ясно обрисовалось ея нерадостное положеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ къ этому времени установился и ея характеръ въ своихъ главныхъ основаніяхъ. Съ природной веселостью и съ наружною безпечностью соединялась, однако, въ Сашенькѣ мимолетная задумчивость, и порою чувствовала она невольное побужденіе взглянуть на жизнь нѣсколько посерьезнѣе. Печальная же жизнь Границыной, повидимому такъ счастливой, нерѣдко наводила Сашеньку на мысль вообще о той будущности, которая ожидаетъ дѣ-

вушку въ брачномъ союзѣ; и съ робостью спрашивала сама себя Сашенька, что же готовится впереди ей самой?

Не самообольщаясь нисколько своей миленькой наружностью, на которую обыкновенно такъ сильно разсчитываютъ дѣвушки при каждой мысли о бракѣ, Сашенька, въ минуту мысленныхъ гаданій о своемъ будущемъ, видѣла, что у ней нѣтъ ничего такого, что могло бы сулить ей счастье въ супружествѣ. Соображая же свое незавидное положеніе, какъ совершенно бѣдной дѣвушки, Сашенька очень ясно понимала, что она не можетъ даже выбрать себѣ по сердцу жениха, и что для поддержки въ старости отца и матери, не говоря ужь о необходимости пристроиться самой какъ нибудь, ей поневолѣ придется идти замужъ за перваго, кто только вздумаетъ присвататься къ ней и кому въ этомъ случаѣ не откажутъ ея родители. Между тѣмъ мысль о будущей зависимости и о возможности супружескаго разлада, примѣръ котораго она видѣла въ домѣ Границыныхъ, тяготила Сашеньку заранѣе, и она съ боязнью думала о томъ, какъ и для нея, быть можетъ, скоро наступитъ пора, когда ей придется жить подъ тягостнымъ произволомъ человѣка, къ которому вовсе не будетъ лежать ея сердце.

Во время этихъ безпокойныхъ думъ, Сашенька, смотря на Границыну, догадывалась, что и въ жизни замужней женщины, окруженной полнымъ довольствомъ, можетъ быть глубоко затаенное отъ всѣхъ горе, и что, разумѣется, подобное горе будетъ отзываться еще сильнѣе, если къ нему присоединится бѣдность. На мысли объ этомъ наводили Сашеньку въ особенности разсказы Петра Ивановича объ его дѣтствѣ. Съ желаніемъ царства небеснаго своему отцу и своей матери, Игольниковъ въ простыхъ, но трогательныхъ словахъ вспоминалъ о томъ, что пришлось выстрадать послѣдней, также и о томъ, что она бѣдняжка мучилась всего болѣе оттого, что на семью ихъ налегла жестокая, безконечная нищета.

— Быть можетъ, добавлялъ вздыхая Петръ Ивановичъ: — покойникъ-батюшка въ иныхъ случаяхъ и побольше бы миловалъ покойницу-матушку, если бы онъ такъ не нуждался въ деньгахъ, а то онъ всегда серчалъ на нее съ горя, когда ихъ у него не было; изъ-за нихъ-то, проклятыхъ, сколько мнѣ помнится, и всѣ ссоры въ нашемъ домѣ выходили. Батюшка кричитъ, бывало, матушкѣ: «подавай мнѣ денегъ! возьми, гдѣ хочешь!» а ей-то, родимой, и мѣдной копѣйки негдѣ было достать. Послѣ

смерти матушки, онъ домишко ея спустилъ за бездѣлицу; перешелъ онъ тогда къ Антоновымъ, а теперь такъ развалился, что и взглянуть на него жалко.... Не осуди меня, Господи! добавлялъ робкимъ голосомъ Петръ Ивановичъ: — не при чужихъ людяхъ, а въ своей семьѣ сказать правду можно,—вѣдь покойница-то моя мать была весь свой вѣкъ страдалицей ни за что, ни про что; она всю жизнь чахла, да умирала исподоволь....

Слезы навертывались на кроткихъ глазахъ Игольникова при этихъ тяжелыхъ для него воспоминаніяхъ, и опустивъ голову, онъ начиналъ тихо ходить по комнатѣ. Въ это время Аграфена Сергѣевна, поднимая глаза кверху, набожно крестилась и плаксиво, но отъ чистаго сердца приговаривала: «упокой, Господи, ее, мою голубушку, въ царствіи твоемъ!» А между тѣмъ разговоры эти навѣвали на Сашеньку грустныя думы,—и мысль о независимости отъ чужаго произвола мелькала въ ея головкѣ.

«Что̀ же однако мнѣ дѣлать, думала про себя Сашенька: — чѣмъ и какъ мнѣ жить?» Трудность разрѣшенія этого вопроса ставила въ тупикъ обыкновенно бойкую и находчивую въ другихъ случаяхъ дѣвушку. «Нечего мнѣ дѣлать, продолжала она думать:—нужно будетъ пойти замужъ!» И при этомъ Сашенька перебирала мысленно нѣсколько своихъ знакомыхъ ровесницъ, которыя только и хлопотали о томъ, чтобы какъ нибудь поскорѣе достать себѣ мужа, гадая и на святкахъ, и у цыганокъ, и у ворожеекъ о своихъ суженыхъ, и даже нерѣдко испрашивая ихъ у неба разными благочестивыми обѣтами.

«А за кого мнѣ идти замужъ?» спрашивала себя мысленно Сашенька. И вотъ въ ея молодомъ воображеніи являлось нѣсколько юношескихъ обликовъ, которые, какъ откровенно сознавалась Сашенька себѣ самой, понравились бы, если бы она ихъ встрѣтила не въ воображеніи, а въ дѣйствительности. Посмѣявшись надъ своей фантазіей, Сашенька переходила къ тому, что̀ было наяву вокругъ нея, вспоминала тѣхъ молодыхъ и среднихъ лѣтъ мужчинъ, которые могли быть ея женихами, и сознавалась, что между ними вовсе нѣтъ такихъ плѣнительныхъ созданій, о которыхъ ей грезилось за нѣсколько минутъ прежде. Такимъ образомъ Сашенькѣ приходилось воображать себя невѣстой то долгоносаго Алексѣя Алексѣевича, то робкаго, на коротенькихъ и тоненькихъ ножкахъ, Карнея Ивановича, то хотя и молодаго и красиваго изъ себя, но съ претупымъ выраженіемъ лица Петра Сергѣевича, то рябаго Михаила Ѳедоровича. Всѣ эти непривле-

кательные для нея образы пугали воображеніе Сашеньки при мысли о супружествѣ, и она чистосердечно сознавалась, что не можетъ любить ни одного изъ имѣющихся у нея въ виду женихов.

«Но что же, однако, будетъ со мною, спрашивала опять себя мысленно Сашенька: — если папенька и маменька захотятъ, чтобы я пошла замужъ за одного изъ нихъ? Положимъ, что я, изъ слѣпаго послушанія, исполню безпрекословно ихъ волю; но что жь будетъ потомъ?»

«Потомъ.... потомъ.... шепталъ какъ-то нерѣшительно въ молодомъ ея сердцѣ невѣдомый ей голосъ: — потомъ ты влюбишься въ другаго и обманешь того, кому только изъ слѣпаго послушанія чужой волѣ поклянешься въ неизмѣнной вѣрности... Погоди, Сашенька, вѣдь и тебѣ понравится кто нибудь,» дошептывалъ ей тотъ же голосъ.

Сашенька силилась отогнать отъ себя тревожныя мечты, и чтобы поскорѣе одолѣть ихъ, она переходила не къ будущему, а къ настоящей своей жизни — тутъ Сашенька убѣждалась, что ей нужно же сдѣлать изъ себя что нибудь, что нельзя же весь свой вѣкъ жить изъ чужой милости и что, наконецъ, у ея отца и у ея матери нѣтъ, кромѣ ея, никого, кто бы могъ быть поддержкою приближавшейся къ нимъ старости. Мысль объ этомъ очень часто щемила сердце Сашеньки.

Не изъ ложнаго стыда, преодолѣть который у ней доставало твердости, но изъ чувства сожалѣнія къ отцу, тяжело было видѣть ей, какъ застѣнчивый и робкій Петръ Ивановичъ, изрѣдка въ праздничные дни являвшійся къ Границынымъ, мѣшался даже передъ обворожительно-ласковой Надеждой Александровной, и какъ онъ терялся еще болѣе, если случался въ это время кто нибудь посторонній; какъ смущался въ конецъ передъ Андреемъ Николаевичемъ, не зная, какъ стать, какъ сѣсть, куда дѣвать руки и что отвѣчать, и какъ между тѣмъ Андрей Николаевичъ свысока и насмѣшливо обращался съ своимъ бѣднымъ и скромнымъ гостемъ. Больно было видѣть Сашенькѣ, какъ даже прислуга въ домѣ Границына, слѣдуя въ этомъ случаѣ высокомѣрнымъ пріемамъ своего барина, поступала безцеремонно съ Петромъ Ивановичемъ. Бывало, если онъ, отправляясь отъ Границыной домой, выходилъ вмѣстѣ съ своей дочерью въ переднюю, то лакеи, привыкшіе видѣть Сашеньку такъ близкой къ ихъ госпожѣ, кидались подавать ей салопъ или мантилью, не обра-

щая въ то же время ни малѣйшаго вниманія на ея отца, который и робко и неловко самъ стягивалъ съ вѣшалки свою поношеную шинель и выходилъ въ сѣни, смиренно раскланиваясь лакеямъ и швейцару.

Сказать отцу, чтобъ онъ держалъ себя въ этихъ случаяхъ нѣсколько иначе, Сашенька не имѣла духу: она боялась оскорбить его своимъ замѣчаніемъ, которое должно было показать Петру Ивановичу все его личное ничтожество въ томъ домѣ, гдѣ дочь его была принята хозяйкою, какъ родная сестра. Притомъ Сашенька и не считала себя въ правѣ подбивать къ этому Петра Ивановича, который съ своей стороны, по кротости и простодушію, и не обижался даже такимъ невниманіемъ къ своей личности. Очень понятно, что жаловаться или намекать Надеждѣ Александровнѣ на подобное обхожденіе прислуги съ своимъ отцомъ, Сашенька считала совершенно неумѣстнымъ, сознавая очень хорошо, что она не имѣетъ никакого права распоряжаться въ чужомъ домѣ, и что если тамъ ей не нравится или оскорбляетъ ее что нибудь, то никто не препятствуетъ ей прекратить свои посѣщенія, не выводя изъ–за своихъ неудовольствій пустыхъ дрязгъ.

Все это соображала Сашенька; тѣмъ не менѣе однако эти мелочныя непріятности, казавшіяся ей такъ оскорбительными для ея любимаго отца, производили на Сашеньку самыя грустныя впечатлѣнія.

Точно также мучило Сашеньку и положеніе ея матери передъ Границыной. Несмотря на всѣ старанія Надежды Александровны сгладить рѣшительно всякое различіе въ своемъ обращеніи съ обязанными ей такъ много Игольниковыми, она никакими просьбами не могла отучить Аграфену Сергѣевну отъ безпрестанныхъ величаній ея и благодѣтельницей и кормилицей, а также отъ желанія, при каждой встрѣчѣ, схватить и поцаловать ея руку, и вообще отъ выраженія подобной уничиженности. Какъ ни подавляла Сашенька своего самолюбія, смотря на жалкое положеніе своихъ родителей передъ ея благодѣтельницей, однако оно нерѣдко брало верхъ надъ ея твердостью, и молодая дѣвушка не разъ горько роптала на судьбу, не только поставившую ее въ зависимость отъ чужихъ людей, но и давшую ей еще возможность понимать всю тягость, всю горечь этой зависимости.

Подъ вліяніемъ такихъ мыслей, Сашенька томилась и жалѣла, что она не родилась мужчиной: ей казалось, что передъ ней

открывалась бы тогда широкая дорога, какъ бы она ни была подавлена судьбою; ей казалось также, что она была бы готова рѣшиться тогда на самыя опасныя и на самыя трудныя предпріятія, для того только, чтобы добиться какой нибудь независимости и заработывать безъ одолженій насущный хлѣбъ какъ для себя, такъ и для отца съ матерью.

«Но что же однако можетъ сдѣлать дѣвушка?» спрашивала себя Сашенька, и при этомъ роковомъ вопросѣ ей снова приходило на мысль, что она можетъ имѣть въ виду только замужество, по всей вѣроятности, съ большей или меньшей неудачей, или, что впрочемъ еще хуже, ей предстоитъ кочеваніе изъ дому въ домъ, въ качествѣ гувернатки, а вмѣстѣ съ тѣмъ и полная зависимость отъ пустой прихоти и мелочныхъ капризовъ со стороны тѣхъ, къ кому она будетъ опредѣляться по найму. Не забывала также Сашенька вспомнить при этомъ и о томъ, какъ бываетъ тяжело и даже невыносимо въ чужой семьѣ обращеніе, подобное тому, какое ей иногда приводилось испытывать отъ Андрея Николаевича въ его домѣ, даже подъ защитою отъ души любившей ее хозяйки.

Сашенька хотѣла однако поскорѣе поступить въ гувернантки, и только сильная привязанность къ Надеждѣ Александровнѣ удерживала ее еще въ домѣ Границына. Чуть, бывало, намекнетъ только Сашенька о своемъ намѣреніи уѣхать изъ Затворска, какъ Надежда Александровна начнетъ смотрѣть на Сашеньку съ такимъ сожалѣніемъ и съ такимъ участіемъ, что молодой дѣвушкѣ самой сдѣлается невыразимо грустно и она поспѣшитъ нетолько прекратить начатый разговоръ объ этомъ, но и постарается не думать вовсе о томъ, что ей придется когда нибудь разстаться съ Надеждой Александровной. Сашенька видѣла, что дружба къ ней со стороны Надежды Александровны не имѣетъ предѣловъ и платила Границыной тѣмъ же. Для Надежды Александровны тяжело было провести нѣсколько часовъ безъ Сашеньки, которая въ свою очередь, замѣтивъ грустное настроеніе ея духа, подавляла свои собственныя заботы и находившую на нее печаль, дѣлалась игривой рѣзвушкой и умѣла своей милой беззаботностью разогнать тоску Надежды Александровны. Характеръ Сашеньки, которую по виду нельзя было считать иначе, какъ только веселой и безпечной дѣвушкой, представлялъ на самомъ дѣлѣ одинъ изъ тѣхъ, довольно-часто встрѣчаемыхъ молодыхъ неустановившихся еще вполнѣ характеровъ, гдѣ, послѣ

нѣсколькихъ минутъ тяжелаго, сознательнаго раздумья, быстро прогнаннаго минутнымъ проблескомъ надежды, наступаетъ безотчетная радость, которая и длится и передается невольно другимъ до тѣхъ поръ, пока молодое воображеніе не наткнется опять на какую нибудь томительную мысль, или пока воспоминаніе не оживитъ какой нибудь печальной картины или не вызоветъ опять грустнаго впечатлѣнія.

На Сашеньку, несмотря на ея живость и веселость, находили однако минуты тяжелаго раздумья; все, что̀ окружало ее, вызывало молодую дѣвушку на такое раздумье; но Сашенька не хотѣла поддаться унылому настроенію, и чтобъ развлечь себя, принималась или что нибудь читать, или играть на роялѣ или пѣть подъ его акомпаниментъ, а иногда и безъ этого, съ равною веселостью кружась одна по большой залѣ въ домѣ Границыной или въ маленькой горенкѣ своего роднаго жилища. Но лучшимъ цѣлебнымъ для Сашеньки средствомъ были, въ минуты ея тревогъ, задушевные разговоры съ Границыной. Въ откровенной и живой рѣчи передавала Сашенька Надеждѣ Александровнѣ всѣ свои сомнѣнія, кромѣ вопроса о супружеской жизни, боясь растревожить Границыну этимъ вопросомъ. Между ними очень часто начинался одушевленный разговоръ о вещахъ самыхъ серьёзныхъ. Сашенька, быстро переходя своимъ воображеніемъ отъ одного предмета къ другому, увлекалась начавшейся бесѣдой и въ ней забывала о томъ, что̀ тревожило ее прежде.

Надежда Александровна, которая, какъ мы это видѣли, была годами восемью постарше Сашеньки, и которая въ свою, еще не долгую жизнь успѣла уже пріобрѣсти порядочный запасъ горькаго опыта, — очень часто задумывалась, смотря на молодую дѣвушку въ минуты ея увлекательной веселости и почти дѣтской шаловливости.

Порою она сдерживала излишніе порывы, которыми напрасно увлекалась фантазія дѣвушки и, безъ нравственнаго и догматическаго педантизма, наводила Сашеньку на то, что̀ на самомъ дѣлѣ должно было ей встрѣтиться въ жизни, давая ей возможность почувствовать разницу между призраками и дѣйствительностію. Сашенька призадумывалась при этомъ, и Надеждѣ Александровнѣ становилось жаль пріунывшую Сашеньку, мечты которой разлетались такъ быстро; но Границына преодолѣвала эту жалость: ей казалось и грѣшно, и жестоко вести ложнымъ путемъ молодое созданіе, такъ безотчетно ввѣрившееся ей.

Разумнымъ, разочаровывающимъ вліяніемъ Надежды Александровны уничтожался въ Сашенькѣ излишній пылъ воображенія; она обдумывала многое, что проскользнуло бы передъ нею незамѣтно, и вслѣдствіе этого дѣлалась устойчивѣе во взглядахъ на все окружавшее ее.

Зная, какъ тяжело должно быть внезапное пробужденіе отъ сладкихъ грезъ, Надежда Александровна не убаюкивала Сашеньку розовыми мечтами, и въ своихъ съ нею разговорахъ старалась исподоволь внушить ей ту разумную осмотрительность и ту умѣренную, безъ напрасныхъ увлеченій, холодность, которыя бываютъ необходимы въ жизни женщины. Границына внушала Сашенькѣ, что женщина должна жить и дѣйствовать самостоятельнѣе, нежели сколько требуется отъ нея обыкновенно, и выражала сожалѣніе о томъ, что она была воспитана въ совершенномъ невѣдѣніи относительно многихъ условій супружескаго быта. Порою въ рѣчахъ Надежды Александровны проскользало нѣсколько такихъ, съ ея стороны даже невольныхъ, выраженій, по которымъ смѣтливая Сашенька легко и безошибочно могла заключить, что сама Надежда Александровна горько обманулась въ жизни, и что, если бы ей вернуть прошедшее и дать теперь свободу располагать собою, она поступила бы иначе.

Короче, Надежда Александровна, безъ систематическихъ уроковъ и безъ нравственныхъ, скоро наскучивающихъ внушеній, воспитывала Сашеньку въ томъ образѣ мыслей, который она пріобрѣла сама невеселымъ опытомъ.

Такимъ образомъ Сашенькѣ въ бесѣдахъ съ Надеждой Александровной открывалось многое, обыкновенно недоступное еще пониманію дѣвушки ея лѣтъ, если ее не сблизить съ этимъ постороннимъ вліяніемъ. Сашенька между прочимъ убѣждалась и въ томъ, что для женщины въ супружеской жизни,—особенно если жизнь эта будетъ подавлена бѣдностью и разстроена домашнимъ разладомъ, — нельзя найти ни радостей, ни утѣшеній. Приходя къ этому грустному взгляду на брачныя узы, Сашенька не думала однако укрыться гдѣ нибудь въ монастырѣ; на подобные помыслы ея никогда не наводила Надежда Александровна.

Вообще все, что только приходилось Сашенькѣ слышать отъ Границыной, освобождало ее мало-по-малу отъ многихъ ветхихъ воззрѣній, и въ мысляхъ молодой дѣвушки составлялись разные планы о томъ, какъ бы, несмотря на бѣдность, начать жить

независимо при помощи честнаго труда, и не думать о бракѣ, какъ о необходимомъ событіи въ женской жизни, до тѣхъ поръ, пока она не встрѣтитъ человѣка, которому по своему сердечному убѣжденію могла бы отдаться съ полною вѣрою въ его любовь и въ его трудъ.

Между тѣмъ, Сашенька начала видѣться у Границыныхъ съ Полосовымъ все чаще и чаще.

IX.

Не много времени, всего какихъ нибудь семь мѣсяцевъ провинціальной жизни нужно было Полосову для того, чтобы какъ нельзя болѣе убѣдиться въ невозможности сдѣлаться въ городахъ, подобныхъ Затворску, такимъ общественнымъ дѣятелемъ, какимъ онъ надѣялся быть, переселяясь туда изъ Петербурга и разсчитывая на предстоявшую ему возможность трудиться вмѣстѣ съ Вьюгинымъ, для достиженія лучшихъ общечеловѣческихъ цѣлей.

Встрѣчая какое-то хладнокровіе, а порой колкія насмѣшки надъ предметами лучшихъ своихъ стремленій, Полосовъ началъ постепенно приходить въ тотъ упадокъ духа, въ какомъ застало его въ Петербургѣ приглашеніе Вьюгина ѣхать на службу въ Затворскъ. Впрочемъ въ Затворскѣ тоска и соединенный съ нею застой умственныхъ силъ начали одолѣвать Полосова еще крѣпче, чѣмъ въ квартирѣ Амаліи Францовны. Мелкія губернскія дрязги, искательства кривыми путями даже въ дѣлахъ совершенно правыхъ, сплетни чиновничьяго міра и пересуды, доходившіе до Полосова, несмотря на все его желаніе удаляться отъ подобныхъ предметовъ — возбуждали въ немъ и досаду и негодованіе. Полосовъ хандрилъ и сознавался, что если онъ не созданъ для того, чтобъ быть петербургскимъ чиновникомъ, то еще менѣе можетъ сдѣлаться чиновникомъ въ провинціи. Между тѣмъ, чиновный людъ въ Затворскѣ завидовалъ служебному положенію Полосова, предсказывая ему, впрочемъ не безъ нѣкоторой жолчи и не безъ обидныхъ для него пересудовъ, быструю карьеру подъ покровительствомъ Вьюгина, явно оказавшаго Петру Васильевичу особое предпочтеніе передъ всѣми окружавшими его лицами, и даже передъ богатымъ и въ высшей степени свѣтскимъ княземъ Завитаевымъ, который,

скажемъ кстати, былъ очень доволенъ своимъ настоящимъ положеніемъ, потому что, въ сущности не дѣлая ничего, онъ разъѣзжалъ безпрестанно къ знакомымъ помѣщикамъ подъ предлогомъ производства самыхъ пустыхъ слѣдствій. Мелочной почетъ, оказываемый въ этомъ случаѣ молодому князю, какъ слѣдователю, по уѣзднымъ городамъ и по деревнямъ, и открывавшаяся для него возможность играть, въ качествѣ губернаторскаго чиновника, нѣсколько начальническую роль—весьма льстили суетному князю. Странствуя по казенной надобности и вдоль и поперекъ губерніи, князь влюблялся, волочился, самъ надѣялся, хотя большею частью и ошибочно, на успѣхъ у молодыхъ хорошенькихъ женщинъ, и въ то же время не сомнѣвался, что всѣ только и думаютъ и говорятъ, что объ его любовныхъ похожденіяхъ, и завидуютъ ему какъ рѣдкому счастливцу.

Къ неудачамъ, встрѣчавшимъ Полосова на пути его къ главной цѣли, присоединилась еще и томительная провинціальная жизнь съ ея чопорными балами, которыми время отъ времени для провинціальной молодежи прерывается ералашъ и преферансъ, кончающіеся сами собою только въ теченіе страстной недѣли. Очень часто Полосовъ, лишенный теперь тѣхъ умственныхъ наслажденій, которыми могъ пользоваться въ Петербургѣ, благодаря расположенію Константина Яковлевича, —замѣчалъ, какъ онъ черствѣлъ душою, и какъ, не имѣя возможности преслѣдовать на службѣ своей честной идеи, начиналъ невольно поддаваться мелочамъ формалистики. Полосовъ чувствовалъ въ себѣ какое-то умственное, гнетущее омертвѣніе, и его начинала по временамъ тревожить мысль, что онъ, удовлетворившись своей довольно-сносной обстановкой въ Затворскѣ, втянется въ чиновничій бытъ и мало-по-малу утратитъ способность и рѣшительность выйти изъ этой тяжелой для него сферы.

Но если умственныя силы Полосова были въ такомъ печальномъ, какъ-будто сонливомъ положеніи, за то сердечная его жизнь представляла теперь новыя, незнакомыя ему прежде чувства. Въ годы первой своей молодости, Полосовъ, какъ и каждый почти юноша, понималъ любовь слишкомъ широко. Онъ видѣлъ проявленія ея, начиная отъ искренняго пожатія тайкомъ руки мужчины молодой дѣвушкой при прощаніи на долгую разлуку и кончая сокровенными ночными оргіями. Стыдливый, быстро разливавшійся по лицу румянецъ неравнодушной скромницы и ея робкія слова Полосовъ считалъ такими же признаками

любви, какъ и жаръ распаленныхъ щекъ, сладострастный блескъ глазъ и несвязный лепетъ женщины, тратившей свои сердечныя чувства безъ всякаго разбора. Короче, Полосовъ, не встрѣчавшійся еще никогда въ своей жизни съ такимъ женскимъ существомъ, которое произвело бы на него глубокое впечатлѣніе, не былъ еще, несмотря на свои двадцать осемь лѣтъ, знакомъ съ истинной, задушевной любовью къ женщинѣ. Онъ, какъ и всѣ его ровесники по годамъ, заглядываясь до этой поры на хорошенькія личики и на стройныя тальи, думалъ о нихъ иногда недѣлю, иногда день, а иногда всего только часъ, и потомъ, когда проходили первыя впечатлѣнія, самъ подсмѣивался внутренно надъ своей такъ быстро погасшей любовью, и затѣмъ опять, спустя нѣсколько времени, передъ нимъ мелькалъ не на долго какой нибудь привлекательный женскій обликъ.

Встрѣча Полосова съ Надеждой Александровной произвела на него особенныя, невѣдомыя еще до той поры впечатлѣнія. Конечно, какъ бы ни возвышали любовь мужчины къ женщинѣ, хоть бы до самаго чистаго идеала, но все же, вставляя эту любовь не въ призрачную, а въ дѣйствительную жизнь, никакъ нельзя отвергать того, что по слабости человѣческой природы, столь податливой каждому искушенію, грѣшные помыслы въ мужчинѣ, несмотря на увѣреніе идеалистовъ, бываютъ господствующими чувствами даже при самомъ платоническомъ его сближеніи со всѣмъ, что̀ молодо, мило, свѣжо, полно жизни, что̀ носитъ ленты, кружева, шелкъ, шляпки, кринолины и корсеты,—короче, съ хорошенькой женщиной. Даже касаясь обыкновенныхъ чувствъ привязанности мужчины къ женщинѣ, напрасно хотятъ доводить эти живыя горячія чувства, навѣваемыя самой природой, до какого-то холоднаго, почти мертваго благоговѣнія язычника передъ его истуканомъ. Скажемъ однако, что первая страсть, первое грѣшное влеченіе мужчины къ женщинѣ или угасаетъ, или усиливается постепенно, по мѣрѣ его сближенія съ нею, смотря по тѣмъ впечатлѣніямъ, которыя она производитъ далѣе на увлеченнаго ею мужчину.

Надежда Александровна своей чрезвычайно-пріятною наружностью заняла Полосова, но въ то-же время почтительно остановила его передъ собою своей нравственной чистотой; а своей милой, нестѣсненной обходительностью, вовсе не похожею на любезности иныхъ женщинъ съ молодымъ человѣкомъ, Границына показала своему новому знакомому, что она не изъ тѣхъ

вѣтреныхъ существъ, которыя, пользуясь своей размолвкой съ мужемъ, готовы кинуться къ явившемуся передъ ними утѣшителю, если только онъ не старъ и не дуренъ собою. Чѣмъ болѣе Полосовъ сближался съ Надеждой Александровной, тѣмъ болѣе онъ понималъ, что роль волокиты передъ такою женщиной, какой показалась ему съ перваго раза Границына и какой она была на самомъ дѣлѣ, — будетъ смѣшна до крайности. Онъ видѣлъ, что подобная женщина встрѣтитъ самаго искуснаго, самаго неотвязчиваго и самаго смѣлаго соблазнителя не только неободряющимъ равнодушіемъ, но даже презрѣніемъ, совершенно-уничтожающимъ искательства влюбленнаго волокиты. Неиспорченный еще окончательно въ своихъ нравственныхъ основаніяхъ, Полосовъ почувствовалъ къ Границыной то сердечное расположеніе, подъ вліяніемъ котораго молодому мужчинѣ становится такъ пріятно бывать съ молодою женщиной, смотрѣть на нее, слушать и даже любоваться ею, зная напередъ, что уваженіе къ ней и къ ея домашнему несчастью не позволитъ далеко зайти сердечной страсти или оскорбить ее какой нибудь неожиданной выходкой.

Что же касается Сашеньки, то такая свѣженькая и такая пышная дѣвушка, какою была она въ ту пору, когда узналъ ее Полосовъ, бываетъ всегда лакомой приманкой въ глазахъ мужчинъ всѣхъ возрастовъ. Пылкому юношѣ долго бы она могла грезиться на его изголовьѣ, если бы онъ гдѣ нибудь случайно встрѣтилъ ее. Не безъ особеннаго раздумья заглядѣлся бы на нее и мужчина среднихъ лѣтъ; не разъ бы облизался передъ Сашенькой старый и беззубый волокита, смотря на эту расцвѣтшую дѣвушку своими потухающими, но еще масляными глазами. Полосову Сашенька понравилась съ перваго разу, и потомъ, видя ее очень часто, онъ долженъ былъ внутренно сознаться, что начинаетъ влюбляться въ нее не на шутку. Къ привлекательной наружности Сашеньки присоединялись ея быстренькій умъ и развязность, безъ натянутости и ужимокъ. Сближаясь съ Сашенькой въ домѣ Границыной, Полосовъ любилъ вглядываться въ неправильныя, но тонкія и нѣжныя черты молодой дѣвушки, которыя, смотря по ея быстро мѣнявшимся сердечнымъ движеніямъ, выражали то безконечную доброту и беззаботность, то строгость и рѣшительность.

Въ одну изъ такихъ минутъ, когда Полосовъ слишкомъ заглядѣлся на Сашеньку, въ головѣ его вдругъ мелькнула мысль

жениться на ней. Полосовъ остановился надъ этой внезапно озарившей его мыслью, и ему показалось, что такая дѣвушка, какъ Сашенька, непремѣнно принесетъ ему домашнее счастье и спокойствіе. Въ Сашенькѣ, между прочими ея достоинствами, онъ находилъ для этого еще два, по его мнѣнію капитальныя, условія: во-первыхъ, Сашенька была образована очень хорошо, разумѣется на счетъ Надежды Александровны, и кромѣ того, подъ заботливымъ попеченіемъ Граниныной, прекрасно развита и въ умственномъ и въ нравственномъ отношеніи; во-вторыхъ, Сашенька была бѣдная дѣвушка, и, какъ могъ замѣтить это Полосовъ, вполнѣ понимала свое скромное положеніе и потому не мечтала вовсе ни о роскоши, ни о прелестяхъ моднаго свѣта.

Еще за нѣсколько времени передъ этимъ Полосовъ, при своихъ кипучихъ, хотя и затаенныхъ отъ всѣхъ порывахъ къ общественной дѣятельности, былъ заклятымъ врагомъ брачнаго союза, какъ такого обязательства, которое прежде всего принуждаетъ человѣка къ сидячей, однообразной жизни. Теперь же, влюбившись въ Сашеньку и разочаровавшись собственнымъ опытомъ въ возможности приняться когда нибудь за дѣятельную работу, требующую очень часто и далекихъ поѣздокъ и безпрестанныхъ передвиженій, Полосовъ сбирался наконецъ покориться обстоятельствамъ, и уже начиналъ порою склоняться къ тому, чтобъ зажить гдѣ нибудь въ глуши мирнымъ семьяниномъ, отложивъ въ сторону всѣ несбывшіяся мечтанія....

Подъ вліяніемъ обаятельныхъ впечатлѣній, навѣянныхъ на него Сашенькой, Полосовъ вдавался теперь въ идиліи, воображая, какъ онъ въ какомъ нибудь скромномъ, но миломъ для него уголкѣ будетъ проводить безмятежные дни съ избранницей своего сердца. Мечтая объ этомъ, Полосовъ представлялъ себя заботливымъ и бережливымъ хозяиномъ, трудолюбивымъ и честнымъ служакой, хотя и весьма немного зарабатывающимъ на своей незначительной должности, но за то приносящимъ въ домъ каждую трудовую копѣйку. Семейный элементъ чиновнической жизни сталъ сильно плѣнять Полосова. Настроенному на этотъ ладъ Полосову грезилось: какъ онъ, послѣ томительныхъ занятій на службѣ, будетъ отрадно проводить свободные свои вечера, сидя съ Сашенькой, и слушая ея пѣнье, какъ они будутъ вмѣстѣ читать, смѣяться или разсуждать о чемъ нибудь серьёзно, какъ къ нимъ будетъ пріѣзжать въ гости Надежда Алексан-

дровна и какъ наконецъ они будутъ воспитывать своихъ малюточекъ. Такимъ образомъ въ воображенія Полосова, человѣка скорѣе положительнаго, нежели мечтательнаго, стали являться вдругъ идеальныя картины благословенной домашней жизни. Вообще Полосовъ, не выдержавъ еще ни одного сильнаго житейскаго шквала, но ужь истомленный мелочною борьбою, неудачами, преслѣдовавшими его съ дѣтскихъ лѣтъ, и безнадежностію на исполненіе своихъ лучшихъ мечтаній, ужь собирался мысленно на отдыхъ, ограничивъ всѣ свои стремленія одной только домашней жизнью.

Хотя Полосовъ и безотчетно предавался подобнымъ предположеніямъ, но однако какой-то внутренній, неотвязчивый голосъ твердилъ, какъ будто на зло ему, что и съ молоденькой и съ хорошенькой женой трудно или, лучше сказать, никакъ нельзя жить спокойно и счастливо безъ матеріальнаго довольства, что блаженство въ убогой хижинѣ только вымыслъ и горькая насмѣшка надъ слѣпотою человѣческаго сердца, и что онъ, любуясь теперь Сашенькой въ богатомъ домѣ Границыной, долженъ къ сожалѣнію мысленно перенестись къ своей будущей жизни и очень положительно и хладнокровно подумать о томъ, какъ онъ станетъ кормить и какъ онъ станетъ одѣвать свою супругу. Такой слишкомъ рѣзкій поворотъ уже чрезвычайно досадовалъ и сердилъ Полосова; но онъ однако признавалъ невольно справедливость этихъ горькихъ, но необходимыхъ соображеній въ томъ незавидномъ положеніи, въ которомъ онъ находился. Тогда, на помощь Полосову, въ головѣ его являлись разные, повидимому легко осуществляемые проэкты: онъ то предполагалъ, женившись на Сашенькѣ, уѣхать съ нею въ Сибирь на службу, думая, что тамъ жить имъ будетъ лучше, то рѣшался снова переселиться въ Петербургъ, разсчитывая получить тамъ черезъ одного изъ своихъ товарищей, далеко опередившаго его на службѣ, какое нибудь мѣсто, хотя бы и съ маленькимъ жалованьемъ, но такое, чтобы онъ при этомъ могъ заниматься какими нибудь частными дѣлами.

XI.

Хотя Александръ Никитичъ познакомился, а потомъ и сталъ сближаться съ Полосовымъ единственно изъ разсчетовъ, чтобъ

въ случаѣ крайности спасти какъ нибудь, посредствомъ его, своего зятя отъ бѣды, угрожавшей послѣднему, тѣмъ не менѣе эти двѣ, въ сущности такъ несходныя натуры стали какъ будто мало-по-малу сходиться между собою.

Познакомившись поближе съ Александромъ Никитичемъ, Полосовъ увидѣлъ въ немъ только суетнаго, и слѣдовательно прежде всего смѣшнаго и забавнаго барина, и готовъ былъ простить ему эту слабость за другія хорошія стороны его характера. Разговаривая съ Александромъ Никитичемъ объ его дѣтствѣ, юношествѣ и наконецъ о семейной жизни, Полосовъ по патріархальнымъ воззрѣніямъ Александра Никитича убѣдился, что его нравственныя свойства были выработаны не имъ самимъ, но что такимъ, какимъ онъ являлся въ домашней и общественной жизни, сдѣлали его постоянно благопріятствовавшія ему обстоятельства, не требовавшія ни малѣйшей оглядки на самого себя, и что, по всей вѣроятности, при хорошей передѣлкѣ его особы въ нравственныхъ тискахъ, изъ мелочнаго, но въ сущности все-таки добраго, честнаго и во многихъ случаяхъ практически-сметливаго Александра Никитича могла бы выйти весьма порядочная и даже нѣсколько симпатическая личность.

Въ свою очередь и Александръ Никитичъ полюбилъ Платона Васильевича, какъ пріятнаго собесѣдника, съ которымъ онъ не прочь былъ потолковать по временамъ и о томъ, и о другомъ. Не безъ охоты и не безъ любопытства выслушивалъ Александръ Никитичъ отъ Полосова довольно общія и почти всѣмъ извѣстныя истины и воззрѣнія, которыя прежде не доходили до его слуха и которыя поэтому поражали его теперь, какъ неожиданная новизна. Слушая ихъ, Александръ Никитичъ сомнительно качалъ головою. Не нравились только-и, надобно сказать правду, не нравились даже очень крѣпко Александру Никитичу въ его новомъ знакомомъ нѣкоторыя, чересчуръ уже вольныя и смѣлыя сужденія Платона Васильевича о такихъ предметахъ, которые, по патріархальнымъ понятіямъ Александра Никитича, считались въ его глазахъ предметами недосягаемой и неприкосновенной важности, которыхъ, какъ онъ думалъ, лучше и не затрогивать вовсе. Перемогая однако себя, онъ прислушивался къ подобнымъ рѣчамъ Полосова.

Освобождаясь потомъ кое-какъ, иногда не безъ большихъ усилій, отъ мыслей, втиснутыхъ Полосовымъ въ голову Александру Никитичу, онъ извинялъ Платона Васильевича за его но

многихъ случаяхъ вѣтренность годами и неопытностью, считая его, по своему образу мыслей, еще молодымъ, неустановившимся человѣкомъ, въ которомъ однако, какъ онъ думалъ, современемъ, по всей вѣроятности, улягутся такія вздорныя мысли, и который будетъ тогда такимъ, какимъ слѣдуетъ быть каждому умному и солидному человѣку въ зрѣлые годы жизни.

— А что, сказалъ однажды Александръ Никитичъ Полосову: — вотъ ужь и лѣто у насъ на дворѣ, мы сбираемся скоро ѣхать въ деревню; не поѣдете ли и вы туда погостить вмѣстѣ съ нами, Платонъ Васильевичъ?

Александръ Никитичъ зазывалъ теперь Полосова въ Прибылово уже не изъ однихъ только разсчетовъ по дѣлу своего зятя, но и изъ личнаго расположенія къ Полосову и непритворнаго хлѣбосольства русскаго помѣщика, желавшаго вмѣстѣ съ тѣмъ показать гостю свое деревенское хозяйство въ Прибыловѣ и похвастаться передъ нимъ своимъ умѣніемъ жить настоящимъ бариномъ, на широкую ногу.

— Да, поѣдемте вмѣстѣ въ Прибылово, добавила Надежда Александровна: — мы пріятно проведемъ тамъ время. Вотъ вы, папаша и Сашенька, мы бы всѣ и поѣхали разомъ въ будущую среду.

Сашенька, которая въ это время занималась какимъ-то шитьемъ, подняла немножко отъ работы свою головку и украдкой смотрѣла на Полосова, какъ будто не безъ волненія ожидая, что онъ отвѣтитъ на это предложеніе. Отъ Полосова не укрылось это движеніе молодой дѣвушки, и онъ, какъ это впрочемъ дѣлаютъ и всѣ влюбленные, ложно или справедливо, но истолковалъ въ свою пользу этотъ быть-можетъ совершенно случайно брошенный на него взглядъ.

Въ душѣ Полосовъ былъ радъ сдѣланному ему приглашенію, которое въ сельскомъ просторѣ должно было сблизить его съ Сашенькой. Въ головѣ Платона Васильевича промелькнула мысль воспользоваться тѣмъ временемъ, которое онъ проведетъ въ Прибыловѣ, для того, чтобы постепенно открыть Сашенькѣ свое намѣреніе. Считая излишнимъ заставлять просить себя еще лишній разъ, Полосовъ поблагодарилъ Надежду Александровну и ея отца за сдѣланное ему приглашеніе и обѣщался въ назначенное время отправиться вмѣстѣ съ ними въ деревню.

Теперь онъ, въ свою очередь, взглянулъ украдкой на Сашеньку; Сашенька, какъ казалось, внимательнѣе прежняго сидѣла за работой, но по выраженію ея личика и по ярко-выступившей на немъ краскѣ можно было замѣтить, что ее занимала не работа, а какія-то особенныя мысли.

Черезъ нѣсколько дней Границына съ отцомъ, Полосовымъ и Сашенькой отправились въ Прибылово. Что же касается Андрея Николаевича, то онъ остался въ городѣ подъ предлогомъ, что ему надобно прежде отъѣзда въ деревню побывать еще у нѣкоторыхъ знакомыхъ помѣщиковъ, живущихъ не въ той сторонѣ, гдѣ находилось Прибылово. Настоящая же причина, по которой онъ остался въ Затворскѣ, была та, чтобъ немедленно захватить свое дѣло при переходѣ его изъ Петербурга въ Затворскъ. Уладивъ его, Границынъ разсчитывалъ ѣхать опять въ Петербургъ, откуда Шарлота Карловна безпрестанно отправляла къ нему самыя нѣжныя письма, выражая въ нихъ тоску разлуки и свое пламенное желаніе поскорѣе увидѣться съ нимъ.

Прибылово, куда заѣхалъ теперь въ гости Полосовъ, досталось въ приданое Надеждѣ Александровнѣ отъ ея отца. Имѣніе это было одной изъ тѣхъ русскихъ усадьбъ, на которыхъ долгое время, послѣ ихъ перехода къ новымъ владѣльцамъ, остаются слѣды прихотливыхъ помѣщичьихъ затѣй и охоты къ широкой барской жизни. Тѣнистый садъ, разбросанный по склону довольно высокой, отлогой горы, съ добавочными къ нему аллеями изъ липъ, акацій и другихъ деревьевъ, давно впрочемъ поросшими травою; нѣсколько большихъ, покрытыхъ зеленою тиною, прудовъ и каналовъ съ перекинутыми черезъ нихъ мостиками; обрушившіяся бесѣдки съ остатками яркихъ красокъ на ихъ ветхихъ стѣнахъ; сгнившія перила, покачнувшіяся на бокъ колонны и столбики, скривившіеся балкончики и разбитыя статуи — свидѣтельствовали какъ о той вычурности, которою отличался вкусъ основателя этого сада, такъ и о безполезности подобныхъ затѣй тамъ, гдѣ, кромѣ ихъ, были дѣйствительныя нужды, и гдѣ было мало средствъ и заботы для того, чтобъ поддержать всѣ эти барскія прихоти. Конюшня, скотный дворъ и псарня, построенныя въ Прибыловѣ съ высокими каменными башенками и вышками, показывали, что строитель усадьбы и въ этомъ случаѣ не отступалъ отъ вычурности и не жалѣлъ значительныхъ тратъ на ненужныя вовсе пристройки.

Господскій домъ отличался помѣстительностію и большими размѣрами оконъ и дверей въ среднемъ этажѣ, гдѣ были парадныя комнаты; верхній этажъ имѣлъ особыя отдѣленія изъ небольшихъ горницъ, назначенныя для семейства помѣщика, а нижній этажъ былъ прорѣзанъ насквозь корридоромъ въ длину всего дома. Старинная мебель въ среднемъ этажѣ была покрыта почернѣвшею отъ времени рѣзной позолотой; а штофная ея обивка и тяжелые штофные занавѣсы и портьеры давно уже полиняли отъ пыли и солнца. По обѣимъ сторонамъ корридора были небольшія отдѣльныя комнаты, назначенныя исключительно для помѣщенія сосѣдей, пріѣзжавшихъ погостить въ Прибылово. Комнаты эти были грязны и отзывались сыростью. Подлѣ дома были выстроены два большихъ каменныхъ флигеля; въ одномъ изъ нихъ помѣщалась дворня, другой былъ назначенъ для гостей. Нѣсколько оконъ въ этихъ флигеляхъ были или забиты наглухо досками, или заклеены сахарной бумагой.

Несмотря на богатую обстройку Прибылова въ прежнее время, усадьба эта представляла теперь печальный упадокъ; даже въ главномъ домѣ крыша текла во многихъ мѣстахъ, трубы осыпались, штукатурка отпала, рамы были ветхи, а ступеньки широкой деревянной лѣстницы тряслись даже подъ самою осторожною ногою. Упадокъ Прибылова объяснялся очень просто: Андрей Николаевичъ, избѣгая постояннаго сообщества съ своей женой, да притомъ и вообще не любя деревенской жизни, старался какъ можно рѣже бывать здѣсь; Надежда же Александровна, при всемъ своемъ желаніи поддержать въ порядкѣ отцовскую усадьбу, не имѣла для того никакой возможности, такъ какъ Андрей Николаевичъ не позволялъ ей распорядиться въ домѣ даже самой ничтожной бездѣлицей. Все, что при этомъ условіи могла сдѣлать Надежда Александровна, заключалось только въ томъ, что ей удалось развести передъ домомъ небольшія клумбы, которыя въ лѣтнюю пору были полны цвѣтовъ, да отдѣлать, какъ ей самой хотѣлось, собственно для себя три комнаты и еще одну на случай пріѣздовъ Александра Никитича. Зато все, что было устроено Надеждой Александровной, отличалось изящностью, а вмѣстѣ съ тѣмъ и удивительной простотой, и переходъ изъ ея веселыхъ комнатъ въ мрачныя запущенныя залы рѣзко поражалъ человѣка, необжившагося еще въ Прибыловѣ.

Александръ Никитичъ, по странному капризу, не только не досадовалъ на упадокъ и опустошеніе своей прежней резиденціи,

но напротивъ даже внутренно радовался этому. Уѣзжая туда погостить къ дочери, онъ старался всегда пригласить кого нибудь изъ небывавшихъ еще въ его прежней усадьбѣ. Тамъ онъ съ самодовольною гордостью часто показывалъ возведенныя имъ нѣкогда постройки, а также и разбитый имъ садъ, вдобавокъ къ саду, разведенному еще его дѣдомъ. При этомъ случаѣ Александръ Никитичъ говорилъ о томъ, какъ онъ любилъ жить здѣсь по-барски въ старые годы, и сѣтовалъ на то, что теперь во всей губерніи нѣтъ уже такихъ заботливыхъ и такихъ благоразумныхъ помѣщиковъ-хозяевъ, какимъ онъ былъ самъ. Въ доказательство же этого онъ приводилъ Прибылово, которое, по словамъ его, представляло прежде, подъ его личнымъ управленіемъ, образецъ отлично-устроеннаго господскаго имѣнія, и которое нынѣ совсѣмъ разстроилось, несмотря даже на то, что перешло въ руки такого старательнаго и примѣрнаго хозяина, какимъ онъ считалъ еще своего зятя.

— Я вамъ скажу, Платонъ Васильевичъ, говорилъ Полосову Александръ Никитичъ, придерживая его крѣпко за руку и показывая ему свои конюшни и псарню съ башнями, а также и садъ съ безполезными прудами, бесѣдками и мостиками; — я вамъ скажу, что хорошенько устроить имѣніе — дѣло вовсе не легкое; вотъ напримѣръ Прибылово: при мнѣ оно было просто игрушка, прелесть, заглядѣнье, а теперь на что оно стало похоже? А все отъ того, что я умѣлъ какъ слѣдуетъ распоряжаться въ домѣ. Андрей Николаевичъ дѣятельный человѣкъ, — объ этомъ и говорить нечего; но онъ уже хозяинъ съ новыми понятіями, оттого и идетъ у него дѣло не такъ удачно, какъ мы, старики, умѣли его вести прежде.

Платонъ Васильевичъ понималъ суетную и самовластную систему управленія Александра Никитича, подобіе которой приводилось ему видѣть порою и въ большихъ еще размѣрахъ, и потому съ человѣкомъ, закоренѣвшимъ въ самолюбивыхъ и ложныхъ понятіяхъ, считалъ излишнимъ вступать въ какія либо дальнѣйшія разсужденія и, молча, предоставлялъ Александру Никитичу кончать собственное самовосхваленіе когда и какъ ему было угодно.

Мѣстность Прибылова была живописна. На довольно-высокой, одиноко стоявшей горѣ была расположена помѣщичья усадьба и подлѣ нея виднѣлась бѣлая каменная церковь среди темно-зеленой, березовой рощи. Подъ горой разстилалось продол-

говатое озеро; за нимъ на большомъ разстояніи шла широкая равнина, мѣстами поросшая кустарниками, съ расположенными на ней двумя небольшими деревеньками, составлявшими часть прибыловской вотчины, и перерѣзанная грядою невысокихъ холмовъ, покрытыхъ орѣшникомъ.

Несмотря на грустную обстановку самаго Прибылова и на однообразіе, среди котораго тянулась жизнь тамошнихъ обитателей, Полосовъ не только не скучалъ, но проводилъ время чрезвычайно пріятно. Часть дня до обѣда, которая, по предположенію Полосова, должна была собственно посвящаться чтенію, прерывалась однако какъ будто случайными, но довольно частыми встрѣчами его въ саду съ Сашенькой; потому эта часть дня исчезала для него съ особенной быстротою. Подъ вечеръ хозяйка съ своими гостями отправлялась въ экипажахъ на прогулку верстъ за шесть, за семь. Послѣ возврата съ прогулки, Сашенька играла на роялѣ и пѣла, и день большею частью заключался долгой бесѣдой на балконѣ. Время такимъ образомъ проходило очень скоро; а между тѣмъ Сашенька все больше и больше нравилась Полосову. Съ каждымъ днемъ онъ находилъ въ ней новыя достоинства; но не успѣлъ еще, какъ выражаются обыкновенно въ подобныхъ случаяхъ, открыться ей въ своей любви. Влюбленные бываютъ робки, и Полосовъ, нѣсколько разъ въ день встрѣчаясь съ Сашенькой въ саду, хотѣлъ воспользоваться этими встрѣчами и уже начиналъ съ молодой дѣвушкой окольными путями разговоръ, который по соображенію Полосова долженъ былъ привести его къ задуманной имъ цѣли. Но разговоръ этотъ всякій разъ какъ-то не клеился; потому что Полосовъ, не находчивый въ любовныхъ объясненіяхъ, мялся и чувствовалъ себя какъ-то неловко, а чтобы высказаться прямо, у него не было на это рѣшительности. Въ свою очередь, обыкновенно-бойкая и говорливая Сашенька тоже, какъ будто на зло Полосову, не умѣла поддержать начатый имъ разговоръ; она то грустно задумывалась, то улыбалась, то проговаривала въ отвѣтъ ему нѣсколько общихъ фразъ,—такъ что вообще всѣ попытки Полосова объясниться съ Сашенькой рѣшительно ему не удавались. Разъ, впрочемъ, дѣло, какъ казалось, пошло у него на ладъ; онъ воодушевился, сталъ чувствовать смѣлость; но тогда, какъ на бѣду ему, откуда ни взялся въ саду Александръ Никитичъ и, подсѣвши къ Платону Васильевичу, завелъ съ нимъ разговоръ о томъ, сколько стало ему трудовъ выкопать большой

средній прудъ, а также и о томъ, какъ онъ предполагалъ однажды, лѣтъ двадцать пять тому назадъ, если не болѣе, устроить фонтанъ передъ самымъ домомъ, и какъ онъ убѣдился потомъ, что это было невозможно. Платонъ Васильевичъ досадовалъ внутренно на привязавшагося къ нему собесѣдника; но нечего было дѣлать. Полосову приходилось выслушать до конца продолжительный и нелюбопытный для него разсказъ Александра Никитича какъ о дѣйствительномъ, такъ и о предполагавшемся нѣкогда благоустройствѣ его вотчины.

Несмотря, однако, на всѣ эти помѣхи и на непослѣдовавшее еще объясненіе между влюбленными, они, если бы только захотѣли слѣдовать довольно-общепринятому обычаю вести поденныя записки въ эту мучительную, но вмѣстѣ съ тѣмъ и чудную пору, — безъ сомнѣнія, могли бы записать въ нихъ самыя страстныя, самыя поэтическія строки.

Забывъ на время надоѣвшую службу и давно уже прискучившій Затворскъ, со всѣми его однообразными казенными и частными зданіями и присутственными мѣстами и съ его мертвеннымъ населеніемъ, Полосовъ въ Прибыловѣ, подъ вліяніемъ природы и Сашеньки, сдѣлался противъ своего ожиданія увлекавшимся мечтателемъ. Если бы только онъ имѣлъ охоту передавать потомству свои душевныя ощущенія, то могъ бы написать въ то время цѣлыя страницы и въ стихахъ, и въ прозѣ о томъ, съ какимъ тревожнымъ волненіемъ сердца, съ какимъ сильнымъ замираніемъ дыханія входилъ онъ въ жгучій іюньскій полдень въ прохладную аллею тѣнистыхъ липъ, и тамъ подъ свѣжимъ покровомъ чуть-чуть трепетавшихъ листьевъ нетерпѣливо ожидалъ той минуты, когда въ концѣ длинной аллеи покажется Сашенька. Въ своихъ мемуарахъ онъ могъ бы вспомнить и о томъ, съ какимъ восторгомъ и съ какою любовью онъ подходилъ къ ней въ это мгновенье, какъ засматривался на нее, и какъ послѣ ея ухода она еще долго, долго мечталась ему среди темной зелени сада; онъ могъ бы писать и о томъ, какъ ему въ его одинокой прогулкѣ по безмолвнымъ аллеямъ заглохшаго сада слышался порою, въ сторонѣ, сперва шорохъ легкаго платья Сашеньки и потомъ ея голосъ, навѣвавшій на него столько думъ, столько чудныхъ обаяній; какъ онъ чутко прислушивался ко всему, что предвѣщало приходъ Сашеньки, какъ спѣшилъ на отрадный для него призывъ, и какъ все это было однимъ только чувствомъ, обманывавшимъ его призракомъ; потому что въ это вре-

ня въ дѣйствительности Сашенька сидѣла въ комнатѣ у Надежды Александровны, работая въ пяльцахъ или разговаривая съ нею.

Влюбленный Полосовъ могъ бы записать въ своемъ журналѣ нѣсколько страницъ и по поводу роскошнаго солнечнаго заката, когда онъ плылъ въ лодкѣ по озеру вмѣстѣ съ Сашенькой, и когда она, какъ шаловливое дитя, наклоняясь низко изъ лодки, опускала свой бѣлый, тоненькій пальчикъ въ воду, какъ будтогорѣвшую золотомъ отъ розоваго блеска вечерней зари, и проводила своимъ пальчикомъ по глади озера длинную, быстро исчезавшую полоску, слѣдя за ней своими задумчивыми, сѣрыми глазками. Могъ Полосовъ записать также и грустное воспоминаніе объ этой мелькнувшей передъ нимъ картинкѣ, когда онъ на другой вечеръ, въ ту же самую пору, но уже одинъ, безъ Сашеньки, выѣхалъ на озеро; какъ онъ сложилъ весла въ лодку и остановился на томъ мѣстѣ, гдѣ вчера онъ особенно засмотрѣлся на молодую дѣвушку. Это мѣсто ему было очень знакомо; надъ березовой рощей, какъ будто сбѣгавшей съ горы въ озеро, ярко горѣлъ теперь, какъ и вчера, золотой крестъ, высившійся надъ бѣлой колокольней сельской церкви; вблизи отъ Полосова, за широкимъ поростомъ высокаго троетника, и теперь также, какъ и вчера, свѣшивала въ воду одинокая ива свои печальныя вѣтви, а на безоблачномъ небѣ и на тихомъ озерѣ сегодня, также какъ и вчера, великолѣпно разгоралось солнце, уходя на свой ночной отдыхъ. Все было по прежнему; но Полосову становилось здѣсь безъ Сашеньки грустно; знакомая картина напоминала ему недавно исчезнувшее мгновенье; онъ брался за весла и спѣшилъ поскорѣе пристать къ берегу.

Въ свою очередь и Сашенька, если бы только она хотѣла, могла, по образцу большей части влюбленныхъ и нѣсколько сантиментальныхъ дѣвушекъ, надѣлать множество замѣтокъ съ длиннымъ рядомъ точекъ и съ весьма частыми знаками восклицанія, и вмѣстѣ съ тѣмъ съ сильнѣйшими перемарками на каждой страницѣ, которой бы она вздумала ввѣрять мысли и чувства, не испытанныя еще ею до своей встрѣчи съ Полосовымъ и такъ сильно начавшія томить и радовать ее въ Прибыловѣ.

Сердце молодой дѣвушки всегда бываетъ слишкомъ воспріимчиво, и самое невлюбчивое созданіе женскаго пола въ своей осьмнадцатой вернѣ легко поддается тѣмъ то отдѣльнымъ, то

послѣдовательнымъ впечатлѣніямъ, изъ которыхъ создается любовь дѣвушки къ мужчинѣ во всѣхъ своихъ безконечныхъ оттѣнкахъ, начиная отъ любви, умѣренной разсчетомъ на бракъ, и до самой пылкой страсти, готовой пренебречь всѣмъ на свѣтѣ. Уже отрѣшенность Сашеньки въ домѣ Границыной отъ общества молодыхъ людей предвѣщала, что едва ли первая ея встрѣча съ порядочнымъ молодымъ человѣкомъ обойдется для нея безъ особыхъ, болѣе или менѣе сильныхъ впечатлѣній. Разговоры отца о Платонѣ Васильевичѣ предварительно подготовили Сашеньку къ душевному сближенію съ Полосовымъ; они зародили въ ней ту симпатію къ Полосову, о которой мы сказали прежде, и которая заочно влечетъ взаимнымъ сочувствіемъ мужчину и женщину, еще незнакомыхъ другъ съ другомъ. Вниманіе и даже особенное расположеніе, оказанное Полосову Надеждой Александровной послѣ того, какъ она ближе узнала его независимо отъ внушеній своего мужа,—дали почувствовать Сашенькѣ, что въ новомъ знакомомъ Надежды Александровны должны быть несомнѣнно какія нибудь прекрасныя качества, если онъ успѣлъ расположить къ себѣ Надежду Александровну, въ которую Сашенька вѣрила такъ слѣпо, такъ безотчетно. Наконецъ, молодые годы Полосова, его пріятная наружность и ненатянутое, располагающее обращеніе довершили остальное.

Еще въ Затворскѣ Сашенька стала замѣчать, что ей дѣлается какъ-то веселѣе, если съ нею бываетъ Полосовъ, что она сама мысленно вспоминаетъ его порою и думаетъ о томъ, о чемъ онъ разговаривалъ съ нею, что ей нравится, когда говорятъ о немъ что нибудь хорошее и что, наоборотъ, ее какъ будто сердитъ, если она слышитъ о немъ непріятный отзывъ. Вдобавокъ къ этому, Сашенька стала замѣчать, что она какъ-то мѣшается, если кто нибудь заговоритъ вдругъ о Полосовѣ и взглянетъ на нее въ то же время. Въ этомъ взглядѣ Сашенька находила для себя что-то испытующее, что-то такое, что какъ будто хотѣло вывѣдать ея сердечную, еще никому невѣдомую тайну. Замѣтила также Сашенька, что у ней вспыхиваетъ внезапный румянецъ, если Полосовъ неожиданно входитъ въ комнату или нечаянно встрѣчается съ ней на улицѣ, и что чѣмъ болѣе она старается удержать разливающуюся по лицу жгучую краску, тѣмъ сильнѣе пробивается она и тѣмъ сильнѣе горятъ ея щеки. Наконецъ въ одинъ грустный для Сашеньки вечеръ ей пришлось подумать о своей будущности. Когда въ длинномъ ряду призраковъ, соста-

вленномъ въ воображеніи Сашеньки, то изъ долгоносаго Алексѣя Алексѣевича, изъ рябоватаго Михайла Ѳедоровича, изъ писклиеаго Луки Семеновича съ огромной шишкой на лбу, то изъ другихъ подобныхъ имъ лицъ (которыя, какъ казалось Сашенькѣ, могли имѣть роковое вліяніе на всю ея жизнь), мелькнулъ вдругъ Полосовъ, то Сашенька созналась внутренно, что будущность не показалась бы ей такъ унылой и такъ безнадежной, если бы она могла идти всю свою жизнь рука объ руку съ этимъ, почему-то полюбившимся ей человѣкомъ. Сердечная тревога, овладѣвавшая обыкновенно Сашенькой при мысли о другихъ своихъ суженыхъ, замѣнялась при мысли о Полосовѣ спокойствіемъ и даже той, какою-то нѣсколько грустною радостью, подъ вліяніемъ которой хочется иногда человѣку остаться долго, долго, если не навсегда.

Къ сердечнымъ ощущеніямъ этого рода, испытаннымъ Сашенькою въ Прибыловѣ, добавились еще новыя. Если Платонъ Васильевичъ могъ бы набрасывать перомъ, въ видѣ очаровательныхъ для него картинъ, нѣкоторыя мгновенія, проведенныя имъ вмѣстѣ съ Сашенькой въ сельскомъ привольѣ, то и она, въ свою очередь, могла бы передать бумагѣ нѣсколько мгновеній, особенно впечатлѣвшихся въ ея головкѣ.

Живо и пріятно рисовалась въ воображеніи Сашеньки одна изъ ея вечернихъ прогулокъ, когда она шла, опираясь на руку Полосова, по дорожкѣ между дозрѣвавшею рожью, и когда они, оба задумавшись о чемъ-то, далеко опередили Надежду Александровну, шедшую сзади ихъ съ отцемъ, который, разговаривая съ дочерью о домашнихъ дѣлахъ, и самъ уменьшалъ шаги, желая пропустить подальше молодую чету. Сашенька не могла забыть, какъ отрадно пахнулъ на нее свѣжій вечерній воздухъ и какъ полюбился ей широкій и безмолвный просторъ поля, когда, выйдя изъ своей задумчивости, она вдругъ остановилась и увидѣла, что осталась одна съ молодымъ человѣкомъ: ей сдѣлалось и страшно и весело. Это была первая минута, проведенная Сашенькой глазъ-на-глазъ съ Полосовымъ. Слишкомъ живая Сашенька хотѣла заговорить съ нимъ о томъ, что томило ея сердце, хотѣла сказать ему многое; но безотчетная робость удержала ее и, не отнимая своей руки отъ руки Полосова, она остановилась съ непонятнымъ ей желаніемъ жить полною жизнью. Полосовъ, настроенный этой прогулкой, тоже готовился сказать Сашенькѣ нѣсколько страстныхъ словъ.

— Эхъ, эхъ, какъ молодежь-то насъ обогнала! вдругъ громко крикнулъ Александръ Никитичъ, и его звучный голосъ пронесся далеко, напоминая Сашенькѣ и Полосову, что вблизи отъ нихъ есть свидѣтель той задушевной бесѣды, которую они собирались-было повести между собою. Сашенька быстро отдернула свою руку отъ руки Полосова и оба они молча пошли на встрѣчу Александру Никитичу и Надеждѣ Александровнѣ.

Помыслы Сашеньки въ сближеніи съ Полосовымъ были самые безукоризненные; но робкое ея сердце, впервые еще знакомое съ любовью къ чужому мужчинѣ, билось неровно и тревожно; Сашенькѣ казалось, что ужь всѣ догадываются о томъ влеченіи, которое она почувствовала къ Полосову и осуждаютъ ее, какъ грѣшницу.

Много еще и другихъ мгновеній изъ жизни, проведенной Сашенькой въ Прибыловѣ, возобновлялось въ ея воображеніи со всею яркостью и свѣжестью своихъ красокъ. Ей представлялся то садъ съ пробивающимися лучами солнца сквозь густую листву, то широкій зеленый лугъ, усѣянный простыми полевыми цвѣтами, съ небеснымъ надъ нимъ покровомъ изъ свѣтлой лазури, то тихо наступавшая лѣтняя ночь съ ея первой звѣздочкой, ярко мелькавшей на темнѣющемъ небѣ, — и всѣ эти воспоминанія какъ будто невольно дополнялись присутствіемъ Полосова....

XII.

Шарлота Карловна, какъ мы видѣли, грустила, разставаясь съ Андреемъ Николаевичемъ въ дебаркадерѣ желѣзной дороги и, какъ казалось, крѣпко задумалась при вопросѣ своего друга о томъ, когда они увидятся снова. Шарлота Карловна возвратилась въ этотъ день домой въ самомъ унылоыъ расположеніи духа, и не разъ слезы, и притомъ слезы непритворныя, навертывались на ея глазахъ при мысли о томъ, какая страшная бѣда грозитъ Андрею Николаевичу за его продѣлки. Письма, которыя писала Шарлота къ своему любовнику въ Затворскъ, отзывались постоянною грустью и самымъ внимательнымъ участіемъ; а между тѣмъ жизнь Шарлоты Карловны безъ Андрея Николаевича, въ первый же день его отъѣзда, повидимому рѣзко противорѣчила ея печальному настроенію.

Андрей Николаевичъ выѣхалъ изъ Петербурга въ февралѣ, когда были въ полномъ разгарѣ петербургскіе маскарады, скучные для большинства публики, но за то слишкомъ, быть можетъ, привлекательные для нѣкоторыхъ избранниковъ и избранницъ. Около полуночи въ тотъ день, когда уѣхалъ изъ Петербурга Андрей Николаевичъ, неутѣшная, какъ казалось, Шарлота Карловна была уже въ залѣ дворянскаго собранія. Молодость и красота имѣютъ свои особенные признаки, пробивающіеся очень часто даже изъ-подъ широкихъ складокъ домино и изъ-подъ маски съ кружевнымъ подбородкомъ и небольшими прорѣзами для выразительныхъ глазъ, и потому любители молодыхъ и хорошенькихъ женщинъ то обгоняли Шарлоту Карловну, то шли рядомъ или слѣдомъ за нею, то, останавливаясь, пропускали ее передъ собою, внимательно приглядываясь къ ней или стараясь отгадать, не обманываются ли они въ своихъ предположеніяхъ въ ея пользу. Между тѣмъ простое, но изящное домино Шарлоты Карловны и скромность, съ которою она вела себя въ этотъ вечеръ, не увлекая за собою игривымъ кокетствомъ никого изъ своихъ многочисленныхъ преслѣдователей, дѣлали ее въ глазахъ ихъ еще болѣе интересной маской. Шарлота Карловна не подходила сама ни къ кому въ этотъ вечеръ, никого не задѣвала ни словомъ, ни движеніемъ, но быстро, какъ озабоченная, проходила сквозь густую толпу, нерѣдко плотно сбиравшуюся на боковыхъ обходахъ залы, особенно при дверяхъ. По всему видно было, что Шарлота Карловна, пріѣхавъ въ этотъ вечеръ въ маскарадъ, имѣла какую-то особенную цѣль, не развлекаясь нисколько господствовавшей около нея суетней и раздававшимися вокругъ пискомъ и говоромъ.

Пройдя быстро главную залу и осмотрѣвъ ее всю зоркими глазами, Шарлота Карловна послѣ этого обхода почти обѣжала другія комнаты собранія, пристально оглядывая всѣ тѣ уголки, которые въ особенности любятъ занимать маскарадные волокиты. Шарлота Карловна искала кого-то то въ быстро двигавшейся толпѣ, то въ рядахъ сидѣвшихъ, и ею въ это время овладѣвало сильное безпокойство. Однако всѣ поиски Шарлоты Карловны были на этотъ разъ безуспѣшны, и она на разсвѣтѣ возвратилась домой, утомленная скучнымъ для нея маскарадомъ и раздосадованная своей неудачей.

Поутру, часу въ одинадцатомъ, Шарлота Карловна одѣлась чрезвычайно нарядно; видно было, что она сбиралась искусить

кого-то; но потомъ, постоявъ нерѣшительно нѣсколько времени уже въ шляпкѣ передъ зеркаломъ, она вдругъ почти сдернула съ себя шляпку, и съ небрежностью бросила на столъ изящное издѣліе одной изъ самыхъ дорогихъ петербургскихъ модистокъ.

— Напрасно и ѣздить къ этому дрянному старичишкѣ, — онъ слишкомъ упрямъ и самолюбивъ! почти вслухъ говорила Шарлота Карловна, опускаясь въ кресло. — Его прежде надобно хорошенько настроить, а потомъ уже попросить, а то можетъ быть изъ моей поѣздки не выйдетъ ровно ничего; онъ только воспользуется свиданіемъ со мною для того, чтобъ наговорить мнѣ бездну колкостей, или, что будетъ еще обиднѣе, просто-на-просто не велитъ принять меня....

Закинувъ назадъ голову и прислонившись своей густой косой къ спинкѣ креселъ, Шарлота Карловна просидѣла въ такомъ положеніи нѣсколько минутъ, обдумывая между тѣмъ, какъ бы помочь Андрею Николаевичу — такъ, чтобъ обойти при этомъ человѣка, съ которымъ она не слишкомъ хотѣла даже и видѣться, а не только вступать въ какія либо новыя отношенія и просить его о чемъ нибудь. Перебравъ однако всѣ, самые разнородные способы, Шарлота Карловна убѣдилась, что несмотря на все ея нежеланіе обратиться, какъ она выражалась, къ дрянному старичишкѣ, ей ничего не остается сдѣлать въ пользу запутавшагося Андрея Николаевича, — который уже сообщилъ ей, что главнымъ образомъ все его дѣло будетъ собственно зависѣть отъ Вьюгина, и что Вьюгинъ, по нѣкоторымъ своимъ отношеніямъ, вѣрно не откажетъ въ просьбѣ стараго графа, — какъ только попроситъ послѣдняго.

Не придумавъ ничего новаго, Шарлота Карловна принялась раздѣваться; потомъ начала одѣваться снова по домашнему; потомъ она взялась-было за какое-то рукодѣлье, за которымъ сидѣла что-то очень долго и окончанія котораго еще далеко не предвидѣлось. Повертѣвъ немного въ рукахъ свою работу, Шарлота Карловна съ досадой отбросила ее и принялась было за какую-то книжку. Она впрочемъ не прочитала и трехъ строчекъ, какъ уже швырнула книжку на кресло. Послѣ этого встала съ дивана и начала осматривать и поливать свои цвѣты. Занятіе это продолжалось недолго, и по окончаніи его молодая женщина, сама не зная, какъ убить томившее ее время, пошла разбирать свой богатый гардеробъ, примѣривая время-отъ-времени

передъ зеркаломъ то шляпку, то наколку, то мантилью, и обсуживая сама съ собой на досугѣ, что всего лучше идетъ къ ея лицу и какую бъ ей заказать для себя обновку.

Съ весьма небольшими измѣненіями Шарлота Карловна, въ отсутствіе Андрея Николаевича, проводила почти каждый день такимъ же образомъ предъобѣденную пору. Точно тоже было и по вечерамъ, если только не приходила къ ней ея пріятельница и почти ровесница по годамъ, съ которой она иногда болтала и смѣялась на пролетъ цѣлый вечеръ до самой поздней ночи. Шарлота Карловна чувствовала, что скука одолѣвала ее; но она никакъ не могла выбрать для себя ни занятій, ни разсѣяній, которыя сократили бы для нея время. Правда, что новое сердечное знакомство могло бы призанять хорошенькую грѣшницу на нѣсколько дней, и даже, статься можетъ, на нѣсколько недѣль; но она знала, если не по опыту, то по наслышкѣ, что подобныя знакомства имѣютъ иногда очень вредныя послѣдствія, что кидаться на нихъ безъ разбора не слишкомъ удобно и что иногда за минуту развлеченія можно поплатиться очень дорого. Благоразумная осторожность останавливала Шарлоту Карловну при мысли о многихъ занимательныхъ похожденіяхъ, представлявшихся ей порою въ самомъ увлекательномъ, въ самомъ розовомъ свѣтѣ. Она сдерживала свои молодые порывы, и чтобъ сердце ея не было праздно, старалась иногда убѣждать самое себя, что она искренно, безкорыстно можетъ любить и даже любитъ Андрея Николаевича, и что слѣдовательно ей стыдно было бы измѣнить ему. Все это, несмотря на врожденную вѣтренность Шарлоты Карловны, заставляло ее бѣжать какъ можно подальше отъ всѣхъ представлявшихся ей искушеній и сидѣть дома, хотя однообразная и сидячая жизнь длилась для нея порою мучительно и даже просто невыносимо. Вдобавокъ къ этому, пріятельница Шарлоты Карловны, веселое, болтливое и хорошенькое существо, не была одарена кипучими женскими чувствами. Безъ разнообразной влюбчивости на сторонѣ, она давно уже устроилась съ господиномъ довольно пожилыхъ лѣтъ и, одариваемая модными тряпками и разными дорогими побрякушками, стойко держалась своей привязанности, однажды ею избранной, и подавала собою Шарлотѣ Карловнѣ спасительный примѣръ воздержанія и постоянства.

Послѣ первыхъ неудачныхъ поисковъ, Шарлота Карловна отправилась въ слѣдующій маскарадъ съ своею подругой, вы-

болтавъ ей, въ припадкахъ горя и откровенности, свою заботу объ Андреѣ Николаевичѣ, и о дурномъ положеніи его дѣлъ. Шарлота Карловна въ пріятельницѣ своей нашла не только сочувствіе на словахъ, но и готовность помочь ей на дѣлѣ, еслибъ этого потребовали обстоятельства.

Едва только Шарлота Карловна вошла въ залу, какъ она увидѣла предметъ своихъ исканій. У одной изъ колоннъ стоялъ ветхій маленькій старичокъ, осажденный въ это время двумя бойкими масками, которыя очень мило, но вмѣстѣ съ тѣмъ и очень колко укоряли его за маскарадныя похожденія въ такіе годы, когда человѣку надобно думать только о добродѣтели и о покаяніи въ старыхъ грѣхахъ. Старикъ мялся на мѣстѣ, поправлялъ свой парикъ и галстукъ, но чаще всего только пожевывалъ своими вставными челюстями, не зная, какъ отдѣлаться отъ чистосердечныхъ масокъ, которыя, какъ казалось ему, подъ видомъ любезныхъ шуточекъ, напоминали въ сущности о близости гроба и савана, т. е. о такихъ вещахъ, которыя не слишкомъ пріятны каждому, и въ особенности страшноваты человѣку, проведшему на землѣ слишкомъ шестьдесятъ лѣтъ весело и беззаботно.

— Пойдемъ теперь отъ него прочь, сказала одна изъ масокъ, мучившихъ старичка: — мы сказали ему все, что̀ слѣдовало.... Онъ отъ насъ услышалъ правду, до которой не большой охотникъ....

— Не забывай, старичокъ, нашихъ добрыхъ совѣтовъ! добавила другая маска, засмѣявшись и слегка погрозивъ пальцемъ, и затѣмъ подхвативъ подъ руку свою подругу, и кивнувъ головою въ знакъ прощанья, обѣ маски быстро ушли отъ графа, оставивъ его подъ вліяніемъ самыхъ тяжелыхъ мыслей и самыхъ невеселыхъ впечатлѣній.

— А ты не узнаешь меня? спросила настоящимъ своимъ, но только нѣсколько вкрадчивымъ голосомъ Шарлота Карловна, подходя къ графу и дружески подавая ему свою руку.

Обыкновенно каждая радость чувствуется сильно послѣ горя, и потому старичокъ, такъ жестоко опечаленный насмѣшками масокъ, повидимому и молодыхъ и хорошенькихъ, почувствовалъ теперь особенную радость, услышавъ привѣтливыя слова, сказанныя ему такимъ пріятнымъ, такимъ располагающимъ женскимъ голосомъ. Старый волокита привычнымъ глазомъ оглядѣлъ стоявшую передъ нимъ маску съ макушки до пятокъ: немножко

распахнувшееся домино показывало стройный станъ Шарлоты Карловны; кончикъ башмака, съ умысломъ выставленный ею впередъ изъ-подъ чернаго шелковаго платья, сулилъ маленькую ножку; а рука, которую старецъ поспѣшилъ крѣпко сжать въ своей рукѣ, была мягка и миніатюрна. Темные глаза Шарлоты Карловны смотрѣли такъ страстно изъ-подъ маски, а рѣдкая кружевная борода почти не скрывала ея правильнаго подбородка, свѣжихъ губъ и бѣлыхъ и ровныхъ зубовъ.

«Эта женщина должно быть просто прелесть!» подумалъ про себя старый грѣшникъ, предлагая маскѣ свою руку.

Шарлота Карловна приняла ее и пошла съ графомъ по залѣ, опираясь частію своего бюста на правое плечо старичка и пожимая время-отъ-времени своею рукою его руку. Разговоръ шелъ пустой, но отъ соприкосновеній дряхлѣвшаго волокиты съ молодою и таинственною, впрочемъ по его догадкамъ несомнѣнною красотой—его какъ будто подергивали пріятныя судороги. Онъ весело осклаблялся, съ самоувѣренностью поправлялъ парикъ и галстукъ, и жевалъ своими искуственными челюстями, но уже не такъ вяло, какъ онъ дѣлалъ это нѣсколько минутъ тому назадъ, когда его такъ сильно огорчили незнакомыя ему маски. Вообще, съ каждымъ шагомъ онъ становился и милѣе, и добрѣе, и любезнѣе.

Отвыкнувъ уже въ теченіе слишкомъ четырехъ лѣтъ отъ голоса Шарлоты Карловны, прежде ему такъ хорошо знакомаго, старикъ, считавшій себя не безъ основанія первою любовью Шарлоты, не могъ догадаться, что съ нимъ ходила теперь его прежняя вѣтреная подруга, которая во время разлуки съ нимъ развилась и похорошѣла еще болѣе, такъ что по внѣшнимъ признакамъ ему трудно было узнать ее въ маскарадѣ.

Тщетно графъ силился отгадать по голосу, кто бы могла быть его спутница, высказывавшая ему такъ много его тайнъ; но Шарлота порою примѣшивала съ нимъ нарочно что нибудь вымышленное для того только, чтобы не дать мистифируемому ею старичку повода подумать, что подъ маской скрывается хорошо-знакомая ему женщина. Онъ перебиралъ въ памяти всѣ плѣнявшіе его женскіе голоса, останавливаясь при этомъ нѣсколько разъ и на Шарлотѣ; но потому именно, что она говорила съ нимъ въ маскарадѣ своимъ обыкновеннымъ голосомъ, онъ никакъ не могъ предположить, чтобъ на его руку опиралась теперь женщина, нѣкогда такъ страстно имъ любимая и

такъ жестоко измѣнившая ему. Затвердѣлый въ старинныхъ обычаяхъ насчетъ прелестей маскарада, графъ считалъ измѣненіе голоса необходимымъ условіемъ маскарадныхъ интригъ; между тѣмъ голосъ маски все болѣе и болѣе напоминалъ ему миленькую Шарлоту. Голосъ этотъ будилъ въ немъ воспоминанія о той порѣ, когда онъ чувствовалъ себя какъ будто и моложе и бодрѣе. Такимъ образомъ къ настоящей раздражительности прибавились еще сладкія воспоминанія о быломъ. Подъ вліяніемъ всего этого, графъ млѣлъ и, какъ говорится, таялъ предъ загадочной маской, не замѣчая самъ, какъ онъ дѣлался смѣшонъ въ своемъ волокитствѣ.

Шарлота Карловна очень хорошо знала весь постепенный ходъ въ нѣжной слабости своего прежняго друга, и уже явно видѣла свою окончательную побѣду надъ сладострастнымъ лакомкой, который смотрѣлъ теперь на нее какъ осовѣвшій. Опустивъ еще далѣе свою отвисшую нижнюю губу, онъ сопѣлъ и дышалъ въ носъ и сильно и часто. Чувственный старичишка былъ въ это время отвратителенъ въ глазахъ молодой женщины; но она продолжала кокетничать съ нимъ, и только слегка удерживая его, позволяла ему маленькія вольности, которыя все болѣе и болѣе раздражали старческое вождѣленіе.

Влюбчивый старикъ, дошедшій въ прогулкахъ съ Шарлотой Карловной до какого-то пріятнаго для него отупѣнія, предложилъ наконецъ ей сѣсть и самъ усѣлся какъ можно ближе подлѣ нея, твердя ей свои приторныя любезности и думая о томъ, какъ бы пріятно было овладѣть на нѣкоторое время этой, такъ полюбившейся ему женщиной.

— Тебя нельзя любить, — ты слишкомъ сердитъ, слишкомъ злопамятенъ.... Всѣ женщины, которыя только тебя знали и быть можетъ искренно любили тебя, — и кто знаетъ, статься можетъ, и теперь еще любятъ, — скажутъ о тебѣ тоже самое.... проговорила Шарлота Карловна нѣсколько сантиментально, вынимая свою руку изъ руки своего собесѣдника.

Ему показалось, что отъ него ускользнетъ желанная добыча, и онъ крѣпко сжалъ руку Шарлоты Карловны, а морщинистое и брюзгливое лицо его приняло оцѣпенѣлое и испуганное выраженіе.

— Пусти меня, я хочу уйти отъ тебя, говорила Шарлота Карловна, вставая съ мѣста; но графъ, державшій крѣпко Шарлоту за руку, пріостановилъ ее теперь за полу домино. Было

что-то отталкивающее, было что-то слишкомъ жалостное въ этихъ проявленіяхъ дряхлой старости. Шарлота уходила, старикъ силился удержать ее.

— Вы сами меня пустите, когда узнаете, кто я, сказала маска хладнокровнымъ голосомъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! ни за что въ свѣтѣ!... Божусь тебѣ! говорилъ старикъ несовсѣмъ ровнымъ, замиравшимъ голосомъ.

— Я—Шарлота... сказала маска, гордо окинувъ глазами графа съ головы до ногъ...

И вотъ, нѣкогда оставленному любовнику, теперь, въ минуту чувственныхъ порывовъ, представилась та пора, когда онъ, по-своему, былъ такъ счастливъ, такъ блаженъ съ Шарлотой, и онъ не имѣлъ уже силы отпустить отъ себя свою невѣрную подругу.

— Ничего, ничего, пробормоталъ онъ:—мы всѣ не отличаемся постоянствомъ... поѣдемъ со мною... Говоря это, заслуженный старецъ съ живостью юноши, поспѣшающаго въ урочный часъ на условленное свиданіе, побѣжалъ впереди Шарлоты, торопясь распорядиться, чтобъ подавали поскорѣе его карету, въ которую потомъ онъ такъ заботливо усадилъ свою прежнюю знакомку.

Какъ окончательно искупила Шарлота предъ старикомъ свою прежнюю измѣну, знаютъ только они сами. Когда же Андрей Николаевичъ написалъ ей, что ему необходимо покровительство благосклоннаго къ ней вновь старика, то отвѣтомъ на это было къ назначенному времени письмо графа къ Вьюгину, въ которомъ Андрей Николаевичъ выставлялся какъ самый благородный и самый честный человѣкъ, вовлеченный, къ несчастью, въ грязное дѣло единственно только по добротѣ и довѣренности къ людямъ, которые вовсе этого не стоили. Отрекомендовать такимъ образомъ Андрея Николаевича Вьюгину представлялся для графа довольно благопріятный предлогъ, такъ какъ оказалось, что онъ былъ нѣкогда сослуживцемъ и даже близкимъ пріятелемъ его отца, и раза два встрѣчалея въ обществѣ съ самимъ Андреемъ Николаевичемъ.

XIII.

Узнавши изъ переписки съ Шарлотой Карловной, что Вьюгинъ получилъ письмо графа и что Александръ Петровичъ въ

свою очередь отвѣчалъ на это письмо выраженіемъ своей готовности помочь Границыну всѣмъ, что только будетъ отъ него зависѣть, Андрей Николаевичъ послѣ долгихъ колебаній рѣшился наконецъ отправиться къ Вьюгину, чтобы предупредить его о своемъ дѣлѣ. Конечно, Андрей Николаевичъ намѣревался въ своихъ объясненіяхъ съ генераломъ перепначить свое дѣло и обратить въ свою пользу многія не совсѣмъ ясныя обстоятельства, которыя, впрочемъ, въ сущности только увеличивали, но никакъ не облегчали вину Границына въ подлогѣ заемнаго письма, выданнаго, при его содѣйствіи, отъ имени лица, будто бы проживавшаго въ Затворской губерніи.

Вьюгинъ былъ знакомъ съ Границынымъ какъ съ однимъ изъ самыхъ представительныхъ помѣщиковъ, по его обширнымъ и хорошимъ родственнымъ связямъ, по числившемуся за нимъ и за его женою состоянію и наконецъ по той обстановкѣ, которою постоянно отличался домъ Границына, самый лучшій во всемъ городѣ. Вьюгинъ принялъ Границына очень любезно, какъ гостя, а не какъ просителя, и послѣ общихъ фразъ, сказалъ Андрею Николаевичу о письмѣ, полученномъ насчетъ его отъ графа.

Наслышавшись уже много о нечестныхъ продѣлкахъ Границына, Вьюгинъ однако, безукоризненный самъ, не хотѣлъ вѣрить дурной молвѣ и, не сближаясь въ своемъ знакомствѣ съ Андреемъ Николаевичемъ, все-таки продолжалъ считать его гораздо нравственнѣе, нежели онъ былъ на самомъ дѣлѣ.

— Скажите, пожалуйста, какъ легко попасться иногда въ самое непріятное положеніе честному и благородному человѣку! сказалъ, пожимая плечами, добродушный Вьюгинъ, выслушавъ толкованія Андрея Николаевича о томъ, какъ онъ былъ обманутъ ложною довѣренностью и какъ онъ только по добротѣ и по незнанію всей беззаконности подобной продѣлки согласился быть поручителемъ фальшиваго заемнаго письма, не участвуя нимало въ его составленіи.

— Чтобъ лучше разъяснить это дѣло и доказать вашу къ нему непричастность, а вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы скорѣе кончить его, я назначу Полосова для производства слѣдствія, сказалъ ласково генералъ.—Это молодой человѣкъ, которому я вполнѣ довѣряю и который не будетъ дѣлать напрасныхъ крючковъ и придираться ко всѣмъ для того только, чтобъ увеличивши число прикосновенныхъ къ дѣлу, показать въ глазахъ начальника всю важность

даннаго ему порученія, добавилъ Вьюгинъ, прощаясь съ Границынымъ.

Андрей Николаевичъ былъ теперь очень доволенъ тѣмъ, что его ухаживанія около Полосова не были напрасны, и что онъ, настроенный для будущихъ объясненій однимъ изъ самыхъ свѣдущихъ дѣльцовъ и не нажимаемый при слѣдствіи Полосовымъ, успѣетъ какъ нибудь отвертѣться.

Отъ Вьюгина Андрей Николаевичъ поспѣшилъ отправиться домой; тамъ уже давно ожидалъ Границына Макаръ Григорьевичъ Струнинъ, бывшій въ то время главнымъ агентомъ Андрея Николаевича.

Струнинъ служилъ когда-то въ Петербургѣ мелкимъ чиновникомъ, но потомъ оставилъ службу и прибылъ на родину въ Затворскъ, гдѣ и началъ заниматься частными дѣлами. Здѣсь онъ былъ извѣстенъ на весь городъ подъ именемъ стряпчаго или адвоката, и пользовался выгодной для него репутаціей, будто бы онъ умѣетъ, если только захочетъ, сдѣлать изъ чернаго бѣлое и, наоборотъ, изъ бѣлаго черное. На этомъ основаніи, очень многіе ввѣряли Струнину свои не слишкомъ честныя дѣла, и онъ, на счетъ своихъ довѣрителей, довольно часто ѣздилъ въ Петербургъ, гдѣ успѣвалъ пронюхивать, среди чиновной мелочи, о ходѣ дѣлъ, иногда самыхъ важныхъ; соображаясь съ представленными ему обстоятельствами и со всѣмъ ходомъ дѣла, Струнинъ заготовлялъ своимъ кліентамъ порою столь удачные и крючкотворные отвѣты, отзывы и объясненія, что нерѣдко ставилъ бумагами своего издѣлія въ тупикъ самыхъ сметливыхъ вершителей дѣлъ въ разныхъ инстанціяхъ. Формальныя довѣренности Струнинъ бралъ очень рѣдко; но чаще всего онъ обдѣлывалъ дѣлишки изъ-подтишка, овладѣвая между тѣмъ всѣми тайнами своихъ кліентовъ, чистосердечно разсказывавшихъ ему, какъ своему избавителю, всѣ свои продѣлки и похожденія.

Въ первое время своего сближенія со своими довѣрителями, искусный пролазъ умѣлъ прикидываться робкимъ и смиреннымъ человѣкомъ, безпрестанно кланяясь. Онъ суетился и долго не рѣшался садиться въ чужомъ домѣ, благодаря за предложеніе, и если уже садился, то не иначе, какъ на кончикѣ стула. Для выраженія бо́льшей почтительности онъ прибавлялъ на концѣ почти каждаго слова частичку—«съ» и безпрестанно перемѣшивалъ свой разговоръ словами: «какъ вамъ будетъ угодно; какъ вы изволите приказать; осмѣлюсь доложить вамъ и проч.» Но

едва только онъ овладѣвалъ дѣломъ, какъ становился грубъ и нахаленъ до чрезвычайности.

Когда Андрей Николаевичъ возвратился изъ Петербурга, въ то время Макара Григорьевича, къ крайнему его сожалѣнію, не было въ Затворскѣ; но едва только показался Струнинъ тамъ, какъ Границынъ, увлекаясь общей молвой насчетъ его опытности и способностей вести самыя казусныя дѣла, обратился къ Макару Григорьевичу. Такъ какъ первымъ условіемъ этого дѣльца была откровенная исповѣдь его довѣрителя, то и Андрею Николаевичу пришлось, смиривъ себя, высказать Струнину о себѣ такія вещи, зная которыя, Макаръ Григорьевичъ совершенно могъ держать его въ своихъ рукахъ.

Такимъ образомъ, не смотря на всю свою спѣсь и на все свое презрѣніе къ чиновничеству и подъячеству, Андрей Николаевичъ былъ до крайности вѣжливъ и предупредителенъ съ Макаромъ Григорьевичемъ. Онъ дружески принималъ его у себя, обходился съ нимъ весьма почтительно, тогда какъ Струнинъ, сознавая уже свою необходимость для Границына, пускался съ нимъ въ фамильярность и въ дерзкія шутки. Какъ ни досадны, какъ ни оскорбительны были для Андрея Николаевича такія его отношенія къ отвратительному подъячему, но онъ не только не рѣшался удерживать Струнина отъ попытокъ стать съ нимъ на пріятельскую ногу, но даже самъ старался расположить къ себѣ Макара Григорьевича еще болѣе, той мелкой угодливостью, къ которой онъ былъ такъ способенъ, въ случаѣ надобности, и которая такъ унижала его въ глазахъ благородно-гордой Надежды Александровны, хорошо знавшей совершенно противуположныя стороны въ характерѣ своего мужа.

— Ну что же, сударь ты мой? говорилъ Макаръ Григорьевичъ Андрею Николаевичу, возвратившемуся отъ Выогина; и стоя передъ Границынымъ, онъ весь покачивался, раздвинувъ ноги и заложивъ обѣ руки въ карманы своихъ брюкъ. Спѣсивый Андрей Николаевичъ искоса посмотрѣлъ было на такую неучтивую передъ нимъ позитуру мелкаго приказнаго; но дѣлать было нечего, приходилось смирить свое самолюбіе.

— Я объяснился съ генераломъ, отвѣчалъ Границынъ, стараясь придать себѣ важность.—Онъ хотѣлъ назначить для слѣдствія Полосова...

— Гм... гм... Полосова? Плохо же!.. пробормоталъ Струнинъ и, обмусливъ сигару, принялся раскуривать ее.

— Отчего жь плохо, Макаръ Григорьевичъ? спросилъ встревоженнымъ голосомъ Границынъ.

— Когда говорятъ, что плохо, значитъ, что плохо, отвѣчалъ грубо Струнинъ, прекративъ на минутку раскурку сигары.—Я говорю о дѣлахъ не наобумъ; все зависитъ, какъ поведешь дѣло добавилъ онъ, выпустивъ почти въ лицо Андрея Николаевича клубъ сигарочнаго дыма.

— Если такъ обдѣлывать дѣла, такъ, чего добраго, прогуляешься, сударь ты мой, и по владимірской; не посмотрятъ, что ты богатый баринъ; вѣдь законъ для всѣхъ одинаково писанъ, добавилъ съ ѣдкою шутливостью Струнинъ, и подобравъ сзади обѣими руками фалды своего вицмундира и задравъ къ верху голову, онъ, съ сигарой во рту, сталъ передъ Границынымъ, нахально посматривая на него.—Вѣдь тутъ подлогъ; такъ за это дворянинъ маршъ въ Сибирь... знаешь, туда... добавилъ усмѣхнувшійся Струнинъ, протяжно свиснувъ и махнувъ рукою по воздуху.

Опустивъ внизъ голову, Андрей Николаевичъ стоялъ совершенно растерянный.

— Да впрочемъ горевать-то слишкомъ нечего; вѣдь жена-то можетъ, если захочетъ, слѣдовать въ ссылку за мужемъ; такъ можетъ быть и не одинъ Андрей Николаевичъ туда отправится... добавилъ, захохотавъ, Струнинъ, довольный своей выходкой и желая этой грубой шуткой еще лишній разъ кольнуть Границына, намекнувъ ему объ домашнемъ разладѣ.

Андрей Николаевичъ стиснулъ зубы.

— А вотъ что, прикажите-ка, сударь мой, подать закуску, сказалъ Струнинъ: — такъ мы и потолкуемъ.

Не поднимая вверхъ головы, Границынъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ и сильно дернулъ за сонетку. Когда же на звонокъ явился лакей, то уже самъ Макаръ Григорьевичъ, какъ будто у себя дома, распорядился о завтракѣ.

Наступило молчаніе. Границынъ сидѣлъ у окна съ разстроеннымъ выраженіемъ лица, то поламывая пальцы, то подергивая усы, то слегка топая ногою. Струнинъ же очень спокойно, не обращая никакого вниманія на хозяина и распѣвая что-то вполголоса, расхаживалъ по кабинету; онъ то разсматривалъ висѣвшія на стѣнахъ картины, то бралъ и вертѣлъ въ рукахъ разныя дорогія бездѣлушки, лежавшія на столахъ или поставленныя на этажеркахъ.

Вскорѣ былъ принесенъ завтракъ.

— Ну вотъ теперь и поговорить можно, сказалъ Струнинъ, принимаясь за водку.

Границынъ всталъ, вышелъ въ сосѣднюю комнату и заперъ на ключъ дверь, которая вела изъ этой комнаты въ другую, и затѣмъ плотно притворилъ дверь своего кабинета.

— Отчего вы, Макаръ Григорьевичъ, сказали, что будетъ плохо, если по моему дѣлу станетъ производить слѣдствіе Полосовъ? Мнѣ такъ кажется совсѣмъ наоборотъ, потому что съ нимъ, какъ съ человѣкомъ, хорошо знакомымъ въ моемъ домѣ, можно будетъ поскорѣе сладить, нежели съ кѣмъ нибудь другимъ.

Струнинъ дожевывалъ въ это время кусокъ котлетки, и не обращалъ повидимому ни малѣйшаго вниманія на вопросъ Андрея Николаевича, который, не получивъ отвѣта, повторилъ его еще разъ, почти въ тѣхъ же самыхъ словахъ.

— Полосовъ вашъ—дрянь! рѣзко отозвался Струнинъ.—Много онъ смыслитъ въ такихъ важныхъ дѣлахъ! онъ только запутается въ нихъ самъ, да и вамъ-то хлопотъ еще больше прибавитъ. Такія дѣла надобно кончать съ умѣньемъ, такъ, чтобы, какъ говорятъ умные люди, концы въ воду, а пузыри вверхъ.... добавилъ Макаръ Григорьевичъ съ нѣкоторою таинственностію и притомъ поучительнымъ тономъ.

— Какъ же однако уладить мое дѣло? спросилъ озабоченнымъ голосомъ Границынъ.

— Вѣдь ваша милость сами изволили говорить, что заемное письмо было заготовлено для маклерскаго засвидѣтельствованія никѣмъ инымъ, какъ только вами съ перемѣною вашего почерка, и что даже подпись должника была такъ же сдѣлана вашей собственной рукой,—слѣдовательно во всемъ виноваты вы. Когда начнутъ слѣдствіе, то соберутъ секретарей и сличатъ почерки; ну вотъ тутъ и станетъ явно, что подлогъ и обманъ сдѣланъ вами....

— Но я вовсе не желалъ никого обмануть! сердито вскрикнулъ Границынъ. — Прудновъ не хотѣлъ мнѣ лично оказать кредита и принималъ, при заемномъ письмѣ отъ Набатова, только мое поручительство; притомъ, я хотѣлъ выплатить заемное письмо прежде срока и никакъ не предполагалъ, чтобы мой кредиторъ, провѣдавши чортъ-знаетъ черезъ кого о моемъ оборотѣ,

завелъ со мной уголовное дѣло, не дожидаясь даже срока, назначеннаго для уплаты....

— Хорошъ оборотъ! нечего сказать!... Чистѣйшій, сударь ты мой, подлогъ и обманъ, — просто мошенничество! замѣтилъ насмѣшливо Струнинъ.

Андрей Николаевичъ задыхался отъ злости.

— А что, тысяча серебромъ за совѣтъ будетъ? спросилъ Струнинъ, пристально смотря на Границына своими быстрыми и хитрыми глазами.—Будетъ? такъ и по рукамъ! добавилъ онъ, поднимая высоко свою ладонь и сбираясь изо всей силы хлопнуть ею по ладони, которую подставлялъ ему въ это время Границынъ съ замѣтнымъ отвращеніемъ. Послѣднее видѣлъ Струнинъ; но онъ впрочемъ не обращалъ на это ни малѣйшаго вниманія и нисколько не оскорблялся этимъ.

Послѣ рукобитья начались совѣты опытнаго приказнаго.

— Игольниковъ-то перешелъ теперь на службу въ губернаторскую канцелярію, началъ Струнинъ ровнымъ голосомъ: — и дѣло ваше на первыхъ порахъ будетъ передано на храненіе ему; а вѣдь онъ человѣкъ поистинѣ облагодѣтельствованный вами, такъ и не грѣхъ бы было ему спасти отъ конечной бѣды своихъ благотворителей....

— Что жь однако можетъ сдѣлать Игольниковъ, — онъ такой меленькій чиновничишка! спросилъ торопливо Андрей Николаевичъ.

— Какъ что? сказалъ, ухмыльнувшись, Струнинъ.—А вы думаете, что одни только крупные люди могутъ все дѣлать?... Какъ бы не такъ! Да хвати онъ изъ дѣла заемное письмо, да поскорѣе его на двадцать клочковъ, въ меленькіе лоскуточки, такъ потомъ и поминай какъ звали! Конечно, не такъ-то легко отдѣлается послѣ этого онъ самъ, и будетъ отвѣчать передъ начальствомъ за утрату важнаго документа, отданнаго ему на храненіе, и притомъ такого, по которому производится слѣдствіе,— да вѣдь отвѣтитъ-то онъ не Богъ знаетъ какъ!... небрежно добавилъ Струнинъ.—Притомъ и въ канцеляріи служащаго народу много: не на него одного падетъ подозрѣніе, отвертится какъ нибудь, и ужь самое большое для него будетъ наказаніе, если подержатъ его годикъ другой въ острогѣ, а тамъ выпустятъ на волю да исключатъ изъ службы.... Можетъ и потерпитъ, да за то ваше дѣло покончится на вѣки вѣковъ. Ужь само собой разумѣется, что и ему малую толику выдать надо. Конечно, если

бы судить по совѣсти, то и послѣ пропажи заемнаго письма отвертѣться вашей чести было бы куда-какъ трудновато; всѣ бы судьи въ одинъ голосъ, положа руку на сердце, рѣшили, что по обстоятельствамъ дѣла виноваты вы; но вѣдь судить-то будутъ по уликамъ; а когда не будетъ заемнаго письма, то гдѣ же ихъ взять?...

Границынъ немного ободрился и съ напряженнымъ вниманіемъ слушалъ плутоватыя внушенія Струнина.

— Ну, а какъ заемное письмо пропадетъ, то вы и будете настаивать съ своей стороны на томъ, что, молъ, я зналъ долгое время въ Петербургѣ такого господина, который выдавалъ себя вездѣ за Набатова, и что мнѣ не требовать же было отъ него документовъ объ его званіи, что, кромѣ того, по фамиліи онъ мнѣ былъ извѣстенъ какъ человѣкъ богатый, что мнѣ его за Набатова рекомендовали другіе, а кто именно—не помню, и что, наконецъ, я только могъ поручиться за него, не дѣлая самъ вовсе никакого подлога, а такъ по добротѣ сердца; значитъ—онъ обманщикъ, вы его и отыскивайте, а уже съ меня и того будетъ, что я поплатился за свою ошибку, удовлетворивъ кредитора на свой счетъ, какъ поручитель. Правда, люди дѣловые увидятъ тутъ ловкую штучку, и скажутъ: «вишь, вѣдь какъ ловко вывернулся! должно быть, большой руки плутъ этотъ Андрей Николаевичъ!» а другіе, чего добраго, напротивъ съ простоты сердца пожалѣютъ о васъ, да и прибавятъ: «вотъ дуракъ-то, какъ славно его въ Петербургѣ надули!...» заключилъ со смѣхомъ Макаръ Григорьевичъ.

Внутренній гнѣвъ Границына не зналъ въ это время предѣловъ. Лицо его было багрово, губы тряслись, и онъ въ сильномъ волненіи ходилъ по комнатѣ скорыми шагами, взадъ и впередъ. Несмотря, однако, на внутренніе порывы, онъ удержался отъ замѣчаній своему совѣтнику насчетъ его оскорбительныхъ словъ и только тяжело пыхтѣлъ и отдувался, пока длилась эта позорная для него бесѣда.—Слова: обманъ, мошенничество, плутъ, мучительно отзывались въ ушахъ тщеславнаго Границына.

Въ заключеніе Струнинъ попросилъ у Андрея Николаевича росписку въ пятьсотъ рублей, будто бы должныхъ послѣднимъ первому, и затѣмъ условился получить остальную сумму уже тогда, какъ онъ устроитъ это дѣло окончательно. Макаръ Григорьевичъ принялъ на себя завести съ Игольниковымъ перего-

воры о похищеніи изъ дѣла заемнаго письма, какъ только дѣло поступитъ въ его руки.

Ободренный покровительствомъ Вьюгина и еще болѣе соображеніями Струнина, Границынъ въ тотъ же день, вечеромъ, отправился въ Прибылово.

XIV.

Андрей Николаевичъ явился въ свою усадьбу какъ будто бы нѣсколько переродившимся человѣкомъ. Находясь между страхомъ и надеждой, онъ, какъ это всегда бываетъ съ людьми самолюбивыми, а вмѣстѣ съ тѣмъ и слабаго характера, и сознался въ своей прежней негодности и давалъ себѣ зарокъ исправиться въ будущемъ; но между тѣмъ въ это же время безчестно обдумывалъ свое собственное избавленіе отъ бѣды, хотя бы оно и кончилось совершенною погибелью Игольникова. Сильнѣйшій эгоизмъ оставался все-таки главною основою его дѣйствій.

Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ тревожной боязни Границынъ доходилъ порою до отчаянія, и въ эти минуты искалъ иногда душевной опоры у Надежды Александровны, какъ у такой личности, которая по его понятіямъ была обязана, какъ жена, сочувствовать его непріятностямъ и его горю. Онъ чувствовалъ необходимость раздѣлить по временамъ съ кѣмъ нибудь свою тоску и свое безпокойство, и ему казалось, что въ бесѣдахъ съ женою онъ могъ нѣсколько успокоивать себя. Не открывая Надеждѣ Александровнѣ своихъ слишкомъ нечестныхъ продѣлокъ во всей ихъ полнотѣ и истинности, Андрей Николаевичъ высказывалъ ей только свое сожалѣніе о томъ, что онъ, вслѣдствіе своихъ невольныхъ ошибокъ, разстроилъ вконецъ ея состояніе, что нѣкоторыя обстоятельства, въ которыхъ онъ, по его словамъ, не былъ лично виноватъ нисколько, но въ которыя, къ несчастью, былъ вовлеченъ людьми негодными, могутъ въ скоромъ времени надѣлать ему бездну непріятностей и подорвать всѣ ихъ денежныя средства.

Непритворное участіе Надежды Александровны къ непріятному положенію мужа, ея безропотность на его поступки и наконецъ готовность ея простить ему ихъ — подѣйствовали въ нѣкоторой степени на очерствѣлую душу Границына, но не исправили однако его совершенно. Сближаясь съ женой, онъ въ то-

же время не забывалъ и Шарлоты Карловны, и въ то время, когда бесѣды съ Надеждой Александровной производили на него нѣкоторое, впрочемъ довольно слабое впечатлѣніе, страстныя письма Шарлоты сильно волновали его и заставляли Границына забывать о зарождавшейся въ немъ привязанности къ Надеждѣ Александровнѣ. Чувственные порывы легко брали верхъ надъ слабо-развитой духовной природой Границына, и онъ не могъ какъ слѣдовало оцѣнить Надежду Александровну.

Между тѣмъ она не безъ радостнаго волненія замѣчала благопріятную перемѣну въ характерѣ своего мужа: онъ сдѣлался теперь съ нею обходительнѣе и уступчивѣе во многихъ случаяхъ. Совѣсть Андрея Николаевича, хотя и придушенная эгоизмомъ, начала порою нашептывать ему, что онъ своими поступками и мотовствомъ приготовилъ своимъ дѣтямъ незавидную долю, а быть можетъ даже позоръ и совершенную нищету. Подъ вліяніемъ этой мысли, Границынъ сталъ порою жалѣть своихъ малютокъ, которые, съ своей стороны, увидѣвъ, что отецъ противъ обыкновенія становится къ нимъ внимателенъ и добръ, спѣшили ласкаться къ нему. Надежда Александровна ощутила теперь невѣдомое ей до той поры семейное счастье. Съ перемѣной въ Андреѣ Николаевичѣ къ лучшему, для нея какъ будто началась другая жизнь, отличная отъ прежней.

Александръ Никитичъ, которому его зять по пріѣздѣ въ Прибылово объяснилъ дѣло по-своему и котораго онъ успокоилъ увѣреніями, будто бы все это были только одни пустяки, находился въ отличномъ расположеніи духа. Прежнее довѣріе его къ зятю возстановлялось мало-по-малу, а между тѣмъ, вслѣдствіе бесѣдъ съ Полосовымъ и вслѣдствіе откровенныхъ разговоровъ съ Надеждой Александровной, онъ самъ увидѣлъ вздорность многихъ своихъ воззрѣній. Въ дочери своей онъ, сверхъ ожиданія, нашелъ много вѣрныхъ взглядовъ на практическую жизнь и убѣдился въ твердости ея воли. Первое обстоятельство заставляло его смотрѣть на Надежду Александровну уже не какъ на глупенькаго ребенка, котораго нужно водить на помочахъ; а второе обстоятельство удерживало его отъ прежняго самовластія съ дочерью. Онъ сталъ обходиться съ нею совсѣмъ иначе и даже, при нѣкоторыхъ вопросахъ по хозяйственной части, говорилъ зятю, чтобы онъ обращался за совѣтами къ своей женѣ. Теперь для Александра Никитича становился понятенъ тотъ неожиданный отпоръ, который дала ему, нѣсколько времени

тому назадъ, его дочь, когда онъ, по своей привычкѣ, несправедливо поддерживалъ сторону ея мужа. Онъ уразумѣлъ теперь, что стремленіе подчинить чужой безусловной волѣ повидимому такое покорное и робкое созданіе, какимъ была его Наденька, не такъ легко, какъ это казалось прежде. Изъ разговоровъ съ дочерью, доходившихъ иногда до запальчивыхъ споровъ, Александръ Никитичъ могъ вполнѣ убѣдиться, что эта женщина кротка только до времени, но что въ рѣшительную минуту она не уступитъ никому.

«Какъ же плохо я зналъ мою Наденьку! думалъ не разъ Александръ Никитичъ. — Я полагалъ, что она всю жизнь останется такой, какой я ее выростилъ.»

Затѣмъ Александръ Никитичъ припоминалъ мысленно свои разговоры съ дочерью и, не безъ покачиванія головой, размышлялъ о томъ, какъ она ставила его въ тупикъ, когда онъ пытался внушить ей слѣпое и безропотное исполненіе ея обязанностей, посредствомъ тѣхъ разсужденій о супружеской жизни, которыя онъ вычиталъ нѣкогда въ разныхъ книжкахъ, по мнѣнію его написанныхъ чрезвычайно умно и благонамѣренно, или посредствомъ такихъ нравственныхъ правилъ, которыя онъ забралъ къ себѣ въ голову еще въ старые годы, когда считалъ себя полновластнымъ распорядителемъ въ своемъ домѣ. Александръ Никитичъ не замѣчалъ вовсе шаговъ времени и не видѣлъ разлада между новыми и ветхими понятіями.

Страннымъ также казалось Александру Никитичу и то, что продолжительная покорность Наденьки въ ея домашней жизни и ея уклоненіе отъ всѣхъ семейныхъ ссоръ и соблазновъ происходили вовсе не отъ робкаго сознанія ею своего ничтожества, какъ женщины, но на оборотъ отъ сознанія ею своего достоинства и изъ уваженія къ самой себѣ, такъ какъ она скорѣе хотѣла переносить добровольно многое, нежели вступить въ такую борьбу, въ которой она не могла остаться побѣдительницей, не выработавъ прежде своего характера и своихъ убѣжденій. Само собою разумѣется, что все это Надежда Александровна передавала своему отцу не въ общихъ краснорѣчивыхъ фразахъ, а объясняла свои мысли весьма просто, наглядно, представляя ему въ примѣръ изъ своего быта тѣ мелочные случаи, изъ которыхъ однако слагается или счастіе, или горе цѣлой женской жизни.

Съ сильнымъ недовѣріемъ и съ тупою непонятливостью слушалъ Александръ Никитичъ въ первое время разсужденія своей Наденьки и о томъ, что у женщины, кромѣ ея обыденныхъ обязанностей, могутъ быть еще другія лучшія стремленія, что красивая наружность мужа и домашнее довольство не составляютъ еще полнаго супружескаго счастія, что, кромѣ любви, между мужемъ и женою должна быть нравственная связь, и что поэтому невозможно женщинѣ любить искренно мужчину, хотя бы онъ ей и былъ законнымъ супругомъ, если она не цѣнитъ въ немъ его души и его характера...

— Что это за пустяки ты несешь, Наденька! замѣчалъ съ досадой Александръ Никитичъ, махнувъ рукой, когда въ первый разъ, въ откровенномъ разговорѣ отца съ дочерью, послѣдняя коснулась своей супружеской жизни и заговорила съ Александромъ Никитичемъ и смѣло и искренно объ этомъ предметѣ.—Ты видно начиталась разныхъ бредней изъ новомодныхъ книгъ и сама толкуешь о томъ, чего не понимаешь. Ты хочешь казаться героиней романа, да вѣдь для этого надобно, чтобъ ты испытала необыкновенныя приключенія въ своей жизни, добавилъ поучительнымъ голосомъ Александръ Никитичъ, слѣдуя стародавнему воззрѣнію на романическую судьбу женщины.

— Быть можетъ и дѣйствительно необходимо испытывать женщинѣ, какъ вы, папенька, говорите, необыкновенныя приключенія для того, чтобъ сдѣлаться героиней въ какомъ нибудь вымышленномъ романѣ, перебила съ улыбкой и съ живостью Надежда Александровна: — но, я думаю, для того, чтобъ женщинѣ быть героиней въ обыкновенной жизни, для нея очень довольно выстрадать нѣсколько лѣтъ сряду такъ, чтобы страданія эти были никому незамѣтны и чтобъ повидимому жизнь ея шла своимъ обыкновеннымъ чередомъ, очень мирно, безъ всякихъ особыхъ приключеній.—Неужели вы думаете, папенька, съ жаромъ продолжала Надежда Александровна: — что для перенесенія мелочныхъ ежедневныхъ страданій нужно имѣть не менѣе твердости, чѣмъ для перенесенія какихъ нибудь бѣдствій, о которыхъ бы писали, говорили, и которыя изумили бы многихъ. Въ послѣднемъ случаѣ даже суетность могла бы поддержать женщину, и самая исключительность ея положенія вызвала бы въ ней болѣе рѣшимости и болѣе твердости; но каково же, папенька, добавила грустно Надежда Александровна :—страдать женщинѣ такъ, чтобъ никто не зналъ и не понималъ даже хорошенько

настоящихъ причинъ ея страданія, и чтобъ, при малѣйшемъ ея ропотѣ на свою судьбу, самые близкіе къ ней люди называли ее капризнымъ и вздорнымъ созданіемъ?

— Но вѣдь, Наденька, сказалъ, нахмурясь, Александръ Никитичъ: — не забудь, что мы вовсе не приневоливали тебя идти замужъ; ты сама согласилась пойти за Андрея Николаевича.

— Папенька, папенька! перебила Надежда Александровна съ горькимъ укоромъ: — вспомните только, какъ вы держали меня, когда я уже была взрослой дѣвушкой!.. Позволили вы мнѣ хоть разъ высказать вамъ то, что я чувствовала? Простите меня за откровенность, — но вы даже въ самыхъ ничтожныхъ мелочахъ не давали мнѣ ни малѣйшей свободы! Припомните: когда, я бывало, замедлю хоть на минуту исполнить ваше приказаніе, призадумаюсь надъ нимъ, вы мнѣ уже говорили: «твое дѣло только слушать, а самой не разсуждать...» а между тѣмъ, сколько разъ мнѣ въ это время хотѣлось броситься къ вамъ на шею, расцѣловать васъ, и безъ притворства высказать вамъ все, что я думала и чувствовала.

Александръ Никитичъ тяжело вздохнулъ; ему какъ будто было жаль, что онъ прежде забивалъ ту откровенность въ своей дочери, которою онъ теперь невольно любовался.

Собственно только теперь, въ Прибыловѣ, Александру Никитичу приходилось оставаться наединѣ съ дочерью нѣсколько часовъ сряду, и онъ, не подчиняясь въ ту пору никакому постороннему вліянію, съ каждымъ разомъ все терпѣливѣе прислушивался къ словамъ Надежды Александровны и невольно сознавался, что въ нихъ было много горькой и даже оскорбительной для него правды. Понявъ хорошенько характеръ Наденьки, онъ убѣдился, что прошла уже та пора, когда могли съ его Наденькой такъ легко сладить и онъ, и Андрей Николаевичъ; онъ видѣлъ теперь, что строгость только вызоветъ съ ея стороны противодѣйствіе, и потому онъ былъ вполнѣ счастливъ, когда замѣтилъ, что Границынъ не раздражаетъ своей жены, какъ прежде, и что онъ старается сблизиться съ ней посредствомъ обходительности и уступчивости.

Прибылово представляло въ это время для посторонняго зрителя пріятную и успокоительную картину домашняго быта: согласіе не прерывалось между мужемъ и женою, и они оба какъ будто вполнѣ сходились въ своихъ мнѣніяхъ; казалось, что

между ними никогда не бывало разлада. Молодая хозяйка, прежде задумчивая и грустная, сдѣлалась весела и довольна; спѣсивый и высокомѣрный Андрей Николаевичъ, усмиренный обстоятельствами сдѣлался тихъ, любезенъ и со всѣми обходителенъ; даже всегда надутый Александръ Никитичъ, довольный теперь счастливымъ исходомъ долго тревожившаго его дѣла, не былъ уже причудливымъ и докучливымъ старикомъ, наводившимъ тоску на весь домъ. Прибылово какъ будто ожило и повеселѣло, и Александръ Никитичъ и его дочь принялись дѣятельно за устройство запущенной усадьбы. Если къ этому прибавить молодую влюбленную чету и хорошенькихъ веселыхъ дѣточекъ Надежды Александровны, то, повидимому, Прибылово сдѣлалось какимъ-то счастливымъ уголкомъ.

Счастье, казалось, не хотѣло оставить въ это время и укромный домикъ Игольниковыхъ. Уже давно похаживалъ къ нимъ въ гости Осининъ, племянникъ одного изъ затворскихъ протопоповъ, считавшійся единственнымъ наслѣдникомъ своего зажиточнаго дяди, по смерти котораго, какъ ходила въ городѣ молва, молодой Осининъ долженъ былъ получить довольно большой каменный домъ, и въ добавокъ еще нѣсколько десятковъ тысячъ серебромъ, въ билетахъ мѣстнаго приказа. Дядя, разбитый два раза параличемъ, еле двигался, и замѣтно слабѣлъ, и повидимому каждый день приближалъ Осинина къ полученію наслѣдства. Осининъ былъ былъ малый лѣтъ двадцати шести, черноволосый, плотный и здоровый, съ синеватымъ краснымъ румянцемъ во всю щеку, служилъ онъ въ какой-то палатѣ, былъ исправнымъ чиновникомъ и одѣвался не только опрятно, но даже и пестро-щегольски; кромѣ того онъ отличался умѣніемъ бренчать на гитарѣ, и пѣлъ съ аккомпаниментомъ этого инструмента, нѣсколько фальшиво, разныя русскія пѣсни и съ десятокъ самыхъ общеизвѣстныхъ романсовъ. При всѣхъ этихъ условіяхъ, Осининъ считался едва ли не лучшимъ женихомъ въ томъ кружку затворскаго общества, къ которому принадлежала Сашенька по скромному положенію своего отца.

— Что бы догадаться ему посвататься за нашу Сашеньку! говорила обыкновенно Аграфена Сергѣевна всякій разъ послѣ того, какъ Осининъ, придя къ нимъ въ гости съ гитарой и насытивъ ихъ слухъ вдоволь своей игрой и пѣніемъ, уходилъ отъ нихъ вечеромъ домой.

— Видно не хочетъ, отвѣчалъ повидимому весьма равнодушно Петръ Ивановичъ, а самъ между тѣмъ думалъ тоже самое, что и Аграфена Сергѣевна.

— Да изъ-за чего бы, однако, сталъ онъ къ намъ ходить? спрашивала иногда Аграфена Сергѣевна своего мужа, послѣ ухода отъ нихъ Осинина. — Развѣ ему весело сидѣть цѣлый вечеръ съ нами стариками, какъ будто бы онъ не можетъ найти для себя другой забавы? Нѣтъ, видно онъ къ намъ зачѣмъ нибудь да ходитъ, добавляла заботливая мать и вмѣстѣ съ этимъ усердно молилась въ душѣ, чтобъ поскорѣе исполнились ея догадки.

Дѣйствительно, посѣщенія Осинина имѣли цѣлью—женитьбу на Сашенькѣ. Выросшій въ патріархальныхъ понятіяхъ, молодой человѣкъ старался прежде всего поддѣлаться къ родителямъ будущей своей невѣсты, въ полной увѣренности, что ихъ вліяніе доставитъ ему руку Сашеньки, если бы даже почему нибудь она заупрямилась и не захотѣла быть его женою. Приходя къ Игольниковымъ, Осининъ каждый разъ развѣдывалъ косвенно о Сашенькѣ. Съ своей стороны Аграфена Сергѣевна всегда въ подобныхъ случаяхъ старалась поддержать разговоръ о своей дочери, очень простодушно расхваливая ее, сколько могла; и какъ ни была проста отъ природы Аграфена Сергѣевна, однако материнская любовь сдѣлала ее на столько хитрой, что она съумѣла однажды вызвать гостя на откровенныя объясненія.

Разговорившись съ Аграфеной Сергѣевной, Осининъ началъ ей высказывать, что Сашенька ему очень и притомъ уже давно нравится, что она должна имѣть чрезвычайно доброе сердце, что такая дѣвушка можетъ навѣрно сдѣлать счастливымъ того мужчину, котораго она полюбитъ.

Петръ Ивановичъ, слушая Осинина, расхаживалъ по комнатѣ въ сильномъ волненіи, потирая рукою затылокъ и дивясь находчивости своей сожительницы, которая съумѣла такъ ловко повести дѣло. Конецъ разговора между молодымъ человѣкомъ и хозяйкой былъ тотъ, что Осининъ просилъ передать его предложеніе Александрѣ Петровнѣ и выразить ей, что онъ желалъ бы лично объясниться съ нею. Аграфена Сергѣевна заголосила и отъ радости и отъ горя, при мысли, что ея Сашенька выйдетъ замужъ; у Петра Ивановича потекли слезы, и онъ, набравъ на кулаки рукава своего халата, отиралъ ими глаза, и не зная, что говорить, только всхлипывалъ время отъ времени.

— Пусть будетъ только она, голубушка наша, счастлива съ вами, а съ нашей стороны вамъ отказа не будетъ, проговорила Аграфена Сергѣевна, глотая слезы.

— Христосъ съ ней! дабавилъ Игольниковъ, и самъ залился горькими слезами.

Жениха тоже прошибли почему-то слезы; отъ радости онъ не зналъ, что ему дѣлать и, въ волненіи опускаясь на диванъ, раздавилъ свою гитару.

Петръ Ивановичъ и Аграфена Сергѣевна вскрикнули отъ испуга въ одинъ голосъ, увидѣвъ, что надѣлалъ Осининъ.

XV.

— А вы сегодня рѣшительно уѣзжаете? сказала Сашенька Полосову робкимъ голосомъ, встрѣтившись съ нимъ утромъ въ саду и смотря на него грустными глазами.

— Да, отвѣчалъ Полосовъ, тоже невесело взглянувъ на Сашеньку, и оба они замолчали.

— И вы уѣзжаете совсѣмъ?... спросила нерѣшительно молодая дѣвушка.

— Думаю, что мнѣ ужь не приведется еще разъ побывать здѣсь.... А здѣсь мнѣ было такъ весело!.. добавилъ Полосовъ.

— Зачѣмъ же уѣзжать оттуда, гдѣ бываетъ весело? съ живостью перебила Сашенька, стараясь скрыть свое волненіе.

— Мнѣ необходимо ѣхать, замѣтилъ Полосовъ. — Пройдемтесь, Александра Петровна, немного по этой аллеѣ, добавилъ онъ, дѣлая шагъ впередъ.

Сашенька исполнила его желаніе.

— Знаете, Александра Петровна, заговорилъ Полосовъ, идя рядомъ съ молодой дѣвушкой:—почему мнѣ такъ грустно оставлять Прибылово?...

Не отвѣчая ничего на этотъ неожиданный вопросъ, Сашенька быстро взглянула на Полосова и потомъ опустила глаза въ землю. Полосовъ замолкъ, какъ будто не рѣшаясь продолжать начатый разговоръ.

— Такъ какъ вы не догадываетесь, началъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія:—то позвольте мнѣ сказать вамъ эту причину;—мнѣ грустно уѣзжать отсюда потому, что не скоро придется опять увидѣться съ вами....

Лицо Сашеньки вспыхнуло яркимъ румянцемъ. Безъ малѣйшаго кокетства, съ выраженіемъ откровенности въ глазахъ и съ привѣтливой улыбкой, она дружески подала Полосову свою руку, которую онъ поцаловалъ и крѣпко и медленно.

— Я заплачу́ вамъ подобнымъ же признаніемъ, сказала печально Сашенька: — мнѣ безъ васъ будетъ здѣсь грустно.... Она не придавала этимъ словамъ особаго заманчиваго для Полосова значенія и высказала ихъ, потому что они были у нея въ это время на сердцѣ, и какъ будто сами просились на передачу.

— Но, Александра Петровна, перебилъ съ живостью Полосовъ: — мы оба свободны, никто не помѣшаетъ намъ быть всегда вмѣстѣ. Въ васъ столько доброты, ума и благородства, что вы навѣрно сдѣлали бы меня вполнѣ счастливымъ, если бы вы были моей женою.... Я знаю, что вы бѣдны, продолжалъ Полосовъ съ возрастающимъ одушевленіемъ: — и, быть можетъ, вамъ извѣстно, что и я рѣшительно ничего не имѣю. Но неужели же тѣмъ, кто умѣетъ любить, можно бояться бѣдности? бодро добавилъ увлекшійся Полосовъ, забывая на время, сколько онъ натерпѣлся отъ нея горя.

— Я не боюсь нисколько даже самой страшной нужды, но подумайте однако, сколько новыхъ заботъ принесу я вамъ, сколько горя прибавлю я къ вашей, и безъ того, быть можетъ, трудной жизни?... Не разъ прислушивалась я къ вашимъ разговорамъ и замѣтила, что вы рветесь къ свободѣ и независимости, что у васъ въ виду иныя стремленія, что такая однообразная семейная жизнь вамъ будетъ непремѣнно тягостна; а я слишкомъ люблю васъ, чтобъ когда нибудь сдѣлаться причиною вашего ропота и раскаянія, добавила съ жаромъ Сашенька, крѣпко пожимая руку Полосова.

— Но, заговорилъ прерывающимся голосомъ Полосовъ: — трудъ, время.... они впослѣдствіи устроятъ наши дѣла.

— Если бы это и было такъ, то все же есть еще другая причина; но вы никогда не узнаете ее, проговорила тихо Сашенька.

Она вся задрожала и, закрывъ платкомъ глаза, скоро, почти бѣгомъ, кинулась отъ Полосова въ аллею, по направленію къ дому.

У Полосова не доставало смѣлости удержать Сашеньку; онъ боялся оскорбить ее какимъ нибудь грубымъ движеніемъ и почти безсознательно глядѣлъ, какъ исчезала передъ нимъ Сашенька въ концѣ длинной аллеи. Разстроенный отказомъ Сашеньки и

въ то же время еще болѣе увлеченный ею, вслѣдствіе ея чистосердечнаго признанія, Полосовъ не могъ теперь дать себѣ отчета ни въ своихъ мысляхъ, ни въ своихъ чувствахъ и, не зная, что ему дѣлать, сѣлъ на скамейку, смотря въ тяжеломъ раздумьѣ то на небо, то на зелень, и стараясь объяснить себѣ ту причину отказа, на которую намекнула Сашенька, но которая осталась для него тайной.

На Сашеньку разговоръ съ Полосовымъ подѣйствовалъ еще сильнѣе. Она была въ какомъ-то лихорадочномъ состояніи, и мысленно припоминала нѣсколько разъ и рѣчь Полосова и свои слова, и убѣждалась, что если бы опять могъ повториться между ними прежній разговоръ, то она, при всей своей любви къ Полосову, сказала бы ему тоже самое; отказалась бы, изъ желанія ему лучшей доли, отъ своего собственнаго счастья и ни за что въ свѣтѣ не выдала бы ему своей тайны, о которой она намекнула такъ необдуманно, увлекшись откровенностію. Послѣ первыхъ слезъ, не сдержанныхъ среди сильнаго волненія, Сашенька не могла болѣе плакать; она сидѣла у открытаго окна, подперши обѣими руками свою горячую головку; она слышала, какъ сердце ея билось неровнымъ, болѣзненнымъ боемъ и чувствовала, что ею овладѣла слабость и изнеможеніе.

Любовь влекла Сашеньку къ Полосову, но за то другія чувства останавливали ея сердечное влеченіе. Сашенька насмотрѣлась довольно на тяжелую труженическую жизнь бѣдняковъ вообще; не разъ приходилось ей также слышать, какъ иные посторонніе люди жалѣли порою молодаго человѣка, увлекшагося минутною страстью и женившагося по любви, а потомъ день за днемъ перебивавшагося, безъ всякой надежды, въ самой страшной нищетѣ. Ей приходилось также быть слушательницей такихъ бесѣдъ, гдѣ обсуживалось положеніе семейныхъ бѣдняковъ и гдѣ ихъ робость, уничиженность, искательство, взяточничество признавались необходимыми средствами для выхода изъ печальнаго положенія; гдѣ наконецъ извинялись многіе нечестные поступки мужчины потому только, что у рѣшавшагося на нихъ были жена и дѣти. Сашенька представляла себѣ Полосова, подавленнаго постоянною, безъисходной нуждой, и съ ужасомъ думала о томъ, какъ подъ пагубнымъ вліяніемъ неизбѣжной нищеты ему придется отступать мало-по-малу отъ своихъ лучшихъ убѣжденій, какъ онъ станетъ покорно склоняться передъ прихотливымъ произволомъ, какъ ему необходимо будетъ льстить тѣмъ, отъ кого онъ будетъ

заискать и заискивать расположеніе въ такихъ людяхъ, которыхъ онъ внутренно не можетъ не презирать. Съ тревожнымъ волненіемъ думала Сашенька, что Полосовъ, рано или поздно, долженъ будетъ рѣшиться на многое и не для собственныхъ выгодъ, но быть можетъ, для того только, чтобы избавить свою жену отъ житейскихъ ничтожныхъ хлопотъ, близкихъ къ холоду и голоду. Мысль о нравственномъ паденіи любимаго человѣка пугала честную и умненькую дѣвушку. Она жалѣла теперь, что, поддавшись сильному увлеченію, высказала Полосову тѣ чувства, которыя должны были оставаться ея тайной.

«И я буду виной его уничиженія, я отниму у него его независимость, и заставлю провести всю жизнь въ борьбѣ съ мелочами изъ-за куска насущнаго хлѣба? Нѣтъ! я никогда не рѣшусь на это, думала Сашенька. —Я попытаюсь прежде сама жить независимо, честнымъ трудомъ, и если къ этому откроется возможность, тогда....»

Но и при этой мысли Сашенька отрицательно качала головкой, потому что незнакомое ей до сихъ поръ чувство ревности начинало мучить молодую дѣвушку. Она припоминала, съ какимъ выраженіемъ дружбы смотрѣлъ иногда Полосовъ на Надежду Александровну, съ какимъ непритворнымъ участіемъ слушалъ все, чтò касалось жизни этой женщины, съ какой заботой онъ пытался успокоить ее въ самыхъ простыхъ бездѣлицахъ и разогнать своей бесѣдой находившую на нее тоску; наконецъ, съ какимъ одушевленіемъ онъ всегда разговаривалъ о Надеждѣ Александровнѣ.

«Я увѣрена, говорила сама съ собой Сашенька: — что Полосовъ не обманываетъ меня; онъ въ самомъ дѣлѣ любитъ меня; но онъ не можетъ любить меня такъ, какъ бы я этого хотѣла, потому что онъ увлекся ужь Надеждой Александровной, и теперь онъ любитъ не меня одну, но и ее».

Безъ ложнаго самолюбія сравнивая себя съ Границыной, Сашенька находила, что на такого молодаго мужчину, какимъ былъ по ея мнѣнію Полосовъ, скорѣе должна была произвести впечатлѣніе такая молодая, привлекательная женщина, какъ Надежда Александровна, нежели какая нибудь молоденькая, рѣзвая пансіонерка, какой казалась она сама. Сашенька чувствовала на себѣ то чарующее обаяніе, которое навѣвала на нее Границына, и не хотѣла себѣ представить, чтобы не могли не полюбить и не привязаться къ ней тѣ, которые имѣли случай сбли-

зиться съ нею и узнать ее хорошенько. Въ чистыхъ помыслахъ Сашеньки любовь мужчины къ женщинѣ сливалась въ дружбу и преданность, и потому Сашенька была готова ревновать любимаго ею человѣка не только къ молодой хорошенькой женщинѣ, но и къ его самому искреннему, самому безкорыстному другу.

Не встрѣчая долго нигдѣ Сашеньки и напрасно ожидая ея обычнаго прихода въ садъ подъ липу, гдѣ онѣ вмѣстѣ занимались по утрамъ работой или чтеніемъ, Надежда Александровна пошла сама навѣдать Сашеньку въ ея комнатѣ. Границына давно уже замѣчала между Сашенькой и Полосовымъ сближеніе, проявленіе котораго очень понятно и совершенно простительно между молодыми людьми, пользующимися нѣкоторыми особыми условіями деревенской свободы. Надежда Александровна, возвышенная сердцемъ, вполнѣ вѣрила какъ въ честность Полосова, такъ и въ благоразуміе Сашеньки, и потому не будучи самымъ близкимъ другомъ, она не желала однако быть строгой педанткой, повторяющей на каждомъ шагу неопытной еще молодости давно избитыя внушенія объ осторожности и удаленіи отъ всего, что можетъ имѣть хоть слабую тѣнь подозрѣнія въ глазахъ людей, привыкшихъ видѣть во всемъ только дурное. Съ другой стороны, Надежда Александровна при всѣхъ своихъ заботахъ о Сашенькѣ не хотѣла вовсе играть въ настоящемъ случаѣ роль тѣхъ благородныхъ свахъ, которыя нерѣдко по одной только добротѣ способствуютъ сближенію молодой влюбленной пары, или для которыхъ забота о чужомъ сердечномъ дѣлѣ составляетъ предметъ празднаго любопытства. Вообще свахи этого рода бываютъ очень рады, когда ихъ труды увѣнчиваются бракомъ, въ особенности же, если при этомъ, хотя бы съ самыми печальными видами въ будущемъ, устроивается судьба проживавшей въ ихъ домѣ бѣдной родственницы или ихъ воспитанницы, начинающей дѣлаться имъ въ тягость. Надобно довершить свои благодѣянія; вѣдь выдача дѣвушки замужъ составляетъ, по понятіямъ весьма многихъ лицъ, высшую степень благотворительности; а потому не мѣшаетъ и поторопиться добрымъ дѣломъ.

Надежда Александровна предвидѣла, что отъѣздъ Полосова опечалитъ Сашеньку. Она была внимательна къ огорченію своей молодой подруги и не хотѣла раздражать ее еще болѣе непрошенными распросами или какими нибудь намеками.

— Что же вы, мой дружочекъ, не пришли сегодня ко мнѣ, какъ всегда? сказала Надежда Александровна, войдя тихо въ комнату Сашеньки и ставши за спинкой креселъ, на которыхъ она сидѣла. Съ этими словами Границына поцаловала ее въ голову.

Сашенька быстро поднялась съ мѣста и обѣими руками крѣпко сжала руки Надежды Александровны; она не выпускала ихъ и молча стояла передъ Границыной. Замѣтно было, что Сашенька, какъ будто смѣшалась передъ нею,—чего прежде никогда не бывало. Смущеніе Сашеньки не ускользнуло отъ Границыной; ей стало жаль молодую дѣвушку, которой не съ кѣмъ было раздѣлить сердечное горе; Надежда Александровна знала по себѣ самой, какъ это тяжело, какъ это невыносимо, и, жалѣя о Сашенькѣ, не могла удержаться, чтобъ не вызвать ее на дружескую бесѣду.

— Вы, Сашенька, чѣмъ-то огорчены сегодня? спросила съ участіемъ Надежда Александровна и, желая помочь ей скрыть выступавшія изъ глазъ слезы, она оборотилась къ окну, какъ будто смотря на разведенный подъ нимъ цвѣтникъ.

Сашенька собралась немного съ духомъ. Она чувствовала безконечную свою любовь и преданность къ Надеждѣ Александровнѣ, но въ это время ее мучила мысль, что Границына была ея соперницей въ сердцѣ Полосова. Сашенька испытывала теперь ту безъисходную борьбу чувствъ, которая такъ ужасно отзывается въ молодомъ созданіи, умѣющемъ любить не иначе, какъ только съ полнымъ увлеченіемъ, безъ всякой тревожной мысли, безъ всякаго подозрѣнія.

— Пойдемте, Сашенька, въ залу; я отыскала вчера вечеромъ между нотами такую пьесу въ четыре руки, которой мы съ вами еще не играли, и она, взявъ Сашеньку за руку, увела ее за собою. На переходѣ изъ Сашенькиной комнаты въ залу, имъ встрѣтился на лѣстницѣ Полосовъ. Онъ пошелъ вслѣдъ за ними. Смущеніемъ Сашеньки и разстроеннымъ видомъ Полосова Надежда Александровна была поставлена въ чрезвычайное затрудненіе; она взглядывала то на него, то на нее, въ то время, когда Сашенька, наклонясь надъ роялемъ, разбирала ноты, а Полосовъ, стоя въ нѣкоторомъ отдаленіи, грустно смотрѣлъ на Сашеньку. Платонъ Васильевичъ чувствовалъ себя слишкомъ неловко и наконецъ, собравшись съ духомъ, рѣшился выйти изъ своего мучительнаго положенія.

— Сегодня, утромъ, я сдѣлалъ Александрѣ Петровнѣ предложеніе, сказалъ Полосовъ спокойнымъ голосомъ, уже окончательно овладѣвъ собою.

— И что же?.. спросила Надежда Александровна съ невольною живостью.

— Я былъ такъ несчастливъ, что получилъ отказъ, печально отвѣчалъ Полосовъ.

Сашенька повернула было голову въ ту сторону, гдѣ была Надежда Александровна, но въ туже минуту опять наклонилась надъ нотами, такъ что ни Полосову, ни Границыной не было видно ея пылавшаго лица.

— Александра Петровна не вѣритъ ни въ мою любовь къ ней, ни въ мои силы работать и трудиться для нашего счастья, добавилъ Полосовъ съ горькой усмѣшкой.

— О, нѣтъ! я вѣрю вамъ, слишкомъ даже вѣрю, Платонъ Васильевичъ.... проговорила съ чувствомъ Сашенька, быстро обернувшись къ Полосову и отъ сильнаго волненія роняя на полъ ноты.

— Отчего же вы, Сашенька, отказываете Платону Васильевичу? спросила Надежда Александровна, взявъ ее за талью и придвигая къ себѣ.

Сашенька не отвѣчала ни слова; она только взглянула на Надежду Александровну, и въ этомъ взглядѣ, брошенномъ Сашенькой на Границыну, взглядѣ, полномъ тоски, проглядывалъ еще какъ будто сдержанный укоръ Надеждѣ Александровнѣ.

— Я принесу только заботы и горе Платону Васильевичу, отвѣчала Сашенька, перемогая слезы: — а развѣ не грѣшно и не ужасно испортить всю жизнь тому, кого любишь?...

— Александра Петровна, сказалъ съ жаромъ Полосовъ: — я твердо убѣжденъ, что напротивъ — вы составите счастье моей грустной жизни.... вы ободрите меня въ самыя тяжелыя для меня минуты и поддержите меня вашимъ сердечнымъ участіемъ въ моихъ трудахъ, среди всѣхъ безпокойствъ и нуждъ, которыя, быть можетъ, встрѣтятся намъ въ жизни... Я полагаю, добавилъ Полосовъ: — что у васъ съ Надеждой Александровной нѣтъ никакихъ тайнъ и что вы скажете при ней настоящую причину вашего отказа, о которой вы мнѣ намекнули....

Не говоря ничего Полосову, Сашенька крѣпко обняла Надежду Александровну и начала цаловать ее; а между тѣмъ слезы крупными каплями катились изъ глазъ Сашеньки. Ей было

больно, что она могла хоть на одинъ мигъ укорить мысленно Надежду Александровну въ своемъ горѣ, и старалась теперь загладить свою вину поцалуями и слезами, какъ это въ минуту раскаянія дѣлаетъ простодушный ребенокъ, желая получить прощеніе отъ того, къ кому онъ бываетъ сильно привязанъ и кого онъ любитъ безпредѣльно.

— Очень понятно, что неожиданность вашего предложенія должна была сильно взволновать Сашеньку, сказала Надежда Александровна Полосову.—Она теперь такъ разстроена, что ей трудно обдумать, на что̀ рѣшиться. Пусть она прежде немного успокоится, и я увѣрена, что она будетъ согласна сказать своимъ друзьямъ съ полной откровенностью настоящую причину отказа... Вѣдь я правду говорю, Сашенька? добавила Границына своимъ симпатическимъ голосомъ, взглянувъ на молодую дѣвушку съ сожалѣніемъ и участіемъ.

Пожавъ Полосову дружески руку и слегка взявъ Сашеньку за талью, Надежда Александровна пошла съ нею въ садъ.

Вечеромъ, въ тотъ же день, Полосовъ выѣхалъ изъ Прибылова; неодолимая тоска подавляла его. Сашенька не вышла изъ своей комнаты проститься съ нимъ, и украдкой отъ всѣхъ проплакала цѣлую ночь.

XVI.

Утромъ Вьюгинъ попросилъ къ себѣ Полосова. Платонъ Васильевичъ нашелъ его, противъ обыкновенія, чрезвычайно озабоченнымъ; на письменномъ его столѣ лежали отложенныя въ сторону бумаги.

— Пренепріятное завязывается у насъ дѣло, сказалъ онъ Полосову послѣ обычныхъ привѣтствій;—приходится произвести слѣдствіе надъ Границынымъ; вѣдь вы у него были теперь въ гостяхъ? Il est de notre société.... Il a quelques rélations avec le comte Сабининъ... Vous concevez,.. добавилъ, морщась, Вьюгинъ.—Надобно полегче повести это дѣло. Мнѣ жаль его жену, c'est une femme parfaitement comme il faut et si bien élevée.... Она, я думаю, ничего не знаетъ о продѣлкахъ мужа?.. Негодяй!.. Вѣдь у нихъ, кажется, есть двое малютокъ... Pauvres enfants! ils sont deshonoré par leur péré!.. Tachez, cher ami, d'ar-

ranger cette affaire... добавилъ Вьюгинъ, и въ его мягкомъ и пріятномъ голосѣ слышалось непритворное состраданіе.

Несвязный разговоръ Вьюгина и его русская рѣчь, перемѣшанная съ французской, доказывали, что Вьюгинъ былъ чрезвычайно разстроенъ; видно было также, что онъ съ одной стороны совѣстился внушать своему подчиненному, мягко повести передаваемое ему дѣло; а съ другой стороны мысль о погибели человѣка, и о безчестіи, которое должно было пасть на цѣлую его семью, не позволяла Вьюгину говорить съ Полосовымъ иначе.

— Я не знаю еще этого дѣла.... замѣтилъ Полосовъ.

— Убытковъ здѣсь не терпитъ никто; конечно, деньги будутъ все-таки взысканы съ Границына, какъ съ оплошнаго поручителя; пострадаетъ одно только нравственное достоинство, и онъ, при всемъ снисхожденіи, сдѣланномъ ему съ нашей стороны, будетъ жестоко наказанъ общественнымъ мнѣніемъ. Я полагаю, что и этого наказанія слишкомъ достаточно для человѣка изъ хорошаго круга.

Вьюгинъ подошелъ къ столу и взялъ отложенныя въ сторону бумаги.

— Вотъ это дѣло, сказалъ онъ Полосову:—къ нему приложено и заемное письмо, въ подлогѣ котораго подозрѣвается теперь Границынъ... Вы, пожалуйста, просмотрите всѣ эти бумаги и приходите ко мнѣ сегодня обѣдать; а послѣ обѣда вы мнѣ объясните, въ чемъ дѣло. Признаюсь, мнѣ крайне было бы непріятно, если бы въ мое здѣсь управленіе пало такое позорное пятно на здѣшнее общество, добавилъ Вьюгинъ, прощаясь съ Полосовымъ.

Полосову стоило только пробѣжать дѣло Границына, чтобъ увидѣть всю трудность или, лучше сказать, всю невозможность оправдаться Границыну въ падавшемъ на него подозрѣніи, безъ снисхожденія слѣдователя и безъ увертокъ со стороны обвиняемаго. Платонъ Васильевичъ ужаснулся при мысли, какъ будетъ поражена Надежда Александровна позоромъ своего мужа; и не могъ объяснить себѣ того спокойствія, какимъ повидимому наслаждался Границынъ въ Прибыловѣ, зная очень хорошо, что ему вскорѣ придется дать отвѣтъ по такому дѣлу, изъ котораго по справедливости не было никакого исхода. Взглянувъ однако на это дѣло не съ одной чиновнической, но съ общечеловѣческой точки зрѣнія, Полосовъ рѣшился пощадить, сколько могъ, Границына; онъ хотѣлъ сдѣлать это не изъ угодливости Вьюги-

ну, но изъ сожалѣнія къ Надеждѣ Александровнѣ и къ ея семейству, честь котораго разрушалась, если бы было доказано преступленіе Андрея Николаевича.

Въ тотъ же день, послѣ обѣда, Полосовъ высказалъ Александру Петровичу, что, по его мнѣнію, остается одно только средство—принимать отъ Границына объясненія и истолкованія его невиновности, выставлять изъ нихъ на видъ тѣ обстоятельства, которыя могутъ помочь Границыну выйти изъ бѣды — конечно съ тѣмъ только, чтобы онъ не завлекалъ въ нее никого другаго взамѣнъ себя.

Добросердечный Вьюгинъ согласился съ этимъ и предоставилъ Полосову вести дѣло предположеннымъ имъ способомъ.

Полосовъ понималъ, что онъ, оправдывая виновнаго, кривитъ душой какъ чиновникъ; но врожденная мягкость характера брала въ этомъ случаѣ верхъ; онъ чувствовалъ полное омерзѣніе къ негодной личности Границына, и щадилъ его, какъ мы сказали, просто только изъ сожалѣнія къ его женѣ и дѣтямъ. Притомъ Полосовъ, можетъ статься, и не совсѣмъ вѣрно былъ убѣжденъ, что одинъ лишній примѣръ наказанія не принесетъ обществу спасительнаго урока; кромѣ того, Платонъ Васильевичъ оправдывался передъ самимъ собою еще и тѣмъ, что онъ рѣшился дѣйствовать такъ снисходительно не потому, что Границынъ былъ изъ одного съ нимъ общества, но потому, что онъ поступилъ бы точно также и въ дѣлѣ каждаго простолюдина, если бы только оправданіе послѣдняго, какъ это было въ настоящемъ случаѣ, не дѣлало никому вреда и не привлекало никого къ отвѣтственности. Конечно, строгіе блюстители закона могли справедливо укорить Полосова за такой образъ мыслей, какъ чиновника, не достойнаго этого званія; но Полосовъ прежде чѣмъ сдѣлался чиновникомъ, былъ человѣкъ съ мягкимъ, сострадательнымъ сердцемъ и не могъ передѣлать себя въ неумолимаго преслѣдователя человѣческихъ пороковъ.

Между тѣмъ Макаръ Григорьевичъ, дѣятельный агентъ Андрея Николаевича, не дремалъ. Онъ уже заранѣе зналъ, что бумаги о Границынѣ поступятъ въ столъ къ Петру Ивановичу; а теперь, провѣдавъ о полученіи этого дѣла въ губернской канцеляріи, Струнинъ отправился искушать Игольникова.

Петръ Ивановичъ былъ пораженъ, просмотрѣвъ переданное ему дѣло. Онъ тщательно запряталъ его подальше въ свой шкапъ, и, при всей своей откровенности съ женою, не рѣшился

ни слова сказать ей о томъ, какая страшная бѣда грозитъ Андрею Николаевичу, не только изъ боязни, что она, какъ женщина, разболтаетъ какъ нибудь преждевременно объ этомъ, но и потому еще, что онъ не хотѣлъ заранѣе огорчать ее печальною вѣстью.

Между тѣмъ добрый Игольниковъ потерялъ отъ безпокойства и аппетитъ и сонъ. Тщетно приставала къ нему Аграфена Сергѣевна по нѣскольку разъ въ день, допытываясь о причинѣ его душевнаго разстройства; Петръ Ивановичъ только глубоко задумывался при этомъ, да безнадежно покачивалъ головою. Желая развеселить своего пріунывшаго супруга, Аграфена Сергѣевна съ живостью принималась толковать съ нимъ о томъ, какъ они въ скоромъ времени выдадутъ Сашеньку за Осинина, какъ весело отпразднуютъ свадьбу, какъ у нихъ потомъ пойдутъ внуки и внучки и такъ далѣе, все въ этомъ же родѣ. Озабоченный тѣмъ горемъ, которое приближалось теперь къ Надеждѣ Александровнѣ, Петръ Ивановичъ, всегда разговорчивый съ Аграфеной Сергѣевной, казалось, не обращалъ никакого вниманія на ея неугомонную болтовню. Непонятная для нея печаль мужа огорчала и тревожила Аграфену Сергѣевну.

Надобно замѣтить, что Игольниковы не знали еще о предложеніи, сдѣланномъ ихъ дочери Платономъ Васильевичемъ, такъ какъ Сашенька не пріѣзжала до сихъ поръ въ городъ, а самъ Полосовъ, при настоящей развязкѣ его объясненій съ нею, считалъ излишнимъ сообщать родителямъ о своей безуспѣшной любви къ ихъ дочери.

Черезъ нѣсколько дней по полученіи Игольниковымъ дѣла о Границынѣ, когда Петръ Ивановичъ послѣ обѣда прилегъ отдохнуть, а жена его усѣлась съ чулкомъ у отвореннаго окна, думая о Сашенькѣ и о своемъ будущемъ зятѣ, какой-то приземистый господинъ вошелъ въ калитку ихъ дома.

— Къ намъ кто-то незнакомый идетъ, батюшка Петръ Иванычъ! крикнула громко, въ попыхахъ, Аграфена Сергѣевна, и кинувшись къ дивану, на которомъ отдыхалъ Игольниковъ, принялась будить своего мужа. Прежде однако чѣмъ Петръ Ивановичъ успѣлъ въ просонкахъ вскочить съ дивана, незнакомый голосъ спросилъ за дверью:

— А что, Петръ Иванычъ дома?...

Мужъ и жена переглянулись.

— Попроси его.... подсказалъ шопотомъ Петръ Ивановичъ Аграфенѣ Сергѣевнѣ, а самъ, схвативъ проворно съ дивана кожа-

ную подушку и халатъ, юркнулъ на цыпочкахъ въ другую комнату и принялся тамъ одѣваться, какъ можно скорѣе.

Когда Аграфена Сергѣевна отворила дверь, на порогѣ показался Струнинъ.

— Просимъ, батюшка, извиненія, сказала Аграфена Сергѣевна: — Петръ Иванычъ прилегъ было немножко отдохнуть послѣ обѣда, но сейчасъ придетъ сюда; не угодно ли будетъ вамъ присѣсть, добавила хозяйка, показывая рукою на диванъ.

Макаръ Григорьевичъ быстро окинулъ своими зоркими глазами небольшую горенку Игольниковыхъ. Признаки недостаточности, очень близко подходившей къ нищетѣ, ободряли его; онъ хорошо зналъ, что съ бѣдняками дѣла улаживаются попроще, и что объясняться съ ними можно безъ долгихъ церемоній.

Черезъ нѣсколько минутъ вышелъ изъ сосѣдней комнаты Петръ Ивановичъ, вѣжливо кланяясь незнакомому гостю и извиняясь, что онъ заставилъ его дожидаться.

— А что, вашей дочери еще нѣтъ въ городѣ? прямо спросилъ Струнинъ, садясь на диванъ.

— Нѣтъ, она гоститъ у Надежды Александровны, поспѣшила отвѣчать Аграфена Сергѣевна.

— Знаю, знаю Андрея Николаевича и Надежду Александровну,—какая славная барыня! перебилъ Макаръ Григорьевичъ:— а я и къ вамъ-то пришелъ по ихъ дѣлу. Съ этими словами Струнинъ показалъ Петру Ивановичу глазами, что онъ хотѣлъ бы поговорить съ нимъ наединѣ. Понявъ желаніе гостя, Игольниковъ легонько толкнулъ локтемъ стоявшую подлѣ него Аграфену Сергѣевну, которая и вышла по этому знаку въ сосѣднюю горницу.

— Вотъ видите что, сказалъ вкрадчиво Струнинъ, осматриваясь кругомъ:—вѣдь надобно сказать правду, вы многимъ обязаны Границынымъ; а знаете-ли, чего добраго, Андрея-то Николаевича, за его плутни, отправятъ прогуляться въ Сибирь?...

Петра Ивановича изумило такое вступленіе въ знакомство; но въ то же время онъ вспомнилъ, что жена его, при множествѣ добрыхъ качествъ, имѣла кое-какіе маленькіе недостатки, и что любопытство было не послѣднимъ изъ нихъ; онъ вспомнилъ также, что въ настоящую минуту ее отдѣляла отъ гостя, говорившаго о дѣлѣ Андрея Николаевича, одна только плохая досчатая перегородка, и потому онъ прежде всего опрометью бросился въ спальню, чтобъ взглянуть, была ли тамъ или нѣтъ Аграфена

Сергѣевна. Игольникова кинуло и въ жаръ и въ ознобъ, когда, отворивъ дверь, онъ увидѣлъ передъ собою свою жену, блѣдную какъ полотно, съ раскрытымъ ртомъ и неподвижными глазами. Аграфена Сергѣевна стояла передъ нимъ въ какомъ-то страшномъ оцѣпѣненіи. Растерянный Петръ Ивановичъ не нашелся ничего болѣе сдѣлать, какъ только замахать на нее нѣсколько разъ вдругъ обѣими руками, желая ей этимъ показать, чтобъ она молчала, а самъ между тѣмъ, съ трудомъ сдерживая свое волненіе, поспѣшилъ выйти къ непрошеному гостю.

— Дѣло-то шишковато... началъ опять Струнинъ полу-шутя и полу-серьёзно, потирая руки. — Да что, впрочемъ, съ вами и говорить объ этомъ, — вѣдь вы дѣло знаете лучше чѣмъ я, оно у васъ находится теперь...

— Ну, Богъ милостивъ! сказалъ Петръ Ивановичъ: — если съ Андреемъ Николаевичемъ и случился какой нибудь грѣхъ, такъ вѣдь это можетъ быть и съ каждымъ изъ насъ. Да притомъ, если онъ подписался настоящимъ своимъ именемъ и собственною своею рукою у заемнаго письма, какъ поручитель, то значитъ, что онъ во всякомъ случаѣ деньги отдать хотѣлъ; а если и сдѣлалъ при этомъ что нибудь не такъ, не въ точности по закону, то разумѣется сдѣлалъ это только по вѣтренности, да по необдуманности...

— Да вѣдь, сударь ты мой, сказалъ важно Струнинъ:—законы-то уголовные не для невинныхъ дѣвушекъ писаны... Это онѣ всегда отговариваются, что грѣшатъ по вѣтренности да по необдуманности; а въ палатахъ, да въ сенатѣ на это не смотрятъ. Вѣдь если бы такъ стали судить нашего брата, то все бы съ рукъ сходило; кто же себѣ врагъ? никто бы не оговаривалъ себя, а показывалъ бы только, что впалъ въ проступокъ по вѣтренности да по необдуманности.

И затѣмъ Макаръ Григорьевичъ, отрекомендовавшись Петру Ивановичу, что онъ и адвокатъ, и ходатай, и повѣренный, и стряпчій, Струнинъ, о которомъ впрочемъ Игольниковъ имѣлъ уже случай слышать нѣсколько разъ, принялся разсказывать Игольникову тотъ планъ дѣйствій, какой онъ сообщилъ еще прежде Границыну.

Во все это время Петръ Ивановичъ быстро ходилъ по комнатѣ, безпрестанно потирая голову.

— Какъ хорошенько пораздумаешь да поразсмотришь, такъ оно и видно, говорилъ Струнинъ:—что пристань-то спасенія оста-

лась только одна — непремѣнно нужно пустить прежде всего въ трубу заемное письмо Андрея Николаевича; а ужь это дѣло чисто отъ васъ зависитъ.

— Боже меня сохрани и помилуй, чтобы я когда нибудь рѣшился на это! съ ужасомъ вскрикнулъ Игольниковъ.

— Да вѣдь кромѣ добраго дѣла, которымъ вы пособите вашимъ благодѣтелямъ, вы еще отъ нихъ получите особую денежную награду. Андрей Николаевичъ ужь говорилъ мнѣ объ этомъ, перебилъ вразумляющимъ голосомъ Струнинъ.

— Ну, ужь за деньги тѣмъ болѣе этого не сдѣлаю! быстро возразилъ Игольниковъ, закрывая руками уши, какъ бы не желая слушать рѣчи своего искусителя.—Я увѣренъ, продолжалъ Петръ Ивановичъ:—что Андрей Николаевичъ и безъ меня оправдается,—вѣдь онъ не мошенникъ же какой нибудь, чтобъ принялся составлять подложные акты!..

— Ну, а если не оправдается? Вѣдь будетъ, почтеннѣйшій мой, на вашей совѣсти, что вы погубите тѣхъ, кому вы такъ много обязаны, замѣтилъ хладнокровно Струнинъ.—Если же пропадетъ у васъ изъ дѣла заемное письмо, то вамъ ничего не будетъ особеннаго: настрочатъ строжайшій выговоръ за небрежность въ храненіи бумагъ да и только; ужь будто васъ не отстоитъ Платонъ Васильевичъ? развѣ онъ не близкій человѣкъ Границынымъ? Эхъ, вы, себялюбцы, добавилъ съ укоромъ Струнинъ:—только бы вамъ самимъ было хорошо! Не сами ли вы сейчасъ мнѣ говорили, что если Андрей Николаевичъ и сдѣлалъ что нибудь, то по вѣтренности только да по необдуманности,—такъ выходитъ, что по вашему и за это слѣдуетъ губить человѣка? Небось еще христіанами называетесь!.. Укоры эти сильнѣе всѣхъ убѣжденій подѣйствовали на мягкосердечнаго Петра Ивановича; ему въ одно мгновенье представились всѣ ужасныя послѣдствія, которыя будутъ исходомъ дѣла, если только Границынъ будетъ уличенъ въ подлогѣ. Игольниковъ вспомнилъ при этомъ и Надежду Александровну, и ея малютокъ, и Сашеньку — и началъ колебаться.

— Извините меня, батюшка, простодушно сказалъ Петръ Ивановичъ Струнину:—на такое важное дѣло я безъ жены рѣшиться не могу. — Аграфена Сергѣевна! Аграфена Сергѣевна! поди сюда, тревожно и громко крикнулъ Петръ Ивановичъ.

Ужь давно волновало Аграфену Сергѣевну упорство, съ какимъ отказывался Петръ Ивановичъ сдѣлать, по ея мнѣнію,

доброе дѣло, которое ему ничего не стоило, и притомъ сдѣлать его для такихъ людей, которымъ онъ былъ такъ много обязанъ. Услышавъ зовъ Петра Ивановича, Аграфена Сергѣевна проворно кинулась въ ту комнату, гдѣ сидѣлъ ея мужъ съ Макаромъ Григорьевичемъ.

— Вѣдь я все хорошо слышала, Петръ Ивановичъ!.. Ну какъ же тебѣ не стыдно отказывать въ такой бездѣлицѣ, для того, чтобъ не надѣлать горя нашей голубушкѣ Надеждѣ Алексанровнѣ! сказала Аграфена Сергѣевна съ упрекомъ своему мужу. — Велика важность, что пропадетъ какой нибудь кончикъ бумаги! П-фу! добавила она, непонимая вовсе дѣла, но уже настроенная въ пользу Границына не только собственной добротой, но и подслушанными ею доводами плутоватаго Струнина.

— Не кончикъ бумаги пропадетъ, сказалъ съ разстановкою Петръ Ивановичъ:—а пропадетъ заемное письмо, пропадетъ документъ, приложенный къ дѣлу...

— Да вѣдь безтолковый ты, развѣ не слышалъ, что Андрей Николаевичъ долгъ заплатитъ, такъ обиды отъ этого никому не будетъ.... Что же ты тутъ хлопочешь со своимъ документомъ? говорила расходившаяся противъ мужа Аграфена Сергѣевна.

— Разумѣется, вы говорите дѣло, поспѣшилъ добавить Струнинъ, радуясь въ душѣ той подмогѣ, которую онъ нашелъ теперь такъ неожиданно въ Аграфенѣ Сергѣевнѣ.

— Да вѣдь вы, батюшка, говорите также, что и онъ-то въ въ большомъ отвѣтѣ передъ начальствомъ не будетъ? заботливо спросила Аграфена Сергѣевна, обращаясь къ Струнину и показывая глазами на своего мужа.

— Такъ точно, твердымъ голосомъ замѣтилъ Макаръ Григорьевичъ. — Самое большое — дадутъ Петру Ивановичу строжайшій выговоръ, да перестанутъ довѣрять ему для сохраненія бумаги такого рода.

— Ну, изъ-за добрыхъ людей вытерпѣть это можно; вѣдь и Христосъ пострадалъ за насъ недостойныхъ, сказала съ чувствомъ Аграфена Сергѣевна.—Ты, я знаю, Петръ Ивановичъ, за доброе дѣло денегъ не возьмешь, и не бери ихъ, упаси отъ этого насъ Боже! Всю жизнь мы перебивались безъ взятокъ, такъ и на старости лѣтъ марать себя этимъ не будемъ. А сдѣлай это такъ, ради ближняго, — ты увидишь, что Господь тебя за доброе дѣло не оставитъ. Посуди самъ, кому какая польза отъ того бу-

детъ, что опозорятъ Андрея Николаевича и всю его семью... заключила разсудительнымъ тономъ Аграфена Сергѣевна.

— Такъ, такъ, дѣльно толкуе́те, Аграфена Сергѣевна; иначе и быть не можетъ, поддакивалъ одобрительно лукавый Струнинъ, пока Аграфена Сергѣевна, по добротѣ своей, уговаривала мужа рѣшиться на противозаконный поступокъ.

Во все это время Петръ Ивановичъ стоялъ неподвижно въ мучительномъ раздумьѣ.

— Эхъ, что тутъ будешь дѣлать! вскрикнулъ онъ наконецъ, съ выраженіемъ отчаянія схватившись обѣими руками за остатки волосъ: — такъ и быть, — для Надежды Александровны рѣшусь на все...

— Ну вотъ и слава тебѣ, Господи! проговорила Аграфена Сергѣевна.

— И давно бы пора... подхватилъ Струнинъ.—Завтра утромъ я буду у васъ, такъ мы и покончимъ дѣло.

Смѣтливый ходокъ по грязнымъ дѣламъ понялъ теперь очень хорошо, съ какими простодушными людьми онъ имѣлъ дѣло.

— Я Андрею Николаевичу человѣкъ чужой, началъ Макаръ Григорьевичъ:—и хлопочу только изъ того, чтобъ семьи его не надѣлать горя; такъ если что нибудь выдетъ, то ужь вы меня по дѣлу не мѣшайте, а я, съ своей стороны, вотъ вамъ Богъ свидѣтель, не скажу никому ни полслова о томъ, что̀ теперь было межжду нами и что будетъ завтра,..

— Вотъ вамъ Владычица небесная, что и я не проболтаюсь, сказала Аграфена Сергѣевна, сильно увлеченная примѣромъ Струнина, и при этомъ она набожно взглянула въ потолокъ.—Да и ты бы, Петръ Ивановичъ, тоже побожился, сказала она своему мужу: — а то они надоумили насъ на доброе дѣло, а потомъ сами будутъ и смущаться и тревожиться.

— Накажи меня Господь, сказалъ твердо Игольниковъ: — если я скажу про нихъ хоть одно лишнее слово...

— Ну, вотъ и прекрасно! подхватилъ весело Струнинъ.

Крѣпко пожавши Петру Ивановичу руку и вѣжливо поклонившись Аграфенѣ Сергѣевнѣ, онъ поспѣшно вышелъ изъ комнаты, не давая опомниться ошеломленнымъ Игольниковымъ.

— Такъ до завтра? сказалъ онъ, уже стоя на порогѣ.

— До завтра, батюшка, до завтра, увѣрительно проговорила Аграфена Сергѣевна, вмѣсто Петра Ивановича, который, остано-

вившись посреди комнаты, не могъ отдать себѣ отчета въ томъ, что съ нимъ было.

Въ теченіе цѣлаго дня Аграфена Сергѣевна, довольная тѣмъ, что наконецъ ея мужу представился случай оказать маленькую услугу Границынымъ, повторяла Петру Ивановичу, что онъ поступилъ какъ истинный христіанинъ, принимая на себя бѣду ближняго; что самъ Создатель пошлетъ за доброе дѣло счастье не только имъ, но и ихъ дочери. Совѣсть однако твердила Петру Ивановичу, что онъ поступилъ не честно, но увѣщанія жены, преданность Границыной и вообще взглядъ Игольникова на христіанскую обязанность—помогать ближнему чѣмъ только можно, лишь бы помощь эта не вредила другому, — придавали Игольникову нѣкоторое внутреннее спокойствіе и поддерживали его рѣшимость.

На другой день Петръ Ивановичъ, съ покаянной молитвой, вышилъ заемное письмо изъ дѣла и принесъ его на свою квартиру, гдѣ оно, спустя нѣсколько часовъ, и было обращено на свѣчкѣ въ пепелъ совершенно-спокойною рукою Струнина.

— Ну, теперь все покончено, сказалъ онъ, очень равнодушно развѣвая пепелъ по узкой комнатѣ. — Теперь, добавилъ онъ усмѣхнувшись: — какъ говорятъ умные люди, концы въ воду, а пузыри вверхъ!..

Это выраженіе было любимой поговоркой Макара Григорьевича при вершеніи принимаемыхъ имъ на себя затруднительныхъ дѣлъ.

Петръ Ивановичъ въ то время, какъ Струнинъ жегъ письмо, стоялъ словно растерянный.

— Да вы, Петръ Ивановичъ, догадались ли у себя въ шкапу замокъ попортить? спросилъ съ нѣкоторою заботливостью Струнинъ:—вѣдь это не мѣшало бы сдѣлать, для того, чтобъ отвести отъ васъ прямое подозрѣніе; вѣдь мало ли кто могъ и безъ васъ выкрасть документъ изъ дѣла? на васъ бы, пожалуй, на послѣдняго подумали.

— Нѣтъ, уже этого никогда не будетъ, настойчиво возразилъ Петръ Ивановичъ;— что бы со мной ни сдѣлали, а только одинъ я буду отвѣчать передъ судомъ. Ужь и такъ довольно грѣха взялъ я на душу!...

XVII.

Не навязчивая, но искренняя заботливость Надежды Александровны о Сашенькѣ успокоила нѣсколько молодую дѣвушку на другой день отъѣзда Платона Васильевича изъ Прибылова. Сашенька сама, безъ всякихъ спросовъ, съ полною откровенностію высказала Границыной, что она влюблена въ Полосова, что она пошла бы съ радостію за него замужъ, но что боится вовлечь его женитьбой на ней еще въ бо̀льшую зависимость и отъ людей, и отъ обстоятельствъ; тогда какъ, напротивъ, Полосовъ, пріискавъ себѣ невѣсту съ состояніемъ, будетъ имѣть больше самостоятельности и въ жизни, и въ службѣ.

— И кто знаетъ, добавила съ грустной улыбкой Сашенька:— быть можетъ онъ поблагодаритъ меня когда нибудь за то, что я не спутала его своей любовью?...

Надежда Александровна видѣла много горькой истины въ этихъ словахъ своей любимицы и, по совѣсти, не могла противорѣчить ей и уговаривать ее, чтобъ она измѣнила свой взглядъ въ этомъ отношеніи. Границыной могла только придти при этомъ на мысль одна избитая, а впрочемъ и ею самой испытанная истина, что счастье въ бракѣ не зависитъ еще отъ состоянія, и что можно быть счастливымъ въ семейной жизни, испытывая даже и нужду и лишенія. Однако Надеждѣ Александровнѣ, одаренной, по прихоти судьбы, не только довольствомъ, но и значительнымъ богатствомъ, было совѣстно высказать предъ бѣдной дѣвушкой даже и эту, какъ будто нѣсколько утѣшительную истину, которой она сама никакимъ образомъ не могла еще испытать въ своей собственной жизни.

Извѣстно, что любовь заставляетъ всегда хитрить болѣе или менѣе, и потому даже откровенная Сашенька въ разговорѣ своемъ съ Надеждой Александровной о Полосовѣ схитрила немножко, не передавъ ей чистосердечно своей догадки о любви къ ней Платона Васильевича, но только высказавъ свое опасеніе, что Полосовъ, кромѣ ея, могъ быть влюбленъ когда нибудь еще въ другую женщину.

— Дружочекъ мой, Сашенька, перебила, засмѣявшись, Границына: — какой вы еще ребенокъ! Да развѣ вы найдете мужчину, который, проживъ слишкомъ двадцать-пять лѣтъ, не влю-

бился бы ни разу?... Этимъ никакъ не можетъ огорчаться невѣста, и она должна считать себя счастливой, если женихъ, забывая передъ сватьбой свои прежнія привязанности, не увлечется послѣ женитьбы новыми привязанностями....

Слова эти, высказанныя Сашенькѣ Надеждой Александровной съ тѣмъ очаровательнымъ обаяніемъ, которому Сашенька такъ охотно и такъ радостно поддавалась, произвели на нее успокоительное дѣйствіе. Сашенька поняла, что смѣшно бы было ревновать Полосова за любовь еще къ другой женщинѣ до брака, и думала, что надобно совершенно простить его, еслибы онъ былъ даже страстно влюбленъ въ такую обворожительную женщину, какой была Границына въ глазахъ Сашеньки. Но все же Сашенька сказала въ заключеніе Надеждѣ Александровнѣ, что она не рѣшится пойти замужъ за Полосова, зная очень хорошо, что она не создастъ его счастья.

На томъ дѣло и кончилось.

Въ этотъ же самый день, во время обѣда, слуга доложилъ Андрею Николаевичу, что изъ города пріѣхалъ нарочный. Границынъ вздрогнулъ и поблѣднѣлъ и, съ судорожнымъ движеніемъ бросивъ на столъ салфетку, такъ быстро всталъ изъза стола, такъ проворно вышелъ изъ залы, что Надежда Александровна не успѣла замѣтить испугъ и смущеніе своего мужа, но это однако не укрылось отъ зоркаго глаза Александра Никитича, который догадался, въ чемъ дѣло, и съ подавляемымъ волненіемъ ожидалъ возвращенія въ залу своего зятя.

Андрей Николаевичъ вернулся очень скоро не только съ спокойнымъ, но и съ веселымъ видомъ. Письмо, полученное имъ отъ Струнина, увѣдомляло его, что извѣстное ему дѣло идетъ какъ нельзя лучше, что заботиться о такомъ вздорѣ теперь нечего. Вмѣстѣ съ этимъ Макаръ Григорьевичъ просилъ Границына, чтобы онъ поскорѣе пріѣзжалъ въ городъ, такъ какъ чѣмъ скорѣе онъ отдѣлается отъ всякихъ хлопотъ, тѣмъ ему самому будетъ пріятнѣе и удобнѣе.

— Мнѣ сегодня надобно отправиться въ городъ, сказалъ Андрей Николаевичъ, смотря съ торжествующимъ взглядомъ на Александра Никитича. — А вотъ и къ вамъ новости, добавилъ онъ очень любезно, подавая Сашенькѣ письмо.

— Ахъ, это отъ батюшки, — благодарю васъ! съ радостью проговорила Сашенька.

Она распечатала письмо и стала читать его; но не прошло и минуты, какъ она начала и плакать и смѣяться въ томъ сильномъ истерическомъ припадкѣ, который бываетъ въ нѣжномъ организмѣ слѣдствіемъ неожиданнаго нервнаго потрясенія. Всѣ съ изумленіемъ взглянули на Сашеньку; обѣдъ прекратился, и Надежда Александровна, съ подоспѣвшими горничными, стала помогать Сашенькѣ. Между тѣмъ Сашенька то дико хохотала, взглядывая на письмо, то плакала навзрыдъ, показывая его Надеждѣ Александровнѣ.

Границына рѣшилась взять письмо и прочитала его съ сильнымъ безпокойствомъ.

Въ письмѣ этомъ, написанномъ совокупно и отъ имени Петра Ивановича, и отъ имени Аграфены Сергѣевны, наполненномъ нѣжными родительскими ласками и завершенномъ какъ подписью Игольникова, такъ и каракулями его сожительницы, — сообщалось Сашенькѣ, что, по милости Божіей, она имѣетъ теперь прекраснаго жениха, Михаила Ивановича Осинина, что ея женихъ человѣкъ молодой, добрый и богатый, и что, выходя за него замужъ, она не только устроится сама, какъ слѣдуетъ, но и успокоитъ своихъ родителей при ихъ наступающей старости. Въ письмѣ выражалась полная увѣренность, что Сашенька, какъ почтительная и покорная дочь, безъ сомнѣнія исполнитъ волю своихъ родителей, которая должна быть священна для дѣтей, и что милосердый, праведный и всевидящій Господь благословитъ ее счастьемъ. Къ этому Игольниковы прибавляли, что они отслужили уже молебенъ тому святому, въ день котораго Осининъ сдѣлалъ имъ такое радостное, вовсе неожиданное предложеніе. Кромѣ того, какъ будто для бо̀льшаго вызова Сашеньки на уступчивость, Петръ Ивановичъ и Аграфена Сергѣевна въ самыхъ кроткихъ и ласковыхъ выраженіяхъ упоминали, что они не хотятъ ее приневоливать идти замужъ, но надѣются однако, что она по своей любви и почтительности къ нимъ не огорчитъ ихъ отказомъ, тѣмъ болѣе, что, какъ они увѣрены, для этого нѣтъ никакой причины.

Само собою разумѣется, что Надежда Александровна не была забыта въ этомъ письмѣ. Простодушные Игольниковы прославляли ее всевозможнымъ способомъ, внушали своей дочери, что она всѣмъ, кромѣ жизни, обязана Границыной, и въ заключеніе приказывали Сашенькѣ попросить у ней благословенія на предстоящій бракъ.

Надежда Александровна поняла, что должна была перечувствовать Сашенька при этихъ строкахъ, отъ которыхъ вѣяло такой простой, задушевной лаской и въ которыхъ въ тоже время высказывался заранѣе горькій укоръ, если Сашенька, не исполнивъ родительской воли, не только не устроитъ своей судьбы бракомъ съ Осининымъ, но и пренебрежетъ безпомощной старостью своего отца и своей матери. Границыной живо представилось ея прошлое; она живо перечувствовала тѣ душевныя муки, которыя придется перенести Сашенькѣ, стоя подъ вѣнцомъ съ нелюбимымъ человѣкомъ, и какъ потомъ она будетъ страдать еще болѣе, томясь подъ его произволомъ. Горькая доля Сашеньки была въ глазахъ Надежды Александровны еще ужаснѣе ея собственной; Надежда Александровна, выходя за мужъ, не любила, по крайней мѣрѣ, никого другаго, и кромѣ того она знала, что мужъ ея ни въ какомъ случаѣ не будетъ имѣть права упрекнуть ее въ бѣдности и корить ее тѣмъ, что она обязана ему всѣмъ до послѣдней нитки.

Надеждѣ Александровнѣ, слишкомъ чувствительной къ постороннему горю, казалось, что у ней не достанетъ силы отпустить Сашеньку изъ Прибылова въ Затворскъ за тѣмъ, чтобы ее тамъ выдали замужъ противъ воли.

Болѣзненный припадокъ Сашеньки прошелъ скоро; она, повидимому, совершенно оправилась и въ ней не было замѣтно ни грусти, ни заботы.

— Я пойду замужъ за Осинина, сказала она Границыной довольно твердымъ голосомъ: — потому что если я не сдѣлаю этого, то потомъ буду мучиться всю жизнь, зная, что я могла успокоить старость моего отца и матери, но отказалась отъ этого изъ-за какихъ-то несбыточныхъ мечтаній.... Они меня такъ ласково просятъ, добавила кротко Сашенька: — что мнѣ тяжело не исполнить ихъ просьбу.

Рѣшимость или, лучше сказать, самоотверженіе Сашеньки не заставило однако Границыну отказаться отъ мысли, которая пришла ей въ голову, а именно, съѣздить сперва самой въ городъ и узнать обстоятельно, что за личность Осининъ, такъ какъ сама Сашенька имѣла о немъ весьма мало понятія, видѣла его только разъ въ отцовскомъ домѣ. Надежда Александровна предполагала, — и предположенія ея были вѣрны, — что Игольниковы прельщаются болѣе устройствомъ судьбы Сашеньки, чѣмъ хлопочутъ о своей собственной старости. Границына

въ теченіе многихъ лѣтъ хорошо узнала эту безкорыстную чету, и ей страннымъ казалось, чтобы честные Игольниковы, выдавая дочь замужъ, располагали жить на счетъ своего богатаго зятя. Надежда Александровна въ такой формѣ письма видѣла только излишнюю заботливость родителей. Дѣйствителвно, они хотѣли только устроить поскорѣе Сашеньку за человѣка, по ихъ понятіямъ, вполнѣ достойнаго; но зная, что въ замужествѣ выборъ родителей очень часто не соотвѣтствуетъ вкусу невѣсты, затрогивали въ доброй Сашенькѣ самую чувствительную струну, припоминая ей такъ жалобно и такъ кротко о своей безпомощной старости.

Уѣзжая изъ деревни, Андрей Николаевичъ, по своимъ особымъ соображеніямъ, просилъ жену остаться въ Прибыловѣ до его возврата. Сашенька, въ свою очередь, не желая быть причиною разлада между Надеждой Александровной и ея мужемъ, уговаривала Границыну повременить поѣздкой въ городъ по ея дѣлу.

Для Сашеньки начались теперь рѣшительные дни.

Первымъ дѣломъ Андрея Николаевича по пріѣздѣ въ городъ было повидаться съ дѣятельнымъ Струнинымъ. Съ большимъ самохвальствомъ и съ фамильярностью, переходившими даже приличія, Макаръ Григорьевичъ возвѣстилъ Границыну, что онъ спасенъ, что теперь ни Вьюгинъ, ни Полосовъ для него ровно ничего не значатъ, и чтобы онъ отправился къ генералу и самъ бы требовалъ скорѣйшаго разъясненія дѣла, бросающаго на него такую обидную тѣнь.

Подбитый Струнинымъ, Андрей Николаевичъ поѣхалъ къ Вьюгину, но уже не съ той робостью и не съ тѣмъ смиреніемъ, съ какимъ онъ былъ у него нѣсколько недѣль тому назадъ.

Увидавшись съ Вьюгинымъ, Границынъ просилъ его поскорѣе назначить слѣдствіе, и когда Александръ Петровичъ замѣтилъ, что онъ поручилъ уже разсмотрѣть это дѣло Полосову, то Андрей Николаевичъ съ неудовольствіемъ возразилъ, что такое распоряженіе для него крайне непріятно.

— Почему же? кротко спросилъ Вьюгинъ.

— Оттого, ваше превосходительство, отвѣчалъ рѣзко Границынъ: — что Полосовъ коротко знакомъ въ моемъ домѣ; это извѣстно въ городѣ всѣмъ и каждому, и хотя я могу быть совершенно чистъ передъ самымъ строгимъ судомъ, но если слѣдо-

вателемъ будетъ Полосовъ, то всѣ заговорятъ, что я оправданъ только по лицепріятію, потому что онъ мой добрый знакомый. А такой говоръ, какъ вы сами очень легко поймете, былъ бы крайне оскорбителенъ для моей чести.... Я слишкомъ дорожу ею, добавилъ Границынъ, бросая спѣсивый и самоувѣренный взглядъ на Вьюгина.

— Если такъ, то для меня все равно, кто бы ни занялся слѣдствіемъ по вашему дѣлу, и чтобы не поступить противъ вашего желанія, я назначу кого-нибудь другаго изъ моихъ чиновниковъ. Позвольте мнѣ только подумать, кого именно...

Самоувѣренность Андрея Николаевича и его обиженный тонъ сильно подѣйствовали на впечатлительнаго и притомъ довольно забывчиваго Вьюгина. У него уже выскользнулъ изъ памяти недавній разговоръ съ Границынымъ объ его дѣлѣ, когда послѣдній былъ, повидимому, такъ доволенъ назначеніемъ Полосова для производства слѣдствія. Александру Петровичу теперь показалось, что ни онъ самъ, ни Полосовъ не поняли хорошенько просмотрѣннаго ими дѣла, что они заранѣе, по кажущимся только обстоятельствамъ, обвинили Границына, — и Вьюгину стало совѣстно, что онъ, не убѣдившись вполнѣ, могъ такъ обидно думать о человѣкѣ изъ хорошаго общества.

— Я полагаюсь прежде всего, ваше превосходительство, на собственную вашу справедливость, замѣтилъ Границынъ. — Запутать легко каждаго человѣка; вѣдь за границей рубятъ даже иногда и головы по ошибкѣ, добавилъ онъ очень спокойно, разставаясь съ озадаченнымъ имъ Вьюгинымъ.

Александръ Петровичъ чрезвычайно вѣжливо проводилъ своего посѣтителя черезъ всю пріемную и, возвратясь въ кабинетъ, тотчасъ же потребовалъ къ себѣ дѣло Границына, желая просмотрѣть его еще разъ съ особымъ вниманіемъ.

При требованіи дѣла, Петръ Ивановичъ, противъ своего ожиданія, съ невозмутимымъ спокойствіемъ вынулъ изъ шкапа сшитую вмѣстѣ кипу бумаги. Безъисходность положенія придавала Игольникову рѣшимость, которой онъ прежде никогда въ себѣ не чувствовалъ.

— Вотъ оно, сказалъ онъ хладнокровно дежурному чиновнику: — возьмите его, но только потрудитесь доложить его превосходительству, что тамъ нѣтъ заемнаго письма и что въ утратѣ его виноватъ одинъ только я....

Всѣ чиновники, бывшіе въ одной комнатѣ съ Игольниковымъ, съ изумленіемъ взглянули на него.

— Вишь, какъ Петръ Ивановичъ принялся на старости лѣтъ шутить! сказалъ весело одинъ изъ нихъ, до того времени съ сильнѣйшимъ скрыпомъ пера переписывавшій набѣло какую-то важную бумагу.

По комнатѣ пробѣжалъ громкій смѣхъ.

— Да, да, говорилъ равнодушно Петръ Ивановичъ дежурному чиновнику: — такъ и доложите его превосходительству, какъ я просилъ васъ....

Съ этими словами онъ опустился на стулъ и, облокотившись рукою на столъ, закрылъ ладонью глаза. Петръ Ивановичъ не чувствовалъ теперь ни малѣйшаго страха, но только стыдъ передъ товарищами не позволялъ ему взглянуть на никъ.

Мало-по-малу по всей канцеляріи началось шушуканье, обратившееся скоро въ громкій говоръ. Всѣ оставили работу и толковали о Петрѣ Ивановичѣ, который между тѣмъ сидѣлъ неподвижно на своемъ мѣстѣ въ томъ же самомъ положеніи.

XVIII.

Между тѣмъ въ кабинетѣ Александра Петровича поднималась страшная буря.

Узнавъ о поступкѣ Игольникова, и раздраженный еще болѣе его откровеннымъ признаніемъ, которое онъ принялъ за дерзкую смѣлость, всегда кроткій Вьюгинъ выходилъ изъ себя. Прежде всего его взорвало то обстоятельство, что пропажа произошла не въ другомъ мѣстѣ, а у него въ канцеляріи. Щекотливый Вьюгинъ смотрѣлъ на это, какъ на личное оскорбленіе. Онъ хлопоталъ, суетился и, приказавъ попросить къ себѣ и Полосова и Границына, а также немедленно арестовать Игольникова, ходилъ тревожно по своему кабинету и безпрестанно посматривалъ въ окно съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ, ожидая пріѣзда Платона Васильевича и Андрея Николаевича.

Полосовъ пріѣхалъ первый.

Скрестивши на груди руки, наклонившись немного впередъ и подергивая судорожно головою, Вьюгинъ встрѣтилъ Полосова словами:

— Такъ вотъ какихъ негодяевъ вы изволите рекомендовать мнѣ, милостивый государь!...

Фраза эта не была понятна Полосову, и онъ съ вопросительнымъ взглядомъ остановился передъ генераломъ.

— Каковъ Игольниковъ!... почти въ изумленіи крикнулъ Вьюгинъ, и его всегда симпатическій голосъ звучалъ въ это время съ особенною рѣзкостію.

— Вы понимаете, что это случилось не гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ, а у меня!... говорилъ Вьюгинъ, напирая на слово «у меня». Онъ билъ себя въ грудь, и съ-горяча, шагъ за шагомъ, наступалъ на Полосова.

— До сихъ поръ я ничего рѣшительно не понимаю, отвѣчалъ хладнокровно Полосовъ, не пятясь ни на шагъ передъ расходившимся Вьюгинымъ.

Хладнокровіе Полосова подѣйствовало на Александра Петровича.

— Вы конечно не виноваты! сказалъ онъ своимъ обыкновеннымъ уступчивымъ голосомъ:—каждый можетъ отвѣчать только за себя; но посмотрите сами! Съ этими словами онъ крѣпко схватилъ Платона Васильевича за руку и почти насильно потащилъ его къ своему письменному столу.

Полосовъ не вѣрилъ тому, что̀ онъ теперь видѣлъ и что слышалъ; онъ не зналъ, что ему отвѣчать, и только пожималъ плечами въ то время, когда Вьюгинъ смотрѣлъ на него какъ-то особенно, съ выраженіемъ вопроса и удивленія.

— Я чрезвычайно встревоженъ, сказалъ, бросаясь въ кресло, окончательно присмирѣвшій Вьюгинъ:—а мнѣ предстоитъ еще пренепріятный разговоръ съ Границынымъ. Мнѣ его чрезвычайно жаль... Я убѣжденъ, что пропажа заемнаго письма ничего болѣе, какъ только продѣлка со стороны тѣхъ, которые подвели Границына къ этому дѣлу и которые теперь хотятъ еще болѣе запутать его...

Полосовъ не вытерпѣлъ и напрямки напомнилъ Александру Петровичу о томъ, какъ они вдвоемъ, нѣсколько дней тому назадъ, просмотрѣли дѣло, и какъ, по совѣсти, они рѣшили, что здѣсь во всемъ виноватъ Границынъ, какъ они полагали, что заемное письмо послужитъ противъ него уликой, но какъ вмѣстѣ съ тѣмъ они думали, что его можно пощадить и изъ уваженія къ обществу, къ которому онъ принадлежитъ, и въ особенности изъ состраданія къ его женѣ и къ его семейству.

— Да... мѣшаясь нѣсколько, заговорилъ протяжно Вьюгинъ: — это мы такъ съ вами думали; но если бы судъ разсмотрѣлъ дѣло, то очень легко могло быть, что Границынъ былъ бы совершенно оправданъ и безъ нашего снисхожденія. Вѣдь согласитесь сами, что заемное письмо одинаково было важно, какъ для обвиненія Границына, такъ и для его оправданія: дѣло было еще не рѣшено, а между тѣмъ этого-то главнаго документа теперь не достаетъ!..

Платонъ Васильевичъ заговорилъ было о снисхожденіи къ Петру Ивановичу, представляя Вьюгину, что при утратѣ заемнаго письма, со стороны Игольникова могла быть только небрежность, что прежде надобно розыскать дѣло, и что немедленная отправка подъ-арестъ убьетъ, быть можетъ, этого бѣднаго старика совершенно безвинно. Къ этому Полосовъ прибавлялъ, что Игольниковъ честно и безкорыстно служилъ болѣе двадцати восьми лѣтъ, что всѣ его знаютъ какъ самаго благороднаго человѣка, и что наконецъ у него есть старуха-жена и взрослая незамужняя дочь, для которыхъ будетъ ужасна такая крутая расправа...

Обыкновенно уступчивый Вьюгинъ былъ теперь непреклоненъ, и чѣмъ горячѣе заступался Полосовъ за Игольникова, тѣмъ болѣе усиливалась раздражительность противъ него со стороны Вьюгина. Платонъ Васильевичъ прибѣгнулъ наконецъ къ послѣдней мѣрѣ, для облегченія судьбы Петра Ивановича, и съ полною откровенностію напомнилъ Вьюгину, какъ онъ, за нѣсколько дней передъ этимъ, сознавая самъ вполнѣ вину Границына, готовъ былъ однако пощадить его и предоставить ему всѣ средства выпутаться изъ бѣды. Для чего же не быть снисходительнымъ и къ Игольникову, особенно когда еще не уяснилась степень его виновности? замѣтилъ прямодушный Полосовъ.

— Тутъ были совсѣмъ иныя обстоятельства, возразилъ Вьюгинъ, какъ будто удивляясь непониманію Платона Васильевича. — Надобно же наконецъ давать какую нибудь острастку... Il faut enfin montrer à ces coquins, qu'il existe la loi qui n'epargne personne... добавилъ поучительно Вьюгинъ.

Тщетны были долгія усилія Полосова смягчить Александра Петровича хоть нѣсколько въ пользу Игольникова. Законъ, въ лицѣ Вьюгина, былъ неумолимъ къ бѣдняку, и на другой день Игольниковъ былъ отправленъ въ острогъ.

Сдѣлавъ преступленіе по ограниченности понятій и по доброму побужденію, всегда правдивый Игольниковъ, по тому же самому побужденію, дополнялъ теперь свою ошибку ложью. Не думая вовсе о своемъ собственномъ спасеніи, но желая только не распространять подозрѣнія на Границына, Игольниковъ упорно, во всѣхъ своихъ отзывахъ, настаивалъ на томъ, что онъ истребилъ заемное письмо самъ, безъ всякихъ постороннихъ внушеній, единственно по неосторожности, сперва заливши его чернилами, а потомъ самъ не зная въ попыхахъ, что ему дѣлать. Эта ложь, выдуманная для охраненія Границына, тревожила совѣстливаго Игольникова гораздо болѣе, нежели та бѣда, въ которую онъ попался. Вьюгинъ не хотѣлъ однако вѣрить объясненію Игольникова и настаивалъ на томъ, что онъ былъ подкупленъ тѣми, которые ввели въ обманъ Границына.

Что же касается Андрея Николаевича, то увѣренный вполнѣ, что не будетъ выданъ Игольниковымъ, онъ при первомъ же свиданіи съ Вьюгинымъ рѣзко и горячо объяснялся съ Александромъ Петровичемъ, повторяя ему, что продѣлки его чиновниковъ лишаютъ его, Границына, возможности раскрыть какъ слѣдуетъ дѣло и показать всѣмъ, до какой степени онъ не былъ виноватъ самъ, но былъ только опутанъ аферистами, а также и то, что онъ безъ всякаго неблагороднаго умысла съ его стороны, единственно по оплошности, примѣшался къ этому скверному дѣлу. Къ этому Андрей Николаевичъ прибавилъ, что утрата заемнаго письма несомнѣнно сдѣлана вслѣдствіе происковъ со стороны тѣхъ плутовъ, которые такъ безчестно поступили съ нимъ самимъ. Въ особенности же Границынъ негодовалъ на то, что заемное письмо какъ будто нарочно утрачено человѣкомъ, семейство котораго такъ много было обязано его женѣ, и съ досадой замѣчалъ, что всѣ эти обстоятельства ставятъ его въ самое жалкое и самое непріятное положеніе.

— Вотъ каково дѣлать добро людямъ, повторялъ онъ, заговоривъ о своемъ дѣлѣ: — всегда найдешь неблагодарность да предательство!

Бойкія слова Границына получали у иныхъ вѣру; однако тѣ, которые знали хорошо и его, и Игольникова, объясняли дѣло такъ, какъ оно было, т. е. просто-на-просто, что Границынъ, пользуясь отношеніями Игольниковыхъ къ его дому, съумѣлъ какъ нибудь уговорить добраго Петра Ивановича, чтобъ онъ ис-

требилъ заемное письмо, а самъ теперь разыгривалъ только комедію.

Съ ужасомъ узнала Аграфена Сергѣевна, до чего дошло дѣло, къ которому она, по своей простотѣ, подбила мужа. Она металась какъ сумасшедшая, билась головою объ стѣну, то плакала молча, то громко ревѣла, проклиная себя и призывая поскорѣе смерть. Безъ сомнѣнія, она бросилась бы съ отчаянія въ колодецъ, если бы только страхъ загробной кары не удерживалъ ее отъ самоубійства.

Петръ же Ивановичъ былъ напротивъ спокоенъ, и только невозможность чистосердечнаго раскаянія въ своей винѣ смущала его неиспорченную душу.

Молва о печальной участи Игольникова и о падавшемъ на него подозрѣніи распространилась въ тотъ же день между затворскимъ чиновничествомъ, которое судило и рядило объ этомъ дѣлѣ по-своему. Когда же узналъ Осининъ о томъ, что Игольниковъ попалъ въ острогъ, то первымъ его дѣломъ было — написать къ Аграфенѣ Сергѣевнѣ оскорбительное письмо. Въ немъ Осининъ, зазнавшійся при мысли о близкомъ наслѣдствѣ, сообщалъ Игольниковой, что считаетъ для себя и для всей своей родни безчестнымъ жениться на дочери человѣка, который, быть можетъ, пойдетъ скоро въ каторжную работу за свое мошенничество; что онъ, вслѣдствіе этого, полагаетъ себя въ правѣ отказаться отъ сдѣланнаго имъ предложенія, и что онъ безъ сомнѣнія найдетъ себѣ невѣсту получше Александры Петровны.

Аграфена Сергѣевна не имѣла духу выслушать до конца это посланіе.

Напрасно употреблялъ Полосовъ всѣ усилія, чтобъ облегчить бѣдственное положеніе Игольникова. Самолюбіе Вьюгина взяло окончательно верхъ надъ мягкимъ сердцемъ этого человѣка. Генералъ давалъ дѣлу самый строгій оборотъ, слѣдилъ за каждой бездѣлицей и напиралъ на каждую его мелочь. Вьюгина преслѣдовала мысль, что его будутъ считать слабымъ администраторомъ, который совершенно распустилъ своихъ подчиненныхъ, и потому онъ, готовый прежде оказать снисхожденіе Границыну, котораго самъ же признавалъ негодяемъ, не хотѣлъ сдѣлать теперь ни малѣйшаго облегченія Игольникову, несмотря на то, что до него доходили темные слухи о тѣхъ причинахъ, которыя побудили простяка Игольникова къ противузаконному поступку.

Невозможно разсказать, что испытала Сашенька, когда наконецъ и ей пришлось узнать объ участи ея отца и о страданіяхъ матери. Взрывъ сильнаго отчаянія вскорѣ перешелъ у ней въ тихую, убійственную скорбь. Полосовъ написалъ къ ней почтительное письмо, въ которомъ возобновлялъ свое предложеніе, и получилъ, черезъ Надежду Александровну, дружескій отвѣтъ, что Сашенька повторяетъ тоже самое, что она сказала ему въ первый разъ, т. е. что она не рѣшается отяготить его собою.

Послѣ этого, Полосовъ, убѣдившійся въ рѣшительности Сашеньки, а также и въ томъ, что онъ не можетъ сдѣлать уже ничего въ пользу Игольникова, оставилъ службу и Затворскъ и, безъ опредѣленной цѣли, отправился въ Петербургъ.

Всѣ мечты Полосова о дѣятельности на томъ пути, на который онъ былъ поставленъ прихотью судьбы, исчезли теперь окончательно. Добрый и въ основѣ честный Вьюгинъ, противъ воли, убилъ въ Платонѣ Васильевичѣ вѣру въ людей, которые съ перваго разу такъ сильно увлекаютъ за собою многихъ, и которые на первыхъ порахъ своей широкой дѣятельности подаютъ собою примѣръ къ честнымъ трудамъ на пользу общества и заставляютъ близкихъ къ себѣ людей быть рьяными искателями добра, хотя бы на почвѣ самой неблагодарной и въ пространствѣ самомъ ограниченномъ....

Кромѣ того, Полосовъ съ глубокою грустью дошелъ до сознанія, что онъ ни по своей собственной подготовкѣ, ни по матеріальнымъ средствамъ, ни по складу общества, въ которомъ онъ былъ принужденъ вращаться, не можетъ имѣть надежды отрѣшиться когда нибудь отъ дѣятельности, подавленной мелочными обстоятельствами. Вслѣдствіе этого грустнаго сознанія въ Полосовѣ родилось то недовольство жизнью, которое обрекаетъ человѣка на какое-то духовное оцѣпенѣніе и заставляетъ его тянуть свое бытіе день за днемъ въ томительномъ бездѣйствіи, съ сожалѣніемъ видѣть, какъ безполезно уходятъ одинъ за другимъ лучшіе годы, а съ ними слабѣютъ и силы, и гаснутъ прежнія стремленія. Въ такомъ настроеніи духа Полосовъ грустилъ еще болѣе о томъ, что Сашенька не была его подругой; ему казалось, что въ этомъ случаѣ онъ имѣлъ бы какую нибудь цѣль въ жизни и работалъ бы для любимой женщины, какъ простой поденьщикъ.

. . . .

XIX.

Положеніе Сашеньки сдѣлалось ужасно. Она ни за что не хотѣла остаться въ домѣ Границыныхъ, и уговорила Аграфену Сергѣевну не принимать отъ нихъ никакого пособія, понимая, что не отказываясь отъ благодѣяній со стороны Границыныхъ, она какъ будто станетъ жить на счетъ преступленія, совершеннаго ея отцомъ, по мнѣнію большинства, въ пользу Андрея Николаевича изъ однихъ только корыстныхъ видовъ. Для Надежды Александровны тяжела была разлука съ молодой дѣвушкой, которая такъ сочувствовала ей и которую она сама такъ нѣжно любила.

Изъ Прибылова Сашенька переселилась къ своей матери. Позоръ отца и непріязненные о немъ пересуды заставили Сашеньку думать о томъ, какъ бы поскорѣе оставить Затворскъ и гдѣ нибудь, въ другомъ мѣстѣ, отыскать для себя такія занятія, которыми бы она могла хоть немного поддерживать отца и мать. Въ непродолжительномъ времени крайность заставила Аграфену Сергѣевну продать за бездѣлицу старый домишко, въ которомъ она, по своимъ понятіямъ, провела такъ счастливо слишкомъ двадцать лѣтъ. Тяжело было Аграфенѣ Сергѣевнѣ оставлять свое бѣдное жилище. Между тѣмъ отыскалось какое-то доброе семейство, предложившее ей надсматривать за хозяйствомъ, и Аграфена Сергѣевна переѣхала въ одну изъ подгородныхъ усадьбъ, а въ день ея выѣзда исчезла изъ Затворска и Сашенька. Никто, кромѣ отца и матери, благословившихъ ее съ плачемъ и рыданіемъ, не зналъ, куда дѣлась молодая дѣвушка, и только въ дружескомъ письмѣ къ Надеждѣ Александровнѣ Сашенька сообщила ей, что оставляетъ Затворскъ навсегда. Вмѣстѣ съ тѣмъ она благодарила Границыну за данное ей образованіе и прибавляла, что въ немъ надѣется она найти честныя средства для своего груснаго существованія, а также и скромные способы для поддержки отца и матери. Она благодарила также Надежду Александровну и за то, что та приготовила ее не обольщаться жизнью, и научила ее съ твердостью переносить всѣ невзгоды и не падать духомъ среди бездѣйствія и отчаянія.

Вскорѣ перестали говорить въ городѣ о дѣлѣ Границына и объ участи Петра Ивановича. Между тѣмъ слѣдствіе и судъ шли

надъ послѣднимъ своимъ чередомъ. Насчетъ же Границына надлежащее судебное мѣсто постановило, что послѣ утраты заемнаго письма нельзя опредѣлить, по однимъ только обстоятельствамъ дѣла, степень и родъ участія Границына по иску кредитора Прудникова и что нѣтъ вовсе достаточныхъ причинъ подозрѣвать его въ какихъ либо злонамѣренныхъ дѣйствіяхъ, тѣмъ болѣе, что онъ, не отказываясь отъ своего поручительства, въ которое онъ, какъ между прочимъ видно изъ дѣла, былъ вовлеченъ только по неосторожности, готовъ удовлетворить истца со всѣми потерями и убытками, понесенными послѣднимъ.

Судьба захотѣла побаловать Границына еще болѣе. Сверхъ всякаго ожиданія, умеръ скоропостижно и бездѣтнымъ еще очень молодой его двоюродный братъ, и Андрей Николаевичъ вслѣдствіе этого сдѣлался единственнымъ наслѣдникомъ весьма значительнаго состоянія. Денежныя дѣла Границына должны были придти теперь въ весьма цвѣтущее положеніе; онъ совершенно ободрился и сталъ спѣсивѣе прежняго. Онъ не давалъ теперь спуску даже самому Александру Никитичу, и опять началъ грубо обращаться съ женою, при каждомъ случаѣ оказывая ей нелюбовь и презрѣніе. Границынъ искалъ только предлога, чтобы поскорѣе разойтись съ Надеждой Александровной, оставивъ на ея рукахъ своихъ дѣтей. Для этого онъ, между прочими укорами, которыми осыпалъ жену, попрекнулъ ее однажды еще и тѣмъ, что Полосовъ былъ ея любовникомъ. Оскорбляя такимъ образомъ бѣдную женщину, Границынъ былъ однако увѣренъ, что она оставалась совершенно безукоризненна въ этомъ отношеніи, и хорошо долженъ былъ помнить, что, напротивъ, онъ самъ сближалъ Полосова съ своею женою изъ своихъ личныхъ видовъ.

— Я очень хорошо зналъ всѣ твои продѣлки, сказалъ равнодушно безсовѣстный Андрей Николаевичъ: — но до такой степени пренебрегалъ тобою, что не обращалъ на это ни малѣйшаго вниманія!...

— Неправда!... вскрикнула съ запальчивостью Надежда Александровна.

Она вся дрожала, и багровыя пятна покрывали ея обыкновенно-блѣдное лицо.

— Еще разъ повторяю, что это неправда.... но если ты говоришь мнѣ такъ, то и у меня достанетъ твердости сказать тебѣ, что я была бы гораздо счастливѣе, если бы была любовницей

человѣка, котораго бы я любила и уважала, а не женою того, котораго я ненавижу и презираю!... До настоящей минуты я еще никогда такъ не думала, но ты самъ довелъ теперь меня до этой мысли. Надѣюсь, что послѣ этого все между нами кончено; но я покажу тебѣ, добавила съ твердостью Надежда Александровна: — что я, даже покинутая тобой, съумѣю остаться честной женщиной!...

Съ этими словами она пошла изъ комнаты.

Съ презрительной улыбкой выслушалъ Андрей Николаевичъ свою жестоко-оскорбленную жену.

— Какъ вамъ угодно, сударыня, насмѣшливо говорилъ онъ вслѣдъ уходившей Надеждѣ Александровнѣ: — это совершенно будетъ зависѣть отъ вашей воли, только потрудитесь ужь вы сами призаняться нашими дѣтьми, потому что у меня для этого нѣтъ ни способности, ни охоты, ни времени, тѣмъ болѣе, что я сегодня же уѣзжаю въ Петербургъ, — и затѣмъ, громко насвистывая какую-то веселую безсмыслицу, Границынъ вышелъ въ другую дверь, хлопнувъ ею изо всей силы.

Довольный тѣмъ, что онъ разошелся съ женою не только безъ всякихъ со стороны ея притязаній, но даже оставивъ на ея рукахъ дѣтей, и мечтая о свиданіи съ любимой Шарлотой Карловной, Границынъ выѣхалъ въ тотъ же вечеръ изъ Прибылова, разумѣется, не простившись съ Надеждой Александровной, и черезъ нѣсколько дней былъ уже въ объятіяхъ своей подруги.

Приготовленная долгимъ горемъ и поддерживаемая свѣтлымъ умомъ и безупречною совѣстью, Надежда Александровна перенесла послѣдній ударъ безъ плача, безъ укоровъ, безъ воплей и даже безъ истерическихъ припадковъ. Правда однако, что природа брала свое, и неудачная жизнь уже сильно надломила здоровье Границыной; но она гасла тихо, безъ театральной торжественности, какъ бы завѣщая только тѣмъ, кто понималъ ее—могучую вѣру въ душевныя силы человѣка, а также и въ то, что удѣлъ женщины — не склоняться покорно передъ гнетущею судьбою, но бороться съ жизнью, хотя бы женщина, вслѣдствіе воспитанія и окружающихъ ее предразсудковъ, и вступила въ жизнь самыми рабскими, самыми невѣрными шагами....

Всѣ заботы и всѣ радости Надежды Александровны сосредоточивались теперь на ея хорошенькихъ и умненькихъ малюткахъ. Воспитывая своихъ дѣтей въ безстрашіи ко всему, что̀ пугаетъ робкіе и отсталые умы, она, казалось, воспитывала около себя

семью разумныхъ львёнковъ. Дѣдушка маленькихъ Границыныхъ не противорѣчилъ уже ничему въ ихъ воспитаніи: онъ понялъ и оцѣнилъ свою дочь, на сколько онъ могъ это сдѣлать по ограниченности своихъ воззрѣній, и жалѣлъ только о томъ, что онъ самъ велъ Наденьку ложнымъ путемъ, и что заранѣе не приготовилъ ей въ себѣ самомъ искренняго друга, отъ котораго бы она не скрывала никогда ни одной сердечной тайны, ни одной оброненной ею слезы.

Удалившись совершенно отъ общества, Надежда Александровна не избѣгла однако его пересудовъ, и въ городѣ, даже не знавшіе вовсе Границыныхъ, прямо и громко говорили, будто бы мужъ оставилъ ее потому, что открылъ ея связь съ Полосовымъ. При разговорахъ объ этомъ, Надежда Александровна выставлялась свѣтскими фарисейками какъ замѣчательный примѣръ хитрой скромницы, умѣвшей такъ долго обманывать всѣхъ своей повидимому совершенно безгрѣшной жизнью.

Время отъ времени доставалось въ Затворскѣ и разрозненной семьѣ Игольниковыхъ; ихъ прежніе мелкіе знакомцы винили теперь Петра Ивановича и Аграфену Сергѣевну въ томъ, что они оба хотѣли воспитывать дочь свою по-барски; непризванные судьи Игольниковыхъ полагали, что Богъ наказалъ ихъ за высокомѣріе и прибавляли къ этому свои догадки, что Сашенька, по всей вѣроятности, попала уже на ту дорогу, на которую почти всегда попадаютъ пригожія и бѣдныя дѣвушки, воспитанныя не по рожденію, а также привыкшія жить выше родительскихъ средствъ и, вслѣдствіе всего этого, пренебрегающія женихами изъ того круга, къ которому онѣ сами принадлежатъ.

Но среди голосовъ, напрасно осуждавшихъ Сашеньку, очень хорошо сознававшую свою скромную долю, возвышался всегда одинъ болѣзненный голосъ Рыхлова. Послѣ несчастій, такъ внезапно постигшихъ семейство Игольниковыхъ, Рыхловъ сдѣлался еще жолчнѣе. Доживая, среди жестокихъ страданій, послѣднія минуты, Калина Михайловичъ являлся самымъ безпощаднымъ обличителемъ человѣческаго неправосудія во всѣхъ его видахъ и во всѣхъ его степеняхъ, и заговаривался иногда на эту тему до такой степени, что даже получилъ косвенно совѣтъ разговаривать и потише и поменьше.

Рыхловъ впрочемъ не унимался....

Однажды вечеромъ въ небольшомъ чиновничьемъ кружкѣ, гдѣ въ числѣ гостей былъ и Калина Михайловичъ, зашла рѣчь

о дѣлѣ Границына, и самыя безпощадныя обвиненія и грубыя насмѣшки посыпались и на Петра Ивановича, и на Сашеньку. Рыхловъ выходилъ изъ себя, отстаивая Игольникова и его дочь, несмотря на то, что необыкновенно сильный кашель душилъ его безпрестанно.

— Да ужь вы, Калина Михайлычъ, не были ли влюблены въ Александру Петровну? спросила одна изъ бывшихъ тутъ толстыхъ и пожилыхъ чиновницъ.—Что же вы не женились на ней? добавила чиновница съ насмѣшкой. — Вѣдь Игольникова пошла бы охотно за васъ....

Веселый хохотъ всей компаніи покрылъ эту неумѣстную шутку.

Багровая краска въ одинъ мигъ выступила на впалыхъ и желтыхъ щекахъ Рыхлова и онъ дико обвелъ всѣхъ гостей своими глазами, въ которыхъ горѣлъ какой-то зловѣщій огонь.

— Люди!... люди!... Нѣтъ у васъ ни жалости, ни правды... съ укоромъ проговорилъ Рыхловъ, и удушливый кашель прервалъ его слова. Калина Михайловичъ, сидя на стулѣ, закинулъ назадъ голову и судорожно вытягивалъ впередъ ноги и руки. Вдругъ кашель замѣнился тяжелымъ, неровнымъ дыханіемъ, перешедшимъ скоро въ трудное хрипѣніе. Багровая краска съ лица исчезла и оно приняло мертвенное выраженіе.

— Онъ кончается!... онъ умираетъ!... Поскорѣе за священникомъ!... за докторомъ!... кричали засуетившіеся около Рыхлова гости.

Но прежде чѣмъ успѣлъ прийти тотъ или другой, Калина Михайловичъ ужь избавился отъ безпощадно-томившей его жизни, и едва ли онъ пожалѣлъ о ней....

XX.

— А знаешь ли, Шарлота, какую я слышалъ новость? говорилъ Андрей Николаевичъ, войдя однажды въ гостиную своей любовницы съ огромнымъ ворохомъ разныхъ покупокъ и раскладывая ихъ на столѣ передъ диваномъ.

— Какую же? перебила Шарлота Карловна, которая, какъ казалось, была въ отличномъ расположеніи духа и быстро подходила къ Андрею Николаевичу, чтобы освободить его отъ ноши.

— Вѣдь она-то въ Петербургѣ.... отвѣчалъ Границынъ, растягивая между тѣмъ зубами узелокъ веревки на одномъ изъ привезенныхъ имъ свертковъ.

— Кто? жена?... спросила очень равнодушно Шарлота Карловна.

— О, нѣтъ! отвѣчалъ, усмѣхнувшись, Границынъ: — какъ будто бы ты и не догадываешься, кто? Ну та, къ которой ты меня когда-то такъ сильно ревновала.... Помнишь?...

— Сашенька?... замѣтила не совсѣмъ спокойно Шарлота Карловна, наморщивъ лобъ.

— Да, она.

— Почему жь ты знаешь? перебила Шарлота уже нѣсколько тревожнымъ голосомъ. — Развѣ ты видѣлъ ее?

— Нѣтъ, но я только-что встрѣтился въ англійскомъ магазинѣ съ Сергѣемъ Ильичемъ и онъ разсказывалъ мнѣ, что Игольникова поступила въ здѣшнюю русскую оперу, что ей назначено очень порядочное содержаніе и что обѣщаютъ ее послать для усовершенствованія за-границу. Вѣдь ты помнишь, что она и прежде очень хорошо пѣла и превосходно играла на фортепіанахъ, добавилъ Границынъ, развертывая между тѣмъ передъ Шарлотой Карловной кусокъ богатой шелковой матеріи.

— На чей вкусъ, а по моему въ ея пѣніи не было рѣшительно ничего хорошаго, отвѣчала съ пренебреженіемъ Шарлота Карловна, пробуя между двухъ пальцевъ плотность матеріи.

— А знаешь что!... Вѣдь сегодня ея дебютъ, — съѣздимъ-ка въ театръ, сказалъ заманчивымъ голосомъ Границынъ.

— Право, я не вижу ничего интереснаго въ пѣніи какой нибудь дѣвчонки, перебила Шарлота Карловна повидимому весьма равнодушно; а между тѣмъ ей самой очень хотѣлось изъ любопытства посмотрѣть на Сашеньку, какъ на актрису. Кромѣ того, она надѣялась, что дебютантка, по всей вѣроятности, оробѣетъ, смѣшается и что потому не будетъ имѣть никакого успѣха, а это казалось такъ пріятно для ревнивой Шарлоты Карловны.

— Впрочемъ, добавила она снисходительно: — если ты ужь такъ хочешь видѣть ее, то такъ и быть, съѣздимъ разъ, послушаемъ и посмотримъ, что за знаменитая пѣвица.

Вечеромъ Андрей Николаевичъ и Шарлота Карловна были въ театрѣ. Робость и застѣнчивость, неизбѣжныя при первомъ выступленіи на сцену, не только не вредили Сашенькѣ, но даже,

напротивъ, придавали ея пѣнію своего рода особую прелесть; а пріемы и движенія хорошенькой и молоденькой пѣвицы показывали, что кромѣ природнаго дарованія она получила еще хорошее воспитаніе, какъ свѣтская дѣвушка.

Успѣхъ дебюта былъ полный. Какое-то невольное участіе проснулось въ душѣ Границына, когда онъ слушалъ Сашеньку и смотрѣлъ на нее.

— Бѣдная дѣвушка, сказалъ онъ, нагнувшись къ Шарлотѣ Карловнѣ: — она поетъ и не знаетъ, что отецъ ея недѣлю назадъ умеръ въ острогѣ....

— Не мѣшай, пожалуйста! сказала тихо, но рѣзко Шарлота Карловна, раздосадованная тѣмъ участіемъ Границына къ Сашенькѣ, которое проглядывало въ его словахъ.

Андрей Николаевичъ отодвинулся немного отъ Шарлоты Карловны и, прислонившись спиною къ баррьеру сосѣдней ложи, сталъ припоминать свое прошлое, и слабые укоры совѣсти смутили на мгновеніе его очерствѣлую душу...

Исторія поступленія Сашеньки на сцену была очень проста.

Добравшись кое-какъ до Петербурга съ тѣми небольшими средствами, которыми могла надѣлить свою дочь Аграфена Сергѣевна изъ маленькой суммы, полученной продажею дома, — рѣшительная дѣвушка принялась отыскивать занятій, и вдругъ ей пришелъ на память ея разговоръ съ Полосовымъ о музыкѣ, о театрѣ и о пѣвицахъ.

Извѣстно, что у насъ въ провинціяхъ положеніе артистокъ, и драматическихъ, и оперныхъ, и балетныхъ, вообще весьма печально, и что, кромѣ того, отчасти отъ пустыхъ предразсудковъ, а отчасти и на основаніи нерѣдко встрѣчающихся примѣровъ, о нихъ составляются въ общей молвѣ чрезвычайно не лестные отзывы. Однако разсказы Полосова о томъ, что въ Петербургѣ и въ Москвѣ очень многія артистки пользуются справедливымъ уваженіемъ не только за ихъ дарованія, но и за ихъ личныя качества, а также дружескія бесѣды Надежды Александровны съ Сашенькой, въ которыхъ Границына не разъ высказывала мысль, что честныя занятія женщины никогда не могутъ бросать на нее никакой тѣни, какъ бы ошибочно, по своимъ предубѣжденіямъ, ни думало общество объ этихъ занятіяхъ — наводили Сашеньку еще и прежде на мысль — посвятить себя театру. Но отъ осуществленія этой, мелькавшей въ ея головѣ мысли, ее удержи-

вали какъ неувѣренность въ своихъ дарованіяхъ, такъ и предразсудки ея отца и въ особенности матери.

— Сохрани тебя Боже идти въ актрисы, говорила однажды Аграфена Сергѣевна Сашенькѣ предостерегательнымъ голосомъ, когда та высказала своей матери намѣреніе ѣхать въ Петербургъ и тамъ поступить на сцену. — Видишь, что выдумала! добавила Аграфена Сергѣевна: — вѣдь ты изъ благородныхъ; совсѣмъ другое дѣло, если пойдешь въ гувернантки; туда поступаютъ и полковницкія и даже генеральскія дочери.

Теперь Сашенькѣ представилась необходимость располагать судьбою уже по собственному произволу. Она исполнила свое намѣреніе и попытка ея увѣнчалась полнымъ успѣхомъ. Сашенька сообщила Границыной о томъ, что она предприняла, и въ дружеской перепискѣ высказала ей, что, поступивъ на сцену, она видитъ возможность въ скоромъ времени упрочить свою независимость собственнымъ трудомъ, и что, когда сбудется эта завѣтная мечта, то она готова напомнить Полосову о своемъ существованіи, если бы только, добавляла Сашенька, я узнала, что онъ любитъ меня по прежнему и что, женившись на мнѣ, онъ будетъ моимъ другомъ, а не грознымъ властителемъ....

Е. КАРНОВИЧЪ.

НИЩЕНСТВО И БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ.

Въ послѣднее время въ газетахъ и журналахъ нашихъ появилось нѣсколько статей о благотворительности и нищенствѣ (*). По недостатку учрежденія у насъ благотворительныхъ обществъ, большая часть благотворительныхъ приношеній (по крайней мѣрѣ по числу случаевъ) производится частными лицами отдѣльно, независимо другъ отъ друга, и распространяется безъ разбора на всѣхъ, просящихъ о помощи ради Христа. Поэтому благотворительность и нищенство представляютъ два предмета, тѣсно связанные между собою; нельзя говорить объ одномъ, не коснувшись другаго.

Въ приведенныхъ статьяхъ, несмотря на нѣкоторое различіе въ конечныхъ выводахъ, высказана одна общая мысль, что благотворительность у насъ въ томъ видѣ, какъ она выказывается нынѣ, часто не достигаетъ цѣли. Мы имѣемъ въ виду ту разумную цѣль, чтобъ благотворно помочь человѣку, дѣйствительно нуждающемуся въ помощи, — и въ этомъ смыслѣ, повторяемъ, нынѣшняя благотворительность часто не достигаетъ цѣли, распространяясь иногда на такихъ лицъ, которыя нищенствуютъ, просятъ о помощи на разные тоны и въ различныхъ формахъ, единственно только отъ

(*) Мысли объ общественной благотворительности. А. З....на. «Журналъ Землевладѣльцевъ». Августъ, 1858 г. № 8.

О нищенствѣ. Сѣнникова. «Русскій Дневникъ», 12 іюня 1859 г. № 123.

Образчикъ современнаго благотворенія. В. Дубенскаго. «С.-Петерб. Вѣдом.» 19 августа 1859 г. № 178.

Нищенство и благотворительность въ провинціи. — Б. «Москов. Вѣдом.» 1860 года №№ 2, 4 и 26.

лѣности и нежеланія доставать себѣ пропитаніе трудомъ; между тѣмъ какъ дѣйствительно нуждающіеся въ помощи нерѣдко не получаютъ ея оттого, что иногда по слабости и безсилію, иногда по другимъ причинамъ, не выставляются на показъ, не протягиваютъ публично руки, не преслѣдуютъ каждаго встрѣчнаго назойливымъ пискомъ — ради Христа! Съ такимъ взглядомъ на настоящій предметъ мы начинаемъ свою статью.

Неизвѣстный авторъ статьи «Нищенство и благотворительность въ провинціи» указываетъ четыре причины нищенства. «У однихъ оно промыселъ, — замѣчаетъ онъ, — у другихъ—неизбѣжное слѣдствіе безпробудной лѣни, или дурно проведенной молодости; у третьихъ—слѣдствіе бѣдности, которой не сами они причиною; у четвертыхъ наконецъ — оно слѣдствіе случайныхъ причинъ».

Къ одному изъ образующихся такимъ образомъ разрядовъ нищихъ авторъ относитъ и тѣхъ попрошаекъ, которые, не употребляя христова имени въ своихъ просьбахъ, живутъ на чужой счетъ, безъ всякаго труда, иногда шатаясь или переѣзжая съ одного мѣста на другое, иногда устраивая себѣ нѣкоторую осѣдлость въ богатыхъ сравнительно домахъ. Это разнаго рода приживалки, промышляющія сплетнями, низкимъ угодничествомъ и проч.; это разные несчастные, всегда имѣющіе подъ рукой свидѣтельства о правахъ ихъ на участіе и помощь, — чиновники, пострадавшіе на службѣ, дѣти, по бо̀льшей части уже немалолѣтнія, бѣдныхъ, но благородныхъ родителей, оставшіяся послѣ ихъ смерти безъ всякаго призрѣнія, безъ всякихъ средствъ къ пропитанію. Какъ будто не оставалось имъ даже и труда!

Подобное же раздѣленіе нищихъ, по отношенію къ причинамъ ихъ нищенства, установлено правилами, высочайше утвержденными для с.-петербургскаго (§ 17) и московскаго (§ 31) комитетовъ (*).

Посмотримъ же на бытъ всѣхъ этихъ лицъ; припомнимъ то, что видѣли и слышали сами; воспользуемся и тѣми данными, какія заявлены авторами названныхъ выше статей.

По кругу дѣятельности, всѣхъ нищихъ и нищенствующихъ можно раздѣлить на два разряда — *осѣдлыхъ* и *кочевыхъ*. Первые нахо-

---

(*) Положеніе о с.-петербургскомъ комитетѣ для разбора и призрѣнія просящихъ милостыни напечатано въ XII томѣ Полнаго Собранія Законовъ, 6 іюля 1837 г. № 10,425. Обнародовано при указѣ правительствующаго сената 23 августа того же года, и сверхъ того въ 1852 году разослано при циркулярѣ президента общества попечительнаго о тюрьмахъ тюремнымъ комитетамъ.

Положеніе о московскомъ комитетѣ напечатано въ XIII томѣ Полнаго Собранія Законовъ, 5 октября 1838 г. № 11,514 и обнародовано при указѣ правительствующаго сената 12 октября того же года.

дятъ себѣ пріютъ въ городахъ, по преимуществу уѣздныхъ, въ торговыхъ селахъ и частію въ деревняхъ. Стоитъ только прожить нѣсколько недѣль въ каждомъ уѣздномъ городѣ,—и вы увидите у каждой церкви, особенно въ праздничные дни, постоянный кружокъ нищихъ. Тутъ всегда есть нѣсколько стариковъ и старухъ, издавна поселившихся въ городѣ, а иногда и коренныхъ жителей его, къ которымъ обыкновенно и примыкаютъ всѣ новые пришельцы. Кто эти старики и старухи, иногда слѣпые и хромые колоновожатые нищихъ; къ какому сословію они принадлежатъ, когда зашли въ городъ, какія причины заставили ихъ нищенствовать, — едва ли знаетъ кто-нибудь изъ городскихъ жителей; спросить ихъ о томъ никому и въ голову не приходило. Развѣ какой нибудь старожилъ, мирно доживающій маѳусаиловы годы, припомнитъ нѣсколько частныхъ случаевъ и разскажетъ вамъ, что вотъ былъ, дескать, однажды въ подгородной деревнѣ пожаръ, и обгорѣлъ мужикъ, да такъ обгорѣлъ, что работать-то ужь и не могъ, — совсѣмъ не видитъ, правой рукой не владѣетъ, да и ноги-то больно плохи стали. И пришелъ этотъ мужикъ въ городъ просить подаянія на погорѣлое мѣсто; хорошій мужикъ былъ, всѣ въ городѣ знали его, — ну и подавали. Извѣстное дѣло, какъ не подать на погорѣлое мѣсто! Хотѣлъ онъ все поправиться, домишко поставить, да дѣти-то малы были; вотъ, думалъ, подростутъ, такъ и поправимся. Только не удалось старику поправиться, — и Богъ знаетъ, отчего бѣда приключилась, — не долго походили съ нимъ ребятишки-то и умерли. Старикъ осиротѣлъ, голову преклонить ему негдѣ, вотъ и остался здѣсь; ужь теперь годовъ, чай, тридцать будетъ, живетъ христовымъ именемъ.

Старый знакомый — церковной сторожъ даетъ ему уголъ въ своей конуркѣ, обязывая иногда, въ вознагражденіе за то, потрезвонить на колокольнѣ; когда нѣтъ охоты самому оставить теплую лежанку раннимъ утромъ; или тотъ же добродушный Маѳусаилъ позволитъ помѣститься въ своей полуразвалившейся избѣ, гдѣ живетъ уже, по его милости, вдова-солдатка, которая, хотя и не проситъ милостыни ради Христа, но по способамъ пропитанія также должна быть отнесена къ разряду нищихъ. И вотъ начинаетъ старикъ ходить по городу; проходятъ годы, мѣняются церковные сторожа, умираютъ иногда и Маѳусаилы, избенка переходитъ въ другія руки; но старикъ свилъ уже себѣ прочное гнѣздо; онъ уже составляетъ необходимую принадлежность небольшой комнатки церковнаго сторожа, или полуразвалившейся избенки. Его уже знаетъ весь городъ; выгнать его, устроить какъ нибудь иначе — да и какъ устроить? — никому и въ голову не придетъ.

Таковы съ незначительными варіаціями разсказы, какіе можно слышать о нѣкоторыхъ, весьма немногихъ впрочемъ, нищихъ старожилахъ уѣздныхъ городовъ. Начавъ иногда случайно просить милостыни, мало-по-малу привыкаютъ они къ своему положенію и пріобрѣтаютъ въ городѣ осѣдлость и признанное право нищенства. Такъ укажутъ вамъ отставнаго солдата, который издалека пришелъ на родину въ чистую отставку послѣ 25-лѣтней службы, а между тѣмъ родные его всѣ умерли; старикъ былъ израненъ, да и годы-то его ужь немолодые, здоровье слабое. На первыхъ-то порахъ могъ бы, правда, быть сторожемъ въ какомъ нибудь присутственномъ мѣстѣ, да не выпало на его долю счастья, всѣ мѣста на ту пору были заняты. Вотъ и пошелъ онъ просить христовымъ именемъ. Укажутъ мѣщанина, который отморозилъ себѣ, по неосторожности, ноги и ползаетъ теперь на колѣняхъ, испрашивая подаянія. Жива была жена, такъ все еще перебивилась кое-какъ, кормила мужа, да вотъ ужь лѣтъ десять какъ умерла, — съ той поры онъ и ползаетъ. «Что станешь дѣлать-то!» наивно прибавитъ иногда разсказчикъ. Укажутъ женщину, которая промышляла прежде поденной работой, да вдругъ — и Богъ знаетъ отчего — приключилась ей болѣзнь, отнялась у ней правая рука, да и спину-то всю покоробило, работать больше не можетъ, — ну и живетъ подаяніемъ....

Всѣ приведенные выше случаи нищенства представляютъ такихъ лицъ, которыя дѣйствительно нуждаются въ помощи и безъ нея не могли бы существовать. Могутъ спросить: что же страннаго и неумѣстнаго, — какой можетъ быть вредъ въ участіи, принимаемомъ обществомъ въ положеніи этихъ несчастныхъ? Почему не достигается тутъ разумная цѣль благотворительности, состоящая, какъ сказано, именно въ томъ, чтобы помогать людямъ, дѣйствительно нуждающимся въ помощи?

Не будемъ останавливаться на томъ обстоятельствѣ, что допущеніе къ нищенству всѣхъ упомянутыхъ выше лицъ составляетъ нарушеніе закона, что призрѣніе мѣщанъ и государственныхъ крестьянъ, пришедшихъ въ неспособность доставать себѣ пропитаніе собственными трудами, лежитъ на обязанности обществъ, къ которымъ они принадлежатъ; что для вспомоществованія обществамъ въ этомъ дѣлѣ существуютъ разныя правительственныя учрежденія, и что наконецъ отставные солдаты призрѣваются правительствомъ (*). Намъ могутъ на это возразить, что если нѣкіе общества оказываются недовольно состоятельными для призрѣнія всѣхъ принадлежащихъ къ нимъ бѣдныхъ, если правительственныхъ и частныхъ

(*) Св. Зак. том. XIV Уст. о пред. и прес. прест. ст. 257 и 261.

учрежденій для того недостаточно,—то что же остается дѣлать частнымъ лицамъ, при видѣ бѣдныхъ, не имѣющихъ средствъ къ пропитанію, какъ не довольствоваться посильною имъ помощью, которая, по необходимости, и выражается отдѣльно, по мѣрѣ того, какъ представляется случай?

Мы еще возвратимся къ этому вопросу и не оставимъ его безъ отвѣта; теперь постараемся показать тотъ вредъ, какой влечетъ за собой нищенство хотя бы даже и въ такихъ лицахъ, о которыхъ сказано было выше.

Не много можно представить себѣ положеній, въ которыхъ человѣкъ былъ бы лишенъ всякой возможности къ какому бы то ни было труду. Посмотрите же на нищихъ. Много ли между ними такихъ, которые совершенно лишены возможности трудиться? Всякій, кто можетъ двигаться, у кого достаетъ силы, чтобы обойти, одному, или съ помощію другихъ, своихъ благотворителей, можетъ и трудиться—это истина, которая, надѣемся, не требуетъ доказательствъ. Но могутъ сказать, что одной личной возможности трудиться еще недостаточно, чтобы имѣть кусокъ хлѣба; для этого надо имѣть работу. Вполнѣ соглашаясь съ такимъ замѣчаніемъ, позволяемъ себѣ спросить: не лучше ли было бы тѣ средства, которыя употребляются на помощь, не вызывающую труда, употребить на то, чтобы доставить возможность трудиться, и дать справедливое за трудъ вознагражденіе?

Посмотрите, какъ гибельно дѣйствуетъ на нищихъ праздная бродячая жизнь, какъ скоро они мирятся съ своимъ положеніемъ.

Старикъ, обгорѣвшій крестьянинъ подгородной деревни, напрасно думалъ, что черезъ два-три года, когда подросли бы его дѣти, онъ могъ возвратиться къ прежнему крестьянскому образу жизни. Для человѣка, который нищенствовалъ два года, нѣтъ возврата къ дѣятельности, силы его парализованы навсегда, — и нужно необычайное усиліе, или особенно счастливое стеченіе обстоятельствъ, чтобы возбудить въ немъ способность и стремленіе къ труду. «Дайте этому погорѣвшему средство возстановить хозяйство, прежде чѣмъ онъ упалъ духомъ, — онъ спасенъ; но пусть онъ пронищенствуетъ годъ-другой, онъ нравственно погибъ и не возстанетъ всю жизнь, что мы видѣли и видимъ на опытѣ», замѣчаетъ авторъ статьи: «Нищенство и благотворительность въ провинціи».

Да, нравственно погибъ, — и эта гибель не ограничивается привычкою къ праздности и мало-по-малу пріобрѣтаемою неспособностію къ труду; въ ней заключаются и другіе пороки.

Случается, устанетъ нищій, таскаясь по домамъ за милостыней, промочитъ его мелкій осенній дождь, онѣмѣютъ отъ холода его уста-

лые члены, домашняя лачужка тоже не обѣщаетъ тепла, — и заходитъ онъ въ извѣстное заведеніе выпить рюмку вина, немножко согрѣться. Вино имѣетъ свое дѣйствіе; по тѣлу разливается пріятная теплота, голова начинаетъ немного кружиться, — и вотъ гдѣ нибудь въ уголкѣ устроиваетъ себѣ нищій свой комфортъ. Подъ общій шумъ и говоръ праздной толпы, настраивается и онъ; въ воспоминаніяхъ его рисуются картины его прежняго житья-бытья, когда и онъ могъ беззаботно предаваться иногда подобному веселью,— и хочется оживить эти воспоминанія, хочется принять участіе въ этой разгульной жизни; вынимается заповѣдная мошна, отсчитывается нѣсколько мѣдныхъ монетъ, выпивается еще рюмка вина. Заманчивость такого положенія приведетъ нищаго въ это заведеніе и въ другой разъ, уже не затѣмъ, чтобы согрѣться и расправить усталые члены, а только затѣмъ, чтобы выпить; а тамъ послѣдовательно является и пьянство, за нимъ развратъ.

О нищихъ осѣдлыхъ должно замѣтить впрочемъ, что въ нихъ, помимо ихъ собственной воли, нравственность сохраняется гораздо лучше, чѣмъ въ кочевыхъ. Они всегда въ виду своихъ постоянныхъ благотворителей, и потому, подъ этимъ контролемъ общественнаго мнѣнія, не могутъ открыто предаваться разгулу. Развѣ въ какомъ нибудь отдаленномъ уголкѣ, вдали отъ шума городскаго, составятъ они свой кружокъ, и въ этихъ-то кружкахъ собираются всѣ, и старые и малые.

Между нищими, какъ во всѣхъ другихъ общественныхъ кружкахъ, есть свои аристократы, свое протекторство съ одной стороны, заискиваніе съ другой, — словомъ, всѣ тѣ же отношенія, какъ и вездѣ.

Старики изучаютъ обыкновенно городъ во всѣхъ отношеніяхъ; зажмуря глаза, они могутъ пройти его съ одного конца до другаго; они знаютъ нравы, привычки и даже домашнія отношенія всѣхъ жителей. Знаютъ, куда и въ какое время надобно пойти за милостыней, гдѣ можно надѣяться получить въ извѣстный день какую нибудь мѣдную монету, гдѣ только кусокъ хлѣба или пирога, гдѣ выгоднѣе помѣститься въ праздникъ, — словомъ, у нихъ составляется цѣлый кодексъ правилъ, преданій, полный курсъ нищенства, общій по основаніямъ для всѣхъ городовъ, но имѣющій для каждаго и свои частности.

Когда полный курсъ нищенства пройденъ, всѣ необходимыя знанія пріобрѣтены, нищій становится аристократомъ въ своемъ мірѣ; на него смотрятъ съ уваженіемъ, ему завидуютъ и между тѣмъ ищутъ его покровительства, всегда выгоднаго отъ сильныхъ міра. И онъ, дѣйствительно, принимаетъ подъ свое покровительство нѣ-

которыхъ новыхъ пришельцевъ. Эти новички, между которыми нерѣдко встрѣчаются и дѣти, на первыхъ порахъ поступаютъ на послушаніе; обязанности ихъ чисто исполнительныя. Старикъ-аристократъ, окруженный своими адептами, позволяетъ уже себѣ иногда, въ ненастную пору, и вообще когда нѣтъ охоты оставить уголъ и не предвидится богатаго сбора, полѣниться. Онъ остается дома и только адепты его разсылаются по разнымъ концамъ съ приличными внушеніями. Одни изъ нихъ дѣлаютъ и загородныя путешествія, по сосѣднимъ селамъ и деревнямъ, по преимуществу во время молотьбы и уборки хлѣба, и на ярмарки. Они же отправляютъ и всю домашнюю службу, — достать щепочекъ или дровецъ, чтобы затопить печь, или разложить костеръ, принести воды, сбѣгать за виномъ, и проч.

Дѣти принимаются для этой цѣли охотнѣе, нежели взрослые, сколько потому, что они менѣе требовательны и больше можно разсчитывать на ихъ исполнительность, столько же и потому, что призрѣніе дѣтей выгодно обрисовываетъ старыхъ нищихъ въ глазахъ ихъ благотворителей.

Мы припоминаемъ слѣдующую сцену изъ времени дѣтства, проведеннаго нами въ одномъ изъ уѣздныхъ городовъ.

— Какой это мальчикъ ходитъ съ тобой? спрашиваетъ старушка-благотворительница нищаго старика, который въ обычный часъ явился къ ней за милостыней, не одинъ, какъ прежде бывало, а въ сопровожденіи мальчика.

— Да вотъ, матушка, сиротка остался, изъ нашей деревни,— я и взялъ его на воспитаніе.

Хорошо *воспитаніе!* А между тѣмъ старушка, по простотѣ своей, приходитъ въ умиленіе отъ такого благотворительнаго подвига.

Каковы же могутъ быть результаты такого воспитанія? Какіе примѣры предъ глазами дѣтей? Праздная, бродячая жизнь, отсутствіе всякаго труда, мелкія ссоры за лишнюю копѣйку, или кусокъ пирога, самыя грязныя сплетни, иногда пьянство и развратъ!... Съ другой стороны, дѣти видятъ довольство: раждается зависть, пробуждается естественное желаніе пользоваться хотя въ нѣкоторой степени земными благами. А для этого не знаютъ они никакихъ честныхъ средствъ, — остаются только обманъ и воровство. Въ такомъ положеніи дѣти развиваются очень быстро; ловкость ихъ въ мошенничествахъ разнаго рода доходитъ до изумительныхъ размѣровъ. Сначала они обманываютъ пріютившихъ ихъ стариковъ, украдкой таская у нихъ лучшіе куски хлѣба, а иногда и забытую копѣйку, потомъ прибѣгаютъ къ обману благотворителей, не упускаютъ случая залѣзть и въ чужой карманъ, стащить, что можно, съ

воза засѣвавшагося по сторонамъ мужика, — словомъ, вырабатываются въ мошенниковъ очень ловкихъ. Впослѣдствіи, нѣкоторыхъ изъ нихъ можно встрѣтить въ тюрьмахъ, гдѣ они содержатся большею частью по дѣламъ о кражахъ, обманахъ и проч. Въ тѣхъ тюрьмахъ, гдѣ число арестантовъ болѣе или менѣе значительно, люди эти — бойкіе, живые, ловкіе, способные запутать всякое дѣло до того, что и самый опытный слѣдователь не всегда въ состояніи разобрать его — пріобрѣтаютъ обыкновенно нѣкоторое значеніе въ глазахъ другихъ, содержащихся подъ стражею. Это аристократы своего міра, это воспитатели тюремныхъ новичковъ (не напрасно люди, близко знакомые съ тюремными нравами, называютъ тюрьмы школами), это зачинщики тюремныхъ смутъ, всегда ловко подставляющіе чужой лобъ, когда предстоитъ опасность; это наконецъ люди силы и значенія, которыя часто сознаетъ и самъ тюремный смотритель, какой нибудь инвалидъ, и не находя въ себѣ довольно силы, чтобы бороться съ ними, на многое смотритъ сквозь пальцы, многому потворствуетъ, чтобы не нажить бѣды себѣ, чтобъ не было еще хуже.

Вотъ слѣды воспитанія, о которомъ сказано было выше. Съ дѣвочками, которыя въ дѣтствѣ попадаютъ въ кружокъ нищихъ, бываетъ не лучше. Но мы не будемъ рисовать грустныхъ картинъ плутовства, продажности, разврата, упадка физическихъ силъ отъ безпорядочной жизни, и наконецъ смерти, которая нерѣдко постигаетъ этихъ несчастныхъ въ минуты самыхъ горькихъ, самыхъ грубыхъ уклоненій ихъ отъ правилъ и порядка жизни благоустроенной.

«Велико ли благодѣяніе, — спрашиваетъ авторъ статьи «Нищенство и благотворительность въ провинціи»,—спасти ребенка отъ голодной смерти съ тѣмъ, чтобы онъ, выросши только на вредъ и гибель другимъ, и самому себѣ былъ въ тягость? Спасите его отъ голодной смерти, но вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлайте изъ него человѣка, — вотъ это будетъ истинное, вполнѣ христіанское благодѣяніе. Понятно, что для достиженія такой высокой и прекрасной цѣли прежде всего должно начать съ уничтоженія нищенства дѣтей.»

Таково вліяніе нищенства на людей, которые по необходимости прибѣгаютъ къ частной помощи, какъ къ единственному средству для своего существованія. Кажется, не надобно доказывать, что это растлѣвающее вліяніе гораздо съ бо̀льшею силою распространяется на тѣхъ, которые нищенствуютъ только по лѣности, видя въ томъ легкій способъ жить на счетъ другихъ, въ которыхъ слѣдовательно даже и самое побужденіе къ нищенству уже безнравственно. А мы видѣли, что для развитія безнравственности нищенство представляетъ широкій, вольный путь!

Безнравственность, порождаемая и поддерживаемая нищенствомъ, достигаетъ крайнихъ предѣловъ своего развитія, какъ замѣчено выше, въ нищихъ кочевыхъ, а не осѣдлыхъ. Послѣдніе все-таки остаются въ нѣкоторой нравственной зависимости отъ своихъ постоянныхъ благотворителей; у первыхъ нѣтъ никакихъ постоянныхъ отношеній; а потому имъ нечѣмъ дорожить, терять нечего. Упавшее на нихъ подозрѣніе въ воровствѣ для нихъ не страшно; свидѣтели грязнаго ихъ разврата также не пугаютъ ихъ. Еще Богъ-знаетъ, когда приведется зайти въ то село, или деревню, гдѣ видѣли ихъ въ томъ заповѣдномъ мѣстѣ, куда стекаются собранныя ими сокровища, гдѣ вскорѣ послѣ ихъ прохода не оказалось нѣкоторыхъ вещей, и гдѣ возникло подозрѣніе, что эти промышленники знаютъ не одно только ремесло — нищенство, а и поприбыльнѣе кое-что. Напасть на слѣдъ украденныхъ вещей не легко; для этого всегда есть склады, гдѣ въ видѣ залога, по дешевымъ цѣнамъ, принимается все, что угодно; дѣло только въ томъ, что подъ такіе залоги даютъ обыкновенно не деньги, а вино. Да еслибъ и узнали о воровствѣ — бѣда не велика; развѣ побьютъ немного, да скажутъ: «не тащить же нищаго въ судъ; что съ него возьмешь!» Дѣло и кончится только тѣмъ, что потеряется практика въ этой деревнѣ, что на будущее время не приведется въ нее заглянуть; да вѣдь благо міръ не клиномъ сошелся; добрые люди есть вездѣ. Подобныя открытія бываютъ впрочемъ не часто. Пріобрѣтаемая со временемъ, подъ руководствомъ дѣльныхъ наставниковъ, опытность указываетъ нищимъ такіе склады благопріобрѣтеннаго имущества, гдѣ опасности не представляется никакой. Въ статьѣ «Мысли объ общественной благотворительности» авторъ разсказываетъ, что «въ Д.... уѣздѣ есть три торговыя села, въ которыхъ базарные дни слѣдуютъ одинъ за другимъ. Толпы нищихъ переходятъ изъ одного въ другое и, собравши милостыню, чтобы не лишиться довѣрія, уходятъ изъ нихъ въ одинъ отдаленный кабакъ, по имени Бушуй, на границѣ Д. и Р. уѣздовъ, и здѣсь пропиваютъ всю свою выручку. Лѣтомъ, желающій можетъ насладиться даровымъ зрѣлищемъ, какъ перепившіяся пары, семейства и одиночки кейфуютъ близь дороги, по аллеямъ, садамъ и рощамъ этой прекрасной мѣстности. Не подумайте, чтобы въ самомъ дѣлѣ ихъ привлекала сюда красота природы. Нѣтъ. Сюда привлекаетъ ихъ красота и уединенность кабака, стоящаго особнякомъ». Дальше авторъ замѣчаетъ, что «исторіи воровства, грабежа и даже убійства, при содѣйствіи этой почтенной корпораціи, во всей Россіи не рѣдкость, также какъ не рѣдкость случаи похищенія чужихъ дѣтей, изуродованія ихъ и собственнаго своего изуродованія, но чаще

притворства слѣпымъ, хромымъ и т. д , чтобы возбудить жалость въ сострадательныхъ людяхъ».

Мы не думаемъ, чтобы часто совершались нищими грабежи, убійства и похищеніе чужихъ дѣтей. Это былъ бы съ ихъ стороны слишкомъ большой, опасный, да и совсѣмъ ненужный, не представляющій большаго интереса рискъ лишиться выгодъ, доставляемыхъ нищенствомъ, съ которымъ идетъ объ руку воровство. Довольно съ нихъ и того вреда, какой распространяютъ они, принимая къ себѣ на воспитаніе дѣтей, предъ которыми и раскрываютъ всѣ выгодныя стороны своей промышленности. Довольно и того, что, подъ руководствомъ ихъ, дѣти сами скоро узнаютъ выгоды притворяться слѣпыми и увѣчными, что получаютъ практическіе уроки воровства, пьянства и разврата!

Въ такомъ притворствѣ, а иногда и умышленномъ изуродованіи себя, открывается новая сторона вреда, порождаемаго нищенствомъ. Посмотрите, кто изъ просящихъ милостыни больше пользуется помощью,—тѣ ли, кто больше заслуживаетъ ея и больше нуждается въ ней? Конечно нѣтъ. Дѣйствительно слѣпые и хромые, слабые старики, немного выпросятъ себѣ, стоя гдѣ-нибудь въ углу, при входѣ въ церковь, если они не сдѣлались мѣстными аристократами въ разрядѣ нищихъ осѣдлыхъ; немного подадутъ имъ и на сельскихъ, городскихъ и деревенскихъ площадяхъ, гдѣ, сидя съ своими чашками, распѣваютъ они исторіи убогаго Лазаря, Алексѣя-Божія человѣка и т. п., и пересыпаютъ все это разными принятыми по преданію причитаніями. Кто подойдетъ къ нимъ? — Въ городахъ, у церковныхъ притворовъ, не будетъ отыскивать ихъ старушка, выкупающая дешевою благотворительностью грѣхи своей молодости; не подойдетъ къ нимъ слѣдующій за барыней лакей, обязанный одѣлять нищихъ и дѣйствительно одѣляющій только тѣхъ, кто поназойливѣе да побойчѣе и прямо лѣзетъ въ глаза,—словомъ, отъ кого ужь никакъ нельзя отдѣлаться. Не подойдетъ и благотворительница купчиха, которая, отправляясь въ церковь, взяла съ собою извѣстную сумму, всю одинаковыми мелкими мѣдными монетами, чтобы не обидѣть никого. Она раздаетъ эти монеты тѣмъ, кто прежде подвернется. Такъ же поступаютъ и многіе другіе.

Въ селахъ и деревняхъ тоже самое. Есть у распѣвающихъ стариковъ свои слушатели; но слушатели по большей части дѣти, подростки, не довольно еще знакомые съ исторіями Лазаря и Алексѣя Божія человѣка, — молодежь, неимѣющая въ своемъ распоряженіи ничего для благотворительныхъ приношеній. Подойдетъ къ нимъ и хозяйка-стряпуха съ хлѣбомъ, блинами, калачами и пирогами, и всѣмъ подастъ; но она подастъ и тѣмъ, которые успѣли уже побывать у

ней подъ окнами, обошли всѣхъ торговцевъ, успѣли заглянуть въ церковь, да пожалуй успѣютъ составить и новый кружокъ пѣвчихъ.

Каждому, посѣщавшему церкви уѣздныхъ городовъ въ праздничные дни и бывавшему на сельскихъ ярмаркахъ, безъ сомнѣнія, случалось быть свидѣтелемъ перебранки, ссоръ и даже драки между нищими, когда происходилъ между ними дѣлежъ. Такіе дѣлежи бываютъ часто. Денежныя подаянія дробятся на самыя мелкія единицы. По недостатку обращенія въ народѣ такихъ единицъ, случается, подаютъ двумъ-тремъ человѣкамъ крупныя мѣдныя монеты и говорятъ: раздѣлите. Вотъ и исторія: крикъ, шумъ, самыя энергическія ругательства, а нерѣдко и потасовка, — и дѣлежъ, разумѣется, всегда львиный. Мало этого. Посмотрите, какое волненіе происходитъ между нищими, когда къ кружку ихъ подходитъ человѣкъ, отъ котораго ждутъ подаянія. За нѣсколько шаговъ подбѣгаютъ къ нему опытные застрѣльщики, напрактиковавшіеся въ ремеслѣ мальчики и дѣвочки, и начинаютъ пищать на всевозможные тоны о помощи, причемъ безстыдно приписываютъ себѣ всѣ органическіе недостатки. Тутъ услышите вы просьбы о помощи хромымъ, слѣпымъ, безрукимъ и проч. и проч.; а между тѣмъ просители чуть не сбиваютъ васъ съ ногъ. Пока вы выдерживаете этотъ первый натискъ, все степенное нищенство, съ сознаніемъ собственнаго достоинства и боязнью явно нарушить въ глазахъ всей корпораціи принятыя правила, пытливо высматриваетъ, что завоевалъ каждый изъ его помощниковъ. Другіе немилосердно бьютъ тѣхъ дѣтей, которыя недостаточно напрактиковались для осады и страшатся отправиться на штурмъ, или возвращаются безъ добычи. Дальше—второй натискъ, производимый уже опытнымъ, обстрѣлляннымъ войскомъ. Таже исторія,—крикъ, шумъ, множество рукъ протянуто къ вамъ, толпа окружаетъ васъ, тѣснитъ, такъ что непривычный къ подобнымъ явленіямъ человѣкъ не знаетъ, что дѣлать. Но отойдите въ сторону и присмотритесь: вы увидите, что рука, получившая уже подаяніе, часто снова протягивается; застрѣльщики, встрѣтившіе благотворителя, нерѣдко и провожаютъ его далеко, и долго не даютъ ему покоя своей назойливостью, нерѣдко снова получаютъ дань во второй, а опытные въ дѣлѣ и въ третій разъ. Новый источникъ ссоръ.

А между тѣмъ слѣпые, хромые и всѣ, чающіе движенія воды, если они не имѣютъ своихъ дѣятельныхъ помощниковъ и воспитанниковъ, стоятъ одиноко въ углу, — и много рукъ протянется мимо ихъ, много грошей, которые, быть можетъ, имъ предназначались, попадутъ въ чужую мошну. Словомъ, дѣло всегда оканчивается тѣмъ, что большею частію благотворительныхъ подаяній воспол-

зуется сила, а не немощь,—воспользуются тѣ слѣпые, которые видятъ, хромые, которые могутъ бѣгать.

Кстати укажемъ здѣсь и ту вредную сторону нищенства, вслѣдствіе которой подлѣ самыхъ благотворителей, въ нѣсколькихъ отъ нихъ шагахъ, гибнутъ цѣлыя семейства отъ неимѣнія средствъ выйти изъ случайной бѣды, а между тѣмъ щедрая благотворительность неразборчиво распространяется на зрячихъ слѣпыхъ и хромыхъ, способныхъ бѣгать.

Въ бѣдной лачужкѣ, въ безпамятствѣ лежитъ въ постели не старая еще женщина; при ней дитя, которое напрасно старается найти пищу въ изсохшей груди матери. Больная бредитъ. Другія болѣе взрослыя дѣти тоскливо жмутся въ страхѣ, одинъ къ другому, и перестаютъ напоминать матери, что они хотятъ ѣсть. Въ комнатѣ темно, холодно, сыро....

Возвращается домой ремесленникъ, котораго болѣзнь на долгое время лишила работы; потратился онъ на лекарей и лекарокъ; изъ небогатаго заведенія многое нужно было распродать и заложить на хлѣбъ для семьи. Поправился наконецъ, — слава Богу! Опять бы принялся за ремесло, да нечѣмъ взяться. Пробовалъ просить на обзаведенье—не даютъ. Пошелъ къ знакомому цаловальнику, да и пропилъ съ горя послѣдніе инструменты; возвратился домой нетрезвый и бьетъ жену за то, что начала выговаривать, да не забудетъ въ отеческой нѣжности и плачущихъ дѣтей.

Какое намъ до всего этого дѣло? Пусть умираетъ бѣдная женщина, которая послѣ мужа пыталась прокормить дѣтей своей работой, да не подъ силу стало; кстати простудилась еще и слегла въ постель; пусть съ нею умираетъ и грудной ребенокъ, а другіе идутъ хоть нищенствовать. Пусть продолжаетъ пить несчастный ремесленникъ и окончательно спивается съ круга; пусть вмѣстѣ съ нимъ гибнетъ и вся семья его! Мы ничего этого не знаемъ. Отцы и дѣды заповѣдали намъ помогать нищимъ,—и помогаемъ. А нищіе—извѣстное дѣло—тѣ, которые просятъ милостыни ради Христа.

Такія явленія — не рѣдкость, такія разсужденія — не диво, и не потому, чтобы мы не хотѣли помочь въ крайней нуждѣ; есть въ насъ иногда много къ тому готовности, да не знаемъ, какъ быть. Дитя не плачетъ, мать не разумѣетъ. Гдѣ тутъ узнаешь каждаго бѣднаго? Нищій проситъ, стало, ему нужно,—и подаемъ. Другаго рода благотворительности мы иногда еще и не знаемъ. Назначено раздать нищимъ сто рублей въ годъ,—и розданы. Полезное дѣло, стало быть, сдѣлано—и совѣсть покойна.

Не будемъ однакоже останавливаться на такихъ картинахъ, какія только-что представлены нами; можетъ быть только болѣзненно

напряженное воображеніе нарисовало ихъ намъ. Говорятъ, на Руси святой съ голода никто не умираетъ. Охотно вѣримъ. И то правда, что умереть въ горячкѣ, какъ умираетъ женщина, о которой мы говорили, или отъ истощенія силъ послѣ непомѣрной работы, не значитъ умереть съ голода.

Но оставимъ эти грустныя картины и возвратимся къ нищимъ. Ихъ жизнь, имѣющая безъ сомнѣнія свои черные дни, веселѣе, чѣмъ жизнь этихъ вѣчныхъ тружениковъ, которые въ потѣ лица зарабатываютъ себѣ скудный кусокъ хлѣба и все-таки не протягиваютъ руки, не пищатъ искуственнымъ голосомъ, чтобы выпросить другой, совсѣмъ не лишній кусокъ для семьи, или для удовлетворенія собственнаго своего аппетита, сильно возбуждаемаго продолжительной работой. Мы остановились на нищихъ кочевыхъ и привели разсказъ, характеризующій ихъ бытъ. Желающіе легко могутъ повѣрить стереотипную вѣрность этого разсказа. Стоитъ только нѣсколько недѣль посвятить на то, чтобы поѣздить по сельскимъ ярмаркамъ, послѣдить за вереницами нищихъ, переходящихъ съ одной ярмарки на другую. Не много нужно времени, чтобы познакомиться съ нравами этого класса.

Мы знаемъ одну губернію, въ которой провели свое дѣтство, гдѣ есть образъ святителя Николая, весьма уважаемый въ окружности. По установившемуся, не знаемъ съ какого времени, обычаю, образъ этотъ, составляющій принадлежность каѳедральнаго собора въ губернскомъ городѣ, въ теченіи года обносится по цѣлой губерніи, разумѣется съ остановками болѣе или менѣе продолжительными во всѣхъ городахъ и селахъ, въ которыхъ есть церкви. При такихъ остановкахъ бываетъ обыкновенно огромное стеченіе народа, доходящее до тысячъ и даже десятковъ тысячъ человѣкъ, особенно въ томъ селѣ, которое, по преданію, построено на мѣстѣ явленія образа. Причины такого стеченія — сколько религіозныя, проистекающія изъ вѣры въ чудотворную силу образа, столько же и комерческія, и другія. Извѣстно, какія понятія соединяются у насъ въ народѣ съ словомъ праздникъ.

Кромѣ богомольцевъ, есть два класса промышленниковъ, постоянныхъ посѣтителей такихъ мѣстныхъ праздниковъ, послѣдовательно повторяющихся по пути духовной процессіи,—это мелкіе торговцы, переѣзжающіе изъ одного селенія въ другое съ своими подвижными лавочками, и нищіе. На мѣстномъ нарѣчіи есть даже особый терминъ для означенія такихъ путешествій; о нихъ говорятъ: поѣхать, или пойти *въ окружку*, т. е. объѣхать, обойти вмѣстѣ съ образомъ кругомъ всю губернію. Не разъ приводилось намъ бывать на такихъ праздникахъ. Мы живо помнимъ картину встрѣчи образа

мѣстными обывателями. Духовная процессія всегда бывала предшествуема и провожаема огромными толпами нищихъ.

«Какая смѣсь одеждъ и лицъ»

между этими вѣчными странниками! Какъ много любопытныхъ экземпляровъ истиннаго и поддѣльнаго уродства! Какой богатый матеріялъ для наблюденія!...

Съ дѣтства останавливалось на нихъ вниманіе наше. Проходили годы; насъ отвезли въ школу, мы оставили родной городъ и только посѣщали его въ каникулярное время, дѣлая иногда небольшія поѣздки къ своимъ роднымъ. Потому-то много разъ и удавалось намъ присутствовать на праздникахъ, о которыхъ мы говорили, въ разныхъ мѣстахъ губерніи. Много нищихъ, которые почему либо обратили на себя вниманіе, встрѣчали мы постоянно всегда и вездѣ. Мы росли; многое измѣнилось въ нашихъ глазахъ; только эти знакомыя лица оставались неизмѣнными; время какъ будто не оказывало на нихъ никакого вліянія. Наше дѣтское воображеніе, дѣтская мысль пугались даже такой неизмѣнности. Правда, встрѣчались и новыя лица, физіономіи мѣнялись иногда, но общій характеръ картины оставался постояннымъ.

Много разсказовъ слышали мы о похожденіяхъ нищихъ, многое видѣли сами; но не будемъ повторять этихъ разсказовъ, не будемъ останавливаться на своихъ личныхъ воспоминаніяхъ. Это значило бы рисовать тѣ же картины, какія уже представлены нами. Толпы нищихъ у церкви, толпы на площадяхъ; сотни тоскливыхъ голосовъ сливаются въ одинъ общій незамирающій гулъ, въ которомъ для непривычнаго уха такъ много поразительнаго, необыкновеннаго. Это не говоръ ярмарочной толпы, веселой и дѣятельной: это вѣчная несмолкающая мольба, навѣвающая на душу невыносимо-тяжелое чувство. Обычное ханжеское выраженіе просьбы доходитъ впрочемъ иногда до дерзости и чуть-чуть не до насилія. Споры, крикъ, шумъ. За кулисами другія картины—повтореніе приведеннаго выше разсказа съ незначительными варіаціями.

Быть можетъ найдутся люди, которые скажутъ, что милостыня, раздаваемая нищимъ по большей части хлѣбомъ, а не деньгами, вовсе недостаточна для того, чтобы доставлять имъ возможность разгула. Приводимъ свидѣтельство авторовъ названныхъ нами статей о количествѣ, до какого достигаетъ сборъ нищихъ.

Авторъ статьи «Нищенство и благотворительность въ провинціи» говоритъ, что «нелѣнивый нищій набираетъ столько, что за продовольствіемъ себя, находитъ возможнымъ продавать кусковъ и сухарей копѣекъ на 40—60 въ недѣлю. Это мы знаемъ отъ самихъ ни-

щихъ. И это въ обыкновенное, непраздничное время. А случатся великіе праздники, напр. Пасха, Рождество и т. п., сборъ удвоивается. Куски и сухари покупаютъ тѣ семейства мѣщанъ, солдатъ, приказническихъ сиротъ и проч., которыя не имѣютъ возможности покупать даже и по полу-пуду муки. Такихъ семействъ находится вездѣ не мало».

«Кромѣ хлѣба, бываютъ подаянія деньгами при церквахъ, на ярмаркахъ, погребеніяхъ и т. под. Какъ ни бѣденъ нашъ городъ, но при кладбищенской церкви всегда огромная толпа нищихъ. Каждый, посѣтившій могилу своихъ родныхъ, считаетъ долгомъ подать, больше или меньше, нищимъ. Такимъ образомъ, въ иную недѣлю на каждаго нищаго приходится копѣекъ до 50 и больше».

По замѣчанію автора статьи «Мысли объ общественной благотворительности», «въ Д... уѣздѣ нищіе набираютъ милостыни на 3 р. въ недѣлю. Бо́льшая часть милостыни состоитъ изъ хлѣба, который по дешевой цѣнѣ покупается бѣдными крестьянами и горожанами. Въ осеннее время, когда идетъ уборка хлѣбовъ, послѣдній нищій набираетъ милостыни на 5 р. сер. въ недѣлю.»

Какой странный обмѣнъ! Стало быть, есть люди, которые бѣднѣе нищихъ, которые нуждаются въ ихъ помощи, въ этихъ дешевыхъ кускахъ хлѣба и сухаряхъ, потому что на обычную заработную свою плату не могли бы купить хлѣба по цѣнамъ торговымъ!...

Ужь не найдутся ли послѣ этого люди, которые будутъ доказывать пользу нищенства и благотворительное значеніе нищихъ для всѣхъ бѣдныхъ людей, обязанныхъ своимъ существованіемъ только ихъ посредству? Чтобы предупредить такихъ защитниковъ, спросимъ ихъ добросовѣстнаго отзыва: кто же, по ихъ мнѣнію, больше заслуживаетъ помощи и больше нуждается въ ней, — тѣ ли, которые посильнымъ трудомъ пріобрѣтаютъ себѣ только нѣсколько копѣекъ, чтобы купить сухарей по дешевымъ цѣнамъ, или тѣ, которые безъ всякаго труда находятъ довольно средствъ, чтобы продовольствоваться самимъ и даже продавать значительные избытки?

Существованію такихъ избытковъ и справедливости приведенныхъ выше показаній повѣрить нетрудно. Каждому, безъ сомнѣнія, нерѣдко случалось видѣть нищихъ, которые гнулись подъ тяжестію собранной ими милостыни. Одному человѣку не представлялось никакой физической возможности истребить въ непродолжительное время эти обильные запасы. Ясно, чтобы не портились они, ихъ надо продавать. А куда идетъ выручка? — Отвѣтимъ на это словами Г. З...на: «обратитесь за свѣдѣніями къ служащимъ по виннымъ откупамъ: управляющимъ, повѣреннымъ и цаловальникамъ, которыхъ можно назвать помѣ-

щиками нищихъ, а сихъ послѣднихъ оброчными ихъ крестьянами.»

Къ сожалѣнію, едва ли это не общее правило, естественно впрочемъ вытекающее изъ легкаго способа пріобрѣтенія нищими хлѣба и денегъ, и изъ всего склада ихъ жизни. Конечно, есть исключенія, но и самыя исключенія эти ничего не говорятъ въ пользу нищенства.

Въ статьѣ «Бытъ крестьянъ въ г. Сергачѣ» (*) разсказываютъ объ одномъ молодомъ слѣпцѣ, который изъ милостыни скопилъ нѣсколько сотъ рублей. Онъ теперь считаетъ себя человѣкомъ порядочнымъ и даже не прочь жениться; но промысла своего все-таки не покидаетъ. И это примѣръ, безъ сомнѣнія, не единственный. Слыхали мы много подобныхъ разсказовъ. А повнимательнѣе посмотрѣть, такъ и не въ одномъ Сергачѣ, городѣ, какъ извѣстно, весьма бѣдномъ, найдутся такіе слѣпцы, не покидающіе своего промысла. Что же, спрашивается, это такъ и должно быть? — Пусть этотъ слѣпецъ сохранился лучше, чѣмъ другіе, отъ заразы, сообщаемой нищенствомъ, не предавался вмѣстѣ съ другими разгулу, заботливо и даже скупо берегъ свое богатство, отказывалъ себѣ во всемъ и слѣдовательно только себѣ обязанъ за свое матеріальное довольство. Но зачѣмъ же онъ отнимаетъ теперь у другихъ тѣ скудныя средства благотворительности, въ которыхъ не нуждается самъ и такъ сильно нуждаются другіе?

Оставляя, наконецъ, разсужденіе о нищихъ осѣдлыхъ и кочевыхъ и переходя къ нищимъ другаго разряда, или вѣрнѣе другой, такъ сказать, *высшей школы*, считаемъ не безполезнымъ замѣтить еще одно обстоятельство. Что кочевые нищіе неизвѣстны своимъ перемѣннымъ благотворителямъ — это совершенно естественно и понятно; что нищіе осѣдлые часто неизвѣстны своимъ постояннымъ благотворителямъ — это уже не совсѣмъ понятно. Было бы однакожь любопытно изслѣдовать: что̀ это за люди — нищіе; къ какимъ обществамъ они принадлежатъ; кто отправляетъ за нихъ повинности и вноситъ подати.

По закону, окладъ или количество подати опредѣляется по числу податныхъ лицъ, заявленныхъ народною переписью; но подати считаются лежащими не на каждомъ лицѣ отдѣльно, а на цѣломъ обществѣ, или селеніи, по числу душъ, по ревизіи въ немъ состоящихъ; причемъ исчисленіе душъ, въ окладъ положенныхъ по каждому городу и селенію, не измѣняется отъ одной переписи до другой убылью умершихъ, бѣжавшихъ и проч.

(*) Нижегородскія Губернскія Вѣдомости, 1860 г. № 5.

Все это приводитъ къ слѣдующимъ разсужденіямъ. Безъ всякаго сомнѣнія, вся огромная корпорація нищихъ, осѣдлыхъ и кочевыхъ, принадлежала когда нибудь къ какому нибудь обществу. Съ началомъ бродячей жизни этихъ лицъ, отношенія ихъ къ обществу измѣняются. До слѣдующей народной переписи общество обязывается отправлять за нихъ повинности и уплачивать подати. Кромѣ этой незаслуженной тягости, общество несетъ на себѣ еще другую, оказывая помощь, въ видѣ подаяній, тѣмъ же самымъ лицамъ, которыя, начиная свою бродячую жизнь, отказались отъ уплаты податей. При этомъ общество не разбираетъ, своимъ ли бѣднымъ оказываетъ оно помощь, или принимаетъ къ себѣ добровольно чужихъ скитальцевъ. Казалось бы однакожь, лучше устроить такъ, чтобы безъ всякихъ взаимныхъ и совсѣмъ ненужныхъ одолженій каждое общество помогало своимъ бѣднымъ, не пуская ихъ по бѣлому свѣту и не доставляя имъ возможности разносить повсюду вредъ, проистекающій отъ праздной бродячей жизни и нищества? Дальше. Настаетъ новая перепись. Попадаютъ ли въ нее нищіе?—Весьма вѣроятно, нѣтъ. Мы привели уже выше обыкновенное народное разсужденіе, говоря о воровствѣ нищихъ. — «Не въ судъ же, говорятъ, его тащить! что съ него возьмешь!» Такъ и при переписи. Не тащить же нищихъ къ переписчикамъ; сами нищіе къ нимъ не пойдутъ, да и переписчики ихъ не спросятъ. Такимъ образомъ, не говоря уже о томъ, что страдаетъ исчисленіе народонаселенія, и государство лишается дохода, нищіе дѣлаются какимъ-то особымъ классомъ, не принадлежащимъ ни къ какому обществу, чѣмъ-то несуществующимъ по офиціальнымъ актамъ; но не перестаютъ громко заявлять о своемъ существованіи на самомъ дѣлѣ, не перестаютъ повсюду разносить нравственную заразу. Государство можетъ не дорожить этимъ незначительнымъ, хотя и по праву принадлежащимъ ему, доходомъ. Со стороны мірскихъ обществъ понятно желаніе сбросить съ себя тягость уплаты податей и отправленія повинностей за безполезныхъ своихъ членовъ. Но едва ли разсчетливо поступаютъ они, допуская этихъ безполезныхъ членовъ дѣлаться положительно вредными съ началомъ ихъ бродячей жизни и нищенскаго поприща. И отъ послѣдствій проистекающаго отъ того вреда не освобождается ни одно общество; ибо если оно освобождается отъ вредныхъ членовъ, то принимаетъ къ себѣ чужихъ. Не лучше ли устроить такъ, чтобы помощь, оказываемая подобнымъ скитальцамъ всѣми отдѣльными членами обществъ, независимо другъ отъ друга, въ раздробленномъ видѣ, слилась въ общую массу? Прибавлять тутъ ничего не надо; надо только соединить частныя приношенія вмѣстѣ и затѣмъ уже не допускать бѣдныхъ скитаться.

Выгода изъ этого несомнѣнна и очевидна: не будетъ бродяжничества и всѣхъ вредныхъ его послѣдствій, или по крайней мѣрѣ все это, по возможности, уменьшится. Наконецъ, оставивъ въ сторонѣ взрослыхъ и пожилыхъ нищихъ, ускользающихъ отъ народной переписи, посмотримъ на малолѣтнихъ. Что съ ними дѣлается? Они составляютъ впослѣдствіи тотъ не малочисленный, какъ мы знаемъ, классъ, который извѣстенъ подъ именемъ непомнящихъ родства.

Но о бродягахъ, не помнящихъ родства, мы поговоримъ когда нибудь въ другой разъ, хоть люди эти и много общаго имѣютъ съ нищими, составляющими предметъ нашихъ разсужденій; перейдемъ теперь къ нищимъ высшей школы.

Мы разумѣемъ подъ этимъ названіемъ тѣхъ нищихъ, которые не удовлетворяются обыкновенными средствами нищенскаго пропитанія — выпрашиваніемъ себѣ милостыни ради Христа, а изыскиваютъ для этого другія, болѣе замысловатыя средства, и потому не довольствуются уже обыкновенною милостынею. За свою изобрѣтательность, за свое искусство они не безъ основанія разсчитываютъ на лучшее вознагражденіе: не копѣекъ и грошей хотятъ они, а рублей. Это люди, всегда имѣющіе въ запасѣ офиціальныя свидѣтельства, за надлежащей подписью и съ приложеніемъ печати, или просительныя письма, въ которыхъ весьма трогательно описываются постигшія ихъ несчастія, краснорѣчиво излагаются теплыя мольбы о помощи. И находятся достойные цѣнители такого искусства! Мы сами не разъ бывали свидѣтелями щедрыхъ подаяній подобнымъ несчастнымъ; не разъ видѣли книжки, въ которыхъ не мало значилось благотворительныхъ подписчиковъ, — и подписчики дѣйствительно не ограничивались копѣйками, что, разумѣется, дѣлаетъ честь ихъ щедрости, а давали рубли. Замѣчательно при этомъ слѣдующее обстоятельство: сколько разъ намъ ни случалось встрѣчать подобныхъ нищихъ, никогда не сталкивались мы съ ними въ тѣхъ городахъ или уѣздахъ, которые были означены въ представляемыхъ ими офиціальныхъ свидѣтельствахъ. Могутъ сказать, что это дѣло совершенно случайное. Такіе случаи невольно приводятъ однакожъ къ вопросамъ: зачѣмъ этимъ бѣднымъ, больнымъ, лишеннымъ по разнымъ несчастнымъ обстоятельствамъ способовъ трудиться и снискивать себѣ пропитаніе, разъѣзжать по бѣлому свѣту, подвергая себя всѣмъ неудобствамъ далеко не комфортабельныхъ путешествій, дѣйствію непогоды, возможнаго негостепріимства и проч., и проч.; отчего бы не довольствоваться имъ той непосредственной помощью, какой ближе и естественнѣе всего искать у людей, бывшихъ, такъ сказать, свидѣтелями ихъ несчастій? Отчего бы имъ не искать помо-

щи въ томъ небольшомъ кружкѣ, гдѣ несчастіе ихъ хорошо извѣстно и гдѣ поэтому они вѣрнѣе могли бы разсчитывать на болѣе живое и болѣе теплое участіе?

На эти вопросы можно сдѣлать два отвѣта. Первый — тотъ, что люди подобнаго рода не могутъ довольствоваться ближайшею помощью, потому что тѣми не широкими средствами, которыя доставляетъ она, не могутъ удовлетворить всѣмъ привычкамъ, составленнымъ при другихъ, лучшихъ обстоятельствахъ, когда имѣли они другія средства, ихъ собственнымъ трудомъ пріобрѣтаемыя. И оттого скорѣе готовы они перенести всѣ неудобства пути въ какой нибудь далеко неприхотливой тѣлегѣ, безпокойныя обстановки и ночлеги въ грязныхъ и душныхъ постоялыхъ дворахъ, всѣ случайности непогоды, чтобы пріобрѣсть лишній рубль на удовлетвореніе своихъ привычекъ, чѣмъ покойно сидѣть на мѣстѣ и довольствоваться хотя не богатой, но во всякомъ случаѣ достаточной помощью. Но позволяемъ себѣ спросить: какія же это столь сильныя привычки, заставляющія больныхъ пренебрегать возможнымъ для нихъ покоемъ, и заслуживаютъ ли эти привычки сострадательнаго вниманія и поощренія со стороны благотворителей? Другой отвѣтъ на предложенные вопросы, который еще менѣе можетъ расположить въ пользу несчастныхъ скитальцевъ, слѣдующій: ясно, что они не могутъ разъѣзжать по тѣмъ городамъ и уѣздамъ, которые означены въ ихъ свидѣтельствахъ; потому что свидѣтельства эти пріобрѣтены путемъ нечестнымъ, потому что несчастія, описанныя въ нихъ, преувеличены, а иногда и совершенно вымышлены, да нерѣдко и самыя свидѣтельства подложны. Мы приведемъ два хорошо намъ извѣстные случая.

Въ одинъ лѣтній день къ воротамъ барскаго дома, въ деревнѣ, подъѣхала простая тѣлега. Усталая маленькая лошаденка лѣниво тащила ее; въ ней сидѣлъ, углубившись въ самый уголъ кибитки, какой-то господинъ; за тѣлегой шла женщина. Такое необыкновенное явленіе у главнаго подъѣзда барскаго дома было замѣчено; послали узнать, что это такое. Посланный не замедлилъ представить засаленный листъ бумаги, гдѣ весьма жалобно разсказывалось, что господинъ Н. Н.,—къ сожалѣнію, мы не помнимъ ни фамиліи этого господина, ни того мѣста, откуда было выдано ему свидѣтельство,—на службѣ въ какомъ-то судѣ лишился употребленія ногъ. Деревенское общество состояло преимущественно изъ женщинъ. Барина не было; имѣніе принадлежало барынѣ; у ней были дочки, племянницы, воспитанницы, друзья дѣтства, гувернантки. Мужское общество составляли молодые люди — домашній учитель, докторъ и два-три человѣка гостей. Нашлись между ними скептики, которые выразили

сомнѣніе въ дѣйствительности лишенія ногъ на службѣ въ какомъ-то судѣ; замѣтили, что такое лишеніе возможно въ службѣ военной, а въ гражданской едва ли предстоитъ такая дѣятельность, которая могла бы такъ гибельно дѣйствовать на ноги. Вся прекрасная половина общества, начинавшая уже вздыхать и сокрушаться о несчастіи ближняго и выказывавшая видимую готовность оказать ему возможную помощь, остановилась въ недоумѣніи. Женщина, которая шла подлѣ тѣлеги и явилась въ комнаты съ просительнымъ письмомъ, молча представила на это замѣчаніе другой засаленный листъ, со всѣми признаками оффиціальнаго свидѣтельства, удостовѣряющаго, что дѣйствительно господинъ Н. Н. лишился употребленія ногъ на службѣ. Женское общество торжествовало; возраженія не слушались. Съ похвальнымъ рвеніемъ бросились жертвовать, кто что могъ, въ пользу несчастнаго; женщину-просительницу осыпали множествомъ вопросовъ, на которые она не успѣвала отвѣчать; предложили остаться на нѣсколько времени въ деревнѣ и, по крайней мѣрѣ, отобѣдать. На это просительница замѣтила, что больной выходить не можетъ. Болѣе горячія защитницы несчастнаго побѣжали къ тѣлегѣ, захвативъ съ собой остатки завтрака; нашлись благодѣтельницы, которыя принесли и вина; со всѣхъ сторонъ посыпались распросы.... Несчастный повидимому былъ тронутъ, а можетъ быть и просто пораженъ неожиданностью; онъ растерялся; онъ принялъ и вино, и завтракъ, и деньги; но отвѣчать на вопросы затруднялся и только мычалъ что-то, пугливо посматривая по сторонамъ. Благо, во время подоспѣла на выручку женщина, и начала нескладно разсказывать какую-то длинную-длинную повѣсть о ногахъ, отвѣтивъ на предложенный вопросъ о молчаніи больнаго, что онъ и языкомъ плохо владѣетъ, хотя въ свидѣтельствѣ объ этомъ не упоминалось, и рѣчи объ этомъ прежде не было. Докторъ предложилъ осмотрѣть больнаго и помочь, если возможно.—«Батюшка ты мой, слезливо сказала женщина: всѣ доктора лечили, ничего не могли сдѣлать, видно ужь такъ Богу угодно.» Такъ ноги и не были открыты. Милыя благотворительницы, отличающіяся, какъ извѣстно, особенно-нѣжной деликатностью, замѣтили, что больной смущенъ, что лучше оставить его въ покоѣ, пусть покушаетъ и успокоится. Тѣлегу перевезли въ тѣнь и оставили больнаго. Несмотря однакоже на щедрыя приношенія, на покой, предложенный ему, онъ не рѣшился долго оставаться въ деревнѣ и поспѣшилъ оставить ее.

Находились невѣрующіе, высказавшіе желаніе послѣдить за этимъ подозрительнымъ больнымъ; имъ не позволили этого, и дѣло осталось неразрѣшеннымъ. Изъ разсказовъ видно было только, что чиновникъ на службѣ лишился употребленія ногъ; всѣ доктора лечили

его и признали невозможнымъ вылечить; нашлась благодѣтельная женщина, которая приняла его на свое попеченіе, и вотъ ѣздятъ они по бѣлому свѣту, собирая весьма щедрыя подаянія, если судить по приведенному примѣру и по тому, что успѣли пріобрѣсть собственную лошадку. Гдѣ и какъ проводятъ они зиму; почему не ѣздятъ по ближайшимъ окрестностямъ города, въ которомъ служилъ господинъ Н. Н., и много другихъ вопросовъ, которые могли бы способствовать разъясненію дѣла, или вовсе не были предложены, или остались безъ отвѣта.

Что же это такое, не разъ спрашивали мы себя послѣ,—дѣйствительно ли несчастный, заслуживающій призрѣнія, или наглый шарлатанъ, пользующійся легковѣріемъ ближнихъ и отнимающій кусокъ хлѣба у истинной бѣдности и нужды? Признаемся, мы болѣе склоняемся къ послѣднему мнѣнію. Самая форма свидѣтельства, на выдачу которыхъ едва ли существуютъ какія нибудь законныя постановленія, испуганный видъ больнаго, при внезапномъ на него нашествіи, его несвязное мычаніе и очевидное смущеніе при тѣхъ вопросахъ, которые могли разъяснить дѣло, и наконецъ торопливый отъѣздъ изъ деревни, гдѣ встрѣтилъ онъ самое теплое участіе и могъ разсчитывать на отдыхъ самый покойный — все это невольно возбуждаетъ подозрѣніе.

Да пусть, наконецъ, герой нашего разсказа — человѣкъ дѣйствительно больной, но какимъ бы то ни было обстоятельствамъ — на службѣ или не на службѣ, это все равно — потерявшій возможность доставать себѣ пропитаніе трудомъ. Зачѣмъ въ такомъ случаѣ допускать его до скитальческой жизни, которая, при болѣзненномъ его положеніи, не можетъ не быть для него крайне утомительна? Зачѣмъ такое исключительное къ нему участіе, такая исключительная щедрость въ его пользу, тогда какъ отъ бѣдныхъ, бытъ которыхъ хорошо намъ извѣстенъ, но къ которымъ мы присмотрѣлись, встрѣчая ихъ почти всякій день, мы привыкли холодно, безучастно отдѣлываться нѣсколькими копѣйками? И неужели такъ мало свободнаго времени у насъ, чтобы хоть одинъ только разъ внимательно всмотрѣться во всѣ обстоятельства христіанскаго дѣла благотворительности, основательно обдумать всѣ возможныя послѣдствія, къ какимъ можетъ привести настоящее положеніе этого дѣла?...

Другой разсказъ переданъ намъ однимъ изъ нашихъ знакомыхъ и въ достовѣрности его мы не имѣемъ никакого повода сомнѣваться. Послѣ обѣда знакомый нашъ прилегъ на диванъ въ халатѣ, съ папироской; подлѣ дивана помѣстился маленькій его сынъ лѣтъ 8—9; другихъ членовъ семейства не было дома; въ передней оставалась кухарка. Послышался обычный нищенскій

голосъ, прощенiе милостыни. Кухарка была тронута несчастнымъ видомъ просящаго; но, не имѣя возможности удѣлить нищему что нибудь сама и разсчитывая на доброту своего хозяина, умышленно громко повела съ нищимъ переговоры, выражая сожалѣнiе, что дать ему ничего не можетъ и что баринъ легъ спать. Баринъ позвалъ нищаго къ себѣ. Въ комнату не вошелъ, а вѣрнѣе вползъ, болѣзненно ковыляя, мужчина лѣтъ около тридцати. Въ одной рукѣ держалъ онъ бумагу, другая — полуизсохшая, покрытая язвами, была открыта, какъ вывѣска его несчастiя и права на нищенство. Довольно трудно опредѣлить положенiе, какое принялъ онъ,—не то стоялъ на ногахъ, не то на колѣняхъ, не то лежалъ, начиная разсказъ о своихъ бѣдствiяхъ: о томъ, что онъ обгорѣлъ, спасая жену и дѣтей, что жены спасти ему все-таки не удалось, а осталось у него на попеченiи четверо дѣтей, которыхъ прокормить онъ не можетъ. Все это разсказывалось обычнымъ ханжескимъ голосомъ, — нищiе никогда не говорятъ такъ, какъ всѣ другiе, — съ обычными причитанiями. Барину не понравился человѣкъ въ положенiи пресмыкающагося, не любилъ онъ и заученыхъ формъ прошенiя милостыни, а потому предложилъ нищему взять стулъ, сѣсть и разсказывать, не уродуя искуственно своего голоса. Нищiй съ изумленiемъ и недовѣрчивостью посмотрѣлъ на барина; къ такимъ заявленiямъ онъ не привыкъ; до того времени ему встрѣчались люди, предъ которыми чѣмъ больше ханжества, тѣмъ лучше. Однакожь онъ сѣлъ и началъ говорить почти такъ, какъ обыкновенно говорятъ люди, особенно когда замѣчено было, что если онъ будетъ продолжать ханжить, то не получитъ ничего. Видно было, что дѣло это нищему не по силамъ, онъ путался, мялся, заикался и кончилъ тѣмъ, что скоро прекратилъ разсказъ и передалъ знакомому нашему бумагу. Это, какъ оказалось, было свидѣтельство, подтверждавшее достовѣрность его разсказа, подписанное лицами того села, гдѣ разскащикъ имѣлъ будто бы осѣдлость. Баринъ взялъ свидѣтельство и, лѣниво просматривая его, продолжалъ разговаривать съ нищимъ. Прежде всего остановила на себѣ вниманiе его печать, приложенная къ свидѣтельству. Такъ странно, неловко, неясно приложена была она, что невольно возбуждала подозрѣнiе. Знакомый нашъ, далекiй впрочемъ отъ мысли о мошенничествѣ, замѣтилъ нищему, что свидѣтельство это, вопреки установленному порядку, не предъявлено мѣстной полицiи, да что и самая печать какъ-то подозрительна. Нищiй хотя и видимо смутился при такихъ замѣчанiяхъ, но представлялъ нѣкоторыя объясненiя,—и все таки, что называется, держался. Случилось въ это время, у барина нашего погасла папироска, — и онъ, замѣчая нищему всю неблаговидную сторону его положенiя, которая вся-

каго полицейскаго чиновника могла бы вызвать на изслѣдованіе, всталъ и вышелъ въ другую комнату за спичкой. Откуда нашлись у хромаго, безобразно ковылявшаго нищаго ноги: онъ пустился бѣжать такъ, какъ дай Богъ и всякому здоровому бѣгать; кухарка на это время некстати вышла изъ передней и стало быть побѣгъ могъ быть успѣшнымъ. Знакомый нашъ не остался, разумѣется, равнодушнымъ къ такому явному доказательству подлога; нищаго остановили, маленькій сынъ отправленъ былъ за дворникомъ. Въ эти пять-шесть минутъ, пока явился дворникъ, разыгрывались удивительныя сцены. Сначала нищій впалъ въ ханжество: онъ просилъ, умолялъ, обнажалъ свои руки и ноги въ доказательство своего бѣдственнаго положенія, грозилъ потомъ страшнымъ судомъ, Божіимъ гнѣвомъ и всѣми мученіями ада, ползалъ, пресмыкался,—и когда понялъ наконецъ, что всѣ эти усилія напрасны, болѣзненно опустился на стулъ,—до этой минуты онъ былъ живъ и бодръ,—и весь покрытый холоднымъ потомъ, съ храбростію отчаянія спросилъ: что же, наконецъ, сколько онъ долженъ заплатить за свою свободу? Нищій былъ переданъ дворнику для отправленія въ полицію, — и что сдѣлалось съ нимъ послѣ, мы не знаемъ.

Здѣсь уже не остается мѣста подозрѣнію. Подлогъ не подлежитъ сомнѣнію; а между тѣмъ на подписномъ листѣ, который предъявлялъ нищій, были подписки благотворителей и благотворительницъ, пожертвовавшихъ по рублю, по два и по три.

Мы не хотимъ сказать, чтобы всѣ нищіе подобнаго рода были мошенники. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что есть между ними и дѣйствительно несчастные, заслуживающіе помощи; но безъ сомнѣнія множество и такихъ, которые нагло пользуются легковѣріемъ и состраданіемъ благотворителей, пользуются помощью, которой совсѣмъ не заслуживаютъ, по крайней безнравственности своей.

Къ послѣднему разряду нищихъ—высшей школы—слѣдуетъ отнести такъ называемыхъ странниковъ, которые, не имѣя осѣдлости, весь свой вѣкъ скитаются по бѣлому свѣту, подъ предлогомъ богомолья. Извѣстно, какимъ уваженіемъ пользуются такіе странники въ простомъ народѣ, съ какимъ почетомъ принимаютъ ихъ въ домахъ купеческихъ, а иногда и барскихъ. Къ услугамъ ихъ всегда готовъ теплый уголъ, почетное мѣсто въ семейномъ кругу. Встрѣчаютъ ихъ съ радушіемъ, провожаютъ напутствіемъ и благословеніями. Даютъ имъ денегъ на дорогу, даютъ затѣмъ, чтобы поставили они свѣчу, или отслужили молебенъ, исправно платятъ за разносимые ими во множествѣ разныя мелкія вещи.

Неизвѣстно, употребляются ли странниками по назначенію деньги, которыя даютъ имъ на свѣчи и на молебны. Покрайней мѣ-

рѣ во многихъ случаяхъ весьма позволительно въ томъ сомнѣваться.

Мы не имѣемъ претензіи на полноту настоящаго бѣглаго очерка; не думаемъ, что раскрыли въ немъ всѣ вредныя стороны нищенства въ разныхъ его видахъ; но полагаемъ, достаточно и тѣхъ сторонъ, какихъ мы коснулись, чтобъ убѣдиться въ настоятельной необходимости дать иное, лучшее направленіе нашей благотворительности.

Въ законодательствѣ нашемъ мы находимъ постановленія, воспрещающія нищенство; въ немъ указаны источники для призрѣнія бѣдныхъ; предписаны правила, на основаніи коихъ такое призрѣніе должно совершаться. Просматривая цитаты къ послѣднему изданію свода законовъ 1857 г., замѣчаемъ, что древнѣйшее изъ узаконеній о нищенствѣ относится къ 1691 году, — и затѣмъ слѣдуетъ цѣлый рядъ другихъ законовъ по этому предмету. Весьма вѣроятно, что и до 1691 года были нѣкоторыя постановленія о нищенствѣ, но для насъ они не важны; мы не будемъ слѣдить подробно за историческимъ развитіемъ законодательства нашего о нищихъ; для цѣли нашей достаточно разсмотрѣть дѣйствующіе нынѣ по этому предмету законы (*).

(*) Замѣтимъ здѣсь кстати, что прежнія узаконенія гораздо менѣе снисходительны къ нищимъ, чѣмъ дѣйствующіе нынѣ.

Въ доказательство приводимъ вполнѣ любопытный указъ 30 ноября 1691 г. «Великіе Государи указали: извѣстно имъ Великимъ Государемъ, что на Москвѣ гулящіе люди, подвязавъ руки, тако жь и ноги, а иные глаза завѣся и зажмуря, будто слѣпые и хромые, притворнымъ лукавствомъ, просятъ на Христово имя милостыни; а по осмотру всѣ они здоровы, и тѣхъ людей имать и распрашивать, и буде которые скажутся изъ городовъ и посадовъ, посадскіе люди, а иные скажутся дворцовые и помѣщиковы крестьяне, и тѣхъ по распроснымъ рѣчамъ ссылать—посадскихъ людей въ тѣ жь города и посады, изъ которыхъ они пришли, а дворцовыхъ крестьянъ въ дворцовыя волости, а помѣщиковыхъ и вотчинниковъ отдавать помѣщикомъ и вотчинникомъ; а буде тѣ люди съ сего Великихъ Государей указу впредь объявятся на Москвѣ, въ томъ же нищенскомъ образѣ и притворномъ лукавствѣ, и тѣмъ за то притворное лукавство учинить жестокое наказаніе, бить кнутомъ и ссылать въ ссылку въ дальніе сибирскіе городы.»

Впослѣдствіи находимъ нѣсколько подтвердительныхъ указовъ о преслѣдованіи нищенства. Указомъ 14 марта 1694 г., обязанность разбора нищихъ возложена на Стрѣлецкій приказъ, а нищенствующіе безмѣстные попы, дьяконы, чернецы и черницы предоставлены вѣдѣнію патріаршаго приказа. Указомъ 21 января 1712 г., наблюденіе за недопущеніемъ нищенства возложено на монастырскій приказъ. Въ указѣ сказано между прочимъ: «и смотрѣть изъ монастырскаго приказа накрѣпко, буде гдѣ по улицамъ и по мостамъ для прошенія милостыни нищіе явятся, тѣхъ ловить и приводить въ монастырскій приказъ, а въ монастырскомъ приказѣ, чиня наказаніе, отсылать въ богадѣльни и въ мо-

Они представляются въ слѣдующемъ видѣ. Нищенство воспрещено (*). За прошеніе милостыни, безъ крайней необходимости, положено взысканіе какъ съ самыхъ лицъ, замѣченныхъ въ томъ, такъ и съ обществъ и помѣщиковъ, на которыхъ возложено попеченіе о призрѣніи бѣдныхъ, неспособныхъ доставать себѣ пропитаніе собственными трудами (**). Ближайшее же наблюденіе за тѣмъ, чтобы нищенства не происходило, чтобы бѣдные и неимущіе были призрѣны и чтобы неимущимъ калѣкамъ и, подъ видомъ ихъ, здоровымъ не было дозволяемо самовольно отлучаться изъ мѣстъ ихъ жительства—возложено на обязанность сельскихъ, земскихъ и городскихъ полицій, которыя и подвергаются, по закону, отвѣтственности, за неисполненіе этой обязанности (***). Въ столицахъ, какъ въ городахъ самыхъ многолюдныхъ и потому представляющихъ наиболѣе средствъ къ легкому прокормленію себя чрезъ прошеніе милостыни и слѣдовательно больше простора для распространенія нищенства, учреждены особые комитеты, для разбора и призрѣнія нищихъ. При самомъ учрежденіи сихъ комитетовъ, вмѣнено имъ въ обязанность не только разбирать замѣченныхъ въ прошеніи мило-

---

настыри, а которые по міру жь будутъ ходить, а въ богадѣльняхъ они нигдѣ не записаны, и тѣхъ ловя, потому жь въ монастырскомъ приказѣ учиня жестокое наказаніе, отсылать въ прежнія мѣста, откуда кто пришелъ.»

Въ указѣ 20 іюня 1718 года о нищихъ говорится: «и ежели который впервые будетъ пойманъ, такихъ бить нещадно батожьемъ и отдавать, или отсылать, по прежнему указу, въ прежнія ихъ мѣста». «А буде такіе въ другой или въ третій пойманы будутъ, и такихъ, бивъ на площади кнутомъ, посылать въ каторжную работу, а бабъ въ шпингаусъ, а ребятъ, бивъ батоги, посылать на суконный дворъ, и къ прочимъ мануфактурамъ, а на помѣщикахъ, на хозяевахъ и властяхъ, также на старостахъ и прикащикахъ брать штрафу, за каждаго человѣка, за неусмотрѣніе по пяти рублей.»

Распоряженіе о преслѣдованіи нищенства *мѣрами кроткими* въ первый разъ опредѣлительно высказано въ указѣ 1809 г. іюля 20. «Всѣхъ нищихъ забирать; безъ всякаго имъ впрочемъ притѣсненія или страха, но и самаго огорченія». Постановленіе это вошло въ Сводъ Законовъ, издан. 1857 г. том. XIV, уст. о пред. и прес. прест., ст. 258.

По уложенію о наказаніяхъ 15 августа 1845 г., за нищенство опредѣляется арестъ при полиціи или въ тюрьмѣ. (Ст. 1273 — 1275. Св. Зак. том. XV изд. 1857 г.).

(*) Св. Зак. том. XII уст. о благоустр. въ казен. селен. ст. 244. Том. XIV уст. о пред. и прес. прест. ст. 253 и 254.

(**) Св. Зак. том. XII Уст. о город. и сельск. хоз. ст. 83. Уст. о благоустр. въ казен. селен. ст. 499 и 500.

Том. XIV уст. о пред. и прес. прест. ст. 256, 257, 258 и 266.

Том. XV улож. о наказан. ст. 1273, 1274 и 1278.

(***) Св. Зак. том. XIV уст. о предупр. и прес. прест. ст. 255, 266 и 268.

Том. XV улож. о наказан. ст. 381, 383, 384 и 385.

стыни, отдѣляя тѣхъ изъ нихъ, кои впали въ нищенство по стеченію разныхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, отъ другихъ, нищенствующихъ по лѣности и привычкѣ къ бродячей жизни, но также, по собраннымъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ свѣдѣніямъ, изыскать средства къ уменьшенію нищенства, какъ въ столицахъ, такъ и въ имперіи вообще.

С.-Петербургскій и московскій комитеты, дѣйствуя на основаніи предписанныхъ имъ правилъ, заботились о доставленіи пріюта и посильныхъ занятій дѣйствительно нуждавшимся въ помощи и принимали исправительныя мѣры въ отношеніи нищенствовавшихъ отъ привычки къ праздной бродячей жизни.

По ограниченности средствъ комитетовъ и по невозможности призрѣвать въ столицахъ всѣхъ забираемыхъ за прошеніе милостыни, какъ мѣстныхъ обывателей, такъ и иногородныхъ, зашедшихъ туда по разнымъ обстоятельствамъ, эти послѣдніе отправляемы были, по большей части, въ мѣста постояннаго ихъ жительства, къ которымъ они принадлежали. Такимъ образомъ, дѣйствуя съ неоспоримою пользою, какъ въ отношеніи вспоможенія бѣднымъ, такъ, и по удаленію изъ столицъ весьма вредныхъ, при многочисленности, праздныхъ бродягъ, столичные комитеты не могли однако же значительно содѣйствовать искорененію нищенства ни въ самыхъ столицахъ, а тѣмъ менѣе въ имперіи вообще. Здѣсь прилагаются таблицы, составленныя изъ отчетовъ комитетовъ за послѣдніе шесть лѣтъ, съ 1853 по 1858 г. Изъ этихъ таблицъ легко видѣть и дѣятельность комитетовъ, и приносимую ими пользу, Но изъ нихъ же видно и то, что число ежегодно забираемыхъ столичными полиціями нищихъ не уменьшается; но крайней мѣрѣ въ послѣдніе годы оставалось постоянно довольно-значительнымъ, — въ С.-Петербургѣ отъ 1300 до 2000 человѣкъ и больше; въ Москвѣ отъ 2 до 3 тысячъ. Изъ этого слѣдуетъ заключить, что едва ли возможно совершенно устранить причины, побуждающія къ прошенію милостыни; но думаемъ, что во всякомъ случаѣ можно, и даже безъ большихъ усилій, предупредить нищенство и не допускать его развиваться. Для этого стоитъ только всѣхъ, приходящихъ почему либо въ неспособность трудиться и не имѣющихъ пріюта, помѣщать въ тѣ благотворительныя заведенія, какія для того назначены; приходящимъ въ бѣдность отъ причинъ временныхъ и случайныхъ доставлять возможное пособіе, а прибѣгающихъ къ прошенію милостыни единственно по лѣности и развратному поведенію обращать къ труду, не оставляя ихъ на собственный произволъ.

Такова цѣль комитетовъ, — и она достигалась въ возможной степени по отношенію къ столицамъ, но безъ распространенія на

имперію вообще. Въ отчетѣ московскаго комитета за 1853 г. сказано, что число задерживаемыхъ нищихъ оказывается почти въ пять разъ меньше того, сколько задерживалось ихъ въ первые годы по открытіи комитета. Объ уменьшеніи числа нищихъ, задерживаемыхъ въ Петербургѣ, мы не имѣемъ свѣдѣній; но такое уменьшеніе непремѣнно должно предполагать. Совершенно понятно, что множество бродячаго народа, страшась попасть въ полицію и подвергнуться, быть можетъ, наказанію, оставили столицы,—слѣдовательно нищенство въ нихъ уменьшилось. Но съ тѣмъ вмѣстѣ едва ли не увеличилось число нищихъ въ провинціяхъ. Въ нихъ остались всѣ тѣ, кто боялся столичныхъ комитетовъ; продолжали, по всей вѣроятности, нищенствовать и тѣ, которые высланы были изъ столицъ. Подобная высылка, принятая въ отношеніи иногородныхъ, сама по себѣ не вела еще ни къ чему, кромѣ очищенія столицъ отъ вреднаго народонаселенія. Одни изъ нихъ, прибывшіе въ столицы иногда для отысканія посильной работы, конечно не изъ желанія составить себѣ богатство, а по недостатку работъ на мѣстахъ ихъ жительства, съ возвращеніемъ туда, не получали еще достаточнаго обезпеченія ихъ существованія. Другіе, привыкшіе къ праздной, бродячей жизни, безъ всякаго сомнѣнія, не оставляютъ этой привычки только вслѣдствіе высылки ихъ изъ столицъ; напротивъ, въ провинціяхъ, гдѣ надзоръ за ними значительно слабѣе, имъ представлялось больше простора для праздношатательства и нищенства и болѣе безопасное, хотя быть можетъ и не столь для нихъ выгодное средство питаться безъ всякаго труда прошеніемъ милостыни.

Поэтому, для успѣха дѣйствій по уменьшенію нищенства, необходимо было, кромѣ столицъ, имѣть и общій по имперіи надзоръ за просящими милостыни, съ тою цѣлію, чтобы какъ высланные изъ столицъ, такъ и постоянные мѣстные жители, способные работать, не прибѣгали къ подаяніямъ, а неспособные не оставались безъ пріюта, на произволъ частной благотворительности, — въ необходимости обращаться къ этому единственному и не всегда вѣрному средству.

Такое распоряженіе и послѣдовало наконецъ въ 1852 г. По высочайше утвержденному положенію комитета министровъ, основанному на представленіи министерства внутреннихъ дѣлъ, губернскимъ попечительнымъ о тюрьмахъ комитетамъ и уѣзднымъ отдѣленіямъ ихъ поручено производить разборъ и имѣть попеченіе о тѣхъ нищихъ, которые будутъ забираемы мѣстными городскими и земскими полиціями, соображаясь въ этихъ случаяхъ, по возможности, съ правилами, изданными въ 1837 г. для руководства комитета о разборѣ нищихъ въ Петербургѣ; притомъ и полиціямъ постав-

лены на видъ существующія узаконенія о преслѣдованіи нищенства.

Этимъ послѣднимъ распоряженіемъ завершается рядъ правительственныхъ мѣръ къ предупрежденію и пресѣченію нищенства. Въ самомъ дѣлѣ, чего бы оставалось еще, повидимому, желать? — Нищенство воспрещено; повсемѣстно назначены люди для наблюденія за недопущеніемъ нищенства; указаны средства для вспомоществованія бѣднымъ, приходящимъ почему-либо въ неспособность доставать себѣ пропитаніе. Можно было опасаться, что указанныхъ средствъ для вспомоществованія окажется недостаточно; въ такомъ случаѣ, разумѣется, не замедлили бы ихъ увеличить; но можно было съ тѣмъ вмѣстѣ надѣяться, что приставленные къ извѣстному дѣлу люди будутъ дѣлать его.

Къ сожалѣнію, ничего этого не видно. Мы просмотрѣли отчеты общества попечительнаго о тюрьмахъ съ 1853 по 1858 г. (*), то есть именно съ того времени, когда послѣдними распоряженіями правительства должна была, повидимому, расшириться дѣятельность по разбору и призрѣнію нищихъ. Она и дѣйствительно расширилась, но въ какихъ ничтожныхъ размѣрахъ!...

Впрочемъ, вотъ самые выводы, какіе можно сдѣлать изъ упомянутыхъ отчетовъ. До 1855 г. въ отчетахъ не были помѣщаемы таблицы о числѣ нищихъ, распредѣленныхъ губернскими комитетами и уѣздными отдѣленіями; говорилось только о приготовительныхъ занятіяхъ и о дѣйствіяхъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, весьма впрочемъ немногихъ, заслуживающихъ наиболѣе вниманія. Въ отчетѣ за 1854 годъ сказано: «Изъ донесеній комитетовъ Могилевскаго, Самарскаго, Харьковскаго, Костромскаго, Гродненскаго, Уральскаго, Новгородскаго, Полтавскаго, Калужскаго, Бессарабскаго, Петрозаводскаго, Орловскаго, Оренбургскаго (кромѣ уѣздныхъ), Пензенскаго, Керченскаго, Архангельскаго, Саратовскаго и другихъ видно, что распоряженія о приведеніи въ исполненіе высочайшей воли касательно искорененія нищенства сдѣланы; но дѣйствій по сему предмету не было, вслѣдствіе непредставленія полиціями нищихъ, хотя таковые и имѣются въ городахъ.»

Съ 1855 года находимъ таблицы о числѣ нищихъ, подлежавшихъ разбору губернскихъ комитетовъ и уѣздныхъ отдѣленій. Изъ нихъ видимъ, что въ 1855 году, изъ числа 63 комитетовъ въ сто-

---

(*) Отчеты эти въ послѣднее время, послѣ причисленія общества къ министерству внутреннихъ дѣлъ, печатаются иногда въ журналѣ министерства. Прежде они печатались въ незначительномъ числѣ экземпляровъ для членовъ общества и разныхъ должностныхъ лицъ.

лицахъ, губернскихъ, областныхъ и портовыхъ городахъ, только 12, кромѣ столичныхъ, означены въ вѣдомости. Изъ 360 отдѣленій, въ городахъ уѣздныхъ только 7. Въ 1856 г. губернскихъ комитетовъ показано въ вѣдомости только 18, изъ числа существовавшихъ въ томъ году 64; уѣздныхъ отдѣленій 8, изъ числа 374.

Спрашивается, были ли какія нибудь дѣйствія по другимъ комитетамъ и отдѣленіямъ относительно нищихъ? Едва ли. Хотя въ отчетѣ за 1856 г. и сказано, между прочимъ, послѣ перечисленія наиболѣе замѣчательныхъ дѣйствій нѣкоторыхъ комитетовъ, что «въ другихъ губерніяхъ дѣйствія комитетовъ по разбору нищихъ и искорененію нищенства незначительны»; но въ таблицахъ находимъ даже и такіе комитеты и отдѣленія, которыми распредѣлено въ теченіе года только по *одному* нищему. Такъ было въ 1855 г. въ Мезенскомъ отдѣленіи и Черниговскомъ комитетѣ, въ 1856 г. въ Волынскомъ. Какія же могутъ быть еще болѣе незначительныя дѣйствія?

Дальше говорится въ отчетѣ, что въ иныхъ губерніяхъ нищіе и совсѣмъ не забираются полиціею; а потому и приняты мѣры къ тому, чтобы предписанный закономъ порядокъ соблюдался неупустительно.

Послѣ сдѣланнаго напоминанія, казалось бы, можно было ожидать большаго успѣха. Просматриваемъ отчеты за 1857 и 1858 гг.—и тамъ находимъ почти такія же числовыя данныя, какъ въ отчетахъ предъидущихъ. А именно: въ 1857 г. въ вѣдомости о дѣйствіяхъ губернскихъ тюремныхъ комитетовъ и уѣздныхъ отдѣленій по разбору нищихъ показано первыхъ 19, изъ числа 63; вторыхъ 9, изъ числа 390. Въ 1858 году первыхъ 25, изъ числа 64; вторыхъ 12, изъ числа 404.

Чтобы удобнѣе судить объ успѣхѣ дѣла, представляемъ сравнительную таблицу приведенныхъ выше числовыхъ данныхъ.

Годъ.	Число губернскихъ тюремныхъ комитетовъ и уѣздныхъ отдѣленій, обнаружившихъ свою дѣятельность по разбору и призрѣнію нищихъ.	
1855	12	7
1856	18	8
1857	19	9
1858	25	12

На этотъ предметъ, какъ и на всякій другой, можно смотрѣть съ двухъ противуположныхъ сторонъ. Прогрессисты могутъ находить,

что число комитетовъ и отдѣленій, постепенно приступающихъ къ разбору и призрѣнію нищихъ, послѣдовательно увеличивается; слѣдовательно, *дѣло идетъ успѣшно*. Можетъ существовать другое мнѣніе, которое и мы съ своей стороны раздѣляемъ, что число дѣйствующихъ комитетовъ и отдѣленій возрастаетъ крайне медленно, число бездѣйствующихъ остается донынѣ чрезвычайно велико, и потому *дѣло идетъ неудовлетворительно*.

Спрашивается, отчего это? — Офиціальный отвѣтъ готовъ: тюремные комитеты и отдѣленія бездѣйствуютъ оттого, что полиціи не представляютъ въ нихъ нищихъ. Но мы позволимъ себѣ пойти нѣсколько дальше такого отвѣта.

Очевидно, что изложенное выше распоряженіе правительства къ предупрежденію и пресѣченію нищенства не вызвало большаго сочувствія со стороны чиновниковъ полиціи, обязанныхъ преслѣдовать нищенство. Но очевидно и то, что оно не вызвало сочувствіе тюремныхъ комитетовъ и отдѣленій. Губернскіе комитеты и подвѣдомственныя имъ уѣздныя отдѣленія составляются изъ начальствующихъ въ городахъ лицъ по всѣмъ отраслямъ управленія. Вице-президентами губернскихъ комитетовъ назначаются мѣстные архіереи, начальники губерній и генералъ-губернаторы (*). При такомъ составѣ комитетовъ и отдѣленій, при ихъ участіи къ настоящему дѣлу, кажется не могло бы быть и рѣчи о томъ, что комитеты бездѣйствуютъ только оттого, что нищіе не представляются въ нихъ полиціями!...

Наконецъ для насъ ясно и то, что упомянутое распоряженіе правительства не вызвало сочувствія со стороны общества, предпочитающаго и теперь оказывать помощь всѣмъ просящимъ милостыни, въ отдѣльномъ раздробленномъ видѣ, небольшими кусками хлѣба и мелкими монетами, предоставляя нищихъ ихъ личному произволу, а не отдавать эти мелкія монеты и разрозненные куски, въ общей массѣ, въ распоряженіе комитетовъ, которые такимъ образомъ имѣли бы возможность предупреждать нищенство и всѣ вредныя его послѣдствія.

Разберемъ всѣ эти причины.

Что нищіе не забираются полиціями (мы будемъ говорить пока только о городскихъ полиціяхъ; о земскихъ и сельскихъ послѣ), обстоятельство это нисколько насъ не удивляетъ. Во-первыхъ, есть между полицейскими чиновниками такіе, которымъ не до

(*) Св. Зак. Т. XIV, уст. о сод. подъ стр. ст. 33—38.

нищихъ; у нихъ есть дѣла поважнѣе; во-вторыхъ, есть такіе, которые на первыхъ порахъ и принимались за дѣло, да толку вышло мало. Въ одно прекрасное утро, въ городничемъ правленіи приготовлена и подписана бумага въ уѣздное тюремное отдѣленіе, съ препровожденіемъ двухъ забранныхъ нищихъ. Но тутъ-то и затрудненіе: куда отправить бумагу? Регистраторъ сдѣлалъ надпись, разсыльный носилъ пакетъ въ тюрьму; но тамъ его не приняли, и онъ возвратился съ вопросомъ, куда-де слѣдуетъ нести? Регистраторъ не могъ разрѣшить вопроса, да призадумался и письмоводитель, потому что переписки съ уѣзднымъ тюремнымъ отдѣленіемъ прежде у нихъ не бывало. Городничаго спросить боялись; кстати, нашелся писецъ, перемѣщенный въ полицію изъ земскаго суда, и припомнилъ, что когда-то переписывалъ своему секретарю отчеты тюремнаго отдѣленія. Дѣйствительно, секретарь состоялъ дѣлопроизводителемъ при тюремномъ отдѣленіи; къ нему и отправили нищихъ въ судъ. Секретарь не меньше полицейскихъ чиновниковъ смутился отъ такого небывалаго событія и рѣшительно не зналъ, куда дѣвать нищихъ. Онъ оставилъ ихъ въ судѣ, на попеченіи сторожа, который и удѣлилъ имъ нѣсколько крохъ отъ своего скуднаго обѣда; а самъ зашелъ отъ должности къ городскому головѣ (директору и казначею тюремнаго отдѣленія) спросить его совѣта, какъ поступить въ такомъ странномъ обстоятельствѣ. Позвали на совѣтъ стряпчаго. Къ счастію, нищіе оказались изъ ближайшихъ къ городу деревень и потому затрудненій было не много; отправили ихъ къ исправнику для водворенія на мѣсто жительства. Нищіе, впрочемъ, въ первый же праздникъ снова пришли въ городъ и только прятались отъ городничаго на первыхъ порахъ, пока не уходился. Онъ и дѣйствительно уходился, и притомъ очень скоро. Всѣ уѣздныя власти, которымъ онъ надѣлалъ столько хлопотъ своими нищими, тотчасъ же пристали къ нему съ убѣжденіями впередъ этого не дѣлать; говорили, что онъ такую кашу заваритъ, что послѣ и не расхлѣбаешь; что такого заведенія у нихъ прежде не бывало, да и совсѣмъ не нужно; пусть, дескать, живутъ нищіе, какъ прежде жили, благо — никому не мѣшаютъ; да съ другой стороны — нельзя же и не помочь въ нуждѣ бѣдному человѣку.... Городничій пробовалъ говорить, убѣждать, дѣйствовать; но скоро самъ убѣдился, что тюремное отдѣленіе въ наличности не существуетъ, а потому и нѣкуда отправлять нищихъ. Къ тому же нельзя въ самомъ дѣлѣ и ссориться ни съ уѣздными властями, ни съ купечествомъ, благодѣющимъ нищимъ.

Мы припоминаемъ слѣдующій разсказъ о провинціальныхъ событіяхъ, въ которыхъ главную роль играли нищіе. Въ уѣздномъ

городѣ ожидали новаго губернатора, производившаго первое обозрѣніе губерніи. Городничій, старый, честный служака, добрякъ, любимый горожанами, суетился, бѣгалъ впопыхахъ, дѣлалъ распоряженія по части благоустройства и благочинія, не забылъ приказать полицейскому солдату пригрозить и нищимъ, чтобы на время пребыванія въ городѣ генерала не дѣлали шума, а сидѣли спокойно въ своихъ норахъ. Но нищіе, по установившемуся порядку, считая себя совершенно законными гражданами, не могли добровольно отказаться отъ удовольствія взглянуть, вмѣстѣ съ другими, на генерала, — не часто являются! — и цѣлыми толпами осадили церкви, которыя угодно было посѣтить его превосходительству. Губернаторъ обратилъ вниманіе на толпы нищихъ и замѣтилъ это городничему. Старикъ немного смутился; но отвѣчалъ, что граждане въ городѣ богатые и благодѣтельные, а потому бѣдные изъ окрестностей и собираются въ городъ, разсчитывая на ихъ помощь. Губернаторъ замолчалъ, но послѣ, при ревизіи городской думы, снова повелъ рѣчь о нищихъ съ городскимъ головой. Голова, и безъ того до нельзя напуганный ревизіей, совсѣмъ замялся и не нашелся ничего сказать. Губернаторъ понялъ, что и тутъ немного сдѣлаешь, и приказалъ пригласить къ себѣ предъ отъѣздомъ тѣхъ изъ гражданъ, кто потолковѣе и побогаче, и пользуются значеніемъ въ городѣ. Собрались. Генералъ опять заговорилъ о множествѣ нищихъ, о необходимости позаботиться объ уменьшеніи этого зла, о томъ, что лучше устроить богадѣльню, и проч. и проч. Граждане молчали и только, переступая съ ноги на ногу, прятались одинъ за другаго, стараясь пробраться какъ нибудь поближе къ двери. Нашелся одинъ мѣстный ораторъ, который рѣшился смѣло выступить впередъ и доложить его превосходительству, что нищихъ въ городѣ точно не мало и что это-то самое показываетъ, что городъ, стало быть, благотворительный. Устройство богадѣльни онъ находилъ совершенно лишнимъ, по той причинѣ, что отцы и дѣды не глупѣе ихъ были, а богадѣльни тоже не строили; да наконецъ, гдѣ ни посмотришь кругомъ, никакихъ богадѣленъ и иныхъ заведеній не имѣется, стало быть и имъ не приводится выходить изъ ряда; да что и вообще худая слава тому городу, гдѣ не одѣляютъ нищихъ, а потому не приводится имъ класть такую славу на свой родной городъ.

На томъ пока и остановилось дѣло. Проводивъ генерала, уѣздныя власти собрались, по обычаю, вмѣстѣ — подѣлиться впечатлѣніями. Зашла рѣчь между прочимъ и о нищихъ, — и старика же городничаго упрекали въ томъ, что онъ приказывалъ разгонять ни-

щихъ; говорили, что все это пустыя затѣи. Старикъ и согласился наивно, скромно замѣтивъ, что онъ «такъ только на всякій случай.... неловко... генералъ... въ первый разъ... а тамъ, какъ проѣдетъ, такъ и Богъ съ ними, съ нищими-то; пусть ходятъ и собираютъ попрежнему....»

Неизвѣстно, какъ поступилъ губернаторъ въ другихъ уѣздныхъ городахъ по этой части. Легко можетъ быть, что по возвращеніи въ губернскій городъ, онъ далъ предложеніе тюремному комитету о принятіи рѣшительныхъ мѣръ къ предупрежденію и пресѣченію нищенства. Вслѣдствіе того представлено было къ подписи его превосходительства строжайшее предписаніе городничимъ, земскимъ полиціямъ и уѣзднымъ отдѣленіямъ тюремнаго комитета.... Тѣмъ дѣло и кончилось. Неизвѣстно, забылъ ли генералъ о своемъ предписаніи, или убѣдился въ томъ, что тюремный комитетъ, какъ и упомянутое выше тюремное отдѣленіе, также въ наличности не существуетъ, хотя и значится въ разныхъ официальныхъ бумагахъ; что есть только два дѣятельные человѣка, которые напоминаютъ иногда о комитетѣ, — это дѣлопроизводитель, дѣятельность котораго обнаруживается составленіемъ отчетовъ (и Богъ-знаетъ изъ какихъ данныхъ онъ составляетъ ихъ!), да экономъ, котораго дѣятельность значительнѣе: онъ закупаетъ припасы, вѣдаетъ продовольствіемъ арестантовъ, платьемъ и вообще занимается хозяйствомъ — тюремнымъ, разумѣется. Дѣятельность всѣхъ другихъ членовъ комитета тѣмъ только и обнаруживается, что они подписываютъ отъ времени до времени журналы, присылаемые къ нимъ на квартиру, слѣдующаго содержанія: *Слушали:* представленіе директора и казначея (онъ же и экономъ) комитета о необходимости истребовать изъ уѣзднаго казначейства деньги на продовольствіе арестантовъ. *Приказали*: отнестись о семъ въ уѣздное казначейство. Или—*Слушали*: рапортъ директора и казначея комитета, при коемъ представляетъ деньги, отпущенныя изъ уѣзднаго казначейства на продовольствіе арестантовъ. *Приказали*: о запискѣ оныхъ на приходъ дать надлежащее предписаніе,—и проч. въ томъ же родѣ. Какъ будто не о чемъ другомъ было говорить, нечего слушать и нечего приказывать! Какъ будто коллегіальный порядокъ затѣмъ только и существуетъ, чтобы прикрывать формами разныя дѣйствія, далеко не всегда форменныя!

Всѣ приведенные примѣры не вымышлены нами. Мы видѣли ихъ сами; мы слышали разсказы о нихъ отъ лицъ, которыя имѣли официальныя иногда занятія по тюремной части; мы основываемъ ихъ наконецъ на тѣхъ данныхъ, какія представляютъ отчеты об-

щества попечительнаго о тюрьмахъ. Общество открыто заявило уже и продолжаетъ заявлять о своей дѣятельности, — и въ пользѣ такой дѣятельности сомнѣнія быть не можетъ. Въ отчетахъ его не замѣтно умышленно-густыхъ и яркихъ красокъ; въ немъ только факты и числа. Изъ скромности, не прячется оно за уголъ съ своими полезными дѣйствіями, но не скрываетъ и недостатковъ....

Изъ приведенныхъ примѣровъ легко видѣть, какая тѣсная связь между тремя упомянутыми выше причинами недостаточнаго успѣха правительственныхъ распоряженій объ уменьшеніи нищенства. Тюремные комитеты прикрываются недѣятельностью полиціи; полиціи—недостаткомъ сочувствія въ обществѣ; общество—недѣятельностью комитетовъ. Говорятъ, по комитету никакихъ распоряженій не сдѣлано; стало быть и не нужно. Это могутъ сказать люди, которые знаютъ о существованіи закона, воспрещающаго нищенство. Но едва ли не больше такихъ, которые о законѣ этомъ ничего и не знаютъ.

Встрѣчаются также въ обществѣ люди, которые предпочитаютъ отдать нищему въ руки посильное вспомоществованіе, какъ бы мало и недостаточно оно ни было, разсуждая, что нищему по крайней мѣрѣ хотя что нибудь попадаетъ; а то пожертвуй деньги въ комитетъ, такъ скоро ли тамъ еще пожертвованіе дойдетъ до бѣдныхъ, да и дойдетъ ли еще? Кто же виноватъ, что комитеты не умѣли, или не хотѣли вызвать народнаго довѣрія къ своимъ дѣйствіямъ? Авторъ статьи «Нищенство и благотворительность въ провинціи» разсказываетъ объ одной богадѣльнѣ, основанной промотавшимся купцомъ, который разсчитывалъ благотворительными пожертвованіями и устройствомъ экономической части въ богадѣльнѣ исправить свое запутанное положеніе, и при помощи, разумѣется, нѣкоторыхъ благодѣтелей, не ошибся въ разсчетѣ. И это примѣръ вѣроятно не единственный. Поэтому удивительнаго ничего нѣтъ, что въ обществѣ нѣтъ довольно довѣрія къ чиновно-благотворительнымъ разнаго рода учрежденіямъ. Надобно умѣть его возбудить.

По всѣмъ изложеннымъ основаніямъ, кажется, не ошибемся мы, если скажемъ, что главная причина неуспѣха правительственныхъ мѣръ къ уменьшенію нищенства заключается въ недостаткѣ вниманія и сочувствія къ этимъ мѣрамъ со стороны тюремныхъ комитетовъ и полицій. Тѣ комитеты и отдѣленія, въ которыхъ нашлось нѣсколько членовъ, готовыхъ дѣятельно откликнуться на всякій полезный правительственный призывъ, умѣли найти средства для вспоможенія бѣднымъ, умѣли заставить полицію забирать и

представлять нищихъ, умѣли вѣроятно возбудить и сочувствіе общества къ своимъ дѣйствіямъ. Да это иначе не могло и быть. Стоитъ только начальнику губерніи, вице-президенту тюремнаго комитета, выразить непремѣнную волю объ исполненіи существующихъ узаконеній о нищенствѣ, — съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ они будутъ исполняться.

Могутъ спросить, куда же помѣщать забранныхъ нищихъ? Если не найдется довольно людей, способныхъ убѣдить мѣстныхъ граждань, что единовременное пожертвованіе въ пользу комитета той суммы, какую они раздаютъ въ теченіе года нищимъ, на наемъ для нихъ помѣщенія, лучше и полезнѣе, чѣмъ раздача милостыни копѣйками и грошами; если не найдется довольно людей, способныхъ убѣдиться въ томъ, — на первый разъ помѣщеніе можетъ быть нанято на счетъ суммъ тюремныхъ комитетовъ и отдѣленій. Такихъ суммъ въ распоряженіи общества попечительнаго о тюрьмахъ показано, по отчету за 1858 г., слишкомъ полтора милліона. Незначительный расходъ на наемъ помѣщеній пополнится скоро. Наконецъ, одинъ благотворительный спектакль или концертъ, одна благотворительная лотерея,—вотъ и готовъ капиталъ на наемъ дома для нищихъ и первоначальное его обзаведеніе. Не говоримъ уже о томъ, что трудно представить, чтобы въ настоящее время во всемъ городскомъ обществѣ не нашлось людей, сознающихъ преимущество единовременныхъ пожертвованій въ пользу нищихъ предъ мелкими подаяніями. Да если бы, повторяемъ, на первый разъ и не было ихъ совсѣмъ, — бѣда небольшая. Мало по малу, при ревностномъ содѣйствіи членовъ тюремныхъ комитетовъ и отдѣленій и мѣстнаго духовенства, стали бы убѣждаться и они въ пользѣ рождающихся учрежденій.

Извѣстно, какія незначительныя суммы нужны на наемъ небольшихъ помѣщеній въ большей части нашихъ уѣздныхъ городовъ. И какъ бы помѣщенія эти малы ни были, во всякомъ случаѣ они лучше тѣхъ сырыхъ и грязныхъ подваловъ или полуразрушенныхъ лачужекъ, въ которыхъ свободно гуляетъ вѣтеръ и просачиваются капли дождя сквозь ветхую крышу, гдѣ часто страдаютъ больные, увѣчные старики, и рано разстроиваютъ свое здоровье дѣти.

Чѣмъ кормить и во что одѣвать нищихъ? Насчетъ прокормленія никакихъ затрудненій быть не можетъ. Никакой тюремный комитетъ, ни отдѣленіе не затруднятся удѣлить нѣсколько порцій въ пользу нищихъ, если въ подвѣдомственныхъ имъ тюрьмахъ заведено правильное хозяйство, — это не составитъ для нихъ никакой тягости.

Городское общество отведетъ землю для огорода; есть же пустыя земли, остающіяся безъ всякаго употребленія; отводятъ же ихъ подъ огороды для арестантовъ. И доставленная такимъ образомъ пища, конечно, будетъ питательнѣе и здоровѣе, чѣмъ тѣ разнаго свойства и зачерствѣлые иногда куски, какіе собираются нищими теперь. На одежду, если бы встрѣтилась въ ней надобность, могли бы употребить также незначительную сумму тюремные комитеты. Наконецъ, на все это были бы деньги, высыпанныя изъ кружекъ при церквахъ, деньги, выручаемыя отъ работъ, производимыхъ нищими, которые не должны оставаться безъ занятій.

Да повѣрьте, стоитъ только начать дѣло, за благотворительными пожертвованіями остановки не будетъ. Предположеніе это вполнѣ подтверждается опытомъ. Изъ приложенной вѣдомости видно, что въ теченіе 6 лѣтъ, съ 1853 по 1858 г., пожертвованія въ пользу тюремныхъ комитетовъ и отдѣленій и столичныхъ комитетовъ для разбора нищихъ простирались деньгами и припасами до 2 милліоновъ рублей, т. е. среднимъ числомъ больше 330 тысячъ въ каждый годъ, не считая многихъ пожертвованій вещами, построекъ, произведенныхъ на счетъ благотворителей, безденежнаго отпуска лекарствъ и проч. Наконецъ, въ городахъ небогатыхъ, гдѣ нельзя ожидать большихъ денежныхъ пожертвованій, могли бы передаваться въ комитеты и отдѣленія тѣ же самыя натуральныя приношенія, которыя раздаются теперь нищимъ, — тоже самое платье, тѣ-же самые куски хлѣба. Разница отъ этого будетъ въ томъ, что куски эти не раскрошатся, не загрязнятся въ нищенскихъ мѣшкахъ, не подернутся плѣсенью, какъ это дѣлается нынѣ, въ сырыхъ нищенскихъ подвалахъ. Платье будетъ раздаваться съ бо́льшею разборчивостью, чѣмъ теперь. Теперь, найдется у васъ поношенный сюртукъ, негодный для собственнаго употребленія, кафтанъ, сорочка, сапоги, — вы и отдадите все это первому нищему, какой подвернется, часто безъ всякаго соображенія съ его ростомъ. Оттого и не рѣдкость встрѣтить нищихъ, которые едва прикрываются узкимъ и короткимъ, не соотвѣтствующимъ ихъ росту платьемъ; не рѣдкость встрѣтить дѣтей, которыя съ трудомъ волочатъ ноги въ безобразно огромныхъ сапогахъ и путаются въ полуизношенномъ платьѣ, сшитомъ для взрослаго. То же самое платье, та же обувь раздавались бы нищимъ въ комитетѣ сообразно росту каждаго.

Разсужденіями этими мы хотимъ съ тѣмъ вмѣстѣ сказать, что по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ нѣтъ никакой надобности въ формахъ. Есть у насъ большое стремленіе къ тому, что если затѣяли мы какое нибудь благотворительное заведеніе, то пусть будетъ

въ немъ ужь все какъ слѣдуетъ—все по формѣ; пусть всѣ поступающіе въ заведеніе одѣты будутъ непремѣнно въ одинаковое платье, продовольствуются совершенно одинаковой пищей. Дѣло не въ формахъ, а въ самой сущности. Дѣло не въ томъ, чтобы одѣть нищихъ въ одинаковые кафтаны и давать каждому изъ нихъ хлѣбъ непремѣнно одного и того же печенья; довольно позаботиться сначала о томъ, чтобы удержать ихъ отъ бродяжничества и неминуемо соединенной съ нимъ нравственной заразы.

А со временемъ, посмотрите, что выйдетъ изъ этихъ нищенскихъ пріютовъ, которые, какъ сказано, не требуютъ отъ частной благотворительности никакихъ усиленныхъ средствъ, а только продолженія и сосредоточенія въ одну общую массу тѣхъ приношеній, какія дѣлаются нынѣ! Сначала дѣло конечно не обойдется безъ нѣкоторыхъ затрудненій; но такія затрудненія, мы въ томъ убѣждены, скорѣе выкажутся со стороны самихъ нищихъ, а не со стороны благотворителей. Найдется между нищими много такихъ, которые не пожелаютъ разстаться со своей беззаботной кочевой жизнью—и разбредутся по селамъ и деревнямъ, гдѣ и будутъ продолжать питаться нѣкоторое время, пока не распространится въ народѣ убѣжденіе о вредѣ, порождаемомъ и разносимомъ подобными бродягами по бѣлому свѣту. Но впослѣдствіи, не находя себѣ нигдѣ потворства, придутъ и они въ нашъ пріютъ; придутъ сами,—одни за тѣмъ, чтобы просить призрѣнія; другіе — просить хлѣба и работы до пріисканія случая опредѣлиться куда нибудь въ услуженіе. И комитеты будутъ имѣть довольно средствъ, чтобы пріютить всѣхъ подобныхъ скитальцевъ и доставить имъ посильныя занятія. Въ комитеты будутъ обращаться и горожане, которые встрѣтятъ надобность въ рабочихъ или прислугѣ. А сколько пользы принесутъ комитеты дѣтямъ-нищимъ, отдавая ихъ для обученія ремесламъ и подготовляя такимъ образомъ изъ нихъ полезныхъ членовъ общества въ будущемъ и, безъ сомнѣнія, усердныхъ вкладчиковъ въ свои капиталы, усердныхъ себѣ помощниковъ! Въ комитетъ же обратится за пособіемъ и ремесленникъ, лишившійся работы и разстроившій свое хозяйство во время продолжительной болѣзни, и комитетъ будетъ имѣть возможность помочь ему; будетъ имѣть довольно средствъ, чтобы не оставить безъ помощи и бѣдную женщину, вдову чиновника, не получающую пенсіи и одиноко умирающую отъ истощенія силъ, да и самые чиновники не останутся безъ вниманія съ его стороны, словомъ — не будетъ забытъ никто изъ бѣдныхъ!

Все это не безплодныя мечты; все это возможно и существуетъ на самомъ дѣлѣ въ тѣхъ городахъ, гдѣ тюремные комитеты поняли

всю важность возложенной на нихъ обязанности по искорененію нищества, — и на это мы находимъ доказательства въ тѣхъ же отчетахъ общества попечительнаго о тюрьмахъ, на которые не разъ уже ссылались.

Особеннаго вниманія заслуживаютъ въ этомъ отношеніи дѣйствія Тульскаго тюремнаго комитета, и мы разсмотримъ ихъ съ большею подробностію. Въ отчетѣ общества попечительнаго о тюрьмахъ за 1853 г. сказано только о Тульскомъ комитетѣ, что «съ открытія дѣйствій онаго, 21 января 1853 г., составленъ неприкосновенный капиталъ въ 5000 рублей и оставлено въ наличности 1352 р. Къ разбору представлено полиціею 537 человѣкъ; часть изъ нихъ, по старости, увѣчью и безпріютности, осталась на попеченіи комитета; другіе распредѣлены по назначенію. Комитетъ прилагаетъ особенную заботливость объ устройствѣ работнаго заведенія, которое признается необходимымъ для занятія женщинъ и несовершеннолѣтнихъ дѣтей.»

Въ отчетѣ о дѣйствіяхъ Тульскаго комитета за 1854 г. находимъ слѣдующія замѣчательныя слова: «*Опытъ указалъ, что выдаваемыя нищимъ пособія не приносятъ существенной пользы и что необходимо ихъ, особенно малолѣтнихъ, пріучать къ труду и осѣдлой жизни.*»

На основаніи такихъ указаній, Тульскій комитетъ нашелъ возможнымъ устроить въ 1854 г., при занимаемомъ имъ домѣ, помѣщеніе для занятія призрѣваемыхъ работами. «Въ продолженіе перваго мѣсяца,—сказано въ отчетѣ,—число призрѣваемыхъ въ этомъ помѣщеніи не простиралось болѣе 25 человѣкъ. Но впослѣдствіи, удобное помѣщеніе, здоровое продовольствіе и соразмѣрныя съ силами каждаго занятія обратили многихъ бѣдныхъ родителей съ просьбами къ комитету о принятіи въ оное дѣтей ихъ. Для предупрежденія нищенства, комитетъ разрѣшилъ пріемъ въ это работное отдѣленіе нѣкоторыхъ малолѣтнихъ, взрослыхъ и даже женщинъ съ грудными младенцами.» Кромѣ праздничныхъ дней, всѣ способные трудиться были заняты работами.

Для обученія и наблюденія за работою нанята была мастерица, а для надзора за нравственностью и хозяйствомъ опредѣлена бѣдная вдова чиновника съ тремя малолѣтними дѣтьми, которой, кромѣ продовольствія, назначено жалованье по 3 руб. въ мѣсяцъ (тоже призрѣніе).

На продовольствіе призрѣваемыхъ израсходовано 199 р. 17½ к., выдано работавшимъ и употреблено на одежду для малолѣтнихъ и жа-

лованье служащимъ 409 р. $11^3/_4$ коп.,—итого 608 р. $29^1/_4$.; за исключеніемъ же 228 р. $87^1/_2$ коп., вырученныхъ за работы, израсходовано — 379 руб. $41^3/_4$ коп.

Такимъ образомъ, если принять даже, что число призрѣваемыхъ комитетомъ въ работномъ отдѣленіи и не превышало 25 человѣкъ, имѣвшихся въ первый мѣсяцъ, то содержаніе каждаго изъ нихъ обходилось бы только около 15 руб. въ годъ. Причемъ слѣдуетъ обратить вниманіе на то обстоятельство, что заработываемыя деньги, которыя могли бы поступить, въ случаѣ надобности, на усиленіе средствъ комитета, всѣ выдавались по рукамъ, за вычетомъ только *по полторы копѣйки въ день за содержаніе.*

Впослѣдствіи число призрѣваемыхъ увеличилось, а съ тѣмъ вмѣстѣ и количество заработываемыхъ денегъ. Въ 1856 г. въ работномъ отдѣленіи *постоянно* находилось около 70 лицъ женскаго пола, преимущественно несовершеннолѣтнихъ, которыми разработано шерсти и выткано полустамеда на сумму 901 рубл. 52 коп.; изъ полученныхъ денегъ выдано имъ 743 р. $98^1/_2$ коп. Комитетомъ израсходовано на продовольствіе призрѣваемыхъ 518 р. $17^3/_4$ коп. и на содержаніе дома 594 р. $4^1/_4$ коп., итого—1,112 рубл. $22^1/_4$ коп. т. е. среднимъ числомъ на каждую призрѣваемую около 16 рублей; а если бы обратить на пополненіе суммъ комитета хоть половину заработанныхъ денегъ, то содержаніе каждой призрѣваемой обошлось бы меньше 10 рублей въ годъ.

Изъ этого видно, какими незначительными средствами достаточно располагать, чтобы приступить къ дѣлу и вести его съ очевидной и неоспоримой пользой. Предупрежденіе бродяжничества и всѣхъ вредныхъ его послѣдствій, особенно въ несовершеннолѣтнихъ дѣвочкахъ, и пріученіе ихъ къ правильному труду достаточно рекомендуютъ успѣхъ дѣла.

Къ сожалѣнію, рабочее отдѣленіе, существовавшее при Тульскомъ комитетѣ, должно было въ 1858 г. на время прекратить свои занятія, потому что требованіе приготовляемаго въ немъ полустамеда значительно уменьшилось. Комитетъ однако же не прекратилъ своихъ дѣйствій: разборъ и призрѣніе нищихъ производились, по прежнему, дѣятельно и успѣшно. Въ 1858 г. пріобрѣтенъ даже особый домъ для постояннаго призрѣнія нищихъ; призрѣваемыхъ было отъ 20 до 30 человѣкъ, большею частію престарѣлыхъ женщинъ, которыя и занимались разработкою и пряжею шерсти и шитьемъ бѣлья для заведеній приказа общественнаго призрѣнія. Въ доставленіи пособій бѣднымъ, какъ сказано въ отчетѣ общества попечитель-

наго о тюрьмахъ за 1854 г., Тульскій комитетъ не ограничивался только представленными полиціею нищими; но чрезъ директоровъ и довѣренныхъ лицъ открывалъ много такихъ, которые, не прося милостыни, нуждались въ пособіи, и оно было выдано имъ. Такимъ образомъ въ 1854 г. производились изъ суммъ комитета 60 лицамъ пособія ежемѣсячныя, на сумму 194 р. 45 коп., и 147 бѣднымъ въ разныя времена были выдаваемы единовременныя пособія, на что употреблено 324 р. 65 коп.; сверхъ того, выдано теплой одежды, бѣлья и обуви на 39 руб.

За послѣдующіе годы до 1858 г. не показано числа лицъ, пользовавшихся пособіями отъ комитета. Въ 1856 г. употреблено на этотъ предметъ 557 р. 35 коп.; въ 1857 г. — 592 р. 64½ коп.; въ 1858 г. — 399 р. 18 коп.; причемъ ежемѣсячными пособіями пользовались, между прочимъ, 18 вдовъ чиновниковъ, не получающихъ пенсіи, 1 отставной чиновникъ съ тремя малолѣтними дѣтьми и 1 неслужащій дворянинъ.

Вотъ доказательство, — подтвержденіе котораго мы встрѣтимъ еще и впослѣдствіи, — что задача истинно-полезной благотворительности состоитъ совсѣмъ не въ томъ, чтобы подать нѣсколько копѣекъ каждому просящему милостыни, а въ томъ, чтобы умѣть отличить истинную нужду отъ подложной, чтобъ умѣть найти дѣйствительную бѣдность, которая часто стыдливо прячется отъ всякой огласки.

Оканчивая обзоръ дѣятельности Тульскаго комитета по разбору и призрѣнію нищихъ, остановимся еще на числѣ нищихъ, представленныхъ въ комитетъ полиціею за разные годы.

Въ 1853	г.	представлено было	537
— 1854	—	— —	257
— 1855	—	— —	238
— 1856	—	— —	133
— 1857	—	— —	102
— 1858	—	— —	98 (*).

Какъ видно, число нищихъ, со времени открытія дѣйствій комитета, послѣдовательно и весьма быстро уменьшалось; причемъ годъ отъ году встрѣчалось меньше и меньше такихъ лицъ, которыя подлежали передачѣ на распоряженіе полиціи или высылкѣ въ обще-

(*) Вѣроятно, въ цифры послѣдняго отчета вкралась ошибка; число всѣхъ нищихъ показано 98, а распредѣленныхъ только 67.

ства и къ помѣщикамъ, т. е. лицъ, нищенствовавшихъ безъ довольно уважительныхъ на то причинъ.

Въ	1855	г.	такихъ лицъ	было	78
—	1856	—	—	—	39
—	1857	—	—	—	25
—	1858	—	—	—	15

Обстоятельство, вполнѣ заслуживающее вниманія, которое доказываетъ, что, со времени открытія дѣйствій комитета по разбору и призрѣнію нищихъ, нищенство, какъ ремесло, значительно уменьшилось; нищіе подобнаго рода разбрелись по другимъ мѣстамъ, гдѣ больше для нихъ простора; оставались люди, дѣйствительно нуждавшіеся въ помощи, которые и находили ее въ комитетѣ.

Къ такому же убѣжденію приводятъ свѣдѣнія и по нѣкоторымъ другимъ комитетамъ. Такъ, напримѣръ, въ отчетѣ Вологодскаго комитета за 1854 г. сказано между прочимъ, что между представленными въ комитетъ 147 нищими не было ни одного больнаго-калѣки; но у многихъ нищенство было постояннымъ ремесломъ; главными причинами этого, по замѣчанію комитета, были праздность, лѣность, дурное поведеніе и уклоненіе отъ снискиванія себѣ пропитанія честнымъ трудомъ.

Затѣмъ число нищихъ, представленныхъ къ разбору, послѣдовательно уменьшалось. А именно:

Въ	1855	г.	ихъ	было	92
—	1856	—		—	37
—	1857	—		—	18
—	1858	—		—	4

Вообще же должно сказать, что свѣдѣнія о дѣйствіяхъ губернскихъ комитетовъ не довольно полны и не представляютъ достаточно данныхъ, по которымъ можно было бы судить объ успѣхѣ принятыхъ мѣръ къ преслѣдованію нищенства. Въ однихъ городахъ число ежегодно представляемыхъ къ разбору комитетовъ нищихъ крайне незначительно; въ другихъ числа эти въ разные годы не представляютъ никакой послѣдовательности. Такъ, напримѣръ, въ Вятскій комитетъ представлено было въ 1856 г. 239 человѣкъ, въ 1857 г. только 53, а въ 1858 г.—264.

Можно заключить, что дѣятельность комитетовъ не довольно развита, не приведена въ систему,—частію по недавнему открытію дѣйствій къ преслѣдованію нищенства, частію по недостатку матеріальныхъ средствъ для призрѣнія.

Ожидая со временемъ болѣе широкаго развитія дѣятельности по разбору и призрѣнію нищихъ, не можемъ не указать однакоже на такія дѣйствія, которыя и теперь вполнѣ заслуживаютъ вниманія и представляютъ вѣрное ручательство за успѣхъ въ будущемъ. А именно: въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ, кромѣ Тулы, устроены были въ разное время особыя помѣщенія для нищихъ, неспособныхъ трудиться, — какъ напримѣръ въ Смоленскѣ, Ковно, Вильно, Астрахани, Архангельскѣ, Тобольскѣ, Тюмени и другихъ. Сверхъ того, для предупрежденія нищенства, тѣмъ изъ бѣдныхъ, которые не могли собственными трудами доставать себѣ пропитаніе и не могли быть помѣщены въ богадѣльни, оказывались отъ комитетовъ ежемѣсячныя и единовременныя пособія.

Въ Одессѣ, въ 1857 г., устроено, въ видѣ опыта, сельское училище для призрѣнія малолѣтнихъ дѣтей арестантовъ и нищихъ, и въ первое же время по открытіи призрѣно въ немъ дѣтей арестантскихъ 14 и нищихъ 21. Всѣ они, подъ руководствомъ священника, занимались рукодѣліями и обработкой земли, и обучались грамотѣ.

Въ Астрахани съ благородныхъ спектаклей собрано въ 1857 г. въ пользу нищихъ и бѣдныхъ 3699 руб. 98 коп., — и изъ нихъ, за отдѣленіемъ на содержаніе нищихъ и пособіе бѣднымъ 1699 руб. 98 коп., 2000 отослано въ приказъ общественнаго призрѣнія для обращенія изъ процентовъ.

Въ Тулѣ, при домѣ, купленномъ комитетомъ для постояннаго помѣщенія призрѣваемыхъ, имѣется огородная земля, которая и обработывается, по возможности, самими призрѣваемыми, а собираемыя овощи употребляются на ихъ пищу.

Въ Архангельскѣ, 23 сентября 1857 г., открыто особое отдѣленіе изъ дамъ-благотворительницъ, принявшихъ на себя заботу о нищихъ и бѣдныхъ. Для лучшаго успѣха въ собираніи свѣдѣній о нихъ, городъ раздѣленъ на 12 участковъ и каждый участокъ ввѣренъ попеченію особенной директрисы. «Въ числѣ дѣйствительно бѣдныхъ, — сказано въ отчетѣ общества попечительнаго о тюрьмахъ, — оказались даже *служащіе чиновники*, получающіе скудное жалованье, также отставные чиновники и вдовы, не получающіе пенсій, но обремененные большими семействами. Особенное вниманіе обращено было на положеніе этихъ и подобныхъ имъ лицъ, къ другимъ сословіямъ принадлежащихъ, семейства коихъ, бывъ доведены до крайней бѣдности, готовы были прибѣгнуть къ нищенству; но удерживались отъ того стыдомъ».

Окончивъ обзоръ дѣятельности губернскихъ тюремныхъ комитетовъ по разбору нищихъ, быть можетъ, слѣдовало бы сказать нѣсколько словъ о дѣятельности столичныхъ комитетовъ; но свѣдѣнія, извлеченныя изъ отчетовъ ихъ, мы помѣстили въ особыхъ таблицахъ, приложенныхъ къ настоящей статьѣ, и при таблицахъ въ видѣ примѣчаній сдѣлали тѣ указанія и объясненія, какія считали полезными. А потому переходимъ теперь прямо къ окончательнымъ выводамъ, какіе вытекаютъ изъ всѣхъ изложенныхъ обстоятельствъ и упомянутыхъ таблицъ. Выводы эти слѣдующіе:

1) Въ числѣ нищихъ, представленныхъ полиціями въ комитеты, не больше одной седьмой части было такихъ, которые прибѣгали къ прошенію милостыни по невозможности снискивать себѣ пропитаніе собственными трудами, по старости, увѣчью или болѣзнямъ, и притомъ большая часть изъ нихъ не совершенно были лишены возможности трудиться, и будучи обезпечены въ содержаніи, занимались посильными работами, частію въ пользу тѣхъ заведеній, гдѣ оказано было имъ призрѣніе, частію лично для себя.

2) Остальныя шесть седьмыхъ частей всѣхъ забранныхъ нищихъ прибѣгали къ прошенію милостыни или по обстоятельствамъ случайнымъ,—и въ такомъ случаѣ нуждались только въ весьма незначительной помощи до пріисканія себѣ занятій или до поправленія здоровья,—или же нищенствовали единственно по лѣности, и этихъ послѣднихъ было больше. Въ числѣ ихъ встрѣчались люди, не имѣющіе узаконенныхъ видовъ, и даже бродяги, называющіе себя непомнящими родства, и вообще люди неодобрительнаго поведенія.

3) Открытіе въ столицахъ комитетовъ для разбора и призрѣнія нищихъ, и дѣйствія губернскихъ тюремныхъ комитетовъ, которые, при участіи мѣстныхъ полицій, принимали дѣятельныя мѣры по этому предмету, способствовали уменьшенію нищенства въ предѣлахъ непосредственнаго вѣдомства комитетовъ.

4) Такимъ образомъ комитеты, освобождаясь мало по малу отъ [illegible] нищихъ-бродягъ, лѣнивцевъ и людей неодобрительнаго поведенія, получали съ тѣмъ вмѣстѣ больше и больше возможности оказывать призрѣніе и помощь лицамъ, дѣйствительно въ томъ нуждающимся.

5) Въ числѣ лицъ, обратившихъ на себя особенное вниманіе комитетовъ, по крайне-бѣдственному положенію, было не мало такихъ, которыя стыдились прибѣгать къ прошенію милостыни,—и судя по словамъ людей, присматривавшихся, повидимому, близко и внима-

тельно къ положенію настоящаго дѣла, питались кусками хлѣба, разумѣется не лучшими, покупаемыми отъ нищихъ по дешевымъ цѣнамъ; между тѣмъ какъ нищіе, по большей части, выручаемыя такимъ образомъ деньги употребляли на удовлетвореніе своихъ порочныхъ наклонностей.

6) Въ тѣхъ городахъ, гдѣ тюремные комитеты, отдѣленія и мѣстныя полиціи не выказываютъ никакой дѣятельности по разбору и призрѣнію нищихъ и гдѣ поэтому общество ограничивается посильною помощью, оказываемою каждымъ его членомъ отдѣльно, независимо отъ другихъ, каждому лицу, просящему милостыни,—большая часть пожертвованій дѣлаются въ пользу такихъ лицъ, которыя не заслуживаютъ пособія; слѣдовательно бо́льшая часть пожертвованій употребляется на потворство лѣности, тунеядства и разврата; между тѣмъ множество людей, дѣйствительно нуждающихся въ помощи, не получаютъ ея.

7) Пособія, раздаваемыя подобнымъ образомъ нищимъ, распредѣляются между ними неравномѣрно, — и бо́льшая часть выпадаетъ на долю тѣхъ, у кого больше силы, а не тѣхъ, кто по безсилію своему больше нуждается въ помощи.

8) Соединеніе пособій, раздаваемыхъ нищимъ, въ одну общую массу, доставляетъ возможность пользоваться ими гораздо бо́льшему числу лицъ, чѣмъ сколько можетъ пользоваться при настоящемъ порядкѣ раздачи милостыни отдѣльными лицами, независимо другъ отъ друга; ибо призрѣніе нищихъ въ заведеніяхъ, какъ видно изъ опытовъ (см. выше отчетъ Тульскаго комитета за 1856 г.), обходилось, кромѣ снабженія одеждою, около 16 руб. въ годъ; между тѣмъ какъ, по свидѣтельству авторовъ названныхъ нами выше статей, сборъ нищихъ хлѣбомъ и деньгами простирается до 3 руб. въ недѣлю на каждаго, т. е. во всякомъ случаѣ около 100 руб. въ годъ, принимая даже нѣсколько недѣль неуспѣшнаго сбора.

9) Съ развитіемъ дѣятельности комитетовъ по разбору и призрѣнію нищихъ, въ народѣ распространялось убѣжденіе въ приносимой ими пользѣ. Съ одной стороны находились благотворители, съ другой бѣдные, которые, не желая нищенствовать, сами обращались въ комитеты съ просьбами о временномъ пособіи, по случаю какихъ-либо неблагопріятныхъ обстоятельствъ, или о доставленіи имъ работы; родители же просили о призрѣніи ихъ дѣтей и пріученіи ихъ къ какому-либо ремеслу.

10) Для розысканія людей, дѣйствительно нуждающихся въ помощи, для пособія бѣднымъ, для призрѣнія больныхъ, дряхлыхъ и

увѣчныхъ, со стороны комитетовъ не требовалось никакихъ особыхъ усилій, ни значительныхъ денежныхъ средствъ.

11) Расходы, употребленные комитетами въ пользу всѣхъ упомянутыхъ выше лицъ, не достигали даже, среднимъ числомъ, и 20 р. въ годъ на каждое лицо. Слѣдовательно, если принять даже, что часть суммъ употреблена была на временное прокормленіе, впредь до распредѣленія, такихъ людей, которые не заслуживали помощи, на пособіе лицамъ, призрѣніе коихъ, по всей справедливости, лежало на обязанности ихъ семействъ, помѣщиковъ и обществъ и проч., и если положить при такихъ условіяхъ на каждое заслуживающее призрѣнія или пособія лицо по 33 руб. въ годъ; то и въ такомъ случаѣ могло бы быть оказано подобное пособіе, или доставленъ пріютъ до 10,000 человѣкъ въ годъ. Мы принимаемъ при этомъ наименьшее среднее число ежегодныхъ пожертвованій въ пользу столичныхъ и губернскихъ комитетовъ и уѣздныхъ отдѣленій 330,000 р.

12) Можно ожидать, что такія пожертвованія значительно увеличатся съ развитіемъ дѣятельности губернскихъ комитетовъ и уѣздныхъ отдѣленій; а потому, при уменьшеніи съ тѣмъ вмѣстѣ числа нищихъ-бродягъ и тунеядцевъ, средства комитетовъ и отдѣленій увеличатся вдвойнѣ въ пользу дѣйствительно бѣдныхъ, нуждающихся въ помощи и призрѣніи.

Всего сказаннаго вполнѣ, кажется, достаточно для убѣжденія, что раздача милостыни въ томъ видѣ, какъ производится она по большой части нынѣ, безъ всякаго разбора, приноситъ гораздо больше вреда, чѣмъ пользы. Мы такъ убѣждены въ неотразимой истинѣ этой мысли, что не можемъ себѣ представить, чтобы нашлось много противниковъ ея. Мы думаемъ, что недостатокъ у насъ въ образованіи благотворительныхъ обществъ и слабое развитіе дѣятельности тюремныхъ комитетовъ и отдѣленій по настоящему предмету вѣрнѣе объяснять не тѣмъ, что въ обществѣ остается и теперь еще много поклонниковъ старыхъ преданій по части неразборчивой благотворительности, — но тѣмъ, что нѣтъ въ немъ довольно сильныхъ, энергическихъ людей, способныхъ стать во главѣ новаго порядка вещей относительно пособія бѣднымъ и вести задуманное дѣло съ необходимою настойчивостью, не смотря на всѣ препятствія, на всѣ первоначальныя неудачи.

Легко однакожь можетъ быть найдутся люди, которые, не отвергая преимуществъ общественной благотворительности предъ частной, недовѣрчиво взглянутъ на участіе въ этомъ дѣлѣ тюремныхъ комитетовъ и отдѣленій, опасаясь съ ихъ стороны равноду-

шія, такъ часто, къ сожалѣнію, замѣчаемаго въ отправленіи оффиціальныхъ обязанностей и, можетъ быть, разнаго рода злоупотребленій. Мы отвѣчаемъ: во-первыхъ, тюремные комитеты въ нѣкоторыхъ городахъ доказали на дѣлѣ свою полезную дѣятельность по разбору и призрѣнію нищихъ и оказанію пособій бѣднымъ; во-вторыхъ, составъ тюремныхъ комитетовъ и отдѣленій и установленный для нихъ совѣщательный порядокъ дѣлопроизводства (*) не только представляютъ возможность, но даже обязываютъ каждаго члена слѣдить за употребленіемъ суммъ, и слѣдовательно каждый членъ всегда можетъ предупредить злоупотребленія. Мы даже думаемъ, что если въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и замѣтно слабое развитіе дѣятельности тюремныхъ отдѣленій, то это происходитъ никакъ не отъ злоупотребленій, или недостатка контроля, а именно отъ недостатка дѣятельнаго сочувствія къ комитетамъ со стороны многихъ ихъ членовъ и гражданъ, которые могли бы быть членами, но уклоняются отъ этого по причинамъ, не всегда хорошо сознаннымъ ими самими. Въ-третьихъ, если бы несмотря на всю добросовѣстность комитетовъ и отдѣленій, на всю бдительность ихъ членовъ, все-таки вкрались нѣкоторыя частныя злоупотребленія, то злоупотребленія эти, которыя значительными быть не могутъ, съ огромными преимуществами выкупались бы даже тѣми матеріальными выгодами, какія доставляетъ общественное призрѣніе предъ раздачею милостыни по частямъ, отдѣльно каждому лицу. Не говоримъ уже о выгодахъ нравственныхъ, о предупрежденіи вреда, неизбѣжно соединеннаго съ нищенствомъ. И въ-четвертыхъ, наконецъ, если бы и при всемъ этомъ продолжалось еще недовѣріе къ возможной пользѣ дѣятельности тюремныхъ комитетовъ и отдѣленій по разбору и призрѣнію нищихъ, тогда нѣтъ причины такимъ невѣрующимъ не образовать отдѣльныхъ, независимыхъ отъ комитетовъ, благотворительныхъ обществъ. Безъ всякаго сомнѣнія, правительство не только не будетъ препятствовать этому, но и окажетъ возможное содѣйствіе.

Мы съ своей стороны не можемъ не высказать, что мысль о возложеніи именно на тюремные комитеты и отдѣленія обязанности по разбору и призрѣнію нищихъ кажется намъ весьма счастливою мыслію. Тюремные комитеты и отдѣленія представляютъ учрежденія, въ которыхъ предоставлено право участія почти каждому же-

---

(*) Уставъ общества попечительнаго о тюрьмахъ. Св. Зак. Т. XIV уст. о сод. подъ страж. ст. 28—94.

лающему; всѣ изъявившіе готовность жертвовать въ пользу комитетовъ, какъ бы незначительно пожертвованіе ни было, могутъ имѣть справедливую претензію на званіе членовъ, и нѣтъ причины думать, чтобы желаніе это не было удовлетворено. Во всякомъ случаѣ, несмотря на недовѣріе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и вообще недостатокъ сочувствія со стороны общества къ тюремнымъ комитетамъ и не всегда поэтому успѣшное развитіе ихъ дѣятельности, въ настоящее время тюремные комитеты и отдѣленія представляютъ учрежденія, установившіяся довольно прочно; они имѣютъ собственные капиталы, которыми могутъ располагать свободно для распространенія своихъ дѣйствій. Поэтому самое лучшее, что можно было сдѣлать правительству, — присоединить къ этимъ сформировавшимся уже учрежденіямъ и комитеты для разбора и призрѣнія нищихъ. Новыя учрежденія могли дать новую пищу подозрительному недовѣрію общества и во всякомъ случаѣ требовали бы времени для ознакомленія съ ними; новыя учрежденія не могли имѣть на первыхъ порахъ достаточныхъ средствъ для обезпеченія своихъ дѣйствій. Всѣ эти условія соединялись въ тюремныхъ комитетахъ. Наконецъ, не говоря уже о томъ, что образованіе одного общаго хозяйства, вмѣсто двухъ отдѣльныхъ, представляетъ неоспоримыя экономическія выгоды, замѣтимъ, что сближеніе тюремныхъ комитетовъ съ комитетами для разбора и призрѣнія нищихъ имѣетъ въ нашихъ глазахъ еще особенное значеніе. Если частныя пожертвованія въ пользу арестантовъ, — людей, безъ сомнѣнія, заслуживающихъ участія, но все-таки по большей части преступныхъ,—простираются ежегодно на сотни тысячъ, то странно было бы предполагать, чтобы могли быть меньше подобныя пожертвованія въ пользу бѣдныхъ страдальцевъ, не совершившихъ иногда никакого преступленія, и по всей справедливости и по общественнымъ понятіямъ заслуживающихъ большаго участія, чѣмъ арестанты. Поставить рядомъ эти два учрежденія, значило именно указать, что одно благотворительное дѣло стоитъ другаго и что если принято заботливое участіе въ положеніи арестантовъ, то странно было бы не принять его въ положеніи бѣдныхъ. И намъ дѣйствительно кажется это странно; мы даже не можемъ себѣ удовлетворительно объяснить неуспѣхъ правительственныхъ распоряженій по разбору и призрѣнію нищихъ.

Всякому автору позволительно думать, что произведеніе его не пройдетъ безслѣдно. Такъ думаемъ и мы; но вмѣстѣ съ тѣмъ мы слишкомъ далеки отъ мысли, чтобы настоящая статья могла произвести замѣтный переворотъ въ дѣлѣ благотворительности; мы даже

не желали бы этого. Извѣстно, что всѣ крутые повороты ненадежны, непрочны; для прочнаго успѣха необходима послѣдовательность. Такая послѣдовательность возможна и, по мнѣнію нашему, совершенно естественна въ настоящемъ дѣлѣ. Все, чего можно желать,— не смѣемъ сказать, можно надѣяться,—чтобы неразборчивая частная благотворительность прекратилась сначала въ городахъ и чтобы вмѣсто нея развилась благотворительность общественная. Села и деревни надолго еще, можетъ быть, останутся при настоящемъ порядкѣ.

Говоря выше о дѣятельности полицейскаго начальства по преслѣдованію нищенства, мы замѣтили, что имѣемъ въ виду исключительно городскія полиціи, при чемъ обѣщали о полиціяхъ земскихъ и сельскихъ сказать послѣ. Но что можно сказать о дѣятельности ихъ по преслѣдованію нищенства? — Кажется, ничего. По крайней мѣрѣ, мы не знаемъ никакихъ офиціальныхъ свѣдѣній, по которымъ можно было бы судить объ ихъ дѣятельности; никакихъ разсказовъ о ней мы также не слыхали, — и потому въ правѣ заключить, что такой дѣятельности совсѣмъ нѣтъ. Да и неудивительно; — спрашивается, что̀ стали бы дѣлать становые пристава на сельскихъ ярмаркахъ, гдѣ, какъ извѣстно, собираются сотни нищихъ? Они даже не имѣли бы довольно свободныхъ избъ, чтобы размѣстить всѣхъ ихъ, до собранія необходимыхъ о нихъ свѣдѣній и окончательнаго распредѣленія. Не говоримъ о томъ, что распросы нищихъ и собраніе справокъ о нихъ страшно затруднили бы дѣлопроизводство, при множествѣ другихъ весьма сложныхъ обязанностей, лежащихъ на приставахъ, на добросовѣстное и вполнѣ аккуратное исполненіе которыхъ едва ли есть у нихъ довольно свободнаго времени. Это послѣднее неудобство, надобно ожидать, устранится въ непродолжительномъ времени съ преобразованіемъ, по высочайшей волѣ, полицейскаго управленія и съ отдѣленіемъ отъ исполнительной полиціи слѣдственной части. Наконецъ, что̀ сдѣлали бы становые пристава съ тѣми бѣдными и неимущими, изъ сословія крестьянъ, которыхъ, по закону и по необходимости, слѣдовало бы помѣстить для призрѣнія въ сельскихъ богадѣльняхъ (*)? Такихъ богадѣленъ, сколько намъ извѣстно, нѣтъ въ селахъ и деревняхъ; по крайней мѣрѣ, мы не видѣли ни одной, да ничего и не слышали о нихъ. Могла ли что нибудь дѣлать и что̀ именно сельская полиція для предупрежденія и пресѣченія нищенства, при неимѣніи сельскихъ богадѣленъ, разсматривать мы не будемъ. Замѣтимъ только то, что сельская полиція

(*) Св. Зак. том. XIII уст. обществ. призрѣнія, ст. 1631 — 1647.

составляется изъ такихъ лицъ, которыя, какъ извѣстно, не имѣютъ сами надлежащихъ понятій о нищенствѣ. Потому-то необходимо было бы участіе сельскаго духовенства въ подготовленіи народнаго мнѣнія въ пользу общественной благотворительности.

Что касается до городовъ губернскихъ, то въ нихъ мы видимъ всѣ данныя для успѣшнаго развитія общественной благотворительности. Со стороны матеріальной, успѣхъ этотъ совершенно обезпеченъ, даже въ самомъ началѣ — денежными средствами приказовъ общественнаго призрѣнія (*) и тюремныхъ комитетовъ (**); со стороны нравственной—дѣятельнымъ участіемъ членовъ комитетовъ и городскихъ обывателей, сознающихъ преимущества общественной благотворительности предъ частной. Достаточно данныхъ для начала общественной благотворительности представляютъ также многіе уѣздные города, гдѣ тюремныя отдѣленія имѣютъ собственные капиталы, изъ которыхъ могутъ быть произведены расходы на необходимыя приготовленія къ дѣлу, т. е. на наемъ дома для нищихъ, обзаведеніе его и проч. и гдѣ довольно зажиточныхъ гражданъ, пособіе и участіе которыхъ весьма много могло бы способствовать успѣху дѣла. Городамъ наиболѣе бѣднымъ, въ которыхъ однако же всегда есть довольно людей, питающихся милостыней, въ случаѣ надобности, быть можетъ, признано было бы возможнымъ оказать пособіе (***).

Для начала дѣйствій по разбору и призрѣнію нищихъ въ городахъ требуется очень немного, — устройство помѣщеній для тѣхъ нищихъ, которые будутъ нуждаться въ пріютѣ и добросовѣстное исполненіе полиціями возложенной на нихъ обязанности по преслѣдованію нищенства — и только.

Устройство новыхъ и распространеніе существующихъ уже работныхъ домовъ (****) для доставленія занятій, а съ тѣмъ вмѣстѣ и средствъ къ прокормленію себя и своихъ семействъ — лицамъ, не имѣющимъ почему либо работъ, можетъ быть производимо по мѣрѣ увеличенія денежныхъ средствъ, при участіи частныхъ благотворителей, которые, безъ сомнѣнія, мало по малу будутъ примыкать къ сторонникамъ общественной благотворительности. Для увеличенія

(*) Св. Зак. том. XIII уст. общ. призр., ст. 22, 280, 286 — 296, 332, 363, 372 — 378, 584 — 587, 674, 690, 693.

(**) Св. Зак. том. XIV уст. о пред. и прес. прест., ст. 270.

(***) Св. Зак. том. XIII ст. 295.

(****) Св. Зак. том. XIII ст. 690 — 699.

числа такихъ благотворителей и вообще для распространенія убѣжденія въ пользѣ общественной благотворительности необходимы, и притомъ въ скорѣйшемъ, по возможности, времени, со стороны комитетовъ и отдѣленій *фактическія* доказательства полезной ихъ дѣятельности по разбору и призрѣнію нищихъ. Для этого не только полезно, но и совершенно необходимо отъ времени до времени помѣщать въ губернскихъ вѣдомостяхъ подробнѣйшія свѣдѣнія о дѣятельности полицій, комитетовъ и отдѣленій по преслѣдованію нищенства и призрѣнію бѣдныхъ, а также необходимо предоставить всѣмъ желающимъ возможность осматривать существующія съ благотворительною цѣлію заведенія.

Въ руководство тюремнымъ комитетамъ и отдѣленіямъ, при разборѣ нищихъ, даны уже правила, и затѣмъ нѣтъ никакой надобности стѣснять ихъ дѣятельность никакими подробнѣйшими указаніями. Опытъ укажетъ, гдѣ и что надо дѣлать. Мы думаемъ, что на первыхъ порахъ необходимо въ устраиваемыхъ въ городахъ пріютахъ давать мѣсто не только бѣднымъ городскимъ обывателямъ и безпріютнымъ скитальцамъ, не принадлежащимъ ни къ какому обществу, но и тѣмъ изъ крестьянъ, которыхъ, по закону, хотя и слѣдовало бы отправить на попеченіе ихъ обществъ, но какъ въ сельскихъ обществахъ благотворительныхъ заведеній въ настоящее время нѣтъ и между сельскими обывателями недовольно распространены правильныя понятія о нищенствѣ и благотворительности; то было бы полезнѣе, въ видахъ предупрежденія нищенства и оказанія помощи дряхлымъ, слабымъ и увѣчнымъ, имѣющимъ, безъ сомнѣнія, право на участіе повсемѣстно, независимо отъ того, къ какому бы обществу они ни принадлежали, оставлять ихъ для призрѣнія въ тѣхъ городахъ, гдѣ они будутъ взяты. Такимъ образомъ города, и особенно губернскіе, располагающіе сравнительно бо̀льшими средствами, быть можетъ, должны будутъ представлять,—по крайней мѣрѣ въ началѣ повсемѣстной дѣятельности по преслѣдованію нищенства,—центральные пункты благотворительныхъ пріютовъ для цѣлой губерніи или уѣзда.

Чтобы усилить матеріальныя средства тюремныхъ комитетовъ и отдѣленій для призрѣнія нищихъ и пособія бѣднымъ и чтобы пріучить съ тѣмъ вмѣстѣ городскихъ обывателей къ общественной благотворительности, мы не видимъ причины, почему бы не допустить сборъ добровольныхъ приношеній въ пользу нищихъ не только деньгами, но и вещами, для чего и посылать въ извѣстные дни одного или двухъ изъ числа призрѣваемыхъ, или кого нибудь изъ

состоящихъ при домѣ призрѣнія служителей къ извѣстнымъ благотворительностью лицамъ. Такимъ образомъ въ комитетахъ и отдѣленіяхъ сосредоточились бы и тѣ натуральныя приношенія (платье и хлѣбъ), которыя теперь раздаются по частямъ, въ мелкомъ раздробленномъ видѣ. Пріюты для нищихъ полезно было бы, по мнѣнію нашему, устроить, по возможности, вблизи тюремныхъ замковъ съ тѣмъ, чтобы пища, приготовляемая для арестантовъ, по распоряженію комитетовъ и отдѣленій, приносилась и нищимъ. Такое соединеніе хозяйственной части, представляющее очевидныя выгоды, было бы особенно полезно въ тѣхъ городахъ, гдѣ, по недостатку денежныхъ средствъ и бѣдности обывателей, могло быть затруднительно учрежденіе отдѣльныхъ пріютовъ для призрѣнія нищихъ и бѣдныхъ, съ ихъ собственнымъ, независимымъ отъ тюремнаго хозяйствомъ.

Чтобы показать наконецъ, хотя приблизительно, до какой цифры доходятъ пожертвованія въ пользу нищихъ, такъ безполезно по большей части разбрасываемыя въ настоящее время, и какъ много можно было бы сдѣлать, если бы соединить ихъ вмѣстѣ, заимствуемъ нѣкоторыя свѣдѣнія изъ статистическихъ таблицъ за 1856 г., изданныхъ въ 1858 г. статистическимъ отдѣломъ центральнаго статистическаго комитета, состоящаго при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Въ таблицахъ этихъ находимъ (стр. 203), что въ 1856 г. въ городахъ и посадахъ Европейской Россіи, въ Сибири и въ Кавказскомъ Намѣстничествѣ считалось 582,094 дома. Если предположимъ, что въ каждомъ дому въ теченіе недѣли назначается для подаянія нищимъ только по одной копѣйкѣ, — кажется предположеніе это не представляетъ ничего невѣроятнаго, мы даже думаемъ, что приняли слишкомъ скромные размѣры,—то и въ такомъ случаѣ сумма, раздаваемая нищимъ по мелочамъ, доходила бы въ теченіе года до 302,688 рублей. Просимъ замѣтить, что въ томъ же 1856 г. показано объявленныхъ торговыхъ капиталовъ слишкомъ 55 тысячъ, а въ купеческихъ домахъ, какъ извѣстно, подаянія нищимъ далеко превышаютъ наши скромныя предположенія и простираются до нѣсколькихъ десятковъ, а иногда даже и сотенъ рублей въ годъ. Не слѣдуетъ забывать, что въ раздачѣ милостыни нищимъ принимаютъ большое участіе крестьяне, что при томъ раздается милостыня хлѣбомъ. Пусть каждый представитъ себѣ, до чего простираются ежегодныя подаянія нищимъ, въ видѣ милостыни, при объясненныхъ условіяхъ, и мы убѣждены, что послѣ этого не многіе будутъ оспаривать, что соединеніе такихъ подаяній и образованіе на счетъ ихъ благотворительныхъ учрежденій для бѣдныхъ представляетъ огром-

ныя преимущества во всѣхъ отношеніяхъ предъ настоящимъ порядкомъ раздачи милостыни.

Мы затрудняемся сказать что нибудь опредѣленное о направленіи дѣятельности земскихъ и сельскихъ полицій по преслѣдованію нищенства. Такъ мало для этого въ настоящее время фактическихъ данныхъ, что всякое предположеніе по этому предмету, могло бы быть только теоретическимъ, а слѣдовательно можетъ быть и совсѣмъ непримѣнимымъ къ дѣлу. Дѣятельность полицій и комитетовъ по разбору нищихъ въ городахъ укажетъ, къ какимъ сословіямъ принадлежитъ большинство нищихъ, въ какой мѣрѣ нуждаются они въ пособіи, какъ велики для этого могутъ быть частныя пожертвованія и проч., — по всѣмъ такимъ даннымъ можно будетъ, уже съ бо́льшею основательностью, судить о тѣхъ или другихъ мѣрахъ для преслѣдованія нищенства въ селахъ и деревняхъ и для призрѣнія, разумѣется, принадлежащихъ къ нимъ бѣдныхъ, дряхлыхъ и больныхъ. Быть можетъ окажется, что предназначенныя по закону, но несуществующія сельскія богадѣльни и въ самомъ дѣлѣ не нужны во многихъ мѣстахъ, и что возможно въ городахъ устроить центральныя богадѣльни для цѣлаго уѣзда.

О НИЩИХЪ,

ПОДЛЕЖАВШИХЪ РАЗБОРУ САНКТПЕТЕРБУРГКАГО КОМИТЕТА.

	ГОДЫ.					
	1853	1854	1855	1856	1857	1858
Оставалось отъ прошлаго года на попеченіи комитета	211	217	202	289	210	192
Поступило	1380	1352	1511	2111	1316	1840
Всего было на попеченіи комитета	1591	1569	1713	2400	1526	2032
Изъ того числа неспособныхъ работать отъ увѣчья, старости или болѣзней	409	124	107	214	103	74
Дѣтей до 15-лѣтняго возраста	74	48	43	69	44	47
РАСПРЕДѢЛЕНІЕ.						
Помѣщено въ богадѣльни и другія благотворительныя заведенія	17	16	27	30	37	34
Отдано на воспитаніе дѣтей	—	3	4	2	3	3
Отдано въ ученье мастерствамъ	—	—	—	—	3	14
Опредѣлено на службу	—	2	—	—	—	—
Освобождено неизобличенныхъ въ нищенствѣ	12	—	—	—	—	—
Опредѣлено на мѣста въ услуженіе	198	198	167	279	166	287
По старости, слабости и другимъ причинамъ, обращено мѣщанъ и крестьянъ въ общества, къ владѣльцамъ и сдано въ подлежащія вѣдомства	514	516	583	904	486	562
Отправлено для водворенія на мѣста родины	127	145	141	157	78	90
Отпущено на родину съ пособіемъ	68	92	107	162	90	246
Отдано на поручительство	179	203	209	364	176	193
Отослано въ штабъ внутренней стражи отставныхъ нижнихъ чиновъ	85	67	67	113	143	261
Отправлено разнаго званія лицъ неодобрительнаго поведенія къ начальственнымъ лицамъ и въ присутственныя мѣста, для поступленія по законамъ или высылки изъ столицы	141	98	81	130	112	101
Умерло	—	27	38	49	40	33
Осталось къ слѣдующему году	217	202	289	210	192	208
Итого	1591	1569	1713	2400	1526	2032

Общій расходъ по комитету: въ 1853 г. 14,535 р. 32¾ к., въ 1854 г. 17,918 р. 91¼ к., въ 1855 г. 17,611 р. 2¾ к., въ 1856 г. 18,988 р. 64¼ к., въ 1857 г. 19,217 р. 97¼ к., въ 1858 г. 18,694 р. 61 к.

Среднимъ числомъ на каждаго нищаго приходится: въ 1853 г. около 9 р., въ 1854 г. 11½ р., въ 1855 г. 10 р., въ 1856 г. 8 р., въ 1857 г. 13 р. и въ 1858 г. 9 р.

Примѣчанія: 1) Всего въ теченіе 6 лѣтъ представлено было въ С.-Петербургскій Комитетъ 9,510 человѣкъ нищихъ; въ томъ числѣ больныхъ и неспособныхъ къ работамъ по старости, слабости силъ и увѣчью только 1031, т. е. около девятой части; дѣтей до 15-лѣтняго возраста 315 челов.

2) Въ 1853 г. показано число всѣхъ нищихъ съ оставшимися отъ 1852 года 1591, а распредѣленныхъ вмѣстѣ съ оставшимися къ 1854 г.—1558. Разница происходитъ, вѣроятно, оттого, что не показано число умершихъ.

3) Расходъ на каждаго человѣка слѣдуетъ считать нѣсколько меньше, чѣмъ показано, потому что въ числѣ общихъ расходовъ показаны также расходы и передаточныхъ суммъ разнаго рода.

О НИЩИХЪ,

ПОДЛЕЖАВШИХЪ РАЗБОРУ МОСКОВСКАГО КОМИТЕТА.

	ГОДЫ.				
	1853	1855	1856	1857	1858
Доставлено полиціею въ комитетъ . .	1810	2393	2601	2827	2030
Другимъ образомъ поступило	58	61	72	75	43
Добровольно явилось искать убѣжища и занятій	60	133	97	137	71
Всѣхъ . . .	1928	2587	2770	3039	2144
Оставалось отъ прошлаго года. . . .	229	191	372	271	347
Всего на попеченіи комитета было . .	2157	2778	3142	3310	2491
Въ числѣ ихъ было дряхлыхъ и увѣчныхъ	341	360	503	655	358
РАСПРЕДѢЛЕНІЕ:					
Помѣщено въ богадѣльни и другія благотворительныя заведенія	18	20	5	14	9
Отдано въ ученье	—	1	—	—	—
Отпущено добровольно пришедшихъ. .	36	59	49	108	54
Опредѣлено къ мѣстамъ	—	3	1	1	1
Освобождено по несовершенному убѣжденію въ нищенствѣ и одобрительному поведенію	73	69	37	51	60
Отдано на поручительство	65	75	125	109	60
Освобождено послѣ исправительн. мѣръ.	302	326	393	437	378
Освобождено для избранія мѣста жительства и приписано къ податнымъ сословіямъ	27	—	1	4	21
Отпущено на родину съ пособіемъ . .	41	32	45	44	612
— — безъ пособія . . .	446	735	895	811	
Отправлено въ подлежащія вѣдомства, къ помѣщикамъ и начальственнымъ лицамъ для поступленія по закону . . .	784	981	982	999	1013
Передано на распоряженіе губернскаго начальства неимѣющихъ видовъ. . . .	—	126	213	283	—
Отправлено въ больницы	22	57	32	33	1
Умерло	32	38	80	59	28
Бѣжало	4	4	4	10	4
Осталось	207	372	271	347	250

Общее количество расходовъ по комитету и состоящему при немъ работному дому: въ 1853 г. 25,695 р. 34½ к., въ 1855 г. 37,357 р. 44½ к., въ 1856 г. 39,815 р. 29 к., въ 1857 г. 48,911 р. 47¼ к., въ 1858 г. 30,539 р. 96¾ коп.

Примѣчанія: 1) Въ распредѣленіи нищихъ здѣсь не удержаны всѣ отдѣлы, принятые въ отчетѣ, такъ какъ они не представляли никакого особеннаго инте-

реса. Такъ, напримѣръ, въ отчетѣ показано отдѣльно число лицъ, отправленныхъ въ каждое вѣдомство. Здѣсь отдѣлены только лица, отправленныя на распоряженіе губернскаго начальства по неимѣнію надлежащихъ видовъ. Въ 1853 и 1858 г. также были лица, неимѣвшія видовъ; но точнаго числа безпаспортныхъ не показано.

2) Въ отчетахъ за 1855, 1856 и 1857 годы, въ числѣ нищихъ, поступившихъ въ распоряженіе комитета, независимо отъ полиціи, показаны возвратившіеся съ богомолья, а въ числѣ распредѣленныхъ — отпущенные на богомолье. Мы полагаемъ, что это люди, неизобличенные въ нищенствѣ, и отнесли ихъ къ этому послѣднему разряду; ибо въ противномъ случаѣ отпускать на богомолье лицъ, промышляющихъ по пути нищенствомъ, значило бы содѣйствовать не къ пресѣченію нищенства, а къ поддержанію его, что никакъ не согласно съ назначеніемъ комитета.

3) Отчета за 1854 г. мы не имѣли въ виду. Въ теченіе 5-ти означенныхъ лѣтъ всѣхъ нищихъ въ распоряженіе комитета поступило 12468. Между ними было дряхлыхъ и увѣчныхъ, о которыхъ впрочемъ не сказано, чтобы всѣ они были совсѣмъ неспособны ни къ какимъ работамъ, только 2217, то есть около шестой части.

4) Расходы по комитету и состоящему при немъ работному дому показаны вмѣстѣ; между тѣмъ какъ источники, на счетъ коихъ содержатся они, не одни и тѣ же, — а потому приходъ и расходъ, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ, ведутся отдѣльно. Изъ суммъ комитета нерѣдко дѣлается пособіе работному дому въ значительномъ количествѣ, и такимъ образомъ суммы эти записываются въ расходъ въ томъ и другомъ мѣстѣ. На содержаніе работнаго дома отпускается сумма изъ приказа общественнаго призрѣнія, а кормовыя деньги задерживаемымъ при домѣ лицамъ ассигнуются изъ казначейства и отсылаются въ приказъ. Такимъ образомъ въ общій счетъ входятъ такъ называемыя придаточныя суммы, въ значительномъ количествѣ, которыя, очевидно, не составляютъ непосредственнаго расхода ни по комитету, ни по работному дому. Если исключить всѣ такія суммы, которыхъ въ теченіе 5 лѣтъ было больше 40 т. р., то расходы по комитету и работному дому значительно уменьшатся; а именно, за 5 лѣтъ дѣйствительный расходъ составитъ около 140 т. И такимъ въ теченіи 5 показанныхъ лѣтъ, среднимъ числомъ можно принять расходъ на каждое лицо, подлежащее вѣдѣнію комитета, или содержанію въ работномъ домѣ, — около 11 рублей.

О БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫХЪ ПОЖЕРТВОВАНІЯХЪ
ВЪ ПОЛЬЗУ ТЮРЕМНЫХЪ КОМИТЕТОВЪ И ОТДѢЛЕНІЙ И КОМИТЕТОВЪ ДЛЯ РАЗБОРА И ПРИЗРѢНІЯ НИЩИХЪ.

Годы.	Въ пользу тюремныхъ комитетовъ и отдѣленій.				Въ пользу комитетовъ о нищихъ.			
	Деньгами.		Припасами.		С.-Петербургск.		Московскаго.	
					Деньгами.		Припасами.	
	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.
1853	182,218	92	35,491	—	7,789	45	6,738	$76\frac{1}{2}$
1854	195,252 47,294	69 47 (*)	33,065	72	4,731	94	отчета не въ виду.	было
1855	246,[illegible]22	72	27,919	62	5,600	54 [illegible]/4	7,261	93
1856	228,746 48,922	49 $28\frac{1}{2}$	32,530	66	8,848	$82\frac{1}{2}$	7,840	77
1857	256,017 61,648	50 $62\frac{1}{2}$	38,961	21	6,780	12	6,820	$65\frac{3}{4}$
1858	393,872 60,943	25 98	47,563 5,803 ссыльн	70 31 ымъ	4,867	86	6,568	17

Всего въ теченіе шести лѣтъ около 2,000,000 р., т. е. 330,000 р. среднимъ числомъ въ каждый годъ.

Сверхъ того были пожертвованія разными вещами, какъ напр. на украшеніе церквей, доставленіе лекарствъ въ больницу и проч.; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на счетъ благотворителей производилось продовольствіе арестантовъ; въ другихъ перестройка и улучшеніе тюремъ, постройка церквей, прощались податныя недоимки, долги и проч. Количество подобныхъ пожертвованій не всегда съ точностію опредѣляется въ отчетахъ, потому и нельзя съ точностію его обозначить. Во всякомъ случаѣ, приведенную цифру пожертвованій до 2 м. р. слѣдуетъ считать далеко не полною.

М. КУРБАНОВСКІЙ.

С.-Петербургъ.
30 апрѣля 1860 г.

(*) Сумма эта роздана въ Москвѣ пересыльнымъ арестантамъ и, очевидно, не входитъ въ общій счетъ благотворительныхъ пожертвованій въ пользу тюремныхъ комитетовъ; потому что по московскому комитету показано благотворительныхъ пожертвованій за 1854 г. только 38,657 р. 87 к.

Въ 1853 и 1855 годахъ особыхъ пожертвованій въ пользу ссыльныхъ не означено.

Въ 1856, 1857 и 1858 годахъ они показаны въ первой графѣ, подъ общими пожертвованіями въ пользу тюремныхъ комитетовъ.

ТРИ СТИХОТВОРЕНІЯ МОРИЦА ГАРТМАНА.

(Н. А. Некрасову.)

I.

МАННВЕЛЬТОВА НЕДѢЛЯ.

Маннвельтъ коня въ воскресенье сѣдлалъ:
Домъ его старый не милъ ему сталъ.
Ѣдетъ.... Изъ церкви выходитъ народъ;
Нищихъ толпа у церковныхъ воротъ.
Мимо себѣ богомольцы прошли,
Съ деньгами кружку попы пронесли;
Нищимъ не подалъ никто, — и съ тоской
Молча поникли они головой.
Вотъ на помостъ прилегли отдохнуть:
Можетъ, въ вечерню подастъ кто нибудь.
Маннвельтъ, унылый, вернулся домой.

Маннвельтъ коня въ понедѣльникъ сѣдлалъ:
Домъ его старый не милъ ему сталъ.

Ѣдетъ.... Предъ нимъ многолюдный базаръ;
Крики и шумъ, и пестрѣетъ товаръ —
Есть изъ чего выбирать богачамъ;
Много поживы и ловкимъ ворамъ.
Съ рынка богатый богаче ушолъ;
Только бѣднякъ былъ попрежнему голъ.
Маннвельтъ, унылый, вернулся домой.

Маннвельтъ во вторникъ коня осѣдлалъ:
Домъ его старый не милъ ему сталъ.
Ѣдетъ онъ: площадь народомъ кипитъ, —
Судъ тамъ правитель открыто чинитъ.
Кто пресмыкался, былъ знатенъ, богатъ,
Былъ имъ оправданъ, добился наградъ.
Плохо лишь бѣднымъ пришлось отъ него....
А между тѣмъ, за поѣздомъ его
Съ радостнымъ крикомъ народъ весь бѣжалъ,
Милость его, доброту прославлялъ.
Полонъ восторга отъ ласковыхъ словъ,
Сыпалъ къ ногамъ его много цвѣтовъ!
Маннвельтъ, унылый, вернулся домой.

Въ середу Маннвельтъ коня осѣдлалъ:
Домъ его старый не милъ ему сталъ.
Видитъ онъ, шумной толпою во храмъ
Люди стремятся.... а пастырь ужъ тамъ
Молча стоитъ въ облаченьи своемъ.
Скоро невѣста вошла съ женихомъ.
Старъ онъ и сѣдъ былъ, — прекрасна она.
Былъ онъ богатъ, а невѣста бѣдна.
Счастливъ казался женихъ; а у ней
Слезы лились и лились изъ очей.
Пастырь спросилъ у ней что-то; въ отвѣтъ —
Да, прошептала она, словно *нѣтъ*.
Гости чету поздравляютъ, потомъ
Ѣдутъ на пиръ къ новобрачному въ домъ.
Мать молодой была всѣхъ веселѣй:
Дочь своимъ счастьемъ обязана ей!
Маннвельтъ, унылый, вернулся домой.

Маннвельтъ коня въ четвертокъ осѣдлалъ:
Домъ его старый не милъ ему сталъ.
Видитъ огромное зданіе онъ,
Видитъ, стекаются съ разныхъ сторонъ
Женщины въ бѣдной одеждѣ туда.
Знатные тамъ собрались господа.
Дамамъ, разряженнымъ въ шелкѣ и атласъ,
Бодрыхъ кормилицъ ведутъ на показъ.
Кончился смотръ; и съ довольнымъ лицомъ
Вышли иныя, звеня серебромъ.
Стонъ вылеталъ изъ груди у другихъ;
Шли онѣ, плача о дѣтяхъ своихъ,
И еще долго смотрѣли назадъ,
Имъ посылая свой любящій взглядъ.
Маннвельтъ, унылый, вернулся домой.

Въ пятницу Маннвельтъ коня осѣдлалъ:
Домъ его старый не милъ ему сталъ.
Видитъ на улицѣ — мужъ и жена
Спорятъ, кричатъ и бранятся. Она
Волосы рветъ на себѣ. «Осквернилъ
Брачный союзъ ты.... жену погубилъ!»
Онъ отвѣчаетъ, грозя кулакомъ:
«Адъ принесла ты, злодѣйка, въ мой домъ.
Самъ я обманутъ тобою, змѣя!»
Въ книгу закона взглянувши, судья
Молвилъ четѣ: «Вы разстаться должны».
И разошлись они, злобы полны.
А въ отдаленьи на камнѣ сидѣлъ
Блѣдный ребенокъ, дрожа; и глядѣлъ
То на отца, то на мать онъ съ тоской.
Брошенный ими — пошелъ онъ съ сумой....
Маннвельтъ, унылый, вернулся домой.

Маннвельтъ въ субботу коня осѣдлалъ:
Домъ его старый не милъ ему сталъ.
Въѣхалъ онъ въ городъ: на улицахъ бой.
Кровью исходятъ и добрый и злой;
Рабъ и свободный убиты лежатъ.

Бьютъ барабаны и пули свистятъ.
Вѣятъ знамена — и много на нихъ
Словъ благородныхъ, призывовъ святыхъ!...
Падая, ихъ произносятъ бойцы....
Съ крикомъ народъ разрушаетъ дворцы.
Въ бѣгствѣ король.... Обуялъ его страхъ.
Вноситъ другаго толпа на рукахъ.
Маннвельтъ, унылый, вернулся домой.

Маннвельтъ коня въ воскресенье сѣдлалъ:
Домъ его старый не милъ ему сталъ.
Въ чистое поле онъ ранней порой
Выѣхалъ. — Міръ былъ объятъ тишиной.
Гдѣ-то вился надъ деревней дымокъ,
Легкій его колыхалъ вѣтерокъ.
Жаворонокъ въ чистой лазури звенѣлъ;
Плодъ на вѣтвяхъ наливался и зрѣлъ.
Тихо — сквозь сѣть золотистыхъ лучей —
Воды катилъ, извиваясь, ручей.
Маннвельтъ задумчивъ сидѣлъ на конѣ;
Слышался топотъ копытъ въ тишинѣ.
Голосъ кукушки звалъ всадника въ лѣсъ....
Вотъ ужь онъ въ чащѣ зеленой исчезъ.
Дальше онъ все углублялся во тьму;
Тысячу звуковъ на встрѣчу ему,
Мягкихъ, ласкающихъ, чудныхъ, неслись,
Нѣжили слухъ его.... въ душу лились, —
Ей обѣщали забвенье, покой....
Маннвельтъ совсѣмъ не вернулся домой!

II.

ПИРЕНЕЙ.

Лишь зимой, когда снѣгами
Безконечный лугъ покрытъ,
Надъ долиной пиренейской
Пиреней-король царитъ.
Но сносить не могутъ взоры
Короля — весны лучей,
И, какъ снѣгъ въ поляхъ, исчезнуть
Долженъ онъ при встрѣчѣ съ ней.

Не видалъ онъ, какъ тонула
Птичка въ дальней синевѣ,
Какъ душистая фіялка
Распускалася въ травѣ.
Для него не пѣлъ въ дубравѣ
Соловей въ вечерній часъ;
Пѣсня жаворонка съ разсвѣтомъ
Звонкой трелью не лилась.

Онъ въ горѣ, облитой льдами,
Въ Проклятой-горѣ живетъ;
Королю чертогомъ служитъ
Тамъ глубокій, темный гротъ.
И сидитъ въ подземномъ залѣ
Онъ со свитою своей;
А душа на волю рвется —
Жаждетъ солнечныхъ лучей!
О любви, о дняхъ весеннихъ
И мечта ему мила:
Не знавалъ онъ страсти жгучей,
Ни весенняго тепла!

Вдругъ невѣдомые звуки
Оглашаютъ мрачный сводъ....

Это жаворонокъ! Въ поле
Громкой пѣсней онъ зоветъ!
Все ей вторило, казалось, —
Каждый камень и кристалъ;
И король — съ дрожащимъ сердцемъ
У дверей чертога сталъ.

«Къ намъ герольда присылала,
Въ гости насъ звала весна....
Въ путь скорѣй! Убить не можетъ
Насъ въ дому своемъ она.»
И по каменнымъ ступенямъ
Онъ бѣжитъ съ своимъ дворомъ;
И едва могли вассалы
Поспѣвать за королемъ.

Вотъ пришли къ веснѣ на праздникъ:
Зеленѣлъ роскошный лугъ,
Съ крикомъ ласточки кружились,
Пахло розами вокругъ.
Солнце горы золотило,
Все сіяло и цвѣло....
Осѣнилъ вѣнокъ изъ лилей
Королевское чело.

Онъ воскликнулъ: «Міръ прекрасенъ,
И прекрасна ты, весна!»
Но ещё казалась краше
Королю его жена.
Рядомъ съ нимъ она стояла,
И глядѣлъ онъ въ очи ей....
Никогда такъ жгучъ и страстенъ
Не былъ блескъ ея очей!
Все забылъ онъ, ей любуясь:
Что весна кругомъ цвѣла,
Что страдалъ онъ и томился,
И что смерть его ждала!

III.

ЛАМПА.

Давно когда-то въ старой Прагѣ
Раввинъ ученый проживалъ.
Онъ строго слѣдовалъ писанью
И мудро книги толковалъ.
Невзгоды жизни и лишенья
Сносилъ онъ съ твердою душой,
И хоть сидѣлъ безъ хлѣба часто,
А называлъ нужду мечтой.

Но далеко не такъ покорна
Была жена его судьбѣ,
И не могла безъ горя видѣть
Худой одежды на себѣ.
Пренебрегала пищей скудной; —
Когда же шабашъ наступилъ,
Печаль ея смѣнилась гнѣвомъ, —
И праздникъ ей не въ праздникъ былъ.

Въ глазахъ ея сверкали слезы;
И мужу молвила она:
— «У насъ нѣтъ рыбы за обѣдомъ,
И въ кружкѣ нѣтъ у насъ вина,
И оба мы въ лохмотьяхъ ходимъ:
Куда веселое житье!»
Тогда раввинъ къ настольной лампѣ
Подвелъ таинственно ее....

Позолоченая, блистала
Большая лампа, какъ звѣзда.
И говоритъ раввинъ чуть слышно:
— «Насъ не должна страшить нужда!
Вѣдь эта лампа — золотая!...
Когда я только захочу,
Все дастъ она: — вино и мясо,
И шелкъ, и бархатъ, и парчу».

— «Ужель?» И бѣдность ужь казалась
Въ тотъ мигъ женѣ раввина — сномъ!
И вотъ справлять они садятся
Свой шàбашъ весело вдвоемъ.
И съ той поры, когда бывало
Тоска въ ея проникнетъ въ грудь, —
Чтобъ все забыть — на эту лампу
Ей только стоило взглянуть.

Такъ отъ субботы до субботы
Жила она своей мечтой,
Смѣясь, и радуясь богатству,
Что̀ скрыто въ лампѣ золотой.
И въ гробъ она легла съ улыбкой....
Тогда мудрецъ-раввинъ сказалъ:
— «Лишь отъ тебя, голубка, силу
Я убѣжденія узналъ!»

А. ПЛЕЩЕЕВЪ.

НОВЫЙ РОМАНЪ ДЖОРЖА ЭЛІОТА.

(**The Mill on the Floss**. By *George Eliot*, author of «Scenes of Clerical Life» and «Adam Bede», 3 vols. 1860).

Одинъ досужій литературный статистикъ вычислилъ, что въ Англіи появляется ежегодно болѣе сотни новыхъ романовъ, или приблизительно романа по два въ недѣлю. Классическій размѣръ англійскаго романа — три тома; безъ трехъ томовъ онъ въ глазахъ большинства читателей не стоитъ даже и названія романа, какъ для многихъ не стоитъ названія трагедіи самая раздирательная пьеса, если въ ней всего два-три, а не пять законныхъ актовъ. Если предположить, что только половина англійскихъ авторовъ придерживаются принятой мѣрки, то и тогда всего количества томовъ, прибавляющихся ежегодно къ собственно-романической литературѣ въ Англіи, невозможно прочесть самому усидчивому читателю, если у него есть хоть какое-нибудь дѣло въ жизни, кромѣ услажденія себя гладкими и чувствительными разсказами о любовныхъ и иныхъ похожденіяхъ разныхъ Артуровъ, Эдгаровъ, Амелій, Сусаннъ, и проч.

Какъ быстро развивается эта отрасль книгодѣлія, лучше всего можно видѣть изъ разсчетовъ того же литературнаго статистика. Со времени Вальтеръ-Скотта, послѣдовавшей, какъ извѣстно, въ 1832 г., число ежегодно являющихся новыхъ романовъ учетверилось. При жизни автора «Вудстока» являлось въ годъ всего около двадцати шести романовъ. Въ настоящую минуту масса романовъ, вышедшихъ въ Англіи со времени появленія въ 1814 году «Веверлея», дости-

гаетъ огромной цифры 3000. Эти 3000 заглавій принадлежатъ приблизительно 7000 томовъ. Не забудемъ, что въ этотъ разсчетъ не входитъ вовсе дѣятельность американскихъ романистовъ, не многимъ уступающая ихъ соперникамъ въ трехъ соединенныхъ королевствахъ.

Чтобы судить о количествѣ читателей романовъ въ Англіи, достаточно развернуть нѣкоторые нумера англійскаго «Атенея», въ которыхъ есть объявленія о новостяхъ въ библіотекѣ для чтенія (circulating library) Мьюди, самомъ богатомъ изъ лондонскихъ источниковъ для утоленія умственной и сердечной жажды охотниковъ до чтенія. Въ этихъ объявленіяхъ, противъ книгъ, наиболѣе требуемыхъ, ставится нерѣдко цифра экземпляровъ, пріобрѣтенныхъ библіотекою для ея многочисленныхъ читателей. Въ спискахъ Мьюди не рѣдкость увидать противъ новаго романа извѣстнаго или начинающаго талантливаго писателя цифру 1000, 2000 и даже 3000; но и такого количества экземпляровъ (въ какомъ у насъ печатаются развѣ періодическія изданія, да и то далеко не всѣ) часто не хватаетъ въ библіотекѣ на удовлетвореніе всѣхъ желающихъ поскорѣе познакомиться съ интересною новостью.

По этимъ цифрамъ, если только онѣ ставятся всегда справедливо (а сомнѣваться—мы не видимъ повода), лучше всякихъ умозрительныхъ и эстетическихъ соображеній, можно судить о направленіи вкуса въ читающей публикѣ Англіи, о томъ, что въ данную минуту наиболѣе занимаетъ общество. Профессоръ Массонъ, статистическіе разсчеты котораго мы привели, могъ бы съ неменьшею пользой заняться пересмотромъ счетныхъ книгъ и каталоговъ въ англійскихъ circulating libraries и вѣрно достигъ бы не менѣе интересныхъ результатовъ.

Любопытно бы также узнать, сколько томовъ въ громадномъ количествѣ ежегодно являющихся романовъ приходится на долю женщинъ-писательницъ. Судя по тому, что всплываетъ на верхъ изъ этого густаго потока, должно думать, что бо̀льшая половина всей этой массы книгъ принадлежитъ женскимъ перьямъ; или, если хотите, надо предположить, что даровитыхъ женщинъ-романистокъ въ Англіи значительно болѣе, чѣмъ даровитыхъ мужчинъ-романистовъ. Кромѣ двухъ-трехъ мужскихъ именъ, дѣйствительно стоющихъ вниманія и высоко талантливыхъ, бо̀льшинство англійскихъ романистовъ остается извѣстнымъ развѣ только постояннымъ подписчикамъ «библіотекъ для чтенія»; напротивъ, романистокъ очень замѣчательныхъ можно насчитать больше десятка. Нѣтъ почти ни одного англійскаго, французскаго или нѣмецкаго журнала, интересующагося произведеніями современной беллетристики, въ которомъ не было

бы повторена нѣсколько разъ фраза, что женщины берутъ теперь рѣшительный перевѣсъ надъ мужчинами въ повѣствовательной литературѣ Англіи.

Мы не думаемъ, чтобы это происходило отъ пренебреженія мужчинами литературной формой, которая со времени Вальтеръ-Скотта стала такимъ важнымъ орудіемъ въ дѣлѣ общественнаго развитія. Даровитые писатели вовсе не чуждаются романа, какъ недостойнаго ихъ способностей поприща; намъ кажется только, что они не такъ вѣрно, какъ женщины, понимаютъ общественное значеніе повѣствовательной литературы, и потому находятъ гораздо меньше успѣха въ публикѣ, чѣмъ писательницы-романистки.

Большинство мужчинъ-романистовъ стремится вѣчно къ достиженію такъ называемыхъ чисто-художественныхъ цѣлей, и въ этомъ стремленіи нерѣдко забываетъ о важнѣйшихъ и ближайшихъ къ жизни цѣляхъ. Женщинамъ принято отказывать въ этихъ художественныхъ способностяхъ. Не знаемъ, большое ли для нихъ это лишеніе. Онѣ столько времени вышивали по канвѣ и по бархату, шерстью, бисеромъ и шелками, разныя чрезвычайно-художественныя вещицы, что имъ простительно приложить къ «искусству слова» нѣсколько иныя требованія, чѣмъ какія годны для удачнаго производства разныхъ художественныхъ сувенировъ, въ родѣ ковровъ, подушекъ на диваны, и проч.

Въ то время, какъ мужчины романисты ставятъ себѣ, кажется, главною цѣлью быть пріятными разсказчиками, мало заботясь о томъ, *что* разсказывать, романистки заботятся преимущественно о важности самаго предмета разсказа, а *какъ* разсказать, это уже дѣло для нихъ большею частью второстепенное. Одинъ французскій критикъ, удивляясь стремленію англійскихъ романистокъ анализировать самыя серьезныя и до сихъ поръ недоступныя пониманію женщинъ задачи жизни, въ параллель съ повѣствователями мужскаго пола, которые все болѣе клонятся къ разсказыванью ради разсказыванья или къ «искусству для искусства», очень справедливо замѣчаетъ: «еще нѣсколько шаговъ тѣхъ и другихъ по этимъ разнымъ дорогамъ, и намъ можно будетъ увидать странный обмѣнъ ролей: мужчины начнутъ шить въ тамбуръ и вышивать по канвѣ, а женщины станутъ призывать ихъ вновь къ воздѣлыванью мужественныхъ добродѣтелей, проповѣдывать великія жертвы, строгіе подвиги гражданства, и вооружаясь то Библіей, то какимъ нибудь трактатомъ политической экономіи, говорить имъ, въ какомъ направленіи и какими средствами могутъ совершиться великія общественныя преобразованія».

Если мы захотимъ припомнить самыя яркія и самыя близкія интересамъ общества явленія въ области современнаго романа, мы назовемъ прежде всего два женскія имени — Жоржъ-Занда и Бичеръ-Стоу.

Говорить объ общественномъ значеніи первыхъ и лучшихъ произведеній автора «Леліи» нечего: всѣмъ извѣстно, что не было и нѣтъ романиста, который имѣлъ бы хотя половинную долю такого существеннаго вліянія на своихъ современниковъ.

Ни одинъ изъ мужскихъ романовъ, доставлявшихъ своимъ авторамъ сотни тысячъ франковъ, не умѣлъ также найти такого горячаго сочувствія во всѣхъ странахъ, во всѣхъ сердцахъ, какъ поразительный своею неприкрашенной правдой, и можетъ быть потому признанный не художественнымъ, романъ мистриссъ Стоу (*).

Мы все толкуемъ, что главная цѣль искусства возвышать душу, облагороживать инстинкты человѣка; а дай намъ произведеніе, которое ближе и прямѣе всего достигаетъ этой цѣли, мы сейчасъ отступимся и отдадимъ преимущество какой нибудь изящной бездѣлушкѣ, годной только на услажденіе нашихъ послѣобѣденныхъ досуговъ. Мы требуемъ отъ искусства прежде всего правды; но когда эта правда предстаетъ намъ безъ покрова, мы тотчасъ опускаемъ стыдливыя очи и говоримъ, что ходить «въ натурѣ» неприлично. Мы любимъ говорить о великихъ судьбахъ, на встрѣчу которыхъ идетъ человѣчество; а самихъ насъ не сдвинешь на шагъ съ мягкаго кресла, въ которомъ такъ пріятно утопать послѣ сытнаго обѣда. Всякій громкій и простой голосъ, предъявляющій простыя, но самыя законныя требованія, непріятно тревожитъ нашъ утонченный слухъ; мы такъ привыкли къ тихой, безстрастной, и потому приличной болтовнѣ нашихъ салоновъ. Этотъ приличный тонъ кажется намъ необходимымъ и въ искусствѣ; иначе это и не искусство, это нарушеніе нашего спокойствія. А что̀ можетъ быть дороже спокойствія для человѣка, какъ бы онъ ни былъ наклоненъ поговорить въ минуты досуга. —

«о ближнемъ братѣ,
Погорячиться о добрѣ»?

Правда намъ, разумѣется, всего дороже; «Варвара мнѣ тётка, а правда—сестра», какъ любилъ повторять покойный Булгаринъ. Но мы постоянно хотимъ видѣть нашу милую сестрицу въ красивомъ

(*) Въ первый годъ по выходѣ въ свѣтъ «Хижины дяди Тома» было продано въ Соединенныхъ Штатахъ и въ Англіи *до полумилліона* экземпляровъ этого романа. Самый популярный изъ романовъ Диккенса «Пиквикскій клубъ» разошелся лишь въ 30,000 экземпляровъ.

нарядѣ, въ кринолинѣ, въ шелковыхъ башмакахъ. Только въ такомъ видѣ удовлетворитъ она нашему тонкому эстетическому вкусу; только въ такомъ видѣ признаемъ мы ее «художественною»; мало того, только въ такомъ видѣ признаемъ мы ее и правдою. Вспомнимъ, что знаменитый романъ Бичеръ-Стоу, въ которомъ не было уступокъ нашей щепетильности, возбудилъ во многихъ сомнѣнія, все ли въ немъ правдиво, и заставилъ благородную писательницу издать къ нему pieces justificatives подъ названіемъ «Ключа къ Хижинѣ дяди Тома».

Въ числѣ англійскихъ романистовъ и романистокъ почти сразу занялъ одно изъ первыхъ мѣстъ Джоржъ Эліотъ, авторъ «Адама Бида», имѣвшаго въ теченіе первыхъ же пяти мѣсяцовъ пять изданій. Вскорѣ послѣ выхода въ свѣтъ этого романа начались толки и догадки, мужчиной или женщиной онъ написанъ. «Великій незнакомецъ» (the great unknown),—какъ называли въ журналахъ новаго автора, приравнивая его этимъ названіемъ къ автору «Веверлея»,—заинтересовалъ всѣхъ. Одни, судя по серьёзному смыслу всего произведенія, соединенному съ глубокою искренностью чувства, а также и по чрезвычайно мѣткому воспроизведенію домашняго и семейнаго быта, думали, что романъ написанъ женщиной, хотя это предположеніе не очень-то гармонировало съ ихъ невысокимъ понятіемъ о женскихъ способностяхъ. Другіе утверждали съ большею послѣдовательностью, что до такой высокой художественности, какую проявилъ новый романъ, женщина никакъ не можетъ возвыситься.

Теперь уже извѣстно, что подъ именемъ Джоржа Эліота скрывается женщина, а именно миссъ Эвансъ или Ивенсъ (Evans). Соединеніе живаго и близкаго къ существеннѣйшимъ нравственнымъ интересамъ содержанія съ истинно-прекрасною, до осязательности вѣрною дѣйствительности формой, это соединеніе, столь рѣдкое въ романистахъ нашего времени, заставляетъ насъ особенно цѣнить Джоржа Эліота.

Въ свое время мы говорили объ «Адамѣ Бидѣ»; теперь представляемъ довольно подробное изложеніе новаго романа миссъ Эвансъ «Мельница на Флоссѣ», который имѣлъ тоже большой успѣхъ, хотя и не равный успѣху перваго романа. И англійская и нѣмецкая критика ставятъ новое произведеніе миссъ Эвансъ ниже «Адама Бида», и обвиняютъ ее и въ поспѣшности работы, и въ трудности самой нравственной задачи романа.

По нашему мнѣнію, ни жизненной правды, ни глубокаго юмора не меньше въ «Мельницѣ на Флоссѣ», чѣмъ въ «Адамѣ Бидѣ»; но и тутъ, какъ тамъ, главная вина автора въ томъ, что онъ черезчуръ рабски слѣдовалъ рутинной мѣркѣ, по которой кроятся и строятся

англійскіе романы. Для нихъ существуетъ своего рода теорія трехъ единствъ, только путающая правильное развитіе дѣйствія, обременяющая его ненужными лицами, отступленіями и скучными длиннотами.

Въ изложеніи своемъ мы старались представить только сущность новаго романа, сохранивъ его лучшія мѣста, и отбросивъ все, не имѣющее органической связи съ главнымъ ходомъ дѣйствія или прямаго къ нему отношенія. Изъ нашего подробнаго пересказа будетъ ясно видно, на сколько правы и на сколько неправы упомянутые критики.

I.

Романъ начинается такимъ описаніемъ:

«Передъ нами пространная равнина. Широкая Флосса поспѣшно бѣжитъ по ней, промежь зеленыхъ береговъ своихъ, къ морю, и ласковый приливъ, стремясь къ ней на встрѣчу, останавливаетъ ея бѣгъ своими страстными объятіями. Этотъ могучій приливъ несетъ вдоль по рѣкѣ, къ городу Сент-Оггу, черные корабли, нагруженные или сосновыми досками съ свѣжимъ запахомъ смолы, или полными мѣшками съ маслянистымъ зерномъ, или темнымъ блестящимъ углемъ. Старинныя вогнутыя, красныя кровли города и широкіе навѣсы его верфей виднѣются между отлогимъ лѣсистымъ возвышеніемъ и краемъ рѣки, и вода окрашена нѣжнымъ красноватымъ оттѣнкомъ подъ непродолжительнымъ блескомъ февральскаго солнца. По обѣимъ сторонамъ далеко тянутся пышныя пастбища и полосы темной земли, частью вспаханной для посѣва будущей широко-листной зеленой жатвы, частью уже слегка одѣтой нѣжною муравой озимей. Мѣстами остались еще тутъ отъ прошлаго года золотистыя копны, и округленныя верхушки ихъ виднѣются за изгородями; а изгороди повсюду усажены деревьями, — и мачты и бурые паруса отдаленныхъ кораблей встаютъ и поднимаются какъ будто промежъ самыхъ вѣтвей развѣсистыхъ ясеней. Какъ-разъ тамъ, гдѣ начинаются красныя крыши города, во Флоссу впадаетъ бойкая и живая данница ея, Рипль. Что за прелесть эта маленькая рѣчка со своей темной измѣнчивой зыбью! Она кажется мнѣ живымъ спутникомъ, когда я брожу вдоль берега и прислушиваюсь къ ея тихому, кроткому голосу, какъ къ голосу глухаго и любящаго друга. Мнѣ памятны эти большія плакучія ивы. Я помню каменный мостъ.

«Вотъ и дорлькотская мельница. Надо остановиться на минутку, на двѣ, на мосту, и посмотрѣть на нее, хоть и надвигаются грозныя тучи, хоть и поздній ужь вечеръ. Даже въ эту безлиственную пору, въ концѣ февраля, любо взглянуть на нее.... Сыроватая и холодная погода

придаетъ какъ будто новую привлекательность этому опрятному, уютному домику, ровеснику вязовъ и каштановъ, защищающихъ его отъ сѣвернаго вѣтра. Вода въ рѣкѣ высока, и заливаетъ далеко въ это небольшое ивовое насажденіе; дерновая закраина палисадника съ лицевой стороны дома на половину затоплена. Глядя на полноводную рѣку, на свѣжую траву, на нѣжную свѣтло-зеленую пыль, смягчающую очертанія большихъ стволовъ и вѣтвей, которые ярко сквозятъ изъ-за голыхъ, красноватыхъ сучьевъ, я люблю этотъ влажный міръ, и завидую бѣлымъ уткамъ, что ныряютъ головой глубоко въ воду посреди ивняка и ни мало не заботятся о томъ, красивъ ли у нихъ видъ поверхъ воды.

«Журчанье рѣки и шумъ мельницы наводятъ какую-то дремотную глухоту, которая придаетъ какъ будто еще болѣе мирный характеръ этому мѣсту. Эти звуки, словно большой опущенный пологъ, отдѣляютъ васъ отъ остальнаго міра. Но вотъ послышался грохотъ огромной крытой телѣги, возвращающейся домой съ мѣшками хлѣба. Добрый хозяинъ воза подумываетъ объ обѣдѣ, которому давно бы пора изъ печки на столъ; но онъ не прикоснется къ нему, пока не покормитъ лошадей — своихъ усердныхъ, послушныхъ, полныхъ кротости во взглядѣ помощниковъ. Я думаю, онѣ смотрятъ на него съ легкимъ упрекомъ изъ-за своихъ наглазниковъ, что онъ щелкаетъ такъ грозно бичемъ, какъ будто они не усердствуютъ и безъ этого внушенія. Посмотрите, какъ вытягиваютъ они спину, подымаясь на изволокъ къ мосту; ихъ энергія возрастаетъ по мѣрѣ приближенія къ дому. Посмотрите, какъ врѣзываются въ жесткую землю ихъ косматыя переднія ноги; полюбуйтесь терпѣливой мощью ихъ шей, склоненныхъ подъ тяжелыми хомутами, и крѣпкими мускулами ихъ напряженныхъ бедръ! Мнѣ хотѣлось бы слышать ихъ ржанье надъ тяжко-заработанною ими дачей овса, хотѣлось бы видѣть, какъ они станутъ взмахивать влажною шеей, избавленною отъ сбруи, какъ станутъ погружать въ мутный водопой горячія ноздри. Вотъ они ужъ и на мосту; съ моста пошли живѣе, и кузовъ телѣги исчезъ на поворотѣ за деревьями.

«Теперь мнѣ можно обратить глаза опять къ мельницѣ, и посмотрѣть на неустанное колесо, на его каскадъ, брызжущій алмазами. Эта маленькая дѣвочка тоже смотритъ на него: она стояла на этомъ самомъ мѣстѣ, у воды, еще прежде чѣмъ я остановилась на мосту. Смѣшная бѣлая дворняшка съ коричневымъ ухомъ подпрыгиваетъ около дѣвочки и лаетъ на колесо съ напрасной угрозой; ей можетъ быть завидно, что оно такъ увлекло своимъ движеніемъ ея пріятельницу въ пуховой шляпѣ. Мнѣ кажется, маленькой пріятельницѣ пора бы и домой; такъ разложенъ яркій, приманчивый огонь: красный отсвѣтъ его становится все яснѣе, по мѣрѣ того, какъ темнѣетъ сѣрое небо.»

Вотъ сцена, на которой развиваются событія романа. Въ маленькой дѣвочкѣ, засмотрѣвшейся на шумное колесо мельницы, проницательный читатель начинаетъ подозрѣвать будущую героиню разсказа, и онъ не ошибается. Дѣйствительно, главная роль въ романѣ

миссъ Эвансъ принадлежитъ ей. Но будемъ такъ же постепенны, какъ авторъ, и познакомимся сначала съ тѣми жильцами мельницы, которые постарше. Въ романахъ, какъ и въ жизни, первое мѣсто всегда принадлежитъ старшимъ. Еще счастье наше, что авторъ начинаетъ прямо съ родителей своей героини, а не потчуетъ насъ длинной ея генеалогіей чуть не съ Адама, какъ это дѣлаетъ въ послѣднихъ своихъ романахъ Теккерей, ни мало ихъ тѣмъ не украшая. Историческая послѣдовательность надоѣла намъ и въ дѣйствительности; она виситъ у насъ гирями на ногахъ... Хоть въ романѣ-то бы отъ нея избавиться.

О мистерѣ Тулливеръ и его супругѣ, мистриссъ Тулливеръ, родителяхъ дѣвочки, пока нечего много сказать. Эта согласная чета живетъ почти въ тѣхъ же интересахъ, какъ и столь знакомые намъ Аѳанасій Ивановичъ и Пульхерія Ивановна. Разница только въ томъ, что англійскому Аѳанасію Ивановичу средства къ жизни не сваливаются съ неба, и ему приходится самому добывать ихъ, да еще въ томъ, что онъ помоложе нашего старосвѣтскаго помѣщика, и что забота о дѣтяхъ, которыхъ у него двое—мальчикъ и дѣвочка, не позволяетъ ему окончательно отупѣть и превратиться въ подобіе гнилаго гриба посреди прекраснаго пейзажа, описаніе котораго мы сейчасъ представили.

Главную заботу мистера Тулливера составляетъ воспитаніе сына его, Тома. Чтò касается маленькой Мегги—она выростетъ, какъ Богъ велитъ, безъ особенныхъ стараній со стороны родителей. Чтò такое понимаетъ мистеръ Тулливеръ подъ воспитаніемъ, онъ едва ли могъ бы и самъ объяснить. Даже и самое-то слово «воспитаніе» нѣсколько ново его уху, и онъ говоритъ «eddication» вмѣсто «education». Ему хочется одного — чтобы Томъ могъ добывать себѣ хлѣбъ въ сферѣ болѣе широкой, чѣмъ сфера мельника и фермера, да чтобы онъ могъ, кромѣ того, помогать отцу въ разныхъ донимающихъ его тяжбахъ, искахъ и тому подобныхъ веселыхъ дѣлахъ.

Томъ ужь два года учится въ какой-то «академіи», равняющейся, кажется, нашему приходскому училищу; но это ученье вовсе не удовлетворяетъ мистера Тулливера: ему надо чего нибудь получше, попрочнѣе, — и онъ рѣшился взять оттуда мальчика, чтобы помѣстить его въ «настоящую» школу. Куда именно, этого мистеръ Тулливеръ пока рѣшительно не знаетъ. Совѣтъ съ женой не приводитъ ни къ чему, потому что мистриссъ Тулливеръ имѣетъ постоянно въ виду не столько «eddication» Тома, сколько его чулки, рубашки и проч., да пироги и пуддинги для наполненія его отроческаго желудка. Въ выборѣ школы затрудняетъ ее не то, хорошо или дурно будутъ тамъ учить мальчика, а можно ли ей будетъ самой стирать и

штопать ему бѣлье, и часто ли будетъ туда «оказія», чтобы посылать Тому гостинца.

Въ тотъ сырой февральскій вечеръ, съ котораго начинается исторія, Тома еще не было дома. Его ожидали изъ «академіи» только къ Святой, и родительская нѣжность мистера и мистриссъ Тулливеровъ могла сосредоточиваться покамѣстъ на одной маленькой Мегги.

И нравъ и наружность дѣвочки составляли предметъ постоянныхъ жалобъ матери. Мистеръ Тулливеръ больше любовался бойкостью Мегги; напротивъ, мистриссъ Тулливеръ эта бойкость казалась страшнымъ порокомъ, такъ же, какъ и черные, жесткіе волосы, и смуглый цвѣтъ лица Мегги. «Что вы толкуете о бойкости, мистеръ Тулливеръ?» возражала она мужу. «По моему, такъ дѣвочка совсѣмъ идіотка въ иныхъ вещахъ. Пошлешь ее за чѣмъ-нибудь на верхъ—ужь она непремѣнно забудетъ, зачѣмъ пошла; да еще усядется на полу, на солнцѣ, начнетъ себѣ волосы плести да пѣть; право, словно изъ Бедлама вырвалась. А я тутъ жду ее внизу.» Мистеръ Тулливеръ обыкновенно лишь подсмѣивался надъ подобными выходками Мегги, и тѣмъ только сердилъ свою щепетильную половину. Онъ не находилъ ничего дурнаго и въ наружности дѣвочки, и на жалобы матери, что у Мегги волосы не завиваются, какъ «у добрыхъ людей», и что она сама не хочетъ подержать головы спокойно, когда ей припекаютъ папильйотки, отвѣчалъ простодушно: «такъ обстричь бы ее покороче!» Такой необдуманный совѣтъ могъ только еще больше раздражить мистриссъ Тулливеръ. Ужь одно то надо вспомнить, что Мегги пошелъ девятый годъ; маленькая ли? Притомъ, что скажетъ, если обстричь ее, тетка Глеггъ, тетка Пуллетъ или вообще всякая другая тетка? Мистриссъ Тулливеръ вообще чрезвычайно дорожила мнѣніемъ своей родни; ей не совсѣмъ нравилось, что мужъ хочетъ посовѣтоваться и насчетъ ученья Тома съ кѣмъ нибудь постороннимъ, а не съ семейнымъ ареопагомъ. Къ крайнему сожалѣнію мистриссъ Тулливеръ, Мегги тоже не выказывала особенной пріязни къ своимъ теткамъ. Она рѣшительно отказывалась шить изъ разноцвѣтныхъ лоскутковъ одѣяло для тетки Глеггъ. «Это такое глупое дѣло», говорила она, встряхивая своею косматой черной гривой: «рѣзать на кусочки и опять сшивать! Да я и ничего не хочу дѣлать для тетки Глеггъ—я не люблю ее!» Можно ли было глубже ранить сердце мистриссъ Тулливеръ, преисполненное родственныхъ чувствъ? А Аѳанасій Ивановичъ еще подсмѣивается. «Удивляюсь я, какъ вы можете этому смѣяться, мистеръ Тулливеръ! Вы только поощряете ея упрямство.» И мистриссъ Тулливеръ ужь мерещилась строгая физіономія сестрицы ея, Дженъ Глеггъ, съ вѣчными упреками за баловство Мегги.

«Мистриссъ Тулливеръ (замѣчаетъ авторъ) была, что называется, добрая и смирная женщина — никогда не плакала въ дѣтствѣ безъ серьёзнаго повода, какъ напримѣръ голода или булавокъ, и съ колыбели была здорова, красива, полна и тупа, однимъ словомъ составляла цвѣтъ красы и пріятства въ своей семьѣ. Но молоко и нѣжность не особенно удобны къ сбереженію, и стоитъ имъ немножко скиснуться, они становятся непріятны для молодаго желудка. Я часто спрашивала себя, глядя на нарисованныхъ Рафаэлемъ бѣлокурыхъ красавицъ-матерей съ свѣжими лицами и глуповатымъ выраженіемъ, могли ли онѣ сохранять эту безмятежную кротость, когда подрастали ихъ здоровые и бойкіе мальчики, и ихъ нельзя уже было водить безъ рубашекъ. Мнѣ кажется, онѣ должны были вдаваться въ слабую воркотню и становиться все брюзгливѣе и брюзгливѣе, по мѣрѣ того, какъ воркотни ихъ становились все болѣе и болѣе недѣйствительнее.»

Мистеръ Тулливеръ былъ проницательнѣе своей супруги и не придавалъ такой важности, какъ она, разнымъ мелочамъ. Въ его глазахъ упрямство Мегги значительно выкупалось ея острымъ пониманіемъ и страстью къ чтенію. Ему, правда, казалось подчасъ, что эти достоинства не особенно у мѣста въ особѣ женскаго пола; но намъ кажется, это казалось ему преимущественно потому, что въ наслѣдникѣ своемъ Томѣ онъ замѣчалъ сильный недостатокъ способностей для той карьеры, къ которой готовилъ его.

Мегги читала «не хуже пастора,» какъ говорилъ мистеръ Тулливеръ, и только что нибудь особенно важное могло оторвать ее отъ книги, когда она склонила къ ея страницамъ свою черную, всклокоченную голову. Было, впрочемъ, одно слово, которымъ можно было заставить Мегги отбросить книгу и забыть о ней—это имя ея брата Тома.

На другой день послѣ того вечера, въ сумракѣ котораго мы видѣли дорлькотскую мельницу и дѣвочку съ собакой близь ея шумнаго колеса, у мистера Тулливера былъ гость, нѣкто мистеръ Рилей, бывшій аукціонистъ и оцѣнщикъ, отчасти пріятель, отчасти совѣтникъ дорлькотскаго фермера.

У нихъ шли долгія совѣщанія и переговоры по поводу какой-то плотины. Но во все время этого дѣловаго разговора мистеръ Тулливеръ не выпускалъ изъ памяти другаго дѣла — именно «eddication» своего Тома. Ему казалось, что лучше Рилея ему трудно найти совѣтника въ этомъ дѣлѣ, и онъ воспользовался первой паузой, чтобы обратить разговоръ на этотъ предметъ. Едва произнесъ мистеръ Тулливеръ имя Тома, маленькая Мегги, о присутствіи которой въ комнатѣ всѣ забыли, насторожила уши. Она сидѣла у самаго камина, на низенькой скамейкѣ, съ книгой въ рукахъ.

Мистеръ Тулливеръ началъ прежде всего излагать свои намѣренія относительно будущей карьеры Тома.

«— Мнѣ не хочется, чтобы Томъ былъ мельникомъ и фермеромъ. Я не вижу въ этомъ проку. Сдѣлай я его мельникомъ и фермеромъ, онъ станетъ норовить, какъ бы ему поскорѣе взяться за мельницу и за землю; «а тебѣ, скажетъ, пора на покой — пора и о послѣднемъ концѣ подумать». Нѣтъ, нѣтъ; насмотрѣлся ужь я на сыновей-то на своемъ вѣку. Я кафтана не сниму, пока спать не пойду. Я дамъ Тому воспитаніе и пущу его въ дѣло; пусть самъ строитъ себѣ гнѣздо, а не то, что меня изъ моего гонитъ. Наживется еще въ немъ, какъ умру; а ужь я каши не стану ѣсть, покамѣстъ послѣдній зубъ не выпадетъ.»

Рѣзкій тонъ, какимъ были сказаны эти слова, глубоко встревожилъ маленькую Мегги. Сердце ея болѣзненно содрогнулось. Какъ? Тома подозрѣвать, что онъ можетъ выгнать отца изъ дому? Это невѣроятно; этого нельзя выслушать спокойно.

«Мегги вскочила со скамейки и не обратила никакого вниманія на то, что ея тяжелая книга свалилась за рѣшетку камина; она стала у колѣнъ отца и сказала голосомъ, полнымъ слезъ и негодованія:

«— Томъ никогда не поступитъ съ вами такъ, батюшка; я знаю, что онъ этого не сдѣлаетъ.

«Мистриссъ Тулливеръ не было въ комнатѣ (она готовила какое-то особенное кушанье къ ужину), а сердце Мистера Тулливера было тронуто; поэтому Мегги не получила выговора за то, что бросила книгу. Мистеръ Рилей преспокойно поднялъ ее и сталъ разсматривать. Грубыя черты отца озарились нѣкоторой нѣжностью, онъ засмѣялся, хлопнулъ дѣвочку слегка по спинѣ, потомъ схватилъ ее за обѣ руки и сжалъ у себя въ колѣнахъ.

«— Какъ! ужь и сказать про Тома ничего нельзя? а! проговорилъ Мистеръ Тулливеръ, подмигивая Мегги.

«Затѣмъ, обратясь къ Мистеру Рилею, онъ сказалъ не такъ громко, какъ бы желая, чтобы Мегги не слыхала:

«— Она у насъ все понимаетъ, о чемъ ни заговорятъ. А послушали бы вы, какъ читаетъ — безъ запинки, словно все ужь знаетъ наизусть. И все-то за книгой! — Ну, это не совсѣмъ-то — не совсѣмъ-то хорошо, прибавилъ мистеръ Тулливеръ, переходя отъ похвалы къ упреку: — женщинѣ не для чего быть такой умной; это, пожалуй, только съ пути собьетъ. А надо правду сказать (тонъ мистера Тулливера опять перешелъ въ панегирическій), она читаетъ книги и понимаетъ лучше, чѣмъ можетъ быть половина большихъ.

«По щекамъ Мегги разлился румянецъ гордости: она подумала, что мистеръ Рилей будетъ теперь уважать ее; до сихъ поръ онъ не обращалъ на нее никакого вниманія.

«Мистеръ Рилей перелистывалъ книгу, и она не могла ничего прочесть въ его лицѣ съ высоко-поднятыми бровями; но тутъ онъ взглянулъ на Мегги и сказалъ:

«— Поди сюда, и разскажи мнѣ объ этой книгѣ; въ ней много картинокъ — и мнѣ хотѣлось бы знать, что онѣ значутъ.

«Мегги еще больше покраснѣла, но тотчасъ же подошла къ мистеру Рилею и заглянула черезъ локоть его въ книгу. Она видѣла только одинъ уголокъ страницы, но встряхнула своею гривой и отвѣчала:

«—Ахъ, я вамъ скажу, что это такое. Это страшная картинка; не правда ли? А я все-таки не могу удержаться, чтобы на нее не смотрѣть. Эта старуха въ водѣ — вѣдьма; ее бросили въ воду, чтобы узнать, вѣдьма она, или нѣтъ; если она выплыветъ — значитъ, вѣдьма; а если утонетъ — и умретъ тамъ — значитъ, она невинна, и не вѣдьма, а просто такъ бѣдная глупая старуха. Только что тутъ для нея хорошаго, что она утонетъ? Развѣ, я думаю, пойдетъ на небеса, и Господь приметъ ее туда. А этотъ страшный кузнецъ — посмотрите — подбоченился и смѣется.... не правда ли, онъ противный? — Я вамъ скажу, кто онъ такой. Онъ вѣдь чортъ (тутъ голосъ Мегги сталъ громче и торжественнѣе), а вовсе не кузнецъ. Дьяволъ, вы знаете, принимаетъ образъ злыхъ людей, и ходитъ по свѣту, и наущаетъ людей на нечестивыя дѣла; и онъ чаще принимаетъ образъ злаго человѣка, чѣмъ кого нибудь другаго, потому что люди — если бы, знаете, видѣли, что это дьяволъ, и онъ бы зарычалъ на нихъ — люди всѣ бы побѣжали отъ него, и онъ ужь не могъ бы заставлять ихъ дѣлать, что захочетъ.

«Мистеръ Тулливеръ окаменѣлъ отъ изумленія, слушая это объясненіе Мегги.

«— Да что это у нея за книга? воскликнулъ онъ наконецъ.

«— Это «Исторія Дьявола» Даніэля Дефо; не совсѣмъ-то приличное чтеніе для маленькой дѣвочки, отвѣчалъ мистеръ Рилей. — Какъ это она попала въ число вашихъ книгъ, Тулливеръ?

«Мегги и смутилась и огорчилась.

«— Я купилъ ее вмѣстѣ съ другими, отвѣчалъ отецъ: — на аукціонѣ Партриджа. Онѣ были всѣ въ одинаковомъ переплетѣ — посмотрите, какой славный переплетъ! Я думалъ, и книги все хорошія. Тутъ было и «О праведной жизни и кончинѣ» Джереміи Тэлора; я ее часто читаю по воскресеньямъ.... И много ихъ тутъ было — больше все проповѣди, кажется; и всѣ въ одинаковомъ переплетѣ; я и думалъ, что онѣ всѣ одна къ одной. Вотъ и выходитъ, что по наружности нельзя судить. Какъ разъ надуютъ.

«— Я тебѣ совѣтую отложить въ сторону «Исторію Дьявола», замѣтилъ мистеръ Рилей наставительнымъ и покровительственнымъ тономъ, гладя Мегги по головѣ: — выбирай книжки получше. Есть у тебя книжки лучше?

«— Какъ же! отвѣчала Мегги, немного оживившись и желая показать свои разнообразныя свѣдѣнія.—Я знаю, что эту книгу не хорошо читать;—мнѣ только нравятся картинки, и я къ нимъ придѣлываю исторіи изъ своей головы—право. А то у меня есть еще «Езоповы Басни»,

да книга о двуутробкахъ и разныхъ такихъ звѣряхъ, да еще «Путь Пилигрима»....

«— О! это превосходная книга! воскликнулъ мистеръ Рилей: — лучше не можетъ быть ничего для чтенія.

«— Но въ ней тоже много говорится о дьяволѣ, сказала съ торжествомъ Мегги: — и я вамъ покажу картинку, на которой онъ въ своемъ настоящемъ видѣ, и сражается съ христіаниномъ.

«Мегги побѣжала въ уголъ, вскочила тамъ на стулъ и достала изъ небольшаго книжнаго шкапчика потертый старинный экземпляръ Бёніана, который раскрылся безъ всякихъ стараній и отыскиванья, какъ разъ на картинкѣ, упомянутой Мегги.

«— Вотъ онъ, сказала она, подбѣгая къ мистеру Рилею: — Томъ раскрасилъ его для меня своими красками, какъ былъ дома въ послѣдній разъ на праздникахъ... Тѣло, видите, у него все черное, а глаза красные, какъ огонь, — потому что у него вѣдь пламя внутри, и свѣтится оттуда сквозь глаза.

«— Ступай, ступай! проговорилъ повелительно мистеръ Тулливеръ: — положи книгу, и перестань болтать. Видно такъ и выходитъ по моему, что ребенку больше зла отъ этихъ книгъ, чѣмъ добра.»

Неожиданное вмѣшательство Мегги въ разговоръ не на долго отдалило мысли мистера Тулливера отъ занимавшаго его вопроса. Какъ только «чернушка» или «негритянка» (wench, какъ онъ называлъ свою черноволосую и смуглую дѣвочку) удалилась въ темный уголъ и занялась тамъ своею куклой, къ которой чувствовала особенную нѣжность во время отсутствія брата, мистеръ Тулливеръ опять повелъ рѣчь о воспитаніи Тома. Мистеръ Рилей, какъ человѣкъ знающій въ этомъ дѣлѣ, долженъ былъ во что бы то ни стало разрѣшить, гдѣ Тому будетъ удобнѣе научиться всему тому, что представлялось верхомъ образованія его отцу. Во-первыхъ, по мнѣнію мистера Тулливера, Томъ долженъ былъ знать ариѳметику; во-вторыхъ, писать такъ же красиво и четко, какъ печатное; въ-третьихъ, быстро соображать всякое дѣло и понимать, что̀ люди, съ которыми онъ имѣетъ дѣла, думаютъ; въ-четвертыхъ, такъ умѣть извернуться на словахъ, чтобы иголки нельзя было подточить; въ пятыхъ... Впрочемъ, довольно ужь и этихъ четырехъ пунктовъ: и съ такими знаніями и достоинствами человѣкъ не пропадетъ.

Мистеръ Рилей не долго затруднялся отвѣтомъ. Онъ предложилъ мистеру Тулливеру отдать Тома въ ученье къ пастору Стеллингу, миляхъ въ пятнадцати отъ мельницы. Почтенный пасторъ, какъ ему казалось, лучше всего удовлетворитъ требованіямъ дорлькотскаго фермера. Почему это казалось мистеру Рилею — неизвѣстно. Онъ зналъ о Стеллингѣ только по наслышкѣ, зналъ конечно какъ о человѣкѣ очень образованномъ и ученомъ; но развѣ слухи не могутъ

быть обманчивы? Какъ-бы то ни было, мистеръ Рилей отрекомендовалъ его мистеру Тулливеру, какъ лучшаго наставника Тому, и не только отрекомендовалъ, но и взялся вступить съ нимъ въ переговоры по этому дѣлу черезъ общихъ знакомыхъ. Мистриссъ Тулливеръ попробовала-было возразить, что стирать для Тома бѣлье дома, если онъ поселится у пастора, будетъ неудобно; но на возраженіе ея не обратили вниманія. Хоть мистеръ Тулливеръ и очень цѣнилъ хозяйственныя соображенія своей Бесси, но въ этомъ случаѣ, требовавшемъ высшихъ нравственныхъ соображеній, считалъ ихъ лишними.

Успокоившись на предложенномъ мистеромъ Рилеемъ планѣ, мистеръ Тулливеръ отправился передъ праздниками въ «академію», чтобы привезти домой Тома. Мегги очень хотѣлось поѣхать съ отцомъ; но погода была дурная, пасмурная и сырая, и мистриссъ Тулливеръ опасалась за хорошую шляпку Мегги. Дѣвочка очень огорчилась; но дѣлать было нечего. Она выместила свою досаду на мать тѣмъ, что не дала завить себя какъ слѣдуетъ, вымочила себѣ волосы и убѣжала отъ наставленій и упрековъ на чердакъ подъ старой крутой кровлей, стряхивая на бѣгу воду со своихъ черныхъ кудрей.

«Этотъ чердакъ былъ любимымъ убѣжищемъ Мегги въ дождливые дни, если на дворѣ было не слишкомъ холодно. Тутъ она предавалась вполнѣ своему горю, и громко разговаривала съ источеннымъ червями поломъ, съ источенными червями перекладинами и съ темными стропилами, увѣшенными паутиной; тутъ же хранился у ней истуканъ, котораго она наказывала за всѣ свои невзгоды. Это было туловище большой деревянной куклы, у которой были когда-то круглѣйшіе выпученные глаза и румянѣйшія щеки; но послѣ долгихъ истязаній за чужія бѣды она стала ни на что не похожа. Три гвоздя были вбиты ей въ голову, въ память трехъ горестныхъ событій изъ девятилѣтней житейской борьбы Мегги; мысль къ такому жестокому мщенію подалъ ей одинъ рисунокъ въ старинной Библіи, изображавшій Сисару въ шатрѣ Іоиля. Послѣдній гвоздь былъ всаженъ съ особеннымъ ожесточеніемъ въ голову куклы, ибо на этотъ разъ она олицетворяла собой тетку Глеггъ. Но тотчасъ же вслѣдъ за этимъ Мегги разсудила, что если вбить въ голову много гвоздей, кукла не будетъ ужь такъ чувствительна къ ударамъ объ стѣну, и нельзя ужь будетъ ни утѣшать, ни лечить ее, когда сердце у Мегги нѣсколько смягчится: вѣдь и самую тетку Глеггъ было бы жаль, еслибъ ее избить и совсѣмъ уничижить, такъ, чтобы она стала просить прощенья у племянницы. Послѣ такого соображенія Мегги перестала вбивать гвозди въ голову куклы, и отводила сердце только тѣмъ, что колотила и тыкала деревянною головой въ жесткіе кирпичи двухъ большихъ трубъ, которыя, какъ четырехугольные столбы, подпирали кровлю. Этимъ занялась она и въ это утро,

взобравшись на чердакъ. Она не переставала при этомъ рыдать съ ожесточеніемъ, исключавшимъ всякое другое чувство — даже память о причинѣ его. Наконецъ, когда рыданія нѣсколько стихли и она уже не такъ жестоко колотила куклу объ стѣну, чердакъ внезапно освѣтился солнцемъ. Только-что лучи его пробрались изъ рѣшетчатаго оконца по подгнившимъ перекладинамъ, Мегги бросила свою куклу и подбѣжала къ окошку. Солнце дѣйствительно проглянуло; опять веселѣе шумѣла мельница; двери амбара были растворены; Япъ, смѣшная бѣлая дворняшка, съ выворотившимся ухомъ, бѣгала взадъ и впередъ, нюхая землю, словно искала себѣ товарища. Устоять было невозможно.»

Мегги наскоро сбѣжала съ лѣстницы, взяла свою пуховую шляпу, но не надѣла ея, и со всевозможными предосторожностями, чтобы не попасться матери, крадучись выскочила на волю. Япъ немедленно очутился около нея и принялся скакать и лаять, вторя скачкамъ дѣвочки и ея восклицаніямъ: «Япъ! Япъ! Томъ пріѣдетъ! Томъ пріѣдетъ! Томъ пріѣдетъ!» — «Смотрите, миссъ! не закружитесь да не свалитесь въ грязь!» замѣтилъ ей главный мельникъ Лука, высокій, широкоплечій мужчина лѣтъ сорока, съ черными глазами и черными волосами. — Мегги, нѣсколько сконфузясь, пріостановилась, и попросила Луку позволить ей идти вмѣстѣ съ нимъ на мельницу.

«Мегги любила быть въ просторныхъ стѣнахъ мельницы, и часто выходила оттуда съ легкою бѣлою пудрой муки на своихъ черныхъ волосахъ, которая придавала еще больше огня ея блестящимъ чернымъ глазамъ. Немолчный шумъ и неустанное движеніе большихъ каменныхъ жернововъ внушали ей смутное и пріятное чувство благоговѣнія, словно въ присутствіи какой-то непреодолимой силы. Постоянно льющійся потокъ муки; тонкая бѣлая пыль, слегка покрывающая все и превращающая сѣти паука въ какія-то волшебныя кружева; чистый, пріятный запахъ муки, — все утверждало Мегги въ мысли, что мельница — это особый небольшой міръ, совсѣмъ не похожій на тотъ, въ которомъ сосредоточивается ея вседневная жизнь. Пауки были спеціальнымъ предметомъ ея наблюденій и соображеній. Ей хотѣлось знать, есть ли у нихъ какая-нибудь родня за стѣнами мельницы, потому что въ такомъ случаѣ въ родственныхъ сношеніяхъ ихъ должны были встрѣчаться нѣкоторыя непріятныя несогласія. Жирный, мучнистый паукъ, привыкшій кушать мухъ, обильно посыпанныхъ мукой, долженъ морщиться немножко за столомъ у своего двоюроднаго брата, гдѣ мухи сервируются *au naturel*; мельничныя кузины должны находить странною и наружность своихъ внѣ-мельничныхъ кузинъ, и наоборотъ. Но больше всего любила Мегги самый верхній ярусъ мельницы, съ ларемъ для хлѣба, гдѣ она садилась на огромныя кучи зерна и скатывалась съ нихъ. Она обыкновенно забавлялась этимъ, разговаривая съ Лукой, къ которому питала большую пріязнь.»

Въ дополненіе къ разговору Мегги съ мистеромъ Рилеемъ о книгахъ, мы приведемъ и ея разговоръ съ мельникомъ въ тотъ день, какъ долженъ былъ воротиться домой Томъ. Желая, чтобъ и Лука считалъ ее такою же умницей, какъ мистеръ Рилей (въ томъ, что мистеръ Рилей считаетъ ее умницей послѣ своей бесѣды съ нею о чортѣ, она не сомнѣвалась), Мегги завела рѣчь объ ученыхъ предметахъ... «Я думаю, вы никогда ничего, кромѣ Библіи, не читаете, Лука?» спросила она, скатываясь съ кучи хлѣба.

«— Да, миссъ; да и Библію-то рѣдко, отвѣчалъ съ похвальною прямотой Лука. — Какой я чтецъ? совсѣмъ я не чтецъ!

«— А если бъ я вамъ дала которую нибудь изъ своихъ книгъ? У меня есть *очень* хорошія книги, и вамъ не трудно было бы читать ихъ, Лука; вотъ, напримѣръ, Пога «Путешествіе по Европѣ».... Тутъ написано обо всѣхъ народахъ, какіе только есть на свѣтѣ; а если вы не поймете, что написано — можно на картинкахъ посмотрѣть — все можно на нихъ увидать: и что они носятъ, и какъ живутъ, и что дѣлаютъ. Голландцы тамъ есть, такіе жирные — и, знаете, съ трубками, курятъ; а одинъ сидитъ на бочкѣ.

«— Ну, голландцы-то плохи, миссъ; я думаю, не много проку и знать-то объ нихъ.

«— Да вѣдь они наши ближніе, наши собратья, Лука, — а мы должны знать о своихъ ближнихъ.

«— Я думаю, что они за ближніе, миссъ! Знаю я ихъ, — старый мой хозяинъ, знающій былъ человѣкъ, всегда, бывало, говорилъ: «Я, говоритъ, не голландецъ, чтобы пшеницу, не помочивши, говоритъ, сѣять». Значитъ — это все равно, что сказать, голландцы, молъ, дураки, или около того. Нѣтъ, ужь надъ голландцами я не стану себя мучить. Будетъ съ меня дураковъ-то да болвановъ и такъ.... А то еще и въ книгахъ ихъ отыскивай.

«— Ну, такъ вотъ что, сказала Мегги, нѣсколько пораженная столь рѣшительнымъ взглядомъ Луки на голландцевъ: — не хотите ли, когда такъ, почитать «Одушевленную Природу?» Тутъ ужь не про голландцевъ, а — знаете — про слоновъ, про двуутробокъ, про выхухолей, про летучихъ рыбъ, про птицъ, которыя на хвосту сидятъ, — забыла, какъ онѣ называются. Есть цѣлыя страны такія, что тамъ все этакіе звѣри живутъ — вотъ какъ у насъ лошади и коровы, точь въ точь. Хотите, Лука, вотъ про нихъ узнать?

«— Нѣтъ, миссъ; мое дѣло — хлѣбъ да мука. Какъ примешься за то, что до тебя не касается, такъ, пожалуй, и дѣло-то не пойдетъ какъ слѣдуетъ. Этакъ люди и до висѣлицы доходятъ.... Все знаетъ, а вотъ хлѣба насущнаго не умѣетъ заработать. Да поди, и вранья сколько въ томъ, что въ книгахъ-то напечатано!

«— Вы вотъ какъ братецъ Томъ, Лука! сказала Мегги, желая дать болѣе удачное направленіе разговору. — Томъ не любитъ читать. Я

такъ люблю Тома, Лука, такъ люблю — больше всего на свѣтѣ. Когда онъ будетъ большой, я у него буду хозяйничать въ домѣ, и мы всегда будемъ вмѣстѣ жить. Я про все ему стану говорить, чего онъ не знаетъ. А Томъ все-таки умный, мнѣ кажется, хоть и не любитъ книгъ: онъ такъ славно умѣетъ дѣлать хлысты и загородки для кроликовъ.»

Мегги никакъ не ожидала, договорившись до кроликовъ, какимъ горестнымъ извѣстіемъ поразитъ ее Лука. Кролики, которыхъ купилъ Томъ въ послѣдній пріѣздъ домой на всѣ свои деньги, умерли. Ихъ забывали кормить, и они всѣ умерли. Томъ, уѣзжая, просилъ Мегги, чтобы она позаботилась о нихъ; но и у нея они совсѣмъ вышли изъ головы вонъ. Дѣвочка залилась горькими слезами. Какъ ей быть? Что сказать брату? Мельникъ старался, сколько могъ, утѣшить маленькую миссъ, и чтобы доставить ей нѣкоторое развлеченіе, пригласилъ ее къ себѣ, посидѣть и поговорить съ нимъ и съ его женой.

Къ тому времени, какъ пріѣхать Тому, мистриссъ Тулливеръ совсѣмъ примирилась съ Мегги за ея давишнее непослушаніе, и при первомъ стукѣ колесъ по дорогѣ, вышла встрѣчать сына рука объ руку съ Мегги.

Наружность Тома представляла совершенную противуположность наружности его маленькой сестры. У него были голубовато-сѣрые глаза, бѣлыя и румяныя щеки, свѣтлые каштановые волосы, полныя губы и неопредѣленные носъ и брови. Авторъ замѣчаетъ, что такого вида мальчиковъ встрѣтишь въ каждомъ углу Англіи, и они въ тринадцать, въ четырнадцать лѣтъ такъ же похожи другъ на друга, какъ молодые гусенята. Въ физіономіи Тома нечего было подмѣтить особеннаго; характеръ ея былъ общій характеръ отрочества. Напротивъ, лицу Мегги природа придала и эти черты, и этотъ колоритъ какъ бы съ особою, самою опредѣленною цѣлью.

«Но глубокая хитрость таится въ природѣ подъ видимою открытостью. Простые люди думаютъ, что видятъ ее насквозь, а она между тѣмъ готовитъ втайнѣ опроверженіе ихъ увѣреннымъ пророчествамъ. Подъ этими казенными отроческими физіономіями, создаваемыми ею какъ будто оптомъ, она скрываетъ часто самыя строгія, самыя непреклонныя свои намѣренія, самые неизмѣнные характеры; и черноглазая, смѣлая, непокорная дѣвочка рано или поздно покажется пассивнымъ существомъ сравнительно съ этимъ бѣлымъ и румянымъ отрокомъ съ неопредѣленными чертами лица.»

Радъ ли былъ Томъ свиданію съ сестрой, объ этомъ авторъ не говоритъ положительно. Онъ упомянулъ только мимоходомъ, что въ ту минуту, какъ Мегги обнимала Тома съ такою горячностью,

какъ будто хотѣла задушить его, свѣтлые глаза его были обращены на рѣку съ надеждой на хорошее уженье. Изъ этого можно заключить, что радость его свиданію съ Мегги не равнялась и на половину ея радости, подъ вліяніемъ которой она уже ничего не помнила, даже и околѣвшихъ по ея небреженію кроликовъ.

Но, отдохнувши и отогрѣвшись немного послѣ дороги, Томъ представилъ доказательство своей любви къ сестрѣ. Онъ не забылъ объ ней и привезъ ей удочку, съ тѣмъ чтобы удить вмѣстѣ. Очень вѣроятно, что не будь онъ самъ охотникъ до уженья, не покупай онъ удочки для самого себя, Мегги осталась бы и безъ подарка; онъ и не вспомнилъ бы объ ней. Можетъ быть смутно сознавая это, Томъ старался выставить въ особенно яркомъ свѣтѣ свой поступокъ. «Что, каковъ я братъ!» повторяетъ онъ сестрѣ нѣсколько разъ. «Не добрый я братъ? а?»—«Добрый, добрый,» подтверждаетъ Мегги:—«я очень люблю тебя, Томъ.» Но вспомнить о сестрѣ и купить ей подарокъ, это еще не такъ важно: Тому пришлось еще поссориться изъ-за этого съ товарищами, съ которыми онъ не пошелъ въ складчину, желая сберечь деньги на удочку для сестры, — и онъ выставляетъ эту заслугу передъ Мегги съ особенной гордостью.

«— Ахъ, зачѣмъ это дерутся у васъ въ школѣ! И тебѣ досталось, Томъ?

«— Мнѣ досталось? Дудки! отвѣчалъ Томъ.

«Онъ спряталъ въ карманъ крючки для удочекъ, вынулъ большой карманный ножикъ, открылъ самый широкій клинокъ и сталъ внимательно разсматривать его, слегка прикасаясь къ лезвію пальцемъ.

«— Я подбилъ глазъ Спаунсеру, прибавилъ онъ, помолчавъ:—вотъ ему за то, что вздумалъ отдуть меня! Меня не заставишь этимъ идти въ складчину.

«— Какой ты храбрый, Томъ! Я думаю, ты какъ Самсонъ. Если бъ на меня напалъ левъ и зарычалъ, я думаю, ты убилъ бы его... вѣдь убилъ бы, Томъ?

«— Ну откуда здѣсь нападетъ и зарычитъ левъ, глупая? Какіе здѣсь львы? Только въ звѣринцахъ.

«— Нѣтъ, если бы мы были въ львиной сторонѣ—въ Африкѣ вотъ, гдѣ такъ очень жарко... львы ѣдятъ тамъ людей. Я тебѣ покажу—это у меня въ книгѣ есть.

«— Ну, я бы взялъ ружье, и застрѣлилъ его.

«— А если бъ у тебя не было ружья?... Шли бы мы вмѣстѣ и не думали ничего — вотъ все равно, какъ мы удить пойдемъ, и вдругъ левъ огромный бѣжитъ прямо на насъ и рычитъ; а намъ некуда отъ него уйти. Что бы ты сдѣлалъ тутъ, Томъ?

«Томъ помолчалъ, потомъ повернулся и проговорилъ съ досадой:

«— Да вѣдь нѣту льва, нейдетъ онъ. О чемъ же ты толкуешь?

«— Я такъ люблю воображать, какъ бы это было, отвѣчала Мегги, слѣдуя за нимъ: — и думать, что бы ты тутъ сдѣлалъ, Томъ.

«— Ахъ, полно надоѣдать, Мегги! Какая ты глупая... Я пойду посмотрѣть своихъ кроликовъ.»

Сердце Мегги сжалось отъ страха, и она пошла за братомъ, не рѣшаясь сказать ему разомъ всю правду, и придумывая, какъ бы смягчить свою вину передъ нимъ. Пройдя нѣсколько шаговъ, Мегги спросила Тома, сколько онъ заплатилъ за кроликовъ. Ей хотѣлось отдать накопленныя деньги Тому, чтобы онъ, вмѣсто околѣвшихъ кроликовъ, купилъ себѣ другихъ; изъ отвѣта Тома оказалось, что денегъ ея очень хватитъ на такую покупку, и она предложила ихъ брату. Томъ съ презрѣніемъ отвергъ ея предложеніе, и опять-таки назвалъ ее глупою. «У меня всегда больше денегъ, чѣмъ у тебя, потому что я—мальчикъ,» отвѣчалъ онъ. «Мнѣ всегда дарятъ на рождество полусоверены и соверены, потому что я буду мужчина, а тебѣ дарятъ только кроны, потому что ты дѣвочка, а не то, что я.» Да и на что покупать еще кроликовъ, когда они ужь есть? Тутъ Мегги пришлось волей-неволей высказать всю правду, и гнѣвъ Тома разразился надъ нею со всею жестокостью школьника, привыкшаго къ дракамъ въ своей «академіи». Онъ, не думая много, обвинилъ въ смерти кроликовъ, вмѣстѣ съ мельничнымъ работникомъ, которому было поручено кормить ихъ, и маленькую Мегги. «Я не люблю тебя, Мегги!» сказалъ онъ: «и ты не пойдешь завтра со мною удить. Ты дрянная дѣвчонка—и мнѣ досадно, зачѣмъ я купилъ тебѣ удочку; я тебя не люблю.» Мегги умоляла Тома, чтобы онъ не былъ такъ жестокъ, и говорила, что простила бы ему, еслибъ онъ такъ, какъ она, забылъ какую-нибудь ея просьбу. Но Томъ былъ неумолимъ.

«— Ради Бога, прости меня, Томъ; у меня сердце надорвется, упрашивала Мегги, вздрагивая отъ рыданій, ухватываясь за руку Тому и прижимаясь мокрой щекой къ его плечу.

«Томъ оттолкнулъ ее, остановился, и проговорилъ рѣшительнымъ тономъ:

«— Ну, слушай ты, Мегги! Развѣ не добрый я братъ былъ для тебя?

«— До-обрый, отвѣчала съ воплемъ Мегги, и подбородокъ ея судорожно то подымался, то опускался.

«— Развѣ не думалъ я объ удочкѣ для тебя все это время, какъ бы ее купить? Развѣ не приберегалъ для этого деньги? И въ складчину не пошелъ, и за это меня Спаунсеръ побилъ.

«— Да—да... и я... я люблю тебя такъ, Томъ.

«— А ты дрянная дѣвочка. Въ послѣдніе праздники ты слизала у меня краску съ коробочки, а въ тѣ праздники, что передъ этими были,

упустила съ лодкой мою удочку, когда я велѣлъ тебѣ посидѣть и посмотрѣть за ней, и бумажный змѣй у меня головой проткнула... Все это по твоему ничего?

«— Да я не нарочно, отвѣчала Мегги: — я и сама не знала.

«— Знала бы, возразилъ Томъ: — если бъ думала о томъ, что дѣлаешь. А ты просто дрянная дѣвчонка... Вотъ и не пойдешь завтра со мною удить.»

Томъ убѣжалъ на мельницу, и бросилъ заплаканную Мегги. Ей оставалось одно убѣжище, чтобы выплакать свое горе—ея любимый чердакъ, и она спряталась тамъ, обрекая себя чуть ли не на голодную смерть.

Можетъ быть Томъ и не вспомнилъ бы объ обиженной имъ сестрѣ, еслибъ ея не хватились за чайнымъ столомъ мистеръ и мистриссъ Тулливеръ. Тома откомандировали искать Мегги, онъ нашелъ ее, и между ними немедленно была возстановлена дружба.

Конечно, на слѣдующее утро они отправились на уженье вмѣстѣ. «Это утро (говоритъ авторъ) было однимъ изъ счастливѣйшихъ въ ихъ жизни.» Все вокругъ нихъ сіяло тою свѣтлою радостью, которою были полны ихъ дѣтскія сердца. И шумная мельница, и большой каштанъ, подъ которымъ они часто играли вмѣстѣ, и маленькая Рипиль, и большая Флосса съ грознымъ приливомъ — все это казалось имъ такою чудной обстановкой ихъ жизни, что ни Томъ, ни Мегги не промѣняли бы ихъ ни на какія иныя, роскошно цвѣтущія мѣста земнаго шара. Имъ казалось, что вѣкъ останутся вокругъ нихъ въ неизмѣнной красотѣ эти родныя картины и вѣкъ будутъ они сами и бѣгать тутъ, и рѣзвиться, и сидѣть подъ кудрявыми вѣтками, глядя на ясную синеву рѣки, на глубокую даль неба.

«Жизнь впослѣдствіи измѣнилась для Тома и Мегги; но они все-таки не ошибались, думая, что мысли и привязанности этихъ первыхъ лѣтъ будутъ всегда составлять часть ихъ жизни. Мы никогда не могли бы такъ любить землю, если бъ у насъ не было на ней дѣтства, — если бъ это не была та самая земля, на которой съ каждою новой весной являются снова тѣ же цвѣты, что мы собирали когда-то маленькими ручонками, сидя на травѣ и нескладно болтая, — тѣже ягоды осенью на живыхъ изгородяхъ, — тѣже красно-зобые реполовы, которыхъ мы называли «Божьими пташками», потому что они не портятъ хлѣбной жатвы. Какая новизна сравнится съ этимъ чуднымъ однообразіемъ, гдѣ намъ все знакомо и гдѣ все *любимо* нами, потому что знакомо?

«Лѣсъ, куда я вхожу въ кроткій майскій день, лѣсъ съ молодою желтовато-бурою листвой дуба между мною и синимъ небомъ, съ бѣлыми

астрами и голубо-глазою вероникой и съ ползучимъ плющемъ у моихъ ногъ... что замѣнитъ мнѣ этотъ лѣсъ? Какія тропическія рощи пальмъ, какіе чудные папоротники или пышныя и большія, какъ живыя чаши, цвѣты, могутъ затронуть во мнѣ такъ, какъ эта родная сцена, самыя глубокія и самыя тонкія фибры моего сердца? Эти знакомые цвѣты, эти хорошо памятныя ноты въ пѣньѣ птицъ, это небо съ его трепетною ясностью, эти вспаханныя и зеленыя поля, каждое съ какимъ-то особеннымъ характеромъ отъ прихотливо-насаженныхъ изгородей — всѣ эти предметы родной языкъ для нашего воображенія, языкъ, сохранившій всѣ тонкія, но неразрывныя узы съ природой, оставленныя позади скоротечными часами нашего дѣтства. Наше теперешнее наслажденіе свѣтомъ солнца на пышномъ коврѣ травы было бы лишь слабымъ ощущеніемъ утомленной души, если бы свѣтъ солнца и зелень травы давно-минувшихъ лѣтъ не жили въ насъ и не превращали ощущеніе наше въ любовь.»

Послѣ этихъ словъ становится очень понятно, почему Джоржъ Эліотъ останавливается такъ долго на дѣтствѣ двухъ лицъ, играющихъ главныя роли въ его романѣ, и съ такою симпатическою внимательностью подсматриваетъ каждый ихъ поступокъ, каждую повидимому незначительную шалость, подмѣчаетъ каждое движеніе ихъ маленькихъ сердецъ. Чуть ли не цѣлая треть романа посвящена первымъ годамъ Тома и Мегги, тѣмъ годамъ, когда оба они были еще im Werden, и только по нѣкоторымъ чертамъ ихъ формирующагося характера можно было угадывать, что выйдетъ изъ нихъ впослѣдствіи. Эліотъ приписываетъ впечатлѣніямъ дѣтства глубокое значеніе для всей нашей жизни; но въ романѣ остается, къ сожалѣнію, нетронутымъ вопросъ, почему этотъ мальчикъ и эта дѣвочка, въ самые первые года свои воспитанные въ совершенно одинаковыхъ условіяхъ, развились такъ розно. Тонкая наблюдательность автора, съ помощью которой онъ умѣетъ проникать въ таинства дѣтскаго міра, можетъ быть могла бы дать намъ хоть какіе-нибудь намеки, если не удовлетворительныя объясненія.

Исторія Тома и Мегги начинается лишь съ той поры, какъ ему исполнилось четырнадцать лѣтъ, а ей пошелъ девятый годъ. Житье въ школѣ вѣроятно положило свою печать и на характеръ и на способности мальчика; но были ль въ немъ тѣ самыя качества, какія мы видимъ въ Мегги, въ ту пору, какъ онъ жилъ еще дома и не зналъ ни школьной дисциплины, ни школьныхъ шалостей? Едва ли. Томъ былъ первый ребенокъ, баловень матери; его бѣлыя и румяныя щеки приводили ее въ восхищеніе, и она, разумѣется, пророчила въ душѣ самую блестящую участь своему красивому бѣлокурому Тому. Рожденіе Мегги не могло уже обрадовать мистриссъ Тул-

ливеръ, какъ обрадовало ее рожденіе сына. Притомъ Мегги родилась такою некрасивой. Мистриссъ Тулливеръ видѣла въ странной наружности своей дочки какъ бы нарушеніе непреложныхъ законовъ своей фамиліи, которая отличалась благообразіемъ и совершеннымъ отсутствіемъ всякихъ, и хорошихъ и дурныхъ странностей. «Этого, говорила мистриссъ Тулливеръ о своенравности Мегги: благодаря Бога, никогда не случалось еще въ нашей фамиліи, точно такъ же, какъ ни у кого изъ нашихъ не бывало такой смуглой кожи. А Мегги черна, словно мулатка какая. — Я не смѣю роптать на Провидѣніе, присовокупляла она: но горько это, что у меня одна только дочь, да и та этакая смѣшная.» Отцу, какъ замѣчено выше, наоборотъ, нравилась оригинальная наружность Мегги, ея яркіе черные глаза и блестящіе и густые черные волосы, встряхивая которыми Мегги была такъ похожа на маленькую шетландскую лошадку. Мы также видѣли уже отчасти мнѣніе мистера Тулливера и объ умѣ и о нравѣ Мегги, мнѣніе, діаметрально противуположное взгляду мистриссъ Тулливеръ, которой «маленькая негритянка» казалась существомъ, вырвавшимся изъ Бедлама. Мистеръ Тулливеръ не разъ становился въ защиту Мегги противъ нападеній какъ ея матери, такъ и всей строгой и чинной родни Бесси.

Такія отношенія Мегги и Тома къ матери не могли остаться безъ вліянія и на взаимныя отношенія брата и сестры. Томъ, подкрѣпляемый авторитетомъ мистриссъ Тулливеръ, смотрѣлъ на Мегги нѣсколько свысока; она тоже казалась ему глупой дѣвочкой, чтò онъ и высказывалъ ей на каждомъ шагу. Все, что выходило изъ тѣснаго кружка его ежедневныхъ интересовъ, считалъ онъ вздоромъ, какъ и мистриссъ Тулливеръ: мечты и разсужденія Мегги, касавшіяся такихъ чуждыхъ ихъ обычной обстановкѣ предметовъ, должны были, разумѣется, возбуждать его смѣхъ или досаду. Мало по малу и Томъ началъ видѣть въ Мегги, какъ мистриссъ Тулливеръ, вырвавшуюся изъ Бедлама дурочку. Что касается Мегги, она сознавала свое превосходство надъ Томомъ въ нравственномъ отношеніи; но проявить его она не могла, не смѣла: чтò значилъ ея голосъ передъ голосомъ старшихъ? А старшіе всѣ были на сторонѣ Тома, всѣ, кромѣ мистера Тулливера, да и то не всегда, а лишь въ минуты увлеченія. Стараясь какъ нибудь примирить сознаніе своего превосходства предъ Томомъ съ мнѣніемъ о немъ матери и ея родственниковъ, Мегги придавала особенную цѣну разнымъ практическимъ способностямъ Тома въ родѣ дѣланья хлыстовъ и загородокъ для кроликовъ. Сердце Мегги было такъ полно любви, что она была бы совсѣмъ несчастна, если бъ не могла ни съ кѣмъ подѣлиться этою любовью. Томъ былъ ей ближе всѣхъ въ домѣ; понятно, что она привязалась къ нему такъ страст-

но. А страстно любить кого нибудь — не значитъ ли это для такихъ непосредственныхъ натуръ, какъ Мегги, видѣть въ любимомъ предметѣ достоинства, которыхъ въ немъ нѣтъ, и даже оправдывать его недостатки? Иногда Мегги чувствовала и припадки ревности. Особенно досадно становилось ей, что она дѣвочка, а не мальчикъ, когда Томъ отправлялся на какія нибудь воинственныя похожденія, напримѣръ хоть на травлю водяныхъ крысъ, съ сосѣднимъ мальчикомъ Бобомъ, порядочнымъ головорѣзомъ; а она должна была, какъ дѣвочка, оставаться дома.

При склонности Тома къ разнымъ героическимъ упражненіямъ трудно было предполагать въ немъ особенную нѣжность сердечную. И точно, Томъ не умѣлъ ни такъ безкорыстно любить, какъ Мегги, ни такъ тонко понимать чужія чувства. Если онъ дѣлалъ какое нибудь удовольствіе сестрѣ, онъ тутъ же старался объяснить великодушіе своего поступка, какъ это было при подаркѣ удочки. Если онъ приносилъ какую нибудь жертву Мегги, онъ немедленно старался дать почувствовать, что это жертва. Такъ, удѣляя ей кусокъ пирога больше своего куска, онъ давалъ ей съѣсть ея долю и потомъ говорилъ, что она не понимаетъ его великодушія и не замѣтила даже, что онъ отдалъ ей кусокъ, который ему пріятнѣе было бы съѣсть самому. Такія выходки глубоко ранили сердце Мегги; Тому же никогда и въ голову не приходило, что онъ былъ не правъ. Обидныя слова сестрѣ были ему ни по чемъ, хотя онъ въ тоже время какъ будто и любилъ ее. Онъ успѣвалъ двадцать разъ забыть, что заставилъ Мегги плакать, въ то время, какъ все существо ея надрывалось отъ горя. Школьная привычка къ грубому обращенію съ товарищами была перенесена Томомъ и на сестру. Онъ никакъ не хотѣлъ или, лучше сказать, не могъ понять, что какому нибудь Спаунсеру не такъ больны его кулаки, какъ Мегги нѣкоторыя просто лишь небрежныя слова его. Къ тому же онъ слышалъ со всѣхъ сторонъ, что главныя добродѣтели мужчины—сила, отвага, что поэтому онъ и господинъ во всемъ, а что нѣжность и тому подобныя миндальности — недостатки, простительные развѣ въ женщинѣ, и то простительные лишь потому, что она никогда не должна имѣть ни своей воли, ни своей собственности, ни какой либо почетной дѣятельности въ жизни. Таковы, болѣе или менѣе, всюду понятія, внушаемыя не только школьнымъ, но и домашнимъ воспитаніемъ. Самъ мистеръ Тулливеръ, придававшій такую цѣну острымъ способностямъ Мегги, даже гордившійся и хваставшійся ими, проявлялъ нерѣдко такой же точно взглядъ на женскую половину человѣчества. «Жаль, говорилъ онъ мистеру Рилею: жаль, что Мегги не мальчикъ; изъ нея вышелъ бы дѣлецъ!» и затѣмъ признавался, что взялъ за себя свою

Бесси потому, что она была недалека, а хозяйство хорошо знала. Не женское дѣло — мѣшаться въ мужскія дѣла; знай сверчокъ свой шестокъ! Хозяйничай да роди хорошихъ дѣтей! Но въ послѣднемъ-то случаѣ мистеръ Тулливеръ и промахнулся: ему казалось, что сыновья мистриссъ Тулливеръ должны бы уродиться въ отца, а дочери въ нее; анъ вышло на выворотъ.

Мегги, при всемъ желаніи покориться общему мнѣнію о ничтожествѣ женскаго пола, тѣмъ не менѣе начинала смутно сознавать въ себѣ силы, недостатокъ которыхъ въ Томѣ представлялся ей большимъ неудобствомъ. Въ разговорѣ своемъ съ мельникомъ Лукой Мегги выразила очень ясно свои намѣренія стать для брата помощницею и совѣтницею въ жизни. Хорошо, разумѣется, умѣть дѣлать хлысты и загородки для кроликовъ; но не мѣшало бы знать и еще кое-что, а именно это-то кое-что и неизвѣстно совсѣмъ Тому. Кому же ближе восполнить этотъ недостатокъ въ жизни брата, какъ не ей, не сестрѣ?

Еслибъ Мегги могла найти полное выраженіе для своей мысли о будущемъ значеніи своемъ для судьбы брата и передала эту мысль Тому, онъ насмѣялся бы надъ нею съ своей обыкновенной грубостью. Мегги — дѣвчонка — можетъ воображать, что годится на что нибудь въ серьёзной практической дѣятельности, свойственной мужчинѣ, то есть ему, Тому! Ну, не смѣшно ли это? Онъ съумѣетъ прожить хорошо и отлично устроить свою жизнь и безъ бабьей помощи. На то онъ мужчина; на то и прилагаются такія заботы объ его «eddication».

Воспитаніе Тома или, лучше сказать, вопросъ о перемѣщеніи его изъ «академіи» къ достопочтенному пастору Стеллингу, долженъ былъ занять видное мѣсто въ совѣщаніяхъ родни, именно сестрицъ мистриссъ Тулливеръ и ихъ супруговъ, собравшихся на праздникахъ подъ гостепріимную кровлю дорлькотскаго фермера, чтобы поѣсть вкусныхъ пирожковъ мистриссъ Тулливеръ, поспорить о разныхъ возвышенныхъ и невозвышенныхъ предметахъ, и пошпынять другъ надъ другомъ и прямо и изподтишка.

Томъ ожидалъ родственнаго собранія очень хладнокровно, хотя это собраніе и должно было заняться его интересами. Напротивъ, Мегги не могла быть спокойна. Ей предстояло не мало мукъ съ одѣваньемъ, съ завиваньемъ, съ передниками, съ чепцами, и проч. Главное — съ завиваньемъ: волосы Мегги, какъ извѣстно, отличались примѣрнымъ непокорствомъ. Мистриссъ Тулливеръ не пропускала удобной минуты, чтобы не шепнуть Мегги: «Поди—какъ тебѣ не стыдно? — пригладь себѣ волосы!»

Тетушки и сестрицы обратили также главное вниманіе на странность ея прически. Самое ангельское терпѣніе могло бы лопнуть; а Мегги имъ не отличалась, когда дѣло шло о ея волосахъ или о ея костюмѣ.

Мы не станемъ приводить описанія родственнаго сейма, собравшагося къ Тулливерамъ. Насъ интересуютъ болѣе всего тѣ мѣста романа, въ которыхъ являются Томъ и Мегги. Собственно ихъ-то исторію и пересказываемъ мы, излагая содержаніе романа. Но несправедливо было бы не сказать теперь, при удобномъ случаѣ, что всѣ эти мистеры и мистриссъ Глеггъ, Динъ, Пуллетъ и проч., которыхъ выводитъ авторъ, являются передъ читателемъ какъ живые. Юморъ, которымъ преисполнены нѣкоторыя сцены «Адама Бида» и «Очерковъ изъ клерикальной жизни», не измѣняетъ Джоржу Эліоту и здѣсь.

Мегги, выведенная изъ себя замѣчаніями о ея волосахъ, рѣшилась на такой поступокъ, на такой неслыханный пассажъ, что весь родственный кагалъ долженъ былъ преисполниться ужасомъ и негодованіемъ. Дѣло было передъ самымъ обѣдомъ. Мистриссъ Тулливеръ опять-таки шепнула Мегги, чтобы она, прежде чѣмъ садиться за столъ, пошла на верхъ и пригладила себѣ щеткой волосы. Мегги повиновалась.

Но пусть разсказываетъ самъ авторъ.

«— Томъ, пойдемъ со мной! прошептала Мегги и дернула брата за рукавъ, проходя мимо его.

«Томъ довольно охотно пошелъ.

«— Пойдемъ со мной на верхъ, Томъ! прошептала она, когда они были ужь за дверями. — Я хочу сдѣлать одну штуку передъ обѣдомъ.

«— Некогда ужь теперь ни во что играть; сейчасъ обѣдъ подадутъ, замѣтилъ Томъ, воображеніе котораго было настроено исключительно на предстоящей ѣдѣ.

«— Нѣтъ еще, не сейчасъ; мы успѣемъ. Пойдемъ, Томъ! Пожалуйста!

«Томъ побѣжалъ за Мегги на верхъ, въ комнату мистриссъ Тулливеръ. Тутъ Мегги мигомъ выдвинула ящикъ у стола и вынула оттуда большія ножницы.

«— Зачѣмъ это, Мегги? спросилъ Томъ, въ которомъ пробудилось любопытство.

«Мегги, вмѣсто отвѣта, ухватила свои кудри, падавшіе ей на самый лобъ, и отстригла ихъ разомъ.

«— Ай-ай-ай! вскричалъ Томъ: — тебѣ за это достанется, Мегги! Перестань! не рѣжь больше!

«Разъ, разъ — не успѣлъ Томъ кончить, какъ большія ножницы сдѣлали свое дѣло еще въ двухъ мѣстахъ. Тому показалось это очень забавно: Мегги стала такая смѣшная.

«— Ну-ка, Томъ, стриги у меня сзади, сказала она, увлекаясь своей смѣлостью и желая поскорѣе окончить свой подвигъ.

«— Ну, ужь достанется же тебѣ! проговорилъ Томъ, укорительно качая головой и какъ будто не рѣшаясь вооружиться ножницами.

«— Ничего, ничего! поскорѣе! крикнула Мегги, слегка топнувъ ногой.

«Щеки у нея пылали.

«Черныя кудри ея были такъ густы! Они были такимъ искусительнымъ предметомъ для мальчика, котораго всегда привлекало запретное наслажденіе стричь гриву у пони. Я обращаюсь въ этомъ случаѣ къ тѣмъ, кто чувствовалъ удовольствіе сдѣлать два-три хода ножницами въ густой и довольно упрямой массѣ волосъ. Ножницы пріятно скрипнули разъ, два, три въ рукахъ Тома, и задніе локоны Мегги тяжело упали на полъ. Мегги была обстрижена неровно, уступами, но у ней было такъ свѣтло и вольно на сердцѣ, какъ будто она выбралась изъ темнаго лѣса въ открытое поле.

«— Ай, Мегги! восклицалъ Томъ, подпрыгивая вокругъ нея и хватаясь съ хохотомъ за свои колѣни: — ай-ай-ай! какая ты смѣшная! Посмотри-ка на себя въ зеркало! Ты точь-въ-точь дурачокъ, что былъ у насъ въ школѣ — въ котораго мы кидали орѣховыми скорлупками.

«Сердце у Мегги вдругъ неожиданно сжалось. Она думала до сихъ поръ только объ одномъ — какъ бы освободиться отъ докучныхъ волосъ своихъ и отъ докучныхъ замѣчаній, вызываемыхъ ими; думала также отчасти о торжествѣ, которое одержитъ надъ матерью и тетками такимъ рѣшительнымъ оборотомъ дѣла. Она вовсе не хотѣла, чтобы волосы у нея были красивы — это вопросъ рѣшеный: красивыми имъ не быть — ей хотѣлось только, чтобы ее считали всѣ умной дѣвочкой и не находили въ ней недостатковъ. Но тутъ, какъ Томъ принялся смѣяться надъ нею и говорить, что она похожа на ихъ школьнаго дурачка, взглядъ Мегги на ея поступокъ совсѣмъ измѣнился. Она посмотрѣла на себя въ зеркало. Томъ продолжалъ хохотать и хлопать руками, и раскраснѣвшіяся щеки Мегги начали блѣднѣть, а губы слегка задрожали.

«— Ахъ, Мегги! сказалъ Томъ: — вѣдь тебѣ надо сейчасъ идти внизъ, за столъ. Ай-ай-ай!

«— Не смѣйся, Томъ! проговорила Мегги раздраженнымъ тономъ, топнувъ и толкнувъ брата.

«Слезы досады градомъ покатились у нея по щекамъ.

«— А зачѣмъ обстриглась, шалунья? сказалъ Томъ. — Я пойду внизъ; что-то обѣдомъ запахло — видно подали.

«Онъ поспѣшно сбѣжалъ внизъ, и оставилъ бѣдную Мегги въ горькомъ сознаніи непоправимости ея поступка, сознаніи, которое чуть не каждый день испытывала ея дѣтская душа. Она ясно понимала теперь, когда дѣло было уже сдѣлано, что поступила глупо, что теперь ей придется больше прежняго слышать и думать о своихъ волосахъ. Мегги обыкновенно слѣдовала въ своихъ поступкахъ страстнымъ порывамъ; за то потомъ видѣла не только ихъ послѣдствія, но и то, что произо-

шло бы, если бъ она не поступила такъ, и живое воображеніе ея рисовало ей всѣ подробности и обстоятельства въ преувеличенномъ видѣ. Томъ никогда не дѣлалъ такихъ глупостей, какъ Мегги; у него было удивительное, инстинктивное пониманіе, что можетъ обратиться ему въ пользу и что повредить; оттого-то мать почти никогда не называла его своенравнымъ мальчикомъ, хотя онъ былъ гораздо упрямѣе и характернѣе Мегги. Но если Томъ дѣлалъ какой нибудь промахъ въ этомъ родѣ, онъ настаивалъ на немъ и защищалъ его: вѣдь «не нарочно же» сдѣлалъ? Случилось ли ему оборвать конецъ у отцовскаго бича, занимаясь хлестаньемъ воротъ, онъ былъ не виноватъ: зачѣмъ бичъ зацѣпился за петлю? Если Томъ Тулливеръ хлесталъ бичемъ въ ворота, онъ былъ убѣжденъ не въ томъ, что такое занятіе есть совершенно законная забава всякого мальчика, а въ томъ, что онъ, Томъ Тулливеръ, поступалъ совершенно законно, что хлесталъ бичемъ именно по этимъ воротамъ; а потому и не думалъ унывать. Но Мегги, стоя передъ зеркаломъ и плача, чувствовала, что ей невозможно сойти внизъ, къ обѣду, и выдерживать строгіе взгляды и строгія рѣчи своихъ тетокъ, между тѣмъ, какъ Томъ, и Люси (*), и Марта, прислуживающая за столомъ, да можетъ быть даже и отецъ, и дяди, будутъ смѣяться надъ нею. Вѣдь если смѣялся Томъ, такъ вѣрно и всякой станетъ смѣяться. А не тронь она своихъ волосъ, она сидѣла бы теперь съ Томомъ и Люси, и ѣла бы и абрикосовый пуддингъ и тортъ! Что ей было дѣлать, какъ не рыдать? Она стояла посреди своихъ черныхъ кудрей въ такомъ же безпомощномъ отчаяніи, какъ Аяксъ посреди перерѣзанныхъ барановъ. Можетъ быть очень тривіальнымъ покажется это горе людямъ, искушеннымъ въ житейскомъ опытѣ, которые горюютъ о расходахъ на праздникахъ, о смерти любимыхъ особъ, о разорванныхъ дружескихъ узахъ, и проч.; но горесть Мегги была не слабѣе — а можетъ быть и гораздо сильнѣе тѣхъ горестей, которыя мы любимъ именовать дѣйствительными горестями зрѣлаго возраста. «Ахъ, дитя мое! тебѣ придется еще испытать и не такое горе — настоящее горе». Къ кому изъ насъ не обращались въ дѣтствѣ съ такимъ утѣшеніемъ? и кто изъ насъ не повторялъ, выросши, этихъ словъ другимъ дѣтямъ? Всѣ мы такъ жалобно рыдали, стоя на крошечныхъ голенькихъ ножонкахъ въ маленькихъ чулочкахъ, если случалось намъ потерять изъ виду мать или няньку въ какомъ нибудь незнакомомъ мѣстѣ; но мы не можемъ уже припомнить всей горечи этой минуты и поплакать надъ нею, какъ мы плачемъ, припоминая горести, испытанныя нами пять или десять лѣтъ тому назадъ. Каждая изъ этихъ горькихъ минутъ оставила по себѣ слѣдъ, и живетъ въ насъ; но слѣды эти, невидимые уже и намъ самимъ, смѣшались съ болѣе постоянными впечатлѣніями нашей молодости и времени нашего мужества. Оттого-то и можемъ мы смотрѣть на тревоги нашихъ дѣтей съ улыбкой и съ недовѣріемъ къ дѣйствительности ихъ скорби. Кто изъ насъ сможетъ повторить опытъ своихъ дѣтскихъ

(*) Маленькая гостья, кузина Тома и Мегги.

лѣтъ не просто воспоминаніемъ о томъ, что онъ дѣлалъ и что съ нимъ случалось, что онъ любилъ и чего не любилъ, когда ходилъ въ рубашечкѣ и коротенькихъ штаникахъ, а душевнымъ сочувствіемъ, живымъ сознаніемъ того, что онъ чувствовалъ въ ту пору, какъ время отъ однихъ лѣтнихъ вакацій до другихъ казалось такимъ нескончаемымъ, что онъ чувствовалъ, когда товарищи не принимали его въ игру, потому что онъ дурно кидалъ мячикъ, несмотря на всю свою добрую волю, или въ дождливый праздничный день, когда онъ не зналъ, чѣмъ развлечься, и отъ праздности впадалъ въ досаду, отъ досады переходилъ къ ожесточенію, отъ ожесточенія къ злости, или когда мать его рѣшительно не хотѣла заказывать ему куртки съ фалдочками, тогда какъ у всѣхъ другихъ мальчиковъ его возраста были фалдочки. Если бъ мы могли вновь пробудить въ себѣ эту прежнюю горечь, и эти темныя догадки, это странное, безъ думы о будущемъ понятіе о жизни, которыя придавали такую напряженность нашей дѣтской печали, мы не стали бы смѣяться надъ горестями нашихъ дѣтей.»

Простая и гуманная правда этихъ мыслей сознается далеко не всѣми даже лучшими воспитателями. Чего же можно было требовать отъ какой нибудь тупоголовой мистриссъ Тулливеръ и ея не менѣе тупоголовыхъ трещетокъ-сестрицъ?

За Мегги пришла на-верхъ сначала горничная Кизи звать ее, отъ имени мистриссъ Тулливеръ, къ обѣду; но Мегги не послушалась и не пошла. Потомъ минутъ черезъ десять явился и Томъ съ такимъ же зовомъ. «Ахъ ты, глупая!» сказалъ онъ, заглядывая въ комнату: «что ты нейдешь за столъ? Сколько тамъ сладкаго! И маменька велѣла тебѣ придти. Ну, объ чемъ ты плачешь, дурочка?»

«Не ужасно ли это? Томъ выказалъ такую грубость и безпечность относительно сестры: если бъ *онъ* плакалъ, сидя на полу, Мегги тоже ударилась бы въ слезы. А внизу обѣдали, и блюда все такія были вкусныя; и ей такъ хотѣлось ѣсть! Это было очень горько.

«Но Томъ былъ вовсе не такъ жестокъ. Правда, онъ не имѣлъ никакого желанія плакать, и горе Мегги вовсе не мѣшало ему съ удовольствіемъ думать о предстоящемъ пирожномъ; но онъ вошелъ въ комнату, наклонился къ Мегги и сказалъ болѣе дружелюбнымъ, утѣшительнымъ тономъ:

«— Пойдемъ же, Мегги! Или принести тебѣ кусокъ пуддинга, когда мнѣ положатъ?... И торту, и всего?

«— Да-а, пролепетала Мегги, начиная находить жизнь нѣсколько болѣе сносною.

«— Ладно, сказалъ Томъ, направляясь къ дверямъ.

«Но въ дверяхъ онъ опять оборотился и проговорилъ:

«— А все бы лучше ты сошла сама — право. Десертъ тамъ стоитъ — орѣхи, знаешь — и наливка.

«Слезы у Мегги унялись, и она призадумалась, когда Томъ ушелъ. Его ласка много утолила ея печаль, и орѣхи съ наливкой начали проявлять свое законное дѣйствіе.

«Она тихо поднялась съ полу посреди своихъ разсыпанныхъ волосъ, и тихо спустилась съ лѣстницы внизъ. Тутъ стала она, прислонившись однимъ плечомъ къ наличнику двери въ столовую, и заглядывала туда, когда она была полуотворена. Она видѣла Тома и Люси и порожній стулъ между ними, а на боковомъ столѣ стояло пирожное.... Нѣтъ, это было свыше ея силъ. Она проскользнула въ дверь и пошла прямо къ незанятому стулу. Но не успѣла она сѣсть, какъ уже раскаялась, что вошла, и была бы рада воротиться.

«Мистриссъ Тулливеръ, увидавши ее, издала слабый визгъ и почувствовала такое смятеніе во всемъ своемъ существѣ, что уронила большую разливательную ложку въ соусъ, что имѣло серьёзныя послѣдствія для скатерти. Кизи не сказала, почему Мегги не хочетъ идти за столъ; ей не хотѣлось смущать хозяйку въ ту минуту, какъ она была занята рѣзаньемъ говядины на блюдѣ, и мистриссъ Тулливеръ приписала отсутствіе Мегги обыкновенному въ дѣвочкѣ припадку досады и упрямства, за которыя она впрочемъ уже достаточно наказала себя сама, пропустивъ половину обѣда.

«Возгласъ мистриссъ Тулливеръ заставилъ всѣхъ обратить вниманіе на Мегги. Щеки и уши дѣвочки вспыхнули, когда дядя Глеггъ, старый, сѣдой джентльменъ добродушнаго вида, сказалъ:

«— Ба! что это за дѣвочка? Я ея не знаю. Не на дорогѣ ли гдѣ нашли вы ее, Кизи?

«— Ахъ, она пошла и сама себѣ волосы обстригла! сказалъ мистеръ Тулливеръ въ полголоса мистеру Дину, и очень весело засмѣялся. — Вотъ плутовка-то!

«— Ну, миссъ, отличились! смѣхъ на васъ взглянуть, замѣтилъ дядя Пуллетъ, и можетъ быть ни одно его замѣчаніе во всю его жизнь не производило такого сильнаго впечатлѣнія.

«— Фи, какъ стыдно! громко заговорила наставительнымъ, строжайшимъ тономъ тетка Глеггъ. — Маленькихъ дѣвчонокъ, которыя смѣютъ себѣ волосы стричь, слѣдуетъ сѣчь побольнѣе да сажать на хлѣбъ и на воду — а не то, что пускать въ столовую и позволять сидѣть съ дядюшками и тетушками.

«— Э! замѣтилъ дядя Глеггъ, желая дать шутливый оборотъ этой строгой рѣчи: — ее надо послать, кажется, въ тюрьму — тамъ бы ей и остальные волосы обрѣзали, и все сравняли.

«— Она теперь еще больше прежняго похожа на цыганку, замѣтила съ сожалѣніемъ тетка Пуллетъ: — это большое несчастіе, сестрица, что она такая у васъ черная, — мальчикъ, тотъ вотъ ничего, красивый. Я думаю, это будетъ ей большимъ препятствіемъ въ жизни, что она такая черная.

«— Она у меня такое упрямое дитя, что, кажется, все сердце мое сокрушитъ, промолвила, со слезами на глазахъ, мистриссъ Тулливеръ.

«Мегги повидимому прислушивалась къ этому хору упрековъ и насмѣшекъ. Она покраснѣла сначала отъ гнѣва, который придалъ ей на минуту силу презрѣть всѣми этими упреками и насмѣшками, и Томъ думалъ, что она все выдержитъ, подкрѣпленная видомъ стоящаго на столѣ пуддинга и торта. Подъ этимъ впечатлѣніемъ онъ прошепталъ ей:

«— Вотъ, Мегги! я говорилъ, что тебѣ за это достанется.

«Онъ обратился къ ней дружелюбно; но Мегги показалось, что Томъ радуется ея позору. Слабая рѣшимость ея въ ту же минуту исчезла, сердце ея опять переполнилось горечью, она соскочила со стула, подбѣжала къ отцу, прижалась лицомъ къ его плечу и разразилась громкими рыданіями.

«— Поди ко мнѣ, поди ко мнѣ, моя чернушка, сказалъ ей отецъ съ нѣжною лаской, и обнялъ ее: — полно! Хорошо сдѣлала, что обстригла себѣ волосы, если они тебѣ досаждали. Не плачь: отецъ на твоей сторонѣ.

«Какъ дорого было Мегги это выраженіе нѣжности! Она никогда не могла забыть ни одной изъ этихъ минутъ, когда отецъ «былъ на ея сторонѣ»; она хранила ихъ въ сердцѣ и думала о нихъ и много лѣтъ спустя, тогда какъ всѣ говорили, что отецъ ея держалъ себя очень дурно относительно своихъ дѣтей.

«— Какъ мужъ твой портитъ это дитя, Бесси! громко, но какъ бы «въ сторону», сказала мистриссъ Глеггъ, обращаясь къ мистриссъ Тулливеръ. — Это сгубитъ ее, если ты не станешь заботиться. *Мой* отецъ никогда не воспитывалъ такъ своихъ дѣтей; иначе, мы совсѣмъ не были бы такимъ семействомъ, какъ теперь.

«Домашнія заботы мистриссъ Тулливеръ достигли, кажется, въ эту минуту того пункта, съ котораго начинается уже нечувствительность. Она не обратила вниманія на замѣчаніе своей сестры, и откинувъ назадъ завязки своего чепца, занялась съ безмолвнымъ самоотверженіемъ раскладкою по тарелкамъ пуддинга.»

Къ несчастію, тревоги этого дня не кончились для мистриссъ Тулливеръ этой исторіею съ Мегги. Когда дѣтямъ позволили удалиться изъ столовой въ садъ, въ бесѣдку, родня заставила почтеннаго мистера Тулливера изложить въ подробности его намѣренія относительно воспитанія Тома. Всѣ сестрицы мистриссъ Тулливеръ и всѣ ихъ мужья были болѣе или менѣе противъ воспитанія у пастора. Это было новостью для семейства Додсоновъ, къ которому принадлежала Бесси, а всѣ члены семейства Додсоновъ привыкли жить въ границахъ, предписанныхъ имъ фамильнымъ преданіемъ, не выходя изъ пробитой ихъ отцами и дѣдами колеи. Мужья бывшихъ миссъ Додсонъ были большею частью тоже поклонниками семейнаго порядка, котораго придерживался достопочтенный домъ Додсоновъ. Мистеръ Тулливеръ ждалъ противорѣчія, хотя и рѣшился стоять на своемъ съ истинно-героической твердостью; но никакъ не ждалъ

онъ необыкновенной сцены, которою должно было кончиться родственное совѣщаніе.

Изъ приведенной нами сцены упрековъ и брани, посыпавшихся на побѣдную голову Мегги, читатель узналъ, что громче всѣхъ въ увѣщательномъ хорѣ дядюшекъ и тетушекъ раздался голосъ мистриссъ Глеггъ. Эта строгая особа была, такъ сказать, опорою и столпомъ нравственнаго достоинства своей фамиліи. Такъ по крайней мѣрѣ думала она сама, и на этомъ мнѣніи основывала свой авторитетъ во всѣхъ дѣлахъ, касавшихся которой либо изъ трехъ своихъ сестеръ, начиная съ нравственныхъ вопросовъ и кончая лентами на ихъ чепцахъ или кушаньями за ихъ столомъ.

При разсужденіи о воспитаніи Тома и о помѣщеніи его въ домѣ мистера Стеллинга, мистриссъ Глеггъ не удержалась отъ двухъ-трехъ крайне рѣзкихъ замѣчаній, которыя очень задѣли мистера Тулливера. Онъ отвѣтилъ на нихъ съ неменьшею рѣзкостью. Мистриссъ Глеггъ не могла, разумѣется, вынести такого неуваженія къ себѣ, и заговорила еще рѣзче и обиднѣе. Мистеръ Тулливеръ вышелъ изъ себя, и наговорилъ ей такихъ вещей, что горделивая гостья не могла ужь болѣе оставаться въ домѣ, гдѣ хозяинъ позволяетъ себѣ такое неделикатное обращеніе. Въ сущности виновата была она сама; но мистриссъ Глеггъ была не такого десятка, чтобъ сомнѣваться въ своей непогрѣшительности, и потому родственный банкетъ мистера Тулливера окончился полнымъ раздоромъ. Мистриссъ Глеггъ вышла изъ-за стола и сказала, что нога ея не будетъ въ этомъ домѣ. Мужъ, разумѣется, послѣдовалъ за нею, опустивъ голову, какъ окаченный помоями глупый индюкъ. На слезы и упреки Бесси мистеръ Тулливеръ отвѣчалъ очень хладнокровно: «Пусть ее убирается отсюда! И чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше!»

Это хладнокровіе должно было однакожь вскорѣ покинуть нашего дорлькотскаго пріятеля. Когда первый пылъ гнѣва прошелъ, мистеръ Тулливеръ нашелъ очень для себя непріятнымъ этотъ разрывъ съ мистриссъ Глеггъ. Еслибъ ихъ соединяли однѣ родственныя узы, дѣло не представляло бы еще большаго неудовольствія для мистера Тулливера; но въ томъ-то и бѣда, что у него были, кромѣ родственныхъ, денежныя отношенія къ строптивой сестрицѣ своей Бесси.

Дѣла мистера Тулливера вообще были въ плохомъ состояніи. Мельница его была заложена, и онъ, кромѣ того, состоялъ должнымъ мистриссъ Глеггъ пятьсотъ фунтовъ стерлинговъ. Пользуясь своею ссорой, она могла потребовать у него эти пятьсотъ фунтовъ; а гдѣ онъ ихъ возьметъ? Тутъ мистеръ Тулливеръ вспомнилъ (и вспомнилъ съ большимъ неудовольствіемъ), что ему должна триста фун-

товъ родная сестра его Гритти, вышедшая за очень бѣднаго человѣка и успѣвшая народить уже восемь человѣкъ дѣтей. Мистеръ Тулливеръ очень любилъ сестру и, сколько могъ, помогалъ ей; ему не хотѣлось сначала спрашивать долгъ у мистера Мосса, ея мужа; но собственныя дѣла его находились въ такомъ положеніи, что онъ рѣшился заглушить въ себѣ на время теплое братское чувство, и поѣхать за деньгами на бѣдную ферму къ Моссамъ.

На другое же утро послѣ праздничнаго родственнаго обѣда привелъ онъ въ исполненіе свое рѣшеніе, и отправился верхомъ къ сестрѣ, жившей не очень-то далеко отъ мельницы.

Бѣдная, увядшая отъ горя и лишеній Гритти, съ груднымъ ребенкомъ на рукахъ, очень обрадовалась пріѣзду брата и встрѣтила его радушнымъ привѣтомъ; но съ перваго же разу замѣтила, что братъ не въ духѣ, и что посѣщеніе его не обѣщаетъ ничего добраго. Онъ назвалъ ее не Гритти, какъ называлъ обыкновенно въ веселыя и дружескія минуты, а мистриссъ Моссъ; кромѣ того, мистеръ Тулливеръ не захотѣлъ, по приглашенію ея, сойти съ лошади и посидѣть съ нею въ комнатѣ. Мистеръ Тулливеръ боялся расчувствоваться, если станетъ долго разговаривать съ сестрой, и сказалъ, что ему нужно видѣться съ мистеромъ Моссомъ по дѣлу, нетерпящему отлагательства. Мистеръ Моссъ былъ на какой-то полевой работѣ, и Гритти послала за нимъ одного изъ своихъ сынишекъ.

Мистриссъ Моссъ между тѣмъ завела рѣчь о Мегги, и замѣтила, что дѣвочка очень похожа на нее и наружностью и нравомъ. «Моссъ говоритъ», сказала она: «что Мегги точь-въ-точь такая, какъ я была; только я не была такая смѣлая и не такъ любила читать.» Гритти представила мистеру Тулливеру и свою старшую дочь Лиззи, находя въ ней большое сходство съ его «чернушкой».

«— Да, она немного похожа на нее, отвѣчалъ мистеръ Тулливеръ, ласково глядя на маленькую фигурку въ запачканномъ передникѣ. — Онѣ обѣ похожи на нашу покойную матушку. У тебя не мало-таки дѣвочекъ, Гритти, прибавилъ онъ отчасти съ сожалѣніемъ, отчасти какъ будто съ упрекомъ.

«— Четверо, Господь ихъ благослови! сказала мистриссъ Моссъ со вздохомъ, приглаживая на обоихъ вискахъ волосы Лиззи: — столько же, сколько мальчиковъ. На каждую у нихъ по брату.

«— Но вѣдь имъ придется разстаться и заботиться каждому о себѣ, замѣтилъ мистеръ Тулливеръ, чувствуя, что суровость его ослабѣваетъ, и стараясь подкрѣпить ее полезнымъ наставленіемъ. — Дѣвочкамъ не слѣдуетъ разсчитывать на всегдашнюю помощь братьевъ.

«— Конечно; но я надѣюсь, братья будутъ любить ихъ, бѣдняжекъ, и помнить, что всѣ они отъ одного отца и отъ одной матери. Отъ это-

го они не станутъ бѣднѣе, сказала мистриссъ Моссъ, и вся мгновенно вспыхнула отъ тревожной робости, какъ только вполовину потушенное пламя.

«Мистеръ Тулливеръ слегка ударилъ свою лошадь въ бокъ ногой, потомъ потянулъ ее тотчасъ же за узду и проговорилъ сердито: «да стой же!» вѣроятно къ немалому удивленію безвиннаго животнаго.

«— И чѣмъ больше ихъ будетъ, тѣмъ больше должны они любить другъ друга, продолжала мистриссъ Моссъ, обращаясь какъ бы съ наставленіемъ къ своимъ дѣтямъ.

«Потомъ она опять стала смотрѣть на брата, и проговорила:

«— Я надѣюсь, что и вашъ мальчикъ будетъ всегда добръ до своей сестры, хоть ихъ и всего двое, какъ я да вы, братецъ.

«Эти слова, какъ стрѣла, пронизали сердце мистера Тулливера. Онъ не обладалъ особенно живымъ воображеніемъ, но мысль о Мегги была очень не далека отъ него, и онъ скоро замѣтилъ сходство между своимъ отношеніемъ къ сестрѣ и отношеніемъ Тома къ Мегги. Что, если маленькая негритянка будетъ въ нуждѣ, и Томъ не пожалѣетъ о ней?

«— Да, да, Гритти, сказалъ мельникъ еще мягче. — По я дѣлалъ все для васъ, что могъ, прибавилъ онъ, какъ бы оправдываясь.

Этотъ щекотливый разговоръ былъ прерванъ приходомъ мистера Мосса, и рѣшимость возвратилась къ мистеру Тулливеру. Онъ слѣзъ съ лошади, пошелъ съ нимъ въ садъ, и тамъ объяснилъ ему положеніе своихъ дѣлъ, требовавшее немедленной или по крайней мѣрѣ скорой уплаты мистеромъ Моссомъ должныхъ имъ трехъ сотъ фунтовъ. Объясненіе сдѣлано было нѣсколько грубовато, не въ обычномъ тонѣ мистера Тулливера. Не могъ проявить особенной нѣжности и мистеръ Моссъ, самъ находившійся въ очень тѣсныхъ обстоятельствахъ, и разговоръ кончился холоднымъ повтореніемъ со стороны мистера Тулливера требованія о возможно-скорой уплатѣ ему долга.

Чтобы не измѣнить своей рѣшимости, мистеръ Тулливеръ не принялъ предложенія сестры остаться съ ними еще немного, наскоро простился, сѣлъ на лошадь, и поѣхалъ со двора.

Онъ чувствовалъ сначала полное довольство своимъ рѣшительнымъ образомъ дѣйствій относительно Мосса; но это довольство не могло долго ужиться съ его добрымъ и любящимъ сердцемъ. На первомъ поворотѣ дороги онъ уже раскаялся въ своей суровости къ бѣдной сестрѣ и ея мужу. Онъ остановилъ лошадь, простоялъ нѣсколько минутъ, потомъ поворотилъ ее назадъ, и тихо поѣхалъ опять ко двору сестры. Мысль его невольно обратилась къ маленькой Мегги, и отъ полноты чувства онъ почти вслухъ проговорилъ: «Бѣдная моя маленькая черпушка! Можетъ быть, какъ я умру, у нея не будетъ никого на свѣтѣ, кромѣ Тома.»

Подъ вліяніемъ этой мысли въѣхалъ мистеръ Тулливеръ во дворъ Гритти. Онъ засталъ ее въ слезахъ, и она встрѣтила его словами, что самого Мосса опять нѣтъ дома, но что за нимъ можно послать.

«— Нѣтъ, Гритти, не надо, ласково отвѣчалъ мистеръ Тулливеръ.— Не тревожьтесь, пожалуйста — я заѣхалъ только это сказать. Я ужь извернусь какъ нибудь и безъ этихъ денегъ; только будьте поблагоразумнѣе и поразсудительнѣе.

«Эта неожиданная нѣжность вызвала новыя слезы изъ глазъ мистриссъ Моссъ, и она не могла ничего вымолвить.

«— Полно! полно!... Я пришлю къ вамъ погостить свою маленькую негритянку. И Тома какъ нибудь привезу, покамѣстъ онъ не отправился въ школу. Не тревожься, Гритти... Я всегда былъ для тебя добрымъ братомъ.

«— Спасибо вамъ за это слово, братецъ! проговорила мистриссъ Моссъ, утирая слезы.

«Потомъ она обратилась къ Лиззи и сказала:

«— Сбѣгай, Лиззи, и принеси крашеное яичко для сестрицы Мегги.

«Лиззи побѣжала въ комнаты, и скоро воротилась съ маленькимъ бумажнымъ сверточкомъ.

«— Оно сварено въ крутую, братецъ, и выкрашено цвѣтнымъ шелкомъ — красиво такъ; мы его для Мегги и выкрасили. Положите его къ себѣ въ карманъ.

«— Хорошо, хорошо, отвѣчалъ мистеръ Тулливеръ, бережно опуская яйцо въ боковой карманъ. — Прощайте!»

И онъ поѣхалъ назадъ уже съ болѣе спокойнымъ сердцемъ, хотя для денежныхъ дѣлъ его визитъ къ сестрѣ оказывался теперь совершенно безплоднымъ. Ему приходило въ голову, что неснисходительность его можетъ, пожалуй, по какой-то роковой преемственности событій, отразиться рано или поздно на отношеніяхъ Тома къ Мегги, когда отецъ не будетъ уже брать ея сторону, то есть когда его не будетъ и на свѣтѣ.

День, въ который мистеръ Тулливеръ отправился къ сестрѣ Гритти, былъ съ начала и до конца днемъ неудачъ и непріятностей для маленькой Мегги. Кузина ея Люси Динъ ночевала на дорлькотской мельницѣ; мистриссъ Тулливеръ оставила ее погостить у себя. Послѣ обѣда она собиралась къ сестрѣ Пуллетъ, и, разумѣется, эта partie de plaisir не могла обойтись безъ Тома, Мегги и ихъ маленькой гостьи. Время до поѣздки казалось дѣтямъ очень длиннымъ, и чтобъ сократить его, они принялись строить карточные домики. Эта игра доставила первую непріятность Мегги. Въ постройкѣ карточныхъ домовъ она была очень неискусна, и возбуждала постоянный смѣхъ со стороны Тома. Старанія ея сравняться въ архитекторскихъ сооб-

раженіяхъ съ Томомъ и кузиною Люси не приводили ни къ чему, и Томъ не разъ повторилъ Мегги, что она «глупа». Мегги не могла преодолѣть своей досады и воскликнула наконецъ: «Перестань смѣяться, Томъ! Я вовсе не глупа. Я знаю гораздо больше, чѣмъ ты». Въ свою очередь и Томъ разсердился на это замѣчаніе о скудости его свѣдѣній, и наотрѣзъ сказалъ Мегги, что не любитъ ея, что любитъ гораздо больше Люси, чѣмъ ее, и желалъ бы, чтобы Люси, а не Мегги, была его сестрой. Чувство ревности, которое Мегги испытывала, когда Томъ предпочиталъ ея обществу общество воинственнаго Боба, овладѣло ею и теперь. Слова Тома заронили въ сердце ея какую-то смутную непріязнь къ Люси. Подъ вліяніемъ досады Мегги поднялась съ полу, чтобы оставить игру, и нечаянно повалила подоломъ своего платья высокую пагоду, выстроенную Томомъ съ великими стараніями. Извиненія и увѣренія, что это сдѣлалось не нарочно, не помогли, и все утро Томъ обходился съ Мегги чрезвычайно холодно, заставляя болѣзненно сжиматься ея сердце.

Поѣздка и прибытіе къ дядѣ и теткѣ Пуллетъ немного развлекли Мегги; но и тутъ ей пришлось не долго ждать горя. Тетка Пуллетъ, крайне чувствительная леди, и мистеръ Пуллетъ, нѣсколько тупоумный господинъ, жили гораздо богаче Тулливеровъ. Домъ у нихъ былъ убранъ съ претензіями на изящество, и особое попеченіе прилагалось къ содержанію его въ идеальной опрятности. Полы были чисты какъ столы, и ступить на нихъ грязными ногами или плюнуть было жестокою обидой для чистоплотныхъ хозяевъ.

Мистеръ Пуллетъ къ тупоумію своему присоединялъ большую любовь къ разнымъ сластямъ, и немедленно по пріѣздѣ гостей угостилъ дѣтей сладкими пирожками. Томъ уплелъ свою долю въ одно мгновеніе; но Мегги заглядѣлась на гравюру, изображавшую Одиссея и Навзикаю (которую дядя Пуллетъ въ простотѣ душевной считалъ сценою изъ священнаго писанія), заглядѣлась и уронила свой пирожокъ на полъ, да еще вдобавокъ неловко повернулась и растоптала его. Тетка Пуллетъ была страшно огорчена, и Мегги не осталась безъ строгаго выговора и наставленія, какъ слѣдуетъ вести себя порядочной дѣвочкѣ.

Чтобы успокоить хоть нѣсколько свои встревоженныя чувства, Мегги попросила Люси сказать мистеру Пуллету, не заведетъ ли онъ свою табакерку съ музыкой. Эта табакерка была самою привлекательною вещью для Мегги въ домѣ дяди Пуллета.

Дядя Пуллетъ, съ отличавшею его готовностью, согласился доставить гостямъ и себѣ артистическое наслажденіе, и пустилъ въ ходъ валикъ и колеса табакерки. Мегги пришла въ неописанный восторгъ отъ музыки; она совсѣмъ забыла о своемъ сегодняшнемъ

горѣ—о ссорѣ своей съ Томомъ. На лицѣ ея отражалось свѣтлое счастье и довольство, и она сидѣла неподвижно, сложивъ руки, и доставляя этимъ большое удовольствіе мистриссъ Тулливеръ, которая думала на этотъ разъ, что Мегги иногда бываетъ очень миленькая, не смотря на смуглую свою кожу. Но долго сидѣть безъ движенія было не въ характерѣ Мегги. Только-что магическая музыка, приковывавшая ее къ стулу, кончилась, дѣвочка соскочила со своего мѣста, кинулась къ Тому и обняла его, восклицая: «Ахъ, Томъ! какая славная музыка!»

Томъ въ это время держалъ въ рукѣ рюмку съ наливкой, гастрономически наслаждаясь ею по капелькѣ. Объятія Мегги были такъ неожиданны, что Томъ не могъ уберечь своей рюмки, и половина наливки расплескалась по полу. Это обстоятельство не могло не раздражить еще болѣе Тома, уже сердитаго на сестру, и не встревожить опрятныхъ хозяевъ.

Чтобы избавиться отъ подобныхъ непріятностей, дѣтей поспѣшили выпроводить изъ комнаты. Мистриссъ Пуллетъ позволила имъ отправиться играть въ саду, какъ водится, не безъ разныхъ предостереженій и ограниченій, какъ-то, напримѣръ, не топтать дерна, не соваться близко къ курятнику, и проч.

Въ отсутствіи дѣтей разговоръ между двумя сестрицами принялъ болѣе ровный и послѣдовательный ходъ. Мистеръ Пуллетъ, по обыкновенію своему, помалчивалъ, сосалъ сладкую лепешечку и лишь изрѣдка вставлялъ въ бесѣду бѣглое и мало нужное замѣчаніе. Мысли мистриссъ Тулливеръ были постоянно почти обращены на непріятную исторію между ея вспыльчивымъ супругомъ и не менѣе вспыльчивою сестрицею Глеггъ. Съ кѣмъ было ей лучше посовѣтоваться, какъ не съ сестрой Пуллетъ, о средствахъ поправить дѣло? Мистриссъ Пуллетъ была всегда самою близкою, самою дружелюбною сестрой мистриссъ Тулливеръ; самые вкусы ихъ были одинаковы: и та, и другая любили пестренькія платья, тогда какъ суровая сестрица Глеггъ предпочитала все полосатое. Онѣ должны были согласно взглянуть на фамильную ссору и на способы положить ей конецъ. Притомъ, мистриссъ Пуллетъ, какъ особа «съ независимымъ состояніемъ», могла лучше всякой другой, не столь богатой родственницы, дѣйствовать убѣжденіемъ на строптивый духъ г-жи Глеггъ.

Нечего было и ждать, чтобы мистеръ Тулливеръ рѣшился просить извиненія у сварливой родственницы; по словамъ Бесси, онъ не унизился бы до этого и въ такомъ случаѣ, еслибъ она, Бесси, его жена и мать его дѣтей, пошла за нѣсколько миль на голыхъ ко-

лѣняхъ по крупному щебню просить его объ этомъ. Отъ мистриссъ Глеггъ такого униженія можно было требовать еще менѣе.

Поэтому мистриссъ Тулливеръ просила объ одномъ свою сантиментальную сестрицу: съѣздить къ мистриссъ Глеггъ и убѣдить ее— не требовать пока должныхъ ей пятисотъ фунтовъ и вообще взглянуть на дѣло нѣсколько кротче; а тамъ все мало по малу устроится: обѣ партіи понемногу забудутъ свои обиды, и сойтись снова съ чувствами болѣе родственными будетъ легче. Бесси и въ мысль не приходило, чтобы мужъ ея могъ и хотѣлъ употреблять всѣ старанія объ уплатѣ своего долга. Мистеръ Пуллетъ одобрилъ этотъ планъ, и рѣшился на другой же день поѣхать съ женой увѣщевать мистриссъ Глеггъ. Несмотря на свою страсть къ сладкому и къ табакеркамъ съ музыкой, Пуллетъ былъ человѣкъ практическій, и въ голову его входило опасеніе, какъ бы Тулливеры не вздумали предъявлять какихъ нибудь притязаній на его карманъ для поправки своихъ сильно разстроенныхъ обстоятельствъ.

Въ такого рода совѣщаніяхъ прошло время до чайной поры. Мистриссъ Пуллетъ повязала уже, въ видѣ передника, салфетку снѣжной бѣлизны, чтобы разливать гостямъ чай, и ждала только служанки съ подносомъ и приборомъ. Но дверь отворилась и, вмѣсто чайныхъ чашекъ и чайниковъ, глазамъ мистера и мистриссъ Пуллетъ и ихъ гостьи предстала маленькая Люси въ такомъ видѣ, что невольный крикъ ужаса вырвался изъ всѣхъ устъ, а лепешечка, таявшая на языкѣ мистера Пуллета, мигомъ проскочила ему въ горло — въ пятый разъ въ жизни, какъ онъ говорилъ потомъ.

Люси была вся вымочена, вся въ грязи, съ головы до ногъ, и виною этого оказывалась опять-таки дикарка Мегги.

Вотъ какъ было дѣло.

Досада и горе, какъ извѣстно, копились съ самаго утра въ кипучемъ сердцѣ Мегги. Неудачи съ пирожками и съ наливкой, вызвавшія наставленія старшихъ и рѣзкія, недружелюбныя замѣчанія Тома, еще болѣе раздражили дѣвочку. А Томъ, какъ нарочно, каждымъ поступкомъ, каждымъ словомъ своимъ подливалъ все больше горечи въ сердце сестры. Такъ, отправляясь на лужайку, гдѣ было много лягушекъ, Томъ постоянно относился въ разговорѣ къ кузинѣ Люси, а на сестру не обращалъ ни малѣйшаго вниманія, какъ будто ея совсѣмъ тутъ не было. Люси, конечно, была очень рада вниманію двоюроднаго братца; но зато Мегги становилась все болѣе и болѣе похожа на маленькую Медузу. Люси очень хотѣлось, чтобы Мегги не отчуждалась отъ компаніи и приняла участіе въ наблюденіяхъ надъ жирной лягушкой, которую Томъ щекотилъ кускомъ веревки. Мегги, по мнѣнію кузины, могла бы вѣрно назвать эту лягушку по

имени и разсказать всю прошедшую исторію ея. Люси всегда съ восторгомъ и полною вѣрой слушала исторіи Мегги о разныхъ предметахъ, случайно привлекавшихъ на себя ихъ вниманіе, — исторіи, часто очень невѣроятныя и возбуждавшія насмѣшки Тома. Но Мегги не отвѣчала кузинѣ ни слова, и все больше хмурилась. Предпочтеніе, которое Томъ оказывалъ Люси, продолжало возбуждать злобу къ ней Мегги. Обыкновенно маленькая кузина не пользовалась ни вниманіемъ, ни особенною любезностью Тома, и Мегги считала почти невозможностью поссориться съ нею. Теперь ей этого хотѣлось больше всего: она была бы рада заставить Люси плакать; она готова бы была щипать и бить ее.

Чистый садъ съ гладкими дорожками, въ которомъ не позволялось бѣгать по травѣ, скоро надоѣлъ Тому, и онъ сталъ увлекать Люси за предѣлы его, къ пруду. Въ прудѣ необходимо было посмотрѣть на жившую тамъ щуку.

«— Ахъ, Томъ! какъ это можно? воскликнула Люси. — Вѣдь тетенька говорила, чтобы мы не уходили изъ саду.

«— Ничего. Я выйду съ того краю, отвѣчалъ Томъ. — Никто насъ не увидитъ. Да хоть бы и увидали — не бѣда: я убѣгу домой.

«— А я вѣдь не могу убѣжать, сказала Люси, до тѣхъ поръ никогда не бывавшая въ такомъ искусительномъ положеніи.

«— Ничего! на тебя не станутъ сердиться, замѣтилъ Томъ, — Скажи, что я тебя увелъ.

«Томъ пошелъ изъ саду; Люси торопливо зашагала рядомъ съ нимъ, робко радуясь рѣдкому случаю выйти изъ повиновенія старшимъ. Ее не мало занимала также и знаменитость, обитавшая въ прудѣ — щука, о которой она имѣла самое сбивчивое понятіе, и не знала даже навѣрное, что это такое — рыба или птица. Мегги смотрѣла вслѣдъ имъ, когда они выходили изъ саду, и не могла удержаться, чтобы не пойти за ними. Досада и зависть такъ же, какъ и любовь, не любятъ выпускать изъ виду своего предмета, и Мегги не могла примириться съ мыслью, что Томъ и Люси могутъ дѣлать или видѣть что нибудь такое, чего она не знаетъ. Пустивъ ихъ на нѣсколько сажень впередъ, она послѣдовала за ними. Томъ не замѣтилъ ея: онъ былъ весь поглощенъ стараніемъ открыть въ прудѣ прибѣжище щуки — этого въ высшей степени интереснаго произведенія природы; по разсказамъ, щука была очень стара, очень велика, и обладала очень замѣчательнымъ апетитомъ. Щука, какъ и всякая другая знаменитость, не показывалась, пока ее подстерегали; но Томъ замѣтилъ чьи-то быстрыя движенія въ другомъ мѣстѣ пруда и кинулся туда, на самый край берега.

«— Люси! Люси! проговорилъ онъ громкимъ шопотомъ: — здѣсь! Иди сюда! Да осторожнѣе! по травѣ иди! Не наступи вонъ тутъ, гдѣ коровы были, прибавилъ онъ, указывая на полуостровъ сухой травы, окруженный съ трехъ сторонъ грязью и навозомъ.

«Въ презрительномъ мнѣніи своемъ о женскомъ полѣ Томъ считалъ необходимою принадлежностью дѣвочки неспособность ходить по грязнымъ мѣстамъ.

«Люси подошла осторожно, слѣдуя предостереженію Тома, и наклонилась къ водѣ, гдѣ передъ нею быстро мелькнуло что-то похожее на золотую стрѣлу. Томъ объяснилъ ей, что это водяная змѣя, и Люси могла подъ конецъ разглядѣть въ водѣ ея быстрые извивы, удивляясь, какъ это можетъ змѣя плавать. Мегги подходила все ближе и ближе. Ей тоже *надо* было посмотрѣть на змѣйку, какъ ни горько ей было, что Томъ и не думаетъ сказать ей, чтобы она посмотрѣла. Наконецъ она была уже около самой Люси. Томъ и прежде замѣтилъ ея приближеніе, но не говорилъ ни слова; тутъ однакожь оборотился къ ней и сказалъ:

«— Пошла прочь, Мегги! Для тебя нѣтъ тутъ мѣста на травѣ. Никто тебя сюда не звалъ.»

Ожесточеніе Мегги достигло отъ этихъ словъ до трагическаго паѳоса. Она уже не могла удерживаться, и маленькая, смуглая рука ея быстро и неожиданно свалила въ самую грязь бѣленькую и хорошенькую Люси.

Томъ далъ два хорошихъ шлепка Мегги и бросился поднимать кузину, съ безпомощнымъ воплемъ лежавшую въ грязи и навозѣ. Мегги отбѣжала неподалеку къ дереву, и смотрѣла на эту сцену безъ всякихъ признаковъ раскаянія.

«Обыкновенно раскаяніе быстро слѣдовало у нея за страстными порывами и поступками; но на этотъ разъ Томъ и Люси сдѣлали ее слишкомъ несчастною, и она была рада разрушить ихъ довольство, рада всѣмъ сдѣлать непріятное. И что ей было сокрушаться? Вѣдь Томъ все-таки не скоро проститъ ей, какъ она ни сокрушайся.

«— Погодите, миссъ Мегъ, вотъ уже достанется вамъ! Я все скажу маменькѣ, произнесъ Томъ громко и торжественно, когда Люси встала и могла идти домой.

«Обыкновенно Томъ не любилъ жаловаться, но на этотъ разъ справедливость требовала хорошенько наказать Мегги. Не думайте впрочемъ, что Томъ умѣлъ уже облекать свои намѣренія въ отвлеченную форму: онъ никогда не произносилъ слова *справедливость*, и никакъ не думалъ, что его желаніе наказать Мегги можетъ быть названо такимъ утонченнымъ именемъ.»

Люси была слишкомъ убита неожиданнымъ несчастьемъ, постигшимъ ее и ея новенькое платье, и не могла, разумѣется, просить Тома «не сказывать». Заливаясь горькими слезами, пошла она съ нимъ домой; а Мегги сѣла подъ деревомъ и смотрѣла вслѣдъ имъ.

Послѣ перваго взрыва изумленія и негодованія, мистриссъ Тулливеръ сдѣлала нагоняй Тому и послала его сыскать и привести

къ ней сестру. Томъ пошелъ къ пруду; но Мегги тамъ уже не было.

Мистриссъ Тулливеръ совсѣмъ переполошилась. Сначала она думала, что Мегги утопилась; потомъ — что она убѣжала домой, на мельницу. Вся въ тревогѣ, попросила она сестру велѣть запречь имъ поскорѣе лошадей, мигомъ собралась, и всю дорогу глядѣла по сторонамъ, не попадется ли гдѣ нибудь Мегги. Но Мегги нигдѣ не было. «Что, какъ она пропала?» думала бѣдная мистриссъ Тулливеръ: «что скажу я тогда мистеру Тулливеру?» Послѣдній вопросъ занималъ ее, кажется, болѣе всего.

Но едва ли пришло бы кому нибудь въ голову, что̀ задумала сдѣлать съ собою бѣдная Мегги, вынесшая въ эти дни столько тяжкихъ оскорбленій. Мысль утопиться ни разу не являлась ей. Свѣжая сила ребенка слишкомъ цѣнитъ даръ жизни, и надо много внутренняго истощенія, чтобы думать о самоубійствѣ. Еще менѣе думала Мегги о возвратѣ домой. Тамъ ждали ея тѣ же непріятности, отъ которыхъ ей такъ хотѣлось убѣжать куда нибудь подальше — если бы можно было, такъ хоть на край свѣта. Томъ, къ которому она чувствовала такую ревнивую любовь, слишкомъ безжалостно тиранилъ ея впечатлительное сердце, и Мегги не жалѣла о томъ, что можетъ быть не увидитъ его больше — по крайней мѣрѣ не жалѣла въ минуту своего страстнаго отчаянія и рѣшенія уйдти далеко отъ роднаго дома, отъ мельницы, и тѣмъ покончить свои несчастія. Къ матери она была всегда довольно равнодушна. Если ей было кого жаль, такъ это отца, когда она строила свой фантастическій планъ.

Въ чемъ же состоялъ этотъ планъ? Мегги постоянно твердили, что она похожа на цыганку, и ей пришло въ голову, что лучше всего жить въ обществѣ людей, на которыхъ она похожа, и гдѣ никто не будетъ находить ея странною. Она много наслышалась о цыганскихъ таборахъ въ окрестностяхъ, и рѣшила бѣжать туда и просить, чтобы цыгане приняли ее въ свою дикую общину, какъ отверженнаго члена цивилизованнаго общества.

Долго то бѣжала, то шла Мегги по разнымъ незнакомымъ полямъ и дорогамъ, и наконецъ попала-таки къ цыганамъ. Она объявила имъ, какъ Алеко, что хочетъ жить съ ними; но грязь и дикость скоро смутили ее. Она была голодна; но ей предложили такую грязную пищу, что она рѣшилась лучше голодать. Все вниманіе окружавшихъ ее цыганокъ было обращено на ея карманы; и самая цѣнная вещь, бывшая въ нихъ, именно наперстокъ, немедленно исчезла. Мегги воображалось, что она можетъ быть просвѣтительницею этихъ дикарей; но предложеніе ея разсказать обо всемъ, что она вычитала изъ своихъ книгъ, было встрѣчено съ полнѣйшимъ

равнодушіемъ. Ей очень хотѣлось выпить чаю и съѣсть бутербродъ послѣ долгой бѣготни по горамъ и по доламъ; но оказалось, что такихъ прихотей у цыганъ не водится.

Мегги скоро почувствовала, что

.... не всегда мила свобода
Тому, кто къ нѣгѣ пріученъ,

и была очень рада, когда одинъ изъ цыганъ, въ надеждѣ на полкроны награды, вызвался проводить дѣвочку домой, на мельницу. Онъ сѣлъ на осла, посадилъ ее передъ собой на сѣдло, и повезъ. Сердце Мегги дрожало и замирало. Она все не вѣрила, что ее везутъ именно домой; но скоро знакомыя мѣста, знакомая сентъ-оггская дорога успокоили ее.

Мистеръ Тулливеръ, ничего не подозрѣвая, тихо ѣхалъ верхомъ домой отъ сестры и встрѣтился неподалеку отъ мельницы со своей бѣглянкой. Онъ немало изумился такой неожиданной встрѣчѣ, вручилъ цыгану пять шиллинговъ, пересадилъ дѣвочку къ себѣ на лошадь и дорогой распросилъ ее о причинахъ побѣга.

Мегги, разумѣется, прямо отвѣчала, что рѣшилась бѣжать потому, что была очень несчастна. Отецъ успокоилъ ее, и дома, по внушенію его, никто ни полусловомъ не напоминалъ потомъ Мегги объ этомъ странномъ ея похожденіи.

Ходатайство мистриссъ Пуллетъ, отправившейся къ своей сестрѣ Глеггъ мирить ее съ мистеромъ Тулливеромъ, было излишне. Мистриссъ Глеггъ, при всей строптивости своей, никогда не забывала о достоинствѣ фамиліи Додсонъ, въ которой она была старшимъ членомъ. А всякія ссоры и семейныя распри, конечно, не способствовали возвышенію этого достоинства. Разумѣется, мистриссъ Глеггъ не могла тотчасъ сойтись съ Тулливеромъ, безъ всякой уступки съ его стороны; но предполагать, что она, вслѣдствіе размолвки, потребуетъ немедленно возврата должныхъ ей пятисотъ фунтовъ, могъ только человѣкъ мало знакомый съ нравственною строгостью и справедливой фамильной гордостью мистриссъ Глеггъ. Такимъ непроницательнымъ человѣкомъ оказался, однакожь, мистеръ Тулливеръ. Его трусливая супруга не рѣшилась сказать ему о миролюбивомъ настроеніи своей старшей сестрицы и онъ написалъ ей успокоительное письмо насчетъ должныхъ пятисотъ фунтовъ, которые обѣщалъ уплатить въ ближайшемъ мѣсяцѣ. Для такой уплаты приходилось обращаться за ссудой къ постороннимъ людямъ, и переносить долгъ изъ родственныхъ снисходительныхъ рукъ въ чужія и ужь, конечно, не въ такой мѣрѣ снисходительныя.

Мистриссъ Глеггъ приняла вызовъ Тулливера съ обычнымъ своимъ достоинствомъ; но, оставаясь холодною къ самому Тулливеру, она продолжала смотрѣть съ родственнымъ покровительствомъ на сестру Бесси. Посѣтивъ мельницу, мистриссъ Глеггъ проявила свое достоинство главнымъ образомъ въ томъ, что не выходила все время изъ экипажа, разговаривая съ сестрой.

Этотъ церемонный визитъ происходилъ какъ-разъ наканунѣ отправленія Тома въ новую школу, и онъ сказалъ Мегги: «Ну! опять тетка Глеггъ начала къ намъ ѣздить! Я очень радъ, что уѣду».

II.

Ученье вдали отъ дома, у пастора Стеллинга, было тяжелымъ искусомъ для Тома Тулливера, особенно вначалѣ. Латынь и геометрія, служившія краеугольнымъ камнемъ преподаванія достопочтеннаго мистера Стеллинга, казались Тому странною и излишнею пыткой, и мозгъ его, по меткому сравненію учителя, уподоблялся каменистой почвѣ, которая не поддается плугу науки. Мистеръ Стеллингъ былъ еще вовсе не старый человѣкъ, но рутина въѣлась уже въ него очень глубоко, и онъ такъ же вѣрилъ въ непогрѣшительность своей методы воспитанія, какъ въ то, что земля обращается вкругъ солнца.

Независимо отъ скучныхъ и сухихъ предметовъ ученія, которые никакъ не укладывались въ мозгу Тома, житье у мистера Стеллинга было ему тяжело уже и потому, что онъ былъ тутъ единственнымъ ученикомъ. Не безъ большаго горя вспоминалъ онъ о своей прежней «академіи», гдѣ у него было не мало товарищей, и всегда находился случай поиграть или примѣнить въ рукопашной дракѣ свои воинственныя наклонности.

Что касается обхожденія мистера Стеллинга, человѣка въ сущности добраго, но ограниченнаго тѣснымъ и педантскимъ кругомъ классическаго образованія, Томъ не имѣлъ повода жаловаться; тѣмъ не менѣе однакожь онъ какъ-то невольно сторонился отъ своего учителя, смутно чувствуя, что между ними мало общаго. Мистеръ Стеллингъ, конечно, сразу понялъ, что ученикъ его тупъ; но снисходительный и добрый нравъ его не допускалъ несправедливо строгихъ мѣръ и взысканій, и ученикъ съ учителемъ жили наружно въ добромъ согласіи. Жена мистера Стеллинга была не особенно симпатичная дама; но къ Тому она не имѣла никакихъ близкихъ отношеній.

И безъ того слабая голова Тома часто совсѣмъ мутилась и терялась отъ разныхъ теоремъ и аксіомъ, отъ разныхъ спряженій и склоненій, и онъ никакъ не могъ взять въ толкъ, на чтó нужно ему знать и эти странныя фигуры съ литерами a, b, c, d, и проч., и этотъ языкъ, на которомъ, сколько ему извѣстно, никто теперь не говоритъ; говорилъ ли кто прежде — этого онъ не зналъ, да никогда и не интересовался знать. Мистеръ Стеллингъ и не думалъ постараться какъ нибудь облегчить уроки своей премудрости, сообразуясь съ слабою головой ученика. Вѣдь Томъ былъ мальчикъ; какъ же можно было мистеру Стеллингу отступить отъ методы, принятой для обученія дѣтей «мужескаго пола», и взяться для Тома за снисходительную методу, годную развѣ для дѣвочекъ?

Тѣмъ не менѣе, пребываніе подъ кровлей мистера Стеллинга и подъ гнетомъ латинскихъ супиновъ и герундіевъ сгладило въ характерѣ Тома нѣкоторыя черты, пріобрѣтенныя имъ въ «академіи» и способныя развиться до вредныхъ размѣровъ при другой, не столь скромной обстановкѣ, и въ другомъ, болѣе многолюдномъ обществѣ. «Странно сказать», говоритъ авторъ: «а Томъ подъ строгою дисциплиной мистера Стеллинга сталъ болѣе похожъ на дѣвочку, чѣмъ былъ когда либо». Онъ чувствовалъ, что долженъ казаться совершеннымъ глупцомъ своему учителю, что измѣнить такое мнѣніе о себѣ можно только пріобрѣтя познанія, которыми снабжалъ его въ такой дикой и непривлекательной формѣ ученый мистеръ Стеллингъ. И самонадѣянность буйнаго школьника смѣнялась чувствительностью, свойственной, по прежнему мнѣнію Тома, развѣ глупой дѣвочкѣ. Но какъ пріобрѣсть эти познанія, когда голова отказывается служить? Томъ приходилъ подчасъ въ такое отчаяніе отъ математики и латинскаго языка, что сталъ наконецъ къ вечерней молитвѣ своей объ отцѣ, матери и сестрѣ прибавлять: «дай мнѣ, Господи, всегда помнить по-латыни, и чтобы мистеръ Стеллингъ не задавалъ мнѣ геометріи». Въ минуты, свободныя отъ долбежки ненавистныхъ уроковъ, Томъ няньчился, какъ съ куклой, съ маленькой Лорой, едва умѣвшей ходить—дочкой или, лучше сказать, «херувимчикомъ» мистера и мистриссъ Стеллингъ.

Часто съ тоскою думалъ Томъ о счастьѣ быть дома, на мельницѣ, на берегахъ Флоссы, съ сестрою Мегги. Особенно дорого далъ бы онъ, чтобы повидаться съ Мегги, хотя при свиданіи обыкновенно смотрѣлъ на нее нѣсколько свысока.

Не прошло еще первое полугодіе, какъ Мегги пріѣхала съ отцомъ, и Стеллинги оставили ее погостить у себя на двѣ недѣли.

Томъ попытывался-было просить отца, нельзя ли избавить его отъ геометріи. «Въ ней только и есть», говорилъ Томъ: «что раз-

ныя дефиниціи, да аксіомы, да треугольники. Я теперь учу ее — въ ней никакого смысла нѣтъ».

«— Полно, полно! замѣтилъ на это съ упрекомъ мистеръ Тулливеръ:— ты не долженъ такъ говорить. Тебѣ слѣдуетъ учить то, что велитъ учитель. Онъ ужь знаетъ, что тебѣ нужно учить.

«— Я теперь помогу тебѣ, Томъ, сказала Мегги тономъ легкаго покровительства и утѣшенія. — Я здѣсь долго останусь, если меня попроситъ мистриссъ Стеллингъ. Я привезла свой сундучокъ и свои передники... Не правда ли, папа?»

«— Ты мнѣ поможешь, глупенькая! надменно воскликнулъ Томъ, въ восторгѣ отъ мысли, какъ онъ смутитъ Мегги, показавъ ей страничку изъ своей геометріи. — Хотѣлъ бы я посмотрѣть, какъ ты сдѣлаешь хоть *одинъ* мой урокъ! Я вѣдь и по-латыни учусь! Дѣвочки этакимъ вещамъ никогда не учатся. Онѣ слишкомъ для этого глупы.

«— Я очень хорошо знаю, что такое латынь, съ увѣренностію отвѣчала Мегги. — Латынь — это языкъ. Въ лексиконѣ есть латинскія слова. Тамъ есть *bonus*, подарокъ.»

Въ объясненіе знакомства Мегги съ лексикономъ слѣдуетъ сказать, что онъ ей попался въ числѣ тѣхъ немногихъ книгъ, которыя были у мистера Тулливера, и она даже съ нѣкоторымъ любопытствомъ просматривала въ немъ цѣлыя страницы часто новыхъ для нея словъ и выраженій.

«— А вотъ и не такъ, миссъ Мегги! возразилъ Томъ, втайнѣ изумленный познаніями маленькой сестры. — Ужь ты думаешь, и не знаю какая умница! Анъ *bonus* значитъ «добрый», и бываетъ такъ: *bonus, bona, bonum*...

«— Что жь за бѣда? можетъ все-таки и «подарокъ» значить, твердо отвѣчала Мегги. — Можетъ быть оно и много разныхъ вещей значитъ— и почти всѣ слова такъ. Вотъ хоть по-англійски *lawn* — это значитъ и лужайку, и матерію, изъ которой дѣлаютъ носовые платки.

«— Молодецъ Мегги! воскликнулъ съ улыбкой мистеръ Тулливеръ.

«Тому была, напротивъ, не совсѣмъ пріятна ученость Мегги, какъ ни радъ онъ былъ, что сестра останется гостить у Стеллинговъ. Стоитъ впрочемъ только показать ей свои книги, и ужь она не будетъ такъ самоувѣренна.»

Библіотека мистера Стеллинга поразила Мегги никогда невиданными ею въ такомъ количествѣ томами.

«— Ахъ, сколько книгъ! вскричала она, останавливаясь передъ книжными шкапами въ классной комнатѣ. — Ахъ, если бъ у меня было столько книгъ!

«— Ты ни одной бы не могла прочитать, торжественно возразилъ Томъ: — онѣ всѣ латинскія.

«— Нѣтъ, не всѣ, сказала Мегги. — Вотъ тутъ на корешкѣ я могу прочитать... «Исторія упадка и разрушенія Римской имперіи».

«— Ну, а что это значитъ? Вотъ и не знаешь, замѣтилъ Томъ, тряхнувъ головой.

«— Ужь я бы узнала, съ достоинствомъ возразила Мегги.

«— Какъ?

«— Я бы посмотрѣла, что въ ней тамъ такое написано.»

Учебникъ геометріи, показанный Томомъ Мегги, произвелъ на нее почти такое же впечатлѣніе, какъ и на самого Тома: она тоже нашла, что въ книгѣ этой нѣтъ смысла, хотя и думала, что, принявшись учиться, могла бы хоть что нибудь въ ней понять. Что касается латинской грамматики — она вовсе не представлялась Мегги такою тяжкою и темной наукой. Вообще Мегги очень желалось учиться у мистера Стеллинга вмѣстѣ съ братомъ и всему тому, чему учится Томъ. При первомъ случаѣ она спросила у пастора, могла ли бы она рѣшать геометрическія задачи и заниматься всѣми уроками Тома, еслибъ, вмѣсто его, мистеръ Стеллингъ училъ ее.

«— Нѣтъ, не могла бы, возразилъ съ негодованіемъ Томъ. — Дѣвочки не могутъ дѣлать геометрическихъ задачь; вѣдь не могутъ, сэръ?

«— По моему, онѣ могутъ узнать всего по немножку, замѣтилъ мистеръ Стеллингъ. — У нихъ много поверхностнаго пониманія; но далеко идти онѣ ни въ чемъ не могутъ. Онѣ слишкомъ живы и не глубоки.

«Томъ, въ восторгѣ отъ этого приговора, выразилъ свое торжество покачиваньемъ головы изъ-за кресла мистера Стеллинга. Что касается Мегги — едва ли когда нибудь была она такъ глубоко задѣта. Она такъ гордилась, что ее постоянно называли «живою», — и вдругъ оказывалось, что эта живость вовсе не достоинство. Значитъ, лучше быть такимъ медленнымъ, какъ Томъ.

«— А-га! миссъ Мегги! говорилъ Томъ, когда они остались вдвоемъ: — вотъ видите, это вовсе не такая особенная вещь, что вы живы. Ты никогда ни въ чемъ не пойдешь далеко.

«Мегги была такъ подавлена этимъ страшнымъ роковымъ предсказаніемъ, что не могла найти словъ для возраженія.»

Какъ ни высоко ставилъ себя Томъ относительно Мегги, ему было очень досадно, когда она уѣхала домой, и очень скучно безъ нея, пока не наступили праздники, и онъ не отправился самъ на мельницу.

Пріѣхавъ на святки домой, Томъ засталъ отца въ большихъ хлопотахъ и въ постоянномъ почти раздраженіи и злобѣ на людскую несправедливость. Мельницѣ грозила бѣда; какой-то богатый землевладѣлецъ вверху Риппля собирался запрудить рѣку, и тѣмъ лишить

мистера Тулливера воды и доходовъ. Особенно разражался нашъ мельникъ злостною бранью на нѣкоего Вакема, большаго крючкотворца, котораго впрочемъ и прежде, до этого дѣла, тоже ему вовсе нечуждаго, постоянно называлъ подлецомъ. Это названіе такъ часто повторялось на дорлькотской мельницѣ вмѣстѣ съ именемъ Вакема, что для Тома они стали какъ будто синонимами.

И вдругъ онъ узнаетъ, передъ возвращеніемъ къ мистеру Стеллингу, что у него будетъ тамъ теперь товарищемъ не кто иной, какъ Вакемъ, и именно сынъ этого Вакема, о которомъ такого низкаго мнѣнія мистеръ Тулливеръ. Тому было очень естественно предположить, что отецъ не захочетъ воспитывать его вмѣстѣ съ сыномъ мошенника. Но мистеръ Тулливеръ, напротивъ, сталъ цѣнить мистера Стеллинга и его познанія выше прежняго, когда узналъ, что такой ловкій и, несмотря на свои дурныя качества, все-таки знающій толкъ въ воспитаніи человѣкъ отдаетъ къ пастору своего сына.

Филипъ Вакемъ, новый товарищъ Тома, былъ горбунъ, и это обстоятельство не мало огорчало Тома, какъ препятствіе къ тѣмъ веселымъ играмъ и побоищамъ, о которыхъ онъ сохранилъ такое пріятное воспоминаніе со времени своей разлуки съ товарищами по «академіи». Къ тому же Филипъ былъ сынъ такого дурнаго человѣка! Томъ никакъ не могъ предположить, чтобы сынъ какого нибудь Вакема былъ лучше своего отца.

А между тѣмъ Филипъ вовсе не былъ похожъ на дурнаго, злаго мальчика: это видно было по его довольно красивому, симпатическому лицу; это вскорѣ замѣтилъ и Томъ. Сойтись имъ было однакожь трудно. Филипъ былъ нѣсколько старше и—главное—гораздо умнѣе и развитѣе Тома. То, что̀ казалось Тому недостижимымъ верхомъ премудрости, было самымъ обыкновеннымъ знаніемъ для Филипа, и уроки его ни на волосъ не походили на уроки Тома. Къ тому же Филипъ, кромѣ своихъ познаній въ греческомъ и латинскомъ языкахъ, кромѣ большой и поражавшей Тома начитанности, умѣлъ рисовать, играть на фортепьянахъ и пѣть. Все это были важныя преимущества, съ которыми никакъ нельзя было тягаться.

Филипъ проявлялъ большую доброту и снисходительность къ глупости и незнанію Тома, разсказывалъ ему въ свободныя минуты изъ книгъ «о сраженіяхъ», что̀ Томъ очень любилъ; но не только дружбы, и слабой даже симпатіи между мальчиками не могло быть. Томъ все никакъ не могъ забыть, что Филипъ сынъ «бездѣльника», и это было постоянною преградой, останавливавшей каждый шагъ его къ сближенію съ умнымъ и ученымъ товарищемъ. Притомъ, нѣсколько болѣзненный Филипъ бывалъ часто черезчуръ раздражителенъ и не въ духѣ; тогда какъ Тому почти никогда не случа-

чалось быть не въ духѣ, особенно если дѣло касалось какихъ нибудь охотничьихъ или воинственныхъ упражненій.

Однажды Томъ ворвался какъ сумасшедшій въ гостиную, гдѣ Филипъ сидѣлъ за фортепьянами и игралъ и пѣлъ. Онъ началъ звать Филипа идти смотрѣть, какіе артикулы выдѣлываетъ шпагой старый солдатъ Польтеръ, большой пріятель Тома, преподававшій ему разные военные пріемы и разсказывавшій о походахъ и о герцогѣ Веллингтонѣ. Филипъ вообще терпѣть не могъ подобнаго рода зрѣлищъ, и вѣрно не пошелъ бы, еслибъ Томъ приглашалъ его и въ болѣе досужее время; а тутъ его совсѣмъ взбѣсило глупое приглашеніе Тома, притомъ и испугавшее его съ перваго разу. Онъ покраснѣлъ и сердито отвѣчалъ Тому:

«— Пошелъ вотъ, дуракъ! Экъ прибѣжалъ и заоралъ!... Тебѣ только съ лошадьми разговаривать.

«Филипъ уже не въ первый разъ сердился на Тома; но никогда до тѣхъ поръ не слыхалъ отъ него Томъ столь понятной для него брани.

«— Я могу кой-съ-кѣмъ и получше тебя разговаривать, глупый чертенокъ! отвѣчалъ Томъ, немедленно вспыхнувшій, какъ порохъ, отъ словъ Филипа. — Я только оттого и не изобью тебя, что ты все равно что дѣвушка. Но я сынъ честнаго человѣка, а *твой* отецъ мошенникъ — это всѣ говорятъ.»

Съ этими обидными словами Томъ убѣжалъ изъ комнаты, оставивъ Филипа въ слезахъ и глубокомъ огорченіи.

Эта сцена положила еще болѣе твердую преграду между двумя мальчиками. Они почти не говорили другъ съ другомъ. Мало-по-малу въ обоихъ, особенно же въ Филипѣ, начала развиваться взаимная ненависть. Сначала Томъ дѣлалъ попытки къ сближенію: но ядовитая стрѣла, пущенная имъ такъ метко въ сердце Филипа, не могла быть забыта.

Мегги опять пріѣхала погостить къ брату передъ отправленіемъ своимъ въ пансіонъ, куда она должна была поступить вмѣстѣ съ кузиною Люси. Она съ большимъ интересомъ смотрѣла на новаго товарища Тома, хоть онъ и былъ сынъ этого злобнаго адвоката Вакема, причинявшаго столько горя ея отцу.

«Она пріѣхала во время урока, и сидѣла въ классной, пока Филипъ занимался съ мистеромъ Стеллингомъ. Нѣсколько недѣль тому назадъ, Томъ извѣщалъ ее, что Филипъ знаетъ безконечное множество исторій — и не такихъ глупыхъ исторій, какъ она; теперь собственныя наблюденія убѣдили ее, что онъ дѣйствительно долженъ быть очень уменъ: она надѣялась, что и онъ, какъ поговоритъ съ нею, будетъ считать ее умницей. Мегги притомъ питала какую-то нѣжность ко всему

обиженному судьбой или природой; такъ она предпочитала искалеченныхъ ягнятъ, потому что ей казалось, что тѣ ягнята, которые здоровы и хорошо сложены, не будутъ такъ рады ея ласкѣ; а она особенно любила ласкать тѣхъ, кому ласки ея доставляли удовольствіе. Она очень любила Тома, но часто желала, чтобы онъ болѣе цѣнилъ ея любовь къ нему.

«— Филипъ Вакемъ, кажется, славный мальчикъ, Томъ, сказала она, когда они отправились вмѣстѣ изъ классной комнаты въ садъ, въ промежуткѣ между урокомъ и обѣдомъ. — Вѣдь онъ не могъ выбирать себѣ отца — не правда ли? А я читала про многихъ очень дурныхъ людей, у которыхъ были хорошіе сыновья, такъ же какъ у хорошихъ родителей бывали дурныя дѣти. Если Филипъ хорошій мальчикъ, тѣмъ жалче, что у него отецъ такой нехорошій человѣкъ. Любишь ты его, Томъ?

«— Ахъ, онъ такой чудакъ, рѣзко отвѣчалъ Томъ: — и онъ ужасно на меня дуется, за то, что я сказалъ ему, что отецъ его — мошенникъ. Отчего было мнѣ не сказать? Вѣдь это правда. Да и самъ онъ началъ — онъ первый меня выбранилъ.»

Послѣ обѣда ученики мистера Стеллинга опять сошлись въ классной, чтобы выучить къ завтрашнему дню уроки, и вечеромъ быть свободными ради такого праздника, какъ пріѣздъ Мегги.

«Томъ корпѣлъ надъ латинской грамматикой, неслышно шевеля губами, подобно исполнительному, но нетерпѣливому католику, повторяющему свои pater noster'ы. Филипъ сидѣлъ въ другомъ углу комнаты; передъ нимъ лежали два тома, и онъ съ видимымъ удовольствіемъ занимался ими, возбуждая этимъ любопытство Мегги. Совсѣмъ не похоже было, что онъ учитъ урокъ. Она сидѣла на низенькомъ табуретѣ почти въ одинаковомъ разстояніи отъ того и отъ другаго мальчика, и попеременно посматривала на нихъ, — и Филипъ, поднявъ разъ голову отъ своихъ книгъ, встрѣтилъ пытливый взглядъ черныхъ глазъ Мегги, устремленный на него. Онъ подумалъ тутъ, что эта сестра Тулливера должна быть славная дѣвочка, и вовсе не похожа на своего брата; ему казалось очень пріятно имѣть маленькую сестрицу. Ему было странно, отчего это темные глаза Мегги приводили ему на память исторіи о разныхъ сказочныхъ царевнахъ, превращенныхъ въ животныхъ?... Не оттого ли, что глаза ея были полны неудовлетвореннаго стремленія къ знанію, и неудовлетвореннаго, страстнаго чувства?»

Кончивъ свои уроки, Томъ позвалъ Мегги на верхъ, въ свою комнату, чтобы привести въ исполненіе планъ новой потѣхи, долженствовавшей, по его мнѣнію, внушить Мегги особое уваженіе къ нему. У своего пріятеля, стараго солдата Польтера, выпросилъ онъ на подержаніе его тяжелую, огромную саблю, и до пріѣзда Мегги хранилъ ее гдѣ-то въ потаенномъ углу своей комнаты. Этою саблей

онъ вооружился, представляя изъ себя герцога Веллингтона, и принялся дѣлать ею разныя эволюціи въ подражаніе своему воинственному другу. Томъ такъ махалъ саблей, такъ бѣсновался, бѣгая и скача со своимъ смертоноснымъ орудіемъ по тѣсной комнаткѣ, что Мегги, сначала смѣявшаяся, пришла въ совершенный ужасъ и прижалась въ углу, чтобы не попасть подъ остріе сабли.

Потѣха эта кончилась плохо. Кидаясь изъ угла въ уголъ съ тяжелою себлей, которая была ему не по силамъ, Томъ поскользнулся, и упалъ такъ неловко, что сильно вывихнулъ себѣ ногу.

Крики Мегги привели на верхъ мистера Стеллинга, и Тома пришлось уложить въ постель и немедленно послать за докторомъ.

Томъ геройски перенесъ операцію вправливанья ноги, но втайнѣ терзался мыслью: что, какъ ему придется остаться хромымъ? Мысли этой онъ однакоже не открылъ ни доктору, ни мистеру Стеллингу.

Такое же опасеніе возникло и въ Филиппѣ Вакемѣ, и онъ спросилъ доктора, будетъ хромать Томъ или нѣтъ. Докторъ отвѣчалъ, что этого нечего бояться, и Филиппъ тотчасъ же побѣжалъ на верхъ, къ Тому, обрадовать и успокоить его этимъ извѣстіемъ. Вниманіе Филипа нѣсколько примирило Тома съ товарищемъ.

«Послѣ этого Филиппъ проводилъ всѣ досужные отъ занятій часы съ Томомъ и Мегги. Томъ по прежнему любилъ слушать исторіи о сраженіяхъ; но онъ сильно напиралъ на то обстоятельство, что эти великіе бойцы, дѣлавшіе столько чудесъ и выходившіе изъ битвы невредимыми, были отлично вооружены съ головы до ногъ; а въ такомъ вооруженіи сражаться, по мнѣнію Тома, была не трудная штука. Ужь онъ конечно не повредилъ бы себѣ ноги, если бы былъ въ желѣзныхъ сапогахъ. Онъ съ большимъ интересомъ слушалъ новую исторію Филипа о человѣкѣ, у котораго была очень опасная рана на ногѣ, и который такъ ужасно кричалъ отъ боли, что товарищи не могли наконецъ выдержать, и оставили его одного на пустынномъ островѣ, безъ всякой помощи, кромѣ нѣсколькихъ чудныхъ стрѣлъ, напитанныхъ ядомъ, чтобы онъ могъ убивать звѣрей на пищу себѣ.

«— А вотъ я и не крикнулъ, сказалъ Томъ:—а нога у меня болѣла не меньше, чѣмъ у него. Только трусы кричатъ.

«Мегги была противнаго мнѣнія: ей казалось очень позволительнымъ кричать, если больно, и очень жестокимъ досадовать на крикъ больнаго. Ей хотѣлось знать, была ли у Филоктета сестра, а если была, то почему не отправилась къ нему на пустынный островъ и не ходила за нимъ?

«Однажды, вскорѣ послѣ этого разсказа, Филиппъ и Мегги были вдвоемъ въ классной комнатѣ въ то время, какъ Тому дѣлали перевязку. Филиппъ сидѣлъ за книгой, а Мегги сначала ходила взадъ и впередъ

по комнатѣ, безъ всякаго дѣла, потому что собиралась вскорѣ идти къ Тому, а потомъ подошла къ столу и наклонилась посмотрѣть, что дѣлаетъ Филипъ: они уже вполнѣ подружились и нисколько другъ другомъ не стѣснялись.

«— О чемъ это вы читаете по гречески? спросила она. — Это стихи — я вижу — потому что строчки коротенькія.

«— Это про Филоктета — про того хромаго, что я вчера вамъ разсказывалъ, отвѣчалъ онъ, оперпись головою на руку и глядя на Мегги такъ, будто ему вовсе не непріятно, что его перебили.

«Мегги съ обычной разсѣянностью продолжала стоять, наклонившись и облокотясь на столъ, и переступала съ ноги на ногу. Темные глаза ея смотрѣли неподвижно и напряженно, словно вдаль; она, казалось, совсѣмъ забыла и о Филипѣ и объ его книгѣ.

«— Мегги, сказалъ Филипъ спустя минуту-другую, все не отнимая головы отъ руки и глядя на дѣвочку: — если бъ у васъ былъ такой братъ, какъ я — какъ вы думаете, полюбили бы вы его такъ, какъ Тома?

«Мегги слегка встрепенулась, какъ бы пробуждаясь, и спросила:

«— Что?

«Филипъ повторилъ свой вопросъ.

«— Ахъ, да! и больше еще! быстро отвѣчала она. — Нѣтъ, не больше; я думаю, я не могла бы любить васъ больше, нежели Тома. Но я бы такъ жалѣла — такъ жалѣла васъ!

«Филипъ покраснѣлъ. Ему именно хотѣлось узнать, полюбила ли бы она его при его уродствѣ; но когда она такъ прямо высказалась объ этомъ, сожалѣніе ея совсѣмъ его смутило. Какъ ни молода была Мегги, она тотчасъ смекнула свою ошибку. До сихъ поръ она инстинктивно держала себя такъ, будто и не замѣчаетъ уродливости Филипа. Ея собственная тонкая чувствительность, вынесшая не мало непріятностей отъ постоянной домашней критики, руководила ею не хуже самаго твердаго свѣтскаго такта.

«— Вѣдь вы такой умный, Филипъ, вы умѣете играть и пѣть, поспѣшно прибавила она: — Я бы, хотѣла, чтобы вы были моимъ братомъ. Я очень васъ люблю. Вы бы оставались со мною дома, когда Тома не бываетъ, и учили бы меня всему.... не правда ли? По гречески — и всему, всему....

«— Но вы скоро уѣдете, и будете въ пансіонѣ, Мегги, отвѣчалъ Филипъ: — а тамъ и совсѣмъ меня позабудете, и никогда не вспомните. А потомъ я васъ увижу, какъ вы выростете большая, и вы не захотите на меня тогда и посмотрѣть.

«— Ахъ, нѣтъ; я васъ не забуду, я въ этомъ увѣрена, сказала Мегги, очень серьёзно качая головой. — Я никогда ничего не забываю, и обо всѣхъ думаю, съ кѣмъ не вижусь. Я думаю о и бѣдномъ Япѣ; онъ подавился костью, и Лука говоритъ, что онъ умретъ. Не сказывайте только объ этомъ Тому — онъ будетъ такъ жалѣть! Вы никогда не видали Яна:

это такая смѣшная собачонка — и никому объ ней нѣтъ заботы, кромѣ меня да Тома.

«— А обо мнѣ есть у васъ столько заботы, сколько объ Япѣ, Мегги? спросилъ Филипъ съ нѣсколько грустной улыбкой.

«— Я думаю, отвѣчала, смѣясь, Мегги.

«— Я васъ очень люблю, Мегги; я никогда васъ не забуду, сказалъ Филипъ: — и если я буду очень несчастенъ, я все буду думать объ васъ и желать, чтобы у меня была сестра съ такими черными глазами, вотъ точь-въ-точь какъ у васъ.

«— А отчего вамъ нравятся мои глаза? спросила Мегги, очень довольная похвалою Филипа.

«Она никогда и ни отъ кого, кромѣ отца, не слыхала похвалы своимъ глазамъ.

«— Не знаю, отвѣчалъ Филипъ. — Такихъ глазъ я ни у кого не видалъ. Они какъ будто хотятъ говорить — и говорить ласково. Я не люблю, когда на меня долго смотрятъ другіе; но я люблю, когда на меня смотрите вы, Мегги.

«— Знаете? вы, мнѣ кажется, больше любите меня, чѣмъ Томъ, сказала Мегги съ нѣкоторымъ сожалѣніемъ.

«Затѣмъ, раздумывая, какъ бы доказать Филипу, что она могла бы и его любить не меньше, хоть онъ и калѣка, Мегги сказала:

«— А хотѣли бы вы, чтобы я васъ поцаловала, какъ Тома? Я поцалую, если вы хотите.

«— Ахъ, очень хочу: меня никто не цалуетъ.

«Мегги обвила рукой его шею и очень крѣпко поцаловала его.

«— Теперь, сказала она: — я всегда буду васъ помнить, и всегда буду цаловать, когда опять увижу, сколько бы ни прошло времени. А теперь я пойду — докторъ вѣрно ужь перевязалъ ногу Тому.

«Когда мистеръ Тулливеръ пріѣхалъ въ другой разъ, Мегги сказала ему:

«— Ахъ, папа, Филипъ Вакемъ такой добрый для Тома. Онъ такой умный мальчикъ, и я люблю его. Вѣдь и ты любишь его, Томъ? не правда ли? Скажи же, что ты любишь его, прибавила она настойчиво.

«Томъ немного покраснѣлъ, взглянувъ на отца, и сказалъ:

«— Я не стану водить съ нимъ дружбы, когда выйду изъ школы; а теперь мы съ нимъ подружились, съ тѣхъ поръ, какъ я повредилъ себѣ ногу, и онъ научилъ меня играть въ шашки, и я могу побивать его.

«— Хорошо, хорошо, отвѣчалъ мистеръ Тулливеръ: — если онъ добръ до тебя, и ты будь съ нимъ ласковъ. Онъ жалкій калѣка, и похожъ на свою покойницу-мать. Но очень дружиться съ нимъ не слѣдуетъ — въ немъ есть и отцовская кровь.»

Временная пріязнь къ Филипу, возбужденная въ Томѣ заботливостью его товарища во время леченья больной ноги, скоро опять охладѣла, когда Томъ всталъ съ постели. И безъ предостереженія мистера Тулливера, мальчики никакъ бы не могли подружиться: они

были слишкомъ далеки другъ отъ друга способностями, и слишкомъ не похожи характеромъ и наклонностями.

Мегги, почти тотчасъ послѣ поѣздки къ брату, поступила вмѣстѣ съ Люси въ пансіонъ къ миссъ Фёрниссъ, въ старинномъ городѣ Лесгамѣ на Флоссѣ. Она писала къ Тому письма, и всегда кланялась Филипу; Томъ же въ своихъ письмахъ никогда не упоминалъ о немъ, и при свиданіи съ Мегги дома, на праздникахъ, выразилъ ей опять прежнее, вовсе не дружественное мнѣніе свое о товарищѣ.

Видѣть Филипа случилось Мегги всего два-три раза во все время своей пансіонской жизни, и то на улицѣ въ Сентъ-Оггѣ.

«Когда они встрѣчались, она вспоминала свое обѣщаніе цаловать его, но какъ молодая леди, воспитывающаяся въ пансіонѣ, знала уже, что о подобномъ привѣтствіи не могло быть и рѣчи, и что Филипъ вѣрно и не ждетъ отъ нея поцалуевъ. Обѣщаніе было нарушено, какъ и много другихъ прекрасныхъ, обманчивыхъ обѣщаній нашего дѣтства; нарушено, какъ обѣщанія, данныя въ Эдемѣ, когда еще не раздѣлялись времена года, и тугія почки висѣли на вѣтвяхъ рядомъ съ дозрѣвающими плодами — обѣщанія, неисполнимыя по ту сторону золотыхъ вратъ.»

Между тѣмъ дѣла мистера Тулливера принимали все худшій оборотъ. Убыточная и непріятная тяжба, въ которой противъ него дѣйствовалъ съ ловкой и настойчивой энергіей Вакемъ, грозила ему разореніемъ, потерею не только права на мельницу, но и всего движимаго имущества. Уплатить долги, которые были у мистера Тулливера, ему было нечѣмъ; а между тѣмъ требованія кредиторовъ могли быть предъявлены въ скоромъ времени.

Постоянныя нравственныя тревоги сильно пошатнули здоровье дорлькотскаго мельника. И безъ того впечатлительный, онъ теперь приходилъ въ раздраженіе отъ всего; подчасъ онъ совсѣмъ терялъ голову.

Школьныя занятія шли у Тома довольно медленно и очень однообразно. Если онъ узналъ что нибудь, то узналъ какъ-то машинально, независимо отъ своего желанія, вслѣдствіе постояннаго посторонняго требованія. Чтò изъ его познаній могло ему пригодиться въ жизни, въ практической дѣятельности, которая ему предстояла, трудно сказать. Едва ли даже и что нибудь понадобилось бы, кромѣ развѣ красиваго и бойкаго почерка.

Въ высокомъ, довольно красивомъ и довольно развязномъ юношѣ, какимъ Томъ былъ въ послѣднее время своего пребыванія у мистера Стеллинга, не скоро можно было узнать бывшаго неловкаго и дикаго ученика «академіи».

Филиппъ оставилъ школу прежде Тома (у мистера Стеллинга было уже не два, а четыре ученика), и отправился на югъ, для поправленія слабаго своего здоровья. Томъ съ нетерпѣніемъ ждалъ приближающагося конца своего учебнаго курса. Возвратъ домой представлялся ему въ розовомъ свѣтѣ. Тяжба мистера Тулливера какъ-разъ должна была кончиться къ этому времени, и Томъ, наслушавшись отъ отца толковъ о правотѣ его дѣла, не сомнѣвался, что процессъ будетъ проигранъ противниками мистера Тулливера.

Нѣсколько уже недѣль не получалъ Томъ никакихъ извѣстій изъ дому. Это не удивляло его, потому что родительская любовь мистера и мистриссъ Тулливеръ проявлялась не учащенною перепиской. Вдругъ, къ великому изумленію его, пріѣхала совершенно неожиданно Мегги. Это случилось темнымъ и холоднымъ утромъ въ послѣднихъ числахъ ноября. Томъ сидѣлъ въ классной комнатѣ, когда ему сказали о пріѣздѣ сестры. Онъ засталъ Мегги въ гостиной мистриссъ Стеллингъ, которая немедленно оставила ихъ однихъ.

Мегги тоже выросла; волосы у ней были заплетены и лежали уже не въ прежнемъ безпорядкѣ. Ростомъ она была почти съ Тома, хотя ей минуло всего тринадцать лѣтъ. Томъ не могъ не замѣтить озабоченное и не по лѣтамъ серьёзное выраженіе лица сестры; но это его не особенно поразило въ ея измѣнчивой физіономіи.

Поздоровавшись, братъ и сестра сѣли на софу, и Томъ принялся за расспросы.

«— Отчего ты не въ пансіонѣ? Вѣдь еще не праздники.

«— Батюшка хотѣлъ, чтобы я пріѣхала, отвѣчала Мегги, и губы ея слегка задрожали. — Я ужь дня три-четыре дома.

«— Развѣ батюшка боленъ? спросилъ съ нѣкоторымъ страхомъ Томъ.

«— Да, онъ не совсѣмъ здоровъ, отвѣчала Мегги. — Онъ очень несчастливъ, Томъ. Тяжба кончилась, и я пріѣхала сказать тебѣ это; я думала, лучше тебѣ узнать про все, прежде чѣмъ ты домой пріѣдешь, а писать тебѣ мнѣ не хотѣлось.

«— Развѣ батюшка проигралъ? быстро вскричалъ Томъ, вскакивая съ софы.

«Онъ всталъ передъ Мегги, опустивъ руки въ карманы.

«— Да, милый Томъ, отвѣчала Мегги, съ трепетомъ глядя на него.

«Томъ помолчалъ съ минуту, опустивъ глаза, потомъ проговорилъ:

«— Такъ батюшкѣ придется, значитъ, заплатить много денегъ?

«— Да, печально отвѣчала Мегги.

«— Ну, этого ужь не перемѣнишь, бодро сказалъ Томъ, не умѣя свести къ какимъ нибудь осязательнымъ результатамъ потерю большой суммы денегъ. — Но батюшка вѣрно очень огорченъ? прибавилъ онъ,

взглядывая на Мегги и приписывая тревожное выраженіе лица ея лишь свойственной дѣвочкамъ неразсудительной трусости.

«— Да, такъ же грустно отвѣчала Мегги.

«Вслѣдъ затѣмъ, видя, что Томъ не подозрѣваетъ всей важности обстоятельствъ, она проговорила громко и съ такой быстротой, будто слова сами срывались у нея съ языка:

«— Ахъ, Томъ! онъ потеряетъ и мельницу, и землю, и все — все; у него ничего не останется.

«Томъ сначала бросилъ на сестру взглядъ удивленія, потомъ поблѣднѣлъ и дрожь пробѣжала по немъ. Онъ не сказалъ ни слова, но сѣлъ опять на софу, устремивъ неопредѣленный взглядъ на противуположное окно.

«Опасенія за будущее никогда не западали въ мысль Тома. Отецъ его всегда ѣздилъ на хорошей лошади, всегда былъ у него полный домъ, всегда ясный и увѣренный видъ, какъ у человѣка, которому нечего безпокоиться насчетъ своего состоянія. Тому никогда и въ голову не приходило, что отецъ его можетъ «обанкрутиться»; *эта* форма несчастія, какъ часто случалось ему слышать, представляетъ глубокое безчестье, а мысль о безчестьи была для него непримѣнима ни къ кому изъ его родныхъ, тѣмъ паче къ его отцу. Гордое сознаніе фамильнаго достоинства носилось, можно сказать, въ самомъ воздухѣ, въ которомъ родился и воспитывался Томъ. Онъ зналъ, что въ Сентъ-Оггѣ были люди, жившіе лучше, чѣмъ позволяли имъ средства, но о нихъ всѣ отзывались съ презрѣніемъ и осуждали ихъ. У него было твердое, вкоренявшееся съ годами и нетребовавшее никакихъ доказательствъ убѣжденіе, что отецъ его, если бъ захотѣлъ, могъ бы тратить пропасть денегъ. Съ тѣхъ поръ, какъ воспитаніе у мистера Стеллинга расширило его взглядъ на жизнь, Томъ часто мечталъ, какъ онъ будетъ играть роль въ свѣтѣ, когда выростетъ, какъ у него будутъ и верховая лошадь, и собаки, и всѣ принадлежности порядочнаго молодаго человѣка, какъ онъ будетъ ничѣмъ не хуже другихъ своихъ сентъ-оггскихъ сверстниковъ, которые считаютъ себя принадлежащими къ высшей сферѣ общества только потому, что отцы ихъ или богатые торговцы, или владѣльцы большихъ маслобойныхъ мельницъ. Что касается предвѣщаній, опасеній и предостереженій, которыя Тому случалось слышать отъ своихъ тетушекъ и дядюшекъ, онъ не обращалъ на нихъ никогда даже слабаго вниманія, и находилъ только общество своихъ тетушекъ и дядюшекъ очень скучнымъ: сколько онъ помнилъ, они постоянно твердили одно и тоже. Отецъ его зналъ лучше ихъ, какъ поступать.

«Пробился пушокъ надъ губами Тома, а мысли и надежды были по прежнему лишь повтореніемъ, въ нѣсколько измѣненной формѣ, его дѣтскихъ грезъ, въ которыхъ онъ жилъ три года тому назадъ. Рѣзкій толчокъ пробудилъ его теперь.

«Блѣдность, молчаніе и легкій трепетъ Тома испугали Мегги. А ей слѣдовало сказать ему еще кое-что — и нѣчто еще худшее. Наконецъ она обняла его и сказала, сдерживая вздохъ:

«— Ахъ, Томъ — милый, милый Томъ, не тревожься такъ — собери свои силы.

«Томъ пассивно подставилъ свою щеку ея нѣжнымъ поцалуямъ, и глаза его налились слезами. Онъ тотчасъ же провелъ по нимъ рукой, потомъ встрепенулся, словно пробуждаясь, и сказалъ:

«— Я поѣду съ тобой домой, Мегги. Батюшка не говорилъ, чтобы я пріѣхалъ?

«— Нѣтъ, Томъ, онъ не говорилъ, отвѣчала Мегги.

«Боязнь разстроить брата заставляла ее подавлять свое собственное волненіе. Что бы сталось съ нимъ, если бъ она сказала ему все — все?

«— Но матушка хотѣла, чтобы ты пріѣхалъ... Бѣдная матушка!... Она такъ плачетъ! Ахъ, Томъ! ужасно тамъ у насъ.

«Губы Мегги поблѣднѣли, и она начала дрожать, почти такъ же, какъ дрожалъ Томъ. Бѣдные дѣти! они придвинулись ближе другъ къ другу — и оба дрожали — одинъ отъ неопредѣленнаго страха, другая отъ страшной дѣйствительности горя. Мегги заговорила почти шопотомъ.

«— Ахъ — ахъ... Бѣдный батюшка...

«Мегги не могла продолжать. Но эта остановка была невыносима Тому. Страхъ его началъ слагаться въ смутную мысль о тюрьмѣ, куда отправятъ за долги его отца.

«— Гдѣ батюшка? спросилъ онъ нетерпѣливо. — Говори же, Мегги!

«— Онъ дома, сказала Мегги, находя болѣе легкимъ отвѣчать на этотъ вопросъ. — Только, прибавила она, помолчавъ: — онъ безъ памяти... Онъ упалъ съ лошади... Онъ никого не узнаетъ съ тѣхъ поръ... Только меня узналъ... Онъ, кажется, совсѣмъ безъ чувствъ теперь... Ахъ, батюшка, батюшка...

«Съ этими послѣдними словами Мегги горько зарыдала: она уже не могла удерживаться. У Тома сжалось сердце тѣмъ тяжкимъ чувствомъ, которое останавливаетъ слезы въ глазахъ: онъ не могъ представить себѣ всей бѣды такъ ясно, какъ Мегги, бывшая дома; онъ чувствовалъ только подавляющую тягость повидимому неотвратимаго несчастія. Почти судорожно сжалъ онъ въ объятіяхъ рыдающую Мегги; но лицо его было строго, и по щекамъ не катилось слезъ. Глаза у него были неподвижны, словно черное облако внезапно опустилось передъ нимъ на его пути.»

Мегги первая вспомнила, что надо поторопиться, чтобы не опоздать въ дилижансъ. Томъ въ короткихъ словахъ разсказалъ мистеру Стеллингу несчастіе, постигшее его отца, и поспѣшно простился съ учителемъ своимъ и его женой.

«Мистеръ Стеллингъ положилъ руку на плечо Тома и сказалъ:

«— Богъ да благословитъ тебя, мой другъ; извѣщай меня о вашихъ дѣлахъ.

«Затѣмъ онъ пожалъ руку Мегги; но безъ громкаго привѣтствія.

«Томъ часто думалъ, какъ будетъ онъ счастливъ въ тотъ день, когда придется ему оставлять школу. А теперь школьные года представились ему праздниками, которые кончились.

«Двѣ легкія молодыя фигуры скоро были едва видны на отдаленной дорогѣ, скоро и совсѣмъ пропали за выступомъ живой изгороди.

«Вмѣстѣ вступали они въ новую жизнь горя и заботъ, и имъ не суждено уже было видѣть солнечнаго свѣта безъ темныхъ и горькихъ воспоминаній. Они вышли въ каменистую пустыню, и златыя врата дѣтства навсегда затворились за ними.»

III.

Рѣшительный ударъ здоровью мистера Тулливера нанесло полученное имъ извѣстіе объ окончаніи тяжбы не въ его пользу. Паденіе съ лошади, должно быть, тоже отозвалось на его мозгу. Изъ разсказа Мегги читателю уже извѣстно, что мистеръ Тулливеръ впалъ въ безчувственное состояніе. Это безчувственное состояніе, съ рѣдкими и слабыми проблесками сознанія, продолжалось не мало времени—болѣе двухъ мѣсяцевъ.

Проигрышъ тяжбы велъ за собою аукціонную продажу мельницы и всего движимаго имущества мистера Тулливера. Сначала была продана движимость, особенно дорогая ограниченной мистриссъ Тулливеръ: она не умѣла смотрѣть далеко, и рѣзкая перемѣна обстоятельствъ казалась ей особенно тяжкою потому, что должны были пойти въ чужія руки разныя вещи изъ бѣлья и посуды съ ея вензелемъ. Упреки мистеру Тулливеру (конечно не въ глаза ему, потому что больной не могъ бы ихъ понять) не сходили съ языка у Бесси: она только и говорила, что о чести и достоинствѣ фамиліи Додсоновъ, которыхъ не умѣлъ оцѣнить и обезопасить мистеръ Тулливеръ въ ея лицѣ.

Родственный конклавъ опять собрался на мельницѣ, какъ въ тотъ день, когда необходимо было обсудить дѣло о воспитаніи Тома. На этотъ разъ гостямъ нечего было ждать, разумѣется, ни праздничнаго обѣда, ни изысканныхъ угощеній; напротивъ, хозяева могли ждать добраго совѣта и посильной помощи отъ родственниковъ и родственницъ.

Словъ и восклицаній было расточено не мало, но толку вышло не много. Даже совѣта умнаго не нашлось у сестрицъ Бесси и ихъ мужей, не говоря уже о серьезной помощи.

Томъ въ первый разъ проявилъ на этомъ семейномъ совѣщаніи практическія способности свои. Онъ прямо сказалъ, что вмѣсто

того, чтобы толковать о позорѣ, постигающемъ мистера Тулливера и его семью отъ аукціонной продажи, лучше бы было родственникамъ совокупными силами предупредить этотъ позоръ; онъ, Томъ, былъ уже въ такомъ возрастѣ, что могъ трудиться, и трудъ его принадлежалъ бы тетушкамъ и дядюшкамъ, выручившимъ семью его изъ бѣды. Но практическое замѣчаніе Тома вызвало опять потокъ праздныхъ и нимало нейдущихъ къ дѣлу рѣчей. По всему видно было, что родственники не прочь поболтать и даже погорячиться по случаю разоренія мистера Тулливера; но что тѣмъ и должно было ограничиться ихъ родственное участіе.

У Тома дрожали губы и закипала въ сердцѣ досада; но онъ удерживался отъ всякаго ея проявленія. Ему хотѣлось выказать себя настоящимъ мужчиной. Мегги, напротивъ, не умѣла владѣть собою отъ негодованія. Она вдругъ стала передъ собраніемъ тетокъ и дядей; глаза загорѣлись у нея какъ у львицы, и горькіе упреки посыпались изъ ея устъ.

«— Такъ зачѣмъ же вы пріѣхали? страстно воскликнула она: — зачѣмъ вы толкуете и вмѣшиваетесь въ наши дѣла и браните насъ, если вы не хотите ничѣмъ помочь моей бѣдной матушкѣ — вашей родной сестрѣ?... Если вамъ не жаль ея въ бѣдѣ, такъ ступайте отъ насъ прочь! нечего вамъ ѣздить сюда, чтобы осуждать моего отца.... Онъ былъ лучше всѣхъ васъ.... Онъ былъ добрый человѣкъ.... Онъ помогъ бы вамъ, если бы вы попали въ бѣду. Ни мнѣ, ни Тому не нужно вашихъ денегъ, если вы не поможете матушкѣ. Не надо намъ ихъ! И безъ нихъ мы обойдемся!»

Томъ не одобрилъ въ душѣ этой рѣзкой выходки Мегги; мистриссъ Тулливеръ совсѣмъ испугалась; тетушки не скоро собрались съ духомъ отъ изумленія. Но дѣло не подвинулось отъ словъ Мегги. Эти слова вызвали прежде всего горькіе упреки тетокъ, и мистриссъ Глеггъ сказала, что давно предвидѣла и предсказывала, что изъ дикой и необузданной Мегги не выйдетъ ничего хорошаго...

Въ это время пришла на мельницу сестра мистера Тулливера, Гритти, которая узнала о несчастіи, случившемся съ братомъ, стороною. Изъ первыхъ же словъ мистриссъ Моссъ сестрицы Бесси узнали, что она должна брату триста фунтовъ, и пришли въ нѣкоторое негодованіе отъ такой расточительности мистера Тулливера. Мистриссъ Моссъ очень сокрушалась, что не можетъ отдать своего долга въ настоящую минуту, когда братъ ея очутился въ такомъ безнадежномъ состояніи. Развѣ продажа всего ея имущества могла бы покрыть ея долгъ; но у мистриссъ Моссъ было восьмеро дѣтей, и она не могла разсуждать такъ спокойно и съ такою идеально-стро-

гою справедливостью, какъ зажиточныя мистриссъ Глеггъ и Пуллетъ. Она горько плакала, выслушивая требованія родни, чтобы должные триста фунтовъ были заплачены.

Томъ прекратилъ возгласы тетокъ такимъ замѣчаніемъ: справедливо ли будетъ заставлять тетку Моссъ платить долгъ, если это противно желанію самого кредитора, мистера Тулливера? Мистеръ Глеггъ возразилъ на это, что въ такомъ случаѣ росписка въ займѣ трехъ-сотъ фунтовъ должна быть уже давно уничтожена мистеромъ Тулливеромъ.

Лицо Тома горѣло, но онъ старался говорить съ твердостью, достойной взрослаго мужчины. «Я очень хорошо помню, сказалъ онъ: какъ до отъѣзда моего въ ученье къ мистеру Стеллингу, батюшка говорилъ мнѣ однажды вечеромъ, когда мы сидѣли вмѣстѣ у камина и никого, кромѣ насъ, не было въ комнатѣ....» Томъ замялся немного, и потомъ продолжалъ: «онъ говорилъ мнѣ кое-что о Мегги, а потомъ сказалъ: я всегда былъ добръ до моей сестры, хоть она и вышла замужъ противъ моего желанія, и далъ Моссу денегъ взаймы; но я никогда не стану стѣснять его уплатой; лучше потеряю все! Дѣти мои должны помнить, что отъ этихъ денегъ они не разбогатѣютъ.—А теперь батюшка боленъ и не можетъ говорить за себя, и я не хочу, чтобы что нибудь было сдѣлано противъ его желанія».

На возраженія нѣкоторыхъ родственниковъ Томъ отвѣчалъ съ тѣмъ же достоинствомъ, и даже суровая мистриссъ Глеггъ не могла не одобрить его словъ и не замѣтить, что на этотъ разъ въ Томѣ заговорила благородная кровь фамиліи Додсоновъ.

Дѣло это было рѣшено такъ, какъ того требовалъ Томъ.

На другой день молодой Тулливеръ отправился въ Сентъ-Оггъ повидаться съ дядею Диномъ, отцомъ хорошенькой Люси, который не былъ на родственномъ совѣщаніи наканунѣ. Изъ всѣхъ дядюшекъ Тома это былъ самый смышленый и самый дѣльный, и Томъ шелъ къ нему съ цѣлью просить совѣта и ходатайства, за какое дѣло ему приняться, чтобы поддерживать своими трудами мать, сестру и больнаго отца, которому можетъ быть не суждено уже поправиться на столько, чтобы быть снова способнымъ къ работѣ. Мистеръ Динъ состоялъ при богатой торговой конторѣ Геста и комп., и могъ, какъ думалъ Томъ, легко пристроить его куда нибудь.

Съ увѣренностію въ своихъ силахъ, съ глубокимъ желаніемъ трудиться пошелъ Томъ на свиданіе съ дядей. Дорогой онъ ужь воображалъ, какъ разбогатѣетъ и купитъ опять мельницу и землю, принадлежавшія отцу и дѣду его.

Разговоръ съ дядей Диномъ, принявшимъ его очень радушно въ конторѣ, сильно поколебалъ надежды Тома. Оказывалось, что для за-

работыванія денегъ очень мало было тѣхъ познаній, которыя пріобрѣлъ Томъ подъ руководствомъ мистера Стеллинга. Латинскій языкъ и другія классическія премудрости могли бы пригодиться Тому развѣ для карьеры учителя, но для такой карьеры онъ былъ недостаточно твердъ даже и въ латинскихъ спряженіяхъ. Для практической дѣятельности въ родѣ той, которой посвятилъ себя хоть бы, напримѣръ, мистеръ Динъ, требовалось знаніе счетоводства, умѣнье вести книги; а объ этихъ предметахъ и рѣчи никогда не было подъ кровлею достопочтеннаго пастора. Томъ очень красиво писалъ — вотъ было самое практическое изъ его знаній; но съ нимъ нельзя было далеко уйти и получить хоть сколько нибудь порядочное жалованье.

Съ большою горечью въ сердцѣ вышелъ Томъ изъ конторы Геста и комп. Въ одной изъ улицъ сентъ-оггскихъ ему кинулось въ глаза объявленіе съ крупною надписью: «Дорлькотская мельница». Онъ прочелъ о назначеніи дня для продажи ея съ публичнаго торга, и еще больнѣе сжалось у него сердце.

«— Ну, что сказалъ тебѣ дядя Динъ, Томъ? спрашивала Мегги, взявъ его за руку, когда онъ мрачно сидѣлъ и грѣлся передъ каминомъ въ кухнѣ. — Говорилъ онъ, что дастъ тебѣ какое нибудь мѣсто?

«— Нѣтъ, не говорилъ. Онъ мнѣ вовсе ничего не обѣщалъ; онъ, кажется, думаетъ, что я и не могу получить порядочнаго мѣста. Я слишкомъ молодъ.

«— Но онъ говорилъ съ тобой ласково, Томъ?

«— Ласково? Вотъ нашла объ чемъ хлопотать! Мнѣ и дѣла никакого до его ласкъ нѣту; только бы мнѣ мѣсто-то получить. Этакая досада, право.... Все время учился я въ школѣ по-латынѣ да всякой всячинѣ — и ни на что этого не нужно. Теперь дядя вотъ говоритъ, что мнѣ надо учиться бухгалтеріи, счетоводству и всему этому. По его, кажется, я ни на что не гожусь.

«Томъ пристально глядѣлъ на огонь камина, и губы у него какъ-то судорожно подергивало.»

У Мегги сорвалось невольно съ языка, что она жалѣетъ, что не занималась, какъ пріятельница ея Люси Бертрамъ, двойной и итальянской бухгалтеріей, а то научила бы Тома какъ-разъ.

Тома разсердило это замѣчаніе.

«— *Ты* бы меня научила! Я такъ и зналъ. Это всегдашняя твоя манера, сказалъ онъ.

«— Милый Томъ! вѣдь я пошутила только! возразила Мегги.

«— У тебя всегда одно, Мегги, сказалъ Томъ, слегка нахмуриваясь, какъ нахмуривался обыкновенно, когда ему хотѣлось проявить должную строгость. — Ты всегда ставишь себя выше меня и выше всякого, и

я ужь много разъ собирался сказать тебѣ это. Ты не должна была говорить такъ съ дядями и тетками, какъ вчера; тебѣ слѣдовало предоставить мнѣ заботу о матушкѣ и о тебѣ, а не соваться впередъ самой. Ты ужь думаешь, что знаешь все лучше всѣхъ; а сама всегда почти только путаешь. Я умѣю все гораздо лучше тебя разсудить.

«Бѣдный Томъ! Онъ только-что выслушалъ самъ наставленіе отъ дяди, и почувствовалъ всю свою несостоятельность: его твердая, неподатливая натура искала выместить какъ бы то ни было свое униженіе; а тутъ представился ему очень удобный случай высказать свое превосходство. Щеки у Мегги вспыхнули и губы задрожали; въ ней боролись досада на Тома и любовь къ нему, и въ то же время она чувствовала какое-то благоговѣніе къ твердости и положительности его характера. Она не тотчасъ отвѣчала; очень горькія слова навертывались ей на языкъ, но она удержала ихъ, и наконецъ проговорила:

«— Ты часто думаешь, что я много о себѣ думаю, Томъ, когда я говорю и совсѣмъ безъ всякой мысли объ себѣ. Я вовсе не ставлю себя выше тебя — я знаю, ты велъ себя вчера лучше меня. Но ты всегда такъ грубъ со мной, Томъ.

«Снова, при послѣднихъ словахъ, начала закипать въ ней досада.

«— Нѣтъ, я не грубъ, отвѣчалъ Томъ серьёзно и строго. — Я всегда добръ до тебя; и всегда буду такимъ; я всегда буду о тебѣ заботиться. Но ты должна слушать, что я говорю.»

Мегги втайнѣ пролила не мало горькихъ слезъ послѣ этихъ замѣчаній брата. Ей казалось, что нѣтъ никого на свѣтѣ, кто бы не былъ къ ней жестокъ и не добръ. Она не видала ни той пріязни, ни той любви, которыя составляли главную красу жизни, какъ она представлялась мечтамъ Мегги. Въ книгахъ, которыя она читала, встрѣчались ей люди нѣжные, всегда добрые и пріятные; они рады были доставить радость и счастье другимъ; доброту никто не считалъ порокомъ. Міръ дѣйствительный, а не тотъ, что описывался въ книгахъ, былъ, какъ оказывалось теперь по собственному опыту Мегги, вовсе не такъ свѣтелъ: люди обращаются съ особенною ласкою вовсе не къ тѣмъ, кто проситъ любви. Если же въ жизни нѣтъ любви, то что въ ней для Мегги? Ничего, кромѣ бѣдности да участія въ жалкихъ интересахъ и печаляхъ ея матери — да зависимости отъ ребяческихъ капризовъ больнаго отца.

«Въ темномъ платьицѣ, съ покраснѣвшими глазами, съ откинутыми назадъ тяжелыми косами, сидѣла Мегги около постели, на которой лежалъ отецъ, и смотрѣла то на него, то на мрачныя стѣны унылой комнаты, бывшей средоточіемъ ея міра, и горячо билось ея сердце, и страстно тосковало по всемъ радостномъ и прекрасномъ; она жаждала всякаго знанія; слухъ ея напряженно ловилъ звуки дивной музыки, замиравшей вдали и не достигавшей до нея вполнѣ; слѣпая, безсозна-

тельная тоска просила чего-то, что связало бы воедино чудныя впечатлѣнія этой таинственной жизни и сдѣлало бы ее не чуждой ея душѣ.

«При такомъ противорѣчіи между міромъ внѣшнимъ и внутренними стремленіями нашими неудивительны тяжкія столкновенія.»

Совершенно неожиданно, въ человѣкѣ, о которомъ забыли всѣ въ домѣ, Мегги увидала то сочувствіе, недостатокъ котораго во всѣхъ окружающихъ такъ глубоко ранилъ ее. Маленькій Бобъ, возбуждавшій когда-то ревность Мегги своею дружбой и воинственными похожденіями съ Томомъ, теперь выросъ и изъ празднаго мальчишки, бѣгающаго по полямъ и отыскивающаго птичьи гнѣзда и звѣриныя норки, сталъ уже усерднымъ работникомъ. Память о Томѣ никогда не покидала Боба Джекина; онъ постоянно носилъ въ карманѣ перочинный ножъ, подаренный ему когда-то Томомъ.

Примѣта, что подаренный ножъ навсегда ссоритъ и разлучаетъ даже самыхъ близкихъ друзей, на этотъ разъ не оправдалась. При первой вѣсти о несчастіи, постигшемъ семью его бывшаго товарища, Бобъ поспѣшилъ на мельницу съ цѣлью предложить Тому свою посильную помощь.

Съ трогательною добротой и наивностью выложилъ онъ на столъ передъ Томомъ и Мегги все, что было у него скоплено на черный день. Сумма была не велика — всего девять совереновъ; она не могла ни на волосъ поправить дѣлъ мистера Тулливера. Томъ отказывался брать деньги; но Бобъ настаивалъ, и только послѣ обѣщанія Тома обратиться къ нему въ случаѣ надобности за деньгами, рѣшился опять спрятать въ карманъ свои трудовые соверены. Мегги была такъ отрадно поражена поступкомъ Боба, что сказала ему: «Ахъ, Бобъ, я никогда не думала, что вы такой добрый! Мнѣ кажется, нѣтъ человѣка въ мірѣ добрѣе васъ».

Въ то время, какъ Бобъ пришелъ навѣстить своего стараго товарища, бо̀льшая часть мебели, посуды и другой движимости была уже распродана, и комнаты, до тѣхъ поръ полныя не роскошнаго, но отраднаго комфорта, уныло опустѣли. Въ гостиной осталось лишь нѣсколько стульевъ да два-три небольшихъ стола; коверъ съ полу исчезъ; исчезли и полки со стѣны, на которыхъ стояли книги Мегги. Подъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ были эти полки, лежала на маленькомъ столѣ только старинная фамильная библія да еще двѣ-три книги.

Сердце у Мегги перевернулось, когда она увидала эти жалкіе остатки своей библіотеки, войдя въ первый разъ послѣ аукціона въ гостиную.

«— Ахъ, Томъ! воскликнула она, всплеснувъ руками: — гдѣ же книги? Вѣдь кажется дядя Глеггъ говорилъ, что купитъ ихъ.... помнишь?... Неужто только намъ и осталось?

«— Должно быть, отвѣчалъ Томъ съ досаднымъ равнодушіемъ. — Зачѣмъ имъ покупать много книгъ, когда они и мебели купили такъ мало?

«— Ахъ, Томъ! сказала Мегги, и глаза ея налились слезами, когда она быстро подошла къ столу — посмотрѣть, какія книги остались. — И нашего стараго славнаго «Пути Пилигрима» нѣту — еще ты разрисовалъ его своими красками.... помнишь, пилигримъ былъ въ плащѣ и такъ похожъ на черепаху.... Ахъ, Боже мой!

«Мегги пересмотрѣла немногія остававшіяся книги и продолжала плача:

«— Я думала, мы никогда не разстанемся съ этими книгами, пока живы.... Все теперь ушло отъ насъ.... И въ концѣ жизни у насъ не останется ничего изъ того, что было въ началѣ.»

Вскорѣ за продажею движимой собственности должна была послѣдовать и продажа мельницы и земли. Былъ уже назначенъ и день. Предстоялъ важный для теперешнихъ владѣльцевъ вопросъ: кому достанется дорлькотская мельница? Поговаривали, что ее хочетъ пріобрѣсти фирма Геста и комп., съ которою состоялъ въ такихъ близкихъ отношеніяхъ мистеръ Динъ. Въ случаѣ, еслибъ мельница перешла въ эти руки, мистеръ Тулливеръ могъ остаться на старомъ мѣстѣ распорядителемъ. Неизвѣстно, какъ бы еще было, еслибъ мельницу купилъ кто нибудь другой.

Мистриссъ Тулливеръ прослышала откуда-то, что на аукціонъ не прочь явиться и злостный врагъ ея мужа, атторней Вакемъ. «Что будетъ съ мистеромъ Тулливеромъ, если мельница достанется Ваке-му?» Этотъ страшный вопросъ засѣлъ крѣпкимъ гвоздемъ въ тупомъ мозгу мистриссъ Тулливеръ.

Въ первый разъ въ жизни раздумывая о дѣлахъ, которыя до сихъ поръ не подлежали ея вѣдѣнію, Бесси остановилась на самой нелѣпой мысли. Она можетъ быть инстинктивно и чувствовала, что придумала нелѣпость, потому что не рѣшилась ни сказать, ни намекнуть о своемъ намѣреніи Тому и Мегги. А привести это намѣреніе въ исполненіе она рѣшилась твердо, съ упрямствомъ, свойственнымъ глупости и страху.

Вотъ что выдумала мистриссъ Тулливеръ: пойти потихоньку къ мистеру Вакему и постараться убѣдить его, чтобы онъ оставилъ мысль о покупкѣ мельницы; пусть ужь купятъ ее Гестъ и комп. При нихъ мистеру Тулливеру нечего будетъ покидать старое свое пепелище, тогда какъ при Вакемѣ ему, разумѣется, нельзя уже будетъ оставаться на мельницѣ. Чтобы сдѣлать просьбу свою убѣдительнѣе, мистриссъ Тулливеръ разсудила напомнить черствому дѣльцу о томъ, какъ онъ танцовалъ съ нею въ молодости, когда она была еще дѣвицей и носила столь уважаемую фамилію Додсонъ.

Вакемъ, разумѣется, не былъ въ глазахъ другихъ, съ кѣмъ не имѣлъ судебныхъ столкновеній, такимъ отъявленнымъ злодѣемъ, какимъ представлялся разгоряченному воображенію мистера Талливера. Бесси могла это замѣтить ужь и изъ того, что онъ сказалъ ей: «вѣдь еслибъ и я купилъ мельницу, я попросилъ-бы остаться на ней мистера Талливера и заниматься ею по старому, какъ свое довѣренное лицо.»

Одного только не замѣтила мистриссъ Талливеръ—и самаго главнаго; а именно, что она своимъ визитомъ, своею просьбою и разсказомъ о намѣреніи Геста и комп. пріобрѣсть дорлькотскую мельницу дала Вакему первую мысль купить владѣнія своего мужа. Слухъ, дошедшій до нея, былъ несправедливъ, и не явись Бесси къ атторнею, онъ и не подумалъ бы торговать мельницу. Теперь ему пришло въ голову: «Вѣдь если Гестъ и комп. хочетъ купить это имѣніе — значитъ, оно обѣщаетъ очень значительныя выгоды; ужь не пріобрѣсть ли мнѣ его въ самомъ дѣлѣ?»

И точно, когда мистеръ Талливеръ поправился на столько, чтобы выйти изъ своей спальни и спуститься внизъ, дорлькотская мельница со всею приписанной къ ней землей принадлежала уже мистеру Вакему.

Два слишкомъ мѣсяца прошли для бѣднаго мистера Талливера какъ во снѣ. Мы уже говорили, что сознаніе очень рѣдко возвращалось къ нему, и то на самый краткій срокъ. Семья старалась удалять отъ него все непріятное въ эти рѣдкія минуты, и мистеръ Талливеръ не зналъ ничего о тяжкихъ ударахъ несчастія, разразившихся надъ его побѣдною головой.

Тѣмъ временемъ дядя Динъ, сначала такъ обезкураживщій Тома, позаботился о немъ: нашелъ ему временно мѣсто прикащика въ оптовомъ магазинѣ и доставилъ возможность брать по вечерамъ уроки бухгалтеріи и счетоводства. Дружба дочери мистера Дина, Люси, съ Мегги и ея распросы о положеніи дѣлъ Талливеровъ можетъ быть не мало способствовали его доброжелательству къ Тому.

Трудною задачею было объяснить все происшедшее мистеру Талливеру, когда къ нему окончательно возвратилось сознаніе. Хуже всего было послѣднее обстоятельство, именно, что мельница принадлежала теперь Вакему. Объ немъ слѣдовало сообщить выздоравливающему всего осторожнѣе.

Мистеръ Талливеръ узналъ эту новость повидимому довольно спокойно; но за первыми минутами этого наружнаго спокойствія послѣдовала тяжелая внутренняя борьба. Ненависть къ Вакему, нежеланіе быть у него подъ началомъ, горькое чувство безпомощности, привычка къ мѣсту, гдѣ жили и умерли отецъ и дѣдъ, безвыход-

ность положенія какъ для себя, такъ и для всей семьи—все это мутило голову и болѣзненно сжимало сердце мистера Тулливера. Въ каждомъ словѣ глупой Бесси проглядывало желаніе, чтобы мужъ ея покорился судьбѣ, принялъ предложеніе новаго владѣльца мельницы и остался жить на старомъ мѣстѣ. Не разъ сорвался у нея съ языка и обычный упрекъ, что мистеръ Тулливеръ сдѣлалъ ее несчастною.

Послѣ горькаго раздумья и труднаго колебанія мистеръ Тулливеръ рѣшился послѣдовать желанію жены и остаться на дорлькотской мельницѣ.

Вечеромъ, послѣ чая, мистеръ и мистриссъ Тулливеръ и Мегги сидѣли у камина въ опустѣвшей гостиной. Мистеръ Тулливеръ все глядѣлъ на полъ, шевелилъ слегка губами, и по временамъ покачивалъ головой. Порой онъ быстро взглядывалъ то на Бесси, сидѣвшую съ вязаньемъ насупротивъ него, то на Мегги, склоненную надъ шитьемъ и смутно чувствовавшую, что въ эти минуты въ душѣ ея отца происходитъ тяжелая драма.

«Вдругъ онъ взялся за кочергу и началъ съ какимъ-то ожесточеніемъ разбивать самый большой кусокъ угля въ каминѣ.

«— Ахъ, Боже мой! мистеръ Тулливеръ, что это вы? воскликнула его жена, въ тревогѣ отводя глаза отъ вязанья: — вѣдь это убыточно — разбивать такъ уголь; у насъ, пожалуй, и нѣтъ ужь больше такого славнаго куска; да еще когда-то и будетъ?

«— Хорошо ли вы себя чувствуете, батюшка? спросила Мегги: — вы какъ будто не совсѣмъ здоровы.

«— Что это нейдетъ Томъ? проговорилъ нетерпѣливо мистеръ Тулливеръ.

«— Ахъ, да развѣ ужь пора? Мнѣ надо пойти приготовить ему поужинать, сказала мистриссъ Тулливеръ, оставляя свое вязанье и направляясь вонъ изъ комнаты.

«— Скоро ужь половина девятаго, сказалъ мистеръ Тулливеръ. — Онъ скоро придетъ. Поди принеси мнѣ большую библію и открой ее въ началѣ, гдѣ все у меня записывается. Да подай перо и чернилицу.

«Мегги повиновалась въ изумленіи; но отецъ больше ничего не сказалъ, и только прислушивался, не хруститъ ли песокъ за окномъ подъ ногами Тома. Его повидимому сердилъ вѣтеръ, поднявшійся съ большою силой и заглушавшій своимъ завываньемъ всѣ другіе звуки. Глаза у мистера Тулливера какъ-то странно сверкали, и Мегги порой становилось какъ будто страшно: ей тоже хотѣлось, чтобы Томъ воротился поскорѣе.

«— Вотъ онъ! тревожно проговорилъ мистеръ Тулливеръ, когда наконецъ послышался стукъ въ дверь.

«Мегги пошла отворить; но мать ея поспѣшно выбѣжала изъ кухни и сказала:

«— Погоди, Мегги; я отопру.

«Мистриссъ Тулливеръ начинала немножко побаиваться своего Тома; но ревниво глядѣла на каждую услугу, оказываемую ему другими.

«— Я приготовила тебѣ ужинать, мой другъ, въ кухнѣ, у огня, проговорила она, когда Томъ снялъ съ себя шляпу и пальто. — Ты тамъ одинъ поужинаешь, какъ любишь — и я не стану говорить съ тобой.

«— Вѣдь батюшка хотѣлъ видѣть Тома, матушка, сказала Мегги: — пусть онъ сначала войдетъ въ гостиную.

«У Тома, какъ всегда по вечерамъ, былъ утомленный и нѣсколько мрачный видъ. Войдя въ гостиную, онъ тотчасъ же замѣтилъ раскрытую библію и чернилицу, и съ какимъ-то тревожнымъ изумленіемъ взглянулъ на отца. Отецъ проговорилъ:

«— Поди сюда. Что поздно? Мнѣ тебя нужно.

«— А что такое, батюшка? спросилъ Томъ.

«— Сядь — и всѣ сядьте, строго сказалъ мистеръ Тулливеръ. — Ты сядь здѣсь, Томъ; надо, чтобы ты написалъ кое-что въ библіи.

«Всѣ сѣли, пристально глядя на него. Онъ началъ говорить тихо, медленно, обративъ сперва глаза къ женѣ:

«— Я смирилъ себя, Бесси, и рѣшилъ не огорчать тебя больше. Въ одной могилѣ придется намъ лежать, и не слѣдуетъ намъ коситься другъ на друга. Я останусь на старомъ мѣстѣ и буду служить Вакему — буду служить какъ честный человѣкъ: безчестныхъ Тулливеровъ еще не бывало — помни это, Томъ.

«Голосъ его сталъ громче.

«— Всю вину сваливаютъ на меня.... Но я не виноватъ.... Много мерзавцевъ на свѣтѣ — вотъ что. Много ихъ собралось противъ меня, и поневолѣ пришлось мнѣ уступить. Теперь запрягусь въ чужія оглобли.... Правду ты говоришь, Бесси — я тебя втянулъ въ бѣду да въ горе.... Стану служить ему честно — какъ будто онъ и не бездѣльникъ: я честный человѣкъ, хоть мнѣ ужь вѣкъ не поднять головы.... Я теперь дерево сломанное — да! дерево сломанное.

«Онъ пріостановился и опустилъ глаза; потомъ быстро поднялъ голову и проговорилъ громче и строже:

«— Но я ему не прощу! Я знаю, что говорятъ — говорятъ, онъ вовсе не хотѣлъ дѣлать мнѣ зла.... Онъ всему корень, всему — только онъ тонкій джентльменъ — знаемъ мы, знаемъ! Мнѣ бы, говорятъ, не слѣдовало тяжбу заводить. А кто это сдѣлалъ, что нельзя было найти ни суда, ни расправы? Ему это ни почемъ — знаю: онъ изъ тѣхъ ловкихъ господъ, что наживаютъ деньги, заправляя дѣла людямъ побѣднѣе; а пустить кого по міру, такъ еще и милостыню потомъ подастъ. Я ему не прощу! Я бы хотѣлъ, чтобы такой позоръ палъ на него, чтобъ и родной сынъ не захотѣлъ съ нимъ знаться. Я бы хотѣлъ, чтобъ онъ на каторгу угодилъ! Да не угодитъ — онъ слишкомъ тонкій мерзавецъ, и изо всего вывернется. Помни ты это, Томъ — и не смѣй ему прощать, не смѣй, если хочешь быть мнѣ сыномъ! Можетъ, будетъ такое время, что попадетъ онъ тебѣ въ руки.... мнѣ ужь этого не дождаться... Я теперь, какъ волъ, запрягусь. Напиши это — напиши въ библію

«— Батюшка! что вы? вскричала Мегги и упала передъ нимъ на колѣни, вся блѣдная и дрожащая: — это нехорошо — грѣхъ замышлять зло и класть на себя такія обѣщанія.

«— Ничего тутъ нѣтъ нехорошаго! сердито сказалъ отецъ. — Нехорошо, если бездѣльникамъ жить хорошо — дьяволъ имъ помощникъ. Дѣлай, что я говорю, Томъ. Пиши!

«— Что же мнѣ писать, батюшка? спросилъ съ мрачной покорностью Томъ.

«— Пиши, что отецъ твой, Эдвардъ Тулливеръ, поступилъ въ услуженіе къ Джону Вакему, человѣку, который старался о его разореніи, поступилъ потому, что обѣщалъ женѣ вознаградить ее, чѣмъ могу, за ея горе, и потому, что хочу умереть на старомъ мѣстѣ, гдѣ и самъ я родился, гдѣ и отецъ мой родился. Напиши это поскладнѣе — ты ужь знаешь, какъ.... А потомъ напиши, что я никогда этого не прощу Вакему, и хоть стану ему служить честно, а желаю ему всякаго зла. Такъ и напиши!

«Мертвое безмолвіе водворилось въ комнатѣ, когда Томъ задвигалъ перомъ по бумагѣ. Мистриссъ Тулливеръ глядѣла испуганными глазами; Мегги дрожала какъ листъ.

«— Прочитай теперь, что написалъ, сказалъ мистеръ Тулливеръ.

«Томъ прочелъ громко и внятно.

«— Теперь пиши — пиши, что всегда будешь помнить, что Вакемъ сдѣлалъ съ твоимъ отцомъ, и что ты отплатишь за это ему и его близкимъ, если будетъ такой случай. И имя свое внизу подпиши: Томасъ Тулливеръ.

«— Ахъ, нѣтъ! Батюшка! милый батюшка! вскричала Мегги, внѣ себя отъ страха: — не заставляйте Тома писать это!

«— Будь покойна, Мегги! сказалъ Томъ. — Я напишу.»

IV.

Читатель можетъ быть помнитъ выписанную нами бѣглую замѣтку автора романа о томъ, съ какою прихотливостью природа скрываетъ часто подъ самыми обыкновенными отроческими физіономіями, создаваемыми ею какъ будто оптомъ, самые твердые характеры. Намекая на Тома и Мегги, авторъ прибавилъ: «черноглазая, смѣлая, непокорная дѣвочка рано или поздно покажется пассивнымъ существомъ сравнительно съ этимъ бѣлымъ и румянымъ отрокомъ съ неопредѣленными чертами лица».

Въ минуты горя, постигшаго мистера Тулливера и съ тѣмъ вмѣстѣ всю его семью, Томъ, этотъ бѣлый и румяный отрокъ, проявилъ по видимому истинно-мужественную силу характеру, тогда какъ Мегги оказалась, при всей бойкости и смѣлости своей, страдатель-

нымъ лицомъ... Такъ, кажется, думаетъ авторъ; но на этотъ разъ намъ трудно съ нимъ согласиться.

Стоитъ внимательно прослѣдить отношенія къ Мегги отца, матери и брата, чтобы видѣть, какъ упорно и деспотически старались убивать въ ней чуть не съ самой колыбели всякой порывъ къ самостоятельности. Отецъ находилъ ее умной, но вслѣдъ за похвалой ея уму и способностямъ обыкновенно говорилъ, что все это не кстати дѣвочкѣ; тупоумная мать требовала отъ нея нѣмаго повиновенія, безъ всякихъ разсужденій, какъ бы ни казались глупы и нелѣпы ея требованія; Томъ чуть не каждымъ словомъ своимъ напоминалъ Мегги ея ничтожество, хотя Мегги очень хорошо сознавала, что у Тома слабая и тупая голова.

Постоянно въ теченіе всего дѣтства своего Мегги съ страстнымъ негодованіемъ боролась противъ несправедливости, осуждавшей ее на рабское покорство; борьба была тяжела, и къ годамъ болѣе зрѣлаго пониманія Мегги начала доискиваться хоть какого-нибудь разумнаго смысла въ тѣхъ всеобщихъ требованіяхъ, противъ которыхъ такъ возмущалась вся ея натура, хоть какой-нибудь возможности примиренія съ ними. Прежде съ дѣтскою прямотой высказывала она каждую мысль свою, каждое чувство, какъ бы ни были они противуположны мыслямъ и чувствамъ людей, окружавшихъ ее; теперь, измученная борьбою, она старалась все затаивать въ себѣ, облечь себя наружно въ полное покорство судьбѣ. Съ негодованіемъ и ожесточеніемъ отталкиваемая всѣми отъ всякой внѣшней, практической дѣятельности, страстная и даровитая дѣвушка тѣмъ съ бо̀льшею энергіей обратилась къ замкнутой жизни въ мірѣ мысли и фантазіи, гдѣ ей никто не ставилъ произвольныхъ преградъ. Въ самомъ обращеніи этомъ лежитъ уже зародышъ излишней, почти болѣзненной чувствительности, и страстнаго мистицизма для натуръ, влекущихся всѣми силами ума и сердца къ непосредственному участію въ заботахъ и тревогахъ общей жизни, которая отдѣлена отъ нихъ высокою стѣной предразсудка.

Такова болѣе или менѣе исторія всѣхъ даровитыхъ женскихъ натуръ при настоящемъ положеніи женщины среди общества. Какъ знать! можетъ быть и сама миссъ Эвансъ этимъ же путемъ дошла до многихъ мистическихъ воззрѣній, мѣстами проглядывающихъ въ ея произведеніяхъ.

Это однакожь не заставитъ насъ признавать ее существомъ пассивнымъ, какимъ не признаемъ мы и Мегги.

Хваленая активность Тома есть не что иное, какъ полное покорство рутинѣ, какъ слѣпая и тупая увѣренность въ непогрѣшительности того, что̀ разъ установилось, и страхъ передъ всякою новою

мыслью, передъ всякимъ живымъ чувствомъ, которыя только нарушаютъ правильный, то-есть машинальный ходъ жизни. Для насъ гораздо больше пассивности въ согласіи Тома написать на страницѣ библіи обѣщаніе мстить врагу своего отца, въ сдержанности его при разговорѣ съ тетками, чѣмъ въ недостаткѣ благоразумія и самообладанія въ Мегги, недостаткѣ, происходившемъ отъ болѣе глубокихъ и болѣе прочныхъ требованій отъ жизни, чѣмъ узкія и своекорыстныя требованія Тома.

Для характеристики нравственнаго развитія Мегги, принявшаго религіозное направленіе, очень важенъ разсказъ о томъ, какъ ее заинтересовала книга Ѳомы Кемпійскаго «О подражаніи Христу», которую, вмѣстѣ съ другими разнаго содержанія книгами, принесъ ей въ подарокъ Бобъ, слышавшій жалобы Мегги на продажу скудной ея библіотеки. Этотъ разсказъ мы приведемъ почти цѣликомъ.

«Чувство одиночества и полнаго отсутствія всякихъ радостей сильнѣе овладѣло Мегги съ приходомъ ясныхъ весеннихъ дней. Всѣ любимыя мѣста ея въ окрестности дома, на которыхъ какъ будто отражалась заботливость о ней и нѣжная ласка къ ней ея родителей, теперь омрачились вмѣстѣ съ внутренними стѣнами дома, и перестали улыбаться въ сіяніи солнца. Каждое чувство, каждая отрада бѣдной дѣвушки были, можно сказать, нервною болью. Она не слыхала уже никакой музыки — ни фортепіанъ, ни согласныхъ голосовъ, ни чудныхъ струнныхъ инструментовъ, съ ихъ страстнымъ рыданьемъ, повергавшимъ въ странный трепетъ все существо ея. Отъ всей школьной жизни ничего не оставалось у нея, кромѣ нѣсколькихъ учебныхъ книгъ, которыя нечего было и открывать: она знала ихъ наизустъ, и онѣ не могли дать ей никакого утѣшенія. Даже еще и въ пансіонѣ ей часто хотѣлось достать книгъ, въ которыхъ было бы что нибудь *больше:* все, что ни учила она тамъ, казалось ей чѣмъ-то въ родѣ концовъ длинныхъ нитей, которыя тотчасъ же и обрывались. Теперь же — при отсутствіи школьнаго соревнованія—Телемакъ былъ для нея скучнѣйшею вещью, такъ же, какъ и тяжелые, сухіе вопросы морали: въ нихъ не было аромата — не было силы. Иногда Мегги казалось, что ее удовлетворили бы какіе нибудь увлекательные вымыслы... Если бъ у нея были всѣ романы Скотта и всѣ поэмы Байрона, можетъ быть она нашла бы въ нихъ счастье, и чувство ея было бы тупѣе къ впечатлѣніямъ дѣйствительной будничной жизни. А ихъ-то у нея и не было. Она могла бы создавать себѣ фантастическіе міры; но никакой фантастическій міръ уже не удовлетворилъ бы ея теперь. Ей хотѣлось какого нибудь объясненія этой тяжкой дѣйствительной жизни. Убитый горемъ отецъ, сидящій безмолвно за скуднымъ завтракомъ; растерянная, впавшая въ дѣтство мать; мелкая и жалкая работа, поглощающая все время, или еще болѣе тягостное бездѣйствіе скучныхъ, безрадостныхъ досуговъ; отсутствіе нѣжной и дѣятельной любви; горькое сознаніе, что Томъ совершенно равнодушенъ ко всему, что она ни думаетъ,

что ни чувствуетъ, что онъ уже пересталъ быть товарищемъ ея игръ; лишеніе всего пріятнаго, замѣтное ей болѣе, чѣмъ другимъ... Мегги желала бы имѣть такой ключъ, который далъ бы ей уразумѣть и помогъ переносить, уразумѣвъ, тяжкое бремя, павшее на ея молодое сердце.»

Мегги сожалѣла, что ее не учили тѣмъ великимъ наукамъ и той мудрости, которыя были извѣстны «великимъ людямъ». Съ такимъ знаніемъ—думала она—тайны жизни открылись бы для нея. Хоть бы достать тѣ книги, изъ которыхъ почерпается эта мудрость!

Мегги вспомнила о книгахъ Тома, привезенныхъ имъ отъ мистера Стеллинга и съ тѣхъ поръ лежавшихъ въ сундукѣ. Разумѣется, не много можно было почерпнуть изъ книгъ Тома: изъ латинской грамматики, изъ латинскаго словаря, изъ «Логики» Ольдриджа, изъ учебника геометріи.

«Но латинскій языкъ, геометрія и логика должны быть все-таки важнымъ шагомъ въ мужской мудрости — въ этомъ знаніи, которое дѣлаетъ мужчинъ такими довольными, всегда находящими пріятность въ жизни. Нельзя сказать, чтобы это страстное стремленіе къ знанію было вполнѣ чисто отъ всякой примѣси: по временамъ въ пустынѣ будущаго рисовался какой-то миражъ, въ которомъ Мегги видѣла себя предметомъ общаго уваженія за свои изумительныя познанія. И бѣдное дитя, въ томленіи душевной жажды, съ вѣрой въ обольстительныя мечты, принялась за жосткій плодъ съ древа науки: всѣ свободные часы посвящала она латинскому языку, геометріи и формамъ силлогизма, радуясь по временамъ, что у нея совершенно достаетъ пониманія для этихъ исключительно мужскихъ предметовъ. Недѣли двѣ она занималась довольно прилежно, хотя порой и падала духомъ, какъ странникъ, отправившійся одинъ въ обѣтованную землю и очутившійся на безводной, безлюдной степи, гдѣ нѣтъ прямой и вѣрной дороги. Въ минуты первой строгой рѣшимости Мегги брала съ собою Ольдриджа въ поле, и тамъ переносила свой взглядъ отъ книги къ небу, куда взвился жаворонокъ, или къ тростникамъ и кустарникамъ по берегу рѣки, изъ которыхъ пугливо и неловко выпархивали дикія утки, и смущенная мысль ея никакъ не умѣла найти связи между Ольдриджемъ и этимъ живымъ міромъ. И что ни день, то глубже вселялось въ нее уныніе, и пылкое сердце ея все больше и больше брало перевѣсъ надъ терпѣливымъ умомъ. Когда она сидѣла съ книгой у окна, глаза ея невольно устремлялись на озаренную солнцемъ окрестность, потомъ наливались слезами, и подчасъ, когда не было въ комнатѣ матери, всѣ занятія Мегги кончались рыданіями. Она возмущалась противъ своей судьбы; изнывала въ одиночествѣ; порой овладѣвала ею даже злоба и ненависть къ отцу и матери, которые были такъ не похожи на то, что хотѣлось бы ей видѣть въ нихъ—и къ Тому, который останавливалъ ее, и на каждую мысль, на каждое чувство отвѣчалъ противорѣчіемъ; это озлобле-

ніе, какъ потокъ лавы, затопляло въ ней и любовь и сознаніе, и она съ ужасомъ чувствовала, что ей нетрудно сдѣлаться демономъ.»

Посѣщеніе добродушнаго Боба, принесшаго связку книгъ для развлеченія Мегги, сообщило новое направленіе ея недовольству. Она стала думать, что главное несчастіе ея — эти желанія и потребности, неизвѣстныя болѣе простымъ людямъ, эта жажда всего высокаго и прекраснаго, какое только можетъ быть на землѣ. Мегги почти завидовала Бобу и его легко удовлетворяющемуся невѣдѣнію.

Книги, принесенныя Томомъ, были пріобрѣтены имъ совершенно безъ всякаго разбора. Онъ не зналъ въ этомъ дѣлѣ никакого толку, и только чтобы доставить удовольствіе Мегги, пріобрѣлъ у букиниста за дешевую цѣну что̀ попалось.

Пересматривая ихъ, Мегги не нашла ничего особенно интереснаго, и только имя Ѳомы Кемпійскаго въ заглавіи одной изъ книгъ остановило на себѣ ея вниманіе.

«Это имя было знакомо ей, потому что не разъ попадалось ей при чтеніи, и она почувствовала то удовольствіе, какое испытываетъ всякій, когда можетъ связать какую нибудь идею съ именемъ, одиноко блуждающимъ въ памяти. Съ нѣкоторымъ любопытствомъ развернула она небольшую, старую, неказистую книжку; уголки листовъ во многихъ мѣстахъ были загнуты, и чья-то рука, теперь на вѣкъ успокоившаяся, отмѣтила нѣкоторыя строки чернилами, давно поблекшими отъ времени. Мегги перевертывала листъ за листомъ, и читала мѣста, указанныя мертвою теперь рукой... «Знай, что ничто въ свѣтѣ не дастъ тебѣ такой тревоги, какъ любовь къ самому себѣ... Если ты станешь искать того или другаго, и захочешь быть здѣсь или тамъ для удовлетворенія воли своей и своего удовольствія, никогда не будешь ты спокоенъ и свободенъ отъ заботъ; потому что во всемъ будетъ чего нибудь недоставать, и во всякомъ мѣстѣ встрѣтится что нибудь непріятное для тебя... Всюду, куда бы ни направилъ путь, обрѣтешь ты крестъ, и всюду долженъ ты будешь вооружиться терпѣніемъ, если хочешь пріобрѣсть миръ душевный и вѣнецъ неувядаемый... Если хочешь ты подняться на эту высоту, бодро иди въ путь и занеси сѣкиру надъ корнемъ, дабы низвергнуть и истребить въ себѣ сокровенную чрезмѣрную любовь къ самому себѣ и ко всѣмъ личнымъ и земнымъ благамъ. Отъ этого грѣха, что человѣкъ чрезмѣрно любитъ себя, все почти происходитъ, и надлежитъ всячески побѣждать его; побѣди и покори себѣ зло, и великій миръ и спокойствіе снидутъ въ твою душу... Сколько бы ни страдалъ ты, все будетъ мало въ сравненіи съ тѣми, которые такъ много страдали, и такъ сильно искушаемы были, и такъ горько скорбѣли, и столь многообразные несли подвиги. Итакъ, приведи себѣ на мысль наиболѣе тяжкія скорби другихъ, и легче будетъ тебѣ переносить собственныя малыя несчастія. Если же они не кажутся тебѣ малыми, размысли, не нетерпѣніе ли твое тому причиной... Блаженны

уши, кои внемлятъ шопоту божественнаго голоса, и не слушаютъ шопота мірскаго. Блаженны уши, кои внемлятъ не голосу извнѣ звучащему, но истинѣ, внутри насъ поучающей».

«Странный благоговѣйный трепетъ пробѣгалъ по Мегги, когда она читала эти строки, словно пробудили ее посреди ночи звуки какой-то торжественной музыки, возвѣщавшей ей о существахъ, души которыхъ бодрствовали въ то время, какъ ея душа была оцѣпенена сномъ. Мегги продолжала читать; она переходила отъ замѣтки къ замѣткѣ, и почти не сознавала, что читаетъ книгу: ей казалось скорѣе, что она прислушивается къ какому-то тихому голосу.

«Зачѣмъ обращаешь ты взоръ свой къ этому міру (говорилъ голосъ)? Здѣсь ли мѣсто твоего успокоенія? Въ небесахъ жилище твое, и все земное должно лишь споспѣшествовать странствію твоему туда. Всѣ блага земныя пройдутъ, и ты пройдешь вмѣстѣ съ ними. Берегись же прилѣпляться къ нимъ, дабы съ ними не погибнуть... Если и все имѣніе свое отдастъ человѣкъ — и это ничтожно. И какой бы подвигъ и искусъ не наложилъ онъ на себя — всякій подвигъ малъ. И хотя бы всякаго знанія достигъ онъ — все далекъ онъ отъ совершенства. И хотя бы онъ былъ великой добродѣтели, и самаго пылкаго благочестія, все же многаго не будетъ доставать ему, именно одного, что ему нужнѣе всего. Что же это такое? Чтобы, оставивъ все, онъ и себя оставилъ, и вполнѣ отложился отъ себя, и не было уже въ немъ нисколько любви къ себѣ... Много разъ говорилъ я тебѣ, и вновь теперь говорю: забудь себя, пожертвуй собою, и миръ вселится въ душу твою... И отлетятъ отъ тебя тогда всѣ праздныя мечтанія, всѣ злыя треволненія, всѣ излишнія заботы; и оставитъ тебя неумѣренный страхъ, и умретъ въ тебѣ неумѣренная любовь».

«Мегги глубоко вздохнула и откинула назадъ свои тяжелые локоны, словно желая яснѣе разсмотрѣть какое-то внезапное видѣніе. Такъ вотъ эта тайна жизни, тайна, владѣя которою, она могла отказаться отъ всѣхъ другихъ тайнъ... Такъ вотъ эта чудная высота, которой можно достигнуть безъ всякаго внѣшняго пособія... Такъ вотъ это вѣдѣніе, и и сила, и побѣда, которыя можно пріобрѣсть вполнѣ собственнымъ душевнымъ стремленіемъ, и божественный учитель ждетъ лишь нашего вниманія, чтобы заговорить намъ изъ глубины нашей души. Мегги дрогнула какъ отъ внезапнаго разрѣшенія мучительной задачи. Стало быть, всѣ скорби ея юной жизни произошли оттого, что она слишкомъ прилѣплялась сердцемъ къ собственному своему наслажденію, какъ будто это наслажденіе есть необходимый центръ всего міра. Въ первый разъ увидѣла она возможность взглянуть иначе на удовлетвореніе своихъ желаній, отдѣлиться отъ себя и видѣть въ жизни своей лишь незначительную часть божественно-управляемаго цѣлаго. Она читала и перечитывала старую книгу, страстно упиваясь разговорами незримаго учителя, образца страданія, источника всякой силы. Она возвращалась къ ней послѣ каждаго дѣла, и читала до тѣхъ поръ, пока солнце не садилось за ивами. Со всею тревогой воображенія, неспособнаго никакъ успокоиться на настоящемъ, сидѣла она въ сумеркахъ, составляя планы

самоуничиженія и безусловнаго покорства. Въ пылу перваго открытія, самоотверженіе казалось Мегги первою ступенью къ душевному довольству, котораго она такъ долго искала понапрасну. Она не замѣчала — да и какъ могла она замѣтить, проживши еще такъ немного? — сокрытой въ словахъ стараго монаха истины, что самоотверженіе — тоже страданіе, хотя страданіе, взятое на себя добровольно. Мегги постоянно тосковала о счастьѣ, и была въ восторгѣ, что нашла ключъ къ нему. Она не знала никакихъ доктринъ и системъ — ни мистицизма, ни квіетизма; этотъ голосъ изъ далекаго прошедшаго былъ отзывомъ вѣрованія и опыта человѣческой души, и доносился къ Мегги неопровержимою вѣстью.»

Авторъ объясняетъ такое глубокое вліяніе старой книги на душу пылкой дѣвушки не однимъ идеальнымъ настроеніемъ ея посреди печальной дѣйствительности; но и самою искренностью, съ которою была написана книга. Едва ли способны были подѣйствовать на Мегги цѣлыя груды современныхъ поученій такъ, какъ подѣйствовало это небольшое сочиненіе.

«Оно было написано рукой, слѣдовавшей внушенію сердца; это хроника одинокой, потаенной печали, борьбы, упованій и побѣды, написанная не на бархатномъ креслѣ въ подкрѣпленіе людямъ, идущимъ окровавленными ногами по каменистой дорогѣ.»

Нѣсколькими строками ниже миссъ Эвансъ говоритъ:

«Когда пишешь исторію не великосвѣтскихъ семействъ, поневолѣ впадешь иногда въ эмфатическій тонъ, который далекъ отъ тона высшаго общества, гдѣ принципы и вѣрованія отличаются чрезвычайной умѣренностью, но всегда предполагаются въ другихъ, и потому дѣло касается лишь предметовъ, къ которымъ можно относиться съ легкой и граціозной ироніей. У высшаго общества есть тонкія вина и бархатные ковры, обѣденныя приглашенія на полтора мѣсяца впередъ, опера и роскошныя бальныя залы; высшее общество катается отъ скуки на своихъ кровныхъ коняхъ, разъѣзжаетъ по клубамъ; ему приходится защищаться отъ вихря кринолинъ; оно получаетъ свою науку отъ Фарадея, а мораль отъ высшаго разряда clergimen'овъ, которыхъ можно встрѣтить въ лучшихъ домахъ: откуда же быть у него времени для вѣрованій и эмфаза, или потребности въ нихъ? Но высшее общество, порхающее на пушистыхъ крыльяхъ ироніи, продуктъ очень дорогой; для производства его требуется ни болѣе ни менѣе, какъ трудовая жизнь народной массы, сжатой въ душныхъ, оглушающихъ фабрикахъ, сгорбленной въ рудникахъ, потѣющей у горновъ, вертящей колеса, взмахивающей молотомъ, ткущей въ болѣе или менѣе удушливой атмосферѣ углеродной кислоты — или, можетъ быть, разбросанной по овечьимъ загонамъ, по одинокимъ домамъ и хижинамъ около глинистыхъ или мѣловыхъ полей, гдѣ уныло тянутся дождливые дни. Эта широко-раскинутая народная жизнь вся основана на энтузіазмѣ —

энтузіазмѣ нужды, которая побуждаетъ ее по всѣмъ родамъ дѣятельности, необходимой для поддержанія хорошаго общества и легкой ироніи. Тяжкіе годы ея проходятъ часто въ холодныхъ, необитыхъ коврами стѣнахъ, средь семейныхъ раздоровъ, не смягченныхъ длинными корридорами. При такихъ обстоятельствахъ, посреди этихъ миріадъ душъ есть много такихъ, для которыхъ составляетъ настоятельную потребность восторженная вѣра. Жизнь въ такихъ печальныхъ условіяхъ вызываетъ даже въ умахъ мало мыслящихъ желаніе какого нибудь объясненія — точно такъ, какъ васъ интересуетъ иногда, что такое могло уколоть васъ въ вашей постели, гагачій пухъ и превосходныя французскія пружины которой не возбуждаютъ въ васъ никакихъ сомнѣній и вопросовъ. У однихъ восторженная вѣра въ алкоголь, и они ищутъ «экстаза» или внѣшней точки опоры въ джинѣ; остальные прибѣгаютъ къ тому, что хорошее общество именуетъ «энтузіазмомъ.»

Этотъ-то «энтузіазмъ», дающій терпѣніе и поддерживающій человѣка, когда члены его болятъ отъ изнеможенія и люди холодно смотрятъ на его лишенія, «энтузіазмъ», внушающій самоотреченіе и любовь къ другимъ, все болѣе укрѣплялся въ Мегги въ ея печальномъ одиночествѣ.

Не разъ хотѣлось ей проявить свою любовь къ семьѣ и заботу о благосостояніи разореннаго отца и горюющей матери въ посильномъ трудѣ; ей казалось, что она могла бы, работая, содѣйствовать къ скорѣйшей уплатѣ долговъ, все еще тяготѣвшихъ на мистерѣ Тулливерѣ. Но всякіе пути къ практической дѣятельности, въ которую все глубже вдавался Томъ, были у нея отрѣзаны, и на высказанное ею однажды желаніе трудиться братъ ея отвѣчалъ почти съ негодованіемъ, что не ея дѣло заботиться о поправкѣ семейныхъ обстоятельствъ, что онъ съумѣетъ уладить ихъ и безъ ея помощи.

V.

Мегги минуло шестнадцать лѣтъ. Жизнь ея шла все въ томъ же нравственномъ напряженіи и внѣшнемъ бездѣйствіи. Томъ между тѣмъ успѣлъ упрочить нѣсколько свою карьеру, и подавалъ надежду стать со временемъ на такую же твердую ногу, какъ и дражайшіе супруги его тетушекъ Глеггъ, Пуллетъ и Динъ. Мистеръ Динъ, доставивъ Тому мѣсто въ конторѣ Геста и комп., не раскаявался въ своей рекомендаціи. Практическій смыслъ и усердіе племянника очень радовали его. Даже строптивая тетка Глеггъ начинала смотрѣть на Тома, какъ на достойный отпрыскъ почтенной фамиліи Додсонъ. Съ помощью Боба, принявшагося промышлять мелкою торговлей,

Томъ попробовалъ пуститься и въ торговые обороты. Дѣло пошло довольно успѣшно, и у него было уже накоплено фунтовъ полтараста, кромѣ денегъ, которыя откладывались для уплаты отцовскихъ долговъ отъ его заработковъ и отъ жалованья самого мистера Туливера.

Однажды, когда Мегги сидѣла съ шитьемъ у окна, во дворъ въѣхалъ мистеръ Вакемъ въ сопровожденіи какого-то новаго лица, до тѣхъ поръ не бывавшаго на мельницѣ. Мегги тотчасъ же узнала Филипа, бывшаго товарища Тома. Она поспѣшила уйти на верхъ, чтобы не встрѣчаться съ Филипомъ въ присутствіи своего и его отцовъ.

Мегги увидала своего стариннаго пріятеля безъ волненія, хотя и помнила его твердо, хотя и оставалась въ ней дѣтская признательность къ нему, и жалость къ его физическому недостатку, и уваженіе къ его уму и познаніямъ. Въ первое время своего одиночества она постоянно вспоминала Филипа: это былъ одинъ изъ немногихъ людей, отъ которыхъ она видѣла ласку; часто желалось ей, чтобы Филипъ былъ ея братомъ и наставникомъ. Но потомъ она стала думать, что года вѣроятно прошли не даромъ для Филипа, и что она можетъ быть въ опытномъ и свѣтскомъ молодомъ человѣкѣ не найдетъ уже прежняго добраго мальчика, съ которымъ она такъ сошлась у мистера Стеллинга.

Почти каждый день Мегги ходила гулять въ небольшую сосновую рощу, лежавшую въ сторонѣ отъ дороги, которая шла мимо самыхъ воротъ дорлькотской мельницы. Здѣсь-то въ первый разъ увидалась она съ Филипомъ послѣ ихъ давней разлуки.

Какъ ни тяжела была ея внутренняя борьба, здоровая сила молодости не уступила ей, и глаза Мегги были полны огня, щеки свѣжи и губы румяны. Только строгій и нѣсколько грустный взглядъ говорилъ о годахъ тревожныхъ думъ и неудовлетвореннаго чувства.

Мегги никакъ не думала встрѣтиться съ кѣмъ нибудь въ своей одинокой прогулкѣ. Лицо Вакема вспыхнуло яркимъ румянцемъ, когда онъ подошелъ къ Мегги, снялъ шляпу и подалъ ей руку. Мегги тоже покраснѣла отъ неожиданности, скоро смѣнившейся удовольствіемъ. Она заговорила первая.

«— Вы испугали меня, сказала она, слегка улыбаясь, — Здѣсь никого не встрѣчаешь. Какъ это вы забрели сюда? Вы хотѣли видѣть *меня?*

«Нельзя было не замѣтить, что Мегги чувствовала себя опять ребенкомъ.

«— Да, именно, отвѣчалъ въ нѣкоторомъ смущеніи Филипъ: — мнѣ очень хотѣлось видѣть васъ. Я вчера долго ждалъ у рѣки, около ва-

него дома, не выйдете ли вы; но вы не выходили. Сегодня я опять сталъ поджидать; я видѣлъ, куда вы пошли, я пошелъ слѣдомъ вдоль по берегу, не выпуская васъ изъ виду. Вы не разсердитесь на меня за это?

«— Ахъ, нѣтъ, сказала Мегги просто и серьёзно, и пошла дальше, словно приглашая Филиппа идти съ нею рядомъ: — я очень рада, что вы пришли. Мнѣ очень хотѣлось какъ нибудь имѣть случай поговорить съ вами. Я никогда не забывала, какъ вы были добры тогда — помните? — къ Тому и ко мнѣ; но я не была увѣрена, вспомните ли вы насъ такъ. И мнѣ и Тому пришлось съ тѣхъ поръ вытерпѣть много горя; я думаю, отъ этого и любишь такъ припоминать, что было прежде.

«— Вы вѣрно не думали обо мнѣ такъ много, какъ думалъ объ васъ я, застѣнчиво сказалъ Филиппъ. — Знаете ли? когда мы разстались, я нарисовалъ васъ такою, какъ вы были въ то утро, въ классной, когда сказали, что не забудете меня.»

И Филиппъ показалъ Мегги миніатюрный портретъ ея, очень хорошо сдѣланный водяными красками. Маленькая «чернушка» была на немъ, какъ живая. Съ закинутыми за уши густыми кудрями, она смотрѣла вдаль страннымъ задумчивымъ взглядомъ, облокотясь на столъ.

«— Ахъ, какая была я смѣшная! сказала, улыбаясь, Мегги и покраснѣла отъ удовольствія. — Я сама помню себя въ такой прическѣ, въ этомъ красномъ платьецѣ. Я въ самомъ дѣлѣ была похожа на цыганку. Скажите, прибавила она, немного помолчавъ: — такою думали вы увидать меня?

«Эти слова могли быть сказаны кокеткой; но въ прямомъ и ясномъ взглядѣ Мегги, обращенномъ на Филиппа, не было кокетства. Она дѣйствительно надѣялась, что ему понравится ея лицо теперь; но это былъ просто порывъ удовольствія, какое доставляла ей всегда похвала и пріязнь другихъ. Филиппъ встрѣтилъ ея взглядъ, и довольно долго молча смотрѣлъ на нее; потомъ спокойно проговорилъ:

«— Нѣтъ, Мегги.

«Краска немного сбѣжала съ лица Мегги, и губы ея какъ будто слегка задрожали. Она опустила вѣки, но не отвела головы, и Филиппъ продолжалъ смотрѣть на нее.

«Потомъ онъ тихо сказалъ:

«— Я не ждалъ увидать такую красавицу.

«— Въ самомъ дѣлѣ? вскричала Мегги, и удовольствіе озарило ее опять яркимъ румянцемъ.»

Они пошли молча дальше, и изъ-подъ навѣса сосенъ вышли на освѣщенную солнцемъ зеленую поляну. Лицо Мегги, съ котораго Филиппъ не спускалъ глазъ, какъ будто слегка омрачилось.

Она остановилась, и, опять поднявъ глаза на Филипа, проговорила съ серьезною грустью:

«— Я хотѣла бы, чтобы мы всегда были друзьями — мнѣ кажется, это было бы такъ хорошо. Но во всемъ мнѣ горе: ничто не остается при мнѣ изъ того, что я любила, когда была маленькая. Старыя книги пропали; Томъ перемѣнился — батюшка тоже. Это просто смерть! Мнѣ приходится разставаться со всѣмъ, что мнѣ было дорого въ дѣтствѣ. Я и съ вами должна разстаться: и знать другъ о другѣ намъ не слѣдуетъ. Мнѣ объ этомъ-то и хотѣлось поговорить съ вами. Я хотѣла вамъ сказать, что тутъ не моя воля — ни моя, ни Тома, и если вы увидите, будто я совсѣмъ васъ забыла, не думайте, что это изъ гордости или изъ зависти — или — или изъ какого бы то ни было дурнаго чувства.

«По мѣрѣ того, какъ Мегги говорила, голосъ ея звучалъ все печальнѣе и нѣжнѣе, и глаза начали наполняться слезами. Лицо Филипа принимало все болѣе грустное выраженіе; онъ сталъ больше похожъ на прежняго мальчика, и физическая слабость его вызывала больше состраданія.

«— Я знаю — я вижу все, что вы хотите сказать, заговорилъ онъ, и голосъ его какъ будто ослабѣлъ отъ горькаго чувства. — Я знаю, почему намъ надо держать себя дальше другъ отъ друга. Но это несправедливо, Мегги... вы не сердитесь на меня? я такъ привыкъ называть васъ Мегги въ своихъ думахъ... Это несправедливо — всѣмъ жертвовать неразумнымъ чувствамъ другихъ. Я многимъ бы пожертвовалъ своему отцу; но не пожертвовалъ бы дружбой, или — или какою бы то ни было привязанностью, въ угоду его желанію, которое не казалось бы мнѣ справедливымъ.

«— Не знаю, задумчиво промолвила Мегги: — часто, когда я была раздосадована и недовольна, я думала, что не обязана ничѣмъ жертвовать; много я думала, стараясь снять съ себя свой долгъ. Но изъ этого никогда не выходило добра — это было дурное направленіе мысли. Что бы я ни сдѣлала, я вполнѣ увѣрена, что буду подъ конецъ жалѣть, зачѣмъ не отказалась ото всего, пріятнаго лично мнѣ, чтобы не омрачать еще болѣе жизни отца.

«— Да омрачитъ ли это его жизнь, если мы будемъ иногда видѣться? сказалъ Филипъ.

«Онъ хотѣлъ сказать не совсѣмъ то, но удержалъ себя.

«— О! я увѣрена, что это будетъ ему непріятно. Не спрашивайте, отчего, не говорите объ этомъ, сказала Мегги печально. — Батюшка такъ глубоко чувствуетъ все это. Онъ вовсе не счастливъ.

«— А я счастливѣе? воскликнулъ почти съ отчаяніемъ Филипъ: — я тоже несчастливъ.

«— Отчего? нѣжно спросила Мегги. — Впрочемъ — я не смѣю спрашивать — но мнѣ очень, очень горько это.»

Они пошли опять. После последнихъ словъ Филипа, Мегги тяжело было настаивать, чтобы онъ не искалъ съ нею встрѣчи.

«— Я стала гораздо счастливѣе, робко заговорила она наконецъ: — съ тѣхъ поръ какъ отказалась отъ мысли о томъ, что легко и пріятно, и перестала сокрушаться, что у меня нѣтъ своей воли. Каждому опредѣлена своя доля въ жизни — и душѣ легче и свободнѣй, когда откажешься отъ желаній и думаешь только, какъ бы нести то, что возложено на насъ, и дѣлать, что намъ задано.

«— Но я не могу отказаться отъ желаній, нетерпѣливо отвѣчалъ Филипъ. — Мнѣ кажется, мы никакъ не можемъ перестать томиться и желать, пока живы. Есть вещи, которыя кажутся нашему чувству красотою, благомъ, и мы *должны* жаждать ихъ. Какъ можемъ мы удовлетвориться безъ нихъ, пока не умерло въ насъ чувство? Я люблю живопись — я стараюсь достигнуть въ ней совершенства. Я употребляю всѣ силы, и все-таки не могу произвести то, что мнѣ хочется. Это мнѣ тяжело, и всегда *будетъ* тяжело, пока не притупятся мои способности, какъ притупляется въ старости зрѣніе. Есть еще много и другаго, къ чему я стремлюсь...

«Филипъ замялся немного; потомъ продолжалъ:

«— Къ тому, что есть у другихъ, и чего я буду всегда лишенъ. Въ моей жизни не будетъ ничего великаго или прекраснаго; лучше бы мнѣ совсѣмъ не жить!

«— Филипъ! воскликнула Мегги: — я бы не хотѣла, чтобы вы думали такъ.

«Но сердце ея забилось съ тою же тревогой, которая проглянула въ словахъ Филипа.

«— Такъ послушайте, сказалъ онъ, быстро повернувшись къ ней и съ мольбой глядя ей въ лицо своими сѣрыми глазами: — я былъ бы доволенъ жизнью, если бъ вы позволили мнѣ видѣться съ вами по временамъ.

«Лицо ея навело на него робость, онъ отвелъ глаза, и продолжалъ, сдержаннѣе:

«— У меня нѣтъ друга, которому бы я могъ повѣрять все — никого нѣтъ, кому бы я былъ дорогъ; и еслибъ только я могъ видѣть васъ иногда, и вы позволили мнѣ по временамъ говорить съ вами и видѣть вашу доброту ко мнѣ — еслибъ мы оставались всегда друзьями и помогали другъ другу — я былъ бы тогда радъ жить.»

Какъ было Мегги согласиться на свиданія, которыхъ просилъ у нея Филипъ? Вражда ихъ отцовъ казалась ей несокрушимымъ препятствіемъ. Филипъ напротивъ убѣждалъ ее, что изъ его сближенія съ нею можетъ выйти современемъ примиреніе для враждующихъ партій; по его мнѣнію, обоюдное вліяніе ихъ могло залечить старыя раны и заставить забыть прошлое. «Я не думаю, чтобы у моего отца

была непримиримая ненависть (говорилъ Филиппъ); мнѣ кажется, онъ доказалъ противное».

Долго еще говорили Филипъ и Мегги въ это свиданіе. Убѣжденія Филипа сильно дѣйствовали на сердце Мегги, хотя и не могли разогнать вполнѣ ея сомнѣній и опасеній. Въ каждомъ словѣ Филипа, въ каждомъ взглядѣ его проглядывала страстная любовь; но Мегги ни разу не пришло на мысль, что свиданія въ Red Deeps (такъ называлось мѣсто обычныхъ ея прогулокъ), если она согласится на нихъ, могутъ показаться кому-нибудь любовными свиданіями. Въ сердцѣ ея за нихъ говорила только дружба; это не безъ тайной грусти замѣчалъ Филипъ. Мѣняться мыслями, совѣтоваться другъ съ другомъ, разсказывать о всемъ случающемся—вотъ что представлялось Мегги прелестью прогулокъ вдвоемъ, на которыя вызывалъ ее Филипъ.

Онъ вспомнилъ прежнюю страсть Мегги къ книгамъ, и спрашивалъ, много ли читаетъ она. Мегги, разумѣется, высказала свое горе, что у нея такъ мало книгъ.

«Филипъ вынулъ изъ кармана небольшой томъ; но, взглянувъ на корешокъ, сказалъ:

«— Ахъ, это вторая часть; а то вы можетъ быть вздумали бы взять ее съ собой. Она была у меня въ карманѣ, потому что я изучалъ тутъ одну сцену для картины.

«Мегги взглянула на книгу и прочла ея заглавіе: старыя впечатлѣнія вдругъ овладѣли ею съ могучею властью.

«— Ахъ, это «Пиратъ», вскричала она, взявъ книгу изъ рукъ Филипа. — Я начала его когда-то; я дочитала до того мѣста, какъ Минна шла съ Кливлендомъ; а конца такъ и не могла достать, и все придумывала его въ головѣ. Много окончаній я придумала; но все несчастныя были окончанія. Счастливаго конца я никакъ не могла придумать къ этому началу. Бѣдная Минна! Мнѣ бы хотѣлось знать, чѣмъ все кончается въ книгѣ. Я долго не могла отвлечь своей мысли отъ Шетландскихъ острововъ — на меня какъ будто вѣяло вѣтромъ съ бурнаго моря.

«Мегги говорила быстро; глаза у нея сверкали.

«— Возьмите этотъ томъ съ собой, Мегги, сказалъ Филипъ, съ восторгомъ любуясь ею. — Мнѣ его теперь не нужно. Вмѣсто этого, я нарисую васъ — васъ подъ этими соснами, въ ихъ тѣни.

«Мегги не слыхала ни слова: она была поглощена страницей, на которой раскрыла книгу. Но вдругъ она снова закрыла ее и подала Филипу, откинувъ назадъ голову, словно хотѣла крикнуть: «прочь!» обступившимъ ее образамъ.

«— Возьмите ее, Мегги, просилъ Филипъ: — она доставитъ вамъ удовольствіе.

«— Нѣтъ, благодарю васъ, отвѣчала Мегги, отводя руку Филипа, протягивавшую къ ней книгу, и пошла дальше. — Я пожалуй опять

влюбляюсь въ этотъ міръ, какъ прежде — опять стану желать видѣть и знать многое — и всю жизнь тосковать.

«— Но вѣдь не всегда же останется съ вами ваша теперешняя доля. Зачѣмъ же вамъ такъ убивать въ себѣ мысль и чувство? Это узкій аскетизмъ... Не хорошо, что вы такъ упорствуете въ немъ, Мегги. Поэзія, искусство, наука — святы и чисты.

«— Они не для меня — не для меня, проговорила Мегги, учащая шаги. — Я слишкомъ многаго стала бы желать. Надо терпѣть — этой жизни будетъ же конецъ.

«— Не уходите отъ меня, не сказавши мнѣ «прощайте», Мегги, сказалъ Филиппъ, когда они дошли до крайней группы сосенъ, а она все продолжала идти, не произнося ни слова. — Я думаю, мнѣ не слѣдуетъ идти дальше.

«— Ахъ, да! я и забыла; прощайте! сказала Мегги, останавливаясь и подавая ему руку.

«Это движеніе опять возбудило въ ней теплое чувство пріязни къ Филиппу. Нѣсколько минутъ прошло въ молчаніи; они смотрѣли другъ другу въ лицо, и руки ихъ были вмѣстѣ.

«Наконецъ Мегги сказала, отнимая свою руку:

«— Я вамъ такъ благодарна, что вы думали обо мнѣ всѣ эти годы. Отрадно, когда знаешь, что насъ любитъ кто нибудь. Какъ это чудно и какъ хорошо, что Богъ далъ вамъ такое сердце, и что вы думали о смѣшной маленькой дѣвочкѣ, которую знали всего недѣлю, двѣ. Я помню, я вамъ говорила тогда, что мнѣ кажется, вы любите меня больше, чѣмъ Томъ.

«— Ахъ, Мегги! почти съ тоскою проговорилъ Филиппъ: — вы меня никогда не полюбите такъ, какъ любите своего брата.

«— Да, можетъ быть, простодушно отвѣчала Мегги: — но вѣдь первое, что я помню въ жизни, это — какъ я стояла съ Томомъ на берегу Флоссы, и онъ держалъ меня за руку: до этого все мнѣ темно. Но я никогда не забуду васъ — хоть мы и должны разстаться.

«— Не говорите этого, Мегги, сказалъ Филиппъ. — Если въ теченіе пяти лѣтъ у меня не выходила изъ памяти эта маленькая дѣвочка, неужто я не заслужилъ ничего въ ея глазахъ? Она не должна совсѣмъ покидать меня.

«— Да, если бъ я была свободна, отвѣчала Мегги: — но мнѣ нѣтъ воли — я должна покоряться.

«Она пріостановилась на минуту, и потомъ прибавила:

«— Я хотѣла еще сказать вамъ, чтобы вы не старались сойтись съ братомъ — развѣ только кланялись ему. Онъ мнѣ сказалъ разъ, чтобы я не говорила съ вами, если увижусь; а онъ что скажетъ, того ужь не перемѣнитъ... Ахъ, Боже мой! солнце ужь сѣло. Я слишкомъ долго сегодня здѣсь. Прощайте!

«Она еще разъ подала ему руку.

«— Я буду приходить сюда всякій разъ, какъ мнѣ будетъ можно; авось и встрѣчу васъ, Мегги. Будьте ко мнѣ такъ же добры, какъ къ другимъ.

«— Хорошо, хорошо, проговорила Мегги, поспѣшно уходя.

«Она скоро скрылась за крайними деревьями; но Филипъ все стоялъ неподвижно и все смотрѣлъ вслѣдъ, какъ будто еще видитъ ее.»

Филипъ не могъ ни изъ чего заключить, есть ли въ Мегги хоть доля такой любви къ нему, какая переполняла все его сердце: ея ласковая пріязнь была, казалось, та самая, что нѣкогда принесла столько отрады и утѣшенія Филипу подъ кровлей мистера Стеллинга; ни проблеска страсти, ни порыва — кроткое, дѣтское чувство. Но Филипъ съ тревожною надеждой думалъ, что на умоляющій зовъ его сердца можетъ откликнуться любящее сердце Мегги, что она можетъ полюбить его современемъ. «Если какая нибудь женщина можетъ полюбить меня (говорилъ Филипъ), то эта женщина — Мегги». Въ ней было такое богатство любви, и не было никого, на кого обратить бы весь ея избытокъ. Къ любви самого Филипа примѣшивалось горькое сожалѣніе о тѣсномъ кругу, въ которомъ должна томиться и можетъ быть даже погибнуть столь щедро одаренная и полная жизни натура...

«Для кого расцвѣла? для чего развилась?»

Мегги опять пришла подъ тѣнь высокихъ сосенъ, гдѣ привыкла гулять, и опять встрѣтилась съ Филипомъ. Это была еще попытка проститься съ нимъ надолго, если не навсегда. Мегги говорила Филипу, что и она и онъ могутъ найти счастье и радость въ сознаніи своего самоотреченія. Но Филипъ страстно отвѣчалъ на это, что такое самоотреченіе есть вина противъ природы, что не можетъ быть здраваго счастья въ подавленіи въ себѣ лучшихъ и благороднѣйшихъ силъ нашей души. Онъ говорилъ кромѣ того, что этого покорства темной средѣ, въ которой обречена пройти жизнь Мегги, въ ней нѣтъ, что она только обманываетъ себя. Мегги во глубинѣ души сознавала справедливость словъ Филипа; но въ ней не доставало энергіи открыто пренебречь тяжкими условіями, которыя налагала на нее семья: образъ несчастнаго и жалкаго отца безпрестанныкъ упрекомъ возникалъ въ ея воображеніи. —«Какой добрый братъ были бы вы, Филипъ!» говорила Мегги, сидя съ нимъ на полянѣ въ Red Deeps, и желая, и не находя въ себѣ силы рѣшительно проститься съ нимъ. Губы ея улыбались, но глаза были влажны отъ слезъ...

«— Вы вѣрно такъ же заботились бы обо мнѣ, Филипъ, и были бы такъ же довольны моей любовью, какъ я довольна вашей. Вы бы лю—

были меня настолько, чтобы терпѣть вмѣстѣ со мной, и все прощать мнѣ. Я всегда желала, чтобы таковъ былъ Томъ. Я никогда и ни въ чемъ не была довольна *малымъ*. Вотъ почему, по моему, лучше совсѣмъ отказаться отъ земнаго счастія... Мнѣ всегда казалось мало музыки, которую я слышала... мнѣ хотѣлось, чтобы больше инструментовъ играло вмѣстѣ — чтобы голоса были полнѣе и глубже. Поете вы нынче, Филиппъ? вдругъ спросила она, какъ бы забывая все, что говорила.

«— Да, почти каждый день, отвѣчалъ онъ. — Но голосъ мой — такая же посредственность, какъ и все во мнѣ.

«— Ахъ, спойте мнѣ что нибудь — одну какую нибудь пѣсню. Я бы послушала, прежде чѣмъ идти... Что нибудь изъ того, что вы пѣли у мистера Стеллинга по субботамъ послѣ обѣда, когда намъ отдавали въ полное распоряженіе гостиную и я покрывала себѣ голову передникомъ, чтобы слушать.

«— Знаю, сказалъ Филиппъ.

«Мегги закрыла лицо руками, а Филиппъ запѣлъ *sotto voce:*

«Любовь въ глазахъ ея сіяла....»

«— Это? спросилъ онъ, кончивъ.

«— Нѣтъ, я не могу оставаться, сказала Мегги, вскакивая. — Это не будетъ давать мнѣ покоя. Пойдемте, Филиппъ. Мнѣ надо домой.

«Она пошла, и Филиппъ долженъ былъ встать и слѣдовать за нею.

«— Мегги, началъ онъ тономъ убѣжденія: — не упорствуйте въ своемъ насильственномъ, безсмысленномъ самоотреченіи. Мнѣ горько видѣть, какъ вы подавляете и душите свою природу. Вы были такъ полны жизни, когда я зналъ васъ ребенкомъ: я думалъ, вы будете чудною женщиной, сверкающей умомъ и фантазіей. Этотъ умъ, эта фантазія и теперь озаряютъ ваше лицо, когда вы не накидываете на него покрывало тупаго спокойствія.

«— Зачѣмъ вы говорите съ такой горечью, Филиппъ? сказала Мегги.

«— Затѣмъ, что вижу — это не можетъ кончиться добромъ: вы не вынесете этого само-истязанія.

«— Я воспитаю въ себѣ силу, съ трепетомъ проговорила Мегги.

«— Нѣтъ, Мегги, этого не будетъ; ни у кого нѣтъ силы на неестественные подвиги. Это просто трусость — искать безопасности въ отрицаніи. Не такъ вырабатывается сила характера. Когда нибудь судьба броситъ васъ въ свѣтъ, и тогда каждое разумное удовлетвореніе вашей природы, въ которомъ вы отказываете себѣ теперь, приметъ размѣры дикой страсти.

«Мегги вздрогнула и остановилась. Глаза ея тревожно устремились на лицо Филипа.

«— Филиппъ, зачѣмъ вы такъ колеблете мою мысль? Вы искуситель.

«— Нѣтъ; но любовь сообщаетъ человѣку прозорливость, а прозорливость часто далеко видитъ впередъ. Выслушивайте меня — позвольте мнѣ ссужать васъ книгами; позвольте видѣться съ вами по временамъ — быть вашимъ братомъ и учителемъ, какъ вы говорили у насъ въ шко-

дѣ. Видѣться со мною не такъ дурно, какъ совершать надъ собой это долгое самоубійство.

«Мегги не могла произнести ни слова. Она покачала головой и пошла молча къ крайнимъ соснамъ, гдѣ подала Филипу руку въ знакъ прощанія.

«— Неужто вы навсегда изгоняете меня отсюда, Мегги? Неужто я не могу приходить сюда иногда? Если я случайно встрѣчу васъ здѣсь, это не будетъ тайнымъ договоромъ между нами.»

Сердечное согласіе стоитъ всякихъ договоровъ; Мегги промолчала въ отвѣтъ на эти вопросы Филипа, но свиданія ихъ не прекратились.

Филипъ приносилъ Мегги книги, разговаривалъ съ нею; эти разговоры, раскрывшіе ей столько новаго въ области жизни, науки и искусства, давали ей силу нести съ большею твердостью тяжелый крестъ, выпавшій на ея долю, и стали для нея скоро необходимой потребностью. Съ первой встрѣчи Филипа съ Мегги прошелъ почти годъ.

Въ одинъ изъ первыхъ апрѣльскихъ дней слѣдующаго года можно было увидать двоихъ друзей на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ они впервые увидались въ прошломъ іюнѣ. Мегги возвратила Филипу взятую у него книгу. Это была «Коринна». «Я не кончила ее», сказала Мегги: «какъ только дѣло дошло до бѣлокурой молодой леди, читающей въ паркѣ, я закрыла книгу и рѣшилась не читать больше». Мегги казалось, что эта блондинка непремѣнно перейдетъ дорогу Кориннѣ и сдѣлаетъ ее несчастною. «Я рѣшила не читать болѣе книгъ, гдѣ все счастье достается блондинкамъ», прибавила Мегги: «я начинаю чувствовать къ нимъ предубѣжденіе». Во всѣхъ романахъ, которые приносилъ Филипъ, брюнетки страдали, и Мегги просила его, чтобъ онъ далъ ей хоть одну книгу, гдѣ торжество достается на долю женщинамъ съ черными волосами и черными глазами. «Я бы хотѣла отомстить за Ревекку, и за Флору Макъ-Эйворъ, и за Минну, и вообще за всѣхъ этихъ вѣчно страдающихъ брюнетокъ», говорила Мегги. Филипъ шутя замѣтилъ ей, что она бы могла немедленно привести въ исполненіе свои мстительныя намѣренія. Стоило поѣхать въ Сентъ-Оггъ, къ кузинѣ Люси, за которою ухаживаетъ теперь одинъ молодой человѣкъ, именно Стефенъ Гестъ, сынъ того Геста (и комп.), съ которымъ соединенъ коммерческими узами мистеръ Динъ и у котораго въ конторѣ служитъ Томъ. «Вамъ стоитъ только просіять передъ нимъ», сказалъ Филипъ: «и ваша миленькая маленькая кузина совсѣмъ померкнетъ отъ вашего блеска.» Мегги разсердилась было на Филипа за эту шутку; но онъ скоро получилъ прощеніе. Мегги нашла даже нужнымъ оправдываться и какъ бы извиняться въ высказан-

номъ ею мнѣнія о брюнеткахъ. Она говорила, что не потому ихъ несчастія особенно трогаютъ ее, что она сама брюнетка. «Нѣтъ», прибавила она: «это потому, что у меня больше лежитъ сердце къ тѣмъ, кто несчастенъ. Я всегда беру сторону отверженныхъ любовниковъ въ романахъ».

«— Значитъ, вы и сами пожалѣли бы отвергнуть человѣка, который васъ любитъ... скажите, Мегги! сказалъ Филипъ, слегка краснѣя.

«— Не знаю, отвѣчала она съ запинкой; потомъ съ ясною улыбкой продолжала: — можетъ быть и не пожалѣла бы, еслибъ этотъ человѣкъ много о себѣ думалъ; но и то, еслибъ онъ очень смирился потомъ, я бы смягчилась.

«— Я часто спрашивалъ себя, Мегги, сказалъ съ нѣкоторымъ усиліемъ Филипъ: — можете ли вы въ самомъ дѣлѣ полюбить такого человѣка, котораго другія женщины не могутъ полюбить.

«— Все зависитъ отъ того, за что не любятъ, отвѣчала, смѣясь, Мегги. — Иной очень непріятный человѣкъ, или вставляетъ себѣ въ глазъ стеклышко и гримасничаетъ, какъ напримѣръ молодой Торри. Я думаю, это не любятъ другія женщины. Но я никогда не чувствовала жалости къ Торри. Я никогда не жалѣю людей высокомѣрныхъ; они, кажется, очень довольны собой.

«— Но предположите, Мегги — предположите, что человѣкъ не высокомѣрный — которому не отъ чего и быть высокомѣрнымъ — который съ дѣтскихъ лѣтъ обреченъ на особеннаго рода страданіе — предположите, что такой человѣкъ видитъ въ васъ свѣтлую звѣзду своей жизни — любитъ васъ, поклоняется вамъ... такъ преданъ вамъ всѣмъ существомъ своимъ, что для него высокое счастье уже одно позволеніе ваше видѣть васъ изрѣдка...

«Филипа остановило чувство мучительнаго страха, что это признаніе можетъ вдругъ лишить его этого счастья — чувство, налагавшее на него безмолвіе въ теченіе долгихъ мѣсяцевъ. Онъ сознавалъ, что эти слова были безумной неосторожностью. Взглядъ Мегги былъ въ этотъ день и спокоенъ и равнодушенъ.

«Но тутъ равнодушіе покинуло ее. Пораженная необыкновеннымъ волненіемъ въ тонѣ Филипа, она быстро повернулась къ нему, чтобъ взглянуть на него, и по мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ, лицо ея все болѣе и болѣе измѣнялось: оно покрылось румянцемъ и легкій трепетъ пробѣгалъ по немъ, какъ при новой вѣсти, низвергающей всѣ наши прежнія соображенія. Она не промолвила ни слова и, подойдя къ пню срубленнаго дерева, сѣла на него, словно обезсиленная. Она дрожала.

«— Мегги, сказалъ Филипъ, котораго каждая минута молчанія повергала все въ большую и большую тревогу: — я безумно поступилъ, сказавши это... Забудьте, что я сказалъ. Я буду радъ, если все останется по прежнему.

«Отчаяніе, какимъ звучали его слова, вызывало Мегги сказать что нибудь.

«— Я такъ удивлена, Филиппъ... У меня и мысли объ этомъ не было.

«Отъ усилія, съ какимъ говорила она, глаза ея переполнились слезами.

«— Вы не стали ненавидѣть меня за это, Мегги? сказалъ съ горячностью Филиппъ: — вы не считаете меня забывающимся глупцомъ?

«— Ахъ, Филиппъ, отвѣчала Мегги: — какъ можете вы предполагать во мнѣ такія чувства? Развѣ не была бы я рада *всякой* любви? Но... но я никогда не думала, чтобы вы такъ любили меня. Мнѣ казалось это такъ далеко — какъ сонъ — или какъ только вымыселъ воображенія — что будетъ когда нибудь человѣкъ, который *такъ* полюбитъ меня.

«— И вамъ не непріятно, что этотъ человѣкъ — я, Мегги, сказалъ Филиппъ, садясь около нея и взявъ ее за руку въ порывѣ внезапной надежды. — Любите вы меня?

«Мегги нѣсколько поблѣднѣла: на этотъ прямой вопросъ ей казалось не легко отвѣчать. Но глаза ея встрѣтились съ глазами Филиппа, которые въ эту минуту были влажны и прекрасны отъ молящаго выраженія любви. Мегги заговорила съ запинкой, но съ чудной простотой и дѣтской нѣжностью.

«— Мнѣ кажется, я не могла бы никого любить больше: кромѣ того, что я люблю въ васъ, мнѣ ничего не надо.

«Она пріостановилась немного; потомъ прибавила:

«— Но для насъ лучше не говорить больше объ этомъ — не правда ли, милый Филиппъ? Вы знаете, что вамъ и друзьями нельзя быть, если нашу дружбу откроютъ. Я никогда не оправдывала себя, что уступаю желанью видѣть васъ — хоть это и было мнѣ такъ отрадно, такъ дорого! Теперь меня опять беретъ страхъ, что это не кончится добромъ.

«— Но вѣдь никакой бѣды не было, Мегги. Еслибъ вы поддались этому страху прежде, вы прожили бы еще тяжелый унылый годъ вмѣсто того, чтобы расцвѣсть полною жизнью.

«Мегги покачала головой.

«— Это было такъ отрадно, я знаю — и наши разговоры, и книги, и чувство, что впереди мнѣ предстоитъ прогулка, и что я перескажу вамъ мысли, которыя приходили мнѣ въ голову съ тѣхъ поръ, какъ я васъ не видала. Но я стала безпокойна; я много стала думать о свѣтѣ; и опять тревожныя мысли одолѣваютъ меня... Мнѣ становится несносно дома... и въ то же время сердце у меня надрывается, что я скучаю отцомъ и матерью. Мнѣ кажется, лучше было бы, какъ вы называете, заглохнуть — лучше бы... И мои самолюбивыя желанія заглохли бы.

«Филиппъ опять поднялся, и сталъ тревожно ходить взадъ и впередъ.

«— Нѣтъ, Мегги, эти мысли о побѣдѣ надъ собой — не хорошія мысли: я вамъ неразъ говорилъ это. Вы называете побѣдой надъ собой старанія быть слѣпою и глухой ко всему, кромѣ извѣстнаго круга впечатлѣній; въ такой натурѣ, какъ ваша, это не что иное, какъ путь къ мономаніи.

«Въ голосѣ его слышалось раздраженіе. Но онъ опять сѣлъ рядомъ съ Мегги и взялъ ее за руку.

«— Не думайте о прошедшемъ, Мегги; думайте лишь о нашей любви. Если вы точно можете привязаться ко мнѣ всѣмъ сердцемъ, со

временемъ всѣ препятствія могутъ исчезнуть: надо только подождать. Я могу любить и надѣяться. Взгляните на меня, Мегги; скажите мнѣ еще разъ, что можете любить меня. Полноте смотрѣть на это сломанное дерево; оно не предвѣщаетъ ничего хорошаго.

«Она съ грустной улыбкой обратила на него свои большіе, черные, блестящіе глаза.

«— Скажите хоть одно ласковое слово, Мегги! Или вы были добрѣе ко мнѣ у мистера Стеллинга? Вы спрашивали меня, хотѣлось ли бы мнѣ, чтобъ вы меня поцаловали — помните?.. И вы обѣщали цаловать меня, когда опять встрѣтитесь со мной. Вы не сдержали ни разу этого обѣщанія.

«Воспоминаніе объ этой дѣтской порѣ наполнило отрадой сердце Мегги. Настоящая минута перестала казаться ей такою странной. Почти такъ же просто и спокойно поцаловала она Филипа, какъ въ ту пору, какъ ей было всего двѣнадцать лѣтъ. Глаза Филипа загорѣлись счастьемъ; но первыя слова его отозвались грустью.

«— Вы какъ будто не довольно счастливы, Мегги: вы принуждаете себя сказать, что любите меня — изъ жалости ко мнѣ.

«— Нѣтъ, Филипъ, отвѣчала Мегги, качая головой со своею прежней, дѣтской манерой: — я говорю вамъ правду. Все это мнѣ такъ ново и такъ странно; но мнѣ кажется, я никого не могла бы любить больше, чѣмъ люблю васъ. Я бы желала всегда жить съ вами — сдѣлать васъ счастливымъ. Я всегда была счастлива, когда была съ вами. Одного только не могу я сдѣлать для васъ: я никакъ не рѣшусь опечалить чѣмъ нибудь батюшку. Не требуйте отъ меня этого.

«— Я ничего не стану требовать, Мегги... Я все буду переносить и терпѣть.. Я готовъ цѣлый годъ ждать отъ васъ другаго поцалуя, если вы только дадите мнѣ первое мѣсто въ вашемъ сердцѣ.

«— Нѣтъ, сказала Мегги, улыбаясь: — я не заставлю васъ ждать такъ долго.

«Но лицо ея опять приняло серьёзное выраженіе; она встала и проговорила:

«— А что скажетъ вашъ отецъ, Филипъ? Мы можемъ быть только друзьями — не больше — можемъ быть втайнѣ братомъ и сестрой, какъ были до сихъ поръ. Не станемъ думать объ иномъ.

«— Нѣтъ, Мегги, я не могу отказаться отъ васъ — если вы только не обманываете меня — если вы въ самомъ дѣлѣ не любите меня только какъ брата. Скажите мнѣ правду.

«— Да, я васъ люблю, Филипъ. Я не знала счастья выше, какъ быть съ вами... съ дѣтскихъ лѣтъ... съ того времени, какъ Томъ еще былъ добръ ко мнѣ. И вашъ умъ для меня какъ будто цѣлый особый міръ: вы можете сказать мнѣ обо всемъ, что я хочу знать. Мнѣ кажется, я никогда бы не устала быть съ вами.

«Они шли рука объ руку, глядя друга на друга; Мегги надо было спѣшить домой — ужь пора. Но чувство, что минута прощанья близка, сжало ей сердце опасеніемъ, не произвела ли она безъ намѣренія какого нибудь тяжелаго впечатлѣнія на душу Филипа. Это было одно изъ тѣхъ опасныхъ мгновеній, когда слова въ одно и тоже время и

искренни и обманчивы — когда чувство, поднявшись высоко надъ своимъ обыкновеннымъ уровнемъ, оставляетъ замѣту своей временной высоты, до которой ему потомъ уже никогда не подняться.

«Они остановились, чтобы проститься, у группы сосенъ.

«— Итакъ моя жизнь будетъ теперь полна надеждъ, Мегги — и, что бы ни случалось со мной, я буду счастливѣе всѣхъ... Мы принадлежимъ другъ другу — навсегда — врознь ли мы будемъ, или вмѣстѣ... Не правда ли?

«— Да, Филипъ; я хотѣла бы никогда не разставаться съ вами; я хотѣла бы сдѣлать вашу жизнь очень счастливой.

«— Я жду еще кой-чего... Не знаю только...

«Мегги улыбнулась съ сверкнувшими на глазахъ слезами; потомъ наклонила голову и поцаловала блѣдное лицо, обращенное къ ней съ умоляющей, робкой, почти женской любовью.

«Это была минута дѣйствительнаго счастья и для нея — минута вѣры, что если и есть жертвы въ этой любви, то тѣмъ отраднѣй, тѣмъ богаче счастьемъ самая любовь.

«Мегги повернулась и быстро пошла къ дому, чувствуя, что часъ, прошедшій съ того времени, какъ она шла этою дорогой, былъ для нея началомъ новой эры.»

Мистриссъ Тулливеръ не разъ выражала Мегги свое неудовольствіе, что она ходитъ гулять въ Red Deeps, гдѣ такъ сыро и такъ легко простудиться. Томъ не разъ слышалъ это. На другой день послѣ столь рѣшительнаго для любви Мегги свиданія съ Филипомъ, мистриссъ Пуллетъ, за родственнымъ обѣдомъ, сказала, что всякой разъ, какъ проѣзжаетъ дорогою мимо Red Deeps, встрѣчаетъ тамъ Филипа Вакема. Мистриссъ Пуллетъ не приписывала этому обстоятельству рѣшительно никакого значенія, и упомянула о немъ только къ слову, потому-что рѣчь зашла о Вакемахъ, отцѣ и сынѣ. Немногихъ словъ тетки и румянца, внезапно появившагося при нихъ на щекахъ Мегги, было довольно, чтобы возбудить въ Томѣ подозрѣніе.

Это подозрѣніе было тѣмъ досаднѣе Тому, что онъ въ послѣднее время былъ очень доволенъ сестрою, то есть ея строгими манерами, ея сдержанною рѣчью, ея серьёзностью. Внутренняя жизнь ея была тайной для Тома, тайной, впрочемъ вовсе не интересовавшей его; для полнаго его довольства достаточно было внѣшняго, приличнаго спокойствія Мегги, и Томъ подчасъ былъ даже готовъ похвастаться, что у него такая славная сестра. Притомъ въ послѣдній годъ она стала и не такъ дика и молчалива, какъ прежде.

Подозрѣніе, возникшее въ Томѣ, было ему острымъ ножомъ. Ненависть старика отца къ Вакемамъ перешла къ Тому во всей ея силѣ, и даже только не видать такой же ненависти въ сестрѣ было

ему очень досадно; а теперь, по весьма вѣроятнымъ догадкамъ, оказывается, что Мегги не только не раздѣляетъ его чувствъ къ Вакемамъ, а питаетъ даже пріязнь къ Филипу, пренебрегая и завѣтомъ отца, и просьбою брата, и наконецъ нравственнымъ интересомъ всей фамиліи. Будь еще Филипъ красивымъ, статнымъ и бойкимъ юношей, Томъ нашелъ бы какое-нибудь извиненіе сестриной любви; но любовь къ горбуну казалась ему отвратительною въ каждой женщинѣ и, разумѣется, тѣмъ болѣе въ родной сестрѣ. У Тома было врожденное отвращеніе ото всего исключительнаго и въ хорошемъ, и въ дурномъ смыслѣ.

Надо было, однакожь, убѣдиться сначала въ вѣрности своихъ подозрѣній и потомъ уже начать дѣйствовать ради сохраненія чести и достоинства фамиліи Тулливеровъ, оскорбленныхъ такимъ поведеніемъ Мегги. Томъ подстерегъ идущаго къ Red Deeps Филипа, и, оставивъ свою работу въ магазинѣ Геста и комп., поспѣшно отправился домой. Какъ-разъ навстрѣчу ему выходила изъ воротъ Мегги. Несвоевременный возвратъ брата домой изумилъ ее, и она невольно вздрогнула отъ какого-то смутнаго испуга. «Что случилось, Томъ?» спросила она: «отчего ты такъ рано домой?» — «Я пришелъ гулять съ тобой и съ Филипомъ Вакемомъ», прямо и рѣзко отвѣчалъ Томъ. Мегги поблѣднѣла и похолодѣла. Собравшись немного съ духомъ, она сказала: «Я нейду», и пошла обратно къ дому. «Нѣтъ, пойдешь», сурово возразилъ Томъ: «но сначала я переговорю съ тобой».

Отца не было дома, мать была занята на птичьемъ дворѣ или въ огородѣ, и Томъ могъ прямо пройти съ Мегги въ комнаты, не возбуждая ничьихъ подозрѣній и вопросовъ. Онъ позвалъ Мегги въ гостиную и заперъ за нею дверь.

Въ строгихъ словахъ потребовалъ онъ отъ Мегги отчета въ ея поведеніи. Прежде чѣмъ отвѣчать, Мегги съ трепетомъ спросила, знаетъ ли что нибудь отецъ. Мистеръ Тулливеръ ничего не зналъ, но Томъ сказалъ, что онъ узнаетъ все, если Мегги не прекратитъ своихъ свиданій съ Филипомъ. «Говори мнѣ все, всю правду!» прибавилъ онъ.

«— Можетъ быть ты все уже знаешь.

«— Все равно, знаю или нѣтъ—говори, что было между вами, или отецъ все узнаетъ.

«— Я буду говорить только ради батюшки.

«— Ты же еще съ предосторожностями объ немъ, послѣ того, какъ пренебрегла самыми дорогими ему чувствами!

«— Будто ты никогда не дѣлаешь дурнаго, Томъ? сказала съ упрекомъ Мегги.

«— Никогда, если сознаю, что это дурно, отвѣчалъ Томъ открыто и гордо. — Но не въ томъ дѣло: говори, что было у тебя съ Филипомъ Вакемомъ?»

Мегги сказала въ нѣсколькихъ словахъ, когда встрѣтилась съ Филипомъ, какъ часто видалась. «Мы были друзьями, заключила Мегги: онъ давалъ мнѣ читать книги».—«Все ли ты сказала?» спросилъ Томъ, пристально и пытливо глядя на сестру.

«— Нѣтъ, не вполнѣ все. Въ субботу онъ сказалъ мнѣ, что любитъ меня. У меня до сихъ поръ и въ мысляхъ этого не было... Я смотрѣла на него какъ на стариннаго друга.

«— И ты *поощрила* его? сказалъ съ презрѣніемъ Томъ.

«— Я сказала ему, что тоже люблю его.»

Томъ, послѣ угрюмаго молчанія, холодно потребовалъ, чтобы Мегги, положа руку на библію, поклялась ему, что не будетъ встрѣчаться и не скажетъ ни слова съ Филипомъ Вакемомъ; или онъ, Томъ, все разскажетъ отцу. Мегги говорила, что и слова ея довольно, что она разъ только хочетъ видѣть Филипа или написать къ нему, чтобы все объяснить; но Томъ не вѣрилъ и не соглашался. Въ то время, какъ онъ работалъ, чтобы возстановить репутацію отца, и добывалъ деньги для уплаты долговъ, она словно нарочно старалась сдѣлать все, чтобы уронить имя Тулливеровъ и убить отца горемъ. Мегги не знала, что стараніями Тома долги отца будутъ вскорѣ расплачены, и когда Томъ сказалъ ей объ этомъ, свѣтлый лучъ радости мелькнулъ въ ея душѣ посреди тяжкаго отчаянія этихъ минутъ. Ей показалось самой, что она глубоко виновата, что братъ ея правъ, что требованія его вовсе не такъ жестоки и неразумны, какъ казались за минуту передъ тѣмъ.

«— Томъ, сказала она кротко: — я виновата... Но я была такъ одинока... Мнѣ было жаль Филипа. И мнѣ кажется, враждовать и ненавидѣть не хорошо.

«— Вздоръ! отвѣчалъ Томъ. — Обязанность твоя была ясна. Я не хочу ничего больше слышать; обѣщай же мнѣ все тѣми словами, какъ я говорилъ.

«— Я *должна* еще разъ видѣть Филипа и переговорить съ нимъ.

«— Ты сейчасъ пойдешь со мной и переговоришь.

«— Даю тебѣ слово не видаться съ нимъ больше и не писать къ нему безъ твоего вѣдома. Больше я ничего не могу сказать. Если хочешь, я скажу это, положа руку на библію.

«— Такъ говори.

«Мегги положила руку на книгу и повторила свое обѣщаніе.

«Томъ закрылъ библію и сказалъ:

«— Теперь пойдемъ.»

Встрѣча съ Филипомъ вызвала потокъ самыхъ рѣзкихъ словъ Тома; оскорбленія, угрозы, язвительныя насмѣшки посыпались на Векема. Филипъ сдержалъ свое негодованіе, не отвѣтилъ дерзостями на дерзость, и даже остановилъ Мегги, когда она, выведенная изъ терпѣнія грубостью брата, вмѣшалась въ крупный разговоръ и сказала, что не можетъ и не хочетъ слышать обидныхъ словъ Тома. Свиданіе было непродолжительно; Филипъ изъ двухъ-трехъ словъ Мегги понялъ ея положеніе и простился съ нею, хотя и обѣщалъ всегда хранить свою любовь. Томъ скоро высказалъ всю свою злобу и ненависть, взялъ Мегги за руку и пошелъ къ своему дому.

Дорогой она сказала брату:

«— Не думай, что я нахожу тебя правымъ, Томъ, или что я подчиняюсь твоей волѣ. Я презираю чувства, которыя ты высказалъ, говоря съ Филипомъ; мнѣ противны твои оскорбительные, безчеловѣчные намеки на его уродливость. Всю свою жизнь ты только и знаешь, что корить другихъ: ты всегда увѣренъ въ своей правотѣ. У тебя нѣтъ настолько глубины въ умѣ, чтобы понимать, что есть кое-что лучше твоего собственнаго поведенія и твоихъ жалкихъ цѣлей.

«— Разумѣется, холодно отвѣчалъ Томъ: — я не вижу, чтобы твое поведеніе было лучше и цѣли выше. Если твое поведеніе и поведеніе Филипа Векема были хороши, такъ отчего же тебѣ стало стыдно, что его узнали? Отвѣчай. Я знаю, какая цѣль у моего поведенія, и я дохожу до нея. Скажи, пожалуйста, что хорошаго принесло твое поведеніе тебѣ или кому другому?

«— Я вовсе не думаю оправдываться, съ негодованіемъ отвѣчала Мегги: — я знаю, что я была не права — часто, всегда. Но даже если я поступала и не хорошо, то лишь изъ чувства, отъ котораго ты былъ бы лучше, еслибъ оно было въ тебѣ. Сдѣлай какую нибудь ошибку *ты* — поступи въ чемъ нибудь очень дурно *ты*, мнѣ было бы больно уже видѣть, что это мучитъ тебя; я не стала бы желать тебѣ большаго наказанія. Но тебѣ всегда было пріятно наказывать меня — ты всегда былъ грубъ и жестокъ ко мнѣ; даже когда я была маленькой дѣвочкой и любила тебя больше всего на свѣтѣ, ты никогда не прощалъ мнѣ, и я часто ложилась спать въ слезахъ. Въ тебѣ нѣтъ жалости; ты не сознаешь своихъ собственныхъ недостатковъ и грѣховъ. Грѣхъ быть жестокимъ: это недостойно человѣка — недостойно христіанина. Ты больше ничего какъ фарисей. Ты благодаришь Бога только за свои достоинства — ты думаешь, они такъ ужь велики, что больше тебѣ и не нужно ничего. Ты и понятія не имѣешь о чувствахъ, передъ которыми твои воображаемыя достоинства ничего не стоятъ и не значатъ.

«— Прекрасно, сказалъ Томъ съ холоднымъ пренебреженіемъ: — если твои чувства на столько лучше моихъ, такъ покажи ихъ на чемъ нибудь. Своимъ поведеніемъ ты можешь только обезчестить всѣхъ насъ;

ты только и знаешь, что кидаться изъ крайности въ крайность. Въ чемъ — скажи пожалуйста — показала ты свою любовь ко мнѣ и къ отцу, о которой говоришь? Въ томъ, что не слушалась да обманывала насъ. Я иначе показываю свою привязанность къ людямъ.

«— Ты мужчина, Томъ; въ твоихъ рукахъ власть, и ты можешь что нибудь дѣлать.

«— А ты не можешь, такъ и покоряйся тѣмъ, которые могутъ.

«— Я и готова покоряться тому, что я признаю и чувствую справедливымъ. Я готова покориться даже неразумнымъ требованіямъ отца — только не твоимъ! Ты хвастаешься своими достоинствами, какъ будто ты купилъ ими право быть жестокимъ и безчеловѣчнымъ, какимъ былъ сегодня. Не думай, что я откажусь отъ Филиппа Вакема изъ повиновенія тебѣ. Уродливость, надъ которою ты насмѣхаешься, заставляетъ меня еще больше любить и жалѣть его.

«— Прекрасно — таковъ вашъ образъ мыслей, сказалъ Томъ съ еще большей холодностью: — вамъ больше нечего прибавлять; ясно и безъ того, какая пропасть насъ отдѣляетъ. Мы вспомнимъ объ этомъ современемъ, а теперь — довольно!»

Разумѣется мистеръ Тулливеръ не узналъ ничего о сценѣ между сестрою и братомъ и о происшествіяхъ, приготовившихъ ее. Томъ совсѣмъ отдѣлился отъ Мегги послѣ этого объясненія, и она была оставлена имъ безъ вниманія, словно чужая, въ тотъ многозначительный для всей семьи вечеръ, когда онъ объявилъ отцу, что накопленной имъ, Томомъ, суммы достаточно, чтобы расплатиться со всѣми кредиторами. Это было черезъ три недѣли послѣ послѣдняго свиданія Мегги съ Филипомъ Вакемомъ.

Старикъ Тулливеръ столько натерпѣлся, столько нагоревался въ послѣдніе годы, что и осторожно сообщенная ему Томомъ вѣсть объ окончаніи дѣлъ съ кредиторами сильно потрясла его. Ему пришлось подкрѣпиться пріемомъ водки, чтобы не ослабѣть совсѣмъ отъ удовольствія.

На другой день былъ назначенъ въ одной изъ сентъ-оггскихъ гостинницъ обѣдъ, на которомъ должны были присутствовать всѣ кредиторы Тулливера и получить уплату. Это было тріумфомъ для всей семьи, и въ особенности для старика, который весь сіялъ радостью и довольствомъ и во время и послѣ обѣда.

Тому, по окончаніи пиршества, приходилось зачѣмъ то не надолго остаться въ Сентъ-Оггѣ, и домой, на мельницу, мистеръ Тулливеръ поѣхалъ одинъ, верхомъ. Всю дорогу онъ только и думалъ, что наконецъ можетъ не только прямо взглянуть въ глаза Вакему, но и наплевать ему въ лицо. «Что мнѣ съ нимъ много чиниться?» размышлялъ мистеръ Тулливеръ, разгоряченный похвалами, сыпавшимися на обѣдѣ со всѣхъ сторонъ его сыну, и справедливою родитель-

своюгордостью: «Мнѣ Вакемъ теперь ничего не значитъ. Томъ, слава Богу, крѣпко стоитъ на ногахъ. Попадись мнѣ на встрѣчу этотъ негодяй Вакемъ — я бы отколотилъ его!» Какъ разъ на эту мысль, возникшую въ головѣ мистера Тулливера у самыхъ уже воротъ мельницы, очутился передъ нимъ лицомъ къ лицу Вакемъ. Вмѣсто того, чтобы разъѣхаться со своимъ врагомъ, мистеръ Тулливеръ загородилъ ему дорогу, и подъ обаяніемъ гордости и независимости прилило на немъ свѣтъ стоитъ ругать Вакема. Вакему показался онъ не то сумасшедшимъ, не то пьянымъ; особенно какъ приперъ его лошадь и хлестнулъ ее бичемъ. Лошадь испугалась, поднялась на дыбы и выкинула Вакема изъ сѣдла.

Увидавъ злодѣя своего въ беззащитномъ положеніи и «вящшимъ жаромъ возгоря», Тулливеръ кинулся бить его своимъ хлыстомъ, и вѣроятно долго бы не отсталъ, еслибъ на крикъ не выбѣжала изъ воротъ Мегги и не удержала руку отца, блѣднаго и не помнящаго себя отъ бѣшенства.

Паденіе не причинило особой бѣды Вакему: онъ только ушибся. Поднявшись послѣ побой Тулливера, онъ грозилъ ему судомъ и говорилъ, что запереться ему нельзя, что дочь его была свидѣтельницею его нападенія.

На мистера Тулливера случай этотъ подѣйствовалъ страшно. Напряженіе всего организма, давно уже полуразрушеннаго и горемъ и болѣзнію, не могло пройти ему даромъ. Тотчасъ по возвращеніи домой, онъ почувствовалъ небывалую слабость. Онъ какъ пластъ, съ трудомъ произнося отрывистыя слова, опустился въ кресло; руки его похолодѣли. Мистриссъ Тулливеръ, въ тревогѣ и слезахъ, засуетилась, чтобы послать за докторомъ; но старикъ остановилъ ее и сказалъ: «Это ничего — пройдетъ. Голова у меня болитъ — вотъ и все. Помогите мнѣ лечь въ постель.»

Мистера Тулливера уложили.

На зарѣ Тома и Мегги разбудила мать. Больному стало очень дурно, и онъ потребовалъ къ себѣ дѣтей.

Однимъ изъ первыхъ желаній мистера Тулливера, высказанныхъ имъ слабымъ и перерывающимся голосомъ, однимъ изъ главныхъ завѣтовъ его сыну было — чтобы онъ современемъ, при первой возможности, опять пріобрѣлъ въ свое владѣніе дорлькотскую мельницу.

Затѣмъ онъ проговорилъ:

«— Вотъ и мать твоя, Томъ... Заботься объ ней — сколько можешь — лучше меня... И объ маленькой чернушкѣ...

«Онъ обратилъ глаза къ Мегги съ особеннымъ выраженіемъ нѣжности; Мегги съ сокрушеннымъ сердцемъ опустилась на колѣни, чтобы

ближе взглянуть на дорогое, изношенное временемъ лицо отца, которое было съ нею неразлучно столько длинныхъ лѣтъ и носило на себѣ слѣды и глубочайшей любви и жесточайшаго горя.

«— Заботься о ней, Томъ... Не сокрушайся, моя Мегги .. Найдется человѣкъ — полюбитъ тебя... Будь и ты къ ней добръ, Томъ. Я былъ добръ къ своей сестрѣ. Поцалуй меня, Мегги... Поди сюда, Бесси... Позаботься, Томъ, чтобъ могилу выложили кирпичами... чтобъ мѣсто было... и Бесси вмѣстѣ со мной...

«Проговоривъ это, онъ отвелъ глаза отъ жены и дѣтей, и лежалъ нѣсколько минутъ безмолвно. Они стояли, боясь шевельнуться. Свѣтъ утра все яснѣе проникалъ въ комнату, и они могли видѣть, какъ все мертвеннѣе становится лицо больнаго и тусклѣе его глаза. Наконецъ онъ взглянулъ на Тома и проговорилъ:

«— Я взялъ свое... побилъ его. Это хорошо. Я никогда не хотѣлъ — нехорошаго.

«— Батюшка, милый батюшка! сказала Мегги, въ которой невыразимый страхъ смѣнилъ чувство горя: — вѣдь вы прощаете ему? всѣмъ прощаете теперь?

«Онъ не взглянулъ на нее; но сказалъ:

«— Нѣтъ, моя Мегги .. Я не прощаю ему... Зачѣмъ прощать?... Я не могу любить бездѣльника.

«Голосъ его сталъ глуше; но ему хотѣлось говорить еще, и онъ шевелилъ губами, напрасно пытаясь произнести хоть слово. Наконецъ онъ съ усиліемъ сказалъ:

«— Развѣ Богъ прощаетъ бездѣльникамъ?.. Если прощаетъ... онъ не будетъ немилосердъ и ко мнѣ.

«Руки его слегка задвигались, словно онъ хотѣлъ оттолкнуть отъ себя какую-то давившую его тяжесть. Раза два-три онъ произносилъ отрывочныя слова:

«— Этотъ свѣтъ... слишкомъ много... честный человѣкъ... тяжело...

«Скоро слова слились въ невнятное мычанье; глаза перестали различать предметы; затѣмъ наступило окончательное безмолвіе.

«Но еще не безмолвіе смерти. Еще часъ или больше подымалась грудь, продолжалось громкое и трудное дыханіе, становясь все тише и тише, по мѣрѣ того какъ холодный потъ выступалъ на лбу.

«Наконецъ и дыханье смолкло, и душа бѣднаго Тулливера перестала чувствовать горе и тревоги жизни.

«Тутъ только явилась помощь: Лука съ женой вошли въ комнату, и за ними вошелъ докторъ, только развѣ для того, чтобы сказать:

«— Кончился.

«Томъ и Мегги вмѣстѣ сошли внизъ, въ комнату, гдѣ опустѣло обычное мѣсто ихъ отца. Глаза ихъ въ одно время остановились на его старомъ креслѣ, и Мегги сказала:

«— Томъ, прости меня! Будемъ всегда любить другъ друга.»

«Они обнялись и заплакали вмѣстѣ.»

VI.

Прошло два года после смерти Тулливера. Томъ пріобрѣлъ въ это время серьёзное значеніе въ фирмѣ Геста и комп., и надежда возвратить дорлькотскую мельницу въ свои руки изъ-подъ владѣнія Вакема была въ немъ прочнѣе. Мегги заняла тотчасъ по переѣздѣ съ мельницы мѣсто гувернантки или учительницы въ какомъ-то пансіонѣ, впрочемъ не въ Сентъ-Оггѣ, а гдѣ-то подальше. Мистриссъ Тулливеръ гостила у своихъ сестрицъ.

За кузиною Мегги, миссъ Люси Динъ, по прежнему ухаживалъ молодой Стефенъ Гестъ. Филипъ Вакемъ жилъ въ Сентъ-Оггѣ съ отцомъ и занимался преимущественно живописью; онъ былъ очень друженъ съ Стефеномъ и Люси, и чуть не каждый день они играли на фортепьяно и пѣли вмѣстѣ.

Мегги еще пышнѣе разцвѣла въ эти два года, и когда она пріѣхала погостить на нѣсколько мѣсяцевъ къ Люси, вся сентъ-оггская молодежь заговорила о миссъ Тулливеръ, какъ о красавицѣ. Съ перваго же свиданія она произвела сильное впечатлѣніе своими удивительными черными глазами и на поклонника Люси. Филипъ былъ правъ, говоря когда-то Мегги, что въ лучахъ ея красоты поблѣднѣетъ хорошенькая кузина.

Къ Филипу Мегги сохраняла прежнія чувства, но любовь ея была какъ-то слишкомъ спокойна, слишкомъ похожа скорѣе на сострадание, чѣмъ на любовь. Томъ, все болѣе и болѣе пріобрѣтавшій серьезность дѣловаго человѣка, продолжалъ смотрѣть съ ненавистью на Вакема, и съ дурно скрытымъ презрѣніемъ согласился на то, чтобы Мегги видѣлась и говорила съ Филипомъ у Люси.

Свиданіе ихъ было полно той же пріязни со стороны Мегги, той же глубокой и преданной любви со стороны Филипа. Въ Филипѣ болѣе чѣмъ когда нибудь оживилась надежда соединить навсегда судьбу свою съ судьбою Мегги. Люси, участвовавшая въ тайнѣ, смотрѣла на бракъ Филипа съ Мегги, какъ на большое счастье для обоихъ. По ея мнѣнію, ничто не могло лучше примирить Тома съ семействомъ Вакемовъ, какъ согласіе отца Филипа уступить опять Тому мельницу. Филипъ принялъ на себя устроить это дѣло, и старикъ Вакемъ, любившій сына страстно, согласился, хоть и не безъ борьбы, не только на продажу дорлькотской мельницы въ прежнія руки, но даже и на женитьбу Филипа.

Не такъ уступчивъ былъ Томъ. Тупая вражда его къ Филипу и къ его отцу не смягчалась: онъ не хотѣлъ и слышать, чтобы горбунъ былъ его зятемъ.

Въ то же время и Мегги не сознавала въ себѣ той силы, которая способна преодолѣть всѣ препятствія и пожертвовать любовью брата, чтобы достичь высшаго счастья въ обладаніи любимымъ предметомъ. Силы этой не было въ Мегги уже и потому, что сердце ея билось теперь иною, болѣе тревожною любовью, чѣмъ любовь къ Филиппу.

Въ первой же встрѣчѣ ея съ Стефеномъ Гестомъ было что-то роковое. Стефенъ почувствовалъ непреоборимое влеченіе къ Мегги; когда онъ былъ съ нею въ первые дни, онъ только и думалъ, чтобы Мегги подняла на него свои глаза, и онъ могъ взглянуть въ ихъ таинственную и чудную глубину. Удвоенное вниманіе къ Люси, которую Стефенъ любилъ, если можно такъ выразиться, свѣтскою любовью, какъ миленькую куколку, стараніе казаться холоднымъ, невнимательнымъ, даже непріятнымъ къ Мегги,—какъ будто еще сильнѣе раздували въ немъ страсть, готовую проявиться въ самыхъ рѣшительныхъ поступкахъ.

Стефенъ не могъ сдерживать себя; онъ началъ искать случаевъ оставаться съ Мегги наединѣ и говорить ей тѣ отрывчатыя, полузагадочныя слова, которыя заставляютъ сильнѣе вздрагивать сердце, чѣмъ всѣ послѣдовательныя и ясныя рѣчи.

Мегги чувствовала опасность подобныхъ сближеній, чувствовала, что тутъ ставится на карту судьба ея кузины; но въ смѣлыхъ и страстныхъ исканіяхъ Стефена, во всей его благородной и даровитой натурѣ, въ прекрасномъ лицѣ, въ огнѣ глазъ было такое обаяніе, что Мегги готова была подчасъ забыть всѣ свои опасенія за Люси.

Разъ на балѣ, въ отдаленной комнатѣ, гдѣ никого не было, Стефенъ овладѣлъ рукою Мегги и покрылъ ее отъ локтя до кисти страстными поцѣлуями. Какъ ни сильно проявилось тутъ негодованіе Мегги, все существо ея дрогнуло въ то же время тою страстью, которой никогда не возбуждалъ въ ней Филиппъ.

Мегги должна была поѣхать на ферму къ теткѣ Моссъ, сестрѣ покойнаго мистера Тулливера, и она радовалась этому визиту, какъ средству успокоиться нѣсколько отъ тяжелой внутренней борьбы, привести въ бо́льшій порядокъ свои мысли и чувства, обдумать, какъ поступать впослѣдствіи.

Съ своей стороны Стефенъ ухватился за этотъ случай, какъ за возможность болѣе ясно высказать свою любовь Мегги. Совершенно неожиданно пріѣхалъ онъ къ Моссамъ, которыхъ никогда не видывалъ, и вызвалъ Мегги, будто имѣя передать ей какое-то извѣстіе.

Эта настойчивость лишила Мегги всякаго самообладанія, и первый упрекъ ея былъ не на столько силенъ, чтобы остановить Стефена.

«Разумѣется», отвѣчалъ онъ ей съ горечью: «вамъ дѣла нѣтъ до чужихъ страданій — у васъ на первомъ планѣ ваше женское достоинство». Эти слова прошли электрическимъ ударомъ по всему существу Мегги. Страстныя слова Стефена полились рѣкой.

«— Или вамъ мало, что я брошенъ въ эту борьбу — что я обезумѣлъ отъ любви къ вамъ — что я противлюсь сильнѣйшей страсти, какую когда либо чувствовалъ человѣкъ, чтобы оставаться вѣрнымъ другимъ обязанностямъ? Вамъ этого мало, и вы готовы обращаться со мною какъ съ грубымъ звѣремъ. который нарочно старается оскорбить васъ. А будь я вправѣ выбирать — я попросилъ бы васъ принять мою руку, взять мое состояніе, всю мою жизнь и дѣлать съ ними, что вы хотите! Я знаю, что я забылся: Я дозволилъ себѣ слишкомъ много. Я самъ себя ненавижу за это. Но я тотчасъ же раскаялся — до сихъ поръ раскаяваюсь. Неужто меня нельзя простить? неужто человѣкъ, который, какъ я, любитъ всею душой, не можетъ минутно отдаться вполнѣ своимъ чувствамъ? Но вы знаете — вы должны знать — что для меня нѣтъ хуже горя, какъ огорчить васъ — что я отдалъ бы все на свѣтѣ, только бы исправить свою ошибку.

«Мегги не смѣла говорить — не смѣла повернуть къ нему головы. Сила, сообщенная ей досадой, вся разлетѣлась прахомъ, и губы ея замѣтно дрожали. Она боялась проговорить слово прощенія, которое готово было сорваться съ ея языка въ отвѣтъ на это признаніе.»

Этотъ разговоръ происходилъ за воротами фермы, въ полѣ. Тутъ Мегги и Стефенъ остановились вблизи воротъ. Мегги вся дрожала, когда онъ всталъ передъ нею, чтобы она не уходила. «Вы не должны говорить мнѣ этого — я не должна слушать васъ», промолвила Мегги: «меня огорчаетъ каждое горе ваше; но говорить намъ не зачѣмъ».

«— Нѣтъ, есть зачѣмъ! нетерпѣливо перебилъ Стефенъ. — Есть зачѣмъ, если вы обратите на меня хоть немножко вниманія, хоть немножко пожалѣете меня, и не станете несправедливо укорить меня въ душѣ. Мнѣ все было бы легче перенести, еслибъ я зналъ, что вы не ненавидите меня за мою дерзкую выходку. Взгляните на меня — посмотрите, на что я похожъ! Я скакалъ каждый день по тридцати миль, чтобы только прогнать отъ себя мысль о васъ.

«Мегги не взглянула на него — не смѣла взглянуть. Она уже видѣла его истомленное лицо. Но она ласково проговорила:

«— Я вовсе не думаю о васъ ничего дурнаго.

«— Такъ взгляните на меня; милая, сказалъ Стефенъ умоляющимъ, полнымъ страсти голосомъ. — Не уходите отъ меня. Дайте мнѣ минуту счастья — дайте мнѣ увѣриться, что вы простили меня.

«— Я васъ прощаю, сказала Мегги, потрясенная тономъ словъ Стефена, и сердце ея еще больше сжалось страхомъ за себя. — Только пустите меня. Пожалуйста уѣзжайте.

«Крупная слеза выкатилась изъ подъ опущенныхъ вѣкъ ея.

«— Я не могу уѣхать — я не могу оставить васъ, заговорилъ съ еще большею страстью Стефенъ. — Если вы уйдете меня съ такою холодностью — я опять пріѣду назадъ... Я не могу отвѣчать за себя.»

Онъ подозвалъ къ себѣ мальчика со двора, передалъ ему свою верховую лошадь, которую держалъ до сихъ поръ за поводъ, и увлекъ Мегги дальше отъ дому. Она не могла противиться ему, оперлась на его руку и покорно пошла съ нимъ.

«— Конца нѣтъ этому мученью, начала она, какъ бы желая почерпнуть силы въ словахъ. — Это дурно — низко — позволять себѣ слова или взгляды, которыхъ бы не видала Люси — не видали и не слыхали другіе. Подумайте о Люси.

«— Я думаю о ней — благословляю ее. Еслибъ я не думалъ...

«Стефенъ взялъ Мегги за руку, и оба они чувствовали, какъ трудно имъ говорить.

«— И у меня есть другія обязанности, проговорила наконецъ Мегги съ отчаяннымъ усиліемъ: — даже еслибъ не было Люси.

«— Вы дали слово Филипу Вакему? быстро спросилъ Стефенъ:—да?

«— Нѣтъ, но я считаю себя связанною съ нимъ — я не выйду ни за кого другаго.

«Стефенъ опять смолкъ, пока они не повернули съ освѣщенной солнцемъ дороги на закрытую деревьями зеленую полянку. Тутъ онъ опять заговорилъ съ бурною страстью:

«— Это невозможно — это ужасно, Мегги! Еслибъ вы любили меня, какъ люблю васъ я, мы бы все преодолѣли, чтобы только принадлежать другъ другу. Мы разорвали бы всѣ эти мнимыя узы, завязанныя въ слѣпотѣ, и стали бы женою и мужемъ.

«— Ахъ! лучше умереть, чѣмъ поддаться этому искушенію, сказала Мегги внятно и съ увѣренностью.

«Казалось, вся нравственная сила, которую она воспитывала въ себѣ въ теченіе многихъ горькихъ годовъ, возвратилась къ ней въ эту рѣшительную минуту. Говоря это, она высвободила свою руку изъ руки Стефена.

«— Такъ скажите же мнѣ, что вамъ нѣтъ до меня никакого дѣла, проговорилъ онъ почти со злобой: — что вы любите больше кого нибудь другаго.

«Въ головѣ Мегги мелькнула мысль, что теперь настоящая минута избавиться отъ всякой внѣшней борьбы: стоитъ сказать Стефену, что все сердце ея принадлежитъ Филипу. Но губы ея не могли произнести этого; она молчала.

«— Если вы любите меня, милая, нѣжно заговорилъ Стефенъ, снова взявъ ее за руку: — то лучше — лучше всего намъ обвѣнчаться. Виноваты ли мы, что въ этомъ будетъ для кого нибудь горе? Мы не искали того, что случилось: это было такъ естественно — любовь овладѣла

мною вопреки всѣмъ стараніямъ моимъ преодолѣть ее. Видитъ Богъ, какъ я старался оставаться вѣрнымъ — безмолвнымъ обязательствамъ, и я только портилъ этимъ дѣло: лучше бы мнѣ было дать сразу волю своимъ чувствамъ.

«Мегги молчала. О! если бы только это не было дурно! если бы только могла она убѣдиться, что не для чего биться и бороться съ этимъ потокомъ, такъ сильно и такъ отрадно увлекавшимъ ее!

«— Скажите *да*, милая! сказалъ Стефенъ, наклоняясь, чтобы съ мольбой взглянуть ей въ лицо. — Что намъ за дѣло до всего остальнаго въ мірѣ, если мы будемъ принадлежать другъ другу?

«Она чувствовала его дыханіе на своемъ лицѣ — губы его были около ея губъ — но въ любви его было столько для нея страшнаго.

«Губы и вѣки ея дрожали; она на мгновенье широко раскрыла глаза, глядя на него, какъ дикая лань, и робкая и противящаяся ласкамъ; потомъ вдругъ быстро повернулась, чтобы идти назадъ, къ дому.

«— Притомъ же, продолжалъ онъ нетерпѣливымъ тономъ, стараясь убѣдить, вмѣстѣ съ нею, и себя: — я не нарушаю никакого положительнаго обязательства. Если бы Люси разлюбила меня и отдала свое сердце кому нибудь другому, я не чувствовалъ бы себя вправѣ предъявлять свои требованія на нее. Если вы только не дали рѣшительнаго слова Филипу — мы ничѣмъ не связаны.

«— Вы сами не вѣрите тому, что говорите — вы не то чувствуете, серьёзно сказала Мегги. — Вы чувствуете, какъ и я, что истинныя обязательства наши — въ чувствахъ и надеждахъ, которыя мы пробудили въ другихъ. Иначе всякія узы могутъ быть нарушены — только бы не было внѣшнихъ наказаній. Тогда не существовало бы и понятія вѣрности.

«Стефенъ молчалъ; онъ не могъ согласиться съ доводами Мегги; слишкомъ крѣпко вкоренилось въ немъ противное убѣжденіе въ предшествовавшіе этому разговору часы внутренней борьбы. Но оно скоро возникло въ умѣ его въ новой формѣ.

«— Эти узы не могутъ быть утверждены, сказалъ онъ съ страстной убѣдительностью. — Это неестественно: мы только наружно можемъ отдаться кому нибудь другому. Въ этомъ тоже много дурнаго — тутъ горе и для себя и для другихъ. Неужто вы не видите этого, Мегги? Нѣтъ, вы видите.

«Онъ пристально смотрѣлъ ей въ лицо, дожидаясь хоть какого нибудь знака снисхожденія; рука его крѣпко, но нѣжно сжимала ея руку. Мегги нѣсколько минутъ не говорила ни слова, опустивъ глаза; потомъ она глубоко вздохнула, и проговорила, глядя на Стефена съ серьёзною грустью:

«— О! какъ это трудно! какъ трудна жизнь! Иногда мнѣ кажется, что мы должны слѣдовать сильнѣйшимъ своимъ чувствамъ; но потомъ — потомъ чувства эти всегда приходятъ въ столкновеніе съ тѣми обязанностями, которыя созданы всею прежней нашей жизнью — обязанностями, которыя поставили другихъ въ зависимость отъ насъ — и тутъ

неизбѣжно для нихъ горе. Еслибъ жизнь была совсѣмъ легка и проста, какъ была когда-то въ раю, и мы могли бы всегда знать, что тотъ, къ кому въ первый разъ... Я хочу сказать, что еслибъ жизнь не налагала на насъ обязанностей прежде чѣмъ придетъ любовь, — любовь была бы знакомъ, что двое должны принадлежать другъ другу. Но я вижу — я чувствую, что теперь это не такъ: есть вещи, отъ которыхъ намъ слѣдуетъ отказываться въ жизни; многимъ изъ насъ слѣдуетъ отказываться отъ любви. Многое для меня трудно и темно; но одно мнѣ ясно — что я не должна, не могу искать своего счастья, жертвуя счастьемъ другихъ. Любовь естественна; но не такъ же ли естественны состраданіе и вѣрность и память? А они станутъ жить во мнѣ, и казнить меня за то, что я не внимала имъ. Меня будетъ преслѣдовать страданіе, которое я причинила другимъ. Любовь наша будетъ отравлена. Не увлекайте меня, помогите мнѣ — помогите, потому что я люблю васъ.

«Слова Мегги, по мѣрѣ того, какъ она говорила, становились все серьёзнѣе и серьёзнѣе; лицо ея разгоралось, и глаза переполнились выраженіемъ умоляющей любви. Въ отвѣтъ на эту мольбу, въ сердцѣ Стефена сильно дрожала струна благородства; но въ тоже время — и могло ли быть иначе? — въ тоже время эта умоляющая красота пріобрѣтала все большую и большую власть надъ нимъ.

«— Милая! проговорилъ онъ почти шопотомъ, обвивая рукою станъ Мегги: — я сдѣлаю, я снесу все, что вы хотите. Но — одинъ только поцалуй — одинъ — послѣдній — прежде чѣмъ мы разстанемся.

«Они поцаловались... За поцалуемъ послѣдовалъ долгій взглядъ... Наконецъ Мегги проговорила дрожа:

«— Пусти меня... уходи скорѣе.»

Она поспѣшно пошла на ферму, и между ними не было больше сказано ни слова.

Тетку Мосесъ поразило волненіе, отражавшееся и въ лицѣ, и во всѣхъ движеніяхъ Мегги. Она ласково усадила ее, и сама сѣла рядомъ съ нею. «Я очень, очень несчастна», проговорила Мегги: «что это я не умерла, когда мнѣ было пятнадцать лѣтъ? Мнѣ казалось такъ легко тогда разставаться со всѣмъ... а теперь это такъ тяжко!» И слова ея перешли въ тяжелыя и громкія рыданія.

Этою сценой между Стефеномъ и Мегги мы заключимъ наши выписки изъ романа Джоржа Эліота. Смыслъ его вполнѣ ясенъ, и слѣдующія событія, не смотря на свой рѣшительный характеръ, не измѣняютъ сущности дѣла.

Стефенъ не могъ остановиться въ отношеніяхъ своихъ къ Мегги на той шаткой стезѣ, на которой мы видѣли ихъ вмѣстѣ. Онъ былъ слишкомъ полонъ жизни, не подточенной предразсудками окружающихъ людей, далекой отъ уступокъ романтическимъ требованіямъ.

Случай помогъ ему увлечь Мегги еще дальше, на дорогу, съ которой, по его мнѣнію, не было для нея возврата, гдѣ, казалось, остается одна цѣль передъ нею — счастье съ любимымъ человѣкомъ.

Мегги поѣхала со Стефеномъ кататься на лодкѣ, и онъ увезъ ее въ открытое море, убѣдилъ пересѣсть тамъ на плывшее мимо судно, которое шло въ городъ Мудфордъ, и тамъ обвѣнчаться. Истерзанная предшествовавшими тревогами, обезсиленная борьбой, увлеченная страстью, Мегги почти машинально согласилась на всѣ требованія Стефена; но когда утро застало ее на голландскомъ кораблѣ, опять всѣ старыя волненія возникли въ ней съ новою силой, и опять требованія долга, наложеннаго на нее воспитаніемъ, людьми и самою собой, разрушили въ ней всякую рѣшимость.

Въ городѣ, куда присталъ корабль, Стефенъ и Мегги разстались — оба съ сокрушенными сердцами. Мегги кинулась въ первый встрѣчный дилижансъ, не спросивъ, куда онъ ѣдетъ, и пріѣхала въ другой неизвѣстный ей городъ, гдѣ должна было переночевать одна въ гостинницѣ.

Здѣсь, въ тѣсной комнаткѣ, отдѣлявшей ее отъ всего міра, Мегги почувствовала опять все горе, всю унылую тьму своей будущности. Грозна и безжалостна казалась ей житейская битва; темны и нерѣшимы были для нея великія задачи жизни. И въ этомъ холодномъ, безотрадномъ мракѣ все горѣли передъ нею страстные глаза Стефена, полные такой мольбы, такого грустнаго упрека. Любовь, отъ которой она отказалась навсегда, овладѣвала ею съ новою силой; Мегги открывала трепетныя объятія, чтобы вновь заключить въ нихъ это чарующее блаженство. Но страсть цѣпенѣла отъ рокового голоса, внятно шептавшаго бѣдной дѣвушкѣ: «Все погибло—на вѣки погибло!»

VII.

На пятый день послѣ отъѣзда съ Стефеномъ возвратилась Мегги домой, съ твердымъ рѣшеніемъ покориться своей горькой судьбѣ. Презрѣніе, насмѣшки и преслѣдованія, которыхъ она ожидала въ Сентъ-Оггѣ, представлялись ей должною карой; прежнія мысли о страданіи, о самоотверженіи, какъ о лучшемъ пути къ нравственному усовершенствованію, возникли опять въ ея головѣ.

Братъ ея вступилъ уже во владѣніе мельницей; мать, полная тревоги объ участи Мегги, была съ нимъ. Мегги отправилась въ родной пріютъ своего дѣтства.

Томъ встрѣтилъ ее словами непримиримой вражды; въ лицѣ его выражалась почти ненависть къ сестрѣ, опозорившей, по его мнѣнію, имя Тулливеровъ, которымъ онъ такъ гордился. Ни въ одномъ словѣ, ни въ одномъ звукѣ его голоса не сказалось не только братскаго, но и просто человѣческаго чувства. Съ презрѣніемъ и гордостью тупоумнаго, мелкосердечнаго и пошлаго раба всякихъ предразсудковъ, онъ не хотѣлъ слышать ни объясненій, ни оправданій сестры. Ему казалось недостойнымъ его высокой честности — даже жить подъ одною кровлей съ такою сестрой какъ Мегги, и онъ просто выгналъ ее изъ своего дома.

Чувство матери возмутилось противъ этой жестокости, и мистриссъ Тулливеръ послѣдовала за дочерью въ Сентъ-Оггъ, гдѣ Мегги пріютилась у Боба, въ жалкомъ домишкѣ, еле лѣпившемся на самомъ берегу рѣки.

Все сентъ-оггское общество отвернулось съ негодованіемъ отъ Мегги. Чего было и ждать отъ него, если она не встрѣтила снисхожденія даже въ сердцѣ брата? Кажется, еще менѣе можно было ждать участія отъ тетки Глеггъ; но на этотъ разъ сердце суровой сестрицы мистриссъ Тулливеръ смягчилось и приняло сторону племянницы, жестоко и несправедливо осужденной всѣми. Люси, заболѣвшая съ горя, не обвиняла Мегги, и при первой возможности выйдти изъ дому забѣжала потихоньку къ своей бѣдной кузинѣ, чтобы успокоить ее.

Отъ Филипа Мегги получила письмо, исполненное прежняго теплаго и безкорыстнаго участія. Стефенъ тоже написалъ къ ней: онъ страстно умолялъ ее согласиться на бракъ съ нимъ.

Въ тотъ вечеръ, когда Мегги, подавивъ въ себѣ страстную тоску по счастьѣ, къ которому призывалъ ее Стефенъ, сожгла его письмо и обрекла себя на жизнь лишеній и горя, послѣдовала страшная катастрофа.

Дѣло было осенью; бурные и дождливые дни давно уже не давали солнцу выглянуть изъ за мутно-клубящихся по небу тучъ, и съ каждымъ днемъ все выше и выше подымалась въ рѣкѣ вода, грозя тѣми опустошеніями, о которыхъ Мегги наслушалась въ дѣтствѣ отъ покойника-отца.

Мегги долго засидѣлась въ тяжелыхъ думахъ надъ письмомъ Стефена. Когда отъ этого листа, кругомъ исписаннаго страстными мольбами, остался только пепелъ, Мегги замѣтила воду на полу комнаты.

Она кинулась будить Боба и его семью: черезъ нѣсколько минутъ отъ дома могло ничего не остаться. Во дворѣ были про запасъ двѣ лодки; одну изъ нихъ Мегги взяла себѣ, и темной ночью, по бушую-

щей рѣкѣ, несшей на мутныхъ волнахъ своихъ обломки домовъ, заборовъ и деревьевъ, поплыла къ мельницѣ. Ею овладѣла теперь одна мысль—что Томъ можетъ погибнуть, какъ уже погибали, по дорлькотскимъ преданіямъ, многіе на мельницѣ отъ подобнаго свирѣпства покорной въ остальное время стихіи.

Только къ утру, счастливо миновавъ не мало опасностей, добралась до мельницы Мегги въ своей лодкѣ. Дѣйствительно, помощь была нужна Тому: домъ на половину былъ уже затопленъ.

Быстро вскочилъ Томъ въ лодку изъ окна втораго этажа, бывшаго уже въ уровень съ водой, и бодро взялся за весла. Но не долго пришлось ему грести; на лодку нанесло какую-то безобразную громаду, сорванную водою вверху рѣки; весла вынули изъ рукъ Тома; спасенія не было.... Онъ кинулся къ сестрѣ, и они пошли ко дну, крѣпко обнявъ другъ друга.

На могильномъ камнѣ, прикрывшемъ ихъ тѣла, найденныя потомъ, когда рѣка угомонилась, написано:

«И смерть не разлучила ихъ!»

Этотъ чувствительный стишокъ, которымъ оканчивается романъ Джоржа Эліота, отзывается горькой насмѣшкой; но къ сожалѣнію авторъ повидимому вписалъ его безъ всякой ироніи на послѣдней страницѣ своей книги. Напротивъ, онъ какъ будто хотѣлъ этою жалобною эпитафіей оправдать въ глазахъ читателя свою героиню, и сказать, что вотъ, послѣ долгихъ колебаній и увлеченій, она возвратилась-таки къ своему долгу.

Мы не станемъ говорить о художественныхъ достоинствахъ «Мельницы на Флоссѣ»: романъ этотъ, уступая отчасти въ этомъ отношеніи второму произведенію Эліота, «Адаму Биду», все-таки есть одинъ изъ лучшихъ, наиболѣе стройныхъ и вѣрныхъ жизни романовъ послѣдняго времени. Намъ хочется сказать только два слова о нравственномъ его смыслѣ.

«Мельница на Флоссѣ» была бы горячимъ протестомъ противъ общественныхъ и семейныхъ предразсудковъ, опутывающихъ и готовящихъ гибель даже благороднѣйшимъ натурамъ, наиболѣе богатымъ энергіей, еслибъ авторъ не становился подчасъ самъ на сторону этихъ предразсудковъ или по крайней мѣрѣ не старался найти въ нихъ что-то разумное. Страданія и гибель Мегги миссъ Эвансъ приписываетъ какъ будто не одному окружающему ее деспотическому тупоумію; она повидимому считаетъ не всегда справедливыми и самыя желанія и стремленія Мегги. Это болѣе всего ясно изъ той

снисходительности, съ которою она говоритъ объ узко-эгоистическихъ цѣляхъ и поступкахъ Тома. Въ противуположность Мегги, авторъ выставляетъ намъ Тома, какъ сильный и рѣшительный характеръ. Но, повторяемъ, не трудно быть твердымъ и послѣдовательнымъ, удовлетворяясь всѣмъ окружающимъ и плывя по теченію; гораздо больше силы и твердости нужно, чтобы плыть противъ общаго потока, и если рѣдкая энергія не сокрушается въ этихъ усиліяхъ, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что справедливость на сторонѣ тѣхъ, которые предпочитаютъ легчайшій и спокойнѣйшій путь.

Мы, кажется, не ошибемся, если скажемъ, что миссъ Эвансъ придала своему роману такой примирительный характеръ только изъ боязни оскорбить нѣсколько-одеревенѣлыя понятія общества, посреди котораго она живетъ. Это общество не любитъ ничего рѣзкаго, и требуетъ себѣ постоянныхъ уступокъ. Примѣры такихъ уступокъ темной массѣ даже со стороны наиболѣе свѣтлыхъ исключеній изъ нея не рѣдки въ англійской жизни и литературѣ. «Можетъ, оно такъ тамъ и нужно»; а все таки лучше бы, еслибъ было наоборотъ.

МИХ. МИХАЙЛОВЪ.

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ
ВЪ МАГАЗИНѢ
М. БЕРНАРДА,

на Невскомъ Проспектѣ, противъ Малой Морской, № 10.

ЦѢНЫ ОЗНАЧЕНЫ НА СЕРЕБРО.

ДЛЯ ФОРТЕПІАНО ВЪ ЧЕТЫРЕ РУКИ.

ALBERTI. Le petit répertoire. Fantaisies amusantes et très-faciles à l'usage des commençants op 23 № 1 à 20 (по 45 к.); Fleurs d'Allemagne. Petites fantaisies élégantes et instructives sur des chansons favorites op. 24 № 1 à 6 (каждый 60 к.); Fleurs mélodiques. Fantaisies amusantes et instructives sur des thèmes d'Opéras favoris op. 25 № 1 à 14 (каждый 1 р.).

ASCHER. Dozia-Mazurka — mélodie (85 к.).

BEETHÓVEN. Deux sonates célèbres op. 27 № 1 (2 р.); № 2. Quasi una fantasia (2 р.).

BERTINI. Norma. Duo brillant (1 р. 15 к.).

BEYER. Les Délassements. Recueil de petites leçons sur des motifs favoris à l'usage des commençants op. 85 Liv. 1 à 2 (каждый 1 р.); Les deux élèves. Six petits duos instructifs op. 97 № 1 à 6 (каждый 75 к.); Revue mélodique. Collection de petites fantaisies instructives sur des motifs d'opéras favoris op. 112 № 1 à 38 (каждый 1 р.); Petits bijoux du nord. Six duos mignons sur des airs russes op. 127. Cah. 1 à 2 (каждый 1 р. 15 к.); Les délices des jeunes pianistes. 24 Duos mignons op. 129. Cah. 1 à 2 (каждый 1 р. 45 к.).

FLOTOW. Martha. Ouverture (1 р. 30 к.).

LEFEBURE-WELY. Les cloches du monastère. Nocturne (60 к.); La clochette du pâtre. Nocturne (60 к.).

LOUIS. Don Pasquale. Variations brillantes (1 р.).

MARKS. Souvenir de la Russie. Transcriptions en forme de fantaisies sur des airs russes et bohêmiens op. 151 № 1 à 6 (каждый 75 к.); Der musikalische Kinderfreund. L'ami des enfans. Choix de meilleurs airs d'opéras, marches, danses et chansons arrangeés pour les començants. Cah. 1 à 10 (каждая 85 к.).

— Potpourris des meilleurs opéras à quatre mains: № 76. Il Trovatore (2 р. 85 к.); № 77. L'étoile du nord. (2 р. 60 к.); № 78. Otello. (2 р. 60 к.); № 79. Аскольдова могила (2 р. 60 к.); № 80. Moise (2 р. 60 к.); № 81. Les vêpres Siciliennes (2 р. 60 к.); № 82. Grande fantaisie sur des airs russes (2 р. 85 к.); № 83. La Traviata (2 р. 60 к.); № 84. Die lustigen Weiber (Виндзорскія кумушки) (2 р. 60 к.); № 85. Indra (2 р. 85 к.); № 86. Il Crociato (2 р.

60 к.); № 87. Simon Boccanegra (2 р. 85 к.); № 88. Fra Diavolo (2 р. 85 к.); № 89. Luisa Miller (2 р. 85 к.); № 90. Aroldo (2 р. 85 к.); № 91. Le Pardon de Ploërmel (2 р. 85 к.); № 92. Alessandro Stradella (2 р. 60 к.).

OSBORNE. Le Barbier de Seville. Duo brillant (1 р. 50 к.); Petite fantaisie sur un air russe (85 к.).

SCHULHOFE. Etoile du soir Idylle (75 к.); Souvenir de Kieff. Mazurka (85 к.); Ballade (1 р. 15 к.).

SPINDLER. Tyrolienne brillante (1 р. 30 к.).

VILBAC. Beautés du Barbier de Seville à 4 mains (1 р. 30 к.); Elisire d'amore. Duo dramatique (1 р. 30 к.); Beatrice di Tenda. Duo dramatique (1 р.).

VOSS, Les Huguenots. Fantaisie brillante (1 р. 15 к.).

WOLFF. Maria di Rohan. Divertissement (1 р.); Il Trovatore. Duo brillant (1 р.); Oberon. Grand duo (1 р. 40 к.).

CRAMER. Le Pardon de Ploërmel. Potpourri (1 р. 30 к.).

MENDELSOHN-BARTHOLDY. Les Hebrides. Ouverture (1 р. 30 к.).

ДЛЯ ФОРТЕПІАНО.

SCHULHOFF. Souvenir de St. Pétersbourg. Mazurka op. 50 (85 к.); Trois poëmes lyriques op. 49 № 1. Souvenir de Venise (60 к.); № 2. Solitude (50 к.); № 3. Impromptu (50 к.).

Выписывающіе нотъ на сумму не менѣе трехъ руб. сер. получаютъ *двадцать пять процентовъ уступки*, а выписывающіе на десять руб. сер., кромѣ того, ничего не прилагаютъ на пересылку. Выгодою этой пользуются только тѣ, которые обратятся съ требованіями непосредственно въ магазинъ Бернарда. На тѣхъ же условіяхъ можно выписывать черезъ него всѣ музыкальныя сочиненія, кѣмъ бы они ни были изданы или объявлены.

Въ томъ же магазинѣ вышла 1-го сентября 9-я тетрадь музыкальнаго журнала «Нувеллистъ» (годъ XXI), **содержащая въ себѣ между прочими:** *Mendelssohn-Bartholdy*, Deux pièces inédites. — *Voss*, Хуторокъ. Chanson de Klimoffsky transcrite. — *Bernard*, Harmonie helvétique. — *Miller*, Mélodie de Schubert. — *Tedesco*, Polonaise de Spohr transcrite. — **3 новые танца, 2 фантазіи, 1 русскій романсъ и литературное прибавленіе въ видѣ музыкальной газеты.** (**Годовая цѣна подписки 10 р., съ пересылкою 11 р. 50 к. сер.**).

Желающіе подписаться на «Нувеллистъ» на 1860 г. получаютъ сполна всѣ тетради этого журнала, вышедшія съ начала нынѣшняго года.

Здѣсь же получены вновь: ПАРИЖСКІЯ ГАРМОНИФЛЕЙТЫ лучшаго достоинства (цѣна 40 р.). Для этого инструмента издана *школа* на русскомъ языкѣ и множество *пьесъ разныхъ*.

Печатать позволяется. С.-Петербургъ. 1 сентября 1860 года.

Цензоръ *Ѳ. Рахманиновъ*.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ПРОЭКТЪ УСТАВА

НИЗШИХЪ И СРЕДНИХЪ УЧИЛИЩЪ,

СОСТОЯЩИХЪ ВЪ ВѢДОМСТВѢ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

II.

Между тѣмъ, какъ низшія народныя училища, согласно § 19 проэкта, имѣютъ цѣлью—распространеніе первоначальныхъ, всякому нужныхъ свѣдѣній между людьми всѣхъ сословій, высшія, согласно § 52, преимущественно назначаются для лицъ промышленнаго и торговаго класса. Мы не можемъ хорошенько понять, для чего давать этимъ училищамъ, открываемымъ, согласно тому же §, для всѣхъ состояній, такое преимущественно сословное назначеніе, не оправдываемое ни цѣлью, ни программою ихъ. Цѣль высшихъ народныхъ училищъ, какъ опредѣляетъ ее все тотъ же §, «давать дѣтямъ возможность: 1) подъ вліяніемъ болѣе продолжительнаго училищнаго наставленія, упрочить въ себѣ начала нравственности и 2) посредствомъ отчетливаго ученія и усвоенія положительныхъ знаній, пріобрѣсти ту степень умственнаго развитія, которая необходима для успѣшнаго отправленія общественныхъ и житейскихъ занятій и обязанностей»,—цѣль, какъ видитъ читатель, общеобразовательная, гуманная, дающая школѣ

значеніе разсадника просвѣщенія во всѣхъ безъ изъятія слояхъ общества. Сообразно съ этою цѣлью, и самая программа высшихъ народныхъ училищъ, изложенная въ § 137, и о которой мы подробнѣе скажемъ въ своемъ мѣстѣ, ничѣмъ не намекаетъ на преимущественно-спеціальное, сословное назначеніе этихъ училищъ, да и нѣтъ никакой причины, по которой законъ Божій, русскій языкъ, исторія, географія, начала естествовѣдѣнія, ариѳметика, геометрія, чистописаніе, рисованіе, черченіе и церковное пѣніе, преподаваемые въ высшихъ народныхъ училищахъ, нужны были бы промышленому и торговому классамъ преимущественно передъ другими классами. Поэтому мы и предлагаемъ—выбросить изъ проэкта слова «назначаются преимущественно для лицъ промышленнаго и торговаго класса», какъ совершенно неумѣстныя и не подтверждающіяся ни цѣлью, ни программою высшихъ народныхъ училищъ, а между тѣмъ могущія подать поводъ къ ложнымъ толкованіямъ какъ со стороны общества, такъ и со стороны начальственныхъ лицъ, толкованіямъ, способнымъ послужить въ ущербъ равномѣрному распространенію въ народѣ просвѣщенія и благодѣтельному сближенію сословій. Въ вышеприведенныхъ словахъ дворянство и чиновники найдутъ причину не посылать въ высшія народныя училища своихъ дѣтей, между тѣмъ какъ начальственныя лица, изъ желанія облагородить подвѣдомственное имъ заведеніе, могутъ, ссылаясь на эти же слова, намѣренно устранять изъ училища дѣтей ремесленниковъ и крестьянъ.

Лучше пусть мѣра, въ которой каждый классъ воспользуется училищами, опредѣлится потребностью самыхъ классовъ, нежели подавать поводъ къ преграждению пути удовлетворенію этой потребности, когда она явится въ извѣстномъ слоѣ общества. Образованіе сердца и ума нелишне ни для какого класса; напротивъ, всѣ классы выигрываютъ отъ пріобрѣтенія его, какъ въ моральномъ, такъ и въ матеріальномъ отношеніи.

По §§ 53, 54 высшія народныя училища учреждаются и содержатся на казенный счетъ, по крайней мѣрѣ по одному въ каждомъ уѣздѣ, но, согласно § 58, «обществамъ и частнымъ лицамъ предоставляется право учреждать и содержать на своемъ иждивеніи высшія народныя училища, сходныя съ казенными», которыхъ открытію министерство народнаго просвѣщенія всѣми мѣрами содѣйствуетъ, поощряя учредителей ихъ. Въ чемъ будетъ состоять содѣйствіе министерства открытію такихъ частныхъ училищъ—объ этомъ въ проэктѣ нигдѣ не упоминается, напротивъ—уже въ § 59 говорится, что «открытіе ихъ происходитъ съ разрѣшенія попечителя округа, которое дается только въ такомъ случаѣ, если общество или

частное лицо, желающія учредить высшее народное училище, представать достаточное матеріальное обезпеченіе въ прочности его существованія. По нашему крайнему разумѣнію, эта мѣра не только не можетъ содѣйствовать открытію высшихъ народныхъ училищъ, частныхъ, но и должна стать причиною того, что они будутъ открываться рѣже и въ меньшемъ числѣ. Во-первыхъ, испрашиваніе разрѣшенія попечителя округа само по себѣ должно безполезно затянуть дѣло, между тѣмъ какъ гораздо проще было бы разъ на всегда закономъ разрѣшить обществамъ и частнымъ лицамъ открытіе высшихъ народныхъ училищъ, постановивъ, чтобы объ открытіи ихъ доносили попечителю, испрашивая у него назначенія тѣхъ должностныхъ лицъ, которыя должны состоять на государственной службѣ. Во-вторыхъ, что разумѣть подъ достаточнымъ обезпеченіемъ? На сколько времени должно быть обезпечено учреждаемое училище? На годъ, на 10, на 100 лѣтъ или навѣки? Какое широкое поле представляется здѣсь личному произволу попечителя! И какая цѣль такой мѣры? Не та ли, чтобы воспрепятствовать возникновенію училищъ на короткое время? Да что же въ этомъ такого, чему нужно бы препятствовать? Развѣ всѣ частные пансіоны и школы непремѣнно имѣютъ фонды? А между тѣмъ необезпеченность не мѣшаетъ имъ приносить обществу пользу въ теченіе времени ихъ существованія. Правда, они иногда существуютъ только 2, 3 года, но въ эти 2, 3 года они удовлетворяютъ нѣкоторой долѣ потребности общества въ образованіи, долѣ, которая безъ нихъ не удовлетворялась бы или удовлетворялась бы не вполнѣ. Или, можетъ быть, составители проэкта боятся, чтобы неблагонамѣренные люди или общества, учредивъ, но не обезпечивъ достаточно высшее народное училище, не воспользовались незаслуженно тѣмъ преимуществомъ, которое предоставляется учредителямъ такихъ училищъ § 60 и которое состоитъ въ томъ, что «объ учрежденіи высшихъ народныхъ училищъ обществомъ или частными лицами, министръ народнаго просвѣщенія доводитъ каждый разъ до Высочайшаго свѣдѣнія, какъ о похвальномъ подвигѣ для общаго блага.» Въ такомъ случаѣ можно бы избѣгнуть этого неудобства другимъ способомъ, а именно: предоставлять право на пользованіе этимъ преимуществомъ только обществамъ или лицамъ, достаточно обезпечившимъ учрежденное ими училище, или содержавшимъ его въ теченіе по крайней мѣрѣ 10 лѣтъ, но не препятствовать учрежденію училищъ и на кратчайшій срокъ, впрочемъ въ такомъ случаѣ безъ всякаго поощренія учредителей.

Неудобство, которое, по моему мнѣнію, произойдетъ отъ постановленія, чтобы высшія народныя училища частныя были во всемъ сходны съ казенными (§ 58), нѣсколько уменьшается допущеніемъ,

«согласно желанію учредителей, съ разрѣшенія министерства народнаго просвѣщенія, уклоненій отъ общаго учебнаго курса высшихъ народныхъ училищъ».

Каждое высшее народное училище непосредственно подчинено инспектору, который въ казенныхъ училищахъ назначается губернскимъ директоромъ училищъ (§ 65), въ частныхъ же избирается самими учредителями, могущими право это передать попечительному совѣту учрежденнаго ими училища (§ 67); но въ тѣхъ и другихъ училищахъ инспекторъ назначается изъ учителей высшихъ народныхъ училищъ, или изъ учителей гимназій или другихъ лицъ, окончившихъ курсъ наукъ въ одномъ изъ русскихъ университетовъ, если они прослужили не менѣе пяти лѣтъ по учебной части (§ 66). Инспекторъ есть непосредственный начальникъ высшаго народнаго училища и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣетъ надзоръ за низшими народными училищами, школами грамотности и частными пансіонами, ему подвѣдомственными. Самъ же онъ состоитъ подъ непосредственнымъ начальствомъ губернскаго директора училищъ (§ 68). Между прочими обязанностями, на инспекторѣ, согласно § 71, лежитъ и забота о распространеніи просвѣщенія: съ этою цѣлью онъ долженъ «убѣждать родителей, чтобы посылали въ училища дѣтей, руководить родителей совѣтами относительно дальнѣйшаго образованія ихъ дѣтей, согласно съ ихъ званіемъ» (?); по § 72 же, долженъ даже «прилагать все стараніе, чтобы между учителями ненарушимо поддерживалось основанное на взаимномъ уваженіи согласіе», наконецъ по § 73, «служа для всѣхъ образцомъ кроткаго обращенія, долженъ руководствовать учителей и учащихся примѣромъ, наставленіями и совѣтами, и стараться своею распорядительностью облегчать для тѣхъ и другихъ исполненіе ихъ обязанностей».

Подобныя идеальныя требованія могутъ показаться не совсѣмъ умѣстными въ уставѣ, который долженъ опредѣлить общій кругъ обязанностей каждаго должностнаго лица, а не входить въ подробности дѣйствованія, зависящія отъ индивидуальнаго пониманія долга и личныхъ свойствъ и способностей чиновника.

Еще можно бы требовать, чтобы въ инспекторы выбирались только люди съ извѣстными качествами и способностями, что и сдѣлано въ § 65, гдѣ говорится, что въ званіи инспектора можетъ быть утверждаемъ только человѣкъ, отличающійся, по засвидѣтельствованію губернскаго директора училищъ, «безукоризненнымъ поведеніемъ, усердіемъ къ службѣ и доказанными на дѣлѣ педагогическими знаніями», — но никакъ не болѣе того. Требовать же, чтобы всякій учитель, обладающій этими свойствами, вмѣстѣ съ тѣмъ, вступивъ въ должность инспектора, сдѣлался идеаломъ человѣка и граждани-

на, значитъ впадать въ идеализмъ. Не только всякій порядочный инспекторъ, но и всякій просвѣщенный человѣкъ, кто бы онъ ни былъ, будучи окруженъ людьми невѣжественными и не понимающими пользы образованія, обязанъ, на сколько у него станетъ силъ, заботиться о распространеніи просвѣщенія, убѣждать знакомыхъ своихъ посылать дѣтей въ училища и руководить родителей совѣтами относительно дальнѣйшаго образованія ихъ дѣтей, согласно съ достоинствомъ человѣка и гражданина, а не съ званіемъ самихъ родителей (§ 71). Повторяемъ: образованіе не лишне ни въ какомъ званіи; напротивъ, всѣ званія выигрываютъ чрезъ пріобрѣтеніе его. Но совершенно непонятно, какъ инспекторъ будетъ прилагать стараніе, чтобы между учителями ненарушимо поддерживалось основанное на взаимномъ уваженіи согласіе? Взаимное уваженіе учителей другъ къ другу не можетъ зависѣть ни отъ кого, кромѣ самыхъ учителей. Какъ же быть, если между ними будутъ такіе, которые неспособны внушать къ себѣ уваженіе? Еще помирить поссорившихся между собой учителей инспекторъ, пожалуй, можетъ, да и то, если удастся; но какъ поддерживать согласіе, основанное на взаимномъ уваженіи, котораго люди сами не съумѣли внушить къ себѣ въ своихъ сочеловѣкахъ? Какъ строить или хоть поддерживать зданіе, котораго основаніе, можетъ быть, никогда и несуществовало? Далѣе: уставъ можетъ вообще требовать отъ воспитателей кроткаго обращенія съ дѣтьми, воспрещая всякія мѣры непомѣрной строгости, не ведущія ни къ чему, кромѣ заглушенія въ молодомъ поколѣніи нравственнаго чувства, основаннаго на сознаніи истиннаго человѣческаго достоинства въ себѣ и другихъ; но того, чтобы инспекторъ служилъ для всѣхъ образцомъ кроткаго обращенія съ дѣтьми—уставъ не можетъ предписывать, потому что образцомъ можетъ служить далеко не всякій, отличающійся безукоризненнымъ поведеніемъ, усердіемъ къ службѣ и доказанными на дѣлѣ педагогическими знаніями; а съ другой стороны, также далеко не всякій способенъ руководиться образцами, какими являются начальники. Равнымъ образомъ, уставъ едва ли можетъ предписывать, чтобы начальникъ своею распорядительностью облегчалъ для подчиненныхъ исполненіе ихъ обязанностей. Распорядительность весьма желанное качество въ начальникѣ; но угадать это качество въ назначаемомъ въ инспекторы учителѣ весьма трудно, а требовать, чтобы человѣкъ, необладающій имъ, пріобрѣлъ его вслѣдствіе того, что опредѣленъ въ инспекторы — безполезно, потому что такое требованіе невыполнимо.

Вотъ гораздо выполнимѣе и легче исполненіе формальныхъ требованій, въ родѣ дѣлаемыхъ § 74, въ которомъ говорится, что инспекторъ обязанъ ежедневно посѣщать классы учителей, обращая

«вниманіе на успѣхи учениковъ, на правильность и точность веденія классныхъ журналовъ и списковъ». Здѣсь мы въ сферѣ чисто-полицейскихъ обязанностей инспектора, замѣняющихъ контроль дѣла съ помощью самаго дѣла — личнымъ контролемъ посредствомъ безпрестаннаго начальственнаго вмѣшательства, одобреній, поощреній и взысканій.

Система донесеній, отчетовъ, вѣдомостей, несмотря на признанную неудовлетворительность свою, усвоена уставомъ въ §§ 79, 80, 81. § 82-мъ должность инспектора относится по чину къ VIII классу. § 83 дѣлаетъ изъ инспектора полнаго распорядителя хозяйственною частью высшаго народнаго училища.

Согласно § 84, учителей въ высшемъ народномъ училищѣ полагается пять; кромѣ того, одинъ предметъ преподаетъ инспекторъ училища; а согласно съ § 90, церковному пѣнію обучаетъ наемный учитель. Проходя молчаніемъ условія, поставляемыя проэктомъ для поступленія въ званіе учителей высшаго народнаго училища, и права, присвоиваемыя этому званію, ограничимся указаніемъ на § 93, могущій повести къ недоразумѣніямъ и ложнымъ толкованіямъ. Въ этомъ § сказано: «учитель высшаго народнаго училища имѣетъ право обучать въ другихъ равныхъ и низшихъ училищахъ, какъ казенныхъ, такъ и частныхъ, безъ особеннаго испытанія, тому предмету, котораго состоитъ учителемъ въ высшемъ народномъ училищѣ». Учителемъ наукъ въ высшемъ народномъ училищѣ можетъ состоять только имѣющій свидѣтельство, выданное совѣтомъ одного изъ педагогическихъ курсовъ университета или гимназіи (§ 86); учителемъ же чистописанія, черченія и рисованія — только представившій свидѣтельство отъ императорской академіи художествъ (§ 89). Развѣ этого недостаточно, чтобы никому не могло впасть на мысль сомнѣніе въ томъ, имѣютъ ли эти лица право обучать, безъ особеннаго испытанія, въ равныхъ и низшихъ училищахъ, какъ казенныхъ, такъ и частныхъ, не только тому предмету, котораго они состоятъ учителями въ высшемъ народномъ училищѣ, но и всѣмъ тѣмъ, на которые они получили свидѣтельство? Вѣдь свидѣтельства будутъ выдаваться только по испытаніи университетомъ, гимназіею или академіею художествъ: такъ какое же еще испытаніе можетъ понадобиться въ тѣхъ же предметахъ? Вѣроятно университетъ, гимназія или академія художествъ, выдавая свидѣтельство на званіе учителя высшаго народнаго училища, не будетъ обозначать въ этомъ свидѣтельствѣ — въ какомъ именно высшемъ народномъ училищѣ извѣстное лицо получаетъ право преподавать одинъ или нѣсколько предметовъ, тѣмъ самымъ безмолвно запрещая ему преподавать въ другихъ высшихъ

народныхъ училищахъ; свидѣтельство будетъ выдаваться вообще на званіе учителя высшаго народнаго училища. Кому же придетъ въ голову еще испытывать такого испытаннаго и получившаго свидѣтельство учителя, желающаго поступить въ другое высшее или равное высшему или даже низшее училище? Но еще страннѣе то, что въ § 93 говорится далѣе: «онъ (учитель высшаго народнаго училища) сохраняетъ это право (право на обученіе въ другихъ равныхъ и низшихъ училищахъ, какъ казенныхъ, такъ и частныхъ, безъ особеннаго испытанія) и по отставкѣ, ежели прослужитъ въ училищахъ министерства народнаго просвѣщенія не менѣе трехъ лѣтъ, и будетъ уволенъ отъ службы по собственному желанію».

Спрашивается: ну, а если онъ прослужитъ менѣе трехъ лѣтъ и уволенъ по собственному же желанію, то развѣ онъ можетъ быть лишенъ права, которое пріобрѣлъ воспитаніемъ и котораго не употребилъ во зло? Если же не можетъ, то для чего такія законоположенія, ни къ чему прямо не ведущія, но могущія быть превратно истолкованными и повести къ безполезному для дѣла и даже вредному для лицъ насилію?

§ 95 предоставляетъ учителямъ право содержать у себя на квартирахъ учениковъ. При системѣ экзаменовъ, отмѣтокъ, актовъ, поощреній и т. д., — системѣ вполнѣ усвоенной проэктомъ устава, — право, предоставляемое учителямъ § 95, если прямо и не поведетъ къ злоупотребленіямъ, то, во всякомъ случаѣ, много повредитъ характеру безкорыстія, безпристрастности и вообще безукоризненности, который учитель долженъ стараться, для пользы дѣла, пріобрѣсть во мнѣніи учениковъ.

§ 97, какъ заключающій въ себѣ основное правило государственной службы, лишній въ проэктѣ устава училищъ.

При каждомъ высшемъ народномъ училищѣ состоятъ: 1) попечительный и 2) учебный совѣты и 3) правленіе. Попечительный совѣтъ имѣетъ цѣлью — содѣйствіе нравственному и матеріальному благосостоянію училища и бо̀льшее сближеніе его съ обществомъ (§ 98). Посмотримъ, какія у него средства для достиженія этихъ благихъ цѣлей.

Прежде всего, что касается состава его, то градской глава, какъ предсѣдатель совѣта, благочинный и инспекторъ училища, по званію своему, суть непремѣнные члены попечительнаго совѣта, которыми изъ мѣстныхъ обывателей избираются уже остальные два члена на три года (§ 99). Лицо, сдѣлавшее пожертвованіе, вполнѣ или въ значительной степени обезпечивающее существованіе училища, пользуется правами непремѣннаго члена попечительнаго совѣта (§ 100). Обращаемъ вниманіе на неясность этого послѣдняго параграфа, ко-

торый можно понять—или такъ, что лицо, сдѣлавшее такое пожертвованіе, становясь непремѣннымъ членомъ совѣта, дѣлаетъ нужнымъ выборъ только одного временнаго члена, или такъ, что это лицо увеличиваетъ собою число непремѣнныхъ членовъ, причемъ все-таки два члена выбираются изъ мѣстныхъ обывателей. Въ первомъ случаѣ составъ совѣта остается неизмѣнно изъ пяти членовъ; во второмъ же онъ увеличивается однимъ непремѣннымъ членомъ.

Такая неточность въ редакціи устава можетъ впослѣдствіи подать поводъ къ перепискѣ и къ изданію объяснительныхъ къ уставу законоположеній. Указавъ на этотъ недостатокъ, относящійся къ формальной сторонѣ проэкта, обратимся къ разсмотрѣнію самаго состава попечительнаго совѣта. Выборные члены, повидимому, допущены въ совѣтъ для достиженія одной изъ его цѣлей, а именно — бо́льшаго сближенія училища съ обществомъ. Но, по нашему мнѣнію, способъ избранія ихъ можетъ совершенно парализовать дѣйствительность ихъ вліянія. Непремѣнные члены, какъ надо полагать, въ бо́льшей части случаевъ будутъ выбирать изъ мѣстныхъ обывателей тѣ лица, которыя по какимъ нибудь личнымъ отношеніямъ ближе къ нимъ, или, строго держась устава (§ 99), будутъ брать въ соображеніе только мѣру пожертвованій лица въ пользу училища и учащихся. А между тѣмъ такія лица не всегда будутъ способны къ тому, чтобы содѣйствовать сближенію училища съ обществомъ. Съ другой стороны, выборные члены, будучи избираемы непремѣнными членами, не могутъ быть почитаемы за представителей общества, избранныхъ имъ для наблюденія за интересами его въ училищѣ. Способъ избранія ихъ ставитъ выборныхъ членовъ въ совершенную зависимость отъ непремѣнныхъ и дѣлаетъ ихъ отголосками этихъ послѣднихъ. При такой солидарности между членами, голосъ выборнаго лица, если когда нибудь и возвысится вопреки мнѣніямъ остальныхъ членовъ, встрѣтитъ единодушный отпоръ въ самомъ духѣ сплошной корпораціи, какою будетъ совѣтъ. Что и голосъ лица, ставшаго непремѣннымъ членомъ за сдѣланное имъ «пожертвованіе, вполнѣ или въ значительной степени обезпечивающее существованіе училища», будетъ въ этомъ совѣтѣ гласомъ вопіющаго въ пустынѣ — это также не можетъ подлежать сомнѣнію. Не должна ли при такомъ порядкѣ вещей иногда и даже часто пострадать главная цѣль учрежденія совѣта, а именно — содѣйствіе нравственному и матеріальному благосостоянію училища? Вѣдь весьма возможно, что непремѣнные члены: градской глава, благочинный и инспекторъ училища, будутъ люди отсталые, которые, подобравъ себѣ изъ мѣстныхъ обывателей одномыслящихъ людей, всему училищу дадутъ ложное и отсталое направленіе;

а съ другой стороны, вѣроятно никто не захочетъ дѣлать пожертвованій на училище, въ отношеніи котораго голосъ его почти не будетъ имѣть никакого значенія. На этихъ основаніяхъ мы предлагаали бы предоставить мѣстнымъ обывателямъ самимъ избирать изъ среды своей выборныхъ членовъ, которыхъ число по крайней мѣрѣ уравнять съ числомъ непремѣнныхъ членовъ совѣта. При этомъ, по нашему мнѣнію, необходимо было бы установить, чтобы одинъ изъ выборныхъ членовъ избирался изъ дворянскаго, другой изъ купеческаго, а третій изъ крестьянскаго или мѣщанскаго сословій. Такимъ образомъ, кромѣ того, что всѣмъ классамъ народа давалось бы право вмѣшательства въ дѣло, близко касающееся членовъ ихъ, мало по малу и въ низшихъ слояхъ общества возбуждался бы интересъ къ общественному образованію.

Весьма хорошею надо признать мѣру, въ которой «инспекторъ училища, по званію своему, ни въ какомъ случаѣ не предсѣдательствуетъ въ попечительномъ совѣтѣ» (§ 102). Этою мѣрой предупреждаются многія злоупотребленія власти.

Изъ §§ 103, 104 и 105 видно, что дѣятельность попечительнаго совѣта простирается исключительно на одно высшее народное училище, котораго благосостояніе и преуспѣяніе, равно и матеріальныя нужды, составляютъ предметъ разсужденій въ собраніяхъ совѣта, между тѣмъ какъ, по нашему мнѣнію, ему можно бы поручить тѣже обязанности относительно всѣхъ мѣстныхъ школъ грамотности и низшихъ народныхъ училищъ, сдѣлавъ предсѣдателемъ его, вмѣсто градскаго главы, уѣзднаго предводителя дворянства или его кандидата (*). Члены попечительнаго совѣта объѣзжали бы въ извѣстные сроки всѣ мѣстныя училища, поочередно или въ одно время (въ послѣднемъ случаѣ раздѣляя между собою все наличное число мѣстныхъ низшихъ училищъ, подлежащихъ надзору извѣстнаго высшаго народнаго училища), повѣряя дѣйствія учителей и средства существующихъ училищъ, утверждая тѣ низшія училища, вновь учреждаемыя частными лицами или обществами, которыя нуждаются въ утвержденіи, однимъ словомъ—прилагая всѣ старанія къ успѣшному ходу просвѣщенія. При этомъ необходимо бы соблюдать правило, чтобы въ теченіе извѣстнаго срока каждый изъ членовъ совѣта посѣтилъ всѣ мѣстныя низшія училища и чтобы, въ теченіе разъѣздовъ нѣкоторыхъ членовъ, совѣтъ оставался по крайней мѣрѣ въ составѣ трехъ членовъ, считая въ это число и предсѣдателя. По

(*) Въ тѣхъ мѣстностяхъ, въ которыхъ находятся два или болѣе высшихъ народныхъ училищъ, кромѣ того можно бы выбирать въ предсѣдатели совѣта одного изъ дворянъ.

окончаніи вышеупомянутаго срока, который можно бы назначить въ полгода, годъ или полтора года, смотря по количеству мѣстныхъ низшихъ школъ и отдаленности ихъ отъ высшаго народнаго училища, члены совѣта представили бы предсѣдателю о своихъ дѣйствіяхъ, соображеніяхъ и мнѣніяхъ относительно каждаго низшаго училища, равно какъ и относительно высшаго народнаго училища въ особенности, подробный отчетъ, извлеченіе изъ котораго посылалось бы директору училищъ; при этомъ, въ случаяхъ, превышающихъ власть совѣта, испрашивалось бы разрѣшеніе или утвержденіе директора. Въ своихъ отчетахъ каждый изъ выборныхъ членовъ обращалъ бы преимущественно вниманіе на образовательные интересы сословія, котораго состоитъ представителемъ, а именно: опредѣлялъ бы, въ какой мѣрѣ низшія и высшія народныя училища достигаютъ, относительно этого сословія, своей образовательной цѣли, какіе въ нихъ недостатки и чѣмъ эти недостатки могутъ быть устранены. Изъ непремѣнныхъ же членовъ, инспекторъ указывалъ бы въ своемъ отчетѣ на техническую сторону обученія и на воспитательные пріемы и результаты того и другихъ въ каждомъ училищѣ, между тѣмъ какъ благочинный ревизовалъ бы училища въ отношеніи преподаванія въ нихъ закона Божія.

Такимъ образомъ, директоръ, въ извѣстные сроки, не выѣзжая изъ губернскаго города, получалъ бы подробныя свѣдѣнія обо всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, находящихся въ районѣ его дирекціи, свѣдѣнія, на которыя могъ бы вполнѣ положиться, потому что они доставлялись бы ему коллегіальнымъ учрежденіемъ и были бы собраны съ дѣйствительнымъ знаніемъ дѣла и охотою къ нему. Это много облегчило бы обязанности директора училищъ и придало бы попечительному совѣту то значеніе, которое онъ, по своей идеѣ, долженъ имѣть. Всякій легко пойметъ, что при такой организаціи попечительнаго совѣта, учебный совѣтъ, имѣющій цѣлью — воспѣшествовать преуспѣянію учебной и воспитательной части въ высшемъ народномъ училищѣ (§ 111), могъ бы оставаться, какъ оно и есть согласно проэкту, учрежденіемъ, имѣющимъ исключительнымъ кругомъ дѣятельности высшее народное училище. Только въ этомъ послѣднемъ случаѣ непонятнымъ становится, для чего въ § 112 постановляется, чтобы «въ засѣданія учебнаго совѣта иногда приглашались учители и содержатели частныхъ учебныхъ заведеній, пансіоновъ и другихъ училищъ, подлежащихъ вѣдѣнію инспектора высшаго народнаго училища»? Если для того, чтобы съобща рѣшать или предварительно обсуживать вопросы, касающіеся улучшенія учебной и воспитательной части не только въ высшемъ народномъ училищѣ, но, какъ сказано въ § 113, по предложенію инспектора,

и въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ, подлежащихъ его вѣдѣнію, то учебный совѣтъ, по кругу своего вліянія, не исключительно ограниченъ высшимъ народнымъ училищемъ, какъ опредѣляетъ § 111. Но въ такомъ случаѣ опять страннымъ должно казаться, что, приглашая въ учебный совѣтъ учителей и содержателей частныхъ учебныхъ заведеній, не приглашаютъ въ него учителей низшихъ народныхъ училищъ, которыхъ мнѣніе объ улучшеніи учебной и воспитательной части также иногда можетъ пригодиться и которые сами очень много выиграли бы отъ участія въ этихъ совѣщаніяхъ.

О §§ 114 и 115, въ которыхъ исчисляются предметы, окончательно рѣшаемые въ учебномъ совѣтѣ и приводимые въ исполненіе инспекторомъ училища, или нуждающіеся, для приведенія въ исполненіе, въ предписаніяхъ директора училищъ, можно замѣтить только слѣдующее:

а) Что между прочими предметами, окончательно рѣшаемыми въ учебномъ совѣтѣ, въ § 114 упоминается «о постановленіяхъ касательно поощреній, наградъ, избранія темъ и одобренія рѣчей и сочиненій, предназначаемыхъ къ чтенію на годичномъ актѣ училища», вопреки всему, что въ послѣднее время говорилось въ публикѣ и писалось въ журналахъ противъ поощреній и наградъ, извращающихъ взглядъ юношества на науку и обязанности, способствующихъ развитію въ немъ пронырливости, заискиванья, зависти и любостяжательности, противъ рѣчей и сочиненій, читаемыхъ на годичныхъ актахъ, и наконецъ противъ самыхъ годичныхъ актовъ, на которыхъ ученики и наставники ихъ являются предъ родителями, начальниками и публикою съ обманчивымъ блескомъ.

б) Что между предметами, не могущими быть окончательно рѣшенными въ учебномъ совѣтѣ, но нуждающимися, для приведенія въ исполненіе, въ предписаніи директора училищъ, въ § 115 помѣщено и «заключеніе о потребности открыть новую школу, училище и дополнительные курсы, и вообще о всѣхъ мѣрахъ, которыя, по мнѣнію инспектора или каждаго изъ учителей, должно принять для распространенія между обывателями полезныхъ знаній и улучшенія ихъ нравственнаго быта». Спрашивается: можетъ ли такое затрудненіе или, по крайней мѣрѣ, замедленіе дѣла служить къ успѣшнѣйшему распространенію въ народѣ образованія? Кто знакомъ съ искусствомъ нѣкоторыхъ начальственныхъ лицъ находить затрудненія, невозможности и неудобства въ томъ, въ чемъ ихъ вовсе нѣтъ, или даже просто изощряться въ пріискиваніи поводовъ къ бумагописанію, тотъ легко пойметъ, что ни одна школа, училище, ни одинъ дополнительный курсъ, признанные необходимыми и мѣстными обывателями, и попечительнымъ и учебнымъ совѣтами, вовсе не увидятъ

свѣта, или увидятъ его нѣсколькими годами позже только по причинѣ различныхъ проволочекъ дирекціи; что самыя удобопримѣнимыя и общепризнанныя мѣры «для распространенія между обывателями полезныхъ знаній и улучшенія ихъ нравственнаго быта», часто, по незнанію мѣстныхъ потребностей и средствъ, будутъ отвергаемы директоромъ училищъ, какъ ненужныя или невыполнимыя. Не гораздо ли полезнѣе было бы дать учебнымъ совѣтамъ подробное наставленіе въ томъ—какія школы, училища и дополнительные курсы дозволяется открывать и какія мѣры для распространенія между обывателями полезныхъ знаній признаются законными, а потомъ только требовать, чтобы, по открытіи такихъ школъ, училищъ и дополнительныхъ курсовъ, или по принятіи такихъ мѣръ, учебный совѣтъ подробно доносилъ о томъ директору училищъ? Конечно, здѣсь мы разумѣемъ только такія школы, училища, дополнительные курсы, которые открываются на частныя или общественныя средства, и только такія мѣры, которыя для своего осуществленія не нуждаются въ пособіи изъ государственной казны, ибо только о такихъ, по нашему мнѣнію, и говорится въ приведенномъ §.

Наконецъ, для завѣдыванія имуществомъ и хозяйственною частью училища, при немъ учреждается правленіе (§ 119), въ которомъ, подъ предсѣдательствомъ инспектора, изъ среды учителей избираются два члена; изъ этихъ членовъ одинъ несетъ обязанности письмоводителя (§ 120). По нашему мнѣнію, такое обремененіе учителей обязанностью письмоводителя, выходящею изъ круга оффиціальнаго назначенія ихъ, можетъ повести только или къ тому, что учителя, ссылаясь на письмоводительскія занятія, будутъ манкировать уроками, или къ тому, что обязанность письмоводителя будетъ исполняться кое-какъ, небрежно, безпорядочно, или къ тому и другому вмѣстѣ. За неисправность же въ письмоводствѣ мудрено будетъ обвинять человѣка, никогда не готовившагося быть письмоводителемъ и не бравшагося за это дѣло. Такимъ образомъ экономія, состоящая въ сбереженіи нѣсколькихъ сотъ рублей жалованья, которое слѣдовало бы дать письмоводителю, можетъ стать причиною существенныхъ потерь для училища, какъ въ отношеніи учебной части, такъ и въ отношеніи правильнаго хода дѣлъ правленія. Поэтому мы и предложили бы во всѣхъ высшихъ народныхъ училищахъ, учреждаемыхъ на казенный счетъ, опредѣлить особаго письмоводителя; въ частныхъ же и учреждаемыхъ на общественный счетъ дозволить возложеніе этой обязанности на желающаго изъ учителей, но только въ видѣ изъятія, по недостатку средствъ, и то до тѣхъ поръ, пока средства дозволятъ нанимать письмоводителя.

Въ § 126 возрастъ поступающихъ съ точностью опредѣляется: «поступающій въ высшее народное училище, говорится въ этомъ §: долженъ имѣть отъ 10 до 13 лѣтъ отъ роду и знать то, что преподается въ низшихъ народныхъ училищахъ». Къ сказанному по поводу такого же опредѣленія возраста для поступающихъ въ низшія народныя училища, мы почитаемъ нелишнимъ присовокупить, что одинаковость возраста обучающихся можетъ имѣть цѣль въ однихъ закрытыхъ заведеніяхъ, гдѣ дѣти различныхъ возрастовъ, живя подъ одною кровлею, могутъ заимствовать различныя, не всегда полезныя свѣдѣнія, и заразиться недостатками отъ старшихъ дѣтей. Въ открытомъ же заведеніи, въ которомъ дѣти проводятъ одно классное время, эта опасность почти не существуетъ, если только начальство обратитъ нѣкоторое вниманіе на сближеніе дѣтей между собою. А между тѣмъ точное опредѣленіе возраста учениковъ должно безполезно воспрепятствовать достиженію извѣстной степени образованія тѣмъ дѣтямъ недостаточныхъ родителей, которыя только въ позднѣйшемъ возрастѣ имѣли бы охоту и нашли бы случай учиться.—Кромѣ того, изъ словъ приведеннаго нами § слѣдуетъ, что одни мальчики допускаются къ обученію въ высшихъ народныхъ училищахъ, между тѣмъ какъ, при вопіющемъ недостаткѣ у насъ способовъ къ образованію женскаго пола дѣтей въ провинціи, весьма полезно было бы въ уѣздныхъ и другихъ городахъ, гдѣ еще нѣтъ женскихъ гимназій, дозволить посѣщеніе этихъ училищъ и дѣвочкамъ, раздѣливъ для этой цѣли классныя комнаты на двѣ половины и опредѣливъ для надзора за дѣвочками особыхъ надзирательницъ, по одной въ каждомъ классѣ. По нашему мнѣнію, весьма полезно было бы и самое преподаваніе въ младшемъ классѣ высшаго народнаго училища поручить женщинамъ, представившимъ удостовѣреніе въ познаніяхъ, необходимыхъ для этого класса. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ надзирательницы для этого класса и не потребовалось бы.

Внесеніе платы за ученіе за полгода впередъ и увольненіе изъ училища не внесшихъ ея (§ 128) можетъ почесться одною изъ мѣръ, затрудняющихъ для недостаточныхъ родителей дѣло обученія дѣтей. Вредъ отъ этой мѣры только отчасти устраняется тѣмъ, что «бѣдные ученики, при поступленіи въ училище, могутъ быть увольняемы попечительнымъ совѣтомъ отъ взноса платы за ученіе, а впослѣдствіи, при хорошемъ поведеніи и отличныхъ успѣхахъ въ наукахъ, и пользоваться денежными вспомоществованіями, если будутъ удостоены того учебнымъ совѣтомъ»; ибо въ каждомъ училищѣ число такихъ уволенныхъ отъ платы и получающихъ вспомоществованіе учениковъ, вѣроятно, весьма ограничено, между тѣмъ какъ большинство дѣтей во всѣхъ училищахъ принадлежатъ къ классу людей,

хотя и могущихъ платить, однако только съ нѣкоторыми лишеніями въ другихъ отношеніяхъ. Всякій пойметъ, что для такихъ людей вовсе не одно и тоже—заставятъ ли ихъ платить вдругъ за 6 мѣсяцевъ или ту же плату разсрочатъ помѣсячно. Мелкій семейный чиновникъ, получающій отъ 30 до 50 рублей жалованья въ мѣсяцъ, легко удѣлитъ изъ нихъ отъ 1 до 2 рублей, между тѣмъ какъ уплата 6 рублей вдругъ будетъ для него уже гораздо болѣе чувствительною, а уплата 12 рублей на нѣсколько времени даже приведетъ въ разстройство его хозяйство. Поэтому мы и предлагали бы, въ видахъ облегченія дѣтямъ доступа въ высшія народныя училища, предоставить родителямъ ихъ на волю—вносить плату впередъ помѣсячно или за продолжительнѣйшіе сроки разомъ, обусловливая продолженіе права на дальнѣйшее обученіе взносомъ платы за одинъ слѣдующій мѣсяцъ.

§ 129-й лишній, потому что содержитъ то, что во всякой школѣ разумѣется само собою, за исключеніемъ развѣ постановленія, чтобы «правила для учащихся въ началѣ учебнаго года читались ученикамъ, а главнѣйшія изъ нихъ вывѣшивались въ классахъ», постановленія, обѣщающаго сомнительные результаты.

§ 130, которымъ, между прочимъ, постановляется, что «постоянные въ теченіе года прилежаніе и успѣхи въ наукахъ могутъ служить достаточнымъ основаніемъ для перевода ученика въ высшій классъ безъ экзамена», составляетъ значительный прогрессъ противъ нынѣшняго порядка вещей.

За то § 131, которымъ ученикамъ, пробывшимъ два года въ одномъ классѣ и не оказавшимъ удовлетворительныхъ успѣховъ, дозволяется остаться въ томъ же классѣ и на третій годъ, но не иначе, какъ по особенному постановленію учебнаго совѣта; которымъ слѣдовательно безмолвно воспрещается пребываніе учениковъ въ томъ же классѣ на четвертый годъ,—этотъ §, какъ по всему видно, написанъ подъ вліяніемъ обычая закрытыхъ казенныхъ заведеній. Но то, что въ этихъ послѣднихъ заведеніяхъ имѣло смыслъ и причину, то въ открытыхъ заведеніяхъ, въ которыхъ ученики платятъ за свое ученіе, лишено основанія. Лѣнивый или бездарный ученикъ, своимъ поведеніемъ не подающій повода къ исключенію и аккуратно вносящій плату за свое обученіе, при правильной организаціи училища и хорошихъ учителяхъ, ничѣмъ не можетъ быть въ тягость классу, въ которомъ сидитъ 3, 4 года и даже болѣе. Опасеніе, чтобы одинъ лѣнивецъ не заразилъ всего класса, основано на томъ, что даровитыя натуры также иногда бываютъ лѣнивы, и въ такомъ случаѣ, по своей даровитости пріобрѣтши авторитетъ въ классѣ, внушаютъ своимъ товарищамъ духъ оппозиціи учителямъ и

начальству, оппозиціи, выражающейся лѣностью, намѣреннымъ невниманіемъ, неприготовленіемъ къ урокамъ, занятіемъ въ теченіе урока постороннимъ дѣломъ, шумомъ въ классѣ и т. д. Случается дѣйствительно, что въ этой ожесточенной лѣности даровитыхъ натуръ, если можно такъ выразиться, виною нравственная испорченность ихъ, укоренившаяся вслѣдствіе превратнаго домашняго воспитанія, дурныхъ примѣровъ и проч. Тогда, конечно, ничего не остается, какъ испытавъ доступные школѣ способы исправленія, устранить негоднаго ученика изъ заведенія. Но очень часто также причиною такого ложнаго направленія, принимаемаго способными учениками, бываетъ понятая ими бездарность одного или нѣсколькихъ учителей или самого инспектора, неумѣнье тѣхъ и другаго взяться за дѣло, или ложность, устарѣлость методовъ обученія и общей школьной рутины. Въ такомъ случаѣ именно очень важенъ былъ бы контроль общества, какой мы предлагаемъ установить съ помощью попечительнаго совѣта. Можетъ быть, вмѣсто лѣнивыхъ и вредныхъ по своему вліянію учениковъ, попечительный совѣтъ не разъ находилъ бы необходимымъ устранять изъ училищъ того или другаго учителя, не умѣющаго внушить любви къ наукѣ и ожесточающаго противъ своего званія самыя многообѣщающія дѣтскія натуры.

Еще гораздо менѣе причины исключать изъ училища лѣнивыхъ и бездарныхъ учениковъ, которые своимъ поведеніемъ не подаютъ повода къ нареканіямъ, а между тѣмъ, по своей бездарности, неспособны имѣть заразительное вліяніе на другихъ дѣтей. Бездарный лѣнтяй смѣшонъ, а смѣшное никогда не увлекаетъ за собою массъ, напротивъ—скорѣе способно отклонить ихъ въ противную сторону. А кто поручится, что въ этомъ бездарномъ лѣнивцѣ, въ четвертый или пятый годъ его пребыванія въ одномъ и томъ же классѣ, не пробудятся способности, и что онъ не окончитъ курса, хоть и поздно, но блистательнымъ образомъ.

Поэтому-то мы и не видимъ ни малѣйшей надобности заграждать молодымъ людямъ путь къ ученію, если они за лѣность извѣстное число лѣтъ просидѣли въ одномъ классѣ, а во всѣхъ другихъ отношеніяхъ оказываются исправными. Главное состоитъ въ томъ, чтобы въ основаніи общаго духа училища лежали благородныя стремленія: тогда и самый плохой ученикъ рано или поздно увлечется теченіемъ. А этого духа нельзя сообщить училищу однимъ исключеніемъ плохихъ учениковъ, — этотъ духъ сообщается даровитыми, преданными своему дѣлу и благородно-мыслящими наставниками и начальниками.

§§ 132 и 135 входятъ въ тонкости объ аттестатахъ и свидѣтельствахъ, выдаваемыхъ ученикамъ высшихъ народныхъ училищъ, оставившимъ училища передъ окончаніемъ или по окончаніи полнаго курса. Эти аттестаты и свидѣтельства, сильно отзывающіеся добрымъ старымъ временемъ, повидимому должны служить для поощренія къ посѣщенію школъ, ибо ни къ чему другому служить не могутъ. А такъ какъ—благодаря Бога—времена, въ которыя насъ надо было или загонять, или заманивать въ школу, уже миновались, то вышесказанные аттестаты и свидѣтельства и въ этомъ отношеніи безполезны. Въ §§ 133 и 134 трактуется о полицейской мѣрѣ исключенія изъ училища за дурное поведеніе или невзносъ денегъ. Наконецъ § 136 постановляется, что «ученики, отличавшіеся во все время (чего?) безукоризненнымъ поведеніемъ и отличными успѣхами, въ случаѣ желанія ихъ посвятить себя учительской дѣятельности, могутъ, по достиженіи 17-лѣтняго возраста, поступать въ учительскіе курсы, гдѣ таковые имѣются.»

При разсматриваніи курса высшихъ народныхъ училищъ, мы почитаемъ необходимымъ обратить вниманіе:

a) На то, въ какой мѣрѣ этотъ курсъ соотвѣтствуетъ учебной цѣли самыхъ заведеній, въ томъ смыслѣ, какъ эта цѣль опредѣляется § 52 программы; а именно: въ какой мѣрѣ этотъ курсъ содержитъ въ себѣ достаточно знаній, которыхъ усвоеніе необходимо для успѣшнаго отправленія обучавшимися въ нихъ молодыми людьми общественныхъ и житейскихъ занятій и обязанностей, это—практическая точка зрѣнія;

b) На то, въ какой мѣрѣ этотъ курсъ способенъ всесторонно пробудить и развить въ молодыхъ людяхъ нравственныя силы и направить ихъ къ самосовершенствованію и собственному дальнѣйшему образованію; это — идеальная точка зрѣнія, и наконецъ —

c) На то, въ какой мѣрѣ означенный курсъ приличествуетъ мѣсту, занимаемому высшими народными училищами въ общей системѣ учебныхъ заведеній, а именно, въ какой мѣрѣ онъ можетъ служить переходомъ отъ низшихъ народныхъ училищъ къ гимназіямъ, — это точка зрѣнія общей училищной системы.

Какъ мы уже упомянули, курсъ высшихъ народныхъ училищъ заключаетъ въ себѣ слѣдующіе предметы: aa) законъ Божій (пространный катехизисъ, священная исторія и объясненіе богослуженія); bb) русскій языкъ; cc) исторію; dd) географію; ee) начала естествовѣдѣнія; ff) ариѳметику и геометрію; gg) чистописаніе, черченіе и рисованіе; hh) церковное пѣніе.

1) Если мы прежде всего будемъ разсматривать этотъ курсъ съ практической точки зрѣнія, то съ одной стороны должны будемъ

признать въ немъ нѣкоторые предметы лишними или, по крайней мѣрѣ, не ведущими прямо къ цѣли, съ другой же—должны будемъ пожелать, чтобы въ него были включены нѣкоторые предметы, необходимые для достиженія этой цѣли, какъ она выражена въ § 52.

Относительно преподаванія русскаго языка, которому, согласно таблицѣ, приложенной въ концѣ проэкта, посвящается въ высшемъ народномъ училищѣ наибольшее число уроковъ въ теченіе всего курса, мы замѣтимъ, что на сколько этотъ предметъ долженъ служить для приготовленія ученика къ практической жизни, на столько преподованіе грамматики должно быть устранено изъ него и отнесено въ учительскіе курсы, въ которыхъ молодые люди сами готовятся къ обученію русскому чтенію и письму, и потому должны умѣть отдать себѣ отчетъ въ законахъ, на которыхъ основано практически усвоенное ими въ классѣ употребленіе словъ въ русскомъ языкѣ. Все же время, выигранное такимъ образомъ въ теченіе курса высшаго народнаго училища, должно быть употреблено на стилистическія и другія практическія упражненія и на ознакомленіе учениковъ съ возможно-большимъ числомъ современныхъ отечественныхъ писателей по образцовымъ сочиненіямъ ихъ.

Странно и жалко становится, когда, просматривая програмы курсовъ различныхъ учебныхъ заведеній, во всѣхъ нихъ встрѣчаешь одну и ту же избитую, опошлившуюся рутину, одинъ и тотъ же затверженный порядокъ предметовъ, не подвергаемый никѣмъ сомнѣнію въ отношеніи своей разумности и необходимости. Вотъ, напримѣръ, исторія... гдѣ, въ какой программѣ частнаго или казеннаго заведенія ея не встрѣчаешь? А спрашивали ли себя гг. составители этихъ программъ—для чего они помѣщаютъ исторію въ число преподаваемыхъ предметовъ? Для чего, напримѣръ, помѣщена исторія въ разбираемомъ нами курсѣ высшихъ народныхъ училищъ? Необходимо ли знаніе ея для позднѣйшаго успѣшнаго отправленія учениками ихъ общественныхъ и житейскихъ занятій и обязанностей? Въ какомъ отношеніи и на сколько необходимо или излишне? Какой отдѣлъ исторіи можетъ быть допущенъ и какъ долженъ быть преподаваемъ? Всѣ эти вопросы, повидимому, уже напередъ до такой степени ясно рѣшены для гг. составителей проэктовъ и программъ, что говорить о нихъ, значитъ напрасно терять время. А на дѣлѣ-то выходитъ, что исторія, по ихъ мнѣнію, нужна, потому что она—исторія, а не какой нибудь другой ненужный предметъ, и притомъ нужна именно въ томъ видѣ, какъ преподавалась и писалась блаженной памяти Кайдановыми, Смарагдовыми, Зуевыми и другими мужами, преподававшими и писавшими удивительныя исторіи. И какъ не учить исторіи въ высшемъ народномъ училищѣ? Какъ допустить, что че-

ловѣкъ, не знающій, что во времена Перикла Аѳины достигли самаго блистательнаго состоянія своего образованія, не знающій, въ которомъ году начались пуническія войны и въ которомъ Карѳагенъ взятъ и разрушенъ римлянами, кто былъ Сезострисъ и въ которомъ году умеръ Александръ Македонскій,—что такой человѣкъ можетъ успѣшно отправлять свои общественныя и житейскія занятія и обязанности? Какъ усомниться въ разумности рутины, столѣтія державшейся въ Германіи, Франціи, Англіи и перенесенной оттуда къ намъ цѣликомъ, безконтрольно, безотчетно,—перенесенной, но какъ перенесенной? Въ германскихъ, французскихъ и англійскихъ школахъ преподаваніе исторіи началось въ средніе вѣка съ чтенія въ школахъ лѣтописей и историческихъ источниковъ, почти единственнаго занимательнаго чтенія. Преподаваніе же въ нихъ всеобщей прежде отечественной исторіи имѣетъ тамъ, по крайней мѣрѣ, тотъ смыслъ, что историческія судьбы германскаго, французскаго и англійскаго народовъ могутъ быть уяснены только въ соединеніи съ историческими судьбами Греціи и Рима, которыхъ исторія снова тѣсно связана съ исторіею всего древняго міра. Поэтому, преподавая отечественную исторію въ германскихъ школахъ, нельзя не коснуться и исторіи древнихъ народовъ; тоже самое относится и къ преподаванію отечественной исторіи во французской и англійской школахъ. Изъ этого уже легко объяснить—какимъ образомъ въ германскихъ и прочихъ западныхъ школахъ желаніе придать преподаванію отечественной исторіи больше цѣлостности, непрерывности и единства породило обычай начинать съ преподаванія всеобщей исторіи. Но этихъ побужденій не могло быть у насъ, не связанныхъ школьными преданіями и до самаго петровскаго времени не имѣвшихъ почти ничего общаго съ западнымъ міромъ. Мы смѣло могли бы или вовсе исключить исторію изъ числа предметовъ, преподаваемыхъ въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ, или, признавъ ее необходимою въ извѣстной степени, ограничиться въ этихъ заведеніяхъ преподаваніемъ одной отечественной исторіи. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, съ практической точки зрѣнія, преподаваніе въ такихъ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ, каково высшее народное училище, отечественной исторіи приносило бы по крайней мѣрѣ ту пользу, что знакомило бы пытливаго юношу съ нынѣшнимъ составомъ Россіи, прояснило бы смутное понятіе его объ отечествѣ, могло бы родить любовь къ выдающимся личностямъ, выступавшимъ въ этомъ послѣднемъ на историческое поприще, и вообще развить историческій смыслъ, который совершенно необходимъ для того, чтобы человѣкъ могъ сознать себя гражданиномъ извѣстнаго народа и посвятить себя служенію обществу. Преподаваніе съ этою цѣлью и въ этомъ направленіи отечественной исторіи бы-

ло бы, кромѣ того, хоть сколько нибудь соразмѣрно съ временемъ, посвящаемымъ въ высшемъ народномъ училищѣ обученію этому предмету (въ продолженіе всего курса), между тѣмъ какъ всеобщая исторія по объему своему можетъ быть преподана въ такой краткій срокъ только въ самомъ сжатомъ и несовершенномъ видѣ. Но гораздо важнѣе и полезнѣе въ практическомъ отношеніи, по нашему мнѣнію, было бы подробное ознакомленіе юношества, посѣщающаго высшія народныя училища, съ настоящимъ моментомъ существованія отечества или со статистикою его, съ преподаваніемъ которой можно бы соединить краткія свѣдѣнія историческія тамъ, гдѣ они приходились бы кстати.

Введеніемъ къ статистикѣ, которая проходилась бы въ соединеніи съ политической географіею Россіи, была бы математическая и физическая географія, которыя въ такомъ случаѣ могли бы быть преподаны гораздо подробнѣе, нежели преподаются нынѣ, потому что на уроки географіи и статистики посвящалось бы въ теченіе всего курса не менѣе 350 уроковъ, время вполнѣ достаточное на полное ознакомленіе со всѣми частями ихъ. А между тѣмъ, только при такомъ способѣ преподаванія политическихъ наукъ и началъ естествовѣдѣнія, которыя проэктомъ вводятся въ курсъ высшихъ народныхъ училищъ, онѣ нашли бы себѣ въ этомъ курсѣ приличное мѣсто, котораго къ сожалѣнію теперь не имѣютъ; ибо послужили бы вспомогательнымъ предметомъ для физической географіи. Всякій легко пойметъ, какой полный циклъ познаній о землѣ вообще, и о своемъ отечествѣ въ особенности, молодой человѣкъ выносилъ бы изъ такого способа преподаванія политическихъ и естественныхъ наукъ, и какую практическую пользу это подробное знакомство съ отечествомъ принесло бы ему въ позднѣйшей жизни, независимо отъ того, какую дорогу онъ избралъ бы. Совершенно противное зрѣлище представляетъ намъ преподаваніе политическихъ и естественныхъ наукъ въ нынѣшнихъ училищахъ: отрѣшенныя отъ практическаго примѣненія къ жизни, исторія, георафія (преимущественно всеобщая политическая) и естественныя науки какъ будто имѣютъ задачею — готовить не для гражданской жизни въ отечествѣ, а для созерцательной жизни въ какомъ-то идеальномъ мірѣ, весьма похожемъ на міръ Манилова, если читатель помнитъ это лицо изъ «Мертвыхъ душъ» Гоголя. Какъ, если не маниловщиной, назвать обозрѣваніе à vol d'oiseau всѣхъ племенъ и народовъ, когда либо обитавшихъ и нынѣ обитающихъ на земномъ шарѣ, всѣхъ городовъ, мѣстечекъ, рѣкъ, горъ, морей, — обозрѣваніе, которое совершается на такомъ разстояніи и при такихъ условіяхъ, что зритель, ничего, кромѣ точекъ и линій, не видящій, можетъ создавать себѣ вообра-

женіемъ произвольные образы обозрѣнныхъ предметовъ, или можетъ даже только повторять слова, долженствующія означать эти предметы, не связывая съ словами никакихъ положительныхъ представленій и понятій? Чѣмъ, если не маниловщиной, можно назвать науку, которая пріобрѣтается для того, чтобы быть непосредственно по оставленіи школы забытою, и какъ пріобрѣталась безъ сознанія ея пользы, такъ и забывается безъ сознанія ея утраты?

Изъ остальныхъ предметовъ преподаванія, мы весьма сообразнымъ съ цѣлью находимъ, съ практической точки зрѣнія, преподаваніе геометріи въ высшихъ народныхъ училищахъ. Что касается обученія пѣнію, то мы не видимъ, почему бы, кромѣ церковнаго, не обучать и свѣтскому пѣнію, которое можетъ быть весьма пріятною забавою въ позднѣйшей жизни молодыхъ людей.

2) Будучи разсмтриваемъ съ идеальной точки зрѣнія, какъ моментъ исхода для позднѣйшаго самосовершенствованія учениковъ, курсъ высшихъ народныхъ училищъ въ томъ видѣ, какъ онъ изображенъ въ проэктѣ, пожалуй, можетъ, при помощи геніальныхъ учителей, всесторонно пробудить и развить въ ученикахъ нравственныя силы и направить ихъ къ собственному дальнѣйшему образованію. Но дѣло въ томъ, что гораздо легче составить программу для хорошаго курса, нежели найдти одного геніальнаго учителя. Подъ словомъ же «хорошій» мы разумѣемъ такой курсъ, который во всѣхъ частяхъ своихъ представляетъ законченное цѣлое знаній и притомъ такихъ знаній, которыя, будучи преподаны и обыкновенными учителями, по самой сущности своей пробуждаютъ любознательность и увлекаютъ молодой умъ все далѣе на поприщѣ науки. Для того, чтобы курсъ какого нибудь учебнаго заведенія могъ почитаться хорошимъ въ этомъ смыслѣ, необходимо, чтобы науки, входящія въ него, представляли прочную точку опоры для дальнѣйшихъ занятій науками, и чтобы, вмѣстѣ съ тѣмъ, онѣ сами по себѣ завлекали къ такимъ занятіямъ, съ цѣлью пополненія пробѣловъ, оставшихся въ познаніяхъ. А такъ какъ мы не находимъ этихъ чертъ въ курсѣ высшихъ народныхъ училищъ, представленномъ проэктомъ, то и не рѣшаемся назвать его хорошимъ. Постараемся показать основанія, побуждающія насъ къ такому мнѣнію. Молодой человѣкъ, прошедшій этотъ курсъ, не узнаетъ ничего полнаго, цѣлостнаго, законченнаго. Онъ не чувствуетъ въ себѣ того внутренняго удовлетворенія потребности, которое слѣдуетъ за окончаніемъ начатаго дѣла или части дѣла, и потому дозволяетъ съ самодовольствомъ оглянуться на сдѣланное, для того, чтобы съ новыми силами, порожденными успѣхомъ, устремиться впередъ на новый трудъ. Въ пройденномъ имъ курсѣ много было такого, въ чемъ онъ еще не

ощущалъ потребности (всеобщая исторія, всеобщая политическая географія), между тѣмъ какъ недоставало многаго такого, что ему хотѣлось узнать. Вопросы ближайшіе, вопросы современности, насущные, живые, жизненные вопросы, о которыхъ говоритъ окружающее общество, съ которыми всякій невольно встрѣчается на каждомъ шагу, вопросы, близко касающіеся всякаго гражданина, потому что имѣютъ предметомъ отечество,—эти вопросы оставлены безъ отвѣта; между тѣмъ какъ болѣе или менѣе пространно говорилось о народахъ, институціяхъ, бытѣ и нравахъ отжившихъ, занимательныхъ только по одному тому, что они были источниками современныхъ намъ народовъ, институцій, быта и нравовъ; между тѣмъ какъ болѣе или менѣе вскользь упоминалось о числѣ жителей, положеніи на земномъ шарѣ, замѣчательностяхъ государствъ и городовъ, которыхъ, можетъ быть, нашему человѣку никогда не удастся видѣть, о которыхъ онъ рѣдко даже услышитъ. Чѣмъ же тутъ удовлетвориться любознательности молодаго человѣка, въ чемъ почерпнуть вѣру въ науку и силу на новую работу на поприщѣ ея? Любознательность раждается изъ желанія сознать, заставить заговорить нѣмые факты дѣйствительности, сначала ближайшей, потомъ все отдаленнѣйшей, сначала исключительно матерьяльной, потомъ все болѣе идеальной. Любознательность, удовлетворяемая правильно, безъ скачковъ и спѣха, обыкновенно прежде всего спрашиваетъ: какъ предметы существуютъ?—и можетъ даже остановиться на этой точкѣ надолго, на всю жизнь. Мы называемъ такую низшую любознательность любопытствомъ. Вслѣдствіе того, что въ нашемъ воспитаніи не умѣютъ достойнымъ образомъ оцѣнить и надлежащимъ способомъ удовлетворить этой низшей степени любознательности, ее превращаютъ въ любовь къ новизнѣ, которая есть уже недостатокъ и можетъ даже стать порокомъ, между тѣмъ какъ любопытство есть весьма правильное и потому похвальное качество ума. Любовь къ новизнѣ раждается изъ того, что любопытствующаго пріучаютъ довольствоваться однимъ поверхностнымъ знакомствомъ съ предметами, ихъ признаками и свойствами. Противный образъ поступанія, усугубляющій любопытство и заставляющій его перейти въ любознательность вслѣдствіе того, что предметъ — *какъ* онъ существуетъ— дѣйствительно знакомъ уму, приведенъ въ сознаніе и усвоенъ умомъ, состоитъ въ томъ, чтобы пріучить умъ къ разсматриванію предметовъ во всей полнотѣ и во всѣхъ подробностяхъ ихъ внѣшняго и внутренняго бытія. Поэтому, какъ въ семейномъ, такъ и въ первоначальномъ школьномъ обученіи, необходимо поставить за правило, чтобы въ должной степени и съ надлежащею основательностью удовлетворялось любопытство, вызванное ближайшими какъ по време-

ни, такъ и по пространству фактами и явленіями дѣйствительности. Къ этому служатъ поименованные уже нами предметы: математическая и физическая географія, естественныя науки, политическая географія и статистика отечества. Только уже изучивъ и приведя къ сознанію факты и явленія непосредственно окружающей ученика дѣйствительности, наука внушитъ къ себѣ въ немъ довѣріе и сдѣлается для него насущною потребностью, непрестанно пробуждающеюся каждый разъ, когда новый фактъ раждаетъ новый вопросъ, или когда приведенные въ сознаніе явленія и факты возбудятъ желаніе узнать причины, источникъ и происхожденіе ихъ.

3) Наконецъ, смотря на предлагаемую въ проэктѣ програму для курса высшихъ народныхъ училищъ съ точки зрѣнія общей системы учебныхъ заведеній, мы находимъ, что эта програмиа дѣлаетъ изъ высшихъ народныхъ училищъ заведенія, стоящія относительно гимназій особнякомъ, не только не готовящія молодыхъ людей къ поступленію въ гимназію, но и имѣющія съ этою послѣднею весьма мало общаго. Молодой человѣкъ, въ требуемомъ проэктомъ возрастѣ поступившій въ высшее народное училище и пробывшій въ каждомъ классѣ его по одному году, по окончаніи курса не можетъ, безъ приготовленія приватными уроками изъ многихъ предметовъ, поступить въ соотвѣтственный возрасту его классъ гимназіи. Такъ, для поступленія въ пятый классъ нормальнаго курса гимназіи, молодой человѣкъ, окончившій курсъ въ высшемъ народномъ училищѣ, обязанъ пройти изъ латинскаго языка столько, сколько ученики гимназіи прошли въ теченіе 234 уроковъ, изъ нѣмецкаго языка столько, сколько ими пройдено въ теченіе 390 уроковъ, изъ французскаго столько же; между тѣмъ какъ изъ русскаго языка, естественныхъ наукъ, исторіи, судя по числу уроковъ, въ томъ и другомъ заведеніи посвященныхъ этимъ предметамъ, ученикъ высшаго народнаго училища долженъ знать гораздо болѣе, нежели ученикъ нормальной гимназіи, переходящій въ пятый классъ. Точно такъ же, если сравнимъ курсъ высшихъ народныхъ училищъ съ предметами, проходимыми въ четырехъ младшихъ классахъ гимназій, въ которыхъ естествовѣдѣніе преподается въ большемъ объемѣ, то найдемъ, что окончившій курсъ въ высшемъ народномъ училищѣ, для поступленія въ пятый классъ поименованныхъ гимназій, долженъ приготовиться изъ латинскаго языка (на столько, сколько въ гимназіи пройдено въ теченіе 208 уроковъ), изъ математики (на сколько гимназисты успѣли въ теченіе лишнихъ 54 уроковъ), изъ физики, изъ нѣмецкаго и французскаго языковъ (изъ каждаго на столько, какъ пройдено въ теченіе 398 уроковъ), между тѣмъ какъ изъ остальныхъ предметовъ онъ знаетъ болѣе, неже-

ли нужно для поступленія въ пятый классъ. Совершенно соглашаясь съ тѣмъ, что согласовать эти курсы, по различію назначенія, которое имѣютъ тѣ и другія заведенія, весьма не легко, мы однако осмѣливаемся почитать такое согласованіе возможнымъ и необходимымъ. Прогимназіи, вѣроятно, въ первое время могутъ быть основаны не во всѣхъ тѣхъ мѣстностяхъ, въ которыхъ въ публикѣ уже чувствуется потребность къ пріобрѣтенію высшаго образованія и въ которыхъ гораздо раньше прогимназій возникнутъ высшія народныя училища. Если бы курсъ высшихъ народныхъ училищъ могъ быть согласованъ съ курсомъ гимназическимъ, эта потребность ранѣе нѣсколькими годами, а можетъ быть и десятками лѣтъ, нашла бы себѣ удовлетвореніе. Дополнительные курсы высшихъ народныхъ училищъ въ томъ видѣ, какъ они предлагаются проэктомъ, никакъ не могутъ вести къ этой цѣли, потому что между предметами ихъ не упоминается о древнихъ языкахъ, физикѣ и математикѣ; напротивъ, главнымъ образомъ обращено вниманіе на такіе, которые имѣютъ цѣлью «приложеніе какой либо науки къ промышленности, торговлѣ или вещественному улучшенію быта». Изъ этого можно заключить, что назначеніе высшихъ народныхъ училищъ преимущественно реальное, хотя это назначеніе въ программѣ самаго курса высказывается только въ одномъ томъ, что въ нихъ введено преподаваніе началъ естествовѣдѣнія и геометріи. Не находя ничего сказать противъ такого реальнаго направленія высшихъ народныхъ училищъ, мы желали бы только, чтобы оно въ самомъ курсѣ ихъ было яснѣе выражено и кромѣ того проведено въ прогимназіяхъ и гимназіяхъ, именно въ тѣхъ, въ которыхъ естествовѣдѣніе преподается въ бо̀льшемъ объемѣ.

Чистописаніе въ двухъ высшихъ классахъ, равно какъ черченіе и рисованіе въ двухъ низшихъ, и церковное пѣніе во всѣхъ классахъ могли бы быть сдѣланы необязательными. Тогда, въ видахъ меньшаго обремененія дѣтей ученіемъ, въ особенности же съ цѣлью уничтоженія послѣобѣденныхъ уроковъ, можно бы ограничить ученіе одними передъобѣденными уроками, назначивъ ихъ по четыре обязательные въ день, а въ послѣобѣденные часы четыре раза въ недѣлю, занимая ихъ необязательными предметами (ср. § 141).

Очень полезная мѣра — раздѣленіе классовъ, въ которыхъ болѣе 50 учениковъ, на два отдѣленія (§ 146). Что касается § 148, въ которомъ говорится о публичныхъ актахъ, то читателю уже изъ предъидущаго извѣстно наше мнѣніе о нихъ.

Учреждаемые при высшихъ народныхъ училищахъ учительскіе курсы, имѣющіе цѣлью готовить молодыхъ людей въ учителя

низшихъ народныхъ училищъ, — хорошая мысль, о которой стоитъ подробнѣе поговорить. Прежде всего, крайне жаль, что на открытіе ихъ каждый разъ нужно испрашивать разрѣшеніе министра народнаго просвѣщенія (§ 151), — мѣра, долженствующая много затруднять открытіе ихъ, особенно въ отдаленныхъ отъ столицы мѣстностяхъ, гдѣ, напротивъ, надо бы сколько можно облегчить образованіе учителей для низшихъ народныхъ училищъ.

Для того, чтобы учительскіе курсы стали дѣйствительными разсадниками для образованія народныхъ учителей, мы почитаемъ важнымъ условіемъ, чтобы они были открытыми заведеніями, въ которыя ученики, живя у мѣстныхъ жителей, только приходили бы учиться преподаванію.

Такъ какъ мы предлагаемъ, чтобы въ теченіе курса въ высшихъ народныхъ училищахъ русскій языкъ проходился только практически, то въ учительскихъ курсахъ, кромѣ краткой теоріи педагогіи и дидактики (§ 153), слѣдовало бы, по нашему мнѣнію, читать и краткую русскую грамматику. При этомъ надо дозволить слушающимъ учительскіе курсы свободный доступъ къ учительской библіотекѣ, предполагаемой при каждомъ высшемъ народномъ училищѣ. Кромѣ того, учитель естествовѣдѣнія долженъ учить ихъ составленію гербаріевъ, коллекцій насѣкомыхъ и даже, если можно, коллекцій чучелъ мѣстныхъ животныхъ и птицъ, чтó много уяснило бы для нихъ пріобрѣтенныя въ училищѣ познанія изъ зоологіи, ботаники и физіологіи.

Педагогическая практика, подъ руководствомъ учителей высшаго народнаго училища (§ 153), также весьма много будетъ способствовать образованію дѣльныхъ учителей для низшихъ народныхъ училищъ. Не худо бы даже, чтобы по окончаніи учительскаго курса, учительскіе кандидаты еще годъ посвящали на ознакомленіе со способомъ преподаванія въ различныхъ низшихъ народныхъ училищахъ своего околотка, съ какою цѣлью предпринимали бы пѣшія странствованія по окрестнымъ мѣстностямъ, а по истеченіи года, въ присутствіи членовъ учебнаго совѣта, сдали бы отчетъ во всемъ видѣнномъ и слышанномъ, прочли бы публичную лекцію, въ которой высказался бы взглядъ ихъ на учительскую обязанность и признаваемый ими за наилучшій методъ преподаванія.

Дополнительные курсы, могущіе быть открываемыми при высшихъ народныхъ училищахъ, если общество обывателей обезпечитъ содержаніе нужныхъ къ тому преподавателей (§ 158), какъ мы уже выше сказали, преимущественно имѣютъ цѣлью сдѣлать изъ высшихъ народныхъ училищъ родъ народныхъ реальныхъ школъ. Съ этою цѣлью въ нихъ, кромѣ языковъ, мѣстнаго и иностранныхъ,

прямо сюда не относящихся (§ 159), могутъ быть преподаваемы: гигіена, счетоводство, строительное искусство, практическая механика, технологія, товаровѣдѣніе, понятіе о сельскомъ хозяйствѣ, садоводство и вообще предметы, имѣющіе цѣлію приложеніе какой либо науки къ промышленности, торговлѣ или вещественному улучшенію быта (§ 160). При предлагаемой проэктомъ организаціи высшихъ народныхъ училищъ, нельзя отрицать чрезвычайной полезности такихъ дополнительныхъ курсовъ. Непонятно только: 1) для чего на открытіе ихъ требуется разрѣшеніе попечителя учебнаго округа (§ 160)? и 2) для чего ученики, слушавшіе съ успѣхомъ какой нибудь дополнительный курсъ и доказавшіе свои познанія въ онюмъ на испытаніи, получаютъ особое свидѣтельство за подписью инспектора и учителя, преподававшаго этотъ курсъ (§ 164)?

Наконецъ «для распространенія въ народѣ свѣдѣній, особенно содѣйствующихъ его благосостоянію (?), при высшихъ народныхъ училищахъ могутъ быть учреждаемы публичные курсы о предметахъ общеполезныхъ и въ особенности (!) важныхъ по мѣстнымъ условіямъ края» (§ 155). «Предметомъ публичныхъ курсовъ, кромѣ обозрѣнія какой либо науки въ ея приложеніяхъ (?), можетъ быть подробное изложеніе нѣкоторыхъ техническихъ производствъ, ремеслъ и искусствъ, развитіе которыхъ, по мѣстнымъ условіямъ, можетъ наиболѣе содѣйствовать возвышенію благосостоянія между жителями (?), а также статей, имѣющихъ особенную важность для народнаго здравія, улучшенія какой либо отрасли сельскаго хозяйства и т. п.»

Удовольствіе, доставляемое чтеніемъ этихъ параграфовъ должно нѣсколько умѣриться, когда дойдемъ до § 168, которымъ опять постановляется, чтобы и на открытіе публичныхъ курсовъ испрашивалось разрѣшеніе у директора училищъ. Почему бы прямо не надѣлить инспектора высшаго народнаго училища достаточною инструкціею относительно предметовъ, о которыхъ дозволяется читать публичные курсы, и духа, въ которомъ они должны читаться. Если же и этого мало, то обсудить подробности, средства и программу курсовъ могли бы попечительный совѣтъ въ соединеніи съ учебнымъ. Не довольно ли будетъ и того, чтобы, какъ говорится въ § 172, «во всѣхъ сомнительныхъ по сему предмету случаяхъ онъ (инспекторъ) обращался къ директору училищъ»? Къ такимъ случаямъ можно бы отнести и тотъ, когда необходимость публичныхъ курсовъ по какому нибудь предмету признана учебнымъ совѣтомъ, средства для нихъ найдены и недостаетъ только учителя. Самое названіе этихъ публичныхъ лекцій временными указываетъ на возможность того, что, при огромныхъ разстояніяхъ мѣстностей,

въ которыхъ находятся высшія народныя училища, отъ губернскаго города, и при сложности нашего канцелярскаго порядка, разрѣшеніе директора училищъ придетъ тогда, когда уже лекцій читать будетъ не кому или не къ чему.

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что бо̀льшая часть недостатковъ проэкта, въ отношеніи администраціи высшихъ народныхъ училищъ, зависятъ отъ излишняго централизированія инищіативы образовательной въ дирекціяхъ, въ рукахъ попечителей и въ министерствѣ и предоставленіе слишкомъ тѣсныхъ предѣловъ самодѣятельности обществу и низшимъ властямъ, равно какъ и коллегіальнымъ совѣтамъ попечительному и учебному, а кромѣ того въ не совершенно независимомъ отъ рутины воззрѣніи на цѣль, назначеніе и зависящій отъ нихъ кругъ обученія этихъ училищъ.

Ф. ТОЛЛЬ.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

ЧЕРТЫ ДЛЯ ХАРАКТЕРИСТИКИ РУССКАГО ПРОСТОНАРОДЬЯ.

(**Разсказы изъ народнаго русскаго быта**, *Марка Вовчка*. Изданіе К. Солдатенкова и Н. Щепкина. М. 1859).

Въ прошломъ году нѣкоторыя обстоятельства, всего болѣе досадныя для насъ самихъ, помѣшали намъ подробно говорить о малороссійскихъ разсказахъ Марка Вовчка, переведенныхъ г. Тургеневымъ. Мы должны были ограничиться только небольшою выдержкою изъ статьи г. Костомарова, написанной имъ для «Современника» еще тогда, когда «Народні Оповідання» только-что появились въ малороссійскомъ подлинникѣ. Надѣемся быть нѣсколько счастливѣе теперь, при появленіи новой книжки разсказовъ Марка Вовчка, еще болѣе любопытныхъ для насъ, такъ какъ они взяты изъ жизни народа великорусскаго.

Мы вовсе не изъ-землячества интересуемся изображеніями великорусскаго быта болѣе, чѣмъ малороссійскаго. У насъ есть на это другія причины, заключающіяся въ тѣхъ мнѣніяхъ, какимъ въ послѣднее время подвергался великорусскій крестьянинъ, преимущественно предъ малорусскимъ. Узкій патріотизмъ, всѣ человѣческіе интересы подчиняющій землячеству, достаточно надоѣдаетъ и въ нѣмцахъ какого нибудь ландграфства Гессенъ-Гомбургскаго или княжества Лихтенштейнскаго; мы можемъ отъ него и освободить себя. У насъ нѣтъ причинъ разъединенія съ малорусскимъ народомъ; мы

не понимаемъ, отчего же, если я изъ Нижегородской губерніи, а другой изъ Харьковской, то между нами уже не можетъ быть столько общаго, какъ если бы онъ былъ изъ Псковской. Если сами малороссы не совсѣмъ довѣряютъ намъ, такъ этому виной историческія обстоятельства, а ужь никакъ не народъ. Да это впрочемъ понимаетъ масса людей въ самой Малороссіи.

Сами разсказы Марка Вовчка служатъ доказательствомъ того, что благоразумные малороссы умѣютъ цѣнить народъ русскій, не дѣлая рѣзкой разницы между Малой и Великой Россіей. Новая книжка народныхъ разсказовъ проникнута тѣмъ же характеромъ и тенденціями, какъ и прежнія «Народні Оповідання». Великія силы, таящіяся въ народѣ, и разные спóсобы ихъ проявленія подъ вліяніемъ крѣпостнаго права — вотъ что видимъ мы въ этихъ разсказахъ. Тонъ автора, обрывисто-пѣвучій, характеръ разсказа грустный и задумчивый, второстепенныя подробности, полныя чистой и свѣжей поэзіи въ описаніяхъ и бѣглыхъ замѣткахъ — все это осталось таково же, какъ и въ прежнихъ разсказахъ. Только имена людей и мѣстъ, изображенія природы, игры и пѣсни вводятъ насъ въ великорусскій бытъ, да еще отношенія крестьянъ къ крѣпостному праву имѣютъ здѣсь свой особенный оттѣнокъ.

Эта-то особенность и занимаетъ насъ всего болѣе. Въ малороссійскихъ разсказахъ мы видѣли злоупотребленія помѣщичьей власти, и злоупотребленія нерѣдко довольно крутыя. Это даже подало, говорятъ, поводъ одному извѣстному русскому критику объявить произведенія Марка Вовчка *«мерзостно-отвратительными картинками»*, и, причисливши ихъ къ обличительной литературѣ, вслѣдствіе этого отвергнуть въ авторѣ ихъ всякій талантъ литературный. Мы не читали статейки строгаго критика, потому что давно уже перестали интересоваться его литературными приговорами; но тѣмъ не менѣе мы понимаемъ процессъ, посредствомъ котораго онъ составилъ свое заключеніе. Онъ — приверженецъ теоріи «искусства для искусства»; разсказы Марка Вовчка нашли себѣ хвалителей тоже въ числѣ приверженцевъ этой теоріи. Можете себѣ представить, чтó именно нравилось въ этихъ разсказахъ такимъ хвалителямъ. Мы сами слышали, какъ двое художественныхъ цѣнителей восхищались необыкновенною прелестью и поэтичностью одного мѣста, которое, кажется, такъ читается: «геть, геть, далеко въ полѣ крестъ надъ его могилой виднѣется». Строгій критикъ, осудившій Марка Вовчка, оказался даже нѣсколько благоразумнѣе подобныхъ цѣнителей, понявши, что «геть, геть, далеко въ полѣ» еще не есть чрезвычайная высота художественности. А что онъ ничего другаго не въ состояніи былъ понять въ «Народныхъ Разсказахъ», такъ это опять совершенно есте-

ственно, и весьма страненъ былъ бы тотъ, кто сталъ бы ожидать отъ него такого пониманья. Тогда онъ сдѣлался бы отступникомъ теоріи «искусства для искусства»; а можетъ ли онъ отступить отъ нея? Безъ нея, что бы онъ сталъ дѣлать на свѣтѣ, куда бы годился онъ? Безъ нея онъ долженъ былъ бы исчезнуть, какъ исчезалъ Иванъ Александровичъ Чернокнижниковъ, какъ исчезалъ Кузьма Петровичъ Прутковъ.

Но дѣло не въ приговорахъ художественнаго критика: Богъ съ нимъ, — вѣдь его никто не принимаетъ серьёзно, стало быть художественныя потѣхи его остаются совершенно безвредными. Мы имѣемъ въ виду другіе толки, другія мнѣнія, о которыхъ считаемъ удобнымъ поговорить теперь, по поводу книжки Марка Вовчка. Мнѣнія эти довольно распространены въ извѣстной части нашего общества, называющей себя образованною, и между тѣмъ они обнаруживаютъ непониманіе дѣла и легкомысліе. Мнѣнія, о которыхъ мы говоримъ, касаются характеристики русскаго крестьянина и его отношеній къ крѣпостному праву. Крѣпостное право приходитъ къ своему концу. Но факты, существовавшіе въ теченіе столѣтій, не проходятъ даромъ, не остаются безъ всякаго слѣда. Какое нибудь мѣстничество держится въ нравахъ, спустя два столѣтія послѣ его уничтоженія закономъ; можно ли ожидать, чтобы внезапно пересоздались всѣ отношенія, бывшія слѣдствіемъ крѣпостнаго права? Нѣтъ, еще долго будетъ оно отзываться намъ—и въ книжкахъ, и въ гостинныхъ разговорахъ, и въ цѣломъ устройствѣ нашихъ житейскихъ отношеній. Понятія не только отживающаго поколѣнія, не только того, которое теперь дѣйствуетъ, но и того, которое еще только готовится выступить на общественную дѣятельность,—сложились, если не прямо на основаніи крѣпостнаго, устройства, то во всякомъ случаѣ не безъ сильнаго его вліянія. Крѣпостное начало — было узаконено и принято государствомъ. Теперь это начало отвергнуто, и стало быть понятія и требованія, имъ порожденныя и воспитанныя, находятъ себѣ осужденіе въ томъ самомъ, что прежде служило имъ оградою. Теперь дѣло литературы — преслѣдовать остатки крѣпостнаго права въ общественной жизни и добивать порожденныя имъ понятія. Марко Вовчокъ, въ своихъ простыхъ и правдивыхъ разсказахъ, является почти первымъ и весьма искуснымъ борцомъ на этомъ поприщѣ. Въ послѣднихъ своихъ разсказахъ онъ даже не старается, какъ въ прежнихъ, выставлять передъ нами преимущественно то, что называется обыкновенно «злоупотребленіемъ помѣщичьей власти». Что ужь толковать о злоупотребленіи того, что само по себѣ дурно! Что ужь говорить о такихъ явленіяхъ, къ которымъ подавало поводъ крѣпостное право, но безъ которыхъ оно могло иногда

и обходиться! Нѣтъ, авторъ беретъ теперь нормальное положеніе крестьянина у помѣщика, *не* злоупотребляющаго своимъ правомъ,— и кротко, безъ гнѣва, безъ горечи рисуетъ намъ это положеніе. И изъ этихъ очерковъ,—въ которыхъ каждый, кто хоть немного имѣлъ дѣло съ русскимъ народомъ, узнаетъ знакомыя черты, — изъ этихъ очерковъ возстаетъ передъ нами характеръ русскаго простолюдина, сохранившій основныя черты свои посреди всѣхъ обезличивающихъ, давящихъ отношеній, которымъ онъ былъ подчиненъ въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій. На нѣкоторыя черты этого характера мы и хотимъ теперь обратить вниманіе.

Извѣстно, что о русскомъ народѣ существуютъ два мнѣнія, противоположныя другъ другу въ самомъ корнѣ. Одни полагаютъ, что русскій человѣкъ ни на что самъ по себѣ не годится и представляетъ не болѣе, какъ нуль: если подставить къ нему какія нибудь цифры, то выйдетъ что нибудь, а если нѣтъ, такъ онъ и останется въ полнѣйшемъ ничтожествѣ. Другіе, напротивъ, имѣютъ о русскихъ то же понятіе, какое имѣютъ насчетъ обезьянъ нѣкоторые простолюдины, увѣряющіе, что обезьяна все понимаетъ и говорить умѣетъ, только, изъ хитрости, скрываетъ свои дарованія. У насъ, видите ли, что ни мужикъ, то геній; мы не учены, да намъ и науки никакой не нужно,—русскій мужикъ топоромъ больше сдѣлаетъ, чѣмъ англичане со всѣми ихъ машинами; все онъ умѣетъ и на все способенъ, да только,—не знаю ужь почему,—не показываетъ своихъ способностей. Эти два мнѣнія многими распространяются не только на Великую, но и на Малую и Бѣлую Россію и на все славянское племя. Первое мнѣніе, какъ извѣстно, теперь уже отстало: оно процвѣтало до 1812 г. Отечественная война показала намъ, что̀ мы такое есть на свѣтѣ, и мы до того прониклись славою двѣнадцатаго года, что наконецъ сдѣлали-таки его смѣшнымъ—и у себя, и передъ иностранцами. Дѣйствительно, двѣнадцатый годъ сдѣлался для насъ неисчерпаемымъ источникомъ самохвальства и замѣною всѣхъ добродѣтелей. Толкуютъ намъ о взяткахъ, а мы вспоминаемъ двѣнадцатый годъ, говорятъ о движеніи идей — мы сейчасъ же къ двѣнадцатому году и къ Пушкину... Такъ было до 1857 года, въ концѣ котораго появились первыя офиціальныя распоряженія объ освобожденіи крестьянъ. Тутъ общество осмотрѣлось и, все продолжая восхищаться Пушкинымъ и двѣнадцатымъ годомъ, сдѣлало однако же болѣе точное опредѣленіе своихъ мнѣній. Оно нашло, что двѣнадцатый годъ, какъ и Пушкинъ, не принадлежитъ всему народу безъ исключенія, что не всякая голь перекатная способна понимать прелести Евгенія Онѣгина, да не всѣмъ поголовно принадлежитъ и заслуга изгнанія французовъ. Рѣшено было,

что въ Россіи движеніе идей и движеніе доблестей совершилось въ одной извѣстной части народа, и о высокомъ значеніи этой части въ судьбахъ всей Россіи, именно въ этомъ отношеніи, «Московскій Вѣстникъ» уже обѣщалъ намъ представить статью одного знаменитаго русскаго писателя. Будемъ ждать обѣщанной статьи, и тогда, если позволятъ обстоятельства, попробуемъ вникнуть въ подробности дѣла, защищаемаго знаменитымъ писателемъ, а теперь будемъ продолжать изложеніе того, какъ въ образованной части общества сформировалось въ послѣднее время нѣсколько болѣе опредѣленное понятіе о доблестяхъ русскаго народа. Доблести эти, по новѣйшей редакціи, принадлежатъ собственно «извѣстной части» общества; масса же народа, хотя тоже, конечно, имѣетъ ихъ, но еще не можетъ быть вполнѣ признана ихъ обладательницею, ибо еще не начала жить «сознательной жизнью». Это мнѣніе такъ было хорошо выдумано, что къ нему пристали всѣ — и тѣ, которые увѣряли, что русскій человѣкъ—нуль, и тѣ, которые давали понять, что онъ—хитрая обезьяна. Первые говорили: «ну, да, когда кто нибудь возьмется за дѣло и внушитъ русскому человѣку, что̀ и какъ надо дѣлать, такъ онъ и сдѣлаетъ... Мы вѣдь о томъ именно и говорили, что онъ самъ по себѣ, безъ руководителя, никуда не годится». Другіе тоже восклицали: «ну, да, и мы вѣдь стояли на томъ, что русскій человѣкъ способенъ ко всему; а само собой разумѣется, что надо эту способность поправить, надо умѣть его вести хорошенько». Такимъ образомъ всѣ согласились, что русскій человѣкъ есть существо удобо-руководимое и неотлагаемо нуждающееся въ руководительствѣ, въ мирномъ, такъ сказать, и отеческомъ попеченіи о развитіи и направленіи его рукъ, ума и воли. Здѣсь-то и спеціализировалось понятіе о русскомъ человѣкѣ, какъ о великорусскомъ крестьянинѣ по преимуществу. Славянское племя было вызываемо на сцену только въ разговорахъ уже весьма выспренняго свойства, и то преимущественно людьми, любящими толковать о гніеніи Европы. Что же касается до общепринятыхъ толковъ, то въ нихъ великорусскій крестьянинъ явно отдѣлялся даже отъ малорусскихъ и бѣлорусскихъ своихъ собратій.

Относительно бѣлорусскаго крестьянина дѣло давно рѣшенное: загнанъ окончательно, такъ что даже лишился употребленія человѣческихъ способностей. Не знаемъ, въ какой степени ложно это мнѣніе, потому что не изучали спеціально бѣлорусскаго края; но повѣрить ему, разумѣется, не можемъ. Посмотримъ, что еще скажутъ сами бѣлоруссы. Кстати, — мы уже слышали, что съ будущаго года предположено изданіе «Бѣлорусскаго Вѣстника», редакцію котораго принимаетъ на себя нѣкто г. Акрейцъ, человѣкъ, на усердіе и благородство направленія котораго можно надѣяться.

Что касается до малорусскихъ крестьянъ, то они заслужили отзывы гораздо болѣе благопріятные. Наше образованное общество училось исторіи; а извѣстно, что въ исторіи говорится о смертельной борьбѣ Украйны за свою народность. Кромѣ того, наше образованное общество отличается вкусомъ къ изящнымъ искусствамъ и поэзіи; а извѣстно, что Малороссія изобилуетъ прелестными пѣснями, прославляющими козацкую удаль и нѣжныя семейныя чувства. Все это, въ соединеніи съ тѣмъ обстоятельствомъ, что крѣпостное право водворено въ Малороссіи очень недавно (это тоже извѣстно изъ исторіи), и поставило нашихъ образованныхъ людей въ необходимость нѣсколько выгородить малороссовъ изъ того повальнаго осужденія на пассивность, которымъ характеризовали русскаго человѣка. «Малороссъ лѣнивъ, упрямъ, но гордъ и независимъ по характеру; у него тотчасъ слагается протестъ противъ всякаго нарушенія его правъ, и хотя протестъ этотъ остается недѣятельнымъ, но все же онъ заявляется». Такъ благоволили отзываться о малороссахъ весьма умные люди. Разумѣется, къ своему разсужденію они все-таки прибавляли, что руководительство необходимо и малороссу, потому что и онъ тоже необразованъ и грубъ, но что во всякомъ случаѣ надо стараться, чтобы не было поводовъ къ такимъ попеченіямъ о немъ, какія изображены въ «Народныхъ Оповіданняхъ» Марка Вовчка.

О великоруссахъ вообще отзывались гораздо безусловнѣе. Не то чтобы ихъ считали достойными такого обращенія, какое выставлено въ малороссійскихъ разсказахъ, а такъ, знаете, находили, что для великорусса это бы ничего: онъ, дескать, привыкъ, и не очень чувствителенъ къ подобному обхожденію. Тонкія и деликатныя чувства въ немъ заглохли; сознанія собственнаго достоинства и чувства чести для него не существуетъ; правъ собственной личности и личности другаго онъ не понимаетъ, и потому весьма многія вещи, которыя кажутся намъ тяжелы, не возбуждаютъ въ немъ ни малѣйшаго неудовольствія, не вызываютъ даже слабаго протеста. Мало того: русскій мужикъ даже не понимаетъ иныхъ мѣръ, кромѣ строгости. Напрасно будете вы взывать къ его человѣческому достоинству, къ святымъ чувствамъ долга и права: онъ не пойметъ васъ, потому что эти чувства ему незнакомы. Для него нужны иныя побужденія; нужно, чтобы требованія долга олицетворялись въ извѣстномъ начальствѣ, съ строгою карою за каждое преступленіе ихъ. Оттого-то необходимо удержать еще на долгое время тѣлесное наказаніе въ крестьянскихъ общинахъ, оттого-то опасно выводить ихъ изъ-подъ благодѣтельнаго, отеческаго надзора помѣщиковъ.

Тамъ толкуютъ многіе умные люди, даже печатно. Раскройте любую книжку «Журнала Землевладѣльцевъ», изъ котораго недавно перепечатаны великолѣпные «Вечера съ разговоромъ», извѣстные, вѣроятно, нашимъ читателямъ по выпискѣ изъ нихъ въ «Свисткѣ». Да обратитесь и къ «Сельскому Благоустройству», — и тамъ найдете тоже самое, и ежели захотите поискать, то отыщете нѣчто подобное и въ другихъ журналахъ, только, разумѣется, нѣсколько въ иныхъ формахъ. Мы выставили самую грубую, т. е. самую простую форму мнѣнія о томъ, что, вслѣдствіе чего бы то ни было, мужикъ русскій имѣетъ теперь низшую природу, нежели прочіе люди, принадлежащіе къ другимъ классамъ. А бываетъ форма гораздо болѣе замысловатая. Напримѣръ: «Удивительно созданъ русскій человѣкъ! Какая сила терпѣнія, какое величіе самоотверженія! Мы кричимъ и хлопочемъ, едва насъ пальцемъ тронетъ кто нибудь, а русскій мужичокъ безропотно переноситъ всевозможныя тягости и обремененія и, въ надеждѣ на милость Божію, спокойно идетъ своей сѣренькой полоской, неустанно работая и зная, что не ему будутъ принадлежать плоды трудовъ его. Мы эгоистически разсчитываемъ каждый свой шагъ, принесетъ ли онъ намъ пользу, а простаго русскаго человѣка пошлите на вѣрную смерть, — онъ пойдетъ безпрекословно, даже не спрашивая, за чѣмъ его посылаютъ»... и т. д. и т. д. Вы видите, что сущность мнѣнія таже самая: мужикъ, дескать, грубъ и необразованъ, и потому не имѣетъ ни сознанія правъ своей личности, ни собственнаго разума и воли. Но форма здѣсь очевидно дипломатическая, и потому въ подобныхъ формахъ высказываются обыкновенно такіе образованные люди, которые готовятся къ ораторскимъ торжествамъ и въ ожиданіи ихъ даютъ обѣды знаменитымъ иностранцамъ и предъ *оными* расточаютъ свое краснорѣчіе.

Но справедливы ли въ сущности мнѣнія образованныхъ и краснорѣчивыхъ людей? Точно ли существенная и отличительная черта русскаго простаго человѣка — «недостатокъ иниціативы», необходимость посторонняго понуканья? «Громъ не грянетъ, — мужикъ не перекрестится», говорятъ въ свое подкрѣпленіе краснорѣчивые знатоки русской народности, выдавая этотъ пошлый афоризмъ какого-то грамотѣя за *народную* русскую пословицу. Не что они подъ громомъ-то разумѣютъ? Не «*аплодисменты*» ли, о которыхъ говоритъ Щедринъ въ началѣ своихъ «Губернскихъ Очерковъ»? Не душеспасительное ли русское слово, убѣждающее русскаго человѣка работать не въ прокъ себѣ? Да, если трактовать крестьянина, какъ вещь, то конечно выйдетъ, что у него и не должно быть никакой иниціативы, что она была бы преступленіемъ, и что такъ какъ за преступленіе наказываютъ, то онъ очень хорошо дѣлаетъ, что ее не обна-

руживаетъ. Но оставьте крѣпостное воззрѣніе, да оставьте не въ формальностяхъ только, а совсѣмъ; въ самой сущности оставьте; и постарайтесь представить себѣ русскаго мужичка, какъ обыкновеннаго независимаго человѣка, какъ гражданина. Если у васъ достанетъ на это воображенія и если вы хоть немножко знаете основаніе характера и быта русскаго простонародья, то въ вашемъ воображеніи тотчасъ явится картина людей, очень хорошо и умно умѣющихъ располагать своими поступками. А чтобы помочь вамъ въ подобномъ представленіи, мы беремъ книжку Марка Вовчка и напомнимъ вамъ нѣсколько русскихъ характеровъ, въ ней изображенныхъ.

Надо замѣтить прежде всего, что характеры эти не воспроизведены со всей художественною полнотою, а только лишь намѣчены въ коротенькихъ разсказцахъ Марка Вовчка. Мы не можемъ искать у него эпопеи нашей народной жизни,—это было бы ужь слишкомъ много. Такой эпопеи мы можемъ ожидать въ будущемъ, а теперь покамѣстъ нечего еще и думать о ней. Сознаніе народа далеко еще не вошло у насъ въ тотъ періодъ, въ которомъ оно должно выразить все себя поэтическимъ образомъ; писатели изъ образованнаго класса до сихъ поръ почти всѣ занимались народомъ, какъ любопытной игрушкой, вовсе не думая смотрѣть на него серьёзно. Сознаніе значенія народа едва начинается у насъ, и рядомъ съ этимъ смутнымъ сознаніемъ появляются серьёзныя, искренно и съ любовью сдѣланныя наблюденія народнаго быта и характера. Въ числѣ этихъ наблюденій едва ли не самое почетное мѣсто принадлежитъ очеркамъ Марка Вовчка. Въ нихъ много отрывочнаго, недосказаннаго, иногда фактъ берется случайный, частный, разсказывается безъ поясненія его внутреннихъ или внѣшнихъ причинъ, не связывается необходимымъ образомъ съ обычнымъ строемъ жизни. Но строгой оконченности и всесторонности, повторяемъ, невозможно еще требовать отъ нашихъ разсказовъ изъ крестьянской жизни: она еще не открываетъ намъ себя во всей полнотѣ, да и то, что открыто намъ, мы не всегда умѣемъ или не всегда можемъ хорошо выразить. Для насъ довольно и того, что въ разсказахъ Марка Вовчка мы видимъ желаніе и умѣнье прислушиваться къ народной жизни; мы чуемъ въ нихъ присутствіе русскаго духа, встрѣчаемъ знакомые образы, узнаемъ ту логику, тѣ чувства, которыя мы и сами замѣчали когда-то, но пропускали безъ вниманія. Вотъ чѣмъ и дороги для насъ эти разсказы; вотъ почему и цѣнимъ мы такъ высоко ихъ автора. Въ немъ видимъ мы глубокое вниманіе и живое сочувствіе, въ немъ находимъ мы широкое пониманіе той жизни, на которую смотрятъ такъ легко и которую понимаютъ такъ узко и убого мно-

гіе изъ образованнѣйшихъ нашихъ экономистовъ, славянистовъ, юристовъ, нувеллистовъ, и пр. и пр.

Въ книжкѣ Марка Вовчка шесть разсказовъ, и каждый изъ нихъ представляетъ намъ женскіе типы изъ простонародья. Рядомъ съ женскими лицами рисуются, бóльшею частію нѣсколько въ тѣни, и мужскія личности. Это обстоятельство ближайшимъ образомъ объясняется, конечно, тѣмъ, что авторъ разсказовъ Марка Вовчка — женщина. Но мы увидимъ, что выборъ женскихъ лицъ для этихъ разсказовъ оправдывается и самою сущностью дѣла. Возьмемъ прежде всего разсказъ «Маша», въ которомъ это выказывается съ особенной ясностью.

Мы помнимъ первое появленіе этого разсказа. Люди, еще вѣрующіе въ неприкосновенность крѣпостнаго права, пришли отъ него въ ужасъ. А въ разсказѣ раскрывается естественное и ничѣмъ незаглушимое развитіе въ крестьянской дѣвочкѣ любви къ самостоятельности и отвращенія къ рабству. Ничего преступнаго тутъ нѣтъ, какъ видите; но на приверженцевъ крѣпостныхъ отношеній подобный разсказъ дѣйствительно долженъ былъ произвести потрясающее дѣйствіе. Онъ залеталъ въ ихъ послѣднее убѣжище, которое они считали неприступнымъ. Видите ли, они, какъ люди гуманные и просвѣщенные, согласились, что крѣпостное право въ основаніи своемъ несообразно съ успѣхами современнаго просвѣщенія. Но вслѣдъ за тѣмъ они говорили, что вѣдь мужикъ еще не созрѣлъ до настоящей самостоятельности, что онъ о ней и не думаетъ, и не желаетъ ея, и вовсе не тяготится своимъ положеніемъ, — развѣ ужь только гдѣ барщина очень тяжела и прикащикъ крутъ... «Да и помилуйте, откуда заберется мужику въ голову мысль о свободѣ? Книгъ онъ не читаетъ вовсе никакихъ; съ литераторами незнакомъ; дѣла у него довольно, такъ что утопій сочинять и не досугъ.... Живетъ онъ себѣ, какъ жили отцы и дѣды, и если его теперь хотятъ освобождать, такъ это чисто по милости, по великодушію.... И повѣрьте, что мужикъ нескоро еще очнется, нескоро въ толкъ возьметъ, что такое и зачѣмъ даютъ ему.... Многіе, очень многіе еще всплачутся по прежней жизни.» Такъ увѣряли умные и просвѣщенные люди, и считали невозможнымъ всякое возраженіе. И вдругъ, представьте себѣ — прямо оспаривается дѣйствительность факта, на который они ссылаются. Имъ разсказываютъ случай, доказывающій, что и въ крестьянскомъ сословіи естественна любовь къ свободному труду и независимой жизни, и что развитіе этого чувства не нуждается даже въ пособіи литературы. Вотъ какой простой случай имъ разсказываютъ.

У крестьянской старушки воспитываются двѣ сироты: племянница ея Маша и племянникъ Ѳедя. Ѳедя — какъ быть мальчикъ, веселый, смирный, покорный; а Маша съ малолѣтства выказываетъ большую своеобычливость. Она не довольствуется тѣмъ, чтобы выслушать приказаніе, а непремѣнно требуетъ, чтобы сказали ей, зачѣмъ и почему; ко всему она прислушивается и присматривается и чрезвычайно рано обнаруживаетъ наклонность имѣть свое сужденіе. Будь бы дѣвочка у строгаго отца съ матерью, у нея эту дурь, разумѣется, мигомъ бы выбили изъ головы, какъ обыкновенно и дѣлается у насъ съ сотнями и тысячами дѣвочекъ и мальчиковъ, обнаруживающихъ въ дѣтствѣ излишнюю пытливость и неумѣстную претензію на преждевременную дѣятельность разсудка. Но къ счастью или несчастью Маши, тетка ея была добрая и простая женщина, которая не только не карала Машу за ея юркость, но даже и сама-то ей поддавалась и очень конфузилась, когда не могла удовлетворить распросамъ племянницы или переспорить ее. Такимъ образомъ Маша получила убѣжденіе, что она имѣетъ право думать, спрашивать, возражать. Этого ужь было довольно. На седьмомъ году случилось съ ней происшествіе, которое дало особенный оборотъ всѣмъ ея мыслямъ. Тетка съ Ѳедей поѣхала въ городъ; Маша осталась одна караулить избу. Сидитъ она на заваленкѣ и играетъ съ ребятишками. Вдругъ проходитъ мимо барыня; остановилась, посмотрѣла и говоритъ Машѣ: «что это такъ разшумѣлась? Свою барыню знаешь? А? чья ты?» Маша оробѣла, что ли, не отвѣтила, а барыня-то ее и выбранила: «дура растешь, не умѣешь говорить». Маша въ слезы. Барынѣ жалко стало. «Ну, поди, говоритъ ко мнѣ, дурочка». Маша нейдетъ; барыня приказываетъ ребятишкамъ подвести къ ней Машу. Маша ударилась бѣжать, да такъ и не пришла домой. Воротилась тетка съ Ѳедей изъ города, — нѣтъ Маши; пошли искать, искали-искали, не нашли; ужь на возвратномъ пути она сама къ нимъ вышла изъ чьего-то конопляннника. Тетка хотѣла ее домой вести, — нейдетъ. «Меня, говоритъ, барыня возьметъ, не пойду я». Кое-какъ тетка ее успокоила и тутъ же ей наставленіе дала, что надо барыню слушаться, хоть она и сурово прикажетъ.

«— А если не послушаешься? промолвила Маша.

«— Тогда горя не оберешься, голубчикъ, говорю (*). — Любо развѣ кару-то принимать?...

«А Ѳедя даже смутился, смотритъ на сестру во всѣ глаза.

«— Убѣжать можно, говоритъ Маша, — убѣжать далеко.... Вотъ Тростянскіе лѣтось бѣгали.

«— Ну, и поймали ихъ, Маша.... А которые на дорогѣ померли.

(*) Разсказъ веденъ отъ лица тетки.

«— А пойманныхъ-то въ острогѣ посадили, распинали всячески, говоритъ Өедя.

«— Натерпѣлись они и стыда и горя, дитятко,—я говорю; а Маша все свое: «да чего всѣ за барыню такъ стоятъ?»

«— Она барыня — толкуемъ ей, — ей права даны, у ней казна есть.... такъ ужь ведется.

«— Вотъ что, сказала дѣвочка. — А за насъ-то кто жь стоитъ?

«Мы съ Өедей переглянулись: что это на нее нашло?

«— Неразумная ты головка, дитятко, говорю.

«— Да кто жь за насъ? твердитъ.

«— Сами мы за себя, да Богъ за насъ, отвѣчаю ей» (стр. 29).

И съ той поры у Маши только и рѣчей, что про барыню. «И кто ей отдалъ насъ? и какъ? и зачѣмъ? и когда? Барыня одна, говоритъ, а насъ-то сколько! Пошли бы себѣ отъ нея, куда захотѣли: что она сдѣлаетъ?» Старушка-тетка, разумѣется, не могла удовлетворить Машу, и дѣвочка должна была сама доходить до разрѣшенія своихъ вопросовъ. Между тѣмъ скоро пришлось ей примѣнить и на практикѣ свой образъ мыслей. Барыня вспомнила про Машу и велѣла старостѣ посылать ее на работу въ барскій садъ. Маша уперлась: «не пойду», говоритъ, да и только. Теткѣ стало жалко дѣвочку: сказала старостѣ, что больна Маша. За эту отговорку и ухватилась дѣвчонка: какъ только господская работа, она больна. Ужь барыня и къ себѣ ее требовала и допрашивала: «чѣмъ больна?» — «Все болитъ», отвѣчаетъ Маша. Барыня побранитъ, погрозитъ и прогонитъ ее. А на другой разъ опять тоже.

Сколько ни уговаривалъ Машу братъ ея, сколько ни просила тетка,—ничто не помогало. Маша не только не хотѣла работать, да еще при этомъ и держала себя такъ, какъ будто бы она была въ полномъ правѣ, какъ будто бы то, что она дѣлала, такъ и должно было дѣлать ей. Она не хотѣла, напримѣръ, попросить у барыни, чтобъ освободила ее отъ работы. «Стоило только поклониться, попроситься, — разсуждаетъ тетка, — барыня ее отпустила бы сама; да не такая была Маша наша. Она, бывало, и глазъ-то на барыню не подниметъ, и голосъ-то глухо звучитъ.... А вѣдь извѣстенъ нравъ барскій: ты обмани — да поклонись низко, ты злой человѣкъ — да почтителенъ будь, просися, молися: ваша, молъ, власть казнить и миловать — простите! и все тебѣ простится; а чуть возмутился сердцемъ, слово горькое сорвалось, — будь ты и правдивъ и честенъ, — милости надъ тобой не будетъ: ты грубіянъ! Барыня наша за добрую, за жалостливую слыла, а вѣдь какъ она Машу донимала! «Погодите, — бывало на насъ грозится, — я васъ всѣхъ проучу!» Хоть она и не карала еще, да съ такими посулками время невесело шло».

А въ Машѣ отвращеніе отъ барской работы дошло до какого-то ожесточенія, вызывало ее на безсознательный, безумный героизмъ. Разъ братъ упрекнулъ ее, что она отъ работы отговаривается болѣзнью, а въ пляскахъ да играхъ передъ всей деревней отличается. «Развѣ, говоритъ, ты думаешь, до барыни не дойдетъ? Нехорошо, что ты насъ подъ барскій гнѣвъ подводишь». Послѣ этого Маша перестала ходить на улицу. Скучно ей, тоскливо смотритъ она изъ окошка на игры подругъ, слеза бѣжитъ у ней по щекѣ, а не выйдетъ изъ избы. Тетка стала посылать ее къ подругамъ, братъ сталъ упрашивать, чтобы она перестала сердиться на его попрекъ: «я, говоритъ, — Ѳедя, не сердита, а только ты не упрашивай меня понапрасну, — не пойду». Такъ и не ходила, а по ночамъ не спала да по огороду все гуляла, одна одинешенька; и никому того не сказывала, — да разъ невзначай тетка ее подстерегла.... «Богъ съ тобой, Маша, говоритъ ей тетка. — Жить бы тебѣ, какъ люди живутъ. Отбыла барщину, да и не боишься ничего.... А то вотъ по ночамъ бродишь, а днемъ показаться за ворота не смѣешь». — «Не могу, шепчетъ, не могу! Вы хоть убейте меня — не хочу». Такъ и оставили ее....

Между тѣмъ Маша выросла, стала невѣстой, красавицей. Старуха-тетка начинаетъ ей загадывать о замужней жизни и пророчитъ счастье замужемъ. Но Машѣ и то не по нраву: «что жв замужемъ-то, — одинаково, говоритъ. — Какое счастье!»... Тетка толкуетъ, что не все горе на свѣтѣ, есть и счастье. «Есть да не про нашу честь», отвѣчаетъ Маша. Слушая такія рѣчи, и Ѳедя начинаетъ задумываться. Но Ѳедя не можетъ предаваться своимъ думамъ: онъ отбываетъ барщину. Маша же продолжаетъ упорно отказываться отъ всякой работы. Всѣ на деревнѣ стали дивиться и роптать на бездѣлье Маши, а барыня однажды такъ разсердилась, что велѣла немедленно силою привести къ себѣ Машу. Привели ее. Барыня бросилась къ ней, бранится и серпъ ей въ руки суетъ: «выжни мнѣ траву въ цвѣтникѣ», Да и стала надъ нею: «жни!» Маша какъ взмахнула серпомъ — прямо себѣ по рукѣ угодила. Кровь брызнула, барыня перепугалась: «ведите ее домой скорѣе! вотъ платочекъ — руку перевязать!» Тѣмъ дѣло и кончилось; Маша не оцѣнила даже барской милости: какъ пришла домой, такъ сорвала съ руки барынинъ платочекъ и далеко отъ себя бросила....

Упрямое сопротивленіе Маши всякому наряду на работу, ея тоска, ея странные запросы — дурно подѣйствовали на ея брата. И онъ закручинился, и самъ отъ работы отбился. Старуха-тетушка нашла, что парня пора женить, и говоритъ ему разъ о невѣстахъ. «Коли свои, говоритъ, не по нраву, такъ бы въ Дерновку съѣздилъ,

тамъ есть дѣвушки хорошія» — «Дерновскіе всѣ вольные», отозвалась Маша. — «Что жь что вольные, вразумляетъ тетка.... Развѣ вольные не выходятъ за барскихъ? Лишь бы имъ женихъ нашъ приглянулся». — «Если бы я вольная была, — заговорила Маша, а сама такъ и задрожала, — я бы, говоритъ, лучше на плаху голову». — Ѳедя очень огорчился этимъ отзывомъ. «Ужь очень ты барскихъ-то обижаешь, Маша, проговорилъ онъ, и въ лицѣ измѣнился: — они тоже вѣдь люди Божіи, только-что безчастные». Да и вышелъ съ тѣмъ словомъ.... Тетка начала по обычаю уговаривать Машу, говоря, что кручиной да слезами своей судьбѣ не поможешь, а развѣ-что вѣку не доживешь. А Маша отвѣчаетъ, что оно и лучше умереть-то скорѣе. «Что мнѣ тутъ-то, говоритъ, — на свѣтѣ-то?»

Такъ живетъ бѣдная семья, страдая отъ неумѣстно-поднятыхъ и беззаконно разросшихся вопросовъ и требованій дѣвочки. У дурной помѣщицы, у сердитаго управляющаго подобная блажь имѣла бы конечно очень дурной конецъ. Но разсказъ представляетъ намъ добрую, кроткую помѣщицу, да еще съ либеральными наклонностями. Она рѣшилась дать позволеніе своимъ крестьянамъ выкупаться на волю. Можно представить себѣ, какъ подѣйствовало это извѣстіе на Машу и Ѳедю. Но мы не можемъ удержаться, чтобы не выписать здѣсь вполнѣ двухъ маленькихъ главъ, составляющихъ заключеніе этого разсказа Марка Вовчка.

1

«А Ѳедя все сумрачнѣй да угрюмѣй, а Маша въ глазахъ у меня таетъ.... слегла. Одинъ разъ я сижу подлѣ нея — она задумалась крѣпко; вдругъ входитъ Ѳедя — бодро такъ, весело: «здравствуйте», говоритъ. Я-то обрадовалась: «здравствуй, здравствуй, голубчикъ!» Маша только взглянула: чего, молъ, веселье такое?

«— Маша, говоритъ Ѳедя: — ты умирать собиралась, — молода еще видно ты умирать-то.

«Самъ посмѣивается. Маша, молчитъ.

«— Да ты очнись, сестрица, да прислушайся: я тебѣ вѣсточку принесъ.

«— Богъ съ тобой, и съ вѣсточкой, отвѣтила. Ты — себѣ веселись, Ѳедя, а мнѣ покой дай.

«Какая вѣсточка, Ѳедя, скажи мнѣ», спрашиваю.

«— Услышь, тетушка милая! — и обнялъ меня крѣпко-крѣпко и поцаловалъ. — Очнись, Маша! за руку Машу схватилъ и приподнялъ ее. — Барыня объявила намъ: кто хочетъ откупаться на волю — откупайся....

«Какъ вскрикнетъ Маша, какъ бросится брату въ ноги! Цалуетъ и слезами обливаетъ, дрожитъ вся, голосъ у ней обрывается: «откупи меня, родной, откупи! Благослови тебя Господи! Милый мой! откупи меня! Господи! помоги же ты намъ, помоги!..

«Ѳедя-то самъ рѣкою разливается, а у меня сердце покатилось,— стою, смотрю на нихъ.

«— Погоди жь, Маша, проговорилъ Ѳедя,— дай опомниться-то! Обсудить, обдумать надо хорошенько.

«— Не надо, Ѳедя! Откупайся скорѣй... скорѣй, братецъ милый!

«— Помѣхи еще есть, Маша,— я вступилася:— придется продать почитай послѣднее. Какъ, чѣмъ кормиться-то будемъ?

«— Я буду работать.... Братецъ! безустанно буду работать. Я выпрошу; выплачу у людей.... Я закабалюсь, куды хочешь, только выкупи ты меня! Родной мой, выкупи! Я вѣдь изныла вся! Я дня веселаго, она спокойнаго не знала! Пожалѣй ты моей юности! Я вѣдь не живу — я томлюсь.... Охъ, выкупи меня, выкупи! Иди, иди къ ней....

«Одѣваетъ его, торопитъ, сама молитъ-рыдаетъ.... Я и не опомнилась, какъ она его выпроводила.... Сама по избѣ ходитъ, руки ломаетъ.... И мое сердце трепещетъ, словно въ молодости,— вотъ что затѣвается! Трудно мнѣ было сообразиться, еще труднѣй успокоиться....

«Ждемъ мы Ѳедю, ждемъ-не дождемся! Какъ завидѣла его Маша, горько заплакала, а онъ намъ еще издали кричитъ: «славу Богу!» Маша такъ и упала на лавку, долго, долго еще плакала.... Мы унимать: «пускай поплачу, говоритъ,— не тревожьте; сладко мнѣ и любо, словно я на свѣтъ Божій нарождаюсь сызнову! Теперь мнѣ работу давайте. Я здорова.... Я сильная какая, если бъ вы знали!...

«Вотъ и откупились мы. Избу, все спродали.... Жалко мнѣ было покидать, и Ѳедѣ сгрустнулось: садикъ, ростилъ,— все прощай! Только Маша веселая и бодрая — слезки она не выронила. Какое! Словно она изъ живой воды вышла,— въ глазахъ блескъ, на лицѣ румянецъ; кажется, что каждая жилка радостью дрожитъ.... Дѣло такъ и кипитъ у нея.... «Отдохни, Маша!»—«Отдыхать? я работать хочу!»— и засмѣется весело. Тогда я впервые узнала, что за смѣхъ у нея звонкій! Тогда Маша бѣлоручкой слыла, а теперь Машу первой рукодѣльницей, первой работницей величаютъ. И женихи къ намъ толпой.... А барыня-то гнѣвалась — Боже мой! Сосѣди смѣются: «холопка глупая васъ отуманила! Она нарочно больною притворилась.... Вѣдь вы, небось, даромъ почти ее отпустили?» Барыня и въ правду Машей не дорожилась.

«Поселились мы въ избушкѣ веткой, въ городѣ, да трудиться стали. Богъ намъ помогалъ, мы и новую избу срубили.... Ѳедя женился. Маша замужъ пошла.... Свекровь въ ней души не слышитъ: «она меня словно дочь родная утѣшаетъ; что это за веселая! что это за работящая! больна съ той поры не бывала.»

«Фантазія! Идиллія! Мечты золотаго вѣка!» — закричали послѣ этого разсказа практическіе люди съ гуманными взглядами, но съ тайною симпатіею къ крѣпостнымъ отношеніямъ. «Гдѣ это видано, чтобы въ простой мужицкой натурѣ могло въ такой степени развиться сознаніе своей личности? Если когда нибудь и бывало что

нибудь подобное, такъ это эксцентрическій случай, обязанный своимъ происхожденіемъ какимъ нибудь особеннымъ обстоятельствамъ.... Разсказъ о Машѣ вовсе не представляетъ картины изъ русскаго быта; онъ есть просто заоблачная выдумка. Авторъ взялъ не типъ русской простой женщины, а явленіе исключительное, и потому разсказъ его фальшивъ и лишенъ художественнаго достоинства. Требованіе художественности состоитъ въ томъ, чтобы воспроизводить», и пр....

— Тутъ почтенные ораторы пускались въ разсужденія о художественности и чувствовали себя совершенно въ своей тарелкѣ.

Но людямъ, не заинтересованнымъ въ дѣлѣ, и въ голову не приходило возражать противъ естественности такого факта, какой разсказанъ въ «Машѣ». Напротивъ, онъ казался нормальнымъ для всякаго, знакомаго съ крестьянской жизнью. Въ самомъ дѣлѣ, неужели возможно отвергать въ крестьянинѣ присутствіе того, что мы считаемъ необходимой принадлежностью человѣческаго смысла у каждаго изъ людей? Это ужъ было бы слишкомъ....

Но, пожалуй, разсуждайте какъ угодно, факты докажутъ вамъ, что такія лица, какъ Маша и Ѳедя, далеко не составляютъ исключенія въ массѣ русскаго народа. Такихъ проявленій самостоятельности, какія высказались въ Машѣ, конечно нельзя встрѣтить часто. Но это ничего не значитъ. Форма можетъ быть та или другая — это зависитъ отъ обстоятельствъ, — но сущность дѣла остается та же. Что крѣпостной крестьянинъ нашъ находится въ такомъ положеніи, въ которомъ подобныя стремленія встрѣчаютъ препятствія—это опять извѣстно. Но именно сила-то этихъ препятствій и даетъ намъ мѣру того, какъ сильны внутреннія стремленія простолюдина, которыя сохраняютъ свою жизненность даже посреди такихъ обстоятельствъ. Вглядитесь въ самомъ дѣлѣ на положеніе крестьянскаго мальчика или дѣвочки, и подивитесь, какъ у нихъ могутъ сохраняться живыя стремленія. Отецъ, мать, всѣ родные, подчиненные крѣпостной власти, свыкшіеся съ своимъ положеніемъ и извѣдавшіе, можетъ быть, собственнымъ опытомъ неудобство самостоятельныхъ проявленій своей личности, — всѣ стараются, изъ желанія добра мальчику, съ малыхъ лѣтъ внушить ему отреченіе отъ собственнаго разума и воли. Умственныя способности раскрываются въ ребенкѣ какъ бы для того только, чтобы понять всѣ бѣдствія, какія можетъ навлечь на человѣка наклонность къ разсужденіямъ, вопросамъ и требованіямъ. Естественная логика замѣняется житейскими правилами, примѣненными къ положенію ребенка, въ родѣ тѣхъ увѣщаній, какія тетка дѣлала Машѣ, говоря, что «извѣстенъ нравъ барскій: будь негодяй, да поклонись — и все

ничего; будь и чистъ и святъ, да скажи слово поперегъ — и нѣтъ тебя хуже». Исходный пунктъ всѣхъ этихъ разсужденій — отрицаніе личности въ подчиненномъ существѣ. Къ такимъ понятіямъ приходятъ люди послѣ долгаго ряда страданій, униженій, убѣдившись въ своемъ безсиліи противъ судьбы; и для того только, чтобы предохранить близкихъ людей отъ подобныхъ же страданій и безплодныхъ попытокъ, стараются они внушить и имъ эти понятія. Многое и принимается слабымъ разсудкомъ и слабою волею ребенка; тамъ, гдѣ подобныя внушенія поддерживаются еще практически — пинками да кулаками за всякій вопросъ, за каждое возраженіе, — тамъ и выростаютъ робкія, безотвѣтныя, тупыя существа; ни на что не годныя, кромѣ какъ на то, чтобы всякому подставлять свою спину: кто хочетъ — побей, а кто хочетъ — садись да поѣзжай. Но это исключенія; въ общей массѣ людей невозможно исказить человѣческую природу до такой степени, чтобы въ ней не осталось и слѣда естественныхъ инстинктовъ и здраваго смысла. Эти инстинкты проявляются въ человѣкѣ съ самаго дѣтства. Вѣроятно, каждому изъ нашихъ читателей не разъ случалось ловить дѣтей въ ихъ мечтахъ и воздушныхъ замкахъ, провозглашаемыхъ ими во всеуслышаніе. Случалось, вѣроятно, входить и въ разсужденія съ дѣтьми по этому поводу, съ цѣлью довести ихъ ad absurdum. Вспомните же, какъ трудно обыкновенно достигалась подобная задача. Для ребенка не существуетъ наша условная, житейская логика. Тамъ, гдѣ взрослаго человѣка можно остановить однимъ словомъ: «не велѣно, не принято», и т. п., — съ ребенкомъ нѣтъ возможности справиться. Маша никакъ не можетъ понять, отчего всѣ такъ стоятъ за барыню, и почему ея всѣ боятся: «она вѣдь одна, а насъ много; пошли бы всѣ, куда захотѣли, — что она сдѣлаетъ?...» Такія дѣтскія разсужденія, ставящія въ тупикъ взрослаго человѣка, чрезвычайно часто случается слышать; они общи всѣмъ дѣтямъ. Въ крестьянскихъ дѣтяхъ они встрѣчаются не только не меньше, чѣмъ въ дѣтяхъ другихъ сословій, но даже еще чаще. Причина понятна: крестьянскія дѣти, говоря вообще, свободнѣе воспитываются, отношенія между младшими и старшими тамъ проще и ближе, ребенокъ раньше дѣлается дѣятельнымъ членомъ семьи и участникомъ общихъ трудовъ ея. А съ другой стороны и то много значитъ, что естественный, здравый смыслъ ребенка тамъ меньше подавляется искуственными отвѣтами, какіе находитъ мальчикъ или дѣвочка образованнаго сословія. Мы съ раннихъ лѣтъ, изучаемъ множество наукъ въ родѣ миѳологіи и геральдики, и съ малолѣтства упражняемъ свой разсудокъ разными казуистическими тонкостями и софизмами. Крестьян-

скій ребенокъ въ своей необразованной семьѣ не можетъ слышать ничего подобнаго, и потому долѣе остается вѣренъ природѣ.

Внѣшняя сила, останавливающая нормальный ходъ мысли, оставляетъ обыкновенно болѣе свободы женщинѣ, нежели мужчинѣ; и вотъ почему сказали мы выше, что самая сущность дѣла оправдываетъ выборъ женскаго лица для изображенія живыхъ стремленій мысли и воли въ крестьянскомъ сословіи. Крестьянскій мальчикъ рано испытываетъ на дѣлѣ несостоятельность своихъ думъ и пріучается регулярно подавлять свою мысль. Дѣвушка, какъ ни много раздѣляетъ она общіе труды съ мужчинами, все-таки имѣетъ нѣсколько болѣе свободы предаться своимъ мыслямъ. Самый родъ многихъ занятій благопріятствуетъ этому: за пряжей, тканьемъ, шитьемъ и вязаньемъ гораздо удобнѣе думать и мечтать, нежели при сѣяньи, пахàньи, жнитвѣ, молотьбѣ, рубкѣ дровъ, и пр. Притомъ же можно предполагать, что и у крестьянъ, какъ вообще во всѣхъ сословіяхъ, воспріимчивость и воображеніе сильнѣе у женщинъ, нежели у мужчинъ. И дѣйствительно, припомнивъ многія наблюденія надъ жизнью простонародья, мы находимъ, что женщины здѣсь вообще болѣе мужчинъ наклонны къ разсужденіямъ о предметахъ возвышенныхъ — о душѣ, о будущей жизни, о началѣ міра и т. п. Знахарство, врачебное искуство, знаніе травъ и наговоровъ—принадлежитъ преимущественно женщинамъ. Сказки, легенды хранятся въ устахъ старушекъ; разсказы о святыхъ мѣстахъ и чужихъ земляхъ также разносятся по Руси странницами и богомолками. На разговоръ о томъ, какъ на свѣтѣ правды не стало и какъ всѣ въ мірѣ беззаконствуютъ — можно въ нѣсколько минутъ навести всякую бабу. Правда, заключеніе разговора будетъ неотрадное: «все, дескать, это по грѣхамъ нашимъ, и видно ужь такъ намъ на роду написано, судьба наша такая несчастная, и ничего съ нею не подѣлаешь....» Но говорится это больше по привычкѣ и по безсилію.

У мужчинъ замѣчается тотъ же видимый фатализмъ; но это опять фатализмъ безсилія: такъ больной, убѣжденный въ неизбѣжности близкой смерти и потерявшій довѣренность къ лѣкарямъ, не хочетъ принимать лѣкарства. Такъ и мужикъ, не видя возможности выйти изъ своего положенія, не хочетъ и говорить о немъ. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы больному хотѣлось умереть, и чтобы мужику было сладко его положеніе. И тотъ, и другой приняли бы съ радостью всякое средство, которое бы могло послужить къ ихъ дѣйствительному облегченію. Мало того,—врачи-психологи говорятъ— и нельзя не вѣрить этому, — что всякій больной, самый отчаянный, до послѣдней минуты не теряетъ надежды на возможность такого средства, не перестаетъ въ глубинѣ души ждать его, хотя повидимо-

му уже совершенно покорился своей участи. Тоже самое и съ людьми, находящимися въ стѣсненномъ положеніи и повидимому примирившимися съ нимъ: внутри ихъ непремѣнно бродитъ желаніе и надежда выйти изъ этого положенія. Первые слухи объ освобожденіи были встрѣчены крестьянами очень недовѣрчиво. Намъ не разъ случалось, въ отвѣтъ на эту новость, слышать отъ мужика: «давно ужь объ этомъ толкуютъ; да гдѣ ужь тому быть? И такъ вѣкъ изживемъ.» Но при всемъ своемъ недовѣріи и наружномъ равнодушіи, тотъ же крестьянинъ съ любопытствомъ разспрашивалъ о подробностяхъ разныхъ правительственныхъ распоряженій, относящихся къ дѣлу освобожденія.

Да и кромѣ этихъ признаковъ, — есть одинъ фактъ, безмолвный, но убѣдительно свидѣтельствующій въ пользу того, что отвращеніе къ крѣпостному состоянію сильно развито въ массѣ. Совсѣмъ отказаться отъ крѣпостной работы крестьянинъ не можетъ. Отдѣлываться отъ барскихъ приказовъ такъ, какъ Маша въ разсказѣ Марка Вовчка, возможно очень рѣдко, да и то въ одиночку, а не скопомъ, не цѣлой гурьбою. Какъ скоро подобная наклонность отказаться отъ барской работы обнаруживалась по мѣстамъ, то послѣдствія бывали для крестьянъ непріятныя. Поэтому надо было работать. Но что же однако? Во всей Россіи, во всѣхъ крѣпостныхъ имѣніяхъ, безъ всякаго, конечно, соглашенія и уговора, крестьяне заявляютъ свой протестъ противъ обязательнаго труда особымъ способомъ: они работаютъ плохо. Большею частію они даже сами не умѣютъ формулировать объясненія для своихъ поступковъ, но фактъ, что барщинская работа очень неспора, — повсемѣстенъ. Кромѣ профессора Горлова, всѣ согласны въ томъ, что вольнонаемный трудъ несравненно спорѣе и выгоднѣе обязательнаго. Объ этомъ даже многіе землевладѣльцы писали въ своемъ журналѣ. Чего же вамъ еще? Отъ чего происходитъ это явленіе, какъ не отъ безсознательнаго присутствія въ каждомъ мужикѣ, въ каждой бабѣ крестьянской того же чувства, которое такъ ясно и сознательно выразилось въ Машѣ Марка Вовчка? Разница въ степени развитія и въ формѣ проявленія, а основа и здѣсь и тамъ одна и таже.

Да, мы находимъ, что въ «Машѣ» разсказанъ не исключительный случай, — какъ претендуютъ землевладѣльцы и художественные критики. Напротивъ, въ личности Маши схвачено и воплощено стремленіе, общее всей массѣ русскаго народа. А если потребность возстановить независимость своей личности существуетъ, то во всякомъ случаѣ она проявится въ фактахъ народной жизни.

Но какое же именно направленіе можетъ принять на практикѣ это стремленіе къ пріобрѣтенію самостоятельности и свободы? Ие-

вѣстно, что эти понятія самыя неопредѣленныя, и можетъ быть ни одно изъ словъ, обращающихся въ разговорномъ обиходѣ человѣчества, не возбуждало столько споровъ, какъ слово «свобода». Ученые и философствующіе люди доселѣ не могутъ окончательно согласиться въ опредѣленіи этого понятія; какъ же пойметъ его нашъ простолюдинъ? Многіе увѣряютъ, что, по глупости и необразованности своей, подъ свободой онъ будетъ разумѣть возможность ничего не дѣлать, каждый день напиваться и буянить; мы скажемъ только, что люди, отзывающіеся подобнымъ образомъ о крестьянахъ, судятъ по себѣ, не принимая въ соображеніе разницы условій, подъ которыми выростаютъ они и простолюдины. Для изученія этой разницы имъ опять надо обратиться къ Марку Вовчку: у него найдутъ они поучительный разсказъ въ этомъ смыслѣ, подъ названіемъ «Игрушечка.»

Въ «Игрушечкѣ» разсказывается исторія развитія прекрасной дѣтской натуры, подобной Машѣ, но только натуры барской. Сравните оба разсказа, и вы увидите, какъ несравненно больше залоговъ правильнаго, здороваго развитія заключаетъ въ себѣ жизнь простолюдина, нежели жизнь барченка или барышни. Тамъ и требованія проще, и цѣль ближе и опредѣленнѣе, и самый способъ разсужденія не такъ искаженъ. Самое печальное искаженіе мысли простолюдина состоитъ въ томъ, что онъ теряетъ ясное сознаніе своей личной самобытности и непринадлежности никому другому. Но такъ какъ природныя требованія всегда сохраняютъ извѣстную долю силы надъ человѣкомъ, то всегда есть надежда навести бѣдняка на правильную точку зрѣнія. А какъ скоро ужь онъ на эту точку станетъ, — онъ ее примѣнитъ и къ дѣлу; въ этой практичности состоитъ особенность крестьянской мысли. Мы обыкновенно философствуемъ для препровожденія времени, и большею частію о предметахъ, до которыхъ намъ дѣла нѣтъ. Крестьянину вовсе не до такой умственной роскоши; онъ человѣкъ рабочій, онъ задумывается надъ тѣмъ, что можетъ имѣть отношеніе къ его жизни, и задумывается именно для того, чтобы въ душѣ своей найти основаніе для практической дѣятельности. Припомните, о чемъ разсуждала, чего допытывалась Маша, и къ чему ее привели всѣ ея размышленія. Если ребенокъ задумывается надъ тѣмъ, по какому праву другіе посягаютъ на его личность, и кончаетъ тѣмъ, что не находитъ тутъ никакого права, то уже въ этомъ разсужденіи вы находите гарантію того, что въ ребенкѣ нѣтъ наклонности посягать самому на чужую личность; желаніе неприкосновенности для своей личности заставляетъ уважать и личность другихъ. Конечно, и въ людяхъ, дѣйствующихъ произвольно и насильственно, надобно тоже предпола-

гать присутствіе нѣкотораго желанія, чтобы съ ними не поступали такъ, какъ они съ другими; но позволительно думать, что вслѣдствіе уродливаго развитія, даже это желаніе въ нихъ не довольно сильно и притомъ подвержено множеству ограниченій.

Рядомъ съ понятіемъ о неприкосновенности личности является и понятіе объ обязанности и правахъ труда. «Я не имѣю права на стѣсненіе чужой личности, такъ какъ никто не имѣетъ права стѣснять меня самого; значитъ я не могу разсчитывать жить на чужой счетъ: это значило бы отнимать у других плоды ихъ трудовъ, т. е. насиловать, порабощать ихъ личность. Стало быть, я необходимо долженъ заботиться самъ объ обезпеченіи своей жизни, долженъ работать: живя своимъ трудомъ, я не буду имѣть надобности отнимать чужое, и вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣя матеріальное обезпеченіе, буду имѣть средства постоянно сохранять свою собственную независимость.» Таковы простѣйшія соображенія, изъ которыхъ вытекаетъ обязанность трудиться, ясная, какъ день, для всякаго простаго человѣка. И эти соображенія не выдуманы нами теоретически: они лежатъ въ душѣ простолюдина. Ему обыкновенно даже и въ голову не приходитъ, чтобы можно было жить на свѣтѣ, ничего не дѣлая: такъ онъ далеко отъ этого на практикѣ. Скажите любому крестьянину въ рабочую пору, чтобъ онъ отдохнулъ, бросилъ работу, — вы получите простой отвѣтъ: а гдѣ жь мы хлѣба-то возьмемъ? Не поработаешь, такъ и не поѣшь.

Стоитъ только обернуть разсужденіе, приводящее къ мысли объ обязанности работать, и мы получимъ выводъ о правахъ труда. «Если я долженъ работать для своего обезпеченія, потому что не могу и не долженъ воспользоваться плодами трудовъ моего сосѣда, то очевидно, что и сосѣдъ долженъ имѣть въ виду тоже самое соображеніе. Онъ долженъ работать для себя, и я никакъ не хочу и не считаю справедливымъ отдавать ему то, что я заработалъ.» И вотъ мы прямо приходимъ къ требованіямъ и рѣшеніямъ, къ которымъ пришла Маша у Марка Вовчка, и которыя въ извѣстной степени проявляются во всемъ крѣпостномъ населеніи русскомъ. «Что мнѣ работать на другихъ? Лучше я ничего не буду дѣлать»,—такъ разсуждаютъ люди, лишенные правъ на свой трудъ, и вовсе отказываются отъ труда, гдѣ можно, какъ Маша, или стараются употреблять какъ можно меньше усилій и усердія для чужой работы, какъ дѣлаютъ помѣщичьи крестьяне вообще. Отсюда мы можемъ сдѣлать простой выводъ о томъ, куда направятся крестьянскія силы, какъ скоро они получатъ право свободно располагать своимъ трудомъ: какъ Маша, при первой вѣсти о возможности свободы, закричала, что она работать будетъ, хоть закабалитъ себя, только бы за-

работать свой выкупъ—такъ точно и цѣная масса; послѣ освобожденія обратится къ усиленному труду, къ заботамъ объ улучшеніи своего положенія. Теперь вѣдь ужь *весь* трудъ освобожденнаго работника — *его*, ему принадлежитъ; значитъ чѣмъ больше онъ потрудится, тѣмъ больше и пріобрѣтетъ, тѣмъ лучше будетъ и его положеніе. При такихъ условіяхъ даже и временное лишеніе личной свободы не такъ тяжело. Замѣчательно, что Маша для пріобрѣтенія свободы хочетъ *закабалить* себя: это значитъ, что для нея главнымъ образомъ не то тяжело, что она не можетъ дѣлать всего, что хочетъ, а то горько, что она должна отречься отъ правъ на свой трудъ безъ всякаго резона, Богъ-вѣсть зачѣмъ. Отдавая себя въ кабалу, она знаетъ, что тутъ условія дѣлаются обязательными съ обѣихъ сторонъ; она будетъ въ кабальной работѣ, а за нее за то выплатятъ выкупъ.

Такимъ образомъ, предполагая, что крестьяне получаютъ свободу, мы видимъ вслѣдъ за этимъ, какъ прямой результатъ, увеличеніе количества и возвышеніе качества ихъ труда. Само собою разумѣется, что мы не смѣемъ прилагать всѣхъ выше изложенныхъ разсужденій, какъ непремѣннаго условія, къ правительственнымъ мѣрамъ освобожденія, приводимымъ теперь къ концу въ редакціонной коммиссіи. Мы говорили только о томъ, что должно быть вообще, по требованію логики и наблюденій надъ крестьянскимъ бытомъ и характеромъ; но мы ни мало не хотимъ касаться спеціально-хозяйственныхъ и административныхъ вопросовъ, подлежащихъ разсужденію коммиссіи. Оставляя этотъ предметъ безъ подробнаго изслѣдованія, мы теперь возвратимся къ той параллели, къ которой, какъ мы сказали, подаетъ поводъ разсказъ «Игрушечка.»

«Игрушечка» — искаженіе имени Аграфена, Груша, Грушечка, искаженіе, полное грустнаго и тяжелаго значенія. Эта Груша, крестьянская дѣвочка, въ самомъ дѣлѣ была весь свой вѣкъ игрушечкою своей барышни и барыни, а барышня и барыня были въ сущности совершенно невинныя, добрыя созданія, которыя никогда бы не согласились мучить и губить людей: онѣ могли только *играть*, забавляться ими. Вся барская жизнь, изображенная въ «Игрушечкѣ», полна такой идилліи, что становится совѣстно сказать жосткое слово объ этихъ господахъ. Ни малѣйшаго слѣда какого нибудь разсчета, преднамѣренности, злобы или хитрости не видно во всей ихъ жизни, во всѣхъ ихъ, даже самыхъ дурныхъ, поступкахъ. Какъ они живутъ и что ихъ занимаетъ, это намъ всего лучше разскажетъ сама «Игрушечка» (стр. 132—135).

«Господа наши были молоды. Нашу барыню всѣ красавицей величали. Такая была высокая да статная, чернобровая, бѣлая, — только

лѣнивая.... Господи, какая она ужь лѣнивая-то уродилась! И глядеть-то на тебя въ-полглаза. Всей работы у нея было, всего дѣла, что изъ горницы въ горницу плаваетъ, склонивши головку на бокъ, и длиннымъ своимъ платьемъ шолковымъ шуршитъ. Оживится немножко она развѣ, какъ гостьи наѣдутъ, говорливыя, да веселыя, да осудливыя. Поднимутъ на зубки и чепчики разные, и генеральшу московскую, поахаютъ объ городѣ Парижѣ да побранятъ свой уѣздъ, — тогда и наша барыня головку подниметъ и заговоритъ себѣ громче.... Баринъ поживѣе ея былъ, веселыя пѣсенки все пѣвалъ, да насвистывалъ. Говорили, *что не баиковатъ онъ, ну да за то смиренъ былъ. Съ барынею они жили согласно. И она была барыня добрая.* Никого они не карали, не казнили, *они и сердиться-то рѣдко сердились.* Приди кто изъ людей съ какой просьбой къ нимъ — *ничего, не выгонятъ, развѣ только пускать не велятъ, коли докучило, или пообѣщаютъ, да не сдѣлаютъ — забудутъ.* Жили да поживали наши господа довольны да веселы, мирны да спокойны. Вотъ это *сидятъ, бывало, въ гостиной; баринъ свиститъ, а барыня глазками по горницѣ поводитъ,* и вдругъ ей въ голову пришло: «мой другъ, — говоритъ барину, — а вѣдь голубые-то обои были бы лучше въ гостиной!» — Баринъ такъ и вскочитъ горошкомъ. «Душечка, какая мысль тебѣ хорошая пришла! *Гдѣ у меня-то разсудокъ до сихъ поръ былъ?*» И давай себя по лбу лускать.... «Ну, такого дѣла откладывать нечего, сегодня же въ городъ пошлемъ, а къ воскресенью чтобы все готово было.» — «Да, да! — подхватитъ барыня, — пріѣдетъ Анна Петровна и Клавдія Ивановна, — вотъ удивятся-то! А ужь Анна Ѳедоровна такъ разсердится, что за обѣдомъ ничего ѣсть не станетъ. Непремѣнно къ воскресенью, мой дружокъ!» И примутся хлопотать, примутся суетиться. *Въ страхѣ эти дни живутъ:* все имъ чудится, что карета въ дворъ въѣзжаетъ. «Охъ, кто-то пріѣхалъ, кажется», говорятъ, а сами въ лицѣ мѣняются. Удивить хотятъ, видите, и вдругъ — если бъ застали, что стѣны ободраны! *А иныхъ тревогъ, другихъ заботъ у нихъ, кажись, и не бывало. Никогда я не видала, чтобы баринъ нашъ призадумался, чтобы барыня всплакнула, — нешто безденежье или барыня захвораетъ.* А безденежье ихъ часто пристукивало. Любили они оба и жить роскошно, и наряжаться богато. Барыня все шолковыя разныя платья носила, да въ тонкихъ кружевахъ ходила. Баринъ тоже щеголь великій былъ: *шейной платочекъ все голубинымъ крылушкомъ завязывалъ, да бывало иной разъ съ утра до самаго обѣда бьется и не сладитъ. «Вотъ день-то несчастный выдался», — вздохнетъ: — «никакъ не слажу!...»* И барыня къ нему тутъ на помочь придетъ, и Арину Ивановну кликнутъ, да словно къ вѣнцу прибираютъ, — *всѣ около него въ заботѣ такой, въ хлопотахъ....* А ужь какъ вырядится онъ — такимъ брындикомъ выйдетъ, передъ зеркалами останавливается, да такъ пріятно на себя поглядываетъ и рукой все себя по щекѣ поглаживаетъ....

«Это еще все бы не разоръ былъ, если бъ только не мѣняли они всего до ниточки каждый годъ по скольку разъ. Мало ли на одинъ домъ шло? И къ Рождеству, и къ Святой, бывало, весь обновляютъ. И

какъ ужь весело тогда баринъ хлопочетъ! Самъ картины прибиваетъ.... *Вѣдь чудно покажется, какъ сказать, а скажу правду: до страсти любилъ онъ гвоздики вбивать, и случись, что по усердію кто ему услужить поспѣшитъ, то такъ огорчится.... Потомъ ужь всѣ такъ и знали, сами не брались никогда, а ему приготовятъ молотокъ. И правду тоже надо сказать, что ужь никто такъ гвоздичка не вобьетъ: такъ онъ наловчился, что только глянетъ — и потрафитъ, куда надо гвоздику....*

«Поѣдутъ ли въ городъ господа — чего они не накупятъ! И самоваровъ навезутъ, и сушенаго горошку, а дома подъ самоварами въ кладовой нояки ломятся, и горошку садовники на цѣлый годъ запасаютъ; понавезутъ они обои штофные, какихъ-то рыбокъ горькихъ въ банкахъ, табакерки съ музыкой.... Разнощики ли наѣдутъ — купцы хитрые, зоркіе — сколько они денегъ оберутъ! «Не берите, батюшка, — говорятъ барину, — это оченно дорогое, вы вотъ себѣ подешевле возьмите». *Барина словно подожжетъ: «подавай мнѣ самое дорогое!» Да и купитъ такое жь самое въ три дорога. Еще, бывало, и сдачи не возьметъ.* И поглядываетъ на купцовъ бородатыхъ: вотъ я вамъ пустилъ пыли въ глаза! А купцы отъ радости даже вздыхать почнутъ.... А какъ имянины справляютъ или рожденіе! Пойдутъ тутъ сборы да приборы такіе, — сохрани Боже! И вина выписываютъ, и конфеты выписываютъ, и шаль и чепчикъ барынѣ, и шейной платочекъ и жолтыя перчатки барину.... «Да ужь кстати, будутъ посылать, говорятъ, то выписать и то, и вотъ это бъ выписать», и пятое и десятое.... Да такъ наберется, что на почту телегу надо посылать.... Хоть много имъ утѣхи на имянинахъ бывало, да много жь и хлопотъ, и тревогъ не мало: вѣдь совсѣмъ измучатся, пока отбудутъ, ходючи да думаючи тяжко: что лучше къ обѣду подать? да какъ цвѣты уставить? да чѣмъ генеральшу бы удивить и покойнаго сна ее лишить? *Изморятся, бывало, словно на барщинѣ.*»

Это мѣсто надо причислить къ лучшимъ страницамъ послѣдней книги Марка Вовчка. Въ добродушномъ этомъ разсказѣ видны намъ не только пустота и ничтожество добрыхъ господъ, выросшихъ въ крѣпостныхъ понятіяхъ, но ясно просвѣчиваютъ самыя основныя причины этой пустоты и ничтожества. Вы видите, что этихъ людей обезличили хуже, чѣмъ всякаго крестьянина; ихъ лишили сознанія своего достоинства и обязанностей, у нихъ отняли всякую возможность серьёзно взглянуть на себя, у нихъ вынули душу и замѣнили ее нѣсколькими условными требованіями и сентенціями житейской цивилизаціи. Вмѣсто всѣхъ велѣній здраваго смысла, имъ съ малолѣтства вбито въ голову и срослось съ ними понятіе, что они должны жить, сами ничего не дѣлая, что это ихъ призваніе на землѣ. Сообразно съ этимъ призваніемъ ведено было все ихъ воспитаніе. Оттого они ничему не выучены, ничего не умѣютъ, оттого они не знаютъ, чѣмъ на-

помнить пустоту своего времени, оттого они не умѣютъ даже разсчитать своихъ расходовъ, предвидѣть свое безденежье, сообразить чтò имъ нужно купить и чего не нужно. Имъ никогда не придетъ въ голову взглянуть на себя серьёзно, задать себѣ вопросъ — зачѣмъ они живутъ на свѣтѣ и чтò такое составляютъ они среди общества, отъ котораго требуютъ и получаютъ всякаго рода блага и услуги. Вотъ объ нихъ-то можно сказать, что въ нихъ нѣтъ никакой иниціативы и что жизнь ихъ лишена всякаго внутренняго смысла. Сами по себѣ они — ничто; они живутъ животною, почти автоматическою жизнью, покамѣстъ не истощены средства, доставшіяся имъ по милости судьбы; какъ скоро этихъ средствъ нѣтъ, они — несчастнѣйшія, безпомощнѣйшія существа. Лишенные всякихъ рессурсовъ къ обезпеченію своего существованія, лишенные всякой опоры въ себѣ самихъ, они готовы на всевозможныя униженія, чтобы только перебиться какъ нибудь. Игрушечкины господа, промотавши безъ толку все свое имѣнье, переѣзжаютъ на житье къ тетенькѣ, старой скрягѣ, которая каждый день попрекаетъ ихъ. И они принуждены безмолвно сносить ея обращеніе: имъ ничего болѣе не остается, какъ жить у кого нибудь изъ милости, предаваясь совершенно капризамъ того, кто ихъ кормитъ. За то у нихъ остается привилегія ничего-недѣланья....

А между тѣмъ ничего - недѣланье-то привито къ нимъ искусственно! Естественная, ничѣмъ и никогда незаглушаемая потребность дѣятельности не теряетъ и надъ ними своего вліянія. Бѣда только въ томъ, что, по своему воспитанію, они не только взяться ни за что не умѣютъ, но даже не могутъ и придумать для себя какой нибудь дѣльной работы: такъ ограниченъ кругъ ихъ знаній и стремленій! И пріискиваютъ они для себя спеціальности въ родѣ вбиванія гвоздиковъ да повязыванья галстуха голубинымъ крылушкомъ, и придумываютъ труды и заботы въ родѣ перемѣны обоевъ и мебели.... Вѣдь вотъ пристрастился же этотъ господинъ къ вбиванію гвоздиковъ, и сдѣлался весьма искуснымъ мастеромъ своего дѣла: почему же не быть бы ему искуснымъ плотникомъ, сапожникомъ, обойщикомъ? И конечно, будь бы онъ иначе воспитанъ и находись въ другихъ обстоятельствахъ, — такъ онъ бы и нашелъ какое нибудь полезное занятіе для себя и не былъ бы такимъ паразитнымъ существомъ. Тогда бы онъ былъ и гораздо самостоятельнѣе, тверже, независимѣе, не зналъ бы этихъ маленькихъ, но для него тяжкихъ огорченій, которыя онъ испытываетъ при неудачной повязкѣ галстуха или въ то время, какъ въ гостиной стѣны ободраны. Тогда естественно получилъ бы онъ наклонность и разсчитывать и обдумывать свою жизнь, и не впадалъ бы въ такое по-

ложеніе, которое описываетъ «Игрушечка»:«пиры у господъ за пирами, а тутъ глядь — денегъ нѣту. Вотъ, сядутъ тогда они въ гостиной, и сидятъ — пріуныли. Одинъ въ окошко глядитъ, другой въ другое; «ахъ-ахъ, ха-ахъ», — ахаютъ. А прошла бѣда, продали или заложили деревеньку, денежки зазвенѣли опять, и опять обѣды званые, гости нахлынули, пиръ горой, и весело живется, и хорошо имъ» — (разумѣется, опять до перваго безденежья). Ничего нельзя представить глупѣе такого положенія, и только съ малолѣтства къ нему пріученные въ состояніи переварить его. За то какую же и скуку-то они испытываютъ: не даромъ ходятъ изъ угла въ уголъ, да смотрятъ въ-полглаза, точно сонные, не даромъ убиваютъ время надъ повязываньемъ галстуха голубинымъ крылушкомъ. Да и обѣды-то, и вечера-то они больше затѣмъ даютъ, чтобы чѣмъ нибудь занять и развлечь себя: тоска ихъ одолѣваетъ смертная, а помочь не знаютъ чѣмъ, и даже не думаютъ, что тутъ помощь нужна....

И у такихъ-то родителей, въ такой жизни хочетъ развиться живая, пытливая натура дѣвочки, ихъ дочери! Нечего и говорить, что стремленія ея не получаютъ удовлетворенія и всѣ попытки остаются совершенно безуспѣшными. Но исторія ея развитія, такъ знакомая во многихъ подробностяхъ каждому изъ насъ, свидѣтельствуетъ съ одной стороны — какъ сильны и незаглушимы въ человѣкѣ естественныя, природныя требованія мысли и сердца, и съ другой стороны — какое безчисленное множество препятствій противопоставляется имъ въ барской жизни и нашемъ воспитаніи.

Откуда, въ самомъ дѣлѣ, у дочери такихъ родителей, видящей вокругъ себя все то, что выше описано, можетъ родиться наклонность къ пытливой, недѣтски-серьёзной думѣ о жизни и ея условіяхъ? Откуда въ ней уваженіе къ требованіямъ справедливости? Никто ей не внушаетъ ничего подобнаго, ничто кругомъ не располагаетъ къ такимъ мыслямъ.... Но достаточно одного: чтобы испорченные люди избавили ее отъ своего надзора и не заботились объ ея нравственномъ воспитаніи, достаточно этого, чтобы естественныя стремленія человѣческой природы явственно выразились въ ней и получили свою силу. Достаточно было самаго легкаго соприкосновенія съ бѣдной дѣвочкой, чтобы разшевелить въ ней природныя требованія добра и правды.... Но все это ни къ чему не могло повести: естественно человѣку дышать, но не можетъ же онъ дышать безъ воздуха; естественно зерну прозябать, но не взойдетъ же сѣмя, брошенное на голую каменную плиту; такъ не разовьется и живой организмъ человѣческій, попавши въ среду такого бездушнаго, автоматическаго существованія, какое мы видимъ у Игрушечкиныхъ го-

сподъ. Вотъ исторія барышни, большею частію вертящаяся около ея отношеній къ «Игрушечкѣ».

Барышня увидала на улицѣ въ деревнѣ дѣвочку: «дай мнѣ эту дѣвочку!» — Привели её въ барскій домъ, заставили играть съ барышней. На другой день послѣ того господа собирались выѣзжать въ другую вотчину, и дѣвочку надо было отпустить. Но барышня заупрямилась: «хочу дѣвочку съ собою взять». Такъ и сякъ ее уговаривать, — нѣтъ, слушать ничего не хочетъ, плачетъ. Дѣлать нечего, барыня велѣла снарядить дѣвочку въ дорогу. Мать ея бѣдная приходитъ, съ горькими слезами упрашиваетъ: «отдайте дочку». Барыня отвѣчаетъ кротко и резонно: «я бы тебѣ отдала, да барышня не пускаетъ, — очень ей твоя дочка понравилась; *ты не плачь пожалуйста: она вѣдь скоро барышнѣ прискучитъ, — дѣтямъ забава ненадолго — тогда сейчасъ твою дочку мы перешлемъ къ тебѣ*». И не подозрѣвая, сколько нечеловѣчности заключается въ этомъ добродушномъ отвѣтѣ, барыня довершаетъ его, говоря своей ключницѣ и приживалкѣ Аринѣ Ивановнѣ: «ахъ, какъ жалко мнѣ эту женщину, — просто, я на нее смотрѣть не могу! Идите, душечка Арина Ивановна, скажите ей что нибудь, дайте ей вотъ денегъ... ну, отдайте что нибудь изъ моихъ вещей похуже... только поскорѣе, чтобъ она шла себѣ, чтобъ тутъ не плакала». Видите ли, какое положеніе: барыня здѣсь сама точно на барщинѣ: у ней доброе сердце, она сама мать, ей жалко бѣдную женщину; но noblesse oblige и помѣщичье право тоже oblige, — противъ своей воли она должна отнять дочь у матери.... А чтобъ утѣшить мать, она хочетъ дать ей за дочь нѣсколько денегъ... И цѣль этого великодушія — главная та, чтобы избавить себя отъ зрѣлища слезъ и отчаянія матери: чтобъ она шла себѣ, чтобы только тутъ не плакала....

Барышня, требуя себѣ Грушу, которую тутъ же и назвали Игрушечкой, разумѣется и не подозрѣваетъ настоящаго характера своихъ требованій, потому что она еще не имѣетъ понятія о юридическихъ отношеніяхъ, существующихъ между ею и крестьянской дѣвочкой. Ей просто хочется имѣть подругу и она не отпускаетъ отъ себя ту, которая ей понравилась. Но въ ея положеніи нельзя безнаказанно имѣть никакихъ требованій: окружающая жизнь немедленно обращаетъ самое простое ея желаніе въ насиліе и произволъ. Вотъ, напр., сцена, показывающая намъ, какъ ребенокъ портится въ самомъ дѣтскомъ возрастѣ.

Игрушечку любитъ барышня, и за то терпѣть не можетъ Арина Ивановна. Разъ приходитъ въ барскіе хоромы мужичокъ, съ поклономъ и гостинцемъ отъ матери къ Игрушечкѣ; Арина Ивановна не пускаетъ его, онъ упрашиваетъ, она бранится. Игрушечка, играя съ

барышней недалеко отъ дѣвичьей, услыхала ихъ споръ и зарыдала. Барышня тотчасъ пристала: «о чемъ плачешь?» Та сказала. Тогда, не смотря на увѣщанія Арины Ивановны, барышня настоятельно потребовала, чтобы мужичка пустили и гостинецъ Игрушечкѣ отдали; даже сама дверь растворила мужичку. Поговорила съ мужичкомъ дѣвочка, разумѣется, припомнила свою мать, родной домъ, и принялась плакать, разсматривая свой гостинецъ — двѣ рубашечки, да глиняную уточку, да пряничекъ медовый. Арина Ивановна принялась насмѣхаться надъ рубашечками и хотѣла ихъ взять да «зашвырнуть куда нибудь подальше». Но барышня не позволила и Арину Ивановну прогнала изъ комнаты. Между тѣмъ Игрушечка все плачетъ, и барышня все подлѣ нея сидитъ, да поглядываетъ на нее призадумавшись.—Богъ-вѣсть, что она думала; можетъ, приходила къ мысли, зачѣмъ же это она такое горе дѣлаетъ бѣдной дѣвочкѣ, разлучая ее съ матерью. Но въ комнату, переждавши немного, опять входитъ Арина Ивановна. Происходитъ слѣдующая сцена (стр. 127).

«— Что вы, Зинаида Петровна, такъ заскучали? спрашиваетъ барышню Арина Ивановна.

«Барышня вздохнула и на меня пальчикомъ показала....

«— Она все плачетъ по своей мамѣ, она къ своей мамѣ хочетъ.

«— Да пусть себѣ хочетъ! Чего жь вамъ-то безпокоиться? Не хотите — не пустимъ, мой ангелъ, вы не безпокойтесь!

«— А плачетъ?

«— Мало чего нѣтъ! Да вы вѣдь не взяли себѣ въ забаву, вы ея госпожа, мое сокровище, — что съ ней захотите, то и сдѣлаете: плакать прикажете — плачь! прикажете веселиться — веселись!

«— А какъ она не станетъ?

«— Не станетъ? Да мы ее такъ проучимъ, что она у насъ шолковая будетъ!

«— Мнѣ жалко Игрушечку....

«— Вотъ то-то и есть, что вы все жалѣете! И проку изъ нея не будетъ. Вы не жалѣйте!

«— Жалко Игрушечку, твердитъ барышня, — жалко Игрушечку!

«— Говорю, перестаньте жалѣть, перестанетъ она и плакать, и всю ея блажь какъ рукой сниметъ.»

Такъ въ самомъ зародышѣ подавляются добрыя и справедливыя стремленія барышни. У ней есть не только доброта, по которой она жалѣетъ плачущую дѣвочку, но и зачатки уваженія къ человѣческимъ правамъ, и недовѣріе къ праву собственнаго произвола: когда ей говорятъ, что можно заставить Игрушечку дѣлать, что угодно, она возражаетъ: «а какъ она не станетъ?» Въ этомъ возраженіи уже

видно инстинктивное проявленіе сознанія о томъ, что каждый имѣетъ свою волю. Но всѣ эти зародыши тотчасъ же уничтожаются внушеніемъ ключницы и приживалки, а главное — самое положеніе барышни очень благопріятствуетъ заглушенію такихъ тенденцій. Между тѣмъ какъ Маша и ей подобные упорно идутъ дальше и дальше въ своихъ разсужденіяхъ и запросахъ, однажды проявившихся, Зиночка рада, напротивъ, усыпить все, что поднимается изъ глубины ея сознанія. Дѣло понятное: для Маши, кромѣ естественнаго влеченія, и самый интересъ жизни состоитъ въ томъ, чтобы добиться теоретическаго и практическаго торжества здравыхъ понятій: вѣдь искаженіе человѣческаго смысла и господство произвола обрушивается на нее стѣсненіями. Барышня находится совершенно въ обратномъ отношеніи къ вопросу. Производя въ ней сначала нѣкоторое замѣшательство и неловкость, какъ все, противное естественнымъ требованіямъ организма, принципъ произвола принимается ею однакоже довольно легко, и скоро проникаетъ въ ея существо. Онъ убиваетъ въ ней нравственную жизнь, онъ ядовитъ для нея, такъ же точно, какъ и для тѣхъ, которымъ приходится страдать отъ нея; но способъ его дѣйствія на нее и другихъ чрезвычайно различенъ: тѣхъ онъ отравляетъ, какъ обыкновенный ядъ, производящій мучительныя конвульсіи; на нее онъ дѣйствуетъ, какъ опіумъ, дающій ей плѣнительные призраки. Трудно отказаться отъ отравы хашиша тому, кто разъ допустилъ себя ею увлечься; еще труднѣе отказаться отъ произвола, приносящаго намъ, хотя тоже призрачныя, но весьма привлекательныя удобства. Основаніе уваженія къ чужимъ правамъ заключается, какъ мы говорили, прежде всего въ инстинктѣ самосохраненія, въ желаніи оградить неприкосновенность и своихъ собственныхъ правъ; а если постоянные примѣры показываютъ ребенку, что онъ можетъ нарушать чужія права безнаказанно, то гдѣ жь его слабой мысли найти достаточную опору противъ соблазна? Первоначальнымъ побужденіемъ къ труду служитъ также естественная необходимость упражнять свои силы, и охота трудиться должна находиться въ прямой пропорціи съ количествомъ силъ человѣка, которое опять зависитъ во многомъ отъ упражненія. Поэтому естественно, что пока силъ мало, то и охота къ труду слаба, и ежели никакихъ другихъ побужденій къ работѣ нѣтъ, то ребенокъ очень охотно привыкаетъ лѣниться, отчего силы его, оставаясь безъ упражненія, такъ и не получаютъ надлежащаго развитія. Это мы видимъ не только въ физическомъ, но и въ нравственномъ развитіи: при началѣ ученья дѣти очень неохотно принимаются за всякій урокъ, гдѣ имъ нужно много соображать и

добиваться толку; они предпочитают, чтобъ имъ все было растолковано и чтобъ съ ихъ стороны требовалось только пассивное восприятіе. Многіе родители и заботятся объ этомъ: цѣлую толпу учителей, гувернеровъ и репетиторовъ приглашаютъ, чтобъ разжевать и положить въ ротъ ихъ дѣтямъ всякое знаніе; за то такія дѣти и остаются на весь вѣкъ обезьянами, иногда очень учеными и вообще понятливыми, но неспособными возвыситься до самобытной человѣческой мысли.

И не одними матеріальными удобствами способствуетъ положеніе барышни искаженію ея мысли и чувства: неестественное само въ себѣ, положеніе это вызываетъ такіе факты, которые еще болѣе сбиваютъ ее съ толку. Возьмемъ для примѣра хоть продолженіе той же сцены Зиночки съ Игрушечкою.

Выслушавши совѣты Арины Ивановны, барышня приступаетъ къ дѣвочкѣ съ приказаніемъ, чтобъ та веселилась, при чемъ Арина Ивановна покатывается со смѣху.

«— Веселись, Игрушечка, приказываетъ барышня; — веселись и маму свою сейчасъ забудь. Слышишь, что я тебѣ приказываю? Ну, забыла свою маму?

«— Нѣтъ, говорю, — не забыла!

«Арина Ивановна ко мнѣ:

«— Да ты смѣешь ти такъ барышнѣ отвѣвать, а? что? Ахъ, ты, грубіянка! Велятъ тебѣ смѣяться — сейчасъ у меня смѣйся!

«*Смѣюсь я передъ ней, слезы свои горькія глотаючи.*

«— Ну, вотъ видите, мой ангелъ, она и смѣется, утѣшаетъ барышню Арина Ивановна. *А барышня глядитъ на меня такими-то пытливыми глазенками*....

«— Игрушечка, говоритъ: — какъ же ты и плачешь и смѣешься? *А я вотъ не стала бъ.*

«— И, голубчикъ, равняетесь съ кѣмъ! — ей на это Арина Ивановна. — Ей что прикажутъ, то она и можетъ.

«— Вотъ, Игрушечка, ты какая! проговорила барышня: — вотъ какая!...» (стр. 128).

Совѣты и увѣренія Арины Ивановны, какъ видите, подтверждаются фактами, которые производятъ на Зиночку непріятное, но неотразимое впечатлѣніе. Она *пробуетъ* себя и Игрушечку, приказывая ей веселиться, она еще все не довѣряетъ, чтобы подобныя истязанія надъ подобнымъ же ей человѣкомъ могли быть дѣйствительны. И что же? Бѣдный ребенокъ, запуганный и беззащитный, поддается: это озадачиваетъ и даже какъ будто огорчаетъ барышню: она чувствуетъ, что тутъ что-то неладно. «Я бы этого не сдѣлала», говоритъ она, переходя отсюда къ мысли, что и Игрушечка, какъ такой же

человѣкъ, не должна была бы этого дѣлать. Но тутъ сейчасъ готово объясненіе, что Игрушечка вовсе не «такой же человѣкъ», а холопка, которая «что ей прикажутъ, то и можетъ»... Фактъ на лицо: отчего же и не повѣрить такому объясненію, тѣмъ болѣе, что оно усыпляетъ инстинктивное безпокойство, поднимаетъ Зиночку на степень существа высшаго, по праву могущаго распоряжаться волею и личностью другихъ людей. Такимъ образомъ мысль о своемъ родствѣ со всѣми людьми, мысль о солидарности человѣческихъ отношеній быстро заглушается въ ней при самомъ зарожденіи. Остается только на первыхъ порахъ какое-то обидное сожалѣніе, какъ будто разочарованіе въ надеждахъ на друга: «вотъ, Игрушечка, ты какая!» восклицаетъ барышня въ первую минуту. Но потомъ и это проходитъ: она сама, уже безъ подстрекaній Арины Ивановны, начинаетъ впослѣдствіи стращать Игрушечку: «не скучай; ты знаешь, — я все съ тобой могу сдѣлать; я вѣдь тебя баловать не буду», и пр.

Такія сцены, повторяясь каждый день и каждый часъ, способны убить здравый смыслъ прежде, нежели онъ успѣетъ проявиться. Такъ и бываетъ со многими. Но Зиночка, какъ мы сказали, оставлена родителями на произволъ судьбы въ обществѣ Игрушечки, и никто, кромѣ Арины Ивановны, не внушаетъ ей барской теоріи. Это спасаетъ ея нравственныя силы и даетъ имъ возможность развиться хоть до степени пытливаго и упорнаго желанія и исканія, если не настоящей самодѣятельности. Нѣкоторые вопросы преслѣдуютъ ее очень серьёзно: ей все хочется знать, отчего и какъ. Она распрашиваетъ Игрушечку о ея прежней жизни, о деревенскихъ работахъ; та разсказываетъ. Послѣ этихъ разсказовъ,—говоритъ Игрушечка,—«случалось, что такъ меня обниметъ она крѣпко да и говоритъ мнѣ: Игрушечка, я бъ сама не донла, какъ все это дѣлается. Кто жь у васъ додумался, Игрушечка?—«Я не знаю, говорю ей,—кто додумался, а всѣ у насъ умѣютъ». — Можетъ, твоя мама, Игрушечка?—«Можетъ, говорю».—Тѣмъ, разумѣется, и ограничивались объясненія съ Игрушечкой, да это еще было лучше, что барышня могла слышать. Съ отцомъ и матерью дѣло ужь вовсе не шло на ладъ. Разъ, напр., Игрушечка расплакалась, услыхавши что продано ея родное село, и стало быть она ужь туда больше не вернется. Барышня потолковала съ ней, посмотрѣла на нее, да и задумалась. «Какъ, говоритъ, это все на свѣтѣ дѣлается!»—Да что? спрашиваетъ Игрушечка.—«Да какъ же, говоритъ Зиночка,—ты замѣчаешь ли, что когда одни плачутъ, другіе смѣются; одни говорятъ, одно, а другіе опять совсѣмъ другое. Вотъ ты плачешь, что Троєтино продали, а мама и папа всегда въ радости, когда деньги получаютъ». И вдругъ въ тревогѣ она бросается къ Игрушечкѣ: «да

нельзя развѣ, чтобъ всѣ веселы были? Нельзя, Игрушечка?»—Видно нельзя, говоритъ.—«Отчего жь?»—Да не бываетъ такъ, говоритъ та: — вотъ вѣдь и мы съ вами, все мы вмѣстѣ, а мысли у насъ разныя приходятъ.—«Да отчего жь такъ? Отчего?» На этомъ разговорѣ застаетъ дѣвочекъ Арина Ивановна и допрашиваетъ, о чемъ такъ горячо разсуждаютъ. Но барышня уже недовѣряетъ ей и не хочетъ сказывать; тогда Арина Ивановна напускается на Игрушечку, дѣлаетъ тревогу и докладываетъ господамъ, что Игрушечка барышню пугаетъ и въ слезы вводитъ. Тѣ приходятъ и начинаютъ допросъ. Эта сцена тоже очень характерна и показываетъ, какое участіе въ воспитаніи дочери принимаютъ добрые господа, не лишенные впрочемъ привычекъ образованнаго общества. Мать спрашиваетъ:

«— Зиночка, что такое было? О чемъ ты съ Игрушечкой говорила? Поди ближе и скажи мамѣ.

«— Говорили, что одни люди плачутъ, а другіе люди веселы....

«— Что, дружочекъ?

«Удивилась очень барыня, и баринъ во всѣ глаза глядитъ; а барыня опять:

«— Что одни люди смѣются, а другіе въ слезахъ.

«Барыня съ бариномъ переглянулись и оба на барышню посмотрѣли.

«— Ну, скажи, мама, заговорила барышня: — скажи мнѣ, отчего это такъ на свѣтѣ?

«Вскочила она къ барынѣ на колѣни, обнимаетъ и прижимается къ ней, и въ глаза ей глядитъ — ждетъ слова отъ нея завѣтнаго, а барыня ей въ отвѣтъ:

«— Умныя дѣти, мой дружочекъ, никогда не плачутъ.

«— А бываетъ же скучно, мама, и умнымъ, бываетъ чего-то больно будто и скучно....

«А барыня: «умныя дѣти, дружочекъ мой, всегда веселы».

«— Ахъ, Боже мой, какая ты мама! Ну, глупые скучаютъ, плачутъ — развѣ ужь тебѣ ихъ совсѣмъ и не жалко?

«— Глупыхъ дѣтей наказываютъ, Зиночка, — отозвался баринъ, взявши себя за подбородокъ, — и они сейчасъ умнѣютъ.

«— Да Зиночка у насъ умница, говоритъ барыня: — она никогда у насъ не скучаетъ, никогда не плачетъ. Это какой-то мужичокъ иногда приходитъ, подъ окномъ у нея плачетъ, а Зиночка умница.

«Поднялись и пошли себѣ. Выходя, говоритъ барыня Аринѣ Ивановнѣ:

«— Вы напугали меня, Арина Ивановна; — я думала — Богъ-знаетъ что такое, а вышло пустяки такіе, что даже и понять-то трудно.»

Тѣмъ и покончилась исторія; барышня только вздохнула тяжело, и слезы у нея къ глазамъ подступили...

Въ такихъ-то условіяхъ томится живая душа, жаждущая знанія, правды, порывающаяся разрѣшить себѣ загадку жизни. Когда она подросла немножко, ей и гувернантокъ выписывали: одна была тихая, добрая, но педантическая въ своемъ дѣлѣ и вовсе неумѣлая нѣмочка; она все дѣлала по пунктамъ и никакъ не хотѣла удовлетворить любознательности ученицы, любившей забѣгать и впередъ и въ сторону. Не сошлись онѣ, и видя, что дѣло нейдетъ на ладъ, нѣмочка сама просила, чтобъ ее отпустили. Пріѣхала на ея мѣсто вертлявая француженка; та принялаоь болтать и разсказывать, и сначала совершенно околдовала Зиночку и прибрала къ рукамъ весь домъ. Но и француженка не удовлетворила пытливую дѣвочку: ей надо было знать корень и причину всего, надо было серьёзно разобрать и понять каждую вещь, а у Матильды Яковлевны все было, разумѣется, легко, мило, поверхностно и пусто. Черезъ нѣсколько времени барышня сама это замѣтила, охладѣла къ француженкѣ, перестала ее и распрашивать, а все сама задумывалась. Арина Ивановна приписывала ея скуку тому, что мамзель ее ученьемъ замучила; но Зиночка отвѣчала печально: да я ничего не знаю и ничему не выучилась,—какъ же задумчива? И стала она все больше и больше задумываться, да и кончила тѣмъ, что на пятнадцатомъ году стала умомъ мѣшаться. Грустное и тихое было ея помѣшательство,—все она задумывалась да плакала, особенно когда видѣла чужія слезы. Игрушечка хотѣла утѣшать ее: полноте, говоритъ,—со всѣми плакать не станетъ васъ. «Игрушечка, отвѣчала помѣшанная:—когда плачетъ человѣкъ, ты знаешь ли, какъ ему больно? А я знаю! Я знаю, какъ больно!» Вскорѣ въ этомъ помѣшательствѣ она и умерла.

Мы нарочно остановились на нѣкоторыхъ чертахъ характера и развитія этой дѣвушки, чтобы яснѣе указать разницу условій, отъ которыхъ зависитъ направленіе мысли и воли — въ образованномъ обществѣ и въ простыхъ классахъ. Каждый согласится, что въ нашемъ воспитаніи, даже самомъ лучшемъ, очень мало серьёзности, мало пищи для пытливаго ума, гораздо больше ненужныхъ и непонятныхъ формальностей и отвлеченностей, нежели отвѣтовъ на живые вопросы о мірѣ и людяхъ, весьма рано возникающіе въ дѣтской душѣ. Слѣдовательно, всѣ мы, считающіе себя образованными, подвергались болѣе или менѣе той нравственной порчѣ и тому медленному умерщвленію силъ духа, которое рисуется намъ въ сценахъ Зиночки съ Ариной Ивановной и съ родителями. Къ этому прибавимъ еще, что внѣшнее положеніе нѣкоторыхъ людей въ такъ-называемомъ образованномъ обществѣ совершенно схожее съ положеніемъ Зиночки: нѣтъ надобности самому трудиться, есть возможность распоряжаться другими и употреблять ихъ для своихъ капризовъ. Все

это чрезвычайно деморализируетъ и разслабляетъ человѣка, и вотъ гдѣ истинная причина той общей вялости, мелочности и пустоты, на которую жалуются серьёзные люди въ нашемъ образованномъ обществѣ. Рѣшимся выговорить слово правды: цѣлыя поколѣнія жили и прожили, не сдѣлавъ ничего путнаго и показавъ только, что они негодны къ настоящему дѣлу, потому именно, что въ ихъ понятіяхъ и привычкахъ всегда бродила закваска крѣпостныхъ воззрѣній, и вся жизнь ихъ слагалась, съ самаго начала, подъ вліяніемъ крѣпостнаго устройства.

Послѣ смерти барышни еще продолжается грустная исторія Игрушечки, но мы уже не будемъ на ней останавливаться,—Игрушечка такъ и осталась до конца жизни игрушечкою судьбы и добрыхъ господъ своихъ. Хотѣла-было она хорошо, счастливо пристроиться: полюбился ей Андрей, барскій столяръ, и она ему понравилась. Да пришли они просить барскаго разрѣшенія на свадьбу въ то время, какъ господа послѣднюю свою вотчину, и Андрея съ Игрушечкою въ томъ числѣ, продали. Приходъ ихъ только напомнилъ барынѣ, что ей жалко разстаться съ Игрушечкой, и она принялась упрашивать новаго владѣльца, чтобъ онъ уступилъ ей эту дѣвушку. Тотъ согласился. Игрушечка заикнулась было, что любитъ Андрея, но барыня жалостливо возразила: «ахъ, ахъ, Игрушечка! Не стыдно ли тебѣ, и ты могла бы меня оставить? Ахъ, какъ же это можно! Боже мой! Все насъ покидаетъ!» И заплакала. Повели ее подъ руки въ карету, посадили; и Игрушечку втолкнули тоже, и помчались они.... Андрей только издали смотрѣлъ на это, блѣдный, какъ смерть. Новый баринъ его былъ очень крутъ, не какъ прежніе господа. Черезъ два мѣсяца Игрушечка узнала, что въ селѣ ихъ «несчастье случилось.... Шесть человѣкъ на поселенье пошло.... Андрей шестымъ»... (стр. 171). Такъ исчезла ея послѣдняя надежда на счастье, на возможность быть наконецъ чѣмъ-то побольше «игрушечки».

Въ Игрушечкѣ видимъ мы лицо совершенно пассивное: постоянно тоскливое, грустное расположеніе — вотъ ея единственный протестъ. И немудрено: вспомнимъ, что она оторвана отъ своихъ, выхвачена насильно изъ простой народной жизни и брошена въ среду, гдѣ ее держатъ для забавы, безпрестанно запугиваютъ и придавливаютъ. Простотѣ и свѣжести первыхъ лѣтъ жизни, первыхъ впечатлѣній дѣтства, надо еще приписать и то, что она въ этой обстановкѣ не сдѣлалась льстивой наушницею и смутьянкой.

Но въ самой покорности несчастныхъ, вынужденныхъ покориться поневолѣ, мы видимъ часто гораздо болѣе рѣшимости и энергіи, нежели въ суетливыхъ исканіяхъ и метаньяхъ изъ стороны въ сторону, въ которыхъ такъ часто изживаютъ у насъ цѣлый вѣкъ даже

очень хорошіе люди. Для дополненія параллели, которую мы проводили выше, мы укажемъ теперь на коротенькій разсказъ Марка Вовчка «Саша».

Исторія простая: Саша привезена изъ деревни въ горничныя къ барынѣ; барынинъ племянникъ соблазнилъ ее, да потомъ такъ привязался къ ней, что хотѣлъ на ней жениться. Какъ только онъ о женитьбѣ заикнулся, Сашѣ сейчасъ косы обрѣзали и заперли ее въ темную.... Онъ ходилъ, плакалъ, клянчилъ, бился, какъ рыба объ ледъ, наконецъ выпросилъ Сашѣ свободу, поклявшись, что не будетъ пытаться жениться на ней. И пошло все своимъ чередомъ, только Сашѣ такъ горько было, что все опостылѣло, и она вымолила у господъ позволеніе въ монастырь идти, гдѣ и умерла вскорѣ. А онъ— «и до сей поры ходитъ на ея могилу и все молится тамъ». Жениться не захотѣлъ; всегда ходитъ печальный такой: «нѣтъ, говоритъ, никто ужь меня не повеселитъ такъ, какъ моя Саша покойница! Богъ судья дяденькѣ и тетенькѣ!»...

Изъ остова разсказа уже видно отчасти, какая разница между этими двумя людьми. Но вотъ нѣсколько частныхъ чертъ, еще яснѣе рисующихъ оба характера.

Саша отдалась молодому человѣку вполнѣ, беззавѣтно; она исчезла въ немъ, заключила всѣ чувства и стремленія въ любви къ нему. Когда узнали объ ихъ любви, и стали надъ ней издѣваться, она говорила: «что жь, люди смѣются, пускай себѣ! Я люблю его, *я его!* Что жь мнѣ о себѣ думать-то? Думай онъ. Хорошо ему — весело, что смѣются — смѣйтесь; а обидно ему покажется — самъ онъ знаетъ, что сдѣлать. А я послушаюсь его слова, его приказу». Это разсужденіе какъ нельзя болѣе сообразно съ положеніемъ Саши и показываетъ въ ней очень умный взглядъ на свои отношенія къ молодому барину. Полюбивши ее и воспользовавшись ея расположеніемъ, онъ дѣлался естественно ея заступникомъ, покровителемъ, связывался съ нею единствомъ интересовъ, и онъ первый долженъ былъ бы понимать это, если бы былъ человѣкъ, здраво и честно развитый. Саша считала его такимъ и понимала за него то, до чего онъ еще не съумѣлъ возвыситься съ своимъ образованіемъ. Онъ былъ человѣкъ добрый и честный въ душѣ, хотя и легкомысленный; онъ очень полюбилъ Сашу, и самъ признавался ей: «я вѣдь тебя обмануть сбирался, Саша, обмануть хотѣлъ и потомъ бросить, — ты прости меня! Не бросилъ — силъ не было, потому что полюбилъ крѣпко». И онъ точно не бросилъ ее; до конца жизни любилъ, и по смерти любилъ. Но его воспитаніе и положеніе были таковы, что не давали ему никакой возможности серьёзно вникнуть въ свои обязанности и поступить такъ, какъ предписывало и требованіе честности

и даже его собственное сердце. Саша покорна своей судьбѣ; что же ей въ самомъ дѣлѣ предпринять можно въ ея положеніи? Она тутъ ни при чемъ; у ней нѣтъ ни силы, ни воли; *онъ* долженъ все устроить, и будь бы у него сердце и смыслъ Саши — онъ бы не призадумался надъ ничтожными препятствіями, представлявшимися ему, и не сталъ бы потомъ плакаться на дяденьку и тетеньку. Но въ томъ-то и дѣло, что *такой* смыслъ, *такой* характеръ не даются людямъ его положенія. Саша порабощена внѣшнимъ образомъ, и снимите съ нея этотъ гнетъ,—она способна подняться до какихъ угодно нравственныхъ и умственныхъ высотъ. А любимый ею юноша лишенъ внутренно всякой самостоятельности, всякой опоры въ себѣ самомъ, и порабощенъ всѣмъ существомъ своимъ забавнымъ ничтожностямъ, которыя такъ цѣнятся въ свѣтѣ. Онъ жалуется, что отецъ съ дѣтства забилъ и запугалъ его; но отецъ отцомъ, а главное-то все-таки въ томъ, что ему не хочется потерять нѣкоторыхъ преимуществъ своего положенія, хотя и ничтожныхъ, но уже привычныхъ ему и льстящихъ его тщеславію. Онъ настолько образованъ, что понимаетъ отчасти ихъ ничтожность, но понимаетъ лишь теоретически, холоднымъ соображеніемъ, безъ участія сердца. Оттого-то онъ и для борьбы не находитъ въ себѣ силъ, да и покориться-то не можетъ съ достоинствомъ и твердостью. Вотъ, напримѣръ, разговоръ его съ Сашей: «скажи, Саша, скажи, что дѣлать? — спрашиваетъ онъ ее въ тоскѣ. — Мучусь я, и голова кругомъ идетъ.... Охъ, Саша, если бъ можно мнѣ было жениться на тебѣ!» — «*Женись*»,—говоритъ Саша очень просто, понимая, что тутъ никакой невозможности нѣтъ. — «А люди-то что скажутъ? возражаетъ онъ. — Подумай-ко, Саша, какъ люди-то напустятся, — дядя, жена его злая еще пуще, — всѣ, всѣ родные! Заклюютъ они насъ, Саша! Умеръ бы я теперь съ радостью». И заплакалъ. А Саша опять говоритъ ему простой отвѣтъ: «*ну, умремъ, коли хочешь*». Она на все готова; по ней, если съ нимъ нельзя жить, то и умереть ни по чемъ.... Но онъ поплакалъ, поплакалъ, и рѣшилъ: «нѣтъ, говоритъ,—*грѣхъ* умереть отъ своей руки; лучше я женюсь на тебѣ, Саша, — *будь что будетъ*». И храбро прибавляетъ: «что мнѣ они? чего мнѣ ихъ бояться?»... И точно, ему отъ нихъ даже наслѣдства получать не приходится; а между тѣмъ онъ выговариваетъ свое рѣшеніе, точно геройскій подвигъ совершаетъ, и придаетъ ему несравненно больше значенія, чѣмъ Саша своей готовности умереть, высказанной ею совершенно искренно и съ прямою рѣшимостью исполнить ее на дѣлѣ. И чѣмъ же разрѣшается его геройство? тѣмъ, что онъ проситъ у тетеньки съ дяденькой позволенія жениться на Сашѣ, съ приговоромъ, что вѣдь «всѣ мы равны передъ Богомъ, тетень-

ка», а потомъ слезливо смотритъ, какъ барыня тутъ же, при немъ, его возлюбленной косы обрѣзываетъ.... Тутъ и поняла его Саша, и когда онъ потомъ пришелъ къ ней въ ея чуланчикъ, она «не обрадовалась и не опечалилась при видѣ его, а такъ, будто скучнѣе ей стало». Въ другой разъ собрался онъ какъ-то къ тетенькѣ съ требованіемъ, и такъ бодро пошелъ; подруга Саши и обрадовалась и испугалась, а Саша говоритъ ей: — «ахъ, милая, сядь да утѣшься: не изъ тучи громъ.... Пошелъ онъ къ господамъ, — и храбръ онъ, пока идетъ; а лицомъ къ лицу станетъ, руки у него опустятся — оробѣетъ. Я знаю его; повѣрь моему слову». И точно, такъ и вышло: храбрость героя нашего кончилась тѣмъ, что онъ обѣщалъ теткѣ оставить мысль о женитьбѣ на Сашѣ.... За то Сашѣ свободу дали; подруга ея опять стала выражать надежду, что «можетъ послѣ».... Но Саша уже совершенно осмотрѣлась въ своемъ положеніи и поняла его во всѣхъ частяхъ. Вотъ что она отвѣчаетъ: «попусту не надѣйся; онъ пугливъ больно. Не всякую вѣдь любовь въ люди показать хочется, милая! Какъ не цвѣтно наряжена, не красно убрана, то дома, въ уголкѣ подъ лавку хоронятъ: «сиди, любовь, утѣшай меня, а въ люди не выходи; осудятъ люди и хозяина пристыдятъ». И на возраженіе подруги, что «онъ вѣдь любитъ ее», она прибавляетъ: «ахъ, себя-то самого еще больше любитъ, скажу тебѣ». Въ другой разъ, когда подруга совѣтуетъ ей: «да прямо скажи ему, научи его», — Саша отвѣчаетъ: «на цѣлый вѣкъ не научишь, голубушка. Эта грамотка не дается ученьемъ». И такимъ образомъ понявши, что ей нечего ждать и надѣяться, Саша точно не долго ждала: пошла въ монастырь, да и тамъ немного пожила: исчезло то, что ее привязывало къ жизни, исчезли и ея жизненныя силы.... А *онъ* ничего — живетъ, и все къ ней на могилку ходитъ....

Подобное же явленіе, но нѣсколько съ другой развязкой съ мужской стороны, раскрывается передъ нами въ разсказѣ «Надёжа». Вникнувши въ этотъ разсказъ, мы еще яснѣе понимаемъ ту разницу, которая отличаетъ чувства и поступки простаго человѣка отъ чувствъ и поступковъ людей, подавленныхъ неестественнымъ своимъ воспитаніемъ и положеніемъ. Общее разслабленіе, болѣзненность, неспособность къ сосредоточенной и глубокой страсти характеризуютъ если не всѣхъ, то большинство нашихъ «цивилизованныхъ» собратій. Оттого-то они и мечутся безпрестанно то туда, то сюда, сами не зная, чего имъ нужно и чего имъ жалко. Желаютъ они — такъ, что жить безъ того не могутъ, и все-таки ничего не дѣлаютъ для осуществленія своихъ желаній; страдаютъ они — такъ, что умереть лучше, — а живутъ себѣ, ничего, только меланхолическій видъ принимаютъ. Не то у простаго человѣка: онъ или негли-

жируетъ, вниманія не обращаетъ на предметъ, и ужь не тоскуетъ о своихъ желаніяхъ; или ужь, если привяжется, если рѣшится, то привяжется и рѣшится энергически, сосредоточенно, неотступно. Страсть его глубока и упорна, и препятствія не страшатъ его, когда ихъ нужно одолѣть для достиженія страстно-желаннаго и глубоко задуманнаго. Если же нельзя достигнуть, простой человѣкъ не останется, сложа руки: по малой мѣрѣ, онъ измѣнитъ все свое положеніе, весь образъ своей жизни, убѣжитъ, въ солдаты наймется, въ монастырь пойдетъ; часто онъ просто, естественнымъ образомъ не переживаетъ неудачи въ достиженіи цѣли, которая уже проникла все существо его и сдѣлалась ему необходима для жизни; если же физическое сложеніе его слишкомъ крѣпко и можетъ вынести больше, нежели сколько нужно для крайняго раздраженія нервъ и фантазіи, — онъ не церемонится покончить съ собою насильственнымъ образомъ. И это тоже служитъ для насъ свидѣтельствомъ, какъ для простаго, здороваго человѣка, разъ почувствовавшаго свою личность, — несносна жизнь безплодная, безполезная, автоматическая, безъ смысла и правды, жизнь, подобная той, какую проводятъ, напр., Игрушечкины господа и многіе другіе въ томъ же родѣ.

Въ «Надёжѣ» мы видимъ дѣвушку, полюбившую крестьянскаго парня и ожидающую, что онъ на ней посватается. Тутъ тоже положеніе: надъ ней смѣются, ей колютъ глаза ея женихомъ, потому что завидуютъ ей дѣвушки — женихъ ея Иванъ лучше всѣхъ парней на селѣ, — она сноситъ все и ждетъ, пока онъ порѣшитъ дѣло. А онъ поѣхалъ въ другое село, тамъ у него пріятель завелся, фабричный, — подпоили тамъ его, сосватали, да и женили на роднѣ этого фабричнаго. Воротился онъ къ себѣ въ село и очнулся, увидѣлъ, что̀ надѣлалъ, да ужь поздно было. Тутъ начинаются страданія бѣдной Надёжи, которую на смѣхъ подымаютъ многіе, а пуще всѣхъ жена Ивана, баба бойкая и безстыжая. Горько Надёжѣ: и любовь ея была сильна, такъ что ей тошно жить безъ милаго, да и натура у ней нѣжная, деликатная, что называется, — такъ что попреки и насмѣшки глубоко язвятъ ее и заставляютъ тяжко страдать. Ивану тоже не легко: онъ горячо любилъ Надёжу, да и совѣсть его неспокойна, — чувствуетъ онъ, что виноватъ передъ бѣдной дѣвушкой, что загубилъ ея вѣкъ. Оба страдаютъ, но страдаютъ внутренно, сосредоточенно, молча: ни она никому не пожаловалась; ни онъ никому слова не сказалъ, и между собой они ничего не говорили, да и видѣлись только издали. Разъ онъ хотѣлъ остановить ее и высказать свое горе, но она отъ него убѣжала; онъ издалека слѣдилъ за ней, а самъ изсохъ, пожелтѣлъ, измѣнился весь. Наконецъ не выдер-

жалъ онъ, зашелъ разъ въ избу къ Надёжиной теткѣ, горько заплакалъ передъ Надёжей, а она только и могла сказать ему: «ты забудь, что я на свѣтѣ живу, не томи, не мучь меня, желанный!...» Тутъ вломилась вдругъ въ избу жена Ивана, слѣдившая за мужемъ, началась горячая перебранка; Надёжа бросилась вонъ изъ избы.... Вечеръ былъ холодный, дождливый; она, сама не своя, простояла, прижавшись у плетня, пока тетка выпроводила ссорившихся и отыскала ее. Этого вечера было довольно, чтобы окончательно ее сгубить. Слегла она въ этотъ же вечеръ и больше не встала. Иванъ, какъ безумный, ходилъ это время; передъ смертью Надёжи, когда она ужь лежала безъ памяти, прибѣжалъ онъ къ ней, посмотрѣлъ, поплакалъ, да потомъ и самъ слегъ. «Въ четвергъ схоронили Надёжу, а въ среду на другой недѣлѣ и Ивана на погостъ отнесли»....

Разсказъ этотъ болѣе, нежели какой нибудь другой изъ разсказовъ Марка Вовчка, можно заподозрить въ идеализаціи: мы такъ привыкли смотрѣть на крестьянина, какъ на существо грубое, недоступное *тонкимъ* ощущеніямъ любви, нѣжности, совѣстливости, и т. п. Но едва ли мы можемъ вполнѣ довѣрять нашимъ наблюденіямъ на этотъ счетъ: чувства простолюдина немногорѣчивы вообще, а мы такъ привыкли къ краснорѣчію, что легко можемъ не замѣтить самаго сильнаго чувства, если оно не украшено реторикой. Притомъ же, простолюдинъ передъ нами постарается затаить даже и то немногое, что передъ своимъ братомъ онъ бы и могъ высказать. Судить намъ о нѣжныхъ чувствахъ крестьянъ по ихъ поведенію передъ нами — будетъ столько же основательно, какъ судить о кротости и сострадательности воиновъ по ихъ дѣйствіямъ во время сраженія. Мы должны признать справедливость наблюденія, — давно впрочемъ сдѣлавшагося общимъ мѣстомъ, — что сюртукъ не внушаетъ особеннаго довѣрія крестьянамъ.

Не сколько можно судить по нѣкоторымъ частнымъ случаямъ, и по отрицательнымъ признакамъ, — мы готовы утверждать, что такого рода нѣжныя, деликатныя натуры существуютъ и въ простомъ классѣ, по крайней мѣрѣ въ той же мѣрѣ, какъ въ другихъ сословіяхъ. Надо замѣтить, что подобныя натуры вообще встрѣчаются рѣже, чѣмъ намъ кажется. Мы часто восхищаемся нѣжною прелестью дѣвицы, плачущей о смерти собачки, и приходящей въ восторгъ отъ искусства какого нибудь художника въ родѣ павловскаго Штраусса. Но вѣдь не въ этомъ состоитъ истинная нѣжность и деликатность души. Не въ безплодныхъ сожалѣніяхъ и восторгахъ надо искать ее, а въ дѣйствительной чуткости души къ страданіямъ и радостямъ другихъ. Прежде чѣмъ разсудокъ успѣетъ опредѣлить образъ поведенія, требуемый въ извѣстномъ случаѣ, человѣкъ дели-

катный, по первому внушенію сердца, уже старается расположить свои дѣйствія такъ, чтобы они принесли какъ можно болѣе добра и удовольствія для другихъ, или по крайней мѣрѣ, чтобы никому не причинили непріятностей. Сущность деликатнаго характера состоитъ въ томъ, что ему въ тысячу разъ легче самому перенести какое нибудь неудобство, даже несчастіе, нежели заставлять другихъ переносить его. Если онъ потеряетъ вашу вещь, онъ продастъ послѣднее, останется безъ гроша самъ, но, во что бы то ни стало, постарается вознаградить васъ за потерю. Если онъ далъ вамъ денегъ взаймы и видитъ, что вы нуждаетесь, онъ самъ будетъ переносить нужду, но не спроситъ своего долга. Если онъ самъ занялъ, онъ не успокоится, пока не расквитается съ вами. Главная его мысль, главная забота — о томъ, чтобы не стѣснить кого нибудь, не быть кому нибудь въ тягость. И точно, можетъ быть такой человѣкъ не доставитъ вамъ особеннаго удовольствія (и даже навѣрное не доставитъ, если вы его къ тому не вызовете), но за то и никакой непріятности онъ вамъ не сдѣлаетъ. Онъ постоянно и чутко смотритъ, не помѣшалъ ли онъ вамъ, не скучно ли вамъ съ нимъ, не стѣсняетесь ли вы его присутствіемъ или обращеніемъ съ вами, и т. п. Въ нормальномъ своемъ положеніи, то есть въ соединеніи съ энергіей характера и съ правильно развитымъ сознаніемъ своего достоинства, такая деликатность составляетъ одно изъ высшихъ достоинствъ человѣка. Въ ней соединяются тогда и честность, и справедливость, и дѣятельное участіе въ судьбѣ ближняго.... Но вслѣдствіе ложнаго направленія воспитанія, врожденная деликатность нѣжныхъ натуръ большею частію принимаетъ неправильное развитіе. Извѣстно, что у насъ въ воспитаніи господствуетъ начало авторитета, способное убить дѣятельную силу въ самыхъ энергическихъ и гордыхъ натурахъ. Но если тѣ еще способны къ борьбѣ и нерѣдко выбиваются изъ-подъ нравственнаго гнета, налагаемаго на нихъ, то натуры нѣжныя и тонкія всегда склоняются подъ этимъ гнетомъ, и очень рѣдко въ состояніи бываютъ подняться. Онѣ обыкновенно бываютъ богато одарены отъ природы: чуткая воспріимчивость очень рано обогащаетъ ихъ множествомъ разнообразныхъ наблюденій и такимъ образомъ облегчаетъ имъ широкое развитіе разсудка и воображенія и даетъ пищу для сердечныхъ стремленій. Но ничего нѣтъ легче, какъ *забить* такія натуры: для нихъ упрекъ хуже, чѣмъ строгое наказаніе для другаго, насмѣшка тяжеле, чѣмъ для другаго брань; неудачная и строго осужденная попытка повергаетъ ихъ въ уныніе и заставляетъ опустить руки. Имъ можно съ дѣтства натвердить, что они глупы, — и они не станутъ разсуждать при другихъ. И не то, чтобъ они повѣрили въ свою глупость, нѣтъ, они убѣждены въ глубинѣ души, что они

умнѣе многихъ, даже, можетъ быть, всѣхъ окружающихъ, но природная деликатность не позволяетъ имъ высказывать при другихъ сужденій, которыя могутъ показаться и кажутся глупыми. «Что же за охота людямъ слушать то, что имъ представляется глупымъ», думаютъ они, и хранятъ свои мысли при себѣ. Позже, вышедши на практическую дѣятельность, волей-неволей показавши себя, попавши въ другой кругъ, въ которомъ замѣчаютъ уже не пренебреженіе, а уваженіе къ себѣ, они все-таки не могутъ освободиться изъ-подъ вліянія прежнихъ впечатлѣній и остаются молчаливы, скромны и переносливы гораздо болѣе, чѣмъ бы имъ слѣдовало. Разсудокъ заставляетъ ихъ знать себѣ цѣну, но онъ рѣдко бываетъ въ силахъ побѣдить ихъ закоренѣлое недовѣріе къ себѣ, во многихъ случаяхъ превращающееся въ чистое малодушіе. У нихъ нѣтъ предпріимчивости, потому что они постоянно опасаются взяться за что нибудь выше своихъ силъ; они сторонятся отъ управленія всякимъ дѣломъ, боясь, чтобы своимъ вліяніемъ не стѣснить другихъ; они не хотятъ даже правильно оцѣнить результатовъ своей дѣятельности, изъ опасенія поставить себя слишкомъ высоко и заслонить чью нибудь чужую заслугу. Такимъ образомъ они постоянно въ борьбѣ и противорѣчіи съ собственнымъ разсудкомъ, вѣчно недовольны собой, вѣчно страдаютъ отъ самоосужденія, и нерѣдко дѣйствительно отказываются отъ роли, въ которой могли бы быть полезнѣе всякаго другаго. Нужно уже слишкомъ сильно возбудить въ нихъ страсть къ чему нибудь, чтобы вызвать ихъ на энергическую, рискованную дѣятельность, въ которой нужно доставлять не только удовольствія, но и непріятности другимъ, и идти наперекоръ многому. И надо прибавить однако, что и самая страстность у подобныхъ людей принимаетъ обыкновенно оттѣнокъ нѣкоторой робости: далекая отъ порывистости, страсть имѣетъ у нихъ хроническій, продолжительный, но тихій, сдержанный характеръ. Для дѣла это бываетъ даже хорошо, но для нихъ и тутъ мало радости: они все боятся компрометировать и себя и свое дѣло и сдѣлаться смѣшными, сожалѣютъ о недостаткѣ энергіи въ себѣ, сокрушаются о своей апатичности, и т. п. Спокойное разсужденіе доказываетъ имъ, что у нихъ и энергія есть, и страстности достаточно, и что апатія далека отъ нихъ; но — спокойный разсудокъ гораздо менѣе имѣетъ на нихъ вліянія, нежели они сами думаютъ. Недовѣріе къ себѣ, проникшее въ ихъ натуру, заставляетъ ихъ недовѣрять и разсудку, а чуткая, болѣзненная воспріимчивость беретъ свое.

Такимъ образомъ неблагопріятныя обстоятельства могутъ весьма несчастно направить врожденную нѣжность и деликатность души: они могутъ лишить ее энергіи и привести къ отчаянію въ самомъ

себѣ. Обратимся же теперь къ крестьянскому міру: кто не согласится, что тамъ развѣ въ видѣ рѣдкаго исключенія могутъ встрѣтиться обстоятельства, которыя бы дѣлали правильное и полное развитіе нѣжной, доброй натуры. Напротивъ, вся обстановка жизни тамъ ведетъ къ тому, чтобы натура твердая огрубѣла и ожесточилась, а слабая, нѣжная — запугалась, сжалась и пропала въ покорномъ отчаяніи. Такъ зачастую и бываетъ, и вотъ гдѣ, намъ кажется, можно найти объясненіе двухъ противоположныхъ мнѣній о русскомъ народѣ, одного — что онъ звѣрь дикій, а другаго — что онъ существо безгласное. И къ тому и къ другому можетъ приближаться не одинъ русскій мужикъ, а всякій человѣкъ, какого бы то ни было сословія и народа. Полной гармоніи чувствъ, такъ называемыхъ въ психологіи—симпатическихъ и эгоистическихъ, т. е. полнаго и неразрывнаго сліянія самопожертвованія съ самосохраненіемъ мы еще не достигли въ человѣческихъ обществахъ. Поэтому вездѣ встрѣчаются два разряда натуръ—однѣ съ преобладаніемъ эгоизма, стремящагося наложить свое вліяніе на другихъ, а другія съ избыткомъ преданности, побуждающимъ отрекаться отъ своихъ интересовъ въ пользу другихъ. При несчастномъ развитіи, натуры перваго рода дѣлаются враждебными всему, что *не мы*, забываютъ всѣ права и становятся способными ко всевозможнымъ насиліямъ; а натуры послѣдняго разряда теряютъ всякое уваженіе къ своему человѣческому достоинству и допускаютъ другихъ помыкать собою.... Къ несчастію, надо признаться, что обѣ крайности въ крестьянскомъ нашемъ сословіи выказываются несравненно ярче, нежели въ другихъ классахъ общества. Но обратилось ли это въ природу простолюдина? Точно ли можно вѣрить, что привычка возить кого нибудь на своихъ плечахъ и быть погоняемымъ — сдѣлалась второю натурою мужика? И точно ли надо, съ другой стороны, серьёзно опасаться, что мужики начнутъ буйствовать, какъ только ихъ предоставятъ самимъ себѣ? Мы не думаемъ, именно потому, что, при всѣхъ искаженіяхъ крестьянскаго развитія, мы видимъ въ народныхъ массахъ немного иного того, что мы назвали «деликатностью». Звѣрства человѣкъ не станетъ показывать, если его къ тому не вынудятъ, — это ужъ всякому понятно: иначе ужъ перестали вѣрить даже и въ то, что змѣя стремится непремѣнно ужалить человѣка безъ всякой причины, просто по ненависти къ человѣческому роду; тѣмъ менѣе вѣрить въ существованіе подобныхъ антипатически-звѣрскихъ натуръ между людьми.

Но и въ теперешнемъ состояніи крестьянскаго быта и мысли мы видимъ слѣды живаго, хорошаго направленія этой деликатности. Сюда причисляемъ мы прежде всего сознаніе, о которомъ мы говорили выше, и которое въ простомъ классѣ несравненно развитѣе, нежели

въ другихъ сословіяхъ, — сознаніе, что надо жить своимъ трудомъ и не дармоѣдствовать. Извѣстно, что «міроѣдъ» на всей Руси составляетъ одно изъ самыхъ позорныхъ названій, а этимъ именемъ величаютъ не только какого нибудь старосту, земскаго или сотскаго, но и всякаго мужика, разжирѣвшаго на мірской счетъ. Въ крестьянскомъ сословіи почти невообразимъ тотъ разрядъ людей, къ которому принадлежитъ такое множество прекрасныхъ, образованныхъ, молодыхъ и старыхъ господъ въ большихъ городахъ, — господъ, многіе годы очень недурно проживающихъ «на шаромыжку», безъ всякихъ опредѣленныхъ средствъ и съ вѣчными, тоже неопредѣленными, долгами. Между крестьянами сохраняется обыкновенно очень вѣрный и умный взглядъ на людей, вышедшихъ изъ среды ихъ и нажившихъ себѣ большое состояніе разными темными путями. Намъ самимъ случалось говорить съ мужиками, помнившими карьеру нѣкоторыхъ извѣстныхъ богачей, вышедшихъ изъ простонародья: не только преклоненія передъ богатствомъ, такъ обыкновеннаго между нашими просвѣщенными и «учеными» людьми, мы не замѣтили здѣсь, но даже встрѣтили очень суровое сужденіе о средствахъ необычайнаго обогащенія милліонеровъ, о которыхъ шла рѣчь. Изъ словъ крестьянина видно было, что онъ очень хорошо понимаетъ эти средства, но что душа его отвращается отъ нихъ и что ежели бы ему даже представился случай ими воспользоваться, то онъ не рѣшился бы. Говорятъ, наши мужики лукавы и при случаѣ надуютъ васъ самымъ мошенническимъ образомъ, чтобы зашибить себѣ лишнюю копѣйку. Да, бываетъ и это, хотя не такъ часто, какъ разсказываютъ, и притомъ болѣе въ городахъ и придорожныхъ или торговыхъ селахъ. Но надо замѣтить, во-первыхъ, что нужда чего не заставитъ дѣлать? а во-вторыхъ, что обманъ и надувательство крестьяне позволяютъ себѣ по большей части относительно другихъ классовъ общества, съ которыми они не только не чувствуютъ родства и солидарности, но даже напротивъ — находятъ себя въ правѣ быть недовѣрчивыми и враждебными. Съ своимъ же братомъ, въ своемъ обществѣ они, по общимъ отзывамъ, бываютъ очень честны. И это неудивительно: съ одной стороны — надобность трудиться для своего обезпеченія понимается простыми людьми гораздо живѣе и осуществляется легче, нежели въ высшихъ классахъ общества, которыхъ члены надѣляются достаточнымъ запасомъ матеріальныхъ удобствъ еще прежде своего рожденія; объ этомъ мы говорили много, разбирая разсказъ «Маша». Съ другой стороны, уваженіе къ личности и правамъ другихъ и вслѣдствіе того внимательность къ общему мнѣнію также очень сильнѣе въ людяхъ простыхъ. Какимъ образомъ въ людяхъ

высшего разряда развивается пренебреженіе къ чужимъ правамъ и на мѣсто всякаго закона ставится вздорный, самолюбивый произволъ, это мы видѣли въ воспитаніи барышни, описанной намъ «Игрушечкою». Что дѣлается у нихъ изъ общественнаго мнѣнія, показываетъ намъ баринъ, отказывающійся жениться на Сашѣ, изъ опасенія, — что скажутъ?»... Основаніе этого опасенія, конечно, можетъ быть выведено изъ добраго источника — уваженія къ общественному мнѣнію; присутствіе того же начала мы видимъ напримѣръ и въ «Надёжѣ». Но всматриваясь ближе въ тотъ и другой случай, мы находимъ между ними большую разницу. Скажемъ здѣсь нѣсколько словъ, чтобы еще дополнить сдѣланную уже нами прежде параллель между простолюдинами и людьми «образованными», въ нашемъ обществѣ.

Наше общество, какъ извѣстно, не имѣетъ себѣ подобнаго въ безразличности, съ которою оно смотритъ на общественную мораль. Люди, завѣдомо негодные, уличенные, осужденные, принимаются у насъ въ обществѣ, какъ будто бы за ними ничего дурнаго съ роду не бывало. Являясь въ домъ къ человѣку, извѣстному своей честностью, вы никакъ не можете быть по этому увѣрены, что не встрѣтитесь у него съ людьми очень и очень нечистыми. Въ другихъ земляхъ, даже не пользующихся особенной славою гражданскаго героизма, бывали примѣры, что люди, уличенные напримѣръ въ казнокрадствѣ, видѣли вдругъ, что съ ними вмѣстѣ никто обѣдать не хочетъ, а другіе, при одномъ подозрѣніи ихъ въ такомъ же дѣлѣ, приходили въ такое волненіе, что лишали себя жизни. У насъ нѣтъ надобности въ такой крутой мѣрѣ: общественное сознаніе нейдетъ дальше сплетенъ. На какомъ вамъ угодно балу или вечерѣ, за званнымъ обѣдомъ, въ какомъ хотите собраніи, гдѣ довольно много публики, разговоритесь съ первымъ попавшимся на глаза болтуномъ о другихъ господахъ, которые будутъ подвертываться вамъ на глаза: Боже мой, сколько грязныхъ исторій, безобразныхъ сценъ передадутъ вамъ чуть не о половинѣ присутствующихъ!... Этотъ вышелъ въ люди наушничествомъ, тотъ залѣзъ въ казенный сундукъ, тотъ находится на содержаніи у такой-то старухи, черезъ которую и сдѣлалъ карьеру; одинъ занимался контрабандой, третій — обиралъ крестьянъ, четвертый отъявленный взяточникъ, пятый шулеръ.... Болтунъ вамъ, можетъ быть, и прибавитъ и переврётъ многое; но замѣчательно, что все собравшееся общество не разъ уже слышало подобныхъ болтуновъ, знаетъ все, что говорятъ о каждомъ изъ присутствующихъ, и нимало не заботится даже о томъ, чтобы хоть удостовѣриться въ справедливости или ложности слуховъ. «Говорятъ, что онъ наворовалъ

все, что теперь имѣетъ, да и точно, откуда бы вдругъ взяться безъ того его богатству? Но, впрочемъ, что намъ за дѣло? Обѣды у него хорошіе; князь такой-то и генералъ такой-то къ нему ходятъ, и по службѣ онъ хорошо идетъ; стало быть и намъ не-стать передъ нимъ спесивиться». Такъ нерѣдко разсуждаютъ у насъ — и жмутъ руку негодяю, котораго въ душѣ готовы презирать. Мы не хотимъ пускаться здѣсь въ разборъ причинъ такого состоянія общества, предоставляя себѣ разсмотрѣть это при другомъ случаѣ. Здѣсь же отмѣтимъ только фактъ, что общественный судъ о нравственномъ достоинствѣ людей если и существуетъ у насъ, то лишь въ видѣ сплетенъ и разговоровъ, ничего не значущихъ для практики; вся же строгость общественнаго мнѣнія обращена на принятыя формы и приличія. Несоблюденіе ихъ карается безпощадно; съ людьми «неприличными» не знакомятся; людей, не умѣющихъ держать себя, не пускаютъ въ порядочное общество, — развѣ если они ужь очень богаты... Такимъ образомъ забота о всякаго рода щепетильностяхъ наполняетъ всю нашу жизнь, опредѣляетъ всѣ наши дѣйствія, отъ повязки галстуха и часа обѣда, отъ подбора мягкихъ словъ въ разговорѣ и ловкаго поклона — до выбора себѣ рода занятій, предмета дружбы и любви, развитія въ себѣ тѣхъ или другихъ вкусовъ и наклонностей. Не сущность дѣла, а лишь принятая и условленная форма обращаютъ на себя общее вниманіе. А чѣмъ условливается принятая форма, по чему судятъ о ея достоинствѣ? Неприлично быть актеромъ—не потому что это пустое занятіе, а потому, что актеръ, видите ли, наемникъ, за деньги выдѣлывающій всякія штуки передъ публикой, т. е. человѣкъ, все-таки хоть какимъ нибудь трудомъ достающій себѣ хлѣбъ. Это ужь не годится: порядочный человѣкъ долженъ не нуждаться въ трудѣ для поддержки своего существованія: онъ долженъ быть бѣлоручкою, а трудъ — это плебейское дѣло.... Нельзя жениться на простой дѣвушкѣ—не потому, чтобы она не могла удовлетворить стремленіямъ образованнаго человѣка и понять его интереса, а просто потому, что она нашихъ пріемовъ не знаетъ, и манерами и разговоромъ будетъ насъ компрометировать. Вотъ къ чему сводится вся боязнь барина, который не смѣетъ жениться на Сашѣ, хотя онъ любитъ ее, находитъ въ ней полное удовлетвореніе и не можетъ не видѣть, что она умнѣе и чище и его самого, и можетъ быть всѣхъ его родныхъ, которыхъ мнѣнія онъ боится...

Не тотъ характеръ имѣетъ страхъ общественнаго суда въ простомъ быту. Есть, правда, и тамъ свои привычки, которыя всѣмъ слѣдуетъ соблюдать; но и несоблюденіе ихъ не возстановляетъ всего общества противъ виновнаго. Молодой парень можетъ, напр., брить себѣ бороду, нуждающійся бѣднякъ можетъ въ воскресенье, вмѣсто

храма Божія, отправиться работать на свою полосу,—это не вызоветъ преслѣдованій со стороны односельцевъ. За то дѣйствительные нравственные грѣхи судятся очень строго, и если общее мнѣніе не имѣетъ часто серьёзныхъ практическихъ послѣдствій, такъ это отъ невозможности привести въ дѣйствіе общее желаніе. При въѣздѣ въ деревню, вашъ ямщикъ встрѣчается съ мужичонкомъ, котораго онъ не преминетъ обругать и которому вслѣдъ пошлетъ еще нѣсколько не добрыхъ словъ, называя его, между прочимъ, Ванькою-воромъ. Вы спрашиваете, что это значитъ, и ямщикъ объясняетъ вамъ похожденія Ваньки, изъ которыхъ видно, что онъ дѣйствительно воръ всесвѣтный и отъявленный. «Такъ зачѣмъ же вы его у себя держите и даете ему шляться на волѣ?» — «Да что же намъ съ нимъ дѣлать-то? возражаетъ крестьянинъ. — Въ солдаты сдать его хотѣли — не годится дескать, не приняли.... Колотили сколько разъ — нейметсся.... Чтожь тутъ будешь дѣлать? Вѣдь не судиться же съ нимъ.» — А отчего жь бы и не судиться? — «Э!» съ досадой крикнетъ ямщикъ въ отвѣтъ, и только рукой махнетъ, не желая словъ тратить. Немудрено, что и въ крестьянскомъ быту общее мнѣніе часто бываетъ нелѣпо, иногда нечестно по неискренности, иногда совсѣмъ скрыто по малодушію. Противъ всего этого мы не думаемъ спорить; мы даже готовы прибавить, что во всѣхъ случаяхъ, гдѣ нужно собирать голоса и по нимъ узнавать общее мнѣніе, въ крестьянскомъ сословіи, вслѣдствіе его непривычки вести собственныя дѣла по своему собственному желанію, оказывается гораздо больше безтолковщины, чѣмъ гдѣ либо. Но мы утверждаемъ одно: что тамъ болѣе внимательности къ достоинству человѣка, менѣе безразличія къ тому, каковъ мой сосѣдъ и какимъ я кажусь моему сосѣду. Забота о *доброй славѣ* тамъ встрѣчается чаще, чѣмъ въ другихъ сословіяхъ, и въ видѣ болѣе нормальномъ. Эта чуткость народа къ общественному мнѣнію служитъ однимъ изъ доказательствъ способности его къ высокому развитію.

Мы отдалились отъ разсказа о «Надёжѣ», по поводу котораго заговорили о деликатности, объ уваженіи къ личности другаго и о доброй славѣ, какъ выраженіи того, довольны или недовольны нами наши ближніе. Но мы опять приходимъ именно къ этому разсказу, и въ немъ хотимъ показать разницу воззрѣній на то, что постыдно и что не постыдно въ простомъ и въ такъ называемомъ цивилизованномъ обществѣ. Надёжа страдаетъ отъ намековъ и насмѣшекъ подругъ, Надёжа считаетъ себя обезславленною; а между тѣмъ, какъ видно изъ разсказа, Иванъ не соблазнилъ ее, не сдѣлалъ ей того, что на житейскомъ языкѣ нашемъ называется «безчестьемъ» дѣвушки. Страдаетъ и Иванъ, и всѣ дѣйствующія лица этой исторіи

признаютъ его глубоко виновнымъ, хотя онъ и не воспользовался любовью дѣвушки. Отчего жь они оба страдаютъ и сокрушаются? Чего имъ стыдно и тяжело? По нашимъ житейскимъ понятіямъ онъ ничѣмъ не обязанъ передъ ней, она ничѣмъ не осрамила себя передъ нимъ и передъ людьми, потому что не дала ему ничего сдѣлать надъ собою неприличнаго.... Да, но понятія простыхъ людей не таковы. Мы знаемъ, что насчетъ физической чистоты они не очень даже и заботятся, и мы говоримъ поэтому, что деревенскіе нравы очень развратны. Пожалуй, смотрите на это, какъ хотите, но согласитесь, что въ отчаяніи Надёжи и Ивана нравственная сторона дѣла понята гораздо выше и чище, нежели въ нашихъ житейскихъ сужденіяхъ и привычкахъ. Надёжа знаетъ, что она хоть и сохранила свое физическое цѣломудріе, но поругана въ самыхъ святыхъ, самыхъ задушевныхъ своихъ чувствахъ; онъ тоже знаетъ, что нарушилъ внутренній миръ дѣвушки, отравилъ ея душевное спокойствіе и осквернилъ святыню ея сердца уже тѣмъ, что привлекъ на ея тайну нескромное и насмѣшливое вниманіе постороннихъ людей. Припомнимъ же и сравнимъ съ этой тонкостью и гуманностью чувства грубость какого нибудь Андрея Колосова, котораго гуманные друзья его считаютъ еще лучшимъ изъ многихъ!... И точно, онъ лучше другихъ: вѣдь другіе-то поступаютъ большею частію, какъ князь Н., описанный въ «Лишнемъ Человѣкѣ»....

Но отчего же Надёжа стыдится своего чувства, если оно такъ чисто? Да она и не то, чтобы стыдилась, а ей просто чего-то неловко. Она живетъ какъ будто подъ вліяніемъ той мысли, что на нее всѣ подруги сердятся за предпочтеніе, оказанное ей Иваномъ, думаютъ, что она его завлекала, и потомъ насмѣхаются надъ нею за неудачу.... Болѣзненное развитіе ея тонкой и нѣжной организаціи дѣлаетъ ее слишкомъ робкою и подозрительною: она сама себя считаетъ отверженною обществомъ. Притомъ же въ ней дѣйствительно страдаетъ ея достоинство: она вдругъ очутилась въ положеніи человѣка, которому ни съ того, ни съ сего дали въ обществѣ пощечину. Конечно, если разсудить хладнокровно, такъ это само по себѣ вздоръ: при обсужденіи нравственнаго достоинства человѣка надо смотрѣть на то, заслуживалъ ли онъ быть битымъ; а тамъ битъ ли онъ былъ въ дѣйствительности или нѣтъ, это уже другой вопросъ, вопросъ силы, а не права. Но спрашиваемъ: много ли въ образованномъ обществѣ найдется людей, которые могли бы возвыситься надъ фактомъ пощечины и не сконфузиться—не только если самимъ придется незаслуженно получить ее, но даже если случится быть хоть свидѣтелями при подобномъ казусѣ?...

Здравостью и основательностью общественнаго мнѣнія едва ли какое нибудь сословіе въ общемъ составѣ своемъ можетъ особенно похвалиться. Не могутъ ими похвалиться и простолюдины: тотъ же разсказъ «Надёжа», рисуя намъ отношенія къ ней подругъ ея, показываетъ намъ всю грубость и ошибочность ихъ сужденій. Это обстоятельство не осталось для насъ незамѣченнымъ, и мы не намѣрены его оправдывать, хотя и должны оговорить, что подобнаго рода ложныя и невѣжественныя понятія гораздо простительнѣе крестьянамъ, нежели другимъ, высшимъ классамъ общества, имѣющимъ претензію на образованность. Мы уже говорили выше о томъ, какъ много препятствій въ своемъ развитіи встрѣчаетъ крестьянинъ, и какъ много внутренней силы нужно ему имѣть для того, чтобы уберечься отъ полнаго подавленія въ себѣ здраваго смысла и чистой совѣсти. И при этомъ-то положеніи все еще мы видимъ здѣсь существованіе такихъ натуръ, въ которыхъ хоть слабо и не ровно, но неугасимо горятъ живые человѣческіе инстинкты, такъ что оскорбленіе и неудовлетвореніе ихъ влечетъ за собою смерть самаго организма. Такія лица, какъ Надёжа, съ перваго взгляда представляющіяся исключительными, оказываются, при внимательномъ разсмотрѣніи обстоятельствъ и характера, вовсе не такъ рѣдкими въ крестьянскомъ сословіи, какъ мы привыкли думать. Повторяемъ, если не чаще чѣмъ въ средѣ благовоспитанныхъ юношей и барышень, то по крайней мѣрѣ столько же часто встрѣчаются деликатныя натуры, подобныя Надёжѣ, и въ простонародьи.

Да еще это пассивная сторона, пассивная роль подобныхъ натуръ. Сама по себѣ Надёжа прекрасная личность; но ее надо покоить и лелѣять, и отъ нея за то дожидаться нѣжности и ласки. А чуть на нее невзгода, она и сожмется вся, и спрячется въ самое себя, и ничего, кромѣ горькихъ слезъ, отъ нея не добьешься.... Бываютъ въ простонародьи натуры столько же нѣжныя и благожелательныя, но поэнергичнѣе, подѣятельнѣе. Такія натуры тоже не покажутся совсѣмъ непонятными тому, для кого не совсѣмъ чуждо изученіе нашего простонародья. Одну изъ такихъ личностей видимъ мы въ «Катеринѣ» Марка Вовчка.

Катерина тоже очень чутка къ насмѣшкамъ, упрекамъ и даже простымъ шуткамъ, имѣющимъ самый невинный характеръ. Еще маленькой дѣвочкой привезла ее барыня изъ Малороссіи въ Великорусскую деревню: здѣсь показались странными — и ея языкъ, и рубашка вышитая, и взглядъ томный и задумчивый... Стали ее тормошить дѣвчонки и смѣяться надъ ней. Само собою разумѣется, что у маленькой дѣвочки не могло быть твердаго разумнаго сознанія о смыслѣ и достоинствѣ всего, что она дѣлаетъ; она не могла, подоб-

но философу какому нибудь, продолжать дѣлать свое, презирая крики толпы; она должна была принимать къ сердцу выходки подругъ. Если бъ она была сварлива, она стала бы со всѣми ссориться и защищать себя силою; но ея деликатность, инстинктивное уваженіе къ себѣ и къ другимъ не допускали ее до этого. Потому она просто переставала дѣлать то, что другимъ казалось страннымъ или смѣшнымъ. Осмѣяли разъ ея рукавчики шитые на рубашкѣ: она больше ни разу не надѣла своей вышитой рубашки. Подкараулили ее разъ у курганчика, къ которому она одна уходила, и подслушали малорусскую пѣсню, которую она тамъ пѣла, да стали приставать къ ней и разспрашивать: она перестала ходить къ кургану и никогда больше не пѣла той пѣсни.... Но вмѣстѣ съ этой чуткостью ко всякому внѣшнему впечатлѣнію, Катерина обладала внутреннею силою, которая непремѣнно требовала себѣ исхода, непремѣнно должна была выразиться въ какой нибудь дѣятельности. Долго обстоятельства жизни шли наперекоръ стремленіямъ Катерины: ее увезли съ собой господа въ другую вотчину, незнакомую; ее выдали замужъ за человѣка, котораго она не могла любить. Она никому не пожаловалась на свою судьбу, слова не сказала о своемъ житьѣ-бытьѣ, никого не допустила даже пожалѣть ее въ глаза, и съ мужемъ не ссорилась, а «только опуститъ глаза и неподвижная такая станетъ, строгая и суровая передъ нимъ».... Хотѣлось ей найти себѣ какое нибудь дѣло въ жизни, да не находилось такого дѣла. Выучилась она пѣть хорошо, такъ что душа рвалась и томилась отъ ея пѣсенъ. На всѣ свадьбы ее первую приглашали, и она пѣла тамъ грустныя пѣсни, и душу отводила себѣ. Да не довольно ей было этого: тяжко ей было до того, что она было пить пріучилась. Разъ ей сказала подружка: «Катерина, голубушка! не пей много: тутъ чужіе люди есть — осудятъ тебя; лучше ты спой намъ!» — Тогда она отвѣтила вотъ что: «ахъ вы люди безжалостные! Все вамъ пой да пой, — отдохнуть не дадите! Дайте отдохнуть, дайте выпить вина забывчиваго!» Горько, видно, казалось ей жить на свѣтѣ безъ дѣла, безъ пользы. Такъ бы, можетъ, и загубила она свою душу, да къ счастью отыскалось ей дѣло: прослышала она про знахарку въ околоткѣ и рѣшилась выучиться у ней лѣчить болѣзни, — она же съ малолѣтства имѣла страсть разсматривать да узнавать всякіе цвѣты и травы. Вотъ какъ разсказываетъ сама знахарка о приходѣ къ ней Катерины: (стр. 57).

«Приходитъ ко мнѣ, спрашиваетъ: какъ мнѣ на свѣтѣ жить? — А сама во всѣ глаза глядитъ на меня, — перепугала. «Живи, касатка, какъ люди», говорю. — Нѣтъ, скажи, какъ мнѣ жить, мнѣ! — «Сядь-ко, — говорю, да перекрестись, да молитву прочитай: на тебя нану-

щено». Она сѣла, перекрестилась и заплакала. А тутъ у меня травы висятъ по стѣнамъ, и на окнѣ на солнышкѣ сушились. — На что тебѣ травы столько? спрашиваетъ. — «Людямъ помогаю». — Помоги же и мнѣ, родная! — «Да что у тебя болитъ-то? скажи». — Душа моя болитъ! проговорила тихо, а у самой слезы потекли. — «А голова не болитъ?» — И голова болитъ, и вся я больна! — Вотъ я ей травку даю; она поклонилась и пошла. Я-было вздремнула, слышу — опять стучатся, опять она. — «Что тебѣ?» — Научи меня, родная, какими ты зельями лѣчишь? — Я разсердилась и гоню ее, а она ужь такъ-то плачетъ, разливается. — Не научишь, то убей меня тутъ! Все равно я пропаду.... *Я вотъ, говоритъ, ужь сколько маялась на свѣтѣ — все пусто да пусто, никого не радую, и никто меня не веселитъ, и дѣла у меня нѣтъ душевнаго никакого.* — Я думаю — дурѣетъ она, а жалко мнѣ ее. Я тамъ и показала ей кое-что, больше для утѣхи ей. «Гдѣжь, думаю, ей запомнить!» А она вѣдь запомнила все. Начала, слышу, ужь сама лѣчить. Досадно мнѣ и обидно было, что она у меня кусокъ хлѣба отбиваетъ. Разъ она пришла, и полны руки травъ. Я ее неласково встрѣчаю, а она словно не видитъ. — Знаешь эти травы, бабушка? — «Не знаю, говорю, — да и знать не хочу». — Нѣтъ, говоритъ, ты возьми. Я тебѣ это принесла. Полезныя травы, цѣлющія! — «Ты на чемъ ихъ испробовала-то, что ручаешься?» — Да на себѣ, бабушка. — «Какъ на себѣ?» — А такъ, говоритъ: вѣдь я прежде-то всегда сама попью; не свалитъ — тогда и людямъ даю. — Удивила она меня, ей-богу! А говоритъ-то вѣдь такъ, что сердце ей вѣритъ.... И вотъ *съ той поры она мнѣ травы-то всякія носитъ. Спасибо ей, не обидѣла меня за мою науку.*»

И какъ только нашла себѣ Катерина «дѣло душевное», тотчасъ она и пить бросила, и ласковая такая стала, привѣтная. Сама за себя она стала спокойна, только чужая печаль все крушила ее и не давала ей покою. У всякого больнаго разспрашивала она прежде, нѣтъ ли у него печали какой. Одна больная сказала ей: «что разсказывать-то? Чужая бѣда никому не разумна». «Ужь мнѣ ли не разумна! отвѣтила Катерина: — мнѣ ли не горька! Нѣту на свѣтѣ бѣдомъ, нѣту мнѣ чужой печали, — все моя печаль. Пожила бы ты съ мое — узнала бы!» — Больная удивилась и вспомнивъ про мужа Катерины, какъ онъ не любилъ ее, — проговорила въ видѣ возраженія: «а мужъ-то твой?» Катерина не разсердилась, а только подумала немного и сказала: «и его печаль—моя печаль, да не мое дѣло помочь ему!... Не своей волей за бѣду я ему стала; а у него воля была не разумная». Какъ ярко высказывается въ этихъ простыхъ словахъ сознательная, самобытная энергія характера Катерины! Она далеко выше, напримѣръ, Игрушечки или Саши: она не

дастъ распоряжаться своей душою, не предастся тому, съ кѣмъ связала ее судьба противъ воли; она хочетъ всѣхъ любить, всѣхъ видѣть счастливыми, но она ищетъ свободнаго простора для своей дѣятельности и любви. Если ее приведутъ насильно и скажутъ: «осчастливь вотъ этого, а не того», — вся натура ея возмутится противъ такого насилія, и при всей ея любвеобильности, у ней не достанетъ силъ для выполненія приказанія. Мягкость и нѣжность ея натуры, призываютъ ее посвятить себя на пользу ближнихъ; но отъ этого вольнаго служенія далеко до отреченія отъ своей личности, до допущенія себя сдѣлаться игрушкой чужаго произвола. Нѣтъ, въ ней сознаніе своего достоинства, своей самостоятельности, на столько же сильно, какъ и сознаніе кровнаго родства ея съ людьми и взаимной обязанности людей поддерживать другъ друга въ общихъ трудахъ и заботахъ жизни.

Рѣдко встрѣчаются лица, до такой степени чисто сохранившіяся отъ двухъ противоположныхъ крайностей — отъ доведенія благодушія до потери собственной свободы и отъ эгоистическаго возвышенія собственной личности до забвенія правъ другихъ. Но надо замѣтить, что рѣдки они не въ одномъ простонародьи; во всѣхъ классахъ общества мы видимъ, къ сожалѣнію, что если въ человѣкѣ преобладаетъ доброта, то ужь она до того доходитъ, что имъ всѣ помыкаютъ, а если въ немъ самолюбіе сильно, то онъ надъ другими озарничаетъ, сколько можетъ. При такомъ ходѣ дѣлъ, мы нерѣдко еще удивляемся нравственнымъ качествамъ иныхъ людей за то только, что они не столько подличаютъ, или не столько вольничаютъ надъ другими, сколько могли бы по своему положенію. Такъ мы восхваляемъ добраго помѣщика, берущаго не слишкомъ обременительный оброкъ съ крестьянъ, честнаго откупщика, у котораго въ откупѣ продается сносная водка, и пр. и пр. Принужденные имѣть такую мѣрку для оцѣнки нравственнаго достоинства людей среди нашего общества, мы должны быть очень довольны, когда видимъ хоть возможность появленія въ крестьянскомъ сословіи такихъ личностей, какъ Катерина. Если бы изъ такихъ людей состояло большинство, то конечно исторія, не только наша, но и всего человѣчества, имѣла бы совсѣмъ иной характеръ. Намъ важно ужь и то, что подъ грудою неблагопріятныхъ обстоятельствъ, нанесенной съ разныхъ сторонъ на наше простонародье, мы въ немъ еще находимъ довольно жизненной силы, чтобы хранить и заставлять пробиваться наружу добрые человѣческіе инстинкты и здравыя требованія мысли. Часто эти обнаруженія природныхъ силъ бываютъ слабы, едва примѣтны, часто замираютъ,

едва пробившись на свѣтъ Божій; рѣдко сохраняются они такъ упорно противъ всѣхъ невзгодъ, какъ мы видѣли въ Машѣ и Катеринѣ. Но и то уже много, если мы замѣтимъ хоть въ слабой степени присутствіе въ народѣ тѣхъ началъ, которыя такъ ярко выражались въ этихъ двухъ женщинахъ. А что мы ихъ замѣтимъ, если будемъ внимательно и съ любовью наблюдать бытъ простонародья,—за это можно смѣло ручаться. Затѣмъ уже не трудно намъ будетъ сообразить, отчего развитіе этихъ началъ въ народѣ часто по большей части останавливается такъ рано и нерѣдко совсѣмъ заглушается; не хитро также будетъ понять и то, въ какой степени самъ простолюдинъ бываетъ виновенъ въ неполнотѣ или совершенной остановкѣ своего развитія, и въ какой степени виноваты въ этомъ мы всѣ, причисляющіе себя къ людямъ образованнымъ. Удостоивши же подумать объ этомъ, мы должны придти къ вопросу о томъ: что намъ дѣлать, чтобы устранить по возможности все, что мѣшаетъ развитію хорошихъ качествъ народа?

Вопроса этого мы не станемъ рѣшать здѣсь; рѣшеніе его несравненно легче вывести, нежели написать. Но мы можемъ здѣсь еще разъ обратить вниманіе читателей на мысль, развитіе которой составляетъ главную задачу этой статьи,—мысль о томъ, что народъ способенъ ко всевозможнымъ возвышеннымъ чувствамъ и поступкамъ наравнѣ съ людьми всякого другаго сословія, и что слѣдуетъ строго различать въ немъ послѣдствія внѣшняго гнета отъ его внутреннихъ и естественныхъ стремленій, которыя совсѣмъ не заглохли, какъ многіе думаютъ. Кто серьёзно проникнется этой мыслью, тотъ почувствуетъ въ себѣ болѣе довѣрія къ народу, больше охоты сблизиться съ нимъ, въ полной надеждѣ, что онъ пойметъ, въ чемъ заключается его благо, и не откажется отъ него по лѣни или малодушію. Съ такимъ довѣріемъ къ силамъ народа и съ надеждою на его добрыя расположенія, можно дѣйствовать на него прямо и непосредственно, къ выгодѣ тѣхъ, кто поставленъ выше. Но не все натуры мягкія и податливыя, какъ Саша или Надежа, не все твердыя и благоразумныя, какъ Катерина, не все отрицательно-упорныя противъ зла, какъ Маша, — встрѣчаются и другія; суровыя и безпощадныя натуры, въ которыхъ внутренняя реакція всякому посягательству на ихъ личность развивается до размѣровъ поистинѣ сокрушительныхъ и получаетъ наступательный характеръ. Насъ заставилъ подумать объ этомъ обстоятельствѣ (котораго впрочемъ упускать изъ виду ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ) характеръ Ефима, въ разсказѣ Марка Вовчка «Купеческая дочка». Мы ничего еще не говорили объ этомъ разсказѣ; обратимся же

кстати къ нему и закончимъ нашу статью, растянувшуюся такъ неимовѣрно и неожиданно для насъ самихъ.

Ефимъ—мужикъ, кучеръ барскій, высокій бородачъ, смуглый, румяный; глаза у него такъ и сверкаютъ, лицо такое удалое, гордое, улыбка веселая да насмѣшливая. Барыня его горничную наняла, купеческую дочку бѣдную, Анну Акимовну. Съ перваго раза понравилась ему она, и съ перваго же раза обидѣла: прошла мимо его — не взглянула, на первый вопросъ его едва слово молвила. Задѣла она его за живое своей спесью, и пошелъ онъ ее неотступно преслѣдовать, рѣшившись во что бы то ни стало смирить ее, овладѣть ею. Множество дѣлалъ онъ ей всяческихъ маленькихъ непріятностей, ссорились они постоянно, и между тѣмъ все больше другъ другомъ интересовались. Прошелъ годъ; дворня замѣчаетъ, что у Анны Акимовны разговоръ все какъ-то на Ефима сводится. «Вотъ Ефимъ поѣхалъ лошадей ковать; Ефимъ пѣсни хорошо поетъ; вотъ Ефиму бы жениться, и на комъ это ему Богъ приведетъ?»—такъ разсуждаютъ дворовые при Аннѣ Акимовнѣ, а она сама ничего, только слушаетъ, да старается похитрѣе на эту рѣчь навести. Догадался про ея хитрость поваренокъ Миша и пересказалъ Ефиму; замѣтила Анна Акимовна, что Ефимъ что-то знаетъ, и вышла у нихъ ссора нешуточная; Анна Акимовна попрекнула Ефима мужичествомъ.

«— Зазнался, зазнался ты очень, накинулась на него Анна Акимовна. — Вотъ ужь посади за столъ... Забылъ, кто ты такой... что за вельможа?... Что ты о себѣ думаешь?

«Ефимъ сталъ передъ нею, головой покачиваетъ:

«— Ты-то отъ какихъ князей родъ ведешь?

«— Да какъ ты смѣешь равняться-то? Безсовѣстный ты такой! Мой батюшка купецъ былъ, свою торговлю велъ....

«— Да-съ, да-съ! Намъ не безъизвѣстно-съ! Ну, что вы купцы? Вѣдь одинъ обманъ отъ васъ только. Я вотъ хоть бы вчера платокъ купилъ; божилось лихое твое племя: износу нѣтъ, — а вотъ посмотри-ка, — весь свѣтится!

«И покойно такъ разсказываетъ, платокъ развертываетъ; а она-то дрожитъ, вся блѣдная.

«— Я барынѣ жаловаться буду! крикнула. — Ты не смѣй издѣваться, мужикъ безтолковый.

«— Постой, постой, — заговорилъ Ефимъ, словно изумился.

«— Да, — мужикъ безтолковый! кричитъ Анна Акимовна.

«Ефима словно кто противъ шерсти повелъ; кудрями онъ тряхнулъ и бороду погладилъ.

«— Погоди, погоди! — началъ онъ, сдерживая свой голосъ звучный. — Говоришь ты: мужикъ... Ну, признаюсь тебѣ самъ, точно, я

мужикъ. И изъ деревни я недавно — тоже признаюсь. Жилъ я пахалъ, сѣялъ, кормился самъ и продавалъ, и съ людьми чисто поступалъ, дружно жилъ. Я нраву веселаго. А ты, купеческая дочка, Анна Акимовна, чѣмъ ты взяла? Что изъ себя-то ты взглядна? Это сущій пустякъ. Первое дѣло — душа, нравъ. Ты задорна, строптива больно...

«— Какъ смѣешь? запищала она. А онъ свое:

«— Лѣтъ ты хоть не молодыхъ, а уваженія тебѣ ни отъ кого нѣту... Какъ ты себѣ ни величайся, какъ ни кичись, — идутъ люди, а сами и не спросятъ: что это за Анна Акимовна на свѣтѣ живетъ?... Мой-то батюшка землю пахалъ, и всякъ скажетъ: «добрый мужичокъ былъ покойникъ!» А твой, хоть и въ лисьихъ шубахъ ходилъ, да слава-то нехороша.»

Размолвились они шибко, и говорить другъ съ другомъ перестали, только за столомъ одинъ другому все шпильки разныя подпускаютъ. А между тѣмъ оба похудѣли, поблѣднѣли, оба задумываются и пригорюниваются, когда одни. Наконецъ Ефимъ пошелъ рѣшительно. Разъ, послѣ долгихъ насмѣшекъ Анны Акимовны надъ мужиками и мужицкими привычками, Ефимъ выговорилъ: «эхъ, матушка Анна Акимовна! А я, мужикъ, вѣдь за васъ посвататься хотѣлъ. Что? — думаю, — дѣвушка она хоть нетолковая, хоть вздорная, спесивая, да за обозомъ сбредетъ». Она вспыхнула и вздрогнула; а онъ продолжалъ: «полноте, матушка, не извольте гнѣваться: нездоровье приключится. Опаски насчетъ сватовства не имѣйте. Пришла было дурь въ голову, и прошла. Всякъ сверчокъ знай свой шестокъ. Мы себѣ ровню повысмотримъ». И точно, Ефимъ сталъ почти каждый день уходить со двора, принарядившись; приходилъ съ пѣснею и весь повеселѣлъ. Анна Акимовна притихла; ждетъ, что будетъ. Разъ вечеромъ приходитъ Ефимъ и объявляетъ въ людской, что хочетъ идти къ барынѣ—позволенья просить жениться; потомъ обращается къ купеческой дочкѣ: «ужь вы, Анна Акимовна, стараго гнѣва не помяните, не обидьте мою суженую. Дѣвочка славная!» Анна Акимовна побѣлѣла вся, и губы у ней задрожали. Побѣлѣла вся и вышла. Спряталась въ уголку на лѣстницѣ и принялась горько плакать; долго плакала и къ ужину не пришла... Какъ сказали объ этомъ Ефиму, онъ прямо къ ней бросился, обнялъ ее крѣпко и цаловать сталъ... Она такъ и ахнула, взглянула на него, узнала, да такъ и обвилась руками около его шеи, а сама плачетъ-плачетъ...

«Онъ ее на рукахъ вынесъ изъ того уголка. Она вырываться, — не пускаетъ; поставилъ противъ мѣсяца-свѣта:

«— Ага, купеческая дочка, Анна Акимовна! промолвилъ: — ты моя!

«И такъ вымолвилъ, словно онъ врага своего лютаго полонилъ; и у самого слезы двѣ скатились, и такая усмѣшка злобная! Страшно и чудно на него смотрѣть тогда было...»

Женились они. Съ перваго же дня свадьбы, Ефимъ началъ чудить надъ женою, смирять ее. Попросилъ онъ ее, чтобы на дѣвишникъ и на свадьбу позвала своихъ знакомыхъ и родню дальнюю — купчихъ; она позвала. Ефимъ никого отъ себя на дѣвишникъ не пригласилъ, и Анна Акимовна была очень рада: она очень боялась убогихъ гостей,—чуть дверь отворится: она въ лицѣ измѣнится; но никто не пришелъ изъ убогихъ, купчихи однѣ сидѣли и орѣхи щелкали. За то на другой день, только-что изъ подъ вѣнца, въ дверяхъ уже молодые были встрѣчены съ хлѣбомъ - солью мужичонкомъ въ лаптишкахъ и въ зипунишкѣ ветхонькомъ. Отворили дверь, — вся изба полна мужиками въ лаптяхъ. Анна Акимовна зашаталась и могла только прошептать: «злодѣй»! Купчихи попятились назадъ, надулись; Ефимъ попросилъ ихъ не спесивиться, погулять на свадьбѣ; онѣ отъ него къ стѣнѣ отвернулись; тогда Ефимъ имъ и двери настежъ... Анна Акимовна такъ была убита, что на другой же день захворала серьёзно. Ефимъ затужилъ, закручинился, цѣлыя ночи надъ нею просиживалъ и все глядѣлъ на нее; но и тутъ былъ суровъ съ нею, и только разъ нѣжными словами упрашивалъ ее, чтобъ лѣчилась. Она только отвернулась. Послѣ того онъ сталъ еще суровѣе; а когда она выздоровѣла, то житья ей не давалъ, — все за прежнюю гордость отплачивалъ. «Утеряли, говоритъ, вы, Анна Акимовна, свое-то княжество за мною! Вотъ вѣдь маху-то дали,—просто бѣда!» Она все молчитъ, а онъ все глядитъ на нее, какъ на своего врага жестокаго, да приговариваетъ иной разъ съ усмѣшкою: «жгуча крапива родится, да уварится!» Она сохла и чахла отъ его попрековъ; да ему и самому не легко было жить такъ: постарѣлъ онъ, сморщился, веселость свою потерялъ, усмѣшка стала у него язвительная, да и слова такія ѣдкія и злобныя... Недолго выдержала Анна Акимовна; умерла она осенью, тихо, безъ мученій. Ефима не было дома въ это время: усланъ былъ куда-то барынею. Какъ воротился, увидѣлъ её на столѣ—сталъ тутъ, ни слова не сказавши, и «простоялъ цѣлую ночь не шевельнулся, не вздохнулъ». На утро пошелъ, гробъ купилъ, къ священнику зашелъ, попросилъ, и могилу вырылъ ей самъ. Сзывалъ на похороны. Совсѣмъ спокоенъ человѣкъ былъ, кажись, а все чего-то страшно было; все сердце недоброе чуяло, вѣщало...» И точно вышло недоброе:

«Отнесли на погостъ Анну Акимовну, и въ сырую землю схоронили. Заходили съ кладбища люди; поминальный обѣдъ былъ, и Ефимъ самъ

распоряжался. Какъ разошлись всѣ, онъ лошадей на водопой повелъ и говоритъ Мишѣ:

«— Миша, слушай да помни! Коли я пропаду, все мое добро отказываю жениной теткѣ; пусть ей все отдадутъ. Слышалъ?

«Перепугался до смерти Миша.

«— Слышу, говоритъ.

«— Ну, помни!... И поскакалъ.

«Вбѣжалъ Миша въ людскую, дрожитъ всѣмъ тѣломъ.

«— Ефимъ хочетъ руку на себя наложить!

«Всполошилъ всѣхъ: побѣжали къ водопою. Всѣ лошади подъ горою къ ракитѣ привязаны, а Ефима нѣтъ нигдѣ... Окликать, искать, и нашли его шапку около колодца, стараго, заброшеннаго. А въ колодцѣ томъ давно еще дѣвочка утонула, — и дна въ немъ не было. Около этого самаго колодца шапку его нашли, скликали людей съ баграми и съ крюками, да съ говоромъ шумнымъ Ефима мертваго выволокли» (стр. 113).

Нѣтъ сомнѣнія, что въ Ефимѣ всякій признаетъ черты чисто-русскаго характера, и притомъ характера не сглаженнаго образованностью, т. е. обычнаго именно въ простонародьи. Это дуроломство, эта неспособность къ мирному забвенью и прощенью, эта безсмысленная охота неотступно и безконечно пилить человѣка попреками, въ тоже время чувствуя къ нему сильную привязанность—это все такія черты, какія любятъ приписывать русскому человѣку и сонмъ его порицателей, и партія его quasi-защитниковъ. Послѣдніе видятъ здѣсь, конечно, величіе духа, находятъ прототипы подобныхъ характеровъ въ Иванѣ Грозномъ и Петрѣ Великомъ и даже иногда для параллели тревожатъ суровыя добродѣтели спартанцевъ и древнихъ римлянъ. Мы признаемся, что почтенные защитники русскаго народа хватаютъ немножко далеко. Восхищаться такимъ характеромъ, какъ у Ефима, довольно трудно для человѣка, не лишеннаго сердца. Но одного нельзя отнять у него — силы; одного нельзя не признать — что опасно шутить съ этой силою.

Посмотрите въ самомъ дѣлѣ, какимъ страшнымъ мщеніемъ отплатилъ онъ за оскорбленіе своего самолюбія Аннѣ Акимовнѣ! И какой фатальный, неотразимый характеръ имѣетъ его мщеніе! Если бъ онъ просто задумалъ и холодно исполнилъ свой планъ—довести дѣвушку до замужества съ нимъ,—это была бы жалкая интрига, свидѣтельствующая только о черствости и злости его. Но тутъ дѣло шло не такъ: онъ самъ полюбилъ ее, оттого-то онъ и обидѣлся такъ глубоко ея пренебреженіемъ; добиваясь ея любви, онъ удовлетворялъ скорѣе потребности сердца, нежели голосу мести; онъ не могъ хотѣть

загубить ее,—доказательство въ томъ, что онъ не перенесъ ея гибели. Но какая-то сила подталкиваетъ его на безпрестанныя и жестокія оскорбленія ея. Сила эта дика, неразумна, гибельна для него самого; но онъ не силенъ преодолѣть ея влеченія, потому что враждебныя обстоятельства не дали въ немъ достаточно развиться гуманнымъ и разумнымъ требованіямъ природы. Побѣда надъ гордой женщиной доставила ему двойное наслажденіе,—и удовлетвореніе самолюбія, и достиженіе взаимности, которой онъ добивался. Но злоба его была сильнѣе любви: онъ былъ столько гордъ и самонадѣянъ, что не могъ слишкомъ дорого цѣнить полученную взаимность женщины; а оскорбленія, ею нанесенныя, запали глубоко въ его сердце, и онъ не могъ забыть и простить ихъ. Никакой покорностью, никакимъ пожертвованіемъ нельзя было умилостивить его; ему самому было тяжело, его гнела какая-то тоска, онъ становился все мрачнѣе, по мѣрѣ того, какъ исполнялъ свое мщеніе надъ любимой женой; но остановиться не могъ. Въ немъ проснулось какое-то ненасытное, безконечное желаніе унижать ее, вымещать надъ ней свою тоску и свое терпѣніе, надругаться надъ нею, какъ будто въ намѣреніи возстановить такимъ образомъ свои собственныя попранныя права, свое достоинство, которое видѣлъ униженнымъ и презрѣннымъ. Все его поведеніе объясняется тѣмъ общимъ закономъ реакціи, по которому крайность вызываетъ всегда другую крайность. Много лѣтъ прожилъ Ефимъ, не думая о своемъ достоинствѣ и вынося, по своему положенію, множество унизительныхъ условій. Но представился случай, гдѣ его достоинство особенно больно было поражено — въ столкновеніи съ женщиной, которая ему нравилась и которой положеніе онъ считалъ равнымъ своему; горечь обиды пробудила въ немъ сознаніе; а разъ подумавши о своемъ униженіи, почувствовавъ его, онъ со всей энергіей своей натуры устремился къ тому, чтобы поднять свое достоинство. Женитьба на Аннѣ Акимовнѣ была для него недостаточна; онъ не могъ ясно сознавать всю великость того шага, который дѣлала «купеческая дочка», выходя за него, мужика; для того чтобы вполнѣ чувствовать свою побѣду, ему нужно было постоянное напоминаніе о ней, непрерывное упражненіе правъ побѣдителя надъ своею жертвою. Сколько онъ ни обижалъ ее, сколько ни смирялъ, сколько ни издѣвался надъ нею, все ему казалось мало. Она покорно и молча сознала свое безсиліе, признала его права надъ ней, а ему все казалось, что онъ еще недостаточно доказалъ и возстановилъ предъ нею свое достоинство. Оттого его мщеніе было безсмысленно, невольно, мучительно для него самого, и ничѣмъ не могло удовлетвориться, сдѣлалось условіемъ жизни. Умирая, Ефимъ думалъ

вѣроятно, что онъ еще недовольно показалъ себя, и если бы его жена воскресла, нѣтъ сомнѣнія, что онъ началъ бы съ ней опять ту же исторію, при первомъ удобномъ случаѣ. Вѣдь онъ было пришелъ въ разумъ во время ея болѣзни—сталъ ее уговаривать нѣжными словами; но она отвернулась тогда отъ него, и онъ сдѣлался еще суровѣе, еще безпощаднѣе.

Величія духа тутъ, конечно, мало; но въ натурѣ, дѣйствующей такимъ образомъ, нельзя отрицать присутствія силы, которая, будучи иначе воспитана и направлена, могла бы получить болѣе разумный, человѣческій характеръ. Прибавимъ еще, что сила эта вовсе не есть исключительная принадлежность немногихъ натуръ, а составляетъ явленіе довольно обыкновенное въ нашемъ простонародьи. Обстоятельства неблагопріятствуютъ правильному ея развитію и упражненію; оттого она проявляется большею частію въ дѣйствіяхъ уродливыхъ, беззаконныхъ, даже преступныхъ. Нельзя хвалить этого, но можно все-таки въ самыхъ недостаткахъ и преступленіяхъ различать то, что производится внѣшнимъ гнетомъ обстоятельствъ, отъ того, что даетъ сама натура человѣка. Къ чему ведутъ наше простонародье всѣ внѣшнія обстоятельства, его окружающія? Какой характеръ долженъ сообщаться всѣмъ его наклонностямъ отъ того положенія, въ которомъ онъ находится? Едва ли кто нибудь станетъ утверждать, что положеніе нашихъ крестьянъ могло способствовать развитію въ нихъ прямоты, силы, и т. п. Не нужно доказывать, что все, окружающее бытъ и воспитаніе нашего простонародья, вело его, въ большей или меньшей степени, къ развитію пороковъ и слабостей соединенныхъ съ угнетеннымъ состояніемъ, — лести, обмана, подличанья, продажности, лѣни, воровства и пр.,—вообще всѣхъ тѣхъ пороковъ, въ которыхъ надо дѣйствовать тайкомъ, изподтишка, а не употреблять открытую силу, нейдти прямо, глядя въ лицо опасности... И при всемъ томъ посмотрите, какъ много сохранилось въ народѣ именно этого энергическаго, отважнаго элемента. Мы не станемъ здѣсь указывать на доблестные подвиги нашихъ крестьянъ для спасенія погибающихъ въ огнѣ и въ водѣ, не будемъ припоминать ихъ храбрости въ охотѣ на медвѣдя или хоть бы въ послѣдней войнѣ. Что бы ни доказывали всѣ подобные факты, мы оставляемъ ихъ въ сторонѣ; мы заговорили о порокахъ и преступленіяхъ, и потому, не выходя изъ этой колеи, укажемъ только на уголовную статистику низшихъ классовъ нашего народа. Прочтите хоть рядъ извѣстій въ этомъ родѣ, въ бывшемъ «Русскомъ Дневникѣ» или въ нынѣшней «Сѣверной Пчелѣ», и постарайтесь дать себѣ отчетъ о преобладающемъ характерѣ преступ-

леній. Вы придете въ удивленіе, если привыкли считать русскій народъ только плутоватымъ, а впрочемъ слабымъ и апатичнымъ: южныя страсти встрѣчаете вы на каждомъ шагу, кровавыя сцены изъ-за любви и ревности, отравленія, зарѣзыванья, зажигательства, примѣры мщенія самаго звѣрскаго—попадаются вамъ безпрестанно въ этихъ извѣстіяхъ.

Что вывести изъ этого? Намъ кажется возможнымъ одно заключеніе: народъ не замеръ, не опустился, источникъ жизни не изсякъ въ немъ; но силы, живущія въ немъ, не находя себѣ правильнаго и свободнаго выхода, принуждены пробивать себѣ неестественный путь и поневолѣ обнаруживаться шумно, сокрушительно, часто къ собственной погибели. Какъ это дурно, нечего и говорить; какъ желательно, чтобы силы народа направились лучше и служили въ пользу, а не во вредъ ему самому,—этого тоже объяснять не нужно. Но къ сожалѣнію, еще очень многимъ нужно доказывать, что эти силы существуютъ въ народѣ и что дурное или хорошее направленіе ихъ зависитъ отъ обстоятельствъ народной жизни, а не отъ того, чтобы масса народа нашего принадлежала къ какой нибудь особенной породѣ, способной только либо къ апатіи, либо къ звѣрству. Еще не мало у насъ, въ образованномъ обществѣ, такихъ господъ, которымъ ничего не стоитъ обвинить повально цѣлый народъ въ неспособности ко всякому самостоятельному устройству, равно какъ не мало и такихъ, которые готовы такъ защитить народъ и приписать ему такія возвышенныя чувствованія, что, слушая ихъ, слѣдуетъ только оплакивать совершенную гибель народнаго достоинства. Для тѣхъ и другихъ господъ мы считаемъ весьма полезнымъ внимательное размышленіе надъ книжкою разсказовъ Марка Вовчка. Чтобы облегчить имъ этотъ трудный процессъ, мы пробовали въ этой статьѣ анализировать нѣкоторыя, наиболѣе любопытныя черты народной жизни, представленныя въ «Народныхъ разсказахъ» очень живо и ярко, но при бѣгломъ и поверхностномъ чтеніи могшія не возбудить въ читателяхъ того вниманія, какого онѣ заслуживаютъ. Чтобы расширить кругъ сужденія о качествахъ нашего народа, мы старались также провести нѣсколько параллелей между людьми простаго званія и между лицами того общества, которое называетъ себя образованнымъ, на томъ основаніи, что одолѣвши пять-шесть головоломныхъ наукъ, въ размѣрахъ германскихъ гимназическихъ курсовъ, но съ грѣхомъ пополамъ, и ударившись въ ранній космополитизмъ, оно разорвало связь съ народомъ и потеряло способность даже понимать основныя черты его характера. Не много преимуществъ, въ отношеніи къ нравственнымъ

качествамъ, нашли мы въ этомъ обществѣ; не много оказалось въ немъ правъ на особенное возвышеніе его предъ простонародьемъ. Не заходя далеко, а только раскрывая подробнѣе смыслъ немногихъ разсказовъ Марка Вовчка, такъ вѣрныхъ русской дѣйствительности, мы нашли, что неестественныя, крѣпостныя отношенія, существовавшія до сихъ поръ между народомъ и высшими классами, будучи матеріально и нравственно вредны для крестьянъ, были еще болѣе гибельны для самихъ владѣльцевъ. Людямъ въ положеніи Игрушечкиныхъ господъ они приносили повидимому нѣкоторую выгоду внѣшнюю; но черезъ это самое они, во всей своей нелѣпости и безчеловѣчіи, впивались въ душу этихъ господъ, дѣлались основаніемъ ихъ морали, изгоняли изъ нихъ здравыя понятія и дѣлали ихъ никуда негодными, — между тѣмъ какъ на Машу, Катерину, Надежду и всѣхъ, находившихся въ ихъ положеніи, тѣже отношенія дѣйствовали болѣе внѣшнимъ образомъ, не проникая внутрь ихъ уже и потому, что были всегда тяжелы и непріятны. Правда, и въ этомъ классѣ людей крѣпостное устройство произвело значительное искаженіе понятій и стремленій: въ Надежѣ и ея подругахъ, въ безотвѣтной Игрушечкѣ, въ свирѣпомъ Ефимѣ мы видѣли, какъ ложно развиваются въ нихъ нерѣдко самыя добрыя начала, самыя естественныя требованія. Но это во всякомъ случаѣ дѣйствіе не прямое, а посредственное, не положительное, а отрицательное, и, главное,— это ложное развитіе естественныхъ началъ вовсе не доставляетъ бѣднякамъ выгоды, даже и внѣшней. Ихъ можно сравнить съ людьми, которые вынуждены есть хлѣбъ пополамъ съ мякиной: долгое употребленіе такой нищи конечно имѣетъ вліяніе на организмъ и искажаетъ его здоровье; но едва ли кто нибудь станетъ утверждать, что поѣвши нѣсколько лѣтъ мякиннаго хлѣба, человѣкъ дѣлается неспособнымъ ѣсть чистый хлѣбъ.

Прочитавъ наши отрывочныя и несвязныя замѣчанія, одни, конечно, найдутъ ихъ давно знакомыми и излишними, а другіе — неосновательными, преувеличенными и неправдоподобными. Большая часть людей, любящихъ литературу, замѣтитъ при этомъ, что въ статьѣ нашей вовсе нѣтъ *критики* Марка Вовчка. Мы привыкли къ подобнымъ замѣчаніямъ и, кажется, уже не одинъ разъ объясняли, какъ мы понимаемъ задачу критики русскихъ беллетрическихъ произведеній. Но теперь кстати будетъ сказать еще нѣсколько словъ объ этомъ предметѣ, въ заключеніе нашей статьи.

Мы сказали въ началѣ, что Марко Вовчокъ не даетъ намъ поэмы народной жизни, что у него видимъ мы только намеки, абрисы, а не

полныя, отдѣланныя картины. Слѣдовательно, нечего намъ было и пускаться въ опредѣленіе абсолютно-эстетическихъ достоинствъ «Разсказовъ». Нужно было показать, въ какой степени ясны, живы и вѣрны эти намеки, и въ какой мѣрѣ важны тѣ явленія жизни, къ которымъ онѣ относятся. Мы и обратились къ этому пути: мы анализировали характеры, изображенные Маркомъ Вовчкомъ, приводили обстоятельства, способствовавшія правильному или ложному ходу ихъ развитія, припоминали русскую дѣйствительность и говорили, насколько, по нашему мнѣнію, вѣрно и живо воспроизведены авторомъ русскіе характеры, насколько обширно значеніе тѣхъ явленій, которыхъ онъ коснулся. По нашимъ соображеніямъ вышло, что книжка Марка Вовчка вѣрна русской дѣйствительности, что разсказы его касаются чрезвычайно важныхъ сторонъ народной жизни и что въ легкихъ набросках его мы встрѣчаемъ штрихи, обнаруживающіе руку искуснаго мастера и глубокое, серьёзное изученіе предмета. Для подтвержденія этихъ выводовъ, мы пускались въ довольно пространныя разсужденія о свойствахъ нашего простонародья и о разныхъ условіяхъ нашей общественной жизни. Теперь читателю представляется рѣшить, вѣрно ли, во-первыхъ, поняли мы смыслъ разсказовъ Марка Вовчка, а во-вторыхъ — справедливы ли и насколько справедливы наши замѣчанія о русскомъ народѣ. Рѣшая эти два вопроса, читатель тутъ же рѣшитъ для себя и вопросъ о степени достоинства книги Марка Вовчка. Если мы исказили ея смыслъ или наговорили небывальщины о народной жизни, т. е. если явленія и лица, изображенныя Вовчкомъ, вовсе не рисуютъ намъ нашего народа, какъ мы старались доказать, — а просто разсказываютъ исключительные, курьёзные случаи, не имѣющіе никакого значенія, то очевидно, что и литературное достоинство «Народныхъ разсказовъ» совершенно ничтожно. Если же читатель согласится съ нами во взглядѣ на смыслъ разобранной нами книги, если онъ признаетъ общность и великое значеніе тѣхъ чертъ, какія нами указаны въ книгѣ Марка Вовчка, то, разумѣется, онъ не можетъ не признать высокаго достоинства въ литературномъ явленіи, такъ разносторонно, живо и вѣрно изображающемъ нашу народную жизнь, такъ глубоко заглядывающемъ въ душу народа. Такимъ образомъ литературно-критическая цѣль наша будетъ достигнута безъ помощи эстетическихъ туманностей, всегда очень скучныхъ и безплодныхъ.

Что касается до другой цѣли, которую мы имѣли въ виду въ этой статьѣ, — она также не чужда литературѣ. Именно, пользуясь книгою Марка Вовчка, мы хотѣли привлечь вниманіе людей пишущихъ

на вопросъ о внѣшнемъ положеніи и внутреннихъ свойствахъ наро-
да. До сихъ поръ мы слышали самые разнорѣчивые отзывы о
нашемъ простонародьи, и — нечего скрывать — всего громче вы-
сказывались невѣжественныя и враждебныя мнѣнія. Литература, по
своему существу, долженствующая быть проводникомъ идей просвѣ-
щенныхъ, а не невѣжественныхъ, сдѣлала однако очень мало по
этому вопросу, который теперь для насъ несравненно важнѣе не
только піитическаго описанія разныхъ видовъ розы или лекцій о
санскритскомъ эпосѣ, но даже и всѣхъ достоинствъ г-жи Свѣчиной.
Мы можемъ насчитать въ нашей литературѣ рядъ именъ въ родѣ
статскаго совѣтника Григорія Бланка, магистра Николая Безобразо-
ва, графа Н. Толстаго, графа Орлова Давыдова, и т. п., можемъ при-
помнить мнѣнія въ родѣ того, что грамота портитъ мужика, что
палка необходима для порядка въ народѣ, и т. д. Но мало наберемъ
мы людей, которые бы съ любовью и знаніемъ дѣла старались воз-
становить предъ публикой достоинство народа и защитить его
право на самостоятельный бытъ. Противъ мракобѣсія и палки
возставали много; но и тутъ самыя блестящія статьи были на-
писаны съ точки зрѣнія отвлеченнаго права и общихъ требо-
ваній цивилизаціи. Видно, къ сожалѣнію, что литература наша
еще мало имѣетъ общаго съ народомъ. Участь разсказовъ Мар-
ка Вовчка служитъ новымъ тому доказательствомъ: уже около двухъ
лѣтъ они извѣстны публикѣ изъ «Русскаго Вѣстника»; въ началѣ
нынѣшняго года вышли они отдѣльной книжкой; а журналы наши
до сихъ поръ едва сказали о нихъ «нѣсколько теплыхъ словъ», по
журнальной рутинѣ. А пополнялись они въ это время важными раз-
сужденіями о первой любви, о художественности г. Никитина, о
нравственности Елены въ «Наканунѣ», и тому подобныхъ художе-
ствахъ. Одинъ критикъ взялся-было сказать свое слово о Маркѣ
Вовчкѣ, да и то доказалъ только полную несостоятельность свою го-
ворить о предметѣ, такъ далеко превосходящемъ его разумѣніе....
Неужели только эта грошовая «образованность», дѣлающая изъ
человѣка ученаго попугая и подставляющая ему, вмѣсто живыхъ
требованій природы, рутинныя сентенціи авторитетовъ всякаго
рода, — неужели она только будетъ всегда красоваться передъ нами
въ лучшихъ проиведеніяхъ нашей литературы, занимать собою на-
шихъ талантливыхъ публицистовъ, критиковъ, поэтовъ? Не пора ли
ужь намъ, отъ этихъ тощихъ и чахлыхъ выводковъ неудавшейся
цивилизаціи, обратиться къ свѣжимъ, здоровымъ росткамъ народ-
ной жизни, помочь ихъ правильному, успѣшному росту и цвѣту,
предохранить отъ порчи ихъ прекрасные и обильные плоды? Время

видеть, говоръ народной жизни доходитъ до насъ, и мы не должны пренебрегать никакимъ случаемъ прислушаться къ этому говору.

Читатели, признающіе истину этихъ соображеній,— надѣемся,— извинятъ намъ длинноту нашей статьи.

Н. —ВОВЪ.

НОВЫЯ КНИГИ.

Молинари. Курсъ политической экономіи. Часть I. Редакція перевода *Я. А. Ростовцева.* Изданіе Николая Тиблена. С. Петербургъ. 1860.

Молинари знаменитъ въ западной Европѣ, но еще знаменитѣе въ Россіи. Какими-то неисповѣдимыми судьбами онъ явился просвѣщать насъ. Центромъ, изъ котораго должно было излиться экономическое просвѣщеніе на Россію, воля рока избрала Москву; но путь въ Москву лежалъ бельгійскому генію чрезъ Петербургъ, и въ Сѣверной Пальмирѣ ожидала знаменитаго гостя первая овація. Наши петербургскіе экономисты (читатель, можетъ быть, не знаетъ, что и у насъ есть знаменитые экономисты; но мы увѣряемъ его, что они есть) пришли въ радостное волненіе и устроили торжественный обѣдъ, на которомъ гость сіялъ какъ свѣча, а наши доморощенныя знаменитости экономической науки увивались около этой свѣчи, какъ мотыльки, несмотря на свои почтенныя лѣта и фигуры. Молинари держалъ себя передъ своими петербургскими поклонниками съ привѣтливостью и удостоивалъ выражать свое удивленіе великимъ успѣхамъ русскаго просвѣщенія; благосклонно обѣщался онъ сообщить всей Европѣ, что у насъ есть люди, не лишенные нѣкоторой образованности; а люди, которыхъ находилъ онъ не лишенными нѣкоторой образованности, передавали намъ по секрету, что онъ произвелъ на нихъ впечатлѣніе фата и отчасти шарлатана. Вѣроятно отзывъ этотъ несправедливъ; вѣроятно Молинари великій ученый, звѣзда первой величины въ наукѣ, —

иначе, какъ было бы объяснить поклоненіе со стороны нашихъ знаменитыхъ экономистовъ, которые, какъ мы навѣрное знаемъ, собираются даже издавать свои труды на французскомъ языкѣ, по примѣру извѣстнаго во Франціи ученаго г. Наркиса Атрѣшкова. Успѣхъ публичныхъ лекцій Молинари въ Москвѣ не совсѣмъ соотвѣтствовалъ блистательному началу его путешествія по Россіи. Возвращаясь изъ Москвы, онъ прочелъ и петербургскому обществу нѣсколько лекцій въ той залѣ Пассажа, которая потрясалась изступленными апплодисментами стихотвореніямъ гг. Майкова и Бенедиктова. Но несмотря на такую расположенность залы къ восторгамъ, Молинари не произвелъ и тутъ эффекта, — мы слышали, будто онъ обвинялъ за то какихъ-то злонамѣренныхъ людей, устроившихъ противъ него заговоръ.

Впрочемъ, путешествіе г. Молинари по Россіи, обѣдъ въ честь его, его лекціи въ Москвѣ и петербургскомъ Пассажѣ, — все это вещи, не имѣющія никакого отношенія къ его книгѣ. О книгѣ надобно сказать, что переведена она хорошо и внѣшность изданія опрятна. Кому угодно знать, каково достоинство самой книги, удостоившейся такого перевода и изданія, тотъ можетъ узнать объ этомъ изъ предисловія, въ которомъ авторъ объясняется съ полною откровенностью. Онъ говоритъ, что могутъ спросить, зачѣмъ издается новый курсъ политической экономіи послѣ книгъ, написанныхъ великими людьми политической экономіи, и въ особенности послѣ «великолѣпнаго политико-экономическаго словаря Гильомена»? — «Мнѣ казалось, отвѣчаетъ Молинари, что всѣ изданныя донынѣ политико-экономическія сочиненія заключаютъ въ себѣ одинъ весьма важный пробѣлъ». Любопытно узнать, какой же это «одинъ пробѣлъ»? Весьма важныхъ пробѣловъ въ сочиненіяхъ, исчисляемыхъ Молинари, столько, что и сосчитать ихъ трудно. «Я говорю, продолжаетъ Молинари, объ отсутствіи достаточно яснаго изслѣдованія того общаго закона, который водворяетъ порядокъ въ экономическомъ мірѣ, установляя справедливое и необходимое равновѣсіе, какъ между различными отраслями производства, такъ и въ вознагражденіи производительныхъ дѣятелей». Ну, это ужь чуть ли не напрасно. Если память насъ не обманываетъ, Бастіа уже написалъ свои Harmonies économiques для восполненія этого «весьма важнаго пробѣла», который, впрочемъ, былъ восполненъ разными французскими экономистами задолго и до книги Бастіа. Если только въ этомъ дѣло, не стоило Молинари писать свой курсъ: у Бастіа уже доказано, что бѣднымъ не на что жаловаться, что каждый работникъ получаетъ надлежащее вознагражденіе, что если и есть на свѣтѣ люди, получающіе меньше, чѣмъ имъ слѣдовало бы, то эти люди не какіе

нибудь ткачи, швеи, земледѣльческіе батраки, — нѣтъ, а капиталисты, рентьеры, фабриканты, банкиры и другіе обиженные судьбою несчастливцы, возбуждающіе зависть въ неразумныхъ чернорабочихъ. Бастіа доказалъ уже, что если сосчитать, сколько жертвъ приносится для общаго блага и сколько благодѣяній обществу оказывается Ротшильдомъ, Миресомъ и сподвижниками ихъ, то надобно бѣднякамъ благословлять судьбу свою и воздвигать памятники заживо этимъ своимъ благодѣтелямъ. Усердіе Молинари нѣсколько занѳздало. Но впрочемъ все равно, цѣль его все-таки прекрасна. Послушаемъ его сладкія слова. Милостиво говоритъ онъ, что не ставитъ этого пробѣла въ вину своимъ учителямъ. У нихъ была иная задача; они боролись противъ привилегій, корпорацій, кастъ, монополій и исполняли свое дѣло съ удивительнымъ успѣхомъ; но, къ сожалѣнію, по словамъ Молинари, ихъ система «встрѣтила въ наше время противниковъ среди тѣхъ самыхъ классовъ, во имя интересовъ которыхъ» они дѣйствовали. Любопытно узнать, въ пользу какихъ же классовъ дѣйствовали Сэ, Макъ-Коллохъ, Росси, Мишель Шевалье, Фридерикъ Бастіа и Жозефъ Гарнье? Мы полагали, что они усерднѣе всего проповѣдывали въ пользу банкировъ и негоціантовъ, а въ особенности негоціантовъ, ведущихъ заграничную торговлю; сколько намъ извѣстно, они не встрѣчали противниковъ между людьми этихъ классовъ. Но, видите-ли, наше недоразумѣніе произошло отъ незнанія. «Между рабочими массами, объясняетъ намъ Молинари, возникла анти-либеральная и нео-регламентарная реакція, извѣстная подъ общимъ именемъ соціализма». Ну, вотъ дѣло и объяснилось. Сколько неправильныхъ понятій исправлено въ насъ этими немногими словами! Мы видимъ теперь, что Росси и Шевалье съ братіею трудились въ пользу рабочихъ классовъ, — какую прекрасную вещь они дѣлали! — жаль только одного, что этой вещи никакъ нельзя замѣтить по ихъ сочиненіямъ, въ которыхъ интересы рабочихъ сословій постоянно забываются, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда сталкиваются съ интересами капиталистовъ, а въ этихъ случаяхъ постоянно приносятся въ жертву интересамъ капиталистовъ. Мы видимъ такъ же, что соціализмъ анти-либераленъ; если такъ, мы не понимаемъ, почему же онъ не въ милости у консерваторовъ. Судя по словамъ приверженцевъ привилегій и монополій, соціализмъ до крайности либераленъ; такъ либераленъ, что передъ соціалистами Мишель Шевалье съ братіею кажутся вовсе не либеральными людьми. Мы слышали, будто соціалисты провозглашаютъ полнѣйшую децентрализацію, — можетъ быть это мечты безумныя, но ужь никакъ нельзя сказать, что это тенденціи анти-либеральныя. Мало того, что соціализмъ оказывается анти-либеральнымъ, онъ оказывается систе-

мою «нео-регламентарною», т. е., въ переводѣ съ греко-латинскаго, онъ хочетъ возстановить регламентацію промышленности, противъ которой боролся Адамъ Смитъ. Хорошо, что мы узнали это отъ Молинари, а то мы слышали совершенно противное. Надобно благодарить Молинари, что онъ разсѣялъ эти наши заблужденія. Но мы теперь не можемъ сообразить, какъ же онъ станетъ писать пятую часть своего курса, которая «будетъ содержать разборъ ложныхъ экономическихъ и соціальныхъ теорій». Развѣ самъ онъ выдумаетъ эти ложныя теоріи; а иначе, какъ же будетъ онъ разбирать мысли писателей, которыхъ не умѣетъ понимать? Впрочемъ незнаніе, неспособность понять, предубѣжденность, пристрастіе, — все это слишкомъ слабыя задержки усердію; а Молинари горитъ усердіемъ восполнить «одинъ весьма важный пробѣлъ», — проще сказать, онъ собирается «поразить соціализмъ на смерть». Послушаемъ его самого. «Появленіе соціализма, говоритъ Молинари, возложило новую обязанность на экономистовъ, —

«основателямъ науки предстояла борьба только съ тѣми, которые пользовались злоупотребленіями старой системы и, въ эгоистическихъ видахъ, требовали сохраненія своихъ привилегій; намъ же предстоитъ теперь бороться не только съ многочисленными наслѣдниками этихъ привилегій, но и съ соціалистами, проклинающими свободу промышленности, взывая къ интересамъ массъ и требуя «организаціи труда».

«Первымъ экономистамъ достаточно было доказать весь вредъ, причиняемый общему интересу ограниченіями и монополіями старой системы, всю нелѣпость предразсудковъ и софизмовъ, которыми старались оправдывать ихъ сохраненіе. Однимъ словомъ — имъ достаточно было «разрушить» старую регламентарную систему. Теперь же, когда утверждаютъ, что опытъ промышленной свободы рѣшительно не удался, что общество, едва освобожденное отъ рабства, впало въ анархію, — этого недостаточно. Нужно оправдать свободу отъ нареканій, которымъ она подвергается. Соціалисты считаютъ ее анархическою; они отвергаютъ существованіе всякаго регулирующаго начала въ производствѣ, предоставленномъ самому себѣ. Слѣдуетъ доказать, что это регулирующее начало существуетъ, и что анархія, которую соціалисты описываютъ такими мрачными красками, происходитъ отъ несоблюденія естественныхъ условій порядка.

«Вотъ новая задача, возложенная обстоятельствами на экономистовъ, — задача, которую я, по мѣрѣ силъ, пытался рѣшить. Я старался доказать, что экономическій міръ, въ которомъ соціалисты не замѣчаютъ никакого регулирующаго начала, управляется закономъ равновѣсія, дѣйствующимъ непрерывно и съ неодолимою силою для сохраненія необходимой соразмѣрности между различными отраслями и различными дѣятелями производства. Я пытался доказать, что, подъ вліяніемъ этого закона, *порядокъ* въ экономическомъ мірѣ водворяется самъ

собой, точно также, какъ, вслѣдствіе закона тяготѣнія, онъ установляется въ мірѣ физическомъ.

«Вотъ главная цѣль издаваемаго мною нынѣ труда. Не знаю, на сколько я достигъ ея, но я буду, во всякомъ случаѣ, считать свою задачу рѣшенною, если мнѣ удалось указать путь друзьямъ науки.

«И дѣйствительно, какъ не желать, чтобы доказано было очевиднымъ для всѣхъ образомъ, что производство, предоставленное самому себѣ, не обречено неизбѣжной анархіи; что въ самомъ себѣ оно заключаетъ въ высшей степени могущественное регулирующее начало? Если бы это было вполнѣ доказано и стало осязательной для всѣхъ истиной, кто бы осмѣлился тогда предлагать искуственную организацію общества? Соціализмъ не былъ ли бы пораженъ на смерть?»

Вотъ это мы называемъ говорить откровенно. Вы не думайте, что Молинари писалъ съ цѣлью изслѣдовать истину, — нѣтъ, его желаніе было гораздо выше. Въ началѣ нынѣшняго года, излагая по поводу книги г. Горлова общій свой взглядъ на политическую экономію, мы говорили, что во Франціи послѣ Сэ она получила совершенно новое направленіе, котораго была чужда, когда излагалась Адамомъ Смитомъ; что это новое направленіе, при которомъ писатели имѣютъ въ виду не изслѣдованіе истины, а только отстаиваніе во что бы то ни стало извѣстныхъ обычаевъ и экономическихъ учрежденій, придано ей боязнью передъ соціализмомъ. Если кому тогдашній отзывъ нашъ о современныхъ французскихъ экономистахъ показался слишкомъ суровъ, то вотъ г. Молинари откровенно сообщаетъ намъ, что его цѣль именно такова, какъ мы говорили. Очень можетъ быть, что Молинари съ братіею совершенно правы въ своемъ желаніи поразить на-смерть ненавистное имъ ученіе; но жаль, что они не понимаютъ одного обстоятельства: если извѣстная система, въ какой бы то ни было наукѣ, вызвала противъ себя какую нибудь новую теорію, которой не имѣли въ виду основатели системы, то хотя бы новая теорія и была неосновательной, все-таки прежнею системою никакъ уже нельзя опровергнуть ее, и для успѣха въ новой борьбѣ надобно бросить старую точку зрѣнія, несостоятельность которой доказывается самымъ появленіемъ новой теоріи. Положимъ, напримѣръ, что Нибуръ былъ не правъ, когда возсоздавалъ латинскій эпосъ изъ разсказовъ Тита Ливія; но опровергнуть Нибура Ролленомъ нѣтъ никакой возможности: вѣдь Нибуръ именно изъ того и возникъ, что Ролленъ неудовлетворителенъ. Такъ и соціалисты рѣшительно не могутъ быть опровергнуты на основаніи Сэ или Адама Смита. Если вы хотите побѣдить новыхъ противниковъ, то запаситесь новымъ орудіемъ; мечъ, которымъ Адамъ Смитъ рубилъ меркантильную систему, негодится противъ вашихъ враговъ.

Но французскіе экономисты не понимаютъ этого, — еслибъ они понимали, они тогда и не были бы тѣмъ, что разумѣется во Франціи подъ словомъ «экономистъ»,—не были бы людьми отсталыми, повторяющими теперь то, что умѣстно было говорить Адаму Смиту въ прошломъ вѣкѣ, да и это повторяющими очень плохо. Возьмемъ въ примѣръ хотя Молинари, стремящагося «на-смерть поразить соціализмъ». Не споримъ, что Сенъ-Симонъ, Фурье, Прудонъ — люди заблуждающіеся или злонамѣренные; но всѣ согласны въ томъ, что они люди очень замѣчательнаго ума; кромѣ природнаго генія у нихъ есть боевыя средства, очень сильныя: Сенъ-Симонъ пережилъ и перечувствовалъ самъ все, что можетъ испытывать человѣкъ; Фурье чрезвычайно глубоко изучилъ человѣческое сердце; Прудонъ знакомъ съ нѣмецкою философіею и обладаетъ страшной начитанностью. Посмотримъ же, съ какимъ запасомъ знаній и умственныхъ силъ идетъ, напримѣръ, Молинари поражать такихъ людей.

Начинаетъ онъ по обыкновенной рутинѣ выпискою греческихъ словъ oicos и nomos, изъ которыхъ составилось слово «экономія», и объясненіемъ, что политика тоже происходитъ отъ греческаго слова polis, и въ подтвержденіе тому ссылается на Жозефа Гарнье, въ родѣ того, какъ одинъ русскій ученый подтверждалъ цитатою изъ Карамзина свое мнѣніе, что Ѳедоръ Ивановичъ былъ сынъ Ивана Васильевича Грознаго. Бѣдняжка воображаетъ, что отлично щегольнулъ ученостью. Этимъ однимъ уже дается мѣра его учености. А хотите знать его сообразительность? Для этого достаточно прочесть сдѣланное имъ опредѣленіе политической экономіи. По обыкновенной рутинѣ приводитъ онъ нѣсколько разныхъ опредѣленій, данныхъ прежними учеными, и скромно заключаетъ этотъ перечень новымъ опредѣленіемъ своего домашняго издѣлія. Вотъ оно:

«Политическая экономія есть наука, описывающая организацію общества»,—«она есть описаніе общественнаго механизма, короче— анатомія и физіологія общества».

Поискали мы, нѣтъ ли какого нибудь ограниченія этому опредѣленію. — Нѣтъ; Молинари твердитъ себѣ: «Анатомія и физіологія общества; — описываетъ организацію общества» — и совершенно доволенъ. Ахъ, бѣдняжка, бѣдняжка! а хочетъ поражать соціализмъ! Не сообразилъ онъ, бѣдняжка, что въ его опредѣленіе цѣликомъ влѣзаютъ, кромѣ политической экономіи, всѣ общественныя науки отъ статистики до уголовнаго права, отъ исторіи до дипломатики. Не догадался онъ, что прихватилъ своимъ опредѣленіемъ всю юриспруденцію и администрацію, этнографію, исторію цивилизаціи и всѣ знанія, относящіяся къ общественной жизни. Не сообразилъ, что не-

премѣнно нужно было бы вставить въ опредѣленіе слова или «матеріальное благосостояніе», или «богатство», или что нибудь подобное. Съ такою-то сообразительностью отправляется человѣкъ ратовать противъ ложныхъ ученій!

Такъ превосходно опредѣливъ область политической экономіи, Молинари, разумѣется, доказываетъ, что она очень полезна. Откуда онъ такъ хорошо могъ узнать правила для составленія ученыхъ книгъ, преподаваемыя покойнымъ Кошанскимъ? Или, ужь не написалъ ли онъ свой курсъ но возвращеніи изъ Москвы?—Но едва ли... времени съ тѣхъ поръ прошло слишкомъ мало. По реторикѣ Кошанскаго, за опредѣленіемъ науки должно слѣдовать объясненіе пользы ея; такъ и дѣлаетъ Молинари. Доказавъ полезность политической экономіи не хуже, чѣмъ покойный Кайдановъ доказывалъ полезность всеобщей исторіи, Молинари продолжаетъ: «Изъ всего сказаннаго нами казалось бы, что легко видѣть всю пользу изученія политической экономіи; однакоже, къ стыду нашего времени, эта польза была не разъ оспариваема». Скажите, пожалуйста, кѣмъ же это? — Ей «были нанесены страшные удары. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, знаменитый ораторъ Донозо Кортесъ, съ высоты испанской трибуны, сдѣлалъ яростное нападеніе на политическую экономію». Ну, отлегло у насъ отъ души; а то мы совсѣмъ было перепугались. Удары, наносимые Донозо Кортесомъ, едва-ли слѣдуетъ называть очень страшными; вѣдь онъ жалѣетъ объ уничтоженіи инквизиціи, называетъ герцога Альбу благодѣтелемъ рода человѣческаго, отвергаетъ Коперникову систему, хочетъ отдать всю Европу, даже протестантскую, подъ безусловную власть папы и въ духовныхъ и въ свѣтскихъ дѣлахъ, — мало ли на что онъ нападаетъ: и на прививаніе оспы, и на громоотводы, и на пароходство.... Охота же обращать вниманіе на такого человѣка. Если ужь и говорить о немъ, то можно только выставлять его или въ смѣшномъ, или въ отвратительномъ видѣ; но Молинари начинаетъ почтительно разсуждать съ нимъ и робко доказывать, что политическая экономія можетъ быть соглашена съ мнѣніями, которыхъ держится Донозо Кортесъ. Донозо Кортеса мы оставимъ въ сторонѣ, и послушаемъ, что говоритъ Молинари о политической экономіи въ религіозномъ, нравственномъ и политическомъ отношеніи. Эти страницы составляютъ очень замѣчательное исключеніе въ книгѣ Молинари, которая вся состоитъ изъ набора общихъ мѣстъ, между тѣмъ какъ тутъ онъ возвышается далеко надъ уровнемъ обыкновенныхъ ученыхъ и превосходитъ даже своихъ учителей. Нѣкоторые говорили,—по словамъ Молинари,—что политическая экономія ведетъ къ невѣрію и къ стремленію пересоздавать существующія

учрежденія. Молинари превосходно доказываетъ, что это несправедливо.

«Политическая экономія является, напротивъ, наукою, существенно религіозною, потому что она, можетъ быть болѣе чѣмъ всякая другая, даетъ самое высокое понятіе о Великомъ Творцѣ вселенной.»

«Что сдѣлали экономисты, ученія которыхъ во имя религіи отвергаются нѣкоторыми предубѣжденными умами? Они старались доказать, что Провидѣніе не бросило человѣчество на волю слѣпаго случая. Они старались доказать, что общество имѣетъ свои, Богомъ установленные законы, законы гармоническіе, водворяющіе въ немъ справедливость, точно также, какъ законы тяготѣнія водворяютъ порядокъ въ мірѣ физическомъ.»

«Теперь, спрашиваю я, не болѣе ли въ этомъ законѣ нравственнаго, религіознаго и истинно христіанскаго? Не лучшее ли даетъ онъ намъ понятіе о Провидѣніи? Не заставляетъ ли онъ насъ еще болѣе полюбить его? Если изученіе твореній Кеплера, Ньютона возвышаетъ въ глазахъ нашихъ божественное могущество, то изученіе гармоническихъ законовъ общественной экономіи въ книгахъ Смитовъ, Мальтусовъ, Рикардо, Сеевъ или, что еще лучше, въ живни самаго общества, не должно ли намъ дать болѣе высокое понятіе о правосудіи и благости Творца вселенной?

«Вотъ каковы, съ религіозной точки зрѣнія, результаты изученія политической экономіи! Вотъ какъ приводитъ она къ невѣрію!»

«Политическую экономію можно еще разсматривать, какъ сильное орудіе для сохраненія общественнаго устройства.»

Преобразовывать общественныя учрежденія!—продолжаетъ Молинари:—экономисты никакъ не отважатся мечтать объ этомъ, потому что въ мірѣ и такъ все устроено гармоническимъ образомъ, все имѣетъ превосходную организацію. Замѣнять существующую организацію какой нибудь другой,—объ этомъ могутъ думать только люди въ родѣ Фурье и Прудона, считающіе себя необыкновенными геніями. Прудонъ, напримѣръ,

«по изобрѣтеніи своего новаго рецепта общественной организаціи, кричалъ во всеуслышаніе, что если земля до сихъ поръ и вращалась съ запада на востокъ, то онъ съумѣетъ заставить ее вращаться съ востока на западъ.

«Вотъ до какой степени доходитъ изступленіе преобразователей общества. Чудовищная гордость до того овладѣла этими, иногда столь замѣчательными умами, что сдѣлала ихъ безобразными и отвратительными. Скажутъ: да это сумасшедшіе! Согласенъ.»

Самъ Молинари, какъ видно, не считаетъ себя человѣкомъ необыкновеннаго ума. Онъ не умѣетъ даже отличать метафорическихъ

выраженій отъ словъ, употребляемыхъ въ прямомъ смыслѣ и кажется воображаетъ, что Прудонъ намѣренъ измѣнить направленіе суточнаго движенія земли. Отчего же, однако, продолжаетъ Молинари, это безуміе заразительно? Заразительно оно потому, что «совпадаетъ съ заблужденіемъ толпы». Вотъ это новость! Толпу часто и справедливо упрекаютъ въ рутинности, но никому не было до сихъ поръ извѣстно, что она подвержена безумію, — напротивъ, всѣ полагали, что если кругъ ея понятій узокъ, то все-таки она отличается большимъ здравымъ смысломъ. Безуміе, открытое въ ней Молинари, «представляетъ серьёзную опасность», отъ которой лекарствомъ и служитъ политическая экономія.

«Предположимъ, что массы, увлеченныя утопіей, успѣютъ когда нибудь захватить въ свои руки управленіе народами; предположимъ, что онѣ воспользуются своимъ могуществомъ, для того, чтобы привести въ исполненіе тѣ системы, которыя несовмѣстны съ самыми необходимыми условіями существованія обществъ. Что же изъ этого выйдетъ? Благосостояніе общества очевидно будетъ сильно потрясено, и оно подвергнется той же опасности, тѣмъ же страданіямъ, какимъ подвергается больной, ввѣрившій заботу о своемъ здоровьи какому нибудь шарлатану. Я очень хорошо знаю, что живненность общества достаточно велика, чтобы противиться самымъ вреднымъ снадобьямъ, я очень хорошо знаю, что общество не можетъ погибнуть; но оно можетъ жестоко пострадать и остаться надолго въ состояніи смертельнаго безсилія.

«Укажемъ еще на то, что происходитъ среди общества, которому угрожаютъ бѣдственные опыты утопіи, поддерживаемой невѣжествомъ. Происходитъ то, что источники общественнаго благосостоянія изсякаютъ уже заранѣе, что опасеніе зла дѣйствуетъ почти также разрушительно, какъ самое зло. Тогда интересы, которымъ угрожаетъ опасность, постоянной тревогой раздражаются наконецъ до такой степени, что рѣшаются на самыя тяжелыя пожертвованія, для того только, чтобы избавиться отъ призрака, преслѣдующаго ихъ. Для своего спасенія отъ соціализма, они готовы сносить существующій порядокъ!

«Вотъ почему полезно преподаваніе политической экономіи. Когда массы лучше узнаютъ условія существованія общества, тогда нечего будетъ опасаться, — онѣ сдѣлаются лучшими хранителями общественнаго порядка. Имъ можно будетъ ввѣрить священную заботу объ интересахъ того общества, самое существованіе котораго теперь подвергается опасности, благодаря ихъ невѣжеству и легковѣрію. Тогда можно будетъ дать имъ тѣ права, предоставленіе которыхъ теперь было бы не совсѣмъ благоразумно. Общество станетъ тогда дѣйствительно неодолимымъ, потому что для своей защиты оно будетъ располагать всѣми силами, кроющимися въ немъ.

«Итакъ, политическая экономія — наука, существенно религіозная, потому что она болѣе, чѣмъ всякая другая раскрываетъ предъ нами

всю мудрость и благость Провидѣнія въ высшемъ управленіи дѣлами людей. Политическая экономія — наука существенно нравственная, потому что она доказываетъ, что полезное всегда согласуется въ окончательномъ результатѣ съ тѣмъ, что справедливо. Политическая экономія — наука существенно консервативная.»

Прекрасныя, совершенно основательныя слова, составляющія, какъ мы сказали, единственное замѣчательное мѣсто въ пустой болтовнѣ нашего знаменитаго гостя. Жаль только, что въ своемъ усердіи превознести политическую экономію обидѣлъ онъ весь человѣческій родъ, объявивъ его безумнымъ.

Мы просмотрѣли первую лекцію Молинари; надѣемся скоро представить читателямъ подробный разборъ его книги, а на нынѣшній разъ довольно будетъ и этого. Характеръ книги виденъ, видны превосходныя намѣренія автора «спасти общество отъ серьёзной опасности и на-смерть поразить соціализмъ»; но видно такъ же, что не достаетъ у него сообразительности, нужной для такого прекраснаго дѣла. Печатно бранить Прудона и пускать пыль въ глаза своимъ петербургскимъ собесѣдникамъ фразами въ родѣ: «я говорилъ объ этомъ съ Прудономъ, близкимъ своимъ пріятелемъ»,—это какъ-то нейдетъ дѣльцому ученому, а прилично только фату. Человѣкъ сколько нибудь ученый не сталъ бы щеголять цитатами изъ Жозефа Гарнье, или кого бы то ни было, о словопроизводствѣ слова «экономія». Еще одна черта: слышали-ли вы, читатель, о замѣчательной книгѣ Шарля де Брукера? Никто никогда объ ней не слыхивалъ. Извѣстно, что Брукеръ былъ довольно важнымъ человѣкомъ въ Бельгійскомъ правительствѣ, былъ хорошій администраторъ, заботился о чистотѣ брюссельскихъ улицъ и т. д.; но какъ писатель онъ ничтоженъ. Въ предисловіи Молинари на страницѣ VI вы можете однакоже видѣть, что книга Брукера Principes généraux d'économie politique «должна занимать одно изъ первыхъ мѣстъ между руководствами къ политической экономіи». Отчего же это? На V стр. того же предисловія вы можете увидѣть, что Брукеръ доставилъ нашему просвѣтителю должность профессора въ Брюсселѣ. Вотъ это плохо. Можно посвятить свою книгу человѣку, котораго считаешь своимъ благодѣтелемъ, но превозносить его сочиненія, не заслуживающія вниманія, это уже не хорошо; и сомнительно, чтобы поступающіе такимъ образомъ могли понимать общественныя опасности или спасать общество; обыкновенно они проникаются усердіемъ къ одному, ненавистью къ другому, по желанію своихъ благодѣтелей. —Ну что, если бы профессорскія мѣста въ Бельгіи раздавалъ не Брукеръ, а Прудонъ; — тогда, вѣроятно, почтенный Молинари иначе говорилъ бы о Прудонѣ, — чего добраго, даже посвятилъ бы ему,

пожалуй, свою книгу; а написалъ бы ее уже не для пораженія, а въ защиту соціализма.

Мы совѣтовали бы издателю первой части курса Молинари не выполнять своего обѣщанія, «издавать въ русскомъ переводѣ остальныя части книги немедленно по мѣрѣ ихъ выхода»: не стоитъ. Другое дѣло, напримѣръ, «Руководство къ сравнительной статистикѣ, Кольба», которое издатель готовитъ къ печати, какъ сказано на оберткѣ книги. Это сочиненіе хорошее за и него будетъ можно поблагодарить г. Тиблена. Можно поблагодарить его и за изданіе перевода «Исторіи цивилизаціи въ Европѣ, Гизо», — сочиненія, къ которому мы теперь переходимъ.

Исторія цивилизаціи въ Европѣ отъ паденія Римской имперіи до французской революціи. Соч. *Гизо*. Редакція перевода К. К. Арсеньева. Изданіе Николая Тиблена. С. Петербургъ. 1860.

Намъ нѣтъ возможности прослѣдить все содержаніе книги Гизо, указать всѣ тѣ случаи, въ которыхъ онъ, по нашему мнѣнію, ошибался,—для этого потребовалось бы написать цѣлую книгу. Есть писатели, у которыхъ на безчисленномъ множествѣ страницъ разведена водою одна какая нибудь бѣдная мысль,—примѣръ тому представлялъ намъ Молинари. Выписали мы изъ него нѣсколько строкъ, обнаруживающихъ его намѣренія, показали двумя-тремя выписками, что онъ не имѣетъ знаній, нужныхъ для исполненія такой задачи—и довольно. Гизо не таковъ. Его историческія сочиненія не сшиты изъ клочковъ, нахватанныхъ по немногимъ, большею частью довольно плохимъ, источникамъ. Это не дюжинныя компиляціи съ высокими претензіями; Гизо серьёзный ученый; онъ самъ глубоко изучалъ предметы, о которыхъ говоритъ, и если у него много мыслей, несправедливыхъ по вашему мнѣнію, то каждая изъ нихъ заслуживаетъ серьёзнаго опроверженія, потому что взята не съ вѣтра. Писать такую подробную оцѣнку всѣхъ подробностей мы здѣсь не можемъ, и по-неволѣ должны обратить вниманіе лишь на общій принципъ его воззрѣнія.

Къ переводу, изданному г. Тибленомъ, приложена довольно недурная статья о дѣятельности Гизо, написанная г. Барсовымъ. Авторъ этого предисловія старается опредѣлить убѣжденія политической и ученой партіи, замѣчательнѣйшимъ представителемъ которой былъ Гизо, и показать русскому читателю, какъ надобно смотрѣть на лекціи, предисловіе къ которымъ составляетъ эта статья. Едва ли справедливо находитъ г. Барсовъ коренною причиною недостатковъ

общаго взгляда Гизо на науку ту важность, которую Гизо придалъ понятію цивилизаціи и которая будто бы помѣшала ему дать въ исторіи надлежащее мѣсто народнымъ особенностямъ. Правильно или неправильно разсматриваетъ Гизо исторію разныхъ народовъ, но нельзя сказать, чтобы онъ не замѣчалъ разницы между ними. Напрасно также порицать Гизо за то, что онъ устранилъ изъ своего плана разсказъ отдѣльныхъ событій, сосредоточивъ все вниманіе на характеристикѣ общаго духа событій, учрежденій и понятій въ каждую данную эпоху. Напротивъ, эта особенность и составляетъ главную цѣну его историческихъ трудовъ. Историковъ-разсказчиковъ всегда были десятки и сотни, но никто изъ тогдашнихъ французскихъ историковъ не сдѣлалъ такъ много, какъ онъ, для разъясненія смысла европейской исторіи. Если бы онъ вдавался въ разсказъ фактовъ, они только отвлекли бы его вниманіе отъ существеннаго предмета его лекцій. Посвятивъ нѣсколько часовъ описанію личностей и битвъ періода крестовыхъ походовъ, онъ увидѣлъ бы, что у него едва остается нѣсколько минутъ на общую характеристику этого явленія. Но справедливъ г. Барсовъ, когда упрекаетъ Гизо за «излишній оптимизмъ въ сужденіяхъ объ историческихъ событіяхъ». Дѣйствительно въ этомъ и заключается слабая сторона ученыхъ произведеній Гизо. Онъ находитъ, что въ сущности все было очень полезно для человѣчества. Страшное тяготѣніе Римской имперіи истощило всю энергію подвластныхъ странъ, убило духъ народовъ Пиринейскаго полуострова, Галліи, Британіи, Италіи до того, что эти десятки милліоновъ не могли отбиться отъ малочисленныхъ варваровъ, — Гизо находитъ, что централизація имперіи была лучшимъ противодѣйствіемъ прежней муниципальной разрозненности. Водворяется варварство — хорошо и это: варвары внесли въ европейскую исторію принципъ личной независимости. Послѣ страшнаго хаоса водворяется столь же страшный феодализмъ — хорошо и это: въ феодальныхъ замкахъ явилась поэзія. На развалинахъ феодализма возвышается Людовикъ XI, — онъ тоже былъ очень полезенъ, — въ какомъ отношеніи, мы уже и не знаемъ, но все-таки полезенъ.

Ученымъ основаніемъ такого оптимизма служило одностороннее понятіе о прогрессѣ. Мы видимъ, что какова бы ни была западная Европа въ XIII вѣкѣ, но все-таки она достигла положенія лучшаго, чѣмъ какое было въ X вѣкѣ, а XVII вѣкъ, при всѣхъ своихъ бѣдствіяхъ, былъ все-таки лучше XIII, и нынѣшнее время, каково бы оно ни было, далеко лучше XVII столѣтія. Въ чемъ же заключаются причины этихъ улучшеній судьбы еврепейскаго человѣчества? Проще всего было бы искать этой благотворной причины въ натурѣ самихъ европейскихъ народовъ, которые подобно всѣмъ

другимъ народамъ не лишены стремленій къ просвѣщенію, къ правдѣ и ко всему другому хорошему. Точно такъ же въ людяхъ есть врожденная способность и охота трудиться. Благодаря этимъ качествамъ человѣческой натуры, постепенно устроивается лучшій общественный порядокъ и благосостояніе. Масса трудится и понемногу совершенствуются производительныя исскуства. Она одарена любознательностью или по крайней мѣрѣ любопытствомъ и — постепенно развивается просвѣщеніе; благодаря развитію земледѣлія, промышленности и отвлеченныхъ знаній смягчаются нравы, улучшаются обычаи, потомъ и учрежденія; всему этому причина одна — внутреннее стремленіе массы къ улучшенію своего матеріальнаго и нравственнаго быта, а формы, подъ вліяніемъ которыхъ долженъ вырабатываться этотъ прогрессъ, не всегда благопріятны ему, потому что происходятъ совершенно изъ другихъ началъ и поддерживаются совершенно иными средствами. Возьмемъ, напримѣръ, феодализмъ. Что общаго имѣлъ онъ съ трудолюбіемъ или любознательностью? Произошелъ онъ изъ завоеванія, цѣлью его было присвоеніе плодовъ чужаго труда, поддерживался онъ насиліемъ, ученыхъ стремленій феодалы не имѣли; они хотѣли проводить въ лѣности все время, остававшееся у нихъ отъ войнъ, турнировъ и тому подобныхъ занятій. Спрашивается теперь, какимъ же образомъ могла быть благопріятна прогрессу эта форма? Французскіе земледѣльцы работали и должны были отдавать все, что только можно было взять у нихъ. Этимъ ослаблялась энергія ихъ труда, да и самый трудъ безпрестанно прерывался насиліями всякаго рода. Потому сельское населеніе осталось во Франціи почти чуждо прогрессу. Горожане часто успѣвали защищаться за своими стѣнами, но все-таки очень часто подвергались грабежу, да и въ случаяхъ удачной защиты постоянная надобность обороняться отвлекала ихъ силы отъ труда? Можно ли послѣ этого говорить о томъ, что тогдашнія формы помогали труду? Если онъ достигалъ какихъ нибудь результатовъ, то лишь наперекоръ этимъ формамъ. Точно тоже надобно сказать и объ успѣхахъ другаго элемента цивилизаціи, о прогрессѣ знаній. Если они развивались, то лишь наперекоръ тогдашнимъ формамъ. Только вотъ этимъ и объясняется медленность прогресса, неудовлетворительность цивилизаціи послѣ столькихъ вѣковъ исторической жизни. Ни въ чемъ, кромѣ натуры человѣка, не находила себѣ цивилизація поддержки, а люди, трудомъ и любознательностью которыхъ вырабатывалась она, находились въ положеніи чрезвычайно стѣсненномъ, такъ что дѣятельность ихъ была очень слаба и безпрестанно подвергалась помѣхамъ, уничтожавшимъ большую часть даже того немногого, что ус-

пѣвала она произвести. Едва пріобрѣтаетъ она нѣкоторые успѣхи въ городахъ верхней Италіи, какъ идутъ на нее полчища нѣмцевъ и результатомъ борьбы императоровъ съ папами оказывается подчиненіе ломбардскихъ и тосканскихъ городовъ игу кондотьеровъ; едва начинаетъ равцвѣтать трудолюбіе и наука въ южной Франціи, какъ Инокентій III указываетъ полчищамъ сѣверной Франціи эти цвѣтущія области, провозглашая истребленіе альбигойцевъ. Такъ или иначе, та же самая исторія постоянно повторялась повсюду въ западной Европѣ.

Но результатъ, произведенный человѣческою натурою, наперекоръ формѣ тяготѣвшей надъ нимъ, очень многими приписывается дѣйствію формы: при ней, слѣдовательно благодаря ей, таковъ силлогизмъ обманывающій большинство историковъ. По такому силлогизму народъ считаетъ зиму причиной лѣтняго плодородія и могъ бы считать причиной теплоты, сохраняющейся въ жилищахъ, наперекоръ вліянію внѣшняго холода.

Гизо не заслуживалъ бы особеннаго порицанія, еслибъ онъ не превосходилъ въ этомъ отношеніи другихъ историковъ. Но то, что у нихъ было только слѣдствіемъ невнимательности, оставалось простою ошибкою, у него возведено въ теорію, развитую совершенно послѣдовательно. У другихъ историковъ мы найдемъ, что множество вредныхъ явленій выставляются полезными, но все-таки остается въ ихъ изложеніи нѣкоторое количество вредныхъ явленій выставленными какъ дѣйствительно вредныя. У Гизо не то: у него каждый значительный фактъ непремѣнно оказывается содѣйствовавшимъ прогрессу. Мавры завоевали Испанію—это полезно было для прогресса, потому что привело въ Европу арабскую цивилизацію; мавры, успѣвшіе цивилизоваться въ Испаніи, изгоняются изъ нея людьми гораздо менѣе просвѣщенными,—это опять полезно для цивилизаціи, потому что европейцы тутъ получатъ еще больше случаевъ цивилизоваться. Слѣдствія побѣды — введеніе инквизиціи, отнятіе всѣхъ правъ у испанскаго народа, разореніе всей Европы честолюбіемъ Карла V и Филиппа II: нужды нѣтъ; Гизо все-таки называетъ благотворными явленіями факты, которые привели къ такимъ результатамъ.

Этотъ крайній оптимизмъ происходитъ у него отъ характера его политическихъ убѣжденій: онъ всегда былъ приверженцемъ старины. Новымъ идеямъ онъ всегда дѣлалъ лишь ничтожнѣйшія уступки, идеалъ его всегда былъ очень близокъ къ средневѣковому устройству. Напрасно говорятъ, что онъ сталъ реакціонеромъ только въ послѣднюю половину жизни, — онъ съ самаго начала былъ реакціонеромъ. Онъ въ 1814 году встрѣтилъ Бурбоновъ съ радостью, потому

что они были представителями старинныхъ учрежденій. Во время реставраціи онъ разошелся съ крайними роялистами, но это оттого, что они были ослѣпленные фанатики, а онъ человѣкъ холоднаго образа мыслей, желавшій не переходить границъ благоразумія въ реакціонномъ стремленіи. Знаменемъ его всегда была легитимность. До послѣдней минуты онъ противился низложенію Бурбоновъ въ 1830 году, выказалъ усердіе къ нимъ не меньше самыхъ записныхъ легитимистовъ. Онъ разошелся съ ними опять только потому, что они хотѣли дѣйствовать неблагоразумными, непрактичными средствами: по ихъ мнѣнію, для пользы старинныхъ учрежденій надобно было возвратить во Францію Бурбоновъ посредствомъ силы. Гизо видѣлъ невозможность достичь успѣха этимъ путемъ и, понимая непрактичность желанія возстановить Бурбоновъ, хотѣлъ, чтобы Орлеанскій домъ сталъ полнымъ представителемъ всѣхъ принциповъ, которымъ прежде служили Бурбоны. Онъ совершенно достигъ этой цѣли. Новое правительство постоянно дѣйствовало такъ, что ничего лучшаго не могли бы дѣлать и сами Бурбоны. Несмотря на свой кальвинизмъ, Гизо покровительствовалъ іезуитамъ и помогалъ швейцарскому Зондербунду, начавшему войну противъ остальныхъ кантоновъ въ защиту іезуитовъ. Когда Гизо былъ министромъ, французская политика держалась совершенно тѣхъ же началъ, какимъ слѣдовалъ Меттернихъ. Будучи приверженцемъ старины по своимъ политическимъ убѣжденіямъ, Гизо чувствовалъ надобность выставлять съ хорошей стороны средневѣковые элементы и въ своихъ ученыхъ сочиненіяхъ. Нѣтъ, мы выразились невѣрно: не то, что онъ чувствовалъ надобность выставлять ихъ съ хорошей стороны, а, въ самомъ дѣлѣ, онъ видѣлъ въ нихъ хорошаго несравненно больше, чѣмъ дурнаго.

Странно можетъ казаться послѣ этого, что у насъ, да и въ остальной Европѣ, большинство писателей считаетъ Гизо однимъ изъ представителей либерализма. Но причина тутъ очень простая и обыкновенная; она заключается въ неразборчивости общественнаго мнѣнія, одинаково легко порицающаго или превозносящаго за нѣсколько пустыхъ фразъ, лишенныхъ всякаго опредѣленнаго значенія. Помните ли, какая исторія поднялась у насъ изъ-за какой-то статейки въ «Иллюстраціи» объ евреяхъ, статейки, не имѣвшей въ себѣ ничего особеннаго. Сонмъ уважаемыхъ литераторовъ провозгласилъ за то «Иллюстрацію» органомъ фанатизма, желающаго возжечь инквизиціонные костры. Начался такой гвалтъ, отъ котораго глухіе могли бы вновь оглохнуть. Точно такъ бываетъ и наоборотъ. Скажетъ, напримѣръ, человѣкъ: «я не одобряю насилія»; кажется, что тутъ особеннаго: вѣдь насилія никто не одобряетъ. А

вотъ, смотрите, ужь эта фраза пріобрѣла ему имя либерала. Притомъ же и положеніе Гизо или Тьера было совершенно особенное: французскіе министры были единственными конституціонными министрами на континентѣ Европы. Правда, существовала конституція въ Голландіи, въ Бельгіи, въ Баденѣ; но кто когда слыхивалъ что нибудь объ этихъ неважныхъ государствахъ? Вниманіе континентальныхъ либераловъ было занято исключительно преніями парижской палаты; и когда они читали рѣчи Тьера или Гизо, такъ краснорѣчиво говорившихъ о конституціи, они думали: какъ, однако же, отличаются эти министры отъ Меттерниха, преслѣдующаго слово «конституція». Такъ и упрочилась за Тьеромъ и Гизо репутація либеральныхъ министровъ. Что̀ они дѣлали, — кому было время разбирать? Слушать слова гораздо легче, чѣмъ изслѣдовать поступки.

Бытъ Подолянъ. Изд. *Шейковскаго*. Т. I. Выпускъ I. Кіевъ. 1860 г.

Г. Шейковскій принялъ на себя трудъ знакомить публику съ бытомъ подолянъ и собирать матеріалы, служащіе къ уясненію его.

«Бытъ подолянъ,—говоритъ г. Шейковскій въ своемъ предисловіи,—будетъ выходить выпусками отъ 3 до 4 листовъ. Шесть выпусковъ составятъ томъ. Каждый выпускъ будетъ состоять изъ двухъ отдѣловъ. Первый отдѣлъ посвящается статьямъ, знакомящимъ съ бытомъ подолянъ; второй будетъ наполняться матеріалами, сюда относящимися. Здѣсь найдутъ себѣ мѣсто пѣсни, сказки, пословицы, поговорки, повѣрья, загадки, анекдоты, фацеціи, и т. п. Этимъ мы даемъ возможность познакомиться съ умственнымъ развитіемъ подолянъ по источникамъ первой руки. Къ тому же подобное обнародованіе матеріаловъ важно и для разработывающихъ южнорусскій языкъ въ филологическомъ отношеніи и необходимо для будущаго полнаго сборника народныхъ произведеній, котораго мы когда нибудь да дождемся» (стр. III).

Мысль изданія, какъ видно, прекрасная и исполненію ея нельзя не пожелать полнаго успѣха.

Первый выпускъ содержитъ въ первомъ отдѣлѣ своемъ небольшую статейку о «гамивкахъ» въ Подольской губерніи, во второмъ: бытовыя пѣсни—рекрутскія, чумацкія, пѣсни сапожниковъ; коломейки. Книжечка вышла тощенькая, миньятюрная, всего 71 стр., но собраннымъ въ ней матеріаламъ конечно не безполезная, но съ пребольшими претензіями. Книжечка никакъ не хочетъ ограничиться

своею задачею, т. е. простымъ изображеніемъ быта подолянъ и собраніемъ относящихся къ этому быту матеріаловъ, — она хочетъ непремѣнно философствовать и философствуетъ такимъ образомъ:

«Въ *доисторической* эпохѣ каждаго народа различаютъ нѣсколько ступеней развитія. Первую изъ нихъ можно назвать аморфизмомъ. Здѣсь все еще представляется въ хаосѣ, еще не обособилось, и находится только въ зачаткахъ. Въ этотъ темный лабиринтъ ведетъ только языкъ, произведеніе этой эпохи. Эта ступень, болѣе и болѣе обособляясь, переходитъ въ некромантизмъ, гдѣ уже устанавливается культъ, и міровоззрѣніе народа формулируется въ извѣстные обряды. Затѣмъ міросозерцаніе выступаетъ въ формѣ натурализма, хотя и прежняя фаза развитія служитъ уже преддверіемъ къ нему. Натурализмъ распадается на астрализмъ, литоморфизмъ, фитоморфизмъ, и антропоморфизмъ, который завершается гуманизмомъ, составляющимъ ядро антроморфизма, внутреннюю его сторону. Конечно такія разграниченія создала только наука; на дѣлѣ же по большей части случается такъ, что послѣдующую ступень развитія сопровождаютъ обломки прежняго быта. Обломки эти, правда, блѣднѣютъ передъ господствующимъ міровоззрѣніемъ, теряютъ часть своей святыни, и по отношенію къ нему, считаются суевѣріями. Въ то время, когда одинъ культъ переходитъ въ другой, понятія прежняго культа болѣе или менѣе искажаются и подлаживаются подъ господствующее воззрѣніе. Поэтому нужна особенная осторожность при реставраціи народныхъ вѣрованій: ихъ надо анализировать до мельчайшихъ атомовъ и распредѣлять эти атомы по извѣстнымъ культамъ. Конечно эта работа не легкая: часто приходится по едва уцѣлѣвшимъ обломкамъ возсоздать цѣлый образъ міросозерцанія, слѣдить за его развитіемъ и судьбою. Главное, на что при этомъ надо обращать вниманіе, это психическая сторона вопроса.

«Каждое міровоззрѣніе формулируетъ особыя, ему одному свойственныя, обрядности, которыя составляютъ внѣшнее выраженіе міросозерцанія. Когда одинъ культъ смѣняется другимъ, вмѣстѣ съ тѣмъ мѣняются, пересоздаются самыя обрядности. Здѣсь повторяется тоже явленіе, какое мы видѣли и при измѣненіи культа, именно обряды предшествовавшаго міросозерцанія часто стоятъ рядомъ съ обрядами послѣдующаго культа, конечно уже въ преобразованномъ видѣ.

«Извѣстно, что хороводы, а слѣдовательно и гаивки, представляютъ внѣшнюю обрядовую сторону извѣстнаго культа; но при этомъ по необходимости рождается вопросъ: при какомъ культѣ могутъ возникнуть хороводы, и какую психическую сторону они собою выражаютъ? — Г. Сахаровъ говоритъ: «русскіе хороводы, украшая собою нашу семейную жизнь, преставляются столько же древними, сколько древня наша жизнь». Но это только фраза. Изъ нея ничего нельзя заключить о началѣ хороводовъ. Несомнѣнно, что при аморфизмѣ они еще не могутъ получить своего начала. По всей вѣроятности они начинаются въ пору некроман-

тизма. И дѣйствительно, мы знаемъ, что погребеніе у всѣхъ народовъ на первой ступени ихъ развитія сопровождалось извѣстными обрядностями, которыя можно считать началомъ хороводовъ кавсаны (καυσάνοι): печалились при рожденіи человѣка, а смерть возбуждала въ нихъ противоположное чувство. Во время Геродота народы Ѳракіи предавались радости при похоронахъ, выражая тѣмъ, что человѣкъ освободился отъ всѣхъ бѣдствій. У грековъ и римлянъ игры и борьбы заключали похоронное торжество. Нѣкоторые народы югозападной Азіи, Вестъ-Индіи, Океаніи и внутренней Африки и теперь пируютъ надъ трупами умершихъ, потомъ сожигаютъ ихъ, а въ заключеніе совершаютъ различныя пляски. Здѣсь-то начало хороводовъ которые въ некромантическомъ культѣ, конечно, не могли еще вполнѣ сформироваться. Это совершилось въ астральномъ культѣ». (стр. 2—5).

Въ миньятюрной статейкѣ автора о «гаивкахъ», занимающей всего 46 страничекъ разгонистой печати, со включеніемъ и 17 гаивокъ, собранныхъ авторомъ, подобныя разсужденія представляются бурею въ стаканѣ воды. Стоило ли для такого ничтожнаго матеріала, какой былъ въ рукахъ автора, дѣлать такія широкія философскія построенія? Мы должны замѣтить, что соображенія г. Шейковскаго вовсе не такъ новы, чтобы была нужда ихъ высказывать. Связь хороводовъ съ культомъ указана и выяснена еще г. Кавелинымъ въ извѣстной всѣмъ рецензіи по поводу книги Терещенки: «Бытъ русскаго народа». Соображенія г. Шейковскаго не болѣе, какъ скудныя крохи, подобранныя изъ этой богатой статьи. Различіе только въ томъ, что нѣкоторыя догадки г. Кавелина авторъ возвелъ на степень несомнѣнныхъ истинъ, отъ другихъ предположеній г. Кавелина отступилъ, и отступилъ по нашему мнѣнію совершенно напрасно.

Есть извѣстіе, что славяне съ древнихъ временъ чтили единаго Бога. Желая согласить это невѣроятное извѣстіе о доисторическомъ монотеизмѣ славянъ съ несомнѣнно существовавшимъ у нихъ многобожіемъ, г. Кавелинъ предположилъ, что «языческій монотеизмъ славянъ могъ быть только первичной, самой неопредѣленной, неразвитой формой поклоненія внѣшней матеріальной силѣ природы или случая, и слѣдовательно могъ существовать, пока человѣкъ не умѣлъ даже различать явленій и предметовъ» (Соч. Кавелина. Ч. IV, стр. 70). Предположеніе, по нашему мнѣнію, невѣроятное. Возможно ли представить какое бы то ни было человѣческое общество хотя на одинъ день внѣ дѣйствія явленій и предметовъ и слѣдовательно не умѣющимъ различать явленій и предметовъ? А съ сознаніемъ этого различія, съ сознаніемъ пользы или вреда дѣйствующихъ явленій и предметовъ уже и начинается обожаніе груба-

го, непосрественнаго факта. Г. Шейковскій предположеніе г. Кавелина объ аморфизмѣ, вызванное только потребностію объяснить извѣстіе о древнемъ славянскомъ монотеизмѣ, принялъ за несомнѣнную истину и полагаетъ его первою непремѣнною ступенью религіознаго развитія. Но чтобы утвердить такое предположеніе, надобно сначала доказать, что во всѣхъ саморазвивающихся религіяхъ аморфизмъ дѣйствительно предшествуетъ всѣмъ другимъ формамъ развитія. Преемственною формою аморфизму г. Шейковскій ставитъ некромантизмъ, отступая въ этомъ случаѣ отъ г. Кавелина, у котораго первичный, schlechtester, монотеизмъ перерождается въ натурализмъ сначала грубый, обожающій непосредственный фактъ, затѣмъ натурализмъ силъ природы, смѣняемый въ свою очередь антропоморфизмомъ. Такая преемственность формъ весьма естественна и подтверждается исторіею религіознаго развитія у всѣхъ языческихъ народовъ. Антропоморфизмъ всегда бываетъ вѣнцомъ этого развитія. Человѣкъ не прежде можетъ придти къ мысли объ обожаніи себѣ подобныхъ, какъ нѣсколько ближе ознакомившись съ природой и сознавъ всю власть и превосходство надъ нею. Г. Шейковскій непосредственно за аморфизмомъ ставитъ некромантизмъ, необъясняя, какимъ образомъ форма эта могла выродиться изъ аморфизма? и далѣе: какимъ образомъ она могла снова вести къ натурализму? Поводомъ принимать некромантизмъ за древнѣйшую, почти первичную форму религіознаго развитія, послужило для г. Шейковскаго то обстоятельство, что погребеніе у всѣхъ народовъ на первой степени ихъ развитія сопровождалось извѣстными обрядами и церемоніями. Но обряды и церемоніи при погребеніи могутъ существовать совершенно независимо отъ некромантизма и потому обстоятельство это въ пользу древности некромантизма ничего говорить не можетъ. Вообще, отступивъ отъ г. Кавелина, г. Шейковскій разрушилъ естественную послѣдовательность въ развитіи религіозныхъ формъ и свою теорійку оставилъ совершенно безпомощною.

Впрочемъ, по отношенію къ цѣли сочиненія это не составляетъ ни добра ни зла, такъ какъ для сочиненія г. Шейковскаго вовсе ненужно построенной имъ теорійки. И намъ жаль не того, что она оказалась несостоятельною, а что г. Шейковскій трудился надъ ней и какъ бы намѣренно хотѣлъ нагнать туманъ на православныхъ хоть бы такими фразами: натурализмъ распадается на астрализмъ, литоморфизмъ, фитоморфизмъ, зооморфизмъ и антропоморфизмъ и т. д. Во-первыхъ, антропоморфизмъ къ натурализму вовсе неотносится, а составляетъ особенную ступень въ религіозномъ развитіи, когда человѣкъ начинаетъ высвобождаться изъ рабскихъ отношеній къ природѣ, когда въ немъ является уже самодѣятельность его духа; во вто-

рыхъ, перечисленные авторомъ виды вовсе не исчерпываютъ натурализма: можно прибавать еще значительное число морфизмовъ, хоть напримѣръ: идроморфизмъ, геоморфизмъ и т. п., но дѣло отъ этого нисколько не уяснится. Литоморфизмъ, зооторфизмъ, фитоморфизмъ и т. п. вовсе не составляютъ преемственныхъ ступеней въ развитіи натурализма и авторъ напрасно отступилъ отъ принятія дѣленія натурализма на грубый, непосредственный и на натурализмъ силъ природы; наконецъ самыя слова: литоморфимъ, фиторфизмъ и проч. суть abusus liuguae. Есть смыслъ въ словѣ антропоморфизмъ, но въ словахъ: литоморфизмъ, фитоморфизмъ и т. п. внутренняго смысла никакого нѣтъ, и потому всего лучше не употреблять ихъ.

Задавая себѣ вопросъ: въ какомъ именно культѣ могли образоваться хороводы, авторъ совершенно не кстати и безъ нужды нападаетъ на наивное мнѣніе о хороводахъ г. Сахарова. Г. Сахаровъ вовсе не смотрѣлъ на хороводы, какъ на религіозные обряды. Съ какой же стати было касаться его мнѣнія? Ужь если авторъ хотѣлъ непремѣнно полемизировать, то ему ближе всего было бы обратиться къ г. Кавелину, который имѣетъ одну точку зрѣнія съ авторомъ и относитъ происхожденіе хороводовъ къ астрализму, а не къ некромантизму. Происхожденіе хороводовъ во время некромантизма авторъ доказываетъ страннымъ образомъ. Онъ говоритъ, что погребеніе у всѣхъ народовъ на первой ихъ ступени развитія сопровождалось извѣстными обрядностями и церемоніями, которыя можно считать началомъ хороводовъ. Но чтобы видѣть здѣсь начало хороводовъ, надобно, какъ мы уже замѣтили выше, доказать связь этихъ обрядностей и церемоній съ некромантизмомъ, а во-вторыхъ, что обрядности и церемоніи при погребеніи состояли именно въ хороводахъ.

Окончивъ свои философскія соображенія, авторъ задаетъ себѣ слѣдующія задачи: а) показать отличіе малорусскихъ хороводовъ и гаивокъ отъ хороводовъ русскихъ; b) сгруппировать извѣстныя ему гаивки и с) сравнить ихъ съ подобными обрядами и показать ихъ смыслъ и значеніе.

Предоставляемъ читателю самому судить: на сколько удовлетворительно могутъ быть рѣшены подобные вопросы на 14 небольшихъ страничкахъ, при страсти автора, несмотря на миньятюрность своего сочиненія, непрестанно полемизировать и систематизировать совершенно безъ нужды. Въ примѣръ, до чего доходитъ въ авторѣ эта несчастная страсть, мы приводимъ приступъ его къ разрѣшенію третьяго изъ означенныхъ вопросовъ.

«Желая разгруппировать — такъ начинаетъ авторъ — извѣстныя намъ гаивки, мы должны установить извѣстный порядокъ. У гг. Сахаровъ и Терещенки, не смотря на то, что упослѣдняго изложеніе хо-

роводовъ пересыпано различными сентенціями, нѣтъ никакой системы въ изложеніи хороводовъ.

«Хороводы, а слѣдовательно и гаивки, можно группировать или по ихъ содержанію, или по формѣ. Въ началѣ нашей статьи мы пытались изложить движеніе міросозерцанія. При группировкѣ гаивокъ, на основаніи ихъ содержанія, мы будемъ держаться этого движенія. Такимъ образомъ мы будемъ имѣть психическую основу для группировки гаивокъ. Сначала мы представимъ гаивки съ элементомъ фитоморфизма и зооморфизма, затѣмъ гаивки съ намеками на стихійный культъ,—наконецъ бытовые гаивки, на которыя должно смотрѣть, какъ на произведенія антропоморфическаго возрѣнія.

«Если съ этой точки зрѣнія смотрѣть на хороводы, то никакъ нельзя согласиться съ мнѣніемъ г. Терещенка, будто «духъ хороводныхъ пѣсней есть семейная жизнь.» Это можно сказать только о хороводахъ позднѣйшей формаціи. Самъ г. Терещенко при изложеніи хороводовъ; *макъ растить*, *заиньки* и др. счелъ нужнымъ противорѣчить себѣ.»

Спрашивается: стоитъ ли нападать на отсталыя мнѣнія Сахарова и Терещенки, давно уже разбитыя и уничтоженныя критикою? Далѣе, можно ли серьёзно искать психическую основу для разгруппированія 17 гаивокъ, и затѣмъ гаивки: роман-зілля (ромашка), огірочкы, горошокъ, макъ, яворыкъ относить къ фитоморфизму, заініокъ, горопчыкъ къ зооморфизму и т. п. Все это рѣшительно буря въ стаканѣ воды и вызываетъ на невольную улыбку. Притомъ же, чтобы имѣть право пугать читателя подобными терминами, какъ фитоморфизмъ, зооморфизмъ и т. д. надобно сначала доказать, что приводимыя авторомъ гаивки дѣйствительно имѣли когда нибудь религіозный смыслъ.

Мы распространились довольно подробно о небольшой книжечкѣ г. Шейковскаго, потому что она по программѣ автора составляетъ начало большаго труда, и труда весьма полезнаго, что г. Шейковскій, смотря на его неудачное философствованіе, представляется намъ человѣкомъ приготовленнымъ къ предпринятому имъ дѣлу. Мы желаемъ полнаго успѣха дѣлу его, но вмѣстѣ съ тѣмъ искренно совѣтуемъ ему въ будущихъ выпускахъ не пускаться въ крошечныя философскія построенія, въ миньятюрное систематизированіе мелочей, которое пахнетъ резонерствомъ, и не нужную полемику съ мнѣніями устарѣлыми, которыхъ въ настоящее время рѣшительно никто не держится; дѣльныя же соображенія филологическія, археологическія и т. п. помѣщать въ примѣчаніяхъ. Тогда книжечки его сдѣлаются, можетъ быть, еще тоньше, но больше выиграютъ.

Азбука по новому способу обучать дѣтей грамотѣ. Соч. Архимандрита *Викторина*. Спб. 1860 г.

Насъ радуетъ, что такія почтенныя лица, какъ отецъ архимандритъ Викторинъ, принимаютъ на себя трудъ составлять азбуки. Отъ души желаемъ, чтобы примѣръ почтеннаго отца архимандрита подѣйствовалъ на другихъ почтенныхъ людей и чтобы у спекуляціи была совершенно отнята возможность спекулировать составленіемъ дѣтскихъ книгъ.

Отецъ архимандритъ предлагаемый имъ способъ обученія грамотѣ называетъ *новымъ* потому, что будто бы способъ этотъ «отъ употреблявшихся доселѣ къ тому способовъ имѣетъ много отличій. По этому способу, говоритъ онъ, ученики не трудятся долго надъ изученіемъ однихъ буквъ, безъ приложенія ихъ къ дѣлу, потомъ однихъ слоговъ, напримѣръ, *бра, гра, жра,* и т. п., не заключающихъ въ себѣ никакихъ понятій и т. д.; но съ перваго урока начинаютъ читать, то есть ознакомившись съ тою или другою буквою тотчасъ читаютъ понятныя имъ слова, какія можно изъ узнанныхъ ими буквъ составить». Способъ, о которомъ говоритъ отецъ архимандритъ, вовсе не новый. Онъ давно уже примѣненъ къ азбукѣ Золотовымъ, извѣстенъ подъ именемъ методы Золотова и употребляется въ очень многихъ училищахъ. Насъ удивляетъ, что отецъ архимандритъ выдаетъ этотъ способъ за новый.

Сравнивая азбуку отца архимандрита съ курсомъ г. Золотова, мы находимъ ее далеко ниже послѣдняго. Въ курсѣ представленъ богатый выборъ образцовъ для чтенія на слова односложныя, двухъсложныя, трехсложныя, и т. д., соблюдена строгая постепенность при переходѣ отъ чтенія болѣе легкаго къ болѣе трудному, примѣры для развитія понятій взяты изъ быта, мальчикамъ извѣстнаго и понятнаго; довольно порядочно сдѣланъ анализъ этихъ примѣровъ. Въ азбукѣ отца архимандрита ничего этого нѣтъ. Выбора образцовъ для чтенія словъ вовсе нѣтъ, поэтому нѣтъ и постепенности въ переходѣ чтенія отъ болѣе легкаго къ болѣе трудному; примѣровъ для развитія понятій мальчиковъ также нѣтъ, а какіе представлены по мѣстамъ примѣры, тѣ и взрослымъ невсегда можно истолковать, не только учащимся читать дѣтямъ. Въ замѣнъ всего, что нужно для поученія мальчика грамотѣ и развитія его понятій, азбука отца архимандрита наполнена безъ нужды мелочными наставленіями учителю, такими, которыхъ если бы учитель не имѣлъ въ виду, то ему оставалось бы сѣсть самому учиться азбукѣ. Напримѣръ: «учитель показываетъ ученику очертаніе буквы, потомъ говоритъ,

какой она имѣетъ звукъ, стоя послѣ гласной, далѣе учитъ, какъ ее произносить между двумя гласными, и потомъ тотчасъ же предлагаетъ ему примѣры словъ, въ которыхъ есть эти буквы съ другими буквами, уже извѣстными ученику и требуетъ, чтобы онъ самъ прочиталъ слова эти, кротко замѣчая его ошибки и терпѣливо дожидаясь, пока онъ дойдетъ до правильнаго чтенія».

Вообще мы предполагаемъ, что отецъ архимандритъ выдалъ въ свѣтъ свою азбуку по недоразумѣнію, не зная о существованіи курса г. Золотова.

Мемуары о дядюшкахъ и тетушкахъ. Сочиненіе *А. Е. Ващенко-Захарченко*, въ четырехъ частяхъ. Спб. 1860 г.

А. Е. Ващенко-Захарченко уже пріобрѣлъ себѣ въ русской литературѣ извѣстность, какъ продолжатель «Мертвыхъ душъ» Гоголя. Изъ лежащаго передъ нами новаго сочиненія г. Ващенко-Захарченко мы видимъ, что талантъ его съ каждымъ годомъ растетъ и крѣпнетъ все болѣе и болѣе. Въ русской литературѣ мы не знаемъ никого, кто бы умѣлъ нагонять на читателя скуку, тоску, даже уныніе съ такимъ искусствомъ, съ какимъ это дѣлаетъ почтеннѣйшій А. Е. Ващенко-Захарченко. Есть много романовъ, писанныхъ безъ мысли, пустыхъ по содержанію, не занимательныхъ по интригѣ, вялыхъ по разсказу, неотличающихся даже грамотностію, — и несмотря на это совершенное отсутствіе всякихъ внутреннихъ достоинствъ, интересъ чтенія, хоть по мѣстамъ, въ нихъ чѣмъ нибудь да поддерживается, напримѣръ, претензіями авторовъ блистать фразою, остроуміемъ или какими нибудь выходящими далеко выше изъ обыкновеннаго уровня нелѣпостями мыслей, дѣйствій, изображеній. У А. Е. Ващенко-Захарченко ничто рѣзко не выдается. Онъ довелъ искусство писать галиматью до геніальной простоты. Начиная читать его мемуары, вы погружаетесь въ безбрежное море вялой, однообразной, совершенно безмятежной чепухи, которая съ какою цѣлію плетется передъ вами и долго ли будетъ плестись — вы остаетесь въ совершенной неизвѣстности. На первыхъ страницахъ чтенія вы уже начинаете чувствовать невыносимый гнетъ, который, чѣмъ далѣе вы читаете, тѣмъ болѣе давитъ, томитъ васъ, и въ продолженіе чтенія нигдѣ никакого отдыха, никакого освѣженія, никакой даже надежды, что вы получите какое нибудь облегченіе до конца чтенія. Надобно думать, что почтенный А. Е. Ващенко-Захарченко, изъ опытовъ надъ своими друзьями, понялъ это свойство своего таланта; потому, преплывъ благополучно три части своихъ мемуаровъ,

онъ съ радостію объявляетъ объ этомъ своему читателю и благодаритъ его за претерпѣнныя мученія:

«Вотъ и дохожу я, говоритъ онъ, въ самое сердце разсказа и поэтому благодарю тебя, читатель, за вниманіе, которымъ подарилъ ты повѣствованіе не о герояхъ, но объ очень обыкновенныхъ смертныхъ.»

Мы не думаемъ, чтобы нашелся хотя одинъ читатель, который бы имѣлъ терпѣніе осилить три части «Мемуаровъ» г. Ващенко-Захарченко. Но если бы и нашелся такой, совѣтуемъ ему послѣ полученія благодарности немедленно раскланяться съ авторомъ. Пусть онъ не увлекается *сердцемъ* разсказа. Въ сердцѣ разсказа нѣтъ также ничего замѣчательнаго.

Во всѣхъ четырехъ частяхъ «Мемуаровъ» г. Ващенко-Захарченко, перерытыхъ нами со всею тщательностію, мы нашли только одно замѣчательное мѣсто, которымъ и спѣшимъ подѣлиться съ нашими читателями.

Въ третьей части, на стр. 82, авторъ разсказываетъ, что дядюшка и тетушка сѣли ужинать.

«Окна, выходившія въ садъ, были растворены. Пріятная прохлада вѣяла послѣ жаркаго дня въ окна. Тетушка нѣсколько разъ начинала говорить съ дядюшкой, но тотъ молчалъ или смѣялся совершенно ни къ селу, ни къ городу.

«— Что вы такъ страшно смѣетесь? спросила Луку Ивановича тетушка и тогда только примѣтила, что онъ ничего не ѣлъ, а украдкой смотрѣлъ въ окно и жестами съ кѣмъ-то переговаривался.

«Къ концу ужина глаза дядюшки налились кровью, онъ схватывался со стула, вздрагивалъ и порывался уйдти въ спальню; но тетушка его удерживала.

«Ульяна Осиповна не понимала, что съ нимъ происходило. Предлагала она ему выпить мятной водки съ перцемъ и прованскимъ масломъ; но дядюшка странно захохоталъ, всталъ изъ-за стола и убѣжалъ въ спальню.

«Больной дрожалъ въ постелѣ, и холодный потъ струился по его красному, раздувшемуся лицу.

«Смутные призраки продолжали носиться передъ дядюшкой, заставляли его метаться въ постелѣ, прятать голову подъ подушку и произносить невнятныя слова, мольбы, просьбы и проклятія.

«Короче сказать: Лука Ивановичъ допился до чертиковъ. Въ этотъ разъ они явственно ему представлялись. Еще за ужиномъ эти господа привѣтливо манили въ садъ дядюшку, показывая ему бутыль, величиной съ сельскую колокольню и рюмку съ колоколъ.

«Смекнулъ Лука Ивановичъ, что старые знакомые не даромъ въ этотъ разъ приглашаютъ его въ окно и убрался изъ-за ужина въ спальню.

«Теперь прошу покорно разрѣшить мнѣ: отчего человѣку самаго высшаго образованія и самому грубому невѣждѣ, спившемуся съ круга, грезятся непремѣнно черти и по одиночкѣ, и даже группами, какихъ не поставилъ бы самый лучшій хореграфъ большой парижской оперы?

«Почему люди спившіеся не бредятъ другими явленіями, сопровождающими разстроенное воображеніе горячечнаго? Видятъ они всѣ чертиковъ и непремѣнно въ такомъ видѣ, въ какомъ представляетъ ихъ людское повѣрье.

«Я зналъ кандидата правъ, занимавшаго шестилѣтіе мѣсто предсѣдателя уголовной палаты; слушалъ профессора, читавшаго нравственную философію и увлекавшаго чтеніемъ всю аудиторію; видѣлъ секретаря градской думы и учился ружейнымъ пріемамъ у младшаго вахмистра втораго эскадрона полка, въ которомъ имѣлъ честь служить. Всѣ эти четыре лица были страшные пьяницы и допивались нѣсколько разъ до чертиковъ. Они въ припадкахъ то ловили ихъ руками, то прогоняли ихъ отъ себя; вели даже съ ними пріятные разговоры, ужасались ихъ, и были въ болѣзни равно страшны и жалки (стр. 83, 84).

Сколько намъ извѣстно, никто изъ ученыхъ, спеціально занимающихся чертологіей, не ставилъ вопроса о нечистомъ съ этой стороны.

Авторъ не берется подробно разсматривать этого вопроса; но изъ самой постановки вопроса видно, какъ онъ думаетъ объ этомъ предметѣ.

Мы сами совершенно согласны съ нимъ, что всеобщность явленія чертиковъ людямъ, спившимся съ круга, на какой бы степени образованія эти послѣдніе ни стояли, постоянно въ одномъ и томъ же видѣ, несомнѣнно доказываетъ не только объективность бытія нечистаго, но и объективность принятой формы его представленія, или, проще сказать, доказываетъ не только то, что чортъ *есть*, но что онъ именно *есть съ рогами и съ хвостомъ*, какъ представляетъ его нашъ людъ.

О плутняхъ карточной игры. Изобличеніе ихъ во всѣхъ подробностяхъ. Составилъ *Д. Зоркинъ*. Спб. 1860.

Извѣстно всѣмъ, какое зло во всей образованной Европѣ составляетъ шулерство. Для предупрежденія, даже для ограниченія этого зла до настоящаго времени не было рѣшительно никакихъ средствъ.

Передъ зломъ шулерства не только холера, даже чума были зломъ сноснымъ, можно сказать ничтожнымъ; потому что противъ этихъ болѣзней все-таки могла помогать хотя нѣсколько медицина, могли помогать полицейскія мѣры. Противъ шулерства не было никакой помощи. Полиція не могла всюду слѣдовать за шулерами, не могла даже знать ихъ. Нравственные лѣкаря, какъ извѣстно, очень плохи.

Одинъ изъ нашихъ благородныхъ согражданъ, нѣкто г. Зоркинъ, долго думалъ: какъ бы помочь въ этомъ случаѣ не только своему любезному отечеству, но и Европѣ? какими бы мѣрами, если не истребить, то по крайней мѣрѣ сдѣлать безопаснымъ зло шулерства? Наконецъ, по долгомъ размышленіи, пришелъ къ такой счастливой мысли, что *«къ достиженію этой цѣли есть одно рѣшительное средство—изобличить всѣ плутни карточной игры и сдѣлать ихъ всѣмъ извѣстными»* (стр. 20).

Но какъ было выполнить эту мысль?

Шулера въ свою компанію неизвѣстныхъ не принимаютъ. Купить у нихъ секретовъ ихъ не было никакой возможности, потому что—что же они за дураки, что будутъ продавать для обнародованія всѣмъ ремесло, которое ихъ кормитъ и съ обнародованіемъ котораго они лишатся средствъ пропитанія?

Благородный согражданинъ нашъ, г. Зоркинъ, долго думалъ, что ему дѣлать; наконецъ положилъ: для блага отечества и Европы пожертвовать собою. Онъ рѣшился посвятить свое драгоцѣнное время и труды на собраніе шулерскихъ секретовъ и въ продолженіе болѣе двухъ годовъ занимался этимъ дѣломъ неутомимо. Благородный согражданинъ нашъ г. Зоркинъ принесъ въ это время всѣ жертвы, какихъ требовало совершеніе добровольно подъятаго имъ на себя подвига. Онъ игралъ, не находя никакого удовольствія въ игрѣ, для добытія шулерскихъ секретовъ онъ не щадилъ никакихъ денежныхъ расходовъ, такъ что, по его откровенному признанію, «самый блистательный успѣхъ перваго изданія вышедшей въ свѣтъ нынѣ его книжки не въ состояніи покрыть тѣхъ расходовъ»; онъ вошелъ въ знакомство съ шулерами, завелъ сношенія даже съ лакеями ихъ, разъ рѣшился даже на воровство! (стр. 23.)

И вотъ теперь, умудренный столь дорого купленною имъ опытностію, онъ выходитъ повѣдать міру объ открытыхъ имъ тайнахъ, и плодъ трудовъ о *плутняхъ карточной игры* приноситъ прежде всего, какъ и слѣдовало ожидать, на алтарь любезнаго своего отечества; между тѣмъ въ скоромъ времени этотъ же плодъ, повитый въ языки французскій и нѣмецкій, принесется на алтарь всей образованной Европы, безъ сомнѣнія, къ немалому ея удивленію (стр. 97).

Мы съ изумленіемъ и невольнымъ благоговѣніемъ останавливаемся передъ подвигомъ, совершеннымъ нашимъ благороднымъ соградданиномъ г. Зоркинымъ, котораго въ скоромъ времени украситъ достойнымъ вѣнкомъ вся Европа.

Не менѣе мы удивляемся тому, что нашъ благородный согражданинъ, сдѣлавъ столько расходовъ на свои открытія, претерпѣвъ столько бѣдствій, принесши такой богатый вкладъ въ общую сокровищницу человѣчества, назначилъ почти ничтожную цѣну за свое сочиненіе, именно 75 к. сер. за три печатныхъ листа, печати, правда, довольно разгонистой.

Да вознаградятъ его достойно небеса за его самоотверженіе и безкорыстіе!

Г. Зоркинъ проситъ у гг. рецензентовъ замѣчаній. Но у кого подымется рука писать замѣчанія о подвигахъ безкорыстія и самоотверженія? — Подвиги нельзя критиковать; ихъ можно только воспѣвать, — и мы очень жалѣемъ, что

Лиры Пиндара намъ не дано въ удѣлъ.

Опытъ книги для грамотнаго простонародья. Составилъ помѣщикъ *А. С. Зеленой.* Сельское хозяйство, домашній лечебникъ для скота, басни, сказки и пѣсни. Спб. 1860.

Книгъ подобныхъ той, заглавіе которой мы выписали, нельзя не встрѣчать съ полнымъ сочувствіемъ, даже и тогда, когда онѣ не удовлетворяютъ вполнѣ своей задачѣ. Простому народу у насъ доселѣ почти рѣшительно нечего читать. Г. Зеленой, какъ самъ помѣщикъ, понималъ очень хорошо этотъ недостатокъ, и вѣроятно ему наскучило ждать, пока гг. литераторы и ученые, толкующіе непрестанно о необходимости народнаго образованія и ничего однакожь дѣльнаго для этой цѣли не дѣлающіе, напишутъ что нибудь дѣйствительно полезное и нужное для народа. Поэтому онъ приступилъ къ этому дѣлу самъ. Мысль его была составить энциклопедію для крестьянскаго чтенія. Такъ какъ для крестьянъ важнѣе всего свѣдѣнія, относящіяся къ земледѣлію и къ уходу за скотомъ, то эти свѣдѣнія и заняли въ книгѣ г. Зеленаго самый большой отдѣлъ. Помѣсячныя земледѣльческія замѣтки г. Зеленой извлекъ изъ земледѣльческаго календаря Эрн. Рудольфа, дополнивъ ихъ своими наблюденіями; правила о предохраненіи скота отъ болѣзней взялъ изъ свода законовъ 1853 года; къ этой существенной части сборника г. Зеленой присоединилъ въ концѣ басни, сказки, пѣсни, взятыя изъ Крылова, Пушкина, Лермонтова, Кольцова, и въ началѣ помѣстилъ кой-

какія свѣдѣнія о русскомъ государствѣ — и такимъ образомъ составилась энциклопедія для крестьянскаго чтенія. Если о книгѣ г. Зеленаго судить по идеѣ, т. е. что бы должна была содержать крестьянская энциклопедія и какъ она должна быть составлена, то въ книгѣ его, разумѣется, можно отыскать много несовершеннаго. Но пословица говоритъ: *на безрыбьи и ракъ рыба, на безлюдьи и Ѳома дворянинъ*. Потому мы смѣло рекомендуемъ всѣмъ добросовѣстный трудъ г. Зеленаго, изданный съ искреннимъ и единственнымъ желаніемъ доставить простому народу полезное чтеніе. Изданіе г. Зеленаго по дешевизнѣ своей у насъ небывалое. Книга въ 17 печатныхъ листовъ, изданная очень опрятно, стоитъ всего 30 к.

МАРТЫНОВЪ.

Мартынова не стало. Къ этому прибавлять нечего. О томъ, что потеря эта незамѣнима для русской сцены, что театръ нашъ лишился своего лучшаго украшенія; артиста, которымъ онъ по справедливости гордился; что съ его смертью должны сойти со сцены многія изъ замѣчательныхъ произведеній, и безъ того скуднаго нашего драматическаго репертуара... и такъ далѣе—повторять этого мы не станемъ. Все это, по поводу печальнаго извѣстія о неожиданной кончинѣ Мартынова, высказано прежде насъ въ газетныхъ фельетонахъ.

Мартыновъ умеръ на сорокъ-пятомъ году, въ полномъ разцвѣтѣ своего таланта, который, несмотря на всѣ внѣшнія преграды и препятствія, шелъ постоянно впередъ и широко развился въ послѣдніе годы, обнаруживъ такую силу, которую, не преувеличивая, можно было назвать геніальной.

Нѣтъ сомнѣнія, что Мартыновъ не остановился бы на той высотѣ, до которой уже онъ достигъ. Такого рода творческія натуры, къ какимъ принадлежала натура Мартынова, не скоро успокоиваются на лаврахъ. Рукоплесканія, восторженные крики, вѣнки и различныя сценическія оваціи погружаютъ обыкновенно въ тупое самодовольствіе и пошлое величіе посредственные таланты. Избранныя натуры не удовлетворяются своими успѣхами, какъ бы эти успѣхи ни были огромны, и постоянно стремятся впередъ, подъ вліяніемъ своего тревожнаго генія.

По силѣ и творчеству на русской сценѣ, съ самаго начала ея существованія до сей минуты, не было ни одного актера подобнаго

Мартынову. Были на ней замѣчательные таланты, если вѣрить нашимъ дѣдамъ и отцамъ, но при тогдашнемъ, совершенно младенческомъ состояніи искусства, — хорошій декламаторъ съ звучнымъ и громкимъ голосомъ и съ видной фигурой долженъ былъ считаться великимъ актеромъ. Мы застали Каратыгина въ самое блестящее его время. Каратыгинъ былъ дѣйствительно замѣчательный талантъ, но онъ явился въ неблагопріятнѣе время для своего развитія — въ переходное время отъ старой классической трагедіи къ новѣйшей драмѣ. Воспитанный въ старыхъ сценическихъ преданіяхъ, онъ перенесъ въ новѣйшую драму, съ которой ему надобно было *примиряться*, всю напыщенность и рутину старой трагедіи. Являясь даже во фракѣ, въ роляхъ Чацкаго и Онѣгина, онъ не могъ освободиться отъ своего геройческаго величія: ходилъ въ сапогахъ, какъ на котурнахъ, размахивалъ руками въ Онѣгинѣ, какъ Дмитрій Донской, и декламировалъ въ Чацкомъ, какъ Флигалъ. Въ шекспировскомъ Гамлетѣ онъ походилъ болѣе на расиновскаго Ипполита, въ которомъ нѣкогда рукоплескали ему наравнѣ съ Семеновой. Отличный (по прежнимъ понятіямъ) декламаторъ и превосходный пластикъ, онъ былъ на нашей сценѣ послѣднимъ и талантливымъ представителемъ отживавшаго искусства. Постоянно герой, онъ почти никогда на сценѣ не былъ просто человѣкомъ, и изъ груди его рѣдко вырывались звуки истинной страсти, тѣ ласкающіе, или потрясающіе звуки, проникавшіе до глубины сердца, которые намъ удавалось слышать изъ устъ талантливаго дикаря — Мочалова, безпутно промотавшаго свой прекрасный талантъ....

Мартыновъ, какъ геніальный актеръ, инстинктивно понялъ, что время стараго реторическаго искусства прошло безвозвратно и что надобно окончательно оторваться отъ всѣхъ рутинныхъ и пошлыхъ сценическихъ преданій. Въ немъ билъ свѣжій ключъ новой жизни — и онъ не могъ идти по избитой дорогѣ, руководиться рутиной, благоговѣть передъ устарѣлыми авторитетами, и проч. Онъ проложилъ для себя новый путь. Онъ первый явился на русской сценѣ *настоящимъ человѣкомъ*, каковъ онъ есть въ дѣйствительной жизни, въ свои комическія и трагическія минуты. Мартыновъ показалъ намъ въ первый разъ на сценѣ *русскаго человѣка* — помѣщика, купца, крестьянина, чиновника; онъ глубоко и вѣрно, со всѣми тончайшими оттѣнками, уловилъ черты каждаго изъ этихъ сословій. Онъ обновилъ и оживилъ русскую сцену, онъ придалъ ей популярность, онъ далъ ей смыслъ и значеніе.

И все это онъ совершилъ одною своею творческою силою, однимъ чуднымъ инстинктомъ художника, безъ всякой посторонней помощи.

Щепкинъ, напримѣръ, еще задолго до Мартынова имѣлъ очень благотворное вліяніе на московскую сцену. Онъ преслѣдовалъ всѣ устарѣлыя сценическія преданія и внушалъ любовь къ искусству молодому поколѣнію артистовъ, группировавшемуся около него; но Щепкинъ образовался и получилъ настоящій взглядъ на искусство въ кругу передовыхъ людей русской литературы: съ Аксаковыми, Надеждинымъ, съ Бѣлинскимъ и его кружкомъ, съ Гоголемъ онъ былъ въ самыхъ короткихъ сношеніяхъ, онъ поддерживалъ связи со всѣми извѣстными литераторами...

Мартыновъ постоянно шелъ одинъ по пути развитія, какъ мы сказали, безъ всякихъ совѣтниковъ и руководителей, вдали отъ всѣхъ литературныхъ знаменитостей. Онъ не искалъ ихъ; они потомъ сами бросились къ нему, пораженные его талантомъ....

Не легко у насъ поприще артиста. Чтобы переносить борьбу съ нищетою, съ ежедневными мелочными и неожиданными непріятностями, съ придирками и прижимками театральныхъ бюрократовъ и проч. надобно имѣть сильную любовь къ искусству — и Мартыновъ все это сносилъ терпѣливо, потому что искусство было его жизнію. Онъ даже не заботился объ улучшеніи своего положенія, подобно другимъ болѣе рѣшительнымъ и смѣлымъ своимъ товарищамъ. Онъ ни у кого не заискивалъ, никому не кланялся и, можетъ быть, до конца жизни ограничился бы безропотно тѣмъ незначительнымъ содержаніемъ, которымъ онъ пользовался прежде, если бы не одно обстоятельство....

Но прежде нежели говорить объ этомъ, мы передадимъ по порядку нѣкоторые факты изъ его жизни, слышанные нами отъ людей близкихъ къ нему, отъ нѣкоторыхъ его товарищей, и отчасти взятые нами изъ разныхъ фельётоновъ.

Отецъ Мартынова былъ управляющимъ у г-жи Сухозанетъ. Она обратила вниманіе на его сына; по ея протекціи — и то не безъ затрудненій—онъ былъ помѣщенъ въ театральное училище. Помѣщенію его почему-то препятствовалъ театральный чиновникъ Гемнигъ, и десяти-лѣтній Мартыновъ, чуть было не попавшій по его милости въ Петропавловское училище, опредѣленъ уже въ театральную школу по настоянію бывшаго тогда директоромъ театровъ князя Гагарина казеннокоштнымъ воспитанникомъ.

Тогда въ театральномъ училищѣ занимались почти исключительно хореграфическимъ искусствомъ, и Мартыновъ попалъ въ школу знаменитаго, воспѣтаго Пушкинымъ — Дидло, который немилосердно выламывалъ руки и ноги своимъ ученикамъ и ученицамъ. Два года пробылъ Мартыновъ въ этой нелегкой гимнастической школѣ и оказалъ такіе танцовальные успѣхи, что самъ немилосердный

г. Дидло удостоилъ поставить его въ первую пару. Это былъ блестящій шагъ для Мартынова къ достиженію *почетнаго званія перваго танцовщика*. Въ это время г. Дидло умеръ, всѣ его сильфы, зефиры и амуры разбрелись, и Мартыновъ попалъ какимъ-то образомъ въ ученики декоратора Канони, у котораго онъ занимался три года малеваніемъ декорацій. Послѣ смерти Канопи, Мартыновъ сталъ играть на учебной сценѣ и, къ счастію, обратилъ на себя вниманіе только что назначеннаго тогда въ директоры театровъ г. Гедеонова своею игрою въ «Знакомыхъ Незнакомцахъ».

Эти любопытныя свѣдѣнія мы заимствовали изъ статьи о Мартыновѣ въ «Русскомъ Инвалидѣ». Авторъ ея, между прочимъ, замѣчаетъ, что г. Дидло имѣлъ *благодѣтельное вліяніе на Мартынова, и что свобода, непринужденность — и когда нужно — изящество движеній даны ему, безъ всякаго сомнѣнія, уроками Дидло.*

Нѣтъ, мы не только сомнѣваемся въ этомъ, но полагаемъ совершенно наоборотъ, что не имѣй Мартыновъ врожденнаго чувства сценической правды, присущаго всѣмъ великимъ талантамъ, уроки пошлой и искуственной граціи, преподававшіеся ему Дидло, очень бы дурно подѣйствовали на него.

И неужели въ наше время серьёзно можно называть граціею — балетные прыжки, жесты, антраша и ломанья? Настоящая грація дается природою, безъ всякихъ пособій г. Дидло и другихъ.

Г. Гедеоновъ рѣшительно подвигнулъ Мартынова заниматься исключительно драматическимъ искусствомъ. Въ школѣ обратилъ на него особенное вниманіе П. А. Каратыгинъ, бывшій тогда учителемъ драматическаго искусства, и поощрялъ его своими похвалами.

Однимъ изъ первыхъ публичныхъ дебютовъ Мартынова была роль Мирошки въ водевилѣ *Филатка и Мирошка* (1832 г.). Онъ съигралъ эту роль случайно, по внезапной болѣзни актера Воротникова. Успѣхъ былъ огромный. Затѣмъ, замѣченный публикою, онъ мало по малу сталъ пріобрѣтать себѣ извѣстность.

Въ теченіе первыхъ лѣтъ послѣ выпуска изъ театральнаго училища онъ получалъ самое ничтожное содержаніе и помогалъ своему многочисленному семейству. Въ это время онъ жилъ съ однимъ изъ своихъ товарищей по школѣ, и они попеременно чистили другъ другу платье и сапоги. Мартыновъ, за неимѣніемъ сальной свѣчи, нерѣдко долженъ былъ учить свои роли при поэтическомъ свѣтѣ луны. Какъ-то разъ удалось ему (Мартыновъ самъ разсказывалъ это автору статьи о немъ въ «Русскомъ Инвалидѣ»), при усиленной экономіи, завестись новой парой платья. Въ этотъ день онъ все гулялъ по Невскому проспекту, и ему казалось, что всѣ любуются его платьемъ. Вернувшись домой, онъ принялся учить роль, а платье свое развѣ-

снялъ на стулъ, и, переходя отъ платья къ роли, заснулъ наконецъ крѣпкимъ сномъ. Жилъ онъ въ нижнемъ этажѣ и забылъ запереть окно. — Когда онъ проснулся отъ холода и всталъ, чтобы запереть окно, онъ, къ ужасу своему, увидѣлъ, что платье исчезло. Каково же было ему, разсчитывавшему на эффектъ своей новой пары, идти на другой день на репетицію въ истертомъ и поношенномъ сюртукѣ!

Положеніе Мартынова улучшилось впослѣдствіи, когда уже онъ сдѣлался любимцемъ публики. Ему назначено было 1,400 р. с. въ годъ жалованья, отъ трехъ до четырехъ рублей серебромъ за спектакль и половинный бенефисъ. Мартыновъ былъ очень доволенъ этимъ содержаніемъ, будучи холостымъ; но когда онъ женился и у него родилось нѣсколько дѣтей — этихъ денегъ было ему недостаточно, особенно при увеличивавшейся съ каждымъ годомъ дороговизнѣ петербургской жизни. Несмотря на это, Мартыновъ никогда не жаловался никому на свое стѣсненное положеніе и не помышлялъ хлопотать о прибавкѣ. Въ 1859 году, если мы не ошибаемся, Самойловъ вдругъ получилъ прибавку къ получаемымъ имъ также 1,140 р. с.—1,660 р. с., по 35 р. с. за спектакль и полный бенефисъ. Мартыновъ почиталъ себя не хуже Самойлова. Самолюбіе нашего артиста было уязвлено тѣмъ, что его забыли; но г. Гедеоновъ, который былъ еще тогда директоромъ театровъ, успокоилъ его и объявилъ ему, что онъ выхлопочетъ и ему такую же прибавку.

— Я никогда бы не сталъ васъ безпокоить этимъ, сказалъ Мартыновъ г. Гедеонову: — потому что я доволенъ милостями и вниманіемъ ко мнѣ Государя и прожилъ бы кое-какъ съ тѣмъ, что я получаю; но если нашли нужнымъ возвысить жалованье Самойлова, — за что же забыли меня?

Черезъ полгода послѣ этого, жалованье Мартынова сравнили съ жалованьемъ Самойлова, назначили ему также по 35 р. с. за спектакль и полный бенефисъ.

Мартыновъ пришелъ отъ этого въ восторгъ и почиталъ себя чуть не Крезомъ.

Многіе полагаютъ, что Мартыновъ скопилъ себѣ капиталъ; но изъ чего было скапливать ему? Онъ оставилъ пять дѣтей, а вполнѣ обезпеченнымъ положеніемъ пользовался только послѣдніе два года. Намъ очень хорошо извѣстно, что, кромѣ пенсіона, у вдовы Мартыновой не осталось ничего послѣ мужа.

Положеніе Мартынова въ началѣ его поприща было очень печальное. Мы не говоримъ уже о его матеріальныхъ стѣсненіяхъ, которыя, какъ мы сейчасъ видѣли, онъ переносилъ легко; но о его положеніи, какъ артиста. Тогдашній комическій репертуаръ весь состоялъ изъ пошлыхъ французскихъ водевилей, просто переведенныхъ, или, что

еще хуже, передѣланныхъ на русскіе нравы, и изъ нѣсколькихъ устарѣлыхъ комедій князя Шаховскаго, Загоскина и другихъ. Такой репертуаръ способствовалъ не къ развитію дарованія артистовъ, а къ гибели этихъ дарованій въ самомъ зародышѣ. Только мощный талантъ Мартынова, который почти въ теченіе 20 лѣтъ не находилъ себѣ никакой пищи, могъ вынести съ честію это тяжкое испытаніе и выйти изъ него съ торжествомъ, не загрязнившись и не опошлившись. Кромѣ этого, Мартыновъ былъ еще стѣсненъ, какъ справедливо замѣтилъ авторъ статьи о немъ въ «Русскомъ Инвалидѣ», рутиннымъ сценическимъ обычаемъ, не допускающимъ артиста выходить изъ предѣла исключительнаго рода ролей, свойственныхъ будто бы только его таланту,—изъ своего *амплуа*, какъ говорятъ французы.

Только въ послѣдніе годы, когда русская сцена воскресла съ появленіемъ Островскаго и нѣкоторыхъ болѣе или менѣе удачныхъ піесъ, взятыхъ изъ народной жизни, представилась возможность Мартынову показать вполнѣ свои драматическія силы и изумительную многосторонность своего таланта.... Только въ послѣдніе годы мы убѣдились въ томъ, что Мартыновъ, независимо отъ своего комическаго таланта, обладаетъ еще не въ меньшей степени трагическимъ элементомъ. До этого, любители драматическаго искусства и литераторы смотрѣли на Мартынова довольно хладнокровно; многіе даже говорили, что Мартыновъ повторяется, что пошлый репертуаръ, въ которомъ онъ вращался, гибельно подѣйствовалъ на него, и такъ далѣе.... Но эти господа не предчувствовали, какъ жестоко они ошибаются.

Мы никогда не забудемъ первое представленіе драмы г. Потѣхина «Чужое добро въ прокъ нейдетъ». На это представленіе сошлись, между прочимъ, почти всѣ наши извѣстные литераторы.

Мартыновъ съ перваго своего появленія поразилъ необыкновенною простотою, глубиною и вѣрностію своей игры. Онъ приковалъ къ себѣ вниманіе даже тѣхъ, которые начинали охладѣвать къ нему. Съ біеніемъ сердца стали они слѣдить за его игрою, не пропуская ни одного движенія, ни одного жеста; въ волненіи и изумленіи только поглядывая повременамъ другъ на друга. Когда представленіе кончилось, многіе изъ охладѣвшихъ къ Мартынову литераторовъ бросились въ уборную къ нему и обнимали его со слезами; въ партерѣ эти господа, потрясенные до глубины, повторяли: «Да это великій артистъ, великій!», какъ будто это было новое открытіе. Тутъ же пошли толки о томъ, что надобно сблизиться съ Мартыновымъ, дать въ честь его обѣдъ, и прочее, какъ это обыкновенно водится въ минуты энтузіазма.

Такой же энтузіазмъ, если еще не болѣе, возбудилъ Мартыновъ въ пьесѣ г. Чернышева: «Не въ деньгахъ счастье»....

Литераторы начали посѣщать Александринскій театръ всякій разъ, когда Мартыновъ являлся въ этихъ пьесахъ и въ комедіяхъ Островскаго, и наконецъ уваженіе ихъ къ таланту великаго артиста возрасло до того, что въ честь его былъ данъ дѣйствительно обѣдъ, на которомъ произносились и читались стихи и рѣчи и былъ поднесенъ артисту портфель съ портретами почти всѣхъ участвовавшихъ въ этомъ обѣдѣ, о которомъ мы подробно говорили въ свое время.

Мартыновъ былъ тронутъ до глубины такимъ вниманіемъ къ нему со стороны людей, которыхъ по преимуществу считаютъ тонкими цѣнителями и знатоками искусства. Онъ былъ такъ взволнованъ и смущенъ въ этотъ день различными оваціями, что на всѣ эти краснорѣчивыя и, конечно, заранѣе заготовленныя рѣчи пробормоталъ только нѣсколько несвязныхъ словъ. На нѣкоторыхъ изъ литераторовъ это непріятно подѣйствовало... «Ну, какъ было не приготовиться заранѣе, чтобы прилично отвѣчать на наши рѣчи, стихи и тосты?» замѣчали нѣкоторые изъ никъ. Но Мартыновъ, скромный, робкій, наивный какъ дитя, никогда не разсчитывалъ на эффекты, до которыхъ мы, литераторы, такіе охотники,—онъ явился на этотъ обѣдъ запросто, безъ всякихъ заученыхъ фразъ и приготовленій; но когда онъ возвратился домой съ огромнымъ альбомомъ, рѣчами и стихами, онъ отдалъ все это женѣ своей (мы слышали это отъ нея самой), бросился на диванъ и зарыдалъ...

Талантъ Мартынова цѣнили не одни только его соотечественники. Онъ приводилъ въ восторгъ своею игрою почти всѣхъ пріѣзжавшихъ въ Петербургъ артистовъ. Имя его сдѣлалось извѣстно черезъ нихъ въ Европѣ. Г. Алланъ, бывшій нѣкогда на здѣшней французской сценѣ, очень тонкій знатокъ искусства, сознавался, говорятъ, что онъ не встрѣчалъ подобнаго таланта на европейскихъ сценахъ. И дѣйствительно, изъ французскихъ актеровъ нашего времени только одинъ Фредерикъ Леметръ могъ равняться талантомъ съ Мартыновымъ.

Говорятъ также, что Лаблашъ очень любилъ Мартынова. Авторъ статьи о Мартыновѣ въ «Русскомъ Инвалидѣ» разсказываетъ, что онъ былъ свидѣтелемъ, какъ Лаблашъ смѣялся, глядя на Мартынова въ «Знакомыхъ Незнакомцахъ».

— Чему смѣетесь вы? спросили его:—развѣ вы понимаете?

— По-русски ни слова, отвѣчалъ Лаблашъ:—но я понимаю Мартынова.

Не смотря на свой громадный талантъ, Мартыновъ, какъ всѣ нервическія натуры, былъ страшно недовѣрчивъ къ самому себѣ и,

несмотря на свою двадцати-восьми-лѣтнюю сценическую опытность, передъ появленіемъ своимъ на сценѣ въ новой роли всякій разъ былъ въ смущеніи и безпокойствѣ.

Физическія силы артиста давно уже начали ослабѣвать мало-по-малу, чему конечно одною изъ причинъ была усиленная игра его, которая сначала была необходима ему для поддержанія его существованія. Онъ нерѣдко являлся на сценѣ нѣсколько дней сряду, и въ одномъ представленіи игралъ въ нѣсколькихъ пьесахъ. Болѣзнь его, развиваясь незамѣтно, обнаружилась лѣтомъ 1857 года въ Павловскѣ до такой степени, что жизнь его была въ опасности, однако онъ кое-какъ поправился. Лѣтомъ 1858 г. онъ отправился за границу, былъ въ Италіи и на Эмскихъ водахъ и по возвращеніи почувствовалъ себя какъ будто лучше; не смотря на это, весною 1859 года, по совѣту врачей, онъ снова поѣхалъ за границу. Лучшіе доктора Германіи, славящіеся леченіемъ грудныхъ болѣзней, осматривали его, и нашли, что хотя легкіе его разстроены, но что ему нечего опасаться, *если онъ будетъ вести жизнь нормальную* и *спокойную*. Это было все равно, что сказать, «*если* вы оставите свое артистическое поприще, то вы будите живы»; а оставить его для Мартынова было все равно, что умереть. По возвращеніи своемъ въ 1859 году, онъ чувствовалъ себя очень хорошо; въ теченіе всей зимы игралъ безпрестанно и въ самыхъ трудныхъ роляхъ своихъ, не чувствуя особеннаго утомленія. Не только его родные и друзья, но и онъ самъ успокоился, несмотря на свою мнительность...

Весною нынѣшняго года, предпринимая поѣздку въ Москву и во внутрь Россіи, онъ говорилъ:

— Теперь ужь я не лечиться ѣду, а деньги добывать.

Мартыновъ остановился въ Москвѣ, далъ нѣсколько представленій, возбудивъ страшный энтузіазмъ даже и въ московской публикѣ, не совсѣмъ, какъ извѣстно, благосклонной къ петербургскимъ талантамъ; но вдругъ овладѣло имъ ничѣмъ не удержимое, болѣзненное желаніе повидаться съ женой и дѣтьми — и онъ, воспользовавшись трехъ-дневнымъ антрактомъ между двумя представленіями, отправился въ Петербургъ, пробылъ тамъ одинъ день, обнялъ въ послѣдній разъ жену, благословилъ дѣтей и вернулся въ Москву къ самому представленію.

Вотъ подробности о поѣздкѣ Мартынова въ Воронежъ, Харьковъ и Одессу. Подробности эти заимствовали мы изъ письма одного литератора, бывшаго его неразлучнымъ спутникомъ, и сообщены «Сѣверною Пчелою».

«Отъ Москвы до Одессы мы останавливались въ Воронежѣ. Первая ошибка Александра Евстафьевича была въ томъ, что онъ, почти не

отдохнувши съ дороги, игралъ въ Воронежѣ три большіе спектакля сряду. Изъ Воронежа мы пріѣхали въ Харьковъ, гдѣ, не смотря на просьбы друзей, онъ не захотѣлъ даже отдохнуть, и мы поѣхали въ Одессу. Хотя дорога и утомила Александра Евстафьевича, но въ Одессу онъ пріѣхалъ въ состояніи довольно удовлетворительномъ. Одесса въ іюнѣ — это печь: сорокоградусные жары, ни одной капли дождя, адская пыль — все это едва переносимо и для здороваго, а для больного чахоткой—убійственно. Вліяніе одесскаго климата оказалось скоро; изнуреніе усиливалось, и каждый спектакль добивалъ въ артистѣ послѣднія силы. Послѣ *Кащея*, я думалъ, что онъ умретъ тутъ же на сценѣ.

«Когда мы уговаривали его, чтобы онъ отдохнулъ, или вовсе бросилъ Одессу, онъ отвѣчалъ, что связанъ словомъ, и что Крымъ его поправитъ.

«На южный берегъ его Мартыновъ поѣхалъ съ силами, совершенно разбитыми, такъ что едва взошелъ на пароходъ. Въ Ялтѣ, какъ за послѣднее средство, онъ взялся за кумысъ; но пилъ его не долго; онъ скоро ему опротивѣлъ. Тутъ стали появляться очень неблагопріятные признаки, именно: обильная мокрота дурнаго свойства, которую онъ, при совершенной слабости, едва имѣлъ силы откашливать. Въ концѣ іюля онъ сталъ собираться домой, но какъ-то нехотя и съ какимъ-то страхомъ. Сколько разъ онъ говорилъ мнѣ и окружающимъ:—«Какъ я покажусь домой! Что скажутъ? Я испугаю семейство, я теперь долженъ буду лечиться.» Мы ѣхали опять чрезъ Одессу и пробыли тамъ два дня. Тутъ онъ сталъ торопиться. Я предлагалъ ему отдохнуть.—«Нѣтъ, нѣтъ, я поѣду, я ужь послалъ сегодня письмо; я приготовилъ своихъ ко всему.» Мы выѣхали изъ Одессы 2-го авгсута, ѣхали тихо, останавливались на ночь и среди дня въ жаръ. Кашель становился все хуже, мокрота увеличивалась, и силы слабѣли. Передъ Харьковомъ, Александръ Евстафьевичъ сказалъ Степану, своему служителю: «я умру въ Харьковѣ.» Когда я утѣшалъ его, что доѣдетъ благополучно, онъ отвѣчалъ мнѣ, что на него начинаетъ нападать апатія и совершенное равнодушіе ко всему. Въ Харьковъ мы пріѣхали въ восемь часовъ вечера, и онъ предполагалъ пробыть тамъ дней пять или шесть. Къ концу болѣзнь начала развиваться быстро, пропала всякая надежда даже временно возстановить его силы. Не смотря ни на что, онъ хотѣлъ ѣхать; я не рѣшился ему противорѣчить, хотя твердо былъ убѣжденъ, что онъ умретъ дорогой. Нанята была почтовая карета, и въ двѣнадцать часовъ дня въ воскресенье, 14-го августа, назначенъ былъ выѣздъ. Утромъ я вошелъ къ Александру Евстафьевичу, онъ лежалъ еще на кро-

вати. — «Какъ я поѣду? сказалъ онъ: — я очень слабъ сегодня.» — «Такъ отдохните еще денька два, отвѣчалъ я. Онъ согласился.

«Въ этотъ же день онъ не могъ самъ перейти до дивана, на которомъ обыкновенно лежалъ днемъ. Доктора ничего не могли сдѣлать: легкихъ не было. Въ понедѣльникъ, 15-го, Александръ Евстафьевичъ не могъ самъ подняться съ подушки. Во вторникъ былъ консиліумъ; но кончина приближалась. Въ этотъ день я и Степанъ не отходили отъ него ни на шагъ. Въ пять часовъ онъ еще принялъ лекарство, въ шесть уже не принималъ; я спросилъ у него: не зажечь ли огня? Онъ проговорилъ: «зажгите!» и это были послѣднія его слова.

«Часовъ въ семь, больной какъ-то странно обвелъ глазами комнату; я велѣлъ Степану подойти къ нему поближе, думая, что онъ его ищетъ глазами; Степанъ сталъ противъ него; но мы ошиблись; взоръ его остановился; онъ глядѣлъ, уже не видя ничего. Потомъ онъ началъ дышать тише и тише, и черезъ полчаса жизнь перешла въ смерть, такъ незамѣтно, что мы все еще ждали послѣдняго вздоха, когда все уже было кончено. Вообще болѣзнь Александра Евстафьевича очень походила на медленное, постоянное угасаніе; начиная съ Одессы, день за день съ страшной постепенностью угасали его силы; все слабѣло: память, слухъ, зрѣніе, аппетитъ, и чѣмъ ближе къ концу, тѣмъ быстрѣе. Онъ умеръ во вторникъ (16) въ половинѣ восьмаго, въ среду его положили въ гробъ и вынесли въ кладбищенскую церковь. Три версты мы несли его на рукахъ, перемѣняясь съ артистами и студентами. Самое большое сочувствіе къ покойному обнаружили артисты и университетъ; на выносѣ, кромѣ студентовъ, былъ ректоръ и профессоры. Въ пятницу отпѣли и закрыли гробъ. Подробности этихъ дней пусть напишетъ кто нибудь другой! я все это видѣлъ, какъ во снѣ.»

Первая телеграфическая депеша изъ Харькова за подписью гг. Островскаго, Турбина и Щербины извѣщала семейство Мартынова объ его опасномъ положеніи. На эту депешу отвѣчали изъ Петербурга, чтобы не щадить никакихъ усилій для его спасенія.—Затѣмъ получено было извѣстіе, что Мартыновъ слабѣетъ, и вслѣдъ за тѣмъ депеша извѣщала, что несмотря ни на какія усилія врачей, онъ скончался.

Отъ 28 августа мы получили слѣдующую записку отъ Островскаго:

«Горе, большое горе! Нашего Мартынова не стало! Онъ умеръ въ Харьковѣ на моихъ рукахъ. Безъ страданій, угасая день за день, онъ скончался тихо, какъ ребенокъ, не сознавая даже своего положенія. Я только вчера пріѣхалъ въ Москву, усталый и разбитый. Я

вамъ напишу подробно, въ видѣ письма, о послѣднихъ четырехъ мѣсяцахъ его жизни,—дайте только немного опомниться. Съ Мартыновымъ я потерялъ все на Петербургской сценѣ. Теперь я не знаю, когда буду въ Петербургѣ. Мнѣ какъ-то не хочется туда ѣхать....»

Человѣкъ свыкается со всѣмъ на свѣтѣ — и мы начинали уже было свыкаться съ мыслію, что Мартынова нѣтъ, что мы не увидимъ болѣе нашего артиста; но эти отрывочныя строки Островскаго, проникнутыя такою глубокою грустію, подѣйствовали на насъ такъ, какъ будто мы въ первый разъ изъ нихъ узнали о страшной потерѣ, понесенной нашимъ театромъ и нашей драматической литературой.

Гнетущее и безотрадное чувство овладѣло нами. Странное дѣло! Отчего всѣ люди, отмѣченные печатью избранія, самые талантливые, самые чистые, самые благородные не уживаются на нашей почвѣ и преждевременно сходятъ въ могилу? Неужели это только роковая случайность, и нѣтъ другаго объясненія этого грустнаго факта? Но намъ не до того теперь, чтобы входить въ изслѣдованія его причины.... Ещё одного изъ такихъ не стало! Мартынова нѣтъ! Мы лишились великаго комика, возбуждавшаго въ насъ смѣхъ, о которомъ говорилъ Гоголь, — тотъ смѣхъ, который «заставляетъ выступить ярко тò, чтò проскользнуло бы; безъ про«никающей силы котораго мелочь и пустота жизни не испугала бы «такъ человѣка. Презрѣнное и ничтожное жизни, мимо котораго «онъ равнодушно проходитъ всякій день, не возрасло бы передъ «нимъ въ такой страшной, почти каррикатурной силѣ и онъ не «вскрикнулъ бы содрагаясь: «Неужели есть такіе люди?...» Мы не увидимъ болѣе великаго драматическаго артиста, потрясавшаго насъ до глубины сердца, доставлявшаго намъ минуты высокихъ наслажденій, заставлявшаго насъ плакать горячими слезами, потрясавшаго театръ снизу до верху и, выражаясь словами того же Гоголя, «все превращавшаго въ одно чувство, въ одинъ мигъ, въ одного «человѣка и заставлявшаго встрѣчаться людей, какъ братьевъ, въ «одномъ душевномъ движеніи....»

Петербургская сцена опустѣла. И какъ понятны эти слова Островскаго, на рукахъ котораго умеръ Мартыновъ: «Съ Марты«новымъ я потерялъ все на петербургской сценѣ.... Теперь я не «знаю, когда буду въ Петербургѣ. Мнѣ какъ-то не хочется туда «ѣхать....»

Да, — теперь истиннымъ цѣнителямъ и любителямъ драматическаго искусства, живущимъ въ Петербургѣ, чтобы смотрѣть на пьесы Островскаго, или на какія нибудь другія замѣчательныя дра-

матическія произведенія, если Богъ пошлетъ ихъ, — надо будетъ ѣздить въ Москву.

Мы все говорили о Мартыновѣ, какъ объ артистѣ; надобно сказать нѣсколько словъ о немъ, какъ о человѣкѣ.

Мартыновъ не имѣлъ никакого образованія: въ школѣ, гдѣ онъ воспитывался, обращали, какъ мы видѣли, вниманіе только на руки и ноги; школа не имѣла въ виду образовывать драматическихъ артистовъ, она хлопотала только о доставленіи хорошихъ танцовщиковъ. Мартыновъ, достигшій такой высоты, какъ драматическій артистъ, мы повторяемъ снова, никому и ничему не обязанъ, кромѣ своего генія.

У Мартынова была душа нѣжная, кроткая, впечатлительная. Молодость его прошла въ пустой средѣ, и увлеченія этой молодости, можетъ быть, также отчасти способствовали къ разстройству его здоровья. Впослѣдствіи онъ сдѣлался отличнымъ семьяниномъ и былъ горячо привязанъ къ своей женѣ и дѣтямъ.

Надобно было видѣть Мартынова въ прошломъ году, въ день его послѣдняго бенефиса, въ которомъ дебютировала его дочь. Передъ выходомъ ея на сцену, на немъ лица не было, онъ говорилъ дрожащимъ голосомъ: «Я никогда не ощущалъ такого страха, такой боязни, хоть я и не принадлежу къ храбрецамъ и порядочно робѣю за самого себя». Успѣхъ малютки привелъ его въ совершенный восторгъ. Онъ плакалъ, смѣялся, обнималъ ее.... Мы какъ будто теперь видимъ передъ собою этого взволнованнаго, встревоженнаго и до глубины потрясеннаго отца, выводящаго дочь свою передъ публикой и благодарящаго публику поклонами, жестами и смѣхомъ сквозь слезы за радушный пріемъ, сдѣланный ей.

Въ Мартыновѣ, какъ въ человѣкѣ, было столько добродушія и симпатичности, что даже и тѣ изъ товарищей, которые не совсѣмъ искренно были расположены къ нему, отзываются объ немъ, какъ о человѣкѣ безукоризненномъ. Дѣйствительно, что-то младенческое, чистое и привлекательное было въ этомъ человѣкѣ, не имѣвшемъ никакихъ, такъ называемыхъ практическихъ способностей, чуждымъ всякой зависти, всякихъ интригъ и почти не заботившемся о своемъ матеріальномъ благосостояніи....

4 сентября тѣло Мартынова привезено было въ Москву. Артисты московскаго театра встрѣтили его за заставой. Тѣло было поставлено въ Даниловомъ монастырѣ, гдѣ покоится прахъ Гоголя. Въ Петербургъ оно привезено въ 8 часовъ вечера 11 сентября. Съ дебаркадера желѣзной дороги, гробъ его перенесенъ на рукахъ въ Знаменскую церковь, конвоируемый жандармами. — Толпа была такъ велика, что мы не могли попасть въ церковь.

13 сентября, въ день похоронъ, совершена была въ Знаменской церкви литургія: на одномъ изъ клиросовъ пѣли артисты русской оперы, на другомъ обыкновенные пѣвчіе; священникъ театральной школы произнесъ слово, въ которомъ очень краснорѣчиво выставилъ заслуги покойнаго искусству и отозвался съ горячностію объ его геніальномъ талантѣ.—За обѣдней, кромѣ семейства покойнаго, его родныхъ и друзей, присутствовали многіе артисты итальянской оперы, французской и нѣмецкой сценъ (мы замѣтили между прочими гг. Тамберлика, Эверарди, Лёмениля, Верне), также всѣ извѣстные наши литераторы и журналисты, театральное начальство и чиновники. — Памяти Мартынова отдали послѣдній долгъ и многія значительныя особы: генералъ-адъютантъ князь В. А. Долгорукій, генералъ-адъютантъ Тимашевъ и нѣкоторыя другія. Гробъ сверхъ покрова былъ усыпанъ вѣнками и цвѣтами. Послѣ панихиды онъ былъ вынесенъ друзьями и почитателями покойнаго; въ числѣ послѣднихъ мы замѣтили одного изъ нашихъ государственныхъ людей...

Въ эту минуту уже весь Невскій проспектъ по всему протяженію, отъ Знаменія до Адмиралтейства, былъ затопленъ народомъ; изъ каждаго окна, по всему этому огромному протяженію, выглядывало нѣсколько головъ, всѣ балконы были биткомъ набиты, народъ даже усыпалъ крыши.... День былъ удивительный, ни одного облачка на небѣ, солнце не только свѣтило, но палило—было до 18° тепла.— Когда гробъ хотѣли поставить на дроги, въ толпѣ раздались крики: «На рукахъ! Мы понесемъ его на рукахъ!» Но за тяжестію, нести гробъ на рукахъ не было никакой возможности; его снова поставили на дроги, но лошадей распрягли и дроги везены были публикою отъ самаго Знаменія до Смоленскаго кладбища. Кисти балдахина держали поперемѣнно гг. студенты С.-Петербургскаго университета. Гробъ былъ подвозимъ къ Александринскому театру и печальное шествіе было пріостановлено на минуту. Мы думали, что здѣсь его встрѣтятъ воспитанники театральной школы, но они однако не показывались. Послѣ краткой литіи, шествіе, обогнувъ Александринскую площадь, сново вступило на Невскій.

Только въ 4 часа гробъ ввезенъ былъ въ ворота Смоленскаго кладбища и въ половинѣ 5-го часа опущенъ въ могилу. Тогда товарищъ покойнаго, П. И. Григорьевъ, бросивъ послѣднюю горсть земли въ могилу великаго артиста, произнесъ съ глубокимъ чувствомъ, потрясеннымъ, но звучнымъ голосомъ:

Миръ праху твоему, артистъ нашъ незабвенный!
Ты преданъ былъ душой искусству своему!

Что создалъ ты у насъ на сценѣ современной,
Того не создавать ужь больше никому!...
Всегда единственный, всегда своеобразный,
Ты объ руку всегда съ искусствомъ шелъ впередъ.
Въ семьѣ артистовъ ты — сіялъ звѣздой алмазной,
И Царь любилъ тебя и русскій весь народъ!...
Всѣ страсти, слабости, иль недостатки вѣка
Умѣлъ ты выяснять въ наивной простотѣ, —
Ты выставлялъ всегда живаго человѣка,
Какъ есть, во всей его грѣховной наготѣ!
Ты придалъ важное значеніе искусству:
Путь вѣрный, взглядъ прямой ты указалъ во всемъ!
И мы, по совѣсти и искреннему чувству,
Послѣдній долгъ тебѣ съ любовью отдаемъ!...
Пускай предѣловъ нѣтъ искусству, и найдутся
Опять достойные; хоть чрезъ немного лѣтъ,
Таланты, можетъ быть, другіе разовьются...
Но, что *Мартыновъ* былъ — *не повторится!* нѣтъ!...
И въ этомъ, по трудамъ, вѣнецъ его нетлѣнный....
Такъ молвимъ же теперь, покорные судьбѣ:
«Миръ праху твоему, артистъ нашъ незабвенный
«И память вѣчная — да будетъ о тебѣ!...»

Свѣжій холмъ могилы Мартынова усыпанъ цвѣтами. Миръ праху великаго, незабвеннаго артиста!

Неужели всѣ мы, которые были обязаны ему минутами высокихъ артистическихъ наслажденій, всѣ мы, въ сію минуту такъ искренно и глубоко огорченные его преждевременною кончиною, забудемъ объ немъ и о его могилѣ такъ же скоро, какъ мы забыли о Бѣлинскомъ и о его могилѣ?... У Мартынова осталась жена съ однимъ только пенсіономъ, какъ мы говорили, и пять сиротъ, еще никуда не пристроенныхъ. Ей предстоитъ много трудовъ, заботъ и издержекъ, а памятникъ на могилѣ великаго артиста есть дѣло общественное. Артисты и литераторы должны первые въ этомъ случаѣ подать примѣръ, принести свою лепту на сооруженіе этого памятника, и открыть на него подписку.

ИВ. ПАНАЕВЪ.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ЖИЗНЬ.

ЗАМѢТКИ НОВАГО ПОЭТА.

Предстоящій театральный сезонъ. — Мартыновъ и Бозіо. — Предстоящія дебюты. — Пріѣздъ артистовъ италіянской оперы и новыхъ французскихъ артистовъ. — Г. Гаазе. — Ристори и ея репертуаръ. — Еще о Маріинскомъ театрѣ. — Дѣйствія новаго газоваго общества. — По поводу ямъ, вырытыхъ на петербургскихъ улицахъ, о водопроводахъ. — Осада Пскова, Брюлова. — Приготовляющаяся художественная выставка. — Сельско-хозяйственная выставка на Михайловской площади. — Гонка судовъ рѣчнаго Яхтъ-Клуба и послѣдній праздникъ клуба въ Новой Деревнѣ. — Пожары. — Скачки. — Спускъ корвета «Богатыря». — Воскресныя школы. — Первая женская воскресная школа въ Петербургѣ. — Каѳедра византійскихъ древностей и литературы въ петербургскомъ университетѣ. — Петербургская осень, ея послѣднія благотворительныя и неблаготворительныя увеселенія. — Портреты Мартынова. — Портретная галлерея Мюнстера. — Средство продлить свое существованіе на 200 лѣтъ за 1 р. и за 1 р. 25 к. — Ученое изданіе въ Парижѣ, предпринятое знаменитымъ А. С. Комаровымъ, отставнымъ инженернымъ полковникомъ и кавалеромъ, ex-сотрудникомъ «Норда», «Отечественныхъ Записокъ», «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» и иныхъ русскихъ и иностранныхъ изданій.

Осенній сезонъ открылся. По возвращеніи въ Петербургъ тѣхъ изъ его жителей, которые ѣздили за-границу, или жили въ деревняхъ и на дачахъ, — ихъ прежде всего интересуютъ театры, а такъ какъ мы пишемъ наши замѣтки преимущественно для этого счастливаго класса людей, то и начнемъ съ театровъ.

Заговоря о театрахъ, мы не можемъ умолчать о великой потерѣ, понесенной русскою сценою, несмотря на то, что въ этомъ нумерѣ «Современника» помѣщена уже особая статья о Мартыновѣ.

Смерть Мартынова взволновала и потрясла весь Петербургъ, да и какъ могло быть иначе? Если Петербургъ волновался нѣкогда отъ смерти г-жи Бозіо, то какъ же онъ могъ оставаться равнодушнымъ теперь?

Сотни, тысячи энтузіастовъ рвались тогда нести гробъ заѣзжей артистки на рукахъ; всѣ цвѣты скупили въ Петербургѣ, чтобы усыпать ея могилу; старыя тряпки пѣвицы покупали, къ великому удовольствію ея почтеннаго супруга, за баснословную цѣну; по ней служили панихиду даже въ армянской церкви.... Но вѣдь г-жа Бозіо сегодня по условію была въ Петербургѣ, завтра она могла заключить такое же условіе съ Парижемъ, съ Лондономъ, съ Вѣной — и навсегда оставить Петербургъ; а вѣдь Мартыновъ былъ *нашъ, наша* слава, украшеніе нашего театра, и потеря его положительно *незамѣнима* на нашей отечественной сценѣ!

Сочувствіе, которое было обнаружено Петербургомъ въ день погребенія артиста — дѣлаетъ большую честь Петербургу.

Кажется, весь Петербургъ провожалъ его тѣло до послѣдняго жилища.

Смерть Мартынова сильно подѣйствовала на всѣхъ. Нечего говорить, какъ принята была эта потеря тѣми немногими, которые трудятся для нашей сцены; что долженъ былъ чувствовать Островскій, на рукахъ котораго угасалъ великій артистъ!...

Мы слышали, что бенефисъ въ пользу семейства Мартынова уже разрѣшенъ и что въ этомъ бенефисѣ дана будетъ, между прочимъ, комедія Островскаго, напечатанная въ этой книжкѣ «Современника».

Театральныхъ новостей готовится множество. Почти всѣ уже вновь ангажированные иностранные артисты для итальянской оперы и французскаго театра находятся въ сію минуту въ Петербургѣ. На нѣмецкомъ театрѣ появился снова г. Гаазе — и первый выходъ его былъ въ ролѣ «Нарцисса», въ которой также появился въ первый разъ и г. Самойловъ. Русская драматическая труппа готовитъ, говорятъ, дебютанта г. Нилова на первыя роли въ драмѣ и комедіи.... Сколько предстоитъ дебютовъ въ операхъ русской и итальянской, на французской, русской и нѣмецкой сценахъ!... На нѣмецкой уже дебютировалъ г. Герстель изъ Данцига — актеръ впрочемъ весьма посредственный; русская опера для дебюта г. Кравцова приготовляетъ «Россиніевскаго Отелло». Вотъ біографическія свѣдѣнія о Кравцовѣ, взятыя нами изъ «Сѣверной Пчелы»: «Иванъ Кравцовъ родился въ Петербургѣ, въ 1833 году; слѣдственно, ему теперь двадцать

семь лѣтъ. Отецъ его, торговецъ древностями и тонкій знатокъ въ оцѣнкѣ драгоцѣнныхъ камней, предназначалъ сына для медицинскаго поприща; но не всегда такъ выходитъ, какъ отцы предполагаютъ. Окончивъ съ отличіемъ курсъ наукъ въ петровской школѣ, молодой Кравцовъ, вмѣсто терапіи и клиники, сталъ изучать музыку, и, въ короткое время, сдѣлался замѣчательнымъ піанистомъ, пѣвцомъ и даже началъ пробовать свои силы въ искусствѣ композиціи. На девятнадцатомъ году открылся у него очень пріятный басъ, и онъ пѣлъ, въ нѣкоторыхъ обществахъ, въ качествѣ любителя. По двадцатомъ году, голосъ Кравцова перешелъ въ баритонъ, а еще чрезъ годъ измѣнился въ теноровый, и съ такимъ обширнымъ діапазономъ, что пѣвецъ совершенно свободно беретъ ut-dièze, или do-diesis, какъ говорятъ итальянцы — ноту-чудо, которая до сихъ поръ считалась принадлежностью одного Тамберлика.

«Кравцовъ изъ Петербурга отправился въ Неаполь, и тамъ, дополнивъ музыкальное свое образованіе подъ руководствомъ первоклассныхъ учителей, съ успѣхомъ дебютировалъ въ этомъ городѣ, а потомъ пѣлъ въ различныхъ городахъ: Потенцѣ, Аквилѣ, Кіетѣ, Форли, Мачератѣ и Тріестѣ, а въ 1859 году былъ ангажированъ въ Венецію для сцены Санъ-Бенедетто; но политическія событія были причиною закрытія этого театра, и артистъ отправился въ Парижъ, гдѣ участвовалъ во многихъ концертахъ».

Любители итальянской оперы ждутъ съ нетерпѣніемъ дебютовъ г-жи Лаграманти, ученицы Россини, которая рекомендована директору театровъ г. Сабурову самимъ Россини, и г-жи Фіоретти, которая въ первый разъ появится въ «Пуританахъ».... Опера открывается «Осадою Гента». А Ристори съ своею труппою?... Театральный сезонъ, по видимому, будетъ очень оживленъ. Г-жа Ристори пріѣдетъ въ Петербургъ въ ноябрѣ съ двѣнадцатью актерами: гг. Чессеро, Пиккіотино, Ристори, Маіерони, Бутти, Гиромъ, Берги, Песнагори, Верцура, Анжелина, Бартолини и Лаката, и съ шестью актрисами: г-жами Сантони, Маіерони, Біаджини, Пиккіотино, Эльвирой и Луизіей Глехъ.

Репертуаръ знаменитой артистки будетъ состоять изъ слѣдующихъ пьесъ:

Макбетъ Шекспира (въ сокращеніи).

Адріена Лекувреръ.

Франческа да Римини, трагедія въ 5 дѣйствіяхъ, Сильвіо Пеллико.

Розамунда, трагедія въ 5 дѣйствіяхъ, Альфіери.

Елисавета англійская, драма въ 5 дѣйс. въ прозѣ, Джакометти.

Октавія — Альфіери.

Піа де Толомеи, трагедія въ 3 дѣйствіяхъ, Карла Маренго.

Камма, трагедія въ 3 дѣйствіяхъ, того же автора.

Біанка Висконти, трагедія въ 5 дѣйствіяхъ, Паоло Менгоцци.

Іоанна безумная, трагедія, перев. на итальянскій языкъ съ испанскаго.

Мирра, трагедія въ 5 дѣйствіяхъ, Алфіери.

Медея, трагедія въ 5 дѣйствіяхъ, Легуве, перев. Монтанелли.

Федра, Расина.

Юдиөь, трагедія въ 5 дѣйствіяхъ, Джакометти.

Марія Стюартъ, Шиллера, перев. Маффеи.

Труппа г-жи Ристори будетъ давать свои представленія три раза въ недѣлю: два раза на Михайловскомъ, а одинъ разъ на новомъ Маріинскомъ театрѣ. Покойный Мартыновъ, разсказывая намъ о своихъ путевыхъ впечатлѣніяхъ и о заграничныхъ театрахъ, отзывался о Ристори съ величайшимъ увлеченіемъ. «Это неложная слава», замѣчалъ онъ: «это великая артистка, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія». Нѣкоторые изъ нашихъ литераторовъ, видѣвшіе ее, увѣряли насъ напротивъ, что хотя Ристори «имѣетъ большой талантъ, но ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть поставлена наряду съ Рашелью, и что она обязана будто бы своей громкой извѣстностію крикамъ французскихъ фельетонистовъ». Чье мнѣніе вѣрнѣе — Мартынова, или этихъ господъ, мы скоро увидимъ....

Маріинскій театръ совершенно готовъ и газъ уже проведенъ въ него. Мы еще не имѣли случая видѣть его; но разсказываютъ, что по изяществу отдѣлки, по удобству, онъ будетъ однимъ изъ лучшихъ европейскихъ театровъ. Множество русскихъ и иностранныхъ художниковъ трудились надъ нимъ. Главнымъ строителемъ его былъ Альбертъ Кавосъ. Многія декораціи для него писаны за границею. Передняя занавѣсь, исполненная неаполитанскимъ художникомъ г. Рокко, изображающая открытіе Колизея императоромъ Титомъ, производитъ, говорятъ, большой эффектъ.

Зала театра блѣдно-голубая, съ легкими рельефными фигурами на парапетахъ ложъ, обитыхъ голубымъ бархатомъ и увѣшанныхъ бронзовыми люстрами съ граненымъ хрусталемъ. О плафонѣ и о двѣнадцати медальонахъ (въ сводѣ потолка) съ изображеніями русскихъ драматическихъ авторовъ, мы, кажется, уже говорили.... Въ большомъ фойе плафонъ Франццони, изображающій девять музъ съ Аполлономъ и двѣ картины — музыка и танцы. Въ сводѣ потолка медальоны съ портретами извѣстныхъ русскихъ и иностранныхъ композиторовъ. Въ боковой царской ложѣ плафонъ расписанъ альфреско художникомъ Бальдини; а въ аванъ-залѣ этой ложи помѣщенъ, говорятъ, прелестный фрескъ Беллони: «Время, похищающее Гебу».

Стиль театра во вкусѣ Возрожденія (Renaissance).

Сцена одна изъ самыхъ большихъ въ Европѣ — шире сцены нашего Большаго театра. Ложи глубоки и просторны; въ партерѣ три прохода. Надъ сценой устроены резервуары съ водою; уборныя расположены съ обѣихъ сторонъ сцены въ три яруса. Кромѣ того устроены двѣ большія залы для репетицій, магазины для декорацій, комнаты для куренія артистамъ и зрителямъ, и даже особенная комната для настраиванія инструментовъ. Подъѣздовъ къ театру — семь. Словомъ, все для этого театра обдумано и соображено превосходно. Кавосъ строитель Московскаго театра, и мы убѣждены уже по этому, что новый Маріинскій театръ дѣйствительно такъ хорошъ, какъ отзываются о немъ видѣвшіе его. Освѣщенъ онъ будетъ 1,800 газовыми рожками. Кстати объ освѣщеніи.

Новое общество освѣщенія столицы открыло фабрикацію газа съ 24 августа и провело его въ положенныя трубы 29-го. Въ настоящую минуту оно освѣщаетъ газомъ слѣдующія петербургскія улицы: Обводный каналъ, начиная съ газовой фабрики до Рузовской улицы; эту улицу, Загородный проспектъ до Гороховой, Гороховую отъ Загороднаго проспекта до Краснаго моста, Мѣщанскую отъ Невскаго проспекта до Вознесенской улицы, Вознесенскую, начиная съ Большой Мѣщанской до Синяго моста, Офицерскую отъ Вознесенскаго проспекта до Офицерскаго моста, Набережную Мойки отъ Пѣвческаго до Синяго моста; Новый и Демидовъ переулки, Невскій проспектъ между Казанскимъ и Полицейскимъ мостами, Екатерининскій каналъ отъ Казанскаго моста до маленькаго Конюшеннаго, Конюшенную отъ Невскаго до Большаго Конюшеннаго моста, Конюшенную площадь, Набережную Мойки отъ Полицейскаго до маленькаго Конюшеннаго моста, Мошковъ переулокъ, Большую Милліонную, Аптекарскую и набережную Мойки отъ Большаго до Малаго Конюшеннаго моста. Къ 20 сентябрю общество освѣтитъ еще 8 улицъ и Екатерининскую набережную отъ Невскаго проспекта до Театральнаго моста, а въ началѣ октября еще 15 улицъ, въ томъ числѣ Владимірскую, Литейную, Сергіевскую и Моховую; четыре набережныхъ (между прочимъ Англійскую и набережную Фонтанки отъ Семеновскаго моста до Невы), 4 площади (Дворцовую, Адмиралтейскую, Петровскую и Исаакіевскую) и Конногвардейскій бульваръ.

Такимъ образомъ нынѣшнею зимою вся богатая, вся лучшая часть Петербурга будетъ освѣщена газомъ!... Когда-то освѣтятъ бѣдныхъ жителей Галерной, Петербургской и Выборгской сторонъ, Песковъ, Семеновскаго и Измайловскаго полковъ? и такъ далѣе. Бѣдные тонутъ въ грязи и во мракѣ.... По улицамъ Петербургской стороны по сторонамъ вымощеннаго Большаго проспекта (я не го-

ворю уже о Галерной) нѣтъ никакого проѣзда, а вечеромъ нѣтъ и прохода. Деревянныя мостовыя сгнили, провалились или поднялись кверху, въ иныхъ улицахъ по два масляныхъ фонаря, падающіе слабое мерцаніе, въ другихъ — ни одного; а между тѣмъ Петербургская сторона въ чертѣ города..... Надо бы обратить на это вниманіе изъ состраданія къ бѣднымъ..... Теперь же это кстати, потому что благотворительность въ модѣ.

Газовое петербургское общество несравненно дѣятельнѣе водопроводнаго..... Послѣднее дѣйствуетъ изъ рукъ вонъ плохо; по его милости петербургскія улицы двѣ осени сряду ни на что не похожи. Говорятъ, что одинъ техникъ, назначенный со стороны правительства для надзора за правильностію производства работъ этого общества, обратилъ вниманіе на неправильную кладку и дурную спайку трубъ, а эта непростительная небрежность грозила только потопить городъ — шутка!... Перемычки на мостахъ еще не сняты; говорятъ, за аренду водокачальныхъ машинъ платятъ по-суточно!... Плохія распоряженія, плохой присмотръ! Все это не дѣлаетъ чести правленію общества и не внушаетъ къ нему довѣрія.

На правленіе впрочемъ, кажется, не дѣйствуютъ никакія журнальные возгласы, никакія сатиры, эпиграммы и каррикатуры, и взывать къ нему безполезно, — да мы ничего бы и не говорили объ этомъ обществѣ, если бы всякій день не спотыкались на улицахъ на груды камней, на кучи грязи и съ ужасомъ не отступали отъ ямъ...

Кромѣ предстоящихъ театральныхъ новостей, о которыхъ мы упомянули, сколько другихъ разнообразныхъ развлеченій готовится счастливымъ петербургскимъ жителямъ!

На дняхъ открылась годичная художественная выставка въ академіи художествъ». Объ этой выставкѣ въ октябрскомъ нумерѣ нашего журнала будетъ подробный отчетъ.

Передъ этимъ въ одной изъ залъ академіи выставлена была для публики недоконченная картина Брюлова «Осада Пскова». Картина эта по композиціи и по выполненію принадлежитъ къ самымъ неудачнымъ картинамъ знаменитаго живописца. Въ ней бросаются въ глаза прежде всего недостатки художника — вычурность и разсчетъ на эффекты, которые въ этотъ разъ не удались ему. Вѣроятно, Брюловъ самъ сознавалъ это, и потому картина его осталась недоконченною. Никто, конечно, не усомнится въ томъ, что Брюловъ обладалъ большимъ талантомъ, но, по нашему мнѣнію, въ талантѣ этомъ вообще было мало симпатическаго. Это Викторъ Гюго въ живописи, но Гюго только по внѣшней формѣ, а не по ширинѣ содержанія...

Мы ожидаемъ также очень скоро сельско-хозяйственной выставки Императорскаго вольнаго экономическаго общества. Зданіе для

этой выставки, пристроенное къ Михайловскому манежу, уже почти совсѣмъ готово. Нынѣшняя выставка общества будетъ гораздо болѣе той, которая помѣщалась нѣкогда въ Конногвардейскомъ манежѣ. Ея предметы будутъ состоять изъ семи различныхъ отдѣленій, которыя представятъ всевозможные сельскіе и хозяйственные продукты, за исключеніемъ хлѣбныхъ напитковъ и спиртныхъ жидкостей. Кромѣ наградъ вольно-экономическаго общества, министерство государственныхъ имуществъ опредѣлило преміи за лучшія машины, орудія и снаряды, изъ своего хозяйственнаго капитала на сумму до 20,000 р. с. Главная премія въ 3,000 р. с. назначена за лучшій снарядъ для кошенія хлѣба, или травы. Городъ Петербургъ также учредилъ премію въ 500 р. с. за лучшую выдѣлку кожъ. Общество Волжское и «Самолетъ» изъявили согласіе перевозить нѣкоторые предметы для этой выставки безплатно, другія пароходныя общества съ пониженными цѣнами.

Въ теченіе августа два раза привлекалъ на себя вниманіе петербургскихъ жителей и особенно дачниковъ острововъ и Новой деревни новый рѣчный Яхтъ-Клубъ. Два раза происходили гонки судовъ этого клуба и наконецъ 28 августа данъ былъ праздникъ членами клуба по случаю прощанія клуба съ своей дачей.

Вотъ что говоритъ объ этомъ «Морской Сборникъ»:

«31 іюля происходила между Елагинымъ и Крестовскимъ островами, на протяженіи 750 сажень внизъ по рѣкѣ, отъ яхты *Донъ-Жуанъ* до поворотной шлюпки *Забава*, и обратно, первая гонка, подъ веслами, судовъ С.-Петербургскаго рѣчнаго яхтъ-клуба, въ присутствіи Генералъ-Адмирала, Великой Княгини Александры Іосифовны, ихъ гостей, свиты и большаго стеченія публики всѣхъ слоевъ дачнаго и городскаго народонаселеній. На призъ морскаго министерства: четырехвесельная гичка — гонялись: четырехвесельныя гички: *Стрѣла* (рулевой — членъ клуба И. Я. де-Франса-Петто, гребцы — члены клуба: Н. Х. Вилькинсъ, А. И. Берновскій, Д. И. Маршаловъ и Н. Н. Познанскій), *Нева* (рулевой — вице-командоръ клуба, Ц. А. Кавось, гребцы — члены клуба: К. Ф. и А. Ф. Бруни, П. Х. Гейде и Л. А. Эбергардъ) и *Охта* (рулевой — членъ клуба П. Т. Образцовъ, гребцы — члены клуба: А. К. Вернеръ, М. П. Волуевъ, А. И. Аверкинъ и П. А. Тимофеевъ). Изъ нихъ *Стрѣла* пришла первою въ 16 м. 30 с. и *Нева* второю въ 17 м. 15 с. Выиграли призы: рѣчнаго клуба: серебряный рупоръ двухвесельная шлюпка *Безымянка* (рулевой — членъ клуба В. И. Тайвани, гребцы — перевощики), пришедшая въ 16 м. Золотой свистокъ на такой же цѣпочкѣ — шлюбка съ тремя гребцами *Ласточка* (рулевой — членъ клуба г. Бруни, гребцы — перевощики), пришедшая въ 14 м. 30 с. Серебряный ку-

бокъ — четырехвесельная гичка *Голубушка* (рулевой — членъ клуба И. С. Шумовъ, гребцы — матросы), пришедшая въ 12 м. 45 с. и серебряный ковшикъ—лыжа *Ундина* (членъ клуба Н. Х. Вильвинетъ), прошедшая 420 саженъ въ 7 м. 30 с. Если должно радоваться появленію рѣчнаго клуба, утвержденнаго 14 марта и открытаго 21 мая нынѣшняго года, и результатамъ гонокъ, которыя въ свое время описали подробно и оцѣнили наши газеты, то не менѣе радостно то живое участіе, которое приняла публика въ этой гонкѣ. Новость зрѣлища, сочувствіе дѣлу и общій восторгъ не помѣшали ей однакожь соблюдать величайшій порядокъ; приличіе и тактъ, выказанные зрителями, собравшимися на гребныхъ судахъ, заставили городовыхъ полицейскихъ унтеръ-офицеровъ, размѣщенныхъ на яликахъ (и замѣнявшихъ рѣчную или судоходную полицію) превратиться въ такихъ же зрителей, какъ и тѣ, за которыми они дожны были *надзирать*. Эта небываая до сихъ поръ рѣчная полиція, мало еще знакомая съ новою для нея стихіею, обращая свое вниманіе на шлюпки, пропустила предъ началомъ гонокъ плывшее по теченію и по серединѣ самаго фарватера огромное бревно, которое могло бы разстроить гонки, еслибъ оно не было усмотрѣно еще во время въ предѣлахъ гонки, въ самый моментъ перваго выстрѣла съ яхты *Донъ-Жуанъ*, одною изъ шлюпокъ клуба, и отбуксировано на мель праваго берега рѣки (*). Рѣчной клубъ имѣетъ въ настоящее время 35 судовъ и 6 лыжъ на водѣ, и кромѣ нѣсколькихъ заказанныхъ шлюпокъ, которыя вскорѣ будутъ окончены, предстоитъ шлюпочнымъ мастерамъ на Охтѣ и на Васильевскомъ островѣ работа по даннымъ образцамъ и чертежамъ. На гонку перевозныхъ яликовъ и ялботовъ, 26 августа, выѣхали, въ числѣ прочихъ зрителей, суда рѣчнаго яхтъ-клуба, и можно надѣяться, что съ будущаго года ни одинъ морской праздникъ, какъ-то: выѣздъ коменданта въ день открытія навигаціи, спускъ судовъ на воду и т. п. не пройдетъ безъ участія флотиліи рѣчнаго клуба. Катанье подъ парусами не усту-

(*) «Впрочемъ, городовые унтеръ-офицеры, расположившіеся на перевозныхъ яликахъ, едва ли были въ состояніи остановить это бревно, явившееся въ числѣ зрителей. Очевидно, что рѣчной полиціи необходимы шлюпки, а не перевозныя ялботы, а также техническія познанія и глазъ моряка. Теперь же считаемъ долгомъ обратить вниманіе возникающей рѣчной полиціи на обстоятельство, не требующее никакихъ морскихъ свѣдѣній, а именно на то, что съ мостовъ ежедневно по утрамъ бросаютъ въ воду, чрезъ нарочно-сдѣланные люки, всю нечистоту, накопившуюся на мостахъ въ продолженіе сутокъ. Грязь, навозъ, мелкія щепы, отдѣлившаяся отъ досокъ и проч., все это летитъ за бортъ, лѣтомъ черезъ каждые 24 часа, прямо въ воду, зимою же на ледъ, образуя между быками конусы, отдающіеся также въ жертву водѣ».

наетъ упражненіямъ въ греблѣ, и Кронштадтъ, Ораніенбаумъ, Петергофъ и Стрѣльна уже неоднократно видѣли у себя флагъ клуба. 28 Августа члены клуба совершили на своихъ судахъ прогулку вокругъ Каменнаго острова, въ двѣ колонны, въ сопровожденіи парохода, на которомъ играла музыка; потомъ былъ обѣдъ и церемоніальный спускъ флага, фейерверкъ и иллюминація и наконецъ еще катанье на шлюпкахъ съ бенгальскими огнями».

Пожары въ теченіе августа были также довольно часты, но, къ счастію, были прекращаемы быстро ловкостію и дѣятельностію пожарной команды, которой въ этомъ случаѣ нельзя не отдать справедливость.

6 сентября спущенъ въ Неву корветъ «Богатырь». Теперь онъ стоитъ на якорѣ противъ Новаго Адмиралтейства и вѣроятно будетъ потомъ проведенъ въ Кронштадтъ.

Кромѣ шести воскресныхъ школъ, учрежденныхъ въ Петербургѣ, о которыхъ мы говорили въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, основаны еще двѣ новыхъ — Самсоньевская на Выборгской сторонѣ, въ которой безплатное преподаваніе началось 23 іюля, и Введенская на Петербургской сторонѣ, открывшаяся 15 августа. Иниціатива первой школы принадлежитъ, говорятъ, нѣкоторымъ изъ воспитанниковъ лицея, которые, принявъ въ соображеніе, что въ этой части города очень много ремесленниковъ и что открытіе здѣсь такой школы полезнѣе, чѣмъ гдѣ либо, обратились о пособіи имъ въ этомъ дѣлѣ къ студентамъ медико-хирургической академіи, которые очень горячо взялись за это дѣло. Изъ одной красильни г. А. Гука (Huck) явилось 43 ученика. Гг. Гукъ, Мѣняевъ и Шландеръ сдѣлали денежныя пожертвованія въ пользу школы, бумажный фабрикантъ г. Кайдановъ доставилъ нужные матеріалы. Кто-то изъ фабрикантовъ предложилъ удерживать частичку изъ небольшаго жалованья ремесленниковъ въ пользу школъ. Остроумное предложеніе! Разумѣется, оно было отвергнуто.

28 августа открыта у насъ первая воскресная женская школа. Вотъ свѣдѣнія о ней, взятыя нами отчасти изъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей»:

«Женская воскресная школа учреждена въ классахъ второй гимназіи, которая, находясь въ центрѣ промышленнаго населенія столицы, представляетъ много удобствъ къ посѣщенію ея ремесленными ученицами. Новая школа учреждена на счетъ русскаго ремесленнаго общества: обученіе въ ней приняли на себя нѣсколько дамъ и дѣвицъ, сочувствующихъ дѣлу народнаго образованія, свяшен-

никъ и два или три преподавателя: общее же распоряженіе по школѣ взяла на себя М. С. Шпилевская, знакомая уже съ этимъ дѣломъ, какъ учредительница первой русской воскресной школы. Эта школа существуетъ и въ настоящее время, и, взявъ новую обязанность, г-жа Шпилевская устраиваетъ такъ, что занятія въ ея воскресныхъ классахъ оканчиваются ранѣе, нежели начинаются классы въ гимназіи.

«Открытіе женской школы вызвано насущною потребностью. Лучшимъ доказательствомъ этого можетъ служить цифра явившихся учиться, которая дошла до двухсотъ. Между этими двумя стами были не только дѣти, но много взрослыхъ; хозяева мастерскихъ сами приводили своихъ ученицъ и, передавая ихъ распорядителямъ, тутъ же высказывали благодарность за открытіе учрежденія.

«Открытіе началось молебствіемъ, которое совершалъ одинъ изъ законоучителей гимназіи, изъявившій желаніе быть преподавателемъ въ безплатной школѣ.

«Изъ большой залы ученицы были переведены въ классы, гдѣ и распредѣлены сообразно своимъ познаніямъ. Три большія комнаты пришлось занять безграмотными и малограмотными, и одна только помѣщала грамотныхъ. Въ самомъ большомъ классѣ обученіемъ безграмотныхъ занималась г-жа и г. Золотовы, по методѣ котораго обучаютъ чтенію почти во всѣхъ воскресныхъ школахъ.

«Остальныя преподавательницы, большею частью молодыя дамы и дѣвицы — занимались въ другихъ классахъ. Всѣ онѣ взялись за дѣло съ большимъ усердіемъ. Вотъ одна черта изъ быта женской школы. Въ день открытія, многія изъ прибывшихъ ученицъ были одѣты не только опрятно, но, по своему положенію, даже нарядно — въ изящныхъ шляпкахъ и бурнусахъ....

«Туалеты же преподавательницъ, напротивъ, отличались совершенною простотою и отсутствіемъ всякихъ щеголеватыхъ претензій. Мы слышали, что это сдѣлано по взаимному соглашенію преподавательницъ. Говорятъ, онѣ условились уже прежде посѣщать школу не иначе, какъ въ самомъ простомъ нарядѣ. Если такое условіе дѣйствительно существуетъ, то оно заслуживаетъ полнаго сочувствія. Кромѣ удобствъ для самихъ преподавательницъ, это условіе можетъ имѣть важное значеніе, въ отношеніи нравственномъ, для учащихся. Дѣвочка, принадлежащая къ тому кругу, въ которомъ такъ уважаютъ внѣшность, въ которомъ жертвуютъ всѣмъ для новыхъ нарядовъ, такая дѣвочка, сблизившись съ образованною женщиною, необращающею всего своего вниманія на платье и шляпки,

подпавъ подъ ея вліяніе, можетъ легче устоять противъ понятій своего круга, ведущихъ за собой столько искушеній....

«Прежде начала занятій, преподавательницы, съ общаго согласія, составили нѣкоторыя главныя правила, для первоначальнаго руководства. На основаніи утверждаемаго ими порядка, преподованіе въ женской школѣ начинается въ половинѣ втораго. До двухъ часовъ всѣ ученицы слушаютъ законъ божій. Затѣмъ онѣ дѣлятся на классы. Въ первомъ классѣ учатъ читать и писать; во второмъ занимаются ариѳметикою, чтеніемъ, съ объясненіемъ читаемаго; въ третьемъ рисованіемъ и чистописаніемъ. Классы дѣлятся на кружки; размѣщеніе же по классамъ и кружкамъ зависитъ отъ степени познаній учащихся, безъ всякихъ стѣсненій. Методъ преподаванія предоставляется усмотрѣнію преподающихъ, «въ томъ предположеніи (какъ сказано въ проэктѣ правилъ, составленномъ распорядительницею), что каждая предподавательница будетъ заниматься въ школѣ такъ же, какъ бы она занималась съ своими сестрами или дѣтьми, и, слѣдовательно, употребитъ всѣ старанія, чтобы способъ преподаванія былъ, по возможности, и легкій, и доступный учащимся».

Въ петербургскомъ университетѣ учреждены новыя каѳедры византійскихъ древностей и литературы и общей исторіи литературъ. Въ университетъ вводятъ также преподаваніе греческаго языка...

Объ осени, осеннихъ загородныхъ увеселеніяхъ, концертахъ, праздникахъ и иллюминаціяхъ, доканчивающихъ свое существованіе, а равно о благотворительныхъ павловскихъ балахъ и о прочемъ — мы говорить не будемъ. Это не имѣетъ никакого интереса для нашихъ иногородныхъ читателей, а петербургскимъ до крайности надоѣло, вслѣдствіе безпрестанныхъ повтореній объ этомъ въ газетныхъ фельетонахъ.

«Осень. Жолтые листья грудами лежатъ на дорожкахъ, сѣрое небо, грязь; по петербургскимъ улицамъ тянутся возы, нагруженные мебелью.... Прощай лѣто!... Наши дачники...» и такъ далѣе.

Каждый газетный фельетонъ обыкновенно начинается такими фразами каждую осень. Эти стереотипныя фразы должны сдѣлаться омерзительными читателямъ. Удивительно, какъ они не огадились ихъ авторамъ!...

Во всѣхъ эстампныхъ и книжныхъ петербургскихъ магазинахъ выставлены теперь портреты Мартынова. Наиболѣе удачный портретъ его принадлежитъ извѣстной портретной галлереѣ г. Мюнстера. Въ послѣднихъ ея тетрадяхъ (4, 5, 6, 7 и 8 на 1860 г.) помѣщены, кромѣ портрета Мартынова, портреты гг. Курочкина, Ру-

бинштейна, Степанова (редактора «Искры»), Остроградскаго, Погодина, Устрялова, Струве, М. И. Глинки, Иванова (художника); Карамзина, Н. А. Полеваго, Григоровича, Максимова, Салтыкова (Щедрина) и Фета.

Я хотѣлъ-было положить перо и на этомъ кончить мои замѣтки, какъ одинъ изъ моихъ знакомыхъ литераторовъ, заставшій меня дописывающимъ послѣднія строки, догадавшись, что я пишу «Замѣтки», спросилъ меня, помѣстилъ ли я въ числѣ новостей извѣстія о новыхъ журналахъ?

— О какихъ же? спросилъ я.

— Какъ о какихъ?... Хоть напримѣръ объ «Искусствѣ», первый нумеръ котораго долженъ выйти очень скоро.

Литераторъ задумался и послѣ минуты молчанія, продолжалъ:

— У насъ именно чувствовалась потребность въ такомъ журналѣ... Наша публика нуждается въ эстетическомъ образованіи, въ развитіи изящнаго вкуса. За это взялись Писемскій и Сѣровъ. Эти имена, особенно имя Писемскаго, ручаются въ томъ, что они поведутъ дѣло хорошо. У Писемскаго столько литературнаго такта, изящной прелести, эстетическаго чутья, въ немъ такое вѣрное чувство изящнаго.—Успѣхъ журнала будетъ блистательный.

— Я не сомнѣваюсь, отвѣчалъ я. — Скажите, что же это *Искусство* будетъ подвизаться *для искусства*?

— Конечно. Для чего иначе? отвѣчалъ литераторъ, улыбнувшись.

— Все это безподобно, замѣтилъ я: — но меня поражаетъ одно. Намъ ужь очень давно толкуютъ объ изящномъ, объ эстетикѣ и объ эстетическомъ вкусѣ, да все это намъ какъ-то въ прокъ нейдетъ, и страннѣе всего, что сами наши литературные авторитеты, надѣленные, по ихъ собственному и по всеобщему мнѣнію, такимъ удивительнымъ эстетическимъ вкусомъ и безпрестанно проповѣдующіе объ изящномъ, — ошибаются въ этомъ дѣлѣ на каждомъ шагу престраннымъ образомъ: за-частую весьма посредственныя произведенія принимаютъ за *художественныя* и отроческіе стихотворные опыты за поэзію... Я признаюсь вамъ, относительно эстетическаго вкуса, перестаю довѣрять литературнымъ авторитетамъ.

— Ошибаться свойственно и геніальнымъ людямъ,—глубокомысленно возразилъ мнѣ литераторъ:—но что касается до Писемскаго, то кто же можетъ сомнѣваться въ его эстетическомъ вкусѣ; отъ его произведеній вѣетъ какою-то благоуханною, поэтическою, дѣвственною чистотою. До сихъ поръ онъ не проявилъ еще своего

критическаго таланта, но теперь — онъ намъ проявитъ его. Это самый надежный авторитетъ въ дѣлѣ изящнаго.

— *Ну и прекрасно*, отвѣчалъ я, какъ Перейра г–ну Краевскому, не найдясь ничего возразить умнѣе... — Какіе же еще новые журналы?

— О *Вѣкѣ* и о журналѣ г-жи Туръ вы, кажется, уже говорили. Теперь носятся слухи, что гг. Достоевскіе будутъ издавать журналъ, подъ названіемъ: «Время»; кромѣ того въ 1861 году появится много новыхъ листковъ и журналовъ...

— Чтожь? все это благо, перебилъ я:—чѣмъ болѣе будетъ журналовъ, тѣмъ лучше, если только они будутъ вести дѣло свое честно и способствовать, каждый по мѣрѣ силъ своихъ, нашему общественному развитію. Намъ останется только повторять слова поэта:

«Да здравствуетъ разумъ, да скроется тьма!»

Мы получили на дняхъ первую книгу «Всемірной исторіи» (Allgemeine Weltgeschichte) Вебера, Гейдельбергскаго профессора, въ которой авторъ обращаетъ преимущественное вниманіе на развитіе духовной и гражданственной жизни народовъ. Это дѣльное сочиненіе очень хорошо переведено гг. Игнатовичемъ и Зуевымъ. Мы надѣемся на продолженіе этого полезнаго труда и поговоримъ объ немъ со временемъ подробно въ библіографическомъ отдѣлѣ нашего журнала.

Еще получена нами книжка, подъ названіемъ *Гигіена. Руководство къ сохраненію здоровья, составленная Ст. Барановскимъ и изданная А. Станюковичемъ.* Авторъ приписываетъ большую смертность невѣдѣнію, легкомыслію, эгоизму и корыстолюбію. Онъ желаетъ ввести гигіену въ число непремѣнныхъ предметовъ общаго оброзованія.

Въ § 1 своей книги г. Барановскій говоритъ:

«Невозможно съ точностію опредѣлить крайній предѣлъ жизни для человѣка. Для животныхъ млекопитающихъ признается за правило, что они могутъ жить въ восемь разъ долѣе того времени, сколько имъ нужно, чтобы стать совершенно взрослыми.

«Люди въ наше время растутъ вверхъ обыкновенно до двадцати, двадцати пяти, иные даже до тридцати лѣтъ; если принять это время за основаніе разсчета, то полный вѣкъ человѣка — 160, 200 или 240 лѣтъ. Но по прекращеніи роста вверхъ, продолжается еще ростъ въ ширину до сорока лѣтъ; принимая это число за основаніе, полный

вѣкъ человѣка составитъ слишкомъ триста лѣтъ. Есть люди и даже цѣлые народы, у которыхъ ростъ прекращается до двадцати и даже до пятнадцати лѣтъ, и невозможно утверждать, чтобы періодъ зрѣлости не былъ и у насъ нисколько не сокращенъ; а предполагая этотъ періодъ болѣе продолжительнымъ, необходимо отсрочивать и крайній предѣлъ человѣческой жизни.

«Но въ наше время никто не доживаетъ и до двухъ сотъ лѣтъ; даже люди, прожившіе долѣе 150 лѣтъ (до 180-ти) составляютъ чрезвычайную рѣдкость; а о проживншихъ сто лѣтъ говорятъ уже, что они прожили полный вѣкъ человѣческій, хотя въ сущности они едва достигли до его половины.»

Я ни за что на свѣтѣ не сталъ бы руководствоваться Гигіеной почтеннаго автора, если бы она могла продлить мою жизнь на 200 или на 240 лѣтъ. Прожить 240 лѣтъ—это страшно подумать!.. Наше бѣдное поколѣніе, даже въ лучшихъ своихъ представителяхъ, несмотря на всевозможную заботливость о своемъ благосостояніи и здоровьѣ, за 40 лѣтъ начинаетъ видимо ослабѣвать физически и нравственно: отставать, тупѣть, развивать въ себѣ лимфу, консерватизмъ и самодовольствіе, и становится въ враждебное положеніе къ новому поколѣнію... Что же было бы, еслибы вслѣдствіе соблюденія гигіены г. Барановскаго, мы продолжили бы наше существованіе еще на 140 лѣтъ. При этой мысли холодный потъ выступаетъ! Въ какомъ бы положеніи мы стали къ новому поколѣнію начала XX столѣтія, съ нашимъ жалкимъ образованьицемъ, съ нашими узенькими взглядами, съ нашимъ пошлымъ тщеславіемъ, съ нашею нелѣпою суетностію, съ нашими претензіями на авторитеты? и такъ далѣе. Вѣдь надъ нами и теперь подсмѣивается новое поколѣніе, а черезъ 120 лѣтъ на насъ смотрѣли бы, какъ на ископаемыхъ, какъ на *необыкновенныя явленія природы*, показываемыя нынѣ знаменитою голландкою въ Пассажѣ и въ загородныхъ увеселительныхъ заведеніяхъ... Нечего сказать, пріятно дожить до этого!

Къ тому же, хотя правила предписываемыя гигіеною г. Барановскаго безподобны, но для того чтобы придерживаться ихъ, надо имѣть очень обезпеченное состояніе. Его гигіена только для людей богатыхъ. Бѣдные и низшіе классы, при настоящемъ общественномъ устройствѣ, никакъ не могутъ пользоваться этою гигіеною, слѣдовательно самые здоровые изъ нихъ будутъ умирать, такъ какъ всѣ умираютъ теперь за 70, за 80 лѣтъ; только люди богатые, откупщики, золотопромышленники, ростовщики, различные аферисты и такъ далѣе могутъ разсчитывать на 200-лѣтнюю жизнь....

Нѣтъ, что бы ни говорилъ г. Барановскій, ужъ я лучше умру съ бѣдными!...

Всѣ люди богатые, жлающіе продлить свое праздное и веселое существованіе до 200 лѣтъ, навѣрно пріобрѣтутъ себѣ прекрасную книжку г. Барановскаго. Она стоитъ только 1 р., съ пересылкою 1 р. 25 коп....

Но вотъ, что еще любопытнѣе книжки г. Барановскаго. Намъ присланъ изъ Парижа первый ливрезонъ періодическаго изданія, появившагося тамъ въ іюлѣ нынѣшняго года, подъ заглавіемъ: «Presse Scientifique des deux mondes, Revue universelle du mouvement des scinces pures et appliquées (т. е. Научная пресса обоихъ полушарій. Всеобщее обозрѣніе движенія чистыхъ и прикладныхъ наукъ), съ надписью на оберткѣ: *отъ одного изъ основателей-редакторовъ А. Комарова.*

Въ этомъ первомъ ливрезонѣ между статьями гг. Барраля, Фуку, Гильярда, Мориса, Барта, Менье — именами мало или почти вовсе неизвѣстными въ Европѣ (вѣроятно это ученые только что выступающіе на поприще)—блеститъ имя нашего знаменитаго соотечественника, который нѣкогда доставлялъ ученыя извѣстія для «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» и журнала: Le Nord. Нашъ знаменитый соотечественникъ помѣстилъ статью, подъ громкимъ названіемъ: La Science et les Savants en Russie (т. е. Наука и ученые въ Россіи). Это впрочемъ не серьезная статья, а такъ — легкій фельетончикъ, въ которомъ мы прочли между прочимъ слѣдующія строки, которыя передаемъ въ сокращеніи:

«Для того, чтобы истинная наука получила у насъ (т. е. въ Россіи) права гражданства въ кругу образованнаго общества (le monde intelligent) необходимо, чтобъ была для этого приготовлена почва. Въ настоящую минуту въ Россіи ни одинъ классъ не приготовленъ къ этому. *Ученые* могутъ только вращаться въ своемъ кругу. Передъ литературой и политической экономіей, о которой толкуютъ на всѣхъ перекресткахъ и въ салонахъ, — наука отходитъ на задній планъ. Конечно, всѣ высокія особы будутъ въ восторгѣ завести знакомство съ гг. Вернадскимъ, де-Тургеневымъ (de Tourgueneff) и Ламанскимъ, но самолюбію ихъ вовсе будетъ не лестно быть рядомъ съ ученымъ....»

Да! это совершенно справедливо, особенно если этотъ ученый будетъ имѣть такія же права на ученость, какъ нашъ знаменитый

соотечественникъ, одинъ изъ основателей-редакторовъ «Научной Прессы....»

На дняхъ поступили въ продажу у г. Давыдова и другихъ нашихъ книгопродавцевъ: *Замѣтки* о Петербургской жизни, Новаго Поэта, въ двухъ частяхъ. Цѣна 2 р., съ пересылкою 2 р. 50 к.

ПОЛИТИКА.

ПИСЬМА КОРРЕСПОНДЕНТА TIMES'А, НАХОДЯЩАГОСЯ ПРИ ШТАБѢ ГАРИБАЛЬДИ.

Продолжаемъ извлеченіе изъ писемъ того корреспондента газеты Times, который сопровождаетъ Гарибальди въ его походѣ.

«Мессина. 7 августа.

«Пока мессинцы пугали другъ друга страшными мѣрами, которыя мессинскій комендантъ думаетъ принять въ случаѣ высадки на калабрійскій берегъ, Гарибальди провелъ весь день (6 августа) въ Фаро (*), наблюдая за приготовленіями. По обыкновенію, онъ уѣхалъ туда рано утромъ съ генераломъ Козенцемъ, котораго зовутъ его «душою»; но назадъ въ Мессину онъ поѣхалъ не сухимъ путемъ, какъ обыкновенно, а въ лодкѣ. Гарибальди принадлежитъ къ тѣмъ высшимъ натурамъ, которыя всегда найдутъ минуту для всего, что встрѣтится имъ интереснаго, прекраснаго или поучительнаго, какъ бы ни были поглощены какою нибудь мыслью, завалены работою. Все, относящееся до пролива, вдвойнѣ интересно для него: вѣдь онъ старый морякъ; ему ин-

---

(*) Читатель помнитъ, что Фаро — крайній пунктъ того угла Сициліи, который обращенъ къ материку, что въ этомъ пунктѣ самое узкое мѣсто пролива и что Гарибальди немедленно по вступленіи въ Мессину сталъ укрѣплять берегъ Фаро, базисъ, отъ котораго должны были отправляться экспедиціи въ Калабрію.

тересно изучать теченія, ихъ перемѣны, глубину воды, якорныя стоянки, суда, лодки, — словомъ сказать, все, что касается этихъ оригинальныхъ и прекрасныхъ водъ. Онъ толкуетъ съ рыбаками, любитъ посмотрѣть, какъ ловятъ мечъ-рыбу, — быть можетъ, разскажетъ анекдотъ изъ своей южно-американской жизни, сравнитъ эти мѣста съ другими видѣнными имъ чудными берегами. Кромѣ того, тутъ прекрасныя калабрійскія горы, столь живописныя съ моря; тамъ бѣлѣется Реджо, виднѣется разбросанное Санъ-Джованни, чернѣется Шилла. Вчера земноводныя наклонности заговорили въ матросѣ-солдатѣ, и онъ возвратился на лодкѣ; его увлеченіе было такъ велико, что для нынѣшняго дня онъ также велѣлъ приготовить лодку.

«Но нынѣ лодка была приготовлена съ другою цѣлью. Я говорилъ вамъ о двухъ соленыхъ озерахъ на низменномъ песчаномъ полуостровѣ, который кончается мысомъ Фаро. Узкій, но довольно глубокій каналъ соединяетъ ихъ съ моремъ, дѣлая изъ нихъ нѣчто въ родѣ естественной гавани для довольно большихъ лодокъ. Это мѣсто какъ нарочно было создано для приготовленій. Двадцать большихъ баржъ, почти всѣ еще сохранившія на кормѣ отмѣтку «Messageries Imperiales» (*), были собраны тутъ уже нѣсколько времени, и полковнику Бодрони, итальянцу родомъ, французу по воспитанію, поручено было приготовить ихъ для перевозки лошадей и артиллеріи. Опытный въ постройкѣ судовъ и энергическій Бодрони кончилъ свое дѣло въ нѣсколько дней. Онъ покрылъ баржи крѣпкими палубами, сдѣлалъ на каждой съ трехъ сторонъ перила, а съ четвертой стороны мостъ на крюкахъ, облегчавшій выгрузку. Каждая баржа можетъ взять на короткій переѣздъ 20 лошадей и помѣстить отъ 80 до 100 человѣкъ подъ палубою. Кромѣ того, по берегу собрано до 150 большихъ береговыхъ и рыбацкихъ лодокъ, поднимающихъ отъ 10 до 20 человѣкъ. Наконецъ, есть у насъ тутъ три парохода: «City of Aberdeen», старый деревянный, колесный пароходъ, служившій для мирной перевозки товаровъ на восточномъ берегу Англіи, «Калабрія» и «Герцогъ Альба», оба взятые пароходомъ «Tüköry» (Veloce). Съ этими средствами, можно менѣе чѣмъ въ полчаса перевезти на ту сторону 5,000 человѣкъ. Разстояніе между Фаро и ближайшимъ пунктомъ того берега, Torre Cavallo, 3,700 метровъ ($3\frac{1}{2}$ версты). Въ мирное время, люди, обѣдающіе въ Фаро, посылаютъ за часъ передъ обѣдомъ на ту сторону за льдомъ или лучше сказать снѣгомъ къ обѣду. Иногда переправа затрудняется теченіемъ, кото-

(*) Messageries Imperiales, несмотря на свое названіе, частное, а вовсе не правительственное общество.

рое бываетъ 6 часовъ на югъ, другіе 6 часовъ на сѣверъ; сила его растетъ и уменьшается по луннымъ фазамъ; сильнѣе всего бываетъ оно въ полнолуніе и въ новолуніе. Нынѣшній день оно довольно тихо, — это видно по неаполитанскимъ пароходамъ, которые въ своихъ разъѣздахъ останавливаютъ паръ, давая водѣ нести себя внизъ, потомъ опять пускаютъ въ ходъ машину и поднимаются противъ воды. Когда теченіе достигаетъ полной силы, суда не могутъ стоять въ проливѣ на якорѣ, тѣмъ больше, что у самаго же берега проливъ уже очень глубокъ.

«Нынѣ весь день неаполитанскіе пароходы очень остерегались подходить на выстрѣлъ къ батареямъ Фаро, сила которыхъ растетъ съ каждыми сутками. Половина этихъ крейсеровъ ходятъ около Punta di Pezzo (*), другая половина выше Шиллы, около Баньяры и Пальми (**), — оба эти мѣстечка ясно видны отсюда. Баньяра — группа домовъ на самомъ берегу, а Пальми стоитъ на вершинѣ крутыхъ скалъ, идущихъ вдоль берега за Баньярою.

«Гарибальди вернулся изъ Фаро уже вечеромъ. Какъ только онъ пріѣхалъ, командиры дивизій и бригадъ, находящихся въ Мессинѣ, собрались къ нему, ожидая услышать какія нибудь новыя распоряженія. Настоящіе военные совѣты у насъ неизвѣстны, и это очень хорошо. Но каждый, имѣющій что нибудь сказать, сдѣлать какія нибудь замѣчанія, сообщить какія нибудь свѣдѣнія, выслушивается всегда, когда бы ни пришелъ. А рѣшаетъ все самъ Гарибальди, одинъ. Очень интересно наблюдать, какъ принимаетъ онъ свои рѣшенія. Первая идея принадлежитъ почти всегда ему, — онъ кажется не имѣетъ соперниковъ по богатству идей и дѣятельности мысли. Онъ лучше всѣхъ понимаетъ, что въ народномъ движеніи, съ такими солдатами, какъ у него, съ волонтерами, опасно долго останавливаться и бездѣйствовать. Да и самому ему хочется поскорѣе кончить свое дѣло и возвратиться на свой пустынный островокъ Капреру. Потому, когда другіе отдыхаютъ на лаврахъ, онъ ищетъ новыхъ лавровъ. Другимъ все кажется, что приготовленія не кончены; а ему кажется, что средства достаточно подготовлены, если есть достаточная охота къ дѣлу. Когда онъ выскажетъ новый планъ, принимаются работать другія головы, и сообщаютъ ему совѣты, ведущіе къ цѣли; во время этой фазы дѣла, люди не знающіе Гарибальди едва ли увидѣли бы въ немъ ту энергическую рѣшимость, которой онъ славится. Но люди знающіе его видятъ въ этой нерѣшимости энергическую работу ума, ищущаго вѣрнѣйшаго пути. Это продолжается до

(*) На сѣверъ отъ Фаро, на калабрійскомъ берегу.

(**) На югъ отъ Фаро, также на калабрійскомъ берегу.

самой минуты дѣйствія. Какъ приходитъ она, Гарибальди будто пробуждается отъ сна. Всякое колебаніе исчезло. Точныя приказанія слѣдуютъ одно за другимъ, съ твердостью, показывающею неизмѣняность рѣшенія. Но Гарибальди хочетъ, чтобы каждый самъ развивалъ эти приказанія: они содержатъ только общую мысль; подробности предоставляются разсудку исполнителей. Въ сраженіи Гарибальди не столько главнокомандующій, какъ обыкновенно понимаютъ это слово, сколько общій помощникъ во всѣхъ затрудненіяхъ, всегда являющійся на опаснѣйшемъ пунктѣ, одушевляющій и поправляющій битву. Это было бы опасно съ обыкновенными генералами, привыкшими держаться рутины; но наши почти всѣ расположены дѣйствовать самобытно, такъ что ни одинъ корпусъ не остается безъ команды».

«8 августа.

«Весь нынѣшній день былъ днемъ живой дѣятельности. Гарибальди, по обыкновенію, рано утромъ уѣхалъ въ Фаро. Главная квартира почти пуста. Генеральный штабъ укладывается въ путь. Колонновожатые, вообще пользующіеся наибольшимъ досугомъ въ цѣломъ войскѣ, нынѣ съ самаго утра весь день на ногахъ, бѣгаютъ и разъѣзжаютъ. Всѣ спрашиваютъ другъ друга: «значитъ, мы идемъ? кто же ѣдетъ? кто остается? куда мы идемъ, по берегу, или на ту сторону? когда, днемъ или вечеромъ?» Поставщики захлопотались, и въ потѣ лица бѣгаютъ по хлѣбникамъ, ищутъ провизіи, убѣждаютъ купцовъ, торгующихъ колоніальными товарами, макаронами, рисомъ, бранятся съ виноторговцами. Горожане сходятся, толкуютъ, составляютъ догадки, приходятъ къ заключеніямъ, что готовится какое-то дѣло. Были забраны всѣ телѣги и фуры, какія только можно было отъискать. Городскія начальства совершенно растерялись отъ суеты. Слѣпые могли бы видѣть, глухіе могли бы слышать, что готовится какое-то необыкновенное дѣло; даже неаполитанскіе аванпосты замѣчали это, а изъ цитадели было видно, какъ повсюду мы ищемъ лодокъ и отправляемъ ихъ къ Фаро, нагрузивъ всевозможными запасами и припасами. Единственная вещь, занимающая всѣ мысли — высадка на калабрійскій берегъ; потому не трудно было отгадать смыслъ всѣхъ хлопотъ. Начинается экспедиція, о которой говорилось такъ давно».

«На пароходѣ City of Aberdeen. 9 августа.

«Если Мессина была вчера театромъ необыкновеннаго шума и дѣятельности, то еще въ десять разъ больше было тревоги по дорогѣ въ Фаро, въ селѣ Нижнемъ Фаро и его окрестностяхъ. Все это пространство было муравейникомъ, исполненнымъ движенія. У такъ

называемой регулярной арміи двѣ трети этого пространства были бы заняты фурами и лошадьми; въ нашемъ иррегулярномъ войскѣ не такъ: багажъ у насъ слабое преданіе, обозъ неизвѣстенъ, солдатъ несетъ съ собою все нужное, то есть очень не многое. Хорошо, если есть у него лишняя рубашка; она займетъ мало мѣста въ ранцѣ, оставитъ много мѣста сухарямъ или хлѣбу; еще лучше, если есть у солдата плащь посверхъ его полотнянаго или бумажнаго платья; но у большей части солдатъ найдется только коверъ, служащій вмѣсто плаща. Такимъ образомъ наши войска могутъ сдвигаться какъ трубки телескопа. Иначе не было бы возможности собрать у мыса Фаро столько силъ, сколько было тутъ въ прошлую ночь и нынѣ утромъ.

«Вся артиллерія, всѣ полевыя и тяжелыя орудія были уже на мысѣ вмѣстѣ съ инженерами, саперами и всѣми принадлежностями орудій. Мысъ Фаро служилъ складочнымъ мѣстомъ всѣхъ военныхъ снарядовъ съ той поры, какъ мы заняли Мессину. Вы поймете, что много мѣста было монополизировано этими вещами. Вчера дивизія Козенца и бригада Сакки получили приказаніе идти къ Фаро. Дивизія Козенца была расположена отрядами по всей дорогѣ отъ Мессины до самаго мыса. Всѣмъ этимъ отрядамъ было приказано двинуться съ наступленіемъ вечера и около 11 часовъ ночи быть какъ можно ближе къ мѣсту берега, гдѣ слѣдовало имъ сѣсть на суда. Бригада Сакки, расположенная въ деревнѣ Фаро и ея окрестностяхъ, должна была сойдти съ высотъ послѣ дивизіи Козенца и стать въ тылу ея. Вторая бригада дивизіи Тюрра, стоявшая въ Мессинѣ, должна была двинуться ночью и къ разсвѣту быть въ Паче — деревнѣ, отстоящей отъ Фаро на одну треть пути между Мессиною и мысомъ. Всѣ силы, собранныя такимъ образомъ, простирались по крайней мѣрѣ до 10,000 человѣкъ, не считая артиллеріи.

«Зачѣмъ же собирались онѣ? Представлялось два плана для веденія наступательныхъ дѣйствій. Одинъ, болѣе блестящій и быстрый, но съ тѣмъ вмѣстѣ и болѣе рискованный, состоялъ въ томъ, чтобы перевезти собранныя силы въ средину континентальныхъ владѣній неаполитанскаго короля; второй планъ состоялъ въ томъ, чтобы высадиться въ Калабріи и пролагать себѣ дорогу въ Неаполь по сухому пути. Еслибы виды Гарибальди были обращены только на Неаполь, то я увѣренъ, что онъ не сталъ бы колебаться въ выборѣ и принялъ бы болѣе рискованный планъ, сообразнѣйшій съ его характеромъ. Но цѣль его гораздо выше: онъ хочетъ достичь единства всей Италіи при содѣйствіи всей Италіи, въ томъ числѣ и Калабріи. Пройдти съ одного конца Италіи до другаго — это практическое средство вселить единство, распространить національныя

идеи, укоренить ихъ, довести до зрѣлости, научить остальную Италію примѣромъ самоотверженія, который подаетъ верхняя Италія, посылая своихъ дѣтей сражаться, терпѣть лишенія и умирать за общее дѣло. Калабрія имѣетъ элементы, которые могутъ стать чрезвычайно важными для утвержденія и защиты итальянской независимости. Кромѣ того, представители всѣхъ калабрійскихъ городовъ являлись къ Гарибальди съ просьбою, чтобы онъ скорѣе прибылъ къ нимъ, — приглашеніе, въ которомъ не могъ онъ отказать имъ.

«Эти причины заставили его избрать путь болѣе долгій, но вѣрнѣе и полнѣе ведущій къ цѣли. Калабрійскіе солдаты, сражавшіеся въ 1848 году въ верхней Италіи, показали, каковы могутъ стать калабрійцы въ хорошихъ рукахъ, а Гарибальди не такой человѣкъ, чтобы не вспомнить этого обстоятельства въ походѣ національной вербовки, какъ слѣдуетъ назвать нынѣшнюю кампанію. Когда было отдано предпочтеніе плану высадки на южномъ концѣ материка, то уже очень легокъ былъ выборъ удобнѣйшихъ для высадки мѣстъ. Эти мѣста находились по берегу отъ Torre di Cavallo до Punta di Pezzo, по линіи длиною около трехъ миль (5 верстъ); лодкамъ легко приставать тутъ. Сѣвернѣе берегъ скалистъ, и противъ Шиллы теченіе очень сильно; южнѣе идетъ линія сообщеній между Мессиною, Сантъ-Джованни и Реджо; мессинскія баттареи обстрѣливаютъ это пространство, а у Сантъ-Джованни и Реджо находятся стоянки неаполитанскихъ пароходовъ.

Torre di Cavallo ближайшій пунктъ континентальнаго берега — небольшая терраса, возвышающаяся футовъ на 100 надъ дорогой, которая мало возвышается надъ приморьемъ. Терраса эта имѣетъ видъ подковы, отчего вѣроятно и получила свое имя (*). Съ сѣверной стороны по дорогѣ отъ Шиллы скала эта почти отвѣсна и подходитъ къ самой дорогѣ. Камень тутъ вѣроятно легко обваливается, потому что видны контрфорсы, поддерживающіе скалу, чтобы не завалила она дорогу. На сѣверномъ концѣ скалы виднѣется небольшое каменное укрѣпленіе, имѣющее, говорятъ, до 20 орудій. На южной сторонѣ террасы стоитъ другое укрѣпленіе съ такимъ же числомъ орудій; это второе укрѣпленіе, называющееся фортъ Фіумара, возвышается надъ горнымъ потокомъ или, лучше сказать, надъ его высохшимъ русломъ. Дальше на двѣ мили тянутся сады, пересѣкаемые только двумя другими руслами высохшихъ потоковъ, а за ними лежитъ разбросанная деревня Каннителло, доходящая до самой Punta di Pezzo. Обошедши Torre di Cavallo и перешедши первый

(*) Torre di Cavallo значитъ — лошадиная башня.

потокъ, дорога теряется между садами, проходя мимо нѣсколькихъ группъ домовъ. Поэтому часть берега отъ Torre di Cavallo до Каннителло имѣетъ видъ тихаго мѣста, удобнаго для высадки. Гарнизонъ, какъ мы узнали изъ достовѣрныхъ источниковъ, имѣетъ не больше какъ отъ 150 до 200 человѣкъ. Съ морской стороны фортъ открытъ, потому что сторона эта неприступна по крутизнѣ и высотѣ скалы. Сильнѣйшая сторона форта—та часть его, которая обращена въ глубину материка; съ этой стороны онъ довольно крѣпокъ.

«Надобно было захватить врасплохъ на континентѣ такую позицію, господство надъ которой облегчило бы высадку главныхъ силъ. Надобно было только рѣшить, на какой же фортъ напасть, на Фіумару или на Шиллу. По свѣдѣніямъ, полученнымъ о Шиллѣ, гарнизонъ въ ней былъ чрезвычайно малъ, всего человѣкъ до 30; это обстоятельство склонило наши мысли къ ней. Майоръ Миссори, изъ корпуса колонновожатыхъ, былъ посланъ, переодѣтый, на ту сторону, чтобы точнѣе разузнать положеніе дѣлъ. Онъ успѣлъ переѣхать безъ затрудненій, пробылъ на томъ берегу два дня и вернулся. Легкость этой поѣздки была бы удивительна, еслибы могло быть что нибудь удивительнаго при неаполитанскомъ порядкѣ. Люди разъѣзжаютъ съ берега на берегъ безъ всякихъ препятствій, и никто не спрашиваетъ у нихъ, откуда и куда они. Множество нашихъ офицеровъ, родомъ изъ Калабріи, ѣздили по нѣскольку разъ видѣться съ своими семействами, съ которыми были разлучены много лѣтъ изгнаніемъ.

«Майоръ Миссори переѣхалъ такъ, какъ переѣзжали другіе, и осмотрѣлъ Шиллу, какъ только хотѣлъ. Шилла стоитъ на одинокой скалѣ, возвышающейся со всѣхъ сторонъ почти отвѣсно; фортъ соединяется подъемнымъ мостомъ съ городомъ, лежащимъ у подножія скалы и спускающимся до самаго берега. Подлѣ форта церковь, а передъ нимъ открытое мѣсто, служащее рыночною площадью. Съ конца площади узкій переулокъ, длиною ярдовъ въ 25 (около 10 саженъ), ведетъ къ подъемному мосту. До недавняго времени у подъемнаго моста стоялъ одинъ часовой, а другой надъ воротами. Но въ послѣдніе дни неаполитанцы увеличили гарнизонъ до 120 человѣкъ и приняли предосторожности, чтобы не быть застигнутыми врасплохъ. Они поставили отрядъ передъ церковью и двухъ часовыхъ у входа въ переулокъ, ведущій къ подъемному мосту. Поэтому овладѣть фортомъ врасплохъ стало труднѣе, чѣмъ мы думали: для этого было бы нужно довольно большое число людей, и являлась опасность, что приближеніе ихъ будетъ замѣчено. Неаполитанцамъ стоило лишь поднять мостъ и тогда невозможно было бы овладѣть фортомъ безъ правильной осады и безъ пушекъ.

«Несмотря на это неожиданное затрудненіе, майоръ Миссори, осмотрѣвъ мѣстность, составилъ планъ внезапной атаки. Онъ хотѣлъ, чтобы сотня отборныхъ людей, переодѣтыхъ поселянами и вооруженныхъ револьверами, перебрались черезъ проливъ, группами по 5 и 6 человѣкъ, и соединились въ одномъ или въ нѣсколькихъ мѣстахъ, чтобы они пришли на рыночную площадь поутру, когда мостъ опущенъ, и смѣшались съ народомъ и солдатами передъ церковью. По данному сигналу они сбили бы двухъ часовыхъ, и одна половина нападающихъ стремительно бросилась бы черезъ мостъ, а другая задержала бы солдатъ, чтобы они не могли поддержать гарнизона.

«Планъ этотъ былъ хорошъ, но по многимъ причинамъ слѣдовало отдать предпочтеніе нападенію на Фіумарскій фортъ. Изъ нихъ главною была та, что на Фіумару можно было напасть ночью и тотчасъ же потомъ сдѣлать высадку въ большихъ силахъ, между тѣмъ какъ на Шиллу нельзя было напасть иначе, какъ днемъ, когда мостъ опущенъ, а днемъ неаполитанскіе пароходы были для насъ опаснѣе.

«Потому было предпочтено напасть на Фіумарскій фортъ. Майоръ Миссори былъ выбранъ для исполненія этого приготовительнаго шага къ переправѣ главныхъ силъ. Ему дали 40 колонновожатыхъ, 100 человѣкъ изъ бригады Сакки и 50 человѣкъ охотниковъ изъ разныхъ отрядовъ, подъ командою полковника де-Флотта. Имъ назначено было сѣсть на лодки въ Фаро, въ 10 часовъ ночи, и грести прямо на Фіумарскій фортъ, высадиться подъ нимъ, броситься на него и взлѣзть на стѣну, для чего взяли они съ собою лѣстницы и другія нужныя вещи. Три пушечные выстрѣла должны были служить сигналомъ успѣха.

«А между тѣмъ дивизія Козенца должна была держаться въ готовности. Около 2,000 человѣкъ должны были сѣсть на три парохода, остальные на лодки, разставленныя вдоль берега. Приготовлены также были въ маленькомъ озерѣ лодки для пушекъ и лошадей; пароходы должны были взять ихъ на буксиръ, когда прійдетъ минута. Высадивъ первыя войска, пароходы должны были вернуться и везти другія войска.

«Первыя дѣйствія были довольно удачны. Солдаты, пароходы, люди, все было въ готовности, и въ назначенное время маленькій отрядъ, выбранный для начала дѣла, сѣлъ на 32 лодки. Они поплыли при обстоятельствахъ довольно благопріятныхъ: ночь была темна, неаполитанскіе пароходы находились далеко. Черезъ нѣсколько времени отплыли еще три лодки, отставшія отъ другихъ за нагрузкою военныхъ снарядовъ. Все войско находилось полчаса въ нетерпѣливомъ ожиданіи. На томъ берегу продолжалась совершенная тишина, не слышалось никакого движенія, потому всѣ надѣя-

лись, что дѣло идетъ удачно. Но вдругъ блеснулъ огонь и грянулъ громъ пушечнаго выстрѣла, вслѣдъ за нимъ раздались ружейные выстрѣлы; иллюзія исчезла, надежда замѣнилась страхомъ за судьбу охотниковъ. Прошло еще полчаса, — вы поймете сами, какъ тяжелы были эти минуты, — наконецъ послышался плескъ веселъ, всѣ бросились на берегъ; черезъ нѣсколько минутъ начали, одна за другой, приставать къ берегу всѣ 32 лодки; они воротились съ извѣстіемъ, что высадили охотниковъ незамѣченными и готовились плыть назадъ, когда съ форта раздался выстрѣлъ, дававшій сигналъ тревоги. Какъ могли замѣтить высадку въ фортѣ — остается загадкой, до сихъ поръ еще не совсѣмъ понятной. Скоро воротились и три другія лодки, но онѣ не высадили своихъ солдатъ. Онѣ сбились съ дороги или были снесены теченіемъ, и тревога началась прежде, чѣмъ успѣли онѣ сдѣлать высадку. Поэтому скорѣе всего надобно думать, что именно онѣ были замѣчены и послужили причиною тревоги. Неаполитанскія войска всѣ приготовлялись къ оборонѣ; въ этомъ не было сомнѣнія, потому что три послѣднія лодки нѣсколько разъ пытались пристать къ тому берегу, но каждый разъ принуждены были отплывать отъ него, слыша барабанный бой.

«Еще оставалась надежда, что высадившійся отрядъ можетъ пройдти незамѣченнымъ и успѣть въ своемъ дѣлѣ, потому что вниманіе неаполитанцевъ было обращено на берегъ. Но часъ проходилъ за часомъ, не принося желаннаго сигнала, трехъ пушечныхъ выстрѣловъ. Передъ разсвѣтомъ были пущены на томъ берегу двѣ ракеты, — это былъ единственный признакъ жизни на немъ. Какъ только занялась заря, мы не спускали зрительныхъ трубъ съ того берега, не увидимъ ли какого нибудь знака: не поднимется ли гдѣ дымъ, не замѣтимъ ли движенья войскъ. Въ десятомъ часу утра показались на дорогѣ подъ Фіумарскимъ портомъ рота солдатъ и взводъ уланъ съ двумя пушками; они спускались внизъ и подошли почти къ самому морю. По всѣмъ признакамъ они производили рекогносцировку и подвигались съ предосторожностями, какъ будто передъ ними находится непріятель. По временамъ они ускоряли шагъ, иногда стремительно бросались впередъ, потомъ останавливались, строились въ боевые ряды, словомъ сказать — какъ будто искали предполагаемаго врага.

«Утомившись ожиданіемъ и проведенной безъ сна ночью, почти всѣ бывшіе на пароходахъ искали мѣста, чтобы вздремнуть минутку. Самъ генералъ удалился на нѣсколько времени въ свою каюту и общій залъ нашего стараго парохода наполненъ отдыхающими людьми, составлявшими живописную сцену на темно-малиновомъ полинявшемъ бархатѣ залы. Въ одномъ углу высокая худощавая фигура

Козенца, на головѣ у котораго еще видны слѣды раны, полученной подъ Мелаццо; подлѣ него очки, которые онъ вѣчно таскаетъ съ собой; на немъ мундиръ бригаднаго генерала піэмонтской арміи. Въ противоположномъ углу лежитъ генералъ Сиртори, начальникъ главнаго штаба. Въ третьемъ углу видна сѣдая голова Гузмароли, неизмѣнно сопутствующаго Гарибальди повсюду, и на Капрерѣ, и въ Ломбардіи, и въ Римѣ, и въ Сициліи. Далѣе группы болѣе или менѣе незнакомыхъ лицъ, потому что много новыхъ людей явилось въ послѣднее время въ штабѣ: не проходитъ ни одного дня безъ того, чтобъ не пріѣхалъ кто нибудь, уже служившій когда нибудь у Гарибальди, или рекомендованный ему, какъ человѣкъ способный ко всякимъ обязанностямъ, но особенно желающій находиться въ его штабѣ. Разумѣется, никому не хотѣлось пропустить такого дѣла, какъ экспедиція въ Калабрію, и каждый, кто могъ, пробрался на одинъ изъ пароходовъ, прямымъ путемъ или хитростями. Вмѣстѣ съ итальянцами тутъ люди со всѣхъ концовъ Европы, люди всѣхъ званій, говорящіе вавилонскимъ смѣшеніемъ языковъ, представляющіе любопытный сборникъ всевозможныхъ костюмовъ: священники, монахи, корреспонденты газетъ, артисты, даже дамы; одна изъ нихъ ученица миссъ Найтингель, сестра милосердія; другая въ изящномъ нарядѣ, въ какомъ была вчера въ Мессинѣ. Тутъ на палубѣ и подъ палубой стрѣлковый батальонъ, артиллеристы, саперы, матросы, машинисты, кочегары. Весь берегъ усѣянъ солдатами: они ѣдятъ, пьютъ, спятъ, играютъ, бродятъ туда и сюда, болтаютъ, шутятъ, бранятся; офицеры хлопотливо бѣгаютъ между ними, или стараются пробраться черезъ толпу на своихъ упрямящихся лошадяхъ; подлѣ самой воды стоитъ рядъ пушекъ; среди всего этого стоятъ запряженныя волами фуры; солдаты толпятся вокругъ нихъ, ожидая раздачи порцій; вдали неаполитанскіе пароходы, съ любопытствомъ смотрящіе на насъ, — все это составляетъ картину, достойную величайшаго живописца.»

«*Фаро, 10 августа.*

«Вчера, около полудня, мы успокоились, получивъ извѣстіе отъ переправившихся на ту сторону охотниковъ. Они всѣ благополучно пробрались въ горы и къ нимъ уже присоединилось множество калабрійскихъ инсургентовъ. Они надѣятся скоро имѣть силы, чтобы начать дѣйствовать. Чтобы отвлечь вниманіе неаполитанцевъ къ морю и тѣмъ дать время для инсургентовъ усилиться, въ эту ночь мы нѣсколько разъ разводили пары и дѣлали фальшивыя попытки къ переправѣ. Хитрость эта удалась: неаполитанскіе пароходы, канонирскія лодки и гарнизоны фортовъ цѣлую ночь

были въ тревогѣ. Они безпрестанно мѣнялись сигналами, передвигались, поднимали фонари, спускали ихъ, но почти не производили стрѣльбы; только когда пароходы приближались, аванпосты начинали ружейный огонь.

«Нынѣ, утромъ, войска, бывшія на пароходахъ, высадились опять на берегъ и самъ Гарибальди поселился на башнѣ маяка въ маленькой комнаткѣ сторожа. Онъ теперь живетъ одиноко, какъ любитъ жить въ минуты подобныя настоящей, а надъ его комнатой площадка маяка, съ которой онъ, какъ съ обсерваторіи, можетъ обозрѣвать всѣ окрестности. Какъ могли размѣститься въ жалкой рыбацкой деревушкѣ Нижняго Фаро толпы лицъ, принадлежащихъ къ его штабу, это уже ихъ тайна.

«Солдаты (хотя большинство ихъ и новобранцы) привыкаютъ устроиваться съ возможнымъ удобствомъ. Пока думали немедленно отправиться въ экспедицію, они стояли вдоль дороги и берега; теперь они ищутъ убѣжища отъ солнечнаго зноя подъ деревьями сосѣднихъ виноградниковъ.»

«11 августа.

«Нынѣшняя ночь прошла довольно тихо. Нѣсколько лодокъ было послано испытать зоркость неаполитанцевъ; онѣ подходили къ тому берегу; но ночь была свѣтла, потому ихъ скоро замѣтили и встрѣтили ружейными выстрѣлами.

«Нынѣ, на разсвѣтѣ, прибыли значительныя подкрѣпленія къ фіумарскому гарнизону. По дорогѣ видны были густыя колонны пѣхоты; теперь мы получили свѣдѣнія, что гарнизонъ усиленъ цѣлыми тремя стрѣлковыми батальонами, лучшимъ войскомъ въ неаполитанской арміи. Всѣ они не могли помѣститься въ маленькомъ фортѣ, и часть ихъ расположилась на открытой мѣстности подлѣ него.»

«12 августа.

«Нынѣшняя ночь не была похожа на прошлую. Все время длилось постоянное волненіе, причины котораго мы можемъ еще только угадывать. Оно началось въ 10 часовъ вечера. Нѣсколько выше Punta di Pezzo, на высокомъ берегу, стоитъ неаполитанскій фортъ, а за нимъ рядъ разбросанныхъ домовъ. Ночь была ясна и мы видѣли въ этомъ направленіи ружейный огонь, продолжавшійся нѣсколько минутъ. Потомъ на нѣсколько времени все затихло. Около полуночи перестрѣлка возобновилась. Шесть канонирскихъ лодокъ, часто видѣнныхъ нами близь Фаро, подошли къ тому берегу и открыли сильный огонь по землѣ. Черезъ нѣсколько минутъ подошли три больщіе неаполитанскіе парохода и также начали стрѣлять, впрочемъ изрѣдка. Судя по свисту ядеръ, казалось, какъ будто на берегу

есть пушки, отвѣчающія пароходамъ. Черезъ часъ огонь прекратился, но передъ разсвѣтомъ былъ возобновленъ, потомъ опять прекратился и снова начался около семи часовъ утра. Въ это время было уже свѣтло, но солнечный блескъ не давалъ намъ различить, есть ли на берегу пушки, стрѣляющія по пароходамъ. Если онѣ есть, какъ утверждаютъ нѣкоторые, то нѣтъ сомнѣнія, что наши охотники или инсургенты овладѣли фортомъ.»

«13 *августа*.

«Вчера, приказомъ по арміи, было объявлено, что Гарибальди уѣхалъ и на время его отсутствія главная команда поручается начальнику штаба. Дѣйствительно, вслѣдъ за обнародованіемъ этого приказа Гарибальди съ двумя спутниками сѣлъ на «Вашингтонъ» и отплылъ отъ Фаро назадъ. Этотъ внезапный отъѣздъ — загадка, на которую можно отвѣчать еще только предположеніями. Я только разскажу вамъ факты, оставляя выводы на вашу волю. Вчера утромъ пришелъ въ Фаро «Вашингтонъ», одинъ изъ нашихъ пароходовъ, на немъ прибыли майоръ Трекки и докторъ Бертани, бывшій довѣреннымъ агентомъ Гарибальди въ Генуи. Они пріѣхали вмѣстѣ изъ Генуи въ Палермо, гдѣ пробыли одинъ день. Майоръ Трекки, по взятіи Палермо, отвезилъ письмо отъ Гарибальди къ королю и съ той поры постоянно разъѣзжалъ изъ Палермо или Мессины въ Туринъ и назадъ. Послѣдній отъѣздъ его изъ Мессины былъ во время заключенія перемирія съ генераломъ Клари.

«Вечеромъ пришелъ «Тюкери» (Велоче), бывшій въ починкѣ въ Палермо, взялъ два стрѣлковые батальона и ушелъ на сѣверъ.

«Всѣ эти обстоятельства, взятыя вмѣстѣ, возбудили въ арміи мнѣніе, что переговоры имѣли успѣхъ, котораго не желалъ почти никто изъ нашихъ офицеровъ. Отъѣздъ Гарибальди въ Палермо объясняли тѣмъ, что составляется тамъ конгрессъ или какое нибудь свиданіе для рѣшенія дѣла.

«Но здѣсь дѣла имѣютъ характеръ не соотвѣтствующій этимъ мирнымъ предположеніямъ. Нѣтъ сомнѣнія, что возстаніе въ южной Калабріи распространяется съ каждымъ днемъ. Оно растетъ вокругъ нашего небольшаго отряда, перешедшаго туда, и инсургенты не только держатся, но сами нападаютъ на неаполитанцевъ. Нынѣ ночью, уже долго спустя по отъѣздѣ Гарибальди, мы были пробуждены сильнымъ ружейнымъ огнемъ съ того же мѣста, гдѣ шла перестрѣлка вчера ночью, т. е. близь форта Punta di Pezzo. Огонь продолжался минутъ десять, потомъ были сдѣланы три пушечные выстрѣла съ канонирскихъ лодокъ и два съ форта. Ружейный огонь тотчасъ же прекратился и скоро все затихло. Я не могу объяснить это иначе, какъ демонстраціею переправившагося

отряда. Съ нашего берега видно, какое дѣйствіе начинаетъ производить эта система. Неаполитанскія войска безпрестанно движутся взадъ и впередъ; они изнуряютъ себя аванпостной службой.

«Говорятъ, что сила калабрійскихъ инсургентовъ простирается уже до нѣсколькихъ тысячъ.»

«14 августа.

«Вчера посылалъ я вамъ таинственное объясненіе таинственнаго отъѣзда Гарибальди; теперь сообщу другое. Вчерашнее составляетъ предметъ общихъ разговоровъ, о нынѣшнемъ только перешептываются. «Вашингтонъ» привезъ майора Трекки, адъютанта Виктора-Эммануэля, но онъ привезъ также доктора Бертани, главнаго распорядителя по отправленію экспедицій изъ Генуи. Бертани привезъ извѣстіе, что 6,000 волонтеровъ поѣхали изъ Генуи по направленію въ Кальяри. Хитрости, которыми неаполитанцы были обмануты въ Монреале и Парко, еще такъ свѣжи въ памяти, что у насъ предполагаютъ ихъ повтореніе. Сдѣлать демонстрацію на одной сторонѣ, а дѣйствительно оперировать съ другой — этимъ искусствомъ Гарибальди владѣетъ въ совершенствѣ. Въ его характерѣ было бы сдѣлить съ этими 6,000 человѣкъ демонстрацію, чтобы отвлечь вниманіе неаполитанцевъ на другую часть берега и черезъ это облегчить переправу здѣсь, или воспользоваться волненіемъ, произведеннымъ здѣшними нашими приготовленіями, и высадить нѣсколько тысячъ человѣкъ на какомъ нибудь другомъ пунктѣ берега—таковы предположенія, дѣлаемыя у насъ. По этимъ предположеніямъ войска, отправленныя на «Тюкери», посылаются угрожать какому нибудь третьему пункту, — вещь тѣмъ болѣе правдоподобная, что «Тюкери» ходитъ быстрѣе всѣхъ неаполитанскихъ кораблей.

«Но есть одно обстоятельство, противорѣчащее этому объясненію. Нашъ отрядъ на томъ берегу и калабрійскіе инсургенты получили приказаніе не нападать на неаполитанцевъ до новаго распоряженія. Они должны укрѣпляться и увеличивать свою числительность, но не предпринимать никакихъ наступательныхъ дѣйствій. Впрочемъ и это можетъ быть объяснено предположеніемъ, что Гарибальди хочетъ отвлечь вниманіе неаполитанцевъ на другой пунктъ.

«А это было бы необходимо, если онъ хочетъ вести дѣйствія здѣсь: весь берегъ отъ Реджо до Шиллы охраняется теперь съ неусыпностью, почти невѣроятною въ неаполитанцахъ. Они имѣютъ непрерывную цѣпь постовъ вдоль всего берега, отъ Torre di Cavallo до Санъ-Джованни».

«Мессина, 15 августа.

«Вчера вечеромъ было большое передвиженіе между Фаро и Мессиною. Командиры отрядовъ были приглашены къ генералу Сирто-

ри, командующему арміею на время отлучки Гарибальди. Цѣль приглашенія была очевидна: наконецъ, должна совершиться давно ожидаемая высадка. Узнавъ объ этомъ, публика положила, что она будетъ произведена непремѣнно гдѣ нибудь въ проливѣ. Всѣ смотрѣли черезъ узкій проливъ, разсуждая о фортахъ и неаполитанскихъ пароходахъ.

«Переправа въ присутствіи сильнаго непріятеля дѣло трудное, хотя бы совершалась и черезъ небольшую, неглубокую рѣчку. Еще гораздо труднѣе переправиться черезъ проливъ съ страшными теченіями, имѣющій нѣсколько сотъ саженъ глубины и нигдѣ не имѣющій менѣе двухъ миль ширины,—переправиться въ виду 10 военныхъ пароходовъ, противъ которыхъ мы не можемъ выставить ни одного, въ виду нѣсколькихъ канонирскихъ лодокъ, четырехъ тяжелыхъ баттарей и войска, по крайней мѣрѣ равняющагося численностью нашему. Такія обстоятельства должны заставить хорошаго генерала подумать о высадкѣ на какомъ нибудь другомъ пунктѣ, избѣгая здѣшняго берега, на которомъ сосредоточено все вниманіе непріятеля, и Гарибальди не такой человѣкъ, чтобы поступить иначе.

«Передъ его отъѣздомъ было рѣшено сдѣлать перемѣну фронта, и продолжая для обмана непріятеля приготовленія къ переправѣ черезъ проливъ, выбрать для высадки какой нибудь пунктъ материка на сѣверъ отъ пролива. Мѣстность благопріятствовала такому плану. Сѣверовосточный конецъ острова съуживается къ мысу Фаро: въ Мессинѣ ширина острова не больше 6 миль (10 верстъ), а за Мессиною еще меньше. Такимъ образомъ, въ нѣсколько часовъ всѣ войска было можно перевезти на другой берегъ острова, и это движеніе можно было скрыть отъ непріятеля, хотя онъ слѣдилъ за нами очень зорко. Большая горная цѣпь, пересѣкающая Сицилію, идетъ къ деревнѣ Верхнему Фаро и кончается близь нея круглымъ холмомъ, на которомъ стоитъ земляной редутъ. Съ Мессинской стороны горы круты, съ другаго бока болѣе отлоги. Поэтому движенія войскъ скрываются за горами.

Пароходы и лодки также могли перейти на сѣверную сторону острова въ Мелацкую гавань, не будучи замѣчены неаполитанскими крейсерами. Гавань эта лежитъ на обыкновенномъ пути кораблей изъ Мессины въ Палермо; идя изъ одного города въ другой, суда почти всегда заходятъ въ нее. Кромѣ того, ближайшее къ Фаро озеро имѣетъ черезъ каналы сообщеніе и съ проливомъ и съ сѣвернымъ берегомъ, такъ что собранныя въ этомъ озерѣ лодки могли быть переведены на сѣверный берегъ. Разстояніе не велико, потому войскамъ было одинаково легко сѣсть на суда въ проливѣ или на сѣверномъ берегу. Мы продолжали дѣлать видъ, какъ будто готовимся сдѣ-

лать высадку въ проливѣ. У насъ въ проливѣ стояли два или три парохода; часть войскъ оставалась расположена по берегу пролива. А между тѣмъ колонны были двинуты на сѣверный берегъ. Первая бригада Козенца перешла въ деревни: Верхнее Фаро, Санта-Лучіа, Санта-Никола, Сан-Джорджо. Бригада Сакки, занимавшая Верхнее Фаро и Гауцари, перешла въ Спадафору.

«Между тѣмъ какъ часть войскъ угрожала сѣсть на суда въ этихъ двухъ направленіяхъ, дивизія Тюрра готовилась къ переправѣ въ другомъ пунктѣ. Первая бригада, ходившая въ Монте, Кастильйоне (*) и другіе города около Этны для возстановленія порядка, получила приказаніе стать въ Таорминѣ (**) или, точнѣе говоря, въ Джардини, деревнѣ лежащей подъ горою, на которой лежитъ Таормина; вторая бригада, которая шла къ Фаро, была послана соединиться съ первою.

«Такимъ образомъ, были подготовлены высадки въ двухъ направленіяхъ: одна на юговосточный, другая на западный берегъ Калабріи.

«Но исполненіе этихъ высадокъ зависѣло отъ хода операцій, для веденія которыхъ отправился изъ Мессины Гарибальди, и пора коснуться этихъ операцій. Вскорѣ по вступленіи Гарибальди въ Мессину нѣкоторые предводители патріотической партіи въ папскихъ владѣніяхъ пріѣхали къ нему, чтобы условиться о планѣ нападенія на эти области. Рѣшено было, что вторженіе въ папскія владѣнія произойдетъ одновременно съ высадкою на горную часть материка, около половины нынѣшняго мѣсяца. Для вторженія въ папскія владѣнія собрано было 6,000 человѣкъ; было подготовлено возстаніе въ папскихъ провинціяхъ къ тому же времени. Корпусъ, назначенный для вторженія, рѣшено было перевезти отдѣльными отрядами на островъ Сардинію; пароходы изъ Палермо должны были пройти туда и перевезти экспедицію на материкъ.

«Высадку на континентъ изъ Сициліи надобно было произвести, когда готова будетъ экспедиція, приготовлявшаяся на островѣ Сардиніи,—мы должны ждать извѣстія о томъ. Прежде полагали, что это извѣстіе будетъ получено нами въ прошлую ночь или нынѣ утромъ; потому и начали мы вчера съ вечера готовить высадку. Но до сихъ поръ еще не пришло ожидаемое извѣстіе, и потому распоряженія теперь пріостановлены.

(*) На юго-западъ отъ Мессины и на сѣверо-западъ отъ Катаніи.

(**) На восточномъ берегу Сициліи, на половинѣ разстоянія между Мессиною и Катаніею.

«Ночь прошла тихо, безъ малѣйшей тревоги,—это очень удивило всѣхъ, видѣвшихъ приготовленія. Не было ни одного выстрѣла, никакого движенія въ войскахъ. — Нынѣ пришелъ Queen of England, коммерческій пароходъ, купленный въ Англіи агентами Гарибальди съ тѣмъ, чтобы обратить его въ военный корабль. На немъ привезено 16 нарѣзныхъ пушекъ и прислано торговцамъ на продажу 23,000 энфильдскихъ штуцеровъ. Queen of England построенъ крѣпко, но все-таки едва ли можетъ быть вооруженъ всѣми орудіями, которыя привезъ; впрочемъ, онъ будетъ очень полезенъ для насъ и тогда, если можно будетъ поставить на немъ хотя двѣ 68-фунтовыя пушки.

«Получены извѣстія отъ маленькаго отряда, находящагося въ Калабріи. Онъ нашелъ безопасное убѣжище въ горахъ близь пролива, не терпитъ ни въ чемъ недостатка, толпы жителей приходятъ посмотрѣть на него и присоединяется къ нему много волонтеровъ. Онъ имѣлъ только одну небольшую стычку, въ которой раненъ былъ одинъ изъ нашихъ; другой случайно ранилъ самъ себя изъ своего ружья; кромѣ того, двое пропали: предполагаютъ, что они заблудились въ ночь высадки и вѣроятно попались въ руки неаполитанцевъ.»

«*17 августа.*

«Вчерашній и нынѣшній день прошли спокойно. Нынѣ получено извѣстіе, что Гарибальди возвратился въ Палермо (*) и пріѣдетъ сюда нынѣ ночью или завтра утромъ. Разумѣется, всѣ операціи пріостановлены до его прибытія.

«Сардинскій пароходъ «Карлъ-Альбертъ», постоянно ходившій между Палермо и Мессиною, возвратился послѣ недолгой отлучки. Изъ всѣхъ искушеній, представляющихся нашимъ солдатамъ, самое сильное — овладѣть этимъ прекраснымъ кораблемъ, и нѣтъ конца жалобамъ на строгое приказаніе не касаться его. Матросы и нѣкоторые изъ офицеровъ расположены помогать намъ, потому овладѣть пароходомъ было бы легко. Но это строго запрещено: мы въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ Піэмонтомъ, потому «Карлъ-Альбертъ» остается неприкосновеннымъ для насъ. Мы даже отъискиваемъ, и если найдемъ, возвращаемъ матросовъ, переходящихъ къ намъ».

«*19 августа.*

«Вчера утромъ Гарибальди возвратился изъ Палермо. Съ нимъ пріѣхалъ генералъ Тюрръ, на нѣсколько недѣль уѣзжавшій въ Aix-les-Bains лечиться. Гарибальди купилъ ружья, привезенныя на Queen

(*) Съ острова Сардиніи, куда ѣздилъ вмѣстѣ съ Бертани.

of England и приказалъ вооружать этотъ пароходъ. Менѣе чѣмъ въ часъ сдѣлавъ покупку ружей и отдавъ распоряженія, Гарибальди тотчасъ же отправился въ сопровожденіи Тюрра и нѣсколькихъ другихъ ближайшихъ лицъ въ Таормину, подлѣ которой, въ Джардини, стояла бригада Биксіо (первая бригада дивизіи Тюрра; готовая сѣсть на суда).

«Прежде чѣмъ стану разсказывать объ этой высадкѣ, скажу нѣсколько словъ о дѣлахъ, по которымъ пріѣзжалъ Гарибальди. Я уже говорилъ вамъ, что докторъ Бертани, его генуэзскій агентъ, пріѣзжалъ къ нему съ извѣстіемъ, что 6,000 человѣкъ готовы отправиться въ экспедицію въ папскія владѣнія. Golfo d'Orangio, на восточномъ берегу острова Сардиніи, былъ выбранъ докторомъ Бертани, какъ самый удобный пунктъ для сбора войскъ; онъ переправилъ туда свою экспедицію небольшими отрядами, а самъ поѣхалъ видѣться съ Гарибальди. Были приняты всѣ предосторожности для возбужденія увѣренности, что эта экспедиція, подобно прежней, назначена въ Сицилію; но истинное ея назначеніе все-таки было узнано, и сильныя представленія были сдѣланы туринскимъ министерствомъ, чтобы не усложнять дѣла вопросомъ о папскихъ владѣніяхъ до окончанія неаполитанскаго вопроса. За день передъ отъѣздомъ Бертани изъ Генуи, самъ Фарини пріѣхалъ туда съ этимъ требованіемъ, а майоръ Трекки привезъ такія же требованія лично отъ короля. Требованія министерства, вѣроятно, остались бы безуспѣшны, но желаніе короля достигло своей цѣли. Я уже нѣсколько разъ говорилъ вамъ, что Гарибальди имѣетъ рыцарскую привязанность къ Виктору-Эммануэлю, какъ символу итальянскаго единства. Единственнымъ возраженіемъ противъ экспедиціи было то, что Піэмонтъ станетъ въ затруднительное положеніе, если прямо изъ піэмонтскихъ владѣній будетъ произведено вторженіе въ папскую область. Потому туринское правительство совѣтовало перевести этотъ шести-тысячный корпусъ въ Сицилію, подобно прежнимъ корпусамъ, и уже оттуда отправить его дальше. Эти требованія достигли успѣха; но по прежнему плану корпусъ былъ уже перевезенъ на островъ Сардинію и Гарибальди рѣшился самъ поѣхать туда, чтобы посмотрѣть, какъ поступать дальше.

«Выборъ мѣста на берегу острова Сардиніи былъ предоставленъ генуэзскому комитету, распоряжавшемуся и остальными подробностями. Но выборъ Golfo d'Orangio оказался неудаченъ, потому что трудно было тамъ запасаться провизіей и водой. Кромѣ того и организація перевезеннаго туда отряда была неудовлетворительна. Увидѣвъ это, Гарибальди совершенно отказался отъ мысли о немедленной высадкѣ въ папскія владѣнія, и рѣшился употребить этотъ ше-

сти тысячный отрядъ для упроченія своего успѣха на югѣ (*). Тотчасъ же были сдѣланы распоряженія для перевозки этихъ волонтеровъ въ Сицилію. 1,000 человѣкъ изъ нихъ были отправлены на пароходѣ «Торино» кругомъ Сициліи въ Таормину, куда былъ отправленъ и другой пароходъ «Франклинъ». Пароходы эти должны были взять въ Таорминѣ бригаду Биксіо и перевезти ее на южный берегъ Калабріи. Это было одно изъ тѣхъ смѣлыхъ и быстрыхъ движеній, которыя любитъ Гарибальди. Вниманіе всѣхъ было обращено на проливъ и на западный берегъ материка, — этимъ открывалось удобство для высадки на южный или восточный берегъ.

«Торино» и «Франклинъ» прибыли въ Джардини въ ночь съ 17 на 18 число; къ утру была уже кончена нагрузка военныхъ принадлежностей и войска были уже на пароходахъ. Гарибальди выѣхалъ изъ Мессины вчера въ часъ по полудни, въ четыре часа вечера пріѣхалъ въ Джардини; вся сила экспедиціи простиралась до 9,000 человѣкъ. На «Торино» были посажены 2,000 человѣкъ, остальные сѣли на «Франклинъ» и на два парусныя судна, взятыя на буксиръ пароходами. Когда всѣ приготовленія были кончены, Гарибальди рѣшился самъ командовать экспедиціею, въ которой находится и старшій его сынъ. Въ семь часовъ вечера, когда смерклось, экспедиція отплыла отъ берега. Въ какомъ именно пунктѣ высадится она, это не опредѣлено впередъ и будетъ зависѣть отъ обстоятельствъ. Но все вниманіе неаполитанцевъ сосредоточено на проливѣ, потому должно надѣяться, что войска высадятся на берегъ безъ препятствій. Корабли пошли прямо къ ближайшему пункту Калабріи, находящемуся миляхъ въ 20-ти (верстахъ въ 30-ти) отъ Таормины. Если высадка будетъ удачна, Гарибальди думаетъ въ тотъ же день напасть на Реджо.

«Теперь уже полдень, а дурныхъ извѣстій до сихъ поръ нѣтъ, потому мы надѣемся и вѣримъ въ счастье Гарибальди. Мы условились, какимъ сигналомъ будетъ намъ дано знать объ успѣхѣ высадки, но сигналъ этотъ можно будетъ дать только ночью. А между тѣмъ мы разставили караульныхъ и воздушные телеграфы внимательно наблюдаютъ, не будетъ ли чего замѣтно на томъ берегу.

«Итакъ войско опять осиротѣло, но лишь не надолго. Вторая бригада дивизіи Тюрра готова отправиться за первою въ томъ же направленіи, то есть на восточный берегъ, а другія войска одновременно съ тѣмъ двинутся на западный берегъ и черезъ проливъ».

(*) Изъ нашего обзора, слѣдующаго за этимъ переводомъ, читатель увидитъ, что корреспондентъ Times'а не вполнѣ излагаетъ характеръ обстоятельствъ, разстроившихъ экспедицію, о которой здѣсь говорится.

«Мессина, 20 августа.

«Звѣзда Гарибальди сіяетъ ярче прежняго. Вскорѣ по отсылкѣ моего вчерашняго письма, мы получили извѣстіе объ успѣхѣ высадки Гарибальди съ бригадою Биксіо. Мы узнали объ этомъ изъ письма самого Гарибальди, излагающаго дѣло съ обыкновеннымъ своимъ лаконизмомъ. На письмѣ выставлено «11 часовъ утра, Мелито» (*). Гарибальди пишетъ: «Мы высадились успѣшно. Солдаты наши отдыхаютъ; поселяне толпами собираются къ намъ. «Торино» сѣлъ на мель; всѣ усилія снять его остались напрасны». Почти въ то же самое время мы получили отъ нашего союзника, неаполитанскаго воздушнаго телеграфа, посылаемое имъ въ Реджо извѣстіе, что Гарибальди съ 8,000 человѣкъ высадился у мыса Спартивенто, что крейсеры ничего не могли сдѣлать, потому что у него «8 линейныхъ кораблей и 7 большихъ транспортныхъ пароходовъ» и что нужна скорѣйшая помощь. Отвѣта не было, и теперь мы знаемъ причину тому: воздушный телеграфъ около Мелито разрушенъ. Вечеромъ возвратился «Франклинъ», бывшій въ экспедиціи, и привезъ подробныя извѣстія о высадкѣ. Передъ самымъ отплытіемъ, когда войска были уже посажены на пароходѣ, оказалась во «Франклинѣ» течь; солдатъ надобно было снова переводить на берегъ и отыскивать, гдѣ именно находится течь. Была ночь и матросы колебались нырять для ея отыскиванія. Гарибальди, смотрѣвшій на нихъ, снялъ съ себя шпагу и сказалъ: «вижу, что мнѣ надобно самому искать гдѣ течь». Черезъ минуту 20 матросовъ были въ водѣ; но поиски ихъ остались напрасны, потому что подводная часть парохода была покрыта морской травой и раковинами. Оставалось одно средство: дѣйствовать помпами; помпы имѣли успѣхъ, но не полный. Гарибальди не остановился передъ этою трудностью. Онъ сказалъ солдатамъ, чтобы они опять садились на пароходъ, сказалъ имъ, что по нѣскольку дней плавалъ на корабляхъ, находившихся въ гораздо худшемъ состояніи и что переѣздъ, продолжающійся нѣсколько часовъ, пустяки.

«Пароходы поплыли на востокъ и въ два часа ночи были у калабрійскаго берега. «Торино», тяжело нагруженный (на немъ кромѣ военныхъ снарядовъ было 2,000 человѣкъ), сѣлъ на мель. Но это не помѣшало начать высадку близь мыса Спартивенто (**) въ бухтѣ, на западъ отъ него. Не было нигдѣ видно ни неаполитанскихъ крейсеровъ, ни ихъ войскъ; дѣло шло безпрепятственно; но не исполни-

(*) Мелито лежитъ на самой южной оконечности Калабріи.

(**) Мысъ Спартивенто составляетъ восточную оконечность южнаго берега Калабріи.

лась надежда, что «Торино» снимется съ мели, облегчившись выгрузкою: онъ остался крѣпко засѣвшимъ; «Франклинъ» шесть часовъ старался стащить его съ мели, но безуспѣшно. Видя, что ничего нельзя сдѣлать, Гарибальди велѣлъ «Франклину» вернуться въ Мессину. Лишь только обогнулъ «Франклинъ» мысъ dell'Armi (*), какъ встрѣтился съ двумя неаполитанскими фрегатами, спѣшившими къ Мелито. «Франклинъ» поднялъ американскій флагъ, былъ пропущенъ неаполитанцами и пришелъ въ Мессину.

«Первымъ дѣломъ высадившагося войска было приняться за разрушеніе станцій воздушнаго телеграфа. Одну успѣли разрушить, но другую не могли скоро отыскать, и такимъ образомъ извѣстіе о высадкѣ было передано въ Реджо и дошло до насъ. Тогда же были посланы люди отъискивать отрядъ изъ 200 человѣкъ, переправившійся въ Калабрію за 12 дней передъ тѣмъ. Онъ находился въ дикихъ горахъ Аспромонте (**), въ трехъ часахъ пути отъ высадившагося войска, къ которому скоро присоединился.

«Неаполитанцы и на этотъ разъ, какъ подъ Палермо, были совершенно обмануты маневрами Гарибальди. Они сосредоточили свои войска по западному берегу Калабріи отъ Реджо до Монтелеоне, послали 1,800 человѣкъ искать первый нашъ маленькій отрядъ и совершенно забыли объ охраненіи остальнаго берега. Они очевидно и не воображали, что мы можемъ обойти кругомъ Сицилію, не проходя черезъ проливъ. Самый Реджо они считали находящимся внѣ опасности, такъ что поставили въ немъ всего только восемь ротъ, — четыре стрѣлковыя роты и четыре роты линейной пѣхоты (***). Какъ только жители Реджо узнали о высадкѣ Гарибальди, они послали депутацію къ неаполитанскому командиру спросить его, думаетъ ли онъ сражаться, и потребовать, чтобы онъ вышелъ за городъ, если думаетъ сражаться, потому что они не хотятъ видѣть своихъ домовъ раззоренными; а если онъ самъ не пойдетъ изъ города, прибавляли горожане, то они возстанутъ и выгонятъ его. Неаполитанскій командиръ обѣщался выступить за городъ.

«Судя по тѣмъ неаполитанскимъ войскамъ, съ которыми мы сходились, большая часть ихъ офицеровъ, не колеблясь, пристали бы къ намъ, если бы были увѣрены, что сохранятъ свои чины; они живутъ и содержатъ свои семейства только жалованьемъ и не рѣшают-

(*) Западный край южнаго конца Калабріи; разстояніе между нимъ и мѣстомъ, гдѣ происходила высадка — верстъ пятнадцать.

(**) На юго-востокъ отъ Реджо. Аспромонге составляетъ южную оконечность Аппенинскаго хребта и покрыта лѣсомъ.

(***) Реджо лежитъ южнѣе Мессины, на половинѣ того пространства калабрійскаго берега, которое составляетъ одинъ изъ боковъ пролива.

ся рисковать имъ, еще не видя, на чьей сторонѣ сила. Если бы мы могли давать обѣщанія именемъ короля Виктора-Эммануэля, почти всѣ они были бы нашими, но мы еще только временное правительство, не признанное европейскими державами; потому, вѣроятно, понадобится еще довольно большое сраженіе для убѣжденія ихъ, что перейдти на сторону итальянскаго дѣла будетъ не рискомъ, а выигрышемъ.

«Въ нынѣшнюю ночь ясно были видны сигнальные огни на высотахъ, поднимающихся около Мелито; они возвѣщали обоимъ берегамъ пролива о высадкѣ Гарибальди. Все населеніе Мессины до глубокой ночи гуляло по иллюминованнымъ улицамъ, слушая оркестры, игравшіе до 12 часовъ. Цитадель уныло молчала. По конвенціи она должна хранить перемиріе, что бы мы ни дѣлали, если только не будетъ нападенія на нее. Такимъ образомъ гарнизонъ видитъ наши приготовленія и не можетъ ничему помѣшать.

«По всей вѣроятности Гарибальди нынѣ будетъ въ Реджо, — по крайней мѣрѣ онъ такъ хотѣлъ; но, разумѣется, нельзя угадать, не будетъ ли онъ принужденъ обстоятельствами измѣнить свой планъ.

«Всѣ наши войска, оставшіяся здѣсь, держатся въ готовности сѣсть на суда по первому приказанію; гдѣ и какъ они высадятся, это зависитъ отъ хода дѣлъ въ Калабріи и соображеній Гарибальди. Не зачѣмъ говорить, съ какимъ нетерпѣніемъ каждый ждетъ этихъ приказаній».

«21 августа.

«Вчера мы получили извѣстія съ того берега. Гарибальди находился близъ Реджо и къ нему присоединилось нѣсколько сотъ калабрійскихъ волонтеровъ. Онъ хотѣлъ быть въ Реджо нынѣ на разсвѣтѣ; тамъ только 700 человѣкъ гарнизона, да и тотъ стоитъ не въ городѣ, а за городомъ, на дорогѣ, по которой идетъ Гарибальди. Городъ находится въ рукахъ 1,500 человѣкъ національной гвардіи, готовой присоединиться къ Гарибальди. Письмо, сообщающее эти извѣстія, приказываетъ второй бригадѣ дивизіи Тюрра сѣсть на суда нынѣ ночью въ Мессинской гавани и къ разсвѣту быть на той сторонѣ. Приказано также, чтобы, лишь только начнется нападеніе на Реджо, дивизія Козенца сдѣлала попытку отплыть изъ Фаро и произвела тѣмъ диверсію въ этомъ пунктѣ. Во вчерашнемъ письмѣ Гарибальди находилось приказаніе командиру «Карла-Альберта» идти къ тому берегу, чтобы помочь «Торино» сняться съ мели. Сардинскій командиръ повиновался, и «Карлъ-Альбертъ» отправился вчера вечеромъ къ Мелито. Неизвѣстно впрочемъ, успѣютъ ли снять «Торино», и если успѣютъ, то годится ли онъ куда нибудь, потому что

вчера утромъ фрегатъ и пароходъ, присланные неаполитанцами по первому извѣстію о высадкѣ, стрѣляли въ него.

«Тотчасъ же по полученіи письма были даны приказанія готовить вторую бригаду дивизіи Тюрра къ отплытію, и въ часъ по полудни она уже собиралась садиться на Queen of England, «Франклинъ», и Sidney-Hall, пароходъ, пришедшій вчера вечеромъ изъ Генуи съ нѣсколькими стами человѣкъ. Но кажется, что неаполитанцы узнали о нашемъ намѣреніи: одинъ изъ ихъ фрегатовъ сталъ передъ входомъ въ гавань, и намъ пришлось отказаться отъ мысли объ отправленіи пароходовъ.

«Нынѣ на разсвѣтѣ начался сильный ружейный огонь, сначала около Реджо, потомъ въ самомъ Реджо. Черезъ нѣсколько минутъ также начали стрѣлять два неаполитанскіе парохода и пять канонирскихъ лодокъ. Этотъ огонь продолжался нѣсколько часовъ. Начала стрѣлять и Реджосская цитадель. Въ 8 часовъ утра ружейный огонь прекратился, но корабли продолжали стрѣлять по городу. Около 9 часовъ возобновила огонь цитадель, прекращавшая его на нѣсколько времени; но корабли уже не отвѣчали ей. Мы еще не получали никакихъ извѣстій объ успѣхѣ этой битвы.

«Пока шла она, часть дивизіи Козенца сѣла на лодки въ Фаро. Экспедиція отплыла, когда было уже совершенно свѣтло. Четыре неаполитанскіе парохода стояли близь Фаро, но лодки поплыли, не задерживаясь этимъ. Два другіе парохода, шедшіе къ Реджо, также пришли къ Фаро, увидѣвъ экспедицію. Всѣ они пошли къ Фіумарскому форту, къ которому направилась экспедиція, и начали стрѣлять; начали стрѣлять и форты Фіумарскій, Шилла и Punta di Pezzo. Сильный огонь продолжался до 9 часовъ утра. Мы еще не знаемъ, какой успѣхъ имѣла наша экспедиція».

«Реджо. 24 августа.

«Наше положеніе въ Калабріи можно назвать упроченнымъ. Реджо въ нашихъ рукахъ, а высадка Козенца произведена почти безъ потери. Обе эти дѣла служили облегченіемъ одно другому, какъ обыкновенно бываетъ при планахъ хорошо обдуманныхъ. Рѣшившись идти на Реджо, Гарибальди приказалъ сдѣлать диверсію со стороны Фаро, чтобы отвлечь пароходы, собравшіеся при извѣстіи о его приближеніи. Онъ высадился такъ счастливо, что показалось возможнымъ заняться стаскиваніемъ «Торино» съ мели. Пока хлопотали надъ этимъ (съ шести до 11 часовъ утра), войска, высадившіяся у высохшаго русла потока близь Мелито, старались расположиться какъ нибудь поудобнѣе на гостепріимномъ берегу, выжженномъ солнцемъ. Составивъ ружья, солдаты сняли свои плащи и ранцы, и одни легли отдыхать послѣ

безсонной ночи, а другіе пошли искать воды, которой почти лишена эта часть Калабріи въ лѣтніе мѣсяцы. Въ это время пришли неаполитанскіе пароходы. «Франклинъ» (экспедиція переправилась на двухъ пароходахъ, «Торино» и «Франклинъ»), видя безуспѣшность своихъ усилій стащить «Торино», ушелъ въ Мессину, когда неаполитанскіе пароходы еще не показывались, и прошелъ мимо нихъ при входѣ въ проливъ. Такимъ образомъ неаполитанскіе пароходы нашли только «Торино», сидѣвшій на мели, и нашъ отрядъ, расположившійся лагеремъ на берегу. Они начали стрѣлять по пароходу и по лагерю. Солдаты, спокойно отдыхавшіе, получили приказаніе подняться вверхъ по горамъ, чтобы не подвергаться напрасной опасности. Горы тутъ подходятъ близко къ берегу и солдаты передвинулись на нихъ. Тогда неаполитанцы сосредоточили свой огонь на «Торино» и скоро зажгли его. Ночь Гарибальди провелъ въ Мелито.

«Одинъ изъ тѣхъ благопріятныхъ случаевъ, которые на войнѣ называются «счастьемъ» генерала, привелъ въ Мелито нѣсколькихъ людей изъ отряда, за двѣ недѣли передъ тѣмъ высадившагося въ Калабріи: они были посланы изъ Санъ-Лоренцо за хлѣбомъ и встрѣтились съ нашими. Они сообщили первыя подробныя свѣдѣнія о судьбѣ своихъ товарищей. Планъ переправы этого небольшаго отряда былъ составленъ по извѣстіямъ, которыя были сообщены калабрійцемъ, барономъ ди-Муссолино. Онъ обѣщался ввести въ верхній Фіумарскій фортъ инженернаго офицера съ тремя артиллеристами; высадку положено было сдѣлать подлѣ самаго форта. Калабрійскіе проводники должны были ждать тамъ нашихъ, чтобы провести ихъ окольною дорогою на террасу къ форту съ той стороны, гдѣ онъ имѣетъ только высокую стѣну съ амбразурами, но безъ пушекъ. Люди заранѣе введенные въ фортъ должны были отворить находящіяся съ той сторы ворота. На всякій случай солдатамъ даны были лѣстницы. Военная часть экспедиціи ввѣрена была майору Миссори, но весь планъ высадки принадлежалъ барону Муссолино; отъ этого раздѣленія команды вѣроятно и произошла неудача въ нападеніи на фортъ».

«Первое разстройство случилось оттого, что отрядъ высадился не у потока, находящагося подлѣ форта, а у другаго; въ ночной темнотѣ трудно было различить мѣстность и разсчитать силу теченія въ проливѣ; вѣроятно и сицилійскіе лодочники предпочитали править къ мѣсту менѣе опасному. Какъ бы то ни было, но отрядъ не нашелъ проводниковъ на томъ мѣстѣ, гдѣ высадился. Было послано по 5 человѣкъ въ обѣ стороны искать ихъ. Замѣтили ли неаполитанцы, что произведена высадка, или у нихъ и прежде стояли караулы по берегу, но дѣло въ томъ, что одна изъ партій, посланныхъ

искать проводниковъ, наткнулась на неаполитанскій патруль, обмѣнялась съ нимъ нѣсколькими выстрѣлами, взяла двухъ неаполитанцевъ въ плѣнъ и выстрѣлы подняли на ноги гарнизонъ форта. Онъ сдѣлалъ нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ и началъ ружейный огонь въ темнотѣ на удачу. Майоръ Миссори хотѣлъ выжидать, что будетъ; но часть его отряда, смущенная этою тревогою, пошла въ горы, бывшія по близости. Остальной отрядъ, видя, что напрасно было бы ждать больше, также пошелъ въ горы по сухому руслу ручья и, сдѣлавъ утомительный переходъ, прибылъ на слѣдующій день въ Cascina de'Forestani, одинокую ферму въ горахъ, гдѣ по немногу собрались къ нему и солдаты, пошедшіе по другимъ дорогамъ; пропало въ темнотѣ только пять человѣкъ, которые попались въ руки неаполитанцевъ.

«Неудача и поспѣшное отступленіе конечно не могли ободрить солдатъ отряда. Всѣ тѣ, которые не были подъ прямою командою Муссолино, приписывали неуспѣхъ его плохимъ распоряженіямъ; офицеры составили нѣчто въ родѣ военнаго совѣта и почти всѣ хотѣли передать всю власть одному майору Миссори. Но чтобы не поселять неудовольствія въ калабрійцахъ рѣшили, наконецъ, оставить все по прежнему.

«Сообщеніе съ берегомъ было отрѣзано у нашего отряда неаполитанцами; онъ былъ запертъ въ пустынѣ; но положеніе его не было безнадежно. Всѣ сосѣднія деревни наперерывъ снабжали его всѣмъ нужнымъ. Неаполитанцы, хотя имѣли огромный перевѣсъ въ числѣ, не думали въ первые дни тревожить его; притомъ же лѣса и горы представляли довольно безопасный путь отступленія. Простоявъ нѣсколько дней въ Cascina de'Forestani, отрядъ захотѣлъ попытать счастья. Нападеніе на Фіумарскій фортъ не представляло бы никакихъ шансовъ успѣха: наши знали, что гарнизонъ его получилъ подкрѣпленіе и неаполитанцы заняли террасу, господствующую надъ фортомъ; потому отрядъ рѣшился идти на Баньяру, приморскій городокъ къ сѣверу отъ Шиллы. Занимая вершину горъ, нашъ легкій отрядъ могъ свободно идти по какому угодно направленію; онъ выступилъ вечеромъ на четвертый день и шелъ всю ночь, но проводники оказались плохи и онъ нѣсколько разъ сбивался съ дороги. Къ утру наши волонтеры были, однако же, на высотахъ, поднимающихся надъ Баньярою и фортомъ, которымъ снабженъ этотъ городъ, подобно почти всѣмъ городамъ, лежащимъ по берегу. Десятка два стрѣлковъ были посланы впередъ; они поддерживали нѣсколько времени перестрѣлку, но скоро наши увидѣли, что, имѣя 200 человѣкъ, ничего не могутъ сдѣлать противъ нѣсколькихъ батальоновъ, опирающихся на фортъ, снабженный пушками; потому они отступили

и, снова сдѣлавъ утомительный переходъ, вернулись на прежнее мѣсто, въ Cascina de'Forestani.

«Если неудача первой попытки овладѣть Фіумарскимъ фортомъ ослабила отвагу небольшаго отряда нашихъ волонтеровъ, то и на неаполитанцевъ произвела такое же вліяніе ихъ высадка вмѣстѣ съ приготовленіями Гарибальди. Изъ депешъ, посылавшихся по телеграфу въ Неаполь, видно, что неаполитанцамъ повсюду грезились высадки волонтеровъ: въ Каннителло, налѣво отъ Реджо, въ Біанки, въ Джераче Бовелина, на восточномъ берегу; а когда Гарибальди въ самомъ дѣлѣ явился, онъ не встрѣтилъ на берегу непріятеля.

«По отступленіи нашего отряда отъ Баньяры, неаполитанцы сформировали летучую колонну изъ 1,800 человѣкъ подъ командою Бриганти, послали ее въ погоню и успѣли дойдти до Cascina de'Forestani, не будучи замѣчены нашими. Увидѣвъ такого многочисленнаго непріятеля, наши отступили въ лѣса, покрывающіе вершину горнаго хребта, оставивъ 45 человѣкъ на своей прежней позиціи, чтобы прикрывать отступленіе. Не смотря на свою многочисленность, неаполитанцы не стали нападать и заняли наблюдательное положеніе. Давъ своей колоннѣ отступить, нашъ маленькій аріергардъ пошелъ за нею; неаполитанцы не тревожили его и на отступленіи.

«Волонтеры наши по самому хребту Аспромонте сдѣлали утомительный переходъ въ 22 часа и пришли въ Санъ-Лоренцо, на южномъ спускѣ Аспромонте, близь Мелито. Санъ-Лоренцо построенъ на отдѣльномъ утесѣ, высоко поднимающемся надъ окрестными холмами. Въ такой позиціи легко было бы защищаться, если бы неаполитанцы дошли туда. Жители приняли въ Санъ-Лоренцо, какъ и повсюду, нашихъ волонтеровъ съ восторгомъ. Чтобы не слишкомъ обременять собою городокъ, имѣющій 2000 жителей, наши послали двѣ партіи собирать продовольствіе по другимъ мѣстамъ, и одна изъ нихъ пришла въ Мелито въ тотъ самый день, какъ высадился тамъ Гарибальди — 19 числа. Тотчасъ же послали въ Санъ-Лоренцо извѣстіе остальному отряду; но какъ онъ ни спѣшилъ, онъ успѣлъ соединиться съ Гарибальди только уже подъ Реджо во время битвы.

«Увидѣвъ погибель «Торино», Гарибальди не захотѣлъ терять времени и 20 числа вышелъ изъ Мелито по дорогѣ, идущей вдоль берега. Первыя восемь миль (16 верстъ) этого пути до мыса dell'Armi представляютъ только тропинку, по которой во многихъ мѣстахъ людямъ надобно проходить по одиночкѣ. Но еще затруднительнѣе былъ недостатокъ воды: въ это время года всѣ колодцы почти высыхаютъ, а потоки пересыхаютъ совершенно. Особенно тяжелъ былъ этотъ недостатокъ для корпуса, въ которомъ находилось много сицилійцевъ. Изъ всѣхъ живыхъ существъ, извѣстныхъ мнѣ,

сицилійскій волонтеръ самое жадное до воды; онъ совершенно уныветъ, если чувствуетъ жажду. Но Гарибальди неумолимъ: вполнѣ владѣя собою, онъ не терпитъ слабостей и въ другихъ. Притомъ же надобно было не терять времени, чтобы дойдти до Реджо, прежде чѣмъ неаполитанцы успѣютъ прислать подкрѣпленіе гарнизону. Поэтому много солдатъ отстало; они пришли потомъ съ колонною маойра Миссори, шедшею изъ Санъ-Лоренцо.

«Давъ своему войску небольшой отдыхъ въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Реджо, Гарибальди двинулся дальше на разсвѣтѣ слѣдующаго дня. Разсказъ, что жители Реджо просили командира гарнизона полковника Дюме сражаться за городомъ, оказался справедливымъ. Оставивъ нѣсколько сотъ человѣкъ въ цитадели, съ остальными Дюме занялъ позицію передъ городомъ на ручьѣ, на которомъ построенъ каменный мостъ. Каждый потокъ въ Калабріи составляетъ крѣпкую позицію не только зимою, когда многіе изъ потоковъ неприступны, но и лѣтомъ, когда они пересыхаютъ: берега потоковъ круты и непремѣнно покрыты густымъ лѣсомъ. Но неаполитанцы, повидимому, не думали крѣпко защищать свою позицію. Гарибальди раздѣлилъ войско на три колонны. Городъ Реджо, подобно всѣмъ городамъ на здѣшнемъ узкомъ прибрежьи, очень длиненъ и не широкъ, хотя часть его построена уже на холмахъ. Цѣлью Гарибальди было овладѣть этою верхнею частью города, которая господствуетъ надъ другой половиной, и главныя силы, подъ командою самого Гарибальди, двинулись по этому направленію; Биксіо велъ среднюю колонну, шедшую на мостъ, а лѣвая колонна шла по прибрежью. Не знаю, съ самаго ли начала неаполитанцы не хотѣли драться серьёзно, или упали духомъ отъ какой нибудь другой причины; но какъ бы то ни было, они скоро начали отступать въ центрѣ и на своемъ лѣвомъ флагѣ; только правое крыло ихъ оказало нѣкоторое сопротивленіе. Гарибальди съ горстью людей занялъ ферму противъ ихъ позиціи, въ ожиданіи подкрѣпленій для атаки въ штыки. При первомъ натискѣ неаполитанцы отступили, и колонна вошла въ городъ, гоня ихъ передъ собой; они поспѣшно побѣжали на противоположный конецъ города. Биксіо, между тѣмъ, также вошелъ въ городъ по главной улицѣ и, занявъ соборную площадь, отрѣзалъ отступленіе неаполитанскому отряду, съ которымъ сражался. Эта часть неаполитанцевъ повернула тогда въ верхнюю часть города и, выходя изъ переулка на верхнюю улицу, идущую параллельно съ главной, встрѣтила колонну Гарибальди. Волонтеры хотѣли атаковать неаполитанцевъ, но Гарибальди остановилъ атаку, думая, что неаполитанцы передаются намъ. Вмѣсто того они бросились бѣжать; наши погнались за ними, захватывая въ плѣнъ десятки ихъ; осталь-

ные въ разбродъ бѣжали къ Санъ-Джованни (*). Менѣе чѣмъ въ два часа послѣ перваго выстрѣла, городъ весь былъ въ нашихъ рукахъ. Неаполитанцы оставались только въ цитадели. Потери съ обѣихъ сторонъ были ничтожны. Мы понесли бы много урона и, быть можетъ, не одержали бы успѣха, если бы неаполитанскіе пароходы (ихъ было тутъ цѣлыхъ семь) поступили такъ же, какъ въ Палермо. Но очевидно, они имѣли приказаніе не стрѣлять по городу. Они только пустили нѣсколько ядеръ и картечныхъ зарядовъ на дорогу, когда колонна шла къ городу; но какъ только она вошла въ городъ, огонь прекратился. Притомъ же вниманіе пароходовъ скоро было отвлечено въ другую сторону. У Козенца было все готово къ переправѣ войскъ изъ Фаро на калабрійскій берегъ, по первому сигналу о нападеніи на Реджо. Девяносто лодокъ, наполненныхъ войскомъ, ждали этого сигнала на озерѣ, гдѣ не замѣчалъ ихъ единственный неаполитанскій пароходъ, оставшійся у сѣвернаго конца канала (всѣ другіе ушли къ Реджо). Какъ только послышался первый выстрѣлъ отъ Реджо, 60 лодокъ вышли изъ озера и поспѣшно поплыли на ту сторону; остальныя быстро послѣдовали за ними. Пароходъ, бывшій у Фаро, вмѣстѣ съ другимъ, шедшимъ изъ Реджо, хотѣли перерѣзать имъ дорогу, но не успѣли и могли только стрѣлять по пустымъ лодкамъ, когда солдаты, переѣхавшіе въ нихъ, уже заняли позицію на горахъ. Скоро пришлось этимъ пароходамъ позаботиться о собственномъ спасеніи, потому что баттареи, устроенныя въ Фаро, открыли огонь. Неаполитанскія ядра не сдѣлали намъ никакого вреда, вѣроятно и наши не сдѣлали почти никакого неаполитанцамъ. Разумѣется, наши артиллеристы непоколебимо утверждаютъ, что многіе изъ ихъ выстрѣловъ попали въ цѣль и что одинъ изъ неаполитанскихъ пароходовъ окончательно испорченъ ими. Какъ вѣрный лѣтописецъ, я долженъ сказать, что этого не было.

«Пока происходила эта смѣлая переправа у Фаро, Гарибальди, выгнавъ неаполитанцевъ изъ Реджо, сталъ блокировать цитадель. Она, какъ и всѣ прибрежные форты, имѣетъ настоящія укрѣпленія съ морской стороны, а противоположная сторона у всѣхъ этихъ фортовъ вооружена плохо. Реджосская цитадель съ трехъ сторонъ окружена домами, построенными подлѣ самыхъ стѣнъ, а сосѣднія горы совершенно господствуютъ надъ ней. Только съ морской стороны она можетъ хорошо дѣйствовать. Горы были заняты нами, заняты и нѣкоторые дома вдоль стѣнъ, и началась перестрѣлка,— одна изъ тѣхъ перестрѣлокъ, которыя не ведутъ ни къ чему, кромѣ

(*) Городокъ верстахъ въ десяти на сѣверъ отъ Реджо, почти прямо противъ Мессины.

того, чтобъ ранить нѣсколькихъ человѣкъ въ обоихъ войскахъ. Въ числѣ людей, пострадавшихъ тутъ, былъ бригадный командиръ Биксіо, оцарапанный пулею въ лѣвую руку. До 11 часовъ утра цитадель стрѣляла картечью и ядрами; пришла колонна Миссори и заняла горы. Она состояла почти вся изъ отличныхъ стрѣлковъ, потому неаполитанцы скоро бросили свои пушки и удалились въ казармы. Самъ командиръ ихъ былъ смертельно раненъ пулею въ грудь, и черезъ нѣсколько времени бѣлый флагъ явился надъ цитаделью.

«Капитуляція была заключена на тѣхъ же условіяхъ, какъ въ Мелаццо: гарнизону позволено было выйдти съ оружіемъ, но всѣ военные запасы, собранные въ цитадели, оставались намъ. Эти условія могутъ казаться слишкомъ снисходительными, но не слѣдуетъ забывать, что выигрышъ времени очень важенъ для Гарибальди и какая нибудь лишняя тысяча ружей или плѣнныхъ не идетъ въ сравненіе съ этою выгодою. Впрочемъ, мы взяли довольно добычи: восемь полевыхъ орудій съ лошадями и всѣми принадлежностями, шесть 32-фунтовыхъ пушекъ, 18 крѣпостныхъ пушекъ отъ 18 до 24-фунтоваго калибра, 2 пексановыхъ десятидюймовыхъ пушки, 500 ружей, множество каменнаго угля, аммуниціи, провіанта и довольно много лошадей и муловъ.

«Взятіе Реджо чрезвычайно важно для насъ: теперь Мессина совершенно отрѣзана отъ сообщеній, и пушки цитадели окончательно даютъ намъ господство надъ обоими берегами пролива. Для неаполитанцевъ тяжеле всего потеря каменнаго угля, депо котораго было у нихъ въ Реджо. Флотъ ихъ и Мессина снабжались всѣмъ изъ этой крѣпости, служившей ключемъ Сициліи.

«По всей Калабріи и особенно въ Реджо встрѣчаютъ насъ съ восторгомъ. Солдатъ нашихъ принимаютъ въ каждомъ семействѣ, какъ друзей.»

«Вилла Санъ-Джованни. 23 августа.

«Событія идутъ такъ быстро, что едва можно успѣть передавать ихъ хоть только въ общихъ чертахъ. Вся калабрійская сторона пролива наша. Я уже писалъ вамъ, что вся оборонительная линія прибрежья сильнѣе съ морской стороны, чѣмъ съ земли. Отъ Шиллы до Реджо тянется рядъ маленькихъ фортовъ, имѣющихъ по 15 и 20 пушекъ; изъ нихъ только фортъ Punta di Pezzo стоитъ у самаго берега, а всѣ другіе построены на первомъ уступѣ горъ. Единственная дорога, годная для военныхъ дѣйствій, идетъ вдоль берега, по которому выстроены также почти всѣ здѣшніе города и села. Надъ этой линіей возвышаются въ нѣсколько уступовъ холмы, поднимающіеся къ Аппенинскому хребту, идущему почти параллельно съ про-

ливомъ. Изъ этого очерка вы видите, что лишь только овладѣть однимъ пунктомъ на берегу, можно будетъ взять въ тылъ всю оборонительную линію. Со стороны, обращенной къ горамъ, форты укрѣплены плохо; а холмы, стоящіе за ними, господствуютъ надъ ними. Поэтому обороняться противъ нападающаго можно только съ горъ, идущихъ за фортами; да и тутъ надобно держаться на самыхъ вершинахъ хребта, иначе позиція будетъ обойдена. Для неаполитанцевъ такая тактика была вдвойнѣ трудна: горная мѣстность самая удобная мѣстность для насъ, и на ней не могли бы они устоять противъ насъ; кромѣ того, по моему мнѣнію, ни солдаты, ни офицеры неаполитанскихъ войскъ не хотѣли упорно сражаться. Настоящей оборонительной своей линіей они выбрали Монтелеоне и, кромѣ гарнизоновъ въ фортахъ, имѣли двѣ летучія колонны подъ командою генераловъ Мелендеса и Бриганти; колонна Мелендеса главнымъ образомъ должна была защищать линію на сѣверъ отъ Баньяры, а колонна Бриганти форты по берегу пролива. Каждая изъ нихъ имѣла отъ 1,800 до 2,000 человѣкъ. Когда мы взяли Реджо, Бриганти занялъ позицію выше форта Punta di Pezzo, на равнинѣ между дорогой и холмами. Еслибы онъ нарочно хотѣлъ быть взятымъ въ плѣнъ, онъ не могъ бы выбрать лучшаго положенія: обошедши горы у Санъ-Джованни, наши стрѣлки могли перебить его отрядъ съ высотъ и отрѣзать ему отступленіе. Его позиція была тѣмъ опаснѣе, что высоты были уже заняты войсками Козенца.

«Гарибальди вышелъ изъ Реджо со всѣми своими силами, и главною колонною занялъ линію холмовъ, господствующихъ надъ Санъ-Джованни. Санъ-Джованни, Аппіарелло и Пеццо — три деревни очень длинныя; онѣ тянутся по морскому берегу, занимая и первый невысокій уступъ горъ. За ними поднимаются горы, покрытыя садами. Воспользовавшись этою выгодою, наши подошли, не будучи замѣчены непріятелемъ, вниманіе котораго было занято колонною, шедшею по берегу. Чтобы еще лучше обезпечить успѣхъ, генуэзскіе стрѣлки и двѣ роты другихъ стрѣлковъ заняли позицію, господствовавшую надъ линіею отступленія. Когда эти приготовленія были кончены, наши двинулись со всѣхъ сторонъ и, не открывая огня, стали на ружейный выстрѣлъ отъ непріятеля. Онъ открылъ ружейный огонь и началъ стрѣлять изъ четырехъ своихъ пушекъ. Наши не отвѣчали ни однимъ выстрѣломъ; Гарибальди строго приказалъ не стрѣлять: онъ хотѣлъ не разбить ихъ, онъ хотѣлъ, чтобы они сдались. Неаполитанцы не могли обольщать себя никакой надеждой, они были окружены со всѣхъ сторонъ. Сначала они, кажется, не понимали этого, потому что нашъ парламентеръ, посланный съ бѣлымъ флагомъ, былъ встрѣченъ выстрѣлами и убитъ пу-

лею въ голову. Но въ два часа дня они поняли свое положеніе; наша безотвѣтность на ихъ выстрѣлы способствовала тому. Явился парламентеръ съ требованіемъ перемирія и съ наивнымъ замѣчаніемъ, что они ожидаютъ инструкцій отъ генерала Віале. Ему отвѣчали, что напрасно они ожидаютъ отъ него инструкцій, потому что онъ отступилъ отъ Баньяры къ Монтелеоне, что они имѣли довольно времени обсудить свое положеніе и что если они не сдадутся безусловно къ половинѣ четвертаго, то будутъ атакованы и сброшены въ море. Отсрочку эту дали имъ потому, что ожидали отряда Биксіо съ пушками. Когда парламентеръ вернулся къ нимъ, намъ было видно, что они взволновались. Офицеры и солдаты ихъ стали разсуждать съ сильными жестикуляціями. Назначенный имъ срокъ прошелъ, но Гарибальди все еще ждалъ, и около пяти часовъ вдругъ поднялся у нихъ крикъ: Viva Garibaldi! viva l'Italia! Парламентеръ явился объявить, что они сдаются. Гарибальди самъ сошелъ къ нимъ и едва не былъ задушенъ, такъ они тѣснились обнимать его; солдаты, офицеры и самъ генералъ Бриганти фратернизировали съ нашими. Радость ихъ дошла до крайняго предѣла, когда имъ сказали, что кто желаетъ, можетъ идти домой. Они побросали оружіе и стали расходиться толпами. Наши стрѣлки, занимавшіе линію отступленія, начали-было стрѣлять по первой толпѣ ихъ, не зная, чѣмъ кончилось дѣло, но были остановлены, дѣло уладилось, и къ ночи летучая колонна разсѣялась по всѣмъ направленіямъ, оставивъ намъ 2,000 ружей, 4 полевыхъ орудія и 10 тяжелыхъ орудій въ фортѣ. Но важнѣе всего этого нравственное вліяніе капитуляціи и 2,000 солдатъ, возвращающихся домой въ восторгѣ отъ Гарибальди. Кромѣ того, мы овладѣли тутъ всѣмъ берегомъ пролива: въ самомъ дѣлѣ, теперь уже получено извѣстіе, что Фіумарскій фортъ и Шилла сдались.

«Такимъ образомъ мы вѣроятно не встрѣтимъ сопротивленія до Монтелеоне, а можетъ быть и дальше. Вчерашняя капитуляція показала духъ неаполитанской арміи въ новомъ свѣтѣ. Ихъ отрядъ во всей своей массѣ покинулъ знамена.

«Вся страна за нами, ближняя Калабрія и Базиликата возстали (*), провозгласили Гарибальди диктаторомъ и уже открыли сообщенія съ нашею главною квартирою.»

(*) Калабрійскій полуостровъ раздѣляется на три провинціи: южный конецъ его называется второю дальнею Калабріею, средняя часть первою дальнею Калабріею, а сѣверная часть ближнею Калабріею, съ которою граничитъ Базиликата, лежащая въ глубинѣ Отрантскаго залива.

«Баньяра, 26 августа.

«Поутру мы отдыхали съ генераломъ Гарибальди и его штабомъ на террасѣ живописнаго дома, близь верхняго Фіумарскаго форта; нашъ завтракъ состоялъ изъ хлѣба и сыра, изъ превосходныхъ фигъ и винограда благодатной Калабріи. Вдругъ показался вдали огромный паровой фрегатъ, шедшій прямо на насъ, какъ будто бы съ дурными намѣреніями. Гарибальди тотчасъ велѣлъ зарядить пушки сосѣднихъ фортовъ Фіумарскаго и Torre Cavallo, изъ которыхъ еще не успѣли выбраться трусливые гарнизоны; онъ не спускалъ телескопа съ фрегата; но фрегатъ, пролавировавъ часа два или три между Шиллою и Фаро, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ насъ повернулъ назадъ: командиръ его, вѣроятно, остался въ пріятномъ убѣжденіи, что исполнилъ свою обязанность. А по моему мнѣнію, сходному съ мнѣніемъ всѣхъ хорошихъ англійскихъ моряковъ, фрегатъ, подошедши на пистолетный выстрѣлъ къ этимъ фортамъ, разбилъ бы ихъ нѣсколькими залпами, потому что и сами по себѣ они не страшны, да и волонтеры наши, защищающіе теперь ихъ, не умѣютъ стрѣлять изъ пушекъ. Но дѣло въ томъ, что неаполитанскій флотъ такъ же дизорганизованъ и деморализованъ, какъ неаполитанская армія. Офицеры и солдаты враждуютъ между собою и согласны только въ томъ, чтобы не рисковать жизнью въ войнѣ, которой они не одобряютъ. Калабрійцы встрѣчаютъ Гарибальди съ неописанной радостью, готовы броситься въ огонь за него и за самаго послѣдняго изъ его спутниковъ. Они безпомощны и запуганы до непостижимости. Первобытность ихъ понятій и обычаевъ доходитъ до изумительности; но натура въ нихъ хорошая, а искренность ихъ расположенія несомнѣнна.

«Мы выѣхали изъ Баньяры въ пять часовъ утра. Гарибальди съ своимъ штабомъ поѣхалъ впередъ галопомъ, оставивъ далеко за собою авангардъ; онъ скакалъ въ мѣста еще наполненныя непріятелями, распущенными имъ по домамъ. Тутъ не было никакого риска: упавшіе духомъ неаполитанцы рады, что имъ позволили бѣжать отъ негодованія калабрійцевъ, которые соглашаются не мстить имъ за долгія притѣсненія. Благородство и великодушіе калабрійцевъ выше всякой похвалы: жители не тронули ни одного изъ бѣгущихъ солдатъ.

«Отъ Баньяры до Пальми (*) три часа ѣзды. Проскакавъ часъ, мы остановились, потомъ опять остановились въ очаровательномъ лѣсу на холмѣ, возвышающемся надъ Пальми. Боже мой! что за страна эта Калабрія! Какіе очаровательные, величественные виды

(*) Пальми лежитъ къ сѣверу отъ Баньяры.

представляются на каждомъ шагу по этой дорогѣ, идущей съ холма на холмъ! Какъ чистъ воздухъ въ эти часы свѣжаго, но не холоднаго утра! Холмы, благословенные неистощимымъ плодородіемъ, покрыты зеленью до самыхъ вершинъ. Мы проѣхали обширные оливковые лѣса, деревья которыхъ выше, чѣмъ въ лѣсахъ Генуэзской Ривьеры, на холмахъ Фраскати и Тиволи. Природное богатство этой земли безмѣрно; но торговли и промышленности нѣтъ въ ней, такъ что она совершенно лишена денегъ.»

«Милето (*), близъ Монтелеоне, 27 августа.

«Мы ночевали въ Пальми, встали вчера съ разсвѣтомъ и въ четыре часа утра я былъ уже на сѣдлѣ. Черезъ часъ выѣхалъ Гарибальди въ коляскѣ, запряженной парою хорошихъ лошадей; всю свиту его составляли четыре всадника: двое изъ числа храбрѣйшихъ офицеровъ его штаба, Трекки и Бордоне; Кальдези, отличный фотографъ, служащій теперь майоромъ также въ его штабѣ, и вашъ корреспондентъ. Вечеромъ былъ слухъ, что въ Монтелеоне находится еще до 11,000 неаполитанскаго войска, авангардъ котораго стоитъ въ Милето. Милето лежитъ въ шести часахъ пути отъ Пальми, а Монтелеоне еще въ двухъ часахъ пути за Милето. Въ сопровожденіи четырехъ человѣкъ, изъ которыхъ только двое были порядочно вооружены, Гарибальди отправился на рекогносцировку въ коляскѣ, не имѣя въ запасѣ верховой лошади. Мы быстро ѣхали по пыльной дорогѣ, спускаясь изъ Пальми въ богатую равнину Джои. Черезъ три четверти часа мы встрѣтили экипажъ; сидѣвшій въ немъ человѣкъ сказалъ нѣсколько словъ Гарибальди; генералъ обернулся къ своимъ адъютантамъ и послалъ одного изъ нихъ съ приказаніемъ бригадѣ Козенца идти впередъ. Взошедши съ другимъ адъютантомъ на холмъ, съ котораго далеко видны море и равнина, Гарибальди цѣлыхъ два часа осматривалъ мѣстность въ телескопъ. Мы оставались у подошвы холма: тутъ постепенно стали подъѣзжать къ намъ по одному, по два и по три разные офицеры штаба, пріѣхали также генералы Козенцъ и Сирտори, такъ что черезъ часъ набралось насъ человѣкъ до 50. Мы составляли единственный авангардъ часа полтора, пока наконецъ бригада Козенца подошла къ намъ и двинулась дальше. Гарибальди, сошедшій съ горы, поѣхалъ передъ колонною до того мѣста, гдѣ расходятся дороги въ Милето и въ Джою. Тутъ онъ оставилъ насъ и поѣхалъ въ Джою, а мы продолжали ѣхать по дорогѣ въ Милето, скоро перегнали бригаду Козенца, уѣхали на цѣ-

(*) Милето, городъ, лежащій въ первой дальней Калабріи, близъ Монтелеоне, не должно смѣшивать съ Мелито, гдѣ была произведена высадка.

лый часъ пути впередъ [illegible] опять наше небольшое общество соста-
вило собою весь авангардъ. Къ [illegible] часамъ мы доѣхали до деревни
Розарно, простояли тутъ самую зной[illegible] часть дня, въ 5 часовъ ве-
чера снова пустились дальше и къ закату со[illegible] пріѣхали въ Миле-
то. Неаполитанцы только-что за нѣсколько мину[illegible] нами вы-
шли оттуда. Какой страхъ внушаютъ беззащитному н[illegible] эти
бандиты, можно заключить изъ того, что въ Милето, имѣющ[illegible]
3,000 населенія, оставалось не больше 40 человѣкъ, а всѣ остальные бѣжали отъ неаполитанцевъ. Когда мы пріѣхали, жители стали возвращаться. Дѣйствительно, они имѣли достаточную причину къ страху: ужаснѣйшая трагедія была совершена на ихъ глазахъ. 25 августа, около полудня, возмутился на главной площади Милето 15-й полкъ неаполитанской линейной пѣхоты; полкъ этотъ принадлежалъ къ бригадѣ Бриганти, которая такъ низко бѣжала отъ сраженія у виллы Санъ-Джованни, 23 августа. Генералъ Бриганти, въ статскомъ платьѣ, сопровождаемый однимъ слугою, проѣзжалъ верхомъ черезъ площадь, на которой стояли войска. Солдаты, какъ надобно думать, узнали его лишь тогда, какъ онъ миновалъ ихъ. Онъ уже проѣхалъ площадь, они потеряли его изъ виду, но потомъ онъ вернулся съ дороги на площадь и поѣхалъ къ почтовой станціи. Почему онъ вернулся, это неизвѣстно; но вѣроятно онъ увидѣлъ, что лошадь его устала, и хотѣлъ взять почтовыхъ лошадей со станціи. Солдаты начали кричать, что онъ «измѣнникъ, продавшій ихъ по три карлина за человѣка»; потомъ начали кричать: «да здравствуетъ король!» Бриганти, ничего не отвѣчая имъ, ѣхалъ своею дорогою; вдругъ два солдата выстрѣлили въ него. Обѣ пули попали въ лошадь; она прошла шатаясь нѣсколько шаговъ, потомъ упала вмѣстѣ съ своимъ всадникомъ. Когда генералъ сталъ подниматься на ноги, въ него было сдѣлано еще выстрѣловъ 50 или больше, наконецъ солдаты бросились на него со штыками и растерзали его. Когда они утолили свою кровожадность надъ трупомъ, онъ былъ вырванъ изъ ихъ рукъ и отнесенъ въ церковь для погребенія; но проснувшаяся ярость каннибаловъ снова устремилась на жертву: солдаты рвали его волосы и бороду, выбивали пистонами его глаза, рвали своими зубами его уши. Мы не знаемъ, чему приписывать это убійство: озлобленію ли противъ человѣка, который, какъ мы теперь слышимъ, имѣлъ репутацію либерала, или просто порыву безсмысленной ярости, или надеждѣ воспользоваться для грабежа города и деревень ужасомъ, какой будетъ наведенъ на жителей свирѣпымъ дѣломъ. Говорятъ, что при въѣздѣ въ городъ генералъ былъ предувѣдомленъ однимъ изъ своихъ офицеровъ о зломъ замыслѣ солдатъ. Надобно замѣтить,

...али въ это время команду; что многіе изъ офицеровъ еще со... ...ли ограничивались только просьбами, которыхъ ни... они молча смотрѣли на убійст... ...ушалъ. Совершивъ убійство, солдаты ...вилъ, что разграбили нѣсколько табачныхъ лавокъ удовольствовалъ погребовъ. Потомъ они стали кричать: «по домамъ, вокъ ...ъ!» и разсѣялись. Они жаловались, что Бриганти часто морилъ ихъ голодомъ, иногда дня по три сряду.

«Извѣстіе объ этой трагедіи пришло къ намъ на дорогѣ въ Милето и мы слышали все новые разнорѣчивые разсказы по мѣрѣ того, какъ приближались къ городу. Но вчера вечеромъ я постарался собрать достовѣрнѣйшія свѣдѣнія отъ горожанъ, бывшихъ очевидцами кровавой сцены.

«Этотъ примѣръ свирѣпости долженъ принести дѣлу Гарибальди больше пользы, чѣмъ получило бы оно отъ большой побѣды. Вражда между солдатами и офицерами неаполитанской арміи уже и прежде отнимала у офицеровъ всякую надежду на сопротивленіе; но убійство генерала Бриганти наведетъ на нихъ ужасъ. Едва ли кто изъ нихъ захочетъ подвергаться двойной опасности—отъ непріятеля и отъ собственныхъ солдатъ. Дѣйствительно, мы уже слышимъ, что генералъ Віале, командовавшій въ Монтелеоне и думавшій защищаться, отступилъ къ Козенцѣ, гдѣ думаетъ подать въ отставку и навсегда уѣхать въ Англію. Нынѣ утромъ мы слышали, что изъ Монтелеоне прислано Гарибальди предложеніе о томъ, что неаполитанцы называютъ капитуляціей; говорятъ, что онъ поѣхалъ въ Джою видѣться съ офицерами, присланными для переговоровъ. Эти такъ называемыя капитуляціи не болѣе какъ шутка, потому что неаполитанцы вѣчно кончаютъ тѣмъ, что разбѣгаются во всѣ стороны. Они такіе враги, которымъ не нужно и отрѣзывать отступленіе. Но все-таки вчерашнія дѣйствія Гарибальди имѣютъ въ себѣ что-то загадочное,—нынѣшними событіями они, быть можетъ, объяснятся. Мы прибыли въ Милето, какъ я уже говорилъ, вчера вечеромъ: прежде всѣхъ въѣхали въ городъ офицеры главнаго штаба, потомъ Медичи съ другими офицерами. Нынѣ на разсвѣтѣ пришелъ сюда и авангардъ дивизіи Козенца. И мы, а еще больше горожане, опасались за то, какъ пройдетъ ночь, потому что Монтелеоне всего лишь въ двухъ часахъ пути отъ Милето, а неаполитанцы въ числѣ 10,000 человѣкъ еще находились въ Монтелеоне, какъ мы слышали. Поэтому всѣ мы (человѣкъ 50) просидѣли ночь вмѣстѣ на главной площади, имѣя подлѣ себя свое оружіе. Мы не ожидали нападенія, но все-таки считали нужнымъ соблюсти предосторожность. Приходъ нѣсколькихъ сотъ нашихъ солдатъ на разсвѣтѣ окончательно успокоилъ городъ.

«Здѣшній народъ племя красивое, отъ природы бойкое и умное. Его восторгъ безпредѣленъ. Нѣкоторые изъ жителей берутся за оружіе съ охотою и владѣютъ имъ искусно. Священники почти всѣ на нашей сторонѣ, только Милетскій епископъ, получившій свое мѣсто дурными происками, скрылся. Милетская эпархія даетъ своему епископу 24,000 дукатовъ (25,000 руб. сер.) дохода. Представьте же себѣ, что въ однихъ континентальныхъ земляхъ неаполитанскаго королевства считается 22 архіепископа и вдвое бо̀льшее количество епископовъ.»

«Монтелеоне, 12 часовъ дня.

«Гарибальди славится быстротою движеній, но даже и онъ не можетъ догнать неаполитанцевъ. Онъ прибылъ въ Милето въ шесть часовъ утра и немедленно послалъ свою конную свиту въ Монтелеоне. Разстояніе тутъ всего шесть миль; но дорога идетъ въ гору и мы ѣхали два часа. Ни на дорогѣ, ни въ самомъ Монтелеоне не встрѣтили мы никакихъ другихъ слѣдовъ непріятеля, кромѣ несчастныхъ солдатъ, разбѣжавшихся изъ-подъ знаменъ и бродящихъ теперь повсюду. Они просятъ милостыню у жителей. Просили они милостыни и у насъ, — мы давали имъ, потому что они дѣйствительно жалки. Карлино (11 коп. сер.), даваемый каждому изъ нихъ на дневное содержаніе общинами, черезъ которыя они проходятъ, едва достаточенъ на покупку хлѣба. Менѣе симпатіи возбуждаютъ неаполитанскіе офицеры разбѣжавшихся войскъ, бродящіе около нашего лагеря въ своихъ мундирахъ, гордящіеся ими передъ нашими фланелевыми блузами и не видящіе ничего постыднаго въ своемъ поведеніи, въ поведеніи людей, не думавшихъ ни о присягѣ, ни о патріотизмѣ, а заботившихся только о своей личной выгодѣ. Въ восемь часовъ утра нынѣ было еще 8,000 неаполитанцевъ въ Монтелеоне. Генералъ Віале, какъ я уже говорилъ, отказался отъ команды, услышавъ объ убійствѣ Бриганти, и начальство надъ войсками принялъ генералъ Гіо. 3,000 человѣкъ изъ корпуса, бывшаго въ Монтелеоне, уже бросили свои знамена вчера вечеромъ и нынѣ ночью, но у генерала Гіо еще оставалось 8,000 человѣкъ съ четырьмя горными орудіями и баттареей полевыхъ орудій, когда онъ вышелъ въ Пиццо. Въ настоящую минуту находится онъ въ Анчитолѣ. За Анчитолой въ Филадельфіи онъ встрѣтитъ барона Стокко съ калабрійскими инсургентами, которыхъ собралось тамъ, говорятъ, до 8,000 человѣкъ изъ освободившихся округовъ Козенцскаго и Катанцарскаго. Неаполитанцы желаютъ заключить капитуляцію для того, чтобы инсургенты пропустили ихъ. Вообразите себѣ, что регулярное войско, имѣющее кавалерію и артиллерію, не можетъ пробиться сквозь толпы недисциплинированныхъ и плохо вооруженныхъ лю-

дей, которымъ не уступаетъ по своему числу! Горожане увѣряютъ меня, что на пути отъ Монтелеоне до Пиццо изъ дивизіи Гіо разошлась большая часть солдатъ, такъ что остались подъ знаменами только 2,000 человѣкъ. Неаполитанская армія таетъ какъ снѣгъ отъ широкко, и Гарибальди не будетъ терять времени. Изъ Монтелеоне намъ видно, что онъ собралъ въ Пиццо 12 пароходовъ. Вѣроятно они назначены везти войска въ Неаполь».

«*Козенца, 31 августа.*

«Привилегированное положеніе журнальнаго корреспондента, находящагося при штабѣ Гарибальди, вовсе не такъ легко, какъ могутъ полагать люди, живущіе у себя дома. Сигнальная труба въ три часа утра поднимаетъ насъ съ постели, которой обыкновенно служитъ намъ голая земля. Мы должны выѣзжать въ четыре часа еще при звѣздахъ и мѣсяцѣ, но рѣдко успѣваемъ управиться съ отъѣздомъ раньше пяти часовъ, когда уже всходитъ солнце. Офицеры у Гарибальди сами должны быть своими грумами, потому что солдаты, назначенные къ нимъ въ ординарцы или въ прислужники, еще не имѣютъ лошадей и не могутъ успѣвать за ними. Сами офицеры должны чистить, кормить, поить, сѣдлать и взнуздывать своихъ лошадей,—рѣшительно всѣ офицеры и генералы, кромѣ только одного Гарибальди, за лошадью котораго, по доброй волѣ, съ гордостью ухаживаютъ двое изъ любимыхъ его офицеровъ, Трекки и Паджи (вспомните, что Трекки человѣкъ богатый и знатный, бывшій адъютантомъ у короля Виктора Эммануэля). Фуражъ надобно носить для лошадей очень изъ далека, на водопой надобно бываетъ водить ихъ иногда за цѣлую милю. Кромѣ этого надобно осматривать, не требуетъ ли починки сбруя, крѣпки ли подковы; кузнецовъ и шорниковъ надобно отыскивать Богъ-знаетъ-гдѣ. Во всемъ этомъ проходитъ много времени. Наконецъ садится въ сѣдло Гарибальди, выѣзжаетъ, и тутъ бросаются всѣ приготовительные хлопоты и каждый плетется за нимъ по мѣрѣ возможности, потому что Гарибальди никого не ждетъ. Мы ѣдемъ раннимъ утромъ часа три-четыре; часовъ въ десять или въ одинадцать останавливаемся на отдыхъ въ какой нибудь деревнѣ или въ лѣсу, гдѣ долго приходится намъ ждать нѣсколькихъ кусковъ сухаго хлѣба и засохшаго сыра, и гдѣ часто не бываетъ ничего кромѣ бурьяна для нашихъ лошадей; въ три или четыре часа вечера, мы опять двигаемся впередъ; голодные, усталые, ѣдемъ до сумерекъ, и тутъ на новомъ ночлегѣ напрягаемъ всю силу соображенія, чтобы управиться какъ нибудь съ новыми трудностями и неудобствами. Жаръ и пыль ужасны, потому что лѣто было чрезвычайно знойно, какъ рѣдко бываетъ по словамъ жителей даже

въ этой полутропической странѣ, и въ послѣдніе три мѣсяца не выпало ни капли дождя. Но иногда, въ видѣ исключенія, мы попадаемъ на княжескія квартиры, останавливаемся въ домѣ какого нибудь интенданта, или знатнаго господина, въ порядочномъ городѣ, и тутъ, покрытые дорожной пылью, ужинаемъ съ шампанскимъ, или имѣемъ завтракъ изъ роскошнѣйшихъ блюдъ. У каждаго изъ насъ весь багажъ въ карманахъ или за сѣдломъ. У немногихъ изъ насъ есть въ запасѣ рубашка, другимъ нѣтъ возможности перемѣнить бѣлья; а на бо́льшей части нѣтъ и вовсе никакого бѣлья: красная фланелевая рубашка служитъ вмѣстѣ и бѣльемъ и верхнимъ платьемъ. Мои перчатки, единственныя перчатки въ цѣлой свитѣ Гарибальди, служатъ предметомъ безчисленныхъ сарказмовъ. Вода почти вездѣ составляетъ чрезвычайную рѣдкость. Рѣдко кому изъ насъ удается умыться; а ванна только предметъ несбыточныхъ мечтаній. Наши скудные запасы необходимѣйшихъ вещей, фляжки съ водкой, мѣшечки съ табакомъ, имѣютъ порочную наклонность теряться, а мы имѣемъ даръ обходиться безъ всего, чего нельзя достать, забывать о надобности въ вещахъ, теряемыхъ нами, и переносить все съ діогеновскимъ самоотреченіемъ, хладнокровіемъ и душевнымъ веселіемъ. Но не имѣютъ этого дара наши терпѣливыя, умѣренныя въ желаніяхъ, но неразумныя лошади, думающія, что не подъ силу имъ ѣхать по 25 или 30 миль въ день по страшному зною, удушающей пыли, при слишкомъ скудномъ фуражѣ. Онѣ бредутъ и молчатъ, но смотрятъ уныло, какъ существа погибшія, и готовы упасть на каждомъ шагу, отъ перваго своего утренняго шага до послѣдняго вечерняго. Моя бѣдная лошадь жестоко хромаетъ; для спасенія ея ногъ и своей шеи я долженъ сводить ее за поводъ по здѣшнимъ длиннѣйшимъ спускамъ. У самаго Гарибальди есть два отличныхъ скакуна, но у насъ у всѣхъ только по одному несчастному коню, который служитъ для своего всадника причиной безконечныхъ хлопотъ и досадъ. Но мы переносимъ всѣ эти непріятности весело: вы не услышите ни одной жалобы, и наши бѣды составляютъ только отличнѣйшія темы для безконечныхъ шутокъ. Любопытное зрѣлище для васъ представили бы наши почернѣвшія лица и щетинистыя бороды, набитыя пылью. Но мы ѣдемъ и ѣдемъ. Мы гонимся за неаполитанцами, не давая имъ опомниться.

«Мы выѣхали изъ Рольяно нынѣ въ четыре часа вечера и пріѣхали въ Козенцу послѣ четырехъ-часовой ѣзды (*). Тутъ мы нашли все взрослое населеніе ближней Калабріи, вооружившееся и

(*) Козенца, имѣющая 12,000 жителей, главный городъ ближней Калабріи. Рольяно лежитъ въ 18-ти верстахъ отъ нея на югъ.

сошедшееся встрѣчать насъ. Всѣ улицы города, ярко иллюминованныя, были покрыты вооруженными толпами. Гарибальди съ нами идетъ далеко впереди своего войска, и у него нѣтъ подъ рукою никакихъ силъ, кромѣ этихъ инсургентовъ; судя по виду этихъ рослыхъ, здоровыхъ горцевъ, они могутъ замѣнить всякое войско. Правда, они вооружены только охотничьими ружьями, а многіе только пиками или вилами и топорами, но огромное большинство ихъ воодушевлено, повидимому, большимъ мужествомъ. Вамъ кажется, будто бы не осталось ни одного мужчины дома въ этихъ мѣстахъ и каждый мужчина хорошій воинъ. Да, возстаетъ все калабрійское племя, это племя, которое всегда было для Бурбоновъ страшнѣе всего остальнаго населенія. И если бы вы посмотрѣли, съ какою заботливою нѣжностью, не говоря уже о дикой радости, бѣшеномъ энтузіазмѣ, встрѣчаютъ храбрые калабрійцы Гарибальди! И не къ нему только бросаются они съ восторгомъ, — они обнимаютъ и цалуютъ насъ всѣхъ, наше платье, нашихъ лошадей. Они готовы были бы сдѣлать Богъ знаетъ что, лишь бы какъ нибудь услужить намъ; они хлопочатъ о насъ страшно, но проку намъ изъ этого мало: они рѣшительно не знаютъ вещей, которыхъ мы просимъ у нихъ и не знаютъ, какъ исполнить наши желанія. Одинъ хватаетъ поводъ моей лошади, передаетъ его другому, другой третьему и т. д., и наконецъ я не знаю, гдѣ мнѣ отыскать мою лошадь. Меня ведутъ въ конюшню; нѣтъ, конюшня не тутъ, она въ противоположной сторонѣ: ведутъ меня туда, потомъ опять назадъ; но по немногу дѣло устраивается. Теперь надобно помѣстить меня самого, на ночь. Меня рвутъ изъ рукъ въ руки и добрякъ, отбившій меня у другихъ, ведетъ меня за полъ-мили отъ штабной квартиры и отъ конюшни, гдѣ поставлена моя лошадь. Онъ готовитъ мнѣ постель, которой я предпочитаю голый полъ; предлагаетъ мнѣ чашку вина, чтобы выпить, и тоже только одну чашку воды, чтобы умыться; затворяетъ окно, отворяемое мною, увѣряя, что я получу смертельную лихорадку отъ ночной росы; я не слушаю его предостереженія, отворяю окно; онъ ждетъ, пока я усну, и запираетъ окно, — я скоро чувствую это по страшной духотѣ его грязной комнаты. Но ужинъ у него обиленъ; утромъ даютъ мнѣ кофе; мой хозяинъ и жена его не спали всю ночь, прислушиваясь, хорошо ли мнѣ спать.»

«Козенца, 1 сентября.

«Гарибальди выѣзжаетъ отсюда въ обыкновенное свое время, въ 5 часовъ, и думаетъ добраться нынѣ до Кастровиллари, въ 50-ти миляхъ отсюда. Штабъ его ожидалъ отдохнуть здѣсь, по крайней мѣрѣ дня три, быть можетъ цѣлую недѣлю. Приказъ идти впередъ пора-

ждалъ всѣхъ насъ, потому что ни у одного изъ насъ лошадь не могла уже пройти мили. Взявъ съ собою нѣсколько человѣкъ въ коляску, онъ уѣхалъ въ 5 часовъ утра. Мы, — майоръ Кальдези, я и адъютантъ генерала Сирттори,—бродили по городу до 10 часовъ, отыскивая какого нибудь экипажа. У адъютанта были важныя депеши, потому мы наконецъ взяли карету и лошадей архіепископа и сію минуту уѣзжаемъ.

«Тарсіа, часъ дня.

«Гарибальди остановился въ Тарсіи (*). Онъ приказываетъ своему штабу, подъ начальствомъ полковника Паджи, идти легкими переходами впереди его колонны, а самъ, съ нѣсколькими своими адъютантами, хочетъ ѣхать въ Неаполь въ почтовыхъ экипажахъ. Планы его начинаютъ нѣсколько проясняться для меня. Докторъ Бертани, недавно сдѣланный генераломъ, высадился съ 4,000 человѣкъ новыхъ волонтеровъ изъ сѣверной Италіи въ Паолѣ, ближайшей къ Козенцѣ гавани. Бертани видѣлся вчера съ Гарибальди въ Козенцѣ. Гарибальди послалъ нынѣ утромъ генерала Тюрра въ Паолу принять команду надъ прибывшими туда войсками, а самого Бертани взялъ къ себѣ въ коляску. Тюрръ, посадивъ волонтеровъ Бертани опять на корабли, долженъ перевезти ихъ моремъ въ Сапри (**), потому что королевскія войска, какъ мы слышимъ, сосредоточиваются около Салерно. Вѣроятно, и почти всѣ остальныя наши силы будутъ отправлены моремъ и лишь небольшая часть войска пойдетъ сухимъ путемъ.»

«Кастровиллари, 11 часовъ вечера.

«Я чрезвычайно боялся, что отстану отъ Гарибальди, не найду средства ѣхать рядомъ съ нимъ, при быстротѣ его поѣздки. Но я успѣлъ даже опередить его. Въ Тарсіи онъ разстался почти со всѣми офицерами своего штаба, взявъ съ собою лишь Козенца, Сиртори, Трекки и нѣсколько другихъ. Мнѣ не нашлось мѣста въ ихъ экипажѣ, и я былъ предоставленъ собственнымъ средствамъ. Къ счастію, я встрѣтился съ полковникомъ Пирдомъ, извѣстнымъ подъ именемъ гарибальдіевскаго англичанина (***). Мы наняли ословъ и, не остана-

(*) Деревня, верстахъ въ 30 отъ Козенцы, на сѣверъ.

(**) Сапри лежитъ близь Салерно, верстахъ въ 80 отъ Неаполя.

(***) Пирдъ—фамилія того знаменитаго англичанина, который находился при отрядѣ Гарибальди въ прошлогоднюю кампанію и неотлучно слѣдуетъ за Гарибальди съ самаго начала сицилійскаго похода. Онъ не хочетъ принимать на себя никакой команды, остается простымъ волонтеромъ, не смотря на свой полковническій чинъ. Пирдъ—одинъ изъ лучшихъ стрѣлковъ въ цѣлой Англіи; и говорятъ, будто бы ни разу не дѣлалъ онъ промаха во всѣхъ стычкахъ прошлогодней и нынѣшней кампаніи.

вливаясь ни на минуту, пріѣхали въ Кастровиллари даже нѣсколько раньше Гарибальди, отдыхавшаго на дорогѣ. Въ дворцѣ интенданта мы превосходно поужинали съ другими офицерами; но самъ Гарибальди, подъ предлогомъ усталости, поспѣшилъ уклониться отъ церемоній.»

«Лагонегро (*), 3 сентября, часъ ночи.

«Мы ѣдемъ съ такою поспѣшностью и такими неудобствами, что едва успѣваемъ глядѣть на великолѣпные пейзажи южной Италіи. Благодаря нашимъ друзьямъ, мы съ полковникомъ Пирдомъ ѣдемъ на одинъ или на два часа впереди Гарибальди. Отъ Кастровиллари дорога поднимается по извилистому, очень высокому дефиле, вершина котораго служитъ границею между Ближнею Калабріею и Базиликатою. Это дефиле, подобно многимъ другимъ по дорогѣ проѣханной нами, почти неприступно; а единственная дорога изъ Южной Италіи къ Неаполю,—та приморская дорога, по которой ѣхали мы. Еслибы хотя горсть людей стала защищать эти дефиле одно за другимъ, то на цѣлые мѣсяцы она остановила бы армію, очень сильную. Но неаполитанцы и не пытались задерживать насъ. Мы находили всѣ эти дефиле въ рукахъ вооруженнаго населенія, которое повсюду встрѣчало насъ музыкою и торжественными криками. Поселяне говорили намъ, что отъ 12 до 15 тысячъ неаполитанцевъ находятся въ Салерно, съ сильнымъ авангардомъ въ Эболи (**). Но они увѣряли насъ, что въ Базиликатѣ вооружилось не менѣе 30,000 человѣкъ и что въ самой Салернской провинціи возстаніе господствуетъ до самой Салы (***), гдѣ назначены временное правительство и продиктаторъ. Замѣтьте, что Базиликатская провинція не ждала прибытія Гарибальди, чтобы возстать. Въ Кастровиллари было поднято трехцвѣтное знамя въ тотъ самый день, когда Миссори съ 250 человѣкъ высадился въ Баньярѣ, 19 августа. А наканунѣ того произошла стычка между жителями Потенцы, столицы этой провинціи, и стоявшими тамъ конными жандармами; въ стычкѣ этой съ обѣихъ сторонъ было по нѣскольку человѣкъ убитыхъ и раненныхъ, и кончилась она побѣдою патріотовъ, которые немедленно занялись организаціею всей провинціи. Словомъ сказать, населеніе Базиликаты рѣшилось не отстать отъ калабрійцевъ и отъ албанскихъ волонтеровъ Южной Италіи, считаемыхъ однимъ изъ самыхъ мужественныхъ племенъ въ цѣломъ королевствѣ и въ своемъ усердіи обѣщавшихъ Гари-

---

(*) Въ Базиликатѣ, на границѣ Ближняго Принчипато или Салернской провинціи.

(**) Верстахъ въ 30 на югъ отъ Салерно.

(***) Верстахъ въ 60 на югъ отъ Эболи.

бальди, что «албанскій батальонъ будетъ имѣть славу первымъ вступить въ Неаполь». Жители Базиликаты хотятъ оспаривать у нихъ эту честь; а жители Салернской провинціи, ближайшіе сосѣди Неаполя, высказываютъ такое же усердіе. Вообще образъ дѣйствій неаполитанскаго народа изумляетъ насъ. Правда и то, что довольно имѣютъ они причинъ, возбуждающихъ мужество въ нихъ. Съ кѣмъ вы ни встрѣтитесь, каждый разскажетъ вамъ какое нибудь притѣсненіе, жертвою котораго былъ онъ или кто нибудь изъ его друзей. Вотъ этотъ священникъ десять лѣтъ былъ въ каторжной работѣ, а у этого молодаго человѣка отецъ былъ изгнанникомъ съ самаго 1848 года. Какая длинная Иліада преслѣдованій, изгнаній, наказаній, наглыхъ обидъ, злоупотребленія власти обнаруживается теперь!

«Отъ Реджо до Козенцы, отъ Козенцы до Лагонегро, по всей дорогѣ мы встрѣчали толпы жалкихъ королевскихъ солдатъ, расходящихся изъ-подъ своихъ знаменъ. Прискорбно и унизительно смотрѣть на нихъ. Нашъ походъ едва ли не первый случай въ исторіи, когда побѣдители шли рядомъ съ побѣжденными, безъ всякаго враждебнаго чувства, безъ всякаго желанія вредить и безъ всякой возможности помочь побѣжденнымъ. Страшно смотрѣть на то, какимъ лишеніямъ подвергаются разсѣявшіеся неаполитанскіе солдаты; съ каждымъ шагомъ растетъ ихъ число и растетъ нужда, тяготѣющая надъ ними. Мы на своемъ пути перегнали не менѣе 25,000 этихъ бѣглецовъ. Бросивъ ружья, они идутъ босые, почти нагіе, — обувь и одежду они продали, чтобы купить себѣ хлѣба; изнеможенные, голодные, тащатся они подъ знойнымъ солнцемъ, падаютъ отъ усталости отдохнуть гдѣ попало, не разбирая мѣста, лежатъ въ болотахъ, съ которыхъ не встанутъ они уже безъ лихорадки. Когда проѣзжаешь мимо ихъ, они просятъ милостыни рыданіями или нѣмымъ жестомъ, которымъ показываютъ лаццарони свой голодъ — они подносятъ пальцы ко рту. Они обращаются съ просьбами къ синдикамъ и другимъ городскимъ и сельскимъ начальствамъ по дорогѣ; но отъ одного города или села до другаго здѣсь часто бываетъ цѣлыхъ десять или пятнадцать миль, да и средства, изъ которыхъ сначала давалась имъ помощь селами и городами, теперь истощены, и поневолѣ должны начальства отказывать этимъ несчастнымъ. Гарибальди долженъ продовольствовать свое войско, да и не возможно было бы ему ничего сдѣлать для этихъ жалкихъ людей, потому что они разбрелись по дорогѣ на огромное пространство. Секретарь его даетъ піастръ каждому изъ нихъ, который подходитъ къ его коляскѣ. Но эта помощь — капля воды, бросаемая въ огромный пожаръ. Нѣтъ сомнѣнія, что множество изъ этихъ людей погибнутъ. Но кротость южно-итальянскаго характера видна въ ихъ судьбѣ. Стали ли бы

такъ терпѣливо ждать голодной смерти дезертеры какой нибудь другой арміи, наприм. хоть англійской? — они стали бы грабить; а я до сихъ поръ не слышалъ ни объ одномъ насиліи, совершенномъ этими несчастными людьми, не слышалъ также, чтобъ и жители встрѣтили сурово хотя одного изъ нихъ. Имъ помогаютъ, сколько могутъ, но не въ силахъ помочь, и они должны погибать. Въ Кастельнуччіо мы вдругъ увидѣли себя среди множества вооруженныхъ королевскихъ солдатъ; всѣ узкія улицы городка были загромождены ихъ лошадями и пушками. Это была бригада генерала Кальдарелли, сдавшаяся въ Козенцѣ возставшимъ жителямъ и получившая отъ нихъ дозволеніе отступать къ Салерно со всѣми военными почестями. По условіямъ капитуляціи былъ опредѣленъ ихъ маршрутъ, назначено, когда они должны прійдти въ какой городъ. Но еслибъ они соблюдали назначенные сроки марша, они были бы уже въ Салерно. Здѣсь ихъ осталось подъ знаменами только полторы тысячи человѣкъ. Кастельнуччіо, небольшой городокъ, едва ли имѣющій 300 человѣкъ національной гвардіи; она, конечно, не могла бы бороться съ этимъ хорошо вооруженнымъ отрядомъ. Насъ испугала мысль, что черезъ часъ станетъ проѣзжать черезъ этотъ городъ Гарибальди, имѣя при себѣ всего только восемь человѣкъ спутниковъ, что ему надобно будетъ перемѣнять здѣсь лошадей, что онъ будетъ во власти людей, которые нѣсколько дней тому назадъ еще хотѣли сражаться съ нимъ. Наши опасенія увеличились, когда неаполитанскіе офицеры стали подходить къ намъ и отъ своего имени и отъ имени своего генерала стали спрашивать, когда пріѣдетъ сюда Гарибальди. Нѣкоторые изъ горожанъ увѣряли насъ, что Кальдарелли ужаснѣйшій реакціонеръ, и что двое изъ его офицеровъ потихоньку заряжаютъ пистолеты. Убійство Гарибальди измѣнило бы теперь всю судьбу Италіи, а убійца получилъ бы щедрыя награды. Въ безпокойствѣ, мы послали, одного за другимъ, двухъ конныхъ людей увѣдомить генерала Козенца о положеніи дѣлъ въ Кастельнуччіо и о нашихъ опасеніяхъ. Мы шептали національнымъ гвардейцамъ, чтобы они были какъ можно внимательнѣе и отважнѣе, выѣхали изъ города и, пріѣхавъ въ Лаврію, послали въ Кастельнуччіо 300 человѣкъ вооруженныхъ жителей на подкрѣпленіе національной гвардіи. До десяти часовъ вечера мы ждали въ Лавріи извѣстій и съ радостью услышали, что Гарибальди остановился въ Ротондѣ, не доѣзжая до Кастельнуччіо. Изъ Ротонды онъ послалъ Трекки и другаго офицера къ Кальдарелли спросить, по какимъ причинамъ нарушилъ онъ капитуляцію и отсталъ отъ своего маршрута цѣлыми тремя днями. Онъ приказывалъ Кальдарелли немедленно идти въ Лаврію и Лагонегро. Кальдарелли оправдывалъ свое промедленіе недостаткомъ провизіи и уста-

лостью своихъ солдатъ; съ тѣмъ вмѣстѣ онъ выразилъ желаніе передать на службу Гарибальди свою бригаду, которую описывалъ какъ войско еще сохранившее организацію; онъ увѣрялъ, что самъ онъ и его офицеры патріоты въ душѣ и желаютъ сражаться за національное дѣло. Отвѣтъ свой онъ заключалъ тѣмъ, что тотчасъ же исполнитъ приказъ Гарибальди о немедленномъ выступленіи и подписался такъ: «вѣрный подданный Виктора-Эммануэля и Гарибальди». Успокоенные этими извѣстіями и прибытіемъ колонны Кальдарелли въ Лаврію, мы поѣхали изъ Лавріи дальше въ Лагонегро.»

«Лагонегро, 3 сентября. 9 часовъ утра.

«Трекки съ своими товарищами прибылъ сюда. Гарибальди выѣхалъ изъ Ротонды и ѣдетъ сюда по горнымъ дорогамъ, чтобы миновать встрѣчи съ бригадою Кальдарелли, которая стоитъ здѣсь. Генералъ Тюрръ, высадившійся вчера въ Сапри съ 2,500 человѣкъ, будетъ здѣсь черезъ нѣсколько часовъ. Гарибальди, кажется, не совсѣмъ вѣритъ Кальдарелли и его войскамъ, но хочетъ чтобы они шли въ авангардѣ, чтобы видѣть, какъ они будутъ себя держать передъ непріятелемъ.»

«Аулетта (*). 4 сентября.

«Мы пріѣхали сюда вчера изъ Лагонегро на почтовыхъ. Насъ очень забавляло, какъ принимаютъ за Гарибальди полковника Пирда по его длинной бородѣ и калабрійской шляпѣ. Напрасно старается онъ устранить восторженныя встрѣчи, объясняя, кто онъ. Народъ говоритъ, что Гарибальди ѣдетъ инкогнито, но что они узнаютъ его по портретамъ. Полковникъ долженъ покоряться и принимать почести. Но извѣстіе о дѣйствительномъ прибытіи Гарибальди на аванпосты, конечно, еще болѣе усилитъ энтузіазмъ народа, отовсюду сходящагося сюда съ оружіемъ, и смятеніе въ королевскихъ войскахъ. Они уже отступили изъ Эболи и толпятся вокругъ Салерно; они упали духомъ и дисциплина между ними исчезаетъ. Говорятъ, что ими командуютъ Боско и Піанелли.»

«Неаполь, 7 сентября.

«Высадившись близь Реджо, Гарибальди тогда же объявилъ, что онъ будетъ присутствовать въ Неаполѣ на праздникѣ Piè di Grotta, 8 сентября. Слыша это, мудрые люди пожимали плечами; одно уже разстояніе между Реджо и Неаполемъ доказывало пустоту такого хвастовства. А между тѣмъ вотъ мы, офицеры свиты Гарибальди, ѣдущіе впереди его, уже пріѣхали въ Неаполь наканунѣ 8 сентября, и самъ Гарибалди по всей вѣроятности будетъ здѣсь нынѣ же, а

(*) Аулетта лежитъ верстахъ въ 80-ти на югъ отъ Салерно.

завтра дѣйствительно займетъ мѣсто въ полурелигіозной, полувоенной церемоніи праздника.

«Мы съ полковникомъ Пирдомъ, какъ предшественники Гарибальди, заняли Салерно вчера въ четыре часа утра. Въ Салерно, какъ и прежде въ Эболи, мы взяли въ свою власть телеграфъ и ускорили неизбѣжную катастрофу—сообщеніемъ неаполитанскому двору извѣстій о приближеніи Гарибальди, сообщеніемъ Гарибальди извѣстій о положеніи непріятеля.

«Услышавъ, что 12-тысячный корпусъ королевскихъ войскъ стоитъ въ Ночерѣ, въ 8 миляхъ къ сѣверу отъ Салерно, мы поѣхали въ Ла-Каву, находящуюся между Салерно и Ночерою; два батальона, составлявшіе неаполитанскій авангардъ, только-что вышли изъ Ла-Кавы. Мы пріѣхали туда въ коляскѣ маркиза Атенольфи, патріота и одного изъ здѣшнихъ вельможъ. Появленіе полковника Пирда произвело свой обыкновенный эффектъ. Напрасно мы убѣждали народъ, что полковникъ Пирдъ не Гарибальди: народъ не хотѣлъ ничего слушать, говорилъ, что понимаетъ причины, по которымъ онъ хочетъ сохранять инкогнито, обѣщалъ «хранить тайну» и предавался восторгу. Если судить о чувствахъ его по крику, то Гарибальди избавляетъ страну, достойную избавленія. Радость, выказываемую массами въ Ла-Кавѣ, какъ и въ Салерно, какъ и во всѣхъ гоородахъ и селахъ между Реджо и Неаполемъ, нельзя назвать иначе, какъ восторгомъ, доходящимъ до помѣшательства.

«Остановившись въ Ла-Кавѣ, мы узнали, что 12-тысячный корпусъ, стоявшій въ Ночерѣ, готовится отступать снова, что иностранныя войска отказываются сражаться, что въ столицѣ все такъ же распалось, какъ и въ провинціяхъ. Съ этими извѣстіями мы поѣхали назадъ въ Салерно и въ шестомъ часу вечера присоединились къ длинному ряду экипажей, двигавшихся на встрѣчу Гарибальди. Онъ выѣхалъ изъ Аулетты нынѣ утромъ, остановился въ Эболи, и узнавъ тамъ о положеніи дѣлъ изъ телеграммъ, присланныхъ нами и генераломъ Траполли, прибывшимъ въ Салерно черезъ нѣсколько часовъ послѣ насъ, отправился въ Салерно. Вмѣстѣ съ нимъ мы пріѣхали въ Салерно среди тучи пыли, какая можетъ подниматься только въ южной Италіи послѣ четырехмѣсячной засухи, и кое-какъ пробрались въ интендантскій дворецъ черезъ восторженную толпу, которой не могла удержать національная гвардія. Посмотрѣвъ на эту бурную сцену, мы опять выѣхали изъ Салерно въ Ла-Каву, думая доѣхать до Неаполя въ тотъ же вечеръ. Но потомъ мы разсудили отдохнуть нѣсколько часовъ и пріѣхали въ столицу нынѣ съ пер-

вымъ утреннимъ поѣздомъ желѣзной дороги (*). Ходъ дѣлъ ускорялся съ прогрессивной быстротой: въ первые дни неаполитанской кампаніи Гарибальди и его офицеры шли пѣшкомъ; потомъ ѣхали верхомъ, когда добыли себѣ верховыхъ лошадей; измучивъ ихъ, поѣхали въ частныхъ экипажахъ, потомъ проѣхали еще скорѣе на почтовыхъ лошадяхъ, а конецъ пути проѣхали въ вагонахъ.

«На каждой изъ многочисленныхъ станцій желѣзной дороги мы находили толпы убитыхъ духомъ дезертеровъ. Мы видѣли ихъ, сотнями и тысячами покидающихъ громадныя казармы и форты, которые непрерывною линіею тянутся по благодатной долинѣ Кампаніи. Король уѣхалъ изъ столицы въ четыре часа вечера на испанскомъ фрегатѣ въ Гаэту, приказавъ арміи идти туда. Солдаты идутъ по мѣрѣ силъ и желаній; но они совершенно разстроены и едва ли дойдутъ они до Гаэты хотя въ такомъ числѣ и въ такомъ духѣ, чтобы могли защищаться даже за стѣнами этой крѣпости. А между тѣмъ всѣ посты въ столицѣ еще заняты по прежнему солдатами. Но національная гвардія господствуетъ въ городѣ и приняла на себя охраненіе порядка. Столица начинаетъ оживать и дѣйствовать. Экипажи, наполненные молодыми людьми, держащими трехцвѣтныя итальянскія знамена съ савойскимъ крестомъ, скачутъ по Толедской улицѣ среди оглушительныхъ криковъ «viva Garibaldi!» Комитетъ «Порядка», состоящій изъ умѣренныхъ патріотовъ высшихъ сословій, послалъ депутацію изъ 80 почетныхъ лицъ въ Салерно съ приглашеніемъ Гарибальди вступить въ столицу, а Комитетъ «Дѣйствія» и «Единства», состоящій изъ революціонеровъ, давно уже старается склонить диктатора на свою сторону. И здѣсь, какъ въ Сициліи, населеніе раздѣлено на двѣ враждебныя партіи: одну составляютъ приверженцы немедленнаго присоединенія, люди склонные къ уступкамъ; другую приверженцы полнаго единства, пренебрегающіе всѣми дипломатическими соображеніями, стремящіеся соединить всю Италію исключительно силою народнаго движенія, не останавливающіеся тѣмъ, что планъ ихъ можетъ довести до войны съ французами въ Римѣ и съ австрійцами въ Венеціи. Представителемъ первой партіи въ Сициліи былъ Ла-Фарина, глава ея Кавуръ, а въ Неаполѣ предводителями ея служатъ неаполитанскіе изгнанники, проникнутые такъ называемыми піэмонтскими идеями и пріѣхавшіе сюда изъ Турина и Флоренціи: д'Айола, Пизанелли, Беллетти, Белла, Спавента, Леопарди и другіе. Вторая партія называетъ своимъ главою доктора Бертани, снаряжавшаго экспедиціи, а предво-

(*) Желѣзная дорога идетъ отъ Неаполя до Віэтри, небольшаго города, лежащаго подлѣ Салерно.

дители ея въ Неаполѣ—Риччарди, Агрести, Либертини и другія менѣе извѣстныя лица демократическаго, если не республиканскаго направленія; теперь они отказываются отъ товарищества съ Мадцини, но прежде принадлежали къ его обществу, да и нынѣ въ значительной степени раздѣляютъ его идеи.

«Обѣ эти партіи говорятъ, что имѣютъ одну цѣль — соединеніе или единство Италіи подъ властью Виктора-Эммануэля Савойскаго. Но умѣренные хотятъ идти къ этой цѣли постепенно, тѣми способами, какіе кажутся возможными для нихъ. Какъ они по вступленіи Гарибальди въ Палермо совѣтовали немедленно присоединить Сицилію къ сѣверно-итальянскому королевству, такъ теперь, по освобожденіи Неаполя, они думаютъ, что надобно немедленно присоединить весь югъ къ сѣверному королевству. Революціонеры, напротивъ того, хотя и дѣйствуютъ именемъ Виктора-Эммануэля и хотятъ короновать его государемъ всего полуострова, но считаютъ нужнымъ удержать завоеванныя ими провинціи подъ управленіемъ избранныхъ ими диктаторовъ или продиктаторовъ до той поры, когда вся итальянская территорія станетъ совершенно свободна, и представители всей націи, собравшись въ естественной, вѣчной столицѣ Италіи, Римѣ, приступятъ къ коронаціи государя, выбраннаго всеобщимъ согласіемъ.

«Теоретическія воззрѣнія, въ которыхъ расходятся эти партіи, въ сущности подчинены особеннымъ понятіямъ каждой изъ нихъ о томъ, что возможно и осуществимо; но къ различію понятій примѣшиваются страсти и предразсудки, личные интересы и честолюбіе, такъ что онѣ взводятъ одна на другую горькія обвиненія. Бертани и его друзья революціонеры, ободренные удивительнымъ успѣхомъ Гарибальди, упрекаютъ Кавура и его кабинетъ въ недовѣріи къ счастію и къ талантамъ этого полководца; винятъ министерство Кавура въ томъ, что оно помѣшало задуманному Гарибальди нападенію на Мархіи и Умбрію въ прошедшую осень, — помѣшало этому вторженію, которое освободило бы южную Италію еще въ прошломъ году; они винятъ Кавура за то, что онъ не помогалъ Гарибальди при высадкѣ въ Сицилію, не помогалъ и во все время его похода, столь счастливо кончившагося теперь; они увѣрены, что успѣхъ, сопровождавшій Гарибальди до сихъ поръ, такъ же неизмѣнно будетъ сопровождать его въ борьбѣ съ Ламорисьеромъ и даже съ Австріею или Франціею, хотя бы Австрія и Франція соединили свои силы. Они утверждаютъ, что итальянская нація можетъ достичь своей цѣли—освободить Римъ и Венецію, несмотря на сопротивленіе всѣхъ европейскихъ державъ, думая, что сопротивленіе всѣхъ державъ будетъ слабо, потому что симпатія

Европы на сторонѣ итальянцевъ, благодаря справедливости итальянскаго дѣла и генію Гарибальди. Бертани и его друзья владѣютъ сердцемъ Гарибальди, — это фактъ, который напрасно было бы отрицать. Они почти исключительно окружаютъ Гарибальди, поддерживаютъ въ немъ чувство неудовольствія на Кавура, напоминаютъ ему о томъ, какъ бездушно пожертвовалъ сардинскій министръ родиною Гарибальди, Ниццею, съ какою неумѣстной рѣзкостью онъ оскорбилъ Гарибальди въ туринскомъ парламентѣ; они говорятъ объ ошибкахъ піэмонтскаго правительства, которое могло бы сдѣлать такъ много и сдѣлало такъ мало для сицилійской экспедиціи, и говорятъ, что они преданы исключительно одному только королю и не хотятъ имѣть никакихъ сношеній съ его нынѣшними совѣтниками.

«Разумѣется само собою, въ чемъ состоятъ возраженія умѣренной партіи. Она говоритъ, что, уступая Ниццу, Кавуръ дѣйствовалъ по требованію необходимости, которому уступали всѣ разсудительные патріоты; что онъ тайно помогалъ сицилійской и калабрійской экспедиціямъ всѣми средствами, какія дозволялись ему международнымъ правомъ; что помощи болѣе сильной онъ не могъ оказывать, не подвергаясь войнѣ съ Австріею, а быть можетъ и съ Франціею, — войнѣ, къ которой Италія не была готова; что присоединеніе Неаполя къ сѣверной Италіи, если только можетъ оно совершиться съ согласія Европы, болѣе или менѣе неблагопріятной ему, должно въ настоящую минуту удовлетворить патріотовъ, потому что оно дастъ странѣ время организоваться, откроетъ ей возможность впослѣдствіи, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, объявить свои права на Римъ и на Венецію.

«Долгое и тѣсное знакомство мое почти со всѣми офицерами Гарибальди убѣждаетъ меня, что всѣ они раздѣляютъ понятія крайней партіи, недопускающей уступокъ; я не имѣю сомнѣнія и въ томъ, что ихъ принципы въ сущности приняты самимъ Гарибальди. Вчера были посланы на встрѣчу ему два депутата отъ Комитета «Порядка»; эти депутаты, докторъ Томмази и профессоръ Пивіа, личные друзья Гарибальди, встрѣтили его въ Аулеттѣ и провожали его въ Эболи и Салерно. Имъ было поручено умолять диктатора именемъ умѣренной партіи, чтобы онъ немедленно присоединилъ Неаполь и Сицилію къ сѣверно-итальянскому королевству. Гарибальди принялъ депутатовъ съ обыкновенною своею деликатностью и привѣтливостью, но изложилъ имъ намѣренія, вовсе не согласныя съ мыслями ихъ партіи. Онъ выразилъ полную увѣренность въ совершенномъ успѣхѣ всего своего плана; онъ сказалъ, что самъ Наполеонъ не въ силахъ бороться съ Италіею и съ непопулярностью, которую подняло противъ него во Франціи сопротивленіе итальянскому дѣлу; онъ

говорилъ о графѣ Кавурѣ въ рѣзкихъ выраженіяхъ, такъ что видно было, какъ проникся онъ понятіями доктора (нынѣ генерала) Бертани. Томмази и Пивіа возвратились очень унылые.

«Не одними отвлеченными принципами возбуждаются громкія жалобы умѣренной партіи. Въ континентальныхъ провинціяхъ, какъ и въ Сициліи, продиктаторами и другими правителями назначены и назначаются люди, о которыхъ умѣренная партія говоритъ очень дурно. По ея словамъ, Гарибальди, не зная людей, выбираетъ все только креатуръ Бертани, и страна попадаетъ во власть лицъ, не имѣющихъ ни способностей, ни хорошей репутаціи. Умѣренная партія жалуется, что въ этой революціи «всплываетъ на верхъ дурная пѣна» (какъ будто революція можетъ обойтись безъ того), и предсказываетъ, что временное правительство не облегчитъ, а лишь увеличитъ анархію, которая составляла самую дурную черту павшаго правительства.

«Я только излагаю вамъ положеніе и мысли партій, рѣшительно не принимая на себя смѣлости судить о томъ, которая изъ нихъ ошибается. Я полагаю, что ихъ несогласія окажутся гораздо менѣе важными, нежели какъ представляется той и другой изъ нихъ, и что ни та, ни другая не можетъ такъ повредить дѣлу, какъ говорятъ ея противники. Довѣріе всей націи къ Виктору-Эммануэлю и къ Гарибальди не колеблется и не поколеблется; и если бы Виктора-Эммануэля убѣдили немедленно пріѣхать въ Неаполь, безъ графа Кавура, или взять въ свои совѣтники по неаполитанскимъ дѣламъ Ратацци и другихъ людей оппозиціонной партіи, вражда которыхъ съ Кавуромъ началась недавно и, быть можетъ, не непримирима, то я увѣренъ, что событія могли бы идти, не производя безвозвратной ссоры между честными патріотами разныхъ партій.»

«Часъ дня.

«Гарибальди пріѣхалъ изъ Салерно по желѣзной дорогѣ. Городъ кипитъ бѣшенымъ восторгомъ.

«8 сентября, утро.

«Городъ отдыхаетъ послѣ ночи, проведенной въ политическомъ карнавалѣ (*).

«Королевскія войска въ сущности еще владѣютъ городомъ. Четыре баталіона стрѣлковъ еще стоятъ въ своихъ казармахъ; форты Сантъ-Эльмо, Нуово, дель-Кармине и делль-Уово еще заняты гарнизонами, поставленными въ нихъ королемъ. Гарибальди правитъ только силою своего имени, имѣя защитниками лишь нѣсколько человѣкъ своихъ штабныхъ офицеровъ и національную гвардію. Но

(*) Мы пропускаемъ описаніе народнаго торжества.

вчера вечеромъ совершилось великое торжество. Весь неаполитанскій флотъ (кромѣ одного фрегата «Партенопа») стоитъ въ гавани; онъ поднялъ итальянскій флагъ и отдался подъ команду адмирала Персано, уже нѣсколько дней находящагося въ неаполитанской гавани съ тремя сардинскими фрегатами. Не сомнѣваются, что скоро послѣдуетъ этому примѣру и «Партенопа», которая ушла отсюда чинить свою машину. Говорятъ, что моряки проникнуты превосходнымъ духомъ. Такимъ образомъ, всѣ успокоились за судьбу флота, который король хотѣлъ послать въ Тріэстъ, чтобы отдать его австрійцамъ.»

«12 часовъ дня.

«Гарибальди успѣлъ назначить правительство для неаполитанскаго королевства. Комитеты «Порядка» и «Дѣйствія» или по крайней мѣрѣ нѣкоторые члены ихъ съ одобренія диктатора назначили общую временную коммиссію для охраненія общественнаго спокойствія. Она состояла изъ семи членовъ; трое (Риччарди, Либертини и Агрести) принадлежали къ крайней партіи; трое (Колонна, Караччоли и Пицинелли) къ умѣренной; седьмой членъ, Конфорти, считается человѣкомъ нейтральнымъ. Эти семь человѣкъ, видѣвшись съ Гарибальди, приняли на себя имя и власть временнаго правительства и издали декретъ, назначавшій Гарибальди диктаторомъ неаполитанскаго королевства. Раздраженный этою нелѣпою претензіею, Гарибальди велѣлъ арестовать ихъ, но скоро потомъ освободилъ, какъ людей, не вѣдавшихъ, что творятъ, и поручилъ генералу Козенцу составить министерство.»

Въ дополненіе къ этому разсказу, приведемъ теперь изъ писемъ другаго корреспондента Times'а очеркъ положенія дѣлъ въ столицѣ въ послѣдніе дни передъ прибытіемъ туда Гарибальди.

«Неаполь, 3 сентября.

«Приближается послѣдняя сцена послѣдняго акта. Скипетръ видимо выпадаетъ изъ рукъ Франциска II и черезъ нѣсколько дней, быть можетъ черезъ нѣсколько часовъ, онъ перестанетъ царствовать. Положеніе дѣлъ таково, что при Францискѣ невозможно стало никакое управленіе. Выгода отъ сохраненія нынѣшняго министерства та, что переходъ будетъ спокоенъ. Генералъ Кутрофіано прислалъ министрамъ свою отставку, выражая надежду, что теперь они возьмутъ назадъ свою отставку. Національная гвардія прислала къ нимъ новую депутацію съ объясненіемъ, что если они не останутся въ своихъ должностяхъ, то въ Неаполѣ произойдетъ возстаніе. Но мини-

стры нашли, что сохранять власть было бы несовмѣстно съ ихъ репутаціею и снова просили письменнымъ образомъ объ отставкѣ. «Насъ называютъ измѣнниками, говорили они: мы имѣемъ противъ себя войско и не пользуемся довѣріемъ государя. Правда, что насъ поддерживаетъ національная гвардія и народъ, что мы скорѣе министры ихъ, нежели короля; но это не согласно съ принципами конституціи, и потому мы настоятельно просимъ ваше величество избрать переходное министерство. Притомъ же мы не хотимъ вести войну противъ Гарибальди и его приверженцевъ, потому что она была бы совершенно безполезна.» Такимъ образомъ Франциску II остается только или уѣхать, или видѣть возстаніе. Въ воскресенье поутру (2 сентября) министры собрались въ залѣ совѣта и ждали какого нибудь рѣшенія отъ короля, но ничего не дождались. Черезъ нѣсколько часовъ король пригласилъ къ себѣ де-Мартино и просилъ его составить новое министерство. Но де-Мартино отказался и король съ огорченіемъ вскричалъ: «Итакъ всѣ меня покидаютъ!» Въ такомъ положеніи оставались дѣла 2 числа вечеромъ. Ясно, что министры, сохраняя власть, не надѣятся и не думаютъ дѣлать ничего, кромѣ того какъ поддерживать порядокъ до прибытія Гарибальди. Для нихъ, какъ и для всѣхъ въ Неаполѣ, очевидно, что дѣло кончено; что единственная услуга, какую могутъ оказать они теперь отечеству, состоитъ въ томъ, чтобы по возможности облегчить переходъ. Городъ полагаетъ, что министерскій кризисъ прекратился; поэтому въ субботу и въ воскресенье улицы были иллюминованы и стѣны покрыты афишами, оканчивающимися восклицаніемъ: «да здравствуетъ Гарибальди! да здравствуетъ Романо!» Не возможно безъ жалости смотрѣть на положеніе Франциска II. Родственники и придворные, погубившіе его своими совѣтами, измѣнили ему, и онъ теперь сидитъ во дворцѣ одинъ. А подъ окнами дворца толпы съ радостью читаютъ депеши изъ лагеря его непріятеля, быстро приближающагося; а близь дворца стоитъ домъ посланника короля, который, называя его «любезнымъ братомъ», дѣлалъ все, что могъ, чтобы лишить его престола.»

«4 сентября.

«Всю ночь съ воскресенья на понедѣльникъ (со 2 на 3 сентября) шлюбки перевозили на испанскіе корабли королевское имущество; но король все еще держится мысли стать во главѣ арміи, хотя оборона—вещь уже невозможная. Войска сосредоточиваются въ столицѣ; стѣны Castello del Carmine укрѣпляются мѣшками съ пескомъ. Графы Трани и Трапани, братья короля, и князь Искителла, командиръ національной гвардіи, подали въ отставку, но король не принялъ ихъ просьбъ. Онъ вчера хотѣлъ призвать въ столицу изъ провинцій не

только войска, но и жандармскіе отряды; министры отказались контрасигнировать эти распоряженія. Неаполитанскій флотъ объявилъ, что не пойдетъ изъ здѣшней гавани. Эта рѣшимость была вынуждена у моряковъ намѣреніемъ короля отдать свой флотъ Австріи».

«Неаполь, 5 сентября.

«Семимильные сапоги вѣроятно опять вошли въ моду, и у Гарибальди должна быть пара такихъ сапогъ. Нѣсколько дней тому назадъ онъ былъ въ Фаро, а по послѣднимъ извѣстіямъ находится уже близь Салерно. Его походъ былъ непрерывною тріумфальною процессіею. Война не представляла ему на неаполитанскомъ континентѣ суровыхъ своихъ сторонъ; его повсюду встрѣчали съ цвѣтами и съ слезами радости. Самый непоколебимый реакціонеръ, кажется, броситъ свою шпагу при видѣ его. Постоянно приходятъ все новыя войска въ столицу, и народъ боится, что они станутъ сражаться или грабить, или вмѣстѣ сражаться и грабить. Дѣйствительно, сраженіе послужило бы для нихъ только предлогомъ къ грабежу, а къ серьёзной битвѣ они не способны. Вчера утромъ какой-то генералъ, кажется Піанелли, былъ у короля и объяснилъ ему, что онъ не можетъ разсчитывать на свои войска. Если это Піанелли, то надобно сказать, что онъ цѣлый годъ говорилъ королю о ненадежномъ состояніи войскъ. Національная гвардія обращалась къ его величеству съ просьбою, чтобы онъ принесъ послѣднюю жертву — уѣхалъ изъ столицы. Третьяго дня вечеромъ король рѣшился уѣхать немедленно, но въ полночь отложилъ свою поѣздку.

«Бригады Боско и фонъ-Михеля получили приказаніе отступить изъ Салерно, который теперь открытъ для непріятеля. Теперь обороняться можно было бы только въ самой столицѣ; но я не ожидаю битвы. Напротивъ, я жду, что вступленіе Гарибальди будетъ праздникомъ».

«Неаполь, 6 сентября.

«Король, о которомъ уже нѣсколько дней говорятъ ежеминутно, что онъ уѣзжаетъ, все еще не уѣхалъ. Ему тяжело разстаться съ дворцомъ своихъ предковъ! Предлогомъ для отсрочки служитъ теперь нездоровье королевы; но отъѣздъ его неизбѣженъ, и когда я буду отправлять къ вамъ это письмо, Франциска уже не будетъ въ столицѣ. Его генералы имѣли у него аудіенцію вчера утромъ и прямо сказали ему то же, что наканунѣ говорили адмиралы и флотскіе офицеры; они сказали ему, что его величество не можетъ уже разсчитывать на свои войска. Услышавъ это, король послалъ за командирами національной гвардіи и говорилъ съ ними въ такихъ выраженіяхъ, что нѣкоторые изъ нихъ были тронуты до слезъ. Но

я должевъ напомнить вамъ, что неаполитанцу не трудно быть растроганымъ до слезъ. Король благодарилъ національную гвардію за ея образъ дѣйствій, сказалъ, что онъ велѣлъ войскамъ не наносить вреда столицѣ, сказалъ, «вашъ и нашъ донъ Пеппино уже у воротъ Неаполя», и объявилъ, что удаляется по условію, заключенному съ дипломатами. Еслибъ онъ удержался отъ своей шутки о донѣ Пеппино, его рѣчь произвела бы больше впечатлѣнія. Министры предлагали учредить регентство, но король не согласился; онъ оставляетъ верховную власть въ рукахъ государственнаго совѣта и приказываетъ министрамъ не уѣзжать изъ Неаполя. Король черезъ посредство министровъ потребовалъ, чтобы государственное казначейство передало въ Гаэтскую военную кассу 220,000 дукатовъ и въ Капуанскую военную кассу 40,000 дукатовъ на содержаніе войскъ. Едва ли онъ получитъ эти деньги; едва ли останется у него и войско, на содержаніе котораго онъ требуетъ ихъ.

«Вчера уѣхалъ изъ Неаполя генералъ Піанелли, обвиняемый королемъ въ предательствѣ, но оставившій по себѣ въ общемъ мнѣніи безупречную репутацію вѣрности королю, конституціи и народу. Въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ онъ честно говорилъ королю о дурномъ состояніи войска, о деморализующемъ вліяніи системы, столь долго господствовавшей въ Неаполѣ; и если войско не защищаетъ короля въ минуту опасности, винить въ томъ надобно не измѣну Піанелли, а дурные совѣты Нунціанте и другихъ, которыхъ слушался король. Піанелли принялъ званіе военнаго министра съ тѣмъ условіемъ, чтобы имѣть полную власть надъ войскомъ, но не дальше какъ черезъ нѣсколько часовъ онъ увидѣлъ, что дворъ распоряжается войскомъ мимо его, что родственники короля посылаютъ солдатъ по улицамъ Неаполя для возбужденія реакціи. Дѣло короля было погублено самимъ королемъ и его друзьями.

«Съ самаго утра всѣ ждали отъѣзда короля. Толпы стояли вокругъ дворца и около арсенала, смотря на приготовленія къ отъѣзду. Вдругъ я услышалъ женскіе крики и мольбы. Я бросился къ окну своей комнаты и увидѣлъ толпу простолюдинокъ, тѣснившихся въ сосѣднюю церковь. — Что это такое? «Мадонна, спаси короля!» повторяли они съ рыданіями. «Мадонна Санта-Лучіанская плачетъ; крупныя капли слезъ катятся по ея лицу, — Мадонна, спаси короля!» Вся площадь волновалась, и разсказъ о плачущей Мадоннѣ могъ бы произвести мятежъ; но войска и національная гвардія скоро пришли на площадь и возстановили порядокъ, отчасти силой, отчасти убѣжденіями. Разсказъ о чудномъ плачѣ былъ придуманъ моимъ сосѣдомъ, главнымъ священникомъ Санта-Лучіанской церкви. Увидѣвъ, что его хитрость открыта, онъ сѣлъ въ карету и

хотѣлъ уѣхать, но былъ арестованъ. Въ полдень городъ узналъ, что король положительно уѣзжаетъ нынѣ вечеромъ. Министры явились проститься съ его величествомъ; испанскій пароходъ давно уже развелъ пары, и передъ наступленіемъ ночи послѣдній изъ Бурбоновъ простился съ своею столицею.

(Тутъ корреспондентъ Times'а сообщаетъ прокламацію и протестъ, обнародованные Францискомъ II при его отъѣздѣ. Документы эти были переведены въ нашихъ газетахъ. Въ тоже время префектъ полиціи издалъ прокламацію, въ которой совѣтовалъ народу сохранить тишину до прибытія Гарибальди. Но, замѣчаетъ корреспондентъ, увѣщанія эти были излишни.)

«Народъ держитъ себя такъ, что, кажется, не нужно было бы никакихъ предосторожностей. Городъ совершенно спокоенъ, и единственный шумъ, какой слышу я — пѣсни рыбаковъ изъ предмѣстья Санта-Лучіи, проходящихъ мимо моего окна. Я рѣшительно не знаю, чему надобно больше удивляться: быстрому ли торжеству Гарибальди, или совершенному спокойствію и тишинѣ народа. Король выѣхалъ нынѣ изъ столицы, а въ городѣ не замѣтно ничего особеннаго: театры открыты, у дворцовыхъ воротъ стоятъ часовые и каждый занимается своимъ обыкновеннымъ дѣломъ. Я былъ нынѣ вечеромъ на Толедской улицѣ и смотрѣлъ, какъ идутъ изъ города войска. Народъ стоялъ по обѣ сторонѣ улицы, но не было произнесено ни одного оскорбительнаго слова, не было сдѣлано никѣмъ движенія, отъ котораго могъ бы нарушиться порядокъ. Чѣмъ объясняется такое чудо?

«Слава Гарибальди, бывшая великою и во отдаленіи, принимаетъ гигантскіе размѣры по мѣрѣ его приближенія къ Неаполю. Нѣсколько дней тому назадъ онъ былъ въ Феро, вечеромъ 5 числа прибылъ въ Эболе; нынѣ утромъ, 6 сентября, онъ прибылъ въ Салерно почти только съ однимъ адъютантомъ, въѣхалъ въ домъ интенданта и вышелъ на балконъ съ Піэмонтскимъ флагомъ въ рукѣ къ народу, восторженно встрѣтившему его. Онъ обѣдалъ въ Ла-Кава, и я оставляю его тамъ до слѣдующаго утра. Замѣчу вамъ только одно объ этомъ необыкновенномъ человѣкѣ, умѣющемъ одушевлять всѣхъ своихъ спутниковъ энергіею, которою проникнутъ самъ: три дня сряду проходилъ онъ по 40 миль (65 верстъ) въ день съ войсками, которыя получали только хлѣбъ съ небольшимъ количествомъ вина. Несмотря на это, армія его находится въ хорошемъ состояніи, по словамъ англійскихъ офицеровъ, пріѣхавшихъ изъ нея. Салерно, разумѣется, очищенъ королевскими войсками, отступившими въ Ночеру. Иностранныя войска дерутся между собою. Дано приказаніе сосредото-

чить всѣ ихъ въ Капуѣ и Гаэтѣ. Но я полагаю, что и они скоро объявятъ, что переходятъ къ Виктору Эммануэлю».

7 сентября.

«Гарибальди у насъ въ Неаполѣ,—гораздо раньше, чѣмъ мы ждали. Онъ шелъ нѣсколько дней сряду по 45 миль въ день, какъ сказалъ мнѣ нынѣ одинъ изъ его спутниковъ. Вчера онъ прибылъ въ Салерно и, разумѣется, былъ встрѣченъ блистательнѣйшимъ образомъ. «Быть можетъ онъ придетъ сюда къ празднику Pie di Grotta (8 сентября)», говорили нѣкоторые; но я былъ удивленъ, когда одинъ изъ моихъ друзей поутру сказалъ мнѣ, что онъ будетъ здѣсь черезъ часъ. Нечего было терять времени, и мы поѣхали на желѣзную дорогу. Народу на улицахъ было мало, на станціи не было никакихъ приготовленій къ встрѣчѣ; я думалъ, что мы ошиблись, но вовсе нѣтъ. Національная гвардія становилась у всѣхъ дверей на станціи, быстро являлись флаги. Комнаты были наполнены важнѣйшими людьми либеральной партіи Неаполя. Тутъ были всѣ члены комитета, столько мѣсяцевъ издававшаго свои таинственныя приказанія; новый командиръ національной гвардіи Айала, историкъ Леопарди. Множество англичанъ, въ томъ числѣ лордъ Льяноверъ, и нѣсколько дамъ,—дамъ было мало, потому что все еще ожидали какихъ нибудь безпорядковъ на улицахъ. Я стоялъ подлѣ священника, бывшаго президентомъ временнаго правительства въ Лечче и разсказывавшаго множество анекдотовъ о Гарибальди, котораго онъ хорошо зналъ въ Римѣ. Но что же замедлилъ диктаторъ? Уже половина одинадцатаго, а его все еще нѣтъ. Наконецъ звонитъ колокольчикъ, приближается поѣздъ, поднимается оглушительный крикъ «viva», —но нѣтъ, это не герой: поѣздъ привезъ Баварскихъ солдатъ, перешедшихъ на сторону побѣдителя. Наконецъ бьетъ 12 часовъ, опять звонитъ колокольчикъ и издалека подается сигналъ, что ѣдетъ Гарибальди. «viva Garibaldi!» кричатъ тысячи голосовъ и поѣздъ останавливается. Выходятъ нѣсколько человѣкъ въ красныхъ блузахъ, ихъ схватываютъ, обнимаютъ, цалуютъ съ безпощадностью, которой отличается итальянская горячность. Былъ тутъ господинъ пожилыхъ лѣтъ, котораго по бородѣ приняли за Гарибальди и обнимали такъ, что не знаю, остался ли онъ въ живыхъ. Но самъ Гарибальди обошелъ кругомъ, черезъ другую дверь, и когда замѣтили это, бросились ловить его. Мы объѣхали кругомъ по переулкамъ къ церкви Santa-Maria del Carmine и, благодаря этой ловкой мысли, выѣхали на встрѣчу диктатору. Я узналъ его съ перваго взгляда, по величію и прямодушію, выражающемуся на его лицѣ, и былъ пораженъ его спокойнымъ самообладаніемъ и чрезвычайною мягкостью его улыбки. Онъ ѣхалъ въ наемномъ экипажѣ. Окруженный тысячами

народа, оглушаемый его криками, онъ проѣхалъ мимо королевскаго дворца, лишь за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ покинутаго Францискомъ, и остановился во дворцѣ, назначенномъ для пріема иностранныхъ государей. Толпа волновалась и требовала, чтобы Гарибальди вышелъ къ ней. На балконѣ явилась одна красная блуза, потомъ другая, наконецъ Гарибальди. Какой крикъ поднялся тутъ! Говорить было невозможно. Гарибальди облокотился на рѣшетку и внимательно смотрѣлъ на толпу, наконецъ сталъ дѣлать рукою знаки, что хочетъ говорить. Долго народъ не могъ удержаться отъ криковъ, но черезъ нѣсколько времени водворилось совершенное молчаніе. «Неаполитанцы!» сказалъ онъ звучнымъ и твердымъ голосомъ: «нынѣ торжественный, святой, вѣчно памятный день. Нынѣ вы сдѣлались свободнымъ народомъ. Благодарю васъ отъ имени всей Италіи. Вы совершили великое дѣло не для одной Италіи, но для всего человѣчества. Да здравствуетъ свобода! да здравствуетъ Италія!»

«Восклицаніе было повторено безчисленными голосами; много любопытнаго представляла собравшаяся толпа: въ ней былъ легіонъ амазонокъ, числомъ до 200, одѣтыхъ въ гарибальдіевскій мундиръ: эти женщины поклялись стать въ первомъ ряду національной гвардіи, если войска нападутъ на городъ; тутъ были священники съ трехцвѣтными перевязями и съ трехцвѣтными знаменами, были монахи съ ружьями на плечахъ, были сотни лаццарони съ пиками, которыми запаслись они для защиты баррикадъ, въ случаѣ нападенія войскъ. Я замѣтилъ, что Гарибальди не упомянулъ ни однимъ словомъ объ Викторѣ-Эммануэлѣ, замѣтилъ также, что и на улицахъ рѣдко кричали что нибудь, кромѣ «да здравствуетъ Гарибальди! да здравствуетъ Италія!» Вошедши во дворецъ и въ залу, гдѣ принималъ Гарибальди, я увидѣлъ, что онъ даетъ аудіенцію венеціанскимъ депутатамъ. «У насъ все готово и организовано, генералъ, и мы нетерпѣливо ждемъ минуты, когда начать».—«У васъ не можетъ быть больше нетерпѣнія, чѣмъ у меня», отвѣчалъ онъ имъ».

ОБЩІЙ ОЧЕРКЪ ХОДА СОБЫТІЙ ВЪ ЮЖНОЙ И СРЕДНЕЙ ИТАЛІИ.

Несмотря на сказочные успѣхи Гарибальди въ Сициліи, намѣреніе его перенести войну на континентъ представлялось планомъ чрезвычайно рискованнымъ. Послѣ всѣхъ потерь, понесенныхъ королевскими войсками въ Палермо и при Мелаццо, у Франциска II оставалось еще отъ 80 до 100 тысячъ войска. Прежніе неаполитанскіе генералы были люди неспособные, но уже выдвигались на пер-

ный планъ другіе командиры, считавшіеся хорошими генералами; напримѣръ Боско и фонъ-Михель. Какова бы ни была боевая годность собственно неаполитанскихъ солдатъ, въ ихъ арміи находилось нѣсколько тысячъ нѣмецкихъ наемниковъ, буйныхъ, но очень храбрыхъ. Одинъ этотъ иностранный корпусъ имѣлъ силу, повидимому слишкомъ достаточную для отраженія волонтеровъ Гарибальди. Да и между самими неаполитанскими солдатами находилось нѣсколько полковъ, которыхъ нельзя было подозрѣвать въ неохотѣ сражаться. Таковы были, между прочимъ, гвардейскіе полки. Такимъ образомъ, если и не считать ни за что бо́льшую половину неаполитанской арміи, все-таки оставалось въ ней отъ 20 до 30 тысячъ войска, казавшагося очень надежнымъ. У Гарибальди всѣ силы едва-ли простирались до такой цифры. Значительную часть ихъ онъ долженъ былъ оставить для охраненія Сициліи и никакъ не могъ переправить на материкъ больше 15,000. Изъ этихъ 15,000 двѣ трети составляли новобранцы, слишкомъ мало пригодные къ серьёзнымъ битвамъ: 4 или 5 тысячъ человѣкъ, никакъ не больше, должны были бы выносить на себѣ всю тяжесть сраженій. Слишкомъ сомнительно было, чтобы такая горсть людей, какою бы храбростью она ни отличалась, могла устоять противъ надежныхъ неаполитанскихъ войскъ, въ пять или въ шесть разъ многочисленнѣйшихъ и имѣющихъ за собою еще десятки тысячъ солдатъ, которые при первомъ успѣхѣ своихъ товарищей такъ же укрѣпились бы духомъ, бросились бы задавить ничтожнаго непріятеля. Поэтому до самаго послѣдняго акта борьбы такіе люди, какъ Уллоа и Боско, находили, что лишь бы только представилась имъ возможность сразиться, Гарибальди былъ бы подавленъ. Нѣтъ нужды, что онъ уже прошелъ бо́льшую часть королевства,—въ нѣсколько дней могли быть возвращены подъ власть Франциска II не только континентальныя провинціи, но и самая Сицилія. Такъ думали неаполитанскіе генералы, когда онъ приближался уже къ Салерно. Дѣйствительно, онъ не былъ пораженъ только потому, что не успѣвали они удержать войскъ на мѣстѣ до встрѣчи съ нимъ. У неаполитанскихъ солдатъ не поднимались на него руки; они поспѣшно двигались назадъ, лишь только слышали, что онъ подходитъ, и на отступленіи разбѣгались толпами. Войны не было, былъ только рядъ капитуляцій. Тутъ повторилось, только въ противоположномъ смыслѣ, то самое, что было въ 1821 и 1823 годахъ въ Испаніи при движеніи французовъ на помощь Фердинанду VII и въ Неаполѣ при движеніи австрійцевъ на помощь Фердинанду I. Весь успѣхъ Гарибальди произошелъ лишь отъ того, что онъ умѣлъ предвидѣть это.

Мы представили подробные разсказы корреспондентовъ Times'а о важнѣйшихъ сторонахъ неаполитанской катастрофы, о

дѣйствіяхъ Гарибальди и о событіяхъ, происходившихъ въ столицѣ королевства въ послѣдніе дни передъ его прибытіемъ. Намъ остается только дать краткій общій очеркъ, съ которымъ читатель могъ бы связать эти подробности.

Весь южный конецъ западнаго берега Калабріи покрытъ множествомъ маленькихъ фортовъ, находящихся въ связи между собою. Неаполитанское правительство всегда считало эту границу своихъ континентальныхъ владѣній самою слабою частью своихъ границъ и давно укрѣпило ее. Кромѣ фортовъ, континентальный берегъ пролива былъ защищаемъ флотомъ, бороться съ которымъ Гарибальди не имѣлъ никакихъ средствъ. Поэтому, рѣшившись сдѣлать высадку, онъ имѣлъ только тотъ шансъ успѣха, что какой нибудь хитростью обманетъ непріятеля. Хитрость удалась ему и здѣсь, точно такъ же, какъ подъ Палермо. Онъ дѣлалъ серьёзнѣйшія приготовленія на сѣверо-восточномъ углу Сициліи, на мысѣ Фаро, показывая видъ, что, несмотря на форты и на флотъ, хочетъ переправиться въ проливѣ и собственно въ самомъ узкомъ мѣстѣ, у сѣверо-западнаго конца пролива, съ мыса Фаро прямо къ фортамъ Шиллѣ или Фіумарскому. Истинный планъ свой онъ умѣлъ сохранить въ такой глубокой тайнѣ, что даже его штабъ вѣрилъ серьёзности приготовленій, дѣлавшихся на мысѣ Фаро. Да и въ самомъ дѣлѣ, какъ было не вѣрить? — Всѣ его перевозочныя средства состояли, повидимому, только въ рыбацкихъ лодкахъ, на которыхъ нельзя пускаться въ открытое море. Ясно было, что онъ можетъ думать о переправѣ лишь въ такомъ мѣстѣ, гдѣ съ одного берега виденъ другой. Все вниманіе неаполитанцевъ, какъ и вниманіе собственныхъ его офицеровъ, было сосредоточено на проливѣ. Но что же дѣлалъ онъ между тѣмъ? Въ сраженіи при Милаццо участвовала лишь одна изъ его дивизій, бывшая въ авангардѣ; другія дивизіи, далеко отставшія отъ нея, шли къ Мессинѣ за тѣмъ, чтобы сосредоточиться, какъ всѣ думали, на мысѣ Фаро. Но августъ въ Сициліи чрезвычайно зноенъ; нельзя же было слишкомъ изнурять войска форсированными переходами, должны же были они послѣ нѣсколькихъ маршей останавливаться гдѣ нибудь для отдыха. Всѣ эти отдыхи и марши казались имѣющими значеніе лишь для разсчета времени, къ какому вся армія сосредоточится подъ Мессиною. Вотъ одной изъ дивизій, приближавшихся къ Мессинѣ, пришлось имѣть стоянку для отдыха въ Таорминѣ, на восточномъ берегу Сициліи, еще очень далеко и отъ Мессины и отъ пролива. Никто не думалъ ни объ этой дивизіи, ни о Таорминѣ. Да и какъ было думать? На восточномъ берегу Сициліи Гарибальди не имѣлъ никакихъ перевозочныхъ средствъ. Всѣ они собраны были на сѣверномъ берегу;

въ Палермо и въ Фаро. Путь изъ Палермо и Фаро на восточный берегъ острова идетъ черезъ проливъ, а проливъ былъ занятъ неаполитанскимъ флотомъ. Итакъ, дивизія, отдыхавшая въ Таорминѣ, могла найдти для себя суда или лодки только тогда, когда пройдетъ на сѣверный берегъ. Но вотъ, въ противность всякому правдоподобію, она явилась на континентѣ. Какъ могло это случиться? Для переправы черезъ открытое море, для переѣзда въ нѣсколько десятковъ верстъ не годились рыбацкія лодки; онѣ спокойно оставались у мыса Фаро, служа для неаполитанцевъ предметомъ внимательнаго наблюденія. Но пароходы Гарибальди безпрестанно разъѣзжали изъ Фаро въ Палермо, изъ Палермо въ Фаро; эти поѣздки нужны были для отправленія къ Мессинѣ новыхъ волонтеровъ, пріѣзжавшихъ въ Палермо. Однажды волонтеровъ было довольно много, оттого понадобилось для нихъ два парохода; итакъ выѣхали изъ Палермо два парохода. Ничего чрезвычайнаго тутъ не было; это бывало и прежде. Куда они поѣхали? Разумѣется, на западъ вдоль сѣвернаго берега къ Мессинѣ, какъ ѣздили уже много разъ. Но когда всѣ думали, что они отправились изъ Палермо, по обыкновенію, на западъ, они поплыли на востокъ, потомъ на югъ, объѣхали кругомъ всю Сицилію, явились у Таормины; въ нѣсколько часовъ посадилъ на нихъ Гарибальди стоявшую въ Таорминѣ дивизію и еще черезъ нѣсколько часовъ спокойно высаживался на такомъ пунктѣ Калабрійскаго берега, куда, по всѣмъ разсчетамъ, никакъ не могли переправиться его войска. Если бы хотя кому нибудь въ неаполитанскомъ флотѣ вздумалось ожидать такого маневра, все дѣло разстроилось бы: одного изъ многихъ военныхъ пароходовъ неаполитанскаго флота было достаточно, чтобы задержать всю экспедицію Гарибальди. Точно такъ же нѣсколькихъ пушекъ на берегу было бы довольно, чтобы заставить экспедицію вернуться назадъ. Но Гарибальди выбралъ такой пунктъ Калабрійскаго берега, на которомъ не встрѣтилъ ни малѣйшаго сопротивленія.

Всѣ неаполитанскія войска, находившіяся въ южной части Калабріи, были расположены по западному берегу, которому одному угрожала опасность, по мнѣнію ихъ генераловъ. Главныя силы были расположены въ той части западнаго берега, которая находится противъ пролива. Южнѣе того и на западномъ берегу было мало войскъ; а Гарибальди высадился на южномъ берегу, довольно далеко отъ западнаго. Эти мѣста казались находящимися внѣ всякой опасности, и войскъ по сосѣдству вовсе не было. Корпусъ Гарибальди, спокойно высадившись и нѣсколько отдохнувъ, двинулся на Реджо; служившій центральною позиціею королевскихъ войскъ въ южной Калабріи. Въ этомъ городѣ, имѣющемъ 15,000 жителей, находилось

менѣе тысячи королевскихъ солдатъ. Сопротивленіе было такъ безнадежно, что неаполитанскій командиръ не считалъ себя довольно сильнымъ для борьбы не только съ Гарибальди, но и съ горожанами: они своими угрозами заставили его выйдти за городъ. Нѣсколькихъ выстрѣловъ было достаточно, чтобы прогнать неаполитанцевъ въ цитадель, которая также сдалась черезъ нѣсколько часовъ. Эта первая стычка была единственною попыткою сопротивленія неаполитанскихъ войскъ до самаго вступленія Гарибальди въ Неаполь. Да и она была такъ ничтожна, что едва ли стоила волонтерамъ десятка убитыхъ; а далѣе Гарибальди уже не встрѣчалъ сопротивленія. Говорятъ, что до самаго занятія столицы онъ потерялъ только восемь человѣкъ убитыми и только 15 изъ его волонтеровъ были ранены. Почти всѣ они пострадали въ стычкѣ подъ Реджо. Въ числѣ убитыхъ тутъ находился французъ де-Флоттъ, потеря котораго опечалила всю армію волонтеровъ. Де-Флоттъ въ 1848 году былъ осужденъ на вѣчную ссылку за участіе въ іюньскомъ возстаніи. Ссылка была потомъ замѣнена изгнаніемъ, но онъ успѣлъ тайно пробраться во Францію и долго занималъ тамъ подъ фальшивымъ именемъ довольно важное мѣсто по управленію одною изъ желѣзныхъ дорогъ. Открывъ черезъ нѣсколько лѣтъ настоящее его имя, французская полиція не стала тревожить его. Услышавъ о приготовленіяхъ итальянцевъ къ сицилійской экспедиціи, онъ бросилъ свое обезпеченное положеніе и скоро пріобрѣлъ любовь Гарибальди замѣчательною храбростью и благородствомъ характера. Признательные итальянцы открыли теперь подписку на памятникъ ему.

Въ то самое время, какъ шла перестрѣлка подъ Реджо, переѣхали черезъ проливъ на Калабрійскій берегъ нѣсколько тысячъ волонтеровъ, стоявшихъ у Фаро. Неаполитанскіе пароходы ушли отъ Фаро на югъ помогать оборонѣ Реджо, и лодки собранныя въ Фаро воспользовались ихъ отсутствіемъ. Скоро этотъ корпусъ соединился съ тѣмъ, который сражался у Реджо. Линія фортовъ южнаго конца Калабріи не могла бы противиться волонтерамъ; одинъ за другимъ форты сдались безъ сопротивленія, и Гарибальди быстро двинулся на сѣверъ. Летучія колонны, составлявшія авангардъ неаполитанскихъ силъ, были обойдены имъ; солдаты ихъ сдались на капитуляцію или разбѣжались безъ всякихъ капитуляцій.

Всѣ королевскія войска расположены были по единственной дорогѣ, которая соединяетъ Неаполь съ южными провинціями. Дорога эта идетъ по западному прибрежью. Въ восточныхъ провинціяхъ находились лишь очень немногіе и очень слабые отряды, состоявшіе почти исключительно изъ конныхъ жандармовъ. Они не могли удерживать въ повиновеніи жителей, готовившихся поддержать Га-

рибальди, лишь только онъ высадится. Возстаніе началось въ восточной полосѣ королевства одновременно съ тѣмъ, какъ переправился въ Калабрію, недѣли за двѣ передъ высадкою самого Гарибальди, небольшой отрядъ волонтеровъ, скрывшійся во внутренность полуострова, въ ожиданіи главныхъ силъ. По взятіи Реджо, возстаніе охватило всю юговосточную часть королевства и тысячи инсургентовъ пошли на западъ, чтобы овладѣть прибрежною дорогою. Они захватывали безчисленныя дефиле этой единственной дороги; сообщенія между разными корпусами королевскихъ войскъ были прерваны, и тѣ отряды, которые не были принуждены положить оружіе, поспѣшно отступали, съ каждымъ днемъ уменьшаясь въ числѣ: солдаты разбѣгались изъ подъ знаменъ, или вовсе не встрѣчая непріятеля, или встрѣчая его лишь затѣмъ, чтобы принять капитуляцію. Гарибальди велъ на сѣверъ свое войско, простиравшееся до 10 или 12 тысячъ человѣкъ. Скоро увидѣлъ онъ, что неаполитанскія войска исчезаютъ съ его пути гораздо быстрѣе, чѣмъ могутъ идти его солдаты; онъ съ одними офицерами своего штаба поѣхалъ впереди своихъ колоннъ занимать ожидавшія его провинціи. Развѣ первую четверть пути до Неаполя онъ совершилъ съ войскомъ, остальныя три четверти совершилъ въ сопровожденіи только офицерской свиты своей, и въ самый Неаполь пріѣхалъ только съ 18 или 19 офицерами. На этомъ мы остановимся въ разсказѣ о его дѣйствіяхъ, и посмотримъ, что дѣлалось въ столицѣ королевства въ тѣ дни, когда онъ готовилъ высадку, и потомъ ѣхалъ, какъ будто мирный правитель, на почтовыхъ лошадяхъ и наконецъ въ вагонѣ.

Около двухъ мѣсяцевъ, съ послѣднихъ чиселъ іюня до половины августа, существовала въ Неаполѣ странная смѣсь конституціоннаго и придворнаго, либеральнаго и реакціоннаго правительствъ. Изъ того, что дѣлалось въ Неаполѣ, половина дѣлалась властью конституціоннаго министерства въ одномъ смыслѣ, другая половина въ совершенно противоположномъ смыслѣ дѣлалась силою прежнихъ людей, удержавшихся во многихъ важныхъ должностяхъ, особенно по военной части, и сохранявшихъ вліяніе на короля. Когда видно стало, что на дняхъ произойдетъ высадка Гарибальди и обнаружились признаки скораго возстанія въ восточныхъ провинціяхъ, реакціонная партія объявила королевство находящимся въ осадномъ положеніи (14 августа). Но всѣ предчувствовали, что скоро Гарибальди будетъ въ столицѣ; а когда онъ высадился, стали считать этотъ срокъ не недѣлями, а днями; потому осадное положеніе оставалось существующимъ лишь на бумагѣ. У реакціонеровъ не было ни солдатъ, ни даже офицеровъ. Они должны были бездѣйствовать, не находя исполнителей для распоряженій, которыя

желали бы принять. Партія сопротивленія съ каждымъ днемъ ослабѣвала, хотя ея приверженцы оставались на мѣстахъ, повидимому дававшихъ имъ полную власть: общественное мнѣніе съ такою увѣренностью твердило имъ: «вы ничего не можете сдѣлать», что у нихъ опускались руки. Они сами довели себя до такого положенія своею прежнею безразсудностью. Они видѣли себя не приготовленными къ борьбѣ, потому что слишкомъ привыкли къ безотвѣтности населенія.

Они такъ привыкли къ ней, что даже и теперь слишкомъ многіе изъ нихъ не понимали всей безнадежности своего положенія. Трудно повѣрить, что, въ виду приближающагося непріятеля, ненавидимые всѣми, они не перестали заниматься интригами другъ противъ друга, какъ будто бы продолжается положеніе дѣлъ, существовавшее годъ тому назадъ. Мы говорили нѣсколько разъ о планахъ составлявшихся начиною нынѣшняго короля во время болѣзни его отца для измѣненія порядка престолонаслѣдія, а по восшествіи Франциска II на престолъ для низверженія пасынка и провозглашенія королемъ графа Трани. Мы говорили, что было нѣсколько такихъ попытокъ даже въ послѣдніе мѣсяцы, когда Гарибальди уже овладѣвалъ Сициліею. Принужденная удалиться изъ Неаполя, вдовствующая королева продолжала заниматься прежними интригами; а въ послѣдніе дни своего царствованія Францискъ II нашелъ еще новаго соперника въ кругу своего семейства.

Дядя короля, графъ Аквильскій, постоянно одобрялъ систему, господствовавшую въ Неаполѣ; но когда послѣ высадки Гарибальди въ Сицилію заговорили въ Неаполѣ о конституціи, онъ вдругъ началъ горячо поддерживать это требованіе. Его сильнымъ настояніямъ въ послѣднемъ засѣданіи прежнего министерства болѣе всего обязаны были своею побѣдою люди, думавшіе лишить Гарибальди приверженцевъ въ Неаполѣ провозглашеніемъ конституціи: онъ убѣдилъ короля дать отставку прежнимъ министрамъ и составить конституціонный кабинетъ. Онъ же рекомендовалъ королю Либоріо Романо, либеральнѣйшаго изъ новыхъ правителей. Странна была такая перемѣна въ графѣ Аквильскомъ, но причины ея скоро прояснились. Дядя короля искалъ популярности, чтобы, воспользовавшись тяжелымъ положеніемъ своего племянника, стать на его мѣсто. Когда графу Аквильскому показалось, что онъ пріобрѣлъ расположеніе неаполитанцевъ своимъ конституціонизмомъ, онъ началъ приготовлять дворцовую революцію. Онъ составилъ себѣ толпу кондотьеровъ, которымъ давалъ по піастру въ день жалованья, которыхъ снабдилъ кинжалами, револьверами и ружьями. Для нихъ сшиты были мундиры національныхъ гвардейцевъ, чтобы, вмѣшавшись въ ряды на-

ціональной гвардіи, они тѣмъ легче могли увлечь ее за собою. Заготовлялись прокламаціи, провозглашавшія отстраненіе Франциска II отъ управленія дѣлами и регенство графа Аквильскаго. По данному сигналу вооруженные наемники графа должны были броситься ко дворцу и произвести переворотъ. Министерство узнало объ этомъ планѣ, и графъ Аквильскій самъ ускорилъ несчастную для него развязку, не умѣвъ до конца выдержать роли горячаго конституціониста. Однажды въ совѣтѣ министровъ онъ заговорилъ новымъ тономъ, требуя реакціонныхъ мѣръ и обвиняя конституціонныхъ министровъ въ измѣнѣ. Для собственной защиты они принуждены были высказать, что знаютъ его замыселъ, что измѣна, задумана не ими, а имъ; немедленно отправились къ королю и, раскрывъ ему дѣло, получили разрѣшеніе удалить заговорщика за предѣлы королевства. Напрасно графъ Аквильскій требовалъ свиданія съ своимъ племянникомъ: министры убѣдили короля отказать ему въ личныхъ объясненіяхъ и, черезъ нѣсколько часовъ, онъ принужденъ былъ отправиться во Францію. Необходимостью принять предосторожности противъ его замысла, многіе объясняютъ провозглашеніе осаднаго положенія, приписывая самимъ министрамъ эту мѣру, которую мы называли слѣдствіемъ внушеній реакціонной партіи. Такъ или иначе происходило дѣло, по своему собственному соображенію министры провозгласили осадное положеніе или подчинились въ этомъ случаѣ требованію Франциска II, конечно трудно сказать. Достовѣрно только то, что при тогдашнемъ расположеніи столицы реакціонная партія не могла воспользоваться этою мѣрою, которая обыкновенно бываетъ залогомъ ея торжества, и что сама эта партія раздѣлялась на враждебныя котеріи, строившія заговоры противъ короля то въ пользу его брата, то въ пользу одного изъ его дядей.

Впрочемъ и другой дядя короля, графъ Сиракузскій, думалъ, подобно вдовствующей королевѣ и графу Аквильскому, воспользоваться обстоятельствами для присвоенія власти. Онъ велъ свой замыселъ гораздо искуснѣе. Четыре мѣсяца тому назадъ, мы говорили о его знаменитомъ письмѣ къ королю. Выставляя себя либераломъ, онъ уже давно заискивалъ популярности; теперь, разсчитавъ, что ни отъ имени Франциска II, ни отъ собственнаго имени не можетъ онъ долго управлять Неаполемъ, потому что Неаполь скоро провозгласитъ королемъ Виктора-Эммануэля, онъ вступилъ въ сношенія съ туринскимъ министерствомъ. Интересы его сходились тутъ съ интересами графа Кавура: чтобы разъяснить это, мы должны сказать нѣсколько словъ объ отношеніяхъ Кавура къ Гарибальди. Общій очеркъ мы сдѣлаемъ ниже, а теперь упомянемъ о томъ, что нужно для объясненія хода дѣлъ въ столицѣ неаполитанскаго королевства.

При вражде́ своей къ Гарибальди, графъ Кавуръ всячески старался, чтобы дѣло кончилось до появленія его въ Неаполѣ. Къ этому представлялись два пути: убѣдить Франциска II уѣхать изъ Неаполя, когда Гарибальди былъ еще далеко, или произвести въ Неаполѣ возстаніе. Въ томъ и другомъ случаѣ была надежда, что приверженцы немедленнаго присоединенія одержатъ верхъ надъ партіею Гарибальди и передадутъ столицу подъ власть сардинскаго министерства прежде, чѣмъ успѣетъ явиться туда диктаторъ. Самымъ простымъ средствомъ казалось произвести возстаніе. На этотъ случай были присланы въ неаполитанскую гавань три сардинскіе фрегата съ двумя батальонами сардинскихъ стрѣлковъ. При первомъ народномъ движеніи они должны были выйдти на берегъ и стать опорою національной гвардіи въ битвѣ съ неаполитанскими войсками. Натуральнымъ образомъ власть надъ городомъ оказалась бы въ рукахъ сардинскаго отряда, которому приписали бы всю честь побѣды и сами горожане, очень мало надѣявшіеся на собственную силу. Агенты Кавура образовали бы временное правительство, которое тотчасъ же отдалось бы въ распоряженіе туринскаго кабинета. Этотъ планъ возбудилъ тайную, но чрезвычайно сильную борьбу между предводителями двухъ партій, на которыя дѣлились и въ Неаполѣ, какъ повсюду, итальянскіе патріоты. Піэмонтская, или такъ называемая умѣренная партія, въ противность своему названію, возбуждала столицу къ постройкѣ баррикадъ. Крайняя партія, которую называютъ ея противники республиканской или маццинiевской, всѣми силами старалась удержать городъ отъ возстанія и поддержать спокойствіе. Успѣхъ былъ постоянно на ея сторонѣ, отчасти потому, что горожане очень боялись бомбардированія, казавшагося имъ неизбѣжною принадлежностью баррикадъ, отчасти, конечно, и потому, что она, дѣйствуя въ пользу Гарибальди, имѣла болѣе симпатіи въ массѣ. Борьба продолжалась до самаго пріѣзда Гарибальди въ Салерно; агенты Кавура отказались отъ надежды только тогда, когда узнали, что диктаторъ черезъ нѣсколько часовъ явится въ столицѣ. Но давно уже было видно, что усилія ихъ увлечь жителей столицы къ возстанію будутъ напрасны. Потому Кавуръ склонился на предложенія графа Сиракузскаго, видя въ его планѣ новый способъ не допустить Гарибальди до Неаполя. Графъ Сиракузскій надѣялся (и, говорятъ, получилъ обѣщаніе изъ Турина), что, въ благодарность за такую услугу, онъ будетъ назначенъ вице-королемъ южной Италіи. Планъ его состоялъ въ томъ, чтобы заставить Франциска немедленно уѣхать изъ Неаполя. Для этого онъ (около 22 августа) обнародовалъ письмо къ своему племяннику; въ самыхъ благозвучныхъ фразахъ онъ доказывалъ королю надоб-

ность какъ можно поскорѣе покинуть столицу; въ переводѣ эти фразы значили просто: «поскорѣе очищайте мнѣ мѣсто, любезнѣйшій родственникъ». Но письмо произвело на короля не то впечатлѣніе, какого ждалъ авторъ: король заговорилъ, что надобно наказать графа Сиракузскаго. Министры не согласились, — да и въ самомъ дѣлѣ, трудно было думать о наказаніи человѣка, говорившаго почтительнымъ тономъ то самое, что рѣзко говорилось всѣми на всѣхъ улицахъ. На массу письмо не произвело вовсе никакого впечатлѣнія. Графъ Сиракузскій уцѣлѣлъ и остался въ милости у сардинскаго кабинета, — больше онъ ничего не выигралъ, и сошелъ со сцены.

Покинутый своими родственниками, старавшимися вырвать у него власть, уже столь близкую къ совершенной погибели, Францискъ II все еще думалъ защищаться въ Неаполѣ. Съ этою цѣлью онъ назначилъ военнымъ комендантомъ столицы генерала Котруфіано, а командиромъ національной гвардіи князя Искителлу. Одинъ изъ нихъ долженъ былъ при вступленіи Гарибальди бомбардировать городъ, другой помѣшать національной гвардіи защищать народъ, на который нападутъ войска. Министры потребовали отставки обоихъ генераловъ. Король не согласился. Тогда министры подали въ отставку. Король не могъ принять ея, потому что она повела бы къ возстанію. Котруфіано былъ отставленъ, Искителла самъ подалъ въ отставку. На ихъ мѣста были назначены де-Соже и Вилья, которые ни въ какомъ случаѣ не рѣшились бы раззорять городъ или поднимать въ немъ рѣзню. Столица успокоилась, и странны были послѣдніе дни царствованія Франциска II: онъ былъ какъ будто чужой человѣкъ въ Неаполѣ, готовившемся встрѣчать Гарибальди. Мы представили извлеченіе изъ неаполитанской корреспонденціи Times'а за эти дни; очерки, ею представляемые, не требуютъ никакихъ поясненій.

Съ приближеніемъ Гарибальди къ Неаполю итальянскій вопросъ рѣшительно принялъ ту новую форму, которую раньше или позже долженъ былъ принять. Успѣхи волонтеровъ принудили Кавура выйдти изъ бездѣйствія. Сардинскія войска двинулись противъ папской арміи и всѣ газеты предсказываютъ теперь близость войны между итальянцами и австрійскимъ правительствомъ. Чтобы понять рѣшимость Кавура на такой опасный вызовъ, мы должны припомнить отношенія туринскаго кабинета къ итальянскому движенію съ самаго начала гарибальдіевской экспедиціи. Читателю извѣстно, что графъ Кавуръ всячески противился отплытію Гарибальди изъ Генуи. Препятствія, которыя онъ ставилъ экспедиціи, замедлили ее на нѣсколько дней и отняли у Гарибальди возможность взять съ собою бо-

лѣе 1,000 человѣкъ волонтеровъ, между тѣмъ какъ было готово ихъ къ отъѣзду тысячъ пять. Судя по выраженіямъ газетныхъ органовъ Кавура, надобно думать, что туринскій министръ надѣялся на неудачу Гарибальди и считалъ его разбитіе неаполитанцами за единственное спасеніе для Италіи отъ новаго подавленія австрійцами. Конечно, онъ полагалъ, что дѣйствуетъ какъ благоразумный патріотъ, когда и по отъѣздѣ Гарибальди мѣшалъ отправленію новыхъ экспедицій въ Сицилію. Но побѣда волонтеровъ при Калата-Фими усилила энтузіазмъ сѣверной Италіи до того, что Кавуръ принужденъ былъ уступить: мѣшать отправленію экспедицій изъ Генуи, значило бы возбуждать возстаніе въ Ломбардіи и Генуѣ. Онѣ отправлялись, но туринское правительство все-таки дѣлало множество мелкихъ затрудненій доктору Бертани, оставшемуся въ Генуѣ агентомъ Гарибальди по снаряженію экспедицій. По взятіи Палермо, оно стало дѣйствовать на Гарибальди, чтобы убѣдить его остановиться на этомъ первомъ успѣхѣ и не переносить войны на континентъ. Читатель помнитъ, съ какимъ крайнимъ усердіемъ хлопоталъ объ этомъ повѣренный Кавура въ Палермо, Ла-Фарина. Увидѣвъ непреклонность Гарибальди, Ла-Фарина не усомнился поднимать противъ него жителей Палермо; Гарибальди говоритъ, что Ла-Фарина ужè устроилъ противъ него заговоръ, хотѣлъ арестовать его, если онъ не сложитъ съ себя власти добровольно. Правдивость Гарибальди извѣстна и трудно сомнѣваться въ томъ, что Ла-Фарини дѣйствительно собирался прибѣгнуть къ насильственнымъ мѣрамъ противъ него. Заговорщикъ былъ предупрежденъ и высланъ назадъ въ Туринъ. Кавуръ выказалъ чрезвычайное раздраженіе, но, увидѣвъ, что все населеніе сѣверной Италіи приняло сторону Гарибальди въ этой ссорѣ, долженъ былъ перенести обиду. Дѣло было улажено разрѣшеніемъ отправиться въ Палермо для управленія дѣлами въ отсутствіе Гарибальди, Депретису — и Кавуръ возобновилъ свои настоянія, чтобы Гарибальди оставилъ въ покоѣ Неаполитанскія владѣнія на континентѣ. Какъ сильны были эти настоянія, видимъ изъ словъ самого Гарибальди: «я пойду въ Неаполь, хотя бы пришлось для этого сражаться съ сардинскимъ войскомъ». Разумѣется, и тутъ, какъ прежде, Кавуръ не могъ употребить военной силы, — сардинскіе губернаторы доносили, что народъ бросится на войска, если они будутъ двинуты противъ волонтеровъ; а командиры сардинскихъ войскъ доносили, что ни офицеры, ни солдаты не пойдутъ противъ волонтеровъ. Отправленіе экспедицій изъ Генуи въ Сицилію продолжалось по этой невозможности употребить противъ нихъ военную силу; но были придуманы средства сначала уменьшить приливъ волонтеровъ къ Гарибальди, а напослѣдокъ и остановить ихъ военной си-

лой. Было объявлено въ сардинскихъ владѣніяхъ, что молодые люди, желающіе служить національному дѣлу, должны составлять волонтерскіе отряды въ своихъ собственныхъ округахъ, что эти отряды, которые останутся дома, принесутъ отечеству въ минуту опасности гораздо больше пользы, чѣмъ люди, отправляющіеся въ Сицилію, гдѣ энтузіазмъ ихъ только навлечетъ на Италію новыя бѣдствія. Средство это было придумано очень ловко; но все-таки не удалось. Отряды волонтеровъ для домашней службы не формировались, и молодежь по прежнему шла къ Гарибальди. Гораздо дѣйствительнѣе оказалось другое средство: всѣ органы Кавура говорили, что Гарибальди служитъ орудіемъ мацдинистовъ, а Мацдини хочетъ не освобожденія Италіи отъ австрійцевъ, не ея соединенія, — нѣтъ, хочетъ только провозглашенія республики и въ Сициліи, и въ Неаполѣ, и въ самомъ Туринѣ. Такимъ образомъ Гарибальди былъ выставляемъ за человѣка, посредствомъ котораго Мацдини хочетъ низвергнуть Виктора-Эммануэля. Когда эти слухи о вліяніи Мацдини на Гарибальди и о намѣреніи Мацдини низвергнуть Виктора-Эммануэля были достаточно распространены, Кавуръ отважился поступить рѣшительнѣе прежняго: въ Генуѣ снаряжалась большая экспедиція для вторженія въ Папскую область одновременно съ тѣмъ, какъ Гарибальди высадится въ Калабріи. Министръ внутреннихъ дѣлъ Фарини, котораго Кавуръ часто заставлялъ въ послѣднее время дѣйствовать вмѣсто себя, потому что Фарини сохранилъ больше популярности, нежели онъ, пріѣхалъ въ Геную (въ началѣ августа) и объявилъ Бертани, что арестуетъ его и употребитъ военную силу противъ волонтеровъ, если они не откажутся отъ своего намѣренія. Бертани принужденъ былъ уступить; но оставить въ Генуѣ многочисленныхъ волонтеровъ, раздраженныхъ враждебными дѣйствіями противъ нихъ, показалось слишкомъ опасно, и чтобы сбыть ихъ съ рукъ отправили ихъ на островъ Сардинію, заставивъ и Бертани удалиться вмѣстѣ съ ними. Планъ дѣйствій, составленный Гарибальди, былъ на половину разрушенъ этимъ, и высадка его на континентъ замедлена. Читатель видѣлъ въ переведенныхъ нами письмахъ, что Бертани явился прямо къ Гарибальди, что экспедиція въ папскія владѣнія составлялась по плану Гарибальди, что Бертани и въ этомъ случаѣ, какъ во всѣхъ другихъ, былъ только агентомъ и повѣреннымъ Гарибальди. Но сардинскія газеты министерской партіи съ невѣроятною смѣлостью разглашали совершенно противное: онѣ говорили, что Бертани измѣнилъ Гарибальди, началъ дѣйствовать противъ него, что экспедиція, снаряжаемая Бертани противъ папскихъ войскъ, собственно потому и была устранена сардинскимъ министерствомъ, что должна

была послужить для Мацциви средством вырвать власть надъ итальянскимъ движеніемъ изъ рукъ Гарибальди. Органы Кавура доходили до того, что утверждали, будто бы Бертани, этотъ врагъ Гарибальди, вовсе не имѣлъ участія въ снаряженіи прежнихъ экспедицій, отправлявшихся въ Сицилію: Бертани только интриговалъ по внушеніямъ Мацциви, и волонтеры, отправлявшіеся въ Сицилію, не хотѣли имѣть съ нимъ никакого дѣла: ихъ набиралъ, вооружалъ и отправлялъ адвокатъ Крессини, о которомъ никто до тѣхъ поръ и не слышалъ. Этотъ открытый графомъ Кавуромъ великій двигатель экспедицій былъ въ дѣйствительности однимъ изъ многочисленныхъ второстепенныхъ агентовъ, находившихся въ распоряженіи Бертани.

Таковы были отношенія графа Кавура къ итальянскому движенію передъ высадкою Гарибальди на континентъ: онъ, сколько могъ, мѣшалъ движенію и находился во враждѣ съ Гарибальди. Вражда не прекратились и до послѣдняго времени; но неожиданные успѣхи національнаго движенія заставили Кавура измѣнить образъ дѣйствій. Когда обнаружилось, что Францискъ II скоро долженъ будетъ выѣхать изъ Неаполя, Кавуръ, какъ мы уже разсказывали, хотѣлъ занять эту столицу раньше Гарибальди и не допустить его туда. Мы говорили объ отправленіи сардинскихъ войскъ въ неаполитанскую гавань и о замыслѣ графа Сиракузскаго. Кромѣ этихъ способовъ не допустить Гарибальди до Неаполя, былъ употребленъ Кавуромъ въ дѣло еще третій способъ, котораго нельзя назвать благоразумнымъ съ его стороны. Изъ приближенныхъ падавшаго короля первые покинули Франциска тѣ люди, которые прежде утверждали его въ образѣ дѣйствій, бывшихъ причиною его паденія. Большая часть изъ нихъ удовлетворились, впрочемъ, тѣмъ, что бѣжали за-границу, покидая короля на произволъ судьбы. Но нашлись предатели еще менѣе совѣстливые. Изъ нихъ особенно отличился генералъ Нунціанте, бывшій прежде самымъ усерднымъ служителемъ реакціонныхъ мѣръ. Увидѣвъ, что счастье на сторонѣ Гарибальди, онъ поспѣшилъ въ Туринъ къ графу Кавуру, условился съ нимъ и, возвратившись въ Неаполитанскія владѣнія, издалъ прокламацію къ неаполитанской арміи, приглашая своихъ старыхъ товарищей по оружію собираться вокругъ него, генерала Нунціанте, ставшаго непримиримымъ противникомъ Франциска II и вѣрнымъ слугою Виктора-Эммануэля. Удивительно, до какой степени ослѣпленъ былъ графъ Кавуръ желаніемъ не допустить Гарибальди до Неаполя: какъ могъ онъ забыть, что предатели, подобные Нунціанте, бываютъ слишкомъ опасными сообщниками? Если бы Нунціанте удалось, при помощи Кавура, захватить власть въ Неаполѣ, онъ, конечно, первою своею заботою поставилъ бы погубить графа Кавура со

всѣми, безъ различія, патріотами и кавуровской и мацциніевской партіи. Но и это дѣло не удалось. Для тѣхъ изъ неаполитанскихъ солдатъ, которые хотѣли перейти на сторону патріотовъ, выборъ между Нунціанте и Гарибальди не могъ быть сомнителенъ. Какъ могъ не предвидѣть Кавуръ и этого, какъ не предугадалъ онъ, что сношеніями съ Нунціанте онъ навлекаетъ на себя порицаніе, безъ всякой возможности выигрыша?

Но должно отдать Кавуру ту справедливость, что онъ выказалъ наконецъ себя человѣкомъ разсчетливымъ, когда увидѣлъ неудачу всѣхъ своихъ попытовъ дѣйствовать мелкими интригами. Онъ понялъ наконецъ, что единственное средство бороться съ Гарибальди и радикалами, представителемъ которыхъ служитъ Гарибальди, состоитъ въ томъ, чтобы самому приняться за дѣло, дающее имъ власть надъ націею. Народное движеніе оказалось неудержимымъ, въ противность прежнимъ усиліямъ Кавура удержать его. Еще нѣсколько недѣль, и общественное мнѣніе передало бы управленіе дѣлами въ сѣверной Италіи предводителю волонтеровъ и людямъ, мнѣнія которыхъ онъ раздѣляетъ. Чтобы удержать власть, Кавуру надобно было самому стать въ главѣ движенія, и онъ сдѣлалъ это.

По обыкновенію, мы не беремъ на себя труда разбирать, на чьей сторонѣ должно быть сочувствіе читателя, кто правъ, Францискъ II, Пій IX, Викторъ-Эммануэль, императоръ Наполеонъ или императоръ Францъ Іосифъ,—Рехбергъ, Антонелли, Кавуръ, или Маццини и Гарибальди, — мы предоставляемъ самому читателю разсуждать, чьи принципы полезнѣе. Если иногда мы и дѣлаемъ какія нибудь сужденія о дѣйствіяхъ той или другой партіи, того или другаго политическаго лица, то единственно лишь съ точки зрѣнія разсчетливости этихъ дѣйствій, пригодности ихъ для той цѣли, какую имѣютъ въ виду люди ихъ совершающіе, а вовсе не съ той точки зрѣнія, хороша или дурна сама эта цѣль. Такъ и теперь мы вовсе не хотимъ судить о томъ, хорошо или дурно само по себѣ дѣло, однимъ изъ представителей котораго служитъ Кавуръ,—дѣло низверженія прежняго порядка въ Италіи для доставленія политическаго единства итальянской націи; мы говоримъ только, что онъ понялъ наконецъ, какимъ единственнымъ способомъ можетъ онъ вырвать веденіе этого дѣла изъ рукъ Гарибальди; а когда понялъ потребности своего положенія, то сталъ дѣйствовать очень быстро и разсчетливо. Фарини былъ посланъ къ императору французовъ, путешествовавшему по новопріобрѣтеннымъ отъ Сардиніи областямъ, объяснить причины, заставляющія туринское правительство послать войска на поддержку національнаго движенія. Гарибальди — предводитель революціонныхъ силъ; если оставить національное движеніе безъ другихъ руководителей, оно, овладѣвъ Неаполемъ, устремится на Римъ, и французы

должны будутъ отправиться оттуда на родину или сражаться противъ итальянцевъ. То и другое несообразно съ намѣреніями императора французовъ; итакъ, онъ долженъ разрѣшить Кавура стать во главѣ движенія, чтобы связать руки Гарибальди. Въ этомъ состояла сущность соображеній, такъ или иначе изложенныхъ Фарини императору французовъ. Мы не знаемъ, въ какихъ именно словахъ отвѣчалъ Наполеонъ III; но сущность отвѣта обнаруживается ходомъ дѣлъ. Разрѣшеніе вѣроятно было дано, съ условіемъ, чтобы остались неприкосновенны Римъ и его окрестности.

Тотчасъ же по возвращеніи Фарини въ Туринъ были приняты мѣры, чтобы сардинскія войска могли по первому знаку вступить въ папскія владѣнія. Читатель знаетъ общій ходъ слѣдовавшихъ за тѣмъ событій. Съ приближеніемъ Гарибальди къ Неаполю начались возстанія въ тѣхъ городахъ папскихъ владѣній, гдѣ не было войскъ Ламорисьера. Инсургенты послали просить покровительства у Виктора-Эммануила; онъ принялъ ихъ подъ свою защиту, и два корпуса сардинскихъ войскъ быстро двинулись на Ламорисьера, — одинъ, подъ командою Чальдини, по восточному берегу на Анкону; другой по долинѣ Тибра, подъ командою Фанти. Они втрое превосходили числомъ тѣ силы, которыми располагалъ Ламорисьеръ, и борьба не могла быть продолжительна, особенно если принять въ соображеніе, что Ламорисьеръ не могъ истребить ни воровства подрядчиковъ, поставщиковъ и самихъ командировъ, ни буйства солдатъ, набранныхъ большею частью изъ самыхъ дурныхъ людей цѣлой Европы; онъ не могъ быть побѣдителемъ, но все таки могъ нѣсколько замедлить развязку. Онъ распорядился такъ дурно, что потерялъ всю свою военную репутацію. Нѣсколько отрядовъ его были захвачены врасплохъ, самъ онъ былъ отрѣзанъ отъ Анконы, которая должна была служить ему операціоннымъ базисомъ, и когда бросился пробиваться къ ней, былъ разбитъ на голову, опрометчиво атаковавъ непріятеля, стоявшаго въ слишкомъ крѣпкой позиціи. Черезъ пять или шесть дней по открытіи военныхъ дѣйствій, папскія войска остались только уже за стѣнами Анконы, которая не можетъ долго держаться, будучи окружена съ суши и съ моря. Все это извѣстно читателю; а связныхъ и подробныхъ извѣстій мы еще не имѣемъ въ ту минуту, когда пишемъ это. Точно также не можемъ еще мы представить связнаго разсказа о распоряженіяхъ Гарибальди въ Неаполѣ, о битвѣ, которую имѣлъ онъ у Капуи съ неаполитанскими войсками, и о томъ, въ какое отношеніе сталъ онъ къ туринскому правительству по занятіи Неаполя и по открытіи войны между Сардиніею и папою. Отлагая разсказъ объ этихъ дѣлахъ до слѣдующаго мѣсяца, мы скажемъ лишь нѣсколько словъ о различ-

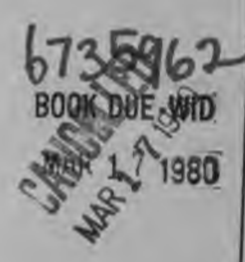
ныхъ шансахъ развязки, къ которой быстро идетъ итальянскій вопросъ.

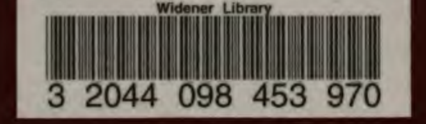
Если Кавуръ долго мѣшалъ національному движенію, онъ поступалъ такъ, разумѣется, не по недостатку патріотизма, — нѣтъ; при всемъ нашемъ нерасположеніи превозносить его до облаковъ, мы не можемъ отказать ему въ этомъ чувствѣ. Онъ просто боялся, что движеніе, до сихъ поръ увѣнчававшееся такимъ успѣхомъ, приведетъ Италію къ потерѣ всего, пріобрѣтеннаго ею. Онъ со всею умѣренною партіею боялся, что императоръ французовъ дозволитъ австрійцамъ воспользоваться экспедиціею Гарибальди для объявленія войны Виктору-Эммануэлю, и находилъ, что Италія не можетъ выдержать одна борьбу съ ними и будетъ подавлена. Дѣйствительно, при томъ способѣ войны, котораго должна держаться умѣренная партія, побѣда австрійцевъ едва ли подлежала бы сомнѣнію.

Если Гарибальди не боится австрійцевъ, то лишь потому, что онъ разсчитываетъ вести войну иначе, имѣетъ союзниковъ, съ которыми не можетъ сойтись Кавуръ, отъ помощи которыхъ отказался бы Кавуръ, еслибъ они и захотѣли имѣть съ нимъ дѣло. Гарибальди думаетъ не отбивать Венецію у австрійской державы, неприкосновенно остающейся во владѣніи другими своими областями, — нѣтъ, онъ разсчитываетъ на возстаніе Венгріи, которое послужитъ сигналомъ другихъ переворотовъ, такъ что не останется австрійскихъ войскъ противъ него въ Венеціи. Точно также онъ думаетъ, что и Римомъ овладѣетъ не посредствомъ битвы съ французами,—нѣтъ, онъ полагаетъ, что французы уйдутъ изъ Рима, если потребуетъ того вся Италія; онъ полагаетъ, что общественное мнѣніе самой Франціи исполнитъ эту часть дѣла.

Кавуръ не хочетъ революцій ни въ Венгріи, ни гдѣ бы то ни было, и не полагаетъ, чтобы Франція не допустила своихъ солдатъ до битвъ съ итальянцами.

Много оскорбленій наносилъ Кавуръ Гарибальди до взятія Палермо; но напрасно было бы приписывать нынѣшнюю вражду между ними личнымъ непріятностямъ, — это вражда двухъ партій, изъ которыхъ одна полагаетъ, что для созданія итальянскаго единства и величія надобно дѣйствовать революціоннымъ путемъ, другая надѣется держаться только съ разрѣшенія императора французовъ, только въ предѣлахъ, допускаемыхъ имъ. Которая изъ нихъ одержитъ верхъ въ Италіи, мы увидимъ очень скоро.—2 октября (20 сентября) соберется парламентъ королевства сѣверной Италіи, и его преніями разъяснится дѣло.


6735962
BOOK DUE WID
MAR 1 1980


Widener Library
3 2044 098 453 970